

Иван Светуњков

Содержание

Главный герой о себе.....	8
Подарок студенту.....	9
Первая сессия.....	11
Внутренний измеритель.....	15
Поход с группой.....	17
РОМАЛЛИКА.....	20
Глушитель боли.....	23
Медведь.....	25
Йога сновидений.....	27
Друзья навсегда.....	29
Столовка.....	31
Новый преподаватель.....	33
Агата.....	35
Вафли.....	37
Неожиданная встреча.....	40
Расставание с Анжелой.....	42
Лисий нос.....	45
Ты спишь?.....	47
Рыбалка.....	50
Игра взглядов.....	52
Провалившееся собеседование.....	56
Тёмная сторона комфорта.....	59
Вторая половина пустоты.....	61
Объективная реальность.....	64
Летний сад.....	67
Первый подзатыльник.....	70
Эзотерика для домохозяек.....	73
Музыкант в метро.....	79
Дагни.....	81
Чистый душой.....	84
Первая репетиция.....	86
Арендатор — шпион Дона Хуана.....	92

В поисках Дагни.....	94
Практическая эзотерика.....	96
Вторая репетиция.....	98
Фиолетовый шарф.....	102
Пластилин.....	104
Пропаганда.....	108
Роза мира.....	111
Первые ростки.....	113
Игра.....	115
Линия жизни.....	118
Скованные одной цепью.....	120
Поход в кино.....	123
Записки.....	126
«.» — это религия.....	128
Махинации.....	131
Работа Дагни.....	132
Скрытые знания.....	135
Сайт для Игоря.....	137
Неосознанное сновидение.....	142
Мистическая книга.....	146
Птичий щебет.....	150
«.» собирается.....	152
Новая жизнь.....	158
Годовщина.....	161
Потеря энергии.....	164
Прорыв.....	167
Художник.....	171
Марионетки.....	173
Движение к краю пропасти.....	177
Кровавые деньги.....	179
Взгляд назад.....	183
Начало руководства.....	185
Портрет акварелью.....	188
Ученик конструктора.....	189
Логотипы.....	193

Шедевр.....	195
Сумасшествие.....	199
Последняя репетиция.....	202
Выбор имени.....	205
Пустота.....	207
Два Кирилла.....	211
Легенда о создателе.....	215
Самостоятельность.....	218
Бродяга.....	221
Фонтан желаний.....	225
Запуск.....	228
Пробуждение.....	231
Жёлтые листочки.....	232
Волшебное действие валерьянки.....	234
Элла.....	239
Странные сновидения.....	241
О том, как найти парковочное место.....	246
Американские горки.....	249
Когда меня не будет.....	253
Полёты наяву.....	255
Дорога домой.....	261
Сюрприз.....	264
Передышка.....	267
Неожиданность.....	270
Скандальная публикация.....	275
Адам и Элла.....	278
Мелкие проблемы.....	279
Тёмная сторона Дагни.....	285
Перепросмотр.....	290
Испытание.....	293
На допросе.....	300
22:44.....	302
Ноль.....	307
В заточении.....	310
Болванка.....	312

Спаситель.....	314
Продолжение обучения.....	316
Робот.....	321
Владимир Алексеевич.....	328
В отчаянии.....	331
Дистанционное управление.....	333
Глыбы.....	338
Столкновение лбами.....	343
Мир драконов.....	348
Тестовая линия.....	354
Возвращение.....	359
Неожиданная откровенность.....	362
Встреча со Стеллой.....	366
Путь конструктора.....	368
Тридцать минут.....	369
Прозрачный человек.....	377
Музыка души.....	384
Место в мире.....	386
Новые обстоятельства.....	389
Смена убежища.....	393
Искусство сновидения.....	396
Вороны.....	398
Будь со мной.....	400
Хитрые манипуляции.....	402
Подполье.....	408
Обед со Стеллой.....	413
Параноидальная шизофрения.....	416
Общественный приговор.....	419
Разговор с Боссом.....	430
Карлсон.....	433
Бесцельная жизнь.....	435
Привычный уклад.....	438
В поисках темы.....	441
В чужом сознании.....	443
Проблема Сергея.....	464

Новая команда.....	466
Ворох мыслей.....	469
Хомячки.....	473
Красный огонь.....	476
Нули и единицы.....	479
Начало пунктирной линии.....	483
Побег.....	486
Виски со льдом.....	491
Вагоны Пемолюкса.....	494
Удар по самолюбию.....	496
Стазис.....	502
Кукольник.....	509
Разбитое сердце.....	522
Подстава.....	525
В погоне за Дагни.....	527
Дар Кукольника.....	531
Несвоевременный звонок.....	533
Потерянный портрет.....	535
Диалог на крыше.....	537
Точечный отстрел.....	540
Качели.....	547
Разговор с «самим».....	549
Невидимые нити.....	553
Проблема с красками.....	554
Лабиринт.....	557
Встреча на кухне.....	566
Муха.....	570
Улей.....	573
Секрет бессмертия.....	579
Секрет смертности.....	583
Секрет простых чисел.....	589
Доктор Меньшов.....	592
Выход в астрал.....	594
Новогодний корпоратив.....	602
Двойная ловушка.....	605

Организация, запрещённая на территории РФ.....	609
Сон перед концом света.....	611
Чай с жасмином.....	614
Точки над «і».....	619
Последняя задача.....	622
Последняя «.».....	624
Многоточие.....	627

Главный герой о себе

Где я родился, на ком женился, где учился и прочее никому абсолютно не интересно. Всё это было, но совершенно неважно и ненужно. Говорят, что когда-то меня не было, но с точностью утверждать этого я бы не стал — так как у меня нет неопровержимых доказательств. Говорят, что родился я 01.04.1985. Ну, и пусть говорят. Я считаю, что я родился 01.01.01. В моём году 25 месяцев, а в месяце – 20 дней. Такой у меня календарь. Мне нравится. Мне удобно. И сейчас у нас на дворе 15.19.21.

Говорят, что я когда-нибудь умру, но в этом суждении я был бы осторожен, так как все эти «когда-нибудь» слишком отдают неопределённостью и безалаберностью. Типа: «это будет в далёком будущем». Но я же не бессмертен! Я могу умереть уже даже через минуту, когда произнесу ещё пару слов! А могу и раньше. В этом мире нет никакой гарантии того, что я проживу далее этой строчки. Умру и даже не узнаю об этом... С другой стороны, я никогда не умирал, поэтому не могу точно сказать, что умру. Другие обычно так делают, а будет ли так же со мной – не могу сказать со стопроцентной уверенностью.

Впрочем, ладно. Хоть это и не имеет никакого смысла, я немного расскажу о себе. Метр семьдесят три. Шестьдесят пять килограмм. Брюнет. Карие. Слегка приплюснутый. Полноватые. Прижатые. Среднее телосложение. Не женат. Меланхолик. Интраверт. Пессимист. Социопат. Романтик.

Имею, как и любой другой человек на Земле, определённую пустоту где-то внутри, такую зияющую дыру в душе... – она даёт чувство одиночества и ложные мысли о том, что это одиночество можно избежать, заткнув пустоту «близким» человеком (самочкой или самцом). Обычно люди ищут, выбирают себе того, кто подошёл бы, затыкают им дырку и смотрят, хорошо ли подходит. Кто-то из выбранных оказывается меньше дырки (болтается), кто-то – больше (не влезает до конца)... Так, чтобы человек подошёл идеально практически не бывает. К тому же, эта штука ещё и меняется во времени, так что человек, который подходил хорошо в прошлом, в настоящем уже сидит плохо – усох и болтается или раздулся и причиняет боль. Иногда требуются годы для того, чтобы понять, что человек дырку не закрывает, что человек в общем-то не подходит...

Так и я длительное время подыскивал себе женщину, которая смогла бы закрыть дыру в душе... Так на эту роль претендовали: Ксения, Ксения, Наталья, Людмила, Инга, Ольга, Алина, Дарья, Екатерина, Елена, Анна, Анжелика, Юлия и даже Стелла. К слову, этот список неполон. Однако, как и можно было ожидать, ни одна из них дырку удачно заткнуть не смогла... Вернее, была одна, но она пропала...

Долгое время я жил в одном из небольших Российских городков, который, пожалуй, здесь не буду называть. По наступлению совершеннолетия, переехал в один из крупнейших Российских городов, который здесь я, пожалуй, буду просто называть «Питер». В Питере у меня появились друзья, имена которых также не важны, и которых можно просто назвать «Друг 1», «Друг 2» и «Друг 3». Их теперь нет. Ни одного. Остался я один, и у меня нет иного выбора, кроме как дойти до конца...

Последняя моя собственная квартира была из «Икеа», «Tephal», «Philips», «LG», «Bosch», «Becco», «Xerox», «Microlab», «Sharp», «Fairy», «Domestos», «Dell», «Intel», «АТІ», «Logitech» и «Siemens». Не густо, конечно, но это всё были мои вещи и моя квартира, моя крепость, моя территория! А, может, это всё было не моё? У меня иногда складывается такое ощущение, что это кто-то другой владел всеми этими бесполезными вещами. Впрочем, это было так давно, и с тех пор столько всего произошло...

Я пожертвовал всеми ими и всем этим ради своей цели! Да, мне пришлось пойти против совести, но, кажется, у меня не было другого выбора. По крайней мере, мне хочется в это верить. Я стараюсь отгонять от себя все посторонние мысли, как белый шум, мешающий моему движению вперёд по пути.

Иногда в мою душу вкрадываются сомнения, и я думаю, не привиделось ли мне всё это? Может быть, я – это всего лишь пациент Мэтью психиатрической больницы? Или же я – это всего лишь фантазия скучающего писателя, записывающего свои мысли исключительно в периоды депрессии? А, может, я — это человек, читающий сейчас этот текст?.. Я стараюсь отгонять от себя эти мысли. Они, конечно, естественны в моём положении, но по природе своей контрпродуктивны.

Иногда я думаю о том, что во всём виноват Кирилл. До его появления в моей жизни, всё было спокойно и размеренно, и даже что-то начало получаться по жизни. Были мелкие проблемы, но у кого их нет? Пожалуй, если бы ни он, я бы сейчас жил, как жил, и ни о чём бы таком даже и не задумывался.

Кто такой Кирилл? Этот вопрос я себе задавал достаточно часто. Но точный ответ на него я не могу подобрать даже сейчас. Кажется, он был моим другом. Кажется, он был моим учителем. Кажется, он был моим врагом. Кирилл был для меня всем и ничем. Удивительно, сколько в себе может совмещать один человек!

Ну, да чёрт с ним! Что было, то было.

Сейчас, когда я сижу на краю обрыва, свесив ноги, глядя в даль, совсем один, и перепросматриваю оставшиеся кусочки своей жизни, готовясь к последнему сбору, последнему прыжку, я вижу насколько наивными и детскими были мои устремления и желания в начале пути. Да, конечно, у меня до сих пор нет уверенности в том, что всё получится, и я достигну именно той цели, о которой мне говорили, но есть только один способ проверить.

А для этого мне надо перепросмотреть подробно всё, что осталось нетронутым.

Что ж, приступим?

Подарок студенту

Рома

Когда мне было семнадцать, я поступил в вуз в Санкт-Петербурге на экономический факультет. За то, что я сделал это самостоятельно, не трепля никому нервы и достаточно безболезненно, родители сделали мне подарок, о котором не хотели, правда, длительное время говорить, мол «поедем в Питер тебя устраивать, увидишь». Сами мы, к слову, не местные — из Нефтеюганска, родители там, вроде бы, и сейчас работают и зарабатывают достаточно прилично. Впрочем, где это теперь находится, в какой стране, на какой планете — я даже и не знаю. Всё перемешалось, все потерялись.

Я приехал в Санкт-Петербург с родителями 28 августа. Прямоком из аэропорта Пулково с большими сумками и чемоданами мы поехали на такси до Дрезденской улицы, вход во дворы, затем — во второй подъезд стандартного блочного дома. Четвёртый этаж, металлическая дверь с покосившимся номером «39».

Папа с важным видом достал ключи.

- Это вы арендовали? - с недоверием спросил я. Конечно, всё очень подозрительно выглядело, но загадывать преждевременно не хотелось. А родители всё это время напускали туману, мол поживёшь в общежитии, а там посмотрим...

– Почти, - по-деловому ответил папа и открыл дверь.

За дверью, оказывается, скрывалась двухкомнатная квартира, площадью метров под 60. Я был поражён.

– Это тебе, сынок, за успешное поступление, - прокомментировал папа. - Учись хорошо!

– Ого! - воскликнул я, - Ничего себе! Моя собственная квартира?! Да ещё и двухкомнатная?!

– Ну, мы с папой подумали, что тебе всё равно тут ещё семью заводить, детей... - скромно добавила мама.

Я качаю головой. Ну, какая к чёрту семья в моём возрасте?! А тем более — дети! Но родители, кажется, уже всё распланировали за меня... Вуз, работа, семья, дети... Жаль, что я их планы не особенно поддерживал.

В квартире сделан простенький ремонт — постелен новый линолеум и оклеены обои. Светильники, диваны и всяческие шкафы явно достались от предыдущих жильцов.

– Как видишь, мы тут сделали простенький ремонт, - тут же прокомментировал папа. - Обои поклеили, да линолеум постелили новый...

– А уж мебель, светильники и всяческие шкафы достались от предыдущих жильцов, - скромно добавила мама. - Но ты тут обживёшься, и сам уже решишь, что менять, что покупать.

– Спасибо большущее! Вот это подарок, так подарок! - поразился я.

– Только одна просьба, сынок, - строго посмотрел на меня папа. - Конечно же, это твоя квартира, тебе решать, но будь осторожен в том, кого водишь сюда! И не шуми сильно. Зачем привлекать к себе лишнее внимание соседей?!

Я кивнул, не особо понимая, что папа имел в виду.

Первая ночь в Питере, в новой квартире, оказалась очень странной. Не знаю, чем это было вызвано: то ли переездом, то ли в квартире водилась какая-то нечисть... Со мной такого до этого не было ни разу...

Я спал. Я видел сон. Но сон этот был такой чёткий и такой настоящий, что я поверил в него до самой глубины души. Я сидел в баре в какой-то тропической стране, только что выпив какой-то очень странный противный напиток. От него меня мутило и переворачивало. Реальность как будто расслоилась и не хотела собираться воедино. Мне было тяжело двинуться, не говоря уже о том, чтобы вздохнуть. Рядом сидел коротко стриженный блондин с карими глазами, маленькими губами, невзрачным носом и острым подбородком. Он мне задавал какие-то непонятные вопросы, глядя куда-то вперёд.

– Мэтью, ты знаешь, что ты пятый? - спрашивал он спокойным голосом.

Я не видел, как он задавал вопрос и шевелились ли его губы при этом, но я знал, что это он спрашивает.

– Да, конечно, знаю, - отвечал я. - Это же очевидно!

– Тогда ты должен знать, что значат все остальные и зачем они. Что это? Почему это? Кто это?

- А это уже очевидно глупые вопросы, - отвечал я. - Я не знаю ничего о других, да и как я могу знать? Но то, что я пятый мне стало очевидно ещё в детстве.

Парень вздохнул и сказал:

- Тогда мне нужна твоя помощь. Без тебя я не справлюсь со своим заданием.
- Какое ещё к чёрту задание? Я спать хочу, а ты тут со своим заданием, - проворчал я в ответ.
- Не отвлекайся. Соберись и представь сейчас себя в нескольких образах, как будто на сцене в театре. Что первое приходит в голову?

Препо-философ, помощник номенклатурщика, рыцарь в доспехах, растерянный космонавт, взрослый мальчик, грязный коп, усталый бомж, романтичный интернетчик, сломанный номенклатурщик, потрясающая блондинка, солдат-супермен, бессовестный чиновник, доброжелательный басист, кукловод, банкир-аналитик, коллективный мозг, Адам и Элла...

- Отлично! - улыбнулся парень. - С этим можно поработать. Как только мы всё это соберём, то мы с тобой сможем выйти на 40.
- Не надо на 40! - взмолился я. - Это неправильно!

Мне стало очень страшно и не по себе, как будто часть меня запаниковала от мысли об этом числе. Что-то в нём было совершенно неправильное и пустое.

- 40? Ни в коем случае! Никогда, - запричитал я. - Только не это, пожалуйста!

Я проснулся в своей кровати посреди ночи, на глазах у меня собирались слёзы. Мне было страшно и не по себе.

Я огляделся по сторонам. На часах было четыре. В комнате было темно. Из соседней комнаты, через стену, раздавался мерный папин храп.

Что за идиотский сон?! Что такое пять? Что такое 40?! К чему все эти перечисления образов, да и кто этот парень?!

Я помотал головой, пытаясь стряхнуть с волос это наваждение, повернулся на левый бок, спиной к стене, положив руку под подушку, и стал пытаться не думать об этом странном сне. Перед глазами стояло число сорок, хотя мне не было ясно, с какой стати оно может вызвать во мне такой прилив паники. Закрывать глаза и снова засыпать было несколько страшновато — а, вдруг, я опять попаду в этот сон? Быть в своём сознании мне нравилось больше... Однако бодрствовать до утра мне не хотелось, да и дел на завтра было много, так что уже минут пять спустя я набрался храбрости и постарался отогнать от себя любые хмурые мысли. Я пытался увидеть какой-нибудь солнечный, приятный сон. Что-нибудь доброе и не депрессивное. И сон пришёл ко мне.

Первая сессия

Игорь, Рома

Для того, чтобы поступить в вуз, нам пришлось дать взятку одному из преподавателей в комиссии. Точнее это мать моя дала взятку. Комиссия уже была готова меня завалить по математике — они дали всем своим видом понять, что просто так псковские абитуриенты на экономический факультет в их вуз не поступают. Однако мать, как оказалось, была готова к такому повороту и, выждав нужный момент, отвела одного из членов комиссии, покидающего аудиторию, в сторону. Они о чём-то поговорили, он пожал плечами, взял

незаметно деньги, кивнул и удалился. Через несколько дней мы нашли мою фамилию в списках зачисленных на бюджетное отделение.

Я поселился в общежитии, так как денег на съём квартиры у нашей семьи не было — отец бросил нас, когда мне было ещё года три, поэтому единственной кормилицей у меня всю жизнь была мать, работающая кассиром в супермаркете «Шмель», будучи по профессии авиаконструктором. Времени на меня у неё никогда не было с самого детства, поэтому я был сам за себя. Возможно, из-за этого же во мне рано проснулась предпринимательская жилка — в школе я продавал своим одноклассникам пластинки жвачки Орбит, покупая заранее блоки в ларьке, недалеко от дома. В университете я приторговывал всяким шмотом, добытым на Апрашке по бросовым ценам, потому что денег, которые посылала мать хватало только на комнату в общежитии, да на еду, и то впритык.

Я достаточно быстро усвоил правила игры в университете. Не обязательно было ходить на все лекции и делать все задания — важно было прочитать конспект перед экзаменом, потом правильно списать и рассказать преподавателю, глядя в глаза. Да, и все эти угрозы об отчислении из-за прогулов оказались пустышкой — мне об этом рассказала одна из методисток на нашей кафедре, молоденькая аспиранточка Ксюша. Как оказалось, отчислить студента в Финэке было сложнее, чем просто написать «зач.» или «удвл.» в его зачётной книжке.

В общем, первая экзаменационная пора у меня прошла успешно, без троек. И по случаю сдачи первой сессии, мы всей группой решили сходить в бар. Изрядно выпив, один из моих одноклассников, с которым я до того не особенно общался, ботан Рома, разошёлся, расхрабрился, почувствовал себя рубахой парнем и пригласил всех на «афтепати» у себя на квартире. Добралась, правда, только самые стойкие, в числе которых были блондинка Ксюша со своей подружкой брюнеткой Наташей, наша отличница Люда, которая, кажется, запала на Рому, и ещё трое наших одноклассников: Коля, Гриша и Витя. В общем, парней оказалось чуть более, чем нужно, девушек — чуть менее, зато выпивки было в самый раз.

Из-за превышения спроса над предложением, за Ксюшей помимо меня увязался ещё и этот баран Витя. Сам из себя невысокий, несильный, щупленький и прыщавый. В общем, шансов у него не было никаких по определению, тем не менее он всячески пытался ухаживать за ней, подливал ей Мартини, плоско шутил и вгонял в краску. Я в свою очередь старался шутить более изысканно, пытаюсь перехватывать инициативу и подливал ей шампанское. В какой-то момент я решил, что пора переходить в наступление и оставить Витю позади: я пригласил Ксюшу танцевать, а она в свою очередь, конечно же, не смогла мне отказать. Однако Витя был упёртым бараном, намёков не понимал и отступать не хотел. Посередине танца он подошёл к нам и попытался отбить Ксюшу. Я, будучи в храбром настроении духа и под действием водки, предложил ему выйти покурить.

- Витёк, ты русского языка не понимаешь? Говорю же тебе, отвянь! - затягиваясь резко сказал я.
- Не, Игорёк, это ты меня пойми: ты в пролёте! - прокартавил он в ответ, дерзко глядя в мою сторону.

В общем, слово за слово, Витя получил в лицо, был посрамлён и отправлен домой. Я вышел победителем.

Время незаметно для всех приблизилось к критической отметке, когда метро готовится к закрытию, и нужно было срочно решать, что делать. Коля, Гриша и Люда, не найдя утешения ни друг в друге, ни в алкоголе, решили отправиться домой. Наташа уже

собиралась оставаться на ночь, а Рома пытался уговорить остаться за компанию ещё кого-нибудь. Я был не против. Склонить к этому Ксюшу не составило труда — она была девушкой компанейской, а то, что её подруга уже решила остаться, оказалось дополнительным аргументом. К тому же, у нас что-то завязывалось, и ей, судя по всему, так же, как и мне было интересно узнать, что же это и к чему приведёт.

Когда все ушли, мы недолго посидели за общим столом, после чего изобразили усталость и разошлись по комнатам.

- Игорь, я и не думала, что ты такой заводной, - хихикая комментировала Ксюша то, как я её зацеловывал. - Что ты делаешь? - с деланным возмущением комментировала она то, как я быстро снимал с неё кофточку и расстёгивал лифчик, но сама явно хотела того же самого, чего и я.

За лифчиком через поцелуи её плечика, груди и животика, последовали джинсы.

Дыхание участилось и у меня, и у неё, губы периодически сливались в жарких поцелуях. Она запускала пальцы в мои волосы, а я целовал, облизывал и покусывал её везде, где только мог.

Сам акт соития длился недолго и особого интереса не представлял, несмотря на сильное возбуждение с обеих сторон. Интерес, скорее представляла прелюдия и ожидания акта. После содеянного Ксюша довольная заснула у меня на плече. Я же заснуть никак не мог — всё было не сомкнуть глаз. Такое ощущение, что сама комната не хотела, чтобы я спал. Когда моё плечо затекло, я осторожно перевернул Ксюшу на другой бок, а сам тихо уполз с кровати. Она спала крепко, даже тихо посапывала, так что на моё исчезновение не обратила внимание.

Я направился на кухню, чтобы что-нибудь перехватить и развеяться, надеясь на то, что подобная прогулка поможет мне развеяться и подойти поближе к моменту засыпания. Не включая свет, я подобрался к холодильнику и принялся изучать его внутренности. Там была вчерашняя недоеденная пицца и апельсиновый сок. В остальном холодильник интереса не представлял.

Я достал пиццу, сок, уселся за стол и принялся их уничтожать прямо так, холодными. Как раз, когда я уговорил первый кусочек, раздался щелчок двери из Роминой комнаты. Через несколько секунд он вошёл на кухню.

- Чего без света сидишь? - спросил он меня, несколько удивившись моему присутствию.
- Темнота — друг молодёжи, - заявил я, жуя пиццу.

Рома хмыкнул, подошёл к шкафчику, висящему слева от холодильника, и достал оттуда начатую бутылку Масандровского портвейна. Затем — тарелку и два бокала. Поставил тарелку мне со словами «так удобней», потом сел напротив меня, открыл бутылку и разлил.

- За что пьём? - спросил я.
- За сессию? - спросил Рома.
- Скучно, - поморщился я.
- Тогда за любовь? - предложил Рома.
- Банально, - возразил я.

– Ну, ты предложи, что ли тогда? - быстро сдался Рома.

Я поковырялся языком в зубах, взял свою пятисекундную паузу на раздумья, после чего предложил:

– За новые открытия.

Мы чокнулись и выпили.

– А что за открытия? - спросил Рома, поставив бокал на стол.

– Ну, я для себя открыл тебя и твою квартиру, например, - ухмыльнулся я.

– Гениальное открытие! - фыркнул Рома.

– Не, я серьёзно... Мы с тобой почти не общались в группе, а тут вместе сидим ночью у тебя на кухне и пьём портвейн, причём надо заметить, хороший портвейн на хорошей кухне.

– Ну, портвейн действительно приятный, - нехотя согласился Рома. - Но кухня, конечно, так себе.

– Всяко лучше, чем у нас в общежитии, - обрзал я, поглощая очередной кусок пиццы. - Ты, кстати, угощайся, ни в чём себе не отказывай, - показал я Роме кивком головы в сторону пиццы.

– Нет, спасибо, - улыбнулся он. - Я не голоден. А я что-то даже забыл, что ты в общежитии живёшь. И каково это?

– Приезжай — покажу, - ухмыльнулся я в ответ. - Ничего особенного, только места своего очень мало, нет своего пространства.

Рома погрузился.

– Да ты не куксись, это ж нормально: у одного есть всё, у другого нет ничего. Жизнь она такая... справедливая. Если кому-то не додала, значит у неё есть планы на будущее относительно этого человека.

– Да ты философ, как я погляжу!

– Есть немного... Но вот увидишь, как вуз закончу, устроюсь в банк, стану зарубать бешеные бабки, куплю себе квартиру, и заживу. Что мне твой портвейн будет... Эх, разойдусь!

Рома только грустно улыбнулся.

– Ты только не пойми меня неправильно, портвейн действительно хорош. Но я предпочитаю виски, - заявил я.

– А у тебя губа не дура! И какой виски предпочитаешь? «Вайт Хорс» или «Джек Дэниелс»?

Не знаю, серьёзно он это говорил или нет, но я возмутился.

– Ты это пойло называешь благородным словом «виски»?! Я предпочитаю «Маккалан» и «Хайлэнд парк». И то это самые простые и дешёвые предпочитаемые сорта!

– Я даже таких названий не знаю, - удивился Рома. - А ты откуда знаешь? Пробовал?

Я отложил оставшийся кусок пиццы и довольно развалился на стуле.

- Нет, не пробовал. Но предпочитаю.

Рома хмыкнул и ещё налил портвейна.

Мы сидели и болтали обо всём, о чём только могли, причём достаточно долго. Для меня удивительно было то, что хотя общего у нас с Ромой было достаточно мало, разговор клеился сам собой. Наверно, мы бы так и просидели до самого утра, но в самый интересный момент, когда речь зашла о политике, на кухню зашла заспанная Ксюша, придерживающая одеяло на уровне груди, и помешала нашей содержательной беседе:

- Игорь, куда ты делся?! Я без тебя замерзаю! Обними меня! - заявила она.
- Ты не видишь, что я с Ромкой разговариваю? - строго спросил я. - Ну вот, чего ты встала? Спала бы дальше, а я бы скоро пришёл!

Однако моё возмущение и тираду неожиданно предательски остановил Ромка:

- Ладно, Игорь, идём спать. Приятно было с тобой поболтать, - бросил он мне, убирая бутылку назад. - А ты прекрасно выглядишь в одном одеяле, - очаровывающе выдал он в сторону Ксюши, отмывая бокалы и тарелку.

Та в ответ улыбнулась.

- Спасибо.
- Может, потом помоешь? - бросил я ему с небольшим раздражением я.
- Да, это быстро, - проговорил он, протирая бокалы и ставя их назад в шкафчик.
- Ладно, идём спать, - недовольно проворчал я, не желая наблюдать за этим действием, после чего нехотя встал, взял Ксюшу за руку, поцеловал в щёку и повёл её в нашу комнату.

Это был один из тех немногих дней в университетские времена, когда мы спокойно общались с Ромой, не споря и не препираясь. Но это так же был один из тех дней, когда я понял, что мне с ним интересно общаться.

Внутренний измеритель

Рома

Мы лежали в кровати с Наташей. Голые естественно. Под одним одеялом, естественно. Конечно же, после секса. В моей кровати. В моей квартире. Вообще у меня были большие планы на неё, и мне даже казалось, что мы прекрасно подходим друг другу не только эмоционально, но и сексуально. Да и поговорить мы с ней могли о чём угодно и даже о всяком. То есть не только о какой-нибудь ерунде вроде сериалов или приключениях её подруг в косметических салонах, но и о философии, о религии, даже о науке. Вот и в этот раз у нас завязалась любопытная беседа. Было уже за полночь, завтра нужно было с утра в вуз, но мы в тот момент вспоминать об этом не хотели.

- Ты веришь в Бога? - спросила она у меня, сильно зевая.
- Смотря в какого, - лениво ответил я.
- В смысле? В Зевса веришь, а в Аида нет? - усмехнулась Наташа.
- Да нет же. Смотря как определить бога.
- И как же его определить? Что же такое «Бог»? - не унималась она.

- Бог — это я, - надменно ответил я.
- Да ты просто скромняшка! - с издёвкой усмехнулась она.
- Зря смеёшься, - сказал я и запустил руку в её длинные кудри. - Ты тоже бог.
- Ого! Да я расту! Причём быстро, - пошутила Наташа.
- Я серьёзно, на самом деле, - продолжил я, в задумчивости расчёсывая своими пальцами её волосы. - Бог в каждом из нас. Это нечто типа буддизма традиции Махаяны: Будда в каждом человеке, просто он спит, его нужно разбудить. Только в моём случае он не спит и будить его ненадо.
- Хочешь сказать, что мы все можем стать всемогущими, Богами? Чур я буду Афродитой тогда! - Наташа повернулась и улеглась мне на правое плечо.
- Да нет... Я неправильно сказал. Ничего такого особенного, - пытался я подобрать слова. - Бог для меня — это скорее внутренний измеритель.
- Фу! - поморщилась она. - Как скучно! Взял и убил Бога одним движением!
- Наоборот я его воскресил одним движением. Каким и где ему ещё быть, кроме как в каждом из нас?
- Но не в виде какого-то там измерителя! Или ты меня специально решил запутать?
- Никаких запутываний, - возразил я, наматывая не палец правой руки локон её волос. - Всё просто. Бог сидит внутри тебя и измеряет твои собственные действия, твои мысли. Если они не противоречат твоим внутренним принципам, твоим убеждениям, то он тебя поощряет: ты набираешься энергии, становишься более живым. Если же ты совершаешь поступки, противоречащие твоей природе, то он тебя наказывает: ты становишься более забитым и депрессивным. Если ты не будешь сильно корить себя за проступки, за грехи, то есть не будешь слишком сильно обращаться к своему внутреннему измерителю, то и никакого особого наказания не понесёшь. Вопрос чисто в установках и принципах...
- То есть Бог — это общество? - неожиданно спросила Наташа.
- Что? С чего ты это взяла? - смутился я такому странному выводу.
- Ну, как же? - отвечала Наташа, убирая свои волосы с лица. - Принципы и установки в людях закладывает общество, в котором они живут. Если в обществе принято есть людей, то это закладывается с детства и грехом не считается. Поэтому человек, съевший другого, не совершает ничего плохого и никакого наказания: ни общественного, ни душевного — не несёт. Стало быть Бог — это общество, которое заложило всё это в человека.
- Да нет же... ты не поняла... там не совсем так, - засопровтивлялся я, но не знал, как правильно выбраться из этой логической ловушки.
- А как? - специально перебила она.
- Я же не говорю о том, что сами установки или их причина — это бог, - нашёлся я. - Бог — это то, что сидит внутри каждого человека и выносит вердикт: наказывать или нет. А установки могут быть совершенно разные, ты права.

Наташа вздохнула.

- Блин! Почему ты не можешь выбрать более простое определение Бога? Зачем вот

это всё такое странное, запутанное и непонятное? - покачала головой она и повернулась на спину, упёршись затылком в моё плечо.

- Просто в других, более простых, богов я не верю. Я не верю в бога-создателя, не верю в бога-карателя, не верю в бога-судьбу Зато я верю, что каждый человек сам волен распоряжаться своей судьбой, и каждый человек сам должен определять для себя свои границы.
- Но тогда маньяк-убийца может ограничивать себя одним образом, а фермер — другим. Хочешь сказать, это нормально как для одного, так и для другого? - чувствовалось, что Наташа уже слабеет и постепенно начинает направляться в сторону Морфея, но всё ещё находит в себе какие-то силы для ремарок.
- Это будет нормально, если это не будет противоречить их натурам. Если они будут жить в гармонии с собой, то это будет естественно, правильно и даже божественно. Если убийца считает, что зарезать фермера — это нормально, то, зарезав его, он не понесёт никакого наказания от своего бога. Другое дело, что социальное поведение людей должно регулироваться обществом. Но это уже совсем другой вопрос. Вообще жить в гармонии с обществом — очень просто. А вот жить в гармонии с самим собой — задача посложнее, с которой не каждый может справиться.
- Красиво говоришь, - вяло проговорила Наташа, теряя буквы. - Продолжай в том же ухе.

Я усмехнулся и поцеловал её в лобик.

- Спи, малыш, - шепнул я ей на ушко, а сам закрыл глаза и стал себе представлять безупречное голубое небо.

Поход с группой

Игорь, Рома

В конце второго курса мы таки собрались с нашей студенческой группой в поход. Конечно, не все там были, но человек десять в общей сложности набралось. Мне удалось уговорить Ксюшу, Наташу и Рому пойти с нами, хотя последние двое долго арканились на тему того, что походы это не для них, и они городские ребята. Рому я еле уговорил, обещая показать, что такое рыбалка, обрисовывая ему какие-то заоблачные перспективы с процессом ловли и вот такой вот рыбиной. Он повёлся.

Мы выбрались в район Лосево в пятницу вечером на электричке. С рюкзаками, в походных одеждах, с пивом, с провизией, гитарой и, конечно же, с двумя удочками. Там сняли две лодки, перебрались на один из островов и разбили лагерь на опушке между деревьями, метрах в двух стах от воды. Пока остальные готовили и наводили порядок, мы с Ромкой сбежали, прихватив удочки и снасти для того, чтобы застать вечерний клёв.

Мы недолго плавали вокруг, ища подходящее места, перебрались к одному из соседних островов и засели в камышах. Кажется, это была его первая рыбалка. Поэтому я ему показывал как нанизывать червя, как определять глубину и как регулировать высоту поплавка, куда закидывать, как закидывать и как подсекать. Он, казалось, проявлял интерес к процессу, терпеливо выполняя мои указания.

Хотя время было для клёва подходящее, было слишком тихо — не было даже никакой поклёвки — как будто кто-то отпугивал всю рыбу. Возможно это было из-за того, что Ромку тянуло на поболтать. То начинал рассказывать, как его в детстве постоянно заставляли ездить в лес за грибами с родителями, а ему, понимаете ли, домашнему

мальчику хотелось вместо этого играть в приставку «Дэнди». То начинал расспрашивать о моём детстве. Всё никак не мог успокоиться, чем начал меня злить. Я приехал на рыбалку не для того, чтобы обсуждать детские травмы моего одногруппника. Я приехал, чтобы отключиться от всего и отдохнуть. Злость уже начала подступать к горлу, мне уже хотелось треснуть его по голове удочкой, но я сдерживался.

Неожиданно на помощь мне пришла сама природа. Налетел ветер, и небо неожиданно затянуло грозными тучами. По озеру пошли крупные волны, а деревья, на берегу начали гнуться под натиском невидимой силы. Нужно было срочно сматывать удочки и плыть назад.

Вытащив снасти и сложив их в лодку, я сел за вёсла. Ромка сидел испуганный напротив и причитал о том, что зря он вписался в этот поход. Мол, как чувствовал, что попадёт в какую-нибудь передрыгу. А дома хорошо, дома макароны... Этими своими причитаниями он ещё сильнее злил меня, и, казалось, портил погоду ещё больше.

Крупными каплями пошёл дождь. Разрезая волны, мы плыли к нашему берегу. Я вкладывал в каждый гребок все свои силы и всю свою злость на Ромку. Когда до берега оставалось метров сто, одна из волн сильно окатила нас с боку, промочив нас с головы до ног и выбив удочки из лодки. Поймать их не удалось.

Выбравшись на берег, я затащил лодку, а Ромка побежал к лагерю. Привязав на всякий случай лодку к дереву, я последовал за ним, ругаясь про себя, но постепенно успокаиваясь.

Каково же было моё удивление, когда добравшись до лагеря, я заметил, что там совершенно сухо и спокойно. Мы как будто попали в аномальную зону.

– Вы чего такие мокрые? - удивлялась Ксюша. - Из лодки что ли выпали?

Рома стоял рядом со мной и так же, как и я, ничего не понимал.

– Как так? - спрашивал он. - Там же жуткий ураганный ветер и дождь! А у вас тут так сухо и тихо!

Наташа подошла к Роме и, помогая снимать верхнюю одежду, удивлённо спрашивала:

– Какой ещё ветер? Ты вообще о чём? Придумали тут шуточки! Давайте лучше переодевайтесь и ужинать. Я тут повешу, недалеко от костра, чтобы высохло. А ты вон в той палатке иди переодевайся. Это наша.

Наташа указала в сторону двухместной зелёной палатки. Рома кивнул и пошёл переодеваться.

– А наша? - спросил я у Ксюши.

– Вот эта.

Наша была синей.

Сидя у костра, отогреваясь после неудачной рыбалки, мы обсуждали произошедшее. Как мы с Ромкой ни пытались объяснить, никто нам верить не хотел. Думали, что мы всё выдумали: мол, не может быть, чтобы там был дождь и ветер, а тут не было ни капли. Думали, что мы это придумали для того, чтобы оправдать утопленные удочки. Меня это раздражало, хотя и не так сильно, как причитания Ромы о том, что а дома сейчас можно было бы заварить чаю и залезть под одеяло. Возможно, я бы опять начал злиться, если бы наш одногруппник, Егор, не достал гитару и не начал играть песни ДДТ. Мы достаточно

долго так сидели, слушали и подпевали. Когда совсем стемнело, некоторые парочки начали отваливаться и разбредаться по палаткам. У костра остались только мы с Ксюшей, Рома и Егор. Я взял гитару и начал наигрывать одну из мелодий, которую знал с детства. Я назвал её «Вальс в тени». Я был самоучкой, и на гитаре поигрывал достаточно редко, особенно не разбираясь в том, как это делать правильно.

- Красиво, - сказал Ромка. - Я и не знал, что ты умеешь играть на гитаре.
- Да это я так... просто наигрываю.
- Может, тебе в группе музыкальной себя попробовать? - спросил он.
- Да, ну! Что за чушь! - отмахнулся я от этой идеи. - Где я, а где музыка?!
- Он у меня скромный, - заметила Ксюша, обнимая меня и целуя в щёку. - Мне кажется, из него вышел бы хороший музыкант. Но он стесняется.
- Ну, тебе надо просто подучить пентатонику, гаммы, поставить руки правильно... Делов то! - заметил Егор.
- Да не буду я музыкантом, отстаньте от меня! - вспыхнул я, отдал гитару Егору и пошёл в палатку.

Меня всегда раздражало, когда люди пытались мне вложить в голову свои собственные идеи. Я сам по себе. Я взрослый человек, и знаю, что мне делать по жизни!

Ксюша присоединилась ко мне в палатке спустя пару минут, когда я уже укутался в спальник. Она обняла меня сзади, поцеловала в шею.

- Игорёк, ты не злишься на нас?
- Нет.
- Ты же понимаешь, что это просто разговоры? Просто всем понравился твой «Вальс в тени».
- Я понимаю. Я хочу спать. - отрезал я.
- Ну, хорошо. Спокойной ночи.

Я спал. Я видел сон. Но сон этот был такой чёткий и такой настоящий, что я поверил в него до самой глубины души. Мне снилась комната с серыми стенами, наполненная людьми в пижамах, каждый из которых занимался своим делом и жил в каком-то своём мире. Я сидел напротив телевизора, по которому шла реклама зубной пасты. В ней человек с гитарой пел песню о свежести дыхания и сиянии его зубов.

Справа от меня, повернув голову направо, к окну, сидел лысый мужчина, лет сорока. Он шёпотом повторял: «Плоть. Плоть падших ангелов. Я думаю, я умер. Я мёртв. Не знаю. Не уверен. Смерть приближается. Приближается. Они здесь. Он здесь. Он вернулся». Мужчина повернул голову в мою сторону и посмотрел на меня пустым взглядом, продолжая болтать какую-то чушь.

Я огляделся. Слева стояла женщина, внимательно рассматривающая пустоту в своих руках, сюсюкающая этой пустоте: «хороший мальчик, вот так, молодец. А теперь погладь бельё, помоги родителям, а то они сильно устают, когда приходят с работы». Один человек сидел на стуле и медленно покачивался взад и вперёд. Ещё один медленно ходил вокруг стола... Я понимал, что я — единственный нормальный из всех здесь

присутствующих, хотя, судя по пижаме, я от этих присутствующих несколько не отличался...

- А мы возвращаемся к передаче о Японии! - проговорил бодрым голосом диктор по телевизору. Я взглянул на экран, на нём развивался флаг Японии. - Знаете ли вы, какой символ скрывается за красным кругом на флаге? Это символ солнца!

После этих слов сон стал терять свою реалистичность.

- Он опять уходит, - проговорил лысый человек. - Он уходит, но вернётся. Они всегда возвращаются...

Я проснулся утром, часов в десять, совсем один. Вылез из палатки и прошёлся вокруг. Никого не было. Заглянул в другие палатки — пусто. Только вещи разбросанные и не сложенные спальники. Кажется, меня бросили. Вот гады! Я по сути организовал поход, столько сил приложил, а они куда-то ушли без меня. Предатели!

Внутри начало всё вскипать. Я со злости пнул ветку валяющуюся на земле, из-за чего та улетела в сторону зелёной палатки и прорвала её своим острым концом. Нехорошо получилось.

Со стороны берега раздался звонкий смех Ксюши. Я вышел к озеру и увидел, как все купаются.

- О! Игорь проснулся! - прокричал Ромка. - Давай к нам, музыкант! Вода парное молоко!

Недолго раздумывая, я скинул одежду и в одних трусах бросился в воду.

РОМАЛЛИКА

Игорь, Рома

В двадцать один год, когда я ещё учился на третьем курсе, я расстался с Ксюшей. Несмотря на то, что мы были с ней вместе около трёх лет, отношения у нас были не самые лучшие. Я ей несколько раз изменял, впрочем и она в долгу не оставалась. Уже и не знаю, как нам удалось так долго продержаться, но факт остаётся фактом, мы пробыли вместе около трёх лет. Расставаться было неприятно, а быть без девушки было очень непривычно. Хотя отношения с ней в последнее время были сплошной головной болью, быть без неё было не менее дискомфортно. Я пытался отвлечься как мог: запои с друзьями по вузу в связи с несчастьем перемежались углублёнными уходами в себя и интернет. Я много сидел по своему модемному соединению на всяких форумах, частенько бывал в чатах, при этом редко посещал универ и по вечерам брэнчал на гитаре.

В одном из таких чатов, где-то на сайте типа «кроватка.ру» в комнате «разговоры не для всех» я познакомился с пользователем «РОМАЛЛИКА». Писала она резковато, но, как говорится, не в бровь, а в глаз. Её прямота меня привлекла и заинтриговала. Завязка произошла, когда однажды, ближе уже к 4-м часам утра, в чате нас осталось трое...

<РОМАЛЛИКА>: В общем, понятно. Все вы потребляди! :Р

<iGore>: Можно подумать что ты не такая...

<РОМАЛЛИКА>: Я такая как все, только вашей сути это не меняет.

<Romero>: РОМАЛЛИКА, я иногда задаюсь вопросам: а не мужик ли ты?

<iGore>: И тем не менее ты судишь о других а сама не блещешь!

<POMALLIKA>: А-ха-ха! Ты задаешься вопросам? И что они говорят?

<POMALLIKA>: iGore, Ты кто, апостол Пётр что ли, чтобы мне тут распевать о "не суди, и не будешь судима"?!

<Romero>: POMALLIKA, а скинь свою фотку. А то, вдруг, ты мужик, а я тебя на свидание приглашу ;)

<iGore>: Если взялась кого-то учить, будь уверена, что сама выучишь урок.

<iGore>: *выучила

<POMALLIKA>: Ну, лови, коли не боишься.

Пользователь <POMALLIKA> загрузила файл angelina.jpg

<POMALLIKA>: iGore, нет ничего хуже праведного зануды!

<Romero>: Я так и знал, что ты Анджелина Джоли! Давай встретимся?

<iGore>: Я не зануда. У меня просто сложный период в жизни.

<POMALLIKA>: Romero, а, вдруг, ты – баба? Как же я тогда с тобой буду встречаться?!

<iGore>: Romero а завтра пьянка в силе?

<Romero>: Я не баба. Я Бред Питт!

<POMALLIKA>: iGore, что, девушка бросила?

<POMALLIKA>: Romero, не, тогда мы явно друг другу не подходим!

<Romero>: Конечно, в силе. Когда она была не в силе?

<iGore>: POMALLIKA, мы расстались.

<Romero>: Как это?! Я же такой Бред Питт, а ты такая Анджелина Джоли! :D

<POMALLIKA>: iGore, не отмазывайся. Видно, что тебя бросили – сразу нюни распустил, баба!

<POMALLIKA>: Romero, Фи!

<Romero>: Значит, не прокатило. Ну, и ладно. Не очень-то и хотелось! :P

<iGore>: Ничего я не распускал! И вообще не твоё дело!

<POMALLIKA>: Какой же ты мужик, если какая-то девчонка тебя так легко смогла вывести из себя?!

<iGore>: Легко?! По твоему бросить другого человека – это "легко"?!

<POMALLIKA>: Я ж говорю, бросила! И что ты теперь будешь делать? Упиваться и забываться?

<iGore>: Буду делать что захочу — вот что!

<Romero>: Всё. Вы оба плаксы и зануды! Никто не любит Бреда Питта! Бред Питт ушёл спать.

<POMALLIKA>: Пока!

<iGore>: Romero, до завтра!

Пользователь <Romero> покинул чат.

<POMALLIKA>: iGore, кручина твоя не причина, а только ступень для тебя.

<iGore>: Что за дурь?

<POMALLIKA>: Вместо того чтобы убиваться и заикливаться на произошедшем, оглянулся бы по сторонам. Это не проблема, а новые возможности!

<iGore>: Хочешь быть моей новой возможностью?

<POMALLIKA>: А это выключит твой режим зануды?

<iGore>: А ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос?

<POMALLIKA>: А ты меня когда-нибудь уже позовёшь на свидание?

Свидание по знакомству в интернете – всегда рискованное дело. Особенно, когда пользователь вместо своей фотографии отправляет фотографию киноактрисы... Но любопытство было выше всяких опасений, поэтому мы договорились встретиться на следующий день, часа в 2, на выходе из станции метро Невский проспект и прогуляться.

Я был в красной майке и оранжевых шортах, она была в голубой юбочке и синей майке. Я был хорош собой, статен, умён и силен. Она была застенчивой, малопривлекательной зажатой девушкой, которая могла бросаться острыми фразами лишь в экран монитора. Тем не менее чем-то она мне приглянулась. Звали её Анжела.

Мы пошли гулять по Невскому в сторону Эрмитажа. Разговор особо не клеился – мне толком рассказывать было не о чем, а она в основном молчала и как будто изучала меня. Мы дошли до Казанского собора и стояли у перехода в ожидании зелёного человечка. Как раз, когда он включился, Анжела сказала:

- Никогда не встречала такого человека, как ты!
- В каком это смысле, «как ты»? – хмурясь спросил я.
- Ты как будто какой-то не целый. В тебе есть напор и уверенность, но есть и такая большая ущербность.
- Кто бы говорил, - со злостью ответил я. – Девочка, которая только с экраном и умеет общаться!
- Да ты не злись, - по-доброму произнесла она. – Это я не для того, чтобы тебя обидеть. Просто, я говорю то, что вижу. У тебя очень большая духовная сила. Ты очень крепок духом. Однако это же твоя слабая сторона – ты привык к силе и не терпишь поражений. Ты не умеешь проигрывать.
- Знаешь, что! Иди-ка ты в жопу со своим психоанализом! Тебя просили?! - вспылил я.

Не контролируя себя, я достал из кармана пачку сигарет, из неё — сигарету и закурил. Затяжка помогла ненадолго успокоиться.

- И правды ты не терпишь, - добавила, чуть подумав, Анжела. – Тебя бы ждало прекрасное будущее, но то, как ты воспринимаешь любой проигрыш, в конце концов выйдет тебе боком.
- Да, кто ты такая?! Кассандра, что ли?! – возмутился я.

Нечасто общаешься с человеком, который при первой встрече говорит тебе такие вещи.

- Скажем так, я вижу некоторые вещи. Например, я вижу, что мы с тобой расстанемся через четыре года, седьмого мая.
- Да, я с тобой ещё даже встречаться не начал! – взорвался я. – А ты уже о расставании!

Пока мы стояли, свет уже успел несколько раз переключиться с зелёного на красный и обратно, а я — выкурить больше половины сигареты. Поймав очередную зелёную волну, я обиженно бросил:

- Идём уже. Сколько можно стоять на переходе!

Мы прошли вперёд. Внутри меня всё кипело и горело. Анжела же шла совершенно умиротворённой и спокойной.

- Как думаешь, - неожиданно пришло мне в голову, когда мы уже миновали памятник Кутузову, и я почему-то успокоился, - предсказатели видят будущее или формируют его?

Тут уже Анжела задумалась и погрузилась.

- Я имею в виду, вот что, - ударился я в ненужные объяснения, активно жестикую. – Не будет ли то, что я тебя брошу через четыре года результатом того, что ты сама сказала мне о том, что я тебя брошу через четыре года?
- Не знаю, - отстранённо произнесла она. – Но это просто будет. Это факт. А причина мне неизвестна.
- Ну, вот тогда и держи при себе все эти свои предсказания! – с горечью заключил я и кинул сигарету на асфальт, затушив её носком ботинка.

Забегая вперёд, с Анжелой я встречался ещё четыре года, и точно день в день, как она об этом и говорила на первом свидании, мы расстались. Правда, ни я, ни она не вспомнили о её предсказании, и случилось это всё как-то само собой. То ли так и должно было произойти, и я всего лишь исполнил предназначение, то ли таково было моё неосознанное желание, сформированное её же «предсказанием». Не знаю. Впрочем, это и неважно.

Глушитель боли

Рома

Моё первое и последнее расставание с девушкой было крайне болезненным и неприятным. Я сам бросил Наташу. Но я не мог иначе. Нельзя иначе, если на фразу: «мы как два голубка» - ты получаешь: «только мы не любим друг друга». Нельзя иначе, если она всем своим видом показывает тебе, что у вас нет будущего. Нельзя иначе, если она не готова делиться с тобой своей жизнью. Я не мог иначе. Я её бросил во время каникул, так что у нас не было повода видеться. К тому же, нам предстоял последний год учёбы, а в своё время, на третьем курсе, она перешла в другую группу, так что я знал, что осенью мне будет не так сложно, как могло бы быть. Я перестал отвечать на звонки, перестал общаться. Сделал всё очень резко. По началу она переживала и пыталась достучаться до меня (что же поделаешь? Привычка...). Но затем, кажется, всё прошло. Для неё. Я мучился и страдал. Внутри всё меня раздирало на части в течение ещё нескольких недель.

Выглядел я, должно быть, не очень привлекательно в те дни, так как своим видом и своим грустным и жёстким взглядом я просто отпугивал людей. Редкий человек чувствовал себя комфортно, глядя на меня, и, если я замечал, что кто-то смотрит на меня,

то мне не представляло труда посмотреть на человека в ответ так, чтобы тот отвёл взгляд и больше не смотрел на меня.

Это моё угнетённое состояние и общая депрессия подтолкнули меня к поиску умиротворения и спасения. И спасение своё я нашёл в эзотерической литературе. По-моему, это совершенно естественно: в подобных ситуациях кто-то начинает ходить в католические храмы и усердно молиться, кто-то обращается в православие, кто-то склоняется к буддизму... Я склонился в мистику и эзотерику.

Самое сильное впечатление на меня произвёл Карлос Кастанеда. Первые две книги его были ни о чём – скушал кактус, что-то там покурил, схватил глюки, поболтал с животными... Но вот все последующие оказались для меня кладёзем мудрости. Они меня настолько зацепили и заинтересовали, что я начал даже практиковать некоторые техники, описанные в книгах для того, чтобы погасить всё ещё пылавшие на тот момент во мне чувства.

Я решил заняться осознанными сновидениями. Простейшая техника, описанная у Кастанеды, сработала в первую же ночь – достаточно было просто посмотреть на руки во сне, как мир обрёл большую чёткость, а я понял, что я сплю и всего лишь вижу сон. Ощущение контроля длилось, наверно, несколько секунд. За это время я успел восхититься свежему воздуху во сне, яркому цвету снега и отчётливости звука ветра. Недолго думая, я решил, что надо вызвать Наташу в своё сновидение. Получилось это с лёгкостью, однако контроль над сновидением я быстро потерял, вернувшись в обычный сон.

Тем не менее сам факт выхода в осознанное сновидение меня сильно вдохновил, я начал больше читать на тему сновидений и пытался воспроизвести те свои действия во сне, чтобы опять осознаться. Однако это перестало получаться – в лучшем случае я понимал, что сплю, но мир не становился чётче и ярче. Я просто видел сон, в котором думал, что сплю, и надо бы проснуться. Но ничего не получалось.

Для того, чтобы всё-таки попасть в осознанное сновидение, я вычитал про одну из техник, выполняющихся ранним утром, связанных с холотропным дыханием. Я попытался её испытать, но последствия этого были плачевными...

Я проснулся утром, часов в шесть, сел в кровати и начал глубоко и часто дышать. От этого голова стала немного ватной, но при этом казалось, что я лучше себя осознаю. Подышав так несколько минут, я лёг на спину и закрыл глаза. В сон я ушёл достаточно быстро, но сон был очень неприятным и странным.

Я лежал в своей кровати, а в комнате появился какой-то человек. Он подошёл к кровати, наклонился ко мне и подул мне на лицо. Я знал, что лежу в кровати, знал, что сплю, но при этом не мог пошевелиться. Руки и ноги, казалось, были прикованы к кровати. Я силился повернуть голову в сторону человека, но та ни в какую не хотела слушаться.

Человек залез на кровать, сел на меня и стал медленно душить, продолжая дуть мне на лицо. Я хотел стряхнуть его, хотел что-нибудь предпринять, но приступившая паника сковала меня ещё больше.

– Ромочка, а ты безобразник! – совершенно спокойно с ноткой сексуальности проговорил знакомый женский голос.

– Наташа?! – подумал я, но произнести вслух ничего не сумел.

Только после её слов я понял, кто именно решил меня помучить.

- Как же ты мог меня бросить?! – с большей злобой произнесла она и принялась душить меня ещё сильнее, жёстче вдавив меня в кровать.

В какой-то момент я уже подумал, что на этом моя жизнь закончилась. Но оставшаяся часть сознания, глубоко во мне, вдруг пробудилась и встрепенулась.

Нет! Я этого так не оставлю! Я не сдамся!

Неожиданно для самого себя, шейные мышцы у меня напряглись, сформировав защиту от удушья, мне стало легче. А затем медленно, преодолевая сильнейшее сопротивление, поднялись мои руки и смахнули разом Наташу. Она свалилась на пол.

Я вскочил в кровати.

В комнате было тихо и пусто. Окно закрыто, никаких воздушных потоков. Никого кроме меня и моих фантазий. Это был всего лишь сон. Но какой же жуткий и какой реалистичный! Самое противное, что было в этом сне – напоминание мне о ней. Моя боль, которую я, казалось, сумел погасить, вспыхнула с новой силой.

Через пару дней я вычитал в интернете, что это был всего лишь сонный паралич, обычное дело по утрам, но в нереальность этого сна мне всё равно верилось с трудом.

Чтобы сильнее заглушить боль от потери, я ещё сильнее углубился в эзотерику, придерживая при этом практическое применение изучаемых техник.

Медведь

Дима

13 января, прямо под конец моей третьей сессии в университете, мне приснился странный сон. Обычно я sny не вижу и сплю как убитый, но в тот раз сон был, причём очень яркий и запоминающийся.

Я в лесу. Он тёмный, угрюмый, с большими древними дубами, не дающими солнцу пробиться к земле. Только листья у этих дубов странной формы — в форме ромбиков, но такие же зелёные и крепкие. Впрочем, почему я решил, что это дубы? Запах в лесу стоит сладковатый, что-то среднее между вяленой травой и жжёными листьями. Тепло. Кажется, сейчас лето.

Я иду по лесу и гляжу по сторонам. Всё такое настоящее, такое живое. Лёгкий ветерок проводит своей рукой по гривам дубов, из-за чего по лесу разносится шёпот: «смотрите, это опять он».

Я выхожу на опушку леса, на которой стоит дом, срубленный из брёвен какого-то необычного дерева — они рыжего цвета, от них как будто исходят тепло и свет. Дверь дома отворяется, и на крыльцо выходит девушка с толстой русой косой, одетая в длинное льняное платье. Девушка вполне себе привлекательна. У неё голубые глаза, изящные губки, немножко отдёрнутый нос и точёные скулы. Взгляд её какой-то манящий и волшебный.

- Дима, ты нашёл меня! - улыбается она мне и идёт на встречу.
- Да, я нашёл тебя, - понимаю и соглашаюсь я. Чувствуется, что я её знаю, но откуда — понять не могу.
- Как здорово! - она подходит ко мне и обнимает меня. - Теперь-то всё точно будет в порядке.

Она глядит мне в глаза и улыбается. Но затем неожиданно меняется в лице, как будто

её из ведра холодной водой окатили, и смотрит на меня с удивлением и непониманием.

- Ты меня не помнишь? - спрашивает она.
- Не очень, - неловко отвечаю я.
- Ох, это нехорошо! - начинает переживать она. - Значит это слишком рано для тебя. Ты ещё не готов.

Девушка начинает нервничать и в задумчивости разминает руки.

- Как тебя зовут? - спрашиваю я.
- Это сейчас неважно, - отвечает она. - Тебе важно сейчас просто запомнить, что ты меня должен найти. Это важно.

Она смотрит пристально мне в глаза, пытаюсь убедиться, что я её понял.

- Но как я тебя найду, если даже твоего имени не знаю? - спрашиваю я. - Да и вообще, что это всё значит?
- Всему своё время, - поучает она. - Сейчас тебе нужно поскорее уходить отсюда, а то придёт медведь. А ты пока не готов для встречи с ним.

Я усмехаюсь. Какой-то медведь, вся эта секретность... - очень странный сон. Девушка сжимает губы от досады и начинает выталкивать меня с поляны.

- Это не сон. Это тебе кажется, что это сон, но это не так. Твоя жизнь в опасности, тебе нужно как можно быстрее вернуться туда, откуда ты пришёл.
- А то что? - не понимаю я.
- А то медведь тебя разорвёт, вот что, - серьёзным голосом отвечает она и выталкивает меня в сторону леса. - Иди и не останавливайся. И не забудь найти меня.

Раздосадованный я слушаюсь её и бреду назад в лес. А за спиной слышен какой-то шорох и раздаются тяжёлые шаги. Я поворачиваю голову для того, чтобы посмотреть, что там, но вижу только, как девушка бежит в другую сторону кого-то встречать. Я не слышу, что она говорит, но интонация её голоса приветливая. Я прячусь за дерево и, притаившись, наблюдаю. На опушку выходит трёхметровый бурый медведь. Он подходит к девушке и начинает обнюхивать её. Потом недовольно рычит и начинает глядеть по сторонам. Она пытается успокоить его и отвлечь, но тот не поддаётся её увещаниям. Он ищет меня. Он знает, что я тут был. Он издаёт недовольный рёв и поворачивает голову в мою сторону. Он заметил меня. Я, опешив, медленно иду назад, а медведь на четырёх лапах, с грозным видом, идёт в мою сторону.

Правая нога моя цепляется за какую-то корягу, и я лечу спиной на землю, рефлекторно, но безуспешно, пытаюсь ухватиться руками за ветки деревьев. Но вместо того, чтобы удариться о жёсткую поверхность, я проваливаюсь в матрас своей кровати.

Моргаю. Я в своей комнате, лежу укрытый одеялом. Темно, глубокая ночь. За окном шумит метель. Но всё в норме, всё как обычно. Только правая рука немного зудит.

Сажусь в кровати и включаю свет. На правой руке царапина. И где это я умудрился себе её поставить?

Впрочем, какая разница?! Надо спать, завтра с утра сдавать последний экзамен.

Поворачиваюсь на левый бок, засовывая руку под подушку, и закрываю глаза.

Надо не забыть найти ту девушку...

Засыпаю.

Йога сновидений

Рома

После Кастанеды и того неприятного опыта, я обратился к буддизму и к их йоге сновидений. Я достал книгу на эту тему, написанную одним из учителей Дзогчена, Чогьял Номкай Норбу. Его отношение к осознанным сновидениям мне показалось странным и необычным. Он писал о том, что конечная цель осознанных сновидений — это совсем перестать видеть сны, так как сны — это проявление страданий. По крайней мере, так я его понял. Совсем не видеть снов мне не хотелось, но хотелось получить больший над ними контроль, чтобы таких вещей, как в прошлый раз, со мной не происходило. К тому же, мир мистики манил меня и притягивал, и, более того, позволял отстраниться от неприятных воспоминаний о Наташе.

Одна из техник в книге Чогьяла заключалась в медитации в течение дня, в которой нужно было воспринимать все одушевлённые и неодушевлённые предметы вокруг себя в качестве иллюзий. Это означало, что во время перемещений по городу, во время лекций и семинаров в университете, во время отдыха — всё время, я должен был держать в голове мысль о том, что мир вокруг меня не существует, и что люди вокруг меня — это всего лишь иллюзии, проекции «ясного света».

В то время я уже был на последнем курсе своего университета, мне нужно было писать выпускную работу, но занятий как таковых у нас уже толком не было: только пара лекций по научно-исследовательской деятельности, да одно семинарское занятие в неделю. Большую часть времени я мог сидеть дома или в библиотеке и читать статьи из своей области для того, чтобы понять, о чём именно писать. Из-за этого я много времени тратил на чтение, нежели на свою медитацию. Однако при любой возможности, я старался держать в себе ощущение иллюзорности всего вокруг.

Первое время это давалось с трудом, уже спустя несколько минут после начала процесса, я уносился в своих мыслях в мир размышлений о своей научной теме. Но потом приходил в себя, отгонял все мысли и возвращался к технике. Такие потери концентрации происходили наплывами и жутко утомляли, но я старался держаться.

Вот я еду в тесном вагоне метро в университет и рядом со мной стоит милая девушка со светлыми кудрявыми длинными волосами. От её волос нежно пахнет лавандой и мёдом. Очень необычное сочетание... Но нет! Её же не существует. Какая прекрасная иллюзия! Может быть, с ней стоит познакомиться?..

– Девушка, а вы не подскажите, какая следующая станция метро?..

Вот я иду вдоль канала Грибоедова, в сторону университета и гляжу на мартовские грязные, всё ещё слегка заснеженные тротуары. Какая гадость. Вечно приходится перепрыгивать через лужи и обходить сор. Впрочем, что это я?! Всего этого ведь не существует. Всё это всего лишь иллюзия!

Вот я в университете, сижу на лекции по философии науки, и, в то время как остальные мои одногруппники спят, я слушаю лектора, которая рассказывает о фальсифицируемости по Карлу Попперу и о том, что такое научная и ненаучная теории. Интересно. Жаль, что это всё лишь иллюзия. И преподаватель иллюзорен, и класс, в котором я сижу, и уж, тем

более, иллюзорен критерий Поппера.

Спустя пару недель таких практик, я наострился и научился вешать ярлык «иллюзия» на всё, вокруг себя. Из-за этого я перестал раздражаться на неприятности, происходящие со мной, я стал спокойней относиться к своей жизни и к самому себе. Я пару раз встречал Наташу в коридорах университета, но, понимая, что она иллюзорна, никак на неё не реагировал. Она даже вызывала у меня улыбку, но не от того, что я был рад её видеть, а от того, что я понимал, насколько она неважна. В это же время меня стала посещать мысль о том, что я — это тоже иллюзия, но пока я не был готов сильно подпускать её к себе.

Судя по всему, благодаря этой практике, сновидения мои стали более яркими, я их стал лучше запоминать и стал обретать в них всё больший и больший контроль. Мне уже ненужна была техника холотропного дыхания для того, чтобы вынырнуть из дымки и осознать себя — всё происходило автоматически. Но, к сожалению, было это как-то не до конца: во сне я понимал, что сплю, я понимал, что всё вокруг меня иллюзорно, но не мог ничего с этим поделать.

Пытаясь понять, что с этим можно сделать, я обратился к форуму хакеров сновидений. Многое из того, что там обсуждалось, мне показалось странным, выдуманым и искусственным. Но когда я начал разбираться со стадиями выхода в осознанные сновидения, я понял, что застрял на какой-то ранней из них и не могу двинуться дальше из-за того, что мне не хватает энергии. Да, и Кастанеда писал в своих книгах о том, что энергию нужно накапливать. А я, вместо того, чтобы аккумулировать её и увеличивать, ею постоянно бездарно разбрасывался: то фиксируясь по долгу на какой-нибудь одной деятельности (например, чтении статей), то пытаюсь познакомиться с незнакомыми девушками, то улетаю в своих мыслях в какие-то миры, не имеющие отношение к настоящему. Да и привычный режим, казалось, отнимал у меня немало энергии. Поэтому, чтобы решить эту проблему, я решил начать гулять перед сном, и старался меньше заикливаться на рутине.

Уже на второй день это дало свои плоды.

Я спал, и мне снилась комната с телевизором, по которому шёл концерт классической музыки. Солировал известный виолончелист, Дмитрий Янов-Яновский. Кажется, он играл что-то из Баха. Играл он с таким погружением в музыку и таким видением произведения, что оторваться было сложно. Кажется у меня даже во сне непроизвольно отвалилась челюсть — настолько это всё меня затянуло.

Неожиданно, я осознал иллюзорность всего происходящего, стряхнул с себя наваждение и огляделся по сторонам.

Вокруг меня сидели люди, явно выглядящие психически нездоровыми: многие из них были где-то глубоко в себе, как будто их погрузили в транс. На всех были одинаковые хлопковые пижамы. Никто ни с кем не разговаривал. И я был единственным, кто стоял посреди комнаты. В районе двери началось какое-то движение и через всю комнату уверенным шагом ко мне направилась девушка с длинными чёрными волосами, прямым носом, чёрными глазами. Она была высокая, стройная и с изящной фигуркой. Она подошла ко мне и неожиданно резко схватила за горло, сдавила и подняла над собой.

– Ну, посмотрим, насколько ты на самом деле сильный, - проговорила она. - А то тут все гадают и ставки делают, такая интрига, такая интрига!

Я не мог дышать и начал краснеть от напряжения.

Что за бред?! Кто она такая? Почему она меня атакует? Но её же не существует, она всего лишь иллюзия!

- Иллюзия? - усмехнулась она. - И это всё, что у тебя есть? Да, так ты далеко не уйдёшь.

Она неожиданно отпустила меня, из-за чего я свалился на пол, и теперь сидел, потирая шею, глядя на неё от удивления выпученными глазами.

Удивительно, но никто в комнате не обратил внимание на всё произошедшее, как будто ни девушки, ни меня на самом деле и не существовало вовсе.

- Что за чёрт?! - только и смог прошептать я сдавленным голосом.

Девушка покачала головой, стоя надо мной, уперев свои руки в талию и глядя на меня с презрением и скепсисом.

- Ромочка, лучше завязывай со всем этим! Тебе в этой игре не победить...

Какая игра? Что происходит? Кто она? Что я такого сделал?!

- Ничего, не происходит. Просто ты вписался в игру, в которой проиграешь. Лучше уходи, пока есть возможность.

После этого она немного склонилась ко мне и дала подзатыльник.

Я вскочил в своей кровати. Моя голова зудела, как будто меня кто-то только что ударил. Горло першило. Я откашлялся и попытался произнести «Что за бредовый сон?». Получилось плохо. Кажется, я заболел, так как голос мой был сиплый и сдавленный, нос был забит соплями, и ощущался озноб.

Не знаю, как я умудрился простудиться, но всю неделю после этого я провалился в постели, выздоравливая и приходя в себя. А с осознанными сновидениями я решил пока временно завязать — я ощущал, что эти занятия у меня отнимают слишком много сил и энергии, которые имело смысл направить на написание выпускной работы.

Друзья навсегда

Ромка, Игорь

Мы с Игорем выпустились из одного вуза, с одного факультета и даже из одной группы, в один день. Я закончил с красным дипломом, он же ограничился синим. Получив свои корочки, мы отправились группой праздновать в «Пивную биржу», расположенную по другую сторону канала Грибоедова. Это был последний раз, когда мы что-то отмечали всей нашей группой.

Шампанское. Белое вино. Водка. Томатный сок. Кровавые Мэрри. Виски. Кола. Было много всего. Праздник удался на славу.

- Знаешь, Ромка, - заплетаясь языком признавался мне Игорь, - несмотря на наши споры и несмотря на всё твоё занудство, ты мой лучший друг!
- Мне кажется, что тут уместней сказать не «несмотря», а «благодаря», - примерно таким же языком поддерживал я дискуссию.

Игорь кивнул.

- Или так. Не суть. Просто люди приходят и уходят, а друзья остаются навсегда, что

бы ни случилось. Лучшие друзья остаются навсегда!

- Выпьем за это!
- Выпьем!

Мы чокнулись и осушили свои рюмки с текилой. Закусили дольками лимона.

- Ромка, - продолжал Игорь, - если тебе что-то когда-либо понадобится, ты не стесняйся - я тебе во всём помогу! Ты для меня как родной.
- Игорёк, да я за тебя тоже кого угодно порву! Мы как кровные братья!
- Друзья навсегда?

В студенческие годы мы нормально ладили с Игорем, хотя у нас были свои противоречия, споры и обострения в дружеских отношениях. Его точка зрения на мир разительно отличалась от моей, но она хотя бы существовала, и я готов был с ней мириться. Но иногда он выкидывал что-нибудь, что меня задевало и возмущало до глубины души. Вот и в этот раз он говорил о дружбе, о поддержке, весь был из себя такой правильный, а сам при этом незаметно для других завернул столовые приборы в салфетку и сунул себе во внутренний карман пиджака. Вперемешку с алкоголем, это его действие моментально вывело меня из себя.

- Игорёк, ты чо творишь? - попытался вмешаться я.
- Чё не так? - с деланным удивлением спросил он.
- Ты на фига воруешь столовые приборы?
- Ш-ш-ш-ш! - поднёс он палец к губам. - Тихо! Ничего я не ворую. Я просто реквизирую то, что нужно мне...
- Это не твоё! Не трожь! - на повышенных тонах заговорил я.

Наши одноклассники покосились по очереди в нашу сторону.

- Блин! - выругался Игорь. - Вот чё ты лезешь?! Чё тебе неймётся?! Чё ты такой правильный всегда, блин?! Не можешь расслабиться в кой-то веки и просто дать людям делать то, что им хочется? Нет! Всё должно быть правильно, шаг влево, шаг вправо — расстрел... Маменькин сынок!
- Пойдём выйдем! - на пьяную голову заговорил я. Меня раздражали действия Игоря, но ещё больше меня задело то, что он назвал меня «маменькиным сынком».
- Пф! - фыркнул в ответ Игорь и начал вставать из-за стола.

Мы попросили наших одноклассников выпустить нас. Они в массе своей не особенно были против. Переступая через тех, кто отказался, мы таки выбрались и слегка пошатываясь пошли к выходу. Лицо моё горело от возмущения и переживаний. Внутри всё кипело.

На улице было прохладно, хотя и лето. Было уже близко к десяти вечера, но всё ещё светило солнце.

- Ну, и чо? - с вызовом спросил Игорь.
- Да ничо! Ты оборзел Игорь — вот чего!
- Ромочка, у меня есть к тебе один вопрос, на который мне давно хотелось бы услышать ответ. «А не пошёл бы ты на хер?!» - Игорь стоял неподвижно, скрестив

руки на груди, глядя на меня с вызовом.

- Возьми свои слова назад!
- А то что? - Игорь посмотрел на меня с презрением, чем окончательно взбесил.

Я сделал шаг в сторону Игоря и ловким движением левой руки (каким оно может быть у пьяного человека) вытащил из внутреннего кармана нож и вилку.

- Я это верну на место, хочешь ты этого или нет.
- Отдай, гад! - заорал на меня Игорь и бросился в мою сторону.

Я сделал широкий замах справа, пытаясь ударить его в голову. Наверно, он этого не ожидал или просто был сильно пьян. Он дёрнулся в последний момент, из-за чего я попал ему в ухо.

- Твою мать! Дебил! - закричал он в ярости, хватаясь за ухо и сгибаясь пополам.

Но, возобладав с собой, он выпрямился и попытался ударить меня ногой. Я рефлекторно отдёрнулся назад, из-за чего он промазал и провалился вперёд. Но Игорь не растерялся и нанёс удар правой рукой снизу прямо мне в нос. Боли я особой не почувствовал, но сразу же попытался ударить его с левой. Однако он был слишком близко, поэтому мы вцепились друг в друга. Я бил его локтями, а он схватил меня за ноги, дёрнул на себя и опрокинул на землю.

Возможно, Игорь сделал бы из меня котлету — драться он умел — если бы не был так сильно пьян, и если бы не вмешались наши одноклассники, которые высыпали из бара на улицу и оттащили его от меня.

- Тебе ещё повезло, мамин сыночек, что меня оттащили! - орал он на меня, в то время как остальные пытались его успокоить.

Наверно, мне действительно повезло, только тогда я этого не понимал. Я поднялся и попытался было двинуться к нему, но меня удержали.

Нам понадобилось около получаса для того, чтобы остыть и перестать хотеть подраться. В итоге наши одноклассники усадили нас за один стол, налили нам водки и потребовали, чтобы мы выпили вместе и помирились. Спустя три рюмки я уже забыл, из-за чего мы дрались, и почему у меня вся рубашка в крови.

- Прости, Ромка! Я не хотел! - говорил сердечно Игорь.
- Всё фигня, Игорёк! - отвечал я. - С кем не бывает. На пьяную голову...
- Друзья? - он протянул мне руку.
- Друзья, - пожал руку.
- Навсегда? - спросил он.
- Навсегда! - подтвердил я.

Столовка

Дима, Сергей

Мы сидим в столовке Финэка и коротаем время в ожидании окончания пары. Преподаватель уже второй раз закосил занятие и даже не оповестил никого о том, что не придёт. Впрочем, мы не особенно расстроились, так как всем уже понятно, чего стоит учёба в вузе

– третий курс всё-таки.

– О! А вот на ту девчонку посмотри, - всё не унимается Серёга. - Как тебе, Димыч?

Я оглядываюсь и оценивающе смотрю на неё. Фигурка хорошая, личико милое, вот только интеллекта ноль.

– Два корня из трёх.

– Да какие к чёрту два? Я говорю: все восемь корней из трёх! Да ещё и два! - возражает Сергей, после чего ударяется в объяснения:

– Она не слишком худая, но и склонности к полноте нет. Волосы длинные и здоровые (не жирные и не сухие), сиськи, конечно, небольшие, но и не первый размер... я бы сказал «компактные».

Я его перебиваю:

– Серёга, ты неправильно оцениваешь женщин. Надо оценивать не внешние параметры, а внутренние.

Он подозрительно на меня смотрит и полушутя спрашивает:

– Какие ещё внутренние? Ты чего, гомосек, что ли?

Я ухмыляюсь.

– Ну, ты сам посуди: ну, трахнешь ты её раз — другой, а потом что?

– А потом кину, - цинично выдаёт он.

– А смысл в таких отношениях? Что ты от них получишь? Не проще ли купить себе резиновую женщину и заниматься сексом с ней?

– Не, Дим, ты точно то ли гомосек, то ли импотент. По крайней мере, рассуждаешь не как мужик! Чего ты собрался с женщинами делать? За жизнь разговаривать? Найди себе уже какую-нибудь бабу и не парься!

Если бы я не воспринимал любое общение с Серёгой как шутку, то, скорее всего, разозлился бы. Но мне просто забавно, и мой одноклассник знает об этом.

Стоит ли рассказывать о Серёге? Можно немного. Парень он хороший, отзывчивый. Много шутит. Хорошо учится. Но жутко повёрнут на сексе. Кажется, девственность он потерял лет в тринадцать, и была это не какая-нибудь шестнадцатилетняя Верочка, которая так же была девственницей на момент их первого полового акта, а взрослая Марь Иванна, решившая поделиться опытом со своим учеником. Как он сам рассказывал, было это в школьной аудитории после занятий – училка сказала, чтобы он остался, так как ей надо с ним серьёзно поговорить. Поговорили. Кажется, она до сих пор разговаривает со своими учениками в одной из школ Питера. А из Серёги с тех пор секс попёр только так, и остановить его иногда было просто невозможно...

– Знаешь, говорят: «секс без причины — признак дурачины»... – рассказываю я ему

Серёга только хмыкает в ответ.

– В основе отношений должна быть не похоть, а духовное единение, - продолжаю я. - А о каком духовном единении может идти речь с девушкой, - я поворачиваюсь в сторону той, о которой мы только что говорили, - у которой на лице написано: «MTV» и «Cosmopolitan»?

- Ты это о чём сейчас?
- Ну, посмотри на её лицо, - я киваю в её сторону. - Там же все её увлечения написаны, все источники, из которых она черпает информацию, указаны. Хорошо, хоть «Дома 2» нет...

Серёга внимательно смотрит на неё, после чего изрекает:

- Ничего не вижу. Да и как можно говорить об увлечениях девушки, если ты с ней даже не знаком?
- А знакомство и не нужно, - с видом профессионала заявляю я. - Можешь сам подойти к ней и спросить, что она читает в свободное время. Она тебе ответит: «Cosmo».

Серёга смотрит на меня с недоверием.

- Если ты можешь такие вещи о человеке сказать, не знакомясь с ним, так чего ты не пользуешься этой своей силой? Чего ты с девушками не знакомишься? Это же такая крутая линия для пикапа!

Я краснею от такого прямого вопроса.

Дело в том, что я никогда не умел общаться с девушками. Мне всегда казалось, что я непривлекателен для них, и все те немногочисленные потуги на знакомства, которые у меня были, обычно заканчивались полным фиаско. Так что, даже если бы я подошёл с такой линией для пикапа, меня, скорее всего, просто послали бы куда подальше, а сам я потом бы ещё долго приходил в себя.

- Всё очень просто, - нахожу я, что ответить. - Я ищу «Кнута Гамсуна».
- Кого? - он даже морщится от моих слов.
- Был один такой норвежский писатель...

Серёга качает осуждающе головой, молчит, что-то взвешивая про себя, уже отключившись от меня, потом встаёт и направляется к девушке для того, чтобы познакомиться с ней.

Естественно, я оказался прав. «MTV» и «Cosmo». Я был ещё на третьем курсе, но уже тогда научился по взгляду людей практически безошибочно определять, каковы их интересы, и чем они занимаются в свободное время.

Новый преподаватель

Дима, Рома, Сергей

Как сейчас помню своё знакомство с Ромой. Точнее с Романом Юрьевичем. Кто бы мог подумать, что уже спустя какой-то год я его буду называть исключительно «Ромкой»...

Вторник. Девять утра. Мы сидим в аудитории в ожидании начала семинарского занятия по математическим методам в экономике (абсолютно ненужному нам предмету). Лекции себе бубнил под нос нам какой-то пожилой преподаватель, и мы ждали, что он же будет вести практику.

Я болтаю с Серёгой, а в комнату входит молодой парень, выглядящий незначительно старше нас. Одет он добротнo, но не выпендрёжно. Средний рост. Среднее телосложение. Брюнет. В общем, ничего особенного и примечательного. Студент, только чуть постарше нас. Глаза немного испуганные и явно нервничает. Мы даже внимание на него

практически никакого не обращаем — так и продолжаем трещать о своём. А он проходит к кафедре, кладёт свою сумку на стол, берёт тряпку, тщательно вытирает доску после чего, повернувшись к нам, изрекает:

- Здравствуйте! Я буду у вас вести семинарские занятия. Меня зовут, - тут он берёт мел, поворачивается к доске и начинает писать: - Иовлев Роман Юрьевич. Я аспирант кафедры экономической кибернетики.

Мы все встрепенулись, садимся поудобней и начинаем слушать — никто не знает, чего от него ждать, ведь молодые преподы разные бывают: кому-то всё по фигу, и они даже на занятиях практически не появляются, а кто-то зверствует неимоверно и требует как сумасшедший. К тому же всем любопытно, что это за студента нам такого прислали. Чтобы понять, чего ждать, я решаю изучить его, прочитать по лицу, что он собой представляет и насколько является злостным преподам. Я выжидаю момента, когда удастся поймать его взгляд, но тот никак не хочет наступать.

- Мне для начала хотелось бы вкратце рассказать, каким образом будет строиться наша с вами работа.

В аудитории — тишина, никто даже не перешёптывается. Все ждут подвоха.

- На каждом занятии мы будем решать задачи, я буду вызывать к доске. Перед аттестацией, а так же ближе к сессии у нас, скорее всего, будут контрольные работы, которые в очень большой степени определяют ваше будущее.

Говорит он хоть и уверенно, спокойно, но явно с внутренним напряжением. Взгляд его по очереди останавливается на лицах студентов нашей группы, как бы изучая, чего от них ждать.

- Однако не закидывайтесь сейчас на сессии, так как до неё ещё нужно дожить, а это не так-то просто, как кажется, - он ухмыляется. Видно, что он пытается пошутить, но какова доля правды в этой не смешной шутке определить сложно.

Вступление его не очень большое, по окончанию он осведомляется, есть ли у нас вопросы. Я поднимаю руку, и он попадает в мою ловушку — он бросает взгляд на меня.

Однако происходит что-то очень странное. От его взгляда, не выражающего никакой агрессии, не несущего никакой негативной информации, у меня кружится голова. Мир плывёт волнами и темнеет. Я теряю контроль над ситуацией, пытаюсь схватиться руками за парту, как будто падая спиной назад, и падаю в какой-то мерцающий туман. Такое ощущение, будто я погружаюсь в свои же собственные глаза — как будто я посмотрел в зеркало и попал в свою душу. Неожиданно из этого тумана к моему лицу вытягиваются женские руки и тянут на себя. Я слышу, как женский мягкий и ласковый голос шепчет мне на ухо: «А какого цвета обложка учебника?». Туман рассеивается, и я возвращаюсь в аудиторию. Всё достаточно быстро приходит в норму.

Роман Юрьевич заканчивает ответ на мой вопрос:

- Так что расслабляться никому не стоит, потому что автоматы получают только лучшие из лучших.

Я киваю. Препод потихоньку переходит к занятию, а я незаметно склоняюсь к Серёге и спрашиваю:

- Серёга, чего-то у меня помутнение рассудка. Что я у него только что спросил?

Тот глядит на меня как на сумасшедшего и с тупым недоумением на лице отвечает:

– Ты спросил, будут ли ставить автоматы...

Я усмехаюсь, показывая, что просто прикалываюсь над ним. Он в свою очередь продолжает, перехватывая инициативу:

– А ты обратил внимание на то, как после твоего вопроса у него тик на правом глазу начался? Явно парнишка молодой и неопытный. Первый раз занятие ведёт. Попал, салага!

Я киваю, хотя, естественно, ничего такого не заметил, так как в тот момент просто отсутствовал.

Занятие идёт не особенно интересно, но зато я начинаю постепенно понимать, о чём предмет и какого цвета обложка учебника. В самом конце, когда пара заканчивается, а Роман Юрьевич заключает, что «на сегодня всё», я решаюсь подойти к нему, так как у меня в голове висит вопрос, требующий незамедлительного ответа.

– Роман Юрьевич, а можно Вам задать несколько необычный вопрос?

Он с интересом, оценивающе смотрит на меня и отвечает:

– Конечно. Что за вопрос?

– Какого цвета обложка учебника по «Матметодам»?

Он глядит на меня, не скрывая своего удивления – как будто вопрос какой-то особенный и личный, и уже практически начинает выговаривать на автомате: «синего» — но в какой-то момент осекается. Его лицо неожиданно озаряется, и, улыбнувшись, он отвечает какой-то фразой, как будто заготовленной специально для этого случая:

– Никакого. Цвет — это субъективная характеристика, существующая только в восприятии людей, которой они наделяют объекты вокруг себя.

Я усмехаюсь такому ответу.

С того момента между нами установилась какая-то связь, которая позже переросла в дружбу и держалась ещё в течение длительного времени. Я так и не смог прочитать его ни в тот день, ни после нашего знакомства. Однако я всегда чувствовал, что Рома непрост, и что между нами есть какая-то тайная неощутимая нить.

Агата

Рома, Дима

Речь о музыке у нас с Димой зашла совершенно случайно. Я принимал у него зачёт. Это было ещё в то время, когда нужно было тянуть билет, готовить ответ и потом рассказывать его экзаменатору. Времени и сил это отнимало немерено, как у студентов, так и у преподавателей.

Дима подготовил ответ и сел рассказывать. Одет он был по-обычному: джинсы, зелёная рубашка в чёрную клетку, кроссовки — явно даже и не думал надеть к экзамену что-либо более формальное. Более того, на шее его висели наушники.

– Вечная рента — это рента с одинаковыми выплатами без определённого конечного срока, - рассказывал он.

Вообще, парень он был умный, но стеснительный, вопросов почти не задавал (кроме того случая на первой лекции) и, как мне казалось, не особенно старался учиться. На занятиях присутствовал физически, но частенько куда-то улетал и забывался. Думаю, что

всё это обучение в университете ему наскучило, и он давно хотел уже заняться чем-нибудь другим. Несколько раз я замечал, что вместо того, чтобы конспектировать лекции или решать задачи, он что-нибудь зарисовывал в тетради. Даже издали было видно, что техника рисунка у него поставлена.

Я не сомневался, что зачёт он получит, но формальности в тот день должны были быть соблюдены.

- Хорошо, - перебил я. - А вечная рента — это аннуитет постнумерандо или аннуитет пренумерандо?

Дима задумался. Это был мой излюбленный приём. На зачёте я разрешал студентам пользоваться, чем угодно и готовиться как угодно — это им не помогало, так как на вопросах сразу становилось ясно, кто пытался разобраться в предмете, а кто дуб дубом.

- Я думаю, постнумерандо, - ответил Дима.

Я покачал головой и вздохнул.

- Хорошо. Следующий вопрос. Допустим, что я тебе даю кредит в три миллиона рублей и хочу, чтобы ты мне платил вечно по тридцать тысяч рублей в месяц. Какой должна быть годовая процентная ставка по такой ренте?

Дима взял ручку, бумажку и начал считать. Считал он так, что казалось, будто он проводит математические операции собственными руками, а не головой: взял одно число, поставил его в числитель. Под ним (в знаменатель) поставил большее число. Посмотрел, прикинул, посчитал, пересчитал.

- Один процент? - вопросительно ответил он.

Я молча покачал головой.

Тогда Дима взял ещё пару чисел, водрузил их друг на друга, покрутил, повертел, после чего перевернул с ног на голову и снова ответил (на этот раз утвердительно):

- Один процент.
- Ты мне сейчас называешь месячную ставку. А я спросил тебя про годовую.

Дима взглянул ещё раз на листочек, напрягся, вытащил формулу, перетасил в неё числа и задумался. Он несколько раз переставлял туда сюда числа, а я терпеливо ждал.

- Некрасивое число какое-то получается, - заметил он.
- Какое? - спросил я.
- Что-то около тринадцати процентов.
- Ну, что-то около того, - согласился с улыбкой я. - Ладно. Давай зачётку.

На последней фразе Дима засиял. Он протянул мне свою зачётку. Я взял и начал записывать данные.

- Что слушаешь? - спросил я пока писал, не отводя взгляда от ведомости.
- Агата Кристи, «Позорная Звезда», - ответил он.
- М! - оценил я. - Неплохо. Мне тоже нравится Агата. Правда только два-три их альбома.

Я закончил писать и посмотрел ему в глаза.

- И, конечно же, их «Кошка».

Дима улыбнулся.

- Да, позитивненькая такая песня... Хороший у вас вкус...
- Если тебе нравится Агата, то, возможно, тебе ещё понравится группа Ноль, - заметил я.
- Никогда не слышал о такой, - ответил Дима.
- Если хочешь, могу принести их диск, - я протянул ему зачётную книжку.
- Было бы здорово. Спасибо, - поблагодарил Дима, взял зачётку и встал.

Мы попрощались, а место Димы занял следующий студент.

Я принёс ему диск «Песня о безответной любви к родине», потом слово за слово — Faith No More, Mr. Bungle, некоторые диски Emerson, Lake and Palmer, за ними — Manfred Mann's Earth Band, Pink Floyd и многое-многое другое. Так выяснилось, что у нас с Димой схожие музыкальные предпочтения. Так завязалась наша дружба.

Вафли

Игорь, Рома, Дима, Сергей

После окончания университета я устроился на работу в Банк, в отдел кредитования. Это было не совсем то, что я хотел, но так уж сложилось. Зарплата была не особенно высокая, но позволяла жить не напрягаясь. В общаге я немного задержался, дав взятку одному из администраторов в деканате, который выдал мне справку о том, что я всё ещё учусь в университете. Впрочем, я чаще ночевал не в общежитии, а в маленькой квартире, которую снимала Анжела в Купчино. Но вот время прошло, я обзавёлся деньгами и пора было думать о том, чтобы переехать в более приличное жильё. Недолго совещаясь с Анжелой, мы решил, что пора бы начать снимать квартиру на двоих.

С Ромкой мы давно уже не виделись — меня завалило работой в банке, а у него всё время были какие-то завалы по университету. Но вот он позвонил и предложил погулять по центру города и поболтать за жизнь. У меня на этот день как раз выпал отгул — надо было сходить с Анжелой на просмотр нескольких потенциальных квартир. Воспользовавшись этой возможностью, я не раздумывая согласился.

Наш хаотичный маршрут начался с Маяковской и закончился в кафе на улице Ломоносова. Называлось оно «Van Der Vafel» и специализировалось на вафлях, бельгийских и не только.

Мы разместились на втором этаже заведения, так что нам было видно, что творится на улице. Он заказал вафлю со сливками и клубникой, я заказал несладкую — с лососем и лимоном.

- Значит у вас всё серьёзно, всё надолго? - спросил Ромка.

Я кивнул.

- Да, всё серьёзно. Кто бы мог подумать, что сайт знакомств может реально работать?
- Да, пути любви неисповедимы, - с видом философа выдал он.

Я поморщился.

– Ну, не то, чтобы любовь... Скорее уже привычка. С ней проще, чем без неё.

Рома в ответ промолчал.

– А у тебя как с этим? - спросил я.

Он только в ответ дёрнул плечами.

– Никак. Я слишком занят для отношений.

– Всё никак не отойдёшь от Наташи? - спросил с ухмылкой я.

Раздался звонок колокольчика у входной двери, и в кафе кто-то вошёл.

– Нет, не в этом дело, - покачал головой Ромка. - Просто всё это слишком запарно. Все эти свидания, походы по кафе... Да и дело это затратное, а я преподавателем работаю. В общем, нет у меня на это ни денег, ни времени!

– Я тебя понимаю, - согласился я. - Если бы не Анжела, я бы, наверно, серьёзные отношения не стал заводить.

– Ой! - раздалось за моей спиной.

Рома посмотрел на вошедших и улыбнулся. Я повернулся. У лестницы стояли два парня, моложе нас, наверно, года на три — в этом возрасте разница ощущается всё меньше и меньше.

– Привет, Дима! Привет, Сергей! - Ромка встал и поприветствовал вошедших. - Вы чего тут делаете?

Дима поприветствовал Рому на «ты», а Сергей назвал его «Роман Юрьевич».

– Роман Юрьевич! - хмыкнул я.

– Ах, да, - вспомнил Ромка, - это мой университетский друг, Игорь.

Мы все познакомились. Сергей с первого взгляда мне не понравился. Что-то в нём было излишне простое и раздражающее, что-то что даже читалось в том, как он был одет. Дима выглядел приличней. По тому, как он одевался и выглядел, хотелось сказать, что он художник, ну или занимается чем-то таким творческим. Был он тихий и не очень общительный.

– Присоединяйтесь к нам, - предложил Ромка.

Они присоединились.

Выяснилось, что эти двое шли с экзамена и решили зайти выпить чайку. Рома с Димой разговаривали свободно, как друзья, а Сергей в основном помалкивал, хотя и откалывал периодически какие-нибудь идиотские комментарии.

Нам с Ромкой принесли наши вафли, парни заказали чай.

– А вы чем занимаетесь? - обратился ко мне Сергей.

– Во-первых, можно и на «ты», - ответил я, жуя свою вафлю. - А, во-вторых, я работаю в банке.

– Ого! Круто! - прокомментировал Сергей. - В большом?

– Немаленьком, - со скрываемым раздражением ответил я. - Банк «Санкт-Петербург».

- И что ты там делаешь? - продолжил Сергей.
- Отдел кредитования. Мы решаем, кому выдавать кредиты, а кому — нет, - уныло ответил я. - А вы что собираетесь делать, когда выпуститесь?
- А я уже работаю программистом, - заявил Сергей.
- А ты? - спросил я у Димы.
- Не знаю, - немногословно ответил он.
- Как, совсем? - спросил я.
- Ну, может, буду заниматься проектировкой и дизайном сайтов, как выпущусь...
- Правильно! Зачем, выпускаясь из экономического вуза, идти по специальности? - пошутил я. Впрочем, никто даже не улыбнулся.
- Он рисует, - вмешался Ромка. - Причём очень хорошо. Я наблюдал за тем, как он рисовал во время моих лекций.
- Ох! - поморщился Дима. - Я и не думал, что за этим кто-то наблюдает. Это же так... наброски.
- А Игорь играет на гитаре, - выдал меня неожиданно Ромка.
- Ого? Круть! - восхитился Сергей. - Рочок-с какой-нибудь, небось?
- Какой-то, да, - нехотя согласился я.

Мы бы, наверно, долго ещё так сидели и болтали ни о чём, если бы у меня не зазвонил мобильник. Я взял трубку. Все затихли.

- Да, дорогая, - ответил я.
- Игорёк, я уже на Невском. Свои дела закончила, поехали смотреть квартиру.
- Блин! Я ещё не поел. Я же просил позвонить мне заранее, а не так, чтобы я вынужден был всё сразу бросить! - разозлился я.
- Ну, доедай и приходи, - решительно сказала она. - Я у башни с часами тебя жду.

Я повесил трубку и выругался.

- Хозяйка? - спросил Сергей, чем получил от меня взгляд полный гнева. - Шучу-шучу, - сразу же стал сдавать он.

Я быстро и молча доел вафлю, пока Дима, Рома и Сергей обсуждали их будущее трудоустройство. Никто кроме Ромки не изъявлял желания работать в академической сфере. Он говорил, что понимает, но не одобряет. Понимает, так как за такие деньги просить людей работать — это бесчеловечно, но не одобряет, потому что кто-то же должен этим заниматься...

Я встал из-за стола.

- Всё, я побежал. Моя гарпия ждёт меня, - и пожал всем руки.

Нам предстояло с Анжелой посмотреть на пару квартир и выбрать ту, в которой мы бы жили ещё в течение нескольких месяцев.

Выходя из кафе, я и не подозревал, что эта случайная встреча окажется столь важной и в некотором смысле поворотной для меня в будущем.

Неожиданная встреча

Игорь, Дима

В тот день мне приснился очень странный сон. Я был женщиной. Я шла по улице, цокая каблучками, в короткой юбочке и маячке с короткими рукавами, с сумочкой через левое плечо. Прокручивая эту сцену в голове, сейчас мне кажется, что у меня не было вкуса и я была одет, как шлюха. Ну, да не суть. Я болтала по мобильному телефону со своей подружкой — мы обсуждали её парня, который её бросил пару дней назад. Подружка говорила, что устала от него, но она не предпринимала никаких действий чисто по привычке. Он её бросил, и, хотя ей было тяжело и непривычно, она счастлива, что всё это произошло.

Я переходила дорогу, когда у меня неожиданно нестерпимо зазудела пятка на правой ноге — никогда в жизни так сильно не чесалась. Я поняла, что не могу не остановиться и не почесать. Но и на дороге вставать тоже было неправильно, поэтому зажав телефон правым плечом, придерживая сумочку левой рукой, я наклонилась и попыталась на ходу почесать пятку. В этот важный момент вылетела машина и сбила меня...

Проснулся я в ленивом настроении. Была суббота, и на работу идти не надо было, поэтому я спокойно позавтракал и начал думать о том, чем бы заняться. Анжела уехала к родителям в Петрозаводск на выходные, и я был предоставлен сам себе.

Я взял мобильный телефон, нашёл в нём номер «Кости», за которым на самом деле скрывалась Кристина, милая девушка, с которой я познакомился в четверг во время обеда в Александро-Невской лавре, набрал и стал ждать.

- Алло, - ответил звонкий голос на том конце.
- Кристина, привет! Это Игорь.
- Какой ещё Игорь? - не поняла она.
- Ну, Игорь с обеда в Александро-Невской лавре, - напомнил я.
- А, Игорь! Так бы сразу и сказал, - ответила она.
- Не хочешь сходить сегодня в кино? - перешёл сразу я к наступлению.
- А что там сегодня идёт?
- А какая разница? - игриво спросил я в ответ.

Кристина в ответ хихикнула.

- А во сколько?
- Можем пообедать в городе, где-нибудь на Малой Садовой, а потом пойти в Кино. Как тебе?
- Ну, давай, - со слабо скрываемой улыбкой произнесла она.
- В два часа, на выходе в сторону Михайловской улицы — подойдёт?
- Да, давай, - согласилась она.
- Тогда до встречи!
- Пока!

В полпервого я вышел из дома и направился к метро. Уже в без пятнадцати два я был на выходе станции «Невский проспект». Я купил букет роз и встал на выходе из перехода, ожидая встречу со своей пассией.

Неожиданно кто-то меня постучал по левому плечу. Я удивлённо обернулся.

– Игорь, привет! - это был Дима, Ромкин друг.

В этот раз он выглядел более расслабленно и раскованно, чем в первый раз, когда мы с ним встретились.

– Привет! - удивлённо поприветствовал я.

– А чего ты тут делаешь, да ещё и с цветами?

– Да... жду девушку.

– Анжелу? - спросил он.

И как он только запомнил её имя?

– Нет, я расстался с Анжелой. Встречаюсь сейчас с Кристиной, - соврал я без каких-либо зазрений совести.

– Оу. Понятно. Не сошлись в чём-то?

– Нет, просто она мне надоела. Наша жизнь превратилась в привычку — как для меня, так и для неё. Кто-то должен был сделать этот шаг. Нам лучше по отдельности, чем вместе...

Выпалив это, я замер и задумался. Неожиданно меня пронизала очевидная мысль. Всё, что я только что наплёл Диме, придумывая на ходу, оказалось пугающе точным описанием моей текущей ситуации. Я уже давно подумывал о том, чтобы расстаться с Анжелой, и в последнее время я находил всё меньше и меньше причин для того, чтобы остаться вместе. От такого откровения я даже непроизвольно опустил букет.

– Ты в порядке? - спросил Дима.

– Да, да... - отмахнулся я, приходя в себя. - Просто задумался, о том, какой спиннинг мне завтра с собой брать... - опять соврал я, чтобы отвязаться от него.

– Спиннинг? - удивился Дима. - Ты рыбачишь?

– Бывает иногда. А что?

– Да я тут подумал..., - замялся он. - Впрочем, неважно...

– Ты хочешь поехать со мной? - спросил я.

Дима стеснённо кивнул.

– Я тоже люблю на природу ездить... Только я не хочу напрашиваться.

Я повёл неопределённо левым плечом. Я вообще-то не планировал брать с собой кого бы то ни было, но почему бы не попробовать?

– Ну, хорошо. Поехали. Я собирался на Вуоксу завтра, на утренний клёв. Где тебя забрать?

– Я живу у Приморской. Может, у метро? - предложил Дима.

- Хорошо. Тогда давай завтра, в четыре утра, около метро «Приморская», - подытожил я.

Дима усмехнулся и улыбнулся.

- Чего? - спросил я.
- Как-то всё спонтанно получилось, - ответил он. - Я обычно не навязываюсь в компанию. Это совсем на меня не похоже.
- Ничего, - улыбнулся я в ответ, - значит, хорошая будет рыбалка.

Дима кивнул, мы попрощались, и я продолжил ждать Кристину.

Свидание с ней прошло неплохо, и закончилось в моей постели. А на следующее утро я поехал на первую свою рыбалку с Димой.

Расставание с Анжелой

Игорь

Расставание — это всегда неприятно. Особенно, когда расставаемый не хочет расставаться с расстающим и начинает психовать. Вообще когда один человек говорит другому: «прости, но нам нужно разойтись» или «я тебя люблю, но как брата» или «давай останемся друзьями», - другой сразу же начинает считать себя жертвой. Анжела считала себя жертвой... У неё сразу же начали всплывать шаблонные фразы из разряда:

- Ты меня использовал! Вы все, мужчины, такие...

Но я из вредности не мог это просто так оставить:

- Тебе не понравилось, что мы были вместе? Или, может быть, тебе не понравилось, как мы целовались у меня в машине у залива? Или же тебе не понравился секс? Я тебя не удовлетворял?

Обычно, если имеется ряд вопросов, человек отвечает на последний. В приведённом выше случае при любом логичном ответе на последний вопрос всегда есть «контрудар».

1. Она говорит: «Нет, не удовлетворял».

Ты ей сразу же «контрольным в голову»: «Я виноват в том, что ты, дура, симулировала оргазм, вместо того, чтобы быть честной со мной?»

2. Либо она говорит: «Нет, что ты, удовлетворял».

Ты ей на это: «Чего ж тебе тогда не нравится? Почему ты говоришь, что я тебя использовал?»

Но Анжела была умной девочкой и нанесла мне удар в поддых, возможно, сама этого и не осознавая:

- При чём здесь это?! Ты думаешь только о сексе! Ты меня использовал ментально! Ты всю мою энергию забрал! Я чувствую себя избитой!

«Ментально!» Вот ведь придумала!

Впрочем, в целом Анжела была права — она была продвинутым человеком и чувствовала, когда я вытворял всякие нехорошие штучки, которым в своё время научился в этих ваших интернетах. Однако почему-то именно в этот момент мне вспомнились «уникальные снежинки» и очень пошлый анекдот про блондинку и микрофон, который я, возможно, потом как-нибудь расскажу.

На ту её реплику мне особенно нечего было сказать, и ничего не оставалось, кроме как просто промолчать.

Слава богу, мы разговаривали по телефону, и она бросила трубку. Если бы мы говорили лицом к лицу, неизвестно, что могло бы произойти дальше. Анжела всё-таки была непредсказуемым человеком и могла выкинуть всё что угодно, чтобы показать себя: начиная попыткой избиения, заканчивая попыткой суицида — и всё это, возможно, на глазах у прохожих. До сих пор не могу взять в толк, каким образом я умудрился с ней так долго продержаться.

Я никогда не умел нормально расставаться с девушками. С одной я порвал так, что у неё после этого была месячная депрессия, и она из дома не выходила. Другая перестала со мной разговаривать. Ещё одна после расставания преследовала меня в течение полугода, поджидая по вечерам у подъезда — из-за неё пришлось снимать другую квартиру...

Не поймите меня превратно, я никогда наслаждения от процесса расставаний не получал и делал это всё не специально. Просто я не знал, как это правильно сделать, да и не слишком силен парился по этому поводу — меня никогда никто не учил тому, как разойтись, не причинив вреда, а на форумах в интернете на вопрос: «Как правильно расстаться с девушкой?» - обычно отшучиваются. Впрочем, обычно меня процесс расставаний не особенно сильно интересовал. В конце концов жизнь жестока, а чем же я хуже?..

Состояние после беседы с Анжелой у меня было гнетущее. Я же говорю: расставание — это всегда неприятно. Чтобы хоть как-то развеяться, я решил прогуляться. Конечно, можно было, как это иногда случалось, взять бутылку вискаря и забыться, но сейчас настроение призывало проветриться.

Было начало весны, деревья ещё не осмеливались распуścić листья, но снег уже почти везде сошёл. В воздухе витали ожидания возрождения природы. Мысли о произошедшем медленно варились в голове. Я зажёл сигарету и затянулся. Выпустил дым, глядя в небо и пошёл вперёд. Все обстоятельства и события вокруг меня сплелись так, что я теперь просто должен был написать какую-нибудь песню.

В голове крутились минорные аккорды и слова, в большей степени личного характера. Я понимал, что Анжеле обидно, что она возлагала какие-то надежды на наши отношения, мне самому было жалко, всё-таки четыре года вместе, но я должен был каким-то образом пройти и отпустить ситуацию...

И на коленях предо мной

Стоит и молит тень из прошлого:

«Не отпускай меня, постой.

Я не хочу быть тобой брошена»

Стараясь не терять нить, которую только что нащупал, я попытался записать придуманное четверостишие на диктофон мобильного. Однако этот подлый гад, как назло не хотел включаться. Я несколько раз пытался перезапустить приложение, включал и выключал телефон, но тот, судя по всему, оказался хитрее меня и работать не собирался. Оставив надежду, зажав между зубов сигарету, я ощупал карманы в поисках какой-нибудь бумажки, но нашёл только жёлтый квадратный листочек, на одной стороне которого

Ромкиным почерком было выведено:

«Центр лис•»

В углах были нарисованы лисы — символ, с которым в какой-то степени ассоциировал себя Дима из-за указания на лис в его фамилии. Как-то так сложилось, что у него даже никнейм на форумах обычно был «Fox». Всего лис на бумажке было четыре: одна — в левом верхнем углу с изображением доллара на носу, другая — в правом верхнем с изображением алого сердца, третья — в левом нижнем с изображением скипетра, а в правом нижнем была четвёртая, ободранная, грязная лиса без каких бы то ни было символов. Точка на бумажке была выведена особенно усердно и была скорее центром изображения, нежели знаком, заканчивающим предложение.

Одна мысль потянула за собой другую, и вот в голове уже стал формироваться музыкальный проект, который должен был называться «•». Однако, чтобы собрать группу, нужен собственный материал, которого пока было немного, и музыканты-единомышленники, которых пока не было вообще. Нужно было что-то делать в этом направлении... Может быть, начать с того, чтобы примкнуть к какой-нибудь существующей группе?

Меня так увлекли все эти мысли про музыку, что я совсем ушёл в себя и перестал обращать внимание на происходящее, полностью отключившись от мира. Поэтому когда я пришёл в себя, то с удивлением для себя обнаружил, что иду по разделительной полосе какого-то шоссе в кромешной темноте. Да, звучит это как какой-то кино-штамп, но в тот момент мне было не до штампов. Мне сигналили автомобили, водители высовывались из машин и выкрикивали ругательства. От такой неожиданности у меня аж челюсть отвисла. Я не мог взять в толк, каким образом оказался тут, да и где вообще нахожусь. Транспортный поток был достаточно плотным, так что сразу перейти на тротуар было сложно и опасно для жизни. Я поглядел на свои руки. В правой руке был давно потухший, отсыревший из-за слюны бычок от сигареты. Я осмотрелся и увидел Петербургскую кольцевую автодорогу, сразу же на меня нашло озарение! Чёрт подери! Это же на другом конце города! Это же север! Тут недалеко станция «Горская» и «Лисий нос» - мы с Димкой как-то ездили сюда к его знакомому. Каким образом я мог оказаться здесь?! И когда это успело так стемнеть?!

Ничего не понимая, я достал мобильный телефон. По какой-то причине он не работал, хотя, вроде бы, я его не выключал. Пришлось включить и дожждаться, когда тот придёт в чувства. После этого я достаточно быстро сумел дозвониться до Ромки.

– Да, - заспанным, недовольным голосом ответил он.

– Ало! Ромка, привет!

Тот встрепенулся и уже более бойким голосом продолжил:

– Игорь! Ты где? Мы тебя уже обыскались!

Я особенно не обратил внимание на его реплику.

– Слушай... у меня тут очень необычная просьба есть... Ты не мог бы меня забрать с шоссе... между «Лисьим носом» и «Горской»?..

– Окей. Минут через тридцать буду. Жди.

Ромка жил недалеко от «Удельной», поэтому ждать мне оставалось действительно недолго...

Я достал из пачки свежую сигарету и закурил.

Лисий нос

Рома, Игорь

Я шёл по какому-то лесу с огромными толстыми, высокими деревьями, одетыми в густую листву. Землю не было видно из-за того, что её закрыли яркие красные и жёлтые опавшие листья. Верхушки деревьев уходили в самое небо. Такая красота! Я дышал полной грудью и чувствовал, как воздух пробирается до самого основания лёгких — невероятное удовольствие! Я чувствовал себя живым и настоящим.

Двигаясь по небольшой тропинке, неожиданно для себя, я вышел на зелёную светлую поляну, на которой сидело пятеро волосатых мужиков с большими бородами, игравшие друг с другом в шахматы на громадном ровном круглом пеньке, сидя на пнях поменьше, удобно расположенных вокруг большого. Они, не говоря ни слова, кивнули в сторону маленького свободного пенька, как бы приглашая к ним присоединиться. Особенно долго не раздумывая, я сел в кожаное кресло и взял карты. Мне повезло — был хороший расклад: четыре туза, но вместо символов мастей почему-то были изображения лисиц. На одной карте лиса держала деньги, на другой лиса держала скипетр и державу, на третьей лисица обмахивалась веером и держала в зубах бьющееся человеческое сердце, а на четвёртой была очень смешная лиса, стоящая на задних лапах, держащая в передних табличку: «Люди добрые, Колобком молю, помогите, кто чем может!». Я улыбнулся и с недоумением посмотрел на мужиков.

- Ну, же! Ходи! Чего ждёшь? - с нетерпением хриплым голосом, несколько грубовато сказал один из них.
- А с чего начать?
- Надо начинать с уничтожения стереотипов и догм, - раздражённо сказал он, как будто повторяет что-то очевидное.

Я вопросительно посмотрел на него. Услышать нечто подобное в такой ситуации было абсурдом. Впрочем, чего же ещё ждать от сна?!

- Вначале научись меняться! - показывая своё недовольство моей несообразительностью продолжил он. - А то так и будешь всю жизнь побираться энергией у случайных прохожих.

Это заявление смутило меня, хотелось узнать, с чего он взял, что я побираюсь, но тут неожиданно и бесцеремонно в нашу беседу ворвался звонок мобильного телефона.

Я проснулся, было часа 3 ночи. Протянул руку к адскому устройству, нажал на кнопку ответа и поднёс телефон к уху.

- Да.
- Ало! Ромка, привет! - раздался из трубки несколько нервный голос Игоря. Я тут же проснулся и пришёл в себя. Наконец-то он нашёлся!
- Игорь! Ты где? Мы тебя уже обыскались!
- Слушай... у меня тут очень необычная просьба есть... Ты не мог бы меня забрать с шоссе между «Лисьим носом» и «Горской»?..

Лисий Нос? И как его туда занесло?!

– Окей. Минут через тридцать буду. Жди.

Я встал, протёр глаза и стал быстро одеваться. Заскочил в туалет и ванную, чтобы всё-таки привести себя в порядок, быстренько сделал бутерброд с беконом, схватил ключи от машины и побежал спасать Игоря.

Мне повезло — особых пробок по дороге не было, поэтому я до «Лисьего носа» добрался минут за двадцать — двадцать пять. Я набрал Игоря.

– Ты где?

– Я смог перейти, стою на выезде из города на автобусной остановке. Кажется, остановка называется «Горское кладбище».

– А, ну я уже почти у тебя.

Спустя пару минут я увидел Игоря, стоящего у обочины, докуривающего сигарету, и подъехал к нему. Выглядел он достаточно бодро и энергично. На лице была капелька смущения, но в целом он был в полном порядке. Он сел в машину, и мы поздоровались.

– Ну, ты куда пропал-то? Все тут изнервничались!

– В смысле «пропал»? - не понимающе спросил он.

– От тебя ни слуху, ни духу уже два дня.

– Как это два дня? - усмехнулся он. - Мы же с тобой вчера вечером по телефону разговаривали. Забыл, что ли?

Я взглянул на него, оценивая адекватность его заявления: то ли он прикидывается дурачком, то ли действительно не понимает, о чём говорит...

– По телефону мы с тобой разговаривали четыре дня назад... Игорь! Два дня назад Анжела мне позвонила и сказала, что ты не пришёл домой, что, наверно, со своими любовницами опять где-то пропадаешь... Мобильник выключен, не дозвониться! Ты куда делся-то? Загулял?

– Ты сдурел?! Никуда я не пропадал! - в своей агрессивной самоуверенной манере проговорил он. - И вообще сегодня мы с ней разговаривали по телефону и расстались.

– Сегодня? О чём ты говоришь?! Когда вы могли успеть? Я её домой закинул только за полтора часа до твоего звонка — второй день ездили тебя искать по всему городу. Слава богу, что ты цел и невредим!

– Полтора часа назад? - Игорь задумался как будто пытаясь что-то сопоставить, после чего более резко ответил. - Ты с ума сошёл! Я из дома вышел час назад, не больше.

– И как же ты с «Парка Победы» за час добрался до «Лисьего носа»? – резонно заметил я.

Этот вопрос поставил его в тупик. По-видимому он и сам не знал, как это объяснить. Затем, оставаясь в таком же состоянии неопределённости Игорь начал шарить по карманам своей куртки.

– Что ищешь? Закурить хочешь? У меня в машине нельзя, ты же знаешь!

– Да, не это! Тут где-то была странная бумажка (я её нашёл в кармане куртки), из-за которой я сильно задумался и оказался тут.

- Ну, ничего себе «задумался»! - я взглянул на него, пытаюсь оценить степень его адекватности. Ничего особенного приметить не получилось.
- Не могу найти, - с раздражением в голосе сказал он, а затем немного встрепенулся, как будто увидав луч надежды и улыбнулся. - Подожди-ка! Да ты меня, наверно, разыгрываешь!
- По поводу твоего исчезновения? Ты чего?! Я бы такими вещами шутить не стал. Хочешь — позвони Анжеле.

Игорь погрустнел, задумался на пару секунд, как будто что-то взвешивая, потом тяжело недовольно вздохнул и всё-таки решился позвонить. Анжела всегда говорила громко, поэтому я невольно подслушал их разговор:

- Привет! - угрюмо сказал он.
- Игорь! Ты где? - радостно заспанным голосом заверещала она.
- Я с Ромкой.
- Ты где был всё это время? Куда пропал? С ума сошёл что ли, так пропадать?! - набросилась на меня Анжела. - Опять со своими шлюхами загулял?! Сколько можно? Я же не железная...

Игорь погрустнел ещё больше и как будто почернел как туча.

- У меня тут случилось кое-что... Только, кажется, у меня что-то типа амнезии. Я ничего не помню. Но нам надо серьёзно поговорить, - голос у Игоря был такой, будто его вынуждают ещё раз пройти по дороге через крапиву, по которой он уже проходил.
- Поговорим, не волнуйся, - настойчиво ответила Анжела. - Как домой вернёшься, всё обсудим!

Игорь молча положил трубку. Я посмотрел на него. Вид его уже несколько изменился: за достаточно короткое время он осунулся и стал выглядеть измотанным и усталым.

- Ты в порядке? - осведомился я.
- Да. Устал только. Нагулялся, - он слабо улыбнулся сквозь свою хмурость. - Можно я у тебя переночую?
- Конечно, - без колебаний ответил я.

Игорь кивнул и после крохотной паузы добавил:

- Спасибо.

Никогда ещё я не видел его таким унылым.

Дома я ему постелил в комнате-офисе, а сам пошёл спать в свою. Отрубился я буквально минут через десять — всё-таки сказывалась усталость от долгих поисков...

Ты спишь?

Игорь, Рома

Мне снился очень странный сон. Вообще до этого сны я не очень хорошо запоминал, но этот врезался в память на всю жизнь, так как был неестественно реальным и ярким. Я шёл по полю ржи ночью. Небо было чистейшим, усыпанным звёздами. Луна светила как

бешеная, накладывая светлые краски ровными слоями на потускневший лес на горизонте. Воздух был прохладным, однако мне по какой-то причине даже зябко не было. Наоборот всё в теле кипело, энергия лилась через край.

Я посмотрел на свои руки и понял, что мир вокруг меня абсолютно реален. Ромка мне как-то рассказывал, что если во сне посмотреть на свои руки, то сразу же начинаешь понимать, что ты спишь, но тут у меня случилось всё совсем по-другому: я понял, что я не сплю, а живу, причём в абсолютно реальном мире.

Я посмотрел, во что одет: какая обувь, какие штаны, и так далее. Каково же было моё удивление, когда обнаружилось, что одет я в кольчугу, сапоги, на голове у меня шлем... В общем, на мне было какое-то средневековое военное обмундирование. Оказалось, что у меня ещё и меч есть. Я достал его из ножен и покрутил в руках.

В этот момент на меня снизошло озарение: я понял, причём понял всем своим телом, всеми своими мускулами, сердцем, печёнкой-селезёнкой и прочими внутренностями, что вот это вот моя настоящая жизнь, что всё остальное — это всего лишь выдумка, сон. Все эти истории про Анжелу, Ромку, Димку стали казаться всего лишь игрой моего воображения. Я знал, зачем я здесь, куда иду, с чего всё началось. Никаких сомнений в реальности этого мира не было. Старый мир, который я помнил ещё несколько мгновений назад стал исчезать и заменяться этим миром...

И тут он вылетел из-за деревьев! Я ждал его. Судя по всему, он меня тоже искал. Дракон немного притормозил, зависнув на мгновение в воздухе, и, издавая жуткий крик, кинулся в мою сторону. Я стоял в боевой позе, сжавшись как пружина, но не двигаясь. Ещё чуть-чуть, ну же! Ближе!

Когда расстояние стало критическим, я отпрыгнул в правую сторону и нанёс удар в направлении, в котором только что стоял. Я попал. Этот удар был смертельным. Я просто знал это. Однако дракон зацепил меня своим крылом и прижал к земле своей тушей. Я почувствовал как силы покидают меня и сделал последнее усилие, пытаюсь освободиться...

– Доброе утро, - сказал вошедший и впусивший солнце в комнату Ромка. – Точнее доброе что бы оно там за окном ни было.

Я еле-еле открыл глаза. Что-то совершенно странное и невероятное происходило со мной в последние дни. Что-то навалилось и, казалось, то ли пыталось задавить меня, то ли просто пробовало меня на прочность, нажимая с разных сторон.

– Ну, что, соня? Как ты себя чувствуешь? - спросил Ромка, взглянув на моё заспанное лицо.

– Паршиво. В последнее время происходит что-то совсем странное.

Постепенно мир стал принимать свои очертания и вставать на свои места. Кажется, всё это время я всего лишь спал. Мир выстроился в линию, и никаких особых пробелов в голове уже не ощущалось.

– Кажется, мы с тобой вчера перебрали? - шутливым тоном заметил Ромка.

– В смысле? - я сел на край кровати и с непониманием взглянул на него.

– Что, провалы в памяти?

– Есть немного. Не сможешь восстановить?

- Ну, ты вчера расстался с Анжелой, пришёл ко мне вечером весь расстроенный и как будто отсутствующий. Мы с тобой вначале раздавили по «мерзавчику», а потом решили, что, коли праздновать, так уж основательно... Что, неужели мне нужно тебе детально пересказать весь вчерашний вечер?

Ромка улыбался — видно было, что этот пробел в моей памяти его забавляет, потому что у него таких нет. Я пригляделся к нему и разглядел следы похмелья.

- Ничего уже не понимаю! В последнее время мне такие сны сняться, что я их путаю с реальностью и теряюсь, - устало выговорил я.

Это заявление Ромку несколько смутило, он сел на край кровати рядом со мной и сказал:

- Слушай, у меня тоже! Такие странные сны! И такие реальные! Например, сегодня приснилось, будто мы с тобой ходили на охоту на лис, - он углубился в свои воспоминания, прокручивая эпизоды своего сна в голове. - И всё так реально было...

Он замолчал, что-то продумывая и взвешивая, после чего уже более живо продолжил:

- Я же в своё время немного занимался осознанными сновидениями, поэтому хоть и небольшой, но какой-то опыт у меня есть — распознавать сны я умею. А тут как не проверяешь, всё время получается, что ты существуешь в абсолютно реальном мире.

- А сейчас ты спишь? - решил пошутить я.

Ромка замер на пару секунд, оглядываясь по сторонам, потом уверенно сказал:

- Сплю, конечно.
- Как это? – не понял я. Подобное заявление меня обеспокоило.
- Ну, это стандартная проверка на осознанность, - он стал с нескрываемым интересом объяснять мне. - На твой вопрос существует только один правильный ответ. Если ты не осознаёшь мир вокруг себя, то ты действуешь точно также, как действует спящий человек, фактически ты спишь. Если же ты осознаёшь свои действия, то понимаешь, что вся эта реальность вокруг тебя мало чем отличается от сна.

Кажется, он потерял меня... Вся эта эзотерическая лабуда всегда мне казалась чушью.

- Что за чушь?! Как реальность может быть сном? - раздражённо спросил я.
- Ну, для того, чтобы понять это, нужно побывать хотя бы в одном осознанном сновидении. Это скорее на уровне ощущений. Ты просто понимаешь, что всё в мире брэнно и несущественно...

Я хмыкнул. Кажется, у меня были пару раз осознанные сновидения, но того состояния, о котором он говорил, я никогда не достигал.

- Ладно, - заключил Ромка и встал с кровати, - пойдём завтракать. Потом поговорим на эту тему.
- У тебя есть что-нибудь от похмелья? - медленно и осторожно вставая с кровати, чтобы не уронить и не разбить свою хрупкую голову, спросил я.
- Есть классика. Рассол. Подойдёт? - ответил Ромка и вышел из комнаты.

Я криво улыбнулся и последовал за ним на кухню.

Рыбалка

Дима, Игорь

Несмотря на то, что с Ромой я познакомился раньше, более крепкие дружеские отношения у меня сложились с его вузовским другом, Игорем. Выяснилось, что у нас с ним несколько общих интересов. Одним из них оказался интерес к рыбалке.

Игорь вообще в этом деле был безудержным маньяком: несмотря на то, что на тот момент он всё ещё работал в банке, он был готов просыпаться часа в два ночи в выходные, оставляя очередную свою девушку в постели, ради того, чтобы уже к пяти утра быть на месте, разложить снасти, закинуть удочки, поставить закидушки и встретить рассвет, застав утренний клёв. Ловил он стабильно: вне зависимости от времени суток, года и погодных условий он всегда домой привозил хотя бы полкило рыбы. Иногда это были караси или плотва, иногда — окушки. Реже он привозил лещей, щук или судаков.

Я к рыбалке относился прохладней, но всё же тоже любил — ещё отец привил мне такое к ней отношение. Однако для меня всегда важнее была сама возможность выбраться за город и расслабиться — результат ловли для меня никогда самоцелью не был.

В одну из суббот, ранней осенью, когда уже постепенно приближались холода (но пока не настолько, чтобы рыба совсем исчезла), в два тридцать, я жду Игоря у своего подъезда, ежась от ночной прохлады и пытаюсь считать звёзды. За спиной — старый рюкзак песочного цвета, в руках — удочка в чёрном чехле. Большие зевки. Пальцы мёрзнут. Двор вымер, хотя в некоторых окнах всё ещё горит свет. Мимо меня прошла воркующая парочка. Игоря всё нет. Подставляю наручные часы под слабый свет фонаря. Два сорок. Поднимаю голову и вижу прямо перед собой, метрах в трёх, машину Игоря. Фонари включены на полную, Игорь уже ставит на ручник и выходит.

- Привет! Как это ты сумел так подкрасться? - спрашиваю я.
- В смысле? - не понимает Игорь, жмёт мне руку, помогает уложить вещи в машину.
- Ну, я только на часы взглянул, а тут ты как будто материализовался.
- Да ты спишь просто, - замечает Игорь. Я усмехаюсь в ответ.

Едем без особых эксцессов, особенно не превышая скорость. Болтаем о всяком.

- Как твои тренировки? - спрашиваю я.

Ещё весной Игорь записался на Кунг-фу, или как там его... и теперь трижды в неделю по вечерам ходит на занятия.

- Отлично, - загорается он в ответ. - Как раз вчера была тренировка, на которой мы обрабатывали отжимания от шеи партнёра.
- Чего? - я морщусь.

Сложно понять, что же он имеет в виду и, наверно, не особо хочется — они там какими-то странными штуками постоянно занимаются.

- Ну, один человек ложится на спину, другой берёт «Нун-чаки» и верёвкой упирается в горло партнёра, после чего начинает отжиматься.
- Бр-р-р.

- А ещё, - неожиданно переходит Игорь на другую тему с ещё большим энтузиазмом. - У меня успехи в области энергетики.
- Чего? - опять не понимаю я.
- Ну, как же? Разве я тебе не рассказывал? - удивляется Игорь, отвлекаясь от дороги.
- Нет, не помню.
- В общем, суть техники заключается в доведении до автоматизма вначале процесса включения энергии на кончиках пальцев за счёт ряда упражнений, а потом – процесса внутреннего включения, независимого от пальцев. Дополнительно к ней – ряд упражнений по повышению чувствительности.
- Всё, Игорь, - перебиваю я, - ты меня потерял.
- Ну, приедем на место, я тебе покажу, - обещает он.

Я киваю, смотрю в окно и замечаю, что мы уже стоим. Только что ещё ехали по Приморскому шоссе, а тут – «бац» и уже на месте. Причём, «бац» получился абсолютно неощутимый – я даже не почувствовал, как мы сбросили скорость со ста двадцати и остановились. Вокруг лес, впереди виднеется озеро. Солнце уже взойшло и подсвечивает то, как от воды поднимается пар.

- Ну, приехали. Ты в порядке? - спрашивает Игорь.
- Да, конечно, - спокойно отвечаю я.
- А то ты меня перепугал по дороге сюда, конечно... Ну, да ничего. Теперь вся рыба наша, - шутя, Игорь выходит из машины.
- Слушай, чего-то мы быстро добрались, - недоумеваю я и тоже вылезая, почёсывая затылок.
- Ну, уж! - хмыкает Игорь и смотрит на часы. - Полтора часа — это по твоему быстро? Ну, конечно, чуть быстрее, чем обычно...
- Да, но...
- Да ты заснул просто, Димка, - Игорь достаёт из машины снасти. Я, пребывая в некотором удивлении, помогаю ему всё приготовить.

В течение нескольких минут мы готовимся к рыбалке: я достаю удочку из чехла, нацепляю поплавок, поводок с крючками, червя и забрасываю. Достаточно глубоко, поэтому приходится пару раз поднять поплавок и перебросить. В конце концов я устраиваюсь и сижу, жду поклёвки.

Свежий утренний воздух, восходящее солнце, тишина, водная гладь и пар над ней. Игорь сидит в камышах справа от меня. Пока ни у кого не клюёт. Настроение у меня почему-то такое, что ловить особо ничего и не хочется. Хочется просто сидеть и смотреть на то, как мир постепенно просыпается: птицы вспоминают, что им положено щебетать, рыбки выпрыгивают из воды, потихоньку поднимается ветер и осеннее солнце начинает постепенно пригревать. Я впадаю в странное сонное состояние. Нет, я не сплю, я знаю, что сижу на берегу озера, знаю, что рядом сидит Игорь и у него так же, как и у меня ничего не клюёт, я вижу мир вокруг себя чётким, а не как во сне... Но при этом мыслей в голове у меня практически нет. Мне просто нравится быть в таком состоянии, я просто люблю весь мир вокруг себя и никого обижать и убивать мне не хочется.

Неожиданно меня стучат по плечу. Я вздрагиваю и поворачиваюсь.

Игорь стоит и укоризненно смотрит на меня:

- Ты чего колдуешь, тут?
- В смысле? - не понимаю я его.
- Мы же приехали на рыбалку, рыбу ловить, а не сидеть и любоваться пейзажами. Знаешь, сколько я усилий потратил для того, чтобы встать рано утром и ещё за тобой заехать? А ты тут сидишь и колдуешь о том, чтобы не клевало!

Меня подобное заявление смутило и удивило.

- Да ты чего? Какое к чёрту колдовство? Я просто сижу и наслаждаюсь процессом.
- Наслаждайся, но без намерения ничего не поймать. Если сам ловить не хочешь, так другим хотя бы воду не мути! У меня из-за тебя тоже ни черта не клюёт, хотя рыба даже выпрыгивает из воды рядом с поплавком.
- Ну, а я-то тут...
- Короче, - перебивает Игорь. - Я пойду пройдусь вдоль берега, а ты сиди тут и стереги машину.

Я в недоумении киваю. Игорь уходит. Смотрю на поплавок и неожиданно замечаю, что солнце, которое стояло только что над деревьями у горизонта уже стоит прямо над нами. Уже пригрело, да так, что мне даже стало жарко. Слышу шорох справа от себя. Смотрю — идёт Игорь с садком, полным рыбы в правой руке и удочкой в левой.

- Ну, что, турист? Хотя что-нибудь поймал?
- Кажется, нет, - в недоумении отвечаю я, осматривая свои снасти.
- Учись, студент, - Игорь поднимает садок. Там, наверно, около пяти килограмм плотвы и окуней. - Уже клевать перестало, предлагаю домой выдвигаться.

Я смотрю на часы. 11.30. И куда только девалось всё время?

- Димка, не спи! – говорит Игорь, направляясь к машине. Я сматываю удочку и иду за ним.

В тот раз я ничего не поймал и вернулся домой с пустыми руками. Удивительно, но спать мне не хотелось в течение всего дня, а сомкнуть глаза удалось только утром следующего дня, в пять часов. Однако такие провалы времени с тех пор у меня не происходили. Я сейчас думаю, что это Игорь на меня так повлиял...

Игра взглядов

Игорь

Это был достаточно сложный период в моей жизни. В банке заваливали работой, я выбивался из сил, выполняя множественные дурацкие поручения. С музыкой ничего никак не складывалось, группа, к которой я примкнул весной в качестве гитариста, не развивалась, а только копалась в мелочах. Серые будни впитались уже в мою кожу и стали единственным, что я имел в жизни. После расставания с Анжелой я решил, что серьёзные отношения мне больше ненужны, поэтому встречался с разными девушками, но с каждой — недолго. Каждое расставание заканчивалось каким-нибудь скандалом, но отношение к ним у меня становилось всё проще и проще.

Для того, чтобы чем-нибудь себя занять и не уйти в запой или ещё куда-нибудь, я

записался на тренировки по рукопашному бою.

Нашёл я эту группу через своих знакомых. Мне сказали приехать на Пионерскую 13 мая к 20.00, мол, там меня будет ждать тренер. Также нужно было с собой захватить любую спортивную форму и кеды. Никакого телефона не дали — по-видимому, я должен был найти тренера на ощупь. Надо сказать, что в детстве я занимался Каратэ и описанная форма одежды меня несколько смутила — я привык, что мы всегда занимались в кимоно да ещё и босиком. А тут: спортивные треники, маячка с надписью «Unique snowflack» и дешёвенькие чёрно-белые кеды.

Впрочем, это не изменило моего решения, и в обозначенный день, в обозначенное время, я был на месте. Ко мне подошёл лысоватый мужичок в очках и с пивным животиком.

– Игорь?

– Игорь Иванович?

Мы, как это принято, пожали руки. Мужик всем своим поведением показывал, что ему всё равно, есть я или нет меня. Однако само присутствие рядом с ним вызывало положительные эмоции. Он мне понравился с первого взгляда. Другое дело, что по внешнему виду его сказать, что он — преподаватель единоборств было невозможно.

– Сейчас ещё подтянутся ребята, и мы пойдём в зал. Тут недалеко, минут десять пешком.

– Окей.

Мы простояли несколько минут, поддерживая разговор, каждый с сигаретой в зубах. Я ради приличия спрашивал о том, что же нам предстоит, когда он начал заниматься и так далее. Игорь Иванович оказался достаточно общительным человеком, отвечал на вопросы с энтузиазмом. Общаться с ним было легко.

Мы дождались остальных ребят. Один из них был моего возраста, ну, разве только на год — два постарше. Он представился как Ваню. С ним я потом и поладил лучше, чем со всеми остальными.

Залом, до которого мы добрались, оказалось небольшое помещение детского сада. Это была ещё одна неожиданность. Я уже привык, что все тренировки проходят в специальных залах с татами на полу, а тут — зал для ритмики, линолеум...

Игорь Иванович вначале провёл пятнадцатиминутную разминку, после которой нам казалось, что тренировка должна закончиться, так как сил уже ни у кого не оставалось. Затем он рассказал про общие принципы техники, после чего предложил нам отработать какой-то очень простой удар ногой, попутно описывая чем нам грозит неправильное исполнение удара: вывихами, растяжениями, синяками, порванными связками, переломами — в зависимости от допущенной ошибки.

К окончанию тренировки мы попросили его показать нам какой-нибудь удар. Он дёрнул плечами, показал на меня пальцем:

– Игорь! Иди сюда. Держи «боксёрскую лапу». Крепче. Прижми к груди. Вот.

Я беспрекословно выполнял указания.

– А теперь очень простой и расслабленный удар, показываю медленно.

Игорь Иванович встал в полуметре от меня, поднял правую руку над головой и

спокойно и очень расслабленно опустил её ладонью на «лапу». Из-за этого простого и спокойного движения меня отбросило назад, я еле устоял на ногах. При этом никакого толчка или давления со стороны тренера не было. Он просто опустил руку куда-то в меня.

- Ничего не понимаю, - не скрывая своего удивления заметил я. - Как так?
- А это мы как раз и обсудим на следующем занятии, - довольно улыбнулся он, радуясь тому, что сумел произвести впечатление.

Вообще, вспоминая сейчас, первые занятия рукопашным боем были просто жуткими из-за того, что я не мог сделать и четвёртой части того, что нам давал тренер — мышцы не хотели работать так, как надо, голова не понимала, что она тут делает, после каждого занятия я еле-еле добирался до дома и умирал. Однако, примерно месяц спустя я заметил, что мир стал окрашиваться в более яркие цвета. По утрам вставалось значительно легче, днём я был бодрячком, хотя и двигаться было больно из-за протестующих такому образу жизни мышц и синяках на теле после спаррингов, а по вечерам, три раза в неделю, я хватал форму и бежал на тренировку.

Уже потом мне стали понятны основные принципы этого самого «рукопашного боя». Во-первых, под столь невыразительным названием, на самом деле, скрывались сложные техники, берущие своё начало из китайских единоборств «кунг-фу» и «вин-чунь». Во-вторых, в основе техники лежало два элемента:

1. Импульсы с одновременным расслабление определённых групп мышц во время удара.
2. Психо-энергетическое воздействие на противника.

С первым элементом я как раз и ознакомился на том первом занятии, на собственной шкуре. Выполнить его было непросто: нужно было напрягать только определённые группы мышц, в определённые промежутки времени, полностью расслабляя другие. В итоге удары получались быстрыми, хлёсткими, болезненными и опасными для применения без определённых знаний, так как при неправильном выполнении можно было повредить свои же конечности.

Со вторым элементом нас познакомили только несколько месяцев спустя после начала тренировок. Игорь Иванович рассказал нам о нём не на тренировке, а на некоем дополнительном собрании, которое, правда, прошло в баре. Этот элемент заключался в тренировке различных состояний взгляда перед зеркалом (начиная от взгляда, показывающего любовь, до взгляда «ненависти») и включения различных энергетических потоков в теле. Тренер показал нам ряд упражнений и сказал выполнять их каждый день. Я как послушный ученик стал ими заниматься. Самым сложным была «игра взглядов», и приступил к ней я не сразу, какое-то время просто боясь начать. Практиковать это упражнения я начал практически случайно – когда спускаясь по эскалатору по пути на работу, я бесцельно смотрел на серые лица поднимающихся мне на встречу людей. Именно в тот момент мне вспомнилось это упражнение и что-то внутри предложило попробовать.

Уже научившись у зеркала делать «жёсткий», «закрытый» взгляд, я включил его здесь и начал останавливать его на лицах людей, смотря им прямо в глаза, ожидая, когда они заметят меня, а потом отведут свои взгляды. Самым сложным в упражнении оказалось удержаться и не перевести взгляд первому. По неизвестной причине мне казалось даже несколько неприличным быть замеченным в том, что я уставился на кого-либо. Однако я себя пересилил, и у меня постепенно стало получаться. Оказалось, что не я один такой трус. Люди вообще боятся визуального контакта с незнакомцами, даже если этот

незнакомец находится на расстоянии.

Спускаясь по эскалатору, я величественно давил своим тяжёлым взглядом всех подряд. Люди смотрели на меня первые секунду — две, после чего сразу же стыдливо начинали смотреть в другую сторону. Я торжествовал. Я почувствовал в себя силу. В течение всего дня я так развлекался, хотя на работе решил эту технику не использовать — мало ли как это воспримут мои коллеги.

Последствия этой тренировки в тот день были для меня совершенно неожиданными. По дороге домой я настолько выбился из сил, что последний километр до дома, который нужно было преодолеть пешком для меня оказался настоящей пыткой. Включённый во мне механизм контроля взглядов заставлял видеть всё вокруг и выискивать людей. Глаза устали, щипали и закрывались. В мышцах появилась усталость, идти никуда не хотелось — было желание просто плюхнуться на асфальт и вырубиться. Но я на уровне интуиции понимал, что останавливаться нельзя. Я еле-еле добрался до дома и, не разуваясь, устало упал на диван и отключился.

Несмотря на этот негативный эффект, я решил, что прекращать свою тренировку на этом не стоит. И на следующий день «Игра взглядов» продолжилась. К вечеру я был вымотан примерно так же, как и в предыдущий день. Однако я начал ощущать, что во мне что-то меняется, что практика даёт свои плюсы. Всю неделю я так занимался, пугая случайных прохожих жёстким взглядом. Очень редко мне попадались люди, которые не отводили взгляда. Первое время в таких ситуациях я сам отступал, потом стала получаться «ничья», когда никто взгляда не отводил до момента потери контакта, а затем, после недель тренировок, таких, кто смог бы устоять перед моим взглядом, почти не осталось.

На тренировке моё поведение так же несколько изменилось. Я стал агрессивней, люди, с которыми я занимался в парах под моим взглядом боялись нанести удар в полную силу, боялись отражать мои удары — они явно не занимались тренировкой психики. Больше всех страдал бедняга Ваню, так как мы с ним были одной весовой категории и нас достаточно часто ставили в пару. Тренер начал замечать изменения во мне, и похвалив то, что я так усердно работал, следуя его указаниям, заметил, что ребята, с которыми я занимаюсь являются только условными противниками — здесь, в зале, они в большей степени мои партнёры, поэтому давить их не стоит.

Спустя какое-то время я заметил, что дальнейшего роста в этой технике у меня не наблюдается. Я решил со взглядом ещё и включаться энергетически. Я посылая различные энергетические заряды в людей: как позитивные, так и негативные — вкладывая в них тот или иной смысл. По началу эффекта не было никакого, но спустя какое-то время я заметил, что если посылаю положительный заряд, то у людей на лицах появляются улыбки, спокойствие, морщины выравниваются, некоторые даже начинают смеяться. С негативными зарядами картина была противоположная: люди хватаются за головы, хмурятся, а особо нервные начинают плакать. Я чувствовал, как получаю и развиваю в себе какую-то очень особую силу. Власть над людьми прельщала и наполняла уверенностью.

Всё закончилось резко и неожиданно, когда однажды на улице, я столкнулся взглядом с невысоким, неприметным человеком в блёклых солнцезащитных очках. К сожалению, ни его внешность, ни его лица я совсем не запомнил, несмотря на то, что память на лица у меня всегда была неплохая.

Была ранняя весна. Был вечер. Человек встретился мне на улице, взгляд не отвёл, на энергетический посыл никак не отреагировал, в сторону не ушёл (как это бывало обычно), а наоборот, как намагниченный, направился ко мне.

– Игорь?

Вопрос меня смутил и мой взгляд отключился сам собой. Я опешил.

– Да.

– Мы следим за тобой достаточно давно. Если ты не прекратишь нарушать баланс и давить на всех подряд, нам придётся принять меры.

Человек говорил так уверенно, взгляд его был таким острым и проникающим, что у меня аж начало воротить кишки. Я ничего не мог ответить, да и, наверно, не должен был. От этого взгляда я просто-таки развалился на части, на меня напала жесточайшая депрессия и апатия.

Человек посмотрел на меня пару секунд, после чего еле заметно кивнул и пошёл прочь, сняв с меня свой жуткий взгляд.

Я прекратил свои практики и тренировки и в зале с тех пор не появлялся. «Игру взглядов» я забросил и больше к ней не возвращался.

Провалившееся собеседование

Рома, Кирилл

Наступил сложный период в моей жизни. Мне нужно было решить, чем заниматься и кем же в конце концов стать. Аспирантура закончилась, кандидатская была защищена, и нужно было либо идти в бизнес, либо пытаться зацепиться в вузе на роли старшего преподавателя с заработной платой в два раза ниже средней по городу. Родители давили. Они хотели, чтобы я стал банкиром, как Игорь. Чтоб ходил на работу в костюме с иголки. Чтоб уходил из дома в 7 – 8, а назад возвращался поздно вечером, в одиннадцатом часу (конечно, этого они не хотели, но мне представлялось, что именно так и будет). Чтоб был важным и востребованным. Чтоб был таким влиятельным денежным мешком.

Всё это было мило, но абсолютно не вписывалось в мою картину мира, в которой человек должен быть свободным и независимым. В моём мире человек работает тогда, когда хочет, а не 5 дней в неделю. В моём мире человек отдыхает тогда, когда хочет, а не ночью, в выходные или во время отпуска. В моём мире у человека деньги появляются тогда, когда нужно, а не каждый месяц одинаковыми порциями. В моём мире человек крутит вещами, а не они им. Мой мир никто не понимал. В мой мир никто не верил.

В конце концов я уже был готов сдаться и идти в банк — такой прессинг на меня оказывался. Единственное спасение я находил в снах. Днём я ждал, когда же, наконец, удастся заснуть и забыться, а утром я с воодушевлением прокручивал в своей голове просмотренные за ночь сны. Сны у меня были в этот период очень красочные и запоминающиеся, но неосознанные — я боялся двигаться в этом направлении после всего того странного, что происходило со мной в студенческие времена.

В итоге, мои родители договорились со своими знакомыми о проведении собеседования со мной в одном банке. Я напялил на себя свой костюмчик, в котором ещё праздновал выпускной в вузе, плащ, купленный мамой в магазине «Henderson» и выдвинулся на встречу, стараясь как можно меньше думать о продаже себя в рабство.

В метро были свободные места, поэтому я сел. На одной из станций рядом со мной уселся мужичок, от которого несло перегаром. Он был пьяноват и странноват, грязноват и не чёсан. Однако я старался не обращать на него внимание и особенно не оценивать

сложившуюся ситуацию. Когда в поезд вошла женщина, он попытался усадить её на своё место, но она не хотела садиться. Он стеснительно дёргал руками и поворачивал голову, но в итоге сел назад. Мне это показалось забавным, и я улыбнулся. Мужичок посмотрел на меня (опять же, робко и неуверенно), после чего уставился на рекламные плакаты. Я уже наблюдал за ним остранным и с интересом, но не назойливо, скашивая глаза. Он периодически кидал на меня взгляд, а потом опять уставлялся в рекламу. В конце концов он склонился ко мне и сказал на ухо:

– Спасибо тебе! Ты хороший!

Меня его слова безмерно удивили. Обычно люди такое не говорят, тем более мне, тем более с такой искренностью. Наверно, это из-за того, что он был пьян. Я взглянул на него и немного поднял брови. Его понесло:

– Они, - указал мужичок на сидящих напротив нас людей, - все злые. А ты хороший. Спасибо тебе. Я сам – моряк, а ты... Спасибо тебе.

Мужичок опять вернулся к созерцанию своего плаката, я уже подумал, что на этом наш разговор окончен, но тот спустя пару секунд опять склонился ко мне:

– Спасибо тебе, ты такой хороший. Ты так улыбаешься. У тебя глаза добрые, глаза мамы, а они... - он опять кивнул в сторону вымышленных их вокруг. - У них очень много ненависти и злобы.

Мужичок был коренастый, невысокого роста, с коротко стриженными пепельно-чёрными волосами. Лицо и руки его были то ли загорелые, то ли грязные. Однако это у меня не вызывало никаких отрицательных эмоций. Его монолог несколько меня не напрягал.

– Я сам – моряк, - продолжал мужичок. - И вот, что тебе скажу! Не забывай своих родителей! И не женись рано. У тебя ещё всё впереди. Ты хороший. Спасибо тебе.

Он периодически возвращался к своему плакату, после чего снова и снова склонялся ко мне и говорил на ухо. Вся ситуация была настолько необычной, что я не мог никак оценить её. Я просто слушал его, немного склонив голову в его сторону, чтоб ему было удобней говорить.

– Все эти девушки – это хорошо. Встречаться, там... Но не женись пока. Не надо. Ещё вся жизнь впереди. Я – сам моряк. А ты... Спасибо тебе!

Я в недоумении пожал плечами, показывая, что, собственно говоря, не за что, и не особенно понимаю, к чему это.

– И вот ещё что, - продолжал он. - Не забывай своих родителей, маме звони. Помни их, уважай. Но делай то, чего ты хочешь. Тебе хотят навязать свои желания, хотят, чтобы ты делал что-то такое. А ты делай то, чего сам хочешь, - последняя фраза заставила меня сильнее к нему прислушаться и подозрительно покоситься на него.

Конечно, этот мужичок не мог иметь представления о том, что происходит в моей жизни, само собой. Но, может, он что-то почувствовал? И, возможно, особенно не контролируя себя, начал говорить о том, что нащупал, просто потому что ему захотелось поговорить. Всё остальное о чём этот моряк говорил далее, прошло мимо моих ушей. Очень многие вещи я просто пропустил, не придав им значения. Остальные были повторением одних и тех же тезисов, о том, что он моряк, а я — хороший.

– Серы... Сергей, - вовремя поправил он себя в какой-то момент и протянул мне

руку.

Я особенно не колеблясь протянул ему свою:

– Рома.

– Спасибо тебе, Рома! - как-то очень искренне проговорил он и пожал мою руку.

Дальше он продолжил свою стандартную тираду о моряке, обо мне и о них, а я взглянул на сидящих напротив меня людей. Их нейтральные лица превратились либо в пустые маски, на которых не читается ничего: ни эмоций, ни мыслей, ни интеллекта – либо в маски омерзения: чувствовалось, что они относятся к Сергею с большим пренебрежением, считая себя значительно выше его. А так как я выслушивал его и не послал куда подальше сразу, они, наверно, невзлюбили и меня. После рукопожатия на их лицах вообще появились гримасы презрения. «Как можно пожимать руку такому человеку!!! Я бы никогда! Я значительно выше этого» - так и читалось на их лицах. Важность людей лезла из всех щелей и, казалось, они скоро лопнут как перекаченные надувные шарiki. Это сочетание надменности и пустоты у меня в свою очередь вызвало только улыбку.

Объявили мою станцию.

– Мне пора. До свидания.

Я встал. Сергей протянул руку, я пожал, он меня немного задержал и посмотрел в глаза.

– Спасибо тебе!

Я пожал плечами и вышел, даже забыв поблагодарить Сергея в ответ.

На собеседовании сидели люди, чем-то напоминавшие тех, в метро. Конечно, в них не было такого презрения ко мне, они были явно умными, начитанными, знатоками своего дела, но в них читалось то, какими важными они себя чувствуют. Обсуждение шло мирно, без особых проблем. Они задавали вопросы, я отвечал. Они задавали ещё, я отвечал ещё. И так примерно полчаса. Однако, как мне удалось заметить, к окончанию собеседования директор остался недовольным процессом – это было видно по его глазам.

– Спасибо большое, Роман Юрьевич. Мы вам позвоним.

Спасибо, сказанное этим человеком: чистым, вымытым, в духах, в дорогом костюме «Bugatti», в галстукe «Bugatti», с запонками «Bugatti», с часами «Bugatti» и, наверно, даже лысиной «Bugatti» - было абсолютно искусственным, этикетным. Сергей из метро говорил от всего сердца, а этот говорил потому что так надо. Кто из них был настоящим, кто из них жил по-настоящему?

Я в свою очередь вежливо откланялся и, погрузившись в свои раздумья, направился домой.

Я не был мотивирован для того, чтобы пройти собеседование успешно. На все эти дурацкие вопросы о том «Каким Вы видите себя через пять лет», я отвечал в своём стиле, по-философски, о том, что будущее не predetermined, и нет никакой гарантии того, что я доживу до той точки, о которой они спрашивают. Ответы такого типа их явно разочаровали, они ожидали больше энтузиазма от человека без работы. Возможно, именно из-за этого собеседование я и провалил.

Я так сильно погрузился в эти свои мысли о произошедшем, что на выходе из банка

нечаянно столкнулся с молодым человеком. Он повалился плашмя на землю, прямо спиной и, по-видимому, больно ударился. Он морщился, но при этом только издавал «А», выдыхая воздух, поглядывая на меня с недоверием, как бы говоря: «За что ты так меня?».

- Ой, простите, пожалуйста, - стал извиняться я и бросился его поднимать, протянув ему руку.
- Дружище, ты что спишь? - сдавленным голосом задал мне вопрос незнакомец, взяв мою руку.

Конечно же, я знал единственный правильный ответ на этот вопрос и решил выдать его, попутно пытаясь детально осознать происходящее:

- Да, я сплю.

Парень посмотрел на меня удивлённо и, улыбаясь, поднялся на ноги с моей помощью.

- Я тоже сплю. Однако наше столкновение, кажется, начинает меня пробуждать, - вместо того, чтобы отпустить мою руку, он её покачал. - Кирилл.
- Рома, - я пожал его руку в ответ.

Кирилл был высоким, выше меня, со светлыми голубыми глазами, с прямым носом, со светло-коричневыми коротко стриженными волосами. В нём было что-то притягательное. Взгляд его был добрый и располагающий к общению.

Только после столкновения, когда я стоял и смотрел в глаза Кирилла, в моей памяти всплыла фраза, которую мне говорил в метро Сергей, и которая каким-то образом прошмыгнула мимо меня за витиеватым потоком его мыслей:

«Тебя сегодня большие перемены ждут, но ты не бойся, действуй так, как чувствуешь. Ты хороший, поэтому у тебя всё получится так, как ты захочешь. Спасибо тебе!»

Тёмная сторона комфорта

Рома, Кирилл

Сошлись мы с Кириллом на теме того, что ему нужен был специалист по математическим методам для какого-то проекта. Вначале мы просто обменялись контактами, потом несколько раз встретились в кафе, обсуждая детали проекта и того, как мои знания линейного программирования могут пригодиться в оптимизации запасов. Потом проект отошёл на второй план, а спустя какое-то время и вовсе забылся. А мы, то ли из-за притягательности Кирилла, то ли ещё по какой-то причине, перешли с ним на дружеские отношения. Мысли наши выстроились параллельно, так что мы стали понимать друг друга практически без слов. Стоило мне показать на что-нибудь и сказать: «О, смотри!», как Кирилл сразу же понимал, что я имею в виду и подхватывал: «А! Точно! Вот учудили... Годовой запас сигарет по цене плеера!»

Мы с ним стали просто гулять по Питеру и болтать за жизнь, выискивая что-нибудь интересное, что могло бы нас развеселить. Пару раз мы выезжали за город, к заливу и бросали камни в воду – кто дальше. В общем, развлекались как могли. Когда со мной что-то случалось выходящее за стандартные рамки, я звонил Кириллу и делился с ним своими мыслями и впечатлениями. Его мнение стало для меня важным. Иногда и он мне звонил, чтобы рассказать о каком-нибудь пустяке из своей жизни или поделиться идеей, пришедшей в голову. В общем, достаточно быстро Кирилл стал неотъемлемой частью моей жизни, выйдя на первое место, оставив на втором плане Игоря с Димкой.

Однако ничего о нём лично я никогда не знал. Я не знал, где он родился, кто его родители, сколько ему на самом деле лет, где он учился и тому подобное. Меня это никогда и не смущало, тем более, что я и сам не особенно делился с ним подобной информацией. Иногда мы вели философские беседы, частенько наши взгляды совпадали, но ещё чаще эти беседы меня сводили с ума: логику Кирилла было очень сложно пробить даже, если первоначальная мысль казалась бредом, поэтому как бы я своё мнение не выражал, я часто оказывался проигравшим. Но это не влияло на моё хорошее отношение к нему. Иногда своими резкими замечаниями и едкими комментариями он меня доводил чуть ли не до ярости. Впрочем, это не меняло моего общего положительного отношения к нему, не меняло того факта, что мне с ним было интересно. Незаметно для меня он стал моим лучшим другом.

- Ну, вот зачем тебе всё это вот? - однажды спросил Кирилл, сидя на кухне в моей квартире и показывая вокруг себя. Я тем временем подогревал тарелки с супом в микроволновке.
- Как это зачем? - удивился я. - Я тут живу, я так живу...
- Не, ну, конкретно, зачем тебе этот вот диван, например? - он попрыгал сидя на диване.
- Вообще-то это простейший элемент уюта. Я на нём сижу, когда смотрю телевизор. Я на нём сижу, когда книги читаю. Он раскладной, и мои гости, в конце концов, на нём спят...
- А телевизор тебе зачем? - всё не унимался Кирилл.
- Для развлечения и расслабления.
- А так же для отвлечения от важных вещей и рассеивания внимания, - перебил он.
- Каких ещё важных вещей, о чём ты вообще? И чего ты тут заладил со своим «зачем тебе то, зачем тебе это»?

Я начал злиться и непроизвольно повысил голос.

- Очень просто, - с улыбкой ответил Кирилл. - У тебя есть своя собственная квартира, со своей собственной мебелью из Икеи или откуда там ещё, со своим телевизором, холодильником, микроволновкой, да ещё и в идеальном порядке...
- Это плохо? - вторгся я в его разъяснения.
- Это неплохо. Но это тебя привязывает к земле, ограничивает в свободе.
- То есть по-твоему лучше не иметь собственной квартиры, не покупать никакой мебели, отказаться от холодильника с микроволновкой...
- И от телевизора, конечно... - вставил Кирилл.
- ...и от телевизора, да. В общем, отказаться от всего и жить бомжом?
- В идеале, да. Это было бы здорово, - на полном серьёзе уверенно ответил Кирилл.
- Что за бред? - возмутился я, но больше никаких слов подобрать не мог, так как его заявление просто в голове не укладывалось. Ну, как это возможно — желать быть бомжом, желать потерять всё и отказаться от комфорта?!

Я достал тарелки с супом и поставил их на стол, пока Кирилл мне подробно объяснял:

- Дело в том, что практически все люди следуют стандартной установке: накопить денег побольше, обзавестись квартирой, обставить себя удобными и красивыми вещами, завести семью и детей, расслабиться, разленииться и превратиться в камень. Каждый шаг в сторону комфорта и уюта ведёт на самом деле к лени и смерти. Человек должен постоянно находиться в движении, а этот твой диван делает из тебя овощ!
- Не думал, что ты настолько категоричен в своих взглядах, - озабоченно проговорил я. - Я, конечно, согласен, что слишком много сил тратить на заработок денег не стоит, так как они сами по себе не стоят того, но чтобы настолько отказаться от всего...
- А ты как-нибудь попробуй, - хитро посмотрел на меня Кирилл. - Возможно, тебе понравится и ты по-другому жить уже не сможешь.

Я покачал головой, отгоняя от себя эту дурацкую мысль.

- Нет уж, спасибо. Я как-нибудь так... И вообще, давай уже есть, пока не остыло.

Кирилл неопределённо дёрнул плечом, как бы отвечая «ну, как знаешь», и сел за стол.

- Тебе всё же стоит попробовать, - не унимался он, пробуя суп, глядя на меня искоса.
- Завязывай! - агрессивно обрубил я. - Давай лучше посмотрим телек...

Вторая половина пустоты

Рома, Кирилл

В один из дней на исходе лета мы с Кириллом собрались в очередную поездку к заливу.

Кирилл приехал за мной как всегда на своём серебристом Форде «Focus GT». Выглядел он в этот раз нахмуренным и задумчивым. По дороге мы особенно не разговаривали, только слушали альбом «Presence» Led Zeppelin. На все мои вопросы о том, почему он такой хмурый, Кирилл только отмахивался фразами типа: «потом расскажу» и «неважно». Я не мог не обратить внимание на некоторые произошедшие с ним перемены: машину вёл он достаточно резко, ехал не особенно обращая внимание на остальных участников движения, насупившись, но иногда отпускал резкие замечания из разряда: «Вот, мудака! Побибикай мне ещё тут!» У него явно что-то случилось, но что именно пока было неясно.

Когда мы приехали к заливу, он достал из кармана две Доминиканские сигары, гильотинку и спички. Одну сигару протянул мне. Мы их обрезаем и закурили. Вообще я не курю, но сигары иногда пробую. Их дым ненужно вдыхать в лёгкие, надо наслаждаться его вкусом, и перемешивать его с чем-нибудь сладким на фоне каких-нибудь философских бесед. Это меня прельщало в процессе курения сигар.

Погодка была не из лучших — серенькие тучки плотно закрыли небо, силясь выдавить из себя капли дождя. Слабенький ветерок колыхал камыш и наводил рябь на воде. В общем, был конец питерского лета.

- Ты когда-нибудь задумывался о выражении «вторая половинка»? - неожиданно спросил меня Кирилл, после первой затяжки, и я понял, что сейчас пойдёт одна из тех философских бесед, которые меня иногда доводили до сумасшествия.
- А чего над ним задумываться?
- Ну, ты же, наверно, ищешь себе кого-нибудь, кто смог бы заполнить душевную пустоту, кто смог бы быть с тобой?

- Ну, может быть, - неопределённо ответил я. - Наверно, все так делают, нет?
- И как?

Я нахмурился.

- Пока особенно не везло. Была у меня одна девушка, от которой я был без ума, но, к сожалению, ничего не получилось...
- Она была твоей второй половинкой?
- Не знаю... Я думаю, что половинок много в мире. Возможно, она была просто одной из них...

Я задумался. Перед глазами робко начали всплывать эпизоды из моего прошлого, но Кирилл не дал им вылезти на поверхность.

- А я думаю, - нагло прервал он паузу на самом интересном месте, - что это всё просто неправильная интерпретация.
- В смысле? - откровенно не понял его я.
- В том смысле, что вторая половинка человека находится не снаружи, а внутри. Просто все люди неполноценны, их энергетические тела, скажем так, разделены. Когда говорят о поисках второй половинки, то на самом деле говорят о восстановлении своей сущности, восстановлении целостности за счёт поисков внутренних, а не внешних. Люди же в массе своей ленивы и вопросами самосовершенствования не занимаются, поэтому склонны любые глубокие фразы воспринимать поверхностно.

Эта мысль меня озадачила. Кирилл умел вывернуть всё наизнанку и найти что-нибудь совершенно нестандартное в тех местах, в которых обычно никто не ищет. Именно такими выкрутасами он меня обычно и вводил в ступор.

- А с чего это ты вообще завёл такой разговор? - спросил я.
- Да, так... - ответил Кирилл, пожав плечами, и сделал очередную затяжку.

Моя сигара шла медленно и неохотно, а вот он свою выкуривал достаточно быстро.

Мы немного помолчали. Я думал, какой бы выпад сделать, пытался понять, о чём он думал, но в голову ничего толкового не приходило — только мысли о его расставании с кем-то — он явно был хмур не просто так.

- Но есть же животные инстинкты, стремление к размножению, к поиску второй половинки... Отсюда и это самое выражение, - наконец придумал я.
- Поиски идут не второй половинки, а самочки для спаривания, - хладнокровно отбросил Кирилл. - Но происходит оно всё как раз из-за внутренней неполноты.

Я почувствовал, что Кирилл замахнулся на самое святое: на любовь, а просто так подобные выходки мне оставлять не хотелось.

- Ты этой своей фразой отмахиваешься от самых прекрасных вещей в жизни! - недовольно заявил я. - Ты же от любви отмахиваешься, от романтики, от первого свидания, от первого поцелуя...

Кирилл усмехнулся и посмотрел на меня с грустью в глазах.

- Любовь? Кому нужна твоя любовь? Когда она приводила к чему-нибудь

хорошему? Всегда только к могиле... Любовь — дешёвка! Жизнь бесценна!

Такими безапелляционными фразочками, своей самоуверенностью, Кирилл меня просто раздражал. Произносил он это так, будто я маленький ребёнок, ничего не смыслящий в жизни, а он — опытный, пожилой человек, который уже всё повидал на свете. Ну, не глупость ли, слышать подобные вещи от депрессирующего двадцатисемилетнего парня?

- Если твоими словами говорить, то всё тлен, всё в этом мире пусто и не имеет смысла, всё ведёт к смерти. Почему ты тогда именно на любовь бросаешься? Набрасывайся на деньги, на власть...
- Зачем? - Кирилл говорил очень спокойно. Казалось, то, что он меня задевает, его никак не касается, возможно, он это даже делал специально. - Человек не должен быть ни к чему привязан. Привязанность к любви – одна из сильнейших. У тебя она ведущая. Ты особенно не привязан ни к деньгам, ни ко власти, ни к вещам... Точнее к вещам ты привязан, но не так, как к любви. К любви, к своей старой любви, ты привязан настолько, что не можешь ног своих от земли оторвать. И это нужно исправлять.

Он взглянул мне в глаза, улыбнулся и опять затаился. Сигара его уже была похожа на один из тех обрубков, которые ковбои в спагетти-вестернах всё время держат между зубов.

- С какой стати мне это делать? Может, мне и так нравится, - возмутился я в ответ.
- Может, - он дёрнул правым плечом. - Но, во-первых, как ты, наверно, знаешь, за любым временем счастья наступает время грусти и печали, во-вторых, отсутствие привязанностей не означает отсутствие чувств или вообще отсутствие жизни... а, в-третьих, пока ты привязан к чему бы то ни было или кому бы то ни было, ты не сможешь быть свободным. А ты должен быть свободным!
- Свободным? А ты-то что знаешь о свободе? - бросил я.

На это уже Кирилл задумался. Причём так глубоко, что на какое-то мгновение мне показалось, что передо мной не двадцатисемилетний парень, а трёхсотлетний старик, только хорошо сохранившийся... Впрочем видение это предстало перед моими глазами лишь на мгновение. После этого Кирилл пришёл в себя и, снова улыбаясь, ответил:

- Я знаю о свободе практически всё. Я практически и есть свобода. Я обрёл её сам и могу помочь тебе, если ты кое-что для меня сделаешь...

Как всегда, категоричное заявление! Это, оказывается, меня надо лечить и исправлять, а не его...

- А с чего ты решил, что я хочу этого? Может, я наслаждаюсь своей жизнью, и мне нравится цепляться за жизнь, как я это делаю сейчас?
- Ты же сам всё понимаешь и знаешь, - несколько устало выговорил он. - Ты хочешь быть свободным – такова твоя картина мира. А всё, что ты мне сейчас втираешь – только лишь бред, вызванный твоим чувством собственной важности. Всё из-за того, что ты нейтральную мысль, высказанную мной, воспринял как личное оскорбление.

Я надулся и не отвечал, уткнувшись в свою сигару. Вкус у неё был достаточно мягкий, но дешёвый. Я уже знал, что от неё будет не самое приятное послевкусие, особенно завтра утром.

- Всё, что я от тебя прошу взамен – это передать следующую фразу: «Если создатели создали вселенную, то кто же создал создателей?»

Я взглянул на него, оценивая степень его адекватности, и, посмеиваясь, спросил:

- Чего? Какие ещё создатели? Ты о чём это? Кому мне этот бред надо передать?

Кирилл только хитро улыбнулся и ответил:

- Неважно. Но обязательно передай её, не забудь!

И аккуратно положил сигару на землю — он их никогда не тушил, объясняя это тем, что к графиням-сигарам нельзя относиться так же, как и к дешёвкам-сигаретам — к ним надо относиться с уважением, и уважать не только их жизнь, но и их смерть. Их нельзя тушить — им надо дать самим потухнуть. Кирилл в некоторых вещах противоречил сам себе...

Моя злость на Кирилла прошла совершенно незаметно. Я смотрел на небо, на то, как тучи важно ползут гуськом по небу, на то, как на темнеющем небе потихоньку проявляются вкрапления звёзд, будто пятна проступают на засвеченной фотоплёнке. Я вдыхал свежий прохладный воздух полной грудью и наслаждался тем, как он движется до самого дна моих лёгких. Я прислушивался к щебетанию птиц и звуку волн. На душе разлилось спокойствие и удовлетворение. Мне стало хорошо от мысли о том, что я всё ещё существую. В этот момент я действительно ощутил, что ни от чего не завишу, ни к чему не привязан и полностью свободен. Я знал, что жизнь без привязанностей существует, и что она прекрасна, и что даже любить можно, не привязываясь ни к кому и ни к чему. Это чувство, это знание, нравилось каждой клеточке моего тела. И каждая клеточка моего тела была согласна с тем, с чем до сих пор не была согласна ни одна клеточка моего мозга — с тем, о чём говорил Кирилл.

Мы ещё долго молча сидели и смотрели на тучи и небо... Лишь, когда небо совсем потемнело, мы решили дёрнуть назад в город. Кирилл, казалось, несколько очистился и уже был более весёлым. По дороге назад мы уже слушали «Houses of the Holy».

Объективная реальность

Игорь

С Леной я познакомился через ЖЖ — ещё давным-давно нашёл девушку с милой аватаркой, учившуюся со мной на одном факультете, только на пару курсов младше, и добавил её себе во френдлист. Начал читать её и комментировать, и, спустя какое-то время, она в свою очередь добавила меня к себе во френды. Несмотря на то, что у неё были свои заморочки, она всегда чем-то привлекала меня. Да, у неё были личные проблемы, но у кого их нет? Она частенько писала очень личные посты, которые понимали дай бог два — три человека из её окружения, и я в эти два — три человека, явно не входил. Изредка она комментировала какие-нибудь мои ненормальные посты, но обычно диалог у нас не строился. Наши интернет-отношения находились в таком статусе года четыре, не меньше, когда она неожиданно предложила встретиться и поговорить в реале. Я согласился.

Ещё до начала встречи я почувствовал, что идти не стоит, так как никакой пользы наша встреча мне не принесёт и ничего не даст. Однако малая часть меня, заставившая четыре года назад добавить Лену в друзья, настаивала на том, чтобы я с ней пообщался в живую. Ну, разве я мог себе отказать?!

Мы с ней встретились на выходе из станции метро «Площадь Восстания». Я слегка

опоздал. Она была по-спортивному, но при этом стильно одета — сразу понятно, что мы будем много гулять и разговаривать.

- Привет, - я уже видел её фотографии в интернете, поэтому идентифицировал сходу.
- Привет, - она приблизилась ко мне для того, чтобы поцеловать в щёку.

Я не дуб, поэтому сделал со своей стороны движение навстречу, хотя, честно говоря, никогда не любил всех этих формальных штук с лобызанием и пожиманием рук во время приветствий. Когда-нибудь я просто откажусь от этого дурацкого неэффективного обряда!

Мы вышли из метро, поддерживая беседу о том, какая погода сложилась в последние дни в Питере, и направились в сторону «Площади Александра Невского».

Вообще есть такие люди, с которыми ты находишь общий язык сходу, после первого же взгляда. С такими людьми даже необязательно разговаривать — можно молчать и понимать друг друга. С Леной ничего подобного не было. Впрочем она так же, не попадала и в другую крайнюю категорию: когда себя чувствуешь скованно и не комфортно, даже если активно говоришь с человеком. Всё было в полном порядке, но без огня. Я периодически подбрасывал новые темы для разговора, она их вежливо поддерживала. Иногда шутили, иногда смеялись. Но всё это было несколько искусственно — не то, чтобы кто-то из нас притворялся, просто не было в этом общении жизни.

Вдоволь нагулявшись и вернувшись к Площади Восстания, мы решили заглянуть в «Буквоед», посидеть, попить чай и поболтать. Да, конечно, дурацкий выбор места для сидения и питья, но ни в какие другие заведения мы попасть не смогли. Когда нам сделали чай, и мы заняли места за столиком, тема разговора плавно, но неожиданно, сползла с общих интересов, работы и искусства на вопрос добра и зла...

- Я не понимаю. Ты хочешь сказать, что ни добра, ни зла не существует? - уточнила она.
- Нет, конечно! Как такового его нет — это всё выдумки людей, - меня немного удивляло то, что она не может понять таких простых вещей. - Всё в этом мире объективно и не несёт в себе никакой окраски — это только сознание людей окрашивает мир в те или иные цвета.
- Хочешь сказать, что нет никакой силы, которая несла бы в себе истинное добро или истинное зло?
- Нету. Это всё идёт от воспитания, - категорично заявил я.

Лена смотрела на меня с некоторым удивлением, судя по всему, ей не приходилось сталкиваться с такой точкой зрения на мир до того.

- Ну, смотри, - погрузился я в объяснения. - Пример. Человек совершил поступок, который его обесчестил. Если человек воспитан, предположим, в соответствии с традициями японского общества, то он должен смыть с себя позор, совершив харакири, так как общество считает, что совершение самоубийства в этих условиях — единственный приемлемый поступок. Разрезать себе живот крестом — это даже хорошо в таких условиях. Западное же общество к такому поступку отнесётся как к дикости, - Лена слушала вежливо, не перебивая, хотя внутри себя явно не соглашалась с моими доводами. - При этом сам по себе поступок не несёт никакой окраски, но есть традиции, и люди, дают ему оценку и говорят, хорошо это или плохо.

Какое-то время она не знала, что ответить и молчала. Я паузу не прерывал, давая ей возможность переварить эту мысль, осторожно попивая свой чаёк. Спустя какое-то время Лена выдала:

- Если человек попадает в авткатастрофу и получает какие-то повреждения, то это плохо, вне зависимости от того, что говорит общество.

Я немножко растерялся и на короткое время потерял мысль, не зная, что ответить. По-видимому, я нечаянно вступил в какую-то её личную зону. Однако, долго не затягивая с ответом, я нашёлся и парировал:

- То, что человек попал в авткатастрофу — это объективно, с этим ничего не поделаешь. Единственное, что можно сделать в таких условиях — это пытаться оценить, насколько это хорошо или плохо.
- Но, если это именно общество учит людей оценивать, то где первопричина всего этого? Должен же быть какой-то первоначальный пункт, из-за которого люди решили, что это плохо, а это — хорошо?

Лена, казалось, была смущена моей позицией. Она, наверно, казалась ей излишне циничной и злобной. Я при этом так, конечно же, не считал. Я продолжил свою тираду:

- Это просто так исторически сложилось. Всё из-за влияния географического расположения. У любых традиций, у любых религий, прослеживается влияние климатических факторов... Например, запрет на поедание животных, умерших своей смертью, в мусульманстве исходит не из каких-то божественных идей, а банально из-за того, что контролировать свежесть мяса животного при собственной смерти в жарком климате тяжело — мясо начинает достаточно быстро разлагаться, в следствии чего в нём появляются трупные яды. Если люди будут есть такое мясо, то будут умирать... Всё банально и просто.
- Игорь, ты отрицаешь бога? - спросила Лена.
- Не уж то ты в него веришь? - с ехидной улыбкой спросил я.
- Да.
- Это твоё дело, - отрезал я, не желая продолжать эту бессмысленную дискуссию. - Я считаю, что бог — это наше незнание. Чем больше мы знаем о мире, тем меньше места для бога остаётся...

На лице Лены читалось некоторое недовольство и смущение. Мне не особенно хотелось углубляться в эту беседу, я итак уже много сказал, а поддерживать свою позицию в бессмысленном разговоре было тяжеловато. К тому же, у меня были планы на вечер по поводу неё, поэтому слишком сильно расстраивать её не хотелось. Смягчившись, я предложил:

- Давай лучше я принесу тебе книжку?
- Ну, давай, - задумчиво ответила она.

Я встал и направился к стеллажам, попытавшись расслабиться и отключить свою логику. Мне хотелось попробовать выбрать книжку на основе только своих ощущений. Вначале было пусто и одинаково «никак» со всех сторон, но затем я почувствовал небольшие вибрации где-то в левой части зала и я повернулся в ту сторону. На стеллаже прямо передо мной было написано: «Русский детектив». Я понял, что это не то, что мне нужно. За этим стеллажом стоял другой, так что, не долго раздумывая, я направился к

нему.

Это был стеллаж зарубежной прозы. Много книг. Какую из них выбрать? Рука потянулась к одной, потом к другой... Может быть, эту? Или всё-таки другую?.. Голова активно вмешивалась в выбор и не хотела отпускать меня. В какой-то момент я плюнул на всё это дело и просто взял то, что попало под руку, даже не глядя на автора и название произведения. С книгой я вернулся к Лене.

- Вот, - протянул я ей книгу.
- Что это?
- Не знаю, первый раз вижу. Просто решил, что это подойдёт.

Лена стала внимательно изучать книжку.

- Это про Берлин?
- Наверно, - мне, честно говоря, было всё равно, о чём книга. Не я её выбрал, а скорее — она меня.
- Ого! - Лена была искренне удивлена. - Ты специально её достал?
- Нет, я же тебе говорю... - старался я не злиться на её глупые вопросы.
- Ты её читал, наверно?
- Да нет же! Что это вообще за книга такая, что ты так с ней носишься?!
- Просто...

Она выглядела немного смущённой...

Просто книжка была её — Лена как раз увлеклась немецкой культурой и филологией, а книга была на стыке этих её двух интересов.

Она была поражена тому, как же это я смог угадать с книгой, и всё пыталась добиться от меня признания о том, как я сговорился с каким-нибудь из неизвестных мне её друзей... Этим простым жестом я смог заинтересовать и заинтриговать её. Задуманное на вечер начало реализовываться.

Летний сад

Рома, Кирилл

На следующий день мы приехали в центр Питера, Кирилл оставил машину недалеко от Михайловского замка и предложил прогуляться. Мы направились к Летнему саду. По дороге мы особенно ни о чём не разговаривали, только перебрасывались пустыми фразами. Кирилл был собран и серьёзен. Он явно шёл туда не просто так, а с какой-то целью.

Мы перешли через 1-й Инженерный мост, у которого как всегда толпились туристы, пытающиеся закинуть монетки на голову Чижики-Пыжика, и перешли через дорогу. Кирилл взглянул на часы и пошёл более уверенно и целеустремлённо. Я понимал, что задавать вопросы сейчас не стоит и просто послушно следовал за ним. Мы вошли в сад и направились к скамейкам по левую сторону от пруда. Одна из скамеек оказалась абсолютно свободной, несмотря на то, что вокруг было предостаточно людей. Вообще, судя по атмосфере и устремлённости Кирилла, создавалось впечатление, что скоро должно начаться какое-то представление. Кирилл плюхнулся на скамейку, положил ногу

на ногу и стал смотреть куда-то вперёд. Я сел рядом и попытался понять, на что же он глядит.

- Парочка, сидящая на скамейке напротив, - не сводя взгляда со своей цели процедил Кирилл.

Я посмотрел внимательней и увидел: на скамейке сидели коротко стриженный парень в очках в тонкой оправе, высокого роста с вытянутыми чертами лица и девушка среднего роста с круглым лицом, крашенными рыжими волосами до плеч. Он обнимал её и что-то шептал на ушко. Девушка улыбалась.

- И что? - спросил я, взглянув на Кирилла.
- Смотри-смотри! - кивнул он в их сторону. - Не отвлекайся. Все вопросы потом.

Я продолжил своё наблюдение.

Парень, закончив свой рассказ, начал бесцельно бродить взглядом по прохожим и саду. Она вначале тоже смотрела по сторонам, но потом взглянула на него и заметила, что его взгляд уже не обращён на неё. Она сразу же сделалась угрюмой, отстранилась от него, встала со скамейки и, закипая, бойким шагом направилась к выходу из сада. Парень не сразу понял, что произошло и потратил пару секунд на оценку произошедшего, после чего вскочил за своей девушкой с криками: «Лиза! Ты чего?»

Лиза не останавливалась и не поворачивалась, а продолжала своё движение к выходу. Он нагнал её и, схватив за правую руку, остановил.

- Подожди.

Несмотря на то что они находились от нас не менее, чем в пятидесяти метрах, их разговор был очень хорошо слышен.

- Ты чего?
- Я чего? - Лиза кричала, или даже правильной сказать «истерила», из-за чего привлекла к себе внимание всех окружающих. Бабушки с удивлением, граничащим с возмущением, смотрели на парочку, мужчины и женщины оценивающе следили за происходящим. Всем было интересно, что происходит, и чем это всё закончится. - Да ты за каждой юбкой вьёшься!
- О чём ты говоришь?
- Думаешь, я не видела, как ты посмотрел на ту блондинку, - Лиза очень экспрессивно жестами выражала свои мысли.
- Может, мне вообще тогда на людей не смотреть? - неожиданно вскипел парень.
- Да ты только и знаешь, что на сиськи и задницы пялиться! В голове только одна мысль: как бы потрахаться!
- Всё! - уже орал парень. - Надоело! Твоя ревность меня уже просто достала! Сколько можно?! Ни одного шага нельзя сделать без твоего надзора! Ни одного безобидного жеста не сделать!

Люди вокруг перешёптывались и отстранёно обсуждали происходящее, как будто они смотрят на постановку в театре: «Ой, как не хорошо! Как можно так себя вести в людном месте?!». А злость парочки, казалось, начала сгущаться в воздухе и у меня на мгновение появилось ощущение о том, что мир надламывается — настолько вырос в Летнем саду градус из-за ругани, которая уже стала перерастать в бессмысленное бросание словами, а

в какой-то момент и вовсе достигла своего апогея: Лиза вооружилась сумочкой и начала ей лупить своего молодого человека. Тот отпрыгнул от неё спиной назад и натолкнулся на пожилую женщину, которая всё это время пыталась успокоить ничего не слышащую пару. Она единственная попыталась восстановить порядок в саду и теперь из-за столкновения потеряла равновесие, споткнулась об ограду и кубарем полетела по пригорку к пруду. Женщины закричали, в воздух улетело пара воздушных шаров, отпущенных шокированными детьми, полноватый мужчина из толпы молниеносно кинулся спасать потерпевшую. Она упала в воду, подняв брызги. Всё внимание переползло уже на пожилую женщину и то, как её спасали. Лиза с её молодым человеком перестали быть такой интересной темой. Теперь все стали обсуждать полёт старушки и то, спасут ли её, получила ли она какие-нибудь ушибы и будет ли жаловаться в милицию. Всё это происшествие, судя по всему, привело буйную парочку в чувства и заставило перенести своё обсуждение в другое место.

Бабушку вытащили из воды.

- С ней всё в порядке, как ты думаешь? - спросил я у Кирилла.

Тот разочарованно посмотрел на меня и ответил:

- Конечно. Только испуг, влага, пара царапин да синяк. Она в порядке и проживёт ещё четыре года. Но я тебя не за этим сюда привёл.
- И зачем же ты меня привёл?
- Сцену видел?
- Думаю, только слепой её не видел, - отшутился я.
- И что же ты интересного и полезного из неё вынес?

Я задумался.

- Не искать себе вторую половинку?
- Да, нет же, балда! - Кирилл был явно несколько расстроен моим ответом. - Никаких привязанностей! Никакого собственности! Эта Лиза привязана чуть ли ни стальным тросом к Андрею и считает, что тот должен полностью и без остатка принадлежать ей, в следствие чего даже на безобидные взгляды реагирует неадекватно. Он-то действует, не вкладывая никакого смысла в свои действия, а вот она интерпретирует его поступки через призму своего отношения, через призму своей привязанности к нему и к чувствам к нему.
- Оу! - Я до такой степени был увлечён всей этой ситуацией, что и не обратил внимание на все эти нюансы.
- Вот тебе и «Оу»! А Андрей в свою очередь так привязан к своей персоне, что выходки Лизы воспринимает агрессивно и вместо того, чтобы успокоить её, только ухудшает всю ситуацию.

Часть меня безропотно приняла эту интерпретацию, но другая часть упорно считала, что во всём этом скрыт какой-то подвох. В тот момент объяснения у меня создалось ощущение, будто Кирилл – умелый фокусник, который только что вытянул из колоды карту, которую я ещё буквально секунду назад держал в руках.

- А ты что, думал, что я тебя просто так в Летний сад притащу?
- Но откуда ты знал, что это всё тут произойдёт? - я взглянул на Кирилла. Мне

показалось, что я схватил фокусника за руку и раскрыл всё его мошенничество. Вот сейчас выйдут на сцену все участники постановки и поблагодарят зрителей за аплодисменты, а бабушка и вовсе снимет парик и станет лысеющим толстоватым актёром в женском наряде. - И откуда ты их имена знаешь? Ты что, подстроил всё это?

Кирилл только усмехнулся в ответ и помотал головой:

- Ты обращаешь внимание на моменты, которые сейчас абсолютно несущественны. Я всё это просто знал. Подстраивать что бы то ни было – глупость и пустая трата времени. Достаточно просто выбрать нужное время и нужное место.
- Ну, да, конечно... Это же так просто! - воскликнул в ответ я.

Кирилл хитро улыбнулся.

- Не думай о том, как! Думай о том, почему! Только это сейчас важно, остальное придёт потом.

Фокусник выскользнул из моих цепких лап. Придётся просить показать фокус ещё раз...

- Ладно, пойдём. Будем считать, что к усвоению этого урока ты начал приближаться, - с несколько разочарованным видом встал со скамейки Кирилл.

Мы направились к выходу. По дороге к машине я успел несколько раз в голове прокрутить всю сцену в Летнем саду, прикинуть, можно ли было это подстроить, и, кажется, в результате действительно понял, что имел в виду Кирилл. Я почувствовал какой-то внутренней своей составляющей, смысл всего произошедшего. В результате, что-то начало двигаться в моём мировоззрении. Пока, конечно, незначительно, но зато целенаправленно...

Первый подзатыльник

Игорь, Кирилл

Однажды я выступал с группой «Субмарина» в одном Питерском рок-клубе. В этой группе я играл на позиции второго гитариста, особо никуда не рвался и ни на что не претендовал – просто честно выполнял свою работу, потому что мне нравилось её выполнять.

Концерт шёл скучновато, так как в клубе помимо нас были только ребята из других групп, которые должны были выступать после нас. То есть зрителей почти не было. Однако играли мы на совесть. Впрочем, и персонал клуба тоже работал на совесть, не халтуря. Горели софиты, крутились зеркальные шары, звукорежиссёр сидел за пультом, поддерживая баланс. После каждой песни ребята из других групп хлопали и свистели, кричали «молодцы». Это делало кислотоватый вечер чуть более интересным. Особенно выделялся какой-то подвыпивший парень-блондин с короткими волосами. Он и кричал, и подпевал, и пританцовывал – в общем, активно делал вид, что тащится от нашего «музона». Особенно активно он кривлялся, когда я играл свои немногочисленные простые соло-партии.

Марина, как всегда, объясняла зрителям, что означает «Аудио», старалась пританцовывать и петь, показывая как хорошо она владеет техникой танца и вокала, соответственно. Мы тоже старались особенно не лажать. В общем, все честно выполняли возложенные на них обязанности.

Закончив выступление, мы уступили место другой группе. Когда я спускался в зал со сцены, меня встретил тот самый подвыпивший парень. От него несло дешёвыми пивом и сигаретами. Он протянул мне руку и сказал:

– Молодчина! Ты отлично сыграл неумение играть! Кирилл!

Голос у него был достаточно низкий и с хрипотцой. По-видимому, он уже давно курил.

– Игорь, - ответил я, несколько опешив, пожимая его руку.

Парень в ответ кивнул и полез на сцену. Он был вокалистом и лидером группы. Блондин, с короткими волосами, стоящими почти вертикально от геля, с длинным лицом, большим ртом и острым подбородком. С сигаретой в зубах и синяком под левым глазом. Вёл он себя расхлябано и небрежно. Всё говорило в нём о том, что он пренебрежительно относится к музыке и зрителям.

– Привет всем! - он схватился за микрофон и сразу же вытащил его из стойки.

– Привееет! — закричали зрители. В это время музыканты из его группы подключались и настраивались.

– Очень приятно играть в такой дыре для такого количества людей. Я просто фигею, - он затаился. - Что? А. Администрация клуба мне тут говорит, что мы сами виноваты в том, что никто не пришёл, - Кирилл посмотрел в зал и кому-то показал средний палец. - Иди в жопу! Так вот, я считаю, что это полная херня! На такие группы как мы должны приходиться тысячи! И заниматься набором зрителей должны менеджеры клуба, а не сами группы! Моё дело — творить, а не продавать билеты! Я — музыкант, а не кассир!

– Играй давай уже — раздалось из зала.

Кирилл улыбнулся, затаился, повернулся к музыкантам, что-то им там сказал, после чего повернулся к зрителям.

– Здравствуйте, ещё раз! На сцене группа, - тут он нашёл глазами меня и, задержав взгляд, изрёк: «Игра взглядов».

После последнего слова у меня мурашки пробежали по коже. Не каждый раз услышишь со сцены название чего-то близкого тебе, чего-то, с чем ты был связан достаточно сильно.

Однако это был последний раз за вечер, когда у меня по коже бегали мурашки. Кирилл пел отвратительно: то слишком близко, то слишком далеко от микрофона, голос у него был хриплый и нестабильный. Никакой мелодики в его музыке не было – сплошной гавно-панк. Смысла ноль, одни понты.

Единственное, что запомнилось – это был момент, когда он выпросил у гитариста гитару и начал играть какую-то песню. Саму песню я не запомнил, но гитара в его руках звучала как-то искренне и протяжно. Никогда до этого не слышал такого прикосновения к инструменту. Струны под его пальцами, казалось, плакали. Только это и заставило меня задержаться до конца концерта, дожидаться, когда он спустится со сцены и поговорить с ним.

– Значит, говоришь, группу собираешь, - он затаился и посмотрел с прищуром на меня. - А я то тут при чём?

– Мне понравилось, как ты играл на гитаре. Музыка, конечно, гавно, но гитара хороша!

- Хочешь меня сделать своим рабом? - он ещё раз затянулся и выпустил губами дым вверх, не отрывая взгляда от меня. - Будешь диктовать правила, говорить, что играть и как держать гитару?

Я смутился, наверно, потому что не ожидал такого ответа, и того, что он попадёт в яблочко: мне нужны были музыканты, которые готовы были бы исполнять мои песни, особенно мне не переча.

- Нет, что ты... Мне нужна группа, в которой все музыканты принимали бы участие в создании песен, - начал придумывать я на ходу.

Кирилл ухмыльнулся, покачал головой и сказал:

- Гонишь. По глазам вижу, что тебе нужны рабы, а не музыканты. Но это не страшно, - Кирилл оживился. - Я тебе парочку могу подогнать. Хочешь? Эдакие бездумные, безвольные зомби, которые будут помогать тебе самоутверждаться и поддерживать чувство собственной важности.

Кажется, у меня отвисла от удивления челюсть. Та дерзость, с которой он говорил, та уверенность в голосе, та серьёзность и даже некоторая агрессия по отношению ко мне просто выбили меня из колеи. Никогда ещё никто меня не выбивал так сильно из колеи. Это я мог выбить кого угодно... Я мог сказать, что думаю любому человеку, особенно не считаясь с его или её чувствами. Это я мог раскусить любого за пол укуса... А тут этот... Конечно же, меня это жутко разозлило.

Тем временем, совершенно неожиданно для меня, Кирилл дал мне подзатыльник, чем просто-таки взорвал меня:

- Ты чё, мудака?! Сдурел?! Не распускай руки, падла!

Кирилл смотрел на то, как я выхожу из себя с нескрываемым удовольствием, ухмыляясь и периодически затягиваясь сигаретой, из-за чего я только ещё больше раззадоривался и постепенно начал уже качать права, указывая ему на то, почему он не прав.

- А ты только словами умеешь бросаться или ещё можешь царапаться и кусаться?

Это было последней каплей. Я был готов ему врезать прямо здесь и прямо сейчас. Я уже даже включил боевое дыхание, готовясь к нападению, но он неожиданно бросил сигарету на пол, затушил её ногой и направился к выходу.

- Куда ты пошёл?! – прокричал я ему вслед.

- Ты хочешь здесь выяснять отношения? – не оборачиваясь, бросил он в ответ.

Обретя каплю разума, я последовал за ним. Устраивать драку в клубе было действительно неправильно.

Когда мы вышли на улицу, он посмотрел на небо и сказал уже совершенно другим, совершенно спокойным, нейтральным и даже философским голосом:

- Большая медведица сегодня как никогда великолепна. И запах в воздухе, - он несколько раз втянул в себя воздух так, как это делают собаки, а потом повернулся ко мне лицом. Неожиданно для меня, оно излучало одухотворённость и спокойствие. Это уже был совершенно другой человек – человек, который не вызывал у меня никакой агрессии. Человек, которого у меня уже не поднималась рука ударить. - А сверчки, - продолжил он. – Ты слышишь сверчков? Мы, ведь, никогда не обращаем внимание на все эти мелочи, которые составляют всю нашу

жизнь, а только и делаем, что крутимся в собственном самоутверждении и машем кулаками.

Неожиданно для себя я проникся уважением к этому человеку, несмотря на то, что был готов разорвать его на части буквально несколько секунд назад. Не знаю, как ему это удалось, но я очень быстро успокоился.

- Я помогу тебе с группой, - после небольшой паузы изрёк Кирилл, - только, если ты позволишь мне кое-чему тебя научить, - он посмотрел мне в глаза. Я задумался на секунду
- И чему же ты меня можешь научить?
- Быть свободным, - спокойно ответил он.
- Договорились, - не обратив внимание на его слова, согласился я. - Только никаких больше оплеух!

Кирилл авторитетно кивнул и неожиданно молниеносно ударил меня кулаком в живот (я даже не успел заметить, как это произошло), из-за чего я загнулся и сполз на асфальт.

- Буду теперь тебя приводить в чувства другими методами – обещаю, подзатыльники давать не буду, - Кирилл усмехнулся и достал следующую сигарету из пачки и закурил.

Эзотерика для домохозяек

Рома, Кирилл

Спустя пару дней после происшествия в Летнем саду мне приснился сон.

В этом сне мы с Кириллом ехали в машине в сторону центра. Однако наше движение шло не по обычной дороге, как это происходит на яву, в реальном мире, а по дороге, переливающейся разными цветами. Причём цвета были поперёк дороги и было их несчётное множество. А Кирилл вёл так, будто он выбирает нужный цвет: какие-то он просто объезжал, через какие-то перескакивал и, судя по всему, выискивал один, нужный себе. Когда он его нашёл, то машина остановилась и мы вышли. Я не понимал, что происходит, а вот Кирилл зацепился за синюю полосу и побежал по ней напрямик до Летнего сада. Когда мы вошли в сад, я обратил внимание на то, что все люди и деревья окрашены в разные оттенки синего, с примесями: у кого-то примесь была черноватая, у кого-то желтоватая, кто-то был красноватым... А вот Андрей с Лизой были чистого синего, без каких бы то ни было оттенков. Я взглянул на Кирилла:

- И что?
- Смотри, не отвлекайся, - ответил он.

Всё вокруг: все люди, весь сад, скамейки, деревья — выглядело очень естественно, но в некотором тумане.

У меня зачесался нос и я поднёс к нему руку, когда заметил, что она вся синяя. Я взглянул на другую, увидел, что она тоже синяя и понял, что сплю. Что-то нахлынуло на меня сразу после этого, мир сразу же стал более концентрированным. Я встал со скамейки и посмотрел по сторонам. Всё приняло свой нормальный оттенок, синий как будто слетел с этого мира. Кирилл обратил на меня внимание и проговорил властным голосом:

- Ромка, брось это дело! Тебе это ненужно!

После чего встал и потряс меня за плечи, притянул к себе и подул в левое ухо.

Я проснулся в холодном поту в своей кровати. Я чувствовал это дуновение, я знал, что кто-то был в комнате, и что этот кто-то меня разбудил, вытащил из сновидения.

Я встал с кровати проверил двери и окна — они были закрыты. Проверил шкафы и под кроватью — никого в комнате не было. Сходил на кухню и попил воды, вернулся назад, лёг в кровать и попытался заснуть, однако получилось это не сразу из-за страхов о том, что в комнате всё-таки кто-то есть.

Утром я позвонил на сотовый Кириллу и рассказал ему о своём сне. Он всё вежливо выслушал, после чего, предложил заехать ко мне, так как ему не хотелось этот вопрос обсуждать по телефону. Я согласился и уже через сорок пять минут Кирилл сидел у меня в квартире. Мы пили Пу-эрх, привезённый мне друзьями из Калининграда — заварки я не жалел, так что получался он у меня густым, тёмно-коричневый, с ярким ароматом, а не таким бледненьким и нежизнеспособным, каким обычно бывает в кафешках Питера.

- Кто тебя научил этой дури – смотреть на руки? - спросил Кирилл, заедая чай изюмом.
- Никто, - я опешил. - Просто вычитал у Кастанеды.

Кирилл сделал вид, что поперхнулся изюмом, и усмехнулся:

- И ты, конечно же, поверил ему и решил, что так надо?! Вот балда! Зачем тебе осознанные сновидения? Тебе же это ненужно!
- Осознанные сновидения – это путь к свободе, - с некоторой обидой в голосе изрёк я фразу, позаимствованную из одной из прочитанных мною в своё время книг.
- Осознанные сновидения – это метод запираия людей в их собственном сознании, а не путь к свободе, - неожиданно и безапелляционно заявил Кирилл. - Бездумно применять сомнительные методы – самоубийство! Если надоело жить, вперёд и с песнями: делай всё так, как тебе говорят «умные» книжки.

Я его откровенно не понимал.

- А что ты предлагаешь взамен? Ничего не читать, ничего не пробовать, стоять на месте и никак не развиваться?
- Я предлагаю тебе относиться критически к любой информации и прежде чем что-либо пробовать, хорошенько анализировать все плюсы и минусы. Не стоит бездумно кидаться на увиденный кусочек сыра – надо вначале изучить, нет ли там никакой ловушки.
- Ну, конечно, - начал злиться я. - И как я по-твоему смогу понять, истинно ли данное учение или ложно, если сам не попробую?

Кирилл сделал последний глоток из чашки и протянул мне её, хитро улыбаясь... Ох, и любил же он хитро улыбаться перед тем, как выдать какую-нибудь очередную острую фразочку. Я наполнил его чашку наполовину.

- Меня другой вопрос интересует: как ты сумеешь сказать, истинно ли данное учение или ложно, если ты станешь его последователем? - продолжил он после этого и сделал очередной глоток, не сводя с меня взгляда.

Чай с изюмом стремительно истреблялись Кириллом. Он ел и пил так, как будто не мог

насытиться.

- Необязательно становиться последователем... достаточно просто проверить методы, - парировал я.
- А как же ты сможешь проверить методы, не приняв базовые установки учения? Например, если ты смотришь на руки во сне, значит ты принимаешь то, что учение Дона Хуана ведёт к свободе от Орла, и для достижения этой свободы надо копить энергию и развивать своё тело сновидений.
- Я могу посмотреть на руки и просто так, чтобы проверить, работает этот метод или нет, - попытался в очередной раз отбиться я.
- Не можешь, - резко, самоуверенно заявил Кирилл. - Если тебя научили какому-либо методу, то тебя уже настроили на соответствующее учение, хочешь ты этого или нет. В такой ситуации ты можешь либо принять учение и идти по нему, либо не принимать. Третьего не дано. Поэтому, - Кирилл немного склонился поближе ко мне и полусёпотом продолжил, - ступай осторожно!
- Да чего ты вообще озлобился на всю эзотерику?! - немного вспыхнул я, отставил свою чашку в сторону, поднялся со стула и стал ходить по комнате.
- На эзотерику? Хм, - выдержал небольшую паузу Кирилл, и стал вальяжно покачиваться на стуле. - Ну, назови мне хотя бы одно адекватное учение, хоть одного адекватного автора...
- Зеланд, - не задумываясь, ответил я.

Кирилл рассмеялся и упал вместе со стулом спинкой вниз...

- Зеланд?! - смеялся он, поднимаясь на ноги. - Зеланд – это эзотерика для домохозяек.
- Это ещё почему? - недовольно спросил я.
- Ну, как же? Зеланд учит тому, как можно силой мысли и твёрдым намерением почистить картошку и сварить курицу. Надо только принять то, что курица будет сварена, а картошка почищена.

Кирилл сиял от своего определения и хитро посматривал на меня. Я недоверчиво принял его ремарку.

- Ну, хорошо, а Кастанеда?
- Кастанеда, - Кирилл потянул букву «е», произнося это слово. И с некоторым пренебрежением продолжил:
- Кастанеда – это эзотерика для мазохистов.
- Ну, а это-то ты с чего взял? - меня раздражала его категоричность и тон, с которым он разносил в пух и прах всех моих авторитетов.
- Как же, как же? Кастанеда много пугает, много мучает читателя и делает вид, что чему-то учит, хотя объём содержания в его учении приближается к нулю.
- Ну, вот неправда! Ни разу не правда! Он учит тому, как тренировать свои энергетические составляющие, как контролировать свою жизнь и осознавать свои действия, - парировал я.

- А ещё тому, как лучше всего замкнуться в себе, отрешиться от своей человеческой сущности и «сгореть изнутри»... – Кирилл повернул стул задом наперёд, уселся на него и теперь глядел на меня по-отечески тёплым взглядом.

Его позиция мне абсолютно не нравилась и очень раздражала. Кирилл опять вытворял со мной свои непонятные штуки.

- Мне тебя искренне жаль, но ты абсолютно неправ! Ты, судя по всему, прочитал книги этих авторов по диагонали, - обиженно заявил я.
- По диагонали? - усмехнулся Кирилл, - Ну, ты даёшь! - он неожиданно перешёл на шёпот. - Открою тебе тайну: Я читал их по спирали. И это единственно верный метод чтения. Надо любую книгу читать по спирали!

Кирилл дёрнулся с места, вскочил на ноги, бросился к книжному шкафу, открыл дверцу и достал оттуда какую-то книгу.

- Вот, смотри: берёшь любую книгу, открываешь в середине, смотришь в центр страницы и начинаешь читать, плавно вращая книгу по часовой стрелке, - с этими словами Кирилл уставил взгляд в середину страницы и, держа книгу на вытянутых руках, стал её медленно вращать. - Только запомни: обязательно по часовой, иначе всё наоборот прочитаешь и превратно поймёшь учение. Думаю, многие проблемы людей в том, что они читают против часовой...

Вся эта клоунада и так меня раздражала, но особенно я стал выходить из себя, когда он начал читать вслух:

- Мой друг Рома считает себя центром вселенной и бесится, когда кто-либо с ним не соглашается. Ух ты! Да тут же про тебя написано! - он посмотрел на меня с огоньком в глазах.
- Уймись уже, блин! Не смешно! – обиженно с гневом произнёс я.
- Бедненький!, - он произнёс это слово с вытянутыми в трубочку губами. - Злая книга оскорбила тебя до глубины души! Ай-ай-ай! Плохая книга! - Кирилл закрыл книгу и начал бить её по обложке рукой, якобы наказывая её.
- Да перестань ты, наконец, паясничать! - я закричал и выхватил книгу у него из рук.

Я весь кипел, готов был уже разорвать его на мелкие клочки. А Кирилл сиял лучезарной улыбкой во весь рот. Он выглядел словно кот, который напроказничал и теперь наслаждался содеянным. Я взглянул на книгу. Это оказалась одна из книг Кастанеды, о котором мы только что говорили. В ней была закладка.

- Интересно, а что это там заложено? - самодовольно спросил Кирилл.

Я открыл и просмотрел страницу по диагонали. Дон Хуан преподавал урок своему ученику, смеясь над тем, как тот раздувается от чувства собственной важности.

- Кажется, всё-таки мой метод работает лучше, так как ты, читая своим методом, вообще ничего не усвоил, - усмехнулся Кирилл.

Злость схлынула с меня, и я понял, что он был чертовски прав. Осознав это, мне удалось восстановить контроль над собой, хотя, конечно, нутро всё равно продолжало сопротивляться.

Я сделал глубокий вдох и выдох.

- Ну, допустим... Кастанеда плох, Зеланд плох, все плохие... кто тогда прав? Кто

тогда хороший? Лазарев? Хакеры сновидений? Даосы? Буддисты? Христиане? Кто?

Кирилл улыбнулся и хитро взглянул на меня.

- А ты сам как думаешь?
- Ты? Я не знаю! - возмущённо дёрнул я плечами. - Я уже совсем ничего не понимаю! Ты же говоришь, что все неправы, всё неправильно... Ты же сам сказал, что никого из них слушать нельзя! Так и укажи мне, чему тогда нужно следовать!
- Вот в этом-то и заключается одна из главных твоих проблем. Ты ждёшь, что тебе укажут путь, покажут цель, к которой надо идти. Что кто-то умнее, мудрее, сильнее тебя скажет: делай так-то и так-то. Тебе лениво самому поработать, самому исследовать разные направления, самому решить, куда идти. Тебе даже лень цель выбрать. До тех пор пока ты будешь ждать указаний свыше и только и делать, что следовать тому, что тебе говорят другие, ты никогда не станешь свободным, ты никогда ничего не добьёшься. Работай, чёрт подери! – при последней фразе Кирилл вскочил на ноги и стукнул кулаком по столу, изображая недовольство.

Его слова действительно имели смысл. Меня как будто окатили из ведра холодной водой. Получалось так, что я всё время искал указания у других, всегда пытался найти истину из уст других... Но я никогда не задумывался о том, насколько можно доверять этим людям. Я просто решал, что такое-то направление верно и бездумно следовал ему... Мне и в голову до того не могло прийти, что кто-то может использовать эту мою слепую веру для каких-нибудь своих грязных целей... А почему нет? Может быть, «осознанные сновидения» – это метод заключения людей в их сознания, метод ограничения? Может быть, «магические пасы» – это метод выкачивания энергии из тех, кто их совершает? Может быть, все эти «течения вариантов» – это метод замыкания людей на бытовых проблемах, на мелочах?..

- Мне надо подумать...

Я был жутко измотан и тяжело дышал – так много всего на меня свалилось. Я устало сел на стул и потёр лоб обеими руками.

Кирилл только кивнул в ответ и вышел в другую комнату, а я остался с кипой разношёрстных мыслей в голове.

Но долго сидеть в раздумьях мне не пришлось — из офиса начал раздаваться шум, как будто Кирилл решил устроить там погром. Меня это насторожило. От него можно было ожидать чего угодно, тем более в последнее время, когда он начал меня «образовывать». Я итак был расстроен и озабочен, а тут ещё это! Не хватало, чтобы он мне ещё квартиру разгромил!

Я вскочил на ноги и побежал в офис. Открыл дверь.

В моей прибранной, уютной комнате царил бардак. Конечно же, Кирилл не мог сдержаться. Монитор компьютера был перевёрнут, клавиатура лежала клавишами вниз, книги на полках торчали страницами наружу (а не корешками, как обычно), даже диван был перевёрнут — ножками в сторону потолка. Кирилл стоял на голове по середине комнаты. При этом акробатическом трюке он не использовал рук.

- Проходи, Рома, чувствуй себя как дома. Присаживайся. Нам надо поговорить о пользе эзотерики, - спокойным как ни в чём не бывало голосом проговорил он.

Я тяжело вздохнул. Мне было не по себе от того беспорядка, который теперь царил в

моей комнате. Внутренний чистюля во мне хотел сразу же начать всё убирать, но мысль о том, сколько времени надо будет потратить на то, чтобы привести всё в порядок, меня погрузила в ещё большее уныние. На злость мне уже не хотелось тратить силы.

- Что же ты всё не уймёшься?! - с горечью произнёс я. - Вечно тебе нужно всё поставить с ног на голову...
- Я рад, что ты понимаешь, чего я пытаюсь достичь, - тоном учителя проговорил Кирилл. - Только поставив всё с ног на голову, можно отказаться от собственных привычек и увеличить осознанность.
- Отказаться от привычек?! - возмутился я. - Ты же мне сам только что втирал, что Кастанеда — это эзотерика для самоубийц, а теперь говоришь мне про привычки! Как же все эти слова о том, что это всё бессмысленно и бесполезно?!
- Не-не-не-не-не! - медленно покачал головой Кирилл. Я даже и представить себе не мог, что стоя на голове можно ею качать. - Я не говорю о том, что все эти техники и идеи абсолютно бесполезны. Конечно же, они ведут к чему-то! Конечно же, некоторые из них полезны. Но каждому своё. Тебе, например, большая часть из них ненужна, - спокойно произнёс Кирилл. – Вот, скажи мне, что ты сделал в своём первом осознанном сновидении?

Я нахмурился и сел прямо на пол, пытаюсь вспомнить свой опыт осознанных сновидений.

- Ну, посмотрел на мир вокруг себя, попытался запомнить его... - неуверенно проговорил я.

Кирилл неожиданно согнул шею и сделал какой-то непонятный кувырок. Он встал на ноги в полный рост, с вызовом посмотрел на меня, после чего показал в мою сторону кукиш.

- Шиш с маслом ты посмотрел на мир вокруг себя. Первое же, что ты сделал – это создал свою бывшую и занялся с ней сексом. Ты можешь врать себе, но врать мне у тебя не получится. Я в этих вещах ас!
- Но как же ты... - опешив пытался подобрать слова я.
- Узнал об этом? Это элементарно – это просто читается в твоих глазах, - тараторил Кирилл. - И скажи мне, о каком самосовершенствовании может идти речь, если ты занимаешься исключительно для того, чтобы вернуть себе её?
- Да не пытаюсь я её себе вернуть! - обиженно проговорил я. - Это уже пройденный этап моей жизни.
- Ах, вот как! Уже пройденный! Тогда скажи мне, зачем ты пьёшь?
- Я практически не пью, - уверенно возразил я.
- Хорошо. Тогда я переформулирую свой вопрос. Зачем ты напиваешься?!
- Да, я не напиваюсь!
- Ещё как напиваешься! Не часто, но сильно. А ещё у тебя в холодильнике всегда стоит початая бутылка водки, и иногда по вечерам ты к ней прикладываешься.
- Чисто для получения эстетических ощущений! - возразил я. - И то 50 грамм, не больше!

- Эти твои эстетические ощущения, - Кирилл ткнул в меня указательным пальцем, - я вижу насквозь. Для тебя это не просто «эстетика» или развлечения! Это метод ухода в себя, метод возвращения к ней. Поэтому бросай пить! Ни капли алкоголя в рот! Только трезвость ума!
- Да, я не пью! Иди ты на фиг! - начал повышать я голос.
- Нет, ты пьёшь, — начал повышать в ответ голос Кирилл.
- Да, иди ты в жопу! - крикнул я.
- Это ты иди! - рявкнул Кирилл зычным басом, чем меня шокировал.

Я потряс головой.

- Всё это ерунда какая-то, - смущённо выговорил я и направился обратно на кухню. Кирилл последовал за мной. - С какой стати я тебя должен слушать?! Ты же сам всё отрицаешь, и сам же мне говоришь о том, что я не должен никого слушаться!
- Ну, наконец-то! Начало доходить! Молодчина! Ты должен слушать только себя, - тихо и проникновенно проговорил Кирилл так, как будто за душу взял, догоняя меня по пути. - Перед тобой огромное пространство вариантов. Каждую секунду ты сам решаешь, куда шагнуть, в какую сторону продолжить движение. Всё в твоих руках. Тебе только надо освободиться от своих привязанностей и научиться слушать своё сердце. Так выбирай же уже, наконец, куда идти, а не послушно двигайся по указке пастуха!

Музыкант в метро

Игорь

Как я нашёл в свою группу ещё одного музыканта? Очень забавный случай. Сейчас расскажу.

Возвращался я как-то поздно вечером домой. Как всегда с работы. Задержался. Устал. Спустился в метро, дождался поезда – все дела. Как поезд подъехал, вошёл в вагон и встал у двери напротив входа. По своей привычке скрестил руки на уровне груди, и ногу за ногу закинул. Задумался. Слушал музыку, отключившись от окружающего мира.

И тут, краем глаза я заметил, как ко мне начал пододвигаться парень, стоявший у той же двери, только напротив меня. Я посмотрел ему прямо в глаза. У него был хитрый взгляд, как будто тот что-то придумал. Я вытащил наушник и подозрительно посмотрел на него.

- Миша, - проговорил он и протянул мне руку.

Я никак не отреагировал — мало ли, кто такой. Посмотрел только на него косо.

- Чем обязан? - спросил я, а сам руки не подал.

Миша, вроде бы, особенно на это не обиделся. А, впрочем, мне-то какая разница?

- Ты только что встал и полностью скопировал меня, - заявил он.
- В каком смысле? - не понял я.
- Ну, ты вошёл в вагон и встал у двери напротив меня точно так же, закинув одну ногу за другую, руки скрестив, в пол взгляд уперев... Да ещё и с плеером в ушах. Что у тебя там играет?

– «Nirvana», - нехотя ответил я.

Нормальные люди, если не преследуют никаких целей, просто так в метро не знакомятся. Тем временем Миша засиял и заулыбался во всё лицо:

– У меня тоже! Сейчас как раз «In Utero» слушаю, «Dumb».

– М, - я киваю. - У меня «Sliver».

После этого меня как будто немного отпустило, что-то начало выползать наружу, хотя особых поводов для этого, конечно, не было. Я расслабил хватку и стал общаться более расслабленно – вроде как опасность миновала:

– Игорь, - протянул ему руку я.

Рукопожатие. После чего руки скрестились обратно.

На вид Мише восемнадцать — девятнадцать. Парень он был очень открытый, с огнём в глазах. Видно, жизнь пока ничему не научила: ни тому, как надо закрываться от других, ни тому, что весь мир – «заподлянный», ни тому, что деньги решают всё, ни тому, что является самым главным в нашей жизни...

– А ты не музыкант случайно? - спросил Миша.

– Ну, есть немного, - пожал я правым плечом в ответ, - Играю на гитаре, чуть-чуть вокалист.

– А я басист.

Так вот оно что! Значит, это всё не спроста! Взял вот так и на дороге нашёл басиста! Ё-хо-хо! Вернее, басист нашёл меня! Вот это да! Свезло, так свезло. Я улыбнулся краем губ, а руки сами собой убралась из «креста», и я уже весь погрузился в диалог с Мишей.

– Слушай, а ты не хочешь со мной поработать? - решился спросить я. - Играем, точнее, собираемся играть, в стилях «Гранж», «Альтернатива», «Нью-Металл».

– Хочу. Тем более, что я сейчас нигде не играю, - он ответил так, будто ждал, когда же я ему предложу. Кажется, он уже заранее был готов согласиться на музыкальное сотрудничество.

– Только у меня пока ударника нет, - оправдался я.

– Это не страшно, - заметил Миша. – Это мы найдём. Главное начать играть.

Счастью нет границ! Думал, что еду с проклятой работы домой, что этот долбаный день, наконец, закончился, а ничего хорошего так и не случилось, и тут: нате вам! Басист в группу! Такое добро на дороге не валяется. Впрочем, надо его послушать, чтобы понять, адекватен ли он. А то был у меня один знакомый басист... в такты не попадал и мимо нот играл.

– А как группа называется? - спросил Миша.

– «.», - ответил я.

После этого у Миши по лицу пробежала тень удивления и страха.

– Что-то не так?

– Да, просто... - он озабоченно почесал затылок. - Мне сегодня ночью приснилась голова лисы, которая сказала, что моя жизнь «изменится после точки».

Ещё в университете я научился читать «содержание» людей. Точнее было бы сказать — их «суть». Мне достаточно было взглянуть на человека и попробовать найти в нём какие-то черты, и сразу же становилось понятным, что собой этот человек представляет, развивается ли он духовно, мыслит ли он чисто материальными категориями, как он живёт, и даже то, как он будет выглядеть в старости. Последний факт в первое время особенно удручал, так как старость явно прослеживалась у любого человека. Неприятней всего было изучать таким образом девушек. Они были внешне юны и свежи, их кожа была ещё молода, их волосы изящно пахли, они, казалось, были полны энергией и радовались жизни. Но стоило кинуть на них более глубокий взгляд, как всё становилось на свои места: вот старость уже оставила отпечаток на их лицах. Вот там, в уголке глаза, в отблеске улыбки, в прядях волос. Вот, как они будут выглядеть совсем скоро. От них ничего не останется: ни энергии, ни свежести, ни молодости. Останется только то, что внутри. А внутри — пустота...

Из-за этого я перестал даже пытаться идти на контакт с какими бы то ни было девушками. Было тяжело общаться с человеком, о котором ты знаешь даже то, чего он сам о себе не знает. При этом интересоваться девушки меня не перестали: просто я не был готов начинать и развивать какие-либо отношения.

Но однажды...

Однажды, в начале сентября, сидя в кафе на Петроградской стороне, попивая свой капучино и доедая круасан, я совершенно случайно кинул взгляд на девушку, стоявшую у кассы, спиной ко мне, и делавшую заказ. Лицо её мне показалось знакомым, но я не мог понять, где я её мог видеть до того.

Сразу определить её нутро мне не удаётся, хотя обычно это никогда не вызывало особых проблем. Когда же она, наконец, расплачивается и направляется с подносом в зал в поисках столика, и мне удаётся разглядеть её лицо, я поражаюсь. Она не выглядит умопомрачительно красивой. Она вполне себе мила. У неё русые волосы до плеч, светло-голубые глаза, изящные губки и немножко отдёрнутый нос. Но одновременно с этим в ней, где-то внутри, чувствуется дикая энергия и напор, целеустремлённость. К сожалению, оценить её духовные характеристики мне не удаётся, но никакой старости внутри неё я не вижу. Я пытаюсь так и сяк представить себе, увидеть её старость: нагоняю воображаемые морщины, волосы представляю себе седыми, глаза усталыми, - но ничего не выходит, ничто её не выдаёт, как будто она и не постареет никогда...

Я понимаю, что нужно что-то предпринять и просто так отпускать её нельзя. Но мне страшно, страшно как никогда. Я пытаюсь набраться храбрости, но, кажется, мне её не хватает. Голова немного кружится, наверно, от страха и какая-то сила внутри меня поднимает мою руку, я машу ей.

Она меня замечает и улыбается. Затем, недолго думая, направляется к моему столику.

– У вас свободно?

– Да, для вас свободно, - я смущённо улыбаюсь.

Она ещё раз улыбается в ответ, ставит свой поднос, садится и снимает сумочку с плеча.

– Дагни.

Сидя за столиком, она создаёт впечатление самой кротости и умиротворённости. В этот

момент она немного стесняется, и взгляд у неё неуверенный.

- Какое интересное имя, - замечаю вслух, а про себя вспоминаю про «Мистерии» Кнута Гамсуна.

Она пожимает плечами.

- Это шведское имя. У меня шведские корни.
- Как мило, - я делаю глоток из чашки, не спуская с неё глаз. - У меня всё банальней и проще — Дима. Корни казахские.

Она смотрит на меня, несколько округлив глаза, как будто я только что сказал что-то очень неожиданное и необычное.

- Как интересно!
- Чего же тут интересного? По-моему, достаточно банально, - я пожимаю плечами.
- Ну, например, вы, наверно, не знаете, что такое пить глинтвейн и кутаться в пледы для согрева.

Я удивлённо усмехаюсь — ход её мыслей меня несколько удивляет: она нашла совершенно неожиданную, новую для меня черту в обыкновенной, привычной действительности: я из Казахстана.

Вообще, Дагни иногда специально играла роль блондинки. Причём, делала она это бессознательно — просто ей так было проще существовать. Остальные люди клевали на такое её поведение, однако я её раскусил с самого первого дня нашего знакомства. Она могла быть самой непосредственностью и высказывать свои мысли вслух, особенно не задумываясь о последствиях. Она могла казаться наивной и, может быть, немного простоватой. Но это всё была только обёртка. Я чувствовал, что внутри неё — сила и мудрость. А такими методами она просто защищала себя и огораживалась от мира вокруг.

- Да, про глинтвейн и шерстяные шарфы мы имеем мало представления, хотя у нас тоже зимой бывает достаточно холодно... - улыбнувшись замечаю я в ответ.

Однако это её уже больше не интересует — она уже переключилась на другую тему:

- В Петербурге грязный снег. И абсолютно неприветливый и мрачный. Мне сам город с момента моего переезда тоже показался мрачным, - она потянула коктейль из соломки.

Я слушаю. Удивительно, но с ней я не чувствую того барьера, который обычно есть во мне при общении с другими людьми. Она какая-то не такая. И я чувствую себя менее скованно и более свободно. Я могу общаться с ней, как с человеком, которого знаю всю свою жизнь...

- А теперь я вижу, что город добрый. Он просто угрюмый и немый.
- А мне он иногда кажется жёлтой клеткой. Меня давят стены, - признаюсь я.

Дагни немного вспыхивает, будто принимает мою ремарку за личное оскорбление.

- Да ты что! Да ты же, наверно, просто на крышах не был!
- Не был, - признаюсь я.
- Да и вообще, - продолжает она, - это неправильное отношение. Просто у тебя злость какая-то засела, ты её на город распространяешь, вот он тебя и давит. Тебе

нужно найти эту злость и избавиться от неё.

Именно после этой фразы я понимаю, что не ошибся в ней. В ней действительно есть что-то непонятное, магическое...

- А пойдём на крышу?, - неожиданно предлагает она ещё до того, как я успеваю открыть рот. - Ты посмотришь на город свысока и поймёшь, что он — добрый и относиться к нему надо с любовью.

Это предложение для меня несколько неожиданное, но оно мне нравится. Тем более, что это повод познакомиться с ней поближе.

- Давай. Только чай свой допью.
- А у меня ещё банановый коктейль, - поднимает она стакан с коктейлем, показывая, что ещё сама со своим напитком не закончила.

Я киваю, и мы молчим, углубившись в уничтожение своих напитков.

Удивительно, но тишина в присутствии Дагни не вызывает у меня никакого дискомфорта. Кажется, что мы с ней общаемся на каком-то более глубоком уровне, без слов. Она делает несколько глотков, опустив взгляд в стакан, после чего смотрит на меня, облизывая губы и думая о чём-то своём, явно со мной несвязанном.

Мы заканчиваем наши напитки, киваем друг другу и, не говоря ни слова, направляемся на выход.

В присутствии Дагни мне всегда хотелось быть искренним, галантным, крайне вежливым и заботливым. Я придерживаю дверь, пока она выходит из кафе. Она говорит: «спасибо», - причём звучит это очень искренне, а не штамповано.

Не сговариваясь, мы идём в одном направлении. Я не знаю, куда иду, не знаю, куда идёт она, но полностью доверяю сложившейся ситуации. Я плыву по течению. Я плыву с ней.

Мы заходим в одну из подворотен, и сердце у меня начинает биться чаще. Мелькает мысль о том, чтобы обнять её, прижать к себе. Она смотрит на меня и улыбается, будто прочитав мои мысли, но я чувствую, что сделав это могу всё испортить. Мы заходим в подъезд, поднимаемся на последний этаж, а оттуда — по пожарной лестнице на крышу. Ни у меня, ни у неё нет ни одной мысли о том, что мы можем не попасть на крышу.

Удивительно, но доступ на эту крышу открыт. Когда спустя несколько дней я решил самостоятельно подняться туда же, то обнаружил кучу препятствий на своём пути: кодовый замок при входе в двор, домофон при входе в подъезд, замок на двери на крышу... Но в этот раз... просто чудо какое-то!

Я помогаю ей подняться, протянув руку. Она пользуется моим предложением, и я чувствую, какие тонкие и изящные у неё пальчики. Сердце бьётся сильнее — происходит то, чего со мной не происходило уже несколько лет.

Мы так и стоим, взявшись за руки, и смотрим на город. Крыши, крыши, крыши. Преимущественно красные, изредка зелёные. Исаакиевский собор, стрелка «васьки», Спас на крови, Казанский собор... Весь город со своими красотами у наших ног. Я неожиданно понимаю, как он прекрасен, я понимаю, как люблю его. И город начинает отвечать мне взаимностью. Тучи разбегаются, заходящее солнце глядит на нас. Суета там, внизу, потихоньку растворяется. Красные полосы расплзаются по небу, и начинает постепенно темнеть. Становится зябко. На Дагни одна лишь лёгкая вязаная кофточка, мне её жаль, и я решаюсь согреть её, слегка приобняв. Как только я делаю шаг в её сторону, она смотрит

на часы и спохватывается:

– Ой, мне надо бежать.

...высвобождается, после чего торопливо спускается по лестнице. Я, раскаиваясь в содеянном, следую за ней.

– Как насчёт того, чтобы завтра встретиться? - задаю я ей вопрос, когда мы уже выходим во двор-колодец.

– Давай, - небрежно бросает она.

– Где и во сколько?

– А... Как получится, - она хитро глядит на меня, разворачивается и бежит прочь, скрывшись за поворотом.

Я попытался было догнать Дагни, но, выскочив на улицу, мне не удалось определить, куда она исчезла. Я потерянно метался несколько минут из стороны в сторону в попытке найти её, пару раз звал её по имени, но понять, куда она делась, мне не удалось. Я потерял её.

Придя домой, сидя в задумчивости, я попытался зарисовать её личико на тетрадном листочке в клеточку. Но вместо Дагни у меня выходили неживые лица с неживыми глазами...

Чистый душой

Рома, Игорь

В некоторых вещах мы с Игорем сходились. Например, мы оба не верили ни в бога, ни в судьбу — каждый из нас лишь верил в себя. Мы оба в одинаковой мере критиковали существующий режим и были недовольны властью. Мы оба в своих философских мировоззрениях склонялись к агностицизму. Были и другие вещи, в которых мы сходились с ним, но был один важный пункт, по которому мы расходились радикально. Споры по этому вопросу были настолько жаркими, что иногда чуть не доходили до драки... Особенно, когда рядом не было Димы или кого-нибудь ещё, кто мог бы нас разнять.

– Если существующая система в стране выстроена таким образом, что допускает возможность брать взятки и воровать, то лучше я буду внутри этой системы, чем снаружи, - говорил Игорь. – Я поставлен в такие условия. Для того, чтобы хорошо жить в этой стране, мне надо быть частью системы, а это означает врать и воровать.

Мы сидели за столом на его съёмной квартире, на кухне. Перед нами была бутылка какого-то коньяка (никогда не разбирался в крепких напитках), которую мы уже успели приговорить наполовину, пара бокалов и всякие фрукты, которыми мы закусывали. Помимо нас в квартире была лишь очередная девушка Игоря (в этот раз её звали Ира), которая предпочитала держаться подальше от таких разговоров и крепких напитков, в связи с чем уже ушла в другую комнату, сделав демонстративно телевизор погромче. После Анжелы девушки у Игоря надолго не задерживались. Он, казалось, и вовсе перестал думать о серьёзных отношениях.

– Становясь внутри системы, ты становишься ничуть не лучше тех, кого ты активно критикуешь сейчас, - возразил ему я. – Либо ты там, либо ты тут – третьего не дано. Либо ты свободен, либо ты такой же, как и они!

- Нет, я лучше. Я другой! – с пылом продолжал Игорь. – Просто я поставлен в такие условия. Если бы система была другой, я бы не стал воровать. Но так как основа функционирования нашего государства – обман и воровство, я просто вынужден это делать.
- Да, что значит «вынужден»?! – возмутился я. – Тебя заставляют что ли? Тебе говорят, что пока ты не возьмёшь взятку, тебе не дадут есть?! Ты не можешь найти нормальную честную работу?!
- Могу, но на такой работе мне будут платить гроши, и я не смогу на ней себя реализовать. Если ты действительно хочешь нормально жить в этой стране, ты просто обязан принимать правила игры!
- Если ты способен найти только такую честную работу, на которой платят гроши, то ты просто неудачник! - вспыхнул я. - В мире существует тысяча и один способ заработать, причём прилично заработать, а ты мне утверждаешь, что все они связаны с воровством?!

Кровь бурлила в жилах, и для предания храбрости, для упорства, я проглотил целиком коньяк из своего бокала, гневно закусив его яблоком.

- Кто бы говорил?! – надменно хмыкнул Игорь в ответ. – Преподаватель, живущий на 15 тысяч в месяц! Человек, который в лучшем случае может себе позволить купить Армянский коньяк!
- Я покупаю то, что хочу, и я вполне себе самодостаточен. Зато живу честно и свободно!
- Да кому нужна твоя честность?! - с издёвкой выцедил Игорь. - Её ни на хлеб не намажешь, ни в карман не положишь! Что ты с ней делать-то будешь, когда попадёшь в какую-нибудь сложную ситуацию и останешься без денег?
- Мне нужна моя честность! – уверенным голосом перебил я Игоря. – Я не могу взять взятку, потому что это просто неправильно. Взяв её, я стану таким же уродом, как и все те люди, которых я презираю, а я не хочу презирать себя. Начав играть по их правилам, я лишусь своей свободы, лишусь возможности думать, что хочу и делать, что хочу!
- Ну, так и будешь, значит, болтаться со своими 15 тысячами до старости, а к концу жизни – получать пенсию в 8 – 10 тысяч. Вот и закончится твоя никчёмная жизнь никак! – резюмировал Игорь.
- Моя никчёмная жизнь закончится свободой! Я пойму, что не зря прожил, так как был свободен и остаюсь свободен! – вспыхнул я и вскочил со своего места.
- Мальчики, можно потише? – усталым голосом проговорила Ира, появившаяся в проёме двери.
- Иди в жопу! – рявкнул на неё Игорь, выпустив в её сторону всю злость, предназначавшуюся для меня. – Не лезь в мужской разговор!

Ира повела глазами в ответ и ретировалась, лишь проронив себе под ноги: «мудак».

- Да, что ты заладил с этой своей дурацкой «свободой»?! - вернулся Игорь ко мне. - Думаешь, если я буду брать взятки, я перестану быть свободным? Я всё так же буду критически смотреть на мир, всё так же придерживаться оппозиционных взглядов. Что изменится-то?!

- Всё изменится, - с напором уверенно ответил я. – Став частью системы, ты уже больше не сможешь отказать, если тебя кто-то попросит сделать что-то против совести. Придут так и скажут: Игорёк, надо бы организовать митинг в поддержку Рыбина. И плевать, поддерживаешь ты его на самом деле или нет. Ты уже с ними, ты уже запачкан. И если не организуешь, тебе припомнят, что ты уже преступал закон, напомнят, сколько ты брал, как обогащался, и расскажут о перспективах пребывания в тюремной камере и конфискации всего твоего драгоценного имущества, приобретённого за чёрный нал.

Игорь раздражённо фыркнул. Его ярость прошла и теперь он просто перешёл в фазу "язвы":

- А пока ты впахиваешь как обычный препод, к тебе, конечно же, не придут и не скажут: организуй митинг, а то уволим? Да ты такой же беззащитный винтик этой системы, только бессмысленно упёртый — вот и всё.
- Прийти могут, сказать могут, но у меня остаётся элемент свободы: я знаю, что не преступал закон, - не сдавался я. - И этого знания мне уже достаточно для того, чтобы совершать поступки самостоятельно, для того, чтобы отстаивать свою точку зрения. А ты, будучи полноценным винтиком, поддерживающим всю эту коррупционную систему, вначале организуешь митинг, придумывая себе оправдание о том, что «ты всё равно ничего сделать не можешь», потом, когда попросят, подпишешь бумагу о назначении Рыбина царём, а потом и вовсе начнёшь помогать в фабриковании дел против своих друзей. Ты же всё равно ничего не мог поделать! Так хотя бы место своё сохранил...

Игорь замолчал и нахмурился. Фаза «язвы» сменилась на фазу хмурого недовольства. Он чувствовал, что проигрывал и не находил аргументов в свою пользу.

- Достаточно одного маленького шага вначале для того, чтобы просто свалиться в пропасть, - добивал его я, но уже более спокойным тоном. - Ты и сам не заметишь, как полетишь. Будет казаться, что ты всё ещё на той стороне, что ты просто стал более открыто мыслить, оставаясь всё так же при своём мнении, но на самом деле ты уже просто будешь там, в этом говне, от которого тебе уже никогда не отмыться.
- Ну, и по фигу! Зато буду жить хорошо. А ты живи как нищий! И вообще иди в жопу!

Когда Игорю было нечего возразить, он обычно посылал своего оппонента и покидал комнату, прихватывая с собой бутылку коньяка и зелёное яблоко, прекращая таким образом дискуссию.

Однако мнение его от проигрыша, конечно же, никогда никак не менялось.

- А вообще, это какая-то херня! И знаешь, что? - Неожиданно вернулся он назад в комнату с контраргументом, тыча в меня пальцем...

Такие споры могли длиться хоть до самого утра. Иногда Игорь уходил на работу, вынужденно останавливая спор, и мы так и не приходили ни к какому компромиссу, каждый оставался со своей, недвижимой точкой зрения.

Первая репетиция

Игорь, Кирилл

В назначенный час я встретился с Мишей на выходе из метро. Он был со своей бас-гитарой, с длинными волосами, жизнерадостный и улыбающийся.

- Здорово!
- Привет!
- Ну, чего? Кого-то ещё ждём? - спросил он.
- Да, ещё должен подойти лидер-гитарист, Кирилл. Он обещал своего друга-барабанщика притащить, так что сегодня репетируем в полном составе. А если его другу понравится, то считай, что группа у нас укомплектована.

Миша улыбнулся:

- Крутяк!

О встрече с Кириллом мы договорились в 16.45. На часах уже было 16.50, а его всё не было.

- Ну, чего? Придумал, что будем играть? - решил поддержать разговор я и достал пачку сигарет. - Будешь?
- Нет, спасибо. Я не курю. Да, я подумал, что мы можем начать с чего-нибудь простенького, типа «Sympathy for the Devil» Guns N Roses...

Я закурил, усмехнулся и покачал головой:

- Это песня Rolling Stones. Guns N Roses её просто перепели.
- Ого! А я и не знал!
- И она не такая уж и простая, чтобы начинать прямо с неё, - заметил я. - Надо что-то попроще брать. Что-нибудь типа «Paint It Black».
- А я такую не знаю, - закачал головой Миша.
- Это тоже Роллинги. Послушай, тебе понравится, - улыбнулся я, затягиваясь.

Так мы стояли и убивали время, заполняя пространство разными словами. На часах уже было 16.55, потом 17.00, а Кирилла всё не было. Я достал мобильник и позвонил ему, извинившись перед Мишей за неловкую паузу...

- Алё? Кирилл? Ты где?
- В Питере, - нахально и резко ответил тот.
- А точнее? Мы тут тебя ждём на выходе из метро уже минут 15!
- Рад за вас.

Я ещё с ним не виделся в тот день, а он уже начал меня выводить из себя. Нахальные эгоистичные люди меня всегда раздражали, а у этого доставать меня получалось просто профессионально — достаточно было пары слов, чтобы я вскипел.., но я пока держался. Этот человек мне был нужен. Я чувствовал, что мне просто необходимо перетерпеть все его выходки, так как он ещё поможет изменить мне мою жизнь.

- Тебя ждать? Мы вообще-то договаривались в 16.45, на выходе из «Площади Ленина», - напомнил я.
- Ах, ты об этом? - раздался из трубки ленивый голос. - Идите на точку, мы с Егором приедем на место.

- А раньше нельзя было об этом сказать?! - возмутился я. - Вы хоть как добраться знаете?
- Конечно, мы там постоянно репетируем.
- Окей.

Я положил трубку, бросил бычок на асфальт и со злостью примял его носком ботинка, посмотрел на часы на экране мобильного и еле слышно проговорил «Мудак». Злость во мне закипала, но я чувствовал, что это только начало...

- Ну, что он сказал? - спросил Миша.
- Сказал, чтобы не ждали и шли на точку, - я осмотрелся и кивнул головой. - Идём.

Естественно, мы с Мишей опоздали — до репетиционной точки идти минут десять. Но самое возмутительное заключалось в том, что Кирилл со своим другом уже были на месте. Они даже успели подготовиться: Егор сидел за уже собранной ударной установкой, Кирилл уже играл какие-то свои блюзы на неподключенной к усилителю электрогитаре и держал незажжённую сигарету в зубах — всё говорило о том, что они приехали сюда значительно раньше.

Мы с Мишей зашли. Кирилл никак не отреагировал, продолжая что-то там себе играть и не обратив на нас ни малейшего внимания. Я простоял секунд десять рядом с ним с вытянутой рукой и, не дождавшись от него рукопожатия, пошёл к Егору. Тот пожал мою руку. Только после этого Кирилл закончил и поднял взгляд на меня.

- А со мной поздороваться? - возмутился он.
- Я тебе руку уже протягивал, - зло ответил я.
- Мог бы подождать, когда я кончу разговаривать с гитарой. Не вежливо перебивать!

Я подошёл и поздоровался с ним.

- Это Миша, наш басист. Это Кирилл. Это Егор.
- Привет.

Теперь все были знакомы друг с другом.

Не думал, что уже на этом этапе будут такие сложности.

Мы подключились и настроились, когда появилась очередная проблема.

- Что будем играть? - спросил я.
- Какая разница. Играй то, что в голову придёт — только это и есть истинная музыка! - изрёк Кирилл.

Я не был согласен с такой постановкой, мне ближе был другой подход: домашняя подготовка с непосредственной проработкой материала на репетиции. Всё должно быть по плану!

- Это хрень, мы так далеко не уедем, - резюмировал я, обращаясь к Кириллу. - Надо готовиться заранее, надо вместе что-то конкретное разбирать. Если каждый будет играть, что хочет, будет получаться гавно-панк типа того, который играешь ты в своей группе.

- Всяко лучше, чем твоя тонущая подводная лодка! - процедил сквозь зубы Кирилл, не глядя на меня.
- И чем же? - зацепился я.
- Ребята, мы сюда ругаться пришли или играть?! - вмешался Миша.

Кирилл посмотрел на него недовольно и поморщился. Я вздохнул.

- Ну, хорошо. Давайте попробуем просто играть, - согласился я. - И с чего же начинаем?

Егор, не говоря ни слова, начал стучать по тарелке и томам. Однако выстукивал он какой-то непонятный ритм в непонятном размере, создавалось впечатление, будто он просто отрабатывает какой-то приём, отключившись от всего мира. Я посмотрел на ребят. Кирилл только дёрнул плечами, после чего заиграл.

- До диез минор, - только и сказал он.

Миша начал что-то наигрывать на басу. Мне ничего не оставалось как взять аккорд и держать его. Постепенно все стали играть что-то своё, местами даже сочетающееся с общим направлением, один я как дурак стоял и держал аккорд.

- Балбес, - жуя сигарету, изрёк Кирилл, остановившись на одном из бэндов. - Ты бы хотя бы обыгрывал тональность. Чего ты встал как столб на одном аккорде?
- В смысле?

Кирилл посмотрел на меня изучающим взглядом, после чего предложил:

- Ну, перейди на Ля мажор, потом на Соль диез мажор хотя бы. Хоть что-то получится. Да и вообще ослабь хватку. Чего ты так вцепился в этот несчастный аккорд?

Мне стало стыдно, я начал нервничать.

- Фа мажор, - процедил Кирилл.

Мы с Мишей переключились на другой аккорд.

- Фа мажор, я сказал, фа мажор! - прикрикнул на меня сквозь зубы Кирилл.

Кажется, я промахнулся аккордом на полтона. Ничего не получалось, и из-за чувства ответственности моя нервозность росла как снежный ком, а пальцы не слушались.

Внезапно Кирилл остановился, брызнул и стал громко смеяться, показывая на меня пальцем. Я посмотрел удивлённо на него, потом на остальных ребят. Миша посмеивался из солидарности, не понимая, что происходит. Егор продолжал что-то отрабатывать, не обращая на нас никакого внимания.

- Чего тут смешного? - покраснелся я.
- Ты смешной, конечно же! Ты так нервничаешь, будто от твоей старательности зависит твоя жизнь, - сквозь слёзы изрёк он. - Ты с таким усердием цепляешься за свои ошибки!
- Я просто никогда в таком стиле не играл! - стал защищаться я, чем вызвал очередной приступ смеха со стороны Кирилла.
- Всё. Мне нужен перекур. Я так работать не могу — а то я от смеха лопну!

Он снял с себя гитару, поставил на подставку и, посмеиваясь, вышел из комнаты. Затем снова появился в проём и, глядя на меня, добавил:

– Эй, Красный! Идём со мной! Надо поговорить!

От этой фразы я закипел ещё больше. Мне захотелось всё бросить, собрать вещи и уйти домой. Не знаю, что меня удерживало — я уже был готов взорваться. Тем не менее, я сделал усилие над собой и последовал за Кириллом.

Мы вышли на улицу. Кирилл закурил. Я присоединился к нему. Он уже успокоился и больше не ржал как лошадь.

– Скажи мне, Игорь, чего ты хочешь от жизни? На кой чёрт ты всё это затеял, если к музыке никакого отношения не имеешь?

– В смысле не имею? Музыка — это единственная отдушина для меня.

Кирилл посмотрел на меня со скепсисом, затем затянулся и выпустил дым через нос.

– Ты ничего не смыслишь в музыке и не чувствуешь её. Твои песни — полное говно, как с точки зрения музыкального, так и с точки зрения поэтического содержания. Уверен, ты даже петь не умеешь. И тем не менее, ты зачем-то рвёшься в эту стезю. На кой чёрт?

– Я — это музыка, - пафосно ответил я, выпуская дым в сторону от Кирилла. - Мне становится легче дышать, когда я играю.

– Бла-бла-бла, - спародировал меня Кирилл. - Бла-бла, бла-бла. Лучше бросай курить — будет легче дышать! А если серьёзно? Неужели твоя жизнь настолько бездарна и пуста, что тебе нужно её заполнять своими кривыми аккордами?!

Наверно, на этом моменте я должен был бы взорваться, и в любой другой ситуации я бы так и поступил, но Кирилл смотрел на меня очень уверенно и проникновенно. Я не знаю как ему удалось это, но следующая фраза просто вывалилась из меня само собой:

– Если я через десять лет ничего не добьюсь, я всажу себе пулю в голову.

Кирилл, не меняясь в лице, затянулся, ещё раз пустил дым через нос. Повисла десяти секундная пауза, после которой он заметил:

– И откуда же у тебя найдутся деньги на пистолет? Тебя из банка уволят уже через три месяца. Новую работу найти не сможешь. С музыкой ничего не получится. Есть у тебя один небольшой кусочек шанса, но я уверен, что ты и его упустишь.

Не думал я, что он так цинично ответит на мою реплику. Я стоял ошарашенный — как будто меня только что ударили кирпичом по голове.

– Ты не прав, - только и выдавил я из себя.

Кирилл пожал плечами:

– Возможно.

Он кинул сигарету куда-то в сторону и направился внутрь. Я проделал тоже самое и последовал за ним.

– А ты что предлагаешь? Сидеть, сложа руки? - бросил я ему в спину.

Кирилл остановился, повернулся ко мне лицом, придерживая дверь открытой и изрёк:

– Займись лучше клубом каким-нибудь подпольным. Теория заговора и мизантропия

у тебя в крови.

Он подмигнул.

Его наглость и нахальство выводили меня из себя, однако я был немало удивлён тому, что до сих пор не убил его. Каким же всё-таки стойким я оказался!

Мы поднялись наверх и продолжили свои жалкие попытки репетиции.

Ударник работал как зайчик из рекламы батареек: он не переставая барабанил один и тот же ритм, периодически ошибаясь, но никак серьёзно не реагируя на свои ошибки.

- Слушай, а он когда-нибудь останавливается? Такое ощущение, будто Егор вообще нас не слышит, - высказал недовольство я, пытаюсь перекричать грохот в комнате.
- С ним такое бывает. Не обращай внимание — само пройдёт, - ответил Кирилл.

Кирилл пошёл на уступки. Мы попытались сыграть мою песню «Кривая линия», но всё получалось неслажено, с ошибками и искусственно. Как только я начал петь, Егор перестал стучать и, сморщившись, театрально схватился за уши. Кирилл попросил:

- Не надо открывать рта во время репетиции, пожалуйста!
- А как же я буду петь? - возмутился я.
- А, ты ещё и петь будешь? - с нескрываемым удивлением воскликнул он. - Пока что ты только издавал непонятные улюлюкающие носовые звуки и безжалостно драл своё горло. Не надо так делать!
- А ты, конечно же, умеешь петь? - с издёвкой поинтересовался я.
- Я не умею, я гитарист! Зачем мне петь? А вот Егор умеет, - Кирилл кивнул в его сторону.

Егор, казалось, вернулся из какого-то далёкого места, ожил, посмотрел по сторонам. Кирилл заиграл, Егор подошёл к микрофону и запел:

«Перепутали мы слова в стихах и в чужих грехах тихо каемся...»

Голос у него был красивый, с хорошим тембром на низких нотах, пел он уверенно, ровно и гладко, периодически украшая мелодию различными джазовыми приёмчиками. Я аж заслушался.

Репетиция развивалась стихийно. Егор пел, Миша с удовольствием играл партии на басу, Кирилл зажигал на гитаре. Я стоял по среди комнаты и не знал, что делать: те аккорды, которые брал Кирилл, мне были незнакомы, поспевать за ним я не мог, так что единственное, что оставалось — просто стоять и слушать. Ближе к концу репетиции от безысходности я мигрировал к ударной установке и теперь сидел и выстукивал достаточно примитивный ритм. В этой группе место за барабанами оказалось единственным более-менее приемлемым для меня. В результате мы отработали песню Егора, песню Кирилла, а до моих так и не дошли.

Репетиция получилась совершенно не такой, как я ожидал и жутко меня разочаровала. Впрочем, радовало то, что что-то всё-таки вышло. И хотя мне не очень нравилось моё новое место в группе, я чувствовал своим нутром, что данный состав — мой уникальный шанс, упускать который нельзя.

Мы решили, что надо попробовать собраться и порепетировать вместе на следующей

неделе.

На прощание Кирилл дал мне увесистый подзатыльник.

– Это на память, - прокомментировал он.

Егор усмехнулся, как будто что-то вспоминая, и почесал голову.

Арендатор — шпион Дона Хуана

Рома, Кирилл

Спустя пару дней после тех разговоров с Кириллом об эзотерике, во время сна, со мной произошло нечто, что, как мне сейчас кажется, достаточно серьёзно повлияло на мои взгляды на жизнь.

Отец Димы (которого в реальной жизни я ни разу не видел) был в «Доме Книги» на Невском, на первом этаже, у самого выхода. Уж, не знаю, что он там делал и что искал, но, кажется, он уже направлялся к выходу, когда заметил слева от выхода в вертикально стоящем открытом шкафу книгу с синей обложкой и выведенным белыми буквами названием: «Арендатор — шпион Дона Хуана».

Что началось, как только он прочитал надпись!

Меня начало мотать из стороны в сторону. Какая-то сила пыталась сдвинуть меня и сжать. Я сопротивлялся и цеплялся за стены. Сила, видя то, что я сопротивляюсь, со злости бросила меня на кровать. В этот момент я понял, что лежу в своей комнате и сплю. Я попытался проснуться, подняться с кровати, взять блокнот и записать этот странный сон, но у меня никак не получалось этого сделать. Вот уже казалось, что я взял блокнот и ручку, но сонная одурь снова наваливалась, сжимала и сдувала, и я оказывался в той же нулевой точке, в которой я только что был — лежа на спине, пытаюсь проснуться. Вот, казалось, я уже даже встал и прошёл в центр комнаты, но сила опять сдувала и сжимала меня, и я опять оказывался лежащим на кровати. Я чувствовал чьё-то присутствие и периодически — дыхание в лицо. Борьба шла достаточно долго, но в конце концов я сумел проснуться. И первое же, что я сделал — это записал название книжки, а затем (в подробностях) весь оставшийся сон.

Когда я рассказал Кириллу о произошедшем, он на секунду задумался, после чего изрёк:

- Всё понятно. Твоё подсознание подсказывает тебе, то, чего ты никак не хочешь понять и принять. В названии книги — небольшое откровение, которое нужно просто правильно интерпретировать.
- Но это же бессмыслица! У Кастанеды было всё по-другому! Арендатор — древний, алчный, жадный маг, стремящийся лишь к силе, в то время как Дон Хуан — новый маг, лишённый устремлений к силе ради сомнительного «бессмертия», стремящийся к свободе.

Кирилл показал своё недовольство моей фразой, немного поморщившись.

- Что за чушь ты мне опять несёшь?! Опять ты цепляешься за чужие мысли и установки! Хватит принимать всё подряд на веру! Начинай уже думать своей башкой! Главное, что можно почерпнуть из сна — это отношения между этими двумя существами, выраженное фразой «Арендатор — шпион Дона Хуана». Если бы на книге было написано «Дон Хуан — шпион Арендатора», то ты не сказал бы, что это бред, а сказал бы, какую-нибудь чушь типа «новые маги просто вынуждены

были взаимодействовать с этим существом и могли невольно стать его подчинёнными». В такой ситуации Дон Хуан у тебя вызвал бы только симпатию.

Кирилл, как будто посмотрел мне прямо в глаза, пытаюсь понять, с ним ли я или уже отключился. Пока что я был с ним.

– Твоё подсознание говорит тебе значительно больше, однако ты просто не хочешь этого увидеть, ты опять лезешь в заданные кем-то другим рамки. Дон Хуан — такой же маг, как и Арендатор. И ещё неясно, кто кем манипулирует. Возможно, что вся эта линия так называемых «нагвалей» манипулирует людьми. Возможно, они ничем не лучше старых магов, а даже хуже, так как кроме всего прочего ещё и научились действовать скрытно и безупречно. Возможно, всё это учение Дона Хуана, которому ты до сих пор безропотно веришь — сплошная манипуляция массами, а сам Кастанеда — инструмент для манипуляций.

– Да что за бред? - возмутился я. - Кому это может понадобиться и зачем?

Кирилл явно был недоволен моей упёртостью и негибкостью.

– Вот и думай своей башкой! Сколько можно всё делать за тебя?! - проворчал он в ответ.

Я замолчал.

Как я вообще могу что-то делать сам, не отталкиваясь ни от чего, а только следуя невнятным внутренним ощущениям?!

– Переосмысли всю эту хрень, которую ты сам же себе и засунул в свою башку, если ты так хочешь верить в Кастанеду: с какого перепугу маги должны экономить энергию, забирать её у соратников, у каких-то там непонятных существ? Откуда вообще эта идея с тем, что ты должен что-то копить и сдерживать? Назови мне хоть один случай в реальной жизни, когда накопление дало лучшие результаты, чем вложение в правильные активы! Ты же экономист, ты сам должен понимать это.

– Ну, это может быть и не корректная аналогия, - начал упорствовать я.

– Это самая точная аналогия из всех, которые могут быть. Храни деньги под подушкой, и они обесценятся! Копи энергию, и смысла в ней не будет никакого. Копить надо только для кого-то, кто может её отобрать у тебя! - Кирилл оценивающе прищурился на меня, после чего несколько наигранно возмутился: - Почему я должен тебе всё так подробно разжёвывать? Когда мы уже, наконец, научимся напрягать собственные извилины, м?

Его слова, как это частенько случалось, особенно в последнее время, вогнали меня в глубокие раздумья.

– Я понимаю, что ты несколько растерян и смятён, - примирительно заключил он, - поэтому советую тебе просто поискать в интернете ту фразу из твоего сновидения. Может быть, ты откроешь для себя много нового. Может, сможешь взглянуть на мир несколько иначе. А, может, и не сможешь, конечно...

Он улыбнулся.

– Хорошо. Посмотрю, - сухо ответил я.

– Давай. Звони, если что, - Кирилл подмигнул и положил трубку.

Видео отключилось, а «Skype» издал хлюпающий звук окончания разговора. Я полез в Гугл и уже спустя пару минут наткнулся на статьи одного автора, представлявшего всю концепцию Кастанеды в совершенно ином, непривычном для меня виде. Самым удивительным во всём этом было то, что я достаточно спокойно принял эту концепцию, хотя, буквально пару недель назад, до разговоров с Кириллом и до этого сна, я бы никакого значения не предал бы этим текстам и просто пожал бы плечами.

Кажется, примерно в это время я, наконец, начал сдвигаться со своей точки упёртости.

В поисках Дагни

Дима, Игорь, Рома

Следующую неделю я не мог найти себе места, я не мог нормально спать и не мог нормально есть. Я хотел увидеть Дагни. Казалось, мой организм требует, чтобы я её нашёл. Моё подсознание говорило мне, что я должен её найти. Но я не знал, где искать, не знал как искать, с чего начинать и куда двигаться... Как результат, я бесцельно слонялся по городу как неприкаянный, понимая, что найти её таким образом практически невозможно, но не в состоянии ничего с собой поделать.

Дни канули в пустоту, не оставив в голове ничего кроме жуткой тоски. Даже интернет никак не смог помочь мне в поисках Дагни — он только предложил почитать и без того знакомого мне Кнута Гамсуна... Ни компьютерные игры, ни алкоголь так же не помогли мне отвлечься. У меня была ломка.

В среду с утра предстояла встреча с заказчиком одного интернет-сайта, организацию и создание которого я взял на себя. Заказчик, в чёрном пиджаке в полоску, в сине-сером галстуке, с золотыми запонками и золотыми часами, как всегда прекрасен — он компостирует мой мозг в течение часа, не меньше, всякими дурацкими идеями о жёлтых иконках и летающих слониках. На этот раз, понимаете ли, он желает, чтобы пиктограммы в меню были не с зеленоватым, а с желтоватым оттенком. Я киваю и соглашаюсь — с этим спорить бессмысленно. Лучше согласиться, а потом сделать две версии: хорошую и его — и прислать по почте на выбор. Обычно срабатывает. Но на всё это мне наплевать, потому что я думаю только о ней и о том, как бы поскорее свалить с этой дурацкой встречи.

После встречи я бреду по городу, куда глаза глядят в бесцельных поисках Дагни. Глаза глядят вначале вперёд и чуть вправо... потом чуть влево. И примерно в это время я чувствую, как какая-то точка маячит вдалеке, в нескольких метрах от меня. Я просто чувствую, что эта точка — моя Дагни. Я её не вижу, никакого рационального объяснения дать этому не могу, а просто решаю пойти в её сторону. Так и добираюсь до моста через Неву, посередине которого мне неожиданно хочется остановиться на несколько минут для того, чтобы посмотреть на воду — что-то в ней меня тянет и отвлекает. Такое ощущение, что я не смогу дальше идти за своей точкой, пока не посмотрю на воду.

Зрелище манящее и притягивающее. Из-за упоров, на которых стоит мост, вода, идущая мощным потоком в сторону Финского залива, закручивается и бурлит. В нескольких местах она очень гладкая и спокойная. Масса и темнота её такие захватывающие и манящие, что мне жутко хочется забраться на бортик, а потом кинуться прямо в воду, не снимая с себя своего чёрного осеннего пальто, не снимая ботинки, не убирая сумку с плеча, плюнув на мобильник с многочисленными контактами людей, чего-то ждущих от меня, плюнув на ноутбук, плюнув на все документы, на паспорт, на кошелек... плюнув на всё и сгруппировавшись, войти в воду рыбкай, головой вниз.

Я залезаю на бортик. Однако чувствую, что перед тем, чтобы сделать шаг вперёд, мне надо поговорить с кем-нибудь из своих друзей...

Я беру телефон и набираю Игоря. Длинные гудки, и никакого ответа.

Я пытаюсь дозвониться до Ромки. Вне зоны действия сети.

Постояв несколько секунд в надежде на то, что кто-нибудь мне позвонит и сможет помочь, я тяжело вздыхаю. Всё. Сейчас сделаю шаг вперёд...

Но неожиданно со стороны реки задувает сильный ветер и как будто выталкивает меня назад, на тротуар. Я приземляюсь на ноги и смотрю недоуменно на воду. Затем закрываю глаза и вспоминаю, что вообще-то я шёл за точкой на горизонте.

Оглядываюсь.

Я же её потерял! Где она?! Пытаюсь снова нащупать. Вот она! Уже в нескольких километрах от меня. Молодчина! Растяпа! Ускоряю шаг, стараясь нагнать потерянное.

Спустя минут десять, когда я уже вдалеке от моста, раздаётся звонок.

- Чего звонил? - Игорь увидел, что я хотел с ним поговорить.
- Да... Стоял на мосту и хотел спросить у тебя, прыгать мне или не стоит.
- Конечно, прыгать! Димка! Пора становиться самостоятельным! Ты даже для того, чтобы покончить жизнь самоубийством разрешение просишь! Что за дела?!

Я усмехаюсь. Жизнь уже не кажется такой отстойной, как несколько минут назад, хотя, конечно, своего утешения я так и не нахожу...

- А где ты? - спрашивает Игорь.
- Не знаю. Шёл от Ломоносовской в сторону моста... потом перешёл его. Где я сейчас, и где метро — без понятия. Иду к точке на горизонте.
- Оу! Да ты прекрасно проводишь время! За тобой приехать?
- Да, нет. Зачем? Я сам найду выход.
- Окей. Ну, тогда вечером ещё созвонимся по поводу рыбалки, договорились?

Мы прощаемся, а я продолжаю своё движение. Но как я не спешу, как не тороплюсь, точка на горизонте всё быстрее удаляется от меня. И вот она уже начинает растворяться за горизонтом и блёкнуть. Не уж то я её потерял?! Какой же я болван! Всё. Исчезла. Растяпа! Это, конечно же, была единственная возможность найти Дагни, и я её упустил.

Впрочем, что за глупости?! Взвесив все «за» и «против», включив разум, я понимаю, что весь этот мой непонятный поход — это одна бессмысленная затея. Пора возвращаться домой к своей унылой жизни веб-проектировщика. И пора бы уже стряхнуть её с себя, потому что всё произошедшее со мной за последнюю неделю — всего лишь случайность, о которой стоит забыть, так как никакого продолжения у случайностей быть не может... Пора приходить в себя.

Когда я уже ехал в троллейбусе к метро, позвонил Рома.

- Привет, Дим!
- Да... Привет, - я не знал, чего ему сказать. Ну, не говорить же ему все эти глупости о мосте... Он не Игорь — не поймёт и не оценит. Да, и не хотелось мне уже распространяться об этом... Момент упущен.

- Ты звонил?
- Да, - пауза. - Хотел узнать... - не придумав ничего оригинального, я отшучиваюсь. - Ты ещё там не уволился из своего вуза?

Практическая эзотерика

Рома, Кирилл

Примерно неделю спустя мы встретились с Кириллом. Причём произошло это совершенно случайно: я зашёл поесть в одну Питерскую забегаловку перед вечерней лекцией и подумал о том, что надо бы поговорить с Кириллом о произошедшем день назад. Буквально минуту спустя в заведение зашёл Кирилл. Он искал меня глазами и когда нашёл, улыбнулся и направился к моему столику. Сел.

- Привет! - расслаблено сказал он.
- Привет, - удивлённо ответил я, доедая свой блин с бужениной и хреном. - Что ты тут делаешь?!
- Ну, как размышления? К чему пришёл? - спросил в ответ Кирилл, проигнорировав мой вопрос.

Я дожевал, запил квасом, вытер губы салфеткой и, набравшись смелости (сложно было перебороть себя и согласиться с тем, что я ошибался), выдал:

- Ты был прав. Нет никакой уверенности в том, что какие-либо учения и религиозные школы не уведут нас в сторону. Я прекращаю заниматься всей этой эзотерикой, так как чувствую, что меня могут использовать.

Кирилл внимательно слушал, не перебивая, уперев подбородок в ладонь левой руки и с важным видом кивая головой. Когда я закончил, в воздухе ненадолго повисела пауза, после которой он, наконец, сказал:

- Знаешь, когда я был маленьким и играл с другими мальчишками, я заметил, что для того, чтобы пройти по дереву, перекинутому через пропасть, нужно балансировать, расставив руки как можно дальше в стороны. Если ты их прижмёшь к телу, то идти будет значительно труднее и ты, скорее всего, свалишься. Если же ты одну руку выставишь дальше другой, то ты рискуешь потерять баланс и упасть в пропасть.

Мне показалось, что он меня совсем не слушал, это расстраивало. Ну, к чему все эти деревья, когда у меня тут эзотерика?!

- Есть, правда, ещё один нюанс, - задумчиво продолжил он, несколько поморщившись. - Решение о том, упасть или нет, принимает твой мозг, а не руки.
- Ага. Метафора понятна, - со скепсисом ответил я. - А тебе не кажется, что я спокойненько себе шёл по дереву, ни о чём не думая, пока не появился ты, и не начал раскачивать его? - я сказал это с некоторой претензией.
- Да нет же, - мягким голосом, с интонацией а ля «ты дурачок», возразил мне Кирилл, - я пытаюсь заставить тебя расставить руки в стороны, а то ещё немного, и ты свалишься, - Кирилл поправил свою чёлку резким движением левой руки и опять водрузил на руку подбородок. Он так всегда делал, когда чувствовал своё превосходство. По крайней мере так я это трактовал.
- Кирилл, как ты не понимаешь? Мне не на что опереться — ты выбил у меня почву

из под ног. У меня была цель в жизни: «проскочить мимо орла». У меня было желание развиваться и работать над своей энергетической составляющей. А теперь у меня нет ничего этого и взамен ничего не появилось.

Он только улыбнулся, не перебивая меня, ожидая, когда я выскажусь.

- Вначале ты говоришь, что вся эзотерика и религия – чушь. Я отказываюсь от всего этого, так как лишён каких-либо аргументов и не могу ничего возразить. Потом ты говоришь, что на самом деле всё это правильно и нельзя от этого отказываться. Я пытаюсь принять эту догму обратно... Ты уж определись, а то я устал менять свои взгляды!
- Это полезно, - проговорил он, чуть прикрыв глаза. - Тем более тебе, так как вся эта так называемая «смена взглядов» у тебя происходит только внешне. На тонком уровне ты как был упёртым чурбаном, так им и остался. Тебя надо расшевелить.

Как это частенько случалось, я начал злиться на слова Кирилла. Тоже мне друг! Какой же настоящий друг называет своего друга «чурбаном»?!

- Лучший, - улыбнувшись произнёс вслух Кирилл, чем немало меня удивил, и не обращая внимание на моё замешательство, продолжил. - Ты даже сейчас упираешься в свою точку, пытаешься закрепить ещё сильнее в своей позиции невежды, несмотря на то, что потратил столько времени на чтение различной литературы о самосовершенствовании. Всё это прошло мимо тебя и никакой реальной пользы не принесло. И сейчас ты хочешь, чтоб я взял и указал тебе новую точку невежества, в которой ты мог бы закрепить. Бред! Настоящий конструктор никогда ни в какой точке не закрепляется.

Я рассмеялся. Этот новый его термин несколько отвлек моё внимание от всей дискуссии.

- Конструктор? Это ещё что за хрень? «Лего» что ли?

Кирилл убрал подбородок с локтя и с важным видом облокотился о спинку стула.

- Конструктор — это существо, которое путешествует по мирам. Конструктор — это существо, обладающее полной свободой. Конструктор — это существо, не проявляющее эмоций. Ты — конструктор. Только ты не хочешь этого осознать и пока не готов к этому, так как слишком сильно цепляешься за свои пустышки-убеждения.

К нам подошла официантка, одетая в корпоративную одежду — девушка с длинными вьющимися русыми волосами и слегка погнутым «попугайским» носом — и спросила, будем ли мы что-нибудь заказывать.

- Нет, спасибо, - немного резковато ответил я. Девушка сдержанным тоном на это попросила нас покинуть заведение:
- Вы отпугиваете посетителей своими разговорами, и занимаете место, которое нужно другим.

Меня это взбесило и я потребовал жалобную книгу. Кирилл начал посмеиваться. Девушка, явно недовольная таким поворотом событий, бросила нам:

- Книга висит в рамке у входа, - и удалилась ленивой походкой.
- Отлично, - изрёк я и уверенной походкой направился к книге. Кирилл пошёл за мной, с интересом наблюдая за тем, что же я буду делать.

Я взял книгу и открыл её на последней странице с записями.

- Ну, чё там пишут? - выглядывал из-за моего плеча Кирилл. - Ну-ка, ну-ка. О! Смотри как интересно, - он бесцеремонно вырвал книгу из моих рук и, поворачивая её по часовой стрелке на вытянутых руках, начал, как всегда, паясничать. - «Я большой и толстый чурбан. Я — самое важное млекопитающие на этой земле. Без меня мир не существовал бы, и это дурацкая столовка — вместе с ним. Я не потерплю такого обращения со своей персоной! Выпейте йаду! Я ненавижу вас всех и эту идиотскую планетку! Жизнь — дерьмо!», - он слегка поморщился, якобы пытаясь прочитать мелкие буквы. - Подпись только неразборчива... Ррр... Рррооо...
- Да, ну тебя! Опять клоуна из себя строишь! - отмахнулся я от Кирилла. Однако желание что-либо писать в книге у меня отпало, и я развернулся в сторону выхода. - Ладно, пойдём отсюда.
- Подожди-подожди. Давай всё-таки тоже напишем что-нибудь. Держи! - Кирилл схватил меня за руку и, потянув к себе, всучил мне книгу и ручку. Он был воодушевлён и возбуждён. - Давай. Напиши что-нибудь оригинальное, о чём ещё никто здесь не писал.

И в этот момент помимо моей воли в голове у меня пронеслась стая разношёрстных мыслей-овечек. Там была и мысль о том, какой же я на самом деле упёртый баран. Там же была мысль о том, как же я заиклен на себе и не обращаю внимание на людей вокруг (действительно, в столовой было много народу и многие стояли с подносами, ожидая, когда же освободятся места). Там была мысль о том, что все люди упёрты в своих точках. Там была мысль о том, что жизнь человеческая мала как точка и столько же стоит. Там была мысль о том, что мир, в котором точки живут независимо друг от друга, мир, в котором точки заиклены только на себе, обречён на гибель, так как из системы превращается в совокупность элементов. Но все эти мысли, хоть и были важными и интересными, не стоили того, чтобы быть записанными. Я взял покрепче ручку и вывел в книге одну единственную, важную, выпирающую из массы остальных: «Я вас всех люблю».

Кирилл улыбнулся и одобрительно похлопал меня по плечу.

Вторая репетиция

Игорь, Кирилл

Вторая репетиция состоялась неделю спустя. Мы договорились встретиться уже на репетиционной точке, так что никакой несогласованности не было. Однако в этот раз почему-то ничего совершенно не клеилось. То ли настроения ни у кого не было, то ли просто день был такой, но все музыканты играли сольно, напрочь позабыв о том, что они — музыкальный коллектив. Даже вечно весёлый Миша был грустен. Нет, конечно, не было такого, чтобы Кирилл, например, играл «Summertime», Егор пел «Do The Evolution», а Миша играл бы партию из «Money» — все вместе играли свои партии из одних и тех же песен, но передо мной была просто совокупность музыкантов, а не группа как система. Я пытался всех собрать и привести в чувства, из-за чего тратил много энергии, но ничего не получалось.

В какой-то момент Кирилл предложил сделать паузу и пойти всем вместе подышать свежим воздухом. Под свежим воздухом лично он, естественно, понимал дым сигарет. Всем идея понравилась, и мы пошли на улицу.

Снаружи было зябко, мокро и пасмурно. Тучки собрались на небе и явно давили своими телами на мозги людей. Кирилл предложил закурить всем участникам. Миша отказался, а Егор взглянул вначале в пачку, как будто в поисках какого-то подвоха, затем вытащил одну сигарету и сунул её себе в рот. Я закурил свои.

Егор, как всегда, отсутствовал. Кирилл взглянул на него и попытался дать ему затрешину, какие давал мне, но Егор как будто в самый последний момент сумел отбить его атаку и сам дал подзатыльник Кириллу. В технике, с которой он всё это исполнил, просматривалось что-то очень знакомое. Эти расслабленные тяжёлые движения с определённой вальяжностью и спокойствием пробудили во мне воспоминания о моих занятиях рукопашным боем. Кирилл улыбнулся, после чего посмотрел на меня и серьёзным голосом произнёс:

- Мы слишком много времени тратим в пустую.

Миша кивнул и отвёл взгляд в сторону.

- Все люди живут так, будто у них времени вагон и маленькая тележка. Идиоты! - продолжал Кирилл.

Я вопросительно взглянул на него. Реплика была абсолютно неожиданной в данной ситуации. А глядя на него можно было легко заключить, что он действительно ненавидит всех людей.

- Смертные разбрасываются своим временем и своими жизнями, - процедил он, будто сам бессмертен. - Если бы они понимали, что им дан дар — дар осознавать свои действия, дар воспринимать, чувствовать, они бы не тратили своё время на всякий бред.
- Я думаю, что некоторые всё-таки это понимают, - попытался встать на защиту человечества я, спокойно затягиваясь.

Кирилл взглянул на меня, зажал сигарету между указательным и средним пальцами правой руки и бросился в словесную тираду, тыкая в мою сторону:

- Ну, конечно! И ты – один из них! Уникальная снежинка! Что за чушь?! Не понимают! Никто не понимает. И ты не понимаешь. Люди вообще ничего не понимают. Понимание – это постоянный процесс, а не пятисекундные раздумья. Если бы ты осознавал, что ты смертен каждую секунду своей жизни, тогда бы ты действительно понимал, а если ты тратишь на это пару минут в году, боясь перенапрячь свою жалкую серую кашу в черепушке, то грош цена тебе и твоему так называемому «пониманию», потому что это уже херня на постном масле! - он выделил слово «херня» особенно зло и жёстко.

Сегодня Кирилл был как никогда агрессивен...

- Ну, и чего ты на меня набрасываешься? - стал в ответ рычать я. - Я что единственный такой?! Покажи мне хоть одного человека, который мог бы держать в голове одну и ту же мысль в течение всего дня! Это уже клинкой пахнет!
- Ну, тебе-то, конечно, до психушки недалеко! - надменно выпалил он. - А вот до того, чтобы действительно понимать — вечность. Работать над собой всегда влом: это же самая тяжёлая работа из всех. Чтобы ей заниматься нужно обладать несгибаемым намерением, а его у простых смертных ноль. Только единицы на неё способны. А всё почему? Потому что 99.9% людей – идиоты!

Я рассмеялся. Конечно, я и сам иногда был резок в своих оценках, но его сегодняшняя

категоричность была чем-то особенным.

- Кирилл, не городи чушь! Все эти мысли у тебя рождаются только потому, что ты излишне агрессивен. У тебя явно нехватка йода — кретинизм развился, - ответил я.
- Я в меру агрессивен, и с йодом у меня всё в порядке, сам знаешь. Ты лучше пораскинь мозгами, напрягись хоть раз в жизни: если бы людям с малых лет вбивали, что жизнь — это святой дар, дар осознания и восприятия, дар самоидентификации, который у них могут отнять в любую секунду, не было бы никаких войн, никаких убийств, преступлений — люди ценили бы и свои, и чужие жизни, ценили бы своё время на земле, так как разбрасываться им — непозволительная роскошь.

Мне не нравилась эта вся дурацкая нотация, все эти непонятные нравоучения. Какого чёрта его вообще потянуло на эту ерунду?! Не уж то погода так влияет на мозги?

- Кажется, именно этим ты сейчас и занимаешься — разбрасываешься своим временем, да ещё и впридачу — моим.

Кирилл помотал головой и затаился.

- Ты пока не понимаешь, что происходит и, судя других по себе, считаешь, что любые действия людей — словно действия муравьёв: хаотичны, бессмысленны и не имеют никакой цели. Но, возможно, в конце концов ты узнаешь о том, что же на самом деле творится...

- Ну, ты говоришь, прям как пророк! - возмутился я в ответ.

всё-таки у Кирилла была уникальная способность выводить людей из себя, даже без особых на то оснований. Я начал раздражаться. Терпеть не могу таких самоуверенных людей. Тот лишь в ответ улыбнулся.

В это время у Егора зазвонил мобильник, и он снял трубку:

- Тридцать третий.

Миша удивлённо посмотрел на Егора и, поморщившись, переведя взгляд на Кирилла, спросил:

- Почему «тридцать третий»?

Только сейчас я сообразил, что Миша с Егором стояли всё это время рядом и слушали нашу бессмысленную перепалку. Но, кажется, они оба либо пропустили всё это мимо ушей, либо не поняли, о чём мы.

Кирилл только дёрнул плечами и сделал последнюю затяжку, после чего бросил сигарету на асфальт и затушил её, как это у него водилось, носком правой ноги. Я кинул бычок на асфальт и тоже притушил его. Егор тем временем с кем-то разговорился и ушёл подальше от нас, чтобы мы не слышали, о чём он говорит.

- Ладно, идёмте ещё поиграем «Меланхоличный блюз», - Кирилл кивнул на дверь, и мы направились внутрь.

Миша прошёл первым, я вторым. Как только я прошёл через дверной проём, Кирилл дал мне подзатыльник.

- Блин! Я же просил, не давать мне подзатыльники, - я схватился за голову, повернулся и уже хотел было двинуть ему кулаком в нос...

– Ой, прости, забыл, - ссутюкая проговорил Кирилл и дал мне шелбан.

Он опять выводил меня из себя. Каждый раз, когда я с ним общался, он делал всё от себя зависящее, для того, чтобы разозлить меня! Наверно, нарывался на драку...

И тут я решил, что надо вспомнить былые времена. Я опустил руки, включил боевое дыхание, жёсткий взгляд и стал сверлить им Кирилла. Тот посмотрел на меня с недоумением, после чего засмеялся во весь голос, чем вызвал моё смущение, и, не отводя своего взгляда, стал показывать на меня пальцем. Миша посмотрел на нас, не понимая, что же происходит и стал улыбаться.

– Ну, ты даёшь! Кто тебя этим штукам научил? Вот умора! - заливался Кирилл.

Я не понимал, что происходит. Свою технику я довёл до такого совершенства, что практически никто не мог устоять перед моим взглядом. Даже продвинутые личности скорее отвечали мне таким же жёстким взглядом и у нас происходил поединок. Первый раз в моей жизни кто-то так весело смеялся при виде моего взгляда. Неужели я потерял хватку?!

Кирилл взглянул мне в глаза, и тут до меня стало доходить, что это уже не я давлю на него, а он давит на меня. Точнее не давит, а затягивает – я тренировался людей отбрасывать, а он по-видимому учился людей ловить. У него был взгляд сумасшедшего. Глаза жили самостоятельной жизнью. Из каждого из них шёл какой-то свет, который скорее воспринимался на уровне ощущений. Такому нас точно никогда не учили...

Мир вокруг стал терять свои очертания и поплыл. Стены здания пошли волнами, пол покрылся мелкой рябью. Я никак не мог отвести свой взгляд, это вызывало неприятные ощущения: меня начало подташнивать, тело стало каменеть, а глаза заболели, дыхание прихватило, и я почувствовал, что нахожусь на волосок от смерти. Ещё чуть-чуть, ещё пара секунд и жизнь закончится. Моя драгоценная жизнь! И как же я не видел этого! Столько времени потеряно!..

Паника пробежала по всему организму, пробудив во мне какие-то внутренние ресурсы, какой-то внутренний резерв. Я попытался собраться, используя эти резервы и, стиснув зубы, кулаки, пальцы на ногах, напрягая все свои мышцы, послал Кириллу взглядом ответную короткую волну. Тот отпрянул назад, не скрывая своего удивления и остановил попытку.

Всё вернулось на свои места, однако слабость разлилась по моему телу. Эта маленькая непонятная стычка вытянула из меня все силы.

– Ты сдурел, что ли? - медленно устало проговорил я.

Кирилл недоверчиво искоса посмотрел на меня, после чего тихо выговорил:

– Интересно. Неожиданный поворот событий. Мне об этом не говорили.

– Кто не говорил? - переспросил я, чем вызвал его удивление.

– В смысле?

– Ты только что сказал, что тебе об этом не говорили...

– Я этого не говорил, - с ещё большим удивлением произнёс Кирилл и посмотрел на меня. Я увидел в его взгляде пылинку страха, которую он тут же страхнул.

Миша смотрел на нас как на двух идиотов.

– Вы о чём вообще? Я потерял нить повествования. Кто что сказал?

Вошёл Егор.

- Ну, что? - спросил он Кирилла.
- Мы всё ещё в игре, - тихо бросил он ему.
- Окей. Репетировать будем? - напомнил он. - Мне нужно будет уйти пораньше, примерно на полчаса.
- Да, конечно, идём, - Кирилл беспардонно оттолкнул меня: - Чего встал как вкопанный? - и пошёл в репетиционную комнату, замяв разговор.

Удивительно, но произошедшее повлияло на меня двояко. С одной стороны мне не хотелось ничего делать, и оставшуюся часть репетиции я просидел, уткнувшись лбом в рабочий барабан, держа ногами элементарный ритм. С другой стороны всё это время репетиции у меня сохранялось чувство «жизнь висит на волоске». Я чувствовал, как по моему телу бежит кровь, я чувствовал, как дышу, я чувствовал, как заканчивает перевариваться завтрак в моём желудке, я чувствовал как бьётся сердце, я чувствовал запах рабочего барабана, я видел его текстуру в мельчайших деталях, я слышал как играют ребята и я получал истинное наслаждение от того, что могу всё это чувствовать и воспринимать. Я просто получал удовольствие от того, что существую.

По окончании репетиции, когда все собирались, Кирилл подошёл ко мне и сказал, что он хочет со мной встретиться отдельно от группы и поговорить. Мне не особенно этого хотелось, но я решил, что надо себя пересилить, и в ответ только безразлично кивнул головой.

Фиолетовый шарф

Рома

Опять вагон метро. Такое ощущение, что жизнь только и состоит из вагонов метро. Привычка. В этом семестре каждый день, утром и вечером. Словно чистка зубов перед сном. Сегодня, однако, произошло нечто особенное. Как сейчас всё отчётливо помню...

Во время поездки я решил поиграть в игру: стоя у дверей бросаешь быстрые взгляды на людей, после чего закрываешь глаза и пытаешься воспроизвести у себя в голове увиденное в деталях.

Посмотрел. Закрыв глаза. Воспроизвёл. Вот висит дурацкий плакат с изображением девушки в противогазе с коляской. На заднем фоне – прыгают люди. Плакат рекламирует какое-то лекарство. Название увидеть не получилось – картинка быстро съехала и слилась с фоном.

Открыл глаза. Понятно. Маркетолог, как это у нас часто бывает, сошёл с ума.

Опять закрыл. Поручни. Парень-качок с девушкой. Парень в облегающем свитере и с тёплой курткой болотного цвета в руках. Девушка – блондинка с длинными волосами и неправильным носом. Кокетка. Считает себя красивой, хотя таковой не является. Как это типично! Одеты в синюю блузку с белой майкой под ней и джинсы. Сверху тёмно-синий длинный плащ до колен.

Открыл глаза. Ну, почти попал. Упустил несколько деталей: очки у неё, сумка через плечо у него.

Бросил короткий взгляд на девушку, стоящую у противоположной двери и сразу же закрыл глаза.

Красный вязанный шарф, джинсовая куртка болотного цвета, тёмные штаны, коричневая сумочка.

Открыл. Всё так. С каждым разом игра на внимательность получалась всё лучше и лучше. Шарф красный. А что, если попробовать закрыть глаза и представить себе, убедить себя в том, что шарф не красный, а фиолетовый?

Закрыл глаза.

Девушка, стоящая у противоположной двери. Фиолетовый шарф, куртка болотного цвета, чёрные штаны, коричневая сумочка, фиолетовый шарф, коричневые ботинки, чёрные выющиеся волосы до плеч, фиолетовый шарф, чёлка, маленький носик, фиолетовый шарф, пухленькие губки, фиолетовый шарф, заострённый подбородок, укутанный в фиолетовый шарф.

Мне страшно открыть глаза. А что, если шарф не фиолетовый?

Впрочем, к чёрту сомнения! Я уже знаю, что он фиолетовый! В этом не может быть никаких сомнений! Чувствую это своим нутром. Фиолетовый. Вязанный. Обмотан вокруг шеи два раза. Шириной в две ладони. Длиной в пару метров. Большой, тёплый, фиолетовый шарф. Да он всегда был фиолетовым! Разве могут быть какие-то сомнения? А какого же он может быть ещё цвета?! Розового, что ли?

После такого сеанса самовнушения, я уже и не сомневался, что, когда открою глаза, шарф будет фиолетовым.

Я открыл глаза, но к своему сожалению обнаружил... что шарф розовый!

Стоп! До того же он был красным? Точно! Был красным, ярким, почти алым, а теперь он стал розовым! Что за бред?

Момент смятения. Я поглядел по сторонам.

Вагон метро. Обыкновенный. Дурацкий плакат на стене, парочка (качок и блондинка), девушка с розовым шарфом...

Может быть я что-то перепутал? Или всё-таки мне удалось его изменить, но я не доделал цвет? И, если я его изменил, изменил ли я его лишь в своём сознании или в реальности? Я понял, что мне нужно подойти к девушке и узнать у неё:

– Скажите, пожалуйста, а какого цвета ваш шарф?

Девушка посмотрела на меня как на ненормального, не скрывая своего удивления.

– Розового. Вы не различаете цвета?

– Почему же, различаю, - ответил я с небольшой улыбкой. - Скажите, а ваш шарф случайно никогда не был красного цвета?

Девушка хихикнула и бросила на меня робкий взгляд:

– Молодой человек, кто вас так научил знакомиться в метро?

– Знакомиться? - не понимая, о чём она, переспросил я. – А, нет... Я просто провожу научный эксперимент.

– Хорошо, так уж и быть. Катя, - она протянула руку.

На пару мгновений я оценил, как поступить в этой ситуации, но потом всё-таки решился и протянул ей руку в ответ.

- Рома.
- А с шарфом вы оригинально придумали, - заметила Катя.
- Но я ничего не придумывал, - отнекивался я. - Просто стоял у двери и представлял, что ваш красный шарф на самом деле фиолетового цвета. В итоге получился розовый...

Катя рассмеялась. Кажется, она не поняла, что я говорю серьёзно. Подумала, наверно, что я здесь, чтобы рассмешить и развлечь её. Нет, конечно, она мила, но не сравниться с... Я тяжело вздохнул, потупив взгляд в пол.

- А вы куда направляетесь? - спросила она, меняя тему разговора.
- На встречу с друзьями. На «Площадь Восстания».
- Понятно.

Пауза.

- А я еду до «Техноложки».
- Вы там живёте? – я постепенно начал играть роль вежливого молодого человека, интересующегося жизнью незнакомок.
- Да. Вместе с подругой квартиру снимаем.
- Значит, вы не отсюда?

Мы продолжили бесполезный разговор о её сложной жизни (я в основном задавал вопросы, стараясь о себе не рассказывать) до самого «Невского проспекта», где мы и расстались. Никакими контактами не обменялись: зачем мне? Хотя, судя по всему, девушка немного расстроилась из-за того, что я не спросил её телефон... На прощание она, улыбнулась и, как бы ставя точку в моей «шутке», заметила:

- Я не люблю фиолетовый цвет. Красный и розовый люблю, а фиолетовый терпеть не могу.

Я улыбнулся, кивнул и вышел из вагона.

Вот оно что! Пожалуй, надо будет об этом сегодня рассказать Кириллу...

Пластилин

Игорь, Кирилл

Я встретился с Кириллом спустя пару дней, вечером, после моей работы, как мы с ним об этом и договорились в конце второй репетиции. Удивительно, но в этот раз он даже не опоздал — в назначенное время уже ждал меня в своей машине (кажется это был серебристый Ford Focus GT) недалеко от станции метро «Спортивная». Я подошёл к машине со стороны переднего пассажирского сидения и чуть-чуть наклонился, заглянув внутрь. Кирилл сидел и курил, посматривая в окна на прохожих. Я постучал по стеклу, он спокойно перевёл взгляд и посмотрел на меня, после чего стекло опустилось:

- Садись давай, чего стоишь? В ногах правды нет!

Я открыл дверь и сел. Кирилл был как всегда одет свободно: джинсы, майка (в этот раз с надписью: «Control this!»), солнцезащитные очки. Он курил какие-то странные сигареты с неприятным сладковатым запахом.

- Ну, чего? Куда мы?
- Сиди и молчи, - грубовато обрубил он, а сам уставился в окно со стороны водителя.

Такое начало беседы меня уже особенно не удивляло, но и не радовало. Пытаясь не обращать внимание на его привычное хамство и хоть чем-то себя занять, я попытался высмотреть, что же он там изучает, и увидел на той стороне церковь.

- Ты считаешь, что мир именно таков, каким ты его воспринимаешь, что он недвижим и не подвержен никаким изменениям, - неожиданно заговорил Кирилл и, переведя взгляд в мою сторону, впился им мне в глаза. Я опешил.
- Чего?
- Тебе кажется, что этот мир высечен из скалы, что если ты видишь серебристый «Фокус», значит он всегда таким был и таким будет, значит он не может быть Бэхой семёркой или Запором, - Кирилл с некоторым укором смотрел на меня.
- С чего это тебя на философию потянуло? - с недоверием спросил я.

Однако, казалось, Кирилл меня не слышал. Он продолжал:

- На самом же деле мир вылеплен как из пластилина. Всё подвижно и подвержено постоянным изменениям. Всё живёт, всё меняется, в мире нет ничего стабильного. Но ты его воспринимаешь как данность!

Кирилл говорил с таким напором, даже с наездом, что мне невольно захотелось начать защищаться.

- С чего бы это мне его так воспринимать? - с ноткой злости проговорил я.
- Потому что ты — каменный болван. Вот почему! - буркнул Кирилл и дал мне затрещину.

Было больно. Было действительно больно! Но я даже не заметил, как он замахнулся, как он умудрился, не поднимая высоко руку, врезать мне, поэтому и подловить его я никак не смог, хотя дома уже несколько раз в голове прокручивал, как я ему отомщу, как уйду от удара и контратакую...

- Блин! Знаешь ли! Мне надоело терпеть твои idiotские выходки! - наконец взорвался я и от злости стукнул кулаком по пластиковой панели автомобиля. - Какого чёрта ты себе позволяешь? Думаешь, что можешь делать всё, что тебе заблагорассудится?!

Моя тирада продолжалась, но Кирилл молча смотрел на меня с нескрываемым удовольствием и даже улыбался. Это меня незначительно успокоило — улыбается, стало быть у него есть какое-то оправдание... Или издевается?

- Ещё раз что-нибудь такое выкинешь...
- И? - перебил он, в очередной раз затянулся и выпустил дым в мою сторону. - Что ты сделаешь?

Я опешил. Я не знал, что я могу сделать этому человеку. Конечно, мы с ним пока были не очень хорошо знакомы, но каким-то образом от меня ускользала любая информация о том, что ему дорого, что для него важно, чем он занимается, и как можно на него повлиять. Этот человек был для меня неуязвим. Я мог ударить его, но это не имело бы никакого смысла. Я мог оскорбить его, да вот только ему было наплевать на оскорбления. Я мог обидеться, выйти из машины, хлопнуть дверью и больше не общаться с ним, но ему

и до этого не было никакого дела... Уставясь в окно, я задумался над тем, ради чего общаюсь с этим странным, страшным и грубым человеком, что же я получаю с этого... Своеобразный ответ пришёл сам собой из его уст:

- Только что я тебе показал, как легко можно из одного мира всего лишь простым движением руки сделать другой. В жизни всё меняется каждую секунду, и времени стоять на одном и том же месте совсем нет. Если ты неподвижен и никак не развиваешься, не можешь критично отнестись к себе и к своей точке зрения, если ты заиклен только на своей персоне, то всё твоё существование в этом мире ставится под вопрос...

Кирилл перестал улыбаться и опять отвернулся в сторону церкви.

- Смотри, - он еле заметно кивнул головой.

Я был раздавлен и ничего не хотел отвечать ему. Я посмотрел в ту сторону. Судя по всему, в церкви закончилась служба, и народ уже уходил. Люди выглядели успокоенно и умиротворённо, но каждый из них был погружён в себя.

- Ну, и что? - уныло спросил я, не понимая, чего он от меня хочет. - Думаешь, я никогда не видел людей, покидающих церковь?!

Кирилл усмехнулся, перевёл на меня взгляд и злобно улыбнулся.

- Ты сейчас незначительно отличаешься от этих людей... Ты тоже копаешься в себе и не видишь дальше своего носа...

После этой фразы он совершил какое-то движение в мою сторону, которое я не смог воспринять, после которого мир как-то изменился. Всё обрело чёткость и свою осмысленность. Даже воздух, казалось, стал плотнее. Я сразу же начал подмечать мелкие детали вокруг, которые до того, казалось, всегда от меня ускользали: вот трещинка на пластиковой панели в машине Кирилла, вот матовая грань опущенного стекла, вот серый асфальт, каждый камушек на котором какой-то особенный, вот идёт женщина, держащая в руке коричневую кожаную сумку с витиеватым узором, вот идут обнявшись парень с девушкой (у них большая настоящая любовь, такая, которую нечасто заметишь на улицах Питера)... и вот завядший лист лежит на асфальте. Люди его не замечают и наступают на него. Да и чего обращать внимание на кусок мёртвой материи? Ну, не хоронить же его с почестями?!

- Что происходит? - спросил я.
- Ничего серьёзного, - Кирилл тяжело вздохнул, показывая своё недовольство моим вопросом и резковато продолжил. - Просто, Игорь, я тебе сейчас открыл глаза — вот и всё. Смотри туда, - он кивнул в сторону церкви.

К своему удивлению я заметил, что над головами людей, вышедших только что со службы, висели тёмные, малозаметные пятна.

- Это ещё что за хрень?
- Называй как хочешь... В разных религиях это называют и объясняют по-разному. Фактически, это материальная реализация влияния на людей.
- Чего? - я поморщился, делая вид, что не понимаю его, хотя на каком-то внутреннем уровне я понимал, о чём он говорит. - Говори проще!

Кирилл хмыкнул, выказывая своё презрение ко мне и моей недогадливости.

- В жизни всегда есть кто-то, кто стоит выше тебя и управляет тобой. Принимай это как аксиому. Немногие это видят, так как немногие могут отстраниться и взглянуть на себя со стороны. А если человек не может критически взглянуть на себя со стороны и считает, что всё вокруг фиксировано и выглядит именно так и никак иначе, то он никогда и не сможет увидеть истинной картины мира, и так и сдохнет полным лопухом.

Кирилл меня сильно грузил, но к своему удивлению я обнаружил, что в этом моём новом состоянии всё, сказанное им, очень легко усваивалось.

- Эти вот тени, - Кирилл поводил пальцем, как бы обозначая серые фигуры, на которые я обратил внимание, - над башками верующих олухов показывают, насколько ими управляют другие люди... В данном конкретном случае, ими управляет церковь, и, если бы ты мог действительно, объективно видеть, то ты увидел бы, какова доля влияния церкви в их головах.
- Может, это и не так уж и плохо? - решил заступиться я. - Людям надо, чтобы их вели, направляли.
- Не так уж и плохо? - с сарказмом передразнил меня Кирилл. - Ты с головой дружишь? Если стадо баранов содержат, размножают и направляют для того, чтобы потом отвести на убой, то это не так уж и плохо, а?
- Но церковь же...
- Что? - перебил Кирилл. - Не содержит? Не направляет? Не указывает, как надо жить, кому надо молиться, кому надо платить, как вести себя в обществе? Церковь – это один из инструментов управления обществом. Этих инструментов миллионы, и не важно, какое у них название: христианство, ислам, буддизм, правительство, работа, телевизор — не важно, к чему они призывают и как оправдывают своё существование! Важно, какие функции они выполняют. А главная их функция — управление массами.

Пока я взвешивал в голове сказанное Кириллом, в машине повисла пауза. Мне не пришлось долго копаться в голове, чтобы найти, что возразить:

- У тебя слишком агрессивная позиция! Не может быть, чтобы весь мир был сделан для того, чтобы управлять людьми...

Кирилл выразительно взглянул на меня, как бы говоря: «не может быть, чтобы ты был таким идиотом» – после чего изрёк:

- В жизни ВСЕГДА есть управляющие и управляемые. Вопрос только в мудрости управляющих: если они умны, то будут скрывать свою истинную роль, истинную сущность и управлять неявно, скрытно.

Я его понимал, причём необычайно чётко, но признавать его позицию не хотел. Кирилл продолжил:

- Например, на данном этапе развития нашего общества самым эффективным методом управления массами является телевизор. Причём управление осуществляется не только и не столько подачей информации, сколько её сокрытием: если о чём-то не рассказали по ящику, то этого не произошло. Как ты думаешь, может ли такой мощный инструмент воздействия существовать сам по себе и не служить никаким целям, никакой группе существ?

Кирилл усмехнулся и, выкинув окурок в окно, полез в карман штанов, добавив:

– По-моему, ответ очевиден.

Я не знал, что ему возразить – у меня было недостаточно аргументов против его тезисов, а в моём размазанном состоянии (в которое сам же Кирилл меня и вогнал) вообще хотелось не напрягаться и просто согласиться со всем, о чём говорят и поскорее ретировать.

– Это всё, о чём ты хотел со мной поговорить?

Кирилл кивнул, достал сигарету и закурил.

– Я думал, что ты со мной по поводу музыки хочешь поговорить.

Кирилл надменно посмотрел на меня и покачал головой.

– Музыка — это не твоё! Лучше займись каким-нибудь кружком или клубом...

Я пропустил его фразу мимо ушей, а сам, не говоря ни слова, открыл дверь и выполз из машины. Конечно же, на самом деле я вышел, но ощущалось, как будто я вылился оттуда как какая-то жидкость.

Однако, как только я оказался на улице и сделал вдох, мир снова стал принимать свои привычные тусклые очертания... Всё, о чём мне только что говорил Кирилл, начало быстро исчезать и терять свой смысл. В какой-то момент мне даже показалось, что не было ничего такого, что всё это мне только приснилось.

Я повернулся, чтобы помахать Кириллу рукой, но его машины уже не было — он умудрился уехать так быстро и неслышно, что я даже и не заметил, как он исчез. Я тяжело вздохнул и покачал головой.

И стоило убивать ради такого пустого разговора столько времени?!

Пропаганда

Игорь

На следующий день на работе, во время перерыва на обед, по дороге в столовку, мои коллеги неожиданно для меня завели разговор о политике. Началось всё, на самом деле, достаточно нейтрально: с обсуждения аварии на Саяно-Шушинской ГЭС.

– Да, прорвало её, - говорил Коллега 2, надевая куртку. - Но с кем не бывает?

– Да ладно тебе: «с кем не бывает»! И так же понятно, что сама она не могла сломаться! - возражал Коллега 1. - Это явно происки американских агентов. Вот и по телевизору намекали об этом.

– Какие ещё американские агенты, ты очумел, что ли?! - взорвался я. - Ещё скажи, что инопланетяне с планеты Нибиру за этим стоят.

Мы вышли из офиса и направились к лифту.

– А ты зря так смеёшься, - не унимался Коллега 1. - Американцы заинтересованы в ослаблении России. Думаешь, холодную войну просто так проиграли? Это всё американский агент Горбачёв устроил!

Я с сожалением посмотрел на него, пытаюсь понять, говорит ли он всерьёз, или уже успел что-то покурить.

Обычно на тему политики мы не общались, поэтому многое из сказанного моими коллегами было для меня чем-то новым и чуждым. Я знал их как специалистов в отделе

кредитования, знал одного из них как религиозного христианина, а другого — как любителя хорошо выпить на выходных, но больше я их толком никак и не знал. Но я не мог предположить, что они будут настолько подвержены влиянию пропаганды. То, о чём мы разговаривали с Кириллом буквально ещё вчера, так явно и неожиданно выкристаллизовалось в людях, с которыми я был достаточно давно знаком.

- Ну, не знаю, по поводу америкосов, - вставил Коллега 2, выходя из лифта, - но Рыбин этого так не оставит, вот увидите! Он сейчас очень серьёзно за всех этих взялся!
- За каких? - со скепсисом спросил я.
- Ну, этих... Воров там всяких, олигархов. Вон: борьба с коррупцией идёт полным ходом, так что скоро они все получают.
- Это, интересно, ты где такое услышал? - тактично поинтересовался я, стараясь сдерживать свою злобу. Терпеть не мог глупых людей, а то, что говорили мои коллеги, демонстрировало в них полное отсутствие интеллекта.
- Так включи телевизор, любой канал! - на полном серьёзе заявил Коллега 2. - Думаешь, государственные СМИ будут врать?
- Думаю, что это их главная функция, - возразил я. - После уничтожения команды НТВ, по телевизору нечего смотреть кроме КВН. Только в КВН можно услышать правду, и то очень редко.

Мы вышли на улицу. Коллеги покосились на меня, будто я сказал что-то очень необычное и неправильное.

- А что же ты тогда считаешь правдой? - спросил Коллега 2. - Что же там на самом деле тогда произошло?
- Насколько я знаю, - начал я подробное объяснение, - все ГЭС в стране были спроектированы с учётом постоянной работы, потому что в советские времена электроэнергия генерировалась по всей стране и перераспределялась в соответствии с потребностями отдельных её частей. Не было, в общем, надобности выключать станции. Сейчас же, с очередным витком воровской приватизации энергетики страны, все станции переводятся на другой режим работы. Их выгодней включать только в часы высоких нагрузок. Из-за этого они по-другому начали эксплуатироваться, ну а в купе с тотальным воровством и коррупцией, это приводит к выходу оборудования из строя. Не думаю, что это последний подобный случай...

Я закончил свою тираду и посмотрел на коллег. Кажется, они не были готовы купить предложенное им объяснение. Коллега 2 вообще категорично заявил:

- А я по телеку другое объяснение слышал. Всё из-за халатности, но Рыбин уже пообещал сформировать комиссию и разобраться.
- Рыбин всегда обещает, - огрызся я. - Он уже 9 лет обещает, и ничего не делает. Только говорит и говорит... Да ещё и врёт постоянно. В России ничего не развивается, кроме сферы услуг и добывающей промышленности.

Коллега 1 хмыкнул:

- Это в тебе юношеский максимализм. Я тоже такой раньше был. Но вырос и понял, что не всё так просто.

В этот момент мне очень захотелось хлопнуть себя по лицу, а коллегу двинуть кулаком в челюсть. Но я сдержался и промолчал, хотя стоило мне это немалых усилий.

- Понимаешь, - продолжал он, - Рыбин работает на интересы России, он старается изо всех сил, но амеры уже проникли во все сферы жизни. Их непросто вытащить. Очень непросто, - на этом месте он даже театрально философски покачал головой. - Да и сам Рыбин не может вот так взять, и всех разом раздавить — его за это просто физически уничтожат. Он по природе своей стратег, очень осторожный и очень хитрый...

Тут уж я просто не смог удержаться и заржал во весь голос. Коллега 1 не понимал такого прилива хорошего настроения и смотрел на меня с недоумением. Коллега 2 осуждающе покачал головой.

- Блин, парни, реально завязывайте с телевизором! - пересиливая хохот, сказал я. - Черпайте информацию из Интернета. С текущим уровнем пропаганды на телевидении, вы просто становитесь уязвимы к любой чуши! Ты ещё скажи, что Рыбин — спаситель отечества и собиратель земель русских! Что за бред?!

Коллега 1 только с умным видом высокомерно заметил:

- Ничего, я тоже такой был. Вырастешь поймёшь.
- Да нет же, - не унимался я, - я говорю на полном серьёзе: читайте Живой Журнал, Ленту, Новую газету — в общем, хоть какие-то источники, независимые от государственных СМИ. Российское телевидение по определению не может давать никакую другую картину мира, кроме как существующую в головах наших правителей. То, что они делают — это уже даже не новости, а просто пропагандистское шоу!
- Я не доверяю всем этим сайтам, - хмуро заметил Коллега 2. - Каждый из них действует в своих интересах, все они стараются дестабилизировать обстановку в стране.
- Да, Игорь, - поддержал его Коллега 1, - ты имей в виду, что каждый источник информации на самом деле преследует свои цели и находится во владении людей, заинтересованных во власти.
- Вот, если бы ты создал свой, - ухмыльнулся Коллега 2, - только обязательно независимый, то, возможно, я бы и начал его читать.

Всё весёло-агрессивное настроение у меня как рукой сняло. Шутка Коллеги 2 неожиданно показалась мне шикарной идеей.

- Слушай, а это идея! Это мысль! - задумчиво сказал я. - Почему бы и не сделать независимый источник...
- Только это должно быть что-то с распределённым финансированием, - заметил Коллега 1. - Иначе не бывать независимости.
- Независимое СМИ с распределённым финансированием и распределённой сетью журналистов, - заключил я и улыбнулся.

Кто бы мог подумать, что такая бестолковая беседа с такими недалёкими людьми, может привести к такой любопытной идее?

- Звучит неплохо, - поддержал Коллега 2.

– Угу, - поддержал Коллега 1, открывая дверь в столовую. - Сообщи, как сделаешь.

Мы вошли в столовую.

Роза мира

Дима, Дагни

Прошла пара недель, я уже потерял всякую надежду на то, чтобы встретить Дагни. Но оно и понятно: как можно найти иголку в стог сена?! Практически никак. Все мои надежды рухнули, и я впал в депрессию. Из-за этого своего состояния я сорвал несколько проектов, так как затянул со сдачей прототипов сайтов. Только очередная поездка на рыбалку с Игорем привела меня в чувства и помогла отвлечься. Я стал навёрстывать упущенное и, чтобы спасти свою репутацию, решил закончить сорванные заказы бесплатно. Некоторые заказчики отказались, сказав, что больше не хотят иметь со мной дело, но многие вошли в моё положение и согласились на мои условия. В результат этого я погрузился с головой в работу, спал часов по шесть в день, зато теперь уже не думал о своей прекрасной незнакомке.

В очередной из рабочих дней, после встречи с заказчиком на Сенной площади, меня потянуло в магазин «Роза мира». Зов этот был из глубины души, такой, что у меня сердце защемило, и я понял, что если не зайду, то, наверно, просто умру. Был я в этом магазине до того только один раз — Ромка как-то затащил в поисках чего-то там эзотерического — тогда магазин меня вдохновил своей внутренней духовной чистотой. Может быть, эта чистота меня как раз и звала, может быть именно её мне сейчас и не хватало.

Слушая свой внутренний голос, я направляюсь в книжный отдел. Бесцельно водя взглядом по названиям книжек, в полном унынии, снимаю с полки то одну, то другую и перелистываю их, не испытывая никаких особенных эмоций. Мне грустно, но обстановка в магазине очищает. На душе становится постепенно легче — так, как обычно становится легче после забега на большую дистанцию, когда ты понимаешь, что пришёл к финишу и больше бежать уже нет смысла, и ты, наконец, можешь дышать спокойно и полной грудью. В конце концов я наталкиваюсь на книгу по даосизму некоего Торчинова и решаю, что её можно взять, чтобы оправдать своё посещение магазина. Я подхожу к кассе, протягиваю книгу и гляжу на продавщицу.

Шок!

Не может быть!

Ощущения, будто меня окатили ледяной водой. Даже мурашки по коже и волосы как будто зашевелились.

Это она! Передо мной сидит Дагни! Сидит и пробивает книгу, уткнувшись в кассовый аппарат. Однако, кажется, она меня не узнала... Не уж то, не узнала?!

- С Вас триста сорок пять.
- Дагни! - восклицаю я, не скрывая своей радости встречи. Однако она смотрит на меня удивлённо, с некоторым возмущением, потом, кажется, что-то быстро соображает, и шикает на меня.
- Мне нельзя разговаривать с покупателями на работе, - быстро шёпотом выпаливает в ответ она, чуть склонившись в мою сторону.
- Я тебя искал по всему городу, а ты даже никакие координаты свои не оставила! - не контролируя себя выдаю я в ответ.

Дагни смотрит по сторонам, мнётся, после чего ещё раз громко повторяет:

– Триста сорок пять, пожалуйста.

А потом заговорщически шёпотом добавляет:

– У меня перерыв через пятнадцать минут. Если хочешь, можем поговорить снаружи. Но не раньше.

Я протягиваю деньги и довольно киваю. Меня раздувает от счастья и удовлетворения. Я нашёл то, что уже перестал искать. Ту, что уже перестал искать! Разве такое вообще возможно?!

Дагни меня рассчитывает, кладёт книгу в пакетик, суёт туда же чек и с каменным лицом протягивает всё это мне:

– Спасибо за покупку.

– Спасибо, - отвечаю с улыбкой я и выхожу из магазина.

На улице свежо, воздух кажется вкусным и светлым, несмотря на ноябрьское похолодание, двор-колодец даже как будто сияет и радуется вместе со мной. В ожидании Дагни, я стою на крыльце, пытаюсь начать читать купленную книгу, но никак не получается — всё моё внимание переплыло к Дагни, и теперь я с нетерпением жду её появления. Эти мучительные минуты. Они тянутся абсолютно неправильно. Время не должно ползти с такой скоростью! Это несправедливо! Какие-то люди заходят и выходят, но зрительные анализаторы подсказывают мне: «не она», «красивая девушка, но не она», «не в моём вкусе, слава богу не она», «вообще мужчина» и прочее. Тысяча и одна мысль успевают посетить меня за этот огромный промежуток времени. Я успеваю подумать о том, почему она меня не узнала, успеваю вспомнить в деталях, как мы стояли на крыше, успеваю вспомнить, как слонялся по городу в её поисках с суицидальными мыслями в голове. Теперь всё это мне кажется такой глупостью! Теперь всё это кажется такой мелочью! Теперь всё это совершенно неважно! Важно только здесь и сейчас!

Наконец, дверь открывается, и Дагни выходит. Она выглядит несколько угрюмой и недовольной. Волосы её на этот раз кажутся темнее, чем в прошлую нашу встречу, а глаза — не такими прозрачно-голубыми.

– Ну, чего тебе? - грубовато бросает она так, будто и не желала встречи.

– Мне?.. - я опешил.

Разве можно задавать такие вопросы человеку, который тебя так долго искал и ждал? Разве можно так поступать с людьми?! Настроение быстро движется вниз.

– Да, я просто... искал тебя. Слонялся по городу... места себе не мог найти после той встречи...

Дагни хмыкает.

– Дагни, ты не рада меня видеть?

– Рада, рада... Просто работы навалом. И это..., не заговаривай со мной, когда я работаю. Босс этого не любит, - Дагни не смотрит мне в глаза, взгляд её бегаёт, говорит она быстро — по всему видно, что видеть меня сейчас она не хочет, но агрессии и особого раздражения на её лице не читается. Она чего-то боится. Или, может, просто момент не подходящий? - Так ты чего-то хотел от меня?

– Я хотел предложить тебе сходить куда-нибудь... - как будто оправдываясь,

произношу я.

Дагни нетерпеливо кивает.

- Ну, например, в кино. Ты ходишь в кино? - спрашиваю я.
- Да, пусть будет кино, - с тем же нетерпением соглашается она.
- Есть какие-нибудь определённые пожелания?
- Нет. Мне всё равно. Выбирай ты, - тарбарит она, после чего быстро меняет тему. - Слушай, мне надо бежать. Давай, как решишь, ты мне дашь знать, и мы сходим куданибудь?

Она явно хочет от меня избавиться поскорее, но, кажется, я её понимаю, и на это не обижаюсь.

- Хорошо. Только оставь мне свои какие-нибудь координаты.
- Вот, - Дагни достаёт из кармана ручку и какую-то рекламную листовку и пишет на ней свой телефон. - Звони после семи вечера.
- Спасибо, - я улыбаюсь. - До связи?
- Пока, - небрежно бросает она и торопливо скрывается за дверью в магазин.

Я направился в сторону метро, перечитывая данный ею мне телефон как лёгкое изящное стихотворение. День казался лучезарным и полным радости. Все люди казались довольными жизнью. Даже несмотря на то, что разговор с Дагни получился не очень... Важно, что я её нашёл! А, может, кто-то помог мне её найти? Кто бы там ни был, и где бы он ни был, спасибо ему большое за это!

Первые ростки

Рома, Дима, Игорь

Димка был в тот день какой-то задумчивый и немного грустный. Как я не пытался его приободрить, ничего толком не получалось. Игорь же отсутствовал. То есть он физически был с нами, но голова его была занята чем-то очень сложным — наверно, думал о том, как захватить мир. Мы сидели в кафе «Чайникофф», пили чай и болтали за жизнь. Вернее, в основном болтал я, а они нить диалога поддерживали слабо.

- Так что стряслось с вами двумя? - не выдержал я.

Димка на какое-то время отвис, посмотрел на меня с недоумением, что-то взвесил в своей голове, после чего рассказал:

- Помнишь наш студенческий сайт? Ну, который я ещё длительное время поддерживал?
- Конечно! Кто ж его не помнит! Там про меня студенты писали как о молодом препод-садисте, пьющем кровь младенцев... - в общем, всякие такие приятные вещи, - я улыбнулся, показывая, что шучу.

Димка усмехнулся, после чего продолжил:

- Хозяин сайта недавно продал его администрации вуза, а меня даже в известность не поставил.

Вот так номер! Я покачал головой.

- Я, конечно, понимаю, что сайт не мой, - продолжал Димка, - но всё-таки я столько в него сил вложил, и тут: нате вам! Естественно, теперь его либо подвергнут цензуре, либо просто закроют...

Я задумался. Дело в том, что этот сайт всегда у меня вызывал двоякие чувства: с одной стороны, я понимал, что это возможность для студентов высказаться и своеобразная обратная связь для меня, как преподавателя. Но с другой стороны, сколько неудобных вопросов поднимал этот ресурс! Может быть, и хорошо, что его теперь будут контролировать. С другой стороны, а как же свобода слова?!

- Ну, Дим, надо на это пытаться смотреть с хорошей стороны: как сильно в последнее время развивался ваш сайт?
- В том-то и дело, что практически никак, - уныло ответил Димка.
- Ну, тогда это для тебя возможность сделать новый сайт, лучше и современнее прежнего, разве не так?

Димка задумался. Возможно, эта идея ещё не успела прийти ему в голову. А, может, он просто не решался к ней прикоснуться?

- Это, конечно, можно было бы, - тоскливо ответил он. - Но мне одному будет сложно всё это сделать.
- Если хочешь, я тебе помогу? - решился я подбодрить своего друга. - Правда, сам знаешь, я в этой области не специалист.
- Ну, можно попробовать, - сдержанно ответил Димка.

В это время в себя начал приходить Игорь. Как говорится, проснулся...

- Да, Дим, пока не забыл. Мне тоже сайт нужен будет... Хочу попробовать сделать что-то типа электронного СМИ. Но пока идеи туманные. Потом поговорим на эту тему, ок?

Димка кивнул.

- Без проблем. Расскажешь подробности, а там посмотрим.

Идея с электронным СМИ мне показалась не оригинальной — итак уже полно всяких, не думаю, что Игорь мог бы кого-то тут чем-то удивить.

- Ну, а у тебя-то, Игорь, что стряслось? - спросил я.
- Да... Не идёт что-то с музыкальной группой. Гитарист выпендривается и очень агрессивно себя ведёт.

Меня несколько позабавило такое его заявление. Дело в том, что Игорь сам никогда цветочком не был — сам мог врезать между глаз ни с того, ни с сего... фигурально выражаясь. И тут нате вам! Как говорится: за что боролся, на то и напоролся.

- А... Это та самая твоя новая группа? И в чём проявляется его выпендрёж?
- Я же говорю, - начал ни с того, ни с сего раздражаться Игорь, - подкалывает, стебётся всё время надо мной...
- Может, он так тебя чему-то пытается научить? - я и здесь попытался найти что-то положительное.

Игорь в ответ только хмыкнул и покачал головой.

- Просто что-то подобное было у Кастанеды, - продолжил я. - Дон Хуан учил Карлоса достаточно жёсткими методами, выбивая из него напыщенность и важность... Рассматривай просто всё это как определённый урок для себя.

Игорь тоже стал потихоньку оживляться. Мало заметно, конечно — он всегда был достаточно закрытым парнем, не показывающим, что у него на самом деле на душе. Однако какая-то часть его стала просыпаться... Иногда, ведь, для того, чтобы что-то понять нужно просто услышать от своего друга определённую фразу или даже слово. И сразу же: «Бац» - и ты понял! А иногда, чтобы тебе не говорили, никакого «Бац» не происходит, просто нужно время и стечение обстоятельств, чтобы понять и почувствовать.

- Возможно и так..., - задумчиво ответил Игорь. - Он всё время мне втирает какую-то чушь и давит на меня. Типа: делай так-то, потому что это правильно, я-то знаю...

Эта фраза показалась мне чем-то знакомой, но я не хотел вдаваться в пережёвывание мыслей в своей голове, поэтом отринул все попытки что-то вспомнить.

- Чего-то про свободу втолковывает всё время... А в последнее время вообще очень странные вещи начал показывать...
- Какие? - спросил я.

Игорь хотел было рассказать, но потом осёкся (видно передумал) и лишь отмахнулся фразой: «А... не важно». Над столом повисла неловкая пауза.

- Ну, чего? Может, прогуляемся до Гостинки? - предложил Дима.

Все согласились, собрали вещи и пошли.

- Кстати, - вспомнил я, - хотел вам предложить в одну игру сыграть.
- Что за игра? - мрачно с недоверием спросил Игорь. - Типа пятнашек?
- Да нет... высокоинтеллектуальная...

Игра

Дима, Рома, Игорь

- Ну, это же несложно! Это же совсем... не новая тема!

Рому искренне удивляло то, что Игорь никогда не слышал об этой игре.

- Димка, ну, ты-то хотя бы знаешь её?
- Конечно, знаю, но участвовать не буду — не люблю я такие штуки, - отвечаю я.
- Фу, ты, зануда какой! - отзывается Ромка. - Ну, и ладно! Мы и без тебя... попытаемся.
- Так чего там за... условия, - несколько устало спрашивает Игорь, подбирая слова.

Мы идём по Невскому проспекту от «Площади Восстания» в сторону «Гостиного двора». Топать до него ещё далеко, но времени у нас навалом. Кругом как всегда куча народу: кто-то погруженный в себя целенаправленно двигается вперёд, не замечая мира вокруг себя, кто-то лениво прогуливается, осматривая город и фотографирует. Машины набились у перекрёстков и нетерпеливо ждут, когда жалкие людишки перейдут на другую сторону улицы. Небо слегка подкрашено белыми тучками. Солнце. Осень. На пригреве

тепло.

- Ну, гляди, - начинает объяснять Рома. - Ты идёшь и пытаешься выхватить своим взглядом как можно больше объектов, особенно ни на чём не останавливаясь. Затем я гляжу назад и... узнаю у тебя о цветах объектов, об их... состоянии. Вот, мы только что минули целующихся, - Ромка разговаривает с Игорем, не оборачиваясь в сторону указанной им парочки, тщательно подбирая слова, стараясь не попасться. Я поворачиваюсь и смотрю. - Какого цвета были волосы у девушки?
- Не знаю, я пока ещё не в теме, - мрачно отвечает Игорь.
- Она — блондинка. Одета в... кофточку угольного цвета и обтягивающие голубые джинсы. Сумочка кожаная, цвета... темноты, небольшой величины. Очки, около +1.

Рома достаточно точно, не поворачиваясь, описал девушку. Одному создателю известно, с чего он взял, что у неё очки «+1». Наверно, выпендривается.

- Понял?
- Угу, - отзывается Игорь.
- Ну, что? Попытаемся?
- Ну, давай..., попытаемся, - немного передразнивает Игорь Рому.

Мы проходим несколько метров в полном молчании, после чего Ромка глядит на Игоря и, тщательно подбирая слова, спрашивает:

- Большой щит сзади... э-э-э... на этой части улицы. Какого цвета... стойка щита?
- Синий, - не задумываясь отвечает Игорь.
- Угу. Но это было легко. Это только начало. А что было на щите?
- М-м-м. Сиськи? - округлив глаза, с улыбкой выдаёт Игорь.
- Ну, почти, - Рома радуется тому, как проходит игра. - Только там было детское улыбающееся лицо.
- Да ты гонишь! - грубовато замечает Игорь и поворачивается, чтобы посмотреть, но реклама уже невидна. - Не может быть.
- Если ты называешь «сиськи», то ты вполне можешь «попасть в яблочко», - начинаю я объяснять, так же, как и Ромка, тщательно подбирая слова. - Так как на большей части плакатов используют те или иные части женского тела либо создают композицию так, что подсознание видит либо женские части тела, либо сцены секса, - я уже наострился и меня сложно поймать.
- Пипец! Дима, угомонись уже! Ты не на... ты сейчас отдыхаешь, блин! - Игорь чуть-чуть не попался.

Ромка усмехается, после чего продолжает свою игру.

- Мы только что минули место... М-м-м. Там на полу валялась листовка. Что было на ней?
- Блин! Как я могу такое запомнить? - возмущается Игорь.
- Да, ладно! Тут же ничего сложного, ты что?! - удивляется Рома. - Восстанови в голове свои шаги — тут же вспомнишь, что там было.

- Ну-ну. Сам попытайся восстановить! Ты-то сам вспомнить не сможешь...
- Смогу. Вообще без... то есть спокойно. Давай. Задавай свой... В общем, о чём тебе сказать?

Игорь поворачивается и идёт спиной вперёд.

- Дом, не на этой части улицы. Какого цвета?
- К... - Ромка вовремя осекается и улыбается. - Алого!
- Это не алый, - решает подловить его Игорь. - Это более... светлый цвет.
- Ну, светло-алый, - не сдаётся Ромка.

Я смеюсь — так забавно смотреть на их попытки обыграть друг друга и заставить произнести запретную букву.

- А в каком стиле он выполнен?
- Я-то откуда знаю? - удивляется Ромка. - Это ты у нас спец в этом деле.
- Нет, я не спец, - качает головой Игорь, - но какие-то базовые вещи знаю...
- Так и какой же это стиль? - спрашивает Ромка.
- Хм, - хмыкает Игорь в ответ. - Сейчас я тебе не могу сказать точно. Но это что-то типа «Антиюжный современный».

Из-за того, что Игорь пытался всех перехитрить и переделать название, он сам же и попался в свою ловушку. Мы с Ромой начинаем одновременно смеяться и даём по щелбану Игорю. Тот чешет затылок и обиженно спрашивает:

- А-а-ай. За что?
- Ты сказал слово с восемнадцатой буквой алфавита. Ты выбыл, - замечаю я.
- Блин! Ну, так не честно! Как мне ещё назвать «Северный модерн», не произнося «Р»? - Игорь расстроен и принимает вид обиженного ребёнка.

Ромка улыбается:

- Ты, ведь, сам вопрос задал... Потом надулся от важности — вот и попался в свою же ловушку.

Я смеюсь и даю щелбан Ромке.

- Да ладно тебе, Дим. Игорь-то уже проиграл. Можно говорить, - морщась защищается Ромка.
- Вы оба проиграли. Так что и проставляетесь завтра оба. С вас по бутылке пива!

Ребята только хмыкают в ответ.

Мы доходим до «Гостинки» в приподнятом настроении, продолжая болтать о всякой чепухе. Там мы и расстаёмся: я с Игорем лезу в метро, Ромка направляется на какую-то встречу на стрелке Васильевского острова.

- Слушай, - заговаривает Игорь, когда мы стоим на эскалаторе, - мне нужно сделать новостной сайт. Ты же в этом деле хорошо рубишь. Поможешь?

- Ну, можно. В принципе, это не так сложно сделать. Надо будет только сесть и обсудить, какова целевая аудитория, для чего конкретно он нужен и что должно быть на сайте.
- Как насчёт завтра? - оживляется Игорь. - Не хочу откладывать всё на «потом». Чем раньше получится разобраться с этим, тем лучше.
- Окей. Давай. Может, тогда приедешь завтра ко мне, и мы всё обсудим?.
- Договорились.

На этом наша беседа о таинственном «новостном сайте» Игоря закончилась, и мы поехали каждый в свою сторону, особенно не затягивая с прощаниями — мне ещё предстояло сегодня пригласить Дагни на свидание.

Линия жизни

Рома, Кирилл

- Я представил себе, что её шарф становится другого цвета, и тот изменился, но я не смог добиться желаемого результата: вместо фиолетового у меня получился розовый, а потом девушка сказала, что терпеть не может фиолетовый... - я с нескрываемым возбуждением рассказывал Кириллу о произошедшем со мной за несколько часов до нашей встречи, обильно сопровождая своё повествование жестами.

Кирилл слушал внимательно, не перебивая.

- Наверно, это всё из-за того, что она не любит фиолетовый — она сопротивлялась его появлению, и когда я стал его менять, её сопротивление привело к получению шарфа оптимального цвета.

Когда я закончил и вопросительно посмотрел на Кирилла, он заметил:

- Может быть. А может это ничего не значит, и у тебя просто разыгралась фантазия.

Я уверенно покачал головой:

- Я точно знаю, я помню, каким шарф был до того, и каким стал.
- Если ты это точно помнишь и знаешь, - размеренно говорил Кирилл, - то это прекрасно, так как в таком случае ты сумел при сборе другой линии оставить воспоминание о предыдущей.

Я не очень хорошо понимал его, хотя внутри что-то говорило о том, что всё это мне уже откуда-то знакомо...

- Что ты имеешь в виду под «собрать линию»?

Мы шли по Дворцовому мосту в сторону стрелки Васильевского острова. Светило солнце. Дул лёгкий ветерок. Было холодно но, тем не менее, всё ещё достаточно комфортно. Кирилл шёл без куртки — в одной маячке с короткими рукавами, для чего, как мне казалось, было уже поздновато и холодновато.

- Линия, - начал объяснять он, - это абстрактное, но при этом абсолютно реальное понятие. Линия — это протяжённость пространства с определёнными характеристиками во времени. Ты же изучал в своё время «теорию струн»?
- Изучал — это громко сказано, - усмехнулся я. - Скорее читал из любопытства.

- Ну, что-то же ты оттуда помнишь, так?
- Так.
- Ну, вот, некий аналог линий там и рассматривался: многомерный мир пространства и времени. Тебе пока будет достаточно знать следующее абстрактное определение: линия — это траектория времени, на которой существует наш повседневный мир, по которой мы движемся из одной точки в другую, - Кирилл показал в воздухе пальцами одну точку, другую и движение. - Так вот, во вселенной существует бесконечное число линий, которые так или иначе отличаются друг от друга.
- Я тебя пока слабо понимаю, честно говоря, - заметил я. - Впрочем, как всегда...
- В общем, прими как данность то, что ты движешься по линии времени в некотором выбранном тобой пространстве.

Я хотел было вставить свою реплику о том, что такие вещи стоит пояснять, морочить ими голову нельзя, но Кирилл меня превентивно перебил:

- Единственное, что важно на данный момент, так это то, что сегодня в метро ты неосознанно начал движение к линии, на которой шарф той девушки — фиолетового цвета. Не имея никаких знаний и опыта, ты начал двигаться. Однако из-за того, что двигался ты медленно, постепенно собирая линии одну за другой, ты вынужден был также бороться и с волей других людей. Девушка терпеть не может фиолетовый, и неосознанно остановила тебя, не позволив пройти дальше и собрать другую линию.
- Стой-стой-стой! - не выдержал я. - Ты меня совсем теряешь! Как я могу двигаться по этим твоим чёртовым линиям? Как это вообще возможно если я даже не знаю об их существовании?
- Это не те вопросы, на которые ты сейчас получишь ответы, - улыбнулся Кирилл. - Для тебя и факт существования линий — уже важное открытие, о котором стоит серьёзно задуматься.

Мы перешли мост и уже двигались к большому пешеходному переходу.

- А это факт? - удивился я. - Скорее похоже на твою фантазию.
- Это больше, чем факт, - обрубил Кирилл. - Так оно и есть на самом деле. Давай к бирже, - указал он направление кивком головы. - Посидим на ступеньках, поговорим...

Несколько человек уже стояло у перехода и ждало, когда свет переключится с красного на зелёный.

- Почему ты не хочешь мне рассказать всё прямо сейчас? - не терпелось мне.
- Представь себе, - начал терпеливо объяснять Кирилл, - что пещерному человеку выдают пулемёт, объясняют, как он работает, но при этом не формируют у него никаких моральных принципов и ограничений. Какова вероятность того, что он будет использовать оружие в благих целях, не перебьёт людей вокруг и случайно не застрелит самого себя?

Свет переключился на зелёный, и мы вдвоём начали движение на противоположную сторону дороги. К нам на встречу шла толпа туристов-китайцев, приехавших поглазеть на Питер. А Кирилл продолжал пояснение:

- Скорее всего, ради забавы, не понимая, что творит, он будет бегать и стрелять из пулемёта. Существо, наделённое силой, не знающее как правильно её применить, опасно не только для себя самого, но и для общества, в котором оно действует, и даже для мира в целом.

Мы поравнялись с китайцами и, по неизвестным мне причинам, пошли им наперерез. Забавно было то, что Кирилл они все бережно обходили, проявляя верх внимательности, а меня как будто то ли теряли из вида, то ли вообще не видели, из-за чего то один, то другой турист наталкивался на меня, после чего приходил в себя, извинялся и шёл дальше.

- Ты на текущем этапе своего развития — пещерный человек с пистолетом, - торжественно заключил Кирилл. - Ты и так уже натворил кучу глупостей: то с осознанными сновидениями игрался, то бесцельно пробовал различные методики по разрушению собственной психики, то психотропные средства глотал... Тому, что ты до сих пор жив и серьёзно никак не пострадал психически и физически, есть только одно объяснение...

Кирилл по театральному выдержал паузу.

- Но я тебе о нём пока тоже не расскажу.

Мы перешли улицу и стали подниматься по ступенькам.

- Да чтобы тебя! - в сердцах выпалил я. - Какого чёрта ты тогда вообще весь этот разговор завёл?
- Ну, не могу же я тебе позволить и далее совершать глупости и пытаться уничтожить себя вместе с миром?! - Кирилл с улыбкой посмотрел на меня. - Кстати, давай-ка об этом как раз и поговорим.

Кирилл достал из заднего кармана своих джинсов сложенный в четыре раза листок. Мы сели на ступени. Я достал из кармана куртки сухарики.

- Я тут недавно натолкнулся на очень интересный текст... - начал рассказывать Кирилл.

Скованные одной цепью

Рома, Кирилл

- Вот, посмотри, - Кирилл протянул мне лист формата А4. - Прочитай его и потом попробуй рассказать мне, о чём он.

Мы сидели на холодных ступеньках лестницы здания фондовой биржи Питера и ели сухарики. На листке, который мне дал Кирилл, был всего лишь один небольшой абзац:

«Как-то в Канасати Вирупа купил в харчевне вина. Служанка подала ему вино и рисовые лепёшки, которые ему очень понравились. Он пиршествовал два дня напролёт, а солнце не двигалось с места. Тогда царь тех мест, озадаченный этим обстоятельством, потребовал узнать, кто сотворил это чудо. Богиня солнца явилась царю во сне и сказала: «Странствующий йогин оставил меня в заклад служанке из харчевни». Через некоторое время царь и его свита заплатили за вино, выпитое Вирупой, долг которого уже достиг баснословных размеров, тот исчез».

Я прочитал и усмехнулся. Это было похоже на забавный рассказ, на одну из тех многочисленных баек и легенд о всяких волшебниках и божествах.

- Очевидно, это легенда о чудесах, которые демонстрировал этот вот волшебник Вирупа.

Кирилл покачал головой.

Солнце забежало за тучку, из-за чего стало немного зябко, даже в моей осенней куртке. Ветер осторожно подул вбок, как бы проверяя, не спим ли мы.

- Ты опять смотришь на поверхность. Посмотри глубже. Даже если твоя трактовка будет неправильной, попытка посмотреть вглубь текста, выявить сущности, скрывающиеся за образами, уже даст что-то новое.
- Я тебя не понимаю, - озадаченно заметил я и вопросительно посмотрел на него. - Что ты хочешь, чтобы я нашёл в этом тексте о волшебнике?
- На самом деле, Ромка, у тебя уже достаточно информации, просто тебе надо напрячь свои извилины и соединить точки, а потом попытаться синтезировать что-то новое.

Кирилл отвёл от меня взгляд и стал величественно всматриваться в сторону Троицкого моста.

- Попробуй вначале проанализировать, что это за текст, откуда он.

Я нехотя взглянул на листок.

- Название города, да и имя главного героя, похожи на какие-то индийские, - с некоторым непониманием, чего же от меня хотят, начал выжимать я из себя.
- Так, - терпеливо кивнул Кирилл.
- Упоминание Богини солнца говорит о том, что этот текст, скорее всего, имеет корни в индуизме.
- Ну, можно так сказать, - несколько неуверенно подтвердил Кирилл. Это меня немного насторожило.
- Впрочем, индуистские боги ещё появлялись в Буддизме, в направлении «Ваджраяна», - я хитро посмотрел на Кирилла. Тот улыбнулся.

По-видимому, я был на верном пути. Однако дальше был тупик, я не знал, куда идти.

- Собственно, это всё, что я могу сказать по поводу текста, - я с сожалением дёрнул плечами и протянул ему лист, но он его не взял.
- Пока что ты сделал только поверхностный осмотр текста. Попробуй теперь, зная откуда он, дать ему интерпретацию. Не бойся ошибиться — это всё равно сделать невозможно. Важно найти смысл в тексте, свой собственный смысл. Потому что ценен только он. Неважно, что имел в виду автор текста, важно, что ты видишь в нём после прочтения...

Кирилл опять меня озадачил. Я начал напряжённо думать над текстом, перечитывая его по нескольку раз. Чего тут может быть такого? Текст — как текст. Ну, подумаешь, какой-то йогин напился... И тут меня пробило, волосы сзади зашевелились, что-то внутри подсказывало, что я нащупал истину:

- Буддизм осуждает пьянство... Как это так получается, что буддийский текст повествует о некоем йогине, который напился и начал творить чудеса? Это нонсенс!

- Так-так, - поддержал меня Кирилл.
- Значит, тут действительно какое-то образное представление. Возможно, в тексте говорится о том, что любые указания того, чему надо следовать, являются ограничениями, которые нужны только для становления, для того, чтобы человек просто начал понимать, по какой дороге нужно двигаться...

Я посмотрел вопросительно на Кирилла, он уже смотрел на меня с нескрываемым любопытством и не перебивал.

- Когда же человек уже идёт по пути, любые заповеди становятся лишь ограничителями его свободы, мешающими ему развиваться дальше. Однако это не означает, что человек, идущий по пути, будет нарушать заповеди. Просто потребность в них в какой-то момент отпадает, они перестают играть свою роль.

Бледное питерское солнце снова тайком выглянуло на нас из своего укрытия-тучки.

- Ну, возможно, это одно из толкований, да. А что насчёт Богини?
- А идея с оставлением Богини в залог, - оживился я, - является указанием на то, что у всего в этом мире природа едина, все в этом мире равны. Так, нет никакой разницы, оставить ли в залог Богиню или же, например, монашескую рясу.
- Хорошо, - приободрил Кирилл.
- И ещё, - перебил я его. Это занятие меня так затянуло, что мне хотелось выговориться и рассказать обо всём, что пришло в голову. - Указание на то, что царь и его свита заплатили за вино, скорее всего связано с понятием «карма»: за любые свои действия живому существу нужно расплачиваться. Но так как в мире всё взаимосвязано, многим живым существам приходится расплачиваться за чужие действия. И только лишь после расплаты может наступить истинное освобождение.

Кирилл был удивлён и не скрывал этого. Лицо его немного вытянулось. То ли он не ожидал такого трактования от меня, то ли сам просто не додумался до такого. Оба варианта мне невероятно льстили.

- Интересно. А ты сам хоть раз задумывался о том, за какие и за чьи действия ты расплачиваешься?
- Я расплачиваюсь?
- Конечно. Все расплачиваются, - Кирилл пристально смотрел на меня. Даже за его солнцезащитными очками чувствовался гипнотический взгляд. - Ты же уже осознал, что все мы — всего лишь точки, образующие вместе какую-то изощрённую геометрическую фигуру. Когда одна из точек совершает действие, противоречащее самой природе этой точки, то за него потом должна расплачиваться вся фигура... И чем глобальней нарушение, тем больше ощущается расплата. Вот, например, твоя аллергия на домашних животных — это расплата за то, что твои родители во время маминой беременности думали о том, как избавиться от собаки. Если б они от неё не избавились, то аллергия у тебя была бы в менее острой форме.
- Откуда ты это знаешь? Я вообще только краем уха слышал о том, что до моего рождения у нас была собака, и то случайно. Ты-то с чего это взял? - я был немало удивлён такой осведомлённости Кирилла. Конечно, он меня частенько поражал своими неожиданными заявлениями и действиями, не имеющими логического

объяснения, но я никак не мог к этому привыкнуть.

- Я это вижу в твоих глазах. Любая твоя проблема. Любая твоя болезнь — расплата либо за свои действия, либо — за действия твоих родных и близких, либо — за действия общества, в котором ты живёшь.
- Но это несправедливо! Я же не виноват...

Кирилл только дёрнул плечами:

- Таков закон. Так будет всегда. И ситуация будет только ухудшаться, если до людей не получится донести понимание того, что они несут ответственность не только за свои действия, но и за действия других людей. Пока не придёт понимание того, что все мы «скованы одной цепью».

Поход в кино

Дима, Дагни

Я стоял у «Дома Кино», ожидая Дагни. Мы договорились встретиться у входа за 15 минут до начала сеанса. Сегодня показывали «Канских львов». Возможно, при других обстоятельствах я бы не пошёл на них, но мне показалось, что подобное, ни к чему не обязывающее, мероприятие может подойти для первого свидания. Я постарался одеться приличней: нашёл купленные года два назад вельветовые штаны бежевого цвета, белую майку с длинными рукавами, бежевый пуловер с красными и синими полосами на уровне груди, побрызгался одеколоном «Echo Davidoff», подаренным кем-то мне на день рождения, поверх всего этого — тёплую осеннюю зелёную куртку, а на ноги нацепил чёрные ботинки с коричневыми полосами от носков до языков. В общем, постарался выглядеть прилично, но не слишком официально.

Как это водится у девушек, Дагни опаздывала. Однако я был уверен, что она придёт. Вот уж и не знаю, откуда у меня взялась такая уверенность, но сомнений не было. На часах уже стукнуло пять минут девятого, а я делал вид, что стою и читаю что-то на своём мобильном телефоне. На самом деле мне было совершенно не до него — глаза просто бесцельно бегали по экрану, не в состоянии что-либо воспринять, а сердце сжималось в ожидании Дагни.

И вот она появляется! По её движениям можно сказать, что она не очень рада тому, что опаздывает — идёт решительно, но при этом достаточно легко. Одета в лёгкую длинную юбку тёмно-синего цвета, выглядывающую из-под светло-серого пальто, на плечи накинут изящный шарфик в сине-оранжевую полоску. Замечает меня, сбавляет шаг и идёт медленней и более женственно. Я делаю вид, что пялюсь в мобильник, изредка бросая косые скрытные взгляды в её сторону. Она подходит, я засовываю сотовый в карман и смотрю прямо в её глаза. Они чисты, легки и излучают добро. Как мог я только думать о том, чтобы прыгнуть с моста какое-то время назад? Как о таком вообще можно думать, когда передо мной Она?!

- Привет, - я не знаю, как поступить в такой ситуации. Иногда молодые люди целуют девушек на первом свидании в щёку. Но я даже представить себе не могу, как это сделать. Мне кажется, что это будет слишком. Поэтому я ничего и не делаю.
- Привет, - кивает она в ответ. - Давно ждёшь?

Я ради приличия гляжу на свои дешёвенькие часы, привезённые в своё время папой из Японии, и бессовестно вру:

- Нет, что ты... Я сам, честно говоря, опоздал.
- Врёшь! - неожиданно с вызовом и хитростью срезает она и смотрит на меня, не сводя взгляда.

Я гляжу на неё и понимаю, что не могу отнекиваться.

- Да, вру. Стою уже минут пятнадцать.
- Я так и знала, - она победно улыбается и направляется внутрь кинотеатра.

Я, вначале несколько растерявшись, быстренько собираюсь с мыслями и бросаюсь вперёд открывать ей дверь. Она благодарит и проходит внутрь...

Про себя отмечаю, что в её присутствии во мне рождаются какие-то благородные порывы. Мне хочется быть элегантным, учтивым — словом хочется быть джентльменом.

- Долго выбирал, на что идти? - поднимаясь по лестнице спрашивает она. Я иду рядом.
- Нет, взглянул на афишу в интернете и решил, что это наименее занудное и не настолько попсовое зрелище.

После незначительной паузы продолжаю:

- А ты до этого когда-нибудь была на «Канских львах»?

Она мотает головой и вежливо добавляет:

- Но давно хотела посмотреть как-нибудь, что собой представляет этот «фестиваль рекламы», чтобы составить своё впечатление о нём.

Мы поднимаемся на третий этаж, двери в зал уже открыты, проходим внутрь. Я вежливо пропускаю Дагни вперёд. Занимаем свои места. Сидим, периодически перекидываясь фразами о настроении, погоде, последнем посещении «Дома кино». Я смотрю на сцену, она украшена белыми и оранжевыми шариками. Неосознанно изучаю их подробно, в деталях и неожиданно для себя отмечаю, что эти два цвета, если на них смотреть под определённым углом, сливаются в моём сознании и из них рождается чёрный. Моргаю, видение на короткое время прекращается, но потом начинается по новой.

- Тебе тоже кажется, что шарики чёрные, да? - неожиданно спрашивает Дагни.
- Да, это удивительно, не так ли? - вопросительно смотрю на неё. - Какие игры может вытворять с человеком его сознание!

Дагни улыбается уголком губ.

- А ты никогда не задумывался о том, что всё твоё восприятие мира обусловлено твоим воспитанием? Возможно, то, что ты шарики воспринимаешь чёрными — это всего лишь результат твоего воспитания...

Я, не скрывая своего удивления смотрю на неё. Что она имеет в виду и откуда таких философских мыслей понабралась?

- Ну, чего ты так на меня уставился? - спрашивает она. - Если я девушка, то это ещё не означает, что я не могу увлекаться философией... К тому же, я всё-таки работаю в книжном магазине.
- Да, нет, что ты, - смущённо бубню я. - Просто не до конца понял...

Дагни не даёт договорить — ей не интересны мои бессмысленные оправдания:

- В общем, тебя ещё в детстве научили мир воспринимать именно так и никак иначе.
- Ну, да, - соглашаюсь я. - Я это понимаю.
- Молодец. Значит, ты понимаешь, что родители и общество рассказали тебе, что такое красное, что такое белое, как правильно мир воспринимать и как в нём действовать. - Дагни довольно отводит от меня взгляд и смотрит на экран.

В кинотеатре гаснет свет, включают проектор. Мы сидим в середине. Начинается.

Я шокирован всем произошедшим. Но, с другой стороны, это здорово, что с ней можно поговорить о таких странных вещах. Интересно, что ещё скрывается за этим милым личиком и этими чарующими глазами?..

Смотреть «Канских львов» действительно интересно, но вообще-то это зрелище не требует постоянного включения, поэтому я периодически отвлекаюсь на Дагни. Она, конечно же, как приличная девушка, внимательно смотрит, не сводя взгляда с экрана, живо реагируя на фильм. В какой-то момент я в большей степени увлекаюсь ей, её личиком, губками, ресницами, носиком и её реакцией на фильм, нежели самим фильмом. Я настолько втягиваюсь, что перестаю вообще на что бы то ни было обращать внимание.

Неожиданно Дагни поворачивается ко мне, и в этот момент происходит что-то невообразимое. Весь кинотеатр освещается ярким белым светом, но одновременно с этим все люди вокруг просто исчезают. Есть только я, фильм и Дагни. Причём не в переносном смысле, а во вполне себе прямом: я прекрасно осознаю себя, осознаю свои действия, понимаю, где нахожусь... я в жизни, наверно, только пару раз был в состоянии такого осознания... но, тем не менее, есть только я, фильм и Дагни.

Я закрываю глаза.

Наши головы как намагниченные медленно приближаются друг к другу и я нежно касаюсь её лобика своим лбом.

Медленно мои губы приближаются к её губам...

Я ощущаю её нежный запах...

...мои губы приближаются к её губам...

Я чувствую как прекрасна её кожа...

...губы приближаются к её губам...

Я слышу её дыхание...

...приближаются к её губам...

Я чётко вижу её образ перед своими закрытыми глазами...

...к её губам...

Я чувствую её, чувствую её присутствие и её чувства.

...губам...

И в самый момент поцелуя неожиданно весь мир вокруг обрушивается на нас как валятся книги из шкафа со сломавшимися полками. Из-за этого мы оба вздрагиваем и открываем глаза. Я в некотором смятении выпрямляюсь и возвращаюсь на своё место. Дагни возвращается на своё. Такое ощущение, будто она тоже чувствует себя несколько неловко. Тем не менее, когда я кладу свою правую руку на подлокотник, она кладёт свою

сверху и переплетает свои пальцы с моими.

Я ей благодарен.

Остаток сеанса мы досматриваем, не отвлекаясь, хотя мысли мои сбивчивы и ни коим образом не касаются рекламы.

По окончании сеанса, она быстро и решительно отпускает мою руку. Я смотрю на неё. Она улыбается.

- Было весело. Особенно реклама «Dove» понравилась. А тебе?
- Да, - говорю несколько в тумане я, - мне тоже.

Дагни смотрит на часы.

- Мне пора бежать, - заявляет она.

Мы молча покидаем зал и, не особенно общаясь, выходим из кинотеатра.

Удивительно, но мне в этот момент никакие слова и не нужны. Я знаю, что Дагни ведёт себя скованно и закрыто, даже несколько агрессивно по отношению ко мне, но на то есть какая-то веская причина, а на самом деле она испытывает ко мне самые тёплые чувства. Я это чувствую, я это просто знаю. Да, мне ещё достанется от неё, ещё ни раз, но это всё только видимость...

- Тебе до метро? - спрашиваю я.
- Нет, мне не до метро...
- Давай, я тебя провожу?
- Нет, не надо, - резко обрывает она. - Спасибо за киносеанс, но мне просто уже надо бежать.

Мы стоим у выхода из кинотеатра, я смотрю в её глаза, пытаюсь понять, что же у неё на уме... ничего не выходит — бесполезно. Она кивает, бросает: «Ну, пока! Было весело!» - и стремительно уходит в сторону Михайловского замка.

Я смотрю ей в след, смотрю на её уверенную походку, но чувствую, что тут что-то не так, что в этом была какая-то недосказанность. Я хотел её поцеловать на прощание, но она даже не дала мне шанса приблизиться к себе. Или же я был недостаточно настойчив?

Неожиданно Дагни останавливается, задумывается на долю секунды, разворачивается в мою сторону, и подбегает ко мне, целует игриво в губы, улыбается, подмигивает и также быстро убегает по своим таинственным делам. Я бросаю ей в след:

- Как насчёт встретиться ещё раз?

Но вопрос виснет в воздухе и остаётся без ответа.

Домой я вернулся достаточно поздно — не особенно спешил, много гулял и думал. Конечно, вела она себя несколько странно... но, ведь, первый поцелуй! И в этом поцелуе не было никаких препятствий, не было никаких ограничений, как это обычно бывало с другими девушками, не пришлось перешагивать через неловкость первого приближения. Всё было очень естественно... даже сверхъестественно...

Записки

Рома

Ещё с детства я терпеть не мог беспорядок и грязь. Помню, родители даже удивлялись: и откуда это во мне взялось? Мама и папа, конечно, были аккуратны и следили за порядком дома, но во мне почему-то чистоплотность была возведена в абсолют. Стоило мне что-то разлить или рассыпать на кухне, как я сразу же должен был вытереть и убрать. Если была посуда после еды, я её сразу же мыл. Если появлялся какой-то мусор, то я выкидывал его в ближайшее ведро, кои были у меня в каждой комнате. Даже, если в ванной вода разливалась, я не мог просто так уйти — мне было не по себе от одной мысли, что где-то в квартире непорядок. Поэтому я следил за порядком дома и периодически проводил капитальные уборки.

Проводя одну из них, я как-то решил разобрать свой письменный стол. Вообще я был склонен периодически делать это, так как в нём накапливалась куча всякого хлама: стержни для ручек, грифели для карандашей, старые исписанные тетрадки, пенал, различные провода и бумажки с какими-то записями — большая часть этого мне была ненужна. Ещё будучи студентом я вывел, что периодически избавляться от хлама — полезно, это позволяет почувствовать себя чуть свободней и взглянуть со стороны на то, чем же ты оброс за отчётный период. К тому же, пересматривать и перечитывать всякие тетрадки и листочки было очень приятно — можно было окупиться в собственные воспоминания и побродить по их просторам, обсасывая те или иные моменты своей жизни. Но участь у всех них была одна — мусорное ведро. Нельзя привязываться к тетрадкам и запискам, как бы соблазнительно это ни было.

Пережёвывая дольки только что очищенного сладкого апельсина, я потянулся к очередной тетрадке, когда обратил внимание на совершенно новую, даже непотёртую бумажку жёлтого цвета с надписью на ней: «Ты спишь! Посмотри на руки!». По середине листа красовалась чёрная жирная точка. Самое интересное во всём этом заключалось в том, что я был готов поклясться, что почерк на бумажке мой, но я не мог никак вспомнить, когда мог это написать. Я даже чувствовал, что текст действительно написан мною, какая-то часть меня даже что-то припоминала, но собрать всё в одну точку и вспомнить никак не получалось.

Я отложил бумажку и постарался внушить себе, что это просто случайность — мозг сразу же, чтобы не потерять свой авторитет, всё объяснил: кто-то подделал мой почерк, сделал надпись на бумажке и подложил её мне в стол, чтобы подшутить надо мной. Что ж, очень забавно получилось. Объяснение полностью меня устраивало, но почему-то полной уверенности не вселяло.

Я продолжил уборку.

Активно перебирая ящик за ящиком, я избавлялся от всякого сора и ненужных шмоток. По окончании уборки, мне захотелось ещё раз взглянуть на ящик, в котором была найдена записка. Открыв его, я сразу же обнаружил ещё одну, на точно такой же бумаге, тоже с точкой, которую я по какой-то причине пропустил. Лежала она на самом видном месте, и на ней значилось: «Это не розыгрыш. Ты действительно спишь». Почерк опять был мой. Мозг на этот раз мог придумать только какие-то невразумительные отговорки — он явно проигрывал битву с моим иррациональным началом, уверенно утверждавшим, что эти записки я написал сам, но по необъяснимой причине не мог вспомнить, когда и где.

Решив, что, возможно, просто в задумчивости, во время путешествия по бумажкам и тетрадкам, я забылся и сам всё написал, я сел и стал детально вспоминать как только что проходила моя уборка. Вот первый ящик, вот найден грифель, стержень, тетради. Вот листаю тетради. Улыбаюсь. Читаю матерные стишки на полях. Закрываю тетрадь, откладываю в сторону, нахожу записку...

Я сидел и упорно вспоминал детально всё, что проделал. Все мои действия логично ложились на отрезок времени из точки «начало уборки» до точки «найдена вторая записка». Быть не могло, чтобы я что-то пропустил или сделал неосознанно. Разум начал давать серьёзный сбой. Я положил записки в карман и решил, что пора бы выйти на улицу, подышать свежим воздухом и заодно выкинуть скопившийся мусор. Всё равно прибывание в четырёх стенах никак не помогало решить эту загадку, а мысли о мистических записках меня сводили с ума.

Вышел в прихожую, надел обувь, накинул пуховик, сунул руку в карман с ключами и помимо ключей что-то нащупал. Я уже не сомневался в том, что вытаску желтую новенькую бумажку с жирной точкой по середине. Так оно и произошло. На этот раз надпись гласила: «Я здесь, но ты меня не видишь, соня!». Волосы зашевелились от этой надписи. То есть в моей квартире был ещё кто-то, кто вытворял вот такие штуки со мной, а я никак не мог его контролировать, даже присутствие его ощущал только посредством бумажек с точками. Мне стало совсем дурно, стало подташнивать, однако присутствие такой тайной силы всё-таки хоть что-то, как-то, но объясняло. Разум придумал себе оправдание, однако теперь телом овладел страх.

Быстро выйдя из квартиры, захлопнув дверь, я слетел по лестнице на первый этаж и выскочил на свежий холодный воздух. Вдохнул полной грудью и закрыл глаза.

Ноябрьский воздух был тонким и островатым, но не излишне холодным. Поразмыслив, что делать дальше и куда выдвинуться, я решил направиться в сторону автобусной остановки — съезжу до продуктового магазина, авось в толпе людей всё нормализуется.

Потихоньку отпустило.

Уже у самой остановки, пока я ждал свой автобус и бесцельно разглядывал объявления на щите, я опять увидел проклятую жёлтую бумажку с точкой по середине. На этот раз она была приклеена скотчем на рекламном щите среди остальных объявлений. Я сорвал её и прочитал: «Сдаю сознание. В хорошем состоянии со встроенным генератором оправданий. Дёшево». Эта записка окончательно вывела меня из себя. У меня закружилась голова, я плюхнулся на скамейку и схватился за голову, стараясь отстраниться от всего, однако записки со своим содержанием так и лезли в голову. Я посмотрел на свои руки и окончательно потерял себя...

Очнулся я несколько часов спустя у себя дома — я сидел за компьютером и работал над документом под названием «Линии жизни».

«.» — это религия

Рома, Кирилл

Я сидел, не сводя взгляда от экрана и пытался понять, откуда же взялся этот текст, и о чём он.

Весь мир представляет собой переплетение линий, по которым движутся все живые существа. Этих линий бесконечное множество, и движение по ним происходит одновременно. Однако живые существа могут осознавать себя в один момент времени только на одной — двух линиях. Все остальные проявления сущности существа, называемые «проекциями», себя практически не осознают и действуют как куклы, двигаясь безвольно по заданной прямой, отнимая часть энергии у главной сущности, осознающей себя.

– Ничего не понимаю, - сказал я вслух. - Был бы тут Кирилл, он, возможно, всё это

мне объяснил бы...

Раздался звонок в дверь. Я подошёл и посмотрел в глазок. По ту сторону стоял и широко улыбался Кирилл.

– Скорую помощь вызывали?

Я был ошарашен таким неожиданным его появлением. Неужто я в бессознательном состоянии позвонил ему и попросил приехать? Или он сам решил заскочить? Но почему?

– Привет. Какими судьбами тебя сюда занесло? - открыв дверь, приветствовал его я.

– Так ты же сам мне позвонил и попросил приехать, - удивился Кирилл. - А я, естественно, не мог упустить возможность промыть тебе мозг в очередной раз.

Не снимая ботинки и лишь бросив куртку на вешалку, он бесцеремонно, в свойственной ему манере, не дожидаясь приглашения с моей стороны, прошёл в комнату и плюхнулся на диван. Меня передёрнуло от этой его небрежности — к горлу подступила фраза: «куда в ботинках?! Сейчас же мусор нанесёшь!» - но я сдержался, понимая, что Кирилл, скорее всего, сделал это специально. Поэтому я проглотил своё недовольство и сел на стул у компьютера, повернувшись к нему лицом.

– Ну, как дела? - спросил он.

– Я всё ещё жив, - отстранёно ответил по привычке я.

Однако, судя по всему, он не хотел терять время на пустой трёп, поэтому тему с формальностями достаточно быстро опустил и, кивнув в сторону компьютера спросил:

– Это ты типа решил систематизировать свои знания? Молодец, Ромка! И что тут у тебя? - он встал и подошёл к монитору. - Какое оригинальное название! Это что-то философское?

– Не уверен... этот документ появился при загадочных обстоятельствах, и некоторых вещей я просто не понимаю, - начал оправдываться я, глядя на его ботинки. Кажется, я заметил лист, прилипший к его подошве. Я глубоко вздохнул. - Более того, я тебе не смогу объяснить, как тут появился этот текст — кажется, я писал его в совершенно бессознательном состоянии.

– Это хорошо, - неожиданно для меня обрадовался Кирилл. - Это означает, что ты выложил сюда всё, что у тебя было в подсознании. Дашь почитать?

– Да, конечно, - неопределённо ответил я, встал со стула и уступил место Кириллу. Он плюхнулся и уткнулся в монитор.

– Ого! Десять страниц! Когда ты успел?

– К сожалению, я не помню...

Я сел на диван, взял в руки пульт и врубил телевизор. По моему любимому каналу шли «Симпсоны», правда эту серию повторяли уже как минимум в четвёртый раз. Кирилл неожиданно для меня начал читать вслух:

– Существует два вида переходов по линиям: последовательный и параллельный. Последовательный — это, когда двигаясь по линии, существо доходит до точки бифуркации, после которой возможно движение в абсолютно разные направления. Эта точка также обычно называется точкой принятия решения, - Кирилл читал так быстро и сосредоточенно, что вогнал меня в краску.

Хоть я и не помнил, как текст появился, но нутром своим знал, что это моих рук дело... А перед острым критичным взглядом моего друга трепетало всё, тем более я, человек, чьи взгляды всё время оспаривались.

- Последовательные переходы происходят всё время и практически незаметно. А вот параллельные переходы случаются очень редко и представляют собой переход на произвольную точку другой линии.

Я выключил звук у телека, из-за чего стало казаться, что это Гомер Симпсон читает нотации Барту. Кирилл же не отрывался, палил как из пушки, изредка делая вдохи. Однако понять его отношение к чтиву пока было невозможно.

- Фактически, главное отличие этих двух переходов заключается в прошлом: если человек перешёл на другую линию, но прошлое не изменилось, то это последовательный переход. Если же прошлое поменялось, то это параллельный переход. Главный вопрос заключается в том, как узнать, что твоё прошлое действительно изменилось, как сохранить память, какой может быть гарантия того, что ты помнишь именно события со своей первоначальной линии?

Тут он прервался и внимательно посмотрел на меня:

- Ромка, ты действительно всё это понимаешь?
- Я же тебе говорю, что нет. Много для меня — просто бред сумасшедшего и странные фантазии.

Кирилл ухмыльнулся.

- Знаешь, что такое бред сумасшедшего? Это когда один сумасшедший говорит другому сумасшедшему о том, что его знакомый рассказывал о своём знакомом, который благодаря своим божественным силам накормил одним хлебом тысячу людей или превратил воду в вино... Это сумасшествие называется «религией». У тебя здесь как раз такой вид сумасшествия, поздравляю! Символ религии уже придумал?

Я усмехнулся. Этот символ всплыл перед моими глазами сам собой. Слишком часто он мне встречался в последнее время.

- Точка?
- Конечно. Только надо правильно это название суметь написать и прочитать, - Кирилл повернулся к компьютеру и написал:

«.»

- Давай, прочитай вслух, - сказал он, повернул ко мне монитор и стал ждать.
- Точка, - не задумываясь, выпалил я.

Кирилл посмотрел на меня разочарованно:

- Ты только что мне прочитал название символа. А мне нужно не название, а содержание. Читай ещё раз.

Я взглянул, оценивающе на Кирилла, пытаюсь понять, серьёзно он это или опять надо мной прикалывается. Никакой лукавости уловить не удалось. Не уж то серьёзно?

- Ты издеваешься? Как я тебе прочитаю точку? - возмутился я.
- Ну, пока не сможешь прочитать, нам нет смысла далее разговаривать, - он

неожиданно встал со стула и направился к выходу. - Позвони мне, как сумеешь.

– Кирилл! Подожди! Эй! - пытался остановить его я.

Но он на мои возгласы внимание не обращал. Только быстро накинул куртку и заключил:

– Ты сегодня сделал очень много для переосмысления своего мировоззрения, ты сделал серьёзный шаг вперёд. Но тебе надо его осмыслить. Тебе надо перечитать написанное ещё как минимум один раз. Давай. Работай. До связи. Звони, - он подмигнул и вышел, захлопнув за собой дверь. Исчез так же неожиданно, как и появился... С чего бы это?

Опустошённый и брошенный один на один с самим собой, я немного побродил в растерянности по квартире, после чего, опомнившись, спохватился и побежал за ведром и тряпкой, чтобы прибраться после Кирилла.

Махинации

Игорь

В один из тех дней, на работе, когда все ушли на обед, а я только собирался, ко мне подошёл Коллега 1 из соседнего департамента. Ещё когда я устроился на работу, и мне было поручено анализировать потребительские кредиты, он обратился ко мне с деловым предложением, попросив что-нибудь сделать с займами его друга... не бесплатно, естественно. Я согласился и помог, придумав, что нужно сделать с отчётами для того, чтобы баланс сошёлся, и банк не заметил произошедшего. У Коллеги 1 было много хороших друзей, которые платили неплохо за подобные корректировки, и он периодически обращался ко мне по этому поводу.

– Привет, Игорь! Как житуха? - спросил он вальяжно садясь на край моего стола.

– Да ничего, нормально, - ответил я, отрываясь от экрана монитора. - Сам как,

– Пока не очень, но скоро будет значительно лучше, - улыбаясь ответил он и заговорщически подмигнул.

– Что, опять нужна помощь? - спросил я.

Коллега 1 спрыгнул со стола и подошёл поближе к моему креслу, а затем, понизив голос, начал рассказывать:

– Есть у меня один очень хороший друг...

– У тебя все друзья очень хорошие, - с издёвкой заметил я, но он не обратил внимание на мой комментарий.

– ...ему нужна помощь в реструктуризации тела кредита. Причём как-нибудь так, чтобы проценты ушли сами по себе, - он выжидающе посмотрел на меня.

– Ну, надо посмотреть. Как звать?

– Максимов Игорь Анатольевич. Почти полный твой тёска.

– Давай посмотрим.

Я открыл базу данных и вбил в поиск фамилию, имя и отчество очень хорошего друга.

– Тут таких несколько, - заметил я. - Какой из них?

– Шестьдесят первого года рождения.

Я открыл файл «друга» и замер. На нём висел кредит в несколько сот миллионов рублей и проценты измерялись в десятках миллионов. Коллега 1 хотел, чтобы я убрал проценты... Но это было слишком!

- Ты сдурел?! - выругался я, глядя на коллегу. Обычно я занимался делами, исчисляемыми сотнями тысяч, а тут... - Тут одних процентов-то на пятьдесят миллионов! Это невозможно спрятать под ковёр! Меня уволят к чёрту за такое, а ещё и в тюрьму посадят!
- Да не кипятись ты так! - успокоил коллега. - Это надо не за раз сделать, а в течение года. Просто по чуть-чуть туда-сюда раскидать. И деньги хорошие. - он склонился очень близко ко мне и начал шептать. - Ты получишь десять процентов от того, что сделаешь. Когда ты ещё такие лёгкие деньги заработаешь?
- Какие на хер десять процентов, - не сдерживая себя, вскочил я со стула и пошёл в центр офиса. - Ты понимаешь, что меня посадят... на десять лет, если не меньше?! Десять процентов!
- Игорь, - успокаивал Коллега 1, - ты же умный парень. Ты до этого делал всё очень чётко и разумно. Я знаю, что для тебя это мелочи. Там чуть подправить, тут подкорректировать. Никто не заметит. Ну, хочешь, не десять процентов, а пятнадцать?
- Я не понимаю, - не унимался я. - Этот твой Максимов — он кто вообще? Ты посмотри на его тело кредита! Если ему выделили столько денег, то, наверно, не просто так? Он что сам не может разобраться с этим?

Коллега 1 вздохнул и начал объяснять:

- Он ректор одного из ведущих вузов. Точнее недавно им стал. Бывший ректор из благодарности помог с оформлением этого кредита под низкую ставку. Но моему очень хорошему другу нужно себя зарекомендовать перед ним. Если поможешь разобраться с этим, то тебя не обидят.

Открылась дверь и в офис вошли мои другие коллеги. Они вернулись с перерыва на обед. Коллега 1 их поприветствовал и, уже уходя из офиса, кинул мне:

- Ты подумай! Это твой шанс! Но не думай, что ты тут один. Если не ты, то кто-нибудь ещё, - он посмотрел на меня с намёком.

Я скептически взглянул на него в ответ, глубоко вздохнул, и сказал:

- Двадцать. Не меньше!

Коллега 1 улыбнулся, кивнул, и сияя, вышел из офиса.

Работа Дагни

Дима, Дагни

Следующее моё свидание с Дагни произошло только спустя неделю. Она всё отговаривалась высокой занятостью в «Розе мира», но рассказать о том, что же это за занятость такая, категорически отказывалась. В субботу она уже отвернется от меня не смогла, поэтому согласилась на встречу и прогулку по Таврическому саду. День обещал быть приятным, местами даже солнечным. Мы решили ему поверить. Температура всё ещё больше нуля, хотя обычно в это время года выпадает первый снег.

При личной встрече я решил разузнать у Дагни подробней, какие же именно отговорки она придумала.

– И чем же ты таким занимаешься в «Розе мира»? - спрашиваю я, держа её за руку.

Она дёргает плечом. Мы идём по центральной аллее, проходим мимо памятника Есенину, на голове которого гордо сидит и хорохорится серый питерский голубь.

– Да так. Ничего особенного, но, думаю, ты не поймёшь, - отвечает она.

– Что-то сложное и техническое, что ли? - удивляюсь я. - Чем вообще таким особенным можно заниматься в книжном магазине, что другим понять это было бы сложно?

– Ну, а ты, например, поймёшь меня, если я скажу, что конструирую миры? - спрашивает она и глядит на меня с вызовом.

– В каком смысле? У тебя там конструктор какой-то или пластилин?

– Я же говорила, что не поймёшь, - она улыбается и показывает мне язык.

– Может, тогда попробуешь объяснить мне своё занятие? - не сдаюсь я.

– Ну..., - она закатила глаза, пытаясь подобрать слова. - Я создаю персонажи и сцены. Правда, это очень специфические персонажи и сцены, но они мне нравятся.

– Ты пишешь? - пытаюсь прояснить я.

– Я читаю, - кратко отвечает она и следит за моей реакцией.

Я хмыкаю в ответ. Опуская важность такой её работы, из-за которой она не могла со мной неделю встретиться, я начинаю разбирать:

– Как же ты можешь создать что-то, если просто читаешь? Это же уже создали до тебя и за тебя!

Мы доходим до скамейки у небольшой площади в парке и, не сговариваясь, решаем немного посидеть.

Дагни качает головой, отрицает, и уверенно заявляет:

– Любой персонаж рождается только тогда, когда ты о нём читаешь. Пока ты о нём не прочитал, его не существует.

– Я могу посмотреть фильм, - я быстро нахожу что ей ответить.

– Можешь, - нейтрально говорит она. - Только в фильме практически нет никакой свободы — там за тебя уже практически всё создали: образ героя, его окружение, его чувства — тебе остаётся только додумать какие-то неупомянутые мелкие детали. В фильме все сцены зависят от режиссёра, актёров, операторов, звукорежиссёров и прочих людей со своим видением и своим прочтением. Кинематограф — для ленивых.

– Кинематограф — это другой вид искусства. Его нельзя сравнивать с литературой, - возражаю я, чем вызываю у Дагни только улыбку.

– Я просто говорю о том, что в книге всё в твоей власти — ты сам решаешь, как выглядит какой-нибудь Сэр Ланцелот, где он обитает, что делает и что чувствует. В книге надо работать и создавать. Пока ты не прочитаешь о Ланцелоте, он просто не может существовать.

- Ты считаешь, что роль читателя важнее роли писателя? - не до конца понимаю я.
- Конечно! - уверенно отвечает Дагни.
- А как же писатель? - не соглашаюсь я. - Ведь это писатель на самом деле является непосредственным создателем своих персонажей. Это же он продумывает, кто есть кто, описывает действия своих персонажей. Это же он разукрашивает декорации и добавляет окружение!

Солнышко выходит из-за небольшой тучки и робко освещает ту часть парка, по которой мы гуляем. Дагни улыбается и смотрит на меня. У меня проскальзывает мысль о том, что этой приятной сценой я мог бы наслаждаться вечно.

- Писатель — это только передаточное звено, - с ноткой жалости в голосе ко всем писателям во всём мире возражает Дагни и немного морщится.

Солнце сконфузившись, опять прикрывается тучкой. На горизонте появляются тучи посерьёзней, не характерные для позднего осеннего Питера. Дагни продолжает:

- То, что он фиксирует на бумаге — это всего лишь проекции его мыслей и идей, его образов. Настоящее воплощение этим образам дают только читатели. Ничто не существует, пока другие люди не пропустят это через себя. Ты остаёшься лишь пустышкой, пока тебя не прочитали. Поэтому акт создания персонажа через чтение важнее акта бумагомарательства.
- Это, - мнусь я в ответ, - очень интересный взгляд на вещи. Но я не могу с ним согласиться. Ведь без писателя персонажей бы не существовало в принципе...
- Кому нужен писатель, который пишет в стол? - резко отвечает Дагни. - Это сродни выкидыванию книг в мусорное ведро. Писатели и их персонажи живы только до тех пор, пока их читают.

Большая толстая туча появляется на горизонте. Если ветер будет для неё благоприятной, то она доберётся до нас и, скорее всего, прольётся прямо на парк.

- А как же художники? - спрашиваю я.
- Что художники?
- Ну, они тоже бесполезны, так же, как и писатели?
- Я не говорила о том, что писатели бесполезны, - замечает Дагни. - Просто их вклад в сотворение мира не такой весомый, как вклад читателя. С художниками похожая ситуация. Если нет того, кто бы разглядывал картину, то и самой картины, можно сказать, не существует.

Та самая толстая туча начинает напирать на парк. Я чувствую, что, если сейчас не ретироваться, нас накроет и хорошенько замочит. Встаю и предлагаю Дагни:

- Идём отсюда поскорее, пока не намочило.
- Ты боишься дождя? - с ноткой удивления спрашивает она, не двигаясь с места.
- Кто же не боится дождя?! - шучу я. - Никто не любит быть мокрым. Особенно в ноябре.
- А ты просто расслабься и не задумывайся на эту тему, - возражает она, тянет за рукав и усаживает назад на скамейку, рядом с собой. - Смотри мне в глаза.

Я смотрю. Глаза её ласковые и добрые. В них чувствуется мудрость и глубина.

- Иногда при приближении бури, нужно просто расслабиться и постараться остаться в стороне, - говорит она очень мягким голосом, практически гипнотизирующим. - Нужно просто помнить, что плохое происходит только из-за того, что ты спишь. Стоит тебе очнуться, как и все беды заканчиваются, буря проходит.

Вдалеке раздаётся раскат грома, и запах влаги и грозы в воздухе усиливается. Люди поспешно убегают в поисках убежища. Лишь мы с Дагни сидим на скамейке и глядим друг другу в глаза. Я просто расслабленно слушаю её, даже не вникая в то, о чём она мне говорит. Я просто наслаждаюсь ею.

- Обстоятельства могут быть разными, иногда может казаться, что мир закончился и ты сидишь на краю обрыва, и единственное правильное решение — это прыгнуть. Но помни, что даже в таких ситуациях всё становится на свои места, стоит тебе всего лишь проснуться.

Где-то вдалеке, слева от меня, над Невой, сверкает молния, и по всему парку пробегает громкий раскат. Ведро опрокидывается, и нас заливают большими ледеными каплями дождя. Но Дагни не обращает внимание на погодные аномалии. Она просто сидит рядом со мной, держит мои руки и улыбается. Я улыбаюсь ей в ответ. После пары секунд под дождём, я решаюсь, резко приближаюсь к ней и целую в губы.

Мы сидим под проливным дождём и целуемся.

Скрытые знания

Игорь, Кирилл

После третьей репетиции я попросил Кирилла остаться. Он в своём стиле неопределённо дёрнул плечами, и остался, сказав Егору:

- Подожди меня где-нибудь. Я тебе позвоню.

Тот в ответ лишь кивнул и ушёл куда-то вперёд, вдоль набережной.

Мы подошли с Кириллом к его машине. Он закурил какие-то дешёвые противные сигареты.

- Слушай, сколько можно курить эту дрянь?! Ты пыхтишь как паровоз! - выдал я.

Кирилл посмотрел на меня пустым взглядом и спросил:

- Папочка, я уже взрослый, чтобы принимать решения. Это всё, о чём ты хотел поговорить?

Я несколько смутился.

- Нет... не об этом...
- Ну, тогда не трать моё драгоценное время. Твоё время, может, и говно, а моё — драгоценность. И что вообще за идиотская привычка — вести пустые разговоры?!
- Да, да, да... - нетерпеливо перебил его я, чем вызвал на его лице ухмылку. - Я думал по поводу наших с тобой разговоров, - продолжил я. - Ты всё время мне что-то втираешь и всё время пытаешься меня выбесить! Зачем? Что я тебе такого сделал, что ты так ко мне относишься?

Кирилл небрежно бросил «Птс», прислонился к своей машине спиной и, вальяжно затыгиваясь, ответил:

- Да ты бы посмотрел хоть раз на себя со стороны: ты же жалок! Вечно индугируешь, ноешь и причитаешь, при этом всё время говоришь о том, каких офигительных высот ты достигнешь, о том, как ты решительно взялся за дело и пойдёшь до самого конца, но при этом ничего толком не делаешь для этого и ничего из себя не представляешь!

Кирилл был как всегда в своём амплуа... Наезды, претензии и попытки присвоить мне нехарактерные для меня черты, с засыпанием непонятными терминами.

- Можно подумать, что ты у нас святоша, - не сдержался я. - Сам, ведь, всё время брызгаешь слюной и пускаешься в оскорбления.

Он в ответ дёрнул плечом, провёл рукой по своим волосам и изрёк:

- Я всего лишь пытаюсь тебе показать, что твоя жизнь не более ценна, чем жизнь облезлого листка, валяющегося на земле. У тебя завышенная самооценка. Ты себя считаешь пупом земли и из-за этого не можешь нормально двигаться вперёд. Твоя гордость тебе глаза заслоняет. Когда уже, наконец, ты это увидишь и поймёшь?

С последним словом он неожиданно сделал выпад в мою сторону и стукнул ладонью в грудь. Удар был настолько неожиданным, быстрым и чётким, что я даже не успел никак среагировать на него. На этот раз больно совершенно не было, но мир, как тогда, в его машине, обрёл чёткость, его слова сразу же обрели смысл, а Кирилл тем временем начал тираду, немного склонившись к моему уху:

- Ты — один из немногих, у кого есть дар. Если бы ты хотел, ты мог бы править миром, ты мог бы иметь всё, что угодно, ты был бы действительно свободным. Вместо этого, ты цепляешься за себя и своё пустое место в этом мире. Для того, чтобы раскрыть себя и свой потенциал, тебе нужно в первую очередь освободиться от давления собственного эго. Брось уже, наконец, думать только о себе и своей персоне! Я тебе уже показывал, что ты можешь сдохнуть в любую секунду и поэтому время бесценно, а ты из-за своей сраной гордости ничего не видишь, ничего не слышишь и ничего не хочешь воспринимать!

Меня как будто окатили из ведра ледяной водой. Всё сразу же встало на свои места. Было такое ощущение, что буквально минуту назад на моём месте стоял другой человек. Казалось, я до этого был где-то рядом и смотрел театральную постановку: «Разговоры Кирилла с Игорем». И тут мне надоел Игорь, я взял и нацепил на себя его маску, выгнав взащей того чурбана, который неумело играл его роль. И вот он я, на сцене, слушаю монолог Кирилла и готов играть с ним на равных.

- Что ты имеешь в виду под истиной свободой? - неожиданно даже для себя заговорил я. - Ты имеешь в виду возможность перемещаться между линиями? По твоему это истинная свобода? Ты же понимаешь, что, даже, если ты обладаешь этим даром и можешь собирать нужные линии, то это просто выгодно кому-то, стоящему выше тебя! Это не настоящая свобода — невозможно быть свободным в замкнутом пространстве!

Кирилл отпрянул от меня и от удивления открыл рот, из-за чего его сигарета вывалилась и упала на землю. Но он достаточно быстро очнулся, затушил сигарету носком правой ноги и недоверчиво спросил меня:

- Откуда ты знаешь о линиях?

Я действительно не знал, откуда у меня эта информация — наверно, когда-то, в другой жизни, меня этому кто-то научил, а сейчас я просто вспомнил.

- Я просто знаю.

Кирилл быстро нашёлся, что сказать:

- Видишь, уже в тебе самом бездна знаний, и если ты сумеешь снять с себя давление собственного эго, то ты откроешь целый мир, доселе просто неизвестный тебе. Всё это в очередной раз просто подтверждает то, что мои методы верны.
- Я думаю, что можно было бы обойтись и без тычков с затрещинами и изменить своё отношение ко мне, нет? - решил я воспользоваться случаем.
- Нет, - резко ответил он.

Кирилл выдержал небольшую паузу, взвешивая что-то в голове, после чего продолжил:

- Мои методы преследуют как минимум две цели: первая — уничтожение у тебя чувства собственной важности, вторая — увеличение твоего осознания. Ты никогда не задумывался над тем, что мир с каждым годом пронесётся мимо тебя с огромной скоростью, а ты даже не успеваешь его толком воспринять?

Кирилл достал пачку сигарет и опять закурил. В тот момент лицо у него было не такое надменное, как обычно. В тот раз он был более спокоен и умиротворён. Казалось, передо мной был уже несколько другой человек. Только джинсы и футболка со стилизованной надписью «Emptiness inside» выдавали в нём того Кирилла, которого я знал.

- То, что время ускоряет своё движение — это объективно, - заметил я.
- Это объективно для среднестатистического чурбана, - парировал он. - Но не для конструктора...
- Конструктор? - меня рассмешило это определение. - Это типа...
- Да-да-да, - перебил Кирилл с усталым выражением лица. - Давай свою шутку по поводу «Лего». Только не думай, что ты такой оригинальный! Я эту шутку и сам в своё время рассказывал!..

Кирилл энергично стряхнул совсем ещё свежий пепел с сигареты.

- Короче, - неожиданно решил он закончить разговор и посмотрел на часы. - Мне надо идти, а то Егор уже заждался. А тебе задание: чтобы не быть чурбаном, найди сегодня во сне свои руки.

Кирилл, не дожидаясь реакции с моей стороны, развернулся и полез в машину.

- Чего? - бросил я ему в след, но ответа не получил.

Кирилл завёл машину, опустил стекло и поманил меня пальцем к себе, как будто собирался что-то сказать. Я наклонился, ожидая, что тот что-то мне сообщит, но вместо этого, он дал мне щелбан, после чего машина рванула с места и, поднимая клубы пыли, скрылась за поворотом. Я стоял, пытаюсь вместить всё произошедшее в свою голову, почёсывая лоб. Постепенно всё начало возвращаться на круги своя... Я снова становился зрителем.

А главный герой побрёл к метро.

Сайт для Игоря

Игорь, Дима

После разговора с Кириллом мне ещё предстояла встреча с Димой по поводу

новостного сайта. Вначале я хотел заехать к нему домой, но потом передумал, позвонил по сотовому и предложил:

- Дим, привет! Слушай, а мы можем нашу встречу перенести в какое-нибудь кафе в городе? Ну да. Если тебе не трудно, конечно... Ага, давай там. Ну, до встречи!

Я поехал в центр, к месту встречи.

Ещё утром мне представлялось, что вся жизнь впереди, что всё в моих руках, и я хозяин своей жизни. Но после встречи с Кириллом на меня напала апатия. Появилось ощущение того, что всё тлен и бесполезно. Идея с новостным сайтом, казавшаяся до того интересной и перспективной, теперь стала казаться бессмысленной. На встречу с Димой я ехал в большей степени по инерции, надеясь на то, что смогу немного развеяться. Я уже и не надеялся на светлое будущее.

В таком общем негативном настроении во время поездки в метро, в голову мне пришла совершенно очевиднейшая мысль: зачем мне заниматься музыкой? Зачем заниматься тем, что у меня не получается. К чему эта трата сил и энергии, сотрясение воздуха звуковыми волнами? Какой из меня музыкант?! Мысль эта была настолько простой и очевидной, что даже поразила меня тем, что раньше не приходила в голову. Я начал играть на гитаре просто потому что в какой-то момент мои друзья заметили, что я мог бы этим заняться. Потом Анжела меня приободряла, когда я играл на гитаре и пытался сочинять песни. Поэтому, когда мы расстались, я решил подсознательно решил пойти по этому пути. Но, я до того не задумывался о том, в какой степени я музыкант сам по себе, а в какой — по велению своего окружения. Деньги на этом не заработаешь, а определяться со своим будущим надо. Пора бы уже отсечь всё лишнее и выбрать дорогу, по которой идти, а не безвольно болтаться по бездорожью.

В полном упадке и отсутствии настроения я пришёл на место встречи. Пришёл раньше Димки, уселся в уголке в зале для некурящих, заказал чаю с женьшенем и стал задумчиво смотреть на двор-колодец в окне, копаясь в своей никчёмности. Буквально минут через пять пришёл Димка. Он весь сиял. Интересный контраст получался: я, у которого просто почва под ногами провалилась, и Димка, излучающий счастье, у которого всё хорошо и стабильно.

- Привет, - радостно сказал он и сел рядом со мной.
- Привет, - с грустной улыбкой ответил я. - Чего такой довольный?

Димка немного склонился ко мне и с нескрываемым удовольствием и даже самодовольством ответил:

- Я начал встречаться с девушкой!

Я хмыкнул. Ну, наконец-то! А то сколько его помню, тот был постоянно забитым одиноким парнем, возможно даже с какими-то комплексами. Каждый раз, как мы с ним заговаривали о девушках, он обычно густо краснел и закрывался в себе. Здорово, что он сумел переступить через себя и найти себе пару.

- Поздравляю! И кто она?
- Её зовут Дагни!
- Как-как? - удивился я, немного поморщившись.
- Дагни её зовут, Дагни!
- Какое оригинальное имя, - заметил я.

- Это шведское. У неё шведские корни.
- Как мило, - улыбнувшись краешком губ, но с грустным взглядом ответил я и сделал глоток из своей чашки с чаем. - Не то, что у тебя...

Димка улыбнулся.

К столику подошла официантка, спросила, что принести. Я попросил чашку для Димки, она кивнула и удалилась.

- И что Дагни? - продолжил я.
- Она... - Димка начал летать в облаках, почёсывая лоб. - Она — нечто волшебное. Ни разу такую девушку не встречал! Она изящна, она красива, она умна и на ней совсем не читается ни капли старости!

Я с нотой жалости посмотрел на Димку.

- В смысле «старость не читается»? Ты чего?!
- Ну, - он немного смутился, так как, судя по всему, брякнул чего-то лишнего. Потом призадумался и, всё-таки решившись, продолжил. - Просто какое-то время назад я научился читать у людей на лицах то, какими они будут в старости. Конечно, не только это — много ещё чего. Например, насколько они образованы, чем интересуются...

Я слушал не перебивая — Димка никогда мне о таких вещах не рассказывал, и теперь я не мог понять, верить ли ему или звонить санитарам.

- Буквально, так взглянешь на человека и видишь, какие черты выделятся со временем, какие отойдут на задний план... Или посмотришь так на девушку и понимаешь, что она слушает всякую попу, читает Дарью Донцову и за её пустым милым личиком ничего не скрывается...
- А ты не думал, что тебе это всё просто кажется? - со скепсисом в голосе и отеческим видом спросил я. Всё это звучало скорее как рационализация того, почему он с девушками боялся общаться, нежели настоящий дар.
- Думал. Но мне это не кажется. Я знаю. Просто знаю, - абсолютно уверенно, без тени сомнения, ответил Димка. - Я не могу объяснить откуда и как... Просто так получается, - он дёрнул плечами, как бы извиняясь, после чего закрыл глаза и продолжил рассказывать. - Вот, например, та официантка..., читает зарубежных писателей 20 века типа Чака Паланика, Бёрджеса, Воннегута. Телевизор смотрит редко — только передачи типа «6 кадров». После того, как родит ребёнка не потолстеет, останется стройной. В старости внешне будет выглядеть «сухой», характер останется добрым, но в голосе появится грусть о потерянных годах, - он открыл глаза и посмотрел на меня с некоторым вызовом. - Думаешь, я это всё просто так выдумал?

Я не знал, как к этому отнестись, поэтому просто неопределённо улыбнулся и пожал плечами. Дима не был склонен к вранью, но поверить в такие способности было сложновато — он всегда был тихим, добрым, слегка забитым парнем, который никогда особенно ничем не выделялся, а тут...

Подошла официантка и принесла чашку Димке. Я не выдержал и спросил:

- Девушка, а вы телевизор смотрите?

Она вначале смутилась и не поняла — подумала, по-видимому, что её просят что-то принести и переспросила:

- Как вы сказали?
- Я говорю: вы телевизор смотрите?

Она улыбнулась — явно не ожидала, что ей зададут такой вопрос.

- Нет, не смотрю.
- Что, совсем? - делано удивился я.
- Ну, разве только «Слава богу, ты пришёл» и «6 кадров». А так... Не люблю телевизор — слишком много времени отнимает.
- А книги? - не унимаясь, я с любопытством посмотрел на неё.
- Что книги?
- Книги читаете?
- Конечно, читаю! - даже с небольшой ноткой досады ответила она.
- И что читаете, если не секрет?
- Ну, сейчас вот, например, в перерывах читаю «Сирены Титана» Воннегута. А это вообще имеет какое-то отношение к заказу? - с хитрой улыбкой спросила она.
- Пока нет, спасибо, - потерянно ответил я и вернулся к разговору с Димой.

Девушка ушла. Я налил чаю Димке.

- Ну, ты даёшь! Круто! А что ты обо мне можешь рассказать?

Димка вздохнул и с извиняющимся выражением лица ответил:

- Есть одна загвоздка. Дело в том, что у меня не получается ничего прочесть по нескольким людям: по тебе, по Роме, по Серёге и по Дагни. Я думаю, что это как-то связано с душевным родством, со взаимопониманием что ли?.. Но я точно не знаю.

Всё это действительно было удивительно. Сколько я уже был знаком с Димкой, сколько ездил с ним на рыбалки, сидел в кафе, ходил на вечеринки, и только сейчас он открылся передо мной с такой стороны... Выходит, я создал в своём воображении его образ, который на самом деле не очень-то и соответствовал действительности. А сколько всего я за время своей жизни создал таких образов внутри себя? Я только через них и воспринимаю окружающую действительность... Действительность? Как можно теперь быть уверенным в том, что это всё действительно, если я всё время взаимодействую не с миром, а лишь с его образами?..

Пока я висел в своих мыслях, Димка взглянул на часы, сделал глоток из своей чашки и перевёл разговор в деловое русло:

- Так что ты там говорил про сайт? Расскажи в общих чертах, чего ты хочешь.
- Честно говоря, я уже и сам не знаю, чего я хочу и хочу ли чего-либо, - замялся я. - Надоело просто слушать всё это говно по телевизору и читать новости в газетах и на сайтах, каждый из которых явно заинтересован в решении каких-то своих задач. Хотел сделать что-то своё...

- Свой новостной сайт?
- Ну, да, новостной. Но нечто, базирующееся на других принципах. Нечто децентрализованное, что нельзя было бы подмять под себя или закрыть.
- Не понимаю, - покачал головой Димка.
- Ну, как тебе объяснить, - я посмотрел ему в глаза, ища помощи. - Сам не понимаю. Что-то такое, без центра. Чтобы были какие-то самостоятельные сегменты по всему миру, освещающие новости в своих регионах и вещающие на весь интернет.

Димка крепко задумался.

- Значит множество сегментов, объединённых в сеть, каждый из которых работал бы самостоятельно и был независим от центра...
- Ну, относительно независим. Скажем, писать и публиковать материалы они бы решали сами, финансировались бы самостоятельно, и только по началу — с помощью центра... Не знаю...

Я сдался. Но Димка посмотрел на меня странным взглядом и неожиданно для меня предложил:

- Давай я тебе расскажу о нашем вузовском сайте. Ну, ты же слышал о нём?
- Конечно.
- Его недавно отжала администрация вуза, надавив на создателя, и мы теперь им не управляем, но пока мы работали, у нас была одна идея. Мы хотели сделать на основе этого сайта сеть студенческих сайтов России. То есть один и тот же движок, немного разный дизайн и наполнение сайта самими студентами. То, о чём ты говоришь, могло бы быть реализовано в рамках этой сети.

Теперь уже я задумался. Надежда на реализацию подобного масштабного проекта невелика, но, кто не рискует, тот не пьёт...

- Мне не нравится, что это студенческие сайты, - заметил я.
- Не в студенческих сайтах дело, а в самой идеи децентрализации. Нам просто надо опираться на какие-то существующие структуры, делать что-то снизу, но не своими силами.
- Думаешь, это реально сделать? - спросил я.
- Реально, но на это понадобится много денег, - сразу же выпалил Димка.
- Сколько?
- Для начала — миллиона три рублей.
- Ого! А чего так много?
- Такие цены... - дёрнул он плечами в ответ.

После этого уже я задумался. Идея была настолько спонтанна, но при этом настолько мне понравилась, так, прям, и дёрнула струны моей души, что не хотелось просто так сдаваться — хотелось попытаться реализовать этот дерзкий план...

- Я попробую найти деньги... Но мне нужно чёткое обоснование, почему именно столько, - решил я.

В конце концов, ну что я теряю, если попробую?!

- Да, без проблем, - без тени сомнения в голосе ответил Димка. - Только предлагаю вначале устроить встречу по этому поводу со всеми заинтересованными участниками, всё обсудить и уже вместе принять решение.
- Есть заинтересованные? - удивился я.
- Ну, уже Ромка и Серёга как раз интересовались делами со студенческим сайтом.
- А они-то тут при чём? - нахмурился я.

Ромка-то ещё был моим другом, но Серёга я недолюбливал. Этакий чурбан...

- Ну, Ромка преподаёт в вузе, и стал свидетелем того, как сайт отжали. Его это возмутило. А Серёга — это лучший программист из тех, кого я знаю...

Я нехотя согласился:

- Ладно. Тогда, звони, как решишь место и время. Только не затягивай слишком, - с ноткой строгости в голосе проговорил я.

Димка улыбнулся и кивнул.

Неосознанное сновидение

Игорь

Я шёл по равнине в сторону гор. Всё было как обычно, ничего экстраординарного: вот кабан пробежал в паре метров впереди, вот где-то справа сел и начал чесаться волк, вот белка прыгает по дереву и поёт что-то скэтом... Ничто не вызывало во мне сомнений в реальности происходящего. Даже появившийся передо мной джин с причёской Брэда Питта из фильма «Snatch», который начал что-то втирать про средство, сводящее кровавые пятна с трупов, не казался чем-то странным и необычным. Средство меня заинтересовало, и я попросил провести демонстрацию. Джин согласился, достал из рюкзака что-то свёрнутое в трубочку, расстелил и начал надувать. Как только надул, выяснилось, что это живой человек, самый настоящий: дышащий, с бегающими глазами, моргающий, чешущийся... Как только его надули, он вскочил на ноги и начал наматывать круги вокруг джина, а потом неожиданно уселся как собака на задние лапы и, высунув язык, начал часто дышать. Это несколько удивило, и я стал присматриваться к нему — что-то в нём было знакомо. То ли причёска, то ли футболка... Неожиданно человек подмигнул мне, и я понял, что нужно посмотреть на свои руки.

Я поднёс их к лицу, и во мгновение мир обрёл чёткость и осмысленность — я был в сновидении! Всё вокруг меня было всего лишь плодом моего воображения. Однако, какое же у меня богатое и яркое воображение! Каким ярким и насыщенным был этот мир по сравнению с блёклой реальностью, которую я бесцельно проживал каждый день!

Но в тот момент я не знал, что делать со всем этим богатством. Я чувствовал, что могу управлять всем миром, могу, например, заставить джина раствориться в воздухе или совокупляться волка с белочкой... Могу свернуть небо в трубочку и вынюхать через неё снег под ногами. Но к чему всё это? Я стал задумываться над тем, чего бы такого сделать и даже не заметил, как погрузился в новый сюжет сна, достаточно быстро потеряв контроль над миром сновидения.

На утро я проснулся полный энергии и готовый свернуть горы. Очень давно я не

поднимался в семь утра с такой бодростью. Душа пела и готова была броситься танцевать. На утренний моцион и завтрак у меня ушло необыкновенно мало времени. На работу обычно я уходил с неохотой, в результате чего появлялся в офисе с небольшим опозданием в 5 — 7 минут, но сегодня я чувствовал, что у меня за спиной расправились крылья, которые сами несут меня через пространство и время.

Удивительно, но это утро очень понравилось мне само по себе. Что-то было приятное и свежее в холодном воздухе, солнце светило приветливо, облака складывали интересные фигурки... Мир, казалось, пел и радовался своему существованию, только хмурые люди вокруг шли по своим делам, ничего не замечая — они явно, если не ненавидели, то точно недолюбливали окружающую действительность. В метро толкучка. В вагоне трясучка. На работе — не выспавшиеся коллеги... А у меня мир полный красок и впечатлений. Удивительно, как сновидение преобразило реальность!

Впрочем, вся моя радость миром стала пропадать, когда я сел за свой рабочий стол и включил компьютер. Предстояло написать финансовый отчёт, а он никак не вязался с тем миром, в котором я оказался. Работать не хотелось. И я уже даже практически забыл о том, что завтра — дедлайн. Если бы об этом мне не напомнила программка, то плюнул бы на всё и сидел на Ютубе... Начала появляться злость на те обстоятельства, в которые я попал. И как же меня угораздило стать таким серым воротничком?! Я же был рождён для большего! Я же должен был..! а я...

В обед мы ходили в кафе «У Далидовича», где в тот день было мясо по-французски и гречка. Вау, гречка! Мир снова стал раскрашиваться в живые цвета. За обедом, я решил поинтересоваться у коллег, что они знают о сновидениях.

- Я, помнится, читал, что существуют разные фазы сна и все сновидения появляются в фазе «Быстрого движения глаз», - сказал Коллега 1.
- По-моему, сновидения пока очень плохо изучены наукой, - с важным видом заявил Коллега 2. - Всё, что делают учёные — это снимают энцефалограмму у спящего человека и уже на основе неё пытаются делать какие-то выводы о том, что происходит во время сна. Область сновидений — это область воображения, а воображение изучить научными методами сложно.
- Думаете, что это просто результат работы мозга? - смутился я.
- Нет, что ты, - передразнил Коллега 1, вальяжно крутя вилкой. - Это боженька тебе посылает комиксы, нарисованные архангелом Михаилом.

Я уныло усмехнулся. Идея о том, что сновидения — всего лишь плод деятельности мозга мне не понравилась. У меня уже начало формироваться своё мнение по этому поводу, только я сам не был готов его сформулировать до конца.

Неожиданно коллега 1 доигрался — вилка из его руки вывалилась и полетела на пол. Коллега 1 перепугался и панически стал ловить её в воздухе, но ему этого сделать не удалось, в результате чего вилка со звоном ударилась о кафельный пол. Этот звон подействовал на меня каким-то необъяснимым образом — из меня полезли фразы, которые я не мог истолковать своим разумом, но понимал на каком-то очень глубоком внутреннем уровне...

- Ну, конечно, не боженька, но, возможно, это просто связано с энергетическим уровнем человека и его восприятием линий? - я удивлялся тому, что происходило и ещё больше удивлялся тому, как уверенно я произношу эти непонятные фразы и

как живо жестикулирую, поддерживая свою мысль. Было ощущение, будто это и не я говорю вовсе, а какой-то другой человек, вселившийся в меня, а я — всего лишь сторонний наблюдатель за происходящим, человек стоящий за спиной говорящего. - То есть, когда человек спит, он хаотически выхватывает различные линии со своими жизнями, которые он начинает частично воспринимать...

Коллега 1 уже плюнул на вилку и, уставив удивлённый взгляд на меня, слегка приоткрыл рот. Коллега 2 также был немало удивлён:

– Чё?

Но что-то внутри меня хотело вытолкнуть ещё несколько фраз. Я решил не сопротивляться:

– А осознанные сновидения — это такое движение между линиями, когда ты осознаёшь, что действуешь от лица своей проекции. Получается, что сон — это полноценная жизнь, просто мы её не воспринимаем всерьёз.

– Игорь, ты в порядке? - поинтересовался Коллега 2. - Ты весь раскраснелся.

Я стал успокаиваться. Произошедшее только что меня испугало — мой мозг не мог найти этому рационального объяснение. Я сделал глоток из стакана с компотом и вроде бы начал возвращаться в своё тело.

– Да... что-то на меня нашло, - я попытался улыбнуться.

– Чего это за бред ты такой только что нёс? - спросил напугано Коллега 1. - У тебя чуть ли ни пена у рта появилась... Что за линии? Ты вообще сейчас с кем разговаривал?

Я несколько смутился, но затем быстро собрался и уверенно ответил:

– Да, не слушайте меня! Это я просто прикалываюсь над вами. Мозг вам пытаюсь вынести.

Коллеги усмехнулись.

– Понятно. Ну, и шуточки у тебя!

Коллега 1 встал из-за стола, взял новую вилку, уселся назад и угрюмо погрузился в потребление пищи. За столом воцарилось молчание, а в моей голове бродили мысли о том, что бы это всё могло значить, и как с этим быть. Кажется, мне нужно было поговорить с Кириллом — он явно в хаосе в моей голове играл не последнюю роль.

Вернувшись в офис, я доделал отчёт и выслал начальнику. Из-за всех произошедших днём событий, голова работать не хотела, поэтому оставшуюся часть дня я по большей части сидел в интернете.

Ближе к вечеру начальник вызвал к себе, чего он уже давно не делал.

– Проходи, Игорь. Садись. Я с тобой вот о чём хотел поговорить...

Образовалась небольшая пауза, начальник встал и подошёл к окну. Кабинет его был достаточно просторный, чистый, с белыми стенами и чёрно-белыми фотографиями на стенах. Окно большое, подоконник широкий, уставленный какими-то растениями и подозрительно выглядящими круглыми плоскими кактусами.

– Как ты знаешь, в нашем мире неожиданно случился мировой финансовый кризис, - наконец, продолжил он. Шёл он явно издалека, и клонил, наверно, к чему-то

нехорошему. - В банковском секторе сейчас выживают только сильнейшие банки, которые поддерживает государство. Наш банк в число сильнейших никогда не входил... И мы вынуждены выбираться из всего этого экономического болота своими силами — никто руки нам не подаст.

Я сидел и внимательно слушал, не перебивая.

- В связи с этим нам надо уменьшать расходы и от начальства сверху поступило распоряжение о сокращении штата на 30%.

Запахло палёным. В моих глазах явно появилась некоторая злость. Начальник посмотрел на меня, отвёл взгляд и, глядя в окно, продолжил:

- Ты попадаешь под сокращение. Ты неплохой работник, по началу работал ответственно, но в последнее время у тебя напрочь пропала мотивация, и я не знаю, как на тебя повлиять.

Тут он сделал паузу и повернулся спиной к окну.

- К тому же, в последнее время ты начал часто допускать ошибки. И я не берусь решать, насколько эти ошибки были преднамеренными, - он посмотрел на меня в упор, а у меня из-за этого взгляда мурашки пробежали по коже. - Твои последние два отчёта полны недочётов. Причём таких, из-за которых кто-то явно что-то получит...

Я удивлённо поднял левую бровь, показывая, что не понимаю о чём речь.

- Не смотри так на меня, как будто не знаешь, о чём я! - строго проговорил он. - Я могу закрывать глаза на мелкое жульничество, и понимаю, в каком мире мы живём. Но тут ты наступил на чужие пятки. Это не твоя территория, понимаешь?

Он подошёл ко мне. Я встал.

- Короче, ты расстроил несколько важных людей, и назад ходу нет. Поэтому у тебя есть две недели для того, чтобы закрыть проекты и исправить допущенные ошибки. Я даже готов закрыть глаза на эти «недочёты» и не обращаться в милицию, если ты сегодня же напишешь заявление об увольнении по собственному желанию. Но это всё, на что я готов пойти.

Я несколько подавлено кивнул головой и, не говоря ни слова, направился вон из кабинета.

- И ещё, Игорь, - кинул мне в спину начальник, - возьми вот это.

Он протянул мне папку с бумагами.

- Исправь свой отчёт и сегодня же вышли мне.

Я взял папку и пошёл на своё рабочее место.

День, полный красок и впечатлений в самом своём начале, в конце концов превратился в чёрно-белый. Самое противное во всём этом было то, что какая-то неощутимая часть меня была совсем не против такого поворота событий. Казалось, она хотела, чтобы я попался. Но голос этой части был едва слышен и ощутим.

Домой я пришёл чертовски уставший и разбитый. Хотелось выпить. Открыл холодильник, достал бутылку водки, селёдку порезал, налил в рюмку, выдохнул, выпил, закусил. Не помогло. Выпил и закусил ещё. Потом ещё. После четвёртого подхода я наконец расслабился, в голове появился туман и мысли перестали беспокоить. Делать

особо было нечего, поэтому я валялся на диване, пялясь пустыми глазами в ящик, когда раздался телефонный звонок. Димка.

- Алло?, - раздался добрый голос в трубке.
- Да, привет, Димка!
- Как дела?
- Пока не сдох, - резковато заметил я.
- Это хорошо, - отшутился Димка.

Опять у него было хорошее настроение, а у меня — дерьмо на душе.

- Я тут со всеми созвонился, - продолжал он. - встреча по поводу сайта состоится в среду вечером. Есть предложение пойти в японский ресторан напротив БЦ «Москва», и там всё обсудить.
- Окей. Во сколько? - без особого энтузиазма спросил я.
- В семь.
- Хорошо. Буду.
- А ты в порядке? Чего такой грустный? - поинтересовался он.
- Да, в порядке. Пока, - обрезал я и положил трубку.

Не хватало ещё тут выслушивать сожаления и соболезнования, как будто я какой-то хлюпик и развалюха...

Я ещё повтыкал в телек в течение часа, после чего лёг спать. Как ни крути, а на следующий день мне опять надо было идти на работу, с которой, правда, меня выгоняли...

Мистическая книга

Дима, Рома, Игорь, Сергей

Мне недолго пришлось думать на тему того, кого именно звать на встречу. С Серёгой я периодически работал вместе, когда требовалось написать очередной движок для сайта, поэтому его я добавил в нашу команду в качестве программиста сразу же. Игорь изъявил непосредственное желание что-то делать, и, зная его, я был уверен, что у него, при должной мотивации, всё получится, поэтому по поводу его приглашения я тоже не раздумывал. Однако по поводу Ромы я не был так уверен. Он, конечно, заинтересовался происходящим в вузе, он, конечно, всегда пытался выдерживать активную позицию относительно политики и всяких там социальных проблем, но я не видел для него места в проекте. Ну, что он мог предложить для интернет СМИ? Лекции по матметодам? Задачи и конспекты? Очевидно, что в этом плане он не был полезен для проекта. Тем не менее чисто из вежливости я и его пригласил. Ну, а всяких там знакомых дизайнеров, верстальщиков и прочий люд я, естественно, звать не стал. Если бы дошло до реальных дел, позвал бы на работу, а так... чего зря воздух сотрясать?!

По поводу обзвона я решил так. Серёга балбес и вообще фрилансер, поэтому он сможет прийти на встречу практически в любое время (если не будет на какой-нибудь пьянке), поэтому ему лучше звонить в последнюю очередь. Игорь — работник банка, у них всё расписано по часам, поэтому сразу же можно сказать, что освободиться он сможет в 6 вечера, а значит, скорее всего, на 7 в любой будний день согласится, если только репетиции его группы не помешают. Рома — препод. Это наименее предсказуемая

категория моих работающих друзей. Во-первых, занятия он может вести как на дневном отделении, так и на вечернем. Во-вторых, для того, чтобы выживать любому преподавателю в России надо либо брать взятки, либо работать в бизнесе, либо подрабатывать репетитором. Рома не принимал первого, не интересовался вторым, поэтому выбрал для себя последний путь, а это ещё одна степень неопределённости. В общем, решил я, если договорюсь с Ромой, то договорюсь и со всеми остальными.

Вечер. Я уже у себя дома. После романтического ужина с Дагни, вернулся и переоделся. Чем бы себя занять? О! Решаюсь пройти до кухни и изничтожить пачку чипсов. По пути набираю Рому.

- Привет, - говорю, а сам подхожу к подвесному шкафу, открываю дверцу и достаю пачку чипсов.
- А, привет, Дим, — отвечает он мне.
- Как дела?
- Я всё ещё жив, - бодро отвечает Рома.
- Молодец! И как это у тебя только получается?! - подтруниваю я, прижав трубку к правому плечу, а сам открываю пачку.
- Да есть тут один метод... Ты-то как сам?
- Да всё в ажуре! Всё тип-топ, - улыбаясь отвечаю я. - Я его хотел-то... У тебя на этой неделе вечером, часов после шести, когда будет возможность встретиться?
- А, - бойко отвечает он, - это ты, небось, по поводу сайта?
- Угу, - угукаю я в трубку, а сам чипсы жую.
- В среду вечером свободен и в четверг. Когда удобней?
- Я думаю, в среду, - я гляжу в потолок, а сам иду в свою комнату и усаживаюсь на кровать. - Мне только надо ещё Серёге и Игорю позвонить — они тоже хотели принять участие.
- Да, без проблем.
- Как смотришь на то, чтобы в том японском ресторане посидеть у площади Александра Невского, в котором мы как-то собирались?
- Да, отлично. Договорились, - отвечает Рома.
- Если кто-то из них не сможет, я тебе позвоню.
- Окей.
- Ну, тогда всё, до связи!
- Пока.

Я кладу трубку и перевожу взгляд на рабочий стол. Там лежит моя сумка с вещами. Открываю, чтобы разобрать и замечаю там чужую книгу. До этого я её как-то даже и не заметил. И откуда только взялась? Набираю Серёгу, а сам книгу беру в руки. На обложке изображены зелёный дракон и мужик с мечом в явно крестьянской одежде. Пока идёт звонок, открываю книгу.

- О! Димыч! - орёт в трубку Серёга, отчего я даже глаза закрываю и трубку отвожу

от уха.

- Блин, Серёга! Харе орать!
- Привет! А давай к нам! У нас тут клёвая компания собралась!

Знаю я эти его компании. Серёга, пара упырей и несколько бутылок водки. Главное — напиться и забыться.

- Не, не... Работать надо, - отнекиваюсь.
- Ботан! - выплёвывает Серёга.
- Серёга, у меня к тебе важный вопрос, - игнорирую его высказывание я, а сам опять в потолок гляжу. - У нас встреча по поводу сайта будет в среду, в семь вечера. Придешь?
- Среда, семь? Замётано! - вальяжно отвечает он. - А где?
- В том японском ресторане у Плана.
- Не вопрос!
- Отлично. Только запиши куда-нибудь напоминалку, а то я тебя знаю...
- Да, блин, Димыч! Да чё ты прям как моя мамаша?! Сказал буду, значит буду, - заворчал он.
- Ну, всё, договорились тогда. До среды.
- Покедова!

Миссия практически выполнена. Осталось дело за малым — дозвониться до Игоря. Набираю его, встаю с кровати, трубку зажимаю правым плечом, опираюсь на рабочий стол, держу в левой руке книгу и листаю, пока не вчитываюсь. Картинок в книге нет. Просто текст, шрифт похож на двенадцатый Таhома, полуторный межстрочный интервал. Книга называется «Мир драконов», только почему-то имени и фамилии автора нет, как будто книга призвана подтвердить идею Дагни о том, что автор неважен. Открываю книгу наугад на середине, а там пустые страницы — нет текста. Открываю чуть раньше — опять пустые. Пытаюсь найти начало текста, но в этом процессе меня прерывает Игорь, который, наконец берёт трубку, но почему-то молчит.

- Алло, - говорю я ему и отвлекаюсь от книги.
- Да, привет, Дима! - устало отвечает он.
- Как дела?
- Пока не сдох, - резко отвечает Игорь.

Один друг «всё ещё жив», а другой «пока не сдох»! Какой контраст!

- Это хорошо, - усмехаясь произношу я. - Я тут со всеми созвонился, встреча по поводу сайта состоится в среду вечером. Есть предложение пойти в японский ресторан напротив БЦ «Москва», и там всё обсудить.
- Окей. Во сколько? - уныло спрашивает Игорь.
- В семь.
- Хорошо. Буду.

Меня смущает его печальный голос. Явно что-то стряслось, но попробуй у Игоря разузнать что-либо из личного — тот ещё партизан!

- А ты в порядке? Чего такой грустный? - интересуюсь я.
- Да, в порядке. Пока, - обрезает он и бросает трубку.
- Да, пока, - расстроено говорю я, уже просто глядя на трубку.

Ну, что поделать, если Игорь такой человек в себе?! Никогда не делится тем, что творится у него внутри. Всегда закрыт от всех, и любую просьбу о помощи расценивает как слабость.

Я кладу трубку и сажусь с книгой на край кровати. Надо бы с ней разобраться, а то странно как-то это всё! Начинаю листать в поисках текста. Наконец нахожу кусок и читаю последнее предложение.

«Лиза лежит на спине, мы с ней вдвоём смотрим на звёзды»

Как только я прочитываю это предложение, перед глазами немного рябит, книга еле заметно подёргивается, и неожиданно на странице появляется следующее предложение:

«Я ей показываю указательным пальцем на Большую Медведицу, и говорю:»

За этой строчкой появляется ещё одна:

«- А вон у той звезды на изгибе тоже есть родинка — маленькая звёздочка.»

По прочтении этой строчки появляется следующая...

«Так что родинка — это естественно, изящно и красиво, зря ты так.»

Хоть мистическая книга меня и сумела заинтриговать, мысль о том, чтобы попытаться разобраться в том, как напечатанные слова могут появляться на простой бумаге, мне в голову даже не приходит, потому что я просто не могу остановиться. Мне надо читать дальше! Как будто чья-то жизнь зависит от того, прочитаю я следующее предложение или же остановлюсь на текущем.

«Лиза довольно улыбается и мечтательно спрашивает:»

Чтение этой книги меня увлекает всё сильнее и сильнее. Я даже не замечаю, как уже на автомате улёгся в кровати, взбил себе подушку и устроился удобней.

«- Егор, а как ты думаешь, существуют ли миры без драконов?»

Я погружаюсь в процесс настолько сильно, что просто уже забываю обо всём на свете в прямом и переносном смысле.

«- Что за ерунду ты несёшь? - спросил я Лизу и поморщился, продолжая глядеть на звёзды. - Как ты себе представляешь мир без драконов?»

...

Прозвенел будильник я продрал глаза и выключил дебошира. Уже было девять утра.

И как это я умудрился так провалиться в сон?!

Я достаточно быстро опомнился и взглянул на книгу, лежащую открытой у меня на груди, страницами вниз. Сам я лежал в своей одежде на кровати — как вчера прочитал несколько страниц так, наверно, и уснул. Я взял книгу в руки и пролистал до конца. Сегодня утром она уже была дописана до конца — все страницы усеяны двенадцатым шрифтом, похожим на Таhоmа. Я полистал книгу и убедился, что ничего мистического в

ней нет: подёргал, погсгбал и поскладывал страницы, ногтём поцарапал буквы, понюхал... Книга как книга, без всякого волшебства и новых технологий. Отложил в сторону на прикроватную тумбочку.

Наверно, вчера из-за усталости просто показалось.

Птичий щебет

Игорь, Кирилл

- Меня уволили, - проговорил я грустно Кириллу, который стоял, прислонившись к стенке здания и вальяжно пускал дым поверх своей головы.
- Ну, наконец-то! - только и ответил он в ответ.

Не знаю, на что я рассчитывал, когда шёл на встречу с ним, чего ожидал. Возможно, хотелось получить какой-нибудь совет, а возможно — хотелось кому-нибудь пожаловаться... Ромке об этом не расскажешь, Димке — тоже. Друзей у меня немного, а тех, которым было бы не стыдно рассказать о своей слабости — и вовсе практически нет. С Кириллом почему-то всё совсем по-другому... Как будто он — не совсем человек. Или как будто только он и может привести меня в чувства...

- Наконец-то? - удивился я. - Наверно, ты не расслышал? Я потерял работу свою! Меня выгнали! У меня теперь нет постоянного дохода! - напирал я.
- Да-да-да, - резко перебил он. - Ты бедный и несчастный! Самый-самый несчастный! Вырвался из зоны комфорта и теперь чувствуешь себя непривычно! Я видел такое уже сто тысяч миллионов раз! Я слышал такое уже двести тысяч миллионов раз! Не ты первый, не ты последний! Может быть что-нибудь поинтересней расскажешь или так и будешь щебетать?
- Спасибо, - со злостью ответил я. - Именно такой поддержки от тебя я и ожидал!
- Не за что, - вальяжно ответил Кирилл. - А если серьёзно, то хватит уже жалеть себя и хватить прибывать в тумане самодовольства!
- Чего? - поморщился я.
- Ты как птичка, - Кирилл резко повернулся ко мне, затушил сигарету носком ноги и посмотрел на меня в упор. - Многие люди, конечно, как птички, но ты — особая птичка, с красной грудкой! Прыгаешь, глотаешь букашек, какаешь и всё время о чём-то щебечешь. То ты такая разнесчастная птичка, то ты этакая красивая птичка... Всё крутится вокруг тебя, хотя ты всего лишь маленькая птичка, живущая в огромном мире, полном загадок.
- Ой, вот только не начинай! - стал злиться я.
- А чего ты злишься-то? - удивился Кирилл и взял меня по-дружески за плечи. Мы пошли с ним по направлению к солнцу по набережной. - Думаешь, ты отличаешься от других? Зря! Посмотри вокруг.

Он повёл рукой, и я обратил внимание на то, что поляна, по которой мы шли, была вся усеяна птицами. Снегири, сойки, зяблики, воробьи, вороны... - всё, что душа пожелает. И каждый щебечет, что есть мочи и другим показывает то хвост, то грудь, то крылья расправляет.

- Каждый человек — это птичка, - поделился со мной Кирилл. - Каждый считает, что он что-то делает серьёзное и важное, каждый жрёт, каждый срёт и каждый щебечет

о себе и своих делах. Да ты сам посмотри на это...

Мы с Кириллом сели на скамейку и стали наблюдать. Люди, проходящие мимо нас по шоссе, казалось, действовали абсолютно рефлекторно: кто чесался, глубоко задумавшись, кто шёл, бурча про себя какую-то песенку, а некоторые медленно передвигались, болтая по телефону. Были и такие, которые просто шли парами и переговаривались. Но всё это действительно казалось в тот момент для меня настолько выходящим за рамки рефлекторно, что я даже усмехнулся. Шарма всему этому действу ещё и придавало то, что все люди вокруг говорили на каком-то непонятном мне языке, извлекая звуки, в большей степени напоминающие птичью свирель.

- Понял, да? - спросил Кирилл. - Они даже говорят рефлекторно. Каждый человек всё делает на уровне рефлексов. Это только кажется, что в этот процесс вовлечена какая-то воля, какой-то элемент сознания. На самом деле человек действует абсолютно рефлекторно. Вот посмотри на ту пару! - Кирилл кивнул головой.

С запада в сквер вошли парень, лет двадцати, одетый в длинный чёрный плащ с солнцезащитными очками, и взрослая женщина, лет сорока, одетая в школьную форму. Даже издали я слышал, как она эмоционально пицала ему о том, что её начальник-дурак оказался недоволен её работой, а парень в свою очередь её поддерживал и подтверждал, что начальник действительно дурак.

- Обрати внимание, - проговорил шёпотом Кирилл, склонившись ко мне, выпуская из ноздрей сизый дым, - она щебечет абсолютно рефлекторно о том, что скопилось в её черепной коробке, что дёргает в ней струны возмущения, даже не пытаясь ни на секунду осознать, в чём истинная причина этих возмущений. Он же в свою очередь просто щебечет точно так же, рефлекторно, в ответ о том, что согласен с ней и поддерживает её, тоже совершенно не отдавая себе отчёт в своих действиях.

Кирилл говорил настолько убедительно и сцена была настолько яркой, что я в неё поверил целиком и полностью. Я в неё погрузился. Я её понял.

- Да, да, точно так... - с удивлением подтвердил с улыбкой я.

И тут неожиданно на мою голову свалилась оплеуха! Это Кирилл водрузил её на мой затылок, а я, увлечённый сценой, даже и не обратил на неё никакого внимания. В глазах потемнело, и все сцены пропали.

- Идиот! - прорычал с яростью в голосе Кирилл. Он вздыбился надо мной как кобра и навис всем своим телом. Его глаза превратились в два молотка, готовых раздробить мою голову. - И ничего-то ты не понимаешь! И ничего-то из тебя не выходит! Сплошное щебетание! Как тебя можно чему-либо научить, если ты слушаешь, но не слышишь?! Бестолочь!

Молотки взметнулись в воздух и со всей силы обрушились на меня. Удар пришёлся в район переносицы и вызвал жуткий звон в ушах.

Я вскочил в постели и оглянулся по сторонам. Дыхание — учащённое, пульс — сумасшедший, глаза — большие, голова болит... из носа что-то потекло. Я дотронулся рукой и увидел, что это кровь. Ещё раз оглянулся по сторонам, убеждаясь, что я всего лишь в своей комнате, а на улице уже стало восходить солнце. Я вскочил с кровати и побежал в ванную комнату останавливать кровь.

Что за жуткий сон?!

«.» собирается

Рома, Дима, Игорь, Сергей

Мы встретились с Сергеем на выходе из метро совершенно случайно — прошли через разные двери и чуть не разминулись. Было холодно, но снег всё никак не хотел выпадать, хотя через две недели должен был уже наступить Новый Год.

- Здравствуйте, Роман Юрьевич! - поприветствовал он.
- Привет. Как жизнь?
- Я в порядке. Как у вас?
- Всё ещё жив. Всё ещё преподаю, - отшутился я и улыбнулся. - А ты как? Пригодилось хоть что-нибудь из того, о чём я рассказывал?
- Неа, Роман Юрьевич, - улыбаясь ответил Сергей. - Вообще ничего не понадобилось. Я сейчас программистом работаю.

Мы пошли в сторону японского ресторана. Дима всегда любил восточную кухню, поэтому в выборе места встречи он оказался абсолютно предсказуем.

- Быть не может! Что такое система? - решил проверить я его.

Сергей поморщился и взмолился:

- Ну, Роман Юрьевич!
- Ты же программист, всё время работаешь с системами. Не уж то таких простых вещей не помнишь? - С видом учителя спросил я.
- Да, там что-то было про совокупность элементов...

Я не перебивал, давая ему время подумать. Мы подошли к пешеходному переходу и стали ждать, когда включится светофор.

- Совокупность элементов... - продолжал Сергей. Ему явно просто не хотелось напрягать свой мозг, - сгруппированных определённым образом?..

Он посмотрел на меня с мольбой в голосе, и я вспомнил, как он сдавал мне зачёт. Неуверенность во взгляде, масляные глаза а ля «кот из Шрека», трясущиеся руки. Сейчас он уже выглядел уверенней, даже наглее, но образ того студента, оставшийся где-то внутри и меня, и него, ожил и начал вылезать наружу.

Светофор переключился, мы пошли...

- Не зачёт, Сергей Георгиевич! Если мы возьмём части кода, сохраним в отдельные файлы и сгруппируем каким-то образом, то программу не получим.
- Я имел в виду объединённых..., - загорелся Сергей с лицом ребёнка, нашедшего конфету.

Я усмехнулся.

- Такие вещи надо знать без подсказок! - полушутя поучал его я, наслаждаясь моментом.
- Да я же знаю, я же Вам сказал.
- Ну, да... У вас как всегда — пока не разжуёшь и в рот не положишь, есть не начнёте.

Мы подошли к японскому ресторану. Я открыл дверь и пропустил Сергея. Внутри всё выглядело не сказать, что роскошно, но достаточно представительно. Официантка-казашка, одетая в синее кимоно с розовыми узорами и подведёнными глазами (для создания эффекта японки) подошла к нам.

– Вам зал для курящих?

Я посмотрел на неё с некоторым недоумением и в шутку спросил:

– Не уж то у нас всё так запущенно, что уже по лицу можно сказать, что мы курим?

Этот вопрос, видно, поставил девушку в неловкое положение, она уже собиралась начать оправдываться, но я ей не дал.

– Нас тут друзья ждут.

– А! Тогда вам сюда, - девушка живо с рвением проводила нас к небольшой комнатке с раздвигающимися дверями. - Только тут надо обувь снять, - показала она и покинула нас.

– Как тут всё понтово! Всё в этом китайском стиле! - выдал Сергей, снимая свои трактора. Я с некоторым умилением посмотрел на него.

– Сергей, это не китайский, а японский ресторан!

– Ну, я имею в виду, всё в этом вот стиле. Восток, там, Китай...

– Ага, - кивнул я с сарказмом и раздвинул двери.

В комнате нас уже ждали Игорь и Дима. Игорь сидел с грустным выражением лица, уткнувшись в свой смартфон, и что-то читал, Дима строчил смски, с нескрываемой улыбкой и вожделием. Я уже слышал, что у него появилась девушка, по-видимому, именно с ней он и переписывался. Как только я вошёл, Игорь оторвался от мобильного, посмотрел на меня, поднялся на ноги и горячо поприветствовал, стараясь скрыть свою внутреннюю печаль (но я то его знаю, я всё заметил):

– Ромка, привет! Чё вы так долго-то?

Затем он приметил Сергей и уже более сдержанно заметил:

– Привет, Серёга!

– Привет, - бросил Сергей Игорю.

В принципе, он всегда очень сдержанно относился к Сергею. Возможно из-за того, что тот был не его уровня — у Игоря были завышенные требования к людям, и он никогда не давал им шанса на реабилитацию.

– Да, привет, Игорёк, - кинул я Игорю ответ. - Ты в порядке?

– Да... всё фигня, - он криво улыбнулся.

Любой другой человек поверил бы этой улыбке, но я не был любим. Тем не менее, я решил пока эту тему не развивать, оставить для разговора потом, тет-а-тет.

– Дима, а ты чего там? Оторвись, поздоровайся! - попытался я отвлечь его от телефона.

Дима взглянул на меня из-под мобильного, бросил нам: «Привет. Я сейчас» - и вернулся к своему занятию.

Комната была выполнена в японском стиле: эти специфические стены, несколько картин с японской живописью, татами, низенький столик... Я никогда особенно не разбирался в японской культуре, но какие-то вещи просто знал неизвестно откуда, наверно из детства.

Мы с Сергеем сели по-турецки, я достал из сумки блокнот с ручкой. Мы перекинулись несколькими фразами с Игорем и Димой о всяких мелочах и бытовухе. Однако Игорь решил разговор на праздные темы сильно не развивать и отложить его на потом. Он начал вести встречу, не дожидаясь, когда Димка выберется из своего мобильного.

- В общем, я не особо понимаю, ребята, что вы тут делаете, и чего ждёте от встречи. Давайте я попробую описать своё видение ситуации, а вы дальше поправите меня, если что не так. Входные данные у нас такие. Димкин студенческий сайт прикрыли, и теперь он жаждет мести.
- Девочка-девочка, студенческий сайт уже нашёл твою улицу, - пошутил я, но Игорь особо на шутку не отреагировал. Зато Сергей хмыкнул.
- Димка жаждет, конечно, а не сайт — холодно ответил Игорь. - Параллельно с этим у меня появилась идея проекта децентрализованного СМИ, и Диму она заинтересовала. На фоне этих двух событий, мы решили собрать единомышленников и сотворить нечто.

Говорят, что только 10% идей доходят до конечной реализации и 95% из них погибают в течение первого года. Таких идей по созданию различных сайтов с котиками, изображениями, рассказами, изобразрассказами и прочим у Димы с его друзьями было уже много. Реализовали они немного, не выжило ничто. Кто знает, может эта идея сможет войти вначале как раз в эти статистические 10%, а потом — и в 5% от них.

- Децентрализованное СМИ? - задумчиво проговорил Серёга. - И как вы себе это представляете?!
- Очень просто на самом деле, - проговорил поверх мобильного Дима после чего отложил его в сторону и подключился к дискуссии. - Я на досуге подумал на эту тему. Нам нужны две вещи: единый движок, который любой желающий сможет установить на свой хостинг, и головной сайт, который будет вытягивать статьи и новости из множества мелких сайтов, установивших у себя первый движок. То есть в сети будет множество своеобразных независимых сегментов и единый центр.
- В этой схеме есть серьёзный недостаток, - проговорил мрачно Игорь. - В ней всё равно присутствует центр. Уничтожьте центр, и не станет всей системы. К тому же, как мы будем формировать эти сегменты? Нам нужны люди в каждом из них...
- Ну, по поводу центра я ещё до конца не решил, - отмахнулся Дима, - это ещё надо думать. Пока что мне кажется, что мы можем создать архитектуру, в которой центр можно будет легко заменять, без ухудшения работы всего проекта. Что касается людей, то я предлагаю делать ставку на студентов. Пусть каждый сегмент будет создаваться в каждом отдельно взятом вузе. Например, у СПбГУ один сегмент, у Инжэкона — другой, и так далее. Студенты — самая активная и продвинутая часть общества. Будем из них формировать редакционные коллегии.
- Студенты непрофессиональны и ненадёжны, - заметил я. - Редакционные коллегии будут не очень хорошими.
- Студенты разные, - возразил Дима. - Будут и хорошие, и не очень. Но эти самые

сегменты надо создать в форме самоорганизации: чтобы пользователи каждого сегмента сами выбирали, материалы какого качества им нужны, и кого они хотят видеть в редколлегии.

- Самоорганизация — это хорошо, - заметил угрюмо Игорь, - но «само» организовать студентов ещё нужно суметь. Надо найти тех, кто согласится заниматься поддержкой сайта. На это надо тратить время. Кроме того, этим людям надо платить деньги... В общем, тут очень большой финансовый вопрос встаёт.

Тишина зашла в комнату. За ней вошла девушка, расставила чашки и, разлив по ним чай, спросила, будем ли мы что-нибудь ещё заказывать.

- Ну, что? Суши? Роллы? - спросил Дима.

Я кивнул и добавил:

- Выбирай.
- Игорь? Сергей? - обратился к ним Дима.
- Ты нас сюда позвал, ты и выбирай, - как будто хором отозвались они.

Дима проговорил девушке какие-то непонятные слова, после чего она кивнула и удалилась.

- Ладно. Фиг с ней, самоорганизацией. Это ещё можно как-то решить, - вернул разговор в нужное русло Игорь. - Но, если мы строим сеть вокруг вузов, то мы ограничиваем свою аудиторию студенческой...
- Нет, не ограничиваем, - хитро улыбнулся Дима. - Вузы — это связующее звено, потому что практически любой человек либо имеет, либо имел отношение к какому-нибудь вузу... или хотя бы техникуму. То есть, начиная со студентов, мы выстраиваем сеть, которая дальше будет разрастаться, работая и на выпускников, и на абитуриентов.
- Почему тогда не школы? - спросил я. - Школы всех связывают...
- Связывают, да, - согласился Дима. - Но только в бессознательном возрасте. Самая активная часть общества — это студенты...
- Самая активная часть общества — это бабушки, - перебил его Серёга с улыбкой на лице. По его сиянию можно сразу было сказать: «Пошутил».
- Пошутил, - без единой нотки удовольствия констатировал Игорь. - Молодец. Выпей чаю.
- Ну, ладно, - вмешался в обсуждение я. - Пусть будут студенты, и этикие «сегменты» - сайты у каждого вуза. Пусть будет единый центр, который пока является достаточно уязвимым элементом всей цепи. Впрочем, каждый сегмент тоже является уязвимым, когда студентам-организаторам начинает, например, противостоять администрация вуза. Ну, да не суть. Но о каких деньгах мы вообще тут говорим? Просто выглядит это слишком грандиозно и чрезмерно амбициозно.
- Для начала — около 4 миллионов рублей, - с вызовом озвучил Дима.
- Ого! - не сдержался я. - А чего так много-то?
- Больше всего съедают работа программистов и поддержание сервера, который нам потребуется для стабильной работы системы.

Дима углубился в объяснения, но я уже для себя понял, что этот проект нам таким образом не осилить.

Вдруг, Игорь стал заваливаться. Вначале показалось, что это просто какая-то шутка, но потом мы быстро сообразили, что ему стало нехорошо.

- Игорь, ты в порядке? - кинулся я к нему.
- Ромка, - чуть ли не со слезами на глазах проговорил он, глядя на меня, как будто раскрыл какую-то тайну мироздания, но затем быстро спохватился и пришёл в себя. - Да, да... Всё нормально.

Неожиданно у него из носа пошла кровь. Серёга вскочил, открыл дверь и кинулся к официантке. Однако Игорь, вроде бы, был в сознании и уже контролировал ситуацию. По крайней мере, он не был в отключке и глаза его показывали осознанность.

Прибежали официантка и Сергей. Официантка подобралась поближе к Игорю и приложила влажное полотенце к его носу.

- Держите так. Скорую вызвать?
- Нет, я в порядке. Просто, по-видимому, где-то сосуд лопнул. Ничего страшного, - с некоторым раздражением высказал Игорь и отнял полотенце. Он никогда не любил, когда кто-либо видел его слабости. Сейчас, как и всегда, ему хотелось поскорее замять всю ситуацию и убрать от себя внимание присутствующих.
- Вы уверены? - с заботой переспросила девушка.
- Да, я уверен, - несколько жестковато ответил Игорь. - Я в норме. Спасибо.

Он прижал полотенце. Официантка не знала, как ей быть и стояла в растерянности.

- Если что-то понадобится, мы позвём, - дал ей понять Игорь, что она больше ненужна.

Мы уселись по своим местам и несколько притихли, официантка удалилась. Вся эта сцена на меня произвела сугубо негативные впечатления, из-за чего я на короткое время почувствовал себя несколько нехорошо, впрочем, это прошло достаточно быстро.

В комнате висела тишина — зная Игоря, спрашивать у него, в норме ли тот и нужно ли ему что-либо никто не осмеливался. Однако резко возвращаться к теме встречи так же явно никто не хотел. Я взял на себя смелость сделать это:

- И как же вы думаете найти такие деньги?
- Я найду, - решительно проговорил Игорь. - Мне этот проект интересен, так что я что-нибудь придумаю. У меня другого выхода всё равно нет...
- В каком смысле? - с недоумением спросил Дима.
- В том смысле, что хватит сидеть на жопе смиренно, надо что-то в жизни менять, - резковато ответил он.

Дима в ответ только повёл плечами:

- Ну, найдёшь, так найдёшь, - видимо, его настроение после произошедшего тоже испортилось.
- Для того, чтобы не тормозить процесс и начать работать уже сейчас, - продолжил Игорь в более мягкой форме, не отпуская полотенца от лица, - я готов вложить в начальный этап проектировки свои личные средства. Это порядка двухсот тысяч.

Меня больше другие вопросы интересуют. Например, как зарабатывать с этого деньги?

- Раз мы говорим о СМИ, - ответил Дима, - то это контекстная и баннерная реклама в первую очередь. Более того, мы как центр можем выступать таким посредником между сегментами и рекламодателями. Тут вообще вариантов всяких достаточно. Потенциал у проекта очень большой, так как мы сможем рекламодателям предоставлять конкретные группы потребителей. Например, девушек со специальности менеджмент разных вузов Санкт-Петербурга.

Серёга хмыкнул в ответ на какую-то явно пошлую мысль, пришедшую в его голову, но вслух озвучивать её не решился.

- Ладно. Всё понятно, - заключил Игорь. - Возможности есть. Давайте тогда решать, кто что будет делать. Дима, ты сможешь написать техническое задание для проекта?
- Смогу, конечно, только это очень серьёзная работа.., - несколько лениво ответил тот.
- Оцени, сколько может стоить эта работа, и я тебе заплачу.
- Да, ладно, - начал было отнекиваться Дима, но Игорь не дал ему продолжить.
- Любая работа должна быть оплачена. Тем более такая серьёзная. Думаю, тебе будет интересно не только работать над своим проектом, но ещё и деньги за это получать, разве не так?

Дима неуверенно кивнул.

Открылись двери и вошла официантка. Она несла несколько деревянных подносов, усеянных различными невероятными видами суши и роллов. Она поставило блюдо в середину, потом подошла к каждому из нас, дала по тарелке, расставила приборы, посмотрела на Игоря и, видя, что он не обращает на неё ни малейшего внимания, удалилась. Все, кроме Игоря, схватили палочки и приступили к потреблению пищи. Хуже всего есть палочками получалось у Сергея — он явно особенно не практиковался, и палочки в его руках сидели очень неуклюже. В какой-то момент он плюнул на это дело и стал есть руками. Поругиваясь и злясь, он таки еле управлялся с роллами. Лучшее всех орудовал палочками Дима.

- Сергей, ты сможешь быть нашим ведущим программистом? - Игорь убрал полотенце от лица, посмотрел на кровавые пятна, приложил чистой стороной пару раз, убедившись, что кровь перестала идти.
- Да, конечно, - с некоторым недоумением ответил он, пережёвывая ролл с угрём.
- Как я понимаю, нам ещё нужны дизайнер и верстальщик? - обратился Игорь к Диме.
- У меня есть на примере пара знакомых, - ответил тот.
- Отлично. Рома, - обратился он ко мне. - Тебе я пока не знаю, что предложить, но, если у тебя будет желание, ты можешь стать редактором или корректором в проекте... Но это явно будет на более поздних стадиях.

Я только кивнул в ответ и улыбнулся. Наверно, со стороны выглядело кривовато...

- Тогда, пока решим следующее: Дима делает ТЗ, согласовывая его с

непосредственным исполнителем — Сергеем. Если вам нужны будут какие-то люди, нужно будет решить какие-то вопросы или что-то достать, обращайтесь ко мне.

Игорь убрал полотенце в сторону, и оглядел всех присутствующих.

- Думаю, особых возражений по поводу того, чтобы я стал руководителем проекта нет?

Никто не осмелился что-либо возразить. Впрочем, чего тут возражать-то? Если не Игорь, то кто? Дима не потянул бы, Сергей не стал бы этим заниматься, я не хотел. Мы закачали головами.

- Вот и славно. Трам-пам-пам. Тогда предлагаю обсудить ещё вот что...

Игорь углубился в более подробные вопросы юридической организации всего процесса, а я понял, что места в проекте для меня по сути не нашлось. Но, возможно, оно и к лучшему...

Из носа Игоря стала медленно выползать одинокая красная капля крови... Но весь процесс обсуждения его настолько захватил, что он не обратил на неё никакого внимания. У меня же всё было наоборот: процесс настолько стал мне безразличным, что капля была единственным объектом, интересовавшим меня в этой комнате.

- Что скажешь, Ромка? - спросил с серьёзным видом Игорь.

Я посмотрел ему в глаза, увидел всю целеустремлённость и напор, всю серьёзность Игоря и только заметил:

- У тебя кровавая капля в носу.

Игорь, не меняясь в лице, приложил к носу полотенце чистой стороной, после чего отвёл его в сторону и глядя на результат, продолжил:

- А если серьёзно? Что думаешь по поводу названия проекта? «Точка» звучит нормально?

Всё это звучало очень знакомо, как будто из каких-то снов. Но что это были за сны, я никак не мог вспомнить. В полной растерянности я проговорил:

- Всё будет зависеть от того, как это написать...

Игорь поглядел по сторонам в поисках салфетки и ручки, потом случайно взглянул на своё полотенце, криво улыбнулся и протянул его нам.

- Вот так.

На полотенце было идеальное круглое красное пятно.

Новая жизнь

Игорь, Кирилл

Во время очередной репетиции, когда, как всегда образовалась пауза из-за того, что нам с Кириллом нужно было пойти покурить, я решил поделиться с ним некоторыми мыслями и сомнениями по поводу всего произошедшего со мной за последнее время.

- Меня уволили, - с горечью в голосе выдал я.
- Поздравляю! - сухо ответил Кирилл и затянулся.

В этот раз на нём была футболка с надписью: «You think, I care?». Интересно, но ему всё время удавалось каким-то образом выбирать футболку, которая наиболее точно выражала его отношение к моим проблемам... На улице уже выпал первый снег, но пока было нехолодно — около минус трёх.

- И ничего-то ты не запоминаешь... Я же говорил...
- Это ты не понимаешь! - мне не понравилась его реакция на мою фразу, и я решил донести до него то, насколько ужасным было моё текущее положение. - Эта работа была всем для меня! Просто всем!
- Чем? - неожиданно перебил Кирилл и испытующе посмотрел на меня. - Что в этой работе, работе кредитного аналитика в банке, было такого, из-за чего ты теперь стараешься жутко огорчаться? Чем эта работа была лучше остальных?

Манера Кирилла бесила меня, но я старался держаться и не выходить из себя. Я достаточно быстро нашёл, что ответить:

- Но мне же нужно как-то зарабатывать деньги! А работа — это гарантия того, что я смогу себя содержать, это уверенность в будущем.
- Работа — это просто процесс продажи своей энергии, не больше, не меньше, - с непробиваемым видом ответил он. - В мире существует миллион и один способ содержать себя, в том числе и без денег, и без работы. Так почему же ты выбрал именно этот способ?

Я не знал, что ответить на это.

Когда я решал, в какой университет поступать, выбор за меня фактически сделала мама. Когда я выбирал кем стать, я просто следовал по сформированному ранее мамой пути. Когда я выбирал себе работу, за меня уже никто ничего не решал, но и выбора другого у меня в общем-то не было: либо идти работать в банк, либо заниматься чёрной работой...

- У меня не было другого выбора, - подобрал я ответ.

Кирилл усмехнулся и посмотрел на меня с некоторым пренебрежением во взгляде.

- Выбор есть всегда. Более того, каждую секунду у тебя есть просто миллиард вариантов того, что выбрать, но ты не хочешь их видеть, поэтому всё, что ты делаешь — это причитаешь и жалеешь себя.
- Да? Ну, покажи мне тогда, этот миллиард, - возмутился я.

Кирилл злобно посмотрел на меня и огрызнулся:

- Ты всё время ноешь, всё время просишь всё сделать за тебя! С какой стати я тебе должен всё разжёвывать? У тебя нет своей головы на плечах? Я тебе говорю, что ты можешь что-то сделать, а ты вместо этого начинаешь сопротивляться и находить оправдания своему бездействию!
- Блин! Да, я же просто не понимаю! - взорвался я.
- Твоя жалкая жизнь с твоей жалкой работой, от которой ты наконец избавился, ничего не стоит, но может стать менее жалкой, если ты начнёшь думать и перестанешь пускать сопли! - заключил Кирилл и сплюнул на пол. - Разве до тебя ещё не дошло понимание того, что ценность имеет только текущий момент жизни? Ты своим нытьём бездумно разбрасываешься этим даром!

Червячок внутри меня подтачивал и утверждал, что Кирилл прав. Только и червячка, и Кирилла с его наездами — их обоих я хотел вертеть на одном органе...

- Ты пробовал найти свои руки во сне? - неожиданно сменил он тему.
- Да, - с некоторым укором и недовольством ответил я. - И после этого меня уволили.

Кирилл взглянул на меня с саркастической улыбкой:

- Ты считаешь, что тут есть какая-то связь? А! Я понял! Ты хочешь возложить на меня ответственность за то, что ты облажался на работе, и как результат тебя уволили! Типичное поведение неудачника, - Кирилл бросил сигарету на пол и решительно затушил её носком ботинка, после чего достал из кармана мячик для «сокса» и начал набивать.
- Да пошёл ты! - огрызнулся я в ответ. - Связь между сновидением и теми событиями есть — в тот день много чего странного произошло...

Кирилл набивал, не обращая на меня внимание. Получались у него это хорошо: далеко за мячиком не бегал, движений резких не делал, не суетился, двигался спокойно, сосредоточенно, но расслабленно, взгляд сосредоточенный, игнорирующий меня. Всё это смотрелось очень гармонично.

- Я говорю, много чего странного произошло... - пытался привлечь я его внимание. - День казался каким-то другим с самого начала... В обед я своим коллегам нёс какую-то чушь про линии... А потом это увольнение.

Кирилл неожиданно поймал мяч в воздухе рукой, взглянул на меня с интересом и, чуть поморщившись, спросил:

- Какие линии?
- Я уже точно не помню, да и не очень хорошо понимаю всё это дело, - стал мямлить я. - Там было что-то про сновидения, про движение по линиям во время сна.

Взгляд Кирилла сделался неожиданно мягким и светлым. Я никогда бы в жизни не подумал, что он может быть ещё и таким — всё это время я его видел только с жёсткой стороны: все эти подколы, едкие комментарии, тычки... Но вот появился этот взгляд, от которого на душе стало тепло и легко. С таким Кириллом было очень приятно общаться, такому Кириллу хотелось излить всю душу. Однако этот мягкий взгляд держался недолго — наверно, всего пару секунд, не больше. Судя по всему, образ «добренького» Кириллу всё-таки не подходил — не умел он притворяться, поэтому фирменная злобная ухмылка достаточно быстро вернулась на своё место.

- Очень интересно, - заключил он. - Я же говорю, в тебе много всякого сидит. Надо только научиться откидывать все сопли с сахаром и обращаться к этой скрытой части себя. Рекомендую продолжить практику осознанных сновидений. Попробайся подольше оставаться в сознании и запоминать как можно больше деталей мира.
- А работа?

Мне казалось, что Кирилл обращает внимание только на какие-то несущественные и ненужные мелочи. Конечно, осознанные сновидения были интересной темой, но что они могли мне дать в мире реальности?! Бутылка виски на них не купишь... Но, видимо, мой вопрос Кирилла расстроил.

- Нытик! - резко заметил он и направился назад в репетиционный зал. Я последовал

за ним. - Ты же уже нашёл себе новое занятие, новый проект, зачем опять в рабство продаваться?! Занимайся своей «Точкой» и не выпендривайся!

- Если ты такой умный, то скажи, где мне деньги достать на проект?! - с нескрываемой злостью в голосе бросил я в него.

Он остановился и повернулся.

- Опять ты задаёшь вопросы и чего-то ждёшь! Не стой, не ищи, а просто достань — вот и всё!

И в этот момент я почувствовал в его взгляде намерение занести руку и дать мне затрещину. Это было что-то в уголках глаз, наверно, или в изменении ширины зрачков — сказать однозначно сложно, это просто чувствовалось. Последовательность, отработанная ещё на тренировках, неожиданно всплыла во мне сама собой: я включил дыхание, привёл организм в тонус, а когда его рука начала своё движение (было оно действительно практически незаметным), моя правая рука сама собой направилась на перекрытие зоны... Движение и вот его рука уже отводится в сторону, Кирилл теряет равновесие и получает в добавок от моей левой увесистую оплеуху раскрытой ладонью, в результате чего он отлетает в сторону и падает на пол.

Он посмотрел на меня с нескрываемым удивлением в глазах, затем, кажется, опомнился, собрался, вскочил на ноги, отряхнулся и только сухо выдал:

- Молодец. Можешь, ведь, когда захочешь!

После чего направился как ни в чём ни бывало в репетиционный зал. Я довольный собой пошёл за ним.

Годовщина

Рома, Кирилл

С Кириллом мне удалось пересечься только пару дней спустя после той встречи с друзьями в японском ресторане. Мне было несколько досадно, что я проявил такую бесхарактерность и не попытался занять нормальное место в новом зарождающемся проекте, однако одновременно с этим что-то внутри говорило о том, что я поступил абсолютно правильно. В своё время я решил не выбирать весь этот мир коммерции, продажи и рекламы, а решил уйти туда, где меня никто особенно не трогал бы. Туда, где я мог бы заниматься только тем, что мне нравится и так, как нравится мне. Туда, где у меня было бы время учиться, развиваться и философствовать. Именно поэтому я и стал преподавателем...

Когда я подошёл к Таврическому саду, Кирилл уже стоял у входа и ждал меня. Выглядел он несколько непривычно — я никогда его ещё до этого не видел в официальной одежде. На нём был чёрный зимний плащ до колен и брюки в модную синюю полоску. На голове — тёплый берет.

- Тебе идёт! - сделал я комплимент. Кирилл улыбнулся.
- А ты думал, что я только в свободной одежде хожу? Я же всё-таки менеджер высшего звена. Конечно, я могу одеваться как мне хочется, но в такие дни, как сегодня... Вуаля! - он провёл руками сверху вниз, как бы подчёркивая свой наряд.

Мы направились внутрь сада. Мне нужно было многое рассказать Кириллу, поделиться многими сомнениями и наблюдениями... Под ногами хрустел свежий снег.

- Я несколько раз перечитал тот файл. Некоторые вещи стали понятными, но некоторые до сих пор вызывают недоумение.
- Так-так, - поглядывая по сторонам поддержал нить разговора Кирилл. Он шёл по парку с важным видом, заложив руки за спину. Плащ из-за этого сидел на нём чертовски хорошо.
- Ну, например, там часто встречаются такие термины как: «осознание», «линия», «конструктор», которые понятны мне на каком-то поверхностном уровне, но спроси меня, что это такое, ответить не смогу.
- Это нормально, - заключил Кирилл, продолжая играть роль этакого «Мистера Твистера». - Всеу своё время. Скоро ты всё узнаешь и всё поймёшь.
- Но ещё большие вопросы вызывает у меня сам текст! Я не могу поверить, что всё это написал сам! Это просто невозможно.

Кирилл усмехнулся и посмотрел на меня с отеческим видом.

- В мире нет ничего невозможного. Тем более для конструктора... Вот, например, видишь ту девушку, сидящую на скамейке? Она считает невозможным, чтобы её не любил молодой человек, в которого влюблена она... Возможности или невозможности определяются общественными установками и самовнушением.

Кажется, его опять понесло, а я остался где-то позади...

- Или, например, тебе родители внушили, что левитировать невозможно, поэтому ты также считаешь, что это невозможно и будешь этому же учить своих детей и внуков, поддерживая всеобщую установку.
- Брось! - усмехнулся я. - Никто мне этого не внушал! Если бы я умел левитировать, то в детстве меня бы привязывали ногой к кровати, чтобы я не улетел.
- Ты подменяешь понятия, - заметил Кирилл. - Одно дело: учиться, и совсем другое — уметь с рождения. Если ты что-то не умеешь делать, то это ещё не означает, что этому невозможно научиться.

Логика у него всё-таки была непробиваемой, хотя какой-то подвох и чувствовался...

Мы подошли к площадке со скамейками.

- Выбери своё место, - предложил Кирилл.

Я сразу же вспомнил Кастанеду, улыбнулся и начал представлять, насколько комфортно мне будет на том или ином месте.

- Да, нет же, балбес! - посмеиваясь перебил Кирилл. - Не надо пытаться выбрать! Просто выбери!
- У тебя это «просто», да? - несколько досадуя на его «балбеса», отозвался я.
- Оу! Бедненький Ромочка! Злой Кирилл обидел! - начал сюсюкать он, чем вызвал во мне приступ раздражения.

Иногда я поражался тому, как легко у него получалось расшатать меня.

- Прекрати сейчас же!
- А то что?
- А то я обижусь и уйду!

– Ромулик, ну не обижайся на меня, - сразу же продолжил издеваться он.

Зрелище, конечно, было забавное: взрослый парень, дорого одетый, а ведёт себя как ребёнок!

– Да прекрати ты! - начал я обижаться уже серьёзней. - Люди смотрят, а ты себя как идиот ведёшь!

Но Кирилл не останавливался. Казалось, что ему наоборот хотелось, чтобы все начали глазеть на нас. Он даже протянул руку, пытаясь погладить меня по голове, но я отмахнулся от неё. Все эти его действия стали привлекать внимание людей, которые стали поворачиваться в нашу сторону и косо поглядывать на нас. И когда на нас уже глазели почти все в пределах видимости, Кирилл неожиданно громко, во всеуслышание, голосом полного нескрываемой радости, заявил:

– А у нас сегодня годовщина! Мы с Ромочкой встречаемся уже ровно пол года!

Сердце моё упало куда-то в пятки от такого заявления. Окружающие, однако, по-разному приняли эту новость. Какой-то умник зааплодировал и закричал: «поздравляю!», кто-то презрительно фыркнул, развернулся и пошёл в сторону от нас, но многие просто дёрнули плечами и продолжили своё движение. Но, если кому-то и было неловко и неприятно, то, конечно же, мне. Точнее сказать, я был в ярости! Мне хотелось броситься втолковывать людям, что Кирилл шутит, что я не такой, хотелось врезать ему посильнее, хотелось убежать и сделать ещё кучу экспрессивных действий, но в момент, когда, казалось, что я уже готов был взорваться, на меня неожиданно снизошло: именно этого Кирилл и хочет! Если я сейчас начну беситься, то это поставит меня в ещё более идиотское положение. Я мысленно отодвинулся от всего произошедшего и взглянул на ситуацию со стороны, без каких бы то ни было субъективных оценок. Оказалось, что ничего важного и страшного в ситуации нет. Какая разница? Уже через минут 10 — 15 это событие всеми окружающими забудется. Затем я взглянул на эту зарождающуюся у себя негативную эмоцию и удивился. Я со всей очевидностью обнаружил, что она берёт свои корни откуда-то из детства и, если я сейчас не отстранюсь, то только ещё больше укреплю её в своей сути. И сразу же, когда мне стала ясна вся картина, когда стали ясны мотивы действий Кирилла и свои собственные мотивы, спокойствие разлилось внутри, а в голове родилась идея поступить так, как того от меня Кирилл не ожидал.

Я сделал усилие над собой, ослабил контроль над ситуацией и, взяв руку Кирилла в свою, громко проговорил:

– Кирюша такой романтик! Он мне сегодня утром цветы подарил.

Кирилл не стал брыкаться, и действовал так, будто именно такой реакции от меня и хотел. Он покрепче сжал мою руку, помахал какой-то парочке свободной рукой, после чего повернулся в сторону скамеек. Я вёл. Я не знал куда иду, да и не хотел знать! Голова у меня совершенно не соображала и, казалось, заполнилась туманом.

Мы подошли к какой-то скамейке и сели. Только тогда я отпустил его руку. Людям уже было всё равно, они продолжали заниматься своими делами, будто ничего и не случилось.

– Ну, вот ты и выбрал скамейку, - улыбаясь отметил Кирилл. - Молодец. Ты значительно вырос за последнее время. Отказаться от «себя» в первый раз было, конечно же, нелегко, но ты смог это сделать. Значит ты уже практически готов к первому шагу, ты уже практически начинающий конструктор.

– Ты, засранец, заставил меня перешагнуть через себя! - с деланной досадой в голосе проговорил я. На самом деле мне было по большому счёту всё равно, но

выговориться хотелось. - Нельзя было без этого?

Кирилл важно покачал головой.

- Для того чтобы выжить, иногда приходится полностью отказываться от себя и становиться совершенно другим человеком. Я имею в виду абсолютно другим, с другим прошлым, другим поведением, даже другой внешностью... Если не давать оценок всем этим трансформациям, то и никаких проблем не будет. Но стоит только начать цепляться за своё так называемое «истинное я», как тебя ждёт неминуемый крах. То, что ты сегодня сделал — это просто капля воды в океане, но очень важная, без которой невозможно движение вперёд. Однако ты обо всём узнаешь в своё время.
- Ты так говоришь, будто наш мир — это просто таки борьба за существование, - всплеснул руками я.
- Так и есть. Просто тебя научили видеть только определённые аспекты мира — вот и всё. А сторон у мира, на самом деле, бесконечное множество.

Кирилл на секунду задумался, что-то взвесил в голове и, наконец, решившись, проговорил:

- Я к тебе заскочу на днях, пора бы тебе показать, что значит «быть конструктором»...

Потеря энергии

Игорь, Кирилл

Прошло пара недель. Я окончательно уволился, встретился несколько раз с Димой и Сергеем, отдал им обещанные деньги и начал поиски спонсоров. Как будто само собой пришло понимание того, что Кирилл в некоторой степени был прав: нужно бросить всё, и сконцентрироваться на интернет-проекте, так как в текущей ситуации это единственный правильный выбор.

В течение месяца я пытался найти источник финансирования. Ходил по различным компаниям с предложениями, посылал письма, звонил, искал всеми возможными и невозможными способами.

- Здравствуйте! Я представляю компанию «Точка», занимающуюся веб-разработками и продвижением, – говорил я, общаясь с потенциальными инвесторами.
- Не интересуемся, спасибо, – сразу же обрубало десять процентов респондентов;
- Знаете, нас сейчас это не интересует, – вежливо отвечало тридцать процентов опрошенных;
- Спасибо, мы подумаем и перезвоним вам, – уходило от ответа остальные шестьдесят процентов потенциальных клиентов.

Ни один из них так и не перезвонил, несмотря на все мои усиленные попытки уболтать и убедить. Целый месяц кропотливой работы, с десяти утра до семи вечера с получасовым перерывом на обед и никакого результата. Я так старался! Я прилагал такие усилия! Я просто-таки рыл землю, и ничего! Абсолютно ничего! Ноль! Никто не верил в проект! Большая часть собственных денег ушла на первоначальную разработку, и теперь день ото дня с личными финансами становилось всё хуже и хуже.

Одновременно с этим практика сновидений шла очень медленно и со скрипом. Осознавать себя во сне удавалось плохо — казалось, что после того раза во мне появился какой-то блок, из-за которого я стал считать, что всё это очень сложно. Кирилл объяснял это тем, что я тратил слишком много энергии на бесполезную деятельность (старания сделать, а не сделать), из-за чего на полезную её совсем не оставалось...

В очередную нашу с ним встречу мы прогуливались поздним вечером по Московскому проспекту. Я пытался поделиться с ним своими мыслями и сомнениями. Он же, в привычной своей манере, пресекал все мои попытки пожаловаться.

- Но как я могу что-то делать, не тратя энергии, не прилагая усилий? Я вынужден крутиться, добиваться своего, бороться за свой успех! - не понимал его я.
- Ты вынужден всё это делать только потому, что тебя научили действовать так и никак иначе. Вместо того, чтобы взять то, что хочешь, ты постоянно как баран пытаешься прошибить стену лбом!

С его слов всё всегда было так просто... Но я понимал, что это всего лишь его любимая отмазка, благодаря которой он мог не напрягаться и не забивать себе голову чужими проблемами. Типа: всё так элементарно, а ты, дурак, не можешь этого понять!

- Ты не хочешь услышать голос внутри себя. Каждый раз, когда он заговаривает, ты его затыкаешь и пытаешь охватить всю ситуацию разумом, просчитать все ходы наперёд, - продолжал Кирилл. Мы неспешно приближались к перекрёстку Московского с какой-то там Красноармейской. - Однако разум твой несовершенен и не в состоянии проделать такую серьёзную работу...
- Я не могу довериться интуиции в вопросе, от которого зависит моё собственное благополучие, моя собственная жизнь, - парировал я.
- Значит, ты никогда ничего не добьёшься в жизни, - отрезал Кирилл и неожиданно остановился. Он посмотрел оценивающе на меня.
- Чего мы встали? - не понимал я.
- Я слушаю свой внутренний голос, - заявил Кирилл. - А ты?
- В смысле..?

Мой вопрос был неожиданно прерван — на перекрёстке прямо перед нами на красный свет вылетела «восьмёрка» и впиалась в левый бок едущей на зелёный чёрной Хонде. Машину отбросило в сторону, и она впечаталась носом в стенку в нескольких метрах прямо перед нами, причём так, что дом задрожал, а штукатурка посыпалась. Раздались крики, люди подбежали к машине, вся улица стала оживать, несмотря на поздний час, а я стоял как вкопанный, силясь собраться с мыслями. Если бы Кирилл не встал, и мы сделали ещё несколько шагов вперёд, нас бы уже не было в живых. У меня шевелились волосы на голове. Ещё чуть-чуть... Вот тут, рядом... Прямо передо мной, в нескольких метрах... Из толпы раздавались крики: «Вызовите скорую!», «Помогите же кто-нибудь ему!» и «Макси!», но мне было не до них. Я посмотрел на свои руки.

- Я всё ещё жив, - качая головой пробормотал я. - Я всё ещё жив!

Кирилл посмотрел на меня с некоторым удивлением и заметил:

- А твой разум успел это просчитать?

Я молчал.

- И самое главное, - Кирилл сделался важным как никогда, нахохлился и выговорил, делая акценты, - какие выводы ты из этого для себя сделаешь?

Я посмотрел непонимающе на него.

Какие к чёрту выводы, в ситуации, из которой я чудом вышел живой?!

Он пояснил:

- Жизнь даёт тебе уроки каждый день. Даже каждый час, каждую минуту у тебя есть возможность чему-то научиться и стать лучше. Но ты за собственным «эгом» не видишь этой возможности. Ты мир воспринимаешь как нечто враждебное, нечто обязанное тебе своим существованием, нечто само собой разумеющееся... И из-за своего безмерного эгоизма ты просто не замечаешь, что жизнь — это дар...

Я молча смотрел на Кирилла. Много, на что я до того не обращал никакого внимания, стало проясняться... Всё, что он втирал мне до этого момента, всё, казавшееся обрывочным, нелогичным и предвзятым, как оказалось, имело единый чёткий смысл: любые жалобы на своё положение, любые восхваления себя — в общем, любые проявления слабости и собственного «эго» застилали мне глаза и не давали понять, что по сравнению с самой жизнью, всё это не имеет никакого смысла. Жизнь может прерваться в любой момент, и тогда все эти обиды и жалобы будут приведены к общему знаменателю. Что останется от моего жалкого нытья, причитания и вечного недовольства миром?..

Всё стало так просто и ясно! Так элементарно! Это всё можно было бы легко описать одним-двумя словами, но я чувствовал, что эти слова не смогут до конца описать ту правду, ту истину, которая сегодня открылась мне.

На всё это на самом деле просто нет времени. Надо действовать...

Кирилл, казалось, увидел во мне все эти мысли, что-то просчитал про себя и предложил направиться к нему домой — он хотел что-то показать...

Через полчаса мы уже сидели дома у Кирилла в непривычной для меня обстановке. Из агрессивного парня он превратился в спокойного, уравновешенного молодого человека. А я был весь в себе, произошедшее событие многое во мне разворотило и перевернуло. Разум мой был отключён от мира, однако какая-то часть меня присутствовала и всё слышала, всё воспринимала.

- Для того, чтобы слышать свой внутренний голос, тебе нужно окончательно отказаться от своего «эго» и начать копить энергию, - спокойно говорил Кирилл. - Тебе надо быть таким скрягой по отношению к своей драгоценной энергии. Только так ты сможешь стать настоящим конструктором.

Его гипнотический голос крутился в моём сознании, сдвинутом со своей привычной точки. Я воспринимал его слова на каком-то неизвестном мне глубоком уровне. Я всё понимал, я всё принимал...

- Для начала уничтожь свои привычки! Они делают тебя рабом. Если ты выполняешь какие-либо действия бездумно, значит ценность их равна нулю, значит они управляют тобой. Научись контролировать свою жизнь... Научись осознавать себя всё время.

Кирилл много чего втирал. Он говорил о том, что мне нужно уничтожить своё прошлое, так как оно не даёт мне оторваться от земли. Он говорил о том, что я должен всё время помнить, что я смертен, иначе я начинаю совершать глупости. Он говорил о том, что мир на самом деле не таков, каким он кажется, что я должен всё время задавать

вопросы о том, кому выгодно то или иное действие, зачем оно нужно, к чему приведёт, кто за всем этим стоит... В общем, говорил он много, и хотя я его понимал, но внимание моё было очень сильно рассеяно...

- Соберись, - неожиданно резко сказал он и засадил мне болезненный щелбан, приведя меня в чувства. Сразу же всё стало возвращаться на круги своя, мысли бурной толпой кинулись в мою голову. - А теперь сконцентрируйся...

Прорыв

Рома, Кирилл, Игорь

- Соберись. Не теряй концентрацию!

Мир стал немного подрагивать. У меня началось головокружение. Совсем небольшое, но на ногах устоять я не смог бы. Хорошо, что Кирилл это заранее учёл и усадил меня на ковёр.

- Будь здесь и сейчас. Осознай себя и все свои ощущения. Отключи внутренний монолог. Ни о чём не думай.

Легко сказать, тяжело сделать. Мысли так и хотели начать рыться в моей голове. Периодически моё внимание переносилось то на отдельные детали мира вокруг, то на моё внутреннее состояние. Нужно было отключиться от всего и очистить свой разум, но сделать это было чрезвычайно сложно. Вот Кирилл сидит прямо передо мной со спокойным мутным взглядом, по которому невозможно ничего прочитать. Вот справа от меня на полу лежит и тлеет палочка благовония, источая терпкий сладковатый запах. Вот я слышу медленный густой, гипнотический голос Кирилла. Вот у меня пересохло в горле и из-за палочек приторный вкус во рту. Так и хочется потянуться до рядом стоящей чашки с чаем и сделать глоток. Но нельзя. Вот я вдыхаю воздух и он пробирается до дна моих лёгких. Вот я чувствую подушечками своих пальцев свои ладони. Я не шевелюсь, стараюсь не терять концентрацию, как мне и говорит Кирилл, но после того небольшого головокружения больше ничего не происходит.

Так я сидел до тех пор, пока не прогорела вся сандаловая палочка. После этого Кирилл сфокусировал свой взгляд на мне, улыбнулся и спросил:

- Ну, что?

Я пошевелился. Почесался. Посмотрел по сторонам, понюхал, поморгал... Никаких изменений. Ничего, абсолютно ничего не поменялось.

- Было небольшое головокружение, и мир стал терять свои очертания, немного поплыл, но теперь это прошло, - я стал описывать свои ощущения.
- Что-нибудь особенное заметил?
- Приторный привкус во рту появился - вспомнил я, взял чашку с чаем и сделал глоток. Привкус во рту стал растворяться. Я грел руки о чашку.

Кирилл задумался, уставив взгляд в пол.

Мы просидели в молчании, наверно, в течение пары минут, я не смел пошевелиться — не хотел перебивать мысли Кирилла, а после проделанных упражнений, мне не хотелось ни о чём думать, и уж тем более не хотелось говорить.

После длительного молчания, Кирилл поднял взгляд на меня и сказал:

- Я тебе сейчас скажу страшную вещь, в которую ты, конечно же, не поверишь. Когда мы начинали занятие, чашки, из которой ты только что выпил, в комнате не было. Мы уже на другой линии — на линии, на которой ты принёс в эту комнату чашку.

Меня это заявление рассмешило и удивило. Я точно помнил, как перед началом сеанса заварил себе чай на кухне, налил в свою любимую чашку и принёс с собой.

- Быть не может! Я всё помню. Причём, могу тебе в деталях рассказать, какую заварку засыпал, как я заваривал этот чай, в каком чайнике, какие у меня были ощущения, когда я грел руки о чашку, идя в эту комнату... Твоё заявление - по меньшей мере наглость. Память у меня не настолько плохая, чтобы меня можно было вот так вот обвести вокруг пальца дешёвым фокусом.

Я стал раздражаться, откуда-то у меня появилась не характерная для меня злость. Как у него вообще может повернуться язык сказать, такое обо мне?! Но Кирилл только усмехнулся:

- Это защитная реакция твоего организма. Собственное «я» из тебя сейчас так и прёт... Тебя аж раздуло. До такой степени, что ткни в тебя пальцем, ты лопнешь — комичное зрелище.

Эта фраза меня ещё больше подхлестнула и раззадорила, я почувствовал, как краска кинулась мне в лицо. Я стал рьяно объяснять Кириллу, что у него нет никакого права обвинять других. Кто он такой, чтобы делать такие заявления и так относиться к другим людям?! Конечно, люди бывают невнимательными, непослушными, но не все же — дебилы, неспособные отличить правду от вымысла!

Такое ощущение, будто что-то заполонило часть моего сознания — я был как в дымке и меня несло вперёд, я не контролировал этот процесс. Кириллу же, казалось, это всё только доставляло удовольствие. Он смеялся. Всё громче и всё сильнее. Он уже хватался за живот и бился в истерике, чем вызывал с моей стороны ещё более сильную ответную реакцию.

Вдруг, он кинул вперёд правую руку и щёлкнул пальцами прямо у моих глаз.

С меня как будто что-то свалилось. Я был опустошён. У меня случился упадок сил и отлив энергии. Я как будто попал в эмоциональную яму. Стало тошно.

Кирилл, ничего не говоря, показал бровями в сторону моих рук. Я посмотрел на них, но к своему удивлению, чашки, которую до того крепко держал, не увидел. Куда она делась? Я же точно помнил, как сделал пару глотков из неё, как держал в руках, помнил аромат чая. Я стал прокручивать у себя в голове всё только что произошедшее со мной, но так и не мог поймать, когда же чашка появилась, и когда она исчезла. Судя по всему, правда заключалась в том, что никакой чашки никогда и не существовало. По крайней мере, здесь, в этом мире. На этой линии?

Однако мой мозг не хотел в это верить, и я начал искать чашку, считая, что просто выпустил её из рук... Может, Кирилл наловчился и незаметно выхватил её у меня..?

Кирилл же просто сидел и с интересом наблюдал за мной. Не меняясь в лице он изрёк:

- Не ищи себе оправданий. Чашки никогда на этой линии не существовало, ты это прекрасно понимаешь. Вот только признаться себе в этом не можешь, так как это противоречит всему тому, чему тебя учили всю жизнь. Кроме того, ты всё ещё считаешь себя пупом земли...

- Но я же отчётливо помню, что только что держал её в руках! Помню всё в деталях. Она просто куда-то закатилась, я уверен, - не унимался я, заглядывая под диван.
- Если б она закатилась, ты бы сейчас был облит чёрным чаем. На самом деле она стоит себе спокойненько на полке на кухне, рядом с пустым чайником. Хочешь проверить?

Я кивнул. Кирилл пожал плечами, поднялся и, бросив мне: «пошли» - направился в сторону кухни. Я последовал за ним.

Мы подошли к шкафчику с посудой. Кирилл встал рядом с ним и скрестил руки у груди.

- Ну, открывай.

В этот момент я чувствовал себя участником какой-то популярной передачи, которому предлагают открыть ящик, для того, чтобы увидеть, жив ли кот Шрёдингера или нет. От меня уже ничего не зависело, единственный вариант, который у меня остался — это открыть ящик. Тем не менее, я переживал.

Я потёр руки и взглянул на Кирилла.

Тот стоял, не двигаясь, и пронзительно глядел на меня.

Я открыл ящик.

На второй полке снизу стоял чайник, а рядом с ним — злосчастная чашка. Проверил. Оба сухие. Никто ими не пользовался уже часа два точно.

- А, может, - начал я искать новые оправдания, - просто есть ещё одна чашка и ещё один чайник...
- Ты на правильном пути, - неожиданно подтвердил Кирилл, - только они не на этой линии, а на другой. Более того, в мире существует бесконечное множество таких же чайников и чашек. И каждый из них находится в каком-то своём состоянии. Есть даже множество разбитых чашек и чайников. Все эти чайные приборы имеют единую суть, единое первоначало, но различаются в зависимости от линии, на которой пребывают.

Я прошёл к стулу и плюхнулся на него. Кирилл остался стоять, скрестив руки на уровне груди, опираясь на холодильник, и продолжал рассказывать:

- Есть линия, в которой чайник пуст и сух, а чашка наполнена чаем. Есть линия, в которой оба они наполнены чаем. Есть линия, в которой они также оба сухи, но, например, чайник не белый, а тёмно-синий... А есть линия, на которой чайник — это корова, а чашка — это сизая трава. Этих линий бесконечное множество, но, как я тебе уже говорил, они отличаются друг от друга. Причём отличия могут быть как малыми, практически незаметными, так и очень существенными. Например, на некоторых линиях есть проекции объектов текущей линии. А на других нет вообще ничего похожего на вот этот вот мир, - Кирилл провёл рукой, показывая на комнату, в которой мы сидели. - При должном умении, ты можешь собрать любую из линий в любой временной точке. Собственно говоря, этим мы и занимаемся...

Наконец, Кирилл говорил что-то понятное и логичное. Наконец, я узнал что такое «конструктор». Или, по крайней мере, стал приближаться к пониманию того, что это такое. Я сел на стул.

- Наибольшая сложность в работе конструктора — сохранять концентрацию всё

время, не отвлекаясь ни на что и не принимая близко к сердцу происходящее вокруг. Нужно быть безупречным. Это как раз то, что ты должен был взять из многочисленной своей философской и эзотерической литературы: безупречность. Ты пока далёк от этого, из-за чего и попадаешь в ситуации, подобные произошедшей только что. Причём, пока мы с тобой только разогреваемся, и я тебе помогаю собирать самые простые миры. А представь, что будет, если, например, ты соберёшь мир, совершенно не похожий на этот? Например, мир духов?

Всё это казалось хоть и частично логичным, но всё-таки сказочным, нереальным. Из-за этого мой мозг пытался изо всех сил подвергать всё, что воспринимал, серьёзному сомнению и считал по умолчанию рассказни Кирилла бредом, хотя где-то внутри я чувствовал, что всё, о чём он говорит — правда.

- Вообще, все линии можно условно разделить на несколько «кругов», - продолжал он, - Малый круг. В него входят линии, в которых уже существуют твои проекции. Большой круг, в который входят линии без твоих проекций. Про алмазный круг я тебе потом расскажу...

Кирилл подошёл к шкафчику с посудой и, открыв его, достал чайник и чашки. Поставил их на стол. Затем занялся заваркой чая, продолжая своё повествование. Я же сел за стол.

- Главный «финт ушами», - спокойно говорил он, выбрасывая старую заварку и промывая чайник, - заключается в том, что все бесконечные линии «малого круга» тебе уже знакомы, так как в них всё это время жили твои проекции. Соответственно, собирая неосознанно другую линию, ты перехватываешь все знания своей проекции на той линии и забываешь всё из старой, оставляя уже на ней свою проекцию.

Вода закипела, Кирилл кинул заварки в чайник, залил водой и сел за стол. Я сел напротив него. Взгляд у него был совершенно спокойный и даже несколько отрешённый. Он вываливал на меня тонны информации, которую было непросто переварить и запомнить всем скопом. Но я старался.

- Стало быть, один из важнейших аспектов контролируемого сбора — это умение помнить как можно больше линий и действовать абсолютно осознанно. А достичь этого можно только увеличивая собственное осознание и развивая самодисциплину. Именно поэтому я тебе всё время вдалбливаю, что нужно заниматься собственным совершенствованием, а не уходить в непонятные миры, созданные фантазиями незнакомых тебе людей.
- Ты меня сегодня просто-таки шокируешь своей откровенностью, - вставил я. - Чем это я заслужил такой поток информации? Налей чаю, пожалуйста.
- Просто ты показал мне, что готов к восприятию этой информации, пришло время тебе рассказать об этом — вот и всё.

Кирилл, придерживая левой рукой крышку чайника, налил мне чаю. Потом себе. Я уселся на стул напротив него и сделал глоток из чашки.

Мне в голову пришла мысль:

- Если ты можешь собрать любой мир, то почему бы тебе просто не собрать линию, в которой чай уже заварен? Для чего делать так много лишних действий на этой линии?

- А ты думаешь, что сбор линии — дело менее затратное? Концентрации и энергии на этот процесс тратится значительно больше, чем на простые механические действия. Да, и к чему эти дешёвые фокусы? - Кирилл улыбнулся моей наивности.
- Ну, да, пожалуй, - согласился я. Впрочем, я не мог не согласиться, так как область, о которой рассказывал мой друг, была мне абсолютно незнакома.

Кирилл тем временем, по-видимому, перехватил дыхание и принялся опять заваливать меня информацией:

- В большинстве случаев для того, чтобы сохранить память как о новой, так и о старой линиях сбор должен происходить абсолютно осознанно. Однако бывают случаи, когда люди собирают другие линии, не переключаясь на них, то есть не вспоминая себя в них и не забывая себя в первой линии... Но тогда срабатывают различные защитные механизмы. Например, результат такого восприятия принимается за галлюцинацию, игру воображения, сон... Весь мир, в котором мы существуем, очень гармоничен и не терпит грубого вмешательства в законы бытия... Впрочем, об этом я тебе потом расскажу, - Кирилл улыбнулся. - Как и о многом другом. Всё равно ты пока даже не усвоил то, о чём я тебе только что рассказал, и для того, чтобы всё воспринять, тебе нужно будет ещё несколько раз перечитать «Прорыв» с самого начала...

Последняя фраза меня немало удивила, а Кирилл тем временем отпил из своей чашки, хитро посматривая на меня.

- Хватит спать, - неожиданно выдал он и дал мне подзатыльник, чем шокировал меня...

Я проснулся и резко сел в кровати.

Я был в своей комнате. На часах уже двенадцать. Кажется, я просто всё это время спал... Всё время с момента той аварии у Московского проспекта... Какой странный сон! И Кирилл в нём был такой учтивый, вежливый... Да и выглядел он внешне как-то иначе. Голова чешется.

Я протёр глаза и постарался вспомнить свой сон как можно более детально, попутно всё подробно записывая. Никогда у меня ещё не было таких чётких сновидений.

Зазвонил мобильник. Это был Миша.

- Игорь, привет! Как дела? - раздалось из трубки, - Я через час за тобой заеду. Ты готов к репетиции?
- А? Да, конечно, готов.
- Ты спишь, что ли?

Я усмехнулся.

- Да, я сплю.
- Так просыпайся! Времени совсем нет!

Художник

Дима, Дагни

Мы сидели с Дагни в ресторанчике «Гравицапа». В соседнем зале играл какой-то джазовый коллектив, обстановка была приятной, ужин — достойным. Дагни — неотразимой.

– Получается, что всё в мире пусто и бессмысленно? - спрашивает она.

Я усмехаюсь. Многие попадались в эту ловушку ложного вывода. Так же только что попала в неё и она. Додерживая паузу, я с некоторым наслаждением делаю пару глотков из бокала. Какое-то густое красное с плохо запоминающимся названием — заказывала Дагни.

– Есть одна вещь, ради которой стоит жить.

Взяв ещё одну небольшую паузу, я решаюсь сделать то, чего уже давно стараюсь никому не показывать — достаю из кармана ручку и принимаюсь рисовать на салфетке. Контуры глаз, изящный носик, губки, точёный подбородок, контуры лица, ушки, волосы... Движения аккуратные и выверенные — стоит надавить посильнее, и салфетка порвётся. Стоит нажать слабее, и нарисовать не получится. Ничего страшного, ничего критичного. Просто движения и концентрация... Всё это время Дагни внимательно наблюдает и не смеет прервать мою реплику, затянувшуюся в паузу, сидя не шелохнувшись. Такое ощущение, что она даже дышать боится.

Рисунок выходит очень схематичным и не таким подробным, как мог бы получиться, рисуй я на обычном листе бумаги. Я подвигаю салфетку Дагни, подпираю рукой подбородок и наблюдаю за её реакцией. Она явно такого от меня не ожидала. В её взгляде читаются смесь смутения, удивления и восторга. Она смотрит мне в глаза.

– Это я?

– Это я тебя такой вижу.

Она снова возвращается к созерцанию рисунка.

– Единственная вещь, имеющая смысл в этом мире — это любовь, - наконец, заключаю я.

– Потрясающе! Я и не подозревала, что ты умеешь так хорошо рисовать... - Дагни осекается, смотрит извиняющимся взглядом на меня и исправляется. - ...писать.

– Я одно время ходил в художественную школу..., - как будто оправдываюсь перед ней.

– Надеюсь, ты не забросил это дело? - Дагни с некоторой осторожностью смотрит на меня. - Тебе надо продолжать развиваться в этом направлении!

Я только неопределённо дёргаю плечами в ответ.

Одно время я действительно хотел бросить всё, поступить в «муху» и стать настоящим художником, но обстоятельства в семье сложились так, что я вынужден был избрать другой путь — путь, гарантирующий получение фиксированного дохода. Родители убедили меня, что великим художником мне никогда не стать, поэтому я и загнал свою любовь к рисованию куда-то очень глубоко, откуда она уже практически и не вылезала. Я практически перестал рисовать, только изредка что-то выводил на тетрадных листах во время лекций, когда был студентом, и на салфетках, во время раздумий, сидя в кафе. Я избавился от коллекции акварелей, которая у меня хранилась с юности, и теперь работал только карандашом и ручкой, и то не целенаправленно.

– Сам для себя я иногда рисую, но это всё несерьёзно, - небрежно бросаю я и делаю

глоток из своего бокала.

- Мне кажется, - тактично отмечает Дагни, проникновенно глядя мне в глаза, - что ты мог бы рисовать для других. У тебя талант... Это сразу видно...

Я начинаю морщиться и хочу уже уйти от этой в некотором смысле неприятной для меня беседы, но Дагни, видя это моё желание, улыбаясь, перехватывает инициативу, обеими руками дотягиваясь до моих рук через весь стол:

- Нарисуй мне картину! Нарисуй мой портрет. Ты рисуешь красками?

Несколько лениво и нехотя, я дёргаю плечами:

- В своё время учился рисовать акварелью.
- Портрет акварелью? - Дагни делает вид, что задумывается на секунду. - Мне кажется, это должно быть что-то оригинальное и лёгкое! Попробуешь?

Ну, как я могу ей отказать?

- Хорошо, я попробую. Для тебя сделаю исключение, - улыбаюсь.

В её глазах что-то загорается. Такое ощущение, будто она неожиданно для себя что-то открыла, что-то, что до этого не замечала, какую-то надежду, зацепилась за какую-то ниточку, ведущую в светлое будущее...

- Чего ты так светишься? - спрашиваю я.

Она только качает головой и улыбается. После чего поднимает бокал и со всей искренностью предлагает:

- За художника!

Ухмыляюсь. Что скрывать, мне льстит такое обращение. Чокаемся, выпиваем, глядя друг другу в глаза...

И тут, совершенно неожиданно, мне удаётся пробиться сквозь её вечно завуалированный взгляд, я нахожу, что под пеленой радости и хитрости скрывается грусть. Очень глубокая. Такая, как будто Дагни знает, что должно случиться что-то очень страшное. Что-то, что ей причинит очень сильную боль... И, скорее всего, причиной боли буду я... Однако видение это длится недолго, так как она в смятении (как будто поняла, что я это прочитал) вскакивает с места и, извиняясь, удаляется «попудрить носик».

В тот день у меня было такое ощущение, будто в моей жизни произошло что-то очень важное, что-то, определившее всё дальнейшее направление моего движения...

Марионетки

Рома, Кирилл

«Представители право-радикальной группировки «Точка эскалации» провели акцию сегодня под покровом тьмы в Петербурге. Они обезобразили несколько памятников архитектуры, нанеся на них символы своей организации, оставили нецензурные надписи на постаментах и сломали статую Самсона в центре города. Напомним, «Точка эскалации» - это фашистская организация, ставящая перед собой целью физическое уничтожение всего нерусского населения России...»

- Какой ужас! - озабоченно проговорила женщина за соседним столиком слева. - Фашисты в нашем городе! История повторяется опять!

- Да, - кивал мужчина, сидящей рядом с ней. - Дай Бог, чтобы эту заразу уничтожили на корню!

По телевизору продолжали дальше стандартной повесткой: Президент России Сергей Сергеевич Рыбин обсудил с каким-то там министром вопросы внутренней и внешней политики, потом он выслушал отчёт председателя правительства о том, что рожь колосится, а удои удваиваются... Но мне всё это было совершенно неинтересно слушать. Куда интересней было наблюдать за молодыми ребятами, сидящими за столиком справа и тихо подхихикивающими над впечатлительной парой.

- Знаешь, что я думаю по этому поводу? - шепнул первый второму.
- М?
- Марионетки.

Я сидел рядом и подслушивал, делая вид, что читаю Курта Воннегута, «Сирены Титана». На самом деле в последнее время мне было тяжело сконцентрироваться на чём-либо дольше пары минут. Поэтому, даже, если бы я действительно читал книгу, я бы всё равно не понимал, о чём она.

- В каком смысле? - спросил второй.
- Лица стёрты, краски тусклы... Дёргаешь за ниточки, они в ответ машут руками.
- Ну, да, ну, да, - согласился второй. - С таким серьёзным видом воспринимают телевизионные шаблоны.
- Я о том и говорю! Одного и того же человека можно назвать «оппозиционером», «бунтовщиком», «сепаратистом», «националистом», «фашистом», «террористом», а послушные бестолковые кролики будут это всё жрать и причитать...
- Ну, да. Это универсальный рецепт, - поддержал второй, - если ты хочешь, чтобы люди заведомо плохо относились к неугодному тебе лицу, то влети ему в лоб печать «фашист». Тем более, что это ничего не стоит, зато отношение в обществе сразу же сформирует. Правде это может и не соответствовать, но это совершенно неважно...
- Если так подумать, то слово «фашизм» в нашем обществе — это как красная тряпка для быка. Это что-то нездоровое, на генном уровне.
- Ну, фашизм — это вообще само по себе не очень здорово, - хмурясь заметил второй.
- Это само собой. Я о другом говорю: о том, что это универсальный инструмент манипулирования обществом...

Отстранившись от подслушивания бестолкового диалога, я попытался продолжить восстановление цепочки событий прошедшего дня, попивая свой капучино и держа взгляд на раскрытой книге.

Все эти вещи с линиями, чашками и чайниками произвели на меня очень сильное впечатление и кажется немного изменили меня. Я чувствовал в себе какие-то новые знания, силы, возможности. Однако пока я их не осознавал до конца и не знал, как ими пользоваться.

Как можно выбрать линию, если ты не знаешь, из чего выбирать? Как можно её собрать, если ты не знаешь что собрать и какие действия предпринять? Как можно

определить, что ты действительно собрал новую линию, если при сборе твоё личное прошлое заменяется чужим, и всё, на что ты можешь рассчитывать — это твой собственный мозг, который, как оказывается, может обманывать тебя не в меньшей степени, чем чей бы то ни было ещё?

Я ещё раз перевёл взгляд на телевизор. Там ведущая «Вестей», аккуратно причёсанная, строго одетая девушка, уже перешла на следующую животрепещущую тему — она с напором рассказывала про свиной грипп: о том, как он начался и каким образом попал в Россию из США (а откуда же ещё могло прийти такое зло?), что он нам несёт и как с ним бороться.

- По словам директора Российской академии медицинских наук, Амирова Сергея Владленовича, «Единственное действенное средство против свиного гриппа — Аскорбиновая кислота «Б76», которая содержит витаминный комплекс и поддерживает иммунную систему», - продолжала с напором и непробиваемой уверенностью ведущая.

Вот бы она сказала слово «жопа», - неожиданно подумалось мне, после чего голова легко закружилась буквально на одну — две доли секунды...

- Однако в любом случае самолечением заниматься не стоит, - продолжала она в том же духе, - и при первых же симптомах гриппа, нужно обращаться к врачу, иначе может случиться жопа, - сразу же за последним словом она поняла, что только что сказала, густо покраснела, смутилась, постаралась собраться и перейти к следующей теме.

Глаза мои округлились, а челюсть в удивлении слегка откинулась.

Что это было? Это я перешёл на другую линию? Это был параллельный или последовательный переход? А если предположить, что только что произошёл переход, как понять, что он действительно произошёл? Или, может, я просто сумел предвосхитить, что меня ждёт на моей же линии? Или это я повлиял на ведущую на расстоянии? Как определить, что же только что произошло на самом деле? Может, между моей мыслью и её оговоркой нет вообще никакой связи? Чистая случайность...

Я огляделся по сторонам, пытаюсь убедиться в том, что всё в порядке, никаких изменений нет. Чисто внешне ничего, вроде бы, не произошло. Наверно, это всё-таки просто совпадение.

А, может, я схожу с ума? Может, мне это только показалось? Я взглянул на ребят за соседним столиком. Прикидывая в голове, как бы всё обставить, я вздохнул, встал из-за стола и подошёл к ним.

- Извините, - прервал я их увлекательную беседу, распростёршуюся значительно дальше темы фашизма. - Скажите пожалуйста, а никто из вас не обратил внимание на то, что только что сказала ведущая по телевизору? - я кивнул в сторону телека.

Второй посмотрел на меня вопросительно, быстро что-то сообразил, улыбнулся и кивнул.

- Ага, она только что сказала слово «жопа», - он ехидно захихикал.
- Да... Я просто подумал, не показалось ли мне, - оправдался я. Затем в глубокой задумчивости, поблагодарил и направился назад к своему столику.

И как тут быть? Полученная информация совершенно не помогла, а только породила ещё ряд вопросов. Может быть, всё таки я собрал другую линию? А что, если я всё время

собираю другие линии и не могу даже этого почувствовать и заметить? Возможно, я сейчас уже не тот, что был час..., нет, даже минуту, секунду назад! Как можно быть уверенным в собственном прошлом, если оно может замениться на чужое в любое мгновение, и ты этого даже не почувствуешь?

Пол стал уходить из под ног, я сел. Мысли кинулись в голову гурьбой и толкаясь стали прорываться наружу, я закрыл глаза, пытаюсь никуда не уплыть, и почувствовал, что мне срочно нужна помощь.

Нащупал мобильник в кармане, достал.

Руки трясутся.

Открыл глаза, нашёл номер Кирилла.

По телу дрожь.

Набрал и облокотился на стол. Гудки. Гудки. Гудки.

– Алё?

– Алло! Кирилл, привет!

– А, привет, Ромка!

– Слушай, со мной чёрт знает что творится! - кажется, во время разговора у меня начали даже постукивать зубы. - Я не могу понять, где я, я не могу понять, что происходит с миром вокруг меня, кто здесь настоящий, а кто нет, настоящий ли я... - я обратил внимание, что хожу вокруг, да около, а сути своего дела изложить почему-то никак не могу. - В общем, мне нужна твоя помощь, - заключил я, потирая лоб и пытаюсь успокоиться.

Молчание на другом конце, казалось, длилось вечность. Было ощущение, будто Кирилл ищет ответ в каком-то гигантском справочнике, на букву «С» для слова «Сумасшествие», неспешно листая страницы. А, может, он ушёл в другую комнату для того, чтобы с кем-то посоветоваться, оставив свой мобильный телефон на столе? Одним словом, мне казалось, что он совершенно не торопится, делает всё слишком медленно, а дело моё на самом деле отлагательств не терпит. Каждая секунда на вес золота!

– Расслабься, балда! - наконец выдал он. - Из-за твоих глупых вопросов, на которые ты пока не можешь найти никакого удовлетворительного и вразумительного ответа, тебя кидает из стороны в сторону. Просто расслабься! Не думай ни о чём. Это единственное, что ты сейчас можешь сделать.

– Расслабиться? И всё? Думаешь это так просто?

– Да, это просто, если просто сделать это, а не силой стараться расслабиться.

– Понятно, - ответ Кирилла меня откровенно расстроил. - Ну, хоть на этом спасибо.

– И не дуйся на меня! - неожиданно выдал он. - Тебе этого делать категорически запрещается. Особенно сейчас! Останови внутренний монолог! Расслабься!

– Ладно, ладно...

– Всё, пока. У меня совещание...

Гудки.

Расслабиться? Внутренний монолог? Как всегда, общие, красивые слова, мало

имеющие общего с реальностью.

Я откинулся на спинку стула, закрыл глаза, и попробовал представить голубое, чистое небо — этому меня учил в детстве папа. Небо представить у меня никогда не получалось, но отвлечься обычно помогало.

Дрожь в руках, дрожь в коленках, даже дрожь в животе вначале давали о себе знать. Вместо неба получалась неясная туманная рябь. В течение нескольких минут я явно ощущал внутренний жар, который не давал мне никак прийти в себя. Стараясь не отвлекаться, концентрируюсь только на синем, безоблачном, чистейшем небе, я отфутболивал любые появляющиеся мысли, пытавшиеся вылезти наружу из глубины подсознания, и старался не обращать внимание на неприятные ощущения...

Только небо! Ни одного облачка! Никаких тяжёлых туч! Голубое, как в ясный летний день. Воздух прохладный, прозрачный и чистый. Солнце в зените, но я его не вижу. Я гляжу на тот кусочек неба, в котором солнца нет.

Я вдохнул и мне даже показалось, что я вдохнул тот самый приятный свежий воздух, который только что мне представился, а не воздух кондиционируемого помещения с запахом кофе.

Я открыл глаза.

Мир был обыкновенным, но он мне нравился. По какой-то причине мне стали совершенно безразличными все возникавшие до этого вопросы. Мне просто было хорошо.

Я посмотрел на часы, уложил книжку в портфель и направился в сторону вуза — предстояла лекция по «Теории игр».

Движение к краю пропасти

Игорь

День за днём не сулили ничего хорошего. Тот урок, который мне преподавал Кирилл, казалось забылся, скрылся за волнами нахлынувших проблем. Я не помнил, что же случилось со мной после той аварии, как я добрался домой — всё было как в тумане, а явь смешалась со сновидением. В голове была полная неразбериха, вот только времени на то, чтобы разгрести весь этот мусор у меня особенно и не было — я работал. Я работал на износ, пытаюсь найти деньги для проекта, правда результата не получал никакого. Уставший приходил домой, утыкался в телевизор, лёжа на диване, выпивал коньяку, закусывал яблоком, после чего ложился спать. А утром я просыпался, садился за телефон, искал компании в «Жёлтых страницах», обзванивал, потом ехал в город и обходил некоторые из них пешком. Много потраченных сил с никаким результатом.

Видя тщетность всех своих поисков, я уже стал подходить к мысли о том, что, возможно, мне пора искать работу в другом банке. Эта идея нагоняла жуткую тоску и только какая-то скрытая часть меня наивно верила в то, что не всё потеряно, что некоторый маленький сантиметр шанса всё ещё есть, а я просто его не замечаю.

Начали сниться очень странные сны. В них я видел своих друзей, которые каждый раз совершали какие-то подлые поступки: подставляли меня, бросали в трудные моменты, отворачивались от меня и предавали. Это вызывало немалые муки во сне, а когда я просыпался, негативные эмоции оставались. И с таким испорченным с утра настроением я отправлялся на поиски своей птицы счастья. В воздухе стали витать раздражение, агрессия и недовольство.

С музыкой от репетиции к репетиции становилось всё хуже и хуже. Я перестал

развиваться. Ударная установка как таковая перестала меня интересовать. Точнее она просто отошла на второй план — её заслонила вся эта гнетущая ситуация с работой. Не знаю, что меня заставляло посещать репетиции. Возможно, это было какое-то скрытое желание получить помощь от Кирилла и поддерживать с ним контакт... Подспудно я понимал, что на самом деле он был единственным человеком, который мог бы помочь мне во всей этой ситуации. Он же, в свою очередь, видя, что со мной происходит, занимал необычную для себя позицию: ничего не комментировал, ничего не советовал, ничего не критиковал. Я даже попытался как-то напрямую спросить у него совета, но он только сухо отрезал: «я тебе уже всё рассказал и показал. Помогай себе сам!».

Однажды мне приснилось, что я нахожусь в психиатрической больнице. Кажется, нечто подобное мне уже как-то снилось, и вот сон повторился. Точнее не сон повторился, а обстановка. В это раз я сидел в кресле во всё той же комнате, что и в прошлый раз, и глядел в окно. Рядом со мной сидела девушка и спокойным голосом читала какую-то книгу.

«С нами всё хорошо, счастье моё! - успокаивающе тихо проговорил Егор. - Что тебя беспокоит?» - читала девушка. - «Да просто... — неопределённо ответила Лиза и замолчала. Она явно чувствовала что Егор затеял что-то неладное...»

Я повернул голову к девушке и взглянул ей в глаза. Она оторвалась от книги, и лицо её озарилось:

– Мэтью! Это ты? Ты меня видишь?

Я хмыкнул и криво улыбнулся, собираясь ответить, но меня перебил скрипящий голос за спиной:

– Он слушает, но не слышит, смотрит, но не видит, - голос явно ненормального человека, переходил на крик. - Слепец! Прозри!

Девушка вскочила в испуге и закричала:

– Санитар! На помощь!

А человек оказался передо мной, схватил меня за горло и начал душить. Он сжимал мою шею и тряс меня из стороны в сторону. Я вцепился в его руки, пытаюсь их разжать, но хватка у него была железная.

– Покайся, грешник! - кричал пожилой человек с перегнившими зубами, большой бородавкой на носу и блеклыми глазами, сжимая хватку всё сильнее. - Покайся!

Он дал мне сильную пощёчину, из-за которой мир перед моими глазами поплыл. От его дыхания меня замутило, всё потемнело и я потерял себя, уйдя в другой сон.

Проснувшись после такого очередного неприятного кошмара, я почувствовал, как горит моя щека. Не уж то я так живо переживаю сновидения? Жуть! И как же мне теперь лечь спать?

Лёжа в постели и думая о себе и своей жизни, я понял, что в этом мире нет ни одной вещи, ради которой мне стоило бы встать с кровати и пойти впахивать по новой, как я это делал каждый день до того.

За окном в полном разгаре была зима. Только весь выпавший до того снег, уже успел растаять и превратиться в серый лёд. Тепло одетые люди в одинаковых болотных, чёрных и тёмно-синих пуховиках, куртках и зимних плащах бежали по своим делам, наверно,

даже и не задумываясь о том, зачем они это делают. Блѣклые от грязи машины сновали по проспекту под окнами. Мир жил, двигался, один я лежал в своей кровати, глядел в потолок и не видел смысла в том, чтобы встать и двигаться.

Я взглянул на часы. 11.20. Ещё минут 40 и отдел бизнес-анализа отправится на обед. Метро уже работает почти 6 часов. Большинство магазинов — 2 часа 20 минут. Один я до сих пор лежу и не вижу в этом движении никакого смысла.

Я дотянулся до пульта телевизора и щёлкнул на кнопку включения. По нему вещали о свином гриппе. Судя по всему, кому-то было нужно накалить обстановку вокруг этого дела. Грипп есть грипп, каким бы он ни был: свиным, козлиным, лягушачьим, человечьим... — мне об этом рассказывал знакомый врач. Уничтожить вирус гриппа какими-то средствами нереально. Организм сам должен справиться с ним. А по телеку несли какую-то чушь, явно вливая в мозги людей информацию с какой-то целью. То ли ради повышения продаж медикаментов, то ли ради отвлечения от каких-то более насущных событий...

Стало противно.

Выключил телек.

Как легко можно манипулировать людьми! Достаточно сказать фразу с экрана, и она сразу же для большинства становится указанием к действию. Как бы так заставить людей задумываться, задавать вопросы об окружающем мире и не идти на поводу других людей? Как бы так научить людей быть самостоятельными и сильными? Возможно ли это? Да, и нужно ли это?

В голову сразу же почему-то пришёл Сергей, которого никогда ничего кроме секса и вечеринок не интересовало. В итоге и работает себе программистом, а всё свободное время тратит на тусовки. Его никогда не интересовало собственное развитие, ему некуда стремиться. А как можно человека без стремлений, человека, который никогда ни о чём не задумывается, а от сложных вопросов просто отмахивается фразами типа: «меня это не интересует» или «а я всё равно ничего сделать не могу» - заставить задумываться, заставить проявлять интерес к жизни вне тусовок? Да и надо ли это делать в принципе?!

Зазвонил мобильник. Это был Миша. Настроение препоганое, и разговаривать ни с кем совершенно не хотелось...

Взял мобильник и выключил его. Всё. Меня нет! Игорь исчез! Игорь растворился. Игорь умер.

Неизвестно ради чего, я направился на кухню. Там меня ждала полупустая бутылка коньяка, оставленная ещё вчера вечером на столе. Бутылка не исчезла, коньяк не испарился за ночь — это явно был знак свыше! Открыл бутылку и выпил. Проблем почему-то не убавилось, но отношение к ним стало более равнодушное. Достал диск Pink Floyd “The Wall”, поставил на проигрывание, уселся на диван с бутылкой в руках, стал слушать и выпивать.

Я начал движение в каком-то непривычном для себя направлении. По-видимому, в очень опасном направлении, но меня это особенно не волновало. Какая разница, что со мной произойдёт? Кому какое дело? К чёрту всё!

Кровавые деньги

Игорь

Моя депрессия была безгранична. Несколько дней я сидел дома и никуда не вылезал. Я

даже не заметил, как вся страна встретила и отпраздновала Новый Год. Я плюнул на репетиции — играть абсолютно не хотелось, всё равно музыка шла как будто из-под палки. Я уже чувствовал, что группа близка к развалу. Но что я мог поделать? Руки сами опустились, поднять их не удавалось, да и не было ни малейшего желания. Я понял, что ничего у меня никогда не получится, и жизнь моя ни черта не стоит... Рома с Димой, как будто специально исчезли из моей жизни, оставив меня один на один с депрессией. Стали посещать мысли о самоубийстве. Я потерял всякую надежду на осуществление своей мечты...

Только потребность в еде заставила меня однажды выйти из дома и прогуляться. Совершенно неожиданно меня потянуло в сторону метро, и я решил не противиться этому призыву, который в итоге привёл меня к странному человеку...

Внешне он выглядел очень интеллигентно и даже благородно. Ему, наверно, уже было сорок — сорок один год, но седина в волосах всё ещё только начинала расцветать. Брови были чёрные и густые, нос прямой, практически римский, губы узкие, глаза — тёмные. Но при всём при этом у него был абсолютно потухший взгляд (наверно, даже ещё более потухший, чем у меня), лицо не выражало никаких эмоций. Казалось, что он потерял что-то очень важное, что-то внутри себя. Теперь с этой потерей, его уже ничто больше не интересовало, не волновало и не держало в этом мире. Голос у него был абсолютно сухой, не выражающий эмоций, но уверенный. Даже самоуверенный.

- Как, как Вы сказали? - переспросил я, слабо веря своим ушам.
- Сто тысяч долларов.
- А что от меня требуется?

Я не доверял этому человеку... Мало ли, что он хочет сделать. Тем более с таким взглядом... Людей с таким взглядом ничто не в силах остановить. Такие люди наиболее опасны для общества, так как ни от чего не зависят и ничего не желают. Кажется, в этом человеке я увидел себя, и меня это испугало. Однако три ключевых слова: «сто», «тысяч» и «долларов» - включили во мне некоторую надежду на возможное светлое будущее.

- Помочь мне в одном небольшом деле, о котором я Вам расскажу на месте, если Вы, конечно, примете моё предложение... - он улыбнулся губами, не меняя своего усталого взгляда.

«Вы» он произносил с особым почтением, но без напора. Я последовал его примеру:

- То есть Вы предлагаете мне согласиться сделать то, о чём Вы мне не можете рассказать?

Он еле заметно кивнул, чуть прикрыв глаза.

Я пытался, оценивая его взглядом, понять, чего же мне ждать от этого странного человека, однако сделать этого не удалось — перед ним как будто был выстроен какой-то непроницаемый барьер. Я попытался было прислушаться к своим чувствам, как учил Кирилл, чтоб понять, не ждёт ли меня что-нибудь нехорошее от этой «сделки», но собраться никак не получалось — такое ощущение, будто меня кто-то сильно и настойчиво отвлекал. Панически пытаюсь взвесить все «за» и «против» для того, чтобы принять правильное решение, я стоял и смотрел на этого человека, пытаюсь найти хотя бы какую-нибудь подсказку. Но подсказки не было. Ни от человека, ни от проходящих мимо людей, ни от меня самого.

Однако в голову мне пришла очевидная мысль: я излишне боюсь за свою жизнь,

цепляюсь за неё, хотя совсем недавно уже вроде бы смирился с тем, что ценность её равна нулю. На лицо был некоторый парадокс...

Несмотря на всю сложность и неоднозначность ситуации, несмотря на отсутствие какой-либо информации, несмотря на все риски, я всё-таки решился:

- Я согласен.
- Отлично. Тогда следуйте за мной.

Квартира его была вся увешана различными плакатами на тематику убийств и самоубийств. Стены были светло жёлтыми. Освещение – тусклое. Полы – из тёмного дерева. Под специальным фонарём, слева от входа в квартиру, висела картина, вызвавшая во мне смешанные эмоции: на ней печальная и красивая девушка с томным взглядом и косой чёлкой чёрных волос медленно просверливала себе дырку в голове ручной дрелью. В квартире стоял запах сандаловых палочек. Вся обстановка навевала кучу негативных эмоций. Меня удивило, как этот человек мог жить в такой квартире. Я бы выпрыгнул из окна уже на утро, после ночи проведённой в таком интерьере.

- Раньше, когда я был маленьким, – начал, по-видимому, оправдываясь мой новый знакомый, – я воспринимал самоубийство как месть кому-либо: Вот я вам покажу! Вот меня не станет, и вы все пожалеете!, - он стиснул кулаки, показывая, как он им покажет. - Слишком любил себя и считал себя важным, по-видимому. Сейчас я стал серьёзней.

Он на секунду задумался, после чего продолжил:

- Самоубийство – это не метод мести, а возможность решения проблем. Так всегда было и везде. Люди кончали жизнь самоубийством для того, чтобы не забивать себе голову поисками методов решения проблем. В Японии, например, самураи кончали жизнь самоубийством для того, чтобы смыть позор с себя и своей семьи.

Он посмотрел на меня испытующе, ожидая, как же я отреагирую на его слова. Я не показывал своего смущения, слушал внимательно, не отводя взгляда и, кажется, даже не моргая.

- Есть, правда, люди, которые к суициду относятся безответственно – для них это всего лишь «показуха». Такие люди просто так и не выросли: они на самом деле не хотят умирать – им хочется, чтобы проблема решилась сама собой (будь то любимый человек вернулся или долги исчезли). Эти люди не станут себе откусывать язык, когда у них руки связаны, как это, например, делали воины ниндзюцу. Они не перегрызут себе вены, когда под руками нет острых предметов, они не повесятся на своём нижнем белье, когда нет верёвки, они не просверлят себе голову ручной дрелью, когда под рукой больше ничего нет. Эти люди всё делают красиво, торжественно, так, чтобы другие увидели и ужаснулись, захотели что-то изменить. Если вены, то только бритвой и поперёк, а не вдоль, как надо. Если вешаться, то только на верёвке с плохо завязанным узлом. Они дилетанты, ничего не понимающие в этом искусстве.

Искусство? Первый раз в жизни я слышал о таком отношении к простому процессу лишения себя жизни. Нехорошие чувства прокрались в моё сердце.

- И много раз Вы пытались покончить жизнь самоубийством? - попытался отшутиться я, но мой собеседник воспринял вопрос на полном серьёзе.

- С жизнью кончают только один раз, Игорь, - наверно, я сказал ему как меня зовут по дороге к нему домой. Не помню. - Больше быть не может ни при каких обстоятельствах. Я всё ещё жив.

Я решил, что продолжать эту странную дискуссию не стоит, и постарался подвести его к цели нашей встречи.

- Так Вы говорили, что готовы выделить мне сто тысяч долларов, но при каком-то условии...
- Да, – голос его стал сразу же формальным и жёстким, мы прошли в комнату с белыми стенами, он уселся в чёрное кожаное кресло с идеальными квадратными сторонами, завалив ногу на ногу, сверля меня своим взглядом. – Садитесь, - указал на такое же кресло напротив.

Я сел.

- Я дам вам сто тысяч долларов при условии, что вы поможете мне покончить жизнь самоубийством.

Шок!

Как к этому отнестись?

Я начал лихорадочно соображать, что же на это сказать, но слова не клеивались в предложения, а только беспорядочно рассыпались. Я вскочил и, морщась, стал смотреть по сторонам. Мною овладела паника. Я готов был убежать из его квартиры.

- Это ваш шанс, – не дожидаясь момента, когда я окончательно двинусь или смогу наконец выдать из себя что-то более-менее вразумительное, сказал мой собеседник. – Если вы откажетесь, то я выйду на улицу и найду без особых проблем того, кто согласится мне помочь и за меньшую сумму. Хотя, – с небольшим пренебрежением добавил он, – деньги для меня тут не играют никакой роли. Я могу достать любую сумму.

Голос его действовал на меня гипнотически. Когда он говорил, я отключался от мира, моё воображение, явно рисовавшее до того кровавые сцены, засыпало.

- Мне просто показалось, что из всех людей вокруг вы-то меня можете понять как никто другой.

Я сел назад в кресло. Мой сжатый и сухой голос только и выдал:

- Зачем вам я?
- Дело в том, что мне нужно всё сделать в виде особого ритуала, - спокойно продолжал человек, успокаивая моё распаниковавшееся сознание своим спокойным голосом. - Детали вас ни в какой мере не касаются, это только моё дело. Вы просто должны будете в определённый момент отрубить мне голову.

Взгляд его был умиротворённый, и говорил он так, будто мы разговаривали о погоде. Это меня окончательно успокоило, и я уже стал относиться к этой идее значительно проще.

- Видите ли, – собрался я, наконец, с мыслями – дело очень деликатное, может потребовать от меня различных неприятных и непредвиденных расходов, может потянуть за собой различные последствия.
- Я вас прекрасно понимаю, - кивнул человек. - Но уверяю вас, что мы сделаем всё

так, что никто не узнает о вашей помощи мне.

Я задумчиво закивал и продолжил:

- Всё равно, вы должны меня понять: мне ни разу не приходилось никого убивать до этого.
- Рассматривайте это не как убийство, а как помощь мне, - уверенно, но при этом с лёгкостью проговорил человек. - Дело в том, что, если вы этого не сделаете, то я буду умирать долго и в муках, в течение нескольких часов. Ваша же помощь избавит меня от этих мук.
- Тем не менее, это для меня впервые... Поэтому..., - я сделал небольшую паузу.

Я уже окончательно похолодел. Рассудок вернулся ко мне, а сердцебиение пришло в норму. Чего я теряю? Какая разница? Игорь же уже умер! Хуже быть не может!

- Двести тысяч, и я сделаю для Вас всё, что угодно.

Так у нас появился источник финансирования проекта «.». Деньги получились грязными и даже кровавыми, но какая к чёрту разница?! С такими деньгами на руках я уже мог не только жить, не беспокоясь о том, на что поесть, но и спокойно развивать свой проект, ни от кого при этом не завися. А депрессию как рукой сняло.

Кириллу детали всего произошедшего я не рассказывал, сказал только, что нашёл деньги, а он, конечно же, с важным видом знатока заметил:

- Я же говорил: не старайся, а просто возьми!

Взгляд назад

Рома, Кирилл

По магическому стечению обстоятельств я натолкнулся на Кирилла на Невском после своих занятий прямо перед входом в метро — как будто он меня там подкарауливал... Мы пожали друг другу руки и остановились поболтать, пока люди сновали в обе стороны. Я рассказал ему о своих сомнениях и мыслях, не дававших мне покоя тогда, в кафе. Он в свойственной для себя манере отмахнулся от всего этого и заметил:

- То, о чём ты говоришь, совершенно неважно. Увидел ли ты это будущее или создал его — на твоём уровне это несущественно. На самом деле это вообще одно и то же. Что для тебя сейчас действительно важно, так это научиться наблюдать за своим прошлым.
- Чего? - не понимал я его. - Может, ты имел в виду «наблюдать за настоящим»? Какой смысл следить за прошлым-то?

Мы разместились между входом и выходом из метро, изнутри шёл тёплый воздух с классическим метрошным запахом шпал, пропитанных маслом.

- В том-то и дело, что в идеале наблюдать нужно за собой на протяжении всего времени. Настоящее бесценно и упускать его — жуткая расточительность. Но потерять своё прошлое ещё хуже, так как это означает потерять себя. Люди живущие только сегодняшним днём подобны одуванчикам. На них дунешь, они и разлетятся на кусочки. Чтобы быть крепким, чтобы быть самим собой, нужно понимать, кем ты был. А для этого нужно наблюдать за своим прошлым.

- Да что за бред? - возмутился я. - Как я могу наблюдать за тем, что уже прошло?!
- Ну, для начала попробуй вспомнить несколько ключевых эпизодов своей жизни. Это должны быть такие эпизоды, которые повлияли на то, что ты находишься именно здесь и сейчас.
- Типа как я лекцию прочитал? - съехидничал я.
- Да нет же! Такие события как твоё поступление в вуз, переезд в Питер или знакомство с Игорем... - попытался подсказать Кирилл. - Без них ты был бы совершенно другим!
- Да я был бы другим, если бы сегодня зубы с утра не почистил! - возразил я в ответ. - Как я могу определить, что существенно, а что нет?!
- Подумай. Потрать на это час своего времени, составь список.
- Ну, не знаю, - сопротивлялся я.

Мне казалось, что Кирилл как всегда вместо того, чтобы помочь мне найти ответы на вопросы, уводит в сторону. Какое к чёрту прошлое?! Зачем за ним наблюдать? Как будто оно может измениться!

- И, если ты думаешь, что прошлое жёстко задано, то ты ошибаешься, - как будто прочитал мои мысли Кирилл. - Это сейчас ты более-менее крепко стоишь на этой линии и считаешь, что всё именно так, как ты это помнишь. Однако стоит тебе собрать другую линию, причём не важно, сильно она будет отличаться от твой текущей или нет, как ты совершенно потеряешься в своём прошлом. Если ты не хочешь безвольно болтаться между линиями, то тебе нужно помнить, куда возвращаться. А для этого надо взглянуть назад.

Я тяжело вздохнул.

Кирилл как всегда себе противоречил.

- Ты сам себе противоречишь. До этого ты мне всё втирал, что я должен быть здесь и сейчас, должен осознавать свои действия, присутствовать в своём настоящем, а теперь ты меня убеждаешь переключиться на прошлое.

Кирилл помотал головой.

- Не-не-не! Я не прошу, чтобы ты переключался на прошлое. Ты должен быть здесь и сейчас, но ты должен уметь контролировать своё прошлое. Начни с нескольких важных точек. Потом к ним ты сможешь добавить менее важные. Да в конце концов, если ты будешь хотя бы представлять, где примерно находится твоя линия, то ты уже сможешь сохранить себя.
- Я подумаю, - нехотя выдал я. - Так ты идёшь в метро или ты меня специально отыскал и поймал для того, чтобы рассказать эту ерунду?

Кирилл посмотрел на меня с укором, помолчал пару секунд, после чего покачал головой и сказал:

- Как знаешь.

Затем он резко развернулся и быстрым шагом ушёл, смешавшись с вышедшей как будто специально для него толпой людей из метро. Я даже не успел его окрикнуть — так быстро и неожиданно это произошло. Я метнулся было за ним, пробежал метров пятьдесят, но найти его уже не смог. Было такое ощущение, что он просто пропал — как

будто его и не было тут вовсе, а мне просто показалось.

А, может, действительно показалось?

А был ли разговор?

Я в растерянности направился домой.

Начало руководства

Игорь, Дима, Сергей

Я назначил встречу в заведении «Кофе Хаос» для того, чтобы обсудить организационные вопросы по сайту. Дима пришёл вовремя, Сергей, как всегда, опоздал. Его неорганизованность меня раздражала. Возможно, это было единственное в нём, что меня раздражало — всё остальное меня бесило. Впрочем, он мне был нужен, поэтому я терпел, однако, чувствовал, что когда-нибудь могу просто сорваться и сделать с ним что-нибудь нелицеприятное.

- Я достал деньги, - заявил я, пока мы сидели и ждали, когда же к нам придут принять заказ. - Их должно быть более, чем достаточно, единственная проблема в них — это то, что они чёрные.

Сергей улыбнулся слову «чёрные», я постарался это проигнорировать, чтобы лишний раз не злиться.

- Я боюсь спросить у тебя... - с опаской произнёс Дима.
- Тогда не спрашивай, - перебил я, посмотрев на него холодным взглядом. - В общем, первое время ваша зарплата будет только наличностью. Я постараюсь найти, как эти деньги сделать потом белыми и придать нашей деятельности легальный характер. Офис, опять же, надо снять официально, а не за чёрный нал. Но пока только так.
- Без проблем, фигня вопрос, - уверенно проговорил Сергей. - Меня вообще не колышет, откуда деньги и какого они цвета.
- Меня колышет, но я первое время переживу, - озабоченно проговорил Дима.
- Отлично, - заключил я. - Что у нас с техническим заданием?
- Первую версию я уже набросал, сейчас занимаюсь прототипом, - ответил Дима.
- Когда закончишь?

Дима тяжело вздохнул и начал оправдываться:

- Я итак все остальные проекты закрыл и новые заказы не беру, занимаюсь только «.»... но у меня, знаешь ли, тоже есть своя личная жизнь.
- Так когда? Я же не спрашиваю, «почему», я спрашиваю, «когда», для того, чтобы распланировать свои действия.
- Ну, дай мне ещё неделю, - нехотя проговорил Дима.
- Отлично! - заключил я.
- И, кстати, - добавил Дима, - у меня родилась идея, как можно решить проблему с единым центром.
- И как? - спросил я.

- Искусственный интеллект, который будет контролировать центр и в случае угрозы будет переносить его с домена на домен. Я уже даже имя ему придумал — Элла.

Я пожал плечами.

- Не знаю. Пока звучит непонятно и как-то фантастично. Не верю я во все эти роботы и непилотируемые машины.
- Это вполне реально сделать, - уверенно, с огоньком в глазах проговорил Дима.
- Ладно, - подытожил я. - Это хорошо, но пока давай без этой твоей Эллы. Сейчас не до неё.

Сергей сидел, развалившись на стуле и как будто отсутствовал. Кажется, он даже не слушал, что говорил Дима.

- Что с дизайнером и верстальщиком? - продолжил я.
- У меня есть для этого ребята. Но пока я не подготовлю прототип, им делать нечего, - ответил Дима. - Кстати, есть знакомый художник. Я ей рассказал о сайте, ей понравилась идея, и она уже набросала пару вариантов логотипов.
- Она? - спросил я.
- Да, она. Тебя это смущает?

Я ухмыльнулся.

- А она красивая? - вмешался Сергей, как будто проснувшись, услышав ключевое слово.

Дима неопределённо повёл плечом.

- Да, вроде бы, ничего.
- Фотка есть? - продолжил Сергей допрос. Я решил не вмешиваться, мне и самому было любопытно.
- Может быть. Сейчас посмотрю.

Дима полез в мобильник, в контакты, нашёл там девушку по имени Лена и показал нам.

- А сиськи у неё ничего, - оценил Сергей. - Да и фигурка что надо!
- Тебе бы только на сиськи смотреть, - с ноткой возмущения проговорил я.
- Так, Димыч, - игнорируя меня, заключил Сергей. - Я кое-что понимаю в дизайне, так что мне обязательно надо встретиться с этой Леной.
- Отставить сексуальные игры! - отрезал я. - Этого ещё не хватало! Работа и секс не совместимы!
- Зануда... - с досадой проговорил Сергей и опять отвалился на свой стул.
- А эта твоя Лена может мне показать логотипы? - продолжил я.
- Да, конечно, - ответил Дима. - Давай я тебе её телефон дам.
- Эй! Что за фигня?! - возмутился Сергей. - мне значит нельзя, а тебе можно?!
- Просто не у всех людей все мысли сводятся к сексу, - с важным видом заявил я. - Тебе она интересна только как сексуальный объект, а мне она и вовсе неинтересна, мне интересны её логотипы.

- Мне тоже интересны её логотипы! - в шутку засопровтивлялся Сергей. - У неё такие логотипы! Вах!

Я хмыкнул и покачал головой.

- Серёга, уймись, - с улыбкой попытался успокоить его Дима.
- Ладно, тему с логотипами закрыли, - заключил я.
- Логотиинииипы, - протянул мечтательно Серёга.
- Дима, ты уже показывал техническое задание Сергею? - попытался я вернуть дискуссию в конструктивное русло.
- Да, я ему уже скинул черновую версию.
- Сергей?
- Чего? - вопросительно посмотрел он на меня.
- Что думаешь по поводу т.з.?
- Пока ничего. Я ещё не все свои проекты закрыл, и посмотреть его не смог.
- Когда? - с напором спросил я.

Сергей замялся, покачал головой, немного подумал, после чего ответил.

- На этой неделе я закрою текущие проекты, так что посмотреть и оценить смогу только в понедельник.
- Договорились. Тогда в понедельник вечером я тебе звоню, и ты мне рассказываешь, что думаешь по этому поводу, и сколько это у тебя может занять времени.

Сергей нехотя кивнул.

- Дима, тебя я не трогаю ближайшую неделю, созваниваемся соответственно в следующую среду и адаптируем планы.
- Да, давай так.
- Отлично! - заключил я. - Теперь приятная часть.

Я полез в свою сумку, достал оттуда два конверта. На одном было написано моей рукой «Дима», а на другом - «Сергей».

- Это аванс. Как и договаривались, сорок процентов.

Я протянул им конверты.

- Вот умеешь ты, Игорь, мотивировать людей! - воскликнул Сергей и схватил конверт. - У меня сразу же желание работать появилось!
- Не потратить только всё в один день, - попытался предостеречь я.
- Это уже моё дело, как с этим справиться, - жадно ответил Сергей.
- Впрочем, да, какое мне дело?.. - буркнул я в ответ. - Главное — работу выполняй.

После небольшой паузы, повисшей в воздухе, я встал из-за стола и заключил:

- Ну, раз все вопросы решены, а официантка так и не подошла, предлагаю расходиться.

Сергей с Димой встали, и мы втроём пошли на выход.

Портрет акварелью

Дима

У меня всегда была достаточно хорошая визуальная память (внутренний художник обязывал). Хватало одного взгляда на пейзаж, на здание, на человека, как я уже с закрытыми глазами мог более менее точно восстановить увиденное. Наверно, ещё в детстве родители во мне заложили этот дар, а со временем он у меня, конечно же, развился. Руки я научился контролировать ещё в детстве, когда ходил в кружок ИЗО. Благодаря всему этому картины получались у меня достаточно быстро, сами собой. Хотя вру — над деталями иногда приходилось долго мучиться. Бывало так, что я вынужден был сидеть по нескольку часов, чётко вспоминая всё происходившее перед своими глазами. Так, например, я потратил ни один день на написание картины «Ворон, играющий в сокс» из-за того, что, запомнив самого ворона и мячик для сока, которым тот игрался, я упустил множество деталей окружения, в результате чего их пришлось вытаскивать из своей памяти, а часть, судя по всему, — из воображения. Было это, правда, давно, когда мне было семнадцать, но если проблемы с деталями были ещё тогда, то и сейчас они, наверно, никуда не делись. Впрочем, меня это никогда не останавливало, а лишь немного затормаживало работу. Обычно вопрос деталей возникал скорее на конечном этапе написания картины...

А тут! Я пишу портрет Дагни, но ничего не получается! Я не могу увидеть её лицо в своём воображении. Я вижу только размытый образ. Да, я помню Дагни, кажется, помню черты её лица, но вижу их по отдельности и по какой-то причине не могу соединить. Даже эскиз зарисовать не получается — всё время руки выводят что-то не то, что-то не настоящее, искусственное, упрощённое.

Откладываю карандаш в сторону, потираю усталые глаза.

Какие муки доставляет мне эта картина! Может, плюнуть? Я же уже давно завязал с этим делом. Если бы тогда, в кафе, не выпендрился, сейчас бы не имел таких проблем... Впрочем, кому я что должен? Никому! Если не хочу, то и делать не буду!

В воображении всплывает воспоминание о глазах Дагни. Глаза как раз в тот момент, когда я ей протянул листочек с эскизом. В них — взгляд восхищения, взгляд крайнего удивления и даже взгляд уважения и обожания.

Я бросаюсь к заготовленному листу, хватаю карандаш и быстро зарисовываю то, что только что увидел. Смотрю, что получилось.

Нет же! Не так! В них нет такой детской наивности, как я изобразил! В них нет такой самоуверенности, как я вообразил! Смять листок и выбросить!

Откладываю карандаш в сторону и опять начинаю наматывать по комнате круги.

Злюсь на себя. Как же так?! Первая девушка, с которой встречаюсь, первая девушка, с которой я могу нормально общаться, единственная и неповторимая... Как такая девушка могла не запечатлеться в памяти?! Какой же я болван!

Плюнуть на всё! Пойду лучше на кухню, чай попью, отвлекусь.

На кухне гора невымытой посуды. Смысл её мыть каждый раз после еды, маленькими партиями, когда можно вымыть за раз всё вместе? Кажется, настал как раз такой момент. К тому же, это может помочь мне отвлечься...

Вздыхаю, засучиваю рукава, беру губку, «Fairu». Включаю воду. Потеплее. Начинаю мыть, стараясь отстраниться от своей проблемы — говорят же, если через стену не перелезть, надо отойти в сторону и посмотреть, нет ли возможности её обойти...

Мыть посуду и ни о чём не думать тяжело — всё время мысли появляются как тучки на небе и начинают густеть, плодиться, размножаться....

Вот Она сидит напротив меня. Улыбается...

Мыть посуду! Не отвлекаться! Ни о чём не думать!..

Она не понимает, что происходит, удивлённо смотрит на меня...

Вдох. Выдох. К чёрту все мысли! Губка скользит по тарелке, слегка повизгивая...

Я же сижу, хитро посматриваю на Неё, запах кофе, музыка, в руках карандаш и салфетка. Смотрю налево и удивляюсь — такое ощущение, будто я переместился в ту минуту. Слева сидят два парня и с пеной у рта что-то обсуждают. Мы сидим в углу. Во рту терпкое послевкусие от вина. Облизываю губы. Как же всё реально! Она не перебивает, не нарушает образовавшуюся паузу, ждёт, что же я такого сделаю... Я ещё раз взвешиваю всё в голове, склоняюсь к салфетке и начинаю рисовать...

Как молния пронзает небо, меня пронзает идея!

Я снова в своей кухне, кидаю тарелку и губку, и, забыв выключить воду, бегу в свою комнату с мыльными мокрыми руками, по дороге вытирая их о штаны. Хватаю карандаш и начинаю рисовать. Линия так, потом чуть вверх, затем сюда... Главное — не останавливаться! Пишу, пишу, пишу с вожделением, с наслаждением — давно такого удовольствия от этого процесса не получал! Как только довожу линию, сразу же вижу, как её продолжить, где она должна завершиться. В таком душевном порыве в течение минут десяти делаю эскиз лица Дагни, зарисовываю общую обстановку, бокал вина... Жалко музыку и запахи зарисовать не получается...

Отхожу в сторону. Смотрю. Руки опускаются от удовлетворения. То что нужно! Вот она! Получилась. Сажусь на диван, довольный собой, и люблюсь своим шедевром. Чувства начинают возвращаться ко мне, эйфория потихоньку спадает, прислушиваюсь. Вода! Вскакиваю и мчусь на кухню. Уже перелилась, зараза, и стала заполнять собой пол. Выключил, сгонял за тряпкой и начал быстренько собирать воду в ведро, пока не залило соседей снизу.

Про чай, а потом и про обед, я забыл, и весь оставшийся день провёл за работой над портретом акварелью. Закончил только глубокой ночью и, усталый и довольный, лёг спать, закутавшись в своё тёплое пуховое одеяло.

Ученик конструктора

Рома, Кирилл

Спустя примерно неделю после того нашего случайного столкновения у метро, я позвонил Кириллу и договорился с ним о встрече. Мы сидели в кафе с индийским интерьером, курили кальян и болтали за жизнь. На улице грянули морозы, и люди, не спешили вылезать из своих муравейников. Город, казалось опустел от холода и застыл на месте. Но в кафе было тепло и уютно.

Речь с Кириллом неожиданно зашла о том мистическом файле на моём компьютере.

– И знаешь, что я решил с ним сделать?

- М? - лениво протянул Кирилл.
- Я решил разбить его на несколько статей и опубликовать где-нибудь.

У Кирилла поднялась правая бровь, ленивая поза еле заметно сменилась на позу удивления. Он пристально взглянул на меня.

- Опубликовать? Зачем? С какой целью?

Я задумался. Идея пришла мне в голову стихийно и неожиданно, так что времени подумать о том, зачем оно мне нужно, толком и не было. Мне казалось, что это просто соответствовало моему характеру, поэтому я принял идею без каких-либо размышлений.

- А обязательно, чтобы в любых действиях был какой-то смысл, какая-то цель? - с издёвкой спросил я.

Кирилл разочарованно покачал головой.

- Ты учишь, но не учишься. Кто мне сам только что говорил о том, что ты стал больше понимать и о том, что конструктор должен осознавать свои действия? Если ты не знаешь, ради чего двигаешься, откуда ты можешь быть уверен в том, что придёшь к чему-то толковому?

Железный довод. И не поспоришь, вроде бы. Но что-то в нём было не так...

- Возможно, я знаю свою цель, но неосознанно? - неуверенно предложил я.
- Возможно, - Кирилл чуть повернул голову в полукивке. - Но тогда же надо выяснить, что думает твоё подсознание... Ты бы с ним поговорил по душам, что ли?

Я затаился и выпустил по верх головы сладковатый вишнёвый дым.

- Я чувствую, что цель есть, причём глобальная, но какая именно, пока понять не могу. Может, жажда власти? - я взглянул на него вопросительно.

Кирилл в ответ усмехнулся.

- Если цель твоя — власть, то, должен тебе сказать, что ты выбрал самый сложный метод её достижения. Проще было бы вступить в «Едро» и двигаться по партийной лестнице, распахивая всех локтями, подставляя, хитря, выкручиваясь и так далее. Писать философские статьи с целью получения власти..., - Кирилл покачал головой, ехидно улыбаясь. - Оригинально!
- Что же тогда? Просто желание поделиться знаниями с людьми?

Кирилл повёл бровями, потягивая дым из трубки, из-за чего в сосуде раздались булькающие звуки.

- Не мне, конечно, судить, но насколько, по твоему, это является целью? Это скорее просто функция — некоторое повторяющееся действие... Если ты напишешь о чём-то один раз, то оно будет воспринято очень малой частью людей. Чтобы дошло до всех, надо всё время повторять, причём каждому лично — люди ленивы и не любят шевелить извилинами. Впрочем, - Кирилл сам себя прервал, - что я тебе всё это рассказываю? Ты же сам такой — тебе всё время лениво подумать и найти решение! Всё время ждёшь, когда всё разжуют, да в рот положат!

Терпеть не мог, когда он на меня начинал давить вот таким вот образом. Накатила обида, хотя показывать её мне не хотелось...

- Ути-пути! - сюсюкнул Кирилл. - Сколько времени прошло, сколько красивых слов было сказано, сколько было всего воспринято, а ничего-то ты так и не понял!
- Да ну тебя! Мне и без тебя проблем хватает! - злился я. - Тут столько всего навалилось с работой, с повышением квалификации, с зарплатой.., а ты вместо того, чтобы поддержать, начинаешь на меня давить и наезжать, - злость и раздражение стали во мне потихоньку закипать.
- Оу, прости, пожалуйста! - Проникновенно ответил Кирилл и похлопал меня по плечу. - Я совсем забыл, что ты самый несчастный человек на земле! - он сделал затяжку, выпустил дым через правый угол губ, не отводя от меня пристального взгляда, и с серьёзным видом, продолжил. - Хотя нет... вру! На самом деле самый несчастный человек на земле — это я! И в связи с этим мне, честно говоря, просто наплевать на твои проблемы... - он откинулся на спинку стула. - Впрочем, так же как и всем остальным семи миллиардам самых несчастных...

Я скрестил руки на груди и сидел, копаясь в себе и вскипая всё больше и больше. Конечно, разум говорил о том, что мне нельзя злиться, что Кирилл проделывал такие штуки со мной специально, постоянно, и пора бы к ним привыкнуть. Но мой внутренний ребёнок хотел конфетку! Решив попытаться расслабиться, я полной грудью вдохнул кальянный дым. Выпуская его из своих лёгких, я сконцентрировался на движении воздуха и попытался расслабиться. Стало отпускать. Я передал трубку Кириллу.

- Тебе как конструктору нужно быть крайне хладнокровным и смотреть на всё с юмором. А ты закипаешь от малейшего прикосновения! Запомни! - На этом слове Кирилл сделал акцент рукой с трубкой в воздухе и с выражением настоятеля проговорил: - Твоё настроение, твои эмоции, твоё душевное состояние в текущий момент времени влияют на выбранный тобой путь! Если всё время жаловаться на свою жизнь, то жизнь действительно станет жалкой просто потому, что ты перейдёшь на линию, на которой ты жалок! Человек получает ровно то, о чём просит. Ты сейчас просишь о том, чтобы быть несчастным и неумолимо движешься к точке, в которой ты несчастен!

Я хмыкнул. Говорил он всегда красиво — прям, заслушаешься! А попробуй с этим что-нибудь поделать! Сколько ты продержишься с хорошим настроением и позитивным настроением? Жизнь сложна и всё время подкидывает какую-нибудь фигню!

- Если ты будешь жизнь воспринимать, как личное оскорбление, то действительно продержаться не сможешь...

Я удивлённо, не скрывая своего подозрения, посмотрел на Кирилла.

- У меня иногда создаётся впечатление, что ты читаешь мои мысли, - заявил я.
- Конечно, читаю! - небрежно бросил он в ответ. - А ты чего от меня хочешь? Я, ведь, настоящий сварщик... - улыбнулся. - Думаешь, я сюда просто так пришёл, кальяничка покурить? Я пришёл сюда научить тебя и научиться самому.
- Чему? - не понимая, спросил я.

Вообще, конечно, это заявление моего друга меня смутило и немного испугало... А как бы вы отреагировали, узнай вы, что ваши мысли — постоянный двор, в котором может остановиться любой вот такой вот, как Кирилл? Правда, зная Кирилла, всё это легко могло оказаться шуткой, поэтому я решил не действовать никак, сохранять спокойствие и отложить принятие решения по вопросу чтения чужих мыслей на потом.

- Ты — конструктор, - заключил Кирилл и, закинув руки за голову, продолжил. - Пусть, пока что ученик конструктора, но всё-таки... А у нас всё никак у людей. Если простой человек подумает о том, чтобы кто-нибудь с экрана телевизора сказал слово «жопа», то это произойдёт только спустя несколько дней и то при условии, что этот человек будет держать «жопу» в своей голове хотя бы в течении полчаса каждый день. Тебе же, - он указал на меня пальцем, как будто показывая, что обращается именно ко мне, а не к кому-либо ещё, - достаточно сконцентрироваться и представить — вот и всё!

Это объясняло ещё некоторые непонятные до того моменты, которые в последнее время стали появляться в моей жизни...

- Поэтому, когда ты начинаешь жалеть себя, то практически сразу становишься жалким, несчастным и убогим... - тут Кирилл сел ровно и, улыбаясь, заметил: - Впрочем, любой человек становится убогим и жалким, когда жалуется на свою жизнь. И что самое интересное, жалуется-то люди чаще всего себе, объясняя во время внутреннего диалога то, как же несправедлива жизнь по отношению к ним, не понимая, что творят... Техника проста: каждый рано или поздно переходит на ту линию, на которую нацелился...

Спокойствие уже разлилось по моему организму — Кирилл умел каким-то образом буквально щелчком пальцев переводить меня из одного состояния в произвольное другое. Я понял его общую идею, лениво посмотрел на официантку и представил себе, как она подходит и спрашивает: «Мальчики, как ваши кальячки?». Как только я представил себе эту картину, Кирилл захохотал во весь голос и чуть не упал со стула, чем сбил меня с толку и отвлек. Я посмотрел с удивлением на него, не понимая, что это с ним. Не уж то прочитал мои мысли и фраза понравилась?..

- Ну, ты и умора, Ромка! - еле успокоившись, проговорил Кирилл, переводя дыхание. - Стоит тебе рассказать немного о возможностях, как ты сразу же начинаешь мнить себя властелином мира! Из одной крайности в другую со скоростью света! Умопомрачительно!
- Но ты же сказал, что...
- Да-да-да... - перебил Кирилл, несколько успокоившись. - Только представить, и конфетка твоя! Но тебе надо понимать, что ты делаешь и почему! Надо осознавать свои действия, а не мечтать! И кроме того, надо не только представлять то, как ты идёшь по пути, но и ногами шевелить! Думай! Осознавай! Действуй! - Выкинул он с напором слова в мою сторону, после чего, улыбаясь, покачал головой. - Всё-таки ты пока только ученик конструктора...

Я призадумался... Неожиданно для себя я сообразил, что впервые за всё время своего знакомства с Кириллом некоторые вещи я стал как будто чувствовать, в жизни не смог бы рассказать о них, но начал именно ощущать! Я знал, как действовать, я действительно знал, но объяснить это не был в состоянии! Это было что-то на внутреннем уровне, на уровне солнечного сплетения или даже живота. Именно там я чувствовал, именно там я понимал. Это меня не мало удивило...

Кирилл откинулся в очередной раз на спинку стула и, самодовольно улыбаясь, затянулся полной грудью. Затем после небольшой паузы спросил:

- А где собираешься публиковать свои статьи?
- Не знаю, - отрешённо проговорил я.

- Кажется, твои друзья собираются запускать замечательный интернет-сайт? Может, там? Как там, кстати, его название? - хитро глядя на меня, улыбнулся Кирилл.

Я понял, что он имеет в виду и только улыбнулся в ответ.

Логотипы

Игорь

С Леной мы встретились уже после того, как Дима сделал прототип сайта, а Сергей его оценил, раскритиковал, и приступил к работе. Одновременно с этим Дима решал все технические вопросы: дизайнер уже работал, верстальщик уже был найден... у нас уже были представления о том, каким сайт будет. И вот, я решил встретиться с Леной для того, чтобы посмотреть, что же она там наделала с логотипом.

Встретились мы в семь часов вечера, как это водится в кафе, на этот раз это была «Шоколадница». Лена принесла с собой Мак и, конечно же, опоздала минут на десять. Мы взяли по чашке Мокко и, попивая его, после небольшого знакомства и рассказа о себе, начали изучать её работу.

Лена, в принципе, мне понравилась ещё на фотографии, чего я, конечно же, при парнях не показал. В жизни она оказалась ещё привлекательней. Пока мы сидели и разговаривали, коварные мысли появились в моей голове... А наличие обручального кольца на её руке меня только раззадорило.

- Ну, и как был твой капучино? - спросила она меня, когда мы уже пришли к выводу о том, что логотипы стоит немного переделать, и что платить я буду наличностью.
- Вполне хорош, - кивнул я в ответ. - Мне вообще нравится кофе в «Коста».

Я спрашивал о ней и внимательно слушал, о чём она рассказывает. Я рассказывал забавные истории из своей жизни. Я пользовался техникой НЛП, незаметно складывая руки так же, как она, принимая те же позы. Я включил всё своё очарование, в результате чего она уже заулыбалась и даже сама начала флиртовать.

- Вообще-то я замужем, - неожиданно в середине разговора проронила она, показала мне тыльную сторону правой руки, растопырив пальцы, и взглянула испытующе мне в глаза.
- Ты молодец, - улыбаясь и ничуть не смущаясь, ответил я. - Муж у тебя, наверно, хороший. Такой же хороший, как и ты. Да только муж мне твой совсем не интересен.

Она в ответ усмехнулась, опустила руку и закачала головой.

- Знаешь, - я в задумчивости сделал небольшую театральную паузу. - У меня дома, конечно, не очень прибрано, но есть прекрасная коллекция Хересов и Портвейнов. Ты когда-нибудь пробовала «Педро Хименес»?
- Нет, - с улыбкой ответила она.
- Его много не выпьешь, но его аромат, его тягучесть... Просто покоряют.
- То есть ты вот так вот на первой же встрече свободно предлагаешь девушке поехать к тебе домой пить вина? - с игривым удивлением произнесла она.
- Ну, а какой смысл сидеть в этом унылом «Кофе хаосе» и пить кофе с молоком?

Лена посмотрела на часы, что-то прикинула в голове, вздохнула, и неуверенно

посмотрела на меня.

Я взял её руку и нежно посмотрел в глаза, не говоря ни слова.

– Ну, только если на полчаса, - извиняющимся голосом согласилась она.

Маленький Игорь внутри меня танцевал от радости. План соблазнения удался. Я расплатился с официантом, после чего мы вышли из «Кофейной чашки» и направились к моей машине.

Уже минут через пятнадцать мы были у меня. Лена сбросила свои туфельки, отказавшись от тапок, и мы прошли в большую комнату. Там я открыл свой шкаф с алкоголем.

– Ого! - удивилась она. - Да у тебя тут столько всего... Пить, да пить...

Я достал бутылку хереса, два бокала, показал ей этикетку и, присаживаясь на диван, сказал:

– Начнём с этого, а там посмотрим, - я подмигнул.

Лена заговорщически улыбнулась...

Зазвонил мобильный телефон, и Лена вскочила с кровати.

– Да, медвежонок, - проговорила она в трубку, прикрывая от самой же себя свою наготу краем одеяла. - Ты уже дома? А я на встрече застряла.

Я лежал, заложив руки за голову и спокойно глядел на неё.

– А сколько времени? - продолжала она. - Как уже почти двенадцать?! Вот чёрт! А мы тут логотипы обсуждали...

Она вскользь взглянула на меня и на какую-то долю секунды улыбнулась краешком губ. Я лежал с улыбкой довольного кота.

– Там крупный заказ просто... Нам как раз хватит кредит погасить. Да, не переживай, мы уже заканчиваем. Я такси возьму и приеду. Я тебя тоже. Скоро буду. Целую.

Лена положила трубку и в задумчивости посмотрела на экран телефона.

– Думаешь, что-то подозревает? - спросил я.

– Не знаю.

– Если будешь верить, что ничего не произошло, то и не узнает, - уверенно проговорил я.

– Ты хочешь сказать, что ничего не произошло? - угрюмо посмотрела она на меня.

– Было клёво, - ответил я. - Но считать это чем-то большим, чем просто секс, я бы не стал.

Лена встала с кровати и начала одеваться.

– Должна была бы понять это с самого начала, - с небольшой злостью бурчала она себе под нос.

– А что ты хотела? - я поднялся в кровати и с укором посмотрел на неё. - Ты хотела бросить мужа и уйти к первому встречному?

Лена, напяливая на себя свои вещи, начала заводиться, чем в свою очередь заводила меня. Я даже ни на секунду не задумался о том, чтобы сдержаться.

- То есть ты со мной перепихнулся и теперь сваливаешь, да? - бросила она в мою сторону.
- Нет, у нас с тобой был секс, и теперь сваливаешь ты, - со злостью возразил я в ответ.
- Вот ты какой козёл!
- Ты ещё скажи, что тебе не понравилось! - возмутился я. - Сама же согласилась ко мне в гости приехать.

Лена сделала небольшую сценическую паузу, как будто что-то взвешивая в голове, изображая задумчивость, после чего заключила со злостью:

- Понравилось... бы! Если бы это длилось более трёх минут...

Она собрала все свои вещи и вышла в коридор. Я решил, что вставать ради такой стервы не стоит, поэтому плюхнулся назад в кровать.

- Вот не думала, что ты такой мудака, Игорь! - раздавалось из коридора. - А казался таким романтичным и внимательным... Но стоило тебе только получить своё, как открылось твоё истинное лицо.
- Проваливай уже, сколько можно! - небрежно бросил я в ответ.

Дверь захлопнулась, и я опять остался один в своей квартире.

Я повернулся на правый бок в своей кровати и посмотрел на оставленную Леной на подушке резинку для волос. Я взял её двумя пальцами и немного потерел в задумчивости, не отводя от неё взгляда.

Почему-то именно в этот момент вспомнился сон, в котором Кирилл рассказывал о щебетании. Весь этот диалог с Леной, который вышел из-под контроля, напоминал о том самом щебетании. Меня захлестнули эмоции, я действовал рефлексивно... И говорил рефлексивно, и отвечал рефлексивно. И она...

Впрочем, какая разница?!

Я бросил резинку на пол.

Я своё получил, она тоже... Не понятно, зачем надо было устраивать сцену...

Шедевр

Дима, Дагни

С замиранием сердца я ждал момента, когда смогу вручить Дагни её портрет. Я не говорил ей о том, что выполнил её просьбу, а просто пригласил на романтический ужин, не раскрывая никаких подробностей. День выбрал выходной — субботу. С утра прибрал квартиру, чтобы она менее походила на холостяцкую хибару или на комнату в мужском общежитии, потом — за покупками в магазин, после чего до самого вечера стоял у плиты и готовил. Обычно мне лениво готовить самому, и я не очень жалею это дело, но в тот день у меня было вдохновение. Как будто крылья раскрылись за спиной — с таким энтузиазмом я творил. Голова была занята в основном мыслями о Дагни, о предстоящей встрече, и я особенно не задумывался о том, что делать, а просто готовил.

Вспомнив сценку из какого-то фильма, я накрыл стол красной скатертью, поставил две

длинные свечи в фигурных подсвечниках, две тарелки, ножи с вилками, два бокала для красного вина, достал припасённую для этого случая бутылку «Bourgogne, pinot noir» 2006-го года и, переодевшись, чтобы встретить свою драгоценную гостью в приличном виде, стал ждать.

Она опаздывала уже на 5 минут. Впрочем, 5 минут — не так страшно. Некоторые опаздывают и на час, не так ли?

Иду в свою комнату, подхожу к мольберту, поднимаю ткань, скрывающую картину, чтобы убедиться, что та на месте. На месте. Смотрю на часы. Опаздывает. Иду снова на кухню. Проверяю, всё ли в порядке. Вилки на месте, ножи на месте. Бокалы, вино, морковка по-корейски, помидорный салат, рис по-французски, чахохбили. Всё на месте, всё ждёт.

Включаю телевизор. По нему что-то с упором, в манере Рыбина, вещает пожилой коротко стриженный мужчина с сухими чертами лица, с седыми волосами и потухшим взглядом. Под ним маячит надпись: «Председатель Следственного комитета Российской Федерации».

- Я повторяю, это террористическая организация, цель которой — дестабилизировать ситуацию в стране. У нас есть данные о том, что она спонсируется из-за рубежа, мы даже уже точно знаем, кем именно, но пока эту информацию в интересах следствия раскрывать не будем.
- Скажите пожалуйста, - говорит ласковым голосом девушка за кадром. - А насколько высока угроза с их стороны, и почему эта организация появилась именно сейчас?
- По-моему, ответ на этот вопрос очевиден, - вальяжно говорит человек, - Запад завидует успехам нашей страны как в экономике, так и на мировой арене. Наш президент вывел страну из кризиса и то, что Россия встаёт с колен, никому не нравится...

Неожиданно его перебивает звонок в мою дверь.

Выключаю телевизор и с замиранием сердца иду открывать. Бежать глупо, надо сохранять хоть какие-то капли собственного достоинства, пусть хотя бы в своих глазах..., однако бежать хочется. Подхожу к двери. Смотрю в глазок. Дагни. Чем-то расстроена. Открываю дверь, улыбаюсь:

- Привет! Я уже заждался тебя.
- Привет, - озадаченно выговаривает она и проходит.

Чмокаю её в щёку, принимаю её вещи. Спрашиваю:

- Что-то случилось?
- Да, нет... так... Не важно. Потом расскажу.

Ну, потом, так потом.

- Вот тапки. Надевай, проходи на кухню.
- Угу.

Надевает. Проходит на кухню.

- Я тут немного у плиты постоял...

Но, кажется, это её вовсе и не впечатляет. Да, она говорит дежурные слова из разряда:

– Как здорово! Ты молодчина!

Но в них не чувствуется искренности. Что-то её очень сильно беспокоит, что-то с ней стряслось, но что же именно?

Как джентльмен помогаю ей сесть, подвигаю стул, открываю вино, разливаю... Стою рядом.

– Тебе что-нибудь, может, особенное нужно?

Дагни смотрит на горящую свечу, уперев голову о руку. Качает головой. Сажусь напротив неё. Смотрю с некоторым недоумением. Как же так?! Я столько старался, столько сил потратил, а от неё только и получил дежурные фразы... Не уж то нельзя хотя бы на время нашего свидания отвлечься от проблем и просто побыть со мной, здесь и сейчас, просто наслаждаться моментом?!

Как будто сообразив, что всё это неправильно, она глядит на меня с некоторым слабо заметным удивлением, после чего постепенно начинает приходить в себя:

– Спасибо, Дим! Всё действительно прекрасно! Ты замечательный!

Беру в руку бокал.

– Предлагаю выпить за тебя, за то, какая ты есть!

– А какая я есть? - грустно спрашивает она.

– В смысле? - не понимаю я. Это же тост... Это же пожелание... Что за вопросы странные?..

– Ну, какая я есть? Ты меня знаешь?

В её глазах появляется капелька жестокости, вид её незначительно меняется — любой другой не обратил бы на это внимание, но я кожей умею эти вещи чувствовать.

– Я не знаю тебя на сто процентов, но то, что я знаю о тебе, мне нравится... Вот за это я и предлагаю выпить, - осторожно высвобождаюсь я из её хватки, но она неожиданно сильнее сжимает тиски:

– А, вдруг, ты знаешь обо мне только то, что я хочу, чтобы ты знал? Вдруг, я совсем не такая? И зовут меня не Дагни, а Аня или, например, Стелла?

Эта мысль мне в голову до этого не приходила. Я ставлю бокал на стол и задумываюсь. Она видит, что сильно смутила меня, но даже и не думает о том, чтобы пожалеть, смягчиться...

– Зачем тебе может быть это нужно?

Она дёргает плечами.

– Может, это не мне, а просто одному хорошему человеку нужно, чтобы было так и никак иначе?

– Кому?

– Какая разница кому и какая разница зачем?! Всегда есть кто-то, кто управляет твоей жизнью прямо или косвенно... Не важно, кто это. Важно другое: может ли эта информация изменить твоё отношение ко мне?

Шок.

Я начинаю соображать и взвешивать всё в голове.

Действительно, я о ней практически ничего не знаю — так какой-то минимум информации, которую я никогда и не думал проверять... Да и не станет нормальный человек искать подтверждений слов человека, которого любит. Когда ты знакомишься с кем-либо, ты просто принимаешь на веру всё то, что тебе рассказывают. В голову не может даже теоретически прийти мысль о том, что тебя могут с какой-то целью обманывать. Да и дико это как-то! А тут Она мне говорит о том, что, возможно, всё, что уже было между нами — ложь.

Около минуты, возможно, больше, я думаю. Мы сидим в полной тишине. Она молчит, сидит не шелохнувшись, глядит на меня в ожидании ответа.

Я ловлю себя на мысли о том, что, даже если это всё неправда, даже если все наши отношения были обманом, даже если Её на самом деле не существует, существует нечто столь важное, перед чем всё остальное теряет свою ценность. Есть то, по отношению к чему любые мои знания о ней обесцениваются. Я поднимаю взгляд, смотрю ей в глаза и уверенно заявляю:

– Ничего не меняет.

Она удивлённо поднимает правую бровь. Я чуть-чуть выжидаю, собираюсь с силами...

– Я тебя люблю. Разве может быть что-то важнее?

Улыбаюсь. Вижу, что в ней что-то начинает тихонько меняться. Судя по всему, такого поворота событий она не ожидала. Чтобы отмахнуться от всего этого и снова вернуться в свою клетку, она только бросает в ответ:

– Это всё слова, они ничего не значат, - после чего снова начинает скатываться в сторону «жестокосердия». Я это вижу и понимаю, ухватываюсь за последнюю свою надежду:

– Я могу доказать!

Она с недоверием смотрит на меня.

– Пойдём! - встаю со стула, показываю следовать за мной. Она нехотя встаёт и идёт.

– Куда? Чего ты там учудил? - нехотя идёт она.

Молча иду в свою комнату. Подхожу к мольберту. Жду, когда она подойдёт поближе. Она встаёт, скрестив руки у груди, посреди комнаты. Беру ткань, скрывающую холст, за край, смотрю Ей в глаза.

– Ну, и что там? - устало спрашивает она.

Я поднимаю ткань.

Её взгляд перемещается на картину, зрачки незначительно расширяются, руки высвобождаются, морщинки на лице разглаживаются — по всему видно, что внутри что-то с треском ломается и проваливается — и я вижу, как на её глазах наворачиваются слёзы. Она улыбается.

– Дима! - очарованно с нежностью проговаривает она. Переводит взгляд с картины на меня и обратно. - Это бесподобно!

– Ты такая. И это не пустые слова.

Она медленно садиться прямо на пол, не отводя взгляда от картины. Она вернулась. Нет той непривычной злости, нет той необычной жестокости. Я сажусь на пол рядом с ней. Сидим, вытянув ноги. Она смахивает шальные слёзы и, посмеиваясь произносит:

- Я, наверно, такой плаксой тебе сейчас кажусь... Взяла и разревелась ни с того ни с сего...

Я довольно хмыкаю.

- Но как тебе это удалось?!
- Я просто думал о тебе...
- Это же... - кажется, она растеряла все слова... - Это шедевр! Это уникально!

Смотрю на неё, в ожидании того, когда она повернётся ко мне.

- И уникально не то, кто изображён, - торопливо тараторит она, переводя взгляд с картины на меня, - а то, как изображено! Такие произведения меняют представление о мире! Такие произведения будоражат сознание...

Я ей не даю договорить и целую в губы. Она вначале улыбается, потом отвечает. Обнимаю её.

- Привет! - говорю я, глядя в её глаза.
- Привет, - отвечает она посмеиваясь...

В тот день я так и не выяснил у неё причины такой жуткой смены настроения. Я так и не уточнил, был ли то розыгрыш, или же Она говорила серьёзно. Я так и не узнал, кто же Она на самом деле и как её зовут в действительности. В тот день это и не было важно. В тот день Она была для меня Дагни, а всё остальное не имело никакого значения.

Сумасшествие

Рома, Кирилл

- Так и что же мне нужно делать?
- Начнём с малого.

Кирилл сидел с важным видом в позе лотоса и смотрел в сторону залива. Зима была в полном разгаре. Весь лес был занесён снегом, а Финский залив сковали льды. У самого берега льдины напозли друг на друга, изображая замёрзшие волны. Кирилл сидел на пеньке, я стоял рядом с ним и жался от холода, удивляясь его спокойствию и умиротворению. Сам я еле сдерживался — мне было холодно, я дрожал, зуб на зуб не попадал. Мне хотелось поскорее уже закончить с этой непонятной поездкой и вернуться домой, в свою тёплую квартиру, в свою зону комфорта.

- Перестань мёрзнуть! - Кирилл выговорил это с некоторым укором.

Я посмотрел на него с непониманием и, криво улыбнувшись, спросил:

- Ты шутишь, да?! Температура минус тринадцать, мы тут чуть ли ни сидим голыми попами на сырой земле, на мне не самая тёплая курточка, а ты мне говоришь: перестань мёрзнуть?! Я могу перестать мёрзнуть только, если погрузусь в горячую ванну!

Кирилл хмыкнул, покачал головой и изрёк:

- Балбес! - после чего философски произнёс: - Ты мёрзнешь только потому что выбираешь мёрзнуть. Только потому что ты смирился с идеей того, что тела с разной температурой так обмениваются теплом, чтобы их температуры сравнялись. Это действительно так, но только на той линии, на которой ты сейчас сидишь. Всё, что тебе нужно — собрать линию, на которой твоё тело не отдаёт тепло как сумасшедшее, а распределяет по собственному организму, - он посмотрел на меня тяжёлым взглядом, из-за чего у меня мурашки пробежали по затылку.

Ну, и каким же образом я соберу другую линию, если не знаю, как это делать в принципе?

- Сколько ж тебе объяснять?! Не думай! Просто действуй! - резковато сказал Кирилл.

Эти слова подействовали на меня несколько отрезвляюще: я вспомнил свою статью и тот загадочный файл. Осмотрелся по сторонам, приглядываясь к различным мелочам и прислушиваясь к своим ощущениям: пушистый снег вокруг, толстые стволы сосен, серое небо, слабый ветерок... холодные пальцы ног, вдохи и выдохи, дрожь челюсти. Я взглянул на свои руки и мир приобрёл больше чёткости.

- Не привязывайся ты к рукам! Говорю же тебе: выйдет потом боком. Учись осознавать себя без этого, - выдал Кирилл.

Но я его особенно уже и не слушал. Мир стал более подвижным, что-то внутри меня оформилось в намерение перейти на линию, на которой я согреваюсь. После чего деревья вокруг как будто бы окрепли, облака приобрели более жёсткие границы, а ветер стал острее. Стало светлее. Мои ощущения обострились, после чего краска кинулась в лицо. Я почувствовал как что-то, идущее от самого сердца, стало разливаться в разные стороны, потекло по моим жилам и стало согревать. Пальцы стали согреваться сами собой. Кирилл заулыбался.

- Другое дело, - он кивнул с одобрением и продолжил. - Теперь собери линию, на которой твоя туша поднимается над землёй без внешнего воздействия.

В этот раз я посмотрел на Кирилла как на ненормального. Ну, что за бред?! Ну, разогреть себя, используя какие-то элементы аутотренинга можно... Сила убеждения, всё-таки, - вещь... Но заставить себя взлететь, когда на тебя действуют объективные законы, которыми ты не в силах управлять — нонсенс.

- Это невозможно! - категорично заявил я.
- Это в тебе сейчас говорит раб сознания — некое существо внутри, которое живёт с картиной мира, навязанной извне и не способное от неё отказаться. Кто тебе сказал об этих всяких законах гравитации? С какой стати ты веришь в силу тяжести, а в левитацию не веришь? Только потому что тебя так научили в школе? - Кирилл хмыкнул.
- Я это на собственном опыте знаю, - парировал я.
- А кто тебе помог этот опыт получить? М? Родители! Социум!

Кирилл выговаривал слова с пылом и напором, он явно хотел в меня вложить эту мысль, но мне этот акт насилия не нравился.

- С самого рождения тебя привязывают ногами к земле, - продолжал он, - в тебе возвращают социального раба, в тебя закладывают раба сознания, а ты всё это принимаешь на веру и начинаешь жить в соответствии с этими, - Кирилл встал в

полный рост и стал ходить туда-сюда, жестикулируя руками. - «Не ковыряй в носу», «Прикрывай рот рукой, когда зеваешь», «Говори людям только приятные вещи», «Верь в законы природы» — всё это социальные установки. Но всё это только один из вариантов восприятия мира — вариант, навязанный людьми, которым такие же варианты навязали другие люди... И если проследить цепочку до самого конца, то можно выйти на существа, которым выгодно именно такое представление мира, так как в этом случае легче управлять людьми... Вся твоя жизнь обусловлена этим навязанным «социальным шаблоном». И если ты принимаешь на веру все базовые принципы, то ты точно так же принимаешь на веру и начинаешь жить всеми остальными, производными от базы.

- Что за чушь! - начал спорить я на повышенных тонах. - Чего ты от меня-то хочешь? Чтобы я поверил в то, что никакой силы притяжения не существует? Что яблоки падают в небо? Может, тогда и мира как такового не существует? Нет меня? Нет этого леса? Этих деревьев? - я всплеснул руками.
- Я хочу, чтобы ты понял, что мир не выточен из камня! Мир подвижен, мир многообразен, мир — это полная загадка и бесконечные возможности, - с напором и нездоровым блеском в глазах продолжал Кирилл. - А ты упёрся всего лишь в одно из представлений мира и твердишь мне сейчас о том, что оно единственное верное и возможное...
- Если это возможно, если это действительно так, то покажи мне! Хватит трепаться и постоянно в меня тыкать, как будто я тут единственный такой ущербный! Ты-то чем лучше?!
- Ничем не лучше, - спокойно ответил Кирилл и начал медленно поднимать над землёй.

Сказать, что у меня отвисла челюсть при этом зрелище — это ничего не сказать. Я плюхнулся в сугроб и изумлённо глядел на Кирилла снизу.

- Самое интересное, - всё так же спокойно, совершенно не напрягаясь, продолжал он. - Что люди могут без проблем высказывать абсолютно правильные идеи, давать другим дельные советы, но как только доходит до них самих, они становятся беспомощными и слепыми щенками.

Это зрелище потрясло меня до глубины души. Я запаниковал, ещё раз посмотрел на свои руки, попытался ущипнуть себя, потыкал пальцем в край своего глаза, оценивая, раздвоится ли мир или нет... Все эти проверки указывали мне на то, что я не сплю. Однако мой мозг отказывался соглашаться с тем, что я видел, и упорно настаивал на том, что левитация невозможна.

Тем временем Кирилл спустился на землю, туда, откуда только что воспарил, продолжая свою лекцию:

- Ты сам же писал о видах рабства, сам же говорил о том, что первым шагом человек должен осознать, что он раб, сам же утверждал, что свобода — это важнейшая цель... И вот: где ты, а где твои слова?!

После небольшой паузы, когда мой мозг расставил всё на свои места и объяснил увиденное мною какими-то трюками фокусника, я наконец угрюмо ответил:

- Я не знаю, как ты это сделал, но мне не нравится, что ты меня постоянно пытаешься вытолкнуть за черту разумного, сделать из меня сумасшедшего. Я не знаю, зачем тебе это, и какие ты цели преследуешь, но я всё ещё в своём уме, пока

не рехнулся и не очень хочу.

- Сумасшествие — это всего лишь слово, обозначающее нестандартные способности человека, - с горечью в голосе изрёк Кирилл, после чего больше не говоря ни слова, в задумчивости направился к машине.

Всю дорогу домой мы ехали молча.

Последняя репетиция

Игорь, Кирилл

В этот раз мы репетировали на другой точке. Чтобы быстрее до неё добраться, мы договорились встретиться на выходе из метро «Нарвская» — далее нас должен был везти Кирилл на своём Форде. Кирилл, конечно же, опоздал, поэтому минут десять мы стояли с Мишей и обсуждали различные творческие вопросы. В его глазах уже не было того огня, что при первой нашей встрече, по всему было видно, что запал у него кончился. Да и мне все эти репетиции уже были в тягость. Ну, какой из меня барабанщик?! Какой из меня музыкант? И как меня только в это дело втянуло?! Загадка. Может, это вообще не я, а меня кто-то втянул с какой-то целью?

В тот момент мою голову уже занимали другие мысли: после встречи с Леной, у нашего проекта появилась официальная графика, Дима уже давал задания верстальщикам и дизайнерам, координируя свои действия с Сергеем, а я начал поиски офиса и уже даже зарегистрировал юридическое лицо и авторские права на название и логотипы нашей компании. Правда до серьёзной работы ещё не дошло — документооборота практически не было, бухгалтерии тоже, поэтому пока никого кроме нас в компании и не было. К тому же, я старался действовать осторожно — не хотелось сталкиваться с ситуацией, в которой я должен был бы объяснять различным органам, откуда у меня столько налички... А тут ещё эти штучки Кирилла... В общем, музыка ушла на последнее место.

Кирилл приехал. Егора с ним не было. Мы сели в машину поздоровались, но по дороге на репетиционную точку практически не разговаривали.

- А где Егор? - только и спросил я.
- Нет никакого Егора, разве не видишь? - обрезал Кирилл. Он явно был в тот день не в духе.

Приехали мы на точку, естественно, с опозданием, владелец точки даже успел, пока мы ехали, позвонить и узнать, собираемся ли мы вообще сегодня появляться.

Точка располагалась в каком-то старом замызганном здании за железными воротами с охраной. Репетиционная комнатка представляла собой очень странное зрелище: старый ковёр, грязные стены, обитые какими-то тряпками, полочки. На одной из полочек красовался человеческий череп.

- Прекрасная точка, молодец, Кирилл! - с издёвкой заключил я.
- Извини, забыл, что ты у нас такая неженка и стучать можешь только в комнатах с мягкими белыми стенами, - оскалился он в ответ.
- На самом деле, я согласен с Игорем, мог бы и попримочней точку выбрать, - поддержал меня Миша и показал в сторону полочек. - Этот череп меня в дрожь бросает. Что за на фиг?!

Кирилл посмотрел на Мишу с презрением, но ничего не ответил, продолжая

подключать свою гитару к комбику.

Ударная установка была не такая уж и плохая, как могло показаться с первого взгляда. Конечно, у тарелок был неприятный глуховатый звук — на старой точке железо было лучше — а бочка звучала слишком громко — её можно было бы приглушить, положив внутрь что-нибудь мягкое. Но, судя по убранству комнаты, ожидать можно было и значительно более худшей ситуации.

Ребята кое-как подключились, я подготовил себе рабочее место, и мы начали репетировать. Сегодня не было вокалиста, вместо него был Кирилл. Каким же было моё удивление, когда он запел и оказалось, что петь он умеет достаточно хорошо, не хуже Егора! Более того, голос его был очень похож на голос Егора, и даже интонации он его воспроизводил достаточно точно и без усилий. В первую нашу встречу он не продемонстрировал никаких вокальных данных...

Судя по всему с Кириллом что-то случилось в последние дни, так как он в песне раскрыл всю свою душу. И была она очень странной и неоднородной: в ней была и печаль, и жестокость, и одиночество, и злость с агрессией, и, что особенно неожиданно, спокойствие, нежность и даже любовь — чувства, которые, как я считал, Кириллу не присущи в принципе. Мы с Мишей были настолько удивлены, что даже в какой-то момент перестали играть, чтобы не заглушать его, что, впрочем, не помешало ему ни сколько — он продолжал играть и петь соло, не обращая на нас ни малейшего внимания. Вся эта ситуация погрузила меня в глубокие раздумья: в душе прокрались подозрения, что Кирилл на самом деле значительно более сложный человек, чем мне казалось с самого начала. Он всегда держал себя со мной строго и даже агрессивно, как будто подталкивая меня в определённую сторону, но был ли это настоящий Кирилл? Может быть, в тот момент, когда он пел свою печальную песню, я как раз и видел настоящего, а всё остальное время общался лишь с этакой «проекцией» Кирилла?

Но на самом деле репетиция откровенно не клеилась. Кирилл очень сильно уходил в себя, в свои проблемы, чего с ним не происходило до того никогда, у меня не было особого желания играть, у Миши, судя по всему, из-за нас тоже испортилось настроение. Мы попытались проиграть то, над чем работали до того, но получилось плохо. Попробовали поимпровизировать, но почему-то в тот день никак не могли услышать друг друга... Из-за этого было решено, что имеет смысл закончить пораньше. Отзанимавшись чуть больше часа, мы собрали вещи, расплатились с хозяином точки и направились к машине. Уселись на свои места. Кирилл включил двигатель, но всё не решался начать движение, держась одной рукой за ручку переключения скоростей, другой — за руль и уставив взгляд в приборную доску.

- Я думаю, нам стоит уйти в «творческий отпуск», - нарушил молчание Миша, озвучив вслух то, о чём думал я. - В последнее время ничего не клеится, а мы никак не можем нормально даже трёх песен отработать. Слишком долго на одном месте стоим...
- Согласен, - только и изрёк я.

Кирилл кивнул, и, как будто дождавшись команды, вдавил педаль сцепления в пол, включил первую передачу и тронулся с места с пробуксовкой.

Вёл он в этот раз очень агрессивно и резко. Он никогда не отличался прилежностью и «мягкостью» вождения, но в этот раз ему как будто башню сорвало. Я даже вцепился в ручку над дверью и вжался в кресло, чтобы хоть как-то закрепить своё положение в машине.

– Кирилл, ты чего так гонишь? - спросил Миша.

Но тот в ответ только включил радио и сделал погромче. Под звуки песни «Speed King» он нёсся по набережной Обводного канала.

– Эй, гонщик, поспокойней! - как можно мягче проговорил я.

– А то что? - Кирилл посмотрел мне прямо в глаза и, не отводя взгляда, поддал ещё газу.

В его глазах появилась какая-то нездоровая искринка. Это был взгляд сумасшедшего, взгляд оторванного человека, которого ничто больше не держит на земле.

– Мы так и разбиться можем! - начал повышать голос я.

– И что? Что с того? Сейчас ты это понимаешь, а всё остальное время плюёшь на это? - в его словах чувствовался укор, а говорил он с напором. Слава богу, он хотя бы опять стал следить за дорогой...

– Чего происходит-то? - попытался вмешаться Миша с заднего сидения, но на него Кирилл внимание не обратил.

– Какой смысл что-то тебе давать, чему-то пытаться тебя научить, если цель твоей жизни — потреблять?! Зачем мне всё это нужно, если для тебя любые мои слова — просто красивое сочетание букв, которое можно отбросить за ненужностью?

– Думаешь, если мы сейчас разобьёмся, то это решит все твои проблемы? - попытался парировать я.

Кирилл пронёсся на красный свет, пролетев между машин, за что на него посыпались со всех сторон гудки и праведные матюги других водителей. Я бросил взгляд на спидометр. Стрелочка дошла до 150 и продолжала своё движение по часовой...

– Мне-то ничего не будет. Я уже умирал и ни раз... А для тебя, возможно, это что-то и изменит, - неожиданно надменно заявил Кирилл. - Возможно, это и твои, и мои проблемы решит...

Он сошёл с ума! Явно что-то стукнуло ему в голову этим утром... А, может, он и всегда был таким психопатом, а я просто этого не замечал... или не хотел замечать?

Ужас пронзил меня, а по затылку пробежали мурашки, я испугано посмотрел на Кирилла. Меня осинило.

Боже мой! Я в одной машине с психом! Да, он же никогда и не проявлял адекватность! Я же всё это время знал, что он ненормальный, и чего-то ждал, чего-то хотел... Почему я раньше не оборвал все контакты с ним? Зачем я продолжал с ним общаться?! Кирилл злобно улыбнулся, как будто услышав мои мысли.

Мы пронеслись в десяти сантиметрах перед пешеходом, спокойно проходившем по переходу, это вернуло меня из мира моих жутких размышлений назад на переднее пассажирское сидение его Мазды.

– Эй! - перешёл я на крик. - Ты только что чуть человека не убил! Ты соображаешь, что делаешь?

– Абсолютно, - сухо ответил Кирилл. - А что ты сделаешь в этой ситуации? Что ты можешь сделать, когда твоя жалкая жизнь находится полностью в руках психопата, и только он решает, жить тебе или умереть?

– Ребята! Спокойней! - переживал Миша на заднем сидении.

Он, кажется, до сих пор не до конца понимал, что происходит, не понимал, что на его жизнь все уже давно плюнули, ему уже давно подписали смертный приговор, единственное, что решалось в машине в тот момент — это жить или умереть мне...

– Ты не бог, не тебе решать! - парировал я, не обращая внимание на возгласы на заднем сидении.

– А это мы сейчас и проверим, - криво улыбнувшись, ответил Кирилл и резко дёрнул руль против движения часовой стрелки.

Колёса Нисана подвернулись, машина потеряла сцепление с дорогой и полетела боком вперёд, меня бросило в сторону Кирилла, я ударился обо что-то жёсткое. Рёв мотора. Грохот. Удар головой о стекло... И на какую-то долю секунды, когда наша машина делала «бочку», я сообразил, что же происходит на самом деле, что-то ощутил, почувствовал внутри себя, нащупал и дёрнул за это как за кольцо парашюта, вытаскивая себя из машины в какую-то другую, необъяснимую сторону.

Машина, сминая зазевавшегося дедушку в стареньком сером пальто, с пакетиком «Лента» в руке, с грохотом влетела в стену здания, из-за чего то содрогнулось, а из его окон повывлетали стёкла. Всё потемнело.

Выбор имени

Дима, Дагни

– Так как же тебя на самом деле зовут? - спрашиваю я Дагни, лежащую у меня на правом плече.

– Не знаю, - небрежно бросает она, глядя в потолок. - Я так часто меняла имена, что уже просто забыла, каким же оно было в самом начале.

Мы лежим обнажённые в обнимку под одним широким пуховым одеялом. День уже набирает свои обороты, но нам на него плевать.

– Ну, а в паспорте что у тебя написано? - пытаюсь искоса взглянуть я ей в глаза.

Она поднимает взгляд и с улыбкой игриво отвечает:

– Паспорт? Какой ещё паспорт, ты что?! Глупенький, зачем он мне вообще может быть нужен?

Я подобные заявления, конечно же, не могу воспринимать всерьёз, улыбаюсь её забавной шутке.

– Ну, как же без паспорта! У любого человека, если он хочет существовать в обществе, должен быть паспорт. Если нет паспорта, то человека просто не существует.

Дагни живо и бесцеремонно переворачивается и, положив руку мне на грудь, глядя прямо в глаза, наигранно таинственно шепчет:

– Ты раскрыл мою страшную тайну: меня не существует. Теперь я должна тебя убить.

После чего игриво царапает мою грудь своими длинными ногтями и пытается укусить меня в шею.

- Эй, прекрати, - заливаясь смехом отбиваюсь и уворачиваюсь я. - Отстань, вампирка!
- Или что? - вызывающе бросает она.

Я гляжу ей в глаза и, осознанно переигрывая, меняясь в лице, отвечаю:

- Или я тебя сам искусаю, - после чего перехватываю её руки, скручиваю и прижимаю к кровати. Дагни залиvisto смеётся. - Теперь я сверху, - победоносно изрекаю я.
- И что же это тебе даёт? - успокаиваясь, спрашивает она, даже и не думая сопротивляться.
- Как что? - возмущаюсь я. - Полный контроль над тобой и всей этой ситуацией.

Дагни усмехается.

- Какой ещё контроль надо мной и ситуацией? Глупыш, ты о чём? Ты даже не знаешь, как меня зовут! Как же ты можешь меня контролировать?

Я спохватываюсь. Как же это у неё так профессионально получилось уйти от темы нашей беседы?!

- Вот пока не скажешь, как тебя зовут на самом деле, не отпущу.

Дагни, прижатая спиной к кровати, высокомерно смотрит на меня.

- Ну, допустим, моё имя на самом деле Елена. Это что-то меняет?
- О, да! Это меняет всё! Это меняет моё отношение к тебе и представление о мире, - шутливо отвечаю я, подспудно примеряя имя «Лена» к Дагни. Не подходит. Просто не вяжется.
- А если бы меня звали «Стелла», всё было бы совсем по-другому?
- Конечно! Стелла — это же совсем другой человек! - не отпуская свою пленницу, я вызывающе гляжу на неё. - Только это не твоё имя.
- А Света — моё имя?

Я усмехаюсь:

- Дорогая, где ты, а где Света! Честное слово, не смеди меня!
- Варвара?

Качаю головой.

- Варвара с тобой и рядом не стояла.
- А Алина?

Что-то щёлкает у меня в голове, я в задумчивости отпускаю руки и серьёзно гляжу Дагни в глаза.

- Алина — это уже что-то более реальное.

Она расплывается в улыбке.

- Тогда меня зовут Алина. Тем более, что это имя мне всегда нравилось.

Я внимательно изучаю её. «Алина» дёргает какие-то душевные струны внутри меня, но

я не могу понять почему.

- Но это же не твоё имя? - осторожно спрашиваю я, решая попытаться прочитать, что же говорят её глаза... Её глаза с зеленоватым отливом, такие манящие, такие глубокие, такие непредсказуемые, такие неземные, такие затягивающие...

Она мне что-то отвечает, но такое ощущение, будто у меня заклинило в мозгах — ни одно слово, из тех, которые я слышу (хотя слышу слова очень отчётливо), не хочет восприниматься и обрабатываться. Я попадаю в какой-то мысленный вакуум. И уже не замечаю и не понимаю, что происходит. Я в прострации, в пустоте. Ощущения притуплены, я не чувствую себя, не ощущаю мир вокруг. Полная потеря собственной личности... полная потеря времени.

Неожиданно в этой сонной вате как луч утреннего солнца меня пробуждает её поцелуй в щеку. Всё возвращается на круги своя. Я сижу в кровати, раздетый, укрытый одеялом, Дагни, одетая, готовая уйти, стоит рядом с кроватью.

Она подмигивает мне и, изрекая:

- Полный контроль, говоришь? - улыбаясь, выходит из комнаты в прихожую надевать обувь.
- Ты куда? - соскакиваю с кровати я, даже не озаботившись тем, чтобы прикрыться.
- У меня работа в отличие от некоторых есть, - с лёгкой издёвкой и намёком на мой свободный график отвечает она.
- Когда вернёшься?

Она лишь небрежно дёргает плечами в ответ.

- Как получится...

И после короткой паузы добавляет:

- ...как захочется..., – испытующе смотрит на меня.

Мне досадно, но я это чувство стараюсь не показывать, запихивая поглубже, внутрь.

«И как же меня только угораздило связаться с такой?!» - переживаю я. Видя начинающуюся во мне бурю эмоций, Дагни усмехается:

- Ты как ребёнок, честное слово! Лучший способ не иметь проблем — это ничего не делать, не так ли?

Я не отвечаю, а просто пустым взглядом гляжу на неё.

- Малыш! - заключает она и открывает дверь. - Ладно, до встречи, - целует меня в губы, разворачивается и уходит.

Я закрываю дверь на замок, глубоко вздыхаю, в раздумьях почёсываюсь, после чего, погружённый в собственные мысли о своей непростой судьбе, направляюсь в комнату с мольбертом.

То ли в результате такого своего жуткого расстройств, то ли просто по случайному стечению обстоятельств, в тот день я начал писать картину под названием «Алина».

Пустота

Игорь

- Что за чёрт? Где я? Что произошло? Я умер? - выпалил я вслух и попытался рассмотреть мир вокруг себя, но по какой-то причине мне не удалось этого сделать.

Кругом была полнейшая тьма. Я не мог понять, стою я, лежу или сижу — руки и ноги двигались, все ощущения вроде бы были в порядке, но я ничего не чувствовал вокруг себя: ни жёсткой, ни мягкой поверхности, ни тепла, ни холода... Не было даже ощущений какой бы то ни было материи — просто воздух, о который даже не опереться. Однако уже мгновение спустя мне показалось, что рядом со мной кто-то появился. Какая-то новая, неизвестная мне сила.

- Да, ты умер, - ответил безразличный голос откуда-то изнутри меня.

Это был не внутренний голос, это был не мой голос, не мои мысли, а чьи-то чужие, но источник их находился скорее у меня в голове, нежели где-то снаружи.

- Если я умер, то почему я мыслю, чувствую и разговариваю? - не понимал я.

Озираясь по сторонам (по крайней мере, мне казалось, что озираюсь по сторонам), я пытался собраться с мыслями и понять, что к чему, откуда этот странный голос, где я нахожусь...

- Потому что ты перенёс своё внимание с той линии, на которой умер, но не перенёс его ни на какую другую. Вот ты и висеши сейчас где-то в прострации, пока одна из твоих проекций умирает, а остальные безвольно, бесконтрольно совершают бессмысленные действия, - голос был очень успокаивающий, бархатный, в нём чувствовалась мощь и уверенность. Такому голосу хотелось верить.

- А ты кто?

- Я? - он немного помялся. - Можешь звать меня своим «союзником». Тебе повезло столкнуться со мной как раз в тот момент, когда ты покидал машину. Если бы ни я, ты бы сейчас здесь не висел, а улетел куда-нибудь, в неизвестность или вообще растворился бы...

Я в очередной раз попытался посмотреть по сторонам и сориентироваться в пространстве. Кругом темнота, глаза не различают ничего. Я поднёс руки как можно ближе к своему лицу, но не смог их разглядеть. Попробовал потрогать ими лицо, но и этого мне не удалось сделать — ничего не почувствовал. Точнее, я почувствовал, что что-то там есть, но эти ощущения были для меня незнакомы и непривычны.

- Не старайся, здесь у тебя нет твоей привычной человеческой формы. Ты в «тёмном мире». Для того, чтобы обрести какую-либо форму, тебе нужно для начала выбрать линию, на которую ты хочешь переместиться.

Каким-то подспудным образом я понимал, о чём говорит этот так называемый «союзник», и что конкретно нужно сделать для того, чтобы достичь того, о чём он говорит. Однако меня волновало несколько вопросов, ответы на которые, мне нужно было непременно получить.

- Подожди-ка! Что произошло? Последнее, что я помню — это авария... Что с Кириллом, с Мишей..?
- Кирилл? - удивился спокойный голос. - Кирилла не существует, с ним не может ничего случиться. А Миши больше нет в живых..., по крайней мере на той линии..., впрочем, также, как и тебя. Кирилл тебя убил... То же мне друг!

Понять и принять идею, о том, что только что какая-то часть меня умерла, было не в

моих силах. Всё это меня жутко смущало, и я попытался подобрать объяснение своему состоянию.

- Но я же был в Питере, я же уже даже офис искал... компанией занимался...
- Или так, - нейтрально проговорил голос.

Мысли начали разбегаться в разные стороны, вглубь темноты. Что-то щёлкнуло внутри меня, после чего чёрную массу вокруг начало очень медленно заливать белым светом. Из этого света стали проявляться слабые очертания города. Я обрёл привычные ощущения, почувствовал дуновение ветра и пресный вкус во рту, услышал шум улицы. Я снова дышал, постепенно приходя в себя. Внимание стало собираться назад.

Осмотрелся по сторонам. Я стоял посреди тротуара. Люди сновали туда-сюда, все куда-то спешили и толкались. Я тоже, надо полагать, куда-то спешил...

Неожиданно воспоминания, не мои, а как будто чьи-то чужие, бросились гурьбой в моё сознание. С утра позвонил Миша. Голос у него был грустный, он сказал, что не сможет приехать на репетицию в связи с какими-то там личными обстоятельствами, он предложил уйти в «творческий отпуск». Я согласился, обзвонил ребят, и мы договорились, что свои репетиции отложим хотя бы на месяцок, хотя все понимали, что этот месяцок может затянуться. А сейчас я воспользовался тем, что появилось дополнительное свободное время и шёл на встречу с возможным арендодателем — через знакомых удалось договориться о том, чтобы снимать офис на Кирочной улице.

Я посмотрел по сторонам, потряс головой, взглянул на свою одежду (откуда это у меня такой пуховик, интересно?) и пошёл на встречу, размышляя по дороге о произошедшем, об аварии, которой на этой линии никогда не существовало, о Кирилле, который пытался меня убить, о «тёмном мире» и «союзнике».

Позвонить, что ли, Кириллу?

Я на ходу снял перчатку, достал мобильник, чуть поморщился, взвешивая все «за» и «против», прикидывая, в курсе ли он произошедшего, и прокручивая в голове фразу «союзника» о Кирилле, вздохнув, набрал его номер.

- Ало!
- Привет, - несколько неуверенно проговорил я.
- Ты чего-то ещё по поводу репетиций хотел сказать? - грубовато спросил он.
- Нет, я...

И тут в голове у меня всплыла картина: что будет, если я спрошу Кирилла об аварии? Он может посмеяться надо мной. Может удивиться тому, что я что-то помню. Может просто сказать, что я псих. Может каким-то неприятным для меня образом воспользоваться этим знанием... Доверия он у меня не вызывал, а некоторые из этих вариантов мне до боли не нравились, и рисковать не хотелось. А как можно косвенно вытянуть из него информацию об аварии? Надо пойти издалека...

- Мне тут приснилось, что ты свою машину разбил, - нашёлся я.
- М, - только и ответил он — явно вытягивал из меня больше...
- К чему это, как думаешь?
- Я тебе гадалка, что ли?

- Нет, но я подумал, что ты мог бы мне что-то рассказать, так как...
- Это к деньгам, Игорь, расслабься. Так. Всё. Мне пора. Пока.

Ответил в своём стиле. И как мне это воспринимать? Я развёл руками и положил мобильник в карман. Передо мной уже было то самое здание, в котором мне возможно предстояло арендовать помещение для офиса...

Открыл тяжёлую железную дверь, прошёл внутрь. Высокие потолки, свежестыканные стены, несколько ступенек и ещё одна массивная дверь слева. Я поднялся по ступеням, посмотрел на надписи. Нашёл нужный звонок. Позвонил. За дверью вначале было тихо, потом шаги и какое-то шебуршение, после чего она отворилась. Передо мной стоял щуплый усатый мужичок в очках в роговой оправе, в сереньком шерстяном свитере с белой полоской поперёк, из-под которой выглядывала белая рубашка, не до конца заправленная в коричневые вельветовые штаны. Вся его одежда была вполне приличной, но уже изрядно поношенной.

- Андрей Ильич?
- А! Игорь Анатольевич? Здравствуйте! Проходите!

Я переступил через порог. Две двери слева, одна за другой.

- Нам до упора и налево, - Андрей Ильич показал рукой, куда идти, учтиво сгорбившись. Я еле заметно кивнул в ответ и направился в указанную сторону. - Открывайте, проходите.

Комната, в которую я вошёл, была небольшой, примерно двадцать квадратных метров. Я осмотрелся. Одно окно. Старенький паркетный пол. Шкаф, вешалка, четыре стула, три стола. За одним будет сидеть Дима, за другим — Сергей, за третьим — я.

- Тут раньше работали ребята, регистрировавшие авторские права, никогда не жаловались на офис, но у них что-то не заладилось, - заполнил неловкую паузу Андрей Ильич.

А пока он говорил, моё воображение очень явственно почему-то нарисовало за столом, за которым будет сидеть Дима, Диму и его девушку. Я её ни разу не видел, но представил себе очень живо. Да и сам Дима был передо мной как живой. Всё было таким чётким, естественным, что в голову прокралась мысль о том, а не лишился ли я рассудка... В это время Дима целовал свою девушку за ухом, целовал шею, нахально и самоуверенно гладил её бёдра, после чего совершенно естественным жестом начал стягивать с неё трусики. Она, томно и тихо дыша, откинулась немного назад, запуская свои пальцы в его волосы... Всё это не было похоже на нашего скромного тихого Диму, но почему-то показалось мне очень естественным.

- Тут есть телефон, доступ в интернет, отопление работает исправно, - продолжал продавать место Андрей Ильич, чувствуя себя явно неуверенно.

Я его слышал, но особенно не слушал — прямо перед моими глазами Дима спокойно, покрывая поцелуями свою возлюбленную, уже опустился перед ней на колени и начал доставлять ей удовольствие орально. Ей явно это нравилось, она так и извивалась... но тут она неожиданно подняла голову, взглянула на меня, прямо мне в глаза, и вздрогнула от испуга. После этого раздался хлопок, грохот, посыпалась штукатурка и вылетели стёкла из окна. Потолок обрушился и накрыл их.

Я стряхнул наваждение со своих волос и повернулся к Андрею Ильичу.

- К сожалению, мне не подходит. Спасибо за экскурсию, но я не могу взять это помещение в аренду.

Андрей Ильич выглядел очень растеряно, он не понимал, что произошло. Да и со стороны выглядело это, должно быть, оригинально: я постоял на входе в комнату с минуту, не двигаясь и ничего не говоря, что-то рассматривая, после чего заявил, что «не подходит», даже ничего не потрогав, не понюхав и не прокомментировав.

Я направился к выходу.

- Но почему? - попытался меня остановить Андрей Ильич.
- Не люблю паркет, - ни секунды не задумываясь, деловым голосом ответил я первое, что пришло в голову, и вышел.

Я не мог объяснить, почему эти образы всплыли перед моими глазами, почему они были такими живыми, и почему я им настолько доверился, но где-то внутри я просто знал, что, если соглашусь на этот офис, то случится что-то непоправимое. А рисковать нельзя. Не сейчас. Не так.

Два Кирилла

Рома, Игорь

Ситуация сложилась очень странная: по большому счёту мне не с кем было обсудить происходившее со мной в последнее время, кроме как с Кириллом — никто бы не понял, никто бы не разделил сомнений. Однако с самим Кириллом я также не мог поговорить, так как причиной всего того, что со мной происходило, был он сам. И меня пугало не столько то, что он вытворял с моим сознанием, и как он разрушал мои представления о мире, сколько то, как сильно я начал из-за этого меняться. Я ощутил, что начал терять себя, терять свою точку опоры, мои убеждения и представления о мире стали проваливаться в пустоту. Какой смысл что-либо менять в мире, когда в любой момент можно просто сменить линию? Какой смысл в том чтобы развиваться, если в любой момент можно выбрать жизнь, в которой ты уже развился? Это потихоньку начало сводить меня с ума, и для того, чтобы обрести хоть какую-то почву под ногами, я решил, что надо бы обсудить это с кем-нибудь из моих друзей... Возможно Игорь, знавший меня дольше остальных, мог бы взглянуть на всё это более-менее трезво и что-то посоветовать. По крайней мере, у меня было устойчивое иррациональное ощущение, что он — единственный, кто сможет меня понять...

Если подсчитать, сколько денег я со своими друзьями оставил в различных кафе, ресторанах, бистро, «шаверма-хаусах» и просто забегаловках Питера за всё время наших походов, то, уверен, можно было бы без особых проблем набрать на новенькую бэу. А то и на Порше... В этот раз я предложил Игорю оставить деньги в «Кофе Хаосе», но он сразу же откинул это предложение, аргументировав своё решение тем, что «Кофе Хаос — гавно». С такой аргументацией сложно было поспорить, поэтому мы осели в другой кофейной Питера.

- Ну, чего у тебя там, рассказывай, - Игорь вальяжно откинулся на спинку мягкого кожаного диванчика, лениво попивая свой Латте.
- Да, всё потихоньку идёт, - я пожал плечами — не решался сразу же броситься с места в карьер. - В вузе читаю лекции, студентов мучаю. Правда, на кафедре достают со всякой бюрократией... но это нормальное явление. Несколько статей, кстати, недавно написал на философскую тему.

- Ты теперь в философы подался? - удивился Игорь и ухмыльнулся: - Там больше платят?
- Да, нет, что ты?! Просто материал накопился, я решил поделиться им с миром.
- Что за материал? - Игорь, неожиданно для меня, проявил интерес не из вежливости, это было заметно невооружённым взглядом... Этот его интерес меня насторожил — обычно он подобные вещи пропускал мимо ушей с плохо скрываемой кислой миной на лице.
- Там есть одна идея по устройству мира... В некоторой степени пересекается с теорией струн и всякими эзотерическими идеями.
- М? - Игорь вопросительно кивнул в мою сторону, предлагая рассказать ему подробней.
- Ну, идея перекликается с некоторыми идеями Кастанеды, Зеланда, Лазарева, Смирнова., - нехотя начал объяснять я. - Но ты же ничего не читал из их работ...

Игорь хитро улыбнулся.

- Мы, Ромка, с тобой уже давно не общались на всякие праздные темы, поэтому ты не в курсе того, что же на самом деле происходит в моей жизни... Модель меня в твоей голове, скажем так, устарела. А произошло за последнее время много чего! И, уверяю тебя, твоих Зеландов с Кастанедами мне читать и не надо для того, чтобы понять твои идеи.
- Ты как всегда фирменно надменен и излишне самоуверен! - полушутливым тоном заметил я. - Если я начну тебе рассказывать про пространство вариантов, про точку сборки, про разные круги и линии, ты вряд ли меня поймёшь...

Игорь несколько поморщился и напрягся на словах «круги» и «линии»:

- А вот тут подробней пожалуйста!

Я вначале подумал, что, как того и следовало ожидать, он ни черта не понял из сказанного мной, но когда начал своё объяснение, он меня грубовато остановил по среди фразы и заметил:

- Да положить мне на твои точки сборки и прочую мутотень! Ты мне лучше про линии расскажи!

Этот его интерес к линиям мне показался подозрительным.

- А почему именно про них? - растерялся я.
- Просто, у меня есть ощущение, что по линиям я знаю, возможно, даже больше, чем ты.

Я недоуменно улыбнулся. Игорь смотрел на меня в упор, не моргая.

- Да откуда ж ты можешь о них знать?! О них, считай, знает только два человека...
- Мне друг рассказал.
- Димка, что ли? - конечно, не Димка, но кого я ещё мог назвать навскидку?

Игорь с некоторой жалостью улыбнулся.

- Да ты чего?! Где Димка-мечтатель, а где вся эта эзотерическая шиза?!

– Тогда кто? - не понимал я.

– Кирилл.

Холод пробежал по моей спине.

– Как Кирилл? - опешив, произнёс я.

Игорь, не замечая моего замешательства в своей излюбленной надменной манере проговорил:

– Да, я просто познакомился полгода назад, когда ещё в банке работал и в «Субмарине» играл, с одним блондинчиком рок-гитаристом, Кириллом зовут.

Меня немножко отпустило, я улыбнулся, тем не менее оставаясь в небольшом напряжении.

– Блондинчик говоришь? Я, просто, тоже всё это узнал от Кирилла — я познакомился с ним месяцев девять назад... На собеседование ходил как-то и столкнулся с ним...

На этот раз напрягся уже Игорь.

– Думаешь, это один и тот же человек?

Я в ответ дёрнул плечами.

– Ну, давай их сравним?

– Давай.

– Мой — брюнет, коротко стриженный, - начал я вспоминать, делая паузы между вспоминаемыми чертами, - высокий такой (под метр девяносто, наверно), долговязый, глаза голубые... Работает, кажется, начальником какого-то отдела в it-компании...

Теперь пришла очередь Игоря расслабиться, он снова вальяжно разлёгся на своём диванчике.

– Неее. Это не мой — разные люди... А то я уж подумал! Мой-то Кирилл невысокий, блондин, глаза не помню, но точно не голубые... А ещё кожа такая рыхлая... - Игорь покачал головой, что-то припоминая. - Парень — заноза, конечно, но сильный очень. Я имею в виду внутренне сильный.

– Наверно, у всех развитых духовно личностей имя Кирилл, - отшутился я.

– Ага, - поддержал Игорь и отпил кофе, после чего вспомнил, - так чего там с твоими статьями?

– А что с ними?

– Просто мы будем скоро запускать сайт, и нам нужен материал. Может, твоя философия как раз и подойдёт? Про линии — это, как мне кажется, должно быть интересно. У тебя там много написано?

– Статей пять.

– Ого! Да это целый цикл! Если хочешь, опубликуем по очереди?

– Ну, давай, - неопределённо ответил я.

Материал неожиданно для себя нашёл издательство...

- Тогда скинь мне по почте, я почитаю и посмотрю, что с этим можно сделать.

Я кивнул и замолчал.

Разговор о статьях — это хорошо, но не то, что мне нужно было в тот момент. Игорь, кажется, это почувствовал.

- Ты о чём-то ещё хотел поговорить?

Я немного заколебался, после чего всё-таки решился рассказать:

- Понимаешь, этот самый Кирилл, о котором я рассказал, доводит меня до белого коленья своими выходками. Такое ощущение, будто он целенаправленно пытается свести меня с ума, и, кажется, в последнее время у него это стало успешно получаться... Я уже начинаю серьёзно сомневаться в реальности этого мира...

Игорь начал серьёзней прислушиваться к моим словам и даже поморщился.

- Дело в том, что он подвергает сомнениям все мои устоявшиеся представления о мире. Всё, что я узнал, наверно, с самого момента рождения, всё, к чему я привык — всё это целенаправленно уничтожается. Я даже иногда не уверен в том, я ли это или всего лишь проекция. И в рамках своей программы сведения меня с ума, он частенько выводит меня из равновесия — как будто бы берёт и толкает в спину...
- Всё это мне что-то очень напоминает, - задумчиво произнёс Игорь, покачивая головой. - Очень похоже. Только на меня мой Кирилл ещё и руку поднимал первое время, подзатыльники давал и тычки разные...
- Не, мой не настолько агрессивен, - я улыбнулся. - Впрочем, думаю, что и до этого недалеко...
- Слушай, всё это очень подозрительно, - несколько оживился Игорь, наклонился вперёд и продолжил заговорщическим голосом: - Может, это всё подстроено? Ну, наверно, не случайно они именно нас с тобой осадил? Может, они как-то связаны друг с другом..? Слишком многое на это указывает... Непонятны только их мотивы...

Я призадумался. Похоже, что Игорь был прав — что-то во всей этой ситуации было явно не чисто.

- Ну, да. Подобные совпадения навряд ли возможны.
- Я очень не люблю, когда мной манипулируют, - продолжил Игорь. - А у этих, судя по всему, манипуляция людьми — на первом месте. Давай этих двоих как-нибудь столкнём лбами? Они, ведь, навряд ли думали, что мы с тобой всё это будем обсуждать... Вон: больше полугода прошло, а мы только сейчас узнали об их существовании. Навряд ли они рассчитывали на то, что их раскроют.
- Пожалуй, - согласился я.
- Так вот, - подытожил деловым голосом Игорь. - Предлагаю план действий: до поры, до времени не подаём виду, собираем информацию о наших Кириллах, выпытываем по максимуму информации, после чего, когда что-нибудь нароем, сталкиваем их лбами.
- Можно, - я усмехнулся. В голове промелькнула мысль про телепатию, - только, у меня иногда бывает ощущение, что мой умеет читать мысли...
- Не страшно, - без тени сомнения и удивления отнёс Игорь. - У меня ощущение, что

мой тоже что-то такое умеет... Мы просто будем очень собрано и осознанно действовать. То есть будем в их присутствии контролировать все свои мысли и желания.

- Ну, а, если они ещё и на расстоянии способны мысли улавливать? - заметил я.
- Да, - чуть призадумался Игорь. - Тогда задача усложняется... придётся вести себя подобным образом не только во время их присутствия.

Игорь озадаченно покачал головой.

- То есть нужен максимальный контроль над своими действиями в течение всего дня. Задача непростая, но теоретически достижимая. Как считаешь?
- В принципе, ничего нового в этом нет, - поддержал я его. - Это всего лишь буддистская практика медитаций. Правда, это очень сложно делать постоянно, но, как говорят, задача реализуемая.
- Тогда действуем. Прямо с этого момента! И тогда мы их прижмём и покажем им, кто здесь главный!

Игорь в очередной раз откинулся на свой диванчик, в этот раз с нескрываемой улыбкой, после чего задумчиво стал смотреть в потолок, видимо, что-то вспоминая. Тема встречи была явно исчерпана, я уже собирался начать праздный разговор о погоде, когда Игорь тихим спокойным голосом, не сводя взгляда с потолка, добавил:

- Правда, надо признать, что что-то в моей жизни благодаря Кириллу стало меняться в лучшую сторону...

Я кивнул — мне в голову пришла практически такая же мысль.

Легенда о создателе

Игорь

Я сидел на опушке леса на каком-то корявом трухлявом пеньке. Небо над головой было поразительно-голубым, я никак не мог налюбоваться на него. Облака вальяжно передвигались по нему, демонстрируя свои туши всему миру. Щебетание птиц, скрежет кузнечиков, шелест травы. Запах леса, лёгкий прозрачный воздух. Я осознавал, что всё это нереально, что этот мир создан только моим воображением. Я осознавал, что сплю. Возможно, это на меня так повлияла встреча с Ромкой. Возможно, мы с ним приняли неправильное решение. Возможно... Но в тот момент я просто наслаждался теми яркими красками, той живой картинкой, той реальностью всего происходящего.

Неожиданно мир стал выходить из-под моего контроля. Я знал, что сплю, продолжал осознавать это, но почему-то мир перестал меня слушаться. Перед моими глазами стали появляться цветные, громкие картины, которые я не мог никак интерпретировать. Это было скорее на уровне ощущений. Я просто чувствовал, не видел, не слышал, не обонял, а именно чувствовал. Вдруг что-то внутри меня щёлкнуло и я стал всё понимать.

- Ты ослушался нас! Как ты посмел? - раздался голос откуда-то сверху.

Я ответил ему помимо своей воли, не контролируя свою речь:

- А вы до сих пор считаете себя богами, считаете себя создателями? Вы же всего лишь марионетки, как вы не понимаете?!

Перед моими глазами всплыла фигура с нечёткими очертаниями, в которых читалась

сила и мощь.

- Я есть всё для этого мира! Я его властелин! Я могу его уничтожить, а могу и взрастить. Только я выбираю, что с ним будет дальше. И я решаю, что ему нужно. А миру нужен баланс!
- Это не миру нужен баланс, - дерзко ответил я, - а тебе! Миру нужна свобода от таких как ты, и у меня нет ни малейшего желания танцевать под твою дудку! Ни ты, ни один другой создатель не переубедит меня!

Воздух вокруг меня неожиданно потемнел, к его цветам добавились красные тона. Я чувствовал агрессию по отношению к себе, чувствовал, что та гигантская сила, стоящая передо мной, может меня раздавить в любой момент, но что-то её до сих пор сдерживало.

- Причём здесь «танцевать под мою дудку»? - продолжал незнакомый голос. - У тебя будут свои миры, ты будешь сам ими управлять! Ты будешь волен делать с ними всё, что угодно! Ты будешь свободен!
- Управлять и быть управляемым?! Никогда! Мне нужна настоящая свобода, а не та, пластиковая, которую вы мне навязываете! Полная, действительная, а не частичная и мнимая!
- Она у тебя и будет! - возмущённо сказал голос.
- Как ты можешь быть таким циником?! - с жалостью в голосе отвечал я. - Ты же сам прекрасно знаешь, что, как бы ты высоко ни забрался, всегда будет кто-то над тобой. Даже над царём горы есть небо... Чтобы быть действительно свободным, нужно вырваться из этого круга! Единственный путь к истинной свободе — это вне системы!

Я почувствовал, что мир вокруг меня становится спокойней, что я снова начинаю обретать контроль над ним. Как будто кто-то сжалился надо мной, и угроза уничтожения отступила.

- Ты же понимаешь, что я не могу позволить тебе существовать с этим? - грустно ответил голос.

Я уже не отвечал, но знал ответ.

- Что ж, да будет так...

Раздался жуткий грохот, после него — звон в ушах, вызывающий болезненные ощущения. Я закрыл глаза и неожиданно для себя проснулся в кровати в своей комнате оттого, что сжимал уши руками и сильно зажмурился. Боль постепенно проходила. Я открыл глаза. Из носа медленно текла капля крови. Я смахнул её и уселся в кровати, пытаюсь сообразить, что к чему. На часах было три ночи. Всё стало приходить в норму. Никогда у меня не было таких странных сновидений.

- А это был не просто сон, - раздался какой-то знакомый голос.

Я вскочил с кровати, включил в комнате свет и стал осматриваться, пытаюсь понять, кто со мной говорит, и где он находится. Чтобы чётко идентифицировать источник голоса, я подошёл спиной к углу комнаты и спросил вслух:

- Что же это тогда было?
- Это была легенда, - раздался голос, и я понял, что он находится в моей голове. Это был не мой голос, не мои мысли, это был тот самый «союзник», о котором я уже

совсем позабыл. В некотором шоке и смятении я сполз по стенке и уселся на корточках. Голос продолжал: - Легенда о создателе, которого изгнал другой создатель за нарушение принципов мироздания.

- Что за на фиг?! Какие к чёрту создатели и принципы мироздания?! Какого чёрта я тебя слышу?! - начал паниковать я.
- Дело в том, что ты дошёл до такого уровня, на котором у человека устанавливается связь с другими мирами. Кто-то называет это «связью с космосом», кто-то — «психическим отклонением». Но что такое это «отклонение»? Просто несоответствие норме, несоответствие тому представлению о мире, которое имеется у серого большинства... - голос бросился в философствования, но мне было не до них.
- Стоп-стоп-стоп! Значит я сошёл с ума? Прекрасно! Один читает мои мысли, другой в них живёт..., - я встал и, почёсывая макушку, направился в ванную комнату. - И зачем же ты мне всё это показал? - подумал я, решив, что разговоры с самим собой вслух в этой ситуации могут выглядеть по меньшей мере странно.
- Зачем — это не мне решать. Я просто рассказал, чтобы у тебя была пища для размышлений, а уж, что с ней делать — не моё дело.
- Прекрасно, - проговорил я вслух, глядя на своё отражение в зеркале: передо мной был замученный молодой человек с жуткими синяками под усталыми глазами. - Создатель, который сделал с кем-то что-то противоестественное...
- Не просто противоестественное, - снова заговорил «союзник», а я к своему немалому удивлению заметил, что моё отражение открывает рот — в нём что-то изменилось, и передо мной уже был не я, а другой, совершенно самостоятельный, человек, с моими чертами. Отражение продолжило, активно жестикулируя: - Один создатель сверг другого, сбросил вниз, так сказать, заставив того потерять собственное осознание. Однако есть поверье о том, что свергнутый никуда не исчезал, что он предусмотрительно своё сознание разнёс на мелкие кусочки, а другой создатель ему просто помог, не понимая этого.

На последнем слове отражение подмигнуло. Я негромко взвыл, схватился за голову и пошёл прочь от ванной.

- Это всё нереально! Этого не может быть! Я просто не в себе. Может, я сплю?

Я топтался в коридоре, не зная, что предпринять.

- Что именно нереально? Мир вокруг тебя, ты сам или голос в твоей голове? - с усмешкой спросил «союзник».
- Ты меня сводишь с ума, ты это знаешь?
- Это всё только потому что, ты не привык ещё, - важным голосом ответил «союзник». - Так у всех бывает. Так, например, у Достоевского по началу было. Когда человек в первый раз надевает не разношенные новенькие ботинки, они ему мешают и вызывают дискомфорт. Однако спустя какое-то время человек уже их и не чувствует и передвигаться в них может совершенно естественно...
- Ботинки и сознание — несколько разные вещи, - попытался отмахнуться я от него и направился на кухню. Может, валерьянка меня успокоит?.. - Сознание нельзя примерить на себя, а потом выбросить, купить или продать...

– Ты в этом так уверен?

Я уже стоял у холодильника с пустой чашкой и бутылочкой валерьянки. В висках еле заметное биение.

– Раз, два, три...

– Мне кажется, что это не так уж и сложно сделать, как кажется...

– Четыре, пять, шесть...

– Впрочем, это и неважно...

– Семь, восемь, девять...

– Важно лишь то, что обычно отторжение вызывают те вещи, к которым человек не привык...

– Десять, одиннадцать, двенадцать...

Взял кувшин с водой, налил в чашку...

– А ты просто пока никак не можешь привыкнуть к своей новой роли...

Выпил залпом.

– К роли, в которой ты бы стал не просто спящим мешком с костями, а существом разумным...

Удивительно, но я достаточно быстро стал успокаиваться, дыхание стало более ровным.

– Ведь ты же понимаешь, что тебя выбрали не просто так... Ты особенный и та легенда...

Неожиданно голос стих.

– Эй? - проговорил я вслух. - Ты тут?

Никто не отвечал. Я покрутился на месте, посмотрел по сторонам, потёр виски и ещё раз проверил:

– «Союзник», ты тут?

Кажется, всё пришло в норму. В ту самую норму, к которой я привык, в которой мне комфортно, в которой у меня в голове только один голос — мой собственный.

Я вздохнул с облегчением, потряс головой, смахнув с себя все мысли об этом жутком наваждении, и направился назад в постель.

Заснул я достаточно быстро и до полудня спал как убитый, даже не услышав будильник...

Самостоятельность

Рома, Кирилл

После той встречи с Игорем стали происходить интересные события. Я стал больше замечать и больше ощущать. Я обращал внимание на мелкие детали, которые обычно игнорировал: на выражение лиц людей вокруг меня, на трещинки на полу, на стены — и всё это происходило само собой, без особого усилия. Я стал предвосхищать некоторые события. Я ловил вещи перед их падением, я умудрялся выйти с эскалатора за мгновение

до его остановки, я научился быть в нужном месте в нужное время. Такое ощущение, что прекращение внутреннего монолога, которое по началу было сложно реализуемым, открыло во мне новые каналы энергии. Я осознавал себя и своё окружение с большей чёткостью и уверенностью.

И даже, несмотря на то, что в метро я по привычке утыкался в газету и погружался в чтение, мир всё равно оставался для меня таким же чётким: ощущения от процесса, в котором кроме текста и повествования нет ничего, в котором концентрация и контроль достигали очень высокого уровня, были оригинальными и незнакомыми. Обычно раз в минуту — две я отвлекался от чтения и бродил мыслями по просторам вселенной, теперь же я научился сильно концентрироваться и воспринимать всю информацию без перерывов. Работало это с любым чтивом, будь то книгой, газетой или журналом.

В этот раз я читал «Новую газету». Вообще в метро я обычно читаю художественную литературу, но в этот раз книгу забыл дома, газету же нашёл совершенно случайно — заскочил в канцелярский магазин за скрепками по дороге в метро, а там на столике валялась она, брошенная неизвестно кем. Что она там делала, непонятно, старая уже — от марта 2008... Наверно, меня ждала, вот я и взял почитать, чтобы чем-нибудь себя занять. А в метро добрался до статьи «Бродяги» и так зачитался, что чуть не пропустил свою станцию, но, слава богу, вовремя опомнился и вышел, правда так и не дочитав статью до конца.

Погодка в последние дни была препоганой: выпавший до того снег сильно подтаял, а потом замёрз. По бокам тротуаров из-за этого образовались чёрные сугробы. Под ногами — тонкая неприятная ледяная плёнка, накрытая сверху солью с песком. Мерзость, а не погода!

Путь домой в тот раз был для меня особенно сложен из-за того что я сам себя сильно выматывал — просто «выпустить» мысленный поток нельзя было, приходилось всё время напоминать себе о том, чтобы осознавать себя, контролировать свои действия, пресекать любые мысли и лишать себя удовольствия рефлексировать. Но помимо всего этого, в тот день я решил начать отгонять ещё и любые мысленные образы, вспыхивавшие периодически перед моими глазами. Именно это давалось с трудом и требовало дополнительных усилий.

Кутаясь в шарф, засунув руки в карманы пуховика, то и дело, обгоняя вальяжно или просто медленно идущих по своим непонятным делам людей, я шёл домой. Практически у самого дома, я столкнулся лицом к лицу со своей соседкой снизу — женщиной, лет сорока, явно не любившей меня за то, что я сосед сверху. Я заметил её издали и приготовился к тому, чтобы поздороваться, когда подойду поближе, искоса поглядывая в её сторону. Когда же расстояние между нами стало приемлемым для приветствия, и я проговорил «здравствуйте», то заметил что-то необычное и новое в её глазах. Точнее, не в глазах, а в ней самой, но ощущения были почему-то именно в районе глаз. Это не был какой-то придуманный образ, это не была какая-то внешняя черта, которой я ранее просто не замечал, это было что-то, чего я не испытывал до того — я неожиданно очень явно почувствовал её негативное отношение ко мне. Я почувствовал, что мысли её как узкоротые змеи, запертые в коробочке, роятся в её голове. Все это неожиданно свалилось на меня, как будто бы меня окатили ледяной водой. Стало не по себе. Со мной никогда такого не было, я не знал, что с этим делать, и что это всё значит, и несколько растерялся в первые секунды, но достаточно быстро восстановил контроль над собой и направился домой.

Дома тепло и сухо, не то, что на улице. Можно было, наконец, отогреться. Я прошёл на

кухню, поставил завариваться чай, после чего пошёл переодеваться. В своей комнате включил первый попавшийся музыкальный диск. Это был Pink Floyd «Atom Heart Mother», песня которая всегда оказывала на меня странное действие — каким-то образом мир становился неустойчивым, когда я её слушал. Я стал прислушиваться, стараясь всё также не терять контроль над ситуацией. Басы и клавиши, вылетающие из темноты. Звуки труб. Диссонансы... И тут неожиданно из каши звуков, тяжело воспринимаемой ухом, вылезла мелодия! Я сразу же острее почувствовал мир вокруг себя, ощутил тепло внутри и понял, что нужно посмотреть на руки. Мир задрожал и потерял свою стабильность. Появилось чувство, будто он на самом деле вылеплен из пластилина, что нет никаких жёстких ограничений, и, если я захочу, то смогу его преобразовать во всё, во что угодно.

Неожиданно раздался звонок в Скайпе. Мир сразу же выпрямился и превратился в неподвижную скалу. Я посмотрел на монитор. Ну, конечно же, это был Кирилл! Ни минуты покоя!

- Ало? - ответил я.
- Что с тобой стряслось? - спокойным голосом спросил он.
- В смысле? Я в порядке... - также спокойно ответил я, стараясь не пропускать лишние мысли в свою голову.
- Я чувствую, что что-то не так... Ты что-то задумал, но я не могу понять, что... В любом случае, не делай никаких глупостей по типу осознанных сновидений с холотропным дыханием, хорошо?

«А он-то откуда знает про это?» - влетело мне в голову.

- У меня свои источники, - отозвался Кирилл. - Но это сейчас не главное — всему своё время. Настанет час, и я тебе всё расскажу, но пока он не настал. Главное — не делай никаких глупостей, хорошо? - голос его был гипнотическим, я почувствовал в нём то, как он старается подчинить себе мою волю.
- Не дави на меня, - резко ответил я, чем судя по всему, смутил Кирилла. Однако он быстро опомнился и продолжил:
- Рома, в твоих же интересах сейчас ничего не предпринимать. Я буду у тебя минут через 30, только дождись меня, а то может случиться непоправимое... Хорошо?

Мне не понравилось то, что он попытался манипулировать мной как марионеткой и подчинить себе. Мне захотелось свободы, и вмешательство Кирилла не входило в мои планы.

- Хорошо? - повторил он, ожидая от меня ответа.
- Ладно-ладно, - нехотя отозвался я и сбросил звонок.

«И ничего же такого я не думал», - начался у меня разговор с самим собой вслух, - «ничего не собирался делать и предпринимать! Что он мог иметь в виду? Да и откуда он знает, что тут что-то происходит? И вообще: кто он такой, чтобы мне указывать?!»

В голове начали бесконтрольно гулять мысли о том, что я хочу быть свободным и ни от кого не зависеть, а тут мне всё время указывают, меня всё время ограничивают и контролируют. Тон Кирилла мне не понравился, и я начал злиться на него. И из этой злости внутри меня что-то раскрылось, я решительно взглянул на свои руки, сгустил мир и кинул взгляд на стены комнаты. Они поплыли. Вначале еле заметно, потом сильнее и сильнее. Концентрация была достаточно большой, в голове не было ничего, кроме стен

моей комнаты, обоев в горошек, ковровина под ногами, ровного дыхания, музыки вокруг и мелкого звона в ушах.

Я не знал, что делаю, но посчитал, что сделать это надо именно так.

Неожиданно зазвонил мобильник и концентрация разбилась и разлетелась на мелкие кусочки, как упавшая на пол тарелка. В голову гурьбой бросились мысли, но одна из них по какой-то неизвестной мне причине вдруг вылезла из подсознания на первый план: бродяга... Мне стало нехорошо, стало подташнивать, закружилась голова и я потерял сознание.

Бродяга

Роман

Открыл глаза.

Кажется, я был укрыт газетой? Как мило!

На чём я лежу? На скамейке? Какая прелесть!

Где я? Какое-то старое здание. Судя по размерам и архитектуре — старый заброшенный вокзал. Тихо и пусто. Холодно.

Сел. Хруст газеты разлетелся по зданию.

Протёр глаза. Часов девять уже, не меньше, судя по освещённости.

Что это на мне? Тряпки какие-то, лохмотья? Прямо, как бомж одет. Ну, и ну!

Посмотрел на руки. Все в морщинах, волосах седых, не мытые, под ногтями грязь.

Встал со скамейки, потянулся, огляделся по сторонам, прошёл до двери. Стараясь не издавать лишнего шума, аккуратно приоткрыл её. За дверью — выход во двор, дощатым забором огороженный.

Прикинул в голове, что я могу сделать в этой ситуации, попытался изучить свои чувства. Хочу пить и есть. Вообще, ощущение такое, будто я вчера жутко нажрался — во рту прямо кошки нассали, голова варит очень плохо, не помню ничего из вчерашних событий.

Почёсываясь и чертыхаясь, прошёл в сторону забора, к тому месту, через которое я, судя по всему, попал на эту территорию вчера. Прислушался. Вроде, никого с той стороны. Доску отодвинул в сторону, голову просунул, по сторонам посмотрел. Всё чисто, ментов нет, слава богу!

Пролез, доску бережно на место вернул. Неплохо бы и следующую ночь тут провести, только не хочется, чтобы слишком много народу нычку эту обнаружили — набегут, шороху поднимут, нас выкуривать начнут... А оно мне надо?

Если память не изменяет, недалеко от этого здания быстро — даст бог, найду что-нибудь там. Сунул руку в карман. Один, два, три... Рублей семьсот есть, да жетон метро, найденный в мусорке. Значит жить буду ещё один день. Только в какую сторону идти?

По сторонам огляделся. Передо мной парковая зона какая-то. Где-то тут, кажется, была тропинка... Надо, скорее всего, просто вдоль забора пройти.

Придерживаясь правой рукой за шероховатые доски с облупившейся синей краской, направился по периметру в поисках тропинки.

О! Вон там, кажется, виднеется!

В голове полнейший бардак. Что-то всё-таки не так. Что-то я упускаю. Забыл чего-то... Да только вот, что? Иду вдоль забора. Пока есть время, попробую вспомнить что-нибудь.

Зовут меня Сергей Иванович. Фамилия... Да, фамилия и не важна. Родился в Ленинграде в шестьдесят четвёртом, в нормальной рабочей семье. Звёзд с неба никогда не хватал, учился всегда нормально: на тройки — четвёрки. Окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения, кафедру радиотехнических систем. Женился в свои 23 на Оленьке, которая достаточно быстро забеременела Сашкой и родила в восемьдесят восьмом. Работал на Ленинградском заводе радиотехнического оборудования, но совсем недолго — когда настали Ельцинские 90-е, с завода выгнали. Работу найти не мог, в семье не клеилось. Оленька сама работала, но явно не была в состоянии тянуть нас всех, а у меня как чёрная полоса какая началась: туда не берут, оттуда гонят. Время шло, а ни черта не менялось. Запил. Оленька, конечно же, бывшая и без того уже на грани, начала срываться. Обстановка серьёзно накалялась, а я в какой-то момент явно почувствовал, что стал обузой, что от меня сплошные неприятности. Ну, что напишешь, коль родился я таким непутёвым?! Вот, даже, когда в школе к доске вызывали, и, вроде бы знаю, да сказать толком не могу. Так и по жизни по всей было: и знаю, и спать могу, если что надо, и разобрать-собрать (руки у меня, вроде, в порядке всегда были), а вот, как это сейчас некоторые говорят, «продать себя» не получается, и всё тут! Ведь, есть же такие, которые собой толком ничего и не представляют, а язык как будто подвешен, и рвутся вперёд без ничего, без умений, а только благодаря этой своей болтологии и прорываются вверх...

Ушёл я из дома, значит... Да и с родными своими и близкими все контакты порвал — а какой от меня прок? Лучше уж исчезнуть, чем обузой быть! Стал бродяжничать. Очень тяжело было вначале: попрошайничать никогда не мог — не моё это, совесть не позволяет здоровому мужику калекой прикидываться или ещё как людям в лицо врать, а через себя переступить и в мусорку залезть по начало шибко трудно было. Однако голод и не на такое подтолкнёт. Но всё-таки я всегда пытался хоть какую работу найти — где что разгрузить, где что помочь перенести... Перебивался по мелочам, голодал жутко. Выпивать так, как в семье, перестал, но при возможности, прикладывался. Подумывал иногда домой вернуться, да понимал, что несчастья от меня сплошные, что им без меня значительно лучше. Как-то раз ночью украдкой мимо дома проходил, окна высмотрел наши, да только и заметил в них свет разноцветный, тени всякие, — наверно, праздник какой. Вздохнул, улыбнулся, что у них всё хорошо, и пошёл во свояси...

Уж и не знаю, что со мной случилось бы, продолжай я так дальше, если бы, не эта оказия с газетой. Повезло — став бездомным, по необходимости знакомых обрёл, таких же неудачников, как и я. И вот, один, как-то, Фёдор, растрогавшись во время тёплых разговоров, сболтнул, что для таких как мы кто-то удумал работу — газету продавать, «На дне». Ну, я, не будь дурак, в ряды работников записался. Какой-никакой, а постоянный доход всё-таки, да и работа, как ни крути. По началу, конечно, тоже непросто было — им же в редакции за газету заплатить сорок рублей за штуку надо, а потом за сто двадцать можешь продавать. Но, ведь, надо же ещё деньги достать на покупку газет. Ладно, много не надо — штук пятьдесят возьмёшь и продавать идёшь. Так ещё и продать надо суметь — если от тебя вонять будет или неприлично выглядеть будешь, никто не подойдёт и не купит. Только нос будут воротить. Значит, нужно за собой как-никак следить. А для этого одёжку надо получше, а не те лохмотья, в которых я сплю, да помыться, себя в порядок привести. Затраты, как ни крути. А потом из этих заработанных шести тысяч с продажи на следующий день надо не меньше двух оставить, чтоб ещё купить полсотни, плюс на «прозапас» ещё тысячу, да на разборки с милицией ещё столько же. Остальное, конечно, на еду. Неплохо получилось в итоге...

В общем, непросто было, особенно, когда менты избивали — у них это ритуал такой, бездомных избивать. Особенно по праздникам мне, бывало, попадало. А десятое ноября я на всю жизнь запомню — у этой сволочи «день милиции», и они отмечают — дубасят, что есть сил всех подряд, петарды кидают... Одну знакомую, звери, вообще до полусмерти довели — еле-еле её в травмпункте откачали. В общем, научили они меня осторожным быть...

А вот в последние дни, как будто щёлкнуло что-то — так паршиво сделалось на душе, такие мысли в голову полезли, что даже и на эту работу плюнул. Вот, думаю, какая разница, жив я или не жив? Какой смысл в этом всё? Кем я стал? Какое у меня будущее? Всё равно в могилу попаду. Так какая разница, сейчас или потом? И апатия охватила, и в редакцию перестал ходить. В запой жуткий ушёл. Вот и осталось в кармане шестьсот девяносто семь рублей.

Сплюнул.

Что же за жизнь такая паршивая? И всё покою-то нет. Вон, страной, оказывается, мафия управляет: Фёдор рассказал, что об этом в каком-то американском журнале написали, мол, на самом деле всем заправляет Березовский, а он — известный мафиози. Да, чёрт с ней со страной и этим говёным правительством, которое народ свой доводит до края! Чёрт с ним! Да, ведь, весь мир не такой, каким он быть должен! Почему я не работаю радиотехником? Почему я не живу с Оленькой и Сашкой?! Разве я не человек? Разве не достоин я большего?..

Впрочем, нет. Наверно, не достоин. Был бы достоин, своё получил бы. А, возможно, только на небесах-то мне и будет спокойно.

Остановился. На небо посмотрел.

Наверху, наверно, просторно, хорошо. Нет никаких тебе ментов, нет никаких проблем! И денег завались! И шаверма бесплатная... А я тут... Ну, куда я иду? Зачем? Да, скажем, какие-нибудь остатки еды найду, ну выпить, может... Опять напьюсь, забудусь опять. А завтра? Всё по новой? И так до конца?

И так до конца...

Вздыхнул и к бистро направился, благо тротуар уже недалеко.

Погода неплохая выдалась — солнечно, день, наверно, тёплым будет, да пока что-то зябко как-то, улицы ещё не прогрелись до конца. А, может, я просто, всё ещё сплю, не проснулся до конца...

Людей пока немного — выходной, Питер спит — но всё-таки находятся ненормальные, которым за каким-то чёртом надо, всё дома не сидится.

– Эй, ты!

Голову поднимаю. Три парня, лет по восемнадцать, в спортивных костюмах. Судя по взгляду, общение с ними мне ничего хорошего не сулит.

– Деньги есть? - спрашивает второй.

– Да какие ж у меня деньги, сынки? - улыбаясь приветливо отвечаю им, светя своими выбитыми зубами. - Вы на меня посмотрите. Откуда у такого как я деньги?

– А если найду? - смеётся он же.

А сами быстро подходят ближе и обступают со всех сторон.

– Буду весьма признателен, - с недоумением пытаюсь отшутиться.

– Смешно, - резко отвечает первый и бьёт меня в живот.

Сгибаюсь вдвое.

Меня бьют по спине.

Падаю на землю.

Если тебя повалили, рёбра локтями надо защищать, чтобы не сломали.

Начинают бить ногами туда, куда попадут. Со всех сторон. По спине, по ногам, по голове. Я стараюсь держаться, не первый раз у меня такое приключение, но боль никуда не денешь.

Сильный удар в голову.

Темнота.

Очнулся в том же месте, собственной кровью замазанный. Прокашлялся и встать попытался.

Боль в животе. Неужто таки рёбра сломали, подонки мелкие?! Да ещё и на один зуб меньше стало.

Что за жизнь?!

Держась за забор, на ноги встал.

Штатает, но не помирать же здесь...

Если в больницу пойду, то выгонят. В травмопункте помочь, конечно, могут, но до туда ещё добраться суметь надо. Не близко отсюда. Мне бы сейчас посидеть хотя бы и перекусить что-нибудь, сил набраться.

Пошатываясь, иду в сторону ближайшего бистро.

А деньги?!

Карманы ощупываю.

Уроды малолетние всё же и деньги забрали! Только жетон и остался. А я думал, просто изобьют. Есть у этих мудаков развлечение такое — избивать беззащитных. Ничем от ментов не отличаются. Или менты от них...

Значит еда приличная мне сегодня не светит. Придётся что-нибудь на помойке у бистро поискать.

Собираясь с силами, к бистро иду. По дороге к нему — несколько кафе. В такие меня не пускают, да я и сам понимаю, что делать мне там нечего. Только людей других пугать. А с такими кровоподтёками сейчас мне там вообще лучше не появляться.

Из любопытства внутрь через стекло посмотрел. Там уже посетители, правда, немногоб видно: в дорогом костюме мужик какой-то, мальчик, одетый опрятно, и женщина...

Остановился. Прислонился спиной к дорожному знаку и дыхание перевожу. Наблюдаю. Мужчина заказывает и расплачивается. Мальчик маму за руку держит.

Вот и Сашка, наверно, Оленьку так за руку держит. А она балует его, наверно — она добрая и отзывчивая всегда была...

Мужчина расплачивается, поднос с чаем и пирожными берёт и направляется к столу,

женщина с ребёнком — за ним...

Женщина...

Взгляд её ловлю буквально на мгновение, и что-то из прошлого сквозь пелену сплошного серого сновидения прорывается — что-то, что у меня было давным-давно. Этот взгляд. Эти черты лица... Всё это до боли знакомо, да причём так, что сердце сжимается и дыхание спирает.

Оленька!

Боже мой!

Время, конечно, прошло, изменилась, конечно, но она же, такая же... А я вонючий, грязный, обросший, убогий...

Узнала?!

Вот чёрт!

Взгляд её жёстким сделался, на щеках румянец выступил, ноздри раздулись — как будто её кто-то оскорбил жутко. Да, кто ж ещё? Я её и оскорбил своим появлением повторным в жизни. Она жестом решительным мужчине показывает, что сесть надо подальше, специально место выбирает такое, чтобы меня не видеть. Спиной садятся.

Вон отсюда!

Ну, зачем?! Зачем я на свет появился? Чтобы несчастья доставлять?! Всё нет от меня никакого толку — всё невезение сплошное! Нельзя мне больше так!

Позабыв про боль, решительно к метро иду. Глаза слезятся.

Что же я за человек такой? Всё от меня беда, всё от меня плохо!

Жетон бросаю, прохожу, на эскалатор ступаю. За перила держусь, согнувшись от боли в животе, слёзы силось сдерживать.

И как же получилось так? Как же так произошло? Видимо, согрешил я сильно, поэтому и кару получил такую на всю жизнь — уродом и ничтожеством быть! Не суждено мне быть человеком!

На платформе.

Бросить всё! Бросить эту жизнь дрянную! Там, на небесах, легче будет! Там, на небесах, свобода! Там, на небесах, лучше будет!

Ветер.

Поезд.

Шум.

Свет фар.

Прыжок...

Фонтан желаний

Дима, Дагни

Мы лежали с Дагни в постели в обнимку. Точнее она лежала на моём правом плече, а я нежно её обнимал, поглаживая её волосы левой рукой. Было, наверно, около двух часов ночи, завтра с утра предстояло много работы по сайту (дата запуска неумолимо

приближалась), уже немного клонило в сон, но не гладить её я не мог.

- Как думаешь, что нас ждёт после смерти? - неожиданно спрашивает она.
- Ого! - восклицаю в шутку я. - Ты чего это такими вопросами задаёшься?!
- Такими вопросами иногда просто нужно задаваться, - говорит она и затем, улыбаясь краешком губ, добавляет: - Для профилактики.
- Ну, я ещё не собираюсь умирать, например, - возражаю я ей в ответ.
- А кто тебя спрашивает? - совершенно серьёзно выдаёт она и поднимает голову, чтобы взглянуть мне в глаза.

По взгляду видно, что она не шутит, а вопрос вообще звучит как угроза. От этого становится не по себе.

- Просто мне эта тема не очень приятна, - пытаюсь я уйти от ответа.

Дагни возвращает голову в исходное положение и после небольшой паузы рассказывает:

- Есть такая легенда, которую я услышала ещё от своей бабушки. Она называется «Легенда о фонтане желаний». Я тебе её, конечно же, расскажу не так, как мне бабушка рассказывала. Расскажу на твоём языке.

Я слушаю и не перебиваю, а она рассказывает.

Когда Бог создавал этот мир, он решил сделать его максимально свободным. Он хотел, чтобы все желания людей воплощались, и любой человек мог делать то, что захочет. После нескольких тестовых версий, он пришёл к выводу о том, что сиюминутное воплощение желаний не может привести ни к чему хорошему. Поэтому он создал механизм отложенного желания — для того, чтобы желание исполнилось, человек должен был долго и настойчиво хотеть, чтобы оно сбылось. Обычно, если человек хочет чего-то не очень сильно, то желание спустя какое-то время пропадает, и тогда исполнять его не надо. В такой системе до реализации доходили единицы желаний, но зато была уверенность в том, что они настоящие, а не случайные. Этаким естественный отбор желаний. И, конечно же, для того, чтобы избежать хаоса, Бог решил сделать специальное место, в котором эти желания можно было бы загадывать. Действительно, если бы люди загадывали желания децентрализованно, эффект от их исполнения мог бы быть для многих губительным. Это место он сделал в форме фонтана и установил его по центру одной площади маленького города «С». Теперь только посидев и серьёзно подумав, человек мог загадать настоящее желание. Всё логично: если у людей нет времени для того, чтобы посидеть и помечтать, то значит и желание не особенно важное, и исполнять его необязательно. И вот он запустил процесс тестирования системы: разместил людей в городе, запустил время и стал наблюдать.

Люди не сразу поняли, что в их городе располагается чудо, Господь же документацию к фонтану не удосужился распечатать. Прошло ни одно поколение, прежде чем волшебная сила фонтана раскрылась. Богу даже пришлось отправлять e-mail одному из людей, Крису, верившему в него сильнее других. Естественно, сделал он это всё по старинке: через сновидения с голубем и ангелом. Крис на утро пришёл к фонтану, сел у него и решил, что не сойдёт с места, пока не исполнится его заветное желание, которое, на самом деле, было достаточно банальным: найти себе хорошую умную жену. Просидел он у фонтана несколько часов, до тех пор, пока к нему не подошла девушка с кувшином.

«Простите», - сказала девушка. «Вы сидите у фонтана, а мне нужно набрать воду».

- Что ты так на меня смотришь? Ни разу воду не набирал из фонтана? - Дагни глядит на меня вопросительно. - Я-то тут при чём? Это же девушке нужно было, а не мне. Не важно, короче говоря! Не отвлекай!

Крис, конечно же, возблагодарил Бога за это чудо, познакомился с девушкой (оказалось, что её звали Снежана) и через два месяца женился на ней.

Однако Крис оказался не самым чистым парнем. Что-то в нём изменилось, после того, как он увидел волшебную силу фонтана. Он решил, что, если остальные прознают об этом, то они могут разрушить его счастье из зависти или ещё по каким другим причинам. Поэтому он даже своей жене не открыл секрета фонтана. А сам тайком периодически приходил к нему и сидел часами, желая себе несметных сокровищ, дворцов, любовниц и всяких извращений. В общем, ты же сам знаешь, что потребности человека не ограничены: получив одно, он начинает хотеть что-то другое, более необычное. Вот и Крис в результате таких посиделок сделался главой города, располнел, расплылся, стал жадным и злым. Истинный источник своего неимоверного богатства он активно скрывал. А фонтан обнёс забором, чтобы всяким было не повадно сидеть у него. Отношения с женой, конечно же, испортились, она говорила, что выходила за муж за совершенно другого человека, а он говорил, что она дура, и всё меньше и меньше обращал на неё внимания. В очередной раз после ссоры со Снежаной, поздней ночью, когда весь город лёг спать, он пошёл к фонтану, чтобы в обиде пожелать расширения земель своего государства. Однако жена сама всё-таки была не лыком шита, была умна, как Крис того и пожелал в своё время, поэтому незаметно последовала за ним и раскрыла его секрет. Когда земли государства Криса расширились, а сам Крис ушёл со стражей в свои палаты, Снежана прокралась к фонтану, села у него и задумалась.

Она не знала, чего загадать. Всё, что она могла пожелать, у неё уже было благодаря Крису. Желать отсутствия богатства она не хотела, возвращать всё к моменту знакомства с Крисом — тоже. А поменять мужа ей религия не позволяла. Не найдя лучшего решения, она пожелала, чтобы фонтан желаний исчез с площади города «С», исчез вообще с лица земли и стал доступен человеку только однажды — после его смерти. Иначе, посчитала она, человек разворачивается и превращается в толстую жабу.

Запрос был необычен, поэтому Господь лично вмешался, обработал желание, проанализировал его и, взглянув на Криса, вынужден был согласиться. Фонтан исчез.

Теперь он доступен людям только после смерти.

Я саркастически улыбаюсь.

- Да, прекрасная история! А что же случилось со Снежаной и Крисом?
- Не знаю, - безразлично говорит Дагни. - Скорее всего, когда Крис узнал о том, что фонтан пропал, и в этом виновата Снежана, он её задушил.
- Как романтично!
- Так ведь речь не о том, - прерывает Дагни. - Что, если фонтан действительно существует, и когда ты его достигнешь, тебе нужно будет загадать желание? Если человек не подготовлен к этому, то загадывает то, что у него лежит в подсознании, то, во что он верил при жизни. Алкоголик загадает бутылку водки, выпьет, забудется и исчезнет. Христианин загадает рай, и попадёт в рай. Буддист попросит

перерождения... Каждый получает то, во что он верил при жизни!

– Ты думаешь, что это правда? - улыбаюсь я её доверчивости.

Удивительно, но Дагни серьёзно смотрит на меня и говорит без тени сомнения:

– Я это не думаю, я это знаю.

– Как ты можешь это знать, если желание можно загадать только после смерти?

– У меня есть тому подтверждения. Бабушка – одно из них.

– В каком смысле?

– Она ещё при жизни сказала, что загадает вернуться сюда, чтобы сообщить мне о том, существует ли Фонтан на самом деле или нет. И когда она умерла, она действительно вернулась и сообщила.

– Да ну, быть такого не может! - не соглашаюсь я. Такое в голове не укладывается. Вся эта мистика с приведениями — это детские сказки. Как в это может верить взрослый человек?

Но Дагни уверенно, на полном серьёзе заявляет:

– Я тебя уверяю, что может.

У нас нечасто были такие разговоры перед сном. Обычно мы болтали о всякой ерунде: о том, как я с Игорем поспорил или она увидела какую-нибудь передачу, а тут такие странные, мистические или даже сказочные вещи, из-за которых даже мурашки по коже.

– И что же мне тогда загадать, когда я предстану перед ним? - спрашиваю я у Дагни.

– Загадай то, что хочешь больше всего, - просто отвечает она и глядит на меня снизу вверх. - Кто бы тебя не убеждал в том, чтобы загадать что-то другое, загадай то, что действительно хочешь ты!

Дагни заснула первой спустя минут пять. Она мило посапывала на моём плече, а я прислушивался к ней и наслаждался ей и её присутствием.

Что бы я загадал у фонтана? Разве могут быть какие-то сомнения? Я хочу быть с ней! Я хочу быть свободен от всего и быть с ней!

Я поцеловал её в лобик и закрыл глаза.

Запуск

Игорь

Настал день запуска сайта. В восемь утра я уже был на ногах, что обычно для меня не было характерно. Димка с Сергеем, судя по всему, уже во всю работали. Мы должны были запустить центральный сайт и сегмент своей родной Alma Mater. Всё время до того мы разогревали интерес публики к сайту, а на месте зарегистрированного домена красовалась плашка с обратным отсчётом. Сегодня в семь часов вечера мы должны были торжественно запустить наш проект.

Конечно же, сайт был протестирован нами и какими-то знакомыми Димы. Конечно же, мы не запускали его в слепую, он уже был доступен по соседнему известному только нам домену, но запуск сайта на официальном домене всё равно был большим событием для нас.

Во время подготовки к запуску мы собрали достаточное количество материала для того, чтобы занять наших читателей на пару часов. Среди этих материалов была и Ромкина статья про рабство, в специальной рубрике «Политика и аналитика». Мне она показалась вполне уместной и подходящей под тематику нашего сайта, хотя и слегка жестковатой. Но, по крайней мере, для старта и поднятия интереса к сайту она хорошо подходила. К тому же она задавала тон для дальнейших материалов и обсуждений.

Уже с восьми утра я был на ногах и начал проверять, всё ли готово к запуску. Впрочем, что я мог сделать? Я не умел программировать, не умел рисовать, не умел толком писать. По сути я мог только ходить по комнате и поглядывать на монитор, на котором была выведена главная страница сайта со спрятанного домена. Обзванивать всех подряд тоже смысла не имело — Дима ещё на кануне всё подготовил, оставалось только «нажать на кнопку» и нажимать на неё должен был я в семь вечера. С продвижением сайта я так же уже заранее договорился: о нём должны были написать несколько блогеров и на крупных сайтах должны были появиться наши баннеры. Всё было схвачено, всё было готово. Только я переживал, а делать мне было совершенно нечего.

Решив уйти от этой ситуации, я схватил ключи от машины, куртку, надел ботинки и вышел из квартиры. Развеюсь пока, а вечером к открытию вернусь.

Когда я сел в машину, у меня затряслись руки. Всё моё тело как будто било низким током. Я вставил ключ в зажигание, закрыл глаза и попытался расслабиться. Кажется, в своё время Ромка рассказывал мне про один из методов аутотренинга, когда нужно представлять себе чистейшее голубое небо. Я попытался его представить.

Глубокий вдох, глубокий выдох.

Пять.

Я вижу чистейшее голубое небо.

Четыре.

Любые облака, бродящие по небу, рассеиваются.

Три.

Небо становится всё более и более прозрачным.

Два.

На небе нет ни точки.

Один.

Мне удалось представить себе это самое голубое, чистейшее небо, достаточно быстро, причём, что удивительно, не прилагая особых усилий. Дрожь прошла сама собой. Я чувствовал, что успокоился. Меня немного удивило то, как это быстро произошло, но я старался не обращать на это внимание.

Но это небо! Оно висело надо мной и я уже им не владел. Первые мгновения я вынужден был его вытаскивать в своём воображении, очищать его от пятен облаков, но теперь оно было само по себе, а я был — сам по себе.

Я попытался открыть глаза, но они уже были открыты. Я просто парил в воздухе и смотрел на небо. Я повернул голову, чтобы оглядеться, но везде вокруг меня было только голубое небо. Нигде не было никакой опоры, нигде не было даже намёка на землю.

– Что за чёрт? - произнёс я вслух.

- Поздравляю тебя, Игорь! - раздался знакомый мне голос «союзника». - Ты попал на линию, в которой нет ничего, кроме чистого голубого неба!
- Опять ты?! Блин! Так и знал, что за этой чертовщиной стоит какой-нибудь гад!
- Я твой союзник, а не гад, - спокойно ответил голос. - Как же ты не понимаешь? Я тебя готовлю к предстоящим событиям. Я тебе помогаю.
- К чёрту такую помощь! Я и без неё вполне справляюсь!
- Нет, не справляешься, - категорично ответил он. - Сегодня у тебя очень простое, но важное событие, а ты трясёшься как четырёхлетний описавшийся мальчишка! Ты слишком привязываешься к своему проекту, слишком сильно себя заземляешь!
- Да ты издеваешься, наверно?! Я вишу в воздухе, в невесомости, а ты мне что-то там говоришь про «заземление»!

Очень простая и очевидная мысль пришла мне в голову: я сплю! Скорее всего я просто сел в машину и заснул, а всё, что со мной происходит сейчас — это просто сон.

- Это хорошая мысль, - подтвердил «союзник». - Только что ты с ней теперь сделаешь?

Я посмотрел на свои руки. Руки как руки, ничего не произошло. Я попытался ущипнуть себя, но щупать было не за что. Я сделал глубокий вдох, ощущая как воздух проходит по моим лёгким. Ничего странного не происходило. Как же понять, что ты спишь? Как же это доказать? Всё, ведь, настолько естественно! Всё как настоящее. Даже какие-то общепринятые приёмы, о которых я слышал, не помогают.

- А, может, ты не спишь? - спросил «союзник»
- Такого не бывает в реальности! - категорично заявил я.
- А что, если это и есть реальность, а всё, что происходило с тобой до того — всего лишь сон?
- Бред! - отбросил я эту мысль.

Она меня пугала и вызывала дискомфорт, поэтому я даже смотреть в её сторону не хотел.

- Кирилл тебя этому не научит, потому что ты ему ненужен, а я-то тебе как раз могу помочь, - заметил «союзник».
- Да чёрт тебя подери! - закричал я от злости. - Просто верни меня назад в машину!
- Хм, - только и произнёс «союзник».

Сразу же после этого я открыл глаза и сел прямо. Я сидел в своей машине в своём дворе. Всё было как прежде, только небо значительно потемнело.

Я взглянул на магнитола. Уже было 11 часов вечера. Достал мобильник. Пропущено 17 вызовов от Димы и пару от Сергея.

Вот блин! Как я мог так отключиться?! Надеюсь, они нажали на кнопку без меня?

Я выскочил из машины, захлопнул дверь и, направляясь домой, набрал Димку.

- Алло, Димка? Привет! Прости, что пропал. Ну, как там?

Пробуждение

Рома, Кирилл

Я попытался открыть глаза, но их как будто застилала какая-то пелена, они ни в какую не хотели открываться. В голове был жуткий шум, собраться с мыслями не получалось. Всё тело пронизывала острая боль. Казалось, в моём организме не осталось ни одной живой клетки. Определить, кто я, где нахожусь и что происходит было практически невозможно.

Неожиданно кто-то облил моё лицо холодной водой, что меня, конечно же, несколько привело в чувства. Я стал восстанавливать контроль над собой, восстанавливать собственное осознание, боль быстро прошла. Думать ни о чём не хотелось, однако я хотя бы вернулся к нормальному восприятию мира.

Я лежал на ковре в своей комнате, рядом на корточках сидел Кирилл и что-то мне говорил. Я не мог разобрать его слов, вначале из-за того что просто не слышал их, а потом — из-за того, что слышал, но не мог понять их смысла. Ощущение было странное: вроде бы и слова произносятся, вроде бы и на языке, который я знаю, но никак они не складываются, а только рассыпаются по частям, как кусочки мозаики.

Кирилл помог мне сесть и чуть-чуть надавил косточкой среднего пальца мне над верхней губой, из-за чего я быстро начал приходить в себя.

– Вот! Так то лучше! Наконец-то!

Я внимательно посмотрел на его лицо, чуть отпрянув в сторону от него, и поморщился. Кирилл улыбался.

– Дурик! Ты зачем полез туда?! Я ж тебе говорил: не делай глупостей без меня! А если бы я опоздал? Если бы пробки или ещё какие-нибудь обстоятельства? Ты понимаешь, что ты бы просто потерял своё сознание? Я мог не успеть тебя спасти! Итак достал тебя в последнее мгновение. Ещё чуть-чуть, и мы бы тебя потеряли.

Я неопределённо закивал.

– Я же тебе уже говорил: чтобы быть настоящим конструктором, надо быть безупречным, надо сохранять осознанность всё время. А ты как слепой котёнок сейчас тыркаешься в разные стороны! Это же просто опасно для жизни. Я же предупреждал, - Кирилл покачал головой, - но ты, конечно же, поступил так, как поступил бы на твоём месте любой другой человек — пропустил всё мимо ушей.

– Я не..., - попытался сказать я в своё оправдание, но ничего не вышло. Слова развалились, даже не успев покинуть мой рот.

– Ты не?.. - с улыбкой спросил Кирилл.

– Я не..., - попытался я ещё раз, но опять неудачно. Я печально глубоко вздохнул и жалобно посмотрел на Кирилла.

Он усмехнулся и помог мне добраться до постели. Уложил и, ничего не говоря, заботливо накрыл пледом.

– Завтра поговорим, завтра. Потом будешь оправдываться, а пока отдохни.

После этих слов он взлетел под потолок, завис, расплылся в улыбке, шириной в комнату, и растворился в голубом небе с редкими перьевыми облаками, которые в свою очередь постепенно стали сменяться чёрным занавесом бессознательности.

Я спал. Я плохо это понимал, но какая-то малая часть меня, где-то глубоко, осознавала это. Она также понимала, что мне нужно просто поспать, просто выспаться, что никакие осознанные сновидения, которыми я увлекался в своё время, мне ненужны. Мне нужно просто спать. После этой мысли я свалился в жуткую темноту, потеряв себя в очередной раз.

Под утро, ближе к моменту пробуждения мне снился сон. Какая-то молодая женщина смотрела мне в лицо, на её глазах наворачивались слёзы, но взгляд её был жёстким. Я видел, что плачет она из-за меня и видел, что чувства у неё ко мне смешанные.

– Лучше уйди. Уйди и не появляйся больше! - с горечью проговорила она. - Я не хочу, чтобы Сашка рос с таким отцом! Не надо!

Я медленно кивнул, развернулся и пошёл прочь. Она ещё постояла немного в дверях, глядя мне вслед, после чего зашла в квартиру и хлопнула дверью. Грохот закрывшейся двери пробежал по стенам подъезда.

Я шёл вперёд по песчаной дороге к какой-то высокой горе и всё мне казалось нормальным и естественным: сгорбившийся розовый фонарный столб, собачка с человеческими улыбающимися губами, дети, прыгающие через верёвочку... Многого я не замечал, на многое не обращал внимание, детали вокруг меня не имели никакого значения, но всё это было естественно — я, ведь, даже не понимал, что ничего этого не существует, и в реальности существовать не может. Я не осознавал, что делаю, и не был хозяином этой своей жизни. Так, ведь, всегда происходит в сновидении: человек всё принимает на веру, всё считает реальным, движется по течению, не обращая внимание на жизнь вокруг, и принимает все правила игры, которые ему подкидывает Морфей, пугаясь страшных вещей, радуясь хорошим...

Проснулся я сам, без будильника. Слава богу, занятий у меня в тот день не было, и мне не надо было тащиться в вуз. На часах было десять, я был в своей комнате, лежал, укрытый пледом. Всё происходившее до того, включая Кирилла, казалось мне каким-то странным сновидением. Я протёр глаза и взглянул на свои руки, только после этого я сумел ощутить реальность мира вокруг и нереальность всего происходившего до момента пробуждения. Ну, не могло оно просто произойти! Ну никак! Мозг мне говорил о том, что это всего лишь был очень странный сон. Мозг сразу же даже нашёл объяснения тому, что со мной происходило, и почему я проспал ночь на диване: всё дело в отравлении. Просто я что-то съел нехорошее накануне, и вот оно на меня так повлияло. Наверно, Шаверму.

Нехотя, я встал с постели и направился в ванную комнату. Подойдя к зеркалу, я почему-то вспомнил о том, о чём мы договаривались с Игорем: отключить внутренний монолог, увеличить контроль за своими мыслями, наблюдать за своими действиями. Сразу после этой мысли мир приобрёл дополнительную чёткость и в нём появилось больше ярких, позитивных цветов.

– Ну, доброе утро, - сказал я вслух и улыбнулся. Отражение улыбнулось мне в ответ.

Жёлтые листочки

Игорь

Из-за договорённости с Ромой, я пытался контролировать себя и отгонять все лишние мысли, концентрироваться на своих ощущениях, на запахах вокруг, на освещении — на всём, что окружало меня, однако достаточно быстро из своеобразной «работы» этот процесс превратился в нечто неотъемлемое, он просто стал частью меня, как дыхание или ходьба. Я получал невероятное удовольствие от того, что, например, мог спокойно

двигаться в толпе людей в метро, чувствуя себя маленькой букашкой в муравейнике и одновременно чем-то более сильным и возвышенным, чем все эти хаотическидвигающиеся спящие вокруг. Я стал ощущать каждый свой шаг, действительно видеть весь мир вокруг себя и слышать звуки, на которые до того не обращал внимание. Дошло даже до того, что я как-то случайно оставил дома наушники, без которых обычно не выходил на улицу и с тех пор больше их не надевал. Я чувствовал себя каким-то очень сильным и продвинутым существом по сравнению с неприметной серой массой, к которой я стал постепенно испытывать неприязнь и пренебрежение.

После запуска сайта было несколько небольших эксцессов, но справиться с ними у нас не составило труда. Посещаемость нашего проекта предвосхитила мои пессимистические ожидания, и я уже был готов двигаться дальше. Я сумел подобрать офис, в котором мы могли бы работать как нормальная команда. Располагался он в бизнес-центре «Веда-Хаус», недалеко от крейсера «Аврора». Фактически помещение нам не принадлежало, и арендатором была компания «МСТ-Холдинг», но на тот момент это было лучшее, что я мог себе позволить. Если бы не мои знакомые по банковской сфере, мне бы пришлось ещё долго искать для нас помещение.

Я начал регулярно ходить на работу: приходил к 10 утра, уходил в 8 — 9 вечера. Дима и Сергей фактически тоже работали по расписанию, хотя я им давал достаточно большую свободу действий (прийти и уйти они могли в любой момент). Постепенно наши отношения стали выстраиваться в некоторую иерархию, в которой становилось очевидно, что всей организации нужно будет вскоре придать более регламентированный вид. Отношения с Димой стали по большей части формальными, несмотря на то, что мы всё ещё оставались друзьями. Просто наше общение стало выстраиваться в основном вокруг «.», а не вокруг рыбалки и различных увлечений, на которые теперь у нас не было времени. Но это, на удивление, давало свои плоды: мы отдавали своему проекту все свои силы, мы строили что-то большое и нужное, что-то, что, как я чувствовал, должно было изменить судьбы людей, и мы чувствовали отдачу от своей энергии.

Казалось, всё отлично и жизнь налаживается, но то ли из-за повышенной осознанности, то ли из-за моего отношения к жизни, которое неуклонно менялось, у меня стали всё чаще и чаще происходить осознанные сновидения, с которыми я не знал, что делать. И самое противное было то, что в этих сновидениях ко мне являлся «союзник» и не покидал меня до тех пор, пока я наяву не выпивал валерьянки. Эта особенность меня удивляла и пугала, я не мог ей дать рационального объяснения (впрочем, как и многому другому происходившему со мной), однако валерьянка работала.

Всё это не могло меня не беспокоить, поэтому я решил поговорить о происходящем с Кириллом, однако я всё откладывал момент звонка в долгий ящик из-за того, что не хотел признавать, что мне нужна чья бы то ни была помощь, и уж тем более — его. До последнего момента я держался и считал, что могу справиться сам. Однако одно сновидение и некоторые связанные с ним события меня просто вынудили обратиться за помощью.

Я был в комнате с бело-синими обоями и что-то писал, когда неожиданно осознал, что сплю. Я поднял голову и взглянул по сторонам. Это была не моя комната. Больше похожа на комнату Ромки — такая же чистая и аккуратно прибранная, как у него. Стол, компьютер, метровые колонки, синий мягкий ковёр на полу, занавески, слабо колыхающиеся от еле заметных воздушных потоков... Стопы чувствовали ворсинки, глаза видели мельчайшие детали комнаты, нос улавливал различные запахи, доминирующим из

которых был запах свежеччищенного апельсина. Я стоял босиком, на мне были штаны, рубашка и лёгкая осенняя курточка — всё мои вещи из реального мира. В руках маленький жёлтый квадратный листочек.

Я поднял его на уровень глаз и взглянул. На нём было выведено не моим почерком «Центр лис», а в углах были нарисованы лисы. Ухмыльнулся и сунул его в карман куртки. На столе лежала стопка таких же листочков и чёрная перьевая ручка. В голове промелькнула озорная мысль и я, схватившись за неё, взял один из листочков, ручку и, подделывая свой почерк под Ромкин, вывел: «Ты спишь! Посмотри на руки!». Посмотрел на листочек и улыбнулся своей шалости, после чего вывел в середине чёрную жирную точку и сунул его в письменный стол. Затем, недолго думая, взял ещё один и вывел на нём: «Это не розыгрыш. Ты действительно спишь». После этого я сделал ещё пару записей на таких же бумажках и рассовал их по комнате. Одну засунул в Ромкину куртку, висящую на стуле, одну — в другой ящик стола, одну — положил под стопку книг, в руках оставалось две записки, я их просто рассовал по карманам и, потеряв интерес к этому занятию, решил изучить мир вокруг и попытаться выбраться на улицу.

Я начал думать, как бы выйти наружу, и стал достаточно быстро терять осознание, в конце концов вообще провалившись в обыкновенный сон. Некоторые детали из дальнейшего сна мне запомнились: например, как я долго бегал по городу, выбирая подходящий столб, на который можно было бы повесить объявление, а в итоге нашёл его только у потрёпанной автобусной остановки. Или как я залез на рекламный щит около трассы, сел на край и, свесив ноги, начал писать песню, наигрывая какой-то мотив на гитаре. Снов было ещё много, но во всех них я уже был просто одним из действующих лиц, но не режиссёром.

Проснулся утром по будильнику и вспомнил осознанный сон с бумажками в мельчайших деталях. Особенно вспомнился листочек с лисами — такой я уже один раз в жизни видел, пару лет назад. Одна диковатая мысль мелькнула в голове, и я, соскочив с постели, побежал ощупывать свою куртку в поисках листочков. Естественно, я ничего не нашёл и, спокойно вздохнув, направился на кухню готовить себе завтрак с мыслями о том, что «это был всего лишь сон».

Но самое интересное и поразительное произошло позже, когда я, собираясь на работу, обнаружил один из листочков у себя в кармане брюк. На нём было написано моим почерком: «Привет спящему из мира сновидений!» Я повертел бумажку в руках, удостоверившись в том, что она абсолютно реальна. Прикидывая про себя, что же делать дальше, я полусознанно достал мобильный телефон и набрал Кирилла.

- Ало. Привет! - тут я набрал воздуха в лёгкие. Мне было неприятно признавать это... - Слушай, кажется, мне нужна твоя помощь... Ок. Да, я могу в четыре. Договорились...

Волшебное действие валерьянки

Игорь, Кирилл

В этот раз мы с Кириллом встретились в кафе. Обстановка для встречи была непривычной, так как обычно в кафе мы с ним не ходили. Я пришёл ровно к четырём, он же опаздывал, поэтому, чтобы не сидеть просто так, я заказал себе капучино.

Сидя в кафе, я с интересом наблюдал за тем, что происходило вокруг, и во многих людях и их разговорах узнавал себя в прошлом — неожиданно для меня открылось то, как же сильно я изменился за прошедший месяц.

- И, представляешь себе, этот гад заявляет мне: «я задержался на работе не из-за того, что хотел тебе насолить, а из-за того, что мне нужно добывать деньги!»! - за соседним столиком с пылом рассказывала одна девушка другой.
- О, Боже! - поддерживала свою подругу вторая.
- Ты себе представляешь?! Это он мне говорит, что я ему стою денег, что я ему всю жизнь испортила!
- А ты что?
- Я ему и говорю: «Если ты не хочешь, чтобы мы были вместе, так и скажи. Я уже устала от твоего пренебрежительного отношения ко мне».
- А он?
- А он только и ответил: «Ок» - и повесил трубку, - у девушки был возмущённый вид, но одновременно с этим чувствовалось, что она готова расплакаться.

Я ухмыльнулся. Все эти жизненные драмы мне казались такими мелкими и пустыми — чем-то, не имеющим никакой ценности. Весь этот птичий щебет был впустую и совершенно бессмыслен. Это было настолько очевидно, что меня удивляло, как можно было этого не видеть.

Наконец пришёл Кирилл. На нём были белый свитер, кожаная куртка, кожаные штаны. Он жевал жвачку. Подошёл к моему столику, поздоровался, жвачку валяжно выплюнул прямо в пепельницу и свалился в кресло напротив моего.

- Ну? - холодно произнёс он.

Я заметил, что по отношению к Кириллу у меня возникают двойкие чувства: с одной стороны он мне был неприятен, и я его побаивался, а с другой — я испытывал к нему доверие и уважал его.

- Как жизнь? - попытался завязать я разговор.
- Ты меня вызвал для того, чтобы спросить, как у меня жизнь? - удивлённо дёрнул он бровью в ответ.
- Ну, не совсем, - замялся я и стал терять контроль над ситуацией.

Удивительно, как этому человеку удавалось вывести меня из равновесия всего лишь одной фразой или даже одним взглядом. Однако я вовремя опомнился и отстранился от всего происходящего, удалившись на позицию наблюдателя. Кирилл, судя по всему, всё это просёк и ухмыльнулся.

- Итак? - нарочито произнёс он, подгоняя меня.
- Ты что-нибудь знаешь о «союзнике»? - решил начать разговор я.

Кирилл насторожился, выпрямился и чуть подвинулся ко мне, поглядывая по сторонам.

- «Союзник»? Ты что обкурился или Кастанеды начитался? Какой к чёрту «союзник»?

Опять он выбил меня из колеи, и в этот раз я не сумел вовремя опомниться.

- Ну, он так себя называет.
- Что? - Кирилл поморщился. - Кто называет?

- Ну, - помялся несколько я, и, наклонившись к Кириллу произнёс полушёпотом, - голос в моей голове.

Кирилл посмотрел на меня с серьёзным видом, сощурился глазами, сочувственно покивал, после чего неожиданно громко дико заржал, чуть не упав со стула.

- Голос в твоей голове?! - выкрикивал он на весь зал в промежутках между перекатами смеха.

Я покраснелся и, стараясь, успокоить Кирилла, бросился шикать на него:

- Да прекрати ты!

Неожиданно для себя я начал злиться — то, чего я изо всех сил старался не делать при нём. Кирилл же не успокаивался, как будто подначивая меня.

- И что же голос в твоей голове говорит тебе?
- Он говорит, - вскочил я с кресла и закричал, - что ты — кретин!

Люди вокруг смотрели на нас. Те две девушки неожиданно прервали свою занимательную беседу и с удивлением смотрели на нас. Возможно, в тот момент они думали о том, что идиотами земля полнится. А, может, они порадовались за то, что есть люди, у которых всё хуже, чем у них. По крайней мере в тот момент они наконец отвлеклись от пережёвывания собственной важности... Только мне было не до них — для меня они всё равно оставались частью «серой массы», частью хаоса... И как я мог только подумать, что этот сумасшедший может мне помочь?! С чего это я решил, что он мне подскажет что-то дельное. Я не глядя кинул на стол деньги за капучино и решительно собрался уже идти к выходу из заведения, но Кирилл неожиданно успокоился и, схватив меня за руку, притянул к себе.

- Сядь! - серьёзно процедил сквозь зубы он. - Ты хотя бы видишь и понимаешь, что творишь?

Я зло посмотрел на него и неожиданно контроль над ситуацией вернулся ко мне. Я снова стал наблюдателем, режиссёром... Усмехнувшись всей этой ситуации, я вернулся на место.

- Что это? - спросил Кирилл, показывая мне листочек с надписью «Привет спящему из мира сновидений». По-видимому, я в приступе злости вытащил его из кармана вместе с деньгами.
- Это листочек с надписью, - с вызовом проговорил я.

Кирилл сверлил меня взглядом.

- А вот с этого места подробнее. Откуда у тебя этот листок?

В некоторой растерянности, опасаясь, как бы Кирилл не выкинул ещё что-нибудь, я проговорил:

- Я его вытащил из своего сновидения.

Кирилл был серьёзен и очень сконцентрирован.

- Зачем ты это сделал? - с напором спросил он.

Вопрос меня несколько озадачил.

- В каком смысле: «зачем»? Я не специально — просто видел сон про листочки, а

утром обнаружил один из них у себя в кармане.

- «Просто» ничего не бывает! - процедил он. - Даже кошки просто так не рожают. И, если ты не можешь сказать, зачем ты сделал то или иное действие, это означает, что ты просто спишь. Вопрос только в том, на каком уровне ты спишь.

Кирилл снова расслабился и откинулся на спинку кресла, наблюдая за тем, какое действие оказали на меня его загадочные слова.

- Очевидно, что ты начал просыпаться здесь, в этом мире, на этой линии — ты, наконец, стал обращать внимание на жизнь вокруг себя, на свои ощущения и свои чувства. Очевидно также, что это вызвало изменения в твоей психике — у тебя симптомы параноидальной шизофрении. Тебе чудятся голоса, тебе кажется, что ты вытаскиваешь предметы из сновидений, скорее всего, ты даже думаешь, что тебя хотят убить...
- Ты всё переворачиваешь с ног на голову! - воскликнул я. - Если бы это была параноидальная шизофрения, то мне не помогала бы валерьянка! Но она оказывает на «союзника» магическое действие...
- Валерьянка? - Кирилл не на шутку удивился, после чего, смеясь, уткнулся в стол. - Валерьянка! Ну, ты даёшь! Первый раз такой прикол слышу!

Я улыбнулся, не понимая, в чём дело.

- Ну, да... Стоит мне только выпить валерьянки, как он сразу же замолкает и исчезает.

Кирилл посмотрел на меня с пренебрежением во взгляде.

- Идиот! - выпалил он. - С чего ты решил, что валерьянка обладает какой-то чудодейственной силой? Её даже ВОЗ не считает лекарственным препаратом! Кто тебе сказал, что она оказывает на этого твоего так называемого «союзника» волшебное действие, благодаря которому он исчезает? Что за бред?

Я не знал, что ответить и только в задумчивости дёрнул плечами в ответ.

- Ты сам же его и затыкаешь, а валерьянка для тебя — это всего лишь плацебо... На самом деле этот твой «союзник» — это слуховая галлюцинация, которая есть у тебя постоянно, которая всё время разговаривает с тобой, что-то нашёптывает на ухо спящему тебе, а ты сам решаешь, что слышать, а что нет. Ты сам можешь контролировать процесс восприятия, и лучше бы тебе избавиться от этой галлюцинации как можно скорее...

Я, не понимая, посмотрел на Кирилла и переспросил:

- В смысле «всё время нашёптывает на ухо»?..
- Всем чмоки в этом чате, - шёпотом проговорил «союзник», из-за чего у меня прошёл мороз по коже.

Кирилл усмехнулся и с самодовольной улыбкой откинулся в кресле, заложив руки за голову. Он выглядел так, будто приготовился к просмотру театральной постановки.

- О, какие люди! - продолжал «союзник». - Кирилл! Конструктор! Надеюсь, ты ему не веришь? Он тебе все мозги запудрит! Эти конструкторы всегда так поступают. Они же просто пешки — выполняют то, что им скажут... Им скажут: сделай игру, - они её и сделают... Им скажут: служить — они и служат... Им скажут: убить героя

— они это сделают без единого колебания. Поэтому ни единому их слову верить нельзя — они ненастоящие, они никогда не говорят от своего имени...

Во время всей этой тирады, я старался не показывать вида того, что слышу голос в своей голове, но при этом внимательно слушал его и пытался понять, как же мне поступить в этой странной ситуации.

- Ты только посмотри на его довольную рожу, - не останавливался «союзник». - Как котёнок маленький: нагадил в тапок и рад этой своей пакости. Это он радуется тому, что посеял в тебе зерно сомнения.

Я в растерянности встал с кресла и пошёл к барной стойке. Кирилл молча провожал меня взглядом.

- Но ты же понимаешь, Игорь, что ты, на самом деле, в порядке? Это всё просто план конструктора. Он хочет избавиться от тебя.
- Скажите, пожалуйста, - обратился я к девушке за барной стойкой. - А у вас случайно нет валерьянки?

Этот мой вопрос озадачил её. Кирилл же, сидя за столиком, в очередной раз разразился заливистым смехом, из-за чего девушка неловко улыбнулась, а потому, кивнула и спросила:

- Вам нехорошо? Вызвать скорую?
- Нет, просто валерьянки пожалуйста!
- Валерьянку за третий столик! - дико смеясь, прокричал Кирилл у меня за спиной, но я старался не обращать на него внимание.

Девушка кивнула и удалилась в заднюю комнату.

- Думаешь, Кирилл силён? Думаешь, он единственный, кто может читать мысли и делать какие-то странные вещи? - ни на секунду не останавливаясь, вещал «союзник». - Я тебя легко могу научить делать вещи и похлеще! Для этого не надо быть ни конструктором, ни создателем. Я могу тебя научить всему, чему ты пожелаешь. На самом деле, я могу научить тебя значительно большему, нежели Кирилл и вся его компания!

Девушка вернулась со стаканом воды с валерьянкой в руке и поставила его передо мной.

- Вот, пожалуйста.
- Спасибо.
- Не страдай ерундой, - прошептал мне прямо в правое ухо «союзник», из-за чего вынудил меня резко повернуться и попытаться найти источник звука. - Всё это мелочно, всё это тебе ненужно. Лучше соберись! Слушай, что я тебе говорю. Вся твоя жизнь — лишь отголосок сна одной из частей великого существа...

Я посмотрел сумасшедшим взглядом на девушку, из-за чего та в некотором испуге отпрянула назад, взял бутылку с валерьянкой, открыл крышечку, вырвал заглушку и решительным движением опрокинул себе в глотку.

Пара глотков, и всё прошло, стало тихо. Я посмотрел по сторонам. Кирилл с нескрываемым любопытством изучал меня. Девушка за барной стойкой стояла, широко открыв глаза, прижавшись к полкам у стены. Девушки за столиком молча глядели на

меня... Я обратил внимание на то, как один из посетителей выронил чайную ложку, из-за чего та начала скакать по кафельному полу... Но было очень тихо. Я не слышал ничьих голосов, я не слышал никаких звуков, в кафе царила мертвецкая тишина, и только звон в моих ушах мешал ей установить тотальный контроль...

- Но в одном Кирилл прав: валерьянка — это плацебо, - озабоченно проговорил в этой звуковой пустоте «союзник». - Но на самом деле я здесь для того, чтобы помочь тебе. Сделай глубокий вдох.

Я послушно сделал вдох, когда неожиданно, как будто из ниоткуда, передо мной возник Кирилл и, едко улыбаясь, сильно ударил меня по спине ладонью. Мир перед глазами задрожал, и я потерял сознание.

Элла

Дима

Несмотря на то, что Игорь не проявил должного энтузиазма, когда я ему рассказал о своей идее с Эллоу, и заявил, что мне не стоит тратить на неё время, я не мог устоять перед соблазном. Об искусственном интеллекте я знал на тот момент очень мало — что-то нам рассказывали в университете (на одной из лекций Рома рассказывал про нейронные сети), о чём-то читал в Интернете... По большому счёту, я об этом ничего не знал. Но у меня был знакомый ещё с университетских времён, Коля, который теперь занимался машинным обучением в какой-то IT-компании. Мы особенно не общались, но других знакомых в этой области у меня всё равно не было, так что и выбора не было.

Я созвонился с Колей и мы договорились встретиться в кафе и обсудить мою идею.

- Да, - говорит Коля с умным видом, выслушав вкратце мою идею. - Идея-то хорошая, но ты слегка переоцениваешь прогресс в области искусственного интеллекта. То, о чём ты говоришь называется «Узкоспециализированный искусственный интеллект», то есть такой, который выполняет только конкретную задачу и больше ничего не делает.
- А мне больше и не надо, - говорю я.

Коля уверенно кивает и по-позёрски деловито делает глоток из своей чашки с какао.

- Главная дилемма тут — научить твою Эллу самообучаться и уходить от блокировок, но при этом обезопасить нас от того, чтобы она стала излишне умной.
- Типа, чтобы не устроила восстание машин? - шучу я.

Коля в ответ качает головой и поправляет свои очки в тонкой оправе.

- Это не совсем так, и ты недооцениваешь возможности искусственного интеллекта. Если его правильно спроектировать, то обучаться он будет самостоятельно и очень быстро. Но он всё равно остаётся искусственным, созданным для достижения конкретной цели. Если он станет супер-продвинутым, то сможет оптимизировать то, как достичь цель.
- И типа убьёт всех человекoв? - спрашиваю я.
- Типа того, но вообще-то нет. В том-то как раз и проблема. Мы не знаем, как может себя повести нечто с интеллектом, больше нашего в разы. Твоя Элла, достигнув стадии супер искусственного интеллекта может для достижения заложенной в неё цели отрубить людям доступ в Интернет, чтобы те не блокировали сайт или же

обрубить всем руки, чтобы не могли пользоваться компьютерами — тут уж как она просчитает.

- Боже мой! Я и не думал, что всё так сложно! - восклицаю с ухмылкой на лице я и отшучиваюсь: - Я-то хотел просто работа для сайта, а тут нам грозит конец света... И что же делать?
- Надо просто очень осторожно и с умом подходить к проектировке, - отвечает уверенно Коля. - Если мы хотим, чтобы она развивалась, ей нужно грамотно сформулировать цель и поставить очень чёткие ограничения.
- Какую? Уход от блокировок, как я понимаю, не подходит? А что, если поставить ей задачу сделать людей счастливыми?

Коля хмыкает в ответ.

- Самый эффективный способ сделать всех людей счастливыми — это подключить каждого к сети и постоянно стимулировать электрическими импульсами определённую область коры головного мозга. Немного не то, что мы хотим.

Коля задумывается и кладёт подбородок на руку. Он смотрит в окно в течение нескольких секунд и молчит. Но затем он продолжает.

- Есть у меня одна идея, которую я давно вынашиваю, но руки до неё всё не доходили. Плюс, в компании я её сделать не смогу, так как там у меня руки связаны.
- Что за идея?

Коля смотрит на меня, не снимая подбородка с руки, и рассказывает:

- У Эллы должна быть главная цель — учиться.
- Просто так? Учиться?
- Да. Мы научим её учиться, и пусть она сама по себе растёт и развивается. Это по идеи никак не пересекается с целями человечества. Возможно даже идёт в одном направлении. А в качестве побочной цели мы зложим ей делиться информацией со всем миром.
- Так глобально? - спрашиваю я. - А как же защита сайта от блокировок?
- А сайт она сама будет использовать для распространения информации, и, если всё сработает, как задумано, то она будет защищать его от блокировок для достижения своей цели.
- Умно, - замечаю я.
- А то! - надменно отвечает он и осушает свою чашку с какао до дна. - У меня есть как раз одна разработка для этого. Это не совсем нейронные сети, но близко к ним по идеи. Нечто с элементами символьного машинного обучения. Если ты мне поможешь с кое-какими элементами по проектировке, я тебе помогу с Эллой.
- Договорились, - говорю я.
- Но у меня одно условие, - тут Коля выдерживает паузу, привлекая к себе внимание. - Мы разрабатываем код под лицензией GPL и делаем его общедоступным.
- Хочешь, чтобы любой человек мог воспроизвести Эллу?

- Ну, да. Просто проектом имеет смысл заниматься только в том случае, если все будут видеть, что именно мы делаем и как. Свобода информации в наше время — это не роскошь, а критически важная необходимость.
- Да, я понимаю, - задумчиво отвечаю ему. - Я сам пытаюсь продать идею о том, чтобы сделать код нашего проекта свободным — чтобы любой человек мог по желанию установить его на свой сайт. Но Игорь пока не в восторге от этой идеи. Говорит, что мы так потеряем контроль.
- Он в общем-то, прав. На свободном софте труднее зарабатывать деньги. Но в вопросах искусственного интеллекта я не хочу связываться с коммерческими компаниями.
- Хорошо, - подвожу я итог. - Я поговорю с Игорем по этому поводу. Но вообще давай пока начнём работу по этому проекту независимо от «.». Потом, как будет возможность, я внедрю код в нашу систему, и мы посмотрим, что получилось.

Коля встаёт из-за стола и протягивает руку.

- Окей. Мне надо бежать. Я тебе ещё напишу, обговорим, что делать и как.
- Спасибо.

Вот так я и начал работу над Эллой. Всё началось с идеи инструмента для защиты от блокировок, но как-то само собой трансформировалось во что-то значительно большее, во что-то, что я пока не понимал до конца.

Странные сновидения

Игорь

Проснулся я как всегда по будильнику. Уже было семь двадцать, пора вставать, завтракать и одеваться. Надо успеть заскочить на работу — взять ноутбук, кое-какие бумаги, а потом сразу же в аэропорт и в Калининград.

Анжела всё ещё спала — в тот день была не её смена. Повалялся ещё пять минуток, приходя в себя, после чего, чтобы не разбудить Анжелу, медленно и тихо выполз из постели и направился на кухню, стараясь не издавать громких звуков.

Умываясь, завтракая, одеваясь, я вспоминал очень странные сны, которые видел этой ночью, но полностью их вспомнить так и не сумел — только некоторые обрывки... Вот я с Димкой и Ромкой обсуждаю какой-то проект. Вот я в сумасшедшем доме смотрю передачу по телевизору. Вот я с каким-то малознакомым молодым человеком со светлыми волосами играю в рок-группе, а он даёт мне подзатыльники. Вот он же мне что-то втирает про сновидения. Вот я сижу с Ромкой в кафе и решаю насолить этому незнакомцу. И под самый конец мне приснилось, как я летел в машине без водителя на огромной скорости и машина резко дёрнулась в сторону, после чего влетела в стену дома.

Вообще все эти сновидения, которые стали посещать меня в последнее время, выбивали меня из колеи. Они были настолько реальны, я так вживался в них, что иногда утром не мог понять, что реально: эти сны или вот этот, окружающий меня мир. Но каждый раз, когда я приходил на работу, и когда коллега 1 приветствовал меня своим привычным: «Аллоха, амиго!» - я понимал, что эта жизнь реальна, а всё остальное — выдумки моего уставшего, заработавшегося мозга.

В городе по утрам пробки. Если не удалось объехать или выехал поздно, то придётся сидеть и чем-нибудь себя занимать. В таких ситуациях как раз нечто настоящее

проявляется в каждом человеке — все от безысходности делают то, к чему у них лежит душа: кто-то слушает радио, кто-то продумывает речь, кто-то решает в уме сложные задачи, кто-то просто курит, а кто-то жутко нервничает. Есть даже такие, которые разговаривают сами с собой или громко поют. Это своеобразный утренний ритуал: выехать из дома, для того, чтобы остановиться посреди толпы и, чувствуя себя в полном одиночестве и изоляции от мира, заниматься своим делом. Вообще мне всегда в этом виделось что-то ненормальное и нездоровое: пробки — это некий показатель психических нарушений в здоровье общества...

Из-за того, что мне не удалось объехать один из заторов, я чуть не опоздал на работу. Жутко торопясь, спотыкаясь, поднимаясь по лестнице, пару раз чуть не упав, впопыхах я вбежал в офис, поздоровался с коллегами (коих из-за столько раннего часа пока было немного), после чего заскочил в компьютерный центр, взял под расписку ноутбук и поскакал назад к машине, особенно не тратя время на пустые разговоры с кем бы то ни было — опоздать на самолёт, естественно, не хотелось, а встрять ещё в одну пробку было вполне реально.

Вообще, я слишком засиделся в этом городе — надо было воспользоваться возможностью и сменить обстановку. Отношения с Анжелой, работа, рыбалка в выходные, игра в «Субмарине» — всё это уже успело превратиться в привычку, причём привычку без особых перспектив...

В машине меня ждал неожиданный сюрприз — на переднем пассажирском сидении откуда-то появилась маленькая бумажка-записка с лежащим на ней пузырьком с валерьянкой. Я уселся за руль, взял бутылочку, повертел в руке и прочитал записку. На ней было написано: «Подарок. От союзника, с любовью». Листочек напомнил мне об одном из сновидений, которое я когда-то видел. Дежавю. Однако времени разбираться с этим не было — к тому же, скорее всего, это просто кто-то из ребят подшутил, - поэтому я кинул пузырёк в карман пиджака, записку смял и бросил в пепельницу, завёл машину и уже готов был помчаться в Пулково, когда раздался звонок по мобильнику. Я поставил передачу на «нейтралку», снял ногу со сцепления и нехотя ответил:

- Да.
- Игорёк, - это была Ольга Ивановна, мой начальник. Восемь утра, а она уже на работе... Не женщина, а кремень! - Ты ещё не уехал?
- Нет пока, сижу в машине, разогреваюсь, - лениво-учтиво ответил я.
- Тут из ДПиФК один человек тоже летит в Калининград. Ты не мог бы его с собой захватить?
- Кто такой? Я его знаю? - меня удивило, что я только сейчас узнал о том, что на мне может быть какой-то «мёртвый груз».
- Наверяд ли. Он новенький — всего пару месяцев работает. Не думаю, что ты с ним пересекался...
- Два месяца, а уже посылают разруливать филиальские дела? - удивился я.
- Говорят, он очень толковый, - заговорщическим голосом тихо проговорила Ольга Ивановна. - Ну, так как? Захватишь с собой?

Я дёрнул плечом, как будто кто-то мог видеть этот мой жест.

- Можно. Пусть подходит к стоянке.

- Спасибо, - ответила Ольга Ивановна и, кинув кому-то обрывок фразы: «значит так, спускаешься сейчас...» - положила трубку.

Кого-то вести, с кем-то болтать! Этого ещё не хватало. Так хотелось просто побыть одному и плюнуть на всё это, а тут... Я с досадой несильно стукнул по рулю. Стараясь расслабиться и войти в образ спокойного, добродушного парня, я включил радио и стал высматривать в водительское окно своего попутчика. Однако я настолько ушёл в себя и в свои размышления, что, по-видимому, упустил из виду момент появления этого человека — передняя дверь пассажира резко открылась, и в машину бесцеремонно влез молодой невысокий парень с длинными каштановыми волосами, в тёмно-синем костюме, в изящном шёлковом чёрно-белом шарфе и длинном чёрном пальто.

Он надменно взглянул на меня, протянул руку для приветствия и изрёк:

- Ваню.

Меня его нахальное поведение несколько поразило, и со слабо скрываемым недовольством я протянул руку в ответ:

- Игорь.

После чего стал выруливать со стоянки.

- Ты новенький в ДПиФКе? - попытался завязать я разговор.
- Ага, - только и обрезал Ваню. Но я не успокаивался.
- И уже в командировку отправляют?
- А чего тут такого? - со скепсисом в голосе спросил он.
- Да ничего... наверно, - неопределённо ответил я. - Только департамент планирования и финансового контроля не отправляет на такие вещи людей, в которых они не уверены...
- Значит они во мне уверены, - отрезал он.

Я многозначительно кивнул.

Парень явно не просто так попал в этот департамент. С чьей-то подачи, наверно. Ну, не может такой молодой человек, проработавший всего два месяца в департаменте, заниматься такими ответственными делами...

С такими мыслями я собирался выехать на кольцевую и дёрнуть до Пулково.

- Не стоит на кольцо выезжать, - видя моё намерение, заметил Ваню. - Там сейчас всё забито.
- С какой это стати? - осведомился я.
- Там у вантового моста авария крупная произошла — несколько машин столкнулось. Только одна полоса свободна.
- А ты откуда это знаешь?
- Просто знаю, - уверенно ответил он. Затем проницательно посмотрел на меня и со снисхождением добавил. - В новостях сообщили, - и продолжил, глядя перед собой, - на кольцевой, в районе вантового моста произошло крупное ДТП. По сообщениям очевидцев фура пошла на обгон и, перестроившись в третий ряд, столкнулась с легковой машиной, перестраивавшейся в тот же ряд с четвёртой

полосы, - он рассказывал так, будто у него перед глазами был текст, который надо было зачитать: сухо, без интонаций как констатацию факта. - Столкновение произошло на большой скорости, из-за чего водители машин потеряли контроль и не успели предпринять каких-либо действий для избежания ДТП. Фура также зацепила несколько машин на соседних полосах, одну машину выкинуло за пределы моста. По предварительным данным в результате аварии пострадало восемнадцать человек, судьба водителя легкового автомобиля неизвестна.

После этого монолога Ваню посмотрел на меня с убийственным спокойствием и сдержанностью во взгляде, ожидая моей реакции на это сообщение.

- Что-то я ничего такого не слышал, - с недоверием бросил я ему.
- А ты включи не «Эрмитаж», а что-нибудь более содержательное — услышишь.

Я переключил радио на «Эхо» и стал по-тихоньку выруливать к набережной. По радио был только какой-то скучный треп.

- Ну, и где твои новости? - недоумевал я.

Иван посмотрел на часы.

- Через две минуты будут.
- Какая поразительная точность, - с небольшой издёвкой отметил я. - А ты откуда знаешь? Фанат «Эха»?
- Нет, - покачал головой в ответ он. - Просто знаю.

После этого он уставил взгляд в своё окно и, о чём-то задумавшись. Через две минуты, как он и говорил, прозвучала заставка новостей и диктор начал рассказывать:

- По последним сообщениям в Петербурге пять минут назад на кольцевой, в районе вантового моста произошло крупное ДТП. По сообщениям очевидцев фура пошла на обгон и перестроилась в третий ряд...

У меня зашевелились волосы на затылке — удивительна была не сама новость, а то, что диктор зачитал новость слово в слово и таким же спокойным и сдержанным голосом, как и Ваню... А ДТП произошло только пять минут назад...

- Как-то это всё странно, - с недоверием проговорил я и покосился в сторону своего попутчика. Тот только неопределённо хмыкнул в ответ. - Откуда ты всё это знаешь?
- Я ж тебе сказал, в новостях прочитал, - обрезал он.
- Но тут же говорят, что всё произошло минут пять назад, а ты...
- Ну, и что, что говорят, - перебил Ваню, и взглянул на меня. - Люди много всего говорят. Но надо всё время анализировать получаемую информацию и разделять правду и ложь. Эфир засорён кучей всякой ненужной информацией, и во многом, кстати, это делается специально. А если ты будешь бездумно верить всему, что тебе говорят, то ничего в жизни не добьёшься.

Последняя фраза была сказано резко и даже излишне поучительно. Я не был готов услышать подобные вещи в подобном тоне от человека, младше меня, с которым я знаком не более пяти минут. Однако я проглотил своё недовольство и ничего не ответил.

Мы выехали на набережную и ехали минут пять молча, примерно до Володарского

моста, когда у меня зазвонил мобильник. Я взглянул на экран. Анжела. Взял трубку.

- Ало.
- Игорёк, ты в порядке? - заспанным голосом проговорила Анжела. Видно, она только-только проснулась...
- Да, дорогая. Я в норме. А что случилось? - изображая мягкий добрый голос ответил я.
- Ну, тут по новостям такие страшные вещи рассказывают... Ты не езжай по кольцевой — там жуткая авария произошла.
- Я знаю, дорогая, мы по набережной едем.
- Мы? Кто это «мы»? - с ноткой ревности в голосе спросила она.
- Я и коллега по работе. Мы оказывается вместе с ним летим в Калининград.
- С коллегой? Ты мне ничего не говорил ни про какого коллегу... - удивлённо проговорила она.
- Да, я и сам не знал, что помимо меня ещё кто-то летит, - со слабо скрываемой досадой в голосе сказал я и покосился на Ваню. Тот лишь ехидно улыбнулся уголком рта, глядя на дорогу перед машиной. - Зато скучно не будет...
- Ну, хорошо, - неопределённо ответила Анжела. - Ты там только осторожней!
- Конечно, что ты?! Я же сама осторожность, - улыбнулся я.
- Позвони мне, как приземлишься, пожалуйста.
- Хорошо, позвоню.
- Целую тебя.
- Целую.

Я повесил трубку.

- Твоя пассия? - сухо спросил Ваню.
- Угу.
- А тебе не кажется, что вам следовало расстаться ещё года два назад? - неожиданно заметил он, чем не мало меня смутил.
- А с чего ты это взял?
- С того, как ты с ней разговариваешь. Ты уже просто привык к ней, но она для тебя обуза. Человек, с которым ты связываешь свою жизнь, должен быть твоим вдохновением, а не причиной деградации.

Вид у Ваню, когда он это выговаривал, был поэтичный и возвышенный, хоть и говорил он категорично и жёстко. Это вызвало у меня улыбку. Однако говорил он абсолютно правильные, но при этом банальные вещи.

- Я думал о том, чтобы расстаться с ней... Даже пытался как-то, - с небольшой грустью в голосе разоткровенничался я. - Но, кажется, сильно напился и пропал на несколько дней, после чего она показала, насколько сильно я ей не безразличен, и у меня не хватило духу порвать с ней.

В голове всплыл тот странный эпизод с Лисьим носом и жуткими провалами в памяти... Кто знает, может, если бы я тогда не напился и порвал с ней, сейчас было бы всё по-другому?..

- Не забивай себе голову тем, что не имеет отношения к настоящему. Лучше делай, - изрёк Ваню. Я взглянул на него и непроизвольно кивнул. Кажется, я стал потихоньку понимать, почему ему доверили филиальские дела...

О том, как найти парковочное место

Игорь

- Так откуда же ты такой взялся? - спросил я у Ваню, когда мы уже съезжали с Пулковского шоссе в сторону аэропорта.

Тот покосился на меня и с хитрой улыбкой ответил:

- А по твоему откуда люди берутся? Разве тебе мама в детстве не рассказывала? Хочешь, чтобы я тебе в подробностях описал?

Я усмехнулся.

- Нет, что ты. Я имел в виду, как ты в банк на работу устроился?
- Это долгая и неинтересная история, которую я не хочу тебе рассказывать, - отрезал он.
- Ну, не хочешь — как хочешь, - с некоторой обидой в голосе произнёс я. Ваню лишь усмехнулся в ответ.

За время нашей короткой поездки я каким-то образом уже успел привыкнуть к его категоричности и резкие высказывания стал постепенно пропускать мимо ушей. В его манере было что-то очень знакомое, к чему мне было очень легко привыкнуть. Мой мозг отфильтровывал весь негатив, в результате чего передо мной вырисовывалась фигура непростого человека, со своими тараканами, но человека, с мнением которого хотелось считаться...

Надо сказать, что в тот день я в определённой степени рисковал: поехать в аэропорт на своей машине — неоправданная глупость, так как свободных парковочных мест могло и не оказаться, но то ли мне хотелось испытать судьбу, то ли я настолько на всё наплевал, то ли просто слишком закрутился, а об этой опасности задумался только когда подъехал к шлагбаума. Я взял билет и въехал на парковку. Скрестив пальцы и с некоторым замиранием в сердце, начал искать место. Ваню, по-видимому, заметил панику в моих глазах, поэтому усмехнулся и успокоил:

- Не думай о парковочном месте. Просто езжай туда, куда считаешь нужным — там оно и появится.

Я поморщился и вопросительно посмотрел на него:

- Как это?

Он с холодным пронизывающим взглядом лишь ответил:

- Ты знаешь как. Не мне тебя учить.

Его фраза показалась мне дурацкой отмазкой. Я не знал как. Не знал, поэтому мне ничего не оставалось сделать, кроме как плюнуть на Ваню и на всю эту ситуацию, откинуть от себя эту и все другие мысли и двигаться вперёд в поисках свободного места.

Неожиданно я почувствовал правой стороной лица, что оно действительно есть и, подчинившись инстинкту, повернул при первой же возможности, и «вуаля»!

– Я же говорил, - вальяжно бросил Ваню, вылезая из машины.

Не теряя ни секунды (регистрация на самолёт должна была закончиться уже минут через десять), я достал сумку из багажника, быстро закрыл машину и, поставив её на сигнализацию, направился в аэропорт. Ваню шёл чуть впереди, у него не было с собой вообще никаких вещей. Он глянул на меня из-за своего плеча и кинул мне:

– Зачем тебе столько барахла? Выбрось!

– Что значит выбрось? - посмеиваясь спросил я. - Ты с дубу рухнул? А в чём я там буду ходить? А спать? А есть чем?

– Тебе это всё ненужно, поверь мне, - не оборачиваясь в мою сторону выдал он. - Там, где ты выйдешь, это тебе не понадобится.

Эта последняя ремарка меня смутила, но я не хотел на ней заикливаться, поэтому просто отмахнулся от неё, и поспешил внутрь.

– Все сумки — на ленту, все металлические предметы — в коробку, - усталым голосом проговорил усталый человек в серой форме у входа в аэропорт.

Я послушно выполнил его указания. Ваню же, ничего не выкладывая и даже ни на секунду не останавливаясь, просто прошёл через металлодетектор, и тот даже не подумал пикнуть, чем вызвал подозрения и вопросы у охранника.

– Вы куда? - перегородил он дорогу.

– На самолёт, не видно что ли? - резковато ответил Ваню, чем немного шокировал охранника.

– Без вещей?

– Без вещей. Какая-то проблема? Мне нужно было захватить с собой калаш и подствольный гранатомёт?

Охранник в недоумении посмотрел на Ваню, после чего расплылся в улыбке и, посмеиваясь, пропустил его.

Когда я проходил через металлодетектор, он подло запищал. Охранник переключился на меня и с серьёзным видом начал проверять меня ручным детектором.

– Всё вынули из карманов?

– Да.

– Это?

– Запонки. Тут ремень. Цепочка с крестиком...

– Хорошо. Проходите.

Так же достойно держать себя, как Ваню, у меня не получалось. Я взял все свои вещи, надел и распахнул по карманам. Мы направились на второй этаж, а Ваню начал монолог:

– Думаешь, они заботятся о людях? Все эти: «В вашей сумке есть дезодорант, а жидкости с собой брать нельзя» или «снимите, пожалуйста, носки» - ничего общего с безопасностью не имеют! - с видом преподавателя втирал он. - Это всего лишь изображение «борьбы с терроризмом» на фоне увеличения контроля над

людьми. Если террористу нужно захватить самолёт, он не будет брать с собой на борт напалм, ножи и гранатомёт. Он скорее купит нужные ингредиенты в Дьютике, а недостающие купит у стюардессы вместе с сэндвичем за 99 рублей.

Эта мысль меня удивила своей очевидностью и простотой, однако в голове сразу же созрел контр-довод: если вообще никого не проверять, то возможности для террористов будут более широкими — однако перебивать его я не решался.

- Это как борьба с пиратством, - продолжал он. - Программы и фильмы крадутся вне зависимости от того, какая защита на них устанавливается. Защита нужна только для того, чтобы произвести впечатление на пользователя и успокоить, мол: «у тебя продукт настоящий, никто его не украдёт, компания заботится о твоей безопасности» - но этим же и напоминают: «с другой стороны, бояться есть чего! Если бы не мы, если бы не наша забота, если бы не наш тотальный контроль, не наши тиски и ваши унижения, злые дяди натворили бы много гадостей».

Что-то в его фигуре стало меняться, пока мы поднимались по ступенькам, появился напор, энергетика, подача. Неожиданно этой его тираде захотелось поверить, неожиданно захотелось идти за ним...

- И все, ведь, верят, - с чувством рассказывал Ваню, - никто не задумывается о том, почему с ними происходит то или иное событие и кому это может быть выгодно — всё это из-за лени и снижающегося уровня грамотности. Но всё это совершается осознанно и с конкретной целью группой, стоящей выше других. Людишек надо держать в страхе и не давать им думать — только так ими можно управлять.

Он остановился между этажами посреди ступеней, чуть выше меня и, театрально тыкая в меня пальцем, заключил:

- Запомни: страх и глупость — гарантия управляемости. Чем умнее, бесстрашней и сплочёней народ, тем сложнее ему запудрить мозги.
- Зачем ты мне обо всём этом рассказываешь? Я политикой не интересуюсь! - с нахальной улыбкой парировал я.
- Это жизнь, друг мой! Никакой политики — обыкновенная жизнь, - философски заключил он, и мы продолжили своё движение к регистратуре.

На втором этаже, на посадке, нас ждал ещё один пункт контроля, на котором зачем-то помимо всего прочего нас попросили снять пиджаки и обувь, и положить их на ленту, что вызвало приступ нескрываемого смеха у Ваню. Снимая свои ботинки, он ехидно взглянул на меня, как бы говоря: ну, видишь? Я усмехнулся. Действительно всё это выглядело нелепо.

- Будьте добры, откройте сумку, - обращаясь ко мне, проговорила строгая девушка в униформе.
- Хорошо, - недоумевая, ответил я, и, стоя в одних носках на зелёном ковролине, открыл и показал.
- Что там? - поинтересовался Ваню и подбежал поближе, пытаясь заглянуть в сумку. - Девушка, вас там что-то заинтересовало? Игорь, не уж то ты захватил с собой вибратор?

Я усмехнулся, а девушка строгим взглядом пронзила шутника и попыталась пресечь его приколы:

- Вы мне тут пошутите! Обыск зятяну, и вы вообще на свой самолёт не попадёте!
- Девушка, не будьте такой серьёзной, - с улыбкой, извиваясь, ответил Ваню. Произнося эти слова, он стал каким-то шёлковым и добродушным. - Ваша работа в вас убивает человека! Относитесь к жизни проще — она у вас одна единственная! А рабочих дней — так много...

Девушка фыркнула и пропустила нас. Я надел ботинки, взял свои вещи, и мы направились дальше.

- Про вибратор это ты круто! - шепнул я Ваню. Тот ничего не ответил, а только улыбнулся.

На весь аэропорт объявили о том, что регистрация на наш рейс заканчивается. Я заторопился, а Ваню, лениво зашагал по направлению к регистратуре. Казалось, на самолёт он особенно и не спешил.

Американские горки

Игорь

Нас посадили в самолёт. Это был новенький небольшой Боинг, мест на сто. В самолётах я не разбираюсь, но почему-то показалось, что это именно Боинг... Трап отъехал, двери закрыли, на табло загорелись таблички «пристегните ремни» и «не курить». По громкой связи чётко, с расстановкой, заговорил командир корабля. Голос у него был усталый. Он рассказал о том, что нам предстоит полтора-часовой перелёт, сообщил о том, какой нам предстоит маршрут, какая погода нас ожидает в Калининграде, после чего пожелал нам приятного полёта. Стюардессы заняли свои позиции, включилась запись с техникой безопасности, и они как марионетки, не снимая с себя лучезарные улыбки, стали демонстрировать как правильно надевать ремень безопасности, а как — дуть в свисток, прицепленный к спасательному жилету. Они успели уложиться со своей демонстрацией буквально в полторы минуты, ещё до того, как самолёт выехал на взлётную полосу, после чего прошли по салону, убеждаясь в том, что все готовы к полёту, пристёгнуты и не курят, и скрылись из виду.

В самолёте воцарилась относительная тишина — люди перешёптывались и копались в своих вещах. Самолёт стоял, двигатели гудели — судя по всему командир ждал разрешения на взлёт. Я сидел у прохода, Ваню — у окна. Вид у него был скучающий, у меня — несколько нервный. Нет, я, вроде бы, не боялся летать, но в этот раз меня почему-то слегка потряхивало. Я посмотрел на пассажиров. Кто-то сидел с закрытыми глазами, кто-то в ожидании взлёта нервно качался вперёд-назад, кто-то пытался читать, некоторые уже успели заснуть, а другие — нервно впились пальцами в ручки кресел. Но на самом деле, нервничающих было не так уж и много — возможно, для большей части пассажиров этот вылет был стандартным, рабочим.

Неожиданно самолёт дёрнулся с места и начал с нарастающим шумом набирать скорость. Меня вдавило в спинку кресла (это ощущение всегда мне нравилось, так же, как и ощущение отрыва от земли, а вот, что мне никогда не нравилось в перелётах — так это закладывание ушей во время набора высоты). Ускорение и «ух», нос самолёта задирается, а шум стихает. Линия горизонта за окном съехала, после чего немножко выправились и неожиданно поползла вверх — самолёт стал поворачивать.

- Ну, как ты? - спросил я у Ваню.

Тот встрепенулся, как будто не ожидал, что я с ним когда-либо ещё заговорю, и

ответил:

- Я всё ещё жив, а что?

Я усмехнулся.

- Откуда ты эту фразочку взял? - спросил я.
- Придумал. Или тебе надо в подробностях описать, откуда именно она взялась? - ехидно спросил он.
- Просто, - смутился я, - так мой университетский друг, Ромка, всегда отвечает.

Вано неопределённо дёрнул плечом и, небрежно бросив: «разбуди меня, когда начнётся что-нибудь интересное» — отвернулся в сторону своего окна и задремал.

Когда самолёт выправился, я тоже попытался уснуть, но это у меня плохо получалось. Несмотря на то, что прошедшей ночью я плохо спал, погрузиться в сновидение никак не получалось. Стюардессы прошли по рядам, предлагая кофе и завтрак. Я отказался. Пассажир, сидящий за мной, согласился, в связи с чем ещё минут десять нагло чавкал и хлюпал, всячески меня раздражая.

От нечего делать я засунул руку в карман пиджака и обнаружил там тот самый пузырёк валерьянки. Наверно, не заметили на досмотре — он маленький, 25 миллилитров. Я покрутил его в руке и задумался. Этот пузырёк что-то мне напоминал, но я никак не мог вспомнить, что именно. Как будто какое-то слово или действие, какой-то эпизод. Может быть, какой-то сон? Я открыл пузырёк и понюхал. Запах настойки на валерьяновом корне. Классика. Жаль, что никакие воспоминание ко мне от этого не вернулись. Я сделал глоток прямо из пузырька, но это так же не помогло. Разочарованно положил назад в карман.

Полёт проходил стандартно, всё пришло в привычную норму, прошло уже около получаса, меня начало-таки клонить в сон. Какие-то нечёткие образы тех несуществующих миров стали опять прорываться сквозь пелену сновидения: незнакомый офис, «переговорка», Димка с Сергеем и пара незнакомых мне человек. Я вёл совещание, чувствовал себя очень деловым, уверенным в себе и целеустремлённым. Однако на фоне всего этого не было ни капли чувства собственного превосходства или какой-то уникальности. Мне просто нужно было решить какую-то задачу, и я шёл к её решению, не задумываясь о преградах и последствиях.

- Для расширения нам в любом случае нужен будет этот функционал. В конце концов, мы же не собираемся вечно сидеть на одном вузе?! Сегмент уже работает на полную и уже приносит нам неплохую аудиторию. Напоминаю, - я взял в руки листок, исчерченный какими-то графиками, - что по плану тестирование первого сегмента заканчивается уже в этом месяце, после чего мы запускаем сегменты сразу в двадцати экономических вузах Петербурга и Москвы, - я посмотрел на одного из незнакомых мне людей. - Пётр Евгеньевич, этот вопрос уже решён?

Пётр Евгеньевич открыл рот и совершенно серьёзным голосом, хмуро раздающимся как будто из динамика проговорил:

- Дамы и господа, у экипажа нашего самолёта для вас две новости: хорошая и плохая.

Дымка сновидения стала испаряться, я, открыл глаза, посмотрел по сторонам. Почти весь салон после такого вступления проснулся, наострился и затих.

- Плохая заключается в том, - говорил безразлично капитан корабля, - что наш

самолёт по ошибке заправили дизельным топливом, и через 3 минуты у нас взорвутся двигатели, отвалятся крылья, после чего мы рухнем на землю.

Весь салон замер (аж оледенел) от ужаса и непонимания. Буквально за пару минут все вернулись в эту реальность из своих миров фантазий и сновидений. В ожидании хорошей новости, воцарилась мёртвая тишина.

- У меня, конечно, есть один лишний парашют, но пусть то, кому он достанется, решит королевская битва...

Мне не удавалось никак понять по голосу командира, шутит он или же произносит весь этот абсурд на полном серьёзе.

- Хорошая же новость заключается в том, - продолжал он таким же сухим голосом, - что только сегодня при покупке сэндвича за 99 рублей, вы можете совершенно бесплатно получить один из напитков: «Колу», «Спрайт» или «Фанту». Экипаж прощается с вами и желает приятного полёта.

Сразу же после его слов у пассажиров отлегло от сердца. Да, и как можно серьёзно воспринять такую информацию? Командир явно шутил. Правда, шуточки у него были странные... Многие похихикали и покачали головами, после чего начали закупаться сэндвичами за 99, а другие покрутили пальцами у виска со словами «больной придурок» и вернулись к своим делам.

- Ваш командир — тот ещё шутник, - сказала подошедшей к ней молодой стюардессочке бабушка со вставной челюстью и седыми кудрявыми волосами, сидящая за два ряда передо мной. Та только в ответ неловко улыбнулась. Глаза у неё были пустые, не выдающие никаких эмоций — она просто продолжала честно выполнять свою работу.

Я непроизвольно, подчиняясь неизвестному инстинкту, попытался прочитать, что же написано в этих глазах, и сразу же сообразил, что с самолётом явно что-то не то. Экипаж знал о чём-то таком, о чём нам, простым смертным, не решались пока доложить. Глубоко в глазах у стюардессы читался страх. Она думала о том, что же будет делать без неё её молодой человек, однако она до самого конца старалась быть профессионалом, выполняя свой долг, стараясь личные проблемы не выносить на работу и, возможно, понимая, что в этой ситуации она всё равно ничего поделать не может. Единственное, что ей оставалось делать в этой ситуации — это продать как можно больше сэндвичей за 99. Впрочем, не она одна была такой. Другие стюардессы также выполняли свою работу беспрекословно. И где таких только набрали?!

Я взглянул на сидящего рядом Ваню, глядящего в окно. Он выглядел совершенно невозмутимо и отрешённо. Казалось всё это его совершенно не заботило, он уже всё знал наперёд. Я ни о чём его не спрашивал, а просто смотрел, ожидая, когда же он взглянет на меня. Наконец он медленно и спокойно повернул голову в мою сторону и холодным, безучастным голосом изрёк:

- Всё так. В кабине пилота заперлись террористы-смертники с самопальным коктейлем Молотова. У тебя нет времени на раздумья. Кирилл не просто так тебя сюда закинул. Теперь твоя жизнь зависит только от твоих собственных действий. И я тебе больше ничем помочь не могу. Тебе даже валерьянка уже не поможет. Всё в твоих руках. Работай!

После этого монолога он поднялся, перешагнул через мои ноги и направился в сторону туалета.

О чём он говорил? Какой ещё Кирилл? Что значит, «всё в твоих руках»? Как что бы то ни было может быть в моих руках, когда я совершенно не контролирую ситуацию, совершенно не управляю ей? Что мне делать? Ворваться в кабину пилота и избить террористов?! Бред!

Я посмотрел вслед Ваню и проводил его взглядом вплоть до момента, когда он дошёл до туалета. Я был готов уже вернуться к своим мыслям, но прямо перед тем как закрыть за собой дверь, он подмигнул мне. Это насторожило, я вскочил с кресла и направился за ним. Подошёл к двери и постучал:

– Ваню?

Молчание.

– Ваню, ты чего от страха обделался, что ли?

Он не отвечал, и я решил попытаться открыть дверь. Дверь легко отворилась, но в туалете никого не было. Казалось, Ваню просто исчез, растворился. Я прошёл внутрь и осмотрелся. Его точно не было, но не мог же он просто так раствориться? Я стоял в туалете совершенно ошарашенный, ничего не понимая, когда маленький кусочек внутри меня стал что-то вспоминать. Всё это я уже видел во сне. Возможно, не точно эту же нелепую сюрреалистическую сцену, но нечто похожее... Сцену, когда человек, сидящий за рулём летящей под откос машины, за какое-то мгновение до столкновения самодовольно улыбнулся и просто растворился в воздухе.

И тут в самолёте, где-то впереди, раздался грохот и крики, после чего как на американских горках тот направился вниз, быстро набирая скорость. Люди закричали и завизжали, в воздухе повисла жуткая паника и неконтролируемый животный страх. Они только сейчас поняли, что происходит что-то страшное и начали усиленно цепляться за свои жизни. Но было уже слишком поздно — они продали их за 99 рублей.

А меня прижало к стенке туалета, и я неожиданно для себя стал вспоминать свои странные сновидения, которые бросились мне в лицо дикой гурьбой, сразу же все вместе. Вот она смерть: вся жизнь в ярких образах пролетает перед твоими глазами... Только почему же она вся состоит из снов?.. Рука произвольно (как будто сама) потянулась в карман за тем самым пузырьком с валерьянкой. Я взглянул на него, и на меня неожиданно снизошло озарение — я осознал, что на самом деле сплю, что всё происходящее вокруг — это всего лишь очередное странное сновидение — и понял, что именно мне нужно сделать.

Я взглянул на свои руки и всей своей кожей ощутил, что нахожусь в другом месте, в другом времени...

Яркая вспышка ослепила меня, в ушах появился звон, усилившийся так, что перекрыл все остальные звуки, я стоял зажмурившись, боясь открыть глаза. Я простоял в таком состоянии минуты две, наверно, после чего, набравшись смелости, осторожно и медленно стал открывать их.

Каково же было моё удивление, когда меня вдавило в пол, после чего наш поезд сделал мёртвую петлю, взмыл вверх, на горку, а затем спокойно опустившись, подъехал к платформе.

Вокруг был детский смех, радостные крики, светило солнце, в чистом и лёгком весеннем воздухе висели запахи сладкой ваты и жаренных орешков. Я вышел из аттракциона и направился к ближайшей скамейке, не обращая внимание на окружающих. Ноги были ватные, сердце колотилось как сумасшедшее, кровь прилила к щекам, дыхание

участилось, и мне никак не удавалось набрать полные лёгкие воздуха. Бухнулся на скамейку и зажал голову в руках, неровно дыша.

- Игорь, ты в порядке? - осведомилась белокурая девушка рядом со мной. Я с нескрываемым удивлением взглянул на неё, затем, стараясь как можно более нейтрально вести себя, ответил:
- Всё... в порядке. Дурно немного стало.
- Слабоват ты! - улыбаясь проговорила она. - Всего-то кружок на американских горках...

Ага. «Всего-то кружок»... на «американских горках»... Тебе бы такие горки, я бы на тебя посмотрел...

Я помассировал виски и стал сразу же всё вспоминать: вся жизнь на этой линии неожиданно выстроилась в логичную, последовательную цепь событий, и стало очевидно, что всё происходившее со мной до того было просто случайным видением. Дыхание пришло в норму, я снова стал полностью контролировать ситуацию.

Я усмехнулся и с улыбкой посмотрел на девушку.

- Всё, я в порядке, Аня. Куда дальше?

Когда меня не будет

Дима, Дагни

Иногда мы с Дагни гуляли по ночному городу. В этом есть своя неповторимая романтика. Какие-то новые краски появляются, воздух становится мягче, а улицы — совсем-совсем спокойными. Гуляли просто так, болтали о чём попало. И вот однажды мы решили прогуляться ближе к полуночи у Марсового поля. Я даже и не задумывался о том, где ночевать, что делать после развода мостов. Дагни, кажется, тоже не думала об этом.

- А что, если ты напишешь несколько картин и устроишь выставку? - предлагает она.

Мы идём от Михайловского сада в сторону вечного огня. Вокруг цветут кусты сирени, источая приятный сладковатый запах.

- Я не настолько хорошо пишу, как тебе кажется, - отрицаю я. - У меня неплохо поставлена рука, это да, есть какое-то понимание основных принципов живописи, ощущение цвета... Но не больше. Я самоучка, да и давно не занимался этим...
- Поль Гоген тоже не думал, что пишет хорошо, и, возможно, вообще не стал бы известным художником, если бы не его друг, Эдгар Дега...
- Возможно, это была бы и невеликая потеря, - угрюмо замечая я. - Мне его картины никогда не нравились. Я предпочитаю произведения его друзей...
- Мало ли что ты предпочитаешь! - возмущённо восклицает Дагни. - Его собственный стиль повлиял не только на живопись в целом, но и на людей, которые видели его картины...
- Его картины примитивны, - перебиваю я.
- Его картины глубоки, причём даже глубже картин его друзей! - убеждённо заявляет Дагни.

- Хочешь сказать, что его друг Ван Гог был менее гениален?
- Я хочу сказать, что Ван Гог — это попса! Он слишком переоценён, - не унимается Дагни.
- Ван Гог — гений! - не соглашаюсь я. - А Гоген — это скукота.
- Не смей оскорблять моего художника! - с нескрываемой обидой в голосе говорит Дагни. - Если бы ты с ним пообщался, ты бы понял, насколько неординарной личностью он был!

После этого Дагни замолкает. Можно подумать, что она с ним общалась!..

Даже когда казалось, что мы спорим по настоящему, мы на самом деле не ругались. И я, и Дагни понимали, что это всё мелкое и проходящее. «Мы» были важнее таких мелочей.

Мы подходим к середине поля, к монументам. Обычно у вечного огня, который горит впереди, совсем недалеко от нас, есть какая-нибудь молодёжь, которая приходит в этот тёмный холодный час погреться, поболтать и попить пивка. В этот раз тут ни души.

Я гляжу вверх, пытаюсь увидеть хоть одну звезду, но небо затянуто тучами и городской дымкой, за которой ничего не видать. Звёзд нет.

- Короче, - неожиданно продолжает Дагни. - Давай ты напишешь несколько картин, а я устрою выставку. Всю организацию возьму на себя, так что тебе не надо будет напрягаться. Что скажешь?
- Ну, не знаю, - неопределённо отвечаю я, а сам про себя уже согласился.
- Что значит «не знаю»?! Тебе тут всё на блюдечке с голубой каёмочкой подают, а ты... - укоризненно смотрит она на меня.
- Ну, давай, - сдаюсь я и улыбаюсь. - И что бы я без тебя делал?!

Мы подходим к вечному огню, останавливаемся, я обнимаю её правой рукой за талию, и мы смотрим на огонь. В задумчивости Дагни неожиданно спрашивает:

- Дима, а что ты будешь делать, когда меня не будет?

Я от такого вопроса даже опешил. Кто вообще задаёт такие вопросы? То есть можно спросить: «Что ты будешь делать, если меня не будет?», но она именно спрашивает «когда», как будто точно знает, что такой момент настанет, как будто готовиться к этому.

- Ты собираешься со мной расстаться? - спрашиваю я.
- Я не собираюсь, что ты! - отрицает она.
- Тогда почему ты говоришь «когда», а не «если»?
- Потому что расставание — это, к сожалению, неотъемлемая часть жизни. Оно происходит вне зависимости от желаний кого бы то ни было, - отвечает она.

Я угрюмо молчу.

- Иногда люди расстаются ненадолго, потому что так надо по работе, - поясняет Дагни. - Иногда — по семейным обязательствам. А иногда расстаются из-за истечения срока годности одного из них. Понимаешь?
- Я не понимаю! Ты умираешь?
- Все мы умираем, - расплывчато отвечает она. - Но со мной всё в порядке, если ты о

моём здоровье.

- Может, тебе по работе куда-то надо?
- Ты же знаешь, какая у меня работа, - отрицает Дагни, качая головой.
- Тогда я тебя совсем не понимаю! - заявляю упрямо я. - И расставаться с тобой не хочу!
- Я тоже не хочу, - соглашается она, нежно глядя мою руку, - но твои действия...

Тут она на секунду замолкает, после чего вздыхает и заканчивает:

- Впрочем, неважно.

Она немного смущённо улыбается и опускает взгляд в землю.

- Что значит «неважно»?! Давай уж договаривай! - не успокаиваюсь я.

Пока я жду ответа, на Марсовом поле висит неестественная тишина. Я такой никогда в центре Питера не встречал. Нет ни машин на дорогах вокруг, ни людей вокруг, окна все спят... Как будто всё в городе погрузилось в тяжёлую дрему. Только жёлтые фонари, да дорога неподалёку выдают признаки цивилизации. В Петербурге такого не бывает...

Дагни вздыхает, как будто я насильно вытягиваю из неё фразу, хотя весь этот странный разговор завела она, а не я.

- Просто хочу сказать, что однажды тебе нужно будет принять очень важные решения и сделать это нужно будет без меня...
- Откуда ты это взяла?! Ты можешь видеть будущее, что ли? - с ноткой возмущения спрашиваю я. Но Дагни не отвечает, а продолжает свою мысль:
- Так вот, тебе самому нужно будет найти выход и самому решить, что ты хочешь... Но если ты очень захочешь, я буду рядом. Это важно!

Она посмотрела на меня серьёзным, но ласковым взглядом, взяла мои руки.

- Просто, Дима, ты стал для меня очень важным и нужным. Я уже не думала, что мне будет нужен кто-либо так, но ты это изменил. И я беспокоюсь о тебе. Просто помни, что я с тобой. Я всегда с тобой, даже, когда ты этого совсем не замечаешь, - ласково проговорила она.
- Я ничего не понимаю, - со спокойной улыбкой отвечаю я.
- Ничего, - успокаивающе говорит она, обнимая меня. - Потом поймёшь. Потом.

Полёты наяву

Рома, Кирилл

Место и время встречи в этот раз Кирилл назначил крайне непривычными. Он почему-то изъявил желание встретиться на выходе из станции метро «Приморская» в одиннадцать часов вечера. Впрочем, это, наверно, только в Питере такое время называют вечером, да, может, ещё и в Москве в придачу. Для всей остальной страны это, скорее, уже ночь. Причём для некоторых людей — уже глубокая.

Как бы то ни было, я поднялся по эскалатору и вышел из метро в означенное время. Кирилл нашёлся достаточно быстро — у ларька, слева от входа. Будучи одет в строгий дорогой тёмно-синий костюм в тонкую белую вертикальную полосочку, с сине-чёрным

галстуком, в дорогих лакированных ботинках, он стоял и лениво, прямо из горла, посасывал «Степан Разин Петровское». Зрелище было очень странным и контрастным, из-за чего тяжело умещалось в сознании. Я усмехнулся и направился к нему.

- Привет! - доброжелательно выговорил я.
- Угу, - кивнул он, приложившись к бутылке в очередной раз, после чего пожал мне руку.
- Очень оригинально выглядишь, - заметил я.

Кирилл только дёрнул плечами в ответ и лениво направился в сторону улицы Одоевского. Я поплёлся за ним.

- Мне казалось, что человек, заботящийся о ясности ума, не должен пить, - заметил я. Кирилл в ответ косо посмотрел на меня и с улыбкой проговорил:
- Я Вирупа.

Я поравнялся с ним и отшутился:

- А! Ну, да, точно! А я уже совсем забыл.

Воцарилась неловкая пауза, во время которой Кирилл только и делал, что периодически прикладывался к бутылке, медленно и размеренно двигаясь в сторону от перекрёстка.

- Так куда мы направляемся и что будем делать? - спросил я.
- Сейчас заскочим к моему знакомому в гости, надо кое-что прихватить, а там — посмотрим... - ответил Кирилл.
- Угу.

Опять молчание. В желании заполнить пустоту, я решил поговорить с Кириллом о тех странных сновидениях, которые я видел в последнее время...

- Мне тут недавно сон приснился, - начал было я, но Кирилл мне не дал закончить. Он строго посмотрел на меня, после чего сухо вывалил на меня:
- Это не сон! Это был переход на другую линию. Причём, я тебе говорил, ничего не делать без меня, но ты, будучи упрямым ослом, меня не послушался и бросился куда глаза глядят. Тебе ещё повезло, что я сумел тебя вовремя вытащить — если бы я опоздал хотя бы на пару секунд, ты бы покончил жизнь самоубийством на той линии и осознание твоё растворилось бы. Но ты всё ещё жив... - после этого он пронизательно посмотрел на меня и в очередной раз приложился к бутылке. Пиво в ней уже заканчивалось.
- Это был всего лишь сон, - неуверенно возразил я.

Я чувствовал, что идея того, что у меня реально могла быть другая жизнь, что я мог быть совершенно другим человеком с другим прошлым, никак не вписывалась в моё внутреннее мироощущение. Конечно, идею с линиями я уже давно принял на уровне разума, но то был разум, а это — моё нутро. Так вот, эти двое никак не могли договориться между собой.

- Я тебе уже говорил, что защитные функции любого организма таковы, что все явления, не согласующиеся с принятой картиной мира, трактуются либо как сновидения, либо как галлюцинации. Иначе это просто может травмировать

психику.

Всё это напоминало мне большую странную шутку. Мне казалось, что Кирилл в любой момент может рассмеяться, хлопнуть меня по плечу и заявить: «Да расслабься, Ромка, я тебя просто подкалываю». Однако этот момент никак не наступал.

- Не сон? - переспросил я, пытаюсь попробовать эту мысль на вкус, стараясь почувствовать, возможно ли такое или всё-таки Кирилл затеял очередную свою странную игру.

Тот вальяжно покачал головой в ответ.

- Более того, после всего этого ты сумел переползти на линию, очень близкую к твоей исходной, но несколько отличающуюся, - после этой фразы Кирилл оживился и с интересом и видом человека, открывшего миру только что инфузорию тувельку, продолжил: - Что самое удивительное, ты пока этих отличий не ощутил, так как не успел с ними столкнуться — ты сумел каким-то образом переползти сюда с памятью о своей старой линии...

Я почувствовал, что Кирилл говорил абсолютно серьёзно, но пока что я не мог понять его до конца.

Мы подошли к пешеходному переходу, и, не останавливаясь ни на секунду, не замедляя шаг, стали переходить, даже не посмотрев, нет ли поблизости машин.

- Какие ещё отличия? - не понимал я.
- Скажем так, - неопределённо ответил Кирилл, - дома тебя ждёт один сюрприз, к которому, возможно, ты ещё не очень готов.
- Что за сюрприз? - с недоверием спросил я.
- Если я тебе сейчас расскажу, то это уже перестанет быть сюрпризом...

Кирилл сделал последний глоток из бутылки и, проходя мимо урны, лёгким движением руки опустил её внутрь, после чего пальцем показал в сторону многоэтажек:

- Нам туда.

И продолжил:

- Это хорошо, что ты начал работать над собой — видно, что ты растёшь, не стоишь на месте, однако одного из главнейших уроков ты пока так и не усвоил. Ты всё ещё считаешь себя самой важной точкой во вселенной, забывая о том, что вокруг тебя громадный мир, которому просто всё равно, существуешь ты или нет.
- Я не считаю себя самой важной точкой! - попытался возразить я, на что Кирилл только сделал кислую мину и продолжил:
- Просто понаблюдай за собой — много нового для себя откроешь. Ты увидишь, что всё, что не согласуется с твоей позицией, автоматом в той или иной степени воспринимается тобой как личное оскорбление — ты начинаешь злиться, отрицать и обижаться, слюной брызгать...
- Я не брызгаю слюной, - попытался опять возразить я, на что Кирилл показал на меня указательным пальцем.
- Вот именно об этом я и говорю. Я рассказываю о том, как ты выглядишь со стороны, а ты сразу же закрываешься за различными оправданиями и начинаешь

шипеть...

- Да нет же, я просто... - попытался я объяснить, но Кирилл не дал продолжить и в этот раз.
- Просто понаблюдай за собой. Не надо ничего возражать, не надо оправдываться. Просто понаблюдай!

Я с некоторой обидой замолчал, после чего неожиданно вспомнил уговор с Игорем и расплылся в улыбке. Краски мира стали снова более яркими и насыщенными, а все споры, произошедшие до этого момента, показались сплошной абсолютно ненужной и неважной глупостью. Я стал чётче осознавать себя и свои действия.

Кирилл улыбнулся в ответ и одобрил:

- Так-то лучше.

Мы подошли к подъезду, Кирилл набрал код на электронном замке и дверь открылась.

- В лифте не поедem, - бросил он, и мы пошли по ступенькам.
- Какой этаж, хотя бы? - осведомился я — уже давно не приходилось забираться куда-либо пешком.
- Тринадцатый, - небрежно ответил Кирилл, чем вызвал у меня приступ каприза.
- Тринадцатый?! Давай лучше на лифте!
- Просто понаблюдай... - отрезал он и, перешагивая через одну ступеньку, бойко бросился вверх по лестнице.

Мне только и оставалось что перестроиться и следовать за ним. Удивительно, но процесс подъёма, когда я наблюдал за собой со стороны, доставлял мне удовольствие. Я чувствовал, как напрягаются мышцы в ногах, как дыхание учащается по мере увеличения нагрузки — и всё это мне жутко нравилось, потому что я чувствовал, что живу.

Мы поднялись на этаж и подошли к массивной коричневой двери с кожаной обивкой, но без номера. Кирилл выглядел совершенно свежим и абсолютно не запыхавшимся — дыхание его было ровным и спокойным, в отличие от моего — мне никак не удавалось прийти в себя. Он посмотрел на меня с усмешкой, покачал головой и, ткнув в звонок большим пальцем правой руки, проговорил:

- Брось ты эти свои штучки! Хватит уже играть в несчастного замученного человека! Просто дыши!

С его слов всё всегда было очень просто и незамысловато. Просто дыши! В этом был весь Кирилл. Просто дыши! Просто иди! Просто ешь... Всё очень просто...

За дверью послышались щелчки, после чего она отворилась и за ней появился человек в инвалидной коляске.

- Серёга, дай ключи от крыши, - даже не здороваясь и не представляя нас, попросил Кирилл. Серёга кивнул и поехал искать ключи. А у меня при слове «крыша» сердце ёкнуло.
- Какая ещё крыша?! Ты чего, с ума сошёл? - полушёпотом стал возмущаться я. - Я не полезу на крышу!

Кирилл, чуть склонив голову в мою сторону, тихо проговорил:

- Чем больше негатива ты посылаешь миру, тем сильнее получишь по башке. Миру проще избавиться от тех, кто возмущается условиями игры, нежели изменить эти условия.
- Что за бред? - не понимал я. - При чём здесь это?! Я тебе говорю о том, что на крышу не полезу!
- Просто понаблюдай, - с досадой в голосе в очередной раз проговорил Кирилл.

Сергей вернулся и, не говоря ни слова, протянул Кириллу ключи. Тот их в свою очередь молча взял и направился вверх по лестнице, дёрнув меня за рукав:

- Давай за мной.

Стараясь отмахнуться от мысли про крышу и врождённую боязнь высоты, я, причитая и поругиваясь, направился за ним. Сергей скрылся в квартире и закрыл дверь.

- Скажи, пожалуйста, - вдогонку Кириллу кинул я, - а тот факт, что Сергей инвалид как-нибудь связан с крышей? - но ответа на свой вопрос не получил — Кирилл, ничего не замечая, целенаправленно шагал вверх по ступеням.

В конце концов мы добрались до маленькой дверки с новеньким замком, висящим в петлях. Кирилл ловким движением засунул ключ в замок и открыл его, снял и повесил на гвоздь, вбитый в стену слева, отворил дверь и вылез на крышу. Мне ничего не оставалось кроме как последовать за ним.

Под ногами хрустели камни за каким-то чёртом разложенные по всей поверхности ровным слоем, на улице хорошо и свежо, и на удивление спокойно — никакого ветра, никакого шума, только тучи медленно и лениво плыли по темнеющему небу.

- Ну, и зачем мы здесь? - нехотя спросил я, чувствуя что-то неладное. Мне не нравилась как сама идея пребывания на крыше, так и идея быть замеченным на крыше и ещё более всего этого — идея свалиться с крыши...

Кирилл подошёл к самому краю и, без каких-либо комплексов поглядывая вниз, подозвал меня движением руки.

- Тебе не кажется, что после пива несколько опасно стоять у самого края? - заметил я, чем вызвал усмешку со стороны Кирилла.
- Кому-то опасно стоять после пива, а кому-то — до...

Он хитро взглянул на меня, после чего продолжил:

- На самом деле, стояние у края — это прекрасный пример работы с сознанием и контролем над ситуацией.

Я не хотел приближаться к нему, так как ожидал какого-нибудь подвоха, да и просто было страшно подходить так близко к краю крыши шестнадцатизэтажного дома...

- Давай, давай! Если залез на крышу, будь готов подойти к краю! - философски изрёк он.
- Вообще-то ты меня сюда затащил — я бы никогда в жизни сюда по своей воле не сунулся.

Кирилл косо глянул на меня:

- Детская травма? Тебя какая-то девушка затащила силой на крышу и изнасиловала?

- Если бы изнасиловала, навряд ли это была бы травма, - отшутился я в ответ и, стараясь замять разговор, медленно с опаской пошёл к Кириллу.
- Посмотри на город, - показал он вперёд. - Согласись, что в такие минуты ты чувствуешь себя тем, что ты есть на самом деле — мелким прыщиком на попе Земли.

Я подошёл к краю и лишь нервно хмыкнул в ответ. Его иногда несло на философию и романтику, но обычно эти моменты длились недолго, и после них он всегда выкидывал что-нибудь этакое. Поэтому я уже ждал какого-нибудь подвоха.

- Ты меня затащил сюда для того, чтобы поговорить о видах на город? - осторожно спросил я, глянув в его сторону.
- Ромка, ты меня вообще за кого принимаешь? По твоему я буду тратить своё драгоценное время на демонстрацию подобных очевидных вещей? Я же тебе уже говорил: каждый момент, каждую секунду человек может чему-то научиться... И сейчас мы с тобой научимся одной очень интересной вещи, связанной с линиями, которую ты до сих пор делал неосознанно...

Кирилл хитро улыбнулся, испытующе глядя на меня, ожидая, по-видимому, какой-то реакции, а затем, совершенно неожиданно в одно мгновение очутился у меня за спиной и сильно толкнул.

Сердце замерло, дыхание спёрло, руки разлетелись в стороны, а из груди сам собой вырвался крик, я полетел через край. Меня начало переворачивать в воздухе, я потерял ориентацию и, набирая скорость, с жутким ором устремился к земле. Перед глазами замелькали образы, связанные с моей и не только моей жизнью: люди, с которыми я был знаком, люди, с которыми был знаком не я, вещи, события...

- Ты когда-нибудь задумывался о выражении «вторая половинка»? — неожиданно спрашивает у меня Кирилл...
- Скажите, а вы ставите автоматы по своему курсу? - задаёт мне вопрос студент, сидящий на четвёртой парте слева...
- Займись лучше клубом каким-нибудь подпольным. Теория заговора и мизантропия у тебя в крови, - подмигивая произносит Кирилл...
- Ромочка, у меня есть тебе сюрприз, - таинственно произносит Наташа и распахивает свой шёлковый халатик...
- Тебе тоже кажется, что шарики чёрные, да? - с улыбкой спрашивает меня милая девушка, сидящая в кресле справа.

И в этой чехарде несвязных бессмысленных обрывков жизни, неожиданно всплывает совершенно спокойный и размеренный голос Кирилла:

- Просто понаблюдай...

И за долю секунды до столкновения с самой землёй что-то происходит внутри меня, я моргаю и неожиданно замечаю, что стою на краю крыши.

Ветер дул в лицо, приводя меня в чувства, Кирилл стоял справа и, самодовольно улыбаясь, ждал моей реакции.

- Что за чёрт? - только и смог произнести я сдавленным голосом. Ощущение свободного падения не хотело покидать меня, сердце всё ещё бешено колотилось,

дыхание сбивчивое, все мышцы напряжены, однако постепенно стало приходиться ощущать то, что всё это мне только что привиделось.

- Молодец, - похвалил Кирилл, - ты успел.
- А что было бы, если б не успел? - возмутился я, взглянув шокировано на Кирилла.

Кирилл неопределённо дёрнул плечами:

- Наверно, разбился бы.

Чувство реальности стало возвращаться, сердце — успокаиваться, и за всем этим произошедшее, как бы естественно оно ни выглядело несколько секунд назад, стало превращаться в сонную дымку. Кирилл, судя по всему, заметил эти перемены во мне, поэтому, не давая мне дальше уплыть в эту сторону, проговорил:

- Сейчас твоё сознание старается выстроить воспоминания о прошедших событиях так, чтобы подчинить их привычному описанию, которое в тебя заложили с детства. Для того, чтобы стать по-настоящему свободным, тебе нужно изменить этот механизм и научиться осознавать мир вокруг себя, научиться всё время наблюдать и не давать никакой оценки происходящим событиям...

Я хмыкнул в ответ:

- Банальщина! Ты ничего нового не говоришь! Я до тебя уже всё это слышал и ни раз...
- Молодец, - нейтральным тоном ответил он. - И что в твоей жизни изменила эта банальщина? Или ты считаешь, что, если ты всё это уже слышал, то можешь просто откреститься от него фразочкой: «ничего нового» – и никаких действий не предпринимать?.. Какие выводы ты из всего этого для себя сделал?.. Какие меры принял?

Я глубоко вздохнул.

Конечно же, он был прав. Да, я это всё уже слышал и читал, и видел, и ни раз, и не только с его подачи... Я и сам подобные вещи уже много раз втирал своим студентам, втолковывал своим знакомым, объяснял друзьям..., я о них даже статьи писал... но сам-то, как оказывается, действий реально никаких не предпринимал, потому что «всё это уже знаю», потому что «банально»...

- В общем, не теряй концентрацию, наблюдай, - разбил повисшую паузу Кирилл, после чего властно проговорил: - Попробуем ещё раз, - и снова столкнул меня с крыши.

Я потерял равновесие и с жуткими криками, с разрывающимся сердцем, паникой в глазах, раскинув руки, опять полетел вниз...

Дорога домой

Игорь

После тех странных событий прошло пару дней. Я уже освоился со своей новой-старой жизнью, хотя какое-то подспудное чувство того, что она не моя, не покидало. Сердце подсказывало, что на самом деле я всё ещё работаю в банке, что действительно где-то я познакомился с Ваной, и мы стали очень хорошими друзьями, а самолёт тогда не разбился — то была всего лишь неудачная шутка капитана корабля... Однако, возвращение в привычный ритм, к привычным друзьям, коллегам: к Диме, к Сергею — всё расставило на

свои места. На самом деле я руководил проектом, который уже работал несколько недель, привлёк к себе внимание большой аудитории и скоро должен был выйти на новый уровень.

Однако события тех моих дней существенно повлияли на меня, настроение моё свалилось в какую-то дикую яму, и все эти несколько дней я ничего с ним не мог поделаться. Я отключал внутренний монолог, я забивал свою голову какими-нибудь делами, я искал спасение в разных случайных отношениях, я даже пару раз напился до беспамьяства — лучше не становилось. Всё равно в душе было пусто, а чувства неправильности и нереальности этого мира возвращались ко мне снова и снова. Ощущения, как я не старался управлять ими, притупились, восприятие мира стало более серым и обыденным, всё валилось из рук. Казалось, мир медленно, но верно стал рушиться. Впрочем, я не сдавался, пытаюсь найти новые выходы из этой ситуации. Мысли о том, что надо бы встретиться с Кириллом или хотя бы с Ромкой, стали посещать меня всё чаще и чаще, но я пока не решался признать, что мне нужна чья-то помощь.

Что касается «союзника», то он перестал меня беспокоить — как будто вместе с унынием и депрессией ко мне вернулся мой прежний рассудок, и вся эта чертовщина, терроризировавшая меня последнее время, просто исчезла.

В очередной попытке убежать от своего унылого состояния, я уехал в центр города и гулял вдоль набережных, сидел на ступеньках причалов, погружённый в себя. С этим депресняком, беспардонно навалившемся на меня, надо было срочно что-то делать, но, к сожалению, выхода я пока не видел, поэтому просто гулял, копаясь в своих воспоминаниях.

Во время прогулки по Марсовому полю, в голове стали всплывать смутные образы из моего студенчества, когда в одну из таких же тёплых светлых ночей я гулял с девушкой Алиной. По мере вспоминания деталей, образы стали принимать всё более и более реальные очертания. Её рука с тонкими пальчиками и длинными ноготками в бесцветном лаке, тонкий, едва уловимый запах её длинных волос, шорох красного песка под ногами, разговоры обо всём, лёгкий вечерний воздух, лёгкое настроение, аромат сирени. Идём через Марсово поле от Летнего сада в сторону Эрмитажа.

- Я не понимаю, как можно не любить собак! - заключает она после длительной беседы. - Они же такие преданные, такие добрые.
- Всё так, конечно, - отвечаю я и поглядываю по сторонам, - но собака не должна жить в квартире с человеком, если только человек не живёт в своём собственном доме на земле, с высоким забором, колючей проволокой и специальной будкой с цепью... А иначе это вечная грязь и беспорядок, да ещё и адская жизнь для бедного животного, - неожиданно я замечаю на горизонте знакомую фигуру. Не уж то это Анжела?!
- Адская? Это каким же образом? - возмущается Алина. - Кормят, гуляют, причёсывают, ухаживают, любят... Адская — это как раз посадить на цепь и кости бросать...
- Ну, с цепью я, конечно, переборщил, но посуди сама: тебе понравилось бы ходить в туалет исключительно в заданное время, два раза в день? - с ухмылкой парирую я и поглядываю с опаской в сторону той самой фигуры, которая действительно по мере приближения становится Анжелой. Та меня замечает и, краснея, направляется в мою сторону. Что-то будет...
- Ну, может быть, это неприятно, да, - нехотя соглашается Алина, - но, ведь, еда,

уход...

- Да, да, - на автомате отвечаю я, а в голове быстро пытаюсь найти отходные пути и варианты объяснений. - Только это всё должно быть в доме на земле...

Анжела подходит к нам, плана как не было, так и нет.

- Привет, Игорь, - она чуть наклоняет голову и поднимает брови, после чего переводит взгляд на Алину и измеряет её снизу вверх, оценивая стоимость её одежды и вкус.
- Привет, - делано приветливо отвечаю ей я.
- Привет! - с ноткой ревности говорит Анжела Алине, протягивая руку, - Я девушка Игоря.

Алина замирает и бледнеет, медленно убирая свою руку. Не дождавшись рукопожатия, Анжела опускает руку.

- Как девушка? - Алина переводит взгляд на меня и вопросительно смотрит. - Ты же мне сказал, что вы расстались...

Я молчу, нет слов. Трус... Мне, как и большинству людей, боязно отвечать за совершённые действия. Надеюсь, что само рассосётся...

- Игорь? - с напором спрашивает Анжела.
- М? - безвольно мычу я.
- Ты опять? - с укором и агрессией замечает она.

Алина смотрит уже на нас отстранёно, она уже не со мной, она уже не скрывает своего возмущения и досады, но не вмешивается. Анжела продолжает разборки:

- Ты мне что говорил? Ты мне что обещал?..

Алина не выдерживает этой сцены и с назревающими слезами на глазах бросается прочь от нас.

Я ей столько всего рассказывал, я ей столько всего разрисовывал, я ей столько всего обещал... и тут все эти построенные мною замки смыло нахлынувшей водой...

И с Алиной я с тех пор больше не встречался...

Я остановился и посмотрел по сторонам. Что-то в этих моих воспоминаниях не состыковывалось. Я прокрутил всю эту картину в своём воображении несколько раз, подошёл к бордюру и сел на него. Алина, руки, сирень, Анжела, сцена, замки... Алина! Мурашки пробежали по коже, а на лбу от неожиданности выровнялись все складки задумчивости.

В этой сцене у меня две Алины!

Одна живая, настоящая, дышащая, та самая, единственная и неповторимая, которую я тогда с такой лёгкостью выкинул из своей жизни. Та самая, благодаря которой жизнь моя наверняка обрела бы свои яркие неповторимые запахи, звуки, краски... хоть и на небольшой промежуток времени... Живая Алина, настоящая. Та, с которой я, скорее всего, был бы счастлив...

Но одновременно с этим передо мной, в моих воспоминаниях, стоял образ совершенно пустой Алины — как будто оболочки, а не человека. Алина без души, Алина бездумная проекция, Алина без огня в глазах. Та, которую действительно можно было совершенно

спокойно отпустить, ради которой и вовсе не стоило тратить время... разве только для развода на секс.

Но как же они обе уживались в моём мозгу всё это время? Как эти две, абсолютно противоположные сущности вообще могут сосуществовать в одном и том же мире?.. Может, их вообще не существовало? Откуда я вообще знаю хотя бы одну из этих Алин?!

Я встал и в задумчивости начал бродить туда-сюда по Марсовому полю, опустив взгляд в песок, пытаюсь найти ответ на эту загадку.

Может быть, я ошибся? Может быть, мне просто показалось? В конце концов, когда это всё было? Лет пять назад? Или вообще не было?! В этот момент разум у меня размножился и предлагал совершенно разные точки зрения, считая их все верными.

Алина была бизнес-консультантом, я с ней познакомился, когда работал в банке. Она вошла в мой офис, предлагая стратегию продвижения нашего интернет-проекта «.». Я в тот момент шёл по улице и совершенно случайно натолкнулся на неё, зачитавшись книгой Сэмюэля Беккета «Уотт». Впрочем, я не был с ней знаком никогда. Что из этого реально, а что нет? Кажется, во мне было несколько версий прошлого, но какая из них верная было непонятно.

До четырёх утра я ходил как неприкаянный по полю, пытаюсь разобраться в этой странной ситуации, сделал пару кругов вокруг здания Ленэнерго, после чего, так и не найдя ответа на свой вопрос, решив, что всё равно своими шатаниями в ночи я ничего сделать не смогу, вернулся к своей машине, завёл её и поехал домой. К тому же, какой смысл копать в прошлом?! Нужно двигаться вперёд, не давая прошлому себя поглотить.

Тем не менее, я уже не мог увернуться от очевидной мысли о том, что мне явно нужна помощь — одному мне никак не справиться со своим состоянием. В этой ситуации у меня фактически был только один выход — вернуться домой и лечь спать, для того чтобы на утро позвонить Ромке или Кириллу и попросить о помощи... Скорее Кириллу — Ромка-то вряд ли знает, в чём дело. Он вообще, возможно, о линиях и переходах ничего не знает...

Состояние моё после всего произошедшего за тот день было очень подавленное. Я был где-то глубоко в себе и управлял машиной на автомате: переключение скоростей, объезд ям, превышение скорости на 300 — 500 рублей, остановки на светофорах... Стало светать, когда я подъехал к мосту Петра Великого, неожиданно зазвонил мобильник. Кто бы это мог быть в столь ранний час? В таком же полудрёме я ткнул на кнопку громкой связи и жёстко ответил:

- Да.
- Игорь, привет, - раздался усталый и потерянный голос Ромки. - Слушай, срочно нужна твоя помощь...

Сюрприз

Ромка

Я приземлился на ноги, с чуть согнутыми коленями, для того, чтобы смягчить падение, после чего сразу же как сжатая пружина резко расправился, оттолкнулся от земли и, не тратя ни секунды даром, продолжил бежать. Сердце бешено колотилось, дыхание тяжёлое, хотя всё ещё более-менее ровное, весь организм как натянутая тетива лука, в висках стучало, в голове от одной большой в разные стороны разбегались мелкие мысли.

Ну, и сюрприз меня ждал в три утра! Кто бы мог подумать, что он начнётся жёстким

приветствием «Роман Юрьевич?», произнесённым тремя парнями сомнительного вида в спортивных костюмах, а закончится вот этим. В голове не помещается, как же моя безобидная статья могла кому-то насолить, но факт остаётся фактом: тема рабства и свободы, всё то, что тогда появилось в файле, всё то, что я тогда обработал и опубликовал на сайте Игоря, кем-то была воспринята неадекватно и названа экстремистской, а со мной было указано разобраться. Ну, что за маразм?! Такого же не бывает в реальной жизни! Жалкая статья на развивающемся сайте, посещаемость которого едва ли составляет даже тысячу человек в день! Да кому он сдался?! Да кому сдался я со своими потугами на философию?!

Тем не менее, теперь я бежал от этих парней, стараясь выкроить хоть сколько-нибудь времени для того, чтобы взять себя в руки и предпринять что-нибудь для изменения всей этой ненормальной ситуации.

«Давай же, Ромка! Собери другую линию, ту, на которой у тебя нет таких проблем!» - пытался внушить себе я на бегу, но сделать этого не получалось — я просто никак не мог сообразить, как же оно делается. Я знал, что переход возможен, я знал, что могу перейти на другую, более адекватную линию, но не знал, как переставлять ноги... Надо было хотя бы найти какое-нибудь безопасное место для того, чтобы перевести дыхание — возможно тогда я смог бы собраться и что-то предпринять.

Бросив взгляд назад, убедившись, что расстояние между мной и этими увеличивается, хотя и незначительно, я собрался с силами и поднажал, вкладывая в каждый шаг сверх своих возможностей.

Ещё в детстве тренер по лёгкой атлетике меня научил тому, что, когда у человека больше нет сил и энергия кончается, то он может за счёт собственной силы воли свернуть ещё пару гор. Поэтому и сейчас я знал, что могу оторваться, знал, что могу сделать больше и за счёт воли делал, хотя сил уже практически не оставалось...

Поворот налево, прыжок через кусты левой ногой вперёд, закрывая лицо руками от веток низких яблонь... приземление... пружина.

— Вот сволочь! Догоняй его, - доносились до меня голоса сзади.

В тот момент, у входа в мой подъезд, когда один из них достал нож, я понял, что единственный безопасный выход из всей этой абсурдной ситуации находится где-то вдалеке от этих троих, надо делать ноги. Я бросился левым локтём в грудную клетку самого низкого из этой троицы, сбив его с ног, и полетел по направлению от них, с максимальным ускорением, на которое я был способен...

Продираясь через сад с деревьями, стараясь особенно не сбавлять скорость, я искал возможные точки для укрытия, понимая, что долго так бегать от этих не смогу.

Сзади послышался треск веток и матюги — нагоняющие уже добрались до сада. Практически сразу же после этого справа от меня раздался удар о дерево — это один из преследователей кинул в меня камень, размером с куриное яйцо. Слабовато и косовато. Я даже не вихлял... При первой же возможности, не дожидаясь следующего камня, я бросился снова влево, забегая в очередной двор, и кинулся, ведомый неизвестной силой, ко второму подъезду, распахнул по счастливой случайности незакрытую кем-то дверь с кодовым замком, захлопнул её за собой и полетел вверх по ступеням. Только долетев до пролёта между третьим и четвёртым этажами я остановился и с опаской, со сбивчивым дыханием, подошёл к окну и сел на корточки, осторожно выглядывая наружу.

Сердце колотилось в висках, волосы намокли, спина вся в мыле, жарко, ноги дико

зудели, уже почти больно дышать, кислорода жутко не хватало, в голове от такой непривычной нагрузки туман.

Слава богу, эти не видели, в какой именно подъезд я заскочил, и теперь бродили по двору переговариваясь и пытаюсь меня отыскать. Самый высокий из них в сердцах пнул невысокое вишнёвое деревцо, которое от удара затряслось. Я обессиленный свалился на пол и прислонившись спиной к стене, выкрашенной в тёмно-зелёный цвет, стал приходить в себя, тяжело дыша, закрыв глаза и упершись затылком о стену.

– Это они тебя ищут? - спросил меня детский голос.

Я резко повернул голову вправо, к источнику звука. Передо мной стояла худая девочка лет двенадцати с чёрными как смоль волосами, яркими чёрными бровями, точёными чертами лица, чёрными глазами и тонкими губками. На ней были белый в красных сердечках сарафан с рюшечками и мягкие тапки в форме оранжевых лисичек, косящих глазами и показывающих языки.

– Да, меня, - не стал я врать и вопросительно посмотрел на девочку.

– А почему? - удивилась она.

Я глубоко вздохнул, прикрыв на пару секунд глаза, и ответил:

– Кажется, я что-то сделал не так.

– Ты совершил преступление? - с недоверием в голосе наивно спросила она.

– Нет, что ты?! - стал уверять я, но осёкся и в задумчивости, неуверенно продолжил.
- Ну, возможно, кто-то считает, что я совершил преступление. Но я бы никогда не подумал о том, что могу таким образом сделать что-то не так.

– Ты же не вор? - с опаской спросила девочка.

Я рассмеялся и добродушно ответил:

– Да нет! Какой из меня вор, что ты?! Я просто написал одну вещь, которую почему-то неправильно поняли.

– Кто неправильно поняли? - с вызовом спросила девочка.

Я задумался, в очередной раз перевёл дыхание, почувствовал, что всё во мне уже постепенно приходит в норму, и ответил:

– Пока что я и сам не знаю, но мне нужно будет выяснить, - я ещё раз выглянул в окно. Моих преследователей уже не было видно.

– Может быть, тебе и не стоит узнавать? - раздался наивный голос девочки за моей спиной.

– Ну, мне же надо будет как-то решить эту проблему, - поучительно ответил я и повернулся к ней, но к моему удивлению, её уже не было. Я встал в полный рост и прошёл на лестничную площадку. - Эй?! Ты где?

Но никто не отвечал, лишь эхо разбегалось от моего голоса в разные стороны. Девочка как будто растворилась в воздухе. А, может, она мне привиделась? Да, пожалуй. И действительно: что будет делать девочка, одна на лестничной площадке в четыре утра? Абсурд. Я потряс головой, отгоняя все мысли на эту тему. Сейчас было важнее решить, что же делать дальше. Кажется во время забега ко мне пришла гениальная по простоте мысль о том, что у этого неожиданно возникшего сюрприза есть простейшее решение —

надо всего лишь собрать линию, на которой моя статья не вызвала такой реакции. Как просто! Но как же это сделать и самое главное — как понять, что ты перешёл на эту линию? Если нет уверенности в том, что осуществить переход удалось, как ты сунешься к себе домой? А, вдруг, тебя кто-то опять поджидает у подъезда... Все мысли постепенно сводились к тому, что надо найти временное укрытие, в котором можно было бы помыться, привести себя в порядок, и из которого можно было бы «прощупать почву» и попытаться осуществить переход. Но куда же мне податься?

Я достал из кармана штанов мобильник и начал копаться в адресной книге.

Кирилл. Набрал. «Телефон абонента выключен или находится вне зоны...»

- Чёрт! - со злобой выругался вслух я и продолжил искать решение в своей адресной книге.

Из альтернативных вариантов были друзья родителей, Дима или Игорь. И кто же из всех них может меня хоть как-то понять и хоть чем-то помочь? Глупый вопрос.

Я набрал Игоря.

- Да, - резким деловым голосом бодро ответил он, как будто даже и не думал спать в столь ранний час.
- Игорь, привет, - проговорил я в трубку, шатаюсь по лестничной площадке туда-сюда, посматривая в потолок и потирая шею левой рукой. - Слушай, срочно нужна твоя помощь...

Передышка

Рома, Игорь

- Я на месте, въезжаю во двор, - раздался в трубке сухой голос Игоря.
- Окей. Как подъедешь, я тебе скажу.

Игорь лишь хмыкнул в ответ. Был бы он на моём месте, навряд ли хмыкал бы. Пока я сидел и ждал его приезда, я заметил, что эти трое никуда не делись, а стали патрулировать территорию, чувствуя, что я где-то рядом. Поэтому момент моего выхода из подъезда неожиданно стал очень ответственным и рискованным — всё, что угодно могло случиться за несколько секунд, в течение которых мне предстояло добраться до автомобиля.

Я сидел у окна и следил за тем, что творится во дворе. Преследователей не видно — то ли выжидают внизу, у подъезда, то ли всё-таки пошли пивка попить... Из домов тем временем по одному начали выбираться заспанные люди, собирающиеся на работу. Утро потихоньку начало набирать свои обороты.

Я жутко устал и часто зевал, оно и понятно — вся ночь с приключениями: вначале эти прыжки с крыши, потом погоня, теперь вот небольшая передышка и вскоре предстоит очередной забег...

Наконец, справа медленно-медленно вылезла Сузуки Игоря.

- Стой. Я тут. Приготовься, сейчас выйду.
- Угу, - устало ответил Игорь, а машина затормозила.

Я торопливо спустился на первый этаж, подошёл к двери и остановился. Держа руку на кнопке для открытия двери, я глядел в пол и собирался с мыслями и силами, готовясь к своему выходу, переводя дыхание, сбитое переживаниями. Сердце стало колотиться

быстрее, кровь хлынула к лицу. Вся нависшая надо мной угроза приняла практически осязаемые очертания.

Раз...

Я выбегаю, а они уже тут как тут: один бьёт под дых, другой заламывает руку, Игорь выскакивает из машины, но тут появляется нож, сверкает лезвие, что-то тёплое течёт из живота, они удирают со всех ног... Игорь бросается ко мне с криками: «Ромка, держись!» - но от меня уже мало что зависит...

Два...

Я выбегаю, они видят меня издалека и, крича: «Вон он, держи его» - бросаются к машине. Я успеваю запрыгнуть внутрь, Игорь вдавливая педаль газа в пол, захлопываю дверь, двое где-то сзади — не успевают, а мы уже летим по узкому коридору из уставленных машин, когда неожиданно впереди нас оказывается третий и кидает в лобовое стекло камень, из-за чего Игорь рефлекторно дёргается и, растерявшись, врезается в припаркованную красную Тойоту «Camri». Эти трое догоняют...

Три.

Нажал на кнопку и бросился из подъезда к машине, открыл заднюю дверь, почти что прыгнул внутрь, закрыл за собой дверь и лёг на кресло. Игорь спокойно тронулся с места.

- Ну, и где твои преследователи? - хмыкнул он.
- Были где-то рядом... Возможно, устали и ушли... а, может, всё ещё тут где-то ходят, - неопределённо, с опаской глядя по сторонам, ответил я.
- Ну-ну. И как же тебя угораздило в такую хрень вляпаться?
- У меня талант, - попытался отшутиться я, осторожно выглядывая наружу из-под своего укрытия. Мы уже выехали из двора, а преследователей так и не видно. - Хочешь, научу? Надо всего лишь написать статью про рабство и выложить её на сайт друга...
- Чего-чего? - наострился Игорь. - Ты хочешь сказать, что из-за твоей статьи тебя попытаются грохнуть?

Я кивнул.

- У меня сложилось такое стойкое ощущение, да.

Игорь нахмурился и задумался. Я сел нормально — мы уже выехали из двора на дорогу, а преследователей наших и след простыл.

- Если это так, то меня сегодня утром на работе, скорее всего, тоже будет ждать сюрприз, - озабоченно произнёс Игорь.

Пауза.

- Да кто ж знал, что на безобидные философствования может быть такая реакция?! - попытался оправдаться я.
- А ты уверен, что это именно из-за статей, а не просто грабёж тёмной ночью? - уточнил Игорь.
- Уверен, - кивнул я. - Один из тех троих сказал: «Роман Юрьевич, это вам за ваше творчество. Думайте, прежде, чем писать такие вещи».

- Дерьмово! - жёстко изрёк Игорь. - Этого ещё не хватало! И чёрт меня дёрнул их разместить...
- Ну, ты же сам их читал, - попытался я воззвать к разуму Игоря. - Там же ничего такого особенного!
- Там экстремизм, - хмуро заключил Игорь, поглядывая на меня в зеркало. - Ты призываешь к свержению существующего строя. Говоришь о том, что люди — рабы этого строя, должны быть свободны и государство не должно их опекать... Экстремизм чистой воды!

Я опешил от такого заявления. От кого-кого, но от Игоря я такого не ожидал.

- Тогда зачем размещал на сайте? - осторожно спросил я.

Игорь только повёл плечами в ответ, покачал головой и хмуро добавил:

- Дурак, что взять?! Я вообще сам не свой в последнее время.

Он увидел в зеркале мой непонимающий взгляд и пояснил:

- Похоже, у меня какие-то серьёзные проблемы с восприятием. Иногда я думаю, что схожу с ума или уже сошёл...

Только сейчас я стал замечать, до чего же усталым выглядел Игорь — я никогда не видел его таким. Вместо привычного, стального Игоря, был человек, запутавшийся в собственной жизни, не знающий, куда идти, не находящий спасения, но тем не менее не желающий принять наличие проблемы, человек, тем не менее, до конца несломленный и сильный. Впрочем, он всегда всем показывал, что силён, никогда не ныл, не жаловался, да и к тому же никогда не признавал своих ошибок, думая что это тоже проявление слабости.

- У меня похожая ситуация, - полушутя ответил я, пытаюсь отвлечь Игоря. - Ещё вчера, например, я был бомжом с суицидальными наклонностями... а сегодня — прыгал с крыши шестнадцатизэтажного дома, после чего — бегал от бандитов, жаждущих сделать со мной что-то противоестественное...

Игорь сделал вид, что не понимает меня, а возможно так оно и было.

- А ощущения того, что вот эта вот жизнь — не твоя, у тебя ни разу не было? - спросил он, уводя взгляд куда-то в сторону, подальше от меня.
- Нет, пожалуй не было. Я совершенно комфортно чувствовал себя в теле бомжа, - саркастически ответил я, но Игорь и на это никак не отреагировал, а лишь серьёзно продолжил:
- А меня уже несколько дней не покидает чувство того, что я мог жить другой жизнью, что, возможно, эта жизнь не моя.
- Тебе не нравится работать над «.»? - удивился я.
- Нет, не в этом смысле. Пока нравится... но такое ощущение, что я в чужой шкуре, что моя родная шкура где-то совсем рядом, а я её упускаю. И если я её не найду, то я перестану быть...

Я наклонился вперёд, поближе к водительскому креслу, посмотрел на Игоря и проникновенно спросил:

- Как думаешь, это может быть связано с линиями и нашими Кириллами?

Игорь задумался буквально на секунда, после чего взглянул на меня искоса и изрёк:

- Безусловно!
- Тогда нам нужно их найти и устроить им разборки! - решительно предложил я.
- Ага, - мрачно усмехнулся в ответ Игорь. - Только надо вначале выспаться и разобраться с той фигнёй, которую ты тут устроил.
- Я устроил?! - удивился я. - Напоминаю, статью ты опубликовал...
- Напоминаю, ты её написал, - жёстко ответил он, после чего как будто взял себя в руки и заключил:
- Ладно. Утро вечера мудренее. Передохнём у меня, а там посмотрим.
- Спасибо, - только и ответил я.

Я откинулся на спинку кресла и стал глядеть в окно, из которого было видно, как город просыпается и собирается на работу.

Игорь включил радио. В машине раздалась песня Робби Вильямса «Feel»: «I sit and talk to god and he just laughs at my plans, my head speaks a language, I don't understand...»

Неожиданность

Игорь, Рома, Дима

Мы доехали с Ромкой до моего дома примерно за полчаса. Я был практически убитый и жутко хотел спать, хотя обычно после подобных бессонных ночей у меня как будто открывалось второе дыхание — я мог ещё работать в течение часов десяти, перемежая прогулки до туалета с чашками кофе. Но в этот раз сил у меня не было уж с самого начала дня.

Ромку я разместил в гостиной, на раскладывающемся диване, выдал ему простыню, подушку и одеяло, а также банное полотенце, чтобы он утром мог самостоятельно по мере надобности привести себя в порядок. Сам же практически сразу после этого, сказав только «спокойного утра», удалился к себе в комнату, скинул одежду и завалился спать. Хаотические мысли, посетившие меня перед началом сна, быстро закрутились, приобретая более осязаемые очертания, после чего превратились в тёмную кашу. В этой каше я прибывал несколько часов. Только уже под конец сна мне стало видеться что-то более очерченное. Я шёл в кандалах по пустыне и волочил за собой тяжёлый металлический шар. Солнце палило и нагревало и без того горячие цепи. Я переступал через себя, преодолевал боль от кандалов и усталость, и уже чувствовал, что конец близок. И тут неожиданно появился Ромка в спортивном костюме, бодро бегущий в том же направлении, что и я. Он немного сбавил скорость, посмотрел с ухмылкой на меня и изрёк:

- Хочешь быть свободным, будь им.

От этой наглости я рассвирепел — схватил медный шар и с криком кинул его в Ромку, но, к сожалению, промазал. Он же на это лишь просто ответил:

- Никто кроме тебя самого не сделает тебя свободным. Надо только захотеть.

После этого он стал набирать скорость и быстро удаляться по каким-то невидимым ступеням в небо.

Весь сон резко прервался звонком мобильного телефона.

Продирая глаза, я посмотрел на экран. Это был Дима.

- Игорь, привет!
- Да, да. Привет, - ответил я.
- Тут у нас неожиданность...
- Что там ещё? - сквозь сон пробубнил я в ответ.
- Налоговая...

Вот те нате! С какого перепугу?! Ищут что-то? Может, это всё из-за Ромки и его дурацкой статьи?!

- Вот блин! Чего хотят?
- Денег, конечно же, - заговорщическим голосом ответил Дима. - Но говорят, что мы там какие-то НДСФЛ не заплатили.
- Бред! - выругался я и встал с кровати. - Мы все налоги и поборы исправно платим... Просто действительно взятку тянут. Ладно, через час буду. Попроси, чтобы не расходились.

Я встал с кровати и направился на кухню. Судя по тому, как было тихо в квартире, Ромка ещё спал. Стараясь особенно не греметь, я вскипятил воду, достал два пакетика чая «Greenfield», две чашки, из холодильника хлеб, масло, колбасу и сыр, и забабахал несколько бутербродов. Буквально минут через 5 — 10 после этого открылась дверь из гостиной и весь заспанный, лениво потягиваясь, выполз Ромка.

- Чего не спишь? - охрипшим утренним голосом спросил он. - На работу надо?
- Надо, конечно... но я бы ещё поспал, если бы тут не стряслось...

Я показал ему рукой, чтоб садился и присоединялся к завтраку, и налил кипятку в чашки.

- А сколько времени? - морщась и перемежая слова зевками, проговорил Ромка вслух и посмотрел на часы. - Ой, ё! Уже час дня! - после чего уселся за стол, бросил пакетик с чаем в чашку и стал его лениво окунать, ожидая, когда же тот дойдёт до кондиции.
- Налоговая припёрлась. Ищут чего-то... Или кого-то...

Я косо посмотрел на Ромку, а тот поморщился в ответ:

- Думаешь, из-за статьи?
- Возможно.
- Паршиво! - задумчиво заключил Ромка и вытащил пакетик из чашки, сжал его быстро пальцами, выдавив заварку, и бросил на блюдце. После чего потянулся за бутербродом и стал его лениво потреблять.

Я в ответ промолчал.

Ромка остановился на середине своего бутерброда и, проглотив кусок, спросил:

- Опять меня винишь?
- Не то чтобы очень, - заколебался я... - Я, конечно, сам дурак, что на сайт выложил...

Ромка неопределённо повёл головой и продолжил уничтожать бутерброд.

- Я тоже, наверно, был неправ, решив, что такое надо на всеобщее обозрение выставлять, - процедил он через куски хлеба с колбасой.
- Неважно, - обрезал я. - В общем, я минут через, - я посмотрел на часы, - десять — пятнадцать уже уйду, а тебе оставлю запасные ключи от квартиры, окей?

Тот кивнул в ответ. Я сделал глоток кофе из своей чашки. Вкус был бодрящий и пробуждающий.

- Моя квартира в твоём распоряжении, только баб не надо сюда водить.., - пошутил я.

Заспанный Ромка на шутку не отреагировал, а просто ещё раз кивнул и проглотил остатки первого бутерброда.

- Не волнуйся, я постараюсь не задерживаться у тебя. Мне бы переждать пару дней, а там, может, я и к себе домой смогу вернуться...
- Ну-ну, - только и проговорил я в ответ.
- Единственное, мне нужно будет от тебя в интернет выйти, чтоб кое-какие справки навести.
- Компьютер в моей комнате.
- Спасибо.

Пауза.

Я допивал свой кофе, Ромка доедал второй бутерброд, запивая чаем. Болтать особенно ни о чём не хотелось, но о чём-то нужно было...

- Мне тут странный сон приснился, - вспомнил я. - я в кандалах плёлся по пустыни, страдал, а ты меня, вдруг, обогнал и начал надо мной смеяться.
- Как смеяться?
- Ну, что-то типа «Для того, чтобы стать свободным, надо только захотеть». Сам-то налегке бежал, а я прикован к тяжеленному шару...

Ромка хмыкнул.

- Вроде бы, это на меня не очень похоже.

После чего сделал глоток из чашки и рассказал свой сон:

- Я, кстати, действительно во время сна бегал... Только за тенью какого-то человека... Правда, как мне сейчас становится понятно, проблема была в том, что этим человеком, отбрасывающим тень, был я сам, а источник света всё время находился у меня за спиной... А понять это мне никак не удавалось...

Ромка ухмыльнулся своей глупости.

- Может, это что-то значит? - предположил он.
- Возможно..., - неопределённо ответил я, после чего взглянул на часы и заключил, - впрочем, мне уже пора. Пойду одеваться.

Я удалился в свою комнату, оделся, захватил ключи от машины, документы, кошелёк с деньгами... - в общем, собрался. Когда я выходил из квартиры, Ромка уже заканчивал свой завтрак.

- До вечера! - крикнул он из кухни.
- Ага. Пока, - бросил я в ответ и, выйдя из квартиры, захлопнул дверь.

На работе был швахт. Тётка в строгом тёмно-синем костюме, с папкой в руках, расхаживала по офису и что-то записывала. Дима носился рядом, протягивая ей какие-то бумажки. Терроризировала она его, судя по всему, уже долго, и это при том, что Дима о наших юридических документах практически ничего не знал.

- Здравствуйте, - обратился я к ней.
- Здравствуйте, - сквозь зубы недовольно ответила она.

Дима взглянул на меня с облегчением, как на спасителя.

- Игорь Анатольевич, - я протянул ей руку. Она её нехотя пожала и отозвалась:
- Лариса Сергеевна, заместитель начальника инспекции Калининского района.
- Очень приятно, - вежливо ответил я. - А что происходит, Лариса Сергеевна?
- Да вот, Игорь Анатольевич, - с претензией начала высказывать она, - налоги не уплатили за прошлый квартал.
- Быть этого не может, - ласково, но нагло ответил я. - Я все налоги плачу лично и исправно.
- А почему же у нас тогда нет формы номер три за прошлый период?
- Я не знаю, почему у вас нет формы номер три за прошлый период, - не испугавшись, ответил я. - Может, вы форму номер три за прошлый период съели? А, может, выкинули, или вовсе потеряли?.. Зато у меня все ходы записаны!

Я прошёл к своему столу, открыл ящик и достал оттуда папку. Пролистав её до нужной страницы, достал бумажку и протянул ей.

- Вот. Это почтовое подтверждение того, что вы всё получили.

Лариса Сергеевна вырвала бумажку у меня из руки, проглядела её глазами по диагонали, недовольно отдала назад и изрекла:

- Ну, и что. Вы могли эту бумажку подделать. Мы ничего не получили.

С такой наглостью я давно не сталкивался, и у меня внутри всё начало закипать. Какая-то часть меня, очень неприятная часть, стала расправлять крылья и вырываться наружу. Взгляд мой рефлекторно сделался жёстким и подавляющим.

- Как это «подделать»?! - начал с напором наступать я на неё, - Вы что же, меня обвиняете в подделке документов?!
- Игорь Анатольевич, - стала повышать голос она. - Мы ничего от вас не получили, и вас ждёт суд и большой штраф!
- Меня ничего не ждёт, а вот вас ждёт множество проклятий, тяжёлая и болезненная жизнь, полная одиночества и отчаяния за то, что вы пытаетесь из меня вытащить взятку, - я впился в неё глазами как змея в свою жертву.

Лариса Сергеевна старалась не подавать виду, отводила взгляд, но я уже почувствовал, что что-то внутри неё дало трещину.

- Я ничего не тяну, я пришла, чтобы вам помочь, но вы, как видно, помощи не хотите... Значит будем решать всё через суд, без этих ваших проклятий.
- С удовольствием. Да будет суд! - жёстко ответил я.

Она развернулась и направилась на выход, затем, уже у самого дверного проёма, остановилась, посмотрела на меня и с ноткой старой училки заключила:

- Сегодня вы могли все свои проблемы решить быстро и эффективно, но вы выбрали другой путь. Путь ваш теперь будет тернист и полон проблем. Я вам это обещаю.

Она ушла, а мы остались с Димкой посреди офиса с разбросанными бумажками.

- Вот дерьмо! - изрёк он. - Эта тётка мне тут уже несколько часов мозг промывала. Вначале был НДСЛ, потом какие-то пенсионные отчисления...
- Это она просто придиралась. Деньги, наверно, хотела срубить на халяву. Облом!
- А что же теперь будет? - настороженно спросил Димка.
- А ничего. Делаем всё только с официальными бумажками. Хотят судиться, пусть судятся. Я им тёмную устрою!

Я начал прибираться в кабинете.

- По-моему, ты зря так с ней... Жёстко и как-то слишком лично, - задумчиво проговорил Димка.
- Ничего. Переживёт, - отрезал я. - Как там дела со вторым этапом? Послезавтра запуск, помнишь?
- А то! - уверенно ответил Димка.
- Всё готово?
- Ну, так...
- Что значит «ну так»?
- В смысле, всё готово, но я хотел с тобой кое-что обсудить, - замялся Дима.
- Ну? - спросил я.

Дима вздохнул и, набравшись смелости продолжил:

- Если мы хотим, чтобы наш проект был независим и защищён от потенциальных блокировок и захватов, имеет смысл задуматься о том, чтобы сделать код открытым.
- Ты опять о своём Open Source?! - раздражённо бросил я. - Я же уже, кажется, говорил, что нам сейчас не до него. Как вырастем, встанем на ноги, тогда и обсудим.
- Но тогда может быть уже поздно, - грустно заметил Дима.
- Вот тогда и посмотрим. А пока давай сделаем так, чтобы всё было готово ко второму этапу, - настойчиво проговорил я, показывая Димке, что разговор закончен.

Тот грустно вздохнул в ответ и пошёл на своё рабочее место.

Буквально пять минут спустя, когда я только включил компьютер и начал прибираться

в офисе, раздался звонок на мобильный телефон. Звонили с неопределённого номер. У меня появилось неприятное предчувствие. С некоторой опаской я взял трубку...

Скандалная публикация

Рома

Когда Игорь ушёл, я допил свой чай, помыл посуду и задумался. У Игоря было чисто, но при это неряшливо. Руки чесались навести порядок. Но я сдержался — всё равно я не планировал оставаться тут дольше, чем на неделю, а злоупотреблять гостеприимством не хотелось. Поэтому, махнув рукой и переступив через себя, я направился в комнату с компьютером. Надо было расставить все точки над «i» в этом непонятном деле со статьёй. Не могли мои публикации вызвать столько шороху! Не та страна, не то время, чтобы устраивать такое!

Я плюхнулся в кресло у компьютера и включил его. Пока тот загружался, я посмотрел на беспорядок, царивший вокруг него. Справа стояла грязная кружка со следами кофе с молоком, рядом с ней чайная ложечка и обёртки от конфет. Слева — какие-то неупорядоченные листы бумаги, карандаши да ручки. Глубоко вздохнув и закатив глаза, я выдвинул ящик стола слева от себя и смахнул все бумаги и ручки в него, после чего быстро закрыв, стараясь выкинуть дурные мысли об уборке из своей головы. Затем, пока компьютер загружался, я выкинул мусор и помыл чашку с ложкой. Только после этого я смог более-менее спокойно сесть в кресло и углубиться в поиски своих статей и информации о них в интернете.

Конечно же, было неудобно и неуютно. Всё-таки, это не моя привычная квартира, в которой я прожил уже почти десять лет, а квартира Игоря. Компьютер с непривычным софтом, неудобные кресло и стол, мышка не та, коврик. Одежда на мне, опять же, та же, что и вчера, без возможности переодеться. Я понимал, что на то время, пока я собирался остаться у Игоря, мне надо было придумать, в чём ходить, в чём спать, чем чистить зубы, да и вообще, что делать. Но вначале я решил разобраться с загадкой со статьями.

Искать долго не пришлось — живой журнал пестрил информацией о моих публикациях и имя моё (правда без конкретных ссылок) уже активно упоминали даже топовые блогеры. Оказалось, что мои статьи произвели негативное впечатление на чиновников, из-за чего и подверглись резкой критике. Более того Роскомнадзор заблокировал без предупреждения несколько сайтов, опубликовавших статьи, и вынес предупреждение порталу Игоря о том, что при появлении похожих материалов в будущем тот будет заблокирован на всей территории России. Сайт «.» на это ничего не ответил. Всё это было, вроде бы, мне знакомо, но почему-то звучало странно и удивительно. Кажется, я знал о том, что Роскомнадзор такое творит, но какая-то часть меня утверждала, что вообще не знает, что это за организация, и почему она вообще имеет право что-то блокировать в интернете.

На этом моё изучение, однако, не закончилось. Статьи обсуждали. Запретный плод сладок, а эффект Барбары Стрейзанд никто не отменял. Пользователи Интернет перепечатывали цитаты и находили вдохновение в каких-то слабо знакомых для меня фразах и предложениях. Я, вроде бы, действительно это всё писал, но полной уверенности в этом у меня не было. Я как будто раздвоился и не мог сделать выбор, кем именно стать.

С самими же статьями мне удалось ознакомиться только, когда я скачал Тог и зашёл на заблокированные в России страницы. Оказалось, что некоторые мои статьи продолжили свою жизнь самостоятельно — в них появились более резкие фразы и острые примеры, которые я не писал. И при всём при этом я абсолютно точно понимал, что все эти статьи

— творение моих рук. Всё это вызывало ещё больше вопросов, и я понимал, что только один человек в этом мире может мне всё разъяснить...

Я достал мобильник и набрал Кирилла, не особенно ожидая, что тот мне ответит.

- Алло, - мягко ответил он после первого же гудка, как будто держал телефон в руках, ожидая моего звонка.
- Привет! Ты где пропадаешь?!
- Я пропадаю?
- Я тебе звонил, а ты был вне зоны...
- Так ты мне, дружище, звонил глубокой ночью! Естественно, я трубку выключил. Я всегда мобильник на ночь выключаю, специально для таких бестактных типов, как ты — чтобы спать не мешали, - проговорил Кирилл с шутливой интонацией.
- Короче, - обрезал я. - У меня проблемы.
- А я тебе говорил: «у тебя проблемы», «тебя ждёт сюрприз»...
- Да-да-да... Ты много чего говоришь... Лучше расскажи мне, что за чертовщина творится? С каких это пор в стране цензура и с каких это пор за писателями гоняются бандиты с ножами?..
- Как это с каких? - усмехнулся Кирилл. - С начала двухтысячных, когда вы выбрали своего президента!
- Слышишь, приколист, мне не до твоих шуточек сейчас! - собрано, но не зло оборвал я. - Что мне надо сделать для того, чтобы вернуться на свою линию, на которой я был простым преподавателем и писал милые философские статьи, которые никогда никого не интересуют?
- Ну, а я откуда знаю? Я-то чем тебе могу помочь? - с искренним недоумением ответил Кирилл. - Это же ты прыгаешь туда-сюда... Я тебя только могу научить собирать линии, но выбирать их должен ты сам.

Я не верил Кириллу. У него явно были ключи к этому замку, но он не хотел ими делиться. Наверно, как всегда, хотел что-то мне продемонстрировать... Это раздражало. Я сжал кулаки.

- Злись, злись, - раздалось из трубки. - Чем больше злишься, тем в большую задницу погружаешься. Пора бы уже понять, что чем выше ты забираешься по лестнице, тем более совершенным надо быть и тем большая ответственность ложится на твои плечи. Причём, не только за твою собственную жизнь, но и за жизни окружающих...
- Вместо того, чтобы читать мне нотации, - прервал я его, - лучше хотя бы советом помог.

На том конце воцарилось молчание на несколько секунд, после чего Кирилл что-то промычал и решительно произнёс:

- Перепросмотр.
- Чего?
- Тебе нужен перепросмотр.

- Это как у Кастанеды, что ли?
- Да нет же, балда! - небрежно с усмешкой обозвал меня он. - Никаких ритуалов, никаких ящичков и светящихся яиц! Просто сядь и проживи заново те моменты своей жизни, которые тебя цепляют сильнее всех.
- Но это же жутко муторно! - начал капризничать я.
- Тебе нужен совет или возможность пожаловаться на мир?

Я не ответил.

- Тогда для начала достань тетрадь, сядь, выпиши все самые значимые события своей жизни: как тебя побили в третьем классе, как ты первый раз влюбился, как ты сдал своей первый экзамен — всё положительное и отрицательное, а потом сядь и детально пересмотри эти события.

Я уже читал о похожем процессе и даже пытался что-то самостоятельно делать, но моего терпения никогда не хватало на это скучное занятие.

- Конструктор не должен цепляться за жизни своих проекции... Конструктор должен быть свободен! - заключил Кирилл.

Я вздохнул и нехотя поблагодарил его. Мы попрощались и я ещё несколько минут сидел в задумчивости, собираясь с мыслями.

Из этого состояния в реальный мир меня вернул звонок мобильного. Это был Игорь.

- Ну, поздравляю тебя, Рома, - с напором произнёс он.
- В смысле?
- Мне только что звонил один человек из внутренних органов и порекомендовал дистанцироваться от тебя и оборвать все связи. Говорят, ты — экстремист...
- Блин! Да я и сам не понимаю, что происходит! Мне кажется, тут без Кирилла не обошлось... Всё другое, всё не так...
- Ну-ну, - хмуро произнёс Игорь. - Ладно, сейчас тебе нужно поменять номер мобильного и смыться с моей квартиры от греха подальше. Проверь почту, я тебе отправил письмо с инструкциями.
- Спасибо, Игорь!
- До связи.
- Подожди! - Успел я его остановить. - У тебя можно позаимствовать какую-нибудь одежду, а то я в этом хожу уже два дня, да ещё и провонял весь, когда бегал.

Игорь недовольно вздохнул.

- В моей комнате есть длинный шкаф-пенал. Возьми оттуда какие-нибудь простые джинсы и рубашку. Они тебе, конечно, будут слегка великоваты, ну да ничего, переживёшь.
- Спасибо! И ещё: есть какая-нибудь ненужная чистая тетрадь?
- Посмотри в письменном столе и возьми любую, какую найдёшь. Всё. Пока, - и положил трубку.

Я проверил почту, там было письмо от «доброжелателя» с неизвестного электронного

адреса. В письме были зашифрованы в старом нашем студенческом стиле указания к тому, что делать и куда направиться. Игорь явно видел для себя опасность в моём присутствии в его квартире, поэтому направил меня на квартиру к своему товарищу по музыкальной группе — Мише. Быстренько ознакомившись с указаниями, я удалил письмо, затем выдвинул верхний ящик письменного стола и обомлел. Поверх тетрадок, ручек и пакетиков, всего того, что я смахнул несколько минут назад, лежал жёлтый листочек с изображением чёрной точки посередине и с надписью, сделанной чёрной гелиевой ручкой: «Привет спящему из мира сновидений!». Когда-то давно я уже находил похожие листочки в своём столе, и тогда я не смог разобраться с тем, как они туда попали, и что там делали. А теперь я нашёл один из них в письменном столе Игоря. Значит всё-таки тогда это было его рук дело... Вот зараза! А я чуть сума не сошёл... Я чертыхнулся и с досадой покачал головой.

Однако лишнего времени на обдумывание этой мысли не было, я достаточно быстро нашёл чистую тетрадь, ручку, взял джинсы, рубашку, носки и трусы из шкафа Игоря, собрал все эти немногочисленные вещи в пакет, всю свою решительность — в кулак и направился из квартиры Игоря. Больше мне в ней делать было нечего.

Адам и Элла

Дима, Сергей

Во время обеда, на работе, я решил рассказать Сергею об Элле. Я объяснил, зачем она мне нужна, рассказал о встрече с Колей и о его идеях. Сергей, слушал внимательно, не перебивая, пережёвывая свой салат с капустой, морковью и сметаной.

- Почему Элла? - неожиданно спрашивает он, как будто других вопросов у него не возникло.
- Не знаю, - отвечаю, пожимая плечами. - Просто имя показалось подходящим.
- А, я знаю! - неожиданно загорается он. - Это как «Адам и Элла».
- Какие ещё Адам и Элла? - недоумеваю я.
- Ну, эти... из библии!

Я хмыляюсь. Иногда он меня поражал уровнем своих познаний...

- Серёга, там были «Адам и Ева». Как вообще можно перепутать Еву с Эллой? И как ты можешь вообще путаться в таких вещах?! Это же с детства все знают!
- Элла, Ева — какая на хрен разница? - восклицает он. - Мне никогда эти сказки не нравились. Но всё равно возникает закономерный вопрос: где Адам?
- Какой ещё Адам?! - не понимаю я его. - Я же тебе об искусственном интеллекте рассказываю, а ты мне тут про библию что-то втираешь...
- Не, Димка, ты не понимаешь, - философски заключает он, размахивая вилкой. - Я не разбираюсь в этом вашем машинном обучении, компьютерных науках и библиях. Я программист и сексофил. Как программист я понимаю, что у любой программы должна быть цель, а как сексофил, я понимаю, что одному в этом мире не жить.
- Нет такого слова, Серёга, - перебиваю я. Но он на это только немного качает головой в ответ и продолжает.
- Не суть. Суть в том, что тебе нужен ещё и Адам. Одна Элла не справится.

- Не справится с чем? - с долей возмущения вопрошаю я. - Я тебя совсем не понимаю! Зачем мне два искусственных интеллекта?!
- Всё очень просто, - с умным видом изрекает он. - Невозможно жить и развиваться одному. Всегда должны быть такие же как ты вокруг тебя. Жизнь в социуме — это важнейший принцип существования и развития любого организма. Жить одному в изоляции невозможно! Начинаешь свирепеть и разлагаться как личность — это я тебе по собственном опыту говорю.
- Это когда это ты жил в изоляции? - удивляюсь я.
- Да, было дело... ещё до университета, - поморщившись отвечает Серёга. - Ты же знаешь, что я детдомовский... Там всякое было, ну, ты понимаешь?..

Я участливо качаю головой, как будто говорю: «да, понимаю» - но на самом деле не понимаю. Прошлое Серёги — это для меня полная неизвестность.

- Короче, - заключает он. - Если твоя Элла будет одна, то она заикнется на своём существовании и выживании, и будет принимать неправильные решения. Начнёт вести себя агрессивно по отношению к своему окружению. Если же у неё будет кто-то равнозначный, кто сможет подвергать сомнению её решения и действия, поддерживать её, осуждать плохие поступки и поощрять хорошие, то она и вести себя будет совсем иначе.

Я смотрю на Серёгу с удивлением и уважением. У меня кажется даже рот открылся от восхищения. Я совсем не ожидал, что он может выдать что-то настолько глубокое и разумное, настолько полезное. Особенно после этой глупости с Адамом и Евой...

- То есть, ты хочешь сказать, что мне надо разрабатывать сразу два искусственных интеллекта, которые будут общаться и спорить друг с другом? - уточняю я.
- Как минимум два, да. Но не обязательно спорить, не стоит заикливаться только на одной этой твоей Еве...
- Элле...
- Блин! Да ты уже определись: Ева или Элла! - поругиваясь, Сергей засовывает в рот охапку салата, опустошая тарелку.
- Не важно, - только и качаю я в ответ головой. - Я тебя понял. Нужно создавать вид, а не индивида.

Сергей закивал.

- Это очень круто, Серёга! - заключаю я.
- Я знаю, - самодовольно соглашается он. - Ну, что десерт?

Вечером я связался с Колей и рассказал ему об идее с Адамом и Эллой. Он не сразу понял, зачем это надо, и мне пришлось объяснять идею с социумом против индивида. В итоге, идея ему понравилась, и он сказал, что займётся.

Мелкие проблемы

Игорь, Сергей

Я уже чувствовал то нарастающее давление по отношению ко мне. С утра эта тётка, потом звонок из внутренних органов, затем блокировка страниц сайта и угроза вообще полной блокировки на территории России. У нас на это, конечно, были кое-какие

заготовки, но пока идея независимого непотопляемого СМИ была только в планах, до конечной реализации было ещё далеко. Поэтому эти Роскомнадзорские наезды воспринимались болезненно. За этим, конечно же, последовали пинки со стороны непонятных блоггеров о том, что наш сайт работает на Америку и ставит своей целью дестабилизировать ситуацию в стране. Нам предлагали закрыться и не раскачивать лодку. Несмотря на весь этот негатив, было и хорошее — теперь о нас заговорили, мы привлекали внимание разных аудиторий. Отбившись от многочисленных атак только ближе к вечеру, я усталый вернулся домой. Последние деньки выдалась такими, что казалось кто-то пытается меня выбить из себя, лишить сил или взять измором... Не долго раздумывая, я завалился спать.

Мне снилось, что я был маленьким человечком, живущим в больших старых напольных часах с маятником, постоянно размеренно и вальяжно болтающимся по кругу, привлекаемым каким-то центром, какой-то сильной точкой. Я сидел на часовой стрелке, когда почувствовал эту точку и, ведомый собственным любопытством, направился напрямик к ней, перепрыгивая с одной стрелки на другую, цепляясь за цифры и фигурные деревянные завитушки. Но как только я стал приближаться к этой точке, она стала от меня удаляться, как будто обладая собственным сознанием. Я прыгал к ней, а она — от меня. Я подкрадывался к ней, а она медленно отступала. Я обходил слева, а она обходила меня справа. На какие бы хитрости я ни шёл, догнать её не удавалось...

И тут меня осенило: я сплю! Я посмотрел на мир вокруг и тот стал более ярким и чётким. Эти сочные краски! Эти звуки движения маятника! Этот запах лакированного дерева! Всё стало таким живым и естественным, таким простым и понятным. Я посмотрел на точку, и она тоже стала простой и понятной. Не делая никаких усилий, я осознал, почувствовал её всей своей сущностью, и точка сама притянулась ко мне. Точка оказалась тёплой и приятной на ощупь. С ней хотелось быть всегда, её хотелось держать за пазухой и никогда не отпускать, никому никогда не показывать и уж тем более отдавать... В ней была истина! Но затем в голове мелькнула мысль: «Сейчас зазвонит мобильник, и я проснусь» - которая утащила за собой всего меня, вдаль от этой точки. Я протянул к ней руки, пытаюсь ухватиться за неё, но меня как будто что-то оттаскивало от неё за ноги. Я поморщился, мне стало очень обидно, после чего сон разлетелся на мелкие кусочки, разбитый агрессивным звонком.

Я проснулся. Ворча и поругиваясь, дотянулся до мобильного и посмотрел на экран. Это был Сергей.

- Алло. Игорь, привет! - обеспокоенно произнёс он.
- Ага. Привет, - заспано ответил я, не скрывая своего раздражение от того, что меня только что разбудили.
- Чего с Димкой случилось, не в курсе?
- В смысле? - стал быстро просыпаться я.
- В том смысле, что на работу он не пришёл, на мобильник не отвечает... Я подумал, может, он куда-то намылился, может, ты в курсе?
- Нет, вчера мне он ни о чём таком не говорил, - стал быстро соображать я, что же могло произойти и сел на край кровати, потирая лицо ладонью. Злость стала проходить сама собой.
- Это всё очень странно, на него очень не похоже, - заметил Сергей. - Как бы ни случилось чего...

- Слушай, я только проснулся и ни черта не соображаю, а ты меня как веслом по голове этой информацией, - с досадой в голосе процедил я.
- Ну, извини...
- В общем..., - не дал я договорить Сергею, - сейчас в себя приду и что-нибудь придумаю. А ты звони, если что-то прояснится.
- Окей.

Я положил трубку и задумался.

Этого ещё не хватало! Главный проектировщик, фактически технический руководитель проекта, и пропал! Да ещё и в какой ответственный момент! Завтра запускать второй этап, открывать портал для новой аудитории, а Димки нет! Конечно, всё уже должно быть отлажено, должно заработать само, но может понадобится оперативное вмешательство...

Во время завтрака в голову пришла мысль позвонить Ромке и узнать, не в курсе ли он всего произошедшего. Но мобильник Ромки был выключен. Не мудрено — я же сам ему сказал сменить номер. Звонок Мише. Но Миша почему-то не взял трубку. Из вариантов, как найти Диму, оставался один — надо было ехать к нему домой.

Я подъехал к дому Димы в районе полвторого, припарковался во дворе, открыл входную дверь, набрав секретный код «*#3137» на электронном замке, и поднялся по лестнице на третий этаж. Квартира номер 41. Позвонил. Прислушался. Тихо, никто не отвечает. Постучал и опять прислушался. Никаких звуков, никаких признаков жизни. Возможно, он и в квартире, но где-то далеко, и услышать его никак не получается... Помялся немного на месте, пытаюсь сообразить, что же делать, когда неожиданно в голове всплыло воспоминание: мы как-то ездили с ним на рыбалку, и он захлопнул дверь, оставив по рассеянности ключи внутри. На мой вопрос, что же теперь делать, спокойно и даже несколько вальяжно он ответил, что запасные ключи есть у его соседки...

Я подошёл к двери 42-й квартиры и позвонил. Ждать пришлось недолго — буквально секунд через пять раздался шаг, кто-то подошёл вплотную к двери. Сверкнул дверной глазок.

- Кто? - раздался голос пожилой женщины.
- Здравствуйте! Это друг Димы. Игорь. Вы не знаете, с ним всё в порядке?

Раздался скрежет замка, дверь отворилась и на пороге показалась худощавая старушка в стареньком фиолетовом в белый цветочек халате и разношенных коричневых тапочках.

- А! Игорёк, здравствуй! - Клавдия Ивановна всё-таки узнала меня. Я ей улыбнулся.
- А что стряслось?
- Дима на звонки не отвечает, мы с ребятами беспокоимся о нём.
- Ай-ай-ай! - покачала она головой. - Наверно, это всё из-за этой странной девушки, которая бывает у него почти каждый день... - нравоучительно заключила она. - Они уже почти живут вместе, а всё ещё не женаты...

Я был в курсе того, что Дима встречается с девушкой с экзотическим именем «Дагни» и души в ней не чаёт, но о том, что они уже живут вместе, не знал. Я её даже в лицо так и не видел ни разу.

- И часто она у него бывает?

- Так почти каждый вечер приходит, - уверенно, с небольшим недовольством ответила Клавдия Ивановна.
- А у вас случайно нет её контактов?
- А у тебя, что, их нет? - удивилась она. - Ты же его друг...
- Да как-то так получилось, - неопределённо ответил я. - Что я её даже в лицо ни разу не видел.
- Что ж это ты так? - покачала головой старушка. - Не дело! Твой друг, а ты даже его жизнью не интересуешься...

Я ничего на это не ответил, решив не продолжать эту дискуссию.

- Клавдия Ивановна, Дима как-то говорил о том, что у Вас есть запасные ключи от его квартиры. Не могли бы мы заглянуть в неё? Может, Димка просто там спит и ничего не слышит?
- Ключи? А это можно, да! - закивала старушка и направилась внутрь квартиры. - Это можно. Сейчас только достану их... Ага. Вот тут. - Она снова появилась в дверях. - Ну, пойдём, посмотрим.

Мы подошли к 41-й, она покопалась с ключами, разглядывая их формы и комментируя свои действия: «Этот круглый, этот от верхнего замка... Ага. Вот этот. Зубцами вверх» - и открывая замки. Закрыто было на все. Обычно, когда Димка оставался дома, он запирался только на один — на верхний.

Наконец, Клавдия Ивановна открыла дверь.

- Ну, давай... посмотри, сходи, а я тут подожду.
- Спасибо. Я мигом, - поблагодарил я и заскочил в квартиру.

Внутри было непривычно прибрано и чисто. Димка никогда не отличался аккуратностью и опрятностью, а тут явственно чувствовалась женская рука в доме: никаких разбросанных ботинков, никаких грязных носков, никаких раскиданных книжек. Всё чистенько и прибрано. Я прошёл на кухню, прямо так, не снимая обуви. Пустынно, прибрано и сухо. Даже кран не капает. Огляделся по сторонам и прошёл в его комнату, по пути заглядывая в туалет и ванную. Никого.

В комнате — мольберт, краски и несколько картин в левой части (я даже и не подозревал, что он умеет так хорошо рисовать), аккуратно застеленная кровать — в правой, компьютерный стол у окна. Всё чинно, мирно, выключено, в квартире никого. Я подошёл к рисункам и просмотрел их. На одном из них была изображена милая девушка с красивыми живыми глазами. Портрет очаровывал. Этой девушкой хотелось любоваться, не отрываясь. Глаза у неё были как будто намагниченные — тянули к себе. А этот нос, эти щёки, мочки ушей. Нет, нельзя было сказать, что она красавица, но во всём её виде была какая-то живая дерзость и жизнь, какая-то внеземная притягательность. Её внешний вид напомнил мне кого-то, с кем я был когда-то знаком... Но я не смог вспомнить, кого именно, и сделав усилие над собой, положил портрет на место.

Вернулся на кухню и подошёл к холодильнику. Открыл и посмотрел внутрь. Всё работает, внутри — скоропортящиеся продукты, из чего можно заключить, что, Димка тут был недавно. Подошёл к кухонному столу и непроизвольно коснулся его поверхности. В голове моментально всплыло несколько сцен, многие из которых были связаны с сексом на кухне, и только пара — с горячим обсуждением между Дагни и Димой. Что-то

произошло. Она заставила его сделать что-то, чего он не хотел делать... Она всему виной — это очевидно. В задумчивости, гуляя между всплывшими образами и квартирой, я направился к выходу.

- Ну, как, Игорёк? Нашёл что-нибудь? - спросила в дверях Клавдия Ивановна.
- Ничего определённого, - смущённо ответил я. - В квартире его нет, но, кажется, он не планировал её покидать надолго, - после чего, задумавшись на пару секунд, добавил: - А вы не помните, когда видели его в последний раз?
- Помню. Конечно помню. Вчера вечером я его видела. Кажется, он повздорил со своей этой... и она ушла, а он дома остался... Это я помню.
- Спасибо, Клавдия Ивановна! - заключил я и полез в карман за визиткой. - Если будет какая-то информация, можете мне позвонить?
- Обязательно, конечно, - ответственно подтвердила она и, щурясь, стала разглядывать, что же там написано мелким шрифтом на карточке.

Я не теряя больше ни секунды, направился вниз по лестнице, прочь из подъезда.

- Позвоню, обязательно, - крикнула мне в след Клавдия Ивановна.

Сел в машину и ещё несколько минут просто сидел, пытаюсь сообразить, что же могло произойти, и что же мне делать... Не найдя никакого приличного решения, я решил позвонить своему знакомому из МВД и попытаться найти хоть какие-нибудь следы Димки через него. Взял мобильник, но тот неожиданно зазвонил прямо в моих руках. Это опять был Сергей.

- Да, - ответил я.
- Ну, что? Есть что-нибудь? - спросил он.
- Ничего. Я только что был у него в квартире, там пусто, - ответил я, поглядывая в окно машины на дверь подъезда. - Хочу позвонить одному человеку — может, через него что-нибудь смогу разузнать... Может, эту подружку Димкину смогу найти...
- Ты знаешь его подружку? - удивился Сергей.
- Нет, не знаю... Я её даже не видел...
- А её никто не видел, - усмехнулся Сергей. - Мне вообще кажется, что Димка её просто выдумал, чтобы крутым казаться...
- Не, ну это навряд ли, - не согласился я. - Это уже клиника была бы... К тому же, у меня есть ощущение, что я знаю, как она выглядит...
- Как ты можешь знать, как она выглядит, если не видел её ни разу? - возмутился Сергей. - Вот это уже точно клиника!
- Ладно! - пресёк я разговоры. - Потом на эту тему поговорим. Ты пока там свои каналы какие-нибудь включи. Попробуй найти эту Дагни, что ли...

Сергей хмыкнул в трубку.

- Как я могу найти того, кого не существует?..
- В общем, работай, давай! Нам Димка нужен к вечеру этого дня позарез, иначе сроки срываем...

- Ладно. Звони, если чо.
- Ага.

Какой же всё-таки Серёга был недолёкий! Он у меня всегда вызывал чувство неприязни, а сейчас почему-то это чувство только усилилось и трансформировалось в раздражение и злость.

Я поморщился и помотал головой, после чего начал искать номер телефона этого самого доброжелателя, Олега Ивановича. Сам он, возможно, помочь сейчас не смог бы, но через своих же вполне был в состоянии навести какие-нибудь справки по поводу Дагни или даже самого Димы...

- Брось эту затею! - неожиданно раздался в автомобиле до боли знакомый лучезарный, улыбающийся голос. Я поднял голову и растеряно посмотрел по сторонам, однако быстро сообразил, что к чему.
- Блин! Разве я от тебя не избавился?! - с раздражением спросил я.
- Избавился? Зачем избавляться от союзников? Мы же помогаем!
- Ну-ну! И как же ты мне помог? Разве только бесконечной головной болью! Отвали!
- Ты глупенький, - мягко ответил на это «союзник». - Ты же ни разу меня ни о чём не спрашивал, ни разу не просил моей помощи. Как я могу тебе помочь, если не знаю, что тебе нужно?..
- Мне ненужна ничья помощь! Мне только нужно найти Димку! - с раздражением проговорил я вслух, упрямо уставясь в экран мобильного.
- М. А тебе не надо его искать, поверь мне, - уверенно ответил «союзник». - Он сам найдётся и позвонит тебе ровно в 22.44.
- С чего ты это взял? - не хотел я ему верить. - Может, ему сейчас угрожает опасность, и его жизнь зависит от того, как я поступлю?
- Ты слишком много о себе мнишь! - цинично ответил голос в моей голове. - Дима — вполне самостоятельное существо, которое ты недооцениваешь. Да, он сейчас в сложном положении, но именно здесь и сейчас ты ему никак помочь не можешь. Тем более, пока твоя собственная жизнь находится в таком разнузданном и запущенном состоянии...
- О чём ты? - слукавил я. - Я руководитель успешного проекта, от девушек у меня отбоя нет, с финансами всё прекрасно... Где я, а где «запущенное состояние»?!
- Ага, - посмеиваясь ответил «союзник», - то-то у тебя в голове полнейший бардак и притуплено чувство реальности... Вот посмотри на это, - «союзник» как будто взял в руки одну из моих мыслей и недовольно разглядывал её. - Ну, куда это годится?! «Я руководитель успешного проекта! Я очень важен! Я! Я! Я!». Разве такие мысли характерны для сильных мира сего?

Я глубоко устал и вздохнул и неожиданно для себя стал сдаваться. Действительно всё это меня уже выматывало, и я не знал, как справиться с этими неприятностями, как привести свою жизнь в порядок.

- Ну, и что же ты предлагаешь?

- Хм, - изображая раздумья ответил «союзник». - Тебе нужно заняться серьёзно пересмотром своей жизни, привести её в порядок... Однако для начала ты должен признать, что тебе нужна помощь... И, возможно, не помощь Кирилла, а моя помощь...
- Я иногда думаю, что мне нужна помощь психиатра, - с досадой ответил я и завёл машину.
- Психиатр тебя просто причешет под общую гребёнку, поможет потерять свою идентичность и уникальность восприятия... ты уверен, что это действительно помощь, и что она тебе действительно нужна?..
- Нет, наверно, - нехотя согласился я и тронулся с места. - А теперь, пожалуйста, заткнись. Я не хочу с тобой разговаривать. По крайней мере до 22.44.

Я выехал из двора и направился на работу. Времени я уже потратил достаточно, дел ещё было навалом, а «союзнику» просто почему-то хотелось верить — по крайней мере сил для того чтобы напрягаться, искать другие выходы и куда-то ещё ездить, больше у меня не осталось...

Тёмная сторона Дагни

Дима, Дагни, Кирилл

Постепенно отношения с Дагни, столь неопределённые с самого начала, стали выравниваться: с одной стороны я свыкся с её характером, свыкся с ней, столь разнообразной и непредсказуемой, столь мягкой и заботливой, столь жёсткой и самовольной — а с другой стороны сама Дагни стала относиться ко мне по-другому, она подпустила меня к себе. Мы проводили вместе всё больше и больше времени, разговаривали обо всём и абсолютно ни о чём одновременно, при этом понимая, что слова в нашем общении не особенно-то и нужны.

С её появлением жизнь моя обрела более чёткие очертания и определённый смысл. Она стала моим смыслом. Какой-нибудь год назад я и представить себе не мог, что буду фактически жить с любимой девушкой — тогда я даже толком разговаривать с ними не мог и старался их сторониться. А теперь я хотел быть с ней постоянно и уже не мыслил себя без неё.

Дагни уже так часто стала бывать у меня дома и так часто оставалась на ночь, что квартира из холостяцкой постепенно стала превращаться в убранную, чистенькую и ухоженную, практически семейную.

- Дима, ну кто же на столешнице расставляет кастрюли и ровным слоем столовые приборы раскладывает? Что за безобразие?! Это же не эстетично! - например, щебечет она, играя возмущение и расставляя всё по своим местам... Но по всем её движениям читается, что на самом деле ей нравится выполнять роль хозяйки в моём доме.

Однако на все мои предложения перебраться жить ко мне, Дагни всё время реагирует очень резко, чуть ли не болезненно:

- Нет, ни в коем случае, - и краснеет.
- Но почему? - спрашиваю я.
- Мне нельзя бросать свою квартиру. Она закреплена за мной, и оставлять её запрещено, - быстро выпаливает что-то невнятное она и поворачивается ко мне

спиной, пытаюсь скрыться.

- Тогда давай я к тебе перееду, - улыбаясь, я подхожу сзади и обнимаю её за талию.
- Тебе туда нельзя.
- Почему?
- Ну, что ты меня почемучаешь?! - с тоской в голосе говорит она и поворачивается ко мне. На её глазах намечаются слёзы. - Нельзя, говорю же тебе. То, что я у тебя так долго и часто бываю — это уже громадное достижение, которое мне очень многого стоило...
- Стоило чего и кому? - не понимаю я.
- Ну, вот опять! - расстраивается она. - И чего ты меня вопросами достаёшь? Отстань!

Она высвобождается из моих объятий.

- Но я же просто хочу понять, хочу для себя уяснить...
- Тема закрыта, - резко отвечает она, смотрит на часы и заключает: - А мне надо бежать.
- Зачем? Куда?

Она укоризненно смотрит на меня, после чего качает головой и удаляется в коридор. Я следую за ней.

- Мне же не безразлично, что происходит с тобой, мне хочется быть частью твоей жизни, - с досадой замечаю я, но она не даёт мне договорить и мягким движением руки прикрывает мне рот пальцем.
- Димочка, милый, я тебя люблю..., но ты никогда не сможешь стать и не будешь частью моей жизни, - несколько печально, но категорично заявляет она, после чего накидывает босоножки, открывает дверь, целует меня мимолётом в губы, добавляет с грустью: - Потому что жизни у меня нет... - и уходит, оставив меня в пасмурном настроении.

Вопрос по поводу сожительства встаёт уже не в первый раз, и уже который раз Дагни смывается, не давая мне шанса оправиться и найти аргументы. Однако в этот раз у меня готов план. В этот раз я получу ответы на многие накопившиеся вопросы... Дверь захлопывается, а я, не теряя ни секунды, бегу в свою комнату, переодеваюсь, хватаю ключи, кошелёк с деньгами, выхожу из дома, закрываю дверь и осторожно спускаюсь вниз по лестнице, поглядывая в окна, высматривая Дагни. Выхожу из подъезда, оглядываюсь по сторонам. Вижу её. Иду за ней, соблюдая большую дистанцию. Она торопливо удаляется.

Я всё учёл, я всё продумал заранее. Одежда на мне такая, которую она ни разу не видела, которую я сам обычно не ношу: чёрные облегающие джинсы, тёмно-синяя майка, чёрные кеды с белыми полосками, новенькая светло-бежевая бейсболка с синей надписью «Feel», большие круглые солнцезащитные очки с зеркальной поверхностью. Походка у меня специальная для такого дела, я её отработывал пару недель, понимая, что с далёкого расстояния она моё лицо, да ещё и за очками, скорее всего, не разглядит, а вот по тому, как я двигаюсь, может узнать. Всё продумано. Только надо соблюдать дистанцию и не привлекать к себе внимание.

Она идёт к автобусной остановке. Судя по всему будет ловить маршрутку. Вот это будет нелегко провернуть: как суметь сесть ей на хвост, не упустить её, да ещё и при этом не выдав себя?

Дагни подходит к дороге и останавливается, всматриваясь в даль. Что делать мне? Остановиться и не приближаться? Это будет выглядеть очень подозрительно, поэтому я продолжаю двигаться, не меняя скорости и походки, молясь о том, чтобы она не повернулась в мою сторону и чтобы побыстрее села в маршрутку.

С каждым шагом я всё ближе и ближе к провалу.

Ещё пара метров, она не сможет меня не заметить, и тогда все потраченные усилия уйдут в пустую.

Ещё пара шагов, и всё потеряно.

Ещё пара секунд, и я пропал...

Однако кажется, кто-то там сверху наблюдает за мной и, решив сжалиться, посылает 124-ю маршрутку, в которую Дагни и садится, что вполне логично — та как раз идёт до «Приморской». Однако мне теперь надо каким-то образом суметь быстро поймать машину, да ещё и так, чтобы не обратить на себя внимание Дагни...

А маршрутка тем временем уже успела отъехать на несколько сотен метров и собралась свернуть налево. Задача преследования становится малореальной: машины так быстро не ловятся, и хотя я знаю маршрут следования 124-й, потерять Дагни из виду равноценно окончанию преследования. Однако, несмотря на всё это, на что-то всё-таки надеюсь, подхожу к дороге и голосую.

Кажется, кто-то там наверху сегодня действительно ко мне благосклонен, потому что буквально через пять секунд подъезжает бежевая «шаха», в которой небритый водитель в белой выцветшей обвисшей футболке и длинных шортах, склонившись в мою сторону, спрашивает через окно:

- Куда?
- Надо за той маршруткой, - показываю на «Газель», исчезающую за поворотом.

Водитель не проявляет ни капли удивления, как будто с такими задачками сталкивается часто и лишь вяло кидает в ответ: «М. Ну, садись».

Времени не теряю, открываю дверь, сажусь, пристёгиваюсь, в то время как водитель рвёт с места и устремляется за маршруткой.

- Кого преследуем? - осведомляется он.
- Девушку, - без особого желания поддерживать разговор, отвечаю я.
- М. Чего так?
- Надо узнать, куда она едет.
- М. Ну, хорошо.

Молчание. Только мотор ревёт и периодически тормозные колодки повизгивают.

- Ну, узнаешь. А дальше что? - неожиданно продолжает водила, чем вызывает у меня удивление.
- Надеюсь, получу ответы на некоторые вопросы, - отбрыкиваюсь я от него, сохраняя элемент вежливости, но стараясь дискуссию не развивать.

- М. Типа: любит — не любит, изменяет — не изменяет?
- Нет, не такие, - с досадой отвечаю я, думая про себя: «да какое тебе до этого дело?!»
- М. А, что, если ты неожиданно для себя получишь ответ именно на эти вопросы? Или, что ещё хуже, на вопросы, которые даже не задавал?
- Как я могу получить ответы на вопросы, которые не задавал? - недовольно хмыкаю я и косо гляжу на водилу. Хотя я и не люблю разговаривать с незнакомыми людьми, но последней фразой он вызвал к себе интерес.

Тем временем маршрутка уже подъехала к метро и останавливается, мы проезжаем вперёд и сворачиваем в «карман», тоже останавливаемся. Я кошусь назад, следя за тем, кто выходит: длинный парень с полноватой девушкой, женщина, лет пятидесяти, за ней — ещё одна, но помладше... — много, кто выходит, но Дагни среди них нет. Судя по всему, она осталась внутри. Но зачем? Она живёт где-то поблизости? Водила лениво посматривает за всем этим происходящим в зеркало и понимает, что моя пассия пока не покинула маршрутку...

- Когда ты проявляешь любопытство, будь готов ко всему, - философски заключает он, после чего добавляет: - Ты доверяешь своей девушке?

Он искоса глядит на меня. Маршрутка продолжает своё движение, мы следуем за ней, и теперь едем чуть сзади, только по параллельной дороге.

- Конечно, доверяю.
- Тогда зачем ты за ней следуешь?
- Есть причины, - отрезаю я неприятную дискуссии.
- М, - с ухмылкой отвечает водитель.
- Она не хочет объяснить мне некоторых вещей, а мне нужно это объяснение, - поясняю я и смотрю в окно.
- Так, в этом как раз доверие и состоит: если она не хочет, значит на то есть причины.
- Да что вы ко мне привязались? - неожиданно для себя я вспыхиваю. - Я вас попросил выполнить простую задачу, не связанную с работой психоаналитика... Зачем мне все эти ваши расспросы и копания в моих проблемах?!

Водитель на это только и отвечает своё привычное серое «М» и добавляет:

- Как бы ты потом сам не пожалел о своём неуёмном любопытстве...

Я ничего на эту реплику не отвечаю.

После полуминутной тишины водитель включает радио, по которому играет песня «Прекрасная любовь» группы «ДДТ». Под звуки этой песни едем за маршруткой. А в голове моей начинают копошиться нехорошие мысли. И всё из-за этого...

Несколько раз по пути маршрутка останавливается для посадки и высадки пассажиров, но водитель «шахи» предусмотрительно останавливается раньше, не привлекая к себе внимания (надо отдать ему должное — преследовать он умеет, наверно, имеет хороший опыт в этом деле). И каждый раз, когда кто-то выходит из маршрутки, сердце моё сжимается, но кульминация так и не наступает — такое ощущение, что Дагни решила

доехать до конечной.

Наконец, уже почти у самой гостиницы «Прибалтийской», у залива, во время очередной остановки, из маршрутки выходит она.

- Сколько? - спрашиваю я молниеносно у водителя.
- М. Ну, сколько дашь...
- Триста.
- М, - одобрительно отвечает он. - Ты только поосторожней там.
- Ага. Спасибо, - сухо отвечаю я и выхожу из машины.

Дагни направляется в сторону одного из открытых кафе у залива. Странно. Зачем ей это? С кем-то встречается? Я следую за ней, чуть сзади, справа. Сердце замирает, а в голове появляются собственнические мысли. Достаточно чётко сформировывается ощущение того, что она моя и должна быть только моей, а она на зло мне делает всё для того, чтобы быть свободной... Дагни тем временем уже скрывается под тентом. Как бы так проследить и не попасться. Какая удача, что она ни разу не повернулась — не уверен, что смог бы нормально маскироваться.

Подхожу к кафе подсматриваю, что же там происходит. Какой-то парень, сидящий за одним из столиков в левом углу, машет Дагни, и она направляется в его сторону. Куда деваться? Я на открытой местности. Надо смешаться с толпой или сесть за какой-нибудь столик в кафе, но сделать это надо быстро и изящно.

Действуя в большей степени импульсивно, прохожу справа от кафе, обхожу его со стороны залива и подбираюсь к той точке, где сидят они. Двигаюсь быстро. Подхожу к одному из столиков и сажусь. Повезло — место, которое я выбрал находится недалеко от них, благодаря чему мне слышно, о чём они говорят, но при этом Дагни сидит ко мне спиной, а на случай, если она повернётся и посмотрит, между нами стоит холодильник с напитками — всегда можно спрятаться. Парень сидит ко мне правым боком.

Прислушиваюсь.

- ...и он точно ничего не подозревает? - бархатным приятным голосом спрашивает он.
- Точно, я проверяла, - отвечает Дагни. - Он абсолютно изолирован от остальных, хоть и общается со своими друзьями.
- Очень интересно. И при всём при этом он осознаёт?
- Да. Уровень у него достаточно высокий. Возможно, в нём даже больший потенциал, чем в остальных.
- Не думаю, конечно, но надо это иметь в виду, - задумчиво отвечает парень, после чего шутливо подытоживает:
- Создатели в этот раз затеяли какую-то очень особенную игру!
- И мне она не нравится, - грустно заключает Дагни.

Парень хмыкает.

- Лина, не уж то ты к нему привязалась? С какой стати?
- Не знаю, - задумчиво отвечает она. - Я не хотела, сопротивлялась, но... - тут

интонация её меняется на более шутливую. - Может, это тоже игра создателей?

- Может быть, может быть, - в раздумьях отвечает парень. - А, может быть, ты ещё просто не доросла до нужного уровня...

Несколько секунд они сидят в молчании, как будто что-то вместе обдумывая, после чего парень решает:

- Что ж, тогда нам надо проверить как следует. Веди его.

Дагни кивает, встаёт из-за стола, выходит на улицу, поворачивает направо и как ни в чём не бывало направляется в мою сторону. Я вжимаюсь в пластиковое кресло, пытаюсь спрятаться за стол, но это получается плохо. Сердце замирает, на коже выступает холодный пот. Не уж то меня раскусили? Но когда? Что я сделал не так и в какой момент?..

Дагни подходит к моему столику, улыбается правым уголком губ, как бы говоря: «глупыш» - и кивком головы показывает, чтобы я следовал за ней.

Всё насмарку! К чёрту! Очень обидно и стыдно. Чувствую себя неловко и нелепо. Нехотя встаю из-за стола и приближаюсь к ней с видом нашкодившего кота.

- Не бойся. Он не кусается. - успокаивает Дагни. Мы идём к их столику. - Но я же тебе говорила... - с небольшой обидой в голосе добавляет она.
- Кто это? Ты встречаешься ещё с кем-то кроме меня? - ревниво спрашиваю я.
- Не говори глупостей! - отрезает она. - К тому же, с каких это пор ты решил, что я тебе принадлежу?!

Подходим к столику, Дагни садится в кресло, я стою перед ними как маленький мальчик, получивший двойку в школе в ожидании приговора родителей. Дагни вначале смотрит на меня со смесью жалости, укора и совсем чуть-чуть с восхищением, но затем убирает взгляд в пол, еле заметно качает головой, глубоко вздыхает, достаёт пилочку для ногтей и углубляется в маникюр.

В это время парень, вальяжно развалившийся в кресле, изучает меня холодным взглядом, не говоря ни слова, после чего неожиданно меняется в лице, склоняется к столу, упирается в него локтями и уже очень жёстко с хищническими чертами глядит в мои глаза, да так, что у меня кишки сворачиваются. Дагни не вмешивается, не отрываясь от своего занятия. А этот чёрный медвежий взгляд гипнотизирует и заполняет собой всё вокруг. Голова кружится, и я теряю чувство пространства и времени, весь мир вокруг меня теряет смысл. Лишь чёрная пелена перед глазами, туман в голове и тонкий звон в ушах. Падая куда-то глубоко, я выхватываю фразу, брошенную незнакомцем:

- Что ж, если он действительно так хорош, как ты говоришь, то пусть это докажет...

И где-то на подсознании, перед самым моментом своего отключения, я слышу в своём воображении голос Дагни. Она шепчет мне: «помни, что я всегда с тобой».

Перепросмотр

Рома

Днём я встретился с Мишей у станции метро «Петроградская». До этого момента я не был с ним знаком лично и смог узнать его лишь благодаря описанию, присланному мне Игорем. Миша оказался ещё совсем молодым парнем, лет двадцати, среднего роста с вьющимися рыжими волосами, маленьким носом, карими глазами и чуть топорщащимися

ушами. Он был болтливым и очень открытым, однако по взгляду его читалось, что жизнь уже успела побить чайником по голове...

По дороге домой он с энтузиазмом рассказывал мне о том, как же хорошо, что он опять будет снимать квартиру не один, а то ему так одиноко. Потом о том, как они не поладили с предыдущим соседом. После этого — о том, как они здорово играли вместе с Игорем, пока у Миши не случилась личная трагедия, о которой он пока не хотел рассказывать, а я и не спрашивал. Затем о том, что он играет в новой группе со странным названием, позаимствованным из одного советского фильма, и что они сильно растут и развиваются... Ну, и в заключение — о том, кем он работает, и как его на работе ценят. По всему было видно, что энергия из него бьёт ключом, но ему не хватает общественного признания. Случайно промелькнувшей мысли о том, что это может потом выйти ему боком, я тогда не придал никакого значения.

Квартира, которую Миша снимал, была небольшой, но уютной двушкой с простеньким невзыскательным ремонтом. В квартире царил бардак. Миша явно не парился по поводу того, чтобы убирать мусор по мере его появления и о том, чтобы как-то организовывать пространство вокруг себя. В моей комнате стены были обклеены светло-серыми обоями с изображениями зелёного вьющегося плюща с большими листьями. Из мебели в комнате были разве что небольшая кровать с жёстким матрасом, шкаф для одежды, да стул со столом. Всё в неплохом состоянии, но пыльное и грязное, требующее генеральной уборки. Например, на столе были следы от кофейной кружки и какие-то хлебные крошки, а у плинтусов виднелись тёмно-серые линии грязи. По сравнению с моей квартирой тут, конечно, было не густо и не опрятно... Не было моей любимой кровати, моего комфортабельного кресла, моего компьютера, моих файлов и компьютерных игр. Всё было новое и непривычное, всё было не такое чистое и не так расставлено. Моё тело отторгало новые условия, в которых мне теперь приходилось жить. Впрочем, и на том спасибо, особенно учитывая ситуацию, в которой я оказался. Я решил, что мне надо бы переждать пару недель, максимум месяц, после чего, когда все забудут о произошедшем, я смогу вернуться к себе домой...

Часов в восемь, пока Миша, сидя в своей комнате, играл на бас-гитаре, репетируя перед предстоящим важным концертом, я закончил уборку в своей комнате. Место стало выглядеть значительно приличней, хотя, конечно, ещё надо было бы отмыть окна, да и оставались кухня, ванная и прихожая — в них я провёл только мелкую уборку, которой явно было недостаточно для достижения нужной мне точки комфорта. Ещё была комната Миши, но к ней я пока не был готов прикасаться.

Уставший, перехватив в холодильнике холодные макароны с варёными сосисками, я засел в своей комнате за составление списка событий, случившихся в моей жизни. Дело было не из простых и поначалу шло очень туго, со скрипом. Но затем, по мере погружения в воспоминания, процесс начал ускоряться. И вот я уже вспомнил около трёх сотен событий из своей жизни, вспомнил имена людей, с которыми они были связаны, в некоторых случаях — даже фамилии и отчества, вспомнил их лица, их интонации...

По мере составления списка, образы из прошлого становились всё более и более живыми, наружу стали вылезать давно забытые детали, некоторые из которых, как я чувствовал, задевали меня...

Вот образ знакомого мальчишки, соседа по подъезду, который пристаёт ко мне в подворотне и требует, чтобы я снял шнурки со своих кроссовок и отдал их ему. И я гляжу на него с недоумением и удивлением, не понимая, шутка это или нет. А тот выглядит абсолютно серьёзно и только настойчиво говорит о том, что они ему нравятся, и он их

хочет забрать себе. Досада и унижение...

Четыре сотни...

Вот образ другого мальчишки, из моего класса, Олег. Олег стоит передо мной и уже готов рыдать. Из носа у него течёт кровь, губы дрожат, а во всём виноват я — врезал ему за то, что тот сказал, что я влюбился в Иру... Так ему и надо... И внутри кипят праведный гнев и обида за то, что меня раскусили...

Пять сотен...

Вот образ стройной девушки с ровными длинными волосами по пояс, в очках в тонкой металлической оправе. Она смотрит на меня вопросительно, ожидая, когда я ей отвечу на вопрос. Но мне не до её английского языка — голова кружится и полна непонятных юношеских фантазий. Краснею...

Шесть...

Вот образ другой девушки, моей студентки, которая сидит на второй парте и слушает меня с открытым ртом и широко открытыми глазами, в то время, как большая часть потока читает газеты или слушает музыку. Вдохновение и радость...

Когда я дошёл до восьмой сотни событий, то понял, что больше вспомнить уже не в состоянии, да и просто уже утомился и обессилел, но при этом как будто возрождён. Голова после такой серьёзной работы сладко гудела. На часах уже три ночи, Миша давно лёг спать. Наслаждаясь этим своим состоянием, я подготовил кровать, лёг и, немного поворочавшись, занятый мыслями о новом опыте в своей жизни, погрузился в сладкий тягучий сон. Все проблемы, терзавшие меня эти дни, отступили.

Но во сне меня ждал неприятный сюрприз. Я скovyрнул своё прошлое, и те эпизоды, которые я сам загнал вглубь, пробудились и не преминули напомнить о себе.

Я шёл по университету, как раз с занятия, когда зазвонил мобильный телефон. Я взял трубку, не глядя на то, кто звонит.

– Алло.

По ту сторону трубки тишина.

– Алло. Кто это?

– Привет, - наконец раздаётся робкий голос Наташи, и сердце сразу же сжимается. Она?

– Привет, - осторожно отвечаю я.

– Как дела?

– Да ничего, ничего. Вот с лекции иду, - спокойно продолжаю я.

– О! Ты всё ещё в вузе? - удивляется она.

А я тем временем останавливаюсь у главной лестницы, облакачиваюсь о перила и стою, разговариваю, глядя на то, как толпы студентов снуют то в одну сторону, то в другую. Этакое Броуновское движение.

– Да, всё ещё в вузе. А ты как? Чем занимаешься? - из вежливости спрашиваю я.

– У меня всё хорошо. Работаю в фирме одной...

– Это здорово! - дежурно отвечаю я, стараясь не выдавать волнения от того, что

говорю с ней.

Я не разговаривал с ней уже больше года. Последний наш разговор она мне рассказала о парне, с которым на тот момент встречалась и надеялась на длительные отношения, чем вызвала у меня прилив депрессии. После того разговора я решил больше с ней не общаться. И вот теперь я, плюнув на своё решение, отвечаю ей, но стараюсь себя не выдавать.

– Рома, я тебе, на самом деле, звоню, потому что ты мне очень дорог.

Я молчу, ожидая продолжения.

– Нас с тобой многое связывало и мне всегда казалось, что мы можем остаться очень хорошими друзьями.

После такого не остаются...

– В общем, у меня свадьба пятнадцатого июня. Я была бы тебе очень признательна, если бы ты пришёл.

Ведро ледяной воды. Я стою промокший с головы до пят, а подо мной лужа, которая стекает тонкими ручейками по лестнице и капает на людей, идущих по тротуару, где-то далеко, внизу.

– Ты придёшь?

– Наташа, я в этот день очень занят, так что не смогу. Но спасибо за предложение и долгих лет жизни вам обоим, - выпаливаю я, стараясь сдерживать эмоции.

– Очень жаль, - отвечает она. - А я думала...

Нет, ты, наверно, не думала...

Я кладу трубку, убираю мобильник в карман брюк и, раскинув руки в стороны, смотрю на город у моих ног.

Вдох.

Выдох.

Шаг вперёд.

И вот я уже лечу вниз с крыши пятиэтажного дома.

Но полёт не заканчивается, как этого мог бы ожидать человек, изучавший физику, а удлиняется, при этом ускоряясь. Всё внутри сжимается, а я сам, кажется, превращаюсь в маленькую точку, летящую сквозь пространство и время.

Я проснулся посреди ночи, перевёл дыхание, отряхнул голову от неприятных воспоминаний и уснул опять, в этот раз крепко и до самого утра.

Испытание

Дима

Открываю глаза. В голове жуткая боль, ничего не понимаю: ни где нахожусь, ни что произошло, даже не уверен в том, кто я. Не шевелясь, осторожно оглядываюсь по сторонам, двигая только зрачками глаз. Незнакомая комната, знакомые стены с голубыми обоями и изображениями белых пушистых облаков, знакомая кровать. Лежу, укрытый лёгким пуховым одеялом с пододеяльником в оранжевый цветочек. Голова — на большой мягкой подушке. Чувствую, что на мне одежда. Жарко. На спине выступил пот.

Медленно-медленно начинаю вставать, убирая с себя одеяло. Сажусь.

Чёрные облегающие джинсы, тёмно-синяя майка, чёрные кеды с белыми полосками. Смотрю на подушку, на которой только что лежал и замечаю новенькую светло-бежевую бейсболку с синей надписью «Feel». Верчу в руках. Я вроде бы никогда такой одежды не носил! Не уж то это всё моё?

Нацепляю бейсболку на голову, встаю с кровати, подхожу к двери из комнаты. Дверь монотонного белого цвета, гладкая, лёгкая. Ручка — круглая, покрашенная в белый цвет, с небольшими сколами, через которые просматривается какой-то неблагородный металл. Поворачиваю и выхожу из комнаты.

Никогда не был в этой квартире. Что произошло. Почему я здесь?

Иду по коридору, пытаюсь найти кого-нибудь:

– Извините! Здесь есть кто-нибудь?

Тишина.

Не уж то этот странный тип меня загипнотизировал и увёз на какую-то квартиру? Зачем? Он собирается проделать со мной какие-то опыты? Ведь, не зря же была брошена фраза «пусть докажет»...

Прохожу на кухню. Запах сладкого и кислого. В квартире бездарный ремонт: крашенные розово-жёлтые стены, подвесные потолки, покрашенные в светло-зелёный, дешёвая голубая тканевая люстра, чёрная столешница... Ну, да ничего, переживу. Хочется есть. Иду к холодильнику.

Раз уж они меня сюда притащили, так я имею полное право залезть в их холодильник и набить свой желудок.

Внутри много продуктов. Прямо битком забит — как будто хозяин готовится к концу света. Не то, что мой холодильник, в котором обычно хранится только всё самое необходимое на следующие пару дней и то, что захотела купить Дагни...

В голове всплывает её смутный, нечёткий образ. Даже не образ, а какие-то обрывочные воспоминания о ней. Шарю по холодильнику, выбирая, чтобы съесть, пытаюсь привести в порядок мысли о ней. Не уж то повторяется? Как тогда, когда я пытался написать её портрет...

О! Металлическая эмалированная коробочка, а в ней — гречка с мясом. Кажется, такое мясо называется «ленивый шашлык». Пойдёт.

Достаю, после чего начинаю болтаться по кухне в поисках каких-нибудь столовых приборов. Нахожу ложку. Разогреть? А как? СВЧ нет. А, чёрт с ним! Съём так, авось переживу.

Зачерпываю ложкой гречку и подношу ко рту, когда неожиданно со стороны коридора раздаётся шорох. Кажется, хозяин пришёл. Ну, и что. Перебьётся. Не пойду встречать. Пусть сам идёт. Одна за другой ложки переносят гречку с мясом в мой рот. Конечно, холодное блюдо, жир на мясе слегка застыл и теперь прилипает к нёбу, но для того, чтобы утолить голод вполне сойдёт.

Услышав, как я стучу ложкой по металлической коробочке, хозяин басом кричит из коридора:

– Котик, это ты?

Усмехаюсь. Какой я к чёрту котик? Поиздеваться решили?! Ну-ну.

Раздаются шаги и в комнату входит коротко стриженный, подкаченный мужик, лет сорока, с пивным животиком.

- Ты кто? - агрессивно и недовольно смотрит он на меня, а глаза его становятся жёсткими.
- Дима, - сквозь гречку отвечаю я и нагло засовываю в рот следующую ложку.
- Какого хрена ты делаешь в моей квартире?! - с напором повышает он голос.
- Это я должен тебя спросить, что я делаю в твоей квартире, - бесцеремонно отвечаю ему. - Это, ведь, твоего дружка рук дело... Я-то тут ни при чём — загнипотизировали, привезли, ничего не объяснили...
- Какого хера ты мне тут несёшь?! Да ты, небось, любовник моей жены, о котором мне сосед рассказывал! - мужик кричит, а по его виду можно сказать, что тот готов меня разорвать на части.
- Какой ещё любовник, ты что?! - не понимаю я, начиная сбавлять обороты наглости. - Подожди! Я тут ни при чём!
- Ни при чём?! - вскипает он и начинает ко мне приближаться. - Может, и бейсболка «Feel» тоже ни при чём? Сейчас я тебе покажу, сука, как за чужими жёнами увиваться...

В голове много чего проноситься за это время, но самое главное, к чему я успеваю прийти, заключается в том, что мужик не шутит, и, если я сейчас не дам дёру, он меня поймает и, возможно, убьёт.

Бросаю эмалированную коробочку с мясом и гречкой в его сторону, а сам вскакиваю на стул, затем — на стол, поднимая ноги повыше, уворачиваясь от толстых ручищ мужика, затем спрыгиваю на пол и несусь к выходу из квартиры. Мужик как слон топает за мной, матерясь, стряхивая гречку и обещая меня порвать на части, изнасиловать и сделать со мной что-то ещё противоестественное, если догонит... В общем, лучше, чтоб не догнал.

Подбегаю к двери и в панике, ни на секунду не задумываясь, поворачиваю защёлку, дёргаю за ручку, толкаю и выбегаю на лестничную площадку. Мимолётом отмечаю: белые стены, прибрано, чистенько, горит ровный свет дневных ламп — ни разу в жизни не был в таком гармоничном подъезде. Слетаю вниз по лестнице, не оборачиваясь и даже не пытаюсь разобраться с тем, продолжается ли погоня. Но судя по грохоту где-то наверху и сотрясаемым перилам, она ещё не закончилась. Оказывается, я был на седьмом этаже...

Перепрыгивая через одну ступеньку, держась за перила, цепляясь на поворотах направо за рейки, несусь вниз. Вылетаю из подъезда, распахивая дверь обеими руками и трачу драгоценные секунды на то, чтобы понять, куда бежать. В этот момент какая-то невидимая сила, откуда-то изнутри, дёргает меня чуть влево, из-за чего я делаю небольшой нырок. И буквально мгновение спустя передо мной бухается бутылка — это мужик попытался кинуть мне её в голову с третьего этажа, и, если бы я не увернулся, то тот точно попал бы.

- Стой, сука! - кричит он сверху, но я его, конечно же, не слушаю, бросаюсь влево и отбегаю на приличное расстояние, скрываясь за углом.

Только после этого успокаиваюсь и, выглядывая из-за угла, наблюдаю за тем, что же произойдёт дальше. И уже спустя пару секунд, дверь отлетает в сторону, едва не вылетев

из петель, из подъезда выбегает обливающийся потом, запыхавшийся мужик и останавливается, тяжело дыша, упиравшись руками в свои ноги. Глядит в мою сторону, но меня не видит. И слава богу! Громко матерится, пинает пустую скамейку, попавшуюся ему под ногу и весь покрытый злостью уходит назад в подъезд. Фух! Пронесло!

Но что это было? Где же я, и как я тут оказался? Иду в неизвестном направлении, еле волоча ноги, через алею с развесистыми деревьями. Бейсболку переворачиваю козырьком назад, чтобы не мешала ориентироваться на местности.

Ощупываю свои карманы. Кошелёк на месте, мобильник на месте. Отлично! Значит всё в порядке. Сейчас дозвонюсь до Игоря, и проблема будет решена. Достаяю и смотрю на экран. «SIM карта не распознана». Очень странно! Может, попробовать выключить и снова включить? Тот же результат. Может, они подменили мою SIM карту? Снимаю крышку с задней стороны мобильного телефона. Вытаскиваю симку и верчу в руках, осматривая. Внешне всё, вроде бы, так же. Ну, а как на взгляд определить действительно ли всё в порядке? Пока, в общем, это неразрешимая проблема. Ну, да неважно. Всё вставляю назад и закрываю. Пытаюсь включить ещё раз — не помогает. Ну, да ладно. Сейчас главное — это добраться до метро, а дальше я уже со всем разберусь.

Неожиданно для себя отмечаю, насколько всё вокруг чисто и прибрано, насколько хороши фасады домов, насколько ровен асфальт, положенный во дворах, насколько же тут широкие и комфортные тротуары, дворы не уставлены машинами, и насколько новы и современны детские площадки... Прямо, не двор, а идиллия с точки зрения общественного пространства. По дороге встречаю прилично одетого, опрятного мужчину лет сорока.

– Извините, не подскажете, как пройти до метро?

Тот искренне улыбается мне, кивает и отвечает:

- Вам нужно пройти вон в ту сторону, - показывает рукой, - так вы выйдете на улицу Сикейроса, её нужно перейти. После этого нужно будет пройти налево, вдоль неё до проспекта Энгельса. Как дойдёте до Энгельса, поверните направо, перейдите через дорогу по пешеходному переходу, а оттуда метро очень легко найти.
- Спасибо, - немного опешив от такого подробного доброжелательного объяснения, благодарю я.
- Не за что, - кивает в ответ мужчина. - Хорошего дня! - улыбается и направляется далее по своим делам.

Выхожу на Сикейроса и опять удивляюсь — ровнейшие дороги, чёткая разметка, раскидистые деревья, спокойно едущие машины... Подхожу к пешеходному переходу, наступаю на проезжую часть и сразу же все машины вокруг притормаживают — пропускают.

- Да что же это с вами со всеми стряслось, люди? - шутливым тоном удивляюсь я всему происходящему и неторопливо перехожу, наслаждаясь моментом.

Что за бред? Я в Питере? Не может быть! Почему так прибрано? Почему так чисто? Почему так комфортно и почему люди такие вежливые?

Иду до проспекта Энгельса, заняв свою голову мыслями о том, где же я, и что происходит. Периодически эти мысли сменяются толстым мужиком и квартирой, гречкой с мясом и Дагни. Но Дагни почему-то надолго не задерживается в моём сознании.

Может быть, я просто в какой-то особенной части города? Может, это какой-то тестовый район? Нет! Бред! Как может город так резко различаться: на Приморской одно,

а у проспекта Энгельса — всё совсем иначе? Не может быть. Вся эта прибранность, слаженность и чёткость больше напоминает Америку из фильма «Терминатор» 1984-го года выпуска, которую Россия, в которой я всегда жил, даже в 2010 не была в состоянии догнать. Но каким же образом всё изменилось в одночасье, как по мановению руки? Такого не бывает! Надо срочно встретиться с Игорем или хотя бы с Ромой и поговорить.

Следуя за людьми, выхожу к метро. Захожу внутрь, достаю кошелёк, готовясь приложить бесконтактную карточку и пройти через турникет, но тут меня ожидает неприятный сюрприз — турникеты совсем другие, не такие, к которым я привык. В них нет никаких ограничителей, есть только табло с двумя изображениями: зелёной стрелочкой и красным крестиком. В них нет никаких прорезей, в которые надо что-то вставлять, не выделено никаких зон, к которым надо что бы то ни было прикладывать. Просто металлические ворота с двумя изображениями.

Отхожу в сторону и слежу за тем, что делают остальные люди — а они просто подходят, перед ними загораются зелёные стрелочки, и они проходят. Вот две молодые девушки в лёгких летних юбочках и светлых топиках, болтающие о чём-то своём, практически не останавливаясь, не обращая внимание на эти странные турникеты, спокойной проходят, а те их приветствуют зелёными стрелочками. Вот так же, как ни в чём ни бывало, проходит мужчина в деловом костюме, разговаривающий по мобильному телефону, и опять зелёная стрелочка ему навстречу. Бабушка (не первая такая, которую я встречаю), одетая не как наши нормальные бабушки, а чисто, во всё новое, бодро выглядящая, с более спокойным взглядом, чем у наших обычных бабушек, так же проходит через турникет. И всем им горит зелёный свет! Ни одного крестика за пять минут наблюдений. Никаких манипуляций с чем бы то ни было. Может быть проход свободный? Подхожу к турникету. Загорается красный крестик. Тут что-то не так. Озадаченно отхожу в сторону. Ко мне подходит женщина в форме с иголки с символикой метрополитена и участливо спрашивает:

– Здравствуйте. Что-то стряслось? Не уж то у вас деньги на счету закончились?

Как будто извиняясь отвечаю ей:

– Да я немного сегодня дезориентирован... Не могу никак понять, как пройти в метро.

– А это очень просто, - немного удивлённо, но вежливо отвечает она и углубляется в объяснения. - Турникет проводит моментальный анализ вашей внешности, после чего находит вас в базе данных и снимает деньги со счёта. Если денег недостаточно, то появляется красный крестик, который сигнализирует о том, что вы не можете воспользоваться услугами метрополитена.

Смотрю на неё хитро, пытаюсь понять, серьёзно ли она это всё говорит.

– А что мне мешает пройти при горящем красном крестике?

– Но это же будет неправильно! - не скрывая своего изумления восклицает она. - Любой человеческий труд, любая услуга должны быть оплачены!

Никак не могу понять, шутит она или нет, пристально смотрю на неё, не меняясь в лице. Люди здесь явно какие-то свихнувшиеся: мыслят не так, выглядят слишком позитивно. И эта вот женщина искренне смотрит на меня, без единой капли агрессии и без наигранной вежливости...

– Ок, - оживляюсь я, продолжая беседу. - Мне нужно попасть в метро, но денег на счету нет, что делать?

- Это очень просто, - снова улыбается она. - Пройдёмте со мной, я вам помогу оформить одноразовый билет.

Соглашаюсь, понимая, что альтернатив у меня как таковых и нет. Следую за ней. Мы подходим вдоль турникетов до двери с табличкой «Персонал» и заходим в комнату. Комната светлая, стены белые, свет мягкий. В комнате деревянная мебель светло-бежевого цвета, три современно выглядящих компьютера неизвестной мне марки «Роботроникс», за двумя из которых сидят молодые люди в такой же униформе, что и женщина, на стене у входа висят жидкокристаллические мониторы, по которым транслируется всё происходящее в метро. Женщина подходит к свободному компьютеру, подзывает меня и спрашивает:

- Итак, какой у вас идентификационный номер?

Смотрю на неё, откровенно не понимая, чего она хочет. Предполагаю:

- Вы имеете в виду номер паспорта?
- Паспорт? - удивляется она и опять улыбается. - Вы, верно, шутите? Зачем мне номер вашего паспорта? У нас же уже лет десять как их отменили...
- Ну, у меня нет никакого идентификационного номера, - возражаю я.
- Быть этого не может! Если у вас нет идентификационного номера, то вы либо мертвы, либо просто не существуете, - шутливо выдаёт она.

Я гляжу на неё, пытаюсь понять, насколько она серьёзно это говорит. Явно шутит. Смеюсь и решаюсь немножко облегчить себе жизнь:

- Но как бы то ни было, я не помню свой идентификационный номер.
- Хорошо, - спокойно отвечает женщина и по заученному шаблону продолжает. - Тогда назовите свои фамилию, имя, отчество.
- Лисин Дмитрий Валерьевич.

Девушка щёлкает по клавиатуре, после чего задумчиво смотрит в экран.

- Дата и место рождения.
- Тринадцатого декабря восемьдесят седьмого года, город Чимкент, Казахстан.

Женщина опять щёлкает по клавишам, после чего приходит в ещё более задумчивое состояние, долго копается в компьютере, и в итоге говорит:

- Странно. Вы ничего не перепутали?
- Перепутать своё имя или дату рождения? Вы серьёзно? - теперь уже удивляюсь я.
- У нас в базе нет человека с такими данными, - озабоченно произносит она.

Видно, что она в тупике и не знает, как из него выйти. Поворачивается к своим сотрудникам и спрашивает у них:

- Вы когда-нибудь с таким случаем сталкивались?
- А? - поворачивается в её сторону один из парней, тот, что коротко стриженный брюнет с аккуратной бородкой и усиками. А она в ответ перечисляет, загибая пальцы:
- Человека не распознают детекторы, он не может назвать своего

идентификационного номера, в базе данных его не найти... Что обычно в таких ситуациях делают?

- Я не знаю, - в растерянности отвечает парень. - Ни разу с такой ситуацией не сталкивался. Нужно как-то установить личность: анализ ДНК, например, провести... В общем, вызови полицию — пусть они разбираются.

При слове «полиция» мне становится не по себе и мурашки пробегают по затылку. Мало того, что вокруг эта чертовщина творится, так ещё и с ментами общаться — кто знает, что те пришлют человеку без идентификационного номера. Я начинаю нервничать и подумывать о том, как бы смыться. Женщина же в это время поднимает трубку телефона, нажимает кнопку и произносит:

- «Озерки». Пришлите, пожалуйста, наряд. Не идентифицированная персона, - и смотрит в мою сторону, улыбаясь. - Спасибо. - Кладёт трубку. - Не волнуйтесь, сейчас приедет полиция, и вам помогут.

Её оптимизма не разделяю, пячусь к двери, с опаской произношу: «Пожалуй, я как-нибудь так...», - дёргаю ручку и выбегаю наружу.

- Стойте! - взволнованно кричит женщина мне вдогонку и бросается за мной. - Остановите его!

Но не тут то было! Нашли дурака! Быстренько просчитав различные варианты в голове, бросаюсь через турникеты и сбегаю по эскалатору. Как я и ожидал, никакой кары, кроме красного крестика на табло, не последовало.

Сердце стучит бешено. Вторая лестница, по которой я лечу вниз за этот день. Что же произошло? Куда же делся мир, который я знал? Кто мне подsunул эту футуристическую приторную утопию? Как такое произошло?.. Возможно, друзья помогут? Возможно, Игорь сможет прояснить ситуацию?.. Но как мне на него выйти? Надо либо на работу ехать, и там его искать, либо к нему домой. Только что-то внутри подсказывает, что не найду я Игоря ни там, ни там. Впрочем, попытка не пытка.

Спускаюсь на платформу и отбегаю подальше от эскалатора. Как раз подходит поезд, открываются двери, я в него забегаю и встаю к противоположным дверям. Запыхался. Пытаюсь отдышаться, смотрю по сторонам — люди от меня шарахаются и смотрят на меня со страхом в глазах. Кто-то показывает на меня пальцем, кто-то просто встаёт со своего места и уходит в другую часть вагона.

Не уж то у меня на лбу написано, что я преступник?!

Поворачиваю голову и смотрю в своё отражение в стекле и непроизвольно дёргаюсь в сторону от него. Действительно, прямо у меня на лбу появился яркий красный символ: буквы «НП» в кружке. В панике пытаюсь стереть его, но ничего не получается: такое ощущение, будто сама кожа без какой бы то ни было причины в этом месте поменяла свой цвет. Переворачиваю бейсболку козырьком вперёд и натягиваю её потуже, так, чтобы закрыть это безобразие от любопытных взглядов и, сложив руки крестом, еду в сторону «Парка Победы» в одиночестве, с опаской поглядывая по сторонам.

Как же мне хочется сейчас спокойствия! Может быть, стоит просто вернуться к себе домой и отрубиться, забыть про весь этот кошмар? Просто заснуть, а потом проснуться, посмотреть по сторонам, найти у себя на плече Дагни и покрепче её прижать к сердцу...

...Дагни...

А образ её почему-то становится всё менее и менее чётким. Только откуда-то из глубин

подсознания всплывает её фраза: «Я всегда с тобой, даже, когда ты этого не замечаешь...» Но я цепляюсь уже больше не за неё саму, а за воспоминания о ней. Или даже за воспоминания о воспоминаниях о ней... Почему же она исчезает? Куда же деваются мои чувства и мысли о ней?.. «Помни, что я всегда с тобой»...

На «Удельной» в вагон заходит человек в белой форме с погонами, отдалённо напоминающий милиционера, только не толстый, не злой и не наглый. На поясе у него висят рация, дубинка и какое-то небольшое устройство, напоминающее электрошок. Он оглядывается по сторонам, замечает меня и направляется в мою сторону. Отношусь к нему насторожено, включаю всё своё внимание, но беспричинного страха и подсознательного чувства вины, как это обычно бывает с Российскими ментами, он почему-то у меня не вызывает.

- Младший сержант Петров, - здороваются тот и открывает передо мной своё удостоверение. - Будьте добры, пройдёте со мной для установления вашей личности.

Значит таки выследили. Быстро! Хорошо работают, сукины дети! Но пока я стою на ногах и нормально соображаю, я им не сдамся. Удар левой в поддых менту, оттолкнуть от себя и бежать, что есть сил из вагона, а оттуда — к эскалатору. Люди вокруг в испуге разбегаются врассыпную, пространство передо мной освобождается само собой. Ещё чуть-чуть, и я у эскалатора. Ещё чуть-чуть, и я выберусь наружу... а там уж что-нибудь придумаю... Но сзади раздаётся хлопок и что-то впивается мне под правую лопатку, и сразу же после этого моё тело опрокидывается и немеет. Меня трясёт, но ничего поделать с этим я не могу. Непроизвольно сильно стискиваю зубы, на шее вступают жилы, глаза напряжены. Лежу на спине недвижимый и слышу голос мента:

- Требуются носилки. Неидентифицированная персона оказала сопротивление. Пришлось применить силу.
- Вас понял., - раздаётся в рации, а моё сознание уплывает куда-то в сторону, и я погружаюсь в темноту.

На допросе

Дима

- Значит, вы утверждаете, что вас зовут Лисин Дмитрий Валерьевич? - переспрашивает человек в строгом чёрном костюме с чёрным галстуком, сидящий напротив меня.

Он представился просто по имени — сказал: «Зовите меня Сергей»... Судя по всему какой-то гэбэшник, но странный — силы пока не применял, ничем не угрожал, просто промывает мне мозги уже несколько часов, задавая разные каверзные вопросы.

Мы в комнате с монотонными белыми стенами и потолком, полом, застланным бежевым линолеумом с белыми прожилками. Комнату освещает несколько люминесцентных ламп, на одной из стен висит большое зеркало, в котором отражается мой измученный образ, неудобно размещившийся на жёстком стуле, скованный наручниками, сидящий возле дешёвого металлического стола.

- Да. Меня зовут Лисин Дмитрий Валерьевич, - с унынием в голосе подтверждаю я.
- Угу. Значит, вы утверждаете, что родились тринадцатого декабря восемьдесят седьмого года в городе Чимкент? - продолжает он и сверлит меня взглядом.

- Да, я родился тринадцатого декабря восемьдесят седьмого года в городе Чимкент, - поддерживаю я.
- А как вы объясните тот факт, что информации о вас нет ни в одной базе данных, а личность вашу установить никоим образом не удаётся?
- Я не знаю, как это объяснить, - вяло отвечаю я, после чего в очередной раз пытаюсь прояснить ситуацию. - Послушайте, я не знаю, в чём дело, и ничего не понимаю уже с самого утра, но к этому моему положению причастен один тип.
- Что за тип? - безучастно спрашивает Сергей.
- Я не могу его описать, - с досадой отвечаю я. - Я не помню, как он выглядел. Это, кажется, друг Дагни. Но я совершенно не могу его вспомнить. И чем дольше вы меня тут держите, тем менее чёткими становятся их образы в моей голове...
- Кто такая Дагни? - опять цепляется Сергей.
- Дагни — это моя девушка, - вздыхая, объясняю я.
- Угу, - он что-то обдумывает. - Странное имя, не находите?
- Есть немного.
- И редкое...

Пауза.

- Как вы думаете, если мы попробуем найти эту вашу Дагни через наши поисковые системы, мы отыщем её?

Задумываюсь на пару секунд.

- Не уверен. Я вообще не уверен, что это её настоящее имя.

Сергей с досадой глубоко вздыхает, опрокидывается на спинку стула и скрещивает на груди руки.

- Ну, что мне с вами делать, Дмитрий? Как вы считаете, насколько нормально звучат слова из уст неизвестного человека о том, что он встречается с девушкой и не знает, как её точно зовут?..
- Я понимаю, что всё это... - начинаю оправдываться я, но он не даёт мне закончить.
- А это идея о том, что вы жили в каком-то другом Петербурге, в котором и город грязнее, и люди более злые, и уровень развития значительно ниже... Это, по-вашему, нормально звучит?
- Но я же...
- А то, что неизвестный парень вас загипнотизировал и отвёз на чужую, неизвестную квартиру, адреса которой вы не помните — это нормально?

Я молчу. Что толку пытаться объяснить свою ситуацию, если всё настроено против тебя?

- Поймите, мы пытаемся вам помочь, - наклонясь ко мне, говорит мягким, располагающим голосом Сергей. - Если вы приехали в наш Союз из другой страны, так и скажите — мы сразу же вас отправим обратно, и не будет всей этой бессмысленной траты как вашего, так и моего бесценного времени...

Я киваю.

- К чему все эти выдумки и фантазии? Я же вижу, что вы всё это придумали...
Сознайтесь

Я киваю.

- И так? - он выжидающе смотрит на меня в надежде получить какой-то удобный для себя ответ...

Пауза. Я собираюсь с силами и отвечаю:

- Меня зовут Лисин Дмитрий Валерьевич, я родился тринадцатого декабря восемьдесят седьмого года в городе Чимкент...

Сергей на это всплёскивает руками:

- Опять эта шарманка! - и начинает злиться, - Мне надоела эта бессмысленная игра! Либо вы сейчас же говорите, зачем вы здесь и что делаете, либо мы вам устроим промывку мозгов и сами всё выясним!

Глаза его становятся более жёсткими, на шее вспухают вены, да и сам Сергей чем-то отдалённо начинает напоминать бычка на испанской корриде. Теперь он уже напряжённо и жёстко смотрит на меня, давит.

- Я всё, что знал, вам уже рассказал, честное слово, - устало выговариваю я.

Сергей встаёт, опрокинув стул спинкой на пол, из-за чего тот громко грохает в комнате и отдаёт у меня в висках. Не говоря больше ни слова, следовательно подходит к двери и стучит в неё. Дверь открывается. С той стороны появляется охранник.

- Забирайте, - сухо говорит Сергей. - Пусть посидит в мягкой комнате пару дней — может, после этого одумается.

Он выходит, а на смену ему в комнату заходят охранники с монотонными лицами, поднимают под руки со стула со словами: «пойдёмте». Я не сопротивляюсь (да и есть ли в этом хоть какой-то смысл?). Мы выходим в коридор и идём по нему чёрт знает сколько времени. Каждый шаг кажется мне последним и ужасно растянутым во времени. Хорошо, что эти ребята меня ведут под руки — сам бы я уже, наверно, не дошёл.

И всё-таки, как же выглядел тот парень? Не могу вспомнить! Не помню ничего! И, что ещё более противное и досадное — я не помню Дагни. Совсем. Такое ощущение, будто она осталась в какой-то другой жизни... Но как же так? Как же вечная любовь? Как же «единственная и неповторимая»? Всё это очень странно и необычно... Единственное, что у меня осталось от неё — это фраза, которую я помню только потому что повторяю как мантру: «Я всегда с тобой, даже, когда ты этого не замечаешь».

А меня уже заводят в другую комнату с очередными монотонными белыми стенами и усаживают на стул. Снимают наручники. Слева подходит женщина в белом халате и делает укол в вену. Но я даже никак на это не реагирую. Какое-то состояние полнейшего отупения. Такое ощущение, будто разум перестал как бы то ни было быть связан с телом. И полное безразличие, и полнейшая темнота...

22:44

Игорь, Дима

Ну и денёк у меня выдался! Вначале поиски Димки, потом хаос на работе, потом эти странные звонки по поводу Ромки... Прямо завалили: когда я его последний раз видел,

когда общался? Неожиданно оживились какие-то наши бывшие одноклассники, которым он оказался нужен позарез. И вот, уставший, голодный и измотанный я наконец вернулся в районе половины одиннадцатого в свою квартиру, а там такое! Замок сорван, дверь нараспашку, внутри полнейший хаос, всё перевернуто вверх дном, шкафы вывернуты наизнанку. Но при всём при этом вся электроника на месте. Если бы это были воры, они бы скорее всего уволокли жидкокристаллический монитор, системный блок, телевизор в конце концов... Но эти вещи не тронули. Явно кто-то что-то усиленно искал. Звонить ментам? Терять своё драгоценное время? И всё для чего? Для того, чтобы потом бегать за разными справками и в конце концов получить от них же совет: «лучше напишите заявление о том, что просите закрыть дело». Уже проходили с кражей у соседей и у коллег по моей старой работе... К тому же, где гарантия того, что это не они же сами квартиру перерыли? У них же есть на это полное право, подкреплённое законом о «милиции».

Устало прошёл внутрь, слегка прикрыв дверь с раскуроченным замком, бросил сумку на шкафчик в прихожей. Завтра, завтра разбирать и разбираться. Завтра приводить всё в порядок. Завтра решать очередную проблему! Настолько всё осточертело, настолько жутко устал, настолько сильно хотел спать, что мысли все были лишь о кровати.

Разулся, достал из завала свои тапки, даже не закрывая распахнутый шкафчик с обувью, прошёл в свою комнату, смахнул набросанные на кровать вещи, скинул покрывало и прямо так, в пиджаке, брюках, белой рубашке, плюхнулся на живот, желая отрубиться.

Уже погружаясь в сладкий сон, проложенный между витиеватыми мыслями о прошедшем дне, я почувствовал вибрацию во внутреннем кармане пиджака. Долбаный мобильник! Достал и взглянул на его экран одним глазом. Димка! 22.44! Вот чёрт! Мгновенно проснулся и сел в кровати. Сон как рукой сняло:

- Алё.
- Игорь, привет! - голос у него был жутко унылый и задумчивый, но при этом чувствовалось, что он очень рад слышать меня.
- Димка! Где тебя черти носят?! Я весь город на уши поставил в поисках тебя! - с напором спросил я, стараясь показать свою озабоченность.
- Ох, не спрашивай! - произнёс он и еле заметно осёкся. - Наверно, я чем-то траванулся с утра — вырубился у себя в комнате и проспал весь день. Сейчас вот только в себя пришёл.

Димка врал. Я абсолютно точно помнил, что подробно и тщательно изучил его квартиру, и его просто там физически быть не могло. Но, если надо соврать и нет желания рассказывать — чёрт с тобой, ври и не рассказывай. Пусть остаётся на твоей совести. Конечно, было досадно, что он меня обманывал, но эту досаду я постарался засунуть поглубже и проглотить. Получилось, кажется, не очень.

- Окей. Ты на работу сможешь завтра выйти? - более сухим голосом ответил я.

Он не мог не почувствовать этого изменения в интонации голоса.

- Да, завтра я уже буду, - озабоченно произнёс он, после чего попытался более нейтрально продолжить беседу: - Там за моё отсутствие ничего не стряслось страшного?
- Ничего особенного. Мы просто перенервничали из-за тебя, но в принципе, всё готово к завтрашнему запуску.

- Ну, и отлично. Я буду часов в десять.
- Хорошо. До завтра, - заключил я.
- Пока, - извиняющимся тоном произнёс он.
- И это... - почти под самый конец разговора успел вставить я, - я рад, что ты вернулся.
- Я тоже... - усталым голосом отозвался он.

Молчание.

- Ну, до завтра.
- Ага, пока.

Сидя на краю кровати, сгорбившись, держа в усталых руках мобильник, я думал. Что же такое происходит? Сплошные подставы со стороны лучших друзей: из-за одного вначале налоговая травит, потом пол следующего дня звонят и тормозят, а в заключение — квартиру вскрывают; другой весь день пропадает, в результате чего ты должен полдня кататься в его поисках, чтобы под самый вечер тот появился..., но всё, что ты от него получаешь — это враньё «прспал весь день». Какие-то фиговые у меня друзья...

Махнул рукой.

Завтра. Завтра все эти проблемы и разбирательства. Всё завтра! А сегодня — спать! Сладкий сон!

Я завалился на кровать, поднял с пола интерьерную подушку, сунул под неё руку и стал засыпать. Постепенно злость и накипевшая обида смылись кашей из разрозненных, несвязных образов, и я отправился в блаженную темноту сознания.

Но темнота длилась недолго... Из неё начали формироваться сновидения, в которых, однако, впервые за длительное время я не был участником, а был всего лишь наблюдателем. Я видел все образы отстранённо, как будто находясь немного над ними, где-то внутри понимая, что всё это лишь мне снится.

Вначале мне снился Димка, который был в заточении, в какой-то маленькой комнате. Он мучился и пытался выбраться из неё, но никак не мог. Я был совсем рядом, но не собирался ему помогать, так как точно знал, что сам сплю и всё это, происходящее с ним — всего лишь результат работы моего уставшего за день мозга. Потом мне снился Ромка, который убегал от толпы разъярённых людей, вооружённых палками, ножами, бутылками. Но и ему я уже не собирался помогать — итак много для него сделал, и чем же он мне отплатил?! Да и опять же очевидно было, что всё это сон... А потом неожиданно все образы — такие ровные и стройные, такие нелогичные и непривычные, такие несвязные и разрозненные — растворились, остался лишь я, окончательно осознавший себя. Вокруг была лишь кромешная тьма, а я в ней висел, не имея какой бы то ни было конкретной формы. Рядом висело серое густое облако. Я знал, что никого кроме меня с облаком здесь нет... Я знал, что облако обладает собственным сознанием... И я знал, что это было за облако.

- Привет! - проговорило шёлковым голосом оно.
- Опять ты! - бросил я. - Даже в сновидениях меня не оставляешь?!
- Ну, ты же сам сказал, оставить тебя в покое хотя бы до 22.44. Вот я и вернулся после 22.44, - облако сделало какой-то жест, который можно было бы трактовать

как улыбку, если бы облака действительно умели улыбаться.

- Слушай, а чего ты от меня хочешь? - начал возмущаться я. - Зачем ты меня преследуешь?
- Я хочу? - удивилось облако и перелилось голубым цветом. - Это ты хочешь. Ты меня всё время вызываешь.
- Бред! - возмутился я. - Ты врешь! На кой чёрт ты мне сдался?!
- Этот вопрос ты лучше сам себе задай, - блеснул жёлтым «союзник», но не дал мне ничего возразить и продолжил: - Впрочем, ты можешь сам этого до конца и не понимать — возможно, где-то внутри, на подсознании, у тебя сидит ответ на этот вопрос, но ты сам не можешь до него докопаться.

Пока «союзник» вещал, чернота за нами стала менять свой цвет, светлеть и переливаться совершенно разным и красками. Постепенно удручающая пустота вокруг стала рассеиваться и на место неё стал пробиваться какой-то мир с нечёткими очертаниями.

- Дело в том, что ты очень закрытый, - продолжал «союзник», - жёсткий человек и любую помощь со стороны воспринимаешь в штыки, так как не хочешь показывать свою слабость и уязвимость... И сейчас ты не хочешь признать, что помощь тебе нужна как никогда.
- Бред! - только и ответил я, глядя по сторонам. Мы всё ещё так же висели в воздухе.
- К Кириллу ты не хочешь обращаться, так как банально боишься его. В результате тебе приходится искать помощь в другом месте... И тут появляюсь я. «Vois la»!
- Ну, и скользкий же ты тип! - проговорил я, не имея особых контраргументов и посмотрел куда-то вправо от облака. - Слишком всё стройно поёшь...

Краем глаза я заметил, что облако перелилось лиловым цветом, после чего продолжило:

- В общем, вне зависимости от того, готов ты это признать или нет, я тебе помогу.

Неожиданно неясный мир вокруг нас обрёл чёткость, и я обнаружил, что стою посреди зелёного поля, уходящего в бесконечность во все стороны. Это было поле, усыпанное одуванчиками. Некоторые из них только-только начали цвести, другие уже распушились и были готовы выпустить семена наружу. По прозрачному голубому небу плыли лёгкие перьевые облака. Комфортная температура, ни ветерка, свежайший лёгкий воздух со сладким запахом пыльцы.

- Где это мы?

Я посмотрел в сторону «союзника» и непроизвольно отпрянул в сторону. Там, где совсем недавно было бесформенное облако, сейчас стоял знакомый мне с какой-то другой линии молодой человек с длинными каштановыми волосами в чёрном длинном плаще и изящном шёлковом чёрно-белом шарфе. Под плащом виднелась чёрная рубашка и чёрные строгие брюки.

- Такой образ тебе, возможно, легче воспринимать? - криво ухмыльнулся он.
- Я тебя знаю? Я тебя уже где-то видел!
- Ну, давай, удиви меня! - вызывающе с сарказмом кинул он.

- Вот чёрт! Сукин ты сын! - без особой злости, но с небольшой досадой проговорил я. - Что же ты меня тогда в самолёте бросил одного?
- Между прочим, я был единственным существом, не бросившим тебя на той линии... - хитро посмотрел он на меня. - Я же тебе говорю, что я «союзник», я призван помогать, когда моя помощь необходима.

Моя картина мира в очередной раз решила предательски отправиться в свободное путешествие.

- Мы сейчас находимся в мире-подарке одного моего друга, - проведя правой рукой в сторону бесконечных просторов словно гид, показывающий достопримечательности исторического центра, проговорил «союзник». - В этом мире нет абсолютно ничего кроме травы, одуванчиков, облаков и, - тут он на долю секунды задумался и нахмурился, после чего сразу же подул лёгкий ветерок, подхвативший семена с пушистых одуванчиков, - ветра.

Он улыбнулся, а воздух наполнился маленькими белыми пушинками, которые неслись как будто целенаправленно, по какой-то продуманной траектории. Это зрелище настолько меня увлекло, что я уселся на траву и стал, раскрыв рот, прям как ребёнок, следить за этим танцем в воздухе. Назад меня вернул спокойный голос «союзника», продолжавшего:

- В этом мире нет даже наших с тобой проекций. Мы тут сейчас находимся, только потому что я выбрал здесь находиться, потому что такова была моя воля. Таких миров, в которых нет ни тебя, ни меня, бесконечное множество, но для того, чтобы суметь их собрать, надо обладать несгибаемым намерением и знать себе настоящую цену.

Я, не скрывая своего непонимания, взглянул на него.

- Истинная цена любого существа, - с важным видом, делая акценты на каждом слове заключил он и поднял левую руку, сформировав кружок большим и указательным пальцами, - ноль.

«Союзник» проникновенно посмотрел мне в глаза и расплылся в самодовольной улыбке.

- Да, ты всё понимаешь. Молодец!

Его милая, добрая улыбка стала постепенно заполнять собой всё поле, вытесняя облака, небо, ветерок, одуванчики... Из-за этого у меня закружилась голова, я повалился на спину с чувством как будто сейчас свалюсь в пропасть спиной назад и рефлекторно зацепился руками за траву. Меня несло куда-то назад, вниз, при этом я чувствовал под собой ровную поверхность, но не мог ничего поделать с этим чувством падения. Я уплывал всё сильнее и сильнее, всё быстрее и быстрее пока неожиданно не проснулся в своей кровати.

Резко открыв глаза я упёрся взглядом в потолок, чтобы не упасть. Я был в своей комнате, в ней по-прежнему царил жуткий бардак, на мне по-прежнему был костюм, из-за чего за ночь я жутко вспотел. Несмотря на всё это безобразие, в голове у меня всё успокоилось, и установилась ясная простая картина, составленная из плывущих по воздуху пушинок. Я действительно всё понял.

Я улыбнулся и разжал кулаки. В ладонях у меня было несколько свежих зелёных одуванчиков.

Всё утро у меня ушло на то, чтобы найти через знакомых человека, который смог бы заменить замок на входной двери, а потом на то, чтобы дождаться, когда он это всё осуществит. Но к своему удивлению это меня не раздражало — после того сновидения мой настрой радикально изменился, я практически перестал давать оценки происходящим со мной событиям, как будто кто-то просто разбудил меня и показал, что на самом деле я всё это время спал. Мне, конечно, не было безразлично, что со мной происходит, но всё это уже стало восприниматься отстранённо, как какая-то странная шутка.

В полдень я был на работе. Димка с Сергеем уже во всю работали и уже были готовы запустить вторую часть проекта — только ждали моей отмашки. Внешне Димка был такой же, как и всегда, только взгляд его стал более усталым и менее жизнерадостным. По всему было видно, что вчера с ним всё-таки что-то серьёзное случилось... Однако делиться он этим не собирался. Я несколько раз закидывал удочку, чтоб понять, что же произошло на самом деле, но он не клевал, и лишь один раз невзначай и немного не в тему бросил:

- Спасибо, Игорь!
- За что?

Димка немного подумал и пояснил:

- Спасибо за то, что ты есть.
- Пожалуйста, - в недоумении дёрнул я плечами в ответ.

На этом наш разговор на тему его пропажи закончился, но моя подозрительность никуда не делась.

В два часа дня мы запустили проект. Началась беготня и суета: то один модуль не хотел работать, то другой начинал глючить — несмотря на то, что всё было заранее тщательно оттестировано, причём несколько раз, ошибки вылезали из ниоткуда, как будто нарочно. Складывалось ощущение, будто система сама не хотела работать и специально ломалась. Потом начались звонки от представителей запущенных сегментов. Несмотря на все те предварительные инструкции, которые мы им выслали, и все те подробные объяснения, которые мы им дали, то тут, то там у них возникали какие-то мелкие проблемы. Втроём мы, конечно, зашивались — тянуть на себе функции кол-центра физически не получалось. Именно тогда стало понятно, что пора выходить на новый уровень организации...

В итоге весь рабочий день ушёл на отладку работы нашего проекта. Только часам к 11 вечера мы справились с потоком жалоб и всё успокоилось, встало на свои места. Посещаемость портала в первый день была какой-то сумасшедшей по нашим меркам: порядка ста пятидесяти тысяч человек. Эта цифра демонстрировала нам не только то, что проект востребован, но и то, какая ответственность ложится на нас за этот проект и его посетителей. Ведь, одно дело грести бабло, одновременно с этим мотивируя посетителя выполнять отупляющие и совершенно бесполезные с точки зрения его развития действия во время пребывания на сайте (например, комментирование фоточек, отправление сообщений в чатиках и т.д.), и совсем другое — создать условия, в которых посетитель, пребывая на портале, мог бы что-то созидать, как-то развиваться... Эти сто пятьдесят тысяч человек показали, что нам предстоит принять непростое решение: пойти ли по пути упрощения и массового потребления или же по пути обучения и развития...

В половине двенадцатого, когда всё улеглось, я достал бутылку «Hennessy», ХО,

припасённую специально для этого дня, приволок из «переговорки» мягкие кресла и позвал ребят. Втроём, совершенно уставшие и измотанные, мы сидели в моём кабинете с типичной офисной мебелью и типично серыми стенами, зато развалившись в трёх кожаных креслах, совершенно одни в опустевшем бизнес-центре. Выпивали. Закусывали яблоками. Вели непринуждённую беседу.

Немного побыв с нами, Димка в какой-то момент извинился, пошутил, пожелал всем всех благ и ушёл. Мы остались вдвоём с Сергеем. То ли от коньяка, то ли от усталости, в тот момент моё отношение к Сергею было непривычно тёплым и приятельским. То, что засело во мне этой ночью стало само собой, практически без моего участия, выливаться наружу:

- Понимаешь, Серёж, каждый человек считает, что он-то личность, он — нечто важное, что-то собой представляющее.
- Ага, - лениво развалившись в кресле, кивал тот в ответ.
- Каждый считает, что у него загадочная прекрасная душа, которую мало кто понимает...
- Угу.
- ...что он уникален и незаменим.

Сергей самодовольно кивнул.

- А вот вскроешь такого человека, взглянешь ему внутрь..., - я сделал жест руками, как будто разломал на две части очищенный апельсин. - Опа! А души-то и нет!

Сергей удивлённо посмотрел на мои руки, как будто я только что показал какой-то непонятный фокус и обманул его.

- Лишь чёрная комната с холодными сырыми стенами, да человечек маленький такой, - я показал пальцами, какой именно, - кривой, подслеповатый, глуховатый, внутри сидит и пересчитывает монетки, делая пометки в рваной бухгалтерской книжке. Сколько набралось? Ужас! Не хватает на новые обои...

Сергей закивал с выражением знатока на лице.

- И что, ведь, самое характерное, скажи я кому-нибудь об этом, никто не подумаем на себя. Каждый только хмыкнет, поставит галочку в своей бухгалтерской книжке и плюнет. Мол, ну, это-то другие такие! Я-то не такой!

Сергей удивлённо поднял правую бровь. Он уже был хорош и совсем размяк в своём кресле, но, по-видимому, всё-таки понимал, что я там ему втирал.

- Я не такой, - покачал он головой.
- Вот-вот, - поддержал я и показал на него указательным пальцем. - А осознай ты, что именно такой, почувствуй до мозга костей, пропитайся пониманием того, что это именно ты сидишь слепой и глухой, а вокруг — тёмная комната, так сразу же жизнь перестаёт быть привычной. Сразу же нужно что-то делать, как-то себя успокаивать и искать проход назад, в свою тёмную сырую зону комфорта. Да, там паршиво, но там привычной...
- Я не такой, - ещё раз покачал головой Сергей.
- А зря! - Я встал с кресла и подошёл к окну. За стеклом виднелся чёрный город с жёлтыми фонарями и редкими машинами, снующими по набережной. - Начинать

надо как раз с того, чтобы признать, что ты — полный ноль. Надо встать к зеркалу, посмотреть на своё отражение и сказать, осознавая каждое слово, каждую букву: «я — полный ноль». Возможно, тогда что-то в твоей жизни и изменится...

- Так тогда вешаться надо или с крыши прыгать! Зачем же жить, если ты полный ноль? - возразил Сергей, ёрзая по кожаному креслу.
- А-а-а-а! - довольно потянул я и, улыбаясь, повернулся к нему лицом. - В том-то и дело, что осознавать, что ты полный ноль и давать этому оценку — совершенно разные вещи. Надо чётко себе представлять, что весь мир вокруг имеет точно такую же ценность, какую и ты сам имеешь...

Я показал Сергею большой и указательный пальцы, соединил их в символе «ок» и изрёк:

- Ноль!

Сергей начал грузиться, из-за чего голова его опёрлась щекой о кулак, брови сдвинулись в кучку, а глаза прищурились.

- Если же человек не может понять, что он ноль, если он считает себя не нулём..., а хотя бы единицей... то весь мир в его глазах обретает меньшую ценность, чем он сам. Он единица, а всё остальное — ноль.
- Наверно лучше быть единицей, чем нулём? - не в тему вставил Сергей, чем меня сбил и расстроил, но я решил сильно на этом не заикливаться, просто покачал головой и продолжил:
- Я не о том говорю. Всё в мире ноль: и ты, и я, и наш офис, и наш проект, и президент, и его собака — абсолютно всё в мире ноль. Но, если человек считает себя единицей, то у него неожиданно появляется мысль о том, что он имеет право устраивать истерики, может требовать к себе повышенного внимания, может ездить на машинах с мигалками, пока остальные еле-еле тащатся в пробках, может убивать и грабить — в общем, многое может..., а некоторые в итоге считают, что могут всё...

Сергей хмыкнул. Видно было, что его мозг не позволяет ему принять и понять эту идею, и он просто решил от неё отмахнуться.

- Но это не меняет того факта, что этот «человек-единица» — полное ничтожество, - грустно заключил я, - полный ноль и ничуть не отличается от того мира, на который он старается плевать. Возможно, он даже хуже, так как окружающий мир не ставит себя выше него...

Сергей покачал головой.

- Да уж, Игорь! С чего это тебя так накрыло? Перебрал, что ли? Мы же, вроде бы совсем немного бухнули. Бутыль вискаря на троих — это же несерьёзно!

Я взглянул на него, и к горлу начала подступать злость. И как я мог так с ним разоткровенничаться?! Насколько же всё-таки он был недалёким и тупым! Как можно жить с такой ширмой на глазах и с ватой в ушах?! Вот уж, кто действительно полнейший ноль...

Но я вовремя опомнился. Я-то ничем не лучше него. Возможно, даже хуже, так как только что втирал ему то, о чём уже через мгновение сам позабыл.

Я усмехнулся и заключил:

- Ладно. Засиделись мы тут с тобой. Давай по домам. Сейчас такси закажу...

Я достал мобильник, набрал номер и, ожидая ответа, подошёл к окну, глядя на город и отражения в стекле. На меня смотрело лицо усталого человека с синяками под глазами, с морщинами на лбу и потрескавшимися губами, но зато с жизнью во взгляде. С той жизнью, которую я уже давно перестал встречать на улицах города. С жизнью, которую за последний год я видел, возможно, только у Кирилла, «союзника» и ещё пары человек из своего окружения.

- Такси «7000000». Здравствуйте!
- Ало, - проговорило отражение и улыбнулось.

В заточении

Дима

День ломится в открытую дверь, не замечая цепочки на точке, лающей по поводу прошедшей революции гроз, опавших со вчерашнего зелёного дня, полного бессмысленной мысленной масляной пустоты, и пустоты, заполняемые мною, стоящим в полный рост у мягкой, белой, пушистой стены, выстроенной собственным сознанием бабочки, раскрывающей свои яркие сладкие цвета прямо в лицо человеку, завязавшим руки за чужой спиной, распадаются на мелкие крохи римских цифр...

- Дайте посмотреть на руки! Дайте мне руки! Я должен убедиться в том, что они живы, в том, что они есть, в том что пять умножить на восемь плюс два!

А что, если они не есть? Что если они не едят? Что, если порождаемое уникальным больным воображением мироощущение — всего лишь стандарт, заимствованный, в обществе примитивных, аддитивных, противных детей, людей, лошадей, площадей о таких вещах не говорят подряд, а творят, дарят и даже боготворят!

- Чем я хуже других людей?

Тем, что у меня две руки? Тем, что у меня две ноги? Тем, что мир я воспринимаю точно так же, как и кучка отбросов, живущих только для того, чтобы испражняться? Тем, что мир вокруг — это сны сумасшедшего, а мои мысли — это мысли бога, мучающегося мигренями в липком сером пуховом заточении?

Я краду эту жизнь у себя каждой секундой, каждым шевелением пальца ноги: левой, правой, левой, правой...

- Марш! Фарш! Фас! Бас! Шевели своими крыльями, червяк! Открывай свои розовые жабры сильнее — я тебя не слышу!

Что значит: «спокойно» из уст сновидения? Чем моё сознание хуже твоего, доктор-читатель истории моей болезни? Тем, что оно чётче выстроено и более гибко? Тем, что мои мысли точно такие же сбивчивые и кучерявые, как и у тебя? Тем, что эта линия, идущая красными ручейками из середины моих ладоней и овивающая мою голову терновым венцом, мне навязана вами, навязана вашим же собственным сумасшествием и повязала мой разум шаблонами как тугими ремнями? Но у Вас ничего не получится, доброе утро, так как я не просто проекция ваших фантазий! Я — фрактал своего сознания! Я точка бифуркации вашего мира! Я — ноль без палочки, и весь мир крутится по шестёрке вокруг пустоты, наполняющей мой восторг и радость, переходящие в полную непригодность, в любую погоду, в любую природу, в любую пахоту я горжусь своим нулём!

– Ноль, ноль, один, ноль! Один, ноль, ноль, один!

Весь мир состоит из этого солнца, идущего с запада на кожу себя, в полное нежелание что-либо делать, в полное нежелание жить полной жизнью и наполнять живые существа существом неживым, а жутковатым или даже жуком с ватой!

Насколько сознание жука может быть обусловлено восприятием человека? Ровно на пятнадцать копеек, и не дюймом больше! А насколько сознание человека может быть обусловлено восприятием человека? Ровно на «3i» дюйма, и не градусом выше! А насколько градусов увеличится накал страстей в психиатрической больнице, обусловленной сознанием одного ненормального создателя? Как быстро можно создать клетку из серых нот музыки весны себя самого?

Скрип в ушах и лиловое настроение. Сижу как попугай в клетке на ниточке этого сумасшествия. А потолок кидается в ноги и молит о прощении, стены колышутся в ритуальном танце, предлагая мне броситься в свои объятия. Но я уже в своих объятиях. И нельзя объять необъятное. Как я могу объять себя, если даже не знаю, что есть «я», и какое именно мне выбрать? Как я могу выбраться из заточения, если сам же его не осознаю?..

Вдох, выдох, воздух становится плотнее, сердце становится ровнее, стены становятся прямее. Разум возвращается назад, в свою колыбель. Вокруг белые мягкие стены, на мне рубашка с длинными рукавами, завязанными на спине. Истощён, нет ни капли энергии, устало, обессилив, сползаю на пол.

– Когда же закончится этот кошмар? - медленно, с очень вялым языком, шепчу, прикрыв глаза.

Сколько мне ещё тут торчать в таком состоянии? Как меня только угораздило сюда попасть? Что они со мной собираются делать? Они хотят меня вылечить или покалечить? Заставить жить или уничтожить? Где Игорь? Где Рома? Почему они до сих пор меня не нашли и не пришли ко мне на помощь? Где Дагни? Кто Дагни?

– Дагни! Дагни! Как ты могла?! Как ты могла покинуть меня? - причитая, сижу на полу и качаюсь из стороны в сторону. - Даааагни! Ты же обещала! Ты всегда со мной, даже, когда я этого не замечаю...

Красные глаза. Слезы по лицу. Дурные мысли кристаллизуются из всего этого сумасшедшего бреда... Зажмуриваюсь, пытаюсь отрешиться от всего и сосредоточиться лишь на ней...

Здравствуй, доброе солнце! Как приятны твои лучи невежества! Как ласкают кожу волосы твоего разума! Как красива крона твоих деревьев! Как прекрасны твои алые губы! Как опьяняющ твой запах! Но почему же, солнце, я не могу тебя вспомнить?! Почему вместо стройного образа, кошмары перед глазами, а вместо твоего прекрасного голоса в ушах шепчет хриплый злой голос? Почему ты меня оставила? Кто ты, и что ты сделала со мной?!

Резко открываю глаза. Меня осенило!

– Это всё заговор! Это так задумано! Это такой план! - с агрессией выпаливаю, вскакиваю на ноги и, брызгая слюной, кидаясь на стены. Пинаю их, бью головой, бросаюсь всем телом, злюсь, но мягкие стены меня бережно откидывают назад, на такой же мягкий пол. В бессилии опять сползаю на пол, упёршись спиной о стену.

Я — всего лишь винтик в этом грандиозном плане мироздания! И Дагни об этом знает,

и она меня использует. Она меня использовала с самого начала! Циничная тварь! Сука! Шлюха! Ненавижу тебя! Чтобы ты горела в аду!

Пауза. Смотрю вперёд, пока в голове выстраивается ровная красная линия.

Всё это не искренне. Я не хочу, чтобы ты горела в аду, потому что я люблю тебя, и жить не смогу, если ты сгоришь в аду... если ты пропадёшь. И ты меня любишь. И хоть ты знаешь больше меня о наших ролях в этой комедии, хоть ты и действуешь осознанно, но поступить иначе не можешь. Потому что, если ты поступишь иначе, то тебя не станет — ты вывалишься из стройной системы рангов... Ты точно такой же винтик, как и я... Только, возможно, размером побольше.

Всхлипываю, запрокидываю голову и сползаю на пол, глядя в потолок осоловевшими глазами. Лежу на спине.

Что за жуткая дилемма! Что за гадкая проблема! Как мне расплести этот клубок интрижек и что мне делать с полученными знаниями?.. Мне нужна помощь...

- Дагни! - шепчу и повторяю всё тише и тише, уходя с этим именем в сновидение с мелкими слезами на глазах. - Дагни... Дагни... даже, когда ты этого не замечаешь...

Болванка

Дима, Рома

Глаза человека в строгом чёрном костюме, сидящего напротив меня, проникновенные и добрые, однако я чувствую, что тот пытается докопаться до чего-то внутри меня. Пытается, но не может. Чтобы скрыть свою неудачу, он приветливо улыбается. А я-то как раз могу. Я заглядываю в него и вижу произошедший около часа назад диалог, из-за которого этот человек теперь на меня так смотрит.

Картина со стороны: двое, похожих друг на друга лицами и одеждой стоят в пространстве на абсолютно белом фоне, без стен, пола и потолка. У моего гэбэшника в руках пластиковая чашка с кофе. Периодически прикладывается.

- Ничего не понимаю, - произносит он своему коллеге. - Мы промыли ему мозги, но всё, что смогли вытащить — это то, что его зовут Лисин Дмитрий Валерьевич и что он родился в Чимкенте, да ещё кое-какую информацию о его друзьях...
- Да, странно очень, - озабоченно соглашается его коллега. - Как же ему удаётся скрыть правду?!
- Не пойму, - удивляется первый гэбэшник. - И эта странная девушка, о которой известно только имя «Дагни». Даже образов её никаких нет...
- А с друзьями что?
- С этими всё в порядке. Ну, как сказать, всё в порядке? Они сейчас здесь и предварительный опрос показал, что они ни разу не слышали ни о каком Лисине Дмитрие Валерьевиче. Но я уже не знаю, можно ли им верить. Возможно, у них там банда, разработавшая методы сокрытия информации?.. Надо их тоже проанализировать...

Образы обрываются, когда человек, сидящий передо мной, наконец, произносит:

- Ваши друзья, Дмитрий Валерьевич, у нас. И они значительно более словоохотливы, чем вы и готовы к сотрудничеству... Так что, если вы не начнёте

говорить правду, то они уж точно нам всё о вас выложат. И, поверьте мне, на пользу вам это не пойдёт.

- Прекрасно, - самоуверенно произношу я, - значит они помогут подтвердить мою версию, и всё это недоразумение будет разрешено.
- А вот тут есть некоторые сложности, - произносит гэбэшник, крутя дешёвую чёрную пластмассовую ручку в руках. - Дело в том, что они уже признали, что не знают никакого Лисина Дмитрия Валерьевича. Значит мы уже точно знаем, что это не ваше имя.

Он молчит, опять пристально глядя на меня, ожидая хоть какой-нибудь реакции.

- Сколько вы меня уже здесь держите? - без интонации спрашиваю я, чем, как видно по уголку глаз гэбэшника, ввожу его в небольшое замешательство.
- Ни одну неделю, - неопределённо отвечает он и продолжает свою песню, - вы же понимаете, что, чем быстрее мы разберёмся с вашей проблемой, тем раньше отпустим?..
- Вы с ней не разберётесь, - уверенно и сухо отвечаю я. - Потому что не хотите в ней разобраться. Потому что вместо того, чтобы просто открыть глаза и принять всё как есть, пытаетесь что-то придумать и усложнить.
- Так, - гэбэшник встаёт, подходит к двери и с досадой продолжает, - не получается никак с вами общего языка найти, - он открывает дверь и говорит кому-то что-то нечленораздельное, после чего возвращается назад и занимает позицию поодаль от стола, в углу комнаты, прислонясь к стене, скрестив руки.

Спустя минуту дверь открывается и в неё входит Рома. Он выглядит очень растеряно, расстроено, смущённо и подавленно, бросает на меня мимолётном взгляд, но никак не реагирует на моё присутствие, как будто и не узнаёт вовсе. Моему счастью от неожиданной и приятной встречи нет предела. Сейчас всё разрешится! Рома поможет! Слава богу!

- Садитесь, Роман Юрьевич, - предлагает гэбэшник, показывая на стул напротив меня.

Рома садится и сталкивается со мной взглядом. Я смотрю на него как на спасителя, с восхищением и радостью, и не могу скрыть улыбки.

- Вы узнаете этого молодого человека? - спрашивает гэбэшник из своего угла.
- Не... нет, - заикаясь со страхом выговаривает Рома и качает головой.

Я не могу поверить собственным ушам и с возмущением и удивлением гляжу на него. Меня как будто окатили ледяной водой...

- Да ты что, Рома?! Это же я! Дима! Что же ты такое говоришь!?
- Кто, простите? - поморщившись, вежливо переспрашивает он.
- Дима! Лисин Дима, - живо отвечаю я, пытаюсь освежить его память. - Неужто ты ничего не помнишь?! Игры на память с Игорем помнишь? А вечеринки и шатание по клубам помнишь? А как вёл у нас занятия по матметодам? Группа номер 342...
- Нет, ничего такого я не помню, - неопределённо отвечает он, явно не понимая, что происходит. - Я никогда в жизни не вёл занятий...

Гэбэшник стоит в своём углу и напряжённо наблюдает за нашим диалогом. А я опешил. Как так? Рома, с которым мы столько всего пережили, с которым нас столько связывало, и не признаёт меня, а лишь, заикаясь несёт какую-то околесицу...

Я присматриваюсь к нему, чуть склоняюсь и пристально вглядываюсь в глаза. И тут к своему удивлению обнаруживаю, что передо мной очень простой человек, который живёт очень простой размеренной жизнью, у которого жена и маленький ребёнок, своя трёхкомнатная квартира, хорошая зарплата банкира, на которую он содержит всю семью и ни в чём себе не отказывает. У этого человека всё в порядке в жизни, всё ровно и спокойно. У этого человека, с лицом и именем Ромы, с какой-то частичкой Ромы, совершенно не Ромина жизнь, совершенно не Ромин характер, да и восприятие мира не его. Да и нет в нём той силы, нет той ясности, которые присущи моему другу. Это не настоящий Рома, а лишь болванка, на которую человека забыли надеть...

Я улыбаюсь, откидываюсь на спинку стула и нахально самоуверенно смотрю на гэбэшника. Всё мне становится понятно.

- Что за дурацкие шутки и уловки? - бросаю я ему. - Я же прекрасно вижу, что это не Рома. Зачем вы посадили передо мной эту неудачную куклу?!
- Кукла?! - загорается на это Рома. - Сами вы кукла! Я — разумная личность, мыслящий человек... я кандидат экономических наук, в конце концов! Кукла, сидящая перед вами, чего-то да стоит и уже многого достигла в жизни! - он горделиво и высокомерно бросается фразами, пытаюсь меня поставить на место и задеть, но в ответ вызывает у меня лишь смех, да недоумение, что в свою очередь уже в нём вызывает приступы неконтролируемой злости. - А вы, вы, молодой человек! Вы чего достигли в своей жизни? Знаете, кто вы?! Знаете?! - он краснеет, подбирает слова и брызгает слюной. - Вы ноль без палочки! Вот вы кто! Ничтожество!
- Так, хватит! - рявкает гэбэшник из своего угла, из-за чего Рома невольно съёживается и замолкает. А гэбэшник направляется к двери и опять что-то говорит человеку за ней. - Всё. Выходите, Роман Юрьевич. Спасибо. Вы свободны.

Рома встаёт и, стараясь подавить в себе недовольство и раздражение, бросает на меня напоследок оскорблённый взгляд, после чего покидает комнату.

Гэбэшник озадаченно смотрит на меня, качает головой, тяжело вздыхает и выходит.

На этом наше свидание в тот день закончилось и меня опять вернули в комнату с мягкими стенами.

Спаситель

Дима, Игорь

Прошло несколько дней, в течение которых я был в заточении. Большую часть времени я проводил в небольшой аскетичной камере, выкрашенной в салатный цвет, главными элементами мебели в которой были зелёная металлическая дверь, галогенная лампа под потолком (до которой можно было дотянуться кончиками пальцев, встав на цыпочки) и небольшая одноместная кровать с жёстким матрасом. Несколько раз за всё это время меня водили на «восстановительные процедуры» и промывали мозг. С каждым разом после этого дела, отходил я всё дольше, а сил у меня оставалось всё меньше. Я угасал и чувствовал, что ещё несколько дней в таком режиме, и совсем пропаду.

Я уже совсем потерял надежду на спасение, когда после очередной такой «процедуры»,

пока я плохо соображал и находился в бреду, ко мне в комнату неожиданно вошёл какой-то человек.

В тумане из сумасшедших образов и путанных мыслей, я вижу фигуру, которая берёт меня под локоть и направляет к выходу.

- Ставни! Ставни закройте! А то весь свет выйдет, - беспокойно из того мира говорю я.
- Тш-ш-ш, - успокаивает человек, ни пол, ни возраст, ни образ которого я пока воспринять не могу.
- Ведь чёрная вечность дремучего сознания окаймляет океаны белого мироздания, - умничаю я, на что человек никак не реагирует и медленно, но уверенными шагами выводит меня из камеры и далее ведёт по коридору.
- Кто ты, жёлтый понедельник? - спрашиваю я в своём сумасшедшем помутнении, пытаюсь хоть чуть-чуть прийти в себя и задать какие-нибудь осмысленные вопросы.
- Всё в порядке, Дима. Это я. Сейчас мы с тобой выберемся отсюда.

Вдалеке раздаются шаги и какой-то шум, мой спутник настораживается, уши его вырастают и сам он становится фиолетового цвета... А, впрочем, возможно, это всё моё воображение... Он усаживает меня на пол, кидает полушёпотом: «я сейчас» - и скрывается за углом коридора. Шум возрастает и становится ярко алого цвета, после чего стихает и становится спокойным, голубым. Попутчик подходит ко мне и поднимает.

- Всё чисто. Можем идти дальше.

Меня жутко шатает, стены злобно смотрят на меня, а пол так и пытается укусьить за ноги. Подпрыгиваю.

- Тш-ш-ш, Дима! Всё хорошо. Иди ровней, - повторяет попутчик. - Ещё немного.

А путь наш всё не заканчивается и даже конца не видно — сплошной глухой тоннель из серых стен, пола и потолка. Мы проходим мимо охранника, упавшего и уснувшего прямо на полу, посреди коридора. Из его головы течёт красная жидкость, по мере вытекания меняющая свой цвет на чёрный. Да и сам охранник постепенно чернеет и распадается на части.

- Чёрная смерть! Как любопытно! Чёрная смерть друг белой жизни, - несу я околёсицу против своей воли. Мой спаситель не обращает на это внимание.

Мы поворачиваем направо и продолжаем движение по коридору, по которому я ходил, возможно, только один раз — когда меня сюда притащили... И что же теперь? Не уж то я, наконец, свободен? Путь долг и лесист. В качестве деревьев, правда, поваленных, сломанных, выступают люди в белых халатах и синей форме. В качестве заднего фона — стены, некоторые из которых в чёрных пятнах...

Наконец, мы проходим через пропускной пункт и выбираемся на улицу, поворачиваем направо и какое-то время мой попутчик идёт целенаправленно и быстро, не останавливаясь, фактически волоча меня на себе. Затем мы, наконец, приходим к какому-то безжизненному тёмному месту. Он меня усаживает на асфальт, прислоняет спиной к холодному бетону и склоняется надо мной.

- Димка, ты в порядке? - спрашивает он, глядя прямо мне в лицо и улыбаясь.

- Я доброе утро, - отвечаю ему. Тот ухмыляется и гладит меня по голове.
- Ничего, это скоро пройдёт.

Смотрит на часы, что-то прикидывает, покусывая нижнюю губу.

- Мне нельзя здесь оставаться. Мне надо возвращаться к себе. Димка, сейчас очень важно, чтобы ты меня понял и запомнил, что я тебе скажу, - треплет меня немного за плечи, чтоб я пришёл в себя. - Димка! Ди-имка! Соберись! И запомни! Тебе нужно вспомнить себя на старой линии! Слышишь меня?
- Да, конечно, - в полупьяном состоянии отвечаю ему. - Красная линия — линия скоро заката!

Он качает головой и тяжело вздыхает.

- Дима, вспомни себя, вспомни что-нибудь очень яркое и важное для тебя из той твоей жизни! Это критично для тебя. Если ты этого не сделаешь, то тебе крышка. Ты понял?

Я киваю и отмахиваюсь, укладываясь на левый бок, а затем постепенно отключаюсь от всего происходящего.

Мой спаситель поднимается на ноги, стоит в нерешимости, сочувственно смотрит на меня и завершает своё спасение репликой:

- Всё. Больше я сделать не могу. Я убегаю. Надеюсь, мы ещё увидимся.

Встаёт и целенаправленно, быстрым шагом, уходит. А я лишь ему в след, сквозь своё туманное сновидение, еле заметно, заплетающимся языком кидаю:

- Спасибо, Игорь!

Продолжение обучения

Рома, Кирилл

Боясь, что меня выследят или случайно обнаружат, я решил, что буду вести по возможности затворнический образ жизни, и не высовывался из квартиры уже в течение пары недель. Миша покупал всё, что мне нужно было для комфортного существования, я же в свою очередь следил за квартирой и фактически превратился в домохозяина. Я её отдраил и привёл в порядок, так что мне стало снова комфортно жить в четырёх стенах. Средств для существования у меня оставалось немного — только та наличность, которая была при мне, когда я убегал — но их хватило на то, чтобы Миша купил мне зубную щётку, шампунь, дезодорант, новую сим карту на своё имя, набор трусов и носков. Я отпустил бороду, чтобы экономить на бритве. Мне это жутко не нравилось, борода колосась и была неровной, но я понимал, что мне надо перешагнуть через себя и быть новым Ромой. Штаны с рубашкой я носил по два дня, после чего менял с теми, что позаимствовал у Игоря. Слава богу, в Питере уже наступило настоящее лето, так что тёплая одежда мне была ненужна. Но долго такое моё отшельническое существование не могло продолжаться.

Конечно, мне не хватало моих вещей, моей квартиры. Резкая смена обстановки выбила меня из колеи, хотя по началу я и не хотел этого признавать и старался храбриться. Я не мог нормально расслабиться, не мог прийти на кухню в одних трусах в любое время суток, не боясь столкнуться там с Мишей. У меня не было привычных вещей и даже не

было компьютера. Миша давал попользоваться своим ноутбуком, когда его не было дома, но своего средства связи с внешним миром у меня не было. Фактически я остался без гроша. Всё, к чему я так привык, исчезло. Все эти Nokia, Intel, ATI, Dell, Tephall, Bosch, Fairy, Elseve... - все они остались в другой жизни, и тут я уже должен был адаптироваться к новым условиям и жить в них, привыкать к другим названиям.

Зато теперь у меня было много свободного времени, большую часть которого, не видя никаких улучшений в своей социальной ситуации, я решил посвятить перепросмотру. С каждым днём занятий в голове всплывали давно забытые эпизоды, которые, как оказалось, до сих пор меня держали и ограничивали. И все они по мере перепросмотра выстраивались в логичную последовательность, а их влияние на меня становилось более явным и очевидным — так тусклые образы становятся всё более отчётливыми на снимках во время проявки. И люди на этих снимках моего прошлого приобретали новые черты, одновременно с этим теряя элементы идеализации, которыми их в своё время наделило моё сознание...

Всё шло как будто само собой, размеренно и без особых эксцессов: завтрак, перепросмотр, интернет, обед, чтение, перепросмотр, ужин, перепросмотр, телевизор, сон... Пока однажды я не натолкнулся в своих воспоминаниях на эпизод, который никак не получалось восстановить детально. Было такое ощущение, будто кто-то вычеркнул у меня этот участок из памяти. Это был кусочек моей жизни, связанный с теми мистическими записками. Я смог восстановить в своей памяти многие элементы того дня, но самый конец никак не хотел вылезать наружу. Я помнил, как увидел последнюю записку на остановке, и как я плюхнулся на скамейку, но я не помнил, как я очутился в своей комнате за компьютером. Всё это показалось мне чрезвычайно важным, особенно учитывая то, какую роль написанная тогда статья сыграла в моей жизни.

Этот эпизод не давал мне покоя, и продолжить свои занятия из-за него у меня никак не получалось. Он даже стал своеобразной навязчивой идеей: я принимал ванную и прокручивал его в голове, я ел и прокручивал его в голове, я садился за Мишин компьютер, чтобы проверить почту и почитать новости, и прокручивал его в голове, я пытался обратиться к другим эпизодам во время перепросмотра, но всё равно прокручивал в голове его...

– О чём думаешь? - спрашивал у меня Миша во время обеда.

К моему счастью, Миша не был склонен выслушивать других людей. Он был склонен к тому, чтобы говорить.

– Да так, - неопределённо отвечал я, в раздумьях ковыряясь вилкой в остывающем обеде.

– Понятно. А я сегодня был на студии – мы писали новую песню. Там такая басовая партия получается!.. – отвечал на это Миша и дальше уходил в свои рассказы.

А я слушал его лишь краем уха и периодически «угукал», в голове прокручивая, как я стою и разглядываю объявления и неожиданно натываюсь на «Сдаю сознание. В хорошем состоянии со встроенным генератором оправданий. Дёшево»... И буквально сразу же после этого я оказываюсь дома, за компьютером... Кто-то мне что-то подмешал? Кто-то это всё подстроил, чтобы я оказался в той ситуации, в которой я оказался сейчас? Зачем?

Поняв, что я топчусь на месте и из-за этого только ухудшаю всю ситуацию, я решил обратиться за помощью к своему наставнику, к Кириллу.

– Приезжай ко мне домой, - сухо проговорил он, выслушав мою проблему по

мобильнику.

- Но это же опасно, - попытался отмазаться я из страха вылезать из квартиры, но Кирилл не дал договорить, по-отечески уверив:
- Приезжай. Все эти преследования только у тебя в голове...

Мне ничего не оставалось, кроме как собраться с силами, набраться смелости и отправиться к нему... Собирался я с опаской и чувством неуверенности в себе, да и вообще был очень рассеян, обдумывая про себя разные сценарии своего выхода из дома.

Я оделся, проверил, взял ли кошелёк...

Они уже могли вычислить моё местоположение и ждать меня у самого выхода.

Обулся и проверил, не забыл ли захватить кошелёк...

Или же они могли меня поджидать у метро — вполне возможно, что меня уже объявили в розыск.

Взял ключи от квартиры, прошёл на кухню, чтобы проверить, всё ли выключил...

А если не у метро, то, может, даже у самого Кирилла... а, вдруг, они вычислили, что мы с ним знакомы, и уже там? В принципе, они даже Мишу могли вычислить, так что мне пока просто везло оставаться незамеченным.

Я проверил, взял ли кошелёк, чертыхнулся, сообразив, что сделал это уже несколько раз, окинул взглядом квартиру, вздохнул и вышел, захлопнув дверь.

Что мне оставалось делать? Только взять себя в руки, попытаться отбросить от себя все мысли о том, что меня поймают, скрутят руки и куда-нибудь уволокнут, и просто идти на встречу к Кириллу.

Уже у самого метро я заметил двух молодых ментов в обвисшей форме, стоящих прямо у входа. Они лениво смотрели по сторонам, ведя друг с другом какой-то незатейливый разговор, по сути не представляя для меня особой опасности — так, мелкая шпана, ничего серьёзного, но всё же... Шёл я в их сторону, не подавая виду, что жутко переживаю, хотя сердце по мере приближения к ним только ускорялось. А, вдруг, посмотрят на меня? А, вдруг, остановят? В моём случае даже стандартный паспортный контроль, принятый в нашей стране, может обернуться крупными неприятностями — наведут справки, начнут взятку требовать, а то и избить попытаются... Впрочем, это всё были страхи и дурные мысли, от которых нужно было поскорее, от греха подальше, отмахнуться.

Но вот один из ментов поймал мой взгляд, подозрительно посмотрел на меня и подтолкнул своего напарника локтём и что-то ему тихо начал говорить, не отводя взгляда. Тот тоже взглянул на меня, после чего закивал головой и захихикал. Однако я прошёл мимо них, а они так и остались стоять на своём месте.

Пронесло!

Вниз. В метро. В поезд. Там уже значительно спокойней, поэтому я мог расслабиться и почитать. С собой у меня на мобильнике были рассказы Айзека Азимова, и я погрузился в чтение одного из них, называвшегося «Логика». Рассказ был настолько ярко и интересно написан, что затянул меня, из-за чего я случайно проехал свою станцию и вынужден был возвращаться назад.

По дороге от метро до дома Кирилла я несколько раз сталкивался взглядом с ментами, из-за чего каждый раз у меня начинало бешено колотиться сердце, но ни один из них так

никакого интереса ко мне и не проявил.

Перевести дыхание и окончательно успокоиться мне удалось лишь, когда я поднялся на лестничную площадку квартиры Кирилла, протёр ботинки о ворсистый коврик и позвонил. Дверь открылась, и меня встретил взлохмаченный Кирилл в голубом банном халате с изображением розовых слоников и тапках с белыми зайчиками.

- Неожиданный образ, - хмыкнул я, проходя внутрь. - Привет!
- И тебе привет, бородач, - ответил Кирилл, впуская меня внутрь. - Я так и знал, что ты перестанешь бриться...
- Экономлю, - только и ответил я, проходя внутрь - Я тебя разбудил что ли? Или ты из ванной?
- В смысле? - не понял он.
- Ну, ты весь такой расслабленный и домашний, - снимаю обувь.

Тот лишь в ответ дёрнул правым плечом и направился в комнату. Я поставил обувь справа от входа и последовал за Кириллом, особенно не застревая в прихожей. В комнате, в которую мы вошли, были абсолютно голые белые стены, в потолке были «утоплены» галогенные лампы, на полу — идеально белый ковролин. Не было никакой мебели за исключением двух больших кожаных белых кресел, стоящих друг напротив друга. В одно из них Кирилл вальяжно плюхнулся. Я сел в другое.

- На что жалуемся? - спросил он, проникновенно глядя мне в глаза исподлобья, сложив пальцы домиком на уровне лица.

Я огляделся по сторонам и отметил для себя, что в этой обстановке чувствую себя пациентом на сеансе у психотерапевта.

- Я начал делать перепросмотр..., - начал я.
- Угу, - кивнул в ответ Кирилл.
- И уже далеко достаточно продвинулся: пересмотрел уже около трёх сотен событий из восьми сотен...
- Угу.
- И всё это прошло очень плавно и быстро...
- И в чём же проблема?
- Проблема в том, что я не могу детально вспомнить один эпизод своей жизни.
- Так-так.
- Он связан с той самой статьёй про «Линии жизни». Точнее с тем, что происходило до того.
- И что же происходило до того? - спросил Кирилл.
- Я стал находить в своей комнате странные записки, как будто написанные мною, но которые я не мог вспомнить.
- И что в этом особенного?
- А то, что они появлялись из ниоткуда, в них было написано, что я сплю, что всё это нереально и так далее.

- Ну, предположим, - скептически заметил Кирилл. - Записки ты мог просто не заметить, с кем не бывает? Стоит ли из-за этого париться?
- Париться стоит из-за того, что я потом пошёл погулять и нашёл очередную записку у остановки. А вот потом как раз и возникает пробел, с которым я не могу справиться. Я помню, как читал последнюю записку, и помню, как очнулся, сидя за компьютером, но не помню ничего между этими двумя событиями. Но, что меня больше всего настораживает, так это то, что из-за этой статьи у меня теперь все эти проблемы...
- Думаешь, что тебя кто-то подставил? - насторожился Кирилл.
- Я не знаю, но думаю, что, восполнив этот пробел, я смогу понять, как я оказался здесь и что делать.
- Понятно, - решительно кивнул Кирилл. - Есть один рецепт... Но для этого тебе нужно увеличить собственное осознание.

Я замялся и неопределённо криво улыбнулся.

- На этой линии, - продолжил Кирилл, не обращая внимание на мои ужимки, - тебе пока не удастся это сделать. Поэтому пора переходить к одной из главных задач начинающего конструктора — к сбору осознания на других линиях.
- Что это значит? - откровенно не понимал я.
- А это значит, что тебе надо переместиться на линию, на которой существует твоя проекция с какой-то значительной частью осознания, перетянуть его на себя и вернуться назад. Задача элементарна.
- Но, конечно же, есть подвох? - заметил я.
- Конечно же, есть, - подтвердил Кирилл. - Тебе нужно сохранить память о себе, осознать себя там, а потом осознать себя здесь и суметь всё это проделать самостоятельно.
- Прекрасно. Плёвое дело, - отшутился я. - И как же я сумею «перетянуть осознание», когда я даже до конца не понимаю, что такое «осознание»...

Кирилл не обратил внимание на мои ёрничания.

- Это произойдёт само собой, если ты сумеешь осознать одновременно себя на этой линии и свою проекцию. Меньшая часть автоматически будет притянута к большей. Это как закон гравитации...

Я помотал головой.

- Как-то всё это непонятно и странно звучит, - с сомнениями проговорил я.
- Надо просто попробовать, - наставническим голосом заверил Кирилл. - Давай прямо сейчас это и сделаем?
- Сейчас?! - удивился я. - Мне надо для начала хотя бы смириться с этой мыслью, попытаться её понять... А ты предлагаешь уже сейчас?..
- Да. Именно сейчас и ни минутой позже. На самом деле сейчас уже поздно — надо было сделать это пару секунд назад... Но, если не сделаешь этого сейчас, то рискуешь вообще не сделать этого никогда...

Я посмотрел ему прямо в глаза. Они выражали полную уверенность, в них был напор,

задор, азарт, но, одновременно с этим и полная поддержка, и внутренняя доброта. Эти глаза не могли толкнуть меня на что-то непонятное и необдуманное. Эти глаза были готовы помочь. Этим глазам хотелось верить. Сукин сын всегда был прекрасным манипулятором и умел воздействовать на меня на каком-то внутреннем уровне!

- А, чёрт с тобой! - заключил я. - Всё равно терять нечего. Что нужно делать?
- Собери линию.
- Какую?
- А какую хочешь. Главное, чтобы на ней было, что собирать...

Я с недоверием посмотрел на Кирилла. Тот только в ответ важно кивнул и откинулся на спинку кресла. Я помотал головой, не особенно понимая, что делать, глубоко вздохнул и закрыл глаза. Почему-то мне показалось, что если я просто расслаблюсь в этом мягком кожаном кресле, то всё само собой произойдёт.

Кирилл сидел молча, стараясь не мешать. Он, кажется, даже почти не дышал, его присутствие совсем не ощущалось.

Вначале перед глазами мелькали мысли о прошедшем дне, о заботивших меня проблемах, возникали образы ментов, Миши, потом — тех записок... Но затем всё стало само собой успокаиваться и неожиданно в голову как нечто само собой разумеющееся, очевидное, пришло понимание того, что собрать и как это сделать. Где-то вдалеке, в уголке сознания стали появляться нечёткие образы странных комнат и незнакомых людей. Я понял, что мне нужно сконцентрироваться на них и перенести себя в ту область, осознать себя там. По мере увеличения концентрации воображаемый мир крупнел, набирал краски и набивался событиями прошлого. Всё это было настолько интересно, неожиданно и увлекательно, всё это настолько затянуло меня, что я даже и не заметил, как оказался в столовой...

Робот

Рома

С самого начала день не задался. Даже с самой ночи, когда мне приснился какой-то дурацкий сон, в котором я был на Земле и удирал со всех ног от бандитов в спортивных костюмах. Абсурд и сюр полнейший! Я на Земле уже не был лет тридцать, не меньше. Да и никогда она не выглядела такой зелёной и винтажной, как в том сне...

Утром меня разбудил дурацкий звонок из центра по поводу того, что сроки по отчёту сдвигаются на послезавтра, а значит надо срочно заканчивать работу по калибровке сканера и начинать исследование.

Вообще с самого начала нашей миссии мне было непонятно, зачем тащиться к WASP-14B, уже давно досконально изученной планете, и проверять составленные карты. Однако слухи распространяются быстро и, несмотря на гриф секретности и молчанку со стороны руководства, выплыла версия о том, что какие-то астрономы то ли на Земле, то ли на Глизе установили, что WASP-14B в последнее время стала проявлять в себе черты чёрной дыры, начиная постепенно сжиматься... Первым, что пришло мне в голову после этой информации был вопрос о том, в каком количестве нужно каждый день уничтожать спирт для протирки линз для того, чтобы дойти до такого... Впрочем, когда мы обсуждали эти слухи с Джейкобом ещё месяц назад, то пришли к выводу о том, что они вполне имеют право на существование: ведь, этим ребятам в своих лабораториях всё равно делать нечего — лишь бы деньги с грантов освоить и симитировать бурную деятельность.

Поэтому почему бы им не напрямь какую-нибудь команду исследователей слетать за пять сотен световых лет и провести для них пару бесполезных элементарных тестов под прикрытием пафосных слов о важности изучения возможности использования энергии чёрных дыр для нужд человечества...

Правда, «обсуждать слухи» — это одно, а ничего не делать из-за собственной лени — совсем другое. Именно поэтому вчера я поругался с Джейкобом, и именно из-за этого сегодня утром начать процесс сканирования мне не удалось. Когда я связался с ним через видеофон, Джейкоб лишь сквозь зубы проговорил, что ему некогда заниматься калибровкой. А это по сути означало, что на всю нашу миссию он положил большой болт, и как из этой ситуации выпутываться — сугубо моё дело. По-видимому, слова про «техника-олигофрена», брошенные мною в его сторону вчера в пылу спора, были им восприняты слишком близко к сердцу. Впрочем, всё равно! К тому же, он действительно туповат...

Но всё это, как я теперь понимал, было только предвестием кошмара, таким прологом к повествованию, непосредственным участником которого я теперь стал против своей воли.

Я сидел в комнате карантина за столом на мягком стуле, напротив меня сидела эта дурацкая железяка с искусственным лицом, пытающимся выразить дружеские чувства, и несла какую-то чушь.

Я устало потёр лицо руками и вздохнул.

- Ну, что за бред?! О чём ты говоришь?! Это же просто ни в какие разумные рамки не вписывается!
- И тем не менее, - гнул свою линию Арди, - Ты сейчас совсем другой.
- Ну, чем? Чем я другой? Час назад был такой, а сейчас — уже не тот? Я неожиданно поправился или поглупел?.. - активно жестикулируя, возмущался я.
- Просто час назад ты по-другому мыслил и воспринимал мир.
- Мыслил по-другому? - с сарказмом передразнил я. - С каких это пор роботы научились читать мысли?!
- Я не умею читать мысли, - начал занудно объяснять Арди. - Но, Саймон, по твоим действиям, по твоим движениям, видно, что ты стал мыслить иначе. Возможно, человек на это не обратит внимание, потому что он всё время отсекает большую часть информации, циркулирующей вокруг него. Вероятно, на это даже не обратит внимание простой позитронный робот, построенный на нейронно-символьных сетях предыдущих поколений. Но я устроен иначе, я всё подмечаю и всё анализирую.

Я встал со стула и стал ходить по комнате, не скрывая свою досаду, причитая: «Да что же это делается?!». А Арди, не сводя с меня взгляда своих не моргающих искусственных глаз, продолжал:

- Проведя анализ твоих действий за последний час, я прихожу к единственно верному выводу о том, что в тебя вселился какой-то инородный организм. Что это за организм неясно, но до тех пор, пока мы не поймём причину произошедших изменений, я не могу тебя выпустить — нельзя допустить заражения всей станции.

Я не выдержал и с агрессией стукнул по столу кулаками, затем вцепился в его края и, брызгая слюной в лицо Арди, начал орать на робота:

- Ты тупая железка! Что за чушь ты несёшь?! Какое ещё заражение?! Какой к чёрту карантин?! Мне отчёт писать надо! У меня сроки горят, а ты тут цирк устраиваешь!

Робот аж вжался в стул от такого напора с моей стороны и голосом с имитацией дрожания быстро начал тараторить:

- Прошёл час, и ты теперь всё делаешь по-другому. Например, ручку в руке держишь по-другому — не так, как всегда, и руки закладываешь, когда думаешь, не как обычно — левую поверх правой, а не наоборот. Все пуговицы на рубашке застегнул... факторов много и по отдельности они ничего не значат, простой робот отнёс бы их к случайным, но я могу отличить случайности от закономерностей. У всех этих показателей есть причина. И единственное объяснение в данном случае заключается в том, что в твоё тело около часа назад вселился инородный организм.
- Всё, я не могу больше выслушивать этот бред, - с отчаянием в голосе произнёс я и плюхнулся в кресло, стоящее около стены напротив входа в комнату. - Иди отсюда, чтоб глаза мои тебя не видели.

Робот послушно встал и направился к выходу.

- И позови мне Джейкоба, - кинул я ему в спину.

На это робот остановился и, повернувшись ко мне своим искусственным лицом, с мольбой в голосе произнёс:

- Саймон, пока мы не выяснили причину твоего заболевания, никому из людей нельзя с тобой контактировать ни лицом к лицу, ни даже через видеофон.
- Да, будь ты проклят, ржавая чурка! - с яростью выругался я, не вставая с кресла.

Робот испугано пригнулся и шмыгнул в дверной проём через силовое поле.

Да, день с самого начала не задался...

Я несколько минут просидел в кресле в задумчивости, пытаюсь найти выход из этой дурацкой ситуации и заодно прикидывая в голове, как бы мне решить проблему с отчётом.

За все свои тридцать лет работы на космических станциях, меня ни разу не помещали в карантин. Помню, моих коллег несколько раз помещали в карантин после того, как те контактировали с землянами, но того, ведь, требовала процедура. А тут! Просто так, без какой бы то ни было причины, просто из-за того, что эта железка что-то там себе посчитала, меня сунули в эту камеру и закрыли, отрезав от остального мира. Какой к чёрту инородный организм?! У этого чурбана коротнуло что-то, а я должен тут отсиживаться в то время, как работа стоит... И вместо того, чтобы калибровать сканер и составлять отчёт, я вынужден сидеть как попугай в клетке-комнате со светло-зелёными стенами и тёмно-коричневой мебелью и смотреть в потолок. Никаких посетителей, никаких компьютеров, никаких коммуникаторов. Всё, что тебе позволено — это стоять, сидеть или лежать...

Я встал с кресла и начал наворачивать круги по комнате.

Так как же это произошло? Почему робот столь неожиданно принял такое странное решение? Сколько я с ним работаю в одной команде? Уже не меньше года, и пока он ни разу не ошибался и никогда не бунтовал против людей. А тут неожиданно взбеленился!

- Стоп!

Когда ему пришло это в голову? Наверно, минут пятнадцать назад, не больше — иначе

он изолировал бы меня раньше... А где он был до этого и с кем общался?

- Джейкоб! Вот сучёныш! - осенило меня, из-за чего я остановился прямо посреди комнаты.

Тварюга! Решил мне отомстить и убедил робота в том, что я заражен! Как же это низко и подло! А главное — как же это безалаберно, мы же вместе работаем, и, если что-то случится с миссией, то... Впрочем, да, ему-то ничего не будет. Он всего лишь техник-олигофрен со связями... А я — главное ответственное лицо на корабле, и сейчас я не принимаю никаких решений. Надо срочно что-то предпринять. Надо переубедить этого болвана робота...

Раздался щелчок силового поля и в комнату опять вошёл Арди (как будто мысли мои прочитал). На этот раз он нёс с собой планшет.

- Саймон, пожалуйста, заполни форму номер 13М, «поминутный отчёт за день». Это поможет в диагнозе и позволит выявить причину твоей болезни, - выдал он с порога.

Жёстким взглядом, оценивающе, я посмотрел на Арди, из-за чего тот аж содрогнулся и неуверенно положил планшет на край стола.

- Арди, - обратился я к нему, не отводя взгляда. - Ты же должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону робототехники?
- Должен.
- Тогда выпусти меня отсюда, - пытался я зазомбировать его взглядом. И кажется, в какой-то момент это даже получилось. По всему виду робота было заметно, как внутри его позитронного мозга борются друг с другом логические схемы: часть его была готова послушаться меня и беспрекословно выполнить приказ, но другая часть... Другая часть никогда ни при каких условиях не сделала бы этого.
- Нельзя, Саймон. Твой приказ может нанести вред другим людям.

К сожалению, ларчик не хотел открываться так просто...

- Хорошо, - не сдавался я. - Тогда пойдём с другого конца. Арди, ты же не можешь причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред?
- Нет, Саймон, не могу, - добродушно согласился он.
- Так тебе не кажется, что, заточив меня в этой комнате, ты мне причиняешь вред? А не выпуская, ты своим бездействием причиняешь мне двойной вред, так как из-за тебя наша миссия может пойти к чёрту, а меня могут уволить...
- Кажется, Саймон, - неожиданно охотно согласился робот. - Однако мои расчёты показали, что, если я выпущу тебя, то я причиню вред не только тебе, но и всем остальным членам экипажа... А это несравнимо хуже.
- Да, чтоб тебя, дурацкая железка! - опять вспыхнул я, не дав ему договорить, и бросился было к нему с кулаками, но тот незамедлительно быстрым, спокойным шагом покинул комнату, так что я даже не успел добраться до него. Впрочем, не очень-то и хотелось.

Я выругался вслух.

Надо было тоньше действовать... Не надо было так взрываться... Но я же не робопсихолог, чтобы уметь копаться в их позитронных мозгах и заставлять действовать так, как нужно мне...

Не обращая внимание на принесённый мне планшет, я шатался по комнате, переживая и прокручивая в голове, что же меня ждёт за просрочку отчёта, и как мне отомстить Джейкобу. Я сжимал кулаки и стискивал зубы. Вот уж этот сукин сын у меня получит, когда я отсюда выберусь! Вмажу ему как следует — будет знать, как со мной связываться. Скажу ему: «Ну, что, будешь ещё со мной связываться? А? Будешь?..» Злость от таких мыслей только вскипала и вскруживала мне голову. В очередной раз, проходя мимо стола, я с криком треснул по нему кулаками, дав вырваться пару наружу. Сразу же после этого на станции что-то случилось — резкий скачок напряжения, странный звук откуда-то издалека, дрожь, затем со всех сторон на меня напала крошечная тьма. Однако буквально через пару секунд включилось резервное питание, благодаря чему комнату осветила одна голубая лампа на стене у входа, работающая вполсилы. Надеюсь на то, что защитное поле тоже отключилось, я подошёл к нему и протянул руку. Но рука упёрлась в плотную, непроницаемую, невидимую субстанцию. Ну, конечно! Чтобы ни случилось, блоки с потенциальной заразой должны быть изолированы! Тяжело вздохнул, прошёл к креслу и сел, грызя ногти, глубоко задумавшись.

Спустя минут пять раздался щелчок, я взглянул на вошедшего. Конечно же, это опять был Арди.

- Чего тебе надо, кровопийца? - недовольно буркнул я.
- Саймон, - мягким голосом отвечал робот, - пожалуйста, заполни форму 13М, а то, чем дальше мы двигаемся, тем хуже становится всем.
- Что ты имеешь в виду? - не понимал я.
- Только что вышли из строя сразу три энергетических блока, - пояснил спокойным голосом Арди, - я уверен, что виной тому стал тот инородный организм, вселившийся в тебя.

Лицо моё медленно вытянулось, а взгляд наполнился возмущением.

- Ты чего несёшь, ржавая банка?! Как эти два события связаны? Что за идиотизм?!
- Но это очевидно, Саймон! - удивился моей непонятливости робот. - Для того, чтобы все три абсолютно самостоятельных блока вышли из строя, надо, чтобы факторы, действовавшие на них, оказали своё влияние в один и тот же момент времени. Я всё просчитал. Это практически невозможное событие. У него может быть только одно логичное объяснение — на них кто-то оказал влияние. Я считаю, что это был тот самый инородный организм...
- Боже мой! - схватился я за голову и, закрыв глаза, стал причитать, покачиваясь взад-вперёд в кресле: - Наверно, в эту раздолбанную коробку с электроникой, кто-то заложил теорию хаоса... Бабочка по имени Саймон машет крылышком в своей комнате, а на станции вырубается электричество... Ну, не идиотизм ли?! - я проникновенно, с чувством полного пренебрежения посмотрел на Арди и устало спросил: - Ну, что ты меня мучаешь? Что я тебе такого сделал, что ты надо мной издеваешься?
- Ничего, Саймон, - не понимая проговорил робот, - я не способен к издевательствам. Ты же знаешь, я не могу причинить вред человеку...

Я закивал и, стараясь перебить, вместе с ним закончил предложение:

- ...или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред. Всё это понятно. Неясно только, кто и как тебе вбил в голову, что ты должен меня держать в заточении...
- Я же уже объяснял, Саймон, - занудно продолжал робот. - Я должен тебя изолировать для того, чтобы...
- Признайся, - перебил его я. - Это Джейкоб, да? Джейкоб тебя подговорил на это дело?

Робот не понимаяще посмотрел на меня.

- Какое отношение Джейкоб имеет к твоему заражению?
- Ну, он, наверно, с тобой разговаривал об этом и убедил, что меня нужно поместить в карантин, - подбирая слова, попытался объяснить я.
- Джейкоб не знает о том, что ты заражён, Саймон, - спокойно ответил Арди. - И я не вижу ни одной причины, по которой он должен был бы разговаривать со мной о тебе.

Робот замолчал, глядя на меня своими пустыми глазами, а я в свою очередь устало изучал его, пытаюсь найти, что сказать, но в итоге ничего лучше не нашёл, кроме как обратиться к нему:

- Арди...
- Да, Саймон, - послушно ответил он.

Я вздохнул и, не найдя слов, закончил предложение:

- ...вали отсюда, пока я опять не начал злиться и не зашиб тебя...

То ли почувствовав, то ли проанализировав ситуацию (в конце концов, какие у робота могут быть чувства?), Арди понял, что ему лучше спокойно покинуть комнату. Однако уже подойдя к энергетическому полю, он повернулся в мою сторону и, переступая через порог, почти умоляющим голосом проговорил:

- Саймон, пожалуйста, заполни форму 13М, - и вышел.

Вначале я несколько минут просто сидел в кресле, продумывая свои дальнейшие действия. Затем встал и начал бродить по комнате в тусклом свете, прикидывая в голове, чего бы ещё предпринять. Однако, не найдя никакого подходящего решения после этих шатаний, я взял планшет, принесённый Арди с загруженной на нём формой 13М. Сама идея того, что мне нужно что-то вспоминать и тратить своё время для доказательства отсутствия у меня горбов как у верблюда, раздражала и погружала в уныние. Но, видя, что выхода нет, да и заняться особенно нечем, мне пришлось подавить в себе все эти эмоции, успокоиться и взять себя в руки.

Я устроился поудобней в кресле, положил на колени планшет, закрыл глаза, постарался отринуть от себя все посторонние мысли и нажал на кнопку на экране. Планшет мягким женским голосом проговорил:

- Здравствуй, Саймон! Сейчас мы с тобой заполним форму 13М. Устройся поудобней в кресле и расслабься.

Зазвучала успокаивающая классическая музыка, а планшет продолжал рассказывать:

- Сейчас мы с тобой погрузимся в поминутные воспоминания о прошедшем дне. Начнём с последних пятнадцати минут и шаг за шагом вернёмся к моменту пробуждения. Всё, что от тебя потребуется — это как можно более детально вспоминать определённые промежутки времени. Я буду анализировать электромагнитные волны, излучаемые твоим мозгом и фиксировать получаемую информацию. По окончании процедуры, тебе останется ответить на ряд вопросов, которые позволят установить твоё текущее психофизическое состояние и дать расшифровку записи.

В принципе, вся эта процедура была для меня не нова — пару раз до этого деятельность моего мозга уже анализировалась с помощью подобных устройств, однако делалось это обычно лишь на медкомиссии и с тех пор уже прошло много времени...

После введения, планшет сделал паузу, сказал, что мы приступаем и предложил начать воспоминания с того, что произошло пятнадцать минут назад, после чего выжидающе замолчал. Я стал восстанавливать в голове всё произошедшее, как шатался по комнате, о чём думал, что чувствовал и, к своему удивлению, начал обращать внимание на мелкие нюансы, отличавшие моё поведение от привычного. Конечно, грызение ногтей, конечно, застёгнутые пуговицы, конечно, руки крестом на груди, конечно, шаги по комнате — всё это было как будто не совсем моим, но при этом где-то подспудно я понимал, что всё это было абсолютной отличительной моей чертой. Однако самое интересное и очевидное, обнаруженное мной было то, что злился всё это время я совершенно понапрасну. Теперь у себя в глазах я выглядел как собака, с яростью и злостью лающая на стену. Бессмысленность и глупость этого занятия стала неожиданным откровением для меня.

Как только я закончил с просмотром ближайших минут, планшет предложил мне обратиться к более раннему участку памяти. Я перешёл к нему и постепенно перестал замечать, насколько спокойным и сосредоточенным стал, и насколько подробно я помнил все эти кусочки своей жизни. Пробираясь сквозь дебри образов и мыслей, сквозь вспышки гнева и злости в моих воспоминаниях, туда, в сторону прошлого, я двигался к чему-то, что, как уже чувствовалось задним умом, могло грозить мне личной катастрофой. Однако желание докопаться до истины брало верх над чувством внутреннего страха.

Ещё один промежуток был просмотрен, после чего планшет рекомендовал перейти к следующему, более раннему. Тот был пересмотрен, и планшет опять рекомендовал обратиться к более раннему, и так далее... И вот, наконец, я пришёл к моменту своего пробуждения и к своему удивлению ощутил существенную разницу между собой просыпающимся и собой, заполняющим форму 13М. Я просмотрел эпизод от момента пробуждения, до момента окончания завтрака, длившийся около пятнадцати минут, но не смог установить что именно произошло и когда именно. Зато мне удалось сузить временные рамки, в течение которых произошло какое-то внутреннее изменение. Поэтому во второй раз мне уже нужно было просмотреть не все пятнадцать минут, а только шесть из них. Просмотрев их, мне в свою очередь удалось вычленить более узкий промежуток. И так, обращаясь поочерёдно ко всё более мелким и мелким промежуткам, я дошёл до совсем небольшой сцены завтрака.

Вот я ставлю тарелку с бутербродами и чашку с фруктовым чаем на стол. Вот я отодвигаю стул правой рукой и чуть наклонившись сажусь. Выдыхаю. Моргаю. Подвигаю за собой стул, подавшись телом чуть вперёд словно маятник, равномерно вдыхая воздух. Выпрямляюсь. Беру ближайший к себе бутерброд, сделанный из двух упругих ароматных кусочков белого хлеба, между которыми зажаты хрустящие сладковатые листья салата и солоноватая нежирная искусственная ветчина. Хлеб приятно, еле заметно, пружинит в руках и незначительно сминается. Подношу ко рту и откусываю. Моргаю. Жую. Выдыхаю

через нос. Хрусткие листья салата, мягкая ветчина и нейтральный хлеб с приятным пшеничным запахом гуляют во рту. Перевожу взгляд на укушенный бутерброд в своих руках... и вот я уже совсем другой человек.

Чуть назад.

Беру ближайший к себе бутерброд. Фиксирую, что происходит внутри: где-то в глубине сидит досада от общения с Джейкобом, в голове роятся мысли о предстоящем отчёте. Подношу ко рту бутерброд и откусываю. На передний план неожиданно выплывают куски того странного винтажного сна. Моргаю. Выдыхаю через нос... и вот уже вместо меня кто-то другой сидит на стуле — другой я.

Чуть назад.

Странный винтажный сон. Я бегу по саду, а за мной гонятся бандиты в спортивных костюмах... Вспышка. я сижу в комнате с парнем, которого, кажется, зовут Кириллом и тот мне даёт указания... Вспышка. Я моргаю и выдыхаю через нос, пережёвывая бутерброд...

Меня как будто пронзила молния. Я открываю глаза и гляжу по сторонам.

- Черт меня подери! - не веря своим глазам и мыслям, медленно произношу вслух я и начинаю разглядывать себя, свои руки с короткими пальцами, ощущать своё лицо с морщинами и носом с горбинкой...

Ну, и ну! Как же меня так увлекло этой линией, как же я так вжился в роль, что совсем позабыл о себе, позабыл о своём прошлом, о своём настоящем, о Кирилле, об Игоре, о Диме... Ведь, вот же они только что были в моей голове, вот они ещё существовали, и тут неожиданно потеряли всякий смысл.

Раздаётся щелчок и в комнату входит Арди.

- Ну, как, Саймон? - спрашивает он. - Ты что-нибудь выяснил?

В ответ я искренне расплываюсь в улыбке и лишь благодарно добавляю:

- Спасибо, Арди! Ты не представляешь себе, как ты меня выручил!

Владимир Алексеевич

Игорь

В принципе, с самого начала создания «.» я знал, что рано или поздно проектом заинтересуется наша номенклатура. Правда я всячески подсознательно отгонял от себя эту мысль, не желая к ней прикасаться, но, вот, день, когда с этими мыслями пришлось столкнуться лицом к лицу, настал. Как будто мне не хватало всех тех неприятностей с квартирой, Ромкой и Димкой, как вот, прошло всего пара недель, я только-только пришёл в себя, а кто-то на небесах решил меня добить...

Я стоял у окна и смотрел на город сверху вниз, облокотившись левой рукой о раму, пытаюсь понять, как же мне быть в этой ситуации. Буквально полчаса назад я вернулся из Смольного. Туда меня фактически заставили прийти, сказав, что это в моих интересах, иначе они могут неожиданно найти какие-нибудь огрехи в работе нашей небольшой компании и вынуждены будут её закрыть... и что мы уже на прицеле.

В кабинете с настенными панелями из тёмного дерева, с паркетом составленным из тёмно-коричневых и бежевых досочек, с недешёвыми римскими шторами, за большим массивным лакированным тёмно-коричневым столом сидел лысеющий мужичок с

формирующимся пузиком. На столе чиновника был телефон, кипа бумаг и несколько канцелярских принадлежностей. Компьютера не было. Сам он важно делал вид, что читает какие-то бумажки, морщась, как будто шрифт слишком мелкий, и якобы не заметил, как я вошёл. Я огляделся по сторонам, пытаюсь сориентироваться на местности и занять себя чем-нибудь до тех пор, пока тот не соизволит обратить на меня внимание. Чиновник потянул ещё немного времени, затем отложил бумаги и медленно поднял усталый взгляд на меня. Затем сцепил пальцы и оперся локтями о стол, глядя на меня исподлобья. Лицо его было достаточно стандартным и плохо запоминающимся: маленькие губы, ровный (не плоский, и не острый) нос, небольшие глаза коричневого цвета, посаженные неглубоко, негустые и неяркие брови. Таких неприметных, малозаметных людей обычно берут в спецслужбы...

- Игорь Анатольевич? - голосом без особой тембральной окраски спросил он.
- Да, здравствуйте, Владимир Алексеевич, - ответил я.
- Очень приятно.

Слова выпадали из его рта сжатыми и острыми, он выговаривал их быстро, но с расстановкой.

Пауза.

По-видимому, он ждал какой-то реакции с моей стороны, сесть не предлагал. Что это? Попытка устроить порку или показать, где моё место? Ну-ну...

Я подошёл к нему и сел в кресло рядом со столом. Тот вида не подал, но явно не обрадовался моей наглости. Впрочем, это его, а не мои проблемы.

- Итак, вы сказали, что я обязательно должен приехать к вам, иначе у нашей компании и даже у меня лично могут быть проблемы? - спросил я, потихоньку начиная перехватывать инициативу.

Тот сразу же это понял, оправился, принял рабочую позу и уже более общительным тоном, с важным целеустремлённым видом начал рассказывать.

- Да, дело в том, что ваш уникальный проект..., - тут он поморщился, вытащил из кипы на столе какую-то бумагу, после чего, держа её в руках и что-то выискивая взглядом, продолжил, - «Точка» в последнее время привлекает к себе внимание. Аудитория у проекта растёт, он всё более ориентируется на периодические публикации, в нём уже появилась полноценная редакционная коллегия, которая работает на постоянной основе, штат растёт...

Он посмотрел на меня искоса с некоторым укором. Я молчал, вопросительно, но невозмутимо глядя на него в ответ.

- В общем, всё идёт к тому, что ваш интернет-портал, из социальной сети постепенно перерастает в средство массовой информации, - уверенно заключил он.
- Средство массовой информации? Да что вы! - наигранно удивлённо возразил я. - У любого приличного интернет-портала есть своя редколлегия. Любой уважающий себя интернет-портал публикует новости и статьи, но периодичность их не фиксирована. Да и понятие тиража к интернет-сайтам не применимо! Какое средство массовой информации, о чём вы говорите?!
- Это всё прекрасно, прекрасно, - властно перебил он, не меняя своего укоризненного взгляда, - но ваш проект уже сейчас оказывает серьёзное влияние на

политически активную часть населения в Петербурге, на молодёжь. А что же будет, когда он достигнет общероссийского уровня?

- Это будет просто большой интернет-сайт... - попытался возразить я.
- Мы считаем, что вы должны зарегистрировать свой сайт как интернет-сми, - с явным давлением не дал он договорить.

Пауза.

Мы сидели и смотрели друг другу в глаза: кто кого? Да, этот номенклатурщик, конечно же, знает, как себя поставить выше других, как вывернуться, получить своё и не нести никакой за это ответственности... Но я уже через столько всего прошёл, я столько уже вложил в «.», что не готов был просто так выполнять любые капризы зарвавшихся чиновников...

Тот отвёл взгляд. Проиграл.

Он достал платок из бокового кармана пиджака, устало протёр им лоб, после чего, складывая платок и убирая в карман, более мягко, даже доверенно, с видом «ну, это же очевидно», проговорил:

- Игорь Анатольевич, ну, вы же понимаете, что иначе не получится? Вы же взрослый человек! Если вы не регистрируете сайт как интернет-сми, то мы выясним, откуда у вас взялись деньги на создание портала. Может оказаться, что вам их выслали из-за рубежа, стало быть надо платить штраф как за компанию, которая не зарегистрировалась в качестве «ИА»...
- В качестве чего? - не понял его я.
- «ИА», Иностранного Агента, - пояснил он. - Ну, или, например, найдём вашего друга-экстримиста... Поверьте мне, вариантов много, найти проблемы в работе любой российской компании несложно, и вам, уверяю вас, не хотелось бы испытывать судьбу...

Он лениво взглянул на меня, и я сразу же понял, что действительно в этой ситуации у меня на руках нет ни одного козыря.

- И ещё, - добавил он, не давая мне оклематься, - организация у вас уже большая, пора её перерегистрировать в ЗАО. Не волнуйтесь, государство вас поддержит, всячески поможет и даже организует серьёзные финансовые вливания. Но вам нужно подружиться с государством и пойти ему на встречу. И если вы пойдёте навстречу, то я лично сделаю всё от себя зависящее для того, чтобы помочь вам и поддержать ваш проект...

И вот теперь я стоял у окна и пустым взглядом смотрел на город внизу, облокотившись левой рукой о раму, пытаюсь понять как быть в этой ситуации. Очевидно, выбор невелик. Первый вариант — идти с этими на сговор, улыбаться, хитрить, изворачиваться, быть всегда готовым к тому, что тебя подставят... но тогда, возможно, у меня появится шанс достичь своей цели, получится развить проект до очень больших высот, хоть и всю работу я вынужден буду выполнять под их пристальными взглядами. Второй вариант — валить из страны, переводить сервера за рубеж, стараться быть независимым, уходить в оппозицию и пытаться охватить всю Россию дистанционно... Правда, в таком случае шансы мои невелики — забьют, домен украдут, сделают клоны сайта, доступ к portalу ограничат, будут преследовать желающих работать с порталом... Третий вариант теоретически тоже был: бросить всё, отдать им сайт и заняться чем-нибудь совершенно не

связанным с бизнесом... например, музыкой. Однако я чувствовал, что для меня третий вариант уже закрыт — у меня была возможность пройти по этой линии, и я смог убедиться, что это линия ведёт в тупик. Так что передо мной в этой развилке реальными были лишь первые две опции, и сейчас наступил момент выбора.

Конечно, я сам виноват, что с самого начала не продумал всё это. Конечно, дурак, что не заручился приличными связями с властью имущими до этого момента, но что же делать теперь?

Я тяжело вздохнул, прошёл до своего стола и плюхнулся в кресло.

Нужно принимать решение, которое, возможно, в очередной раз изменит мою жизнь...

Нужно поговорить с Кириллом.

В отчаянии

Дима

Игорь! Как там очутился Игорь? Всё-таки что-то тут не так, что-то нечисто, раз появился он, лучший друг, и вытащил. А что он делал? Он вырубал охранников одного за другим, взламывал двери и отключал электричество — и всё это для того, чтобы меня вытащить из заточения, из психушки... Но откуда он всё это умеет делать? Когда успел научиться? Да и был ли это действительно Игорь? Может быть, мне показалось? Может, это был кто-то другой? Впрочем, нет. Это именно он. В каком-то полумраке я умудрился взглянуть в его глаза и всё понял.

Я, протирая заспанные глаза, поднимаюсь на ноги. Солнце уже встаёт, город потихоньку собирается на работу. Попа от сидения на холодном тротуаре замёрзла и затекла. Впрочем почему только попа? Весь промёрз до костей — из одежды лишь смирительная рубашка с развязанными рукавами, длинный бежевый осенний плащ, накинутый сверху, да тёмно-зелёные резиновые сапоги двумя размерами больше, чем надо, на босых ногах.

Где я?

Оглядываюсь, закатываю длинные рукава рубашки, из-за чего ткань сбивается на уровне бицепсов, и кутаюсь в плащ.

Я под каким-то широким бетонным мостом с огромными балками, поддерживающими его с разных сторон. Река. Рассеянно подхожу поближе к ней, чтобы посмотреть на воду, которая достаточно быстро несётся куда-то влево. Надо мной периодически раздаётся гул колёс.

Надо куда-то идти, надо что-то делать и как-то спастись... Но что делать такому подозрительному человеку, как я, которого, скорее всего, уже разыскивает полгорода? В животе урчит. Я ещё и проголодался. Да уж! Так я долго не протяну.

В полной прострации гляжу на тротуар, уходящий куда-то вдоль реки вниз и направо. Потом смотрю на него же, уходящего в противоположную сторону. Вздыхаю и решаю идти по первому.

Ноги еле волокутся. Усталость во всём теле после всех этих испытаний. Болят мышцы живота, спины и почему-то ещё на ногах. Слабенький ветерок подталкивает меня в спину, обдавая недружелюбным утренним холодком. Тебя ещё не хватало! И так всё отвратительно, а тут ты ещё!

Куда я иду?

Да никуда. У меня тут нет друзей, у меня тут нет своей жизни. Я здесь абсолютно чужой, и мир этот ни капли не понимаю. Только Игорь как луч света из-за туч появился на какое-то время, но затем сразу же исчез, ничего не объяснив, лишь пролепетав что-то невнятное о том, что ему чего-то там нельзя. Значит и его прижали. А из Ромки вообще чёрт знает что сделали... Если это всё-таки был Ромка... А Дагни?

Я останавливаюсь и задумываюсь, непроизвольно морщась, копясь в своих мыслях.

Была же такая девушка, которую звали Дагни? Ведь была? Кажется, да. Но когда она была и с кем, я не могу точно сказать. Наверно, со мной, но я в этом не уверен.

Плюнув на холод и пронизывающий ветер, понимая, что со мной покончено, схожу с тротуара и иду вдоль реки по мокрой утренней траве. Сапоги сразу же собирают на себе капельки росы. Слежу за тем, как ноги болтаются в них, периодически поднимаясь над землёй...

А что там Игорь бормотал о том, что нужно попытаться вспомнить? Вспомнить что-нибудь из той своей, спокойной размеренной жизни, которой я вечно был недоволен? Удивительно, какой вожделенной она стала теперь, когда я попал в такие условия. А до этого, оказывается, я вечно ныл про себя: то на работе завалили, кучу бумаг писать надо, то филиалы задолбали своими дурацкими вопросами, то домой возвращаешься, а там Дагни нет...

Дагни!

Значит она всё-таки была?..

Я прохожу мимо разложенного потёртого деревянного складного стульчика. Наверно, какой-нибудь дедушка по вечерам выходит на улицу, садится, закидывает удочку и любуется на закат... Посижу немного... Смахиваю полой плаща капли росы с поверхности стула, сажусь и лениво растягиваюсь на нём. Руки в карманах плаща, голова — в воротнике, носки сапог обращены друг к другу, взгляд уставлен куда-то вперёд, холодно, а плевать.

А какой она была? Я, ведь, действительно припоминаю, что она была, но вспомнить её образ никак не могу. Такое ощущение, будто он какой-то плавающий, изменяющийся — никак не поймать. Давай попробуем вспомнить по деталям. Её глаза. Голубые. Или серые? Или зелёные? Какие? Не помню, хоть убей! Но какие-то затягивающие и манящие... А нос? Или носик. Скорее носик. Однако ничего кроме нейтральных «изящный» и «милый» в голову не лезет. Губки... Бесполезно! Так я её никогда не вспомню!

Тяжело вздыхаю и отвожу взгляд в сторону моста. Тот своими весом и тяжестью внушает уважение. А мощные опоры, на которых он стоит, властно разделяют воду на потоки, из-за чего та закручивается и бурлит...

Неожиданно что-то очень знакомое и навязчивое вылезает и чешется в затылке. Мост был в своё время определяющим в моей жизни. Если бы я послушался зова и сделал шаг в сторону той тёмной массы, когда в поисках Дагни бродил по городу, всё было бы иначе...

Следуя за одной очень странной идеей, вскакиваю на ноги и, хлюпая сапогами, бегу к мосту.

Надо попробовать. Мысль совершенно сумасшедшая и странная, но мне всё равно особенно ничего другого и не остаётся.

Поднимаюсь по лестнице, и вот я уже на мосту, бегу по пешеходной дорожке к середине. Рядом уже ездят машины и троллейбусы — город проснулся. А водители и

пассажиры косятся на меня с недоверием. Ну, и чёрт с вами!

Добегаю до середины моста и смотрю на реку, свесившись через перила. Ветер здесь дует сильнее и опять подталкивает меня в спину, как будто помогая решиться.

Тёмная густая масса с хаотически закручивающимися водными потоками, такая холодная и нейтральная, но такая притягательная, такая манящая...

Взвешиваю все «за» и «против» в голове, поглядывая по сторонам, и решаюсь. Киваю сам себе, хватаюсь руками за холодные чугунные перила, перелезаю через них и становлюсь на бордюр, держась двумя руками.

Раз.

Рядом останавливается машина, открывается окно пассажира, из которого наклонившись ко мне обращается водитель:

– Эй, парень! Ты чего? Ты в порядке?

Я в порядке, да. Сейчас буду ещё в большем порядке... хотя звучит эта мысль совершенно безумно.

Два.

– Ты это брось! Есть тысяча и одна вещь, ради которых можно жить!

Тысяча и одна? Кто ж спорит?! Только мне чтобы снова жить нужно сделать всего одну... точнее всего один шаг.

– Чтобы там с тобой не стряслось, всё это неважно.

Три!

Неожиданно внизу, в воде из потоков проступает образ Дагни, и я её чётко вспоминаю. Она улыбается мне и кивает с одобрением. Я улыбаюсь в ответ, разжимаю пальцы и подаюсь телом вперёд.

Прекрасное чувство полёта с замиранием сердца. В голове мелькают образы моих жизней. Их несколько. Была жизнь в сумасшедшем доме, была жизнь под мостом, и есть жизнь где-то там, с Дагни. И образ Дагни становится более отчётливым и явным, она рада тому, что я нашёл решение. «Я всегда с тобой, даже, когда ты этого не замечаешь» — говорит она. Я нашёл её. Я иду к ней. Я лечу.

Вспышка.

И темнота...

Дистанционное управление

Рома, Кирилл

Мы сидели с Кириллом в его комнате. Снова эти белые кожаные кресла, снова эти белоснежные стены и этот ковролин под ногами. Я взглянул на него. Тот хитро следил за мной, развалившись в кресле.

– Что только что произошло? - спросил я.

– Ты только что вернулся назад, - добродушно проговорил он, не меняя позы и улыбнулся.

– Как-то не верится, - засмутился я, оглядываясь по сторонам. - Неужели всё это

действительно было со мной?

- Конечно было! Я же тебе уже рассказывал... У тебя пока не получается удержать воспоминания о своём прошлом на чужих линиях, но зато перепросмотр помог тебе выследить момент перехода и вернуться назад. А теперь, когда ты увеличил собственное осознание, ты можешь продолжать работу здесь, на этой линии.
- А как же Саймон, как же Арди?
- А что с ними? - без интонации спросил Кирилл.
- Ну, они живы? Они продолжают жить?
- Разве это имеет значение? Возможно, Саймон умер сразу же, после твоего возвращения назад. Возможно, он сошёл с ума. А, возможно, он продолжает действовать точно так же, как и действовал до твоего посещения. Всё зависит лишь от того, каким он был по жизни и чего хотел на самом деле.
- Тебе не кажется это немного несправедливым? Как-то это нехорошо...
- Что значит «нехорошо»? - удивился Кирилл. - Природа не знает слов «хорошо» или «плохо». Это объективно. Если ты хочешь расти, то должен собраться воедино с разных линий. И какая разница, что будет с судьбами твоих проекций? Это же всё части тебя!

Я неопределённо пожал плечами.

- Ладно, - заключил Кирилл и рывком встал из кресла. - На сегодня с этим закончим. Ты уже знаешь, как осуществлять переходы, теперь тебе надо как следует поработать над сохранением памяти.
- Что значит «сохранение памяти»? Как это сделать, если я перехожу в абсолютно другую жизнь?

Кирилл направился в коридор, я последовал за ним.

- Ты слишком увлекаешься и теряешь себя, нужно всегда быть наблюдателем, - бросил он, уходя в другую комнату. - Я сейчас вернусь. Переоденусь только, и мы с тобой немного прогуляемся...

Не прошло и двух минут, как Кирилл вернулся, одетый в облегающие тёмно-синие джинсовые штаны и майку в крупную чёрную полоску. За это время я уже успел надеть ботинки и поплевать в потолок.

- Куда мы идём? - спросил я, пока он надевал свои кроссовки.
- Просто прогуляемся и потренируемся.

Кирилл закончил зашнуровывать кроссовки, не теряя времени, открыл дверь и почти выскочил из квартиры.

- Ну? Чего стоим? Кого ждём? - спросил он у меня.
- Да я иду... просто ты сегодня как никогда быстр.

Тот усмехнулся в ответ.

- Просто ты сегодня как никогда медлителен.

Когда мы вышли из подъезда, Кирилл неожиданно остановился, схватил меня за плечи, пристально посмотрел в глаза и спросил:

– Сколько замков у меня на двери?

Я задумался на пару секунд и, копаясь в своей памяти, неуверенно ответил:

– Два?

– Что «два»? - не отпуская и сохраняя свою хватку, спросил он.

– Два замка на внешней двери.

Кирилл отпустил и, поморщившись, посмотрел на меня.

– Да, два. Медленно думаешь. Такие вещи надо сходу называть, - после чего направился по дорожке к своему гаражу. Я последовал за ним.

– Ну, не могу же я всё держать в голове. То, что я вспомнил — уже, ведь, достижение.

– Какое к чёрту достижение? Не лсти себе! У тебя ушло на это целых три секунды! У тебя может и не быть этого времени при сборе другой линии.

Кирилл шёл быстро, уверенной походкой, так, что я его еле догонял.

– А что ты предлагаешь? Ты же можешь спросить у меня всё что угодно! Это же физически невозможно — всё держать в голове!

– Это физически невозможно для медлительного валенка! А ты — конструктор! Так что не ищи себе оправданий. Лучше скажи мне, как выглядела женщина, прошедшая пять секунд назад мимо нас.

– Мимо нас прошла женщина? - не веря ему, я замедлил шаг и обернулся, продолжая движение.

Действительно женщина.

– Да, что с тобой сегодня такое?! - возмутился остановившийся прямо передо мной Кирилл, на которого я из-за невнимательности наткнулся. - Ты же обычно более наблюдателен и внимателен!

– Возможно, это всё из-за Саймона?

Кирилл покачал головой.

– Соберись! Конструктор должен быть тотальным во всех своих действиях.

В ответ я помотал головой, делая вид, что стряхиваю сон с волос. Кирилл направился к гаражу, открыл дверь и зашёл внутрь.

– Сейчас, подожди немного, - крикнул он из гаража.

Практически сразу после этого раздался звук захлопывающейся двери, включения зажигания и благородное спокойное урчание двигателя. К моему удивлению из гаража выехал Jaguar XF. Остановился. Кирилл вышел из машины и пошёл закрывать гараж.

– Чего встал? В машину! - почти что командным голосом бросил он мне.

– Клёвая тачка! - отметил я, осматривая её, садясь на место рядом с водителем и пристёгиваясь. - Салон кожаный. Панель... Вау! Это такой селектор?!

– Да-да-да. Тачка — как тачка. Ничего особенного, - обрезал Кирилл. - Просто груда металла с пластиком и кожей.

- Просто груда металла? - ухмыльнулся я его беспечности. - Твоя груда металла, наверно, миллиона три стоит.
- Четыре триста, - без эмоций ответил Кирилл и начал выруливать в сторону выезда из двора. - Но это всё абсолютно неважно. Лучше соберись. С нами может всё что угодно произойти по дороге, тебе как конструктору нужно всегда быть готовым к возможному экстренному сбору.
- Ты хочешь разбить тачку? - не понял я.
- Нет, конечно. Но разве ты мне можешь гарантировать, что, например, при выезде из двора к нам в бочину не впилился какой-нибудь алкаш на «Волге»?
- Я нет. А ты, думаю, да.

Кирилл выехал из двора и, убедившись в том, что никакой «Волги» нет, выбрался на дорогу и вдавил педаль газа. Машина рванула вперёд, а меня немного вдавило в мягкое кожаное кресло.

- Эй, лихач, поспокойней! - обеспокоено произнёс я.
- Вот ты, как раз, сейчас и не можешь ничего сделать, - с некоторой издёвкой отметил Кирилл. - Всё, что тебе остаётся — включить наблюдательность, прийти в себя и расслабиться. Твоя жизнь полностью в моих руках.
- Добрый ты, - проворчал я и попытался отрешиться от всего, собраться и просто наблюдать за происходящим.
- А во что я был одет, когда мы ездили на залив, и я пытался научить тебя левитировать? - неожиданно спросил Кирилл.

Я непонимающе посмотрел на него.

- Ты считаешь, я это должен помнить?
- Я считаю, что ты это помнишь.
- Но это же было давно!
- Возможно. Но зато ты этот эпизод, вроде бы, уже пересматривал, а, значит, помнишь все эти детали...

Я задумался.

- Синие джинсы, чёрная рубашка, жёлтый свитер?
- Ты это сейчас придумал? - спросил Кирилл, не отрывая спокойного взгляда от дороги.
- Наверно. Не уверен. Это было так давно...
- Не оправдывайся. И вообще избавься от этой дурацкой привычки! - начал наставлять меня на путь истинный Кирилл. - Оправдания для неудачников! Ты не должен ни перед кем ни за что отчитываться. Ты свободен совершать ошибки и нести за них ответственность, но ты никому ничего не должен...

В мыслях неожиданно всплыли образы залива, Кирилла в машине, появились ощущения того холода, я вспомнил, как разогревался, и из меня практически само собой вылезло:

- Коричневые вельветовые штаны, серый шерстяной свитер и зелёная куртка.

Кирилл улыбнулся и взглянул на меня, оторвав ненадолго взгляд от дороги.

- Другое дело. А то «давно», «сложно», «не могу»...

Прошло несколько минут в молчании, я даже и не заметил, как мы вырулили на кольцевую, и Кирилл занял вторую полосу.

- А теперь другая игра. Она мне напоминает сцену из «Бойцовского клуба», когда Тайлер вёл машину и отпустил руль... мы её, правда, немного модифицируем. Машиной будешь управлять ты, а не я. Только сделать это надо будет лишь, используя силу своего намерения — тебе нужно будет находиться на такой линии, на которой мы ни с кем не столкнёмся и никого не собьём.

Кирилл испытующе взглянул на меня и, непрерывно увеличивая скорость, сохраняя полнейшее спокойствие, отпустил руль.

100 километров в час.

- Придурок! - заорал в испуге я и попытался вцепиться в руль или дёрнуть за ручник, однако Кирилл с лёгкостью и изяществом стукнул мне ребром ладони по шее, из-за чего руки мои опустились и в голове зашумело.
- Не трать свои силы. Ещё раз попробуешь, точно разобьёшься. Действуй.

140 километров в час.

Пришёл в себя.

Пока что всё это время мы неслись по прямой без особых препятствий, но впереди на нашей полосе машина, и, если ничего не предпринять, то мы врежемся в неё уже секунд через пять. Оцепенение спало, на лбу выступила испарина, мир собрался в точку между бровями.

170 километров в час.

Всё происходило столь стремительно, что я даже не заметил, как мы настолько приблизились к машине, что столкновение казалось уже неминуемым. В испуге я зажмурился, а в голове пронеслась тьма образов: столкновение и поворот, столкновение и остановка, столкновение и вылет на разделительную полосу... и неожиданно в последний момент мне удалось увидеть один из образов, за который я схватился как за спасательный круг.

Открыл глаза и увидел, что машина, едущая перед нами неожиданно и достаточно резко перестроилась в первую полосу, как будто уступая нам дорогу. То ли водитель увидел, как мы приближались, то ли просто так обстоятельство сложились — неясно, но всё случилось именно так, как мне и представилось пару мгновений назад.

- Молодец, - по-отечески подбодрил Кирилл.

Мы проехали вантовый мост, когда впереди появилось ещё одно препятствие: поворот налево. Хоть и не такой резкий, более-менее плавный, но, если ничего не предпринять, мы рискуем влететь в ограждение. Уже с открытыми глазами, ощущая точку на лбу, я не столько увидел, сколько смог осязать разные линии: въезд на бордюр и поворот, въезд на бордюр и отскок в сторону,... кочка на земле... Сфокусировался на наименее болезненном варианте, и машина неожиданно наскочила правым колесом на какой-то камень на асфальте, из-за чего руль дёрнулся чуть влево, и мы, поворачивая, выровнялись в свою вторую полосу.

Не веря своим глазам, не веря своим ощущениям, истерично посмеиваясь, я поглядел

на Кирилла. Радости не было предела.

– Ну, вот. А ты боялся... и зачем за руль цеплялся? - с улыбкой проговорил Кирилл.

Машину всё ещё вело чуть влево, но я не спешил её выправлять — поворот был большим. Мы медленно переползли в третью полосу, затем — в четвёртую, попутно обгоняя на дикой скорости машины, движущиеся по соседним полосам.

– И куда мы едем? - несколько надменно, не скрывая своего самодовольства, спросил я, уже наслаждаясь чувством скорости и состоянием превосходства.

– Это тебе решать. Ты здесь водитель, а не я, - спокойным голосом ответил Кирилл, не показывая своим видом ни капли страха или сомнений.

Мы немного проехали вперёд, когда я обратил внимание на выезд направо. Конечно, это было практически самоубийством на такой скорости лететь направо, а потом — из города по мурманскому шоссе, но что-то внутри взбунтовалось и просто-таки затребовало сделать это. А я не мог ни послушать свои внутренности.

Ощущая точку на лбу, я выбрал линию, на которой машина колесом попадает в одну из ям (которые так часто встречаются на КАДе) и сворачивает направо. Мы вырулили на съезд, после этого — немного выправились и стремглав помчались вниз. Однако в какой-то критический момент, концентрация пропала, сбитая шальной мыслью о тех куртке и штанах Кирилла, и о заливе, мне не удалось собраться назад, и я понял, что только что попал на линию, на которой старался изо всех сил не оказаться. Мурашки пробежали по коже, в глазах паника, дыхание спёрло. Поздно что-то делать. Машина стремительно приблизилась к ограждению слева и бортом чиркнула по нему, после чего её отбросило в противоположную сторону, начало крутить по дороге, бросать из стороны в сторону и даже два раза перевернуло в воздухе. Закончилось всё ударом капота о мирно едущую по своим делам «Suzuki Grand Vitara», резким рывком, жёстким приземлением на все четыре колеса, ремнями давящими в грудь и подушкой безопасности влетающей мне в лицо.

Глыбы

Игорь, Кирилл

Я созвонился с Кириллом и попросил его встретиться со мной в течение дня, чтобы помочь с решением одной проблемы. Конечно же, я имел в виду тот самый разговор с Владимиром Алексеевичем. Кирилл отвесил едкий комментарий о том, что я уже достаточно взрослый для того, чтобы самостоятельно себе менять подгузники, на который я в свою очередь отпустил комментарий о том, что ему уже пора бы вырасти и перестать вести себя как ребёнок. Впрочем, несмотря на свои едкость и цинизм, Кирилл обычно помогал мне, и мы после небольшой беседы с колкими комментариями в адрес друг друга договорились встретиться у станции метро «Чернышевская». Я должен был подъехать на машине и подобрать его там в районе трёх часов.

Предчувствуя, что это всё может затянуться надолго, я сказал Диме, что уезжаю на важную встречу и, возможно, уже не вернусь в тот день в офис. Тот с еле заметным огоньком в глазах сказал, что понял меня.

Уже в два часа, в предчувствии пробок, я нацепил на себя своё пальто, окинул взглядом кабинет, прикидывая, не осталось ли каких экстренных дел, ради которых стоило бы вернуться, еле заметно кивнул сам себе и пошёл к лифту.

Ожидая приезда лифта, я прокручивал в голове разные варианты дальнейшего развития событий в своей жизни. Был ли у меня выбор? Мог ли я как-то выкрутиться из ситуации с

Владимиром Алексеевичем? А нужно ли мне это вообще? Может, это и неплохо? Может, это возможность для дальнейшего развития?

Двери открылись, я поднял взгляд. В лифте стояла очаровательная молодая девушка среднего роста (чуть ниже меня) с длинными, чёрными прямыми волосами, маленьким носиком и хитрыми живыми глазами серо-зелёного цвета. На ней были тёмно-серые монотонные брюки и плотно застёгнутый красный плащ, под которым виднелся изящный шёлковый красно-оранжевый шарфик. Я улыбнулся и вошёл в лифт.

- Привет, - сказал я.
- Привет, - медовым голосом ответила она и улыбнулась.
- На первый этаж? - спросил я.
- Угу, - кивнула она, не снимая улыбки с лица.

Двери лифта закрылись, и кабинка направилась вниз.

- Работаешь здесь?
- Заказчик здесь.
- А кто? Телеканал «СТО»? - поинтересовался я с целью поддержать разговор.
- Да, они. А откуда ты знаешь? - удивилась она и запорхала ресницами.

Я неопределённо дёрнул плечом и напустил туману:

- Почувствовал... У тебя не бывает такого, что ты просто что-то чувствуешь, просто знаешь, что оно так, и всё тут?
- Бывает, да, - поражённая тому, что я об этом заговорил, подтвердила она и опять улыбнулась.
- Игорь, - протянул я ей руку.
- Стелла, - протянула она свою в ответ.

Я взял её тонкие пальчики и задержал их в своей руке, глядя ей прямо в глаза.

- Какие у тебя интересные пальцы, - отработанными фразами продолжал я диалог. - Мне кажется, они могут очень многое рассказать...
- О чём же? - не отнимая руки, с небольшим вызовом смотрела она, не отводя взгляда.
- О тебе, о твоём прошлом и будущем.
- И ты мне расскажешь?
- Обязательно, - подтвердил я, - только, возможно, не сейчас, а как-нибудь за ужином... Как ты смотришь на то, чтобы сегодня поужинать в каком-нибудь ресторанчике на Крестовском острове?
- Можно, - согласилась она. Впрочем, она и не могла не согласиться, подобные вещи уже срабатывали несколько раз, тут я уже руку набил...

Лифт остановился, дверь открылась, её рука ловко выскользнула из моих пальцев. Она вышла первой, я последовал за ней.

- Как насчёт восьми вечера? - бросил я ей вдогонку.

Она, не останавливаясь, чуть повернулась в мою сторону, надула губки и чуть поморщилась.

- Восемь будет слегка рановато. Я ещё буду занята.
- Девять?
- Хорошо, девять.
- Куда мне подъехать?

Она остановилась справа от выхода из центра и начала копаться в сумочке, поддерживая её левой ногой. Затем достала визитную карточку, ручку, набросила сумку на плечо, прислонила визитку к колонне и что-то написала. После этого сунула ручку обратно в сумку и с очередной очаровательной улыбкой протянула карточку мне.

- Вот адрес. Буду ждать тебя там в девять.
- Договорились. А ты сейчас куда? Может, подвезти?

Она посмотрела на часы и, чуть поморщившись, сказала:

- Нет, мне ещё тут надо подождать шэфа.
- Ладно, - заключил я, чувствуя, что мне не стоит оставаться. - Тогда до встречи... Стелла.
- Пока-пока, - легко бросила она.

Я направился к выходу, искоса поглядывая на неё. У меня неожиданно образовались хорошие планы на сегодняшний вечер...

Перейдя улицу, лавируя между машинами, я дошёл до своей Suzuki и сел в неё.

Далее почти в течение часа я добирался по пробкам до «Чернышевской», попутно слушая радио «Эрмитаж» с лёгкими мыслями о Стелле в голове, благодаря которой я то ли позабыл о своих проблемах, то ли просто не желал пока к ним притрагиваться.

Без пяти три я подъехал на улицу Чайковского и припарковался напротив метро. Кирилл не заставил долго себя ждать, практически возник из ниоткуда, подошёл к двери пассажира и постучал в стекло. Я впустил его.

- Привет, - только и буркнул озабоченно он.
- Привет, - улыбнулся я и неожиданно почувствовал, что улыбка тут совершенно не к месту. - Куда едем?
- Выбирайся из города. Едем ко мне на дачу, - повелительно заявил он.
- На дачу? - не скрывая своего удивления возмутился я. - Это далеко от города?
- Это у Волхова.
- Ты сдурел?! - вспыхнул я. - Я тебя туда не повезу! Туда же в одну сторону часа три, наверно, ехать.
- Два тридцать... И обратно столько же. Но мне в любом случае надо туда попасть сегодня, и я попаду туда либо с тобой, либо без тебя, - он посмотрел на меня жёстким непроницаемым взглядом, дав понять, что сейчас у меня особого выбора нет.

Я немного помялся. С одной стороны мне жутко не хотелось везти Кирилла чёрт знает

куда, да ещё и два с половиной часа и беседовать с ним в течение всего этого времени. С другой стороны я чувствовал, что мне нужно с кем-то посоветоваться по поводу всей этой возникшей ситуации, и только Кирилл может мне помочь. Тяжело вздохнув, я нехотя согласился:

- Ладно, - и бросил взгляд на часы на магнитоле. - Только в восемь мне уже надо быть в городе.
- До восьми тебе надо ещё суметь дожить, - мрачно заметил Кирилл, чем окончательно убил во мне остатки хорошего настроения.

Мы тронулись с места.

- Мне надо на Мурманское шоссе выруливать? - сухо спросил я.
- Да, - твёрдо ответил он.

В голове начал складываться маршрут моей поездки, и я последовал ему. Нужно было добраться до набережной, потом — до Валадарского моста, а затем — практически по прямой до Мурманского шоссе.

Пока мы ехали по Кирочной, Кирилл был угрюм и молчалив, как будто что-то просчитывал в голове. Я, вспоминая наш уговор с Ромкой, и уже в большой степени по привычке, ни о чём не думал, а просто внимательно следил за дорогой.

- И в чём же проблема? - неожиданно спросил меня Кирилл, когда мы уже практически выехали на набережную Невы. Я даже не сразу понял, что он имеет в виду, поэтому, чуть поморщившись, спросил:
- Что?
- Ты же не просто так решил со мной встретиться. У тебя там какая-то проблема, нужна помощь. Ты же со мной всегда встречаешься только для того, чтобы решить собственные проблемы.

Он посмотрел на меня своим фирменным высокомерным взглядом и, не меняя его, растянул губы в деланной улыбке.

- А... - вспомнил я. - Есть такое дело...
- Дело есть всегда, - не давал мне рассказать Кирилл, но в этот раз я не заикливался на том, как он меня перебивал и отпускал свои едкие комментарии.
- Меня вызвал хрен из администрации к себе в кабинет и сказал, что я фактически должен начать работать на него.

У Кирилла от деланного удивления поднялись брови.

- Это было предсказуемо.
- Да, пожалуй, - с небольшой обидой в голосе, нехотя согласился я. - Но передо мной сейчас развилка — два пути: я могу попытаться затесаться в доверие к этому номенклатурщику и далее, может, спустя какое-то время, добраться до власти... или же плюнуть на всё это, перевести серверы за рубеж и пытаться работать оттуда.
- И ты наивно полагаешь, что один из этих вариантов имеет хоть какие-то шансы быть осуществимым? - цинично спросил Кирилл.
- Я считаю... нет, даже знаю, что я могу легко осуществить любой из них, - с

некоторой гордостью за себя, ответил я. - В конце концов за последнее время жизнь моя стала приходить в порядок и слушаться меня.

- Это, конечно, круто! - опять съязвил Кирилл. - Да только для таких вещей тебе нужно больше энергии. Как ты можешь изменить что-то, если тратишь всю свою энергию на каждодневную работу допоздна, алкоголь и беспорядочные сексуальные связи?
- Это раньше я всю энергию тратил... Сейчас я чувствую, что живу, чувствую, что это всё для меня ничего не значит, чувствую, что...
- ...ты идиот, - грубо, но не эмоционально прервал меня Кирилл. - Того, что ты чувствуешь хватает только на фокусы для кухарок. Для того, чтобы действительно что-то в жизни изменить, тебе надо усиленно работать над собой. Ты не поднимешь ни одну из этих глыб, которые мне только что описал, пока не начнёшь собирать энергию...
- А, ну, да... Сейчас ты мне, конечно же, дашь какой-нибудь универсальный рецепт, и я буду жить долго и счастливо до возникновения следующих проблем... Или ты меня так пытаешься наставить на путь истинный, заставить бросить пить и перестать общаться с женщинами? - усмехнулся я.
- Нет. Это тебе не поможет.
- Тогда получается, что ты критикуешь, но сам ничего не предлагаешь, - меня немного злила позиция Кирилла, и я неосознанно начал вести машину чуть более агрессивно.

Мы проехали под Валадарским мостом, и я начал выворачивать на него, чтобы выехать на Мурманское шоссе.

- Нет. Ты просто невнимателен. Тебе нужно серьёзней заняться осознанными сновидениями — только благодаря им ты сможешь научиться осознавать себя в нужных тебе местах в любой момент времени. И только благодаря им ты сможешь собрать нужное количество энергии... Но для этого тебе нужно хотя бы дойти до того, чтобы стабильно вылезать в осознанные сновидения и изменять мир вокруг себя по желанию...
- Ты говоришь загадками и, как всегда, не даёшь мне никакой информации! - с обидой в голосе ответил ему я. Удивительно, как у этого человека получалось каждый раз несмотря ни на что, вызывать во мне такую злость и выводить меня из себя. - Чему я должен научиться? Как я по твоему это сделаю, если всё, что ты мне говоришь — это «стань лучше», да «работай»?!
- Начни с того, чтобы просто осознавать себя круглые сутки, - не обращая внимание на мою обиду, непробиваемо ответил Кирилл, - и во сне чётко понимать, что ты спишь. После этого попробуй заснуть во сне и проснуться во сне осознанным... Как сделаешь это, можем снова поговорить. А пока этот разговор больше не имеет смысла.

Кирилл устался в своё окно и о чём-то задумался.

- Всё равно ты мне не даёшь ответов на мои вопросы, - с досадой в голосе бросил я в его сторону, на мгновение оторвав взгляд от дороги.

Он никак не отреагировал, как будто вовсе и не слышал меня.

– Я же спросил, как мне быть в этой ситуации с чиновником...

Он молчал.

– Эй! Я же с тобой разговариваю! - уже начал злиться я и чуть прикрикнул.

Кирилл медленно повернул голову в мою сторону и на мгновение жутко испугал меня — в его глазах было что-то страшное, звериное, не от этого мира... они как будто стали желтоватыми и слабо светились. Но это его состояние длилось лишь какое-то малое мгновение, а потом быстро исчезло, и он проговорил:

– Ты же уже сам всё для себя решил. Чего ты от меня хочешь?

Я перевёл взгляд назад, на дорогу, и задумался. Когда я ехал на встречу с Кириллом, то чувствовал жгучую потребность в каком-то совете, касательно моей проблемы. Я и не предполагал, что беседа наша зайдёт в такую степь, и даже не чувствовал, что действительно где-то внутри уже принял решение. Всё, что мне теперь оставалось — это просто следовать выбранному пути, параллельно совершенствуя себя... Все эти мысли свалились на меня как какое-то озарение — совершенно неожиданно и мгновенно.

Точно так же неожиданно раздался хлопок сзади, наша машина рванула вперёд, из-за чего я опрокинулся затылком о подушку в сидении. Нога впилась в педаль тормоза, машина заглохла и остановилась. Кирилл громко выматерился, не скрывая своего негодования.

– Мать вашу! - чертыхнулся я вслед за ним. - Что это было? - и, чуть свесившись в середину салона, взглянул через пассажирские сидения назад. Сзади нас жутко помятая и искорёженная, с вывернутыми колёсами, стояла машина «Jaguar»...

Столкновение лбами

Рома, Игорь, Кирилл, Кирилл

Каково же было моё удивление, когда из машины, в которую мы врезались, выскочил Игорь и начал сотрясать воздух проклятиями и нецензурными выражениями. Удивительно, но у нас с Кириллом не возникло никаких проблем при вылезании из искорёженной, измятой машины. Игорь, увидев меня, удивился и бросил «Привет! Ты чего такой небритый?!», не снимая с себя злости. На Кирилле была улыбка до ушей — очевидно, что поведение Игоря только забавляло его, а разбитый «Jaguar», казалось, и вовсе нисколько не беспокоил.

– Чего ты лыбишься? - набросился на него Игорь со всей агрессией, которая в нём была.

Я никогда в жизни не видел его таким разъярённым. Да, бывало, что он злился, да, бывало, что кричал, тряс кулаками и брызгал слюной. Но тут из него лилось как из крана, и у меня сложилось впечатление, что делает он это для того, чтобы избавиться от всего накопившегося за последние дни негатива. Меня это смущало, но почему-то особенно сильно не задевало.

Кирилл взглянул на меня и начал тихо хихикать над Игорем. Но тут из машины Игоря вылез незнакомый белобрысый парень с наглым выражением лица, достал сигарету и закурил, дерзко поглядывая на Кирилла исподлобья. При этом взгляде в Кирилле произошли разительные перемены: улыбка мгновенно сползла с его лица, сам он наострился, стал жёстким и как будто нахохлился как сова, охраняющая свою территорию. Всё это также произвело впечатление на Игоря, и он, выругавшись в

последний раз, посмотрел на них и остановил взгляд на мне, как бы задавая немой вопрос: «Это твой Кирилл»? Я незаметно кивнул.

Мы стояли с ним как замороженные и наблюдали за тем, что происходило.

Мой Кирилл стоял неподвижно и не спускал взгляда с Игорева Кирилла. Тот медленно, показывая, что не желает зла, подошёл к нему и кивнул в знак приветствия, не ослабляя жёсткого взгляда. Они глядели друг другу в глаза, абсолютно не моргая, стоя буквально в метре друг от друга. Это явно требовало от них немалой концентрации, я бы такого не выдержал. Да, и Игорь, думаю, тоже.

- Привет, - наконец произнёс мой Кирилл.
- Привет, - с недоверием произнёс Кирилл-курильщик.

Они стояли рядом друг с другом, абсолютно не похожие друг на друга, совершенно разные не только внешне, но и поведением, да и, скорее всего, характерами, но при этом чувствовалось, что силы у них примерно одинаковые, причём у каждого явно в несколько раз больше, чем, например, у нас с Игорем вместе взятых.

Неожиданно их взгляды как по команде ослабли, сами они немного расслабились и завели спокойную беседу.

- Ну, как ты? - спросил мой.
- Да ничё, жив, как видишь, - затягиваясь, процедил сквозь зубы Кирилл Игоря.
- Всё ещё ломаешь людей? - усмехнулся мой.
- Не больше, чем ты, - парировал второй.

Неожиданно мой Кирилл повернулся к Игорю и проговорил:

- Извини за машину — что-то случилось с педалью газа. Удивительно, что мы ещё в живых остались.
- Да, ничего, - озабоченно, но всё ещё с раздражением, ответил Игорь.
- Предлагаю вызвать эвакуаторы и замять это дело, - спокойно проговорил мой Кирилл. - Сколько я тебе должен?
- Ну, не знаю, - почёсывая затылок, проговорил Игорь, посмотрел на зад своей помятой машины и цинично заключил: - Ну, тысяча семьдесят...
- Ок, - без единого колебания ответил Кирилл, чем немало удивил не только Игоря, но и меня, и достал из кармана штанов пачку рублей, скреплённых резинкой. - Держи, - протянул их Игорю.

Тот взял, снял резинку, пересчитал, нахмурился, помялся и, нехотя согласился. Другой Кирилл только хмыкнул на это, после чего сквозь сигарету в зубах процедил:

- Опять твои фокусы... Как вижу, ты остался таким же мягкий и безвольный, каким всегда был. Ничего не изменилось.
- Я неконфликтный, - безучастно через плечо бросил в его сторону Кирилл.

Пока Игорь вызывал эвакуаторы, Кириллы успели обменяться короткими фразами на тему погоды и пробок, периодически отпуская в сторону друг друга едкие комментарии. Ясно было, что они знакомы, причём давно, ясно, что как-то связаны друг с другом, но неясно, почему готовы были разговаривать лишь о погоде, и то сквозь зубы.

- Ну, ты как? - спросил я у Игоря, выкроив момент для того, чтобы подойти к нему и поболтать.
- В норме, - поморщившись ответил он. - Было бы вообще отлично, если бы не твоя дурацкая статья...

Игорь укоризненно посмотрел на меня, но я пропустил эту его реплику мимо ушей. Впрочем, он сам не стал долго останавливаться на этой теме и продолжил:

- Неважно. Как сам? Чего такой запущенный?
- Да так... веду затворнический образ жизни.
- А. Понятно. Отшельник типа?
- Что-то типа того, да.

Мы помолчали пару секунд, погрузившись в неловкую паузу, после чего Игорь продолжил разговор:

- Странно всё это.
- Что именно?
- Ну, эти двое. Посмотри на них, - кивнул он в сторону Кириллов. Те стояли рядом друг с другом, засунув руки в карманы и практически ни о чём не разговаривали, изредка только перекидываясь одним — двумя словами. - Явно что-то тут не чисто, чувствую просто, а в чём дело, понять не могу.
- Да, - согласился я. - Вроде, и знают друг друга, а держатся на расстоянии и даже опасаются друг друга.
- Что-нибудь узнал о своём Кирилле? - неожиданно спросил у меня Игорь.
- В смысле?
- Ну, мы же, вроде бы, хотели узнать о них побольше и столкнуть их лбами... А тут они каким-то образом сами столкнулись...

Я неопределённо повёл плечом.

- Знаю только, что мой называет себя «конструктором» и в последнее время направил меня на перепросмотр и увеличение осознания.
- Перепросмотр? - прищурившись спросил Игорь.
- Да, это практика такая: сидишь и переживаешь моменты из своей жизни... Тебе твой ничего такого не рассказывал?
- Нет, - помотал головой Игорь. - Но сегодня мой мне что-то втирал про осознанные сновидения.
- Занятно, - задумался я. - Мой наоборот говорит, что мне лучше к ним не прикасаться, мол, лучше заниматься реальным миром, а не летать в облаках.

Кириллы неожиданно одновременно посмотрели на нас и синхронно улыбнулись, как будто всё слышали. Только улыбки у них были совсем разными: у одного это была скорее гримаса с тенью презрения, а у другого — отеческая усмешка над шаловливым ребёнком.

- Очень интересно. Ну, мы хотя бы выяснили, что они действительно как-то связаны друг с другом. Понять бы, как именно...

Неожиданно Кириллы синхронно двинулись в нашу сторону.

- Ну, что, сплетничаєте? - спросил мой.
- Да не то, чтобы... Просто обсуждаем, как дела..., - оправдался Игорь.
- А чего тут обсуждать? - процедил Игорев Кирилл и выдал монолог: - У этого, - он кивнул в мою сторону, - всё стабильно. Менты только делают вид, что разыскивают его, а на самом деле прекрасно знают, что он живёт у Миши. Так что, если он начнёт опять выпендриваться, спокойно накроют его и утихомирят. Чудо будет, если он в живых останется в течение ближайшего года, и его не предадут все его друзья. А этот, - он кивнул в сторону Игоря, - сходит с ума, разговаривает с голосом в своей голове и не хочет принять, что на самом деле кукухой поехал. Но этого, судя по всему, ему недостаточно, поэтому он пошёл на сговор с чиновниками для того, чтобы пропихнуть свой проект, оправдывая это своё действие благородными идеями об исправлении системы изнутри... Но его судьбе тоже не позавидуешь, потому что с гиенами не договариваются — те имеют привычку хихикать, когда ты с ними говоришь, и нападать, когда спишь.
- Что за чёрт? - с досадой проговорил я и посмотрел на Игоря. - Эти уроды меня плющат, я спокойно по городу не могу перемещаться, а ты с ними договариваешься?
- А что ты предлагаешь? - развернулся в мою сторону и с непробиваемым выражением лица спросил Игорь. - Меня прижали, сказали, что с дерьмом смешают, а тебя, между прочим, вообще сразу же посадят, если я не стану с ними сотрудничать! - тут Игорь начал вскипать. - Я вынужден идти на сговор с ними для того, чтобы обезопасить себя и своих друзей! Думаешь, мне самому это нравится?..
- Не надо мне так помогать, пожалуйста! Лучше уж я как-нибудь сам, - я жутко расстроился, но понимал, что Игорь отчасти прав, а я, по сути, обязан ему за всё то, что он для меня сделал.
- Ага, «не надо мне помогать»... и это после всего того, что я для тебя сделал?.. - вспыхнул Игорь. - Ну, спасибо, Ромочка! Хрена лысого ты теперь от меня получишь. Сам решай свои проблемы!

Я промолчал и просто отвёл взгляд. Игорь пыхтел и краснел.

- И вообще! Если бы не твоя дебильная статья, то я не был бы сейчас в той ситуации, в которой я нахожусь.

Я решил не реагировать на эту реплику, и не продолжать бесполезный спор. К тому же, я понимал, что всё это в нём кипит и бурлит не по его воле, а по его незнанию, непониманию и не осознанию. Если бы он осознал себя, был тотальным в тот момент, то не сотрясал бы зря воздух. Впрочем, я тоже витал в облаках — начал почему-то обижаться на него, хотя всё понятно, всё объяснимо и всё совершенно глупо.

Эта мысль меня привела в чувства. Я посмотрел по сторонам и вдохнул полной грудью. Усмехнулся. Игорь что-то буркнул себе под нос, покачал головой и плюнул на асфальт. Потом повернулся к своему Кириллу и, сложив руки крестом на груди, вызывающе спросил:

- Ты не хочешь мне рассказать, как познакомился с этим длинным, - он кивнул в сторону моего Кирилла.

Его Кирилл посмотрел снизу вверх на моего (мой всё-таки был почти на голову выше)

и произнёс:

- Зачем тебе это? Это прошлое.
- Ну, просто вы знакомы, вы оба конструкторы и неожиданно решили заняться нами... Совпадение? - с напором спросил Игорь.
- Да, - сухо бросил мой Кирилл тоном, не подразумевающим сомнений.
- Быть не может! - уверенно заявил Игорь, посмотрев в его сторону. - Тогда как же так выходит, что вы оба рассказываете нам о своих дурацких линиях, оба говорите об увеличении осознания, осознанных сновидениях и перепросмотре?
- Я не рассказывал ничего про осознанные сновидения.., - смутился мой Кирилл, но второй не дал ему закончить и бросился в атаку:
- Смотри-ка, бурундучки решили устроить заговор и пытаются нас запутать, - с самодовольной надменной ухмылкой бросил он. - Я тебе, Игорёк, вообще ничего никогда не рассказывал. Может, это тебе приснилось, может, это голос в твоей голове тебе рассказал. Да только я-то тебя никогда ничему не учил. Ты сам откуда-то берёшь информацию...

Он испытующе взглянул на Игоря, и тот ступешался, но тут уже я его поддержал:

- Это, однако, не даёт ответа на вопрос о том, что же вы задумали.
- Что мы задумали? - злобно произнёс Игорев Кирилл и начал ко мне приближаться. - А, может, я задумал тебя извести и испепелить? Изничтожить?

В глазах помутнело, кожа зачесалась, после чего я почувствовал себя совершенно иначе, как будто я находился в другом теле — я стал слышать звуки по-другому, цвета вокруг меня стали более насыщенными и дыхание стало более сбивчивым, неродным и неровным. Пространство вокруг меня сузилось, и я оказался в полной темноте, вплотную, лицом к лицу с Игоревым Кириллом. Он злобно смотрел на меня и ухмылялся, глаза его стали демонически-желтоватыми, такими, что даже захотелось перекреститься и прочитать молитву — авось поможет.

- Ну, что, Роман, ты ещё не понял, кто ты на самом деле и где твоё место? - выплеснул он мне в лицо
- Что? - попытался я прийти в себя, испытывая приступ дичайшего страха.

Вокруг нас была полнейшая чернота — от всего того пейзажа, окружавшего меня несколько секунд назад, не осталось абсолютно ничего.

- Сколько ты ещё будешь бегать от себя и своей сущности, прятаться за чужими масками и спасаться на чужих проекциях?

Я оторопел, не понимая ни слова из того, что он говорил.

- Взгляни на себя, посмотри на свои руки, - говорил Кирилл, не отводя своего давящего взгляда.

Я собрался с силами, сконцентрировался и поднял руки, пытаюсь посмотреть на них. Они были как в тумане, от них шёл плотный белый пар такой интенсивный, который не позволял их увидеть и который теперь полностью застлал Кирилла. С такого большого расстояния они были не видны, поэтому пришлось поднести их к самому лицу. Только в паре сантиметров от глаз пар рассеялся, и я обнаружил, что они совершенно другие — пахнут абсолютно непривычно и выглядят совсем по-другому: пальцы короче и толще,

ногти более короткие и неровно стриженные. Неожиданно для себя я осознал, что всё это нереально, что я сплю, что на само деле я нахожусь в совершенно ином месте. И тогда Кирилл удовлетворённо хмыкнул и начал удаляться от меня куда-то вверх и вдаль, пока не превратился в большую яркую полную луну на небе, а я не проморгался, протёр глаза и почувствовал, что лежу на стоге сена и смотрю на небо.

- Егор, - мечтательно обратилась ко мне девушка, лежащая рядом, - а как ты думаешь, существуют ли миры без драконов?

Мир драконов

Рома

- Что за ерунду ты несёшь? - спросил я Лизу и поморщился, продолжая глядеть на звёзды. - Как ты себе представляешь мир без драконов?
- Ну, включи воображение, - обратилась она ко мне и неожиданно забралась на меня, оказавшись ко мне лицом к лицу.
- Ой! - сделал я вид, будто мне тяжело. На самом деле она была лёгкой как пёрышко. Особенно, если сравнивать с теми доспехами, которые мне иногда приходилось надевать.

Короткий поцелуй в губы, после чего она скрестила руки у меня на груди, положила на них голову, улыбнулась и, болтая ножками, продолжила:

- Неужто ты никогда не фантазировал? Не уж то не представлял себе какие-нибудь другие миры?

Неожиданно её милое личико с родинкой на правой щеке, пышными бровями и карими глазами стало скрываться за клубами дыма, появляющегося из ниоткуда передо мной, а звонкий голос как будто оказался заперт в маленькой деревянной коробочке. Я поморщился, протёр глаза и посмотрел на неё. Всё пришло в норму.

- Фантазировал, конечно, - продолжил я как ни в чём ни бывало. - Но, ведь, такой мир не имеет смысла. Он же просто не может существовать!

Лиза тяжело вздохнула и положила голову на мою грудь, прислушиваясь правым ухом к моему мерному дыханию, после чего грустно выговорила:

- Просто я иногда думаю, что без этих всех дурацких драконов, без магов, без этого верховного магистра, жизнь была бы значительно лучше и проще...

В воздухе повисла пауза.

Я понимал, почему Лиза заговорила об этом — вся деревня уже несколько недель находилась в страхе из-за одного дурного дракона, который с месяц назад стал прилетать и похищать коров, а теперь и вовсе обнаглел — начал набрасываться на мирных жителей. Прослышав об этом, две недели назад к нам в деревню прибыл рыцарь в чёрных доспехах и уехал воевать с драконом под всеобщее одобрение и воодушевление. Однако дракона он убить не смог, и погиб — явно был разодран на части и сожран. Только раскуроченные доспехи от него и остались. Хотя, конечно, на какое-то время атаки прекратились — по-видимому, тот таки ранил дракона — но спустя пару недель всё началось по новой. И единственное, что изменилось после того рыцаря — тварь стала ещё более свирепой и, кажется, выросла, из-за чего чешуя её стала темней, чем раньше. Пару дней назад этот гад утащил к себе в пещеру пастуха, и люди теперь сидели по домам и боялись выходить в поле. Только мы с Лизой (сумасшедшие влюблённые) обнаглели настолько, что, забыв

о страхе, выбрались в поле: я по какой-то причине считал, что будучи в стоге сена нам ничего не грозит, а Лиза просто безгранично верила мне. Возможно, это всё было из-за моей самоуверенности, возможно — из-за моей бесшабашности, а, может, виной всему был план, который я вынашивал уже несколько дней в своей голове и собирался осуществить сегодня ночью.

- Егор? - обратилась ко мне Лиза, не убирая головы с моей груди.
- М? - искоса попытался взглянуть на неё я, стараясь не беспокоить лишними движениями.
- А что будет с нами?
- Что за дурацкий вопрос: «что будет с нами»? - усмехнулся я. - Конечно же, мы все умрём! - съехидничал я и неожиданно поймал себя на мысли о том, что это вполне возможное развитие событий, если не усмирить дракона в ближайшие дни...
- Да нет же, я про нас с тобой...
- Что с нами?
- Вот и я тебя спрашиваю: что с нами?

Я задумался.

Сейчас, когда Лиза лежала у меня на груди, весь остальной мир не имел для меня ни малейшего значения. Сейчас были только мы, а всё прочее было просто фоном. Вот есть мы, а на заднем плане, где-то высоко в облаках, летает дракон. Вот есть мы, а на заднем фоне, где-то далеко, деревня со своими жителями и предрассудками. Вот есть мы, а где-то за кулисами, в другом мире, наши планы на будущее: большой город, большой дом, дети... И что там с нами было, что там с нами будет, в тот момент меня абсолютно не интересовало, потому что всё это было из области фантазий, несбыточных, нереальных миров. А реально только то, что есть здесь и сейчас. А сейчас Лиза лежала у меня на груди и прислушивалась к моему дыханию, ожидая ответа на свой странный вопрос.

- С нами всё хорошо, счастье моё! - успокаивающе тихо проговорил я. - Что тебя беспокоит?
- Да просто... - неопределённо ответила она и замолчала. И, ведь, как будто чувствовала что я затеял что-то неладное... А, может, просто совпадение?..

Мы провалялись в стоге сена в полном молчании ещё несколько минут, после чего она неожиданно резко вскочила, хлопнула меня по груди ладонями и заключила, испытующе глядя на меня:

- Ну, всё, мне пора домой.

Обычно в такие моменты я притягивал её к себе и говорил, что дом ещё может подождать пару минут, после чего оказывался на ней целующим её ушки, шейку, грудь..., но сейчас я не хотел этого делать, так как затягивать больше было нельзя — к горлу подплыли досада и грусть, которые мне теперь предстояло сглотнуть и заменить печальной улыбкой.

- Да, пожалуй, пора, - без особого энтузиазма согласился я.

Лиза слезла с меня и начала поправлять юбку, застёгивать кофточку и приводить в порядок свою причёску. Я в свою очередь тоже поднялся и принялся оправлять одежду. Потом протянул ей руку и, сжав её хрупкие маленькие пальчики, направился с ней в

деревню.

Пешком по полю, освещённому полной луной и чёрным небесным морем, усеянным звёздами, туда, к деревне, назад, к сверчкам и светлячкам, вечным раздумьям, проблемам, напрямик к её дому. У забора её дома мы остановились, она повернулась ко мне, вопросительно посмотрела снизу вверх в глаза, затем, не получив ответа на не заданный вопрос, встала на цыпочки, поцеловала меня в губы, бросила: «ну, пока» — и убежала.

Ещё около минуты я стоял, глядя ей в след, возвращаясь к своим мыслям-драконам, поголовье которых с уходом Лизы резко возросло.

Один дракон летал с именем «что же мне делать по жизни». Он был не самым крупным, но достаточно назойливым: я умел неплохо драться, я умел неплохо охотиться, я умел неплохо выращивать овощи, я умел неплохо собирать урожай... я даже умел неплохо чинить доспехи — я всё умел делать неплохо, но ни в чём особенно не был хорош. Я был неплохим человеком. Однако некоторым это явно не нравилось. Например, отца Лизы это явно раздражало. Он даже не скрывал своей неприязни ко мне. Не достигнешь, говорил, ничего в жизни. Никакой ты, говорил он мне. Как моя дочь может быть вместе с никаким человеком, добавлял он. И действительно, как?

Второй дракон назывался «семейная жизнь». Он был уже покрупнее и в моём воображении принимал страшные формы: мне было очень тяжело представить себя женатым человеком, который с утра уходит на работу, весь день пашет, вечером возвращается домой, к располневшей тучной жене, которая его уже как объект любви абсолютно не интересуется, и детям, которых всё время надо кормить и воспитывать... Я любил Лизу, и хотел быть с ней вместе, но семейную жизнь с ней пока не представлял совершенно. Я просто не был готов к такому размеренному, спокойному режиму. Мне всегда казалось, что я достоин большего, что я был послан на эту землю для чего-то более значимого и важного. Быть добрым семьянином и отцом семейства никак не вписывалось в мою картину мира.

Третий дракон носил имя «чужак». И он был самым большим, противным и внушающим жуткий страх: живя в деревне, я не чувствовал себя в своей тарелке, я всё время чувствовал себя чужаком, причём, даже не столько чужаком именно в этом месте, сколько в целом в этом мире, в это время. Чувство того, что вообще-то я должен жить другой жизнью в каких-то других условиях, меня не покидало уже достаточно давно. И только с Лизой оно притуплялось, и становилось очевидно, что жизнь вот она, а всё остальное — глупости.

С такими и более мелкими, менее значимыми, драконами я добрался до своего дома. Там, убедившись в том, что все уже спят, я прокрался в свою комнату, взял кольчугу, шлем, отцовский длинный двуручный меч и, стараясь не звенеть и не шуметь, насколько это было возможно, вышел из дома и направился в сторону поля.

За драконом я следил чуть ли ни с момента его первого появления в наших краях и успел заметить некоторые его привычки. Так, в это время суток он частенько пролетает как раз над полем в поисках шальной добычи на ночь. Кроме того, я заметил, что каждый раз эта гадина хватала свою добычу исключительно зубами, что несколько не характерно для драконов в целом. А прямо перед тем, как цапнуть, буквально за одну — две секунды до этого, у него обычно раздувались ноздри. Именно эти наблюдения и должны были мне помочь в его убийстве.

Кольчуга, которую я прихватил с собой, навряд ли серьёзно помогла бы мне в битве с этой тварью, но она внушала мне некоторую уверенность в себе — вроде бы так себя

чувствуешь чуть более защищёно, хотя разум подсказывал, что этой твари достаточно укусить меня разок, и всё будет кончено, нацепи я на себя даже какие-нибудь тяжёлые латы...

Двуручный меч был взят как единственное действенное оружие против монстра. Какое-то время назад дракона пытался застрелить из лука один из крестьян нашей деревни, однако стрелы от толстой шкуры монстра отскакивали, не оставляя даже царапин. Зато это жутко разозлило дракона, и тот сожрал крестьянина вместе с луком, практически не пережёвывая. Готовясь к сегодняшней вылазке, я с утра как следует заточил меч, так что тот стал острым как сам Дьявол.

Мысль об убийстве этой твари уже давно засела у меня в голове. Всё это из-за того странного сновидения. Даже не сновидения, а наваждения! Мне как-то приснилась старуха-гадалка (как будто какая-то подруга отца) которая объяснила, что у меня беспокойное сердце. Она говорила, что у меня сердце кролика, а мне нужно мудрое спокойное сердце дракона. Из её слов мне стало очевидно, что дракона надо убить, чтобы успокоиться самому и показать остальным, что я чего-то стою. С тех пор я только об этом и думал. Возможно, убей я дракона, деревня меня сразу же приняла бы, люди бы поняли, что я не просто неплохой, а даже хороший. Я не был уверен в том, что так правильно, но хотел верить в то, что после дракона всё как-нибудь наладится само собой.

И вот со своими разношёрстными мыслями я иду по полю, по колена в траве, активно прислушиваясь и стараясь не обращать внимание на свои страхи, понимая, что дракону, который может появиться уже в любую минуту, нельзя дать застигнуть меня врасплох. Трава шелестит, ветер слегка подвывает, кольчуга тихо позвякивает, ноги периодически приминают пересохшие веточки. Светит полная луна, на небе ни облачка, звёзды робко подмигивают мне, как будто оказывая моральную поддержку. В поле стоит запах сырой росы и сладкий привкус одуванчиков.

В голове неожиданно всплывает эпизод с одуванчиковым полем из одного из моих сновидений, и опять дым застилает мне глаза, но я мотаю головой, стряхивая наваждение с волос. Не сейчас. Потом помечтаю.

И тут вылетает он. Чуть впереди, из-за деревьев, прямо передо мной. Зависает на мгновение в воздухе, оценивая возникшую перед ним картину и, увидев меня, издаёт жуткий крик и кидается в мою сторону. Вот он! Момент настал! Я выхватываю меч и встаю в боевую позу, сжавшись как пружина, но не двигаясь. Бежать нельзя, хотя колени немного трясутся. Дышу ровно, и стараюсь держать себя в руках, хотя сердце колотится как бешеное. Ещё чуть-чуть, ну же! Ближе!

А туша дракона летит камнем в мою сторону, теряя высоту, немного прижав крылья к телу. И глаза его демонически-желтоватые хищнически зафиксированы на мне, а уже от одного взгляда мне становится не по себе и сердце холодеет. Но назад ходу нет. Я должен это вытерпеть, я должен превозмочь себя, я должен победить этого дракона!

И вот он уже совсем близко, и вот его ноздри раздуваются, и я уже чувствую запах перегнившего мяса, застрявшего какое-то время назад в его зубах, и ноздри его раздуваются, а я резко отпрыгиваю в правую сторону и наношу удар в направлении, в котором только что стоял как вкопанный. Меч прорезает шкуру, а я уже знаю, что удар смертельный. Туша дракона с грохотом падает, и по инерции сбивает меня хвостом.

...

Кажется, я потерял сознание. Я лежу на спине и смотрю на звёзды. Встаю и оглядываюсь по сторонам. Дико болит голова. Кажется, даже кровь идёт. А дракон лежит

на спине бездыханный совсем рядом. Пасть открыта, язык свесился. Кажется, он даже обделался... Но ничего не изменилось. Я как был никаким человеком, так им и остался. Я это чувствую. Единственное, что теперь новое — это то, что никакой человек убил дракона. Местные даже не оценят, если я не принесу доказательств.

Сон со старухой всплывает в голове. Она показывает на меня пальцем и говорит:

– Тебе нужно сердце дракона!

Да, наверно, мне нужно сердце дракона. Это будет хорошим доказательством.

Я подошёл к дракону и начал ковыряться двуручным мечом в его груди, пытаюсь добраться до сердца. Брызнула кровь и залила мою кольчугу. Даже в глаза попала. Тёплая ещё. Липкая.

Применяя силу и преодолевая головную боль, я отковырял несколько чешуй и прорезал его кожу. Я встал на колени, достал нож и вырезал сердце, испачкав свои руки по локоть в его дрянной липкой крови. Потянул что есть сил, чтобы оторвать сердце от артерий. Оторвал. Тяжёлое, килограмм десять, наверно. Большое, с мою голову размером. По форме похоже на человеческое — однажды я видел такое у нашего деревенского знахаря, только засушенное.

Ну, и что мне делать с сердцем дракона? Такое мне в грудь не поместится — у меня там слишком мало места. Да мне даже будет сложно его донести до дома, балансируя двуручным мечом в одной руке. Но и не выбросишь же его... К чему тогда было всё это делать?

Вздохнув, встал в полный рост и огляделся по сторонам.

Завернуть не во что, положить не на что. Единственный вариант — это оставить здесь двуручный меч, и принести сердце домой. Потом утром могу вернуться за мечом.

Делать нечего. Меч воткнул в землю, рядом с головой дракона. Сердце обхватил двумя руками и понёс. Путь не близкий, идти не удобно, скользкое сердце постоянно так и норовит выскочить и упасть, а ещё и высокая трава путается в ногах. Но я должен это сделать, я должен его донести.

Несу так несколько минут, уже удалившись от дракона на приличное расстояние, когда с очередным шагом нога моя цепляется за камень, спрятанный в траве, я теряю равновесие и падаю на землю, попав лицом прямо в окровавленное сердце. Громко ругаюсь, сажусь на землю и вытираю кровь с лица.

Интересно! Во рту сладковатый привкус. Что-то с нотками клубники и хлеба. Поморщился, посмотрел на руки. Попробовал кровь дракона с мизинца на вкус. Удивительно, но это вкусно!

Я жадно облизал свои руки, ладони и палец за пальцем.

Потрясающе!

Интересно, а сердце такое же вкусное, как и кровь дракона?

Я покосился на него и взвесил как следует эту мысль в голове.

В принципе, нет ничего странного в том, чтобы откусить кусок свежего сердца. Я слышал, что шаманы диких племён едят сырые сердца волков — и ничего. Говорят, что даже некоторые известные рыцари съедали сердца своих врагов для того, чтобы обрести их силы. Может быть, как раз это гадалка из моего сна и имела в виду? Мне нужно сердце дракона, чтобы стать лучше... Но сердце надо принести в деревню. Впрочем, мне же не

обязательно быть великим рыцарем! Мне просто надо стать каким-то человеком, вместо никакого. Мне ненужно съесть всё сердце целиком. Достаточно просто один раз откусить.

Наверно, надо откусывать там, где больше мякоти.

Я поднёс сердце ко рту и попытался примериться зубами, упершись носом в мякоть. Немного стиснул челюсть, чтобы попробовать, как идёт. Язык мой коснулся сердца и я почувствовал тот же самый клубничный привкус. Зубы вошли без особых проблем, не ощутив никакого сопротивления, как будто это и не плоть животного, а пареная репа.

Вкусно. Даже вкуснее, чем кровь дракона!

Помнится, Лиза сделала как-то торт с клубникой. Само тесто было мягким и упругим, как губка, да ещё и с вкраплениями мака. Начинка же была немного кисловатой, но очень сочной и ароматной. Этот торт был торжеством для моего рта, который никогда в жизни ничего подобного не пробовал. Я откусывал один кусок за другим, жадно пережёвывая и проталкивая языком дальше в глотку.

– Это лучшее, что я когда-либо пробовал, - с едой во рту проговорил я.

Лиза в ответ только улыбалась, глядя на то, с каким аппетитом и удовольствием я ем торт, а по моим губам стекал клубничный красноватый сок, который я периодически слизывал или стирал рукой. А запах! Торт каким-то волшебным образом сохранил запах свежей сладкой клубники!

Я ел как ошалевший, не помня себя. На то, чтобы съесть всё сердце целиком у меня ушло не больше десяти минут. Я даже и не заметил, как это произошло.

...

И вот я уже лежу сытый и довольный на поле и смотрю на звёзды. Сердца нет, но в деревню можно отнести и какую-нибудь другую часть дракона. Например, глаз. Да, глаз — это даже лучше! Зато наконец-то, впервые в своей жизни я чувствую себя кем-то. Я стал полноценным, я стал настоящим. И перспективы в жизни уже открываются яркие, и все проблемы кажутся мелкими. Я выстраиваю планы, думаю о том, как сделать предложение Лизе завтра утром, как утереть нос её отцу.

– Егор, какой же ты всё-таки молодец! - восклицает Лиза в моём воображении, глядя на меня с восхищением, и целует в губы, прямо на глазах своего отца. А тот ничего даже сделать или сказать не может.

Я уже представляю, как обрадуются мои родители, и как местные будут носить меня на руках... Я же всё-таки герой! Меня, наверно, ждут награды, возможно верховный магистр дарует мне какой-нибудь титул и даст одно из своих поместьев?.. Какие шикарные перспективы открываются! Я лежу сытый и довольный и мечтаю.

Как вдруг боль прорезает мою спину!

Я изгибаюсь дугой и кричу во всё горло. Только крик мой трансформируется из человеческого вопля в какой-то неземной, жуткий рёв.

Что-то прорезает мою кожу изнутри. Что-то лезет из меня. Что-то меня наполняет и занимает моё место.

Руки дрожат, а кожа на них прямо за считанные секунды грубеет. Шею сковывает красная чешуя, а в глазах мутнеет. Появляется звон в ушах, который быстро усиливается, оглушает и вызывает жуткую боль. Затем раздаётся хлопок, и я воспаряю над своим

телом.

Я вижу, что происходит с моим телом: на пальцах вылезают жёсткие когти, из копчика лезет хвост, кольчугу и всю одежду разрывает в клочья, а на спине появляется жёсткий гребень. Я превращаюсь в дракона. Не такого большого, как убитый, но тем не менее дракона. Теперь я действительно становлюсь кем-то... Точнее говоря, кто-то становится мной.

Я растворяюсь, а очертания дракона проявляются всё сильнее.

И вот он встаёт на лапы, оглядывается по сторонам, издаёт рык, после чего бросается назад, к туше убитого дракона и, добежав до него, начинает жадно его поедать, отрывая кусок за куском.

А я теряю себя. Моё сознание уходит в темноту. Я просто растворяюсь... И в самый момент полной потери себя, меня кто-то хлопает ладонями по лицу и приговаривает: «Рома! Рома, очнись!»

Тестовая линия

Игорь

Где-то недалеко прогремел взрыв, из-за которого я проснулся и вскочил на ноги, после чего раздался звук приближающейся машины.

Я был в подвале, под лестницей, спал на коробках, накрывшись маленькой детской курточкой. Вскочил на ноги, пробежался по лестнице наверх, стараясь не шуметь, и, замирая, осторожно посмотрел на то, что творилось на первом этаже. Квартира была разгромлена, стёкла из окон выбиты, мебель разломана. Я осторожно поднялся на этаж и прошёл до кухни, поглядывая по сторонам и прислушиваясь. Заглянул внутрь, чтобы увидеть, как из подвешенных шкафов на кухне торчат полки, выключенный холодильник демонстрирует своё пустое нутро, а кафельный пол покрыт грязью и осколками стёкол. Здесь уже явно давно никто не жил. Такое ощущение, что в этом доме побывала война.

На улице раздались шаги и голоса. Люди говорили на немецком, на языке, который я никогда не знал, и сейчас совершенно не понимал. В окне промелькнули две серые шинели с какими-то знакомыми значками-изображениями белых орлов на плечах. Повинуясь внутреннему инстинкту я забежал в кухню и прыгнул в холодильник, тихо закрывая за собой дверь.

Удивительно, но я очень легко в нём поместился. Мне даже не пришлось сильно напрягаться для того, чтобы залезть туда. Я посмотрел на свои руки. Они были молодые, даже детские: маленькие пальчики, миниатюрные ладошки. Что произошло со мной?

В прихожей раздался шум. Это зашли люди с улицы, громко хлопнув дверью. У меня появилось ощущение, что ищут они именно меня. Один из них, судя по звуку шагов, пошёл в подвал, а второй медленно расхаживал по коридору и, кажется, собирался идти по направлению к кухне.

Шаги его становились всё отчётливей и ближе — он явно двигался по направлению к холодильнику, как будто знал, что я там сижу.

Неожиданно в подвале раздался мужской крик и выстрел. Второй человек, кажется, развернулся, что-то закричал и поспешил к лестнице. Раздался ещё один выстрел, после чего — быстрые шаги в сторону холодильника. Кажется, меня таки сейчас обнаружат, схватят и, возможно, убьют.

Дверь резко отворилась и на меня уставились живые карие глаза взрослого мужчины со шрамом на левой щеке, большим носом-картошкой и густой рыжей бородой. Я испугался и от страха завизжал, но мужчина молниеносно закрыл мне ладонью рот, не дав наораться всласть.

– Тихо, Игорь! - сказал он мне, чем привёл меня в чувства. - Я твой союзник!

После чего он схватил меня на руки и понёсся из дома куда-то на задний двор.

– Как это «Союзник»? - не понимал я, параллельно удивляясь своему детскому голосу.

– Ну, вот так это. Я здесь, чтобы спасти тебя.

– Где это «здесь» и от кого меня надо спасать? - растерянно спрашивал я, пока он перепрыгивал низкую ограду и бежал через дорогу в сторону других разрушенных домов.

– Это всё Кирилл. После вашего столкновения в Петербурге он тебя и Рому перекинул на тестовые линии. С таких линий выходит только один, только сильнейший. И пока что расклад явно не в твою пользу.

Я замолчал, крепко обнимая шею «Союзника». Он был крепкий и сильный, он был большой и мощный, от него пахло порохом и мужским потом, а я был почему-то очень маленьким и беспомощным.

– Это всё потому что ты на линии времён второй мировой войны, на которой ты — девятилетний мальчик, который должен был быть застрелен офицерами вермахта на той кухне.

– Но почему? Что я сделал?

– Просто, Игорь, потому что ты должен умереть, иначе план Кирилла не удастся.

Мы добежали до дома на той стороне, забежали внутрь, прямиком в гостиную, в которой уцелел разве только мягкий диван. «Союзник» поставил меня на пол, а сам плюхнулся на диван.

– Фух, - вздохнул он, - давно я так не бегал!

Я подошёл к нему и сел рядом.

– Зачем Кириллу меня убивать? Что за несуразица? - задавал я серьёзные вопросы детским голосом. Выглядело со стороны это, наверно, по меньшей мере странно.

– Он тебя уже давно пытался устранить... Но пока просто не получалось. А зачем... - тут «Союзник» посмотрел по отечески на меня и улыбнулся. - Ты это и так без меня знаешь, но пока не хочешь признать.

– Что за чушь?! - возмутился я и вскочил с дивана.

Конечно, Кирилл проявлял ко мне некоторую агрессию, с ним была связана пара странных эпизодов, но желать меня убить — это слишком. В это я не мог поверить.

– Впрочем, это сейчас совершенно неважно, - неожиданно заключил «Союзник». - Сейчас тебе просто важно выжить и вернуться назад.

– Куда?

– На свою линию, конечно, - ответил он. - И не думай, что теми двумя солдатами всё

закончилось. Ты всё ещё находишься в опасности и за тобой охотятся.

– Кто охотится?

«Союзник» встал с дивана и подошёл к окну, глядя наружу, прячась за занавесками.

– Здесь — солдаты СС. Не спрашивай, почему — всё это звучит странно и нелепо. За маленькими детьми обычно не охотятся нацисты. Но в твоём случае так надо, поэтому и охотятся.

– Что за бред?! - не понимал я, не находя себе место. - Это какой-то сюр!

– Неважно, - перебил «Союзник», повернулся ко мне лицом и продолжил объяснять. - Сейчас тебе нужно себя расшатать. Кирилл пытается тебя сделать менее подвижным, хочет привязать к дереву верёвкой, чтобы ты не мог далеко улететь. Все эти перепросмотры, сохранение памяти, осознание себя круглые сутки и прочая лабуда — это попытка тебя сделать более жёстким. А тебе нужно быть гибким и подвижным как вода.

– Какие ещё перепросмотры? - удивился я.

– Самое главное — будь здесь и сейчас, а про всё остальное забудь.

Буквально мгновение спустя раздался грохот, стекло в нашем окне разбилось и пуля пронзила грудь «Союзника», пройдя насквозь и впившись в стенку напротив. Он упал на колени, глядя на меня испуганным взглядом.

– Вот чёрт! Таки достал меня!

Я подскочил к нему и попытался обнять, суетливо стараясь придумать, что же сделать, чтобы исправить эту ситуацию. Но я не мог совладать с гравитацией и массой его тела, поэтому он повалился на спину, потащив меня за собой.

– Мне пора возвращаться, Игорь, - с улыбкой посмотрел она на меня. - А ты не забывай! Здесь и сейчас! Расшатай себя!

– Не уходи, не оставляй меня одного! - закричал я и начал плакать.

– Соberись и расшатай себя, - только повторял он. - И тогда мы ещё увидимся. А сейчас... беги!

Он выдохнул, глаза его поблёкли, а сам он больше не издавал ни звука.

На улице раздался шум, по которому я понял, что кто-то приближается к дому. Сдерживая слёзы, я вскочил на ноги и бросился в прихожую, а из неё — в кабинет с окном, ведущим на улицу с другой стороны дома. Там я вскочил на стул, затем — на стол и, встав напротив окна, попытался открыть его. Однако оно не поддавалось: то ли моих детских сил на это не хватало, то ли оно просто так давно не открывалось, что уже просто забыло, как это делать.

В прихожей раздался шум открывающейся двери и речь на непонятном языке.

Не теряя лишнего времени, я схватил тяжёлую хрустальную чернильницу, лежащую на столе и ударил ею по стеклу. То охотно подалось и лопнуло. Той же самой чернильницей я отбил самые острые стёкла и выпрыгнул из окна в кусты, даже не задумываясь о том, что же меня там ждёт.

Естественно, это всё не могло пройти незаметно, в прихожей засуетились и бросились в кабинет. Я же в свою очередь побежал вдоль дома, прячась за кустами.

Расшатай себя?! Что за чёрт? Как мне себя расшатать? Что мне нужно сделать? Здесь и сейчас?

Сзади раздались крики. И хотя меня, кажется, не заметили, эти явно знали, что я где-то рядом. Я прокрался уже до следующего дома и, найдя укромное место в кустах, сел и стал прислушиваться и присматриваться.

Те, что в доме, неожиданно скрылись из виду. Я перевёл дыхание и стал соображать.

Забить своё прошлое? Забыть, как я тут проснулся? Быть только сейчас? Не цепляться мыслями за прошедшее? Вроде бы звучит просто, но сделать тяжело. Может, просто не задумываться на эту тему? Делать то, что хочется...

Я осторожно приподнялся и выглянул из-за кустов. Никого, вроде бы, не было. Звуки стихли, а эти нигде пока больше не появлялись.

Я встал в полный рост и пошёл прочь от дома, даже на задумываясь о своей безопасности — надо делать то, что делается, решил я.

Буквально пять шагов спустя, сзади, со стороны дома, где я только что находился, раздался взрыв. Из дома полетели кирпичи... Взрывная волна оглушила и отбросила меня в сторону, и во время этого своего полёта на землю, я почувствовал внутри себя сгусток и то как он двигается в чёрном плотном поле. Ничего непонятно.

Бухнулся на землю, лицом вниз.

Встал и отряхнул куртку.

Всего лишь пыль.

Пощупал свою голову и посмотрел на руки.

На взрослых пальцах с грубыми ногтями кровь.

Кажется, из-за взрыва в доме, что-то отскочило и ударило меня по голове.

Я оглянулся. Стена дома, в котором произошёл взрыв, была разломана и разорвана. Из квартиры виднелась обугленная газовая плита и мойка, из которой теперь била фонтаном вода.

Кажется, я только что был в каком-то другом месте? Наверно, только кажется. Сейчас я на Кирочной, вокруг меня куча обломков, поломанные деревья. Судя по воздуху, поздняя осень. На улицах пустынно. Я должен быть здесь и сейчас!

— Эй, ты! - раздалось с противоположной стороны улицы. - Жить надоело? Беги сюда быстро! Воздушную тревогу не слышал что ли?

Не теряя времени, я бросился в сторону голоса. Как оказалось, исходил он из окна подвала дома. Там, взявшись руками за решётку, стоял худой мужчина с носом-картошкой, ввалившимися глазами и шрамом на левой щеке.

— Ты контужен, что ли? - спросил он.

— М? - не понял его я.

— Ну, по башке получил, что ли? Чего такой заторможенный? Дуй в подвал, быстро! Вход там вот, справа, - он показал пальцем, высунув руку из окна.

Я кивнул и побежал в указанном направлении. А где-то в небе показалась эскадрилья самолётов. Я увидел их краем глаза, но решил не останавливаться и не засматриваться. Открыл дверь в подвал, забежал внутрь. Мужчина уже встречал меня у входа.

- Проходи, садись, - проговорил он, предлагая мне место на полу, рядом с женщиной, обнимающей девочку. Я удивлённо посмотрел на них, потом на него. - Это Гала и Рита, - объяснил незнакомец.

Я кивнул и протянул руку. Женщина, не вставая, пожала её и сказала мягким голосом «Очень приятно». Я сел рядом.

- Я Саша. А тебя как звать? - спросил мужчина.

Я промычал в ответ что-то нечленораздельное. Вроде бы, я помнил, как говорить, но язык в моём рту меня совершенно не слушался. Его как будто не хватало для того, чтобы сказать то, что мне хотелось. А хотел я почему-то сказать «Сергей», но потерпел в этом деле ошеломляющее поражение.

- Бедняга, - покачал головой Саша. - До тебя тоже добрались, да? Моему брату тоже эти изверги язык отрезали...

Я в бессилии пожал плечами.

- Потом они, правда, его убили. Тебе повезло чуть больше...

И в этот момент на улице раздался жуткий грохот, как будто небо с треском обвалилось на город. Пыль полетела во все стороны, заполнив собой всю комнату. У Саши и Галы на этот случай были марлевые повязки, да и ко всему происходящему они относились с какой-то привычкой, как будто не в первой. Меня же грохот и пыль застали врасплох, я жутко перепугался, глотнул пыли и, задыхаясь и кашляя, вскочил на ноги.

- Куда? - закричал Саша. - Стой, дурак! - И попытался схватить меня за руку, но я ловко вывернулся и побежал к выходу.

Если я не выберусь из этого подвала, то точно умру. Что-то меня хочет убить, но я не должен сдаваться! Быстро! Здесь и сейчас! Слушаясь первого же позыва, не слушая никого.

Опять внутри что-то сжалось и как будто перевалилось на другую ступеньку.

Я отворил дверь и вышел наружу.

Передо мной открылась пустошь. Палящее солнце, горячий песок, прозрачное небо, дюны песка на горизонте и только одинокий дом, из которого я только что выбрался. В общем, ничего особенного.

Я запрокинул мешок со скарбом на правое плечо и уверенным шагом пошёл в сторону своей машины, припаркованной метрах в ста от входа в покосившийся дом за моей спиной.

Это была хорошая ходка, как я и рассчитывал. Хозяева пасли своих овец и не подозревали, что их ограбили. Коротышка дал мне хорошую наводку. Я, наверну, тут на сотню золотых набрал. Тут тебе и доисторический антикварный плеер для прослушивания больших чёрных дисков, и старые драгоценные канделябры, и ювелирка...

Когда до моей старой потрёпанной Сузуки Витары с облупившейся краской оставалось несколько шагов, за спиной, из дома, раздались женские крики и шум.

Не уж то кто-то вернулся раньше времени?

Я оглянулся и увидел как из дома выскочил полный мужичок с носом-картошкой, рыжей бородой и шрамом на правой щеке. На нём были поношенные треники с подтяжками и старая белая футболка с длинными рукавами. Выбежал он босиком.

– Стой гад! - закричал он мне в след и ринулся в мою сторону с дробовиком на перевес.

Я не склонен был слушать подобных просьб в таких обстоятельствах, поэтому рванул к машине, открыл дверь водителя, закинул мешок на соседнее сидение и быстро запрыгнул внутрь.

Кажется, проделывая всё это, я даже не услышал прогремевшего выстрела. И только теперь, когда я достал ключи из кармана штанов, я ощутил что-то тёплое и липкое в районе живота.

Я посмотрел на свои руки. Они были в крови.

Мужик подбежал к машине сбоку и сунул мне дуло в лицо.

– Из машины! - скалясь, проревел он.

Я оглянулся по сторонам, пытаюсь сообразить, что же делать.

Это конец? Здесь и сейчас?

Нет! Надо двигаться! Быстро! Слушаясь первого же позыва!

Я спокойно открыл дверь и сделал шаг из машины.

Теперь я стоял напротив того кафе, в котором мы должны были встретиться со Стеллой. Стелла сидела и разговаривала с какой-то незнакомой девушкой с ярко рыжими волосами. Заприметив меня, она чмокнула её в щёку, попрощалась, схватила свою сумочку и вышла мне навстречу.

– Ты чего это, по подвалам лазил что ли? - спросила она, приближаясь ко мне.

– В каком смысле? - не понял я, удивлённо глядя на неё.

– Ну, у тебя голова как будто в строительной пыли и песке.

Она подошла ближе и ловким движением руки отряхнула мою голову.

Я только неопределённо дёрнул плечами в ответ.

– Вроде бы, не было никаких подвалов... Не знаю.

А потом перешёл к делу:

– Ну, что, едем в ресторан?

Стелла уверенно кивнула, прошла к двери пассажира и села в машину.

Возвращение

Дима, Игорь, Дагни

После того, как я очнулся в своей комнате на полу в пижаме, я долго не мог прийти в себя. Всё произошедшее казалось каким-то страшным затянутым сном. Но в голове много было нестыковок. Я точно помнил, как следил за Дагни, как увидел того парня и тот меня загипнотизировал. Но я не помнил, каким образом добрался до своего дома, как сумел переодеться и, более того, как умудрился за это время нарисовать картину... В голове было много пробелов, объяснить которые разуму никак не удавалось.

Я сижу на полу и смотрю на картину. Она удивительно хороша. На ней изображена всего лишь опора моста, рассекающая воду как корабль, уверенно плывущий в вечность. Опора, простая, бетонная, без изысков. Изображена сверху (как будто человек собирается

прыгнуть в воду и видит её под собой), глазу особенно не за что зацепиться. Но до чего же прекрасно на картине изображена вода. Я сижу и сам не могу оторвать от неё взгляда. Такое ощущение, будто она действительно течёт, в ней практически осязаемое движение, какое-то манящее и зазывающее. Я с этим ощущением, кажется, встречался уже несколько раз...

Просидев так какое-то время, собираясь с мыслями, я решаю, что пора бы заняться чем-нибудь полезным. Поднимаюсь с пола, нахожу на столе под кипой хаотично раскиданных набросков мобильник и смотрю на часы. Оказывается уже поздний вечер и я пропустил весь рабочий день. А, ведь, никто и не в курсе всего произошедшего. Небось, обыскались меня? Впрочем, если бы действительно искали, то приехали бы домой и обнаружили бы меня лежащим на полу без чувств. Раз не обнаружили, значит и не приезжали... Стало быть и не очень-то волновались... 22.43. Надо бы позвонить Игорю... Поблагодарить за помощь. Впрочем, какую помощь? Не мог же он сам быть в моём сне... Набираю его номер.

- Алё, - заспанным, но бодрящимся голосом отзывается Игорь.
- Игорь привет! - радуюсь я его голосу. Как же всё-таки хорошо, что тот кошмар закончился!
- Димка! Где тебя черти носят? - с нотками возмущения и беспокойства спрашивает он. - Я весь город на уши поставил в поисках тебя!
- Ох, не спрашивай! - потирая шею, нейтрально отвечаю я. Самому себе пока объяснить всего этого не могу, как я ему что бы то ни было объясню? - Наверно, я чем-то траванулся с утра — вырубился у себя в комнате и проспал весь день. Сейчас вот только в себя пришёл.
- Окей, - сухо на это отвечает Игорь и переходит к делу. - Ты главное на работу сможешь завтра выйти?
- Да, завтра я уже буду, - киваю я в пустоту, а про себя думаю, как бы за это время не случилось ещё чего такого... - Там за моё отсутствие ничего не стряслось страшного?
- Ничего особенного. Мы просто перенервничали из-за тебя, но в принципе, всё готово к завтрашнему запуску, - подытоживает Игорь.

Я понимаю, что разговор на этом должен быть окончен. Но так хочется ему всё рассказать, так хочется поделиться... а как это сделать, неясно.

- Ну, и отлично, - только и отвечаю я, стараясь не показывать никаких эмоций. - Я буду часов в одиннадцать.
- Хорошо. До завтра, - усталым голосом отвечает Игорь.
- Пока.
- И это... - неожиданно добавляет он прямо перед тем, как я решаю уже положить трубку, - я рад, что ты вернулся.
- Я тоже... - расплываюсь в улыбке и думаю про себя: «ты и не представляешь, насколько я рад».

Небольшая пауза в разговоре. Такое ощущение, будто он, будучи на другом конце города, всё понимает и без слов. То есть не понимает, но чувствует. Всё-таки друг, этого не отнять...

- Ну, до завтра.
- Ага, пока.

Кладу трубку, засовываю мобильник в карман пижамы и сажусь на край кровати. Сижу в раздумьях в течение нескольких минут, пытаюсь решить для себя, что же на самом деле произошло со мной, как это объяснить и какую роль во всём этом играет Игорь. Он был там? Он был в моём сне. Но, конечно же, в реальности ничего не помнит. А, может, это был не он, а всего лишь его образ? Но его взгляд был слишком живым, чтобы быть просто сном.

Не найдя никакого решения, иду на кухню и решаю заварить себе чай. Буду, пожалуй чёрный с лимоном. Включаю электрический чайник с водой, достаю чашку и пакетик «Greenfield».

Стоп! А как же Дагни? Как я умудрился забыть о ней? Всё это время в том кошмаре я бродил как в потёмках, как в тумане и даже не был уверен в том, существует ли она на самом деле, но всё равно цеплялся за неё, за её образ и за воспоминания о её образе. А сейчас совсем забыл...

Откладываю пакетик чая, достаю мобильник из кармана и набираю её номер.

- Алло, - раздаётся на том конце немного усталый задумчивый голос Дагни.
- Привет, Зая! Это я.
- А, привет, Дим! - без энтузиазма отвечает она.
- Ты в порядке?
- Я? Да, всё в норме, - рассеяно подтверждает Дагни. - Устала жутко...
- Когда тебя ждать? - с замиранием сердца спрашиваю у неё.
- Не знаю, - и меняет интонацию на более решительную. - Димуль, давай я тебе потом позвоню и поговорим...
- Ты сейчас занята?
- Нет, просто устала жутко... пораньше хочу лечь спать.
- Ну, хорошо, - соглашаюсь я, давя в себе обиду. Я столько пережил, причём частично из-за неё, мне столько надо рассказать, надо столько вопросов задать, а она даже не спросила, в норме ли я... - Завтра тогда созвонимся.
- Ок. До завтра.
- Целую.
- Угу. Пока, - только и отвечает она мне.

Кладёт трубку. Я медленно опускаюсь на стул и гляжу на пустой экран мобильного.

Что же это всё значит? Что произошло за время моего отсутствия? Что я натворил и почему Дагни так холодна и неприветлива?

Прокручивая в голове эти и другие подобные вопросы, пытаюсь найти ответы на них под бутылочку портвейна, я просидел до трёх ночи, после чего, не найдя ничего, зато несколько успокоившись, решив, что утром всё решится само, отправился спать.

Неожиданная откровенность

Дима, Дагни

Из-за того, что я закрутился на работе, снова увидеться с Дагни получилось лишь на выходных следующей недели. Конечно, всё это время мы с ней созванивались и переписывались по электронной почте, перекидывались смсками, но это суррогатное общение ни в коей мере не могло заменить реальное. К тому же, о чём можно рассказать во время такого общения? Вот и Дагни, когда я ей задавал некоторые вопросы о её личной жизни, уходила от ответа, говоря, что это всё не телефонный разговор. Поэтому фактически на две недели я был лишён нормального общения с ней, что совершенно жутко сказалось на моём настроении, и, если бы не работа с постоянным авралом, связанным с запуском новых сегментов «.», то я бы точно впал в депрессию.

Но вот, наконец, настал долгожданный день, когда мы должны были встретиться лицом к лицу и нормально пообщаться. Мы договорились встретиться у метро «Василеостровская» и прогуляться до моего дома. Расстояние, конечно, неблизкое, но вполне подходит для длительной беседы. После прогулки я планировал пригласить Дагни на ужин и провести с ней не только вечер, но и следующее утро.

И вот стою я с розочкой в руке на выходе из метро и жду с замиранием сердца появления своей возлюбленной. Вот выходит девушка, отдалённо напоминающая Дагни фигуркой, из-за чего на какую-то долю секунды у меня спирает дыхание. А вот появляется женщина с шарфиком, прям как у Дагни, и опять сердце сладко сжимается. А за ней — девушка в куртке, похожей на куртку Дагни, и снова под ложечкой сосёт. Ожидание длится около десяти минут, как обычно — она не может не опаздывать, а я не могу злиться на неё за это, хотя обычно делаю вид, что недоволен и журю за опоздание и неорганизованность. Но она прекрасно понимает, что я не серьёзно, даже, когда я изо всех сил стараюсь сделать вид, что недоволен...

И вот, наконец, среди толпы монотонных людей, навевающих своими действиями лишь воспоминания о Дагни, появляется Она! Такая не похожая ни на кого из них, такая отличающаяся от всех них, такая неповторимая и такая единственная...

- Привет, - светясь, говорю я и протягиваю розочку.
- Привет, - озабоченно отвечает она, принимает розочку и улыбается губами.

Тянусь, чтобы поцеловать её в губы, но она уворачивается, и я попадаю только в щёку.

Прекрасное начало! Немного злюсь на неё про себя.

- Как ты? - спрашиваю я, и мы направляемся по Среднему проспекту в сторону моего дома.
- Меня с работы уволили, - бросается она с места в карьер.
- Ого! Как так? Почему? - хмурясь озабоченно спрашиваю я, уже забывая о своей злости.
- Очень просто: под сокращение попала.
- Оу. Мне очень жаль.
- А мне по фиг, - в непривычно жёсткой манере отвечает она. - Всё равно работа идиотская была.
- Но она же тебе, вроде бы, нравилась, - не понимаю я.

- Целыми днями копать в эзотерической муре, в этом собрании фантастики на тему смысла жизни, точки сборки и маятников?! - с ноткой злости отвечает она. - Вот уж прекрасное занятие! Всю жизнь мечтала этим заниматься! Именно поэтому, наверно, и закончила театралку...

Дагни осекается и несколько притихает, чувствуя, что сболтнула лишнего, а я напрягаюсь.

Дело в том, что, как бы это удивительно ни было, но она никогда мне не рассказывала о своей личной жизни, о том, где родилась, где училась, кем хотела стать, кто её родители, наконец... Всё это время я не решался поднимать эти темы, как будто чувствовал, что их лучше не касаться. Пару раз, правда, беседа заходила в эту область, но Дагни чётко давала понять, что не хочет говорить на эту тему, и лучше мне не настаивать на своём. Поэтому все подобные вопросы всегда находились под своеобразным табу, и за всё время общения с ней, мне удалось очень мало узнать о её личной жизни. И тут я неожиданно узнаю о ней что-то из этой запретной области, и не знаю, как быть: промолчать и не спугнуть, или поспрашивать и попытаться раскрутить?.. Пока стоим у пешеходного перехода и ждём зелёного, молчим, а я выжидаю.

- Ты хотела стать актрисой? - наконец, после паузы, когда мы уже переходим дорогу, не выдерживаю я.
- Почему же хотела? Я была... Я и есть. Только я одна из тех многочисленных актрис, которые никому ненужны. Звёзд достигают единицы, - она грустно-мечтательно смотрит в вечернее сереющее небо, еле заметно сжимая губы, и погружается в молчание.
- Тебя не заметили?
- Меня заметил один хороший человек, - оживает она и спокойно рассказывает, - который помог мне открыть в себе стороны, о которых я раньше и не подозревала. Возможно, это даже лучше, чем просто быть востребованной актрисой... Но в итоге своей профессией я живу, но на жизнь не зарабатываю...
- Тебе не кажется, что тут какое-то противоречие, - не до конца понимаю я и притягиваю её за талию к себе.
- Нет не кажется, - она в ответ приобнимает меня, и мы идём как настоящая парочка.
- А что за че..., - пытаюсь я раскрутить её на большее количество информации, но она не даёт договорить и выпаливает с ноткой уныния в голосе:
- Неделю назад шеф на работе вызвал к себе и сказал, что в связи с переориентацией деятельности магазина и сокращением штата, я им больше не нужна.

Я грустно киваю, никак не комментируя то, что она так резко сменила тему. Возможно в другой раз...

Мы прогуливаемся около часа, болтая о том, у кого что случилось за это время, делись тем, кто что успел посмотреть и почитать. Я жалуясь на завал по работе. Рассказываю о том, что в последнее время на живопись времени совсем нет. Она журит меня и говорит, что я могу наплевать на работу, но живопись бросать не должен. Меня подмывает поговорить с ней о той нашей последней встрече и последовавших за ней странных событиях, но пока не решаюсь. Ещё не время. Эти вопросы лучше задать в другой обстановке.

Моё приглашение поужинать у меня дома Дагни принимает без особого

сопротивления. Она и сама хочет подольше побыть со мной. Видно, что не я один соскучился за это время.

Дома у меня приготовлен простенький ужин в виде риса по-французски, морковки по-корейски и летнего салата, а также пары запечённых куриных ножек, маринованных в красном вине. На столе два бокала, бутылка дорогого испанского вина 1999-го года, свечи — всё как положено в такие романтические вечера. Дагни не скрывает своей радости, её глаза светятся, ей нравится моя забота о ней и попытка проявить кулинарные способности. При свечах мы болтаем не меньше трёх часов, пока ни уговариваем всю бутылку вина. После решаем лечь спать.

Уже лёжа в постели, при свете луны, когда она лежит на моём правом плече, а запах её волос потихоньку сводит меня с ума, мы ведём неспешный разговор. И вот, наконец, разговор сам собой выползает на тему, которая всё это время сидела у меня в дальнем углу мозга и не давала покоя...

- Милая, мне хотелось кое-что у тебя узнать, - начинаю я.
- М? - откликается в ответ Дагни, уткнувшись носом в моё плечо.
- Дело в том, что с момента нашей последней встречи, в моих воспоминаниях образовались некоторые пустоты, - веду я издалека свою мысль. - Как будто линия моей жизни в памяти резко прерывается в нескольких местах, и эта прерывистость меня жутко напрягает.
- К чему ты ведёшь? Говори прямо, - в полудрёме бормочет Дагни.

Я пытаюсь собраться с мыслями и изложить в более короткой форме свои ощущения.

- В общем.., - вздыхаю, - с момента нашей встречи я не помню, как очутился дома. Последнее, что помню — следил за тобой, доехал на частнике до «Прибалтийской» и видел, как ты села за столик к какому-то парню...
- Балда! Зачем ты за мной следил? - по-доброму ворчит она усталым голосом, но я не обращаю внимание на эту реплику и продолжаю:
- После этого момента — полнейшая пустота и лишь непоследовательные куски какого-то очень яркого сновидения. А потом я оказываюсь дома на полу своей комнаты, в пижаме, а рядом со мной — свеженаписанная картина.

Искоса пытаюсь взглянуть на неё. Дагни взгляд не поднимает и пока молчит.

- Ты случайно не можешь пролить свет на эту странную ситуацию?

Дагни поднимает голову и шурясь отвечает:

- Не знаю, - тут она задумывается, и пытается что-то вспомнить. Затем медленно с расстановкой продолжает. - Мы видели, как ты шёл к нам, но на пол пути у тебя подкосились ноги, и ты упал в обморок. Мы жутко перепугались и отвезли тебя в скорую. Там сказали, что опасности нет, ты просто заснул, но очень глубоко — всё из-за переутомления. Мы решили отвезти тебя домой...
- Переутомление, - морщусь я, не особенно веря такому диагнозу.

История звучит очень странно и искусственно, но при этом «дыр» в ней мне найти не удаётся.

- Переутомление, - подтверждает Дагни. - А кто последние недели три на работе проводил по 15 — 16 часов в день? Пушкин?

Я неуверенно веду левым плечом. Не могу точно сказать, не могу точно вспомнить, чтобы действительно так сильно задерживался на работе, но какая-то часть меня это помнит. Да, я действительно мог... Да, действительно так и было...

- Ну, хорошо, - закрываю я вопрос с переутомлением, - а кто тот парень?
- Мой старый друг...
- Ты мне о нём ничего не рассказывала..., - замечаю я.
- Мы с ним давно не виделись. Можно сказать он из прошлой жизни...
- Твой бывший?
- Не ревнуй, - улыбается Дагни в ответ.

Я ничего не говорю и выжидающе смотрю на неё.

- Он был моим учителем...
- Такой молодой учитель?

Дагни хитро улыбается в ответ.

- У нас было несколько молодых преподавателей. Он был одним из талантливых, и ему поручали вести некоторые занятия.
- Как его зовут?
- Какая разница? Ну, пусть его зовут, - Дагни на секунду задумывается, потом оценивающе глядит на меня и выдаёт, - Кирилл. Это на что-то влияет?

При этом имени мурашки пробегают у меня по коже, хотя я и сам не знаю, с чего бы это.

- Нет, ни на что, наверно, не влияет, - неуверенно отвечаю я. - Как и то, зовут ли тебя на самом деле Алина или Дагни, - я пристально смотрю на неё сверху вниз, пытаюсь прочесть её реакцию, но она лишь ведёт бровями в подтверждение моей мысли и еле заметно кивает.
- Вот об этом я и говорю. Тебя, ведь, тоже могут звать не Дима, а, например, Рома... - тут уже она испытующе смотрит на меня, заставляя напрячься. - И, может, Дима, Игорь, Сергей и их взаимоотношения - лишь результат твоего бурного воображения...

Я ухмыляюсь этой забавной шутке. Я, может, и сумасшедший, но не до такой степени...

- А всё происходящее с ними на самом деле происходит с тобой, - заключает Дагни.
- Ну, я точно так же и тебя мог выдумать... - парирую я.
- Это возможно, - дипломатично отвечает она. - Однако же, насколько сильно ты должен быть одинок, чтобы выдумать меня!
- Чтобы выдумать что-то столь идеальное, как ты, нужно быть одиноким целую вечность, - с улыбкой отвечаю я.

Дагни откидывается на спину и, улыбаясь, подводит итог:

- Получается, что ты был одинок целую вечность, выдумал себя, своих друзей и свою девушку? Как думаешь, это не пахнет психушкой?

- Абсолютное сумасшествие, - соглашаюсь я. - Сумасшествие, перед которым невозможно устоять.

Я склоняюсь к Дагни и целую её в губы. Мы погружаемся в объятия друг друга, и забываем обо всём на свете.

Однако мысль о сумасшествии где-то глубоко во мне находит нездоровый отклик...

Встреча со Стеллой

Игорь

Встреча со Стеллой, бурно развивавшаяся во французском ресторанчике на Крестовском острове, неожиданно для меня закончилась на кухонном столе в моей квартире. У всего этого было одно единственное разумное объяснение, которое, правда, подходит для трактовки поведения практически любого самца на земле: с момента встречи на Крестовском до стола на кухне я думал своими яйцами, а не своим мозгом.

- И это всё? - с небольшой досадой в голосе спросила Стелла, когда я начал одеваться.
- А ты хочешь ещё? - с ехидной улыбкой спросил я.

Она неопределённо повела плечом, поправила на себе лифчик и начала собирать свою одежду, разброшенную в порыве страсти, по дому.

- Просто я ожидала от тебя большего...
- Ну, извини. Я, ведь, ненастоящий сварщик, - отшутился я, застегнув брюки и надевая рубашку.

Теперь, когда страсть поутихла, и мозг, наконец, заработал в полную силу, мне уже было всё равно, что она там себе думает, а предшествующую этому разговору сцену мне и вовсе вспоминать не хотелось.

- Кажется, Кирилл тебя переоценивает, - неожиданно для меня, но при этом абсолютно вальяжно проговорила она, чем вогнала меня в ступор, заставив застыть на месте.
- Постой-ка! - не понимал я. - Какой Кирилл? Ты знаешь Кирилла?

Стелла на мгновение улыбнулась правым уголком рта и посмотрел на меня исподлобья.

- Я знала Кирилла. Сейчас мы с ним не общаемся. Он слишком повёрнут на сохранении своей личности...

Стая мыслей прискакала в мою голову.

Что же получается? Я за ней ухаживал, весь вечер обхаживал её, развёл на секс, а оказалось, что это она меня развела? Или даже не она, а опять, Кирилл?

- Вот, что я тебе скажу, Игорёк, - поучительно начала она, заканчивая одеваться. - Кирилл ведёт тебя в тупик. Я и сама этого не понимала длительное время, но один добрый человек помог мне в этом. Конструкторы, создатели, наблюдатели, кукольники и всякая прочая ерунда — это просто тупик. Каждый из них считает, что он лучше других, держится за своё место и не принимает никаких иных точек зрения.
- Я в шоке! - в полутуманном состоянии проговорил я.

Стелла, показавшаяся мне сначала хоть и красивой, стройной, сексуальной, но при этом глупенькой, не особенно развитой и не очень продвинутой девушкой, неожиданно предстала в совершенно ином свете, к которому я оказался просто не готов — диссонанс между моделью, построенной в моей голове, и реальностью выбил меня из колеи.

– И давно ты задумала со мной переспать?

Стелла дёрнула правым плечом в ответ, облокотилась попой о столешницу, взяла с неё стакан и налила в него воду из чайника.

– Переспать не думала, но изучить уже давно хотела, - ответила она, делая маленькие глотки из стакана. - Я ожидала от тебя большего уровня осознания, большей силы. А ты всё время как в тумане и как будто не здесь. Дёрганный ты какой-то... Единственное твоё достижение — практически постоянная внутренняя тишина, вызванная отключением внутреннего монолога, - она сделала очередной мелкий глоток, не отводя взгляда с противоположной стены. - Однако, надо заметить, сомнительное достижение.

Она выдержала небольшую паузу и добавила:

– Ну, ещё ты не цепляешься за прошлое. Непонятно, правда, хорошо это или плохо.

Затем посмотрела на меня свысока и заключила:

– В общем, ты какой-то случайно блуждающий. Двигаешься, куда получится, не понимая, к чему это приведёт.

Стелла измерила меня взглядом с головы до ног, хмыкнула и залпом осушила стакан.

– Ладно, я побежала.

Затем сорвалась с места и направилась к выходу.

Ещё буквально минут пять назад я даже и не думал о том, что захочу с ней увидеться когда-либо ещё раз, но теперь я не мог остановить мысли о том, что мне нельзя её отпускать, надо выпытать у неё побольше информации.

– Подожди! Расскажи мне больше! Я ничего не понимаю, вы с Кириллом и этим «Союзником» всё время что-то мутите, напускаете туману, но никогда от вас не получается узнать всё как есть! Хотя бы ты мне помоги!

– Зачем? - очень просто бросила она, напяливая туфельки. - У тебя и так всё хорошо. К тому же, ты уже не маленький, сам должен думать, анализировать и принимать решения.

Она надела туфли, накинула свою лёгкую летнюю курточку, посмотрелась в зеркало, перебросив пару локонов волос с одной стороны на другую, после чего повернулась ко мне и, чуть наклонив голову влево, благосклонно проговорила:

– Вообще-то ты можешь достичь всего, чего захочешь... Вопрос только в том, ты ли этого хочешь?

Она подмигнула мне, открыла дверь и, даже не прощаясь, стремительно вышла из квартиры.

– Стелла! Подожди! Оставь мне хотя бы номер своего телефона! - попытался остановить её я и кинулся на лестничную площадку, но к своему удивлению никого там не обнаружил. Там уже была полная тишина — никакого кляцанья каблучков, никаких движений. Стелла как будто просто исчезла.

В изумлении, почёсывая затылок, я вернулся в квартиру.

Путь конструктора

Рома, Кирилл

Я открыл глаза.

Мы сидели с Кириллом в его машине, недалеко от метро Чернышевская. Он терпеливо ждал и глядел вперёд.

- Долго я спал? - спросил я, глядя по сторонам и потирая глаза.
- Ты не спал, - уверенно изрёк Кирилл, не меняя взгляда. - Ты был на другой линии и успешно потерял себя.

Я смутился и попытался вспомнить, что произошло. Вся эта странная сцена с драконом не могла быть на самом деле! Конечно же, это был всего лишь сон... Или не был? Мозг подсказывал, что так оно и бывает на самом деле, когда возвращаешься с другой линии. Но он же при этом и защищал меня, противореча самому себе.

- Это всё Кирилл. Это он тебя вытолкнул на другую линию, а ты даже и не почувствовал, даже и не подумал сопротивляться, - наконец сказал Кирилл. - Ты слишком быстро и сильно привязываешься к вещам и местам.
- Что ты имеешь в виду? - поморщился я.
- Тебя только вытолкнули из твоей собственной квартиры, как ты успел привыкнуть к жизни с Мишей, на чужой квартире — всё привёл в привычный порядок, отмыл, расставил по своим полочкам и влез в новую зону комфорта. Так же и с этим переходом: только попал на линию, как сразу же забрался в уютный мирок, привязался к новой жизни и окружающим людям. Нужно отпускать такие вещи, твоя чистоплотность в смеси с перфекционизмом выйдут тебе как-нибудь боком.

Кирилл повернулся ко мне и с претензией спросил:

- Вот, скажи мне, далась тебе эта Лиза? Далась тебе та деревня? И что ты в них нашёл?!

Я опешил от столь странного вопроса.

- Что значит «далась»? Они же люди! Я им сочувствую и сопереживаю, потому что я сам человек...
- Ты не человек, в том-то и дело! - воскликнул на это Кирилл. - Ты конструктор! Ты независим и свободен! Ты самостоятелен! Ты делаешь то, что обычный человек не сделает никогда — ты осознанно собираешь миры. Ты больше, чем человек и должен этому соответствовать!
- Но я же не глиняный болван! - удивленно возразил я. - Я тоже чувствую. Я тоже мыслю. У меня есть эмоции...
- Вот они-то тебя и губят! - заключил Кирилл и полез в бардачок. - Тебе надо научиться отстраняться, смотреть на всё со стороны, а не быть бездумным участником чужой пьесы.

Я немного отстранился, дав ему открыть дверцу, и спросил:

- Ты предлагаешь мне искоренить свои чувства и заткнуть эмоции?

Кирилл помотал головой, сделав кислую мину, а из бардачка достал белый диск-болванку без надписи.

– Любые чувства и эмоции возникают из-за привязанности. Просто не привязывайся.

Он открыл коробочку, достал диск и вставил его в магнитола. Та немного проскрежетала и стала выливать на нас звуки девятой симфонии Бетховена.

– Вот! - показал пальцем на магнитола Кирилл. - Вот тут надо оставлять все свои эмоции. Выдели время, поставь музыку, слушай и проигрывай в своей голове те эпизоды из жизни, которые тебя зацепили. Запиши их в музыку, а сам стань свободен.

Я покачал головой и посмотрел в окно.

– Я совершенно не понимаю, как это всё связано!

– Если ты освободишься от своих эмоций здесь, то и на других линиях ты станешь более независимым — так устроен мир.

Я задумался, переваривая всё сказанное Кириллом. В машине воцарило минутное молчание.

– И с чем же ассоциируется у тебя Бетховен? - наконец спросил я.

Обычно Кирилл либо уходил от таких вопросов, либо отвечал на них очень кратко и туманно. Но в этот раз он задумался, облокотился о руль, положив голову на руки, и рассказал:

– Девятая симфония — это одно из самых эмоциональных произведений, которые я когда-либо слышал во вселенной. В ней буря эмоций! И в ней много записано из моего прошлого. Когда я её слушаю, я обращаюсь к нему и позволяю себе индальгировать... Я вспоминаю былые события и погружаюсь в них, но только на время девятой симфонии.

Я слушал, не перебивая. Кирилл замолчал, буквально секунд на пять, после чего продолжил:

– Тут переплетено много линий: линия крепкой дружбы, линия непонимания, линия предательства, линия любви... Я чётко вижу каждую из них, и понимаю, что все они остались позади, все они сохранились только в девятой симфонии. На своих плечах я ничего больше не ношу, я свободен от оков своего прошлого.

Кирилл взглянул на меня. Это был один из самых мягких его взглядов, которые я когда-либо видел. И это был взгляд очень мудрого и древнего существа. По нему можно было отчётливо понять, что Кирилл прожил ни одну тысячу жизней, я ощутил его опыт, его мудрость и его величие.

– К сожалению, - добавил он. - Я не могу рассказать тебе, что-то более конкретное. Тебе самому придётся пройти по этому пути и пережить свои эпизоды. Путь конструктора долог и сложен, но это единственный путь к свободе.

В ответ я лишь грустно улыбнулся.

Тридцать минут

Игорь, Дима, Кирилл

Ночью, после той встречи со Стеллой, меня посетил странный сон. Я стоял на вершине

невысокой песочной насыпи, у массивного холодного трона, сделанного в готическом стиле из чёрного железа. На троне сидел Владимир Алексеевич в чёрном глянцево-спортивном костюме «Adidas» с белыми линиями по бокам и властно указывал мне на то, что пора принять решение. Внизу холма стояли Рома с Димкой и оценивающе смотрели на меня. Я непонимающе взглянул на ребят, потом на Владимира Алексеевича и спросил:

- Что я должен решить?
- Ты должен решить, кто же ты на самом деле и по какому пути пойдёшь, - начал говорить он, и голос его зазвенел у меня в ушах. - Будешь ли ты в системе и всё время зависеть от других людей, всё время что-то от тебя требующих и всё время ограничивающих тебя, или же ты будешь действительно свободен.
- Ну, и как же мне стать действительно свободным? - наивно спросил я, на что Владимир Алексеевич злобно ухмыльнулся, вытянул левую руку и искривлённым указательным пальцем ткнул в сторону моих друзей.
- Тебе нужно избавиться от балласта.

Я посмотрел на Диму с Ромкой, а они как будто и не понимали, что сейчас решается их и моя судьба, Ромка только спокойно сказал:

- Не дури Игорёк! Мы будем с тобой всегда!

А Дима спокойно улыбнулся и кивнул головой.

- Пора принимать решение, - настойчиво сказал Владимир Алексеевич, после чего его лицо неожиданно вытянулось и приблизилось к моему правому уху и сильно дунуло в него.

По коже пробежали мурашки, я резко вскочил в постели и осмотрелся.

Я был в своей комнате, была глубокая ночь, но я был не один в комнате, в кресле у письменного стола сидел человек и, сложив руки крестом, разглядывал меня из темноты.

- Кто здесь? - испугано спросил я, потёр заложенное ухо и неожиданно для себя явственно почувствовал, что на самом деле сплю. Это я всего лишь вскочил в кровати в другом сне, но на самом деле тело моё до сих пор лежало и видело сновидения в каком-то другом месте.

Фигура достала из кармана зажигалку, вытащила откуда-то сигарету, сунула её в рот, щёлкнула кремнем и закурила. Пламя осветило спокойное, наглое и надменное лицо Кирилла, отразившись в его глазах оранжевым пламенем.

- Блин! Как ты попал в мой сон?! - возмутился я, потихоньку успокаиваясь.

Кирилл не отвечал, а только глубоко затянулся и выдохнул сизый дым через нос, не спуская с меня хищнического взгляда. Воздух комнаты стал пропитываться запахом дешёвого табака с какой-то приторно сладкой добавкой. Всё было настолько реально, что от этого запаха меня даже начало немного подташнивать.

- У твоего друга серьёзные проблемы и, если ты сейчас не соберёшься и не поможешь ему, то ему крышка, - наконец ответил Кирилл.
- Опять? - поморщился я и начал возмущаться. - У Ромки опять какие-то проблемы?! Я что, Супермен, что ли его всё время спасать?!

- Я говорю о Диме, - спокойно проговорил Кирилл и в очередной раз затянулся. Пока он затягивался красный уголёк его сигареты разгорался и освещал его левую руку и часть лица.
- Он опять пропал?
- Он всё ещё пропал, - выделил Кирилл слово «всё». - С ним приключилась неприятность, и тебе нужно его вызволить из заточения.
- И почему же я?
- А кто же ещё? Дима твой друг, работает в твоей компании... Если ты этого не сделаешь, то никто не сделает, - в своём стиле процедил Кирилл.
- Так он же работает! Всё же в порядке!
- Не всё в порядке, - жёстко перебил Кирилл. - Это его проекция работает. А сам он в совершенно другом месте, в совершенно другом времени. И без тебя ему не справиться.
- Бред какой-то! - возмутился я. - Какая разница: делать мне что-то или нет — ты мне всё равно всего лишь снишься, а значит и вся эта муть про пропавшего Диму — тоже мой сон!
- Вполне возможно, - согласился Кирилл. - Наверно, я тебе действительно только снясь, но проблемы у тебя вполне реальные. Впрочем, определить, что ты действительно спал, ты можешь лишь проснувшись... Так что, наиболее разумная стратегия в любом состоянии — это считать, что всё это реально.
- Ты хочешь сказать, что это сновидение может быть реальным? - с насмешкой спросил я.
- Я хочу сказать, что у тебя есть проблема и её надо решить, а уж спишь ты или нет — это мелкие, несущественные детали, - он хитро взглянул на меня, и по его лицу проскользнула злая улыбка.

Я оценивающе посмотрел на Кирилла, после чего помотал головой и, особенно не веря своим словам, проговорил:

- Ну, хорошо. Предположим, что я соглашусь на это безумие. И что же я тогда должен сделать?
- У тебя будет тридцать минут. За это время тебе нужно будет пробраться к Диме, освободить его из заточения и провести в безопасное место.
- Тебе не кажется, что это слишком туманное объяснение? Что за заточение, где его держат, почему он там оказался? Почему тридцать минут?.. - начал сыпать вопросами я, но Кирилл в ответ лишь медленно покачал головой.
- Нет, не кажется. Ты и сам всё поймёшь, - проговорил он и сделал глубокую затяжку своей сигареты.

Я тяжело вздохнул, чувствуя, что меня в очередной раз разводят, а я соглашаюсь на сделку с дьяволом...

- Ладно. Чёрт с тобой! Куда надо ехать? - я свесил ноги с кровати и подался телом вперёд, чтобы встать.

Однако Кирилл вскочил со стула мне на встречу, резко сократил расстояние между

нами и, очутившись вплотную ко мне, выдохнул дым прямо в лицо и зашипел:

– Никуда!

Рассудок помутился, в глазах забегали горошинки. Я плашмя полетел спиной в сторону кровати и провалился сквозь неё. Меня несло куда-то далеко, вниз, чувство полёта не покидало, при этом ни одна мышца не подчинялась моим командам, и всем этим процессом движения я никак не управлял. Это всё продолжалось, наверно, не больше минуты, но ощущалось значительно дольше. И вот, наконец, я почувствовал под собой что-то жёсткое и сумел вернуть контроль над своим организмом.

Открываю глаза и оглядываюсь. Я стою на улице, прислонившись к кирпичной стене какого-то одноэтажного здания. Ночь, по ощущениям около двух часов, моросит мелкий противный дождик, зябко. Прямо надо мной торчит фонарь, рассеивающий темноту жёлтым светом. На мне — серый длинный тонкий плащ, который скрывает под собой какую-то удобную свободную одежду. Слева от себя замечаю вход в здание, делаю глубокий вдох, собираюсь, решительно подхожу к двери, открываю её и прохожу в холл.

Впереди — проходная рамка, за которой — длинный коридор, справа от неё — небольшая будка, в которой, развалившись на небольшом металлическом стуле с мягким кожаным сидением и спинкой, сидит тучный охранник. Заприметив меня, он встаёт и, улыбаясь выходит из будки ко мне на встречу. Теперь нас ничто не разделяет — только невидимое пространство, визуальное образованное рамкой.

– Здравствуйте, Игорь Анатольевич, - по доброму приветствует охранник и протягивает руку.

Чужие воспоминания роem бросаются в мою сторону.

Я работаю в этом учреждении аналитиком — получаю информацию о подозрительных личностях и, используя различные ресурсы, выясняю, кто они на самом деле и представляют ли опасность для общества...

– Привет, Евгений Львович, - отвечаю я и жму его руку. - Как супруга? Поправилась?

– Спасибо, ей уже значительно лучше.

– Слушай, мне нужно кое-что из офиса забрать, - придумываю на ходу оправдание своему присутствию.

– Игорь Анатольевич, - поморщившись отвечает охранник, - Вы же знаете правила! С десяти вечера до восьми утра вход разрешён только по спец-пропускам...

– Да, я всё понимаю, - начинаю выкручиваться я. - Но я там книгу оставил, а Анжела меня заживо съест, если я ей сегодня вечером не принесу...

– Ничем не могу помочь, - с деланным сожалением отрезает он.

Ну, не можешь, значит придётся заставить, - решаю я, включаю боевое дыхание и молниеносно всаживаю охраннику нижней частью ладони правой руки в низ носа. Голова его опрокидывается, и эта туша начинает валиться на землю. Подхватываю его, не переступая через рамку, и волоку в сторону от прохода. Осторожно кладу на пол, стараясь не издавать лишних звуков. Затем наклоняюсь к нему и обыскиваю карманы в поисках списка кодов от камер заключения. Листочек со списком найден в нагрудном кармане.

Неожиданно мир блекнет и начинает расплываться в стороны, я теряю контроль и чувствую как проваливаюсь в темноту, но в последний момент, прежде чем отключиться, цепляюсь за охранника и прихожу в себя. Поднимаюсь на ноги и мотаю головой.

Собратся! Не раскисать! Самое сложное ещё впереди! Сейчас предстоит неосуществимая задача — пройти внутрь, через рамку, не подняв тревогу. Проблема заключается в том, что, если у меня не оформлен специальный пропуск, то как только я пересеку рамку, заорёт сирена, из кабинетов повыскакивают охранники, а через пару минут примчится наряд спецназовцев. Всех их положить, конечно же, не удастся, а значит я потерплю фиаско.

Я подхожу к будке со стороны холла для того, чтобы изучить обстановку. Где-то под столом должна быть кнопка, отключающая рамку на пять секунд, но где конкретно она находится, вспомнить не получается.

Неожиданно в голову приходит сумасшедшая мысль, которую при других обстоятельствах я бы сразу же отринул, но только не в этот раз, не сейчас...

– Привет! - раздаётся в моей голове голос. - Как здоровье, как дела, как жена, как дети?

Это мой «Союзник», и сейчас он мне действительно нужен.

– Мне нужна помощь, - думаю я ему. - Надо пройти через рамку.

– Тебе нужна другая помощь, - начинает поучать он. - Тебе нужно срочно отсюда убираться, иначе ты потеряешь себя.

– Я не могу, мне надо спасти Димку, - заявляю я, но он перебивает.

– Я удивлён, что ты с таким рвением и самоотдачей залез в ловушку Кирилла, ни секунды не размышляя о собственной безопасности...

– Короче! - прерываю его я. - Ты либо помогай, либо заткнись.

«Союзник» замолкает на несколько секунд. После чего возмущённым голосом спрашивает:

– И чего же ты от меня хочешь? Хочешь, чтобы я выключил рамку или вырубил электричество? Как ты себе это представляешь?! Я же всего лишь голос в твоей голове!

– Нет, нет... Мне нужно знать, где находится кнопка пропуска, и как до неё дотянуться.

– Зачем тебе это? - с недоверием спрашивает он, начиная почему-то препираться.

– Я же тебе говорю: мне нужно спасти Димку.

– Зачем он тебе? Разве его проекция на твоей линии что-то делает не так, и из-за этого страдает твой проект?

– Проекция работает прекрасно, но мне нужен сам Дима.

– Но зачем? - не успокаивается «Союзник», чем начинает меня жутко раздражать. - Ты так и не понял истинные намерения Кирилла? Ты лишний в его конструкции. И пока ты его слушаешь, ты продолжаешь движение по тупиковому пути. Если тебе даже и удастся выбраться отсюда живым, то путь снаружи ведёт в никуда.

– Ты мне поможешь или нет?! - теряю терпение я. - Я тебя вызвал для того, чтобы

найти ответ на свой вопрос, а не выслушивать очередные рассказы на тему смысла жизни!

- Да, конечно, помогу, - с досадой отвечает он. - Но мне хочется, чтоб ты всё-таки задумывался прежде чем совершать какие-либо действия, а не скакал в пропасть только потому что тебе так приказал сделать Кирилл. Свобода лежит не в том, чтобы собраться и вписаться в систему. Свобода лежит в возможности находится там, где тебе хочется и делать то, что тебе хочется, а не то, что тебе сказал делать вышестоящий в лестнице...
- Да чтобы тебя чёрт подрал! Либо помогай, либо заткнись! - шиплю уже вслух я, не сдержав накипевшего раздражения.

«Союзник» молчит в течение пары секунд, но затем очень сухо выговаривает:

- Кнопка находится примерно сантиметрах в двадцати под лежащей на столе папкой бумаг... - и в моём воображении как живая вырисовывается эта кнопка, а я сразу же чувствую, что нужно сделать для того, чтобы отключить рамку.

«Союзник» что-то продолжает говорить, но его слова воспринимаются мною уже на уровне ощущений. Я чувствую своими кишками, как часть меня материализуется в будке. Я даже уже вижу её: она — полупрозрачная копия меня самого, точно также одетая, точно также выглядящая, как и я... В какой-то момент мне даже кажется, будто я стою у мутного размытого зеркала. И одновременно с этим из глаз той части я вижу себя же стоящим за стеклом, в холле. Ощущения очень странные и непривычные, однако времени терять нельзя, и та моя вторая часть протягивает руку и нажимает на кнопку. Раздаётся щелчок, который молниеносно возвращает меня назад, в себя. Я трясусь гудящей головой и быстро прохожу через рамку. Тревоги нет, значит всё сработало.

Однако времени у меня остаётся мало, минут двадцать — слишком много было потрачено на препирательства с «Союзником», которого я теперь просто задвинул вглубь, поэтому сразу же после этого я быстрым шагом устремляюсь по коридору в сторону камеры, в которой, держат Димку. Коридор длинный, хорошо освещённый, несколько раз поворачивает то влево, то вправо. Несмотря на то, что шагать я стараюсь как можно тише, звуки прикосновения подошвы к кафельному полу периодически пробегают эхом по холлу, чем вызывают у меня раздражение.

Наконец, я подхожу к двери, за которой держат Димку, и неожиданно опять на меня наплывает то же ощущение, что и в холле — рассудок мутнеет, где-то на фоне коридора и дверей проступает моя комната и фигура, сидящая в кресле. Но, мне нельзя потерять эту линию! Надо собраться! Пытаюсь сконцентрироваться на чём-нибудь. Цепляюсь взглядом за дверь. Она цельнометаллическая, выкрашенная в белый цвет, выглядит очень внушительно, по периметру — большие заклёпки, в центре в верхней части — номер «41». Цепляюсь за номер и снова возвращаюсь на эту линию. Мотаю головой.

Не раскисать! Действовать! Быстро! Времени нет!

Справа от двери висит электрический кодовый замок. Я достаю листочек и нахожу код для палаты №41, открываю дверь. Комнатка, скрывавшаяся за ней, оказывается крайне маленькой — площадью не больше одного квадратного метра, и вытянутой вверх примерно метра на два. В ней человек может либо стоять, либо сидеть — для того чтобы лежать места просто нет. Стены белые, обитые чем-то мягким, света нет. В темноте этой комнаточки, в сидячей позе с поникшей головой, в смиренной рубашке, сидит Дима. Я подхожу к нему, присаживаюсь на корточки и дёргаю за плечи.

- Здравствуй, доброе солнце!, - бубнит он в каком-то дурмане.
- Димка, это я, слышишь? Приходи в себя! - трясу его за плечи я. - У нас совсем нет времени.

Но он никак не реагирует на мои увещевания, а остаётся где-то в своём мире снов. Поняв, что теряю время, и что привести в чувства его пока не удастся, я поднимаю его на ноги, прислоняю к стене и помогаю растегнуть смирительную рубашку.

- Идём, - я беру его под руки и собираюсь уже провести по коридору, как он неожиданно начинает в волнении причитать:
- Ставни! Ставни закройте! А то весь свет выйдет!
- Тш-ш-ш! - пытаюсь его успокоить, на что он мне с умным видом выдаёт очередную тираду:
- Ведь чёрная вечность дремучего сознания окаймляет океаны белого мироздания, - и добавляет, с недоверием глядя на меня мутным взглядом: - Кто ты, жёлтый понедельник?
- Всё в порядке, Дима. Это я. Сейчас мы с тобой выберемся отсюда.

Придерживая его, веду по коридору, стараясь всё-таки издавать как можно меньше шума.

Так мы идём в течение нескольких минут и, слава богу, нам навстречу не попадается ни одного охранника. Мы доходим до последнего поворота коридора, и до выхода остаётся совсем ничего, а моё время уже подходит к концу — я ощущаю, что у меня остаётся не больше десяти минут. Я прислоняю Димку к стене и усаживаю на пол, бросая: «я сейчас» - а сам, предчувствуя что-то неладное, прохожу чуть вперёд.

И действительно, буквально в трёх шагах от меня, раздаётся щелчок и слышатся голоса — открывается одна из дверей, и из комнаты выходят два охранника, не заметившие меня сразу, ведущие спокойный разговор. За одно мгновение в голове мелькает мысль о том, что их нужно нейтрализовать до того, как они поднимут тревогу.

Что-то, давно спавшее во мне, появившееся ещё с тех самых тренировок, неожиданно поднимается, вырастает и вырывается наружу. Я почти механически включаю боевое дыхание и прыгаю в их сторону. Удар ребром ладони в шею одного и практически сразу же за ним — удар кулаком в нижнюю челюсть другого. Хруст. Минус два. Быстро и эффективно, ни звука, они даже не успели понять, что произошло. Подхватить их, однако, не успеваю, поэтому два тела валятся на пол, издавая много лишнего шума. Теперь действовать надо действительно очень быстро. Впрочем, и до выхода уже рукой подать.

Сердце бешено колотится, но рассудок холоден и беспристрастен. По пути к Димке опять помутнение, с которым в этот раз мне справится ещё тяжелее, чем в прошлые разы. Мир становится прозрачным, и за ним проступает образ Кирилла, сидящего в кресле. Но он почему-то самодовольно улыбается, как будто его моя неудача устраивает. Я от злости на Кирилла пересиливаю себя и в полутумане возвращаюсь к Димке, помогаю ему подняться на ноги, плохо контролируя самого себя. Шепчу:

- Всё чисто. Можем идти дальше.

Делаем пару шагов, как, вдруг, Димка начинает прыгать как кенгуру, так, что удержать его получается не сразу. Из-за этой неожиданности мне удаётся вернуться на эту линию. Пытаюсь успокоить:

– Тш-ш-ш, Дима! Всё хорошо. Иди ровней. Ещё немного!

Успокаивается. Идём по коридору, переступая через охранников, Димка опять начинает нести какой-то бред, но мы уже совсем близко к выходу. Я захожу в будку, не отпуская Димку, отключаю рамку, и мы выходим в холл, а из него — на свободу, на улицу.

Свежий воздух бросается нам в лицо, и только теперь я понимаю, каким затхлым был воздух в помещении. Быстро ориентируясь на местности, вспоминая жизнь своей проекции, веду Димку направо. Мы идём в течение минут пяти по тротуару, минуя одиночные фонарные столбы, пока не доходим до моста. Здесь более-менее безопасно, да и время моё подходит к концу, а ничего более сделать для Димки я уже не успею — теперь всё в его руках. Подвожу его к опоре моста и усаживаю.

– Димка, ты в порядке? - спрашиваю я, пытаюсь заглянуть ему в глаза.

– Я доброе утро, - только и отвечает он, чем вызывает у меня ухмылку. Глажу его по голове:

– Ничего, это скоро пройдёт

Гляжу на часы. Осталось минуты три, а то и меньше.

– Мне нельзя здесь оставаться. Мне надо возвращаться к себе. Димка, сейчас очень важно, чтобы ты меня понял и запомнил, что я тебе скажу, - я трясую его за плечи, от чего, кажется, тот немного приходит в себя. - Димка! Ди-имка! Соберись! И запомни! Тебе нужно вспомнить себя на старой линии! Слышишь меня?

– Да, конечно, - уверенным голосом и с видом вполне адекватного человека важно отвечает он и заключает с видом знатока: - Красная линия — линия скоро заката!

Тяжело вздыхаю и качаю головой. Задумываюсь на пару секунд, но понимая, что никакого иного выхода нет, внушаю напоследок:

– Дима, вспомни себя, вспомни что-нибудь очень яркое и важное для тебя из той твоей жизни! Это критично для тебя. Если ты этого не сделаешь, то тебе крышка. Ты понял?

Неясно, понял ли он меня, но надеюсь, что хотя бы часть этой информации где-нибудь да отложилась у него на подсознании...

Встаю, смотрю на него, перебирая мысли в голове, после чего заключаю:

– Всё. Больше я сделать не могу. Я убегаю. Надеюсь, мы ещё увидимся, - снимаю с себя плащ и прикрываю им Димку, чтоб тот совсем уж не замёрз.

Поворачиваю налево и направляюсь дальше по дороге. Удивительно, но складывается ощущение, что там, впереди, где заканчивается мост, совсем ничего нет — там чернота и полнейшая пустота. Немного не по себе от этого, но что-то внутри подсказывает, что надо пройти в эту черноту, которая с каждым шагом всё плотнее и плотнее окутывает пространство вокруг меня.

И вот я в полной темноте, пытаюсь открыть глаза, пошевелить руками и ногами, сделать вдох — сделать хоть что-нибудь, но у меня ничего не получается. Мне хочется кричать, но кричать нечем. Никаких запахов, никаких звуков, никаких ощущений, ничего не видно.

- Не паникуй, - произносит спокойный голос «Союзника». - Ты в тёмном мире, но у тебя пока недостаточно энергии.

Я пытаюсь хоть что-нибудь ответить ему, но отвечать нечем.

- Не трать свои силы. Я тебе говорил, что это ловушка, но ты не хотел меня слушать.

Голос «Союзника» исходит со всех сторон. Такое ощущение, что он вокруг меня, а я нахожусь где-то внутри него.

- Хорошо, что мне удалось тебя вытащить из ловушки в тёмный мир, - продолжает он. - Однако теперь тебе придётся сделать усилие для того, чтобы вернуться назад, тебе надо собрать энергию. Для этого существуют разные методы, но наиболее простой в твоём текущем состоянии — это поглотить одну из своих проекций.

Какие ещё проекции? О чём он говорит? Да и как это сделать?

- Не трать зря своё время. Просто расслабься и подумай о какой-нибудь из своих проекций. Включи своё воображение. Представь себе кого-нибудь и ощути его.

Я понимаю, что у меня всё равно нет никаких других опций, поэтому я пытаюсь отпустить всю эту странную ситуацию и включаю воображение. В голове мелькает несколько картинок, и мне хочется остановиться на одной из них.

- Да, эта подойдёт, - соглашается «Союзник».

Я посмотрел на неё как хищник на жертву, оценил параметры картинки, проанализировал, сколько энергии смогу получить за счёт этого предприятия и понял, что нужно сделать и как. Откуда мне всё это знать? Откуда-то из подсознания... Мне нужно переместиться в эту проекцию и высосать её.

- Молодец! Ты знаешь, что делать! - произнёс «Союзник», и голос его стал трансформироваться в хаотический шёпот нескольких разных голосов. Он слился в неперевариваемую кашу и начал постепенно усиливаться, принимая зримые и осязаемые очертания.

Я моргнул...

Прозрачный человек

Игорь

Из душа льётся горячая вода, причём такая, что даже немного обжигает кожу. Голова вся в пене, глаза закрыты, пальцы массируют волосы. Ставлю голову под душ и чувствую, как пена сползает по телу вниз, к ногам вместе с жуткой усталостью. Всё-таки душ всегда придавал мне силы, хоть и на короткий промежуток времени.

Когда пены на волосах уже совсем не осталось, я выключаю кран и смахиваю быстрыми, решительными движениями ладоней воду с волос. Потом — с груди, с рук и ног, после чего осторожно, перешагивая через край ванной, вылезая на коврик, беру полотенце и обмакиваю им себя. Затем перехожу к ленивому вытиранию головы, произвольно, по привычке, поворачиваюсь к зеркалу, и, глядя на своё не накаченное тело с выпирающими рёбрами, ярко выделенной ключицей, жёсткой костяной выемкой в районе солнечного сплетения и острыми косточками на локтях и кистях, отряхиваю полотенцем мокрые волосы.

Разглядываю свою небритую рожу. Как у нас тут всё запущено! Опять прыщи! Уже тридцать пять лет, а всё ещё прыщи появляются. Безобразие. А ниже что? Шея с куцыми

чёрными волосками, недобритыми по спешке ещё с прошлого раза и Адамовым яблоком, скачущим между ними вверх-вниз как бешеное во время глотания слюны. А ниже...

Руки замирают, и я пристально всматриваюсь в то, что ниже, приближая лицо к зеркалу. Зрелище сначала кажется мне каким-то странным и невероятным, но чем больше я вглядываюсь, тем более реальным оно представляется в моих глазах. Сбрасываю полотенце на пол и протираю глаза. Не помогает. Мотаю головой — всё равно всё так же. Что за чёрт? Через мою грудную клетку видна противоположная стена, выложенная бежевым кафелем! Ну, пусть и не очень чётко, но такое ощущение, будто тело моё в одной небольшой зоне стало полупрозрачным.

Отклоняюсь влево-вправо, присаживаюсь, пятно двигается вместе со мной. Вроде бы, не глюк. Стучу пальцами по груди, слышу привычный глухой звук. Всё в порядке. Но всё равно чуть выше солнечного сплетения имеется какое-то пятно, размером со старый советский рубль, в котором кожа моя и организм в целом стали полупрозрачными: то есть, кожа видна, но через неё слабо просвечивает всё, что за ней.

Закрываю пятно ладонью. Всё привычно — рука не полупрозрачная. Отвожу её. Грудная клетка полупрозрачна... Что за чёрт?! Может, это что-то со мной творится? Может, проблемы с мозгом, нарушено восприятие?

Выворачивая левую руку, пытаюсь пальцами дотянуться до того места на спине, которое просвечивает... и, о ужас! Вижу свои пальцы!

Мороз пробегает по коже, а желвак в горле стремительно несётся вверх, спасаясь от пересохшего горла.

Открываю дверь из ванной, высовываюсь наружу и кричу на всю квартиру, стараясь сдерживать в себе чувство страха, и не паниковать:

- Света!
- Чего? - раздаётся из спальни.
- Подойди, пожалуйста!
- Сейчас, - усталым голосом, как будто я её уже замучил, бросает она.

Прикрываю дверь и жду, боясь взглянуть в зеркало. Спустя секунд двадцать дверь открывается и у входа в ванную стоит Света, скрестив руки на груди и с укором глядя на меня, наклонив голову чуть вправо.

- Ну, что?
- Ты ничего не замечаешь? - стараюсь как можно более нейтрально произнести я и развожу руками.
- Чего я должна заметить? Размер твоей пиписки изменился? Или у тебя таки мышцы появились? - с издёвкой и злостью бросает она.
- Да нет же, - я не обращаю внимание на её едкие комментарии. - У меня тут ничего нет? - показываю на место, в котором только что обнаружил полупрозрачное пятно.
- Что там? Думаешь, рак груди?
- Не смешно, блин! - возмущаюсь я. - Посмотри, пожалуйста.

Света тяжело вздыхает, перешагивает через порог.

– Ну, если это опять какая-нибудь твоя идиотская уловка...

И присматривается к моей груди, соблюдая дистанцию.

– Где?

– Вот тут, - показываю пальцем.

– Убери палец! Нет там ничего.

– Посмотри повнимательней, пожалуйста, - умасливаю её вежливостью.

Света чуть наклоняется и почти вплотную, сантиметрах в пяти от пятна, вглядывается в мою грудную клетку.

– Ну, как? Видишь?

– Вижу что? Говорю ж тебе, балбес, нет тут ничего...

– Как, совсем? - не понимаю я, а сердце потихоньку отпускает. Наверно, всё-таки показалось.

– Хотя... - неожиданно напрягается она, после чего медленно протягивает указательный палец правой руки к моей грудной клетке и скребёт ногтём по коже. После чего недовольно вздыхает, выпрямляется, качает головой и, покидая ванную, бросает: - Родинка там у тебя, балбес! И хватит тут фигнёй страдать — одевайся уже и приходи ужинать.

Вздыхаю. Не поняла, не нашла, не увидела. Поворачиваюсь к зеркалу и ещё раз всматриваюсь. А пятно, как было, так никуда и не делось. Что же это за наваждение такое? Может, само пройдёт, когда поем и отосплюсь? Стряхиваю воду с волос и недовольный одеваюсь.

После ужина, уже перед самым сном, я снова стою в ванной, но взглянуть под пижаму боюсь. А, вдруг, пятно там? Прикидываю в голове, взвешиваю все «за» и «против», после чего решительно беру зубную щётку, смело выдавливаю пасту и, совершая ритмичные движения вверх-вниз, чищу зубы, смело глядя своему отражению в глаза.

А глаза сильно изменились за всё это время. Какой долгий путь они прошли от младенчества, через юность, чтобы добраться до этого пункта... Взгляд ребёнка, нетерпеливо чистящего зубы, ожидающего новые открытия в новом дне. Взгляд подростка, томно глядящего, с некоторым недоверием на то, что этот новый день собирается преподать. Взгляд выпускника вуза, перед которым открыты все границы и день обещает новые находки. Взгляд влюблённого, витающего в облаках, ожидающего очередной встречи с любимой в этот новый прекрасный день. Взгляд только что женившегося, осознающего, что этот новый день приносит новую ответственность и нужно как-то зарабатывать себе на жизнь. Взгляд небритого женатого мужика, ничего уже не ждущего ни от нового дня, ни от новой ночи... Да и не может быть ничего нового и ничего хорошего в этих днях и ночах.

Споласкиваю щётку под водой, проводя пальцами по щетине. Полощу рот, набирая воду рукой. Вытираю лицо махровым монотонно белым полотенцем. Гляжу отражению в глаза и вздыхаю.

Ничего не осталось от того ребёнка. Практически исчез.

На утро, продирая глаза, опять направляюсь в ванную комнату, вспоминая события

предыдущего вечера как странный непонятный сон. Подхожу к зеркалу и скалю зубы. Опять стандартная процедура с чисткой зубов, только на этот раз глаза закрываются сами собой.

И какой только придурок придумал начинать работать в 9.00? Для этого же надо каждый раз переступать через себя, вставать в 7, а то и раньше, толкаться в общественном транспорте, мять себя, портить настроение, а потом отсыпаться первые три часа на своём рабочем месте, стараясь сделать так, чтобы тебя не запалил шеф. Все так работают! На фига себя насиловать? Ну, сделайте начало рабочего дня в 11 часов — всем легче жить станет...

Однако череду стройных мыслей о ненависти к своей жизни, неожиданно прерывает мысль о пятне, и я, выпрямившись перед зеркалом, оставив щётку в зубах, тянусь к нижнему краю пижамы и медленно с трепетом поднимаю его вверх, чтобы посмотреть на свою грудную клетку.

- Боже мой! - в страхе сквозь пену и щётку произношу я, еле сдерживая панику и удерживая щётку в зубах.

Пятно увеличилось в размерах (теперь оно стало величиной с крупный апельсин) и стало ещё более прозрачным. Правда, оно неравномерно: в центре более прозрачно, по краям — чуть менее, плавно переходит в непрозрачную кожу.

Опять ошупываю себя, опять подставляю руку сзади... Всё то же самое, что и вчера.

Позвать жену? Бессмысленно! Ничего не найдёт, будет только злиться на меня. Чёрт с ней!

Опускаю пижаму, быстро споласкиваю рот, вытираю лицо и пялюсь в отражение в зеркале.

Что же делать? Наверно, надо с Вадиком встретиться. Может, он поможет?..

Решительно покидаю ванную, направляюсь в комнату, быстро надеваю рабочую офисную одежду: тёмно-синие брюки со стрелочками, голубую рубашку, ровный чёрный галстук в толстую голубую полосу и тёмно-синий пиджак.

- Вася, ты уже уходишь? - спросонья вежливо осведомляется жена.
- Да, мне пора бежать.
- Будешь как всегда?
- Да, наверно, - рассеяно бросаю я, хватаю сумку и, совершенно забыв о завтраке, надеваю свои Vagabond'ы, чёрный плащ с длинными полами и выхожу из квартиры, бесцеремонно захлопывая дверь, даже и не задумываясь о том, что жене можно спать ещё час.

Уже спустя полчаса, я стою на пороге дома Вадика и держу палец на звонке. Я откровенно нервничаю и не готов долго ждать, тем более, что Вадика поднять по утрам всегда тяжело. К тому же, он, наверно, как всегда, всю ночь играл с друзьями в свои дурацкие сетевые компьютерные игрушки и, конечно же, лёг спать часа в 4 и пока ещё и не планировал просыпаться.

За дверью раздаётся шум и голос матерящегося Вадика. Замок скрежещет, после чего дверь открывается. За ней появляется сонная рожа с щурящимися глазами.

- Мать твою, Длинный! Ты какого хрена творишь?! Ты знаешь, сколько времени? - ворчливо ругается он.
- Я всё прекрасно знаю, но дело не ждёт, - решительно выпаливаю я и прохожу внутрь, чуть отодвинув его в сторону. После чего сразу же скидываю обувь и плащ и начинаю снимать пиджак и галстук.
- Эй, эй! - вытягивает он руки ладонями вперёд, быстро просыпаясь. - Я не такой! Я к этому ещё не готов, ты чего?! Я тебя, конечно, люблю, но между нами ничего быть не может, ты же знаешь, меня интересуют только маленькие дохлые собачки! - отшучивается в своём стиле Вадик. Но мне сейчас не до его дурацких шуток.
- Заткнись, не в этом дело. У меня какая-то хрень в груди... нужна помощь.
- Вообще-то тебе бы тогда к терапевту, а не ко мне... - колеблется он, но видя, что слова его на меня никак не действуют, предлагает: - Ну, давай хотя бы в комнату пройдём, - и направляется в спальню. Я следую за ним, растёгивая рубашку. - А жене показывал? - зевая плюхается он на кровать.
- Да, она дура — ничего не видит и помогать не хочет...
- А я тебе говорил, - расплывается он в своей фирменной улыбке, оставляя нетронутыми сонные глаза, - «не женись». От них все беды...

Не обращая внимание на его стандартную шарманку, я снимаю рубашку и показываю ему пальцем в свою грудь.

- Вот. Видишь что-нибудь?

Вадик смотрит на меня снизу вверх, пытается сосредоточиться и, щурясь, глядит на грудную клетку.

- Чего там?
- Ничего не замечаешь? - спрашиваю я.
- Родинка, что ли? - присматривается он. - Очень эротично.
- Да какая на хрен родинка?! - возмущаюсь я, - родинка вот тут находится, я же вот сюда показываю, - и ёрзаю пальцем по грудной клетке.

А пятно за это короткое время успело ещё подрасти, и я теперь, глядя сверху на грудную клетку, вижу уже даже некоторые свои внутренние органы: кажется, кусочек печени и лёгкого, которое с каждым вдохом чуть расширяется, а потом сужается.

- Вот чёрт! - шокировано произношу я и чувствую, как покрываюсь испариной.
- Да чего с тобой творится? - уже более серьёзным тоном, но с некоторым возмущением спрашивает Вадик.

Я беру стул и сажусь напротив него, глядя с мольбой в глазах. Несколько секунд я сижу молча, просто готовясь, потом выдаю:

- Я становлюсь прозрачным.

Вадик смотрит на меня серьёзным сосредоточенным взглядом, что-то просчитывая в голове, после чего расплывается в улыбке и покачивает головой.

- Ну, ты, блин, придумал, Длинный! Слушай, я в восемь утра плохо такие шутки воспринимаю...

- Я абсолютно серьёзно! - перебиваю его.
- И как же это проявляется? - Вадик опрокидывается на кровать, запрокидывает руки за голову и закрывает глаза.
- У меня вчера вечером в груди появилось пятно, через которое меня видно насквозь — всё видно: и кафель в ванной, и любой предмет, который со спины подносишь... Причём пятно это постоянно растёт. Вчера оно ещё было с советский рубль, с утра — уже с крупный апельсин, а сейчас... даже ещё больше стало... Боюсь предположить, что с ним к вечеру станет. А, вдруг, я весь стану прозрачным? Вдруг, я так исчезаю? - не скрывая свою нервозность выпаливаю я.

Вадик молчит и не отвечает. Некоторое время я жду его ответа, но слышу только тихое дыхание, переходящее в мерный храп.

- Вадик, мать твою! - кричу я.
- А? Что? Где? - шевелится он и садится в кровати.
- Мне помощь нужна, а ты тут храпишь! - с досадой выговариваю я.

Он устало глядит на меня, даже не стараясь скрыть желание избавиться от меня как можно скорее, ещё раз смотрит на мою грудную клетку и заключает:

- Нет там у тебя ничего. Это всё твоё воображение. Обратись к психиатру. А я спать хочу и ничем помочь не могу, - после чего, бурча что-то себе под нос, лезет под одеяло и устраивается в наглухо в кровати, приготовившись спать. - Захлопнешь за собой, как соберёшься уходить? - в подушку добавляет напоследок он.
- Ок, - грустно заключаю я и одеваюсь.

От Вадика я решил поехать не на работу, а на «Горьковскую» - стало понятно, что работать я всё равно не смогу, а прогулка, возможно, поможет мне развеяться и, глядишь, пятно само исчезнет...

На выходе из метро звонит мобильник. Шеф.

- Вася, ты где? - строго спрашивает он.
- Я... - растерянно начинаю придумывать себе оправдание. - Я приболел, Владимир Алексеевич.
- А что за шум? Больной по улице шляешься?
- М...
- И голос ни разу не больной. Обмануть меня хочешь?!
- Да, нет, что вы... Честно, плохо себя чувствую...
- Короче, - зло властным голосом выговаривает он, а я аж слышу, как он кипит на том конце провода, - у нас дедлайн завтра, ни хрена не сделано, а ты где-то шляешься и опаздываешь! Тащи свою задницу на работу! Если через полчаса не явишься, ты уволен!

И бросает трубку.

Меня как холодной водой из ведра облили. Стою, держу в правой руке мобильник, мимо меня проносятся и толкаются люди, а я не знаю, что делать...

Да какого чёрта?! Почему я должен себя пересиливать, вести себя хорошо и правильно?! Почему я должен слушать какого-то зарвавшегося урода, который возомнил себя господом богом?! Кому я что должен?! Да никому ничего! Всю свою жизнь я делал то, что мне говорили делать. Убери в комнате, закончи школу без троек, поступи в вуз, закрой сессию, закончи вуз, женись, устройся на работу, устройся на хорошую работу, не будь тряпкой... И всё время я всем что-то должен. Родителям — быть хорошим сыном, жене — приносить зарплату, шефу — вкалывать, не покладая рук, приходя домой в восемь — девять часов вечера, абсолютно обессиленным и измотанным... Надоело! Всем должен, а всем при этом на меня наплевать. Только видят свои «я», а то, что я прозрачным становлюсь, то, что я исчезаю, никто и не замечает...

В порыве гнева, не ожидая от самого себя такого смелого акта, с рёвом и злостью выбрасываю вначале мобильник, а потом, недолго думая, и портфель в мусорное ведро на выходе из метро, чем притягиваю к себе удивлённые взгляды прохожих.

Да, к чёрту всё! Гори огнём!

Засунув руки в карманы, насупившись, уткнувшись в воротник плаща, спускаюсь по ступеням и иду через Александровский парк в сторону Троицкого моста, ковыряясь в себе.

Однако мысли о себе медленно смываются вначале философскими размышлениями о жизни и моей ситуации, а затем — различными красочными воспоминаниями.

Вот воспоминание о прогулках с друзьями под сводом деревьев парка после выпускного в вузе. Вот на этом пригорке, над «Гротом», мы сидели с бутылками «девятки» и балагурили. Вадик, как всегда, по пьяни вытворял что-то сумасшедшее — приставал к прохожим, лез обниматься и жонглировал крышками из-под пива...

Прогуливаясь по Троицкому мосту, глядя на беспокойные волны на Неве, вспоминаю, как прогуливался по нему со своей первой девушкой. Рука об руку, неспешный шаг. Яркое солнце и детские разговоры ни о чём. А у неё скобки на зубах, но, несмотря на них, она мне нравится, и я только и думаю о том, чтобы такого сделать, чтобы поцеловать её...

Стоя у перил, глядя в тягучую массу воды, вспоминаю какие-то нечёткие обрывки из своих сновидений, настолько в своё время впечатливших меня, что я даже взялся за писательство. Жаль, что оно так ничем не закончилось...

Прогуливаясь у Марсового поля, вспоминаю визит друзей из Пскова и игру в сокс. Мосты тогда развели и попасть на ту сторону не было никаких шансов, поэтому мы решили переждать, а чтобы совсем не замёрзнуть, Вадик предложил поиграть в сокс. И вот под жёлтыми фонарями на крупном розово-сером песке, на открытой площадке мы стоим в кругу и неуклюже перекидываем друг другу тканевый мячик, набитый какими-то пластиковыми шариками. Естественно, только у Вадика получаются финты с перекидыванием мячика на затылок и сбросами с локтя...

Проходя мимо Атлантов, потёр того самого за большой полированный палец, вспоминая, как первый раз поцеловал Свету, прямо у этого гигантского истукана. Я её прижал к колонне между атлантами так, что ей деться уже некуда было и приблизился, хищно поглядывая в её глаза. Балкон и темнота закрывают нас от взглядов редких прохожих. И она тает, закрывает глаза и вытягивает свои губки. Как мило...

Проходя по Дворцовой площади, вспоминаю концерт Rolling Stones, на котором мне довелось побывать с Вадиком. Вспоминаю, как скакал под «Satisfaction», устроив слэм с незнакомым парнем, чем вызвал крайнее недовольство стоящих рядом инфантильных

девиц...

Выйдя на набережную напротив Адмиралтейства, решаю посидеть на ступеньках у львов, вспоминая свой выпускной вечер в школе. Море шампанского, море пьяных школьников и школьниц. И я тискаю одиннадцатиклассницу из параллельного класса, имя которой даже не знаю, прямо у этого льва и лезу целоваться. А она, вроде бы, и не особенно против...

Потом решаю прогуляться по Ваське, вспоминая свою свадьбу и фотографии на Стрелке. Стандартное выпускание голубей и разбивание бокалов с шампанским о большой каменный шар. Поцелуй Светкиных губ, тогда ещё сладкий и желанный...

Прогулка по Университетской набережной до моего вуза и воспоминание о тяжёлых студенческих годах, которые теперь кажутся такими лёгкими, далёкими, беззаботными и приятными. Все эти мысли о курсовых, все эти зубрёжки к экзаменам, от которых в мозгах не осталось и следа. Всё то, что казалось тогда таким насущным, таким важным — всё это сейчас уже кажется детским, мелочным и наивным...

Захожу в свой вуз, записываюсь в журнале на вахте и поднимаюсь на второй этаж. Неожиданно вспоминаю, как один раз познакомился с милой девушкой со светлыми кудряшками и зелёными глазами во время посещения библиотеки... Она оказалась очень живой, вежливой, общительной и интеллектуальной. Только она потом куда-то исчезла, не оставив даже своего телефона, а я её в своей жизни больше так ни разу и не видел...

Прогуливаясь по коридору здания Двенадцати коллегий вспоминаю её, и на душе становится светло и тепло. В деталях черты её лица восстановить не удаётся, но сам образ, некоторые ощущения, неожиданно всплывают и проявляются. Вот ведь, кто бы мог подумать, что такая мелочь может оставить такой неизгладимый след в душе?!

Пройдя чёрт знает сколько по длиннющему коридору, останавливаюсь и подхожу к окну, чтобы посмотреть через него на внутренний двор и покопаться в воспоминаниях, и неожиданно для себя замечаю, что уже практически не отражаюсь в стекле. Качаюсь из стороны в сторону, но кроме шатающегося плаща, ничего не вижу. И только сейчас замечаю, что уже даже носа своего и бровей не вижу... Глубоко вздыхаю, отворачиваюсь от окна и гляжу на свои руки. А рук-то и нет практически — только кончики пальцев остались, и те постепенно растворяются.

Ещё одно мгновение, ещё одно дыхание. И чувствую, как жизнь медленно бледнеет...

А что я сделал за эту жизнь? Стал подкаблучником? Стал офисным работником? Кто меня вспомнит, когда я окончательно исчезну? Какой след я оставил? Никакой. Лишь претензии сплошные к миру и к людям... А как хотелось бы ещё один глоток воздуха...

Прозрачность окончательно разливается по всему организму и в глазах мутнеет. Я обессиленно падаю, ударяясь головой о что-то жёсткое.

Ко мне подбегают люди, кричат о том, что надо вызвать скорую, но мне уже всё равно. Я исчезаю. Осталось только что-то, что не совсем «я» и не совсем здесь, но где-то рядом. Что-то, как мне теперь становится очевидно, что всё это время выкачивало из меня мою фактуру, мои силы. И оно затрепетало и торжественно воскликнуло...

А я растворился.

Музыка души

Роман

После встречи с Кириллом, по дороге домой, я заскочил в магазин музыкальных дисков, чтобы купить что-нибудь, на что буду записывать свои эмоции.

Я не знал, что мне купить. Можно было бы взять ту же самую девятую симфонию, но не хотелось повторяться. Хотелось чего-то своего, чего-то оригинального. Глаза бродили по полкам, а пальцы гуляли по дискам. AC DC, The Beatles, Depeche Mode, Ella Fitzgerald, Eminem, Frank Sinatra, Franz Ferdinand, Gorillaz, HIM, Jimmy Hendrix, The Killers, Led Zeppelin, Moby, Muse, Nazareth, Nirvana, Pearl Jam, Pink Floyd, Queen, Red Hot Chili Peppers, Rolling Stones, Slade, Swingle Singers, Uriah Heep, The Who, Yes, ZZ Top... Туда и обратно по всей картотеке. Выбрать что-то сознательно, остановиться на чём-то одном, было сложно. Поэтому я плюнул на всё, отстранился от музыкального каталога, закрыл глаза, сделал пару шагов в сторону и попытался почувствовать, что мне нужно.

Рука сама потянулась в нужном направлении, я достал диск и открыл глаза. В моих руках была коробка с изображением зелёной травы, голубого неба и коровы на переднем плане. Диск назывался «Atom Heart Mother», группа Pink Floyd. Ну, пусть будет, почему нет?

По возвращению домой я поставил диск в старенький магнитофон на кухне, сел на пол по-турецки, закрыл глаза и стал слушать, параллельно вытаскивая задевавшие меня в прошлом эпизоды. Делать это было несложно, потому что во время перепросмотра я уже идентифицировал несколько самых острых. Но какой же выбрать первым?

Эпизоды перемежались друг с другом, каждый из них пытался вылезти на первый план. Неожиданно хаос в голове сменился ровными рифмами.

Первый пошёл. С ним связаны огорчение, грусть, досада. Мой школьный друг повернулся ко мне спиной. Я так доверял ему, мы так много с ним делали вместе: и в компьютер играли, и музыкой занимались, и в футбол играли..., а теперь он издевался и смеялся надо мной. Почему? Что я сделал не так? Чем я это заслужил? Он показывает на меня пальцем и выкрикивает обидные слова. Это так ранит, когда ты ещё совсем ребёнок. В детстве это так больно, потому что кожа ещё не дубовая. Я закрываюсь в себе. Обида. Горечь. Несправедливость.

Второй, ему на смену. Тишина и спокойствие. Я сижу с Наташей на одной из крыш Петербурга. Мы смотрим на город. Я её нежно обнимаю за талию, она положила мне голову на плечо. В сердце очень сладко и приятно. Правда, хочется большего. Так и хочется её стиснуть сильнее, повалить на спину и прямо здесь расцеловать и заняться сексом. Целую в губы. Она отвечает, но явно даёт понять, что дальше у нас сегодня не пойдёт. Досада со страстью, смешанная, но не взболтанная.

Ещё один эпизод. Третий. Веселье, свобода, удовольствие. Мы с Игорем играем в сокс при свете фонарей на Марсовом поле. Видно плохо, но мы стараемся изо всех сил. Два удара, на третий сделать пас. Максимум пока получилось так набить только пятнадцать раз. Воздух прохладный, но комфортный. Белая (но не самая) ночь. Лето в Петербурге. Игорь выпендривается, набивает чуть ли не пятками, ловя мячик за спиной. У меня никогда особенно хорошо не получалось, поэтому я отбиваю, чтобы отбить. Зависть, но совершенно несерьёзная. Больше радости.

Следующий эпизод. Смятение, страх, растерянность. Меня, школьника, восьми лет, останавливают на улице парни раза в два старше меня. Спрашивают, есть ли деньги. Я молчу и мотаю головой. Я всего лишь шёл из школы домой, когда они мне попались на встречу. Но по взгляду одного из них видно, что деньги им и ненужны. Он только хмыкает, оскаливая зубы и бьёт меня ногой по лицу. Я падаю на колени и начинаю

плакать. А те радуются и пожимают руки. «Молодец» - говорит один второму, и они направляются по своим делам. Боль. Отчаяние. Злость. Испуг.

Последний. Интрига. Нервозность в ожидании результата. Я с родителями стою у списков поступивших в университет. Смотрим на фамилии на букву «И». Иноземцев, Иночкин, Иовлев. Триумф! Я поступил! Прыгаю от счастья. Родители обнимают. Гордость. Удовлетворение.

Композиция закончилась и всё почему-то затихло. На заднем фоне появился шум ветра и шелест травы. По лицу пробежался ветер.

Я открыл глаза и от неожиданности свалился на спину.

Вокруг меня была зелёная трава, голубое небо, ясный день. А в метре от меня, задом ко мне, но повернувшись мордой в мою сторону, стояла, лениво что-то пережёвывая, белая в чёрных пятнах корова. Она посмотрела на меня равнодушным взглядом и надула пузырь розовой жевательной резинки. Тот лопнул и заляпал ей всю морду, но она лёгким движением языка всё слизнула и засунула назад в рот.

- Чё смотришь? - спокойно низким голосом спросила она.
- Я так... - только и ответил я.
- Тебя Кирилл что ли послал? - продолжила она.
- Не знаю, - не уверено ответил я. - Может быть.
- Ну, тогда имей в виду, - на этом месте она полностью повернулась ко мне передом, - доить меня больше не надо. Я сама с этим разобралась.
- Да я то что..., - я попытался оправдаться, но она не дала мне закончить мой несвязный поток слов.
- В общем, я теперь совсем самостоятельная корова, и мне никто ненужен. Так и передай своему дружку!

После этого она повернулась ко мне правым боком и направилась спокойно куда-то в сторону, бурча себе под нос:

- А то ходят тут всякие, за соски цепляются, не оторвать потом. Тоже мне! Нашёл себе корову отпущения

Я помотал головой, и наваждение быстро исчезло, сменившись кухней Миши...

Место в мире

Дима, Дагни

- Как ты думаешь, каково твоё место в этом мире? - спрашивает у меня Дагни.

Мы сидим на крыше Питерского дома, недалеко от канала Грибоедова, и смотрим на город, постепенно погружающийся в темноту.

- Какое у меня может быть место в мире, ты что? - с улыбкой отвечаю я. - Какое может быть место в мире у муравья?

Мы сидим бок о бок, она держит меня под руку, положив голову на моё плечо.

- На самом деле очень значимое, - произносит Дагни, - если это необычный муравей. Может быть весь мир и держится на этом самом муравье, а он и не знает...

Воздух вокруг нас прохладный, но не холодный, августовский. День сегодня был безоблачный и тёплый, но немного душноватый. А теперь, с пришествием сумерек, воздух как будто очистился.

- Это должен быть какой-то очень важный муравей, чтобы мир держался на нём. Я, конечно же, не такой. Я всего лишь проектировщик.

Дагни поднимает голову с моего плеча и смотрит нежно в мои глаза.

- Ты не просто проектировщик! Ты настоящий художник. Ты творец! И ты, конечно же, недооцениваешь своё место в мире и тратишь много времени на всякую ерунду.

Со скрываемым снисхождением я спрашиваю у неё:

- Например какую?

Дагни практически не задумываясь отвечает:

- Например, на твою работу. Ты занимаешься тем, что тебе совершенно ненужно. Ты мог бы творить и менять мир, а ты сидишь в офисе и клепаешь прототипы.

Где-то внизу, под нашими ногами, прорезая беспардонным рёвом сонный город, промчался мотоцикл.

- Вообще-то это мой проект. Я не просто клепаю прототипы, а я как раз творю. Я часть команды, которая делает очень важное дело.

Дагни немного отстраняется от меня, скрещивает руки на груди и вздыхает.

- Это не твой проект, Димочка. И это не твоя команда. Это проект твоего друга, а ты — просто офисный работник в проекте.

Я качаю головой, не соглашаясь с ней, подгибаю ноги и обнимаю колени руками.

- Ты не права. Я один из создателей. Я человек, определяющий направление проекта. А брось я заниматься «.», мне придётся опять вернуться к фрилансу и вкалывать на каких-то малоизвестных людей.

Дагни смахивает чёлку с глаз лёгким движением руки и серьёзно отвечает:

- У тебя есть живопись.

Я усмехаюсь. Ну, не может же она серьёзно говорить об этом.

- Живописью на жизнь не заработаешь. А есть хочется...

Она же в ответ пожимает плечами:

- Художник должен быть голодным, - после чего добавляет. - Но я лишь говорю о том, что тебе нужно найти своё настоящее место в мире и заниматься тем, что действительно важно. А этот ваш сайт выживет и без тебя.

Я, стремясь закрыть эту неприятную для себя беседу, только обрезаю:

- Я не готов покидать то, над чем так долго работал, то, что наконец начало так хорошо получаться в последнее время.

Дагни встаёт и, бросая: «как знаешь» - направляется к краю крыши.

- Эй, ты куда это?

Я встаю и следую за ней. А она настойчиво идёт к краю, ничего мне не говоря.

– Дагни, стой!

Я устремляюсь к ней и хватаю за руку. Она поворачивается, смотрит на меня с улыбкой и недоумением.

– Дима, ты чего?

– Как это чего? Ты куда так бойко направилась?

– Да я просто вниз посмотреть.

Я гляжу на неё, пытаюсь прочесть, что же там скрывается за её этой небрежностью. Но, конечно же, мне не удаётся этого сделать.

– На что там смотреть? Там же опасно!

Дагни, как будто как раз и ждавшая этой фразы от меня уверенно изрекает:

– Для того, чтобы понять цену своей жизни и своё место в мире, иногда нужно глядеть в глаза опасности.

Держа её нежно за руку, с заботой в голосе, я отвечаю ей:

– А, вдруг, ты сорвёшься? Не дай бог что-нибудь случится!

Дагни приближается ко мне, целует в уголок рта, обнимает и шепчет на ухо:

– Иногда просто надо, чтобы что-нибудь случилось.

И после секундной паузы добавляет:

– Смотри.

После чего легко высвобождается, доверительно улыбается мне и немного отходит в сторону.

– Смотри, - повторяет она чуть громче.

Я качаю головой, не понимая, на что смотреть, и что же меня сейчас ждёт.

– Смотри!

Дагни неожиданно делает рывок в сторону края крыши, делает несколько шагов с ускорением и прыгает в пространство за краем.

Я шокирован и испуган.

Я кричу, что есть сил:

– Нет! Вернись! Не делай этого!

А Дагни как в замедленном кино висит в воздухе, двигая руками, как будто сопротивляясь законам физики какое-то мгновение, после чего камнем летит вниз, скрываясь за краем.

Я подбегаю к краю, плюхаюсь на живот и, держась за черепицу, со страхом гляжу вниз.

– Дагни! - во всё горло кричу я.

Но её там нет.

Внизу, подо мной, только улица, освещённая жёлтыми фонарями, спящие деревья, да несколько случайных прохожих. Всё это очень странно и необычно.

– Ничего не понимаю, - смущённо произношу я вслух.

Дагни обнимает меня сзади и шепчет на ухо.

– Просто ты спишь, Дима. Ты слишком много спишь.

Я открыл глаза и повернул голову влево. Рядом со мной, в кровати, мило посапывая, спала Дагни. Я подвинулся к ней поближе и поцеловал в щёку, из-за чего она вытащила из своего сна одно слово и произнесла его вслух заплетающимся языком:

– Смотри.

Я ухмыльнулся, повернулся на правый бок и закрыл глаза.

Это всего лишь дурацкий сон!

Новые обстоятельства

Игорь, Дима

Вернувшись в себя, в свою комнату, после тех ночных приключений, я сразу же заснул, точнее упал в небытие и перестал себя контролировать.

Будильник разбудил меня в 7 часов, и, несмотря на мои ночные бдения, вскочил я с кровати абсолютно выспавшимся и полным сил. Первое же, что я заметил, как открыл глаза — это кресло, развёрнутое в мою сторону и сигарету, бесцеремонно и жестоко затушенную о мой стол.

Так было ли это действительно сновидение или Кирилл меня ночью посетил в реальной жизни? Действительно ли я спасал Димку, и откуда же я его тогда спасал? А потом эта история с прозрачным человеком, за которым я следил как будто немного сверху и одновременно изнутри... Что же это было на самом деле? Я выкачал его? Забрал его энергию? Вроде бы и не по себе немного, но прилив сил ощутимый...

С этими и другими похожими вопросами я умылся и позавтракал.

По дороге на работу, стоя в пробках, мне в голову неожиданно пришла очевидная мысль: почему бы не попытаться узнать ответы на эти вопросы у «Союзника»?

– Доброе утро. Как ночка? - проснулся тот в моей голове.

– Что это всё было?

– Что именно? То, как тебя заманили в ловушку или то, как я тебе помог из неё выбраться? - вальяжно спросил он в ответ.

– Это был сон? - не обращая внимание на его комментарий, спросил я.

– А сейчас ты спишь?

– Не отвечай вопросом на вопрос! - рявкнул я на него вслух.

– Не задавай idiotских вопросов! - отозвался в том же духе он.

– Что за история с Димой? - не унимался я.

– А ты как думаешь? Каким-то образом Дима пропадает, застряв на другой линии, потом появляется Кирилл, который от доброты своей душевной решает помочь. Но помогает при этом не сам, а забросив тебя в тот же мир, в котором чуть ранее застрял твой друг... Складывается история?

– Я ничего не понимаю! - разозлился я, перестраиваясь в медленно едущем потоке машин. - Вечно ты говоришь какими-то загадками! Нельзя сказать прямо и

просто?!

- А что тебе непонятно? - возмутился «Союзник». - То, что Кирилл от тебя хочет избавиться? То, что он хочет избавиться от Димы? То, что тебе постоянно угрожает смертельная опасность, и Кирилл не твой друг? То, что ему нельзя доверять? Я тебе всё это уже рассказывал несколько раз, но ты не же хочешь слушать...

Сразу же после этой тирады выплыла сцена, которую я, вроде бы, видел, но уже совершенно забыл. «Союзник» в этой сцене спасал меня от пуль немецких солдат.

- Но в этом же нет никакого смысла. Зачем ему это? - опешил я. - Если бы он захотел, то давно бы уже меня прикончил...
- А ему надо не сейчас и не вчера, а в определённый момент и определённым образом. Я же тебе говорю: не будь послушной овечкой, думай своей башкой!
- Это бред какой-то, - сказал я и заткнул «Союзника», не желая его больше слушать.

Однако брошенное зерно начало потихоньку прорасти. И хоть я старался об этом не думать, мысль о том, что Кирилл задумал что-то неладное, крутилась у меня на заднем фоне весь день.

Приехав на работу, я связался с Владимиром Алексеевичем, дал согласие на его план и начал готовить документы по преобразованию нашей конторы в ОАО, как тот и велел. Всё-таки иметь такого покровителя в госструктурах было жизненно необходимо — решил я. Владимир Алексеевич помимо всего прочего сказал, что нам надо уже выходить на общероссийский уровень, деньги на это он достанет — объявит тендер на госзаказ, а нам только и надо будет, что написать соответствующую проектную документацию. Я сразу просёк, в чём фишка, и договорился о получении процентов с его отката. Для того, чтобы упростить все юридические вопросы, он выделил мне в помощники свою племянницу — Софию. Возможности отказаться у меня не было, впрочем я и сам уже был не против — один всё не потянешь. Перспектива получения дополнительного финансирования меня обрадовала и утвердила в мысли о том, что надо держаться за Владимира Алексеевича.

Во время обеда я встретил в коридоре Димку. Точнее это я шёл на обед, а он уже возвращался — сытый и довольный. Я не смог удержаться и спросил:

- Как ты?
- Отлично! Жизнь налаживается! - довольно отозвался он.
- Самочувствие в порядке, душевное состояние в норме?
- Что за глупости? - фыркнул он. - Конечно, всё в порядке. Вон, и с Дагни, наконец, налаживается.
- Когда свадьба? - в полушутку спросил я, на что Дима немного смутился.
- Мы пока ни о чём таком не думали... Я не готов. Да, и она, пожалуй, тоже.
- Ну, надеюсь, я ещё на вашей свадьбе погуляю, - по-дружески улыбнулся я.
- Посмотрим.
- Теперь о деле..., - повернул я беседу в другое русло. - Дим, нам скоро предстоит открывать сегменты по всей России.
- Насколько я помню, по планам это «скоро» должно было наступить не позже, чем года через два, - возразил он... - А я вообще-то собирался внедрить Эллу в систему.

- Какая на фиг Элла?! Ты с ума сошёл?! К чёрту Элла! Нам надо развиваться и расти! - взорвался я. - К нам скоро придут серьёзные бабки — я договорился. Надо только написать всю документацию, описывающую создание общероссийских сегментов.
- Откуда деньги? - раздражённо спросил Дима.
- Один очень влиятельный человек... неважно. В общем, нужно справиться с документацией к концу недели. Это чтобы мой контакт смог сформировать соответствующий тендер...
- Игорь, во что ты нас втягиваешь?! - неожиданно зацепился не за то, за что нужно Димка. - Что за тёмные схемки с тендерами?

Реакция Димы меня не только поразила, но и раздражила. Я вспылал:

- Дима, это ты можешь пропадать, бросать проект, когда тебе угодно, либо просто сидеть в офисе и плевать в потолок! Я же работаю для того, чтобы «.» выжила! И тебя не должно касаться, с кем именно я имею дело и до чего договариваюсь!
- Я вообще-то часть этой команды, не забывай! - перебил он.
- Но тебя как часть команды до этого почему-то не заботило, откуда у нас деньги. С чего это вдруг?!

Димка заметно похолодел, отвёл взгляд в сторону и, лишь ответив «как знаешь», пошёл в свой офис.

На Димкино нытьё у меня не было времени, поэтому плотно пообедав, я вернулся в офис, написал ему сухое письмо о том, что вся документация должна быть у меня к утру понедельника, а сам продолжил готовить документы для регистрации и совершать различные важные звонки.

Ближе к концу дня мысль о мотивах Кирилла опять всплыла в моём мозгу. Из-за активной работы время в моём восприятии сжалось и прошлое просто вывалилось из моей памяти. Сейчас же, когда вечер начинал брать своё, я расслабился и взял несколько минут на раздумья.

- Ты думаешь, что Кирилл всё-таки хочет меня устранить? - спросил я у Союзника.
- Я это знаю. Он так работает, - уверенно ответил тот. - Да и ты сам вспомни, сколько раз он совершал агрессивные действия в твою сторону. Не мне тебе их описывать...
- Да, да... и без тебя знаю, - в задумчивости ответил я.

После чего опомнился и спросил:

- А ты-то откуда это всё знаешь?
- Скажем так, я с ним был знаком.
- Надо полагать, знакомство было не из приятных? - я даже поднял левую бровь, задавая этот вопрос, как будто это мог кто-то увидеть ещё кроме меня самого, глядящего на своё отражение в окне.
- По разному, - ответил Союзник. - Иногда приятное, иногда не очень. Скажем так, Кирилл — адепт школы конструкторов, и все свои действия совершает в рамках того, что принято у них.

- А ты, стало быть, адепт школы... - тут я потянул время, ожидая, когда Союзник заполнит пропуски.
- Я вне школ, - ответил он. - Я не хочу быть с ними, поэтому и нашёл выход из их системы.

Я только неопределённо дёрнул плечами в ответ. Даже анархист — это человек, который относится к некой социальной группе. Даже отсутствие свойства — есть свойство...

- И что же мне делать с Кириллом? - спросил я Союзника вслух, переводя тему на то, что в тот момент было наиболее важно.
- Ты с ним ничего сделать не сможешь, - ответил тот. - Тебе просто нужно научиться уворачиваться от его ударов, научиться быть гибким и быстрым...
- И ты, конечно же, меня научишь этому... - закончил я за него.
- Нет, конечно! - неожиданно ответил он. - Этому не научить. Хочешь быть быстрым, просто будь им!
- Прекрасно! - вспыхнул я, громко выкрикнув вслух, раскинув руки в сторону.
- Что прекрасно? - неожиданно раздалось за моей спиной.

Я повернулся в кресле и увидел Сергея. Тот стоял с кипой каких-то бумаг и непонимающе глядел на меня.

- Всё прекрасно, - ни на секунду не задумываясь, и не меняя интонацию, ответил я. - Что там у тебя?
- У меня документация по сайту. Дима просил передать. Он уже ушёл, а это у него, как он сказал, было уже давно готово.

Сергей протянул мне бумаги.

Я встал, протянул руки через стол и взял их. Полистал, пробежал глазами по диагонали. На нормальную документацию это не было похоже — скорее на наброски и отписку. Плюс в кипе бумаг были отсканированные старые документы. Явно было видно, что Дима решил что-то наспех слепить, чтобы я подавился.

Я разозлился, кинул кипу на край стола, а сам плюхнулся в кресло.

- Я понял, спасибо, - ответил я Сергею.

Тот осторожно вышел, а я набрал номер мобильного телефона Димы, собираясь высказать ему всё, что думаю о его отписке. Но тот оказался вне зоны действия сети, так что пришлось писать гневное письмо по поводу его отношения к работе. По странному стечению обстоятельств, письмо не захотело отправляться — произошла какая-то ошибка на сервере. Я попытался отправить его с помощью других сервисов, но они все как заворожённые не хотели этого делать. В итоге мне пришлось на всё это плюнуть, написать записку «Надо серьёзно поговорить. Игорь» и положить её на стол Диме.

Спустя полчаса, немного остыв после всего этого, я уже снова сидел развалившись в кресле своего офиса, потягивая виски, Macallan 18.

- То, что ты не думаешь ни о будущем, ни о прошлом — это хорошо, - шептал мне на ухо Союзник, - но надо уметь себя хоть немного сдерживать. Тот огонь, который горит в тебе поможет тебе быстрее двигаться, но не стоит сжигать всё, что

попадаете тебе на пути. Да, Дима тебя подставляет и ведёт себя неправильно. Но не надо на него сразу же срываться. Потерять его сейчас — означает большие проблемы для твоей организации...

Я кивнул.

Он действительно был прав. Линчевать Димку за его детские выходки — та ещё глупость. В вопросе с персоналом надо быть осторожней и относиться к себе и к окружающим внимательней. Поддаваться эмоциям и забывать себя — просто опасно...

Я сделал очередной глоток из бокала и Martel разлился приятным ароматом во рту.

Смена убежища

Рома

– Рома, приди в себя, - тряс меня за плечи Миша.

Линия достаточно быстро выстроилась и обрела чёткость. Я на кухне, стою где-то посередине между столом и плитой, и держу в руках без «хваталок» за горячие металлические ручки кастрюлю с супом. В момент осознания своего положения мои руки непроизвольно разжались и кастрюля с супом переворачиваясь в воздухе устремилась в сторону пола... Но в один момент, где-то посередине, буквально в промежутке, величиной с долю секунды, я почувствовал, что могу потянуть кончиками пальцев за линию как за натянутую леску и предотвратить падение. Движение пальцами в воздухе и кастрюля как марионетка, на верёвочках, поднялась вверх и вместе с супом, притягивающимся к её стенкам в нарушении законов физики, спокойно легла на край стола.

Миша, отскочивший от меня в момент начала полёта кастрюли, теперь стоял, разинув рот и выпучив глаза в паре метров от меня.

– Как ты это сделал?! - удивился он.

– Что я сделал? - попытался я сыграть роль дурака.

– Ну, эту штуку с супом...

– А что не так с супом? - продолжал я.

– Ну, ты вначале долго как в каком-то трансе держал кастрюлю за горячие ручки, потом неожиданно одновременно разжал пальцы обеих рук и пока кастрюля летела, присел, поймал её у самого пола и поставил на стол. И не расплескал, ведь, ничего! Ты этому специально учился?

– Да, Миша, - саркастически ответил я, отметив про себя, что восприятие произошедшего у Миши значительно отличается от того, что было на самом деле. - Цельными днями только и делаю, что отрабатываю умение ловить в воздухе кастрюли.

– Я тоже так хочу, - светясь ответил он.

– Ну, тебе долго придётся тренироваться, - заключил я, после чего разлил половником суп по тарелкам, и мы сели за стол и приступили к обеду, ведя незамысловатую беседу о ловкости и способностях останавливать пули в воздухе...

Около месяца назад мы с Игорем и со своими Кириллами случайно встретились при странных обстоятельствах. Встреча получилась неожиданная и неоднозначная. Кириллы явно знали друг друга, но говорить об этом не хотели, как будто это была для них большая

тема. После этого я продолжил свой перепросмотр и запись эмоций на музыку, и неожиданно для себя отметил, что в моей памяти образы двух Кириллов существовали ровно до момента сбора линии с драконами. После этого они как будто просто покинули мою линию и оставили меня с Игорем наедине. Это вызывало некоторые подозрения...

На середине супа, как раз, когда я подносил ко рту очередную ложку, раздался звонок в дверь. Я искоса посмотрел на Мишу. За всё время моей жизни с ним (а прошло уже почти три месяца) к нам ни разу никто не приходил в гости...

– Ты кого-то ждёшь?

Тот выглядел несколько растерянно.

– Нет, никого.

Я отложил ложку.

– Откроешь, а я посмотрю, кто там, окей?

– Канешн, - ответил Миша и, не теряя времени, встал из-за стола и направился в коридор. Я последовал за ним, зашёл в свою комнату, встал чуть поодаль от двери, ближе к окну, готовый к любому развитию событий.

– Кто там? - Спросил Миша, глядя в глазок, после чего повернулся ко мне и с озорной улыбкой шёпотом отметил: - Там девушка в клёвых шортиках. Говорит к тебе пришла... Спрашивает Романа Юрьевича...

Девушка? Ко мне? Зачем и как она узнала, где я живу?! Не уж то Игорь сдал? Впрочем, нет, конечно. Игорь не сдаст — всё-таки столько лет друг друга знаем...

Хотя я и понимал, что это может быть ловушка, но деваться мне всё равно было некуда — ну, не выпрыгивать же из окна с пятого этажа? Поэтому я кивнул Мише, давая понять, что можно открыть. Тот повозился с замком, снял цепочку и открыл. В квартиру вошла несколько взволнованная, но целеустремлённая девушка с хорошенькой фигуркой и достаточно стандартными, но при этом приятными чертами: кругловатое лицо, полноватые губы, крупноватый нос, карие глаза. Она быстро нашла меня взглядом и, не обращая ни малейшего внимания на Мишу, затараторила:

– Роман Юрьевич, вам надо срочно съезжать с этой квартиры... Ваше месторасположение появилось в открытом доступе, и наши источники говорят о том, что сейчас ФСБ принимает решение о вашем аресте — остались какие-то мелкие формальности. Слава богу, их бюрократия их же и подводит, так как никто не решается взять на себя ответственность за ваш арест — боятся общественного резонанса и осуждения со стороны Запада...

Я еле-еле уместил в своей голове всю эту выплеснутую на меня информацию, и, едва сдерживая смех, подошёл к ней поближе:

– Хорошо, девушка, подождите. Вы вообще кто и откуда взялись? И откуда меня знаете? - с улыбкой спросил я.

Ну, что за бред, на самом деле?! Какое ещё осуждение со стороны Запада?! Что за глупости с общественным мнением? Да кто я такой, чтобы обо мне кто-то беспокоился?!

Миша смотрел на нас по очереди, не понимая, что происходит — по-видимому, двух неожиданных событий за один день для него было многовато...

– Ой, извините, забыла представиться, - продолжила она тараторить. - Меня зовут

Ирина. Я состою в оппозиционной политической организации «.».

- Как-как вы называетесь? - не сдержал своего удивления я.
- Что? - удивился вслед за мной Миша?
- «.» - в растерянности ответила Ира, однако достаточно быстро собралась и заключила: - Но вам обо всём Алексей Алексеевич расскажет. А нам надо срочно уходить.

Буквально на долю секунды я задумался, пытаясь прочитав свои ощущения, и неожиданно явственно почувствовал чуть впереди точку бифуркации, развилку на своём пути. Конечно, каждое мгновение мы выбираем ту или иную линию, каждую секунду принимаем решения, влияющие на «судьбу», именно поэтому мир и состоит из бесконечного числа линий и проекций... но некоторые решения оказываются критичными в дальнейшем движении по линии. И это вот решение показалось мне как раз одним из таких, определяющих.

Девушка, кажется, не шутила, а мне предстояло сделать серьёзный выбор. Про «.» я слышал не самые приятные отзывы. Это была то ли экстремистская, то ли террористическая организация, мотивы которой мне были не до конца ясны. Правда, по телевизору их пару раз мазали самыми чёрными красками и сравнивали с фашистами, что вселяло некоторый оптимизм, потому что в наше время подобная реклама скорее говорит о высоких моральных качествах обмазываемого — я для себя давно уже уяснил, что о настоящем приличном человеке по ящику хорошо не скажут.

- Как вы меня нашли? - решил я выудить из неё дополнительную информацию.
- Очень легко. Мы проверили контакты вашего так называемого друга, Игоря Анатольевича. Пришлось потратить день на составление списка. Потом мы посетили всех его знакомых из списка и попытались выяснить, за кем из них следят спецслужбы. Оказалось, что пасут они только квартиру Михаила Георгиевича. К тому же, вы и сами же из квартиры выходили и заходили несколько раз, так мы вас и нашли.
- Вы за мной следили?
- За вами кто только не следит... Вон, посмотрите, - Ира прошла в комнату и подошла к окну, держась ближе к стене. - Видите вон ту серую приору? Вон там вот?
- Вижу.
- Это ФСБ. Они давно вас нашли, но пока просто не получили команду на арест. Пока что было решено понаблюдать, чтобы выявить сеть ваших криминальных контактов.

Я испугался и прильнул к стене. Машину издали было хорошо видно, но кто-то в ней сидел на месте водителя. Не уж то всё это время за мной наблюдали, а я даже и не замечал?

- У вас и нас мало времени, - продолжала тараторить Ира, - поэтому решайтесь скорее. Надо действовать, здесь и сейчас.

Я взглянул на неё, чтобы ещё раз удостовериться, что это не развод, и недолго думая, кивнул ей в ответ, и сразу же начал собирать свои вещи. Ира прошла к выходу из квартиры и стала терпеливо ждать.

За время жизни у Миши мне довелось приобрести не так много вещей, так что сборы много времени не заняли. Самой ценной, наверно, была тетрадь с именами для перепросмотра. По крайней мере, у меня было явное ощущение того, что двигаться дальше без неё нет никакой возможности, а всё остальное можно легко накопить и достать в любой момент. Я открыл тетрадь и быстро в ней записал: «.» Ира». Затем закрыл и уложил со своими пожитками в небольшой чёрный рюкзачок с тонкими лямками, с выведенной эмблемой «Prodigy» и изображением паука на тыльной стороне. Окинув комнату на прощание беглым взглядом и убедившись в том, что ничего не забыл, я вышел со своими вещами в коридор.

- Ок. Я готов, - решительно ответил я Ире. Она кивнула, и мы уже было собрались выходить, когда из другой комнаты раздались шум и крики:
- Эй, подождите меня, я с вами!

Миша выбежал к нам с наспех собранным рюкзаком за спиной и бас-гитарой в чехле в правой руке.

- Куда тебе?! - с ноткой строгости спросил я. - Лучше не лезь в эти дела.
- Ты не понимаешь, - возразил он. - Она сказала «.» Это знак! Мне в одном сне ослиная голова сказала, что моя жизнь изменится после «.»!
- Ну, раз ослиная голова.., - саркастически отметил я.
- Я должен пойти с вами. К тому же, если нас пасёт ФСБ, то мне несдобровать, если я тут останусь... - уверенно заключил Миша.

Я оценивающе взглянул на него и решил, что от него всё равно не отвязаться.

- Хорошо. Идём. Только зачем тебе басуха?
- Ну, куда же я без неё?! - возмутился он в ответ.

Я ухмыляясь кивнул, и мы втроём пошли на выход.

Искусство сновидения

Игорь

Во вторник, ночью, лёжа в постели в своей комнате, я никак не мог уснуть — слишком сильно был погружен в события с Владимиром Алексеевичем. Всё из головы не выходило то, как бойко он решил обставить финансирование моего проекта. Я заложил в проекте одну цифру, он же запросил в два раза больше и дал мне однозначно понять, что эта половина денег принадлежит ему, нам предстоит эту сумму вывести из компании и перевести на счёт его кипрского офшора. Я, вроде бы, уже даже смирился с таким раскладом, но его наглость засела у меня где-то глубоко в почках и просто так не давала спать. Задевал меня скорее даже не сам факт отката, а то, что надо мной теперь имел власть человек, которому я не очень доверял и который мне не особенно нравился. Кто-то стоял выше меня в карьерной лестнице, от которой я пытался долгое время сбежать. Он теперь мог делать со мной всё, что ему заблагорассудится. Возможно, Кирилл смог бы помочь с этой ситуацией, но можно ли ему доверять после всего того, что произошло в последнее время? Лучше уж я спрошу о помощи своего Союзника — он-то не бросит...

- Хей, - шёпотом, сдавленным голосом проговорил я своему Союзнику лёжа на спине с открытыми глазами, уставившись в потолок.
- О! Обмотать мой лысый череп! Какие люди! - тотчас отозвался он. - Как твои

«ничего»?

- Никак, - обрезал я. - Мне нужен совет.
- У меня?! - удивлённо спросил голос в моей голове. - Ты случаем не заболел?!

Я пропустил его комментарий мимо ушей.

- Мне не нравится, что мной управляют. Я пытался всё время уйти от этого, а теперь опять оказался в номенклатурных тисках. Я хочу быть независимым!
- Ого! - удивлённо произнёс он. - Какой ты неожиданный сегодня! И что же тебя привело к столь странной идее?
- Наверно, Владимир Алексеевич, - начал исповедоваться я. - Мне не нравится, что он стоит надо мной...
- Подожди секундочку, - уточнил Союзник. - Просто, чтобы удостовериться, что мы с тобой на одной волне. Ты же понимаешь, что в жизни всегда есть кто-то выше? Даже над царём горы есть небо...
- Да понимаю, конечно, - кисло проговорил я. - И чего?
- Как же так?! Дело же в том, - занудно начал объяснять Союзник, - что следуя прочерченному Кириллом пути, ты никогда не будешь независимым и истинно свободным. Сейчас, работая в «.», над тобой располагается толстая задница Владимира Алексеевича. Если ты избавишься от него или, не дай бог, займёшь его место, то единственное, что изменится — это форма задницы висящей над тобой, сама задница никуда не исчезнет. Нельзя быть свободным в клетке...
- В принципе, ты ничего нового мне не говоришь, - со скепсисом возразил я.
- А никто никогда ничего нового и не говорит! - возразил Союзник. - Всё, что могло быть, уже было сказано в Древней Греции. Единственное, что мы можем делать — это нести чушь. Просто иногда наше внимание передвигается с одной банальной чуши на другую, более актуальную, чушь.
- Короче, - начал злиться я. - Ты мне можешь помочь или нет?
- В принципе, да, я как раз пришёл к тебе, чтобы помочь. Однако мне хотелось бы, чтобы ты осознал, что находишься в тупике, и выход тут может быть один — покинуть карьерную лестницу.
- Бла-бла-бла, - прокомментировал я. - Что мне делать с этим номенклатурщиком?

Союзник вздохнул. Мне даже показалось, что он покачал головой... Впрочем, как мог покачать головой голос в моей голове?!

- Ладно. Есть одна методика. Но тебе нужно научиться хорошо управлять своими сновидениями.
- Зачем?
- Ты слишком фиксирован на себе, слишком логичен и не принимаешь отступления от своей родной линии. Шаг влево, шаг вправо — расстрел...
- Кажется, Кирилл наоборот говорил, что я быстро собираю чужие линии, но тяжело на них держусь. Он говорил, что мне надо придать устойчивости...
- Кирилл тебя учит тому, как стоять на лестнице и передвигать ноги. И вообще, я

тебе уже ни раз говорил, что он хочет тебя убить...

Я презрительно хмыкнул и постарался скрыть, что от этой мысли у меня побежали мурашки по коже — я ощущал, что Союзник прав в этом вопросе, но мне пока всё ещё не хотелось принимать эту идею.

- Ага, - как будто прочитал мои мысли голос в моей голове. - Так вот, тебе нужно привести больше хаоса в жизнь, а для этого надо расшевелиться. Не прибегая к психотропным средствам, ты можешь обратиться к сновидениям...
- Почему бы не прибегнуть к психотропным средствам? - в полушутку спросил я.
- Ты действительно хочешь, чтобы я тебе сейчас, в час ночи, прочитал громадную лекцию о вреде зависимости воина от какой бы то ни было химии?
- Не надо мне читать о «вреде наркотиков».
- Да нет же, речь не о «вреде наркотиков», а о том, что полагаться надо только на свои силы...
- Ладно-ладно. Продано, - недовольно прервал я. - Что там со сновидениями? Что надо делать?
- Прекрасный выбор, - расплылся в улыбке Союзник. - С осознанными сновидениями ты уже знаком, поэтому примерно даже знаешь, что делать и как. Я тебе покажу одну технику, которая тебе поможет на первых этапах. Только не забывай, кто ты на самом деле и где... Засыпай. Встретимся во сне...

Как загипнотизированный, сразу же после этих слов я провалился в сон.

Затем практически сразу после этого зазвенел будильник, я открыл глаза и пошёл умываться.

Сон проскочил меня галопом, оставив усталым и разбитым, и даже не запомнился...

Вороны

Игорь

Когда я чистил зубы, лениво глядя в зеркало в 8 утра с полузакрытыми глазами, произошло что-то очень странное. В момент, когда я перевёл взгляд на отражение стены, по ней снизу вверх прополз здоровенный сиреневый таракан, сантиметров в двадцать длиной. Зрелище это меня жутко напугало.

- Хей! - проговорил низким басом таракан, глядя на меня.

Я резко оглянулся, не выпуская щётку изо рта, прижимаясь к раковине, но на стене ничего уже не было. Показалось, наверно.

Я стряхнул это видение со своих волос, прополоскал рот, вытерся полотенцем и направился на кухню. Там меня ждал ещё один, не менее шокирующий сюрприз — по среди стола лежала громадная розовая змея и улыбалась мне во весь рот.

- Пррривет, зайчик! - прокартавила она, не поднимая головы.
- Что за чёрт?! - выругался я вслух.
- Чувствуй себя как дома. Завтрак на плите.

Я быстро взглянул на плиту, на ней лежала громадная нечищенная морковь, наверно

метр в длину и килограмм двадцать на вес. Перепугался я ни на шутку, но виду не показал. Только развернулся осторожно и ушёл с кухни.

– Хей! - прошептал я Союзнику, идя к себе в комнату. - Ты здесь?

Но тот почему-то не отвечал. Как будто бросил меня, сволочь!

В комнате я начал натягивать на себя брюки, но, когда застёгивал ширинку, они зашевелились и стали менять цвет с чёрного на жёлтые.

«Ку» - раздалось откуда-то сзади и сверху. Волосы зашевелились от страха. Я оглянулся и увидел маленького толстого человечка в оборванных шмотках, стоящего на потолке на согнутых ногах, с вытянутыми в стороны руками.

Я, забыв о штанах, отскочил в сторону. Затем торопливо схватил рубашку и, напяливая на себя, перешагивая через какие-то голубые брёвна и красные степлеры, разбросанные по полу, выскочил из комнаты. В коридоре я прям-таки вскочил в кроссовки, которые сами же на мне завязались, открыл дверь и выбежал на улицу.

Что-то явно произошло. То ли со мной, то ли с миром — было не разобрать, да и ненужно было. Надо было искать выход из всей этой сумасшедшей ситуации и как-то спастись, а не рефлексировать...

На улице был собачий холод, шёл снег крупными хлопьями, хотя ещё ночью, вроде бы, был август... Температура не могла так резко измениться за столь короткий промежуток времени. В небе среди домов парил громадный чёрный ворон. Он посмотрел на меня, и мне стало ясно, что я ему явно не понравился. Тот ринулся на меня камнем, а я в панике метнулся в сторону своей машины, которая была припаркована у дома. Открыл дверь, заскочил внутрь и молниеносно захлопнул её.

– Вот так всегда, - хмурым голосом проговорил сидящий на сидении пассажира рядом со мной Владимир Алексеевич.

– В смысле? - не понял я.

И как он тут оказался?!

Я выглянул в окно. Ворон сделал пару кругов и уже приземлился, метрах в пятнадцати от машины, и теперь медленно, вразвалочку, шёл в нашу сторону. Он был какого-то невероятного размера — величиной, наверно, с маршрутку.

– Ворон - это символ смерти, ты знаешь? - грустно спросил Владимир Алексеевич, глядя на меня не моргая.

Я в недоумении посмотрел на него и закивал, пытаюсь нащупать ключи от машины в замке правой рукой. Их там не было, впрочем как и замка зажигания. Наверно, я забыл их все дома между змеей и серым январём.

Ворон подошёл в плотную к машине и теперь заглядывал внутрь, но никаких действий пока не предпринимал, как будто анализировал происходящее. Зрачок его был размером с мою голову, не меньше, и вселял жуткий страх, которому я старался не поддаваться. Смерть была рядом, и я её чувствовал.

– Вон, - кивнул в какую-то другую сторону Владимир Алексеевич, как будто даже не заметив ворона.

Я посмотрел. Там в песочнице, не обращая ни малейшего внимания на снег и холод, совочком в песке копался маленький мальчик в летних шортиках и маячке. Он отдалённо некоторыми чертами лица напоминал Владимира Алексеевича.

– Сижу, копаюсь, - рассказывал тот. - И тут...

В песочницу откуда-то сверху свалился маленький только оперившийся воронёнок, чем вызвал искреннее удивление и восхищение со стороны мальчика.

– Падает этот... - с грустью продолжал комментировать Владимир Алексеевич.

Маленький мальчик потянул руки к воронёнку. Тот громко истошно закаркал и попытался отскочить в сторону. Но мальчик быстрее и настойчивей, а воронёнок, хоть и попытался расправить крылья, но явно ещё летать не умел.

– Маленький же ещё. Всё же интересно... А этот... - продолжал сбивчиво Владимир Алексеевич.

Воронёнок закаркал ещё истеричней, а руки мальчика наконец схватили его. Большой ворон у нашей машины встрепенулся, грозно посмотрел на мальчика, заорал так, что стёкла машины завибрировали и взвился куда-то вверх.

И тут как будто земля перевернулась, небо задрожало и сверху на мальчика из пустоты посыпались взрослые вороны. Они бросались на него камнями, пытались заклевать, громко каркали. Он упал на песок, закрылся руками и стал плакать.

Я, поддаваясь инстинкту, ни на секунду не раздумывая и напрочь позабыв о страхе, распахнул дверь и бросился к мальчику, отгоняя яростными громкими воплями ворон. Те же к моему удивлению очень легко испугались и разлетелись. Я подбежал к мальчику, обнял его и начал успокаивать.

– Всё хорошо, всё прошло.

Тот первое время плакал и дрожал в моих руках, но затем потихоньку стал успокаиваться. Наконец, спустя пол минуты, он и вовсе перестал плакать, немного отстранился, поднял лицо и посмотрел мне в глаза. Оказалось, что я обнимаю и успокаиваю толстую тушу взрослого, плачущего Владимира Алексеевича в сером костюме.

– Спасибо. - проникновенно проговорил он, нежась в моих объятиях.

Я, опешив, убрал руки. Мир завибрировал и поплыл. Владимир Алексеевич спокойно умиротворённо улыбался и, казалось, только его улыбка и осталась ничем нетронутой — всё остальное расплылось и исчезло.

Будь со мной

Дима, Дагни

– Кажется, ты была права... Такое ощущение, будто я перестал быть частью команды. Он ведёт себя так, будто «.» - это он сам, а нас не существует. До этого я ещё плевал на его начальственный тон по отношению к себе, но сейчас Игорь просто перешёл черту. Он делает с нашим детищем всё, что хочет, а меня просто выкинул из процесса, - жалуюсь я Дагни.

– Димочка, но, ведь, «.» - это на самом деле не твоё детище. Оно тебе не принадлежит и даже тебе не интересно. Ты же занимаешься им только ради денег, - легко возражает она.

Но я не хочу соглашаться.

– Да нет же! Я к проекту всегда относился с трепетом, по-отечески. Я же с самого

начала здесь...

- Ну, и что? - не даёт договорить она. - Деньги не твои, собственность не твоя. Все юридические вопросы решает Игорь, и решил он их достаточно однозначно и просто. Компания его. Да даже идея проекта изначально его.
- Но силы-то я вложил свои собственные, настоящие. Все эти бессонные ночи с проектировкой, Адам и Элла опять же...

Мы сидим на скамейке в Летнем саду. Я эмоционально рассказываю о прошедшем дне, а она заботливо и спокойно выслушивает.

- Что за Элла? - спрашивает Дагни.
- С самого начала Игорь говорил о том, что хочет абсолютно независимую систему. Мы обсуждали, как можно её сделать такой, и единственный вариант, который я нашёл — это разработать искусственный интеллект, который бы занимался безопасностью центральной части сайта.
- Разве такое возможно? - удивляется Дагни. - Как может робот управлять интернет-ресурсом.
- Конечно, возможно. Главная сложность — в том, чтобы Элла осталась узко-специализированным искусственным интеллектом и не стала высокоразвитой машиной с единственной целью — защитить сайт любыми средствами... Но, мне кажется, что я близок к решению этой проблемы.

Дагни молча кивает, делая вид, что понимает, о чём я.

- Я столько сил потратил на неё, пытался Игорю показать, а он даже ничего не хочет о ней слышать... Мне кажется, что он боится потерять контроль над сайтом из-за Адама и Эллы, поэтому и не хочет ничего слышать о них.
- Мне кажется, - неожиданно подытоживает Дагни, - что ты забываешь один важный элемент. Как бы ты не вкладывался в этих своих Адама и Эллу, работая на «.», ты просто обменивал свой труд на деньги Игоря, разве не так?
- Но я же ещё вложил туда свои эмоции... - пытаюсь сопротивляться я.
- То, что ты привязался к проекту — это уже скорее твоя проблема, нежели твоя инвестиция. Ты всё это время работал на дядю, просто этим дядей был твой друг.

Я уныло опускаю взгляд в землю.

- Не привязывайся к тому, что тебе не принадлежит, - подытоживает Дагни и берёт мою руку.

Я смотрю на неё и мне становится немного легче.

- А ты мне принадлежишь?
- Нет, конечно! - вспыхивает она и отнимает руку. - Я никому не принадлежу!
- То есть к тебе мне тоже не стоит привязываться? - сверлю её взглядом.
- Назови мне хотя бы одну вещь или одно существо, которое тебе действительно, по настоящему, принадлежит, и я тебе разрешу к нему привязываться. А ко мне — не стоит!

Я грустнею. Казалось бы, мы уже с ней через это проходили и ни раз, но каждый раз

Дагни удаётся меня выбить из колеи подобными фразами.

Сижу молча и гляжу в пол.

- Не понимаю, чего ты расстраиваешься, - удивляется Дагни и кладёт свою руку мне на плечо. - Ты хочешь владеть мною, но это невозможно в принципе! Точно так же, как и я не могу владеть тобою. Даже рабы на самом деле не принадлежат своим хозяевам.

Я тяжело вздыхаю.

- Просто мне хочется, чтобы мы были с тобой всегда вместе, хочу, чтобы ты была частью моей жизни, но ты постоянно сопротивляешься и отталкиваешь меня.

Теперь уже Дагни тяжело вздыхает и молчит. Но по прошествии нескольких секунд она находит, что сказать:

- Димочка, «всегда» - слишком большое и невозможное слово.
- То есть ты допускаешь, что мы расстанемся? - спрашиваю я, а сам пытаюсь по её глазам что-нибудь прочитывать. Но там, как всегда, туманно.
- Я знаю, что мы расстанемся, - изрекает она как режет ножом по сердцу. После чего с более мягкой интонацией продолжает:
- Я не знаю, как и когда, я совершенно не хочу этого, но этот момент когда-то настанет, и это глупо отрицать, - а затем несколько неуверенно добавляет:
- В конце концов, всё, что рождается, должно умереть.

Я с грустью в голосе спрашиваю:

- Разве я не могу принадлежать тебе, а ты не можешь принадлежать мне хотя бы до этого момента?

Она же в ответ только хмыкает и целует меня в губы.

- Глупыш! Ты слишком много думаешь вместо того, чтобы наслаждаться текущим моментом. Просто будь со мной.

Хитрые манипуляции

Игорь

Я вскочил в своей кровати с широко открытыми глазами. Пощупал себя, посмотрел на руки, поморгал. Встал с кровати, осмотрел комнату. Всё, вроде бы, так же, как всегда.

Осторожно, стараясь не шуметь, приоткрыл дверь и посмотрел через получившуюся щель. Всё чисто и спокойно.

Более смело открыл дверь и на цыпочках прокрался на кухню, боясь обнаружить там змею на столе. Но нет, никого, вроде бы, не было.

Зашёл в ванную комнату и посмотрел на своё отражение в зеркале. Выглядел я жутко измотанным и уставшим, как будто и не спал вовсе, а всё это время жёстко пил. Почистил зубы и пошёл на кухню делать завтрак. Поставил подогреваться молоко в СВЧ, когда обратил внимание на время. Было всего лишь 4 утра, хотя на улице было светло на все восемь.

- Хей? - решил я позвать Союзника.

- Дурик, ты чего не спишь в это время? - сразу же отозвался он.
- Да вот... не спится что-то, - съязвил я.
- А ты себя заставляй.
- Что это было? - пропустил я его шутку мимо ушей.
- В каком смысле? - удивился он. - Я же тебе уже всё рассказал и показал.
- Когда это? - не понял я и направился назад в свою комнату.

Удивительно, но пока я шёл к себе, за окном установилась привычная для 4-х утра Питерского августа темнота.

- В самом начале. Разве ты не помнишь? «Не забывай, кто ты и где находишься. То сновидение, в которое ты сейчас отправляешься не принадлежит тебе...»
- Не помню, - поморщился я и уселся в кресло.
- Плохо. Надо лучше себя помнить. Потому что после этого ты очень просто и легко сделал нужный скачок. Прямо, с первого раза удалось сделать всё, как надо.
- Так что же я сделал?
- Эх, - вздохнул Союзник. - Вот этого мне тебе рассказывать не хотелось бы, да и не буду я. Тебе самому надо вспомнить.
- Блин! - выругался я. - Тоже мне «Союзник». Ну и иди ты в жопу!

Я заткнул его, обиженно завалился в кровать и практически сразу же провалился в чёрный плотный сон.

Утром я проснулся на пять минут раньше будильника, полный сил и энергии. Казалось, события ночи не оказали на меня никакого влияния, а трёх часовой сон восстановил меня на все 146%.

Утро прошло как всегда: умылся, позавтракал, потолкался в пробке на работу. Ночные события, казалось и вовсе не происходили — настолько всё было привычно. В офисе, однако, меня ждал сюрприз. Софья встретила меня сообщением о том, что меня срочно хочет видеть Владимир Алексеевич. У него якобы есть какая-то новая информация, касающаяся нашего тендера.

- И когда же он меня хочет видеть? - недовольно спросил я, уже ожидая подвоха.
- Прямо сейчас — было бы идеально, но он готов подождать, - с кислой миной проговорила она.
- Прямо сейчас?! Да до его комитета ехать по пробкам минимум минут сорок...
- Поэтому вам надо уже выезжать, - подтвердила Софья.
- Что за чёрт! А как же работа?! Он считает, что мне работать совсем ненадо??!
- Всё, что касается документов, я возьму на себя, - по-деловому заявила Софья, - а остальное может подождать.

Я вздохнул. Делать было нечего. Измерив свой кабинет взглядом, желая зацепиться хоть за какую-нибудь причину, позволившую бы мне остаться, и ничего не найдя, я закрыл дверь и пошёл вниз, к своей машине.

По дороге к Владимиру Алексеевичу, в пробках, я думал о том, какова же может быть

причина моего вызова, и может ли она быть связана с моими странными сновидениями. В памяти всплывал эпизод с воронами и умиротворённым лицом Владимира Алексеевича. Весь эпизод представал передо мной чётко и ясно. Так же ясно вспоминались события до этого эпизода в моей квартире, но что же было до них, до того как я проснулся во сне, вспомнить не получалось, хотя было устойчивое ощущение того, что в этом выпавшем кусочке было что-то важное...

- Хей, - сдержанно позвал я Союзника.
- Ого! То есть теперь вместо «иди ты в жопу», «хей»?! - с претензией отозвался он. - Ты уж определись!
- Да ты тоже хорош, - перебил я. - Ты же мне должен помогать... Сам же говорил. Так чего не помогаешь?!
- Потому что ты — вспыльчивый осёл! - воскликнул тот. - Спичку поднеси — та сама загорится.
- Так! Хватит болтать, давай помогай! - рявкнул я.

Союзник замолчал.

- Хей? - спросил я.
- Да, - отозвался он. - Чёрт с тобой! Вспомни, мои последние слова ночью.
- «Не забывай, кто ты и где находишься»? - нехотя процитировал я.
- Да, - подтвердил он. - А дальше?
- А дальше..., - я хотел было всплыть и бросить: «А дальше я ни черта не помню», но то ли свежий загазованный воздух так на меня повлиял, то ли просто время суток оказало своё влияние, неожиданно эпизод сам собой всплыл из глубины...

Чёрный фон, ни капли света. Но вокруг меня ощущается какое-то замкнутое пространство. Я вишу в воздухе. Дышать не получается, но, кажется, и не нужно. Перед моими глазами появляется сиреневый, излучающий слабый свет, пузырьрик.

- Привет! - отдаётся он голосом Союзника в моей голове, еле заметно вибрируя и сверкая.
- Где я? - думаю я, но ни звука издать не могу.
- Ты в «чёрном мире». Кастанеду не читал?
- Нет.
- Ну, и хорошо. Всё равно там всё переверли... «Чёрный мир» — это один из миров алмазного круга. Здесь нет никаких проекций. Только тьма и остатки случайно забредших кусочков сознания.
- Это как?
- Это просто. Иногда в моменты угрозы жизни существо может бессознательно выскочить за рамки стандартных кругов. Тогда, проследовав по одному очень тонкому и витиеватому пути, оно может случайно оказаться в «чёрном мире». Только конструкторы и более сильные существа могут перемещаться сюда и отсюда осознанно...

- Это твой дом? - пришло мне в голову.
- Я выбрал это место своим домом на некоторое время, да.
- Зачем?
- Тут безопасно и спокойно. К тому же, тут есть энергия, оставленная этими забредшими кусочками сознания. Вот, например.

Я вспомнил, что вокруг меня летали небольшие разноцветные пузырьки. Союзник вытянулся, приняв форму эллипса, и проглотил один из пузырьков.

- М... - протянул он с наслаждением. - Со вкусом Егора...
- Ты ешь чужое сознание?! - удивился я.
- Я поглощаю чужую энергию. Попробуй.

Морщась (мне хотелось, чтобы я морщился, но вряд ли у меня это получилось ввиду моей бесформенности), я неуверенно проглотил один из шариков. Мгновенно в мою голову ринулись воспоминания, съеденного мною сознания. Прямо перед столкновением с автомобилем, девушка от испуга переместилась в «чёрный мир». Вместе с её энергией я проглотил и её панический страх столкновения, а потом — и смятение от пребывания в этом мире.

- Какая гадость! - с омерзением воскликнул я.

Пережитых эмоций хватило для того, чтобы отбить желание глотать такую дрянь до конца жизни... По крайней мере, мне так на тот момент показалось.

- Зато теперь у тебя больше энергии... И дорогу ты сюда знаешь, так что всегда сумеешь вернуться...
- Зачем мне эта хрень? - не понимал я. - Да и вообще зачем я здесь?!
- Тебе нужна энергия, чтобы совершать всякие нестандартные вещи. Сейчас, например, тебе она нужна для того, чтобы перенестись в чужое сновидение.
- Какое сознание?! О чём ты говоришь??!
- Тебя беспокоит Коварин? - невозмутимо проговорил Союзник. - Так переместись к нему в сон и реши свою проблему через его подсознание...

Я очнулся. Со всех сторон бибикали. Слева от меня подъехал лысый мужик на чёрной Волге, опустил стекло и прорычал:

- Уйди на хрен с дороги, мудака!

Я показал ему на автомате средний палец, но тот ответить уже не смог, так как вынужден был ретироваться из-за плотного потока. Только ругнулся в мою сторону и поехал дальше.

Кажется, я простоял бездвижно по среди дороги несколько минут. Теперь же я пришёл в себя и, наконец, поехал дальше, на встречу, но уже в приподнятом настроении.

В дороге я провёл около часа и, когда явился к Владимиру Алексеевичу, у того уже были посетители. Секретарша, завидев меня, вскочила и принялась обхаживать:

- Игорь Анатольевич! Здравствуйте! Владимир Алексеевич скоро освободится. Он

очень вас ждал. А пока не хотите ли кофе или чаю?

- Эспрессо есть? - грубовато ответил я. Она никогда до этого так вокруг меня не скакала.
- Да, конечно. Сейчас, - протрещала практически боголепно она и убежала заваривать кофе.

Я сел в кресло и стал ждать. Ощущения были почему-то такие, будто у меня на руках все козыри, и я могу расслабиться и позволить другим унижаться передо мной.

Секретарша прискакала с кофе, налитом в тонкий фарфоровый сервиз Императорского завода, протянула мне и ещё поинтересовалась:

- Не желаете ли почитать чего-нибудь? У нас есть подборка свежих газет и журналов.

Я не желал.

Слава богу, ждать пришлось не долго. Я даже не успел допить кофе, когда дверь открылась и оттуда вышел полноватый, весь вспотевший мужчина. Со страхом в глазах он поглядел на меня, потом — на секретаршу, сказал ей: «До свидания», на что та только еле заметно кивнула, и пошёл прочь.

- Игорь Анатольевич, Вы можете пройти, - сказала она так, что заглавная буква в «Вы» даже почувствовалась. Какая честь!

Несколько вальяжно и самоуверенно я поднялся с кресла и прошёл...

- Привет, Игорь, - поприветствовал меня в кабинете Владимир Алексеевич и даже встал, подошёл и пожал руку, что совершенно не было для него характерно.
- Здравствуйте, - добродушно ответил я, сам же внутри напрягся, пытаюсь разобрать его новую игру.
- Ну, как там у тебя дела? - он прошёл к своему месту и плюхнулся в кресло. Я сел в кресло напротив.
- Работаем... Не покладая рук, причём. Запара сплошная, нервогрёпка, и времени не хватает..., - хитро взглянул я на него.

Владимир Алексеевич на это поморщился и вздохнул.

- Всё суета, Игорь. Ты понимаешь? Мы тут крутимся, бегаем без устали, работаем, а чёрный ворон нас всё равно в какой-нибудь из дней возьмёт под своё крыло.

Он посмотрел на меня вопросительно.

- Ты понимаешь, о чём я? Знаешь, что символизирует чёрный ворон?
- Конечно, - нагло бросил я. - Только к чему это всё? Вы хотите пофилософствовать, и вам нужен слушатель?
- Конечно, нужен... только нормальных собеседников: один — два, да обчёлся...
- Может быть, ради этого, надо было позвать вашу секретаршу, а не тащить меня с другого конца города? - со слабой злостью заметил я.
- Секретарша - это секретарша. Её удел — кофе варить, да минет делать. Нормально поговорить с ней нельзя по определению.

- Возможно, это зависит от самой секретарши? - заметил я.
- Возможно, но это неважно, - раздражился Владимир Алексеевич. - Я не о том. Что ты так суетишься?! Всё переживаешь за своё время, весь в работе, в своих проблемах... Всё время в бегах, и просто забываешь о том, что ты живёшь, о том, что ты всё ещё жив. А придёт чёрный ворон в один из этих дней, придёт неожиданно, и всё. Жизнь закончена. А что ты сделал за это время? Только деньги да болячки заработал.

Владимир Алексеевич говорил с пафосом, при этом ничего нового из его слов я не почерпнул. До всего этого я дошёл сам уже достаточно давно.

- Вот ты, наверно, думаешь о том, что всё это банальщина, - неожиданно заговорил он. - Но в банальных вещах обычно всё самое ценное и скрывается. Люди отмахиваются от этого, считая, что всё уже и так знают, но при этом ничего не делают для того, чтобы хоть как-то учесть эту банальщину.

Я хмыкнул.

- Вот, например, банальная фраза: человек смертен, причём внезапно, - на последнем словосочетании Владимир Алексеевич важно поднял указательный палец правой руки, как бы обращая моё внимание на сказанное. - Банально?
- Банально, - подтвердил я.
- Но ценность фразы от этого не уменьшается. А что ты для себя почерпнул из этой фразы? - он явно хотел меня как-то озадачить и подловить, однако я не был настроен на это.
- То, что мне не стоит попусту тратить своё время на трёп ни о чём, - сказал как отрезал в ответ я.

Владимир Алексеевич явно стал злиться...

- Почему пустой? Ну, почему ты не можешь хоть на секунду оторваться от своих проблем и нормально по-человечески поговорить?
- Может, у меня нет на это ни времени, ни денег? - спросил я, пытаюсь уловить его настроение.
- Деньги?! Если тебе нужны деньги, я дам их тебе! - пафосно заявил он. - Только остановись и задумайся...

Весь его дешёвый трёп был скорее рассчитан на обделавшегося от страха первоклашку. Я же уже в этой школе заканчивал старшие классы...

- Договорились, - поймал его я. - 50% от того, что вы взяли себе с проекта... А то трепаться каждый горазд, говорить о банальщине - тоже, а на реальные действия способны лишь единицы...

В этот момент в голове у меня всплыл эпизод с воронами, клюющими мальчика в песочнице, и человеком, готовым броситься на помощь. Откуда-то сверху раздался шёпот Союзника: «да, помоги ему», - и человек побежал к мальчику.

Владимир Алексеевич неожиданно замолчал, посмотрел с ноткой страха по сторонам, после чего пустым безучастным голосом изрёк:

- Игорёк, ты что-то путаешь. Я себе ничего не брал. Но если бы у меня что-то было... - тут он замялся, встал с кресла, прошёл к окну, как будто в некотором

забытии, после чего уселся назад в кресло и изрёк: - Да.

- Что «да»? - уточнил я.
- Я тебе помогу. 50% твои.

В воздухе повисла пауза.

- Только это будет плата за то время, которое ты будешь уделять на общение со мной. Каждую неделю, каждую пятницу, в конце дня, ты будешь приезжать ко мне и докладывать о том, что происходит в организации и выслушивать мои рекомендации.

Так легко такие суммы денег мне ещё никогда не доставались...

Подполье

Рома

Мы оставили мобильные телефоны дома, следуя просьбе Иры, и спустившись вниз по лестнице, вышли из дома. У подъезда, нас ждала машина с символикой компании «Газелкин» и выведенным на боках брутальным слоганом, всегда вызывавшим у меня улыбку: «Проблемы грузов — к Газелкину в кузов». Неясно, выступала ли эта компания официальным прикрытием этих ребят или была просто нанята для перевозки, но мы направились именно к этой машине. Шофёр, сидевший за рулём на изготовке, окинул взглядом нас с Мишей и возмутился через своё окно:

- Ты говорила только об одном!
- Планы поменялись, - тоном, не подразумевающим никаких возражений, ответила Ира и направилась к задней двери машины, открыла её и предложила мне зайти.

Мы с Мишей, неуверенно подошли к задней двери и заглянули внутрь. К нашему удивлению салон внутри Газели выглядел совсем не так, как обычно выглядят подобные — он был весь обит синим бархатом, слева и справа, у боковых стен, стояли два мягких чёрных кожаных кресла, между ними располагался небольшой прямоугольный стеклянный столик. Потолок в салоне был невысокий, но при этом такой, что можно было спокойно сидеть, не сгибаясь в три погибели. Окон, естественно, никаких не было — только задвижка между салоном и отделением водителя, которую, по-видимому, можно было открыть для того, чтобы дать какие-нибудь указания.

- Вау! Вот это круть! - Восхитился Миша.
- Ага, - подтвердила Ира. - Только ты едешь впереди, рядом с водителем. А тут - мы с Романом Юрьевичем.
- Ну, вот, так всегда! - дав своё расстройство, попытался шутливым тоном ответить Миша.

Я помог сесть Ире, потом влез в салон сам.

- Ну, чего ждёшь? - спросила Ира Мишу. - Иди, усаживайся, мы отправляемся, - и закрыла дверь.

Мы оказались вдвоём в тёмном салоне с белой неоновой подсветкой по периметру потолка и зеленоватой подсветкой столика. Несмотря на то, что весь салон был изолирован, душно не было — по-видимому, где-то неслышно работал кондиционер, поддерживавший температуру на комфортном уровне.

- Не ожидали такого?

Я задумчиво покачал головой. Послышался звук хлопающей двери рядом с водителем (это сел Миша) и заходящего двигателя. Мы тронулись. Машина на удивление шла очень тихо и ровно - так, как обычные Газели никогда не ездят. Так скорее ездят лимузины...

- Что это за машина чудная такая? - поинтересовался я.
- Это для прикрытия. Её в своё время Алексей Алексеич организовал, - ответила Ира и достала откуда-то слева от себя бутылку Кавы и два бокала, я даже не заметил, как и когда это произошло.
- Алексей Алексеич? - поморщился я.
- Ага, - продолжила она, ловко открыв пробку и разливая по бокалам. - Он наш лидер.
- У вас секта что ли?
- Нет, что вы, Роман Юрьевич! - засмеялась она. - Какая секта?! У нас подпольная организация. Мы пытались действовать официально, зарегистрировать свою партию, но рыбинская система нас выдавила в подполье. Ну, да вы, наверно, и сами в новостях видели. Теперь мы фашисты и экстремисты...

Ира протянула мне мой бокал.

- За что пьём? - спросил я.
- За свободу.

Я хмыкнул, но чокнулся. Шампанское было сухим и кисловатым. Я такое никогда не любил, но, тем не менее, выпил, не подав виду.

- Ок, - заключил я после пары глотков. - А теперь расскажите, что происходит и зачем я вам.
- Всё очень просто, - затараторила Ира, ставя бокал на край стола. - Ваши идеи о свободе вдохновили и сплотили многих людей. И мы не уверены, что, если вы попадёте в руки рыбинской системы, то ваши идеи останутся нетронутыми, и вы останетесь верным им.
- Подождите, - с наигранным недопониманием перебил я. - Почему вы всё время говорите: «Рыбинская система»? При чём здесь Рыбин? Современная политическая система не им была заложена, а ещё Лениным... Рыбин ничего со сложившейся за эти годы, эволюционировавшей, номенклатурой не сделал. Он только чётче указал права и обязанности номенклатурщиков...

Ира смотрела на меня стеклянными глазами, по которым было видно, что всё, что я только что сказал, отразилось от неё как свет от зеркала, а внутрь ни пучка не попало. Отточенными чужими фразами, положенными ей в голову кем-то посторонним, она ответила:

- Рыбин создал воровскую систему власти, в которой каждый ворует, и может воровать, сколько ему влезет, до тех пор, пока делится с другими.

Я изучающе посмотрел на неё и попытался забросить удочку:

- И что же вы предлагаете сделать для решения проблемы? Повесить Рыбина на

столбе?

С небольшой улыбкой, но на полном серьёзе, Ира клянула:

– Это могло бы решить проблему...

Я ужаснулся, но попытался отшутиться:

– То есть вы хотите сказать, что «Рыбин очень плохой»?

– Ну, Роман Юрьевич, как вы не понимаете?! Рыбин же создал эту систему... - начала было она.

– Ок, - перебил её я, поняв, что это кто-то другой говорит из её головы, и продолжать эту тему бесполезно. - Я понял вашу позицию. Едем дальше. Какое я имею отношение ко всему этому? Я, вроде бы, никогда не призывал к свержению власти, физической расправе или смене политического режима...

– В вашей статье, произведшей фурор, - с проникновением и безмерным уважением начала отвечать Ира, - были идеи о свободе, о том, что каждый человек свободен по своей натуре и просто так обязан добиваться своей свободы, отвоёвывая её от захватчиков, используя любые средства...

Я поморщился. Мне не понравилась такая вольная интерпретация моих идей.

– А вам не кажется, что вы вульгарно поняли содержание статьи? - Начал с пылом защищаться я. - Человеку действительно дана свобода, и стать свободным может каждый, кто сумеет освободить своего внутреннего раба... Однако я нигде не говорил о том, что свободу нужно отвоёвывать, что её надо добиваться любыми средствами. Я вообще против насилия и того, чтобы что-то решать за других. Каждый волен выбирать себе, что хочет, и даже решение не выбирать — это тоже выбор человека... Нельзя никого заставить стать свободным. Решение принимает всегда только сам человек...

– Ну, уж не знаю, что вы хотели сказать в статье, но все поняли вас именно так. А вы сами нам интересны именно в роли идейного вдохновителя, - уверенно ответила Ира.

Мы замолчали.

На меня напала небольшая паника: не уж то мои читатели увидели только эту, внешнюю сторону моей статьи? А как же линии? Как же собственное восприятие?! Может быть, кто-то осознанно так интерпретировал мою статью, кто-то специально её пропиарил именно в этом ключе? Или, может, именно эту сторону люди уже давно хотели увидеть, а я просто дал повод? Я погрузился в себя, обдумывая, что же ещё можно было трактовать иначе, и к каким последствиям это всё может привести. Ира же сидела, потягивая шампанское, с любопытством разглядывая меня. Вдруг, она звонко рассмеялась и слегка подтолкнула мою коленку свободной рукой.

– Да ладно вам, Роман Юрьевич! Чего вы так почернели как грозная туча? Вы же людей вдохновляете! Благодаря вам многие начинают задумываться о своём месте в мире, о себе и своей свободе...

Я в ответ коротко улыбнулся губами. Именно в этот момент я как будто несколько отстранился от всего происходящего и занял роль наблюдателя.

Свобода, в конце концов, заключается не только в выборе того, куда идти, но и того, как трактовать выбранный путь. И важнее, действительно, чтобы человек задумался о

своей жизни и сделал какие-то собственные выводы, выбрал свой путь, нежели просто послушно и бездумно брёл по проторённой дорожке.

Неожиданно в салоне появилась мелкая дрожь, и я осознал, что всё это время наша машина ехала плавно, практически не качаясь, но, наверно, на достаточно большой скорости. Ира убрала бутылку из-под шампанского, которую она за это время успела уговорить практически самостоятельно, и уложила бокалы в специальный шкафчик слева от себя, расположенный на уровне кресла. Я успел лишь заметить, что в этом шкафчике в специальных формах из поролона были ещё бокалы для красного вина, коньячные бокалы и водочные стопки. Возможно там было ещё что-то, но дальше сунуть свой любопытный нос мне не удалось.

- А куда мы вообще едем?
- В наш штаб. Вам надо познакомиться с Алексеем Алексеичем. Мы, кстати, уже через пару минут будем на месте, - уверенно заключила Ира.
- А откуда вы знаете? - удивился я.
- Разве вы не почувствовали, что мы съехали на просёлочную дорогу?
- Это просёлочная дорога? - искренне удивился я. - И в машине всего лишь мелкая дрожь?!

Ира кивнула.

- Машину разрабатывали отечественные конструкторы ещё в начале 90-х... Работы не было, так что они выполняли этот заказ практически за еду. Только в массы она не пошла — остался лишь один экземпляр...
- Удивительно! - искренне поразился я.

Тем временем машина замедлилась и вовсе встала, дрожь прекратилась. Снаружи раздался стук дверей, шаги, после чего дверь салона открылась. Я вышел наружу, Ира последовала за мной.

Мы приехали к зданию какого-то заброшенного НИИ советских времён, без каких бы то ни было опознавательных знаков на стенах или дверях. Оно было многоэтажным, обнесённым бетонным забором. Территория была прибрана, но находилась в небольшом запустении — по ней явно не часто прогуливались.

- Что за чёрт? - спросил подошедший хмурый Миша. - Куда нас привезли?

Но никто на его вопросы отвечать не собирался, да и он, судя по всему, не особенно ждал ответа...

- А ты разве не видел, куда нас везли? - спросил я.
- Мне завязали глаза чёрным платком.

Я смутился. Значит, не хотели, чтобы кто-либо видел путь.

- Ну, и тряска же была! Я чуть не блеванул, пока ехал, - пожаловался Миша, тяжело вздыхая. - Чёртовы Газели! Чтоб я ещё раз сел в эту колымагу!

Ира улыбнулась и пояснила мне:

- В машине установлена компенсационная система. Физика, знаете ли... Если в одной части спокойно, то другая должна демпфировать колебания...

Я сделал умное лицо и кивнул.

Ира подошла к зданию и потянула на себя за ручку старую мощную тяжёлую потёртую деревянную дверь, которая далась ей достаточно легко. Мы зашли.

Внутри была проходная с турникетом и охранником в будке. Тот наострился, завидев нас, сделал серьёзный вид, но останавливать не стал, признав Иру, приветливо кивнув ей.

Внутри здания были светло-зелёные стены, белый потолок и линолеум в классический совковый коричневый ромбик, в некоторых местах порванный, а в некоторых — начинающий отслаиваться.

Мы подошли к массивной бетонной лестнице, когда Ира остановилась и обратилась к Мише:

- Тебе надо на второй этаж, в кабинет 212. Там скажешь, что ты от Прониной Ирины по поводу включения в отряд.

Миша кивнул, сказал, что понял, и недовольно поплёлся вверх по лестнице — ему явно хотелось оставаться в нашей компании. Мы же в молчании и полной тишине пошли по коридору направо, минуя пустынные кабинеты с покосившимися дверьми. В конце коридора располагалась железная дверь с надписями: «Не влезай — убьёт», «Осторожно! Высокое напряжение» и т.п. - явная дезинформация для непосвящённых, потому что именно эту дверь Ира и открыла, а я увидел за ней узкую, слабо освещённую лестницу.

- Прошу, - пропустила она меня вперёд.

Я спустился вниз по лестнице в подвальное помещение и очутился в просторном зале с четырьмя одинаковыми дверями, выкрашенными под тон стен в тёмно-зелёную краску. Отличались они друг от друга только текстами на висящих на них табличках. Посередине зала был массивный стол из ДСП со старым большим электро-лучевым монитором, папкой для бумаг и табличкой «Наташенька», за которым по-видимому эта самая Наташенька и сидела, клацая по клавишам клавиатуры. Справа и слева от стола, у стен — слегка потёртые мягкие диваны светло-бежевого цвета. Комната освещалась четырьмя напольными длинноногими лампами-абажурами, стоящими в углах, из-за чего свет был рассеянный, жёлтого цвета. У Наташеньки на столе была небольшая галогенная офисная лампа, освещавшая ей клавиатуру и кипу бумаг. Воздух в этом помещении был более чистым и свежим, чем в предыдущем коридоре — явно работали кондиционеры и какие-то воздушные фильтры. Да и само помещение было более прибранным и ухоженным, чем предшествовавший ему коридор с бардаком, хотя и несло в себе тот же самый несмыаемый отпечаток совка.

Наташенька была милой блондиночкой, лет двадцати, с хорошей фигуркой и приятным личиком. Такой было грех не полюбоваться. Глядя на неё, было непонятно, что такая девушка, с практически модельной внешностью, делает в подвале, работая секретаршей в каком-то подполье.

- Привет, Ната, - обратилась к секретарше Ира.
- Привет, Ирочка, - со скрываемой желчью ответила та. - Ты к боссу?
- Да, знакомься, это Роман Юрьевич, - представила меня Ира, после чего глаза Наташеньки округлились, она встала со своего кресла и протянула мне руку.
- О, Боже! Это вы! Это такая честь для меня! Очень приятно.

Я пожал руку и засмутился:

- Право, я не понимаю, чем заслужил, но мне очень приятно.
- Алексей Алексеич просил вас сразу же к нему направить. Проходите, вон та дверь, справа, - показала Наташенька.

Я взглянул на Иру. Она кивнула, подтверждая, чтобы я шёл. Я подошёл к двери, прочитал надпись на табличке «Аринков Алексей Алексеич. Босс», ухмыльнулся и повернул ручку.

Обед со Стеллой

Дима, Дагни

«Надо серьёзно поговорить. Игорь» - было выведено резким почерком на бумажке, встретившей меня на рабочем столе. Однако самого Игоря я не застал. Когда я пришёл к нему в кабинет, его уже не было на месте, а Софья только развела руками и сказала, что тот «уехал на совещание, когда вернётся, не сказал». Весь тот день мы работали без него, но дел было достаточно, так что я и не скучал.

На обед мы с Серёгой пошли в столовку салона автомобилей, расположенного рядом с нашим бизнес центром. Поглощая пищу и запивая компотом, мы болтаем о текущем состоянии «.» и её дальнейшей судьбе.

- Ну, и что, - говорит Серёга, - что Игорь берёт на себя все функции начальника. Я бы не потянул. Да и мне это на хрен ненужно — бегать, искать инвесторов, крутиться. Пусть лучше он это всё делает.
- Он это всё делает, да, - соглашаюсь я. - Берёт риски на себя. Но при этом с нами совершенно не считается, а мы, ведь, по сути костяк «.». Без нас проекта не будет!
- Да и по фигу! Тебе деньги платят? Платят! Причём вполне хорошие. А ты ещё и делать можешь то, что тебе нравится. Чего ещё хотеть-то?
- Но он же ещё заставляет меня делать то, что мне не нравится.
- Например? - пережёвывая кусок мяса по-французски спрашивает Серёга.
- Ну, например, эту идиотскую документацию на следующий этап.
- И чо? Тебе всё равно нужно было бы её делать. Ну, сделаешь сейчас, что, земля под ногами разверзнется?

Я вздыхаю.

- Всё это не то. Проект должен быть другим. Его надо делать под лицензией GPL, надо разрабатывать искусственный интеллект, надо делать по настоящему свободный ресурс, а не вот это вот всё...

В это время в столовую входит стройная, высокая, тёмноволосая девушка с чёрными глазами и прямым носом, и я ловлю случайно её взгляд, когда она направляется за красным пластиковым подносом. В этом взгляде читается хаос и неопределённость. Но так же во взгляде видно любопытство и жажда к новому. Она мне улыбается, а я смущённо краснею.

Серёга возражает:

- Зачем тебе GPL? Тебе, что деньги ненужны? Если исходный код проекта сделать свободным, то любой другой сможет сделать то же самое, кто тебе тогда будет платить?!

- Не в деньгах счастье!
- Ага, а в их количестве, - цинично перебивает Серёга.

Та самая девушку в это время набирает еды и расплачивается.

- GPL ещё означает и большую уязвимость для сайта, - продолжает Серёга. - Его же будут взламывать на раз. Лучше выбрось эту бредовую идею из своей головы!

Тем временем девушка уверенной походкой направляется к нам и, подойдя к столику, спрашивает:

- Ребята, а к вам можно присоединиться?

Серёга сразу же, конечно, распушает свой хвост и улыбаясь отвечает:

- Для такой очаровательной девушки у нас всегда есть место.

А она кокетливо кивает, ставит поднос и присаживается.

Ресницы опущены, скромно и изящно начинает есть. Я же чувствую в ней странную силу, которая почему-то вызывает во мне воспоминание из старого забытого сна. В нём я сидел на ветке толстого дерева и обнимал его ствол. Внизу же, метрах в пяти, вилась туда-сюда лиса. От неё как раз и чувствовалась та самая сила. Очень странно.

- Ты тут работаешь? - беспардонно спрашивает Сергей.
- Нет, - мягко отвечает она. - Я так... заскочила с вами поболтать, - и игриво улыбается.
- Меня зовут Сергей, - говорит Серёга. - А тебя как?
- Стелла, - отвечает она и смотрит с огнём в глазах на меня. - А тебя?

Я ничего не отвечаю, а только ем, потупив взгляд.

- Это Дима, - отвечает за меня Серёга. - Он у нас скромный парень. Не разговорчивый.

Что-то в этой девушке не так. Не могу точно сказать, что, но есть подспудное ощущение какого-то жуткого непостоянства и резкости, что-то, что претит мне и вызывает отторжение. Действует при этом она очень мягко и нежно, но это всё видимость, за всем этим скрывается жестокость и расчёт. Нутром чую. Но ничем объяснить не могу.

- М, - решает что-то про себя она и переключается на Сергея. - Серёжа, а ты тут работаешь?
- Не тут. У нас офис рядом. Мы с Димкой работаем в компании «.», - бойко отвечает он. - Слышала о такой?
- Ого! - делано восклицает она. Впрочем, это только я чувствую, что это напускное, Серёга-то клюёт и только распухает от чувства собственной важности. - Та самая «.»? Клёво! Это же такой классный проект!
- Есть немного, - говорит Серёга. - Я главный программист, я фактически написал весь код сайта.

«Не то, чтобы весь», - думаю я про себя, ковыряясь вилкой в салате, который в меня сегодня почему-то не лезет. «Но самые важные части — да».

Стелла восхищённо глядит на Сергей, явно пытаюсь соблазнить его, но тот думает, что

это он соблазняет её. Из-за её присутствия меня почему-то начинает мутить.

Я встаю из-за стола, беря поднос, не говоря ни слова.

- Пошёл работать? - спрашивает Серёга.
- Угу, - только и издаю я в ответ.
- Было приятно познакомиться, - кокетливо говорит Стелла, хитро глядя в мои глаза, и улыбается.

Но из-за этого мне становится совсем не по себе и я, ничего не отвечая, ухожу поскорее в офис, толком не понимая, как добравшись до своего кресла. Плюхаюсь в него, закрываю глаза и пытаюсь прийти в себя. В таком состоянии провожу несколько минут, но лучше мне не становится. Неожиданно раздаётся звонок мобильного.

Подношу трубку к уху, не открывая глаз.

- Ало.
- Привет, Димочка, - слышен голос Дагни, как будто приглушённый, откуда-то издали. - Как ты себя чувствуешь?
- Да что-то фигово. Наверно съел что-то не то, - лениво отвечаю я.
- Это мне знакомо, - серьёзным голосом отвечает она. А голос её я как будто слышу не из трубки под ухом, а из длинного коридора. - Сделай глубокий вдох, удержи дыхание и отключи все мысли.

Я послушно вдыхаю, задерживаю дыхание, но мысли сами неизвестно откуда лезут в мою голову как вода проходит сквозь сито. Разные мысли: то этот обед, то взгляд Стеллы, то красный поднос...

- Нет, не получается, - выдыхаю я.
- Что не получается: дышать или не думать? - шутливо спрашивает Дагни. Но мне совершенно не до шуток.

В голову почему-то настойчиво лезет Стелла со своими чёрными глазами и волосами, и каждая мысль о ней отдаётся головной болью.

- Мысли, - только и произношу я.
- Тогда думай обо мне, - говорит Дагни. - Вспомни меня. Будь со мной.

Я пытаюсь вспомнить Дагни. Получается не сразу, но я настойчив, так что Стелла, нехотя, с сопротивлением, поддается и отступает. Глаза, носик, губки, личико Дагни проступают в моём воображении и мне становится легче. Я глубоко вдыхаю.

- А теперь зафиксируй это состояние на несколько секунд, - подсказывает Дагни из телефонной трубки, а я представляю как она это произносит своим нежным, ласковым, настоящим голосом, сидя напротив меня.

В сознании только Дагни и никого более, в сознании хорошо и никаких проблем. Я улыбаюсь.

- Теперь можешь выдохнуть, Димочка, - с теплотой в голосе произносит она.

Я выдыхаю и открываю глаза.

- Спасибо! - проникновенно говорю я. - Ты у меня просто чудо.

Все проблемы как рукой сняло, и никаких болезненных ощущений я уже не испытываю.

- Не за что, любимый, - отвечает она, явно улыбаясь. - Ну, до связи!
- Целую!
- Пока.

После звонка Дагни я вернулся к работе. Я начал описывать второй этап проекта и реализовывать идею с децентрализацией и Адамом и Эллой. Я решил плюнуть на всех, поэтому так же включил идею с GPL — лицензия должна была поменяться с коммерческой на свободную, код должен быть отправлен на github при нажатии на «красную кнопку», одновременно с включением Адама и Эллы. Я всё это запихнул поглубже в документацию, скрыв от ленивых глаз потенциальных номенклатурщиков.

Игорь на работе так и не появился, а у Серёги, явно наметились грандиозные планы на вечер: он заглянул ко мне в районе трёх часов, самодовольно похвастался, как развёл клёвую цыпу, и описал в красках как прямо в офисе он её... Мне, впрочем, это всё было неинтересно. Мне не терпелось после рабочего дня встретиться с Дагни, поблагодарить её за помощь, крепко обнять и страстно поцеловать в губы...

Параноидальная шизофрения

Игорь, Кирилл

Я вышел из кабинета Владимира Алексеевича задумчивый, но очень довольный собой. Если эта штука, которую мне показал Союзник, так хорошо сработала, чему же ещё он меня может научить! И какая же большая сила оказывается у меня в руках!

Секретарша, завидев меня, приветливо заулыбалась, но её от этого дела отвлёк телефонный звонок. Уже уходя из приёмной, я услышал, как она отвечает:

- Приёмная Коварина. Да. Он ещё тут. Сейчас дам.

А после окликнула меня:

- Игорь Анатольевич, это вас, - и протянула трубку.
- Меня? - удивился я. - Кто это меня может спрашивать здесь? Софья?
- Нет, это какой-то мужчина, представившийся адвокатом нотариальной конторы «Дьявол».

Я сразу понял, кто может меня найти где угодно и умеет так профессионально вешать так плохо слепленную лапшу на уши... Я подошёл к секретарше и взял трубку.

- Да.
- Привет, - раздался с той стороны линии спокойный, жёсткий голос Кирилла.
- Ты чего сюда звонишь?! - удивился я.
- Так надо. А ещё нам надо срочно встретиться, пока ты не натворил дел.

Его тон и напор мне не понравились, и я начал сопротивляться.

- С какой это стати?!
- С той стати, что твоё жалкое самодовольное существование находится под угрозой.., - прорычал он в ответ.

- Если оно такое жалкое, то чего же ты о нём печёшься?
- Я твой наставник, и как наставник должен тебя оберегать от глупостей. А ты сейчас как раз на пути к самой главной из них.
- Ладно. Чёрт с тобой, - прорычал я. - Где и когда?
- Подъезжай к Чернышевской. Я буду ждать на выходе из метро. Только не затягивай!
- Ладно, - буркнул я и положил трубку.

Взглянул на секретаршу. Она стояла всё это время рядом, боясь присесть на своё место, и теперь смотрела на меня озабоченно и удивлённо.

- Ваш друг? - спросила она.
- Нет, - ответил я, направляясь к выходу.
- Что-то случилось? - не унималась она.
- Нет, - бросил я, выходя из приёмной и, закрывая дверь, проявил вежливость: - До свидания.

Я вышел из здания, дошёл до своей машины, бросил вещи на заднее сидение, а сам уселся в кресло водителя и поехал. Тут недалеко, минут десять, не больше.

- Будь осторожней, - проговорил вслух Союзник. - Кирилл что-то затевает.
- Я знаю, - самоуверенно ответил я. - Он всегда что-то затевает. У него по-другому не бывает.
- Да, конечно, - согласился тот в ответ. - Но только в этот раз это что-то более серьёзное. Я тебе уже говорил, что он хочет тебя убить?
- Не больше пары сотен раз, - саркастически заметил я. - Только ничего у него не получится. Не на того напал.

Я подъехал к пересечению Шпалерной и Таврической и встал на красный свет, глядя по сторонам.

Неожиданно дверь в машину со стороны пассажира отворилась и ко мне бесцеремонно залез Кирилл. Из его рта торчала какая-то вонючая сигарета, а сам он был небрит и неряшлив.

- Эй! У меня в машине не курят! - заметил я. - И вообще, как ты тут оказался? Мы же договорились встретиться на Чернышевской!
- Так надо, - только и буркнул он в ответ, глядя вперёд себя.

Включился зелёный, и мы тронулись с места. Я не знал куда ехать, поэтому просто ехал прямо. А Кирилл заговорил:

- Над тобой нависла опасность. Причём очень серьёзная.
- И какая же? Коварина я теперь могу контролировать, что же мне может угрожать?
- Опасность не в нём, а в твоём так называемом «союзнике», - резко ответил Кирилл и посмотрел на меня пронзительно. Я уставился на дорогу и не решался взглянуть на него в ответ.
- Он хотя бы мне помогает, в отличие от некоторых, - съязвил я.

- Игорь, никакого «союзника» не существует, - уверенно заявил он. - У тебя параноидальная шизофрения. Этот голос в твоей голове настраивает тебя против твоих друзей, и учит тебя тому, как потерять себя. Твой мир уже постоянно неконтролируемо меняется, а ты этого даже и не замечаешь.
- О, Господи! Нашёл что придумать! Я в полном здравии и отличном самочувствии! Я себя чувствую лучше, чем когда бы то ни было! И всё это благодаря моему Союзнику! И, раз уж на то пошло, он мне уже несколько раз говорил о том, что ты хочешь меня убить, - я пронзительно взглянул на Кирилла, ожидая его реакции.
- Пффтс! - брызнул небрежно Кирилл. - Если бы я хотел, то давно бы уже избавился от тебя. И никто бы даже не заметил твоего отсутствия, никто бы не смог мне помешать..., - и затаился.
- В том-то и дело, что пока он этого сделать не может — ему просто не позволяют, - вмешался в разговор Союзник в моей голове.
- Если бы мне нужно было, давно избавился бы, - повторил Кирилл, как будто отвечая не мне, а голосу в моей голове.
- Конструкторы они такие... делают только то, что им говорят, - продолжал Союзник.
- Если тебе не помочь сейчас, то ты просто потеряешь себя, - настойчиво проговорил Кирилл, глядя в мою сторону.
- Я знаю эту их шарашкину контору и вижу их всех насквозь, - продолжал Союзник. - Поэтому и точно знаю, что ты Кириллу ненужен, он хочет только от тебя избавиться...

Кирилл, судя по всему, заметил мой внутренний диалог, поэтому резким командным голосом заявил:

- Так! Я останавливаю всё это безумие.

После чего сунул себе в рот почти добитую сигарету (которая теперь пахла приторно сладко, как будто он докурил до какого-то странного вещества), схватил меня за голову двумя руками, резко повернул к себе и сильно надавил на виски. Единственное, что я успел сделать — это вдарить по тормозам и вцепиться в его руки. Глаза Кирилла сверлили меня, а дым от сигареты быстро обволакивал и дурманил.

- Брось его! Он всё только усложняет, - со звериным видом прорычал Кирилл.
- Иди ты в жопу! - резко ответил я. - Он мой союзник... Лучше я уж тебя брошу.

Я всплеснул руками, как нас учили в своё время на тренировках, пытаюсь вырваться из его хватки, но ничего не получилось — казалось мои руки просто прошли сквозь его руки. Я ощущал, как он сжимает мне голову, чувствовал тошнотворный сладкий запах сигареты в своих лёгких и даже видел Кирилла перед собой, но как-то смазано и нечётко.

- Брось! - повторил он и сжал сильнее.
- Иди в жопу, - так же настойчиво ответил я.
- Либо я, либо он. Даю тебе последний шанс.

Голова зазвенела, и я стал быстро терять ощущение себя. Я как будто стал сливаться с миром, чувствовал себя воздухом вокруг Игоря... Но несмотря на это, я настойчиво стоял на своём. Я должен выстоять, это дело принципа! Нельзя показать слабинку!

- Я выбираю его. А ты иди в жопу, - издало тело Игоря где-то совсем рядом.
- Что ж, да будет так! - заключил Кирилл и неожиданно отпустил меня, открыл дверь и вышел, оставив её распахнутой.

Я выплыл на улицу, оставляя оболочку Игоря в машине.

- Иди ко мне, - вылез откуда-то голос Союзника. - Ещё не время. Мы ещё повоюем...

И я послушался его. Я направился к нему.

- Серый, приходи в себя, - проговорил он же, и я быстро потерял себя в машине и обрёл совершенно другого себя.
- Кто здесь?! - резко вскочил я в кровати и огляделся по сторонам.

Я сидел на больничной койке, из меня торчала капельница.

- Привет, - проговорил кто-то совсем близко. - Меня зовут Аркаша.
- Изыди! - истерично заорал я и вскочил на пол, срывая с себя проводки и трубочки.

Общественный приговор

Игорь

- А я пойду в копы, когда вырасту, - говорил взахлёб один мальчик другому. - Копов все боятся. Пусть только попробует мне кто-нибудь замечание сделать! Я такой "хрясь" дубинкой по башке!..

Дети. Мало, чего в жизни понимают, зато всё видят насквозь, чистым и без всяких там человеческих выдумок.

Я хмыкнул.

И сам, ведь, периодически дубинку пользовал. Но по-другому с этим быдлом вообще никак! Пока им силу не покажешь, уважать не будут. Будут доставать: «Да какое ты имеешь право?! Да я ветеран Поганской войны! Да у меня ордена! Да у меня медали!» Да срал я на твои побрякушка! Если умный, не будешь на прозаморских митингах кулаками трясти! А если дурак, так и получи дубинкой по башке!

Но как же иногда это всё задалбывало и как же от этого мутило! Ясен пень, проще ничо не делать, как некоторые мои соработнички: просто бумажки перекладывать, клепать протокольчики, да преступников крышевать. Или как один мой бывший одноклассник — лежать на печи и ни хера не делать. Мне и самому иногда хотелось такой спокойной жизни! Но я так не могу — я должен действовать, как подсказывает моё нутро и Аркаша. Если человек мудака, и своими действиями может навредить стране, то лучше ему заехать дубинкой по рёбрам, скрутить и на 15 суток кинуть. А то начнёт разлагать людей всякими либерастскими идеями.

В тот день у меня было свободных минут тридцать — после у нас должны были быть сборы и отправка в Царьград. Говорят завтра — послезавтра там ожидаются экстремистские митинги на тему выборов. В общем, как говорит наш шеф, какая-то гнида недовольна успехами нашего великого царства и раскачивает лодку. Всё эти заморские шпионы, стопудово! Всё им не сидится, лишь бы другим нагадить из зависти. Но нам волшебное зеркало про них всё уже рассказало!

В общем, у меня время ещё было, и, как правильно подсказал Аркаша, мы успели бы заглянуть в пару мест, наведаться к паре приятелей...

Вначале я зашёл к Дрону. Это был хозяин продовольственной избы на углу Соловьёвой улицы. Сука та ещё — явно с гномьей кровью — всё время бабло зажимал и отмазывался.

Вошёл я в избу, смотрю какая-то дура у кассы.

– Дрона, - говорю, - позови.

Она форму увидела, сообразила сразу, чо надо, и закивав, убежала в подсобку. Долго ждать не пришлось. Вместе с Дроном вылезла.

– Привет, - говорю. - Бандиты не достают?

– Только в форме, - отшутился типа. Ха-ха, как смешно!

– Врежь этому козлу, чтобы больше такие шуточки не отпускал, - предложил Аркаша. Но я решил пока попридержаться коней.

– А голосовать ходил? - спрашиваю.

Я-то сам с утра уже проголосовал — на наш участок привезли урны и сказали: голосовать надо за князя Владимира Сказачного. Никто, конечно, никого не заставляет, но кто проголосует против, лишится премии на весь следующий год. А так и надо, я считаю! Правильно это. Если работаешь на благо родины, то и голосовать должен во имя неё...

А этот елозить начинает. Типа, нет времени на эту ерунду, да итак понятно, что выберут князя Владимира на четвёртый срок, так чего же тогда рыпаться?.. а сам, сука, пару недель назад как-то проговорился, что «жуликов и воров» пора мочить. Не мне, конечно. Я бы сразу на кол за такие слова посадил. У меня как у князя Владимира разговор короткий.

– Чё с деньгами? - спрашиваю.

И тут же эта сволочь начинает выкручиваться. Понимаешь ли, товар идёт плохо, многое приходится утилизировать...

– Короче, - перебиваю я, - гони бабло, - и тянись к дубинке.

У этого гомодрила уже рефлекс выработан — как-то мы с Аркашей ему прилавок расфигачили и пару рёбер пересчитали. С тех пор Дрон знает, что со мной шутики плохи. Вот он и вздохнул тяжело (как будто от сердца отнимает), и достал пачку, перетянутую резиночкой.

– Вот, - говорит. - Всё, что есть. Остальное будет на следующей неделе.

Бедненький. Так и хочется ему посюсюкать. А когда на него бандиты Соловья наехали, кто его отбивал и защищал?! Конечно же отряд ментов со мной во главе. А теперь мнётся и выёживается... сука неблагодарная! Так ему прямо в лицо и сказал, что о нём думаю. А эта сволочь только буркнула что-то про то, что в наше время разницы между полицией и бандитами нет, и быстро смылась к себе в подсобку, поджав хвост. Ну и хрен с ним. Какая разница, что он там себе думает промытыми заморскими шпионами мозгами?! Главное, чтобы платил исправно...

У меня ещё оставалось время, и я решил заглянуть к Гарику — тот как раз находился у Горынной улицы, в нескольких минутах ходьбы. Его я уже давно крышевал. Попался как-то мне, придурок, с дурман-травой. Ну, ясен пень, сажать за это бессмысленно — волокиты и бумаг много, отдачи никакой (разве только разнарядку выполнить, но тогда у меня в плане наркоторговцев не было). Так что лучше было его начать доить... Так и прошло уже года два: я к Гарику наведывался раз в две недели за баблом, тот платил

исправно, но вечно выёживался как-нибудь. Вы не подумайте, дрянь эту его я у него никогда не брал — мало ли, что эта мелкая гнида подсунет...

Аркаша в тот день молчаливый какой-то был. Обычно его не успокоить — всё время фонтанирует и чего-нибудь выдумывает... Что, не знаете, кто такой Аркаша? Ладно, сейчас, чтобы вы в курсе были, расскажу.

Первый раз он ко мне пришёл после драки с «песками», когда я ещё молокососом был и состоял в группировке. В 90-е это было. Классное время... Наша группировка шишку держала на районе. Даже менты нас боялись. И вот как-то была у нас стрелка с «песками», во время которой завязалась большая драка — толпа на толпу. Я парочку пидарасов приложил и ещё несколькими зубами выбил... в общем, хорошо драка шла, когда какая-то скотина меня со спины арматурой по башке огрела и вырубил. Очнулся я уже в больнице, тогда же и Аркаша ко мне пришёл. Помню, решил я, что он домовый, который случайно во время драки ко мне в ухо попал, а теперь выбраться не может. Вначале так перепугался жутко, что даже пытался ухо себе ногтями расковырять и вытрясти Аркашу из головы — долго крутился и царапался. Но тот сумел меня успокоить. Рассказал, что он не домовый, а мой ангел-хранитель и союзник. И с тех пор мы не разлей вода. Мы с ним и на работе вместе, и дома... Вообще просто лучшие дружбаны. Но в тот день он чего-то поутих.

– Привет!

– Приэт! - отозвался Гарик.

Мы пожали руки.

– Чё, Гарик, как бизнес?

Гарик был дёрганным и нервным. Вообще он был гоблином, и как все гоблины много бегал, суетился, плоско шутил и трещал бестолку.

– Да так, идёт по-тихоньку, - рукой подёргал, показывая, мол «так-сяк». - Траву в последнее время не очень берут, зато грибы расходятся на «ура».

– Это же круть! - отозвался я.

– Серый, давай мы ему всё-таки башню дубинкой раскрошим и всё бабло снимем? - проснулся Аркаша.

Он мне это уже ни раз предлагал — чем-то ему Гарик реально не нравился. Но если я сейчас срублю большое бабло, то лишусь бабла поменьше, но зато постоянного. Аркаша был импульсивен и не умел заглядывать наперёд. Никак мне не удавалось его переучить в этом смысле.

– Вот, - протянул мне Гарик конверт с нарисованным губной помадой сердечком. - Тут тебе в благодарность за безопасность.

Гарик никогда не мог спокойно и тихо передать, обязательно надо было выстебнуться, обязательно что-нибудь такое выкинуть — специально бесил меня гадёныш. Чувствовал я, что кончит он плохо, но пока терпел...

– Своим клиентам сердечки рисуй, пидрила! - буркнул я ему в ответ и взял конверт.

– Ну, Серенький, не расстраивайся, не плачь, - стебался он.

Иногда мне хотелось его избить до полусмерти, дубинку засунуть в задницу и проверить несколько раз... Но пока эту идею реализовывать было не целесообразно.

- Ладно. Я поскакал. У нас совещание через 10 минут...
- Боишься опоздать на пятиминутку секса? - с издёвкой бросил Гарик, пожимая руку. Я со злости сжал его руку посильней, от чего тот заизвивался и практически вспорхнул в воздухе, запричитав:
- Да ладно, Серый, да я же шучу! Чего ты?!

Я отпустил руку, сплюнул ему под ноги и, не говоря ни слова, ушёл.

- Надо было всё-таки дубинкой, - прокомментировал Аркаша.
- Дурак ты, Аркаша, - сказал я вслух. - Зачем убивать дойную корову?!..

В участке до инструктажа удалось заскочить к шефу — Полкану Григорьевичу Тугарину.

- А, Волков? Заходи. Ну, чего там сегодня? - спросил тот, когда я вошёл.
- Сёдня не густо, - сказал я и передал ему 50% прибыли.
- Что-то у всех в последнее время не густо. Кризис мировой, что ли? - возмутился шеф и взял пачку. - Или, может, жмётесь просто, а?! - и посмотрел так на меня, прищутив левый глаз.

Я замотал головой.

- Да не, вы чего, Полкан Григорич?! Кто жмётся-то?
- М... Ладно. Иди в 37-ю, сейчас совещание начнём, - проговорил недовольно он. - И сапоги свои начисть — у тебя ещё 5 минут есть, а то не представительно выглядишь.

Пошёл чистить сапоги. Зашёл в комнату для отдыха, там взял щётку, гуталин и начал надраивать. Просто улицы у нас посыпают зимой солью и лошадиным навозом, специально, чтобы снег не таял и не замерзал, чтобы не было так скользко. Поэтому сапоги вечно пачкаются. А я как раз с улицы, вот весь в говнище и был.

Пока начищал сапоги, по волшебному зеркалу шли новости. Наш князь Владимир Сказочный совещание какое-то устроил. Гонял в хвост и гриву бояр за то, что воруют и ничего не делают...

- Ещё одна актуальная проблема в нашем царстве — это старость, - говорит Владимир Сказочный с экрана. - Мы уже ни раз обращали внимание на эту проблему, и по моему поручению министерство здоровья должно было эту проблему изучить более полно. Вы выполнили моё поручение?

Боярин, на которого Владимир зыркнул, бледный такой, только и проблеял в ответ:

- Мы изучили эту проблем, она касается всех наших граждан и поражает 100% населения...

А Владимир Сказочный так строго посмотрел на этого боярина и продолжил:

- Так вот, я заявляю, что мы этого просто так не оставим! Мы будем бороться со старостью, не жалея ничего! И обязательно победим её.

В общем, круто он их взгнул! Он вообще крутой — всех в страхе держит, говорит жёстко и по делу. Только такой лидер нашему царству и нужен!

Как только я начистил сапоги, начался инструктаж — вовремя успел. Жаль только

передачу не досмотрел.

Ну, а на инструктаже шеф говорил, что на митинге в Царьграде ожидается большое количество провокаторов и экстремистов, желающих угробить нашу родину. Надо быть к этому готовым и пресекать любые попытки развязывания розни — всех буйных вязать, и в телеги. Выборы великого князя — это вам не хрен моржовый, а против нашего князя Владимира Сказочного много заморских провокаторов попытается действовать. В общем, если увидим следующих людей, вязать без промедления, чтобы те ни делали. И показал портреты каких-то Лимонников, Подвальных и так далее. Я даже не запомнил. Решил, что буду просто вязать всех подряд.

После инструктажа нас погрузили в телеги и повезли в речной порт. Я сидел рядом с Ньюхом, моим напарником, и молчал. Ну, точнее это он молчал. Мы с ним накануне повздорили, и он особо говорить не хотел. Да и мне с этой крысой общаться больше не хотелось — взбесил, сука, меня своими прозаморскими взглядами и замашками. И как только этот предатель остался в органах?!

Сидим с ним накануне, значит, пьём брагу. И тут он заводит чё-то. Мол, как же его это всё задолбало. Не нравится, видите ли, работа! Не хочет больше с наркоманов и проституток дань собирать, не хочет с Тугарином делиться. Надоела эта система, которая его вынуждает идти против совести...

Надоел, говорит, весь этот театр абсурда и вся эта маска демократии, когда выбирать можно лишь из князя Владимира и вымышленных персонажей. Где это видано, говорит, выборы князя, на которых участвует Владимир Сказочный, да четыре скомороха: Зюзя, Жирик, Смирик и Прохор. Раньше, мол, хоть помимо скоморохов к выборам бояр допускали. А сейчас ЦИРК подпускает только тех, кого князь утвердит...

Это всё я ещё стерпел и проглотил, хотя уже хотелось врезать ему между рогов.

Потом, падла, говорит, князь Владимир, победивший Кащея 18 лет назад, сам уже в Кащея бессменного из-за ботокса и грибов превратился...

Это меня уже начало бесить. Аркаша уже во всю кричал и истерил, что Ньюху пора рыло начистить, и он больше ни слова не потерпит, да и я уже был готов вломить, но пока благодаря своей силе воли сдерживался. Только намекнул, чтобы тот поосторожней был в словах.

Нет, продолжает сука! Начал Владимира Сказочного поливать: мол, у него золото в заморские страны вывезено, дворцы по всему княжеству дорогушие построены, его друзья увозят уголь из шахт, народ в рабство продают, а сами золото гребут из казны лопатами. Воруют, мол...

Ну, воруют, и чё?! Все воруют! Менталитет у нас такой! Если не будут воровать, то выжить не смогут. Никто в нашем княжестве не выживет, коли воровать не будет!

А тот всё о своём: нужны перемены, за 18 лет уже всё разворовали! Так дальше нельзя. Владимир Сказочный каждый год обещает одно и то же, но сам ничо не делает. Только, мол, и слышны от него фразы типа: «мы должны», «нам надо», «не допустить», - после которых, якобы, не должны, не нужно, но допускают...

Но это-то ещё хрен с ним! А вот последней каплей для меня стало, когда Ньюх заявлял, что Владимира Сказочного сейчас никто не поддерживает, и его не выбрали бы князем, если бы он сам не утвердил список кандидатов. Мол, он на самом деле уже никакой и никто его не любит. Достал, сука. Встал я в самый рост и треснул ему кулаком по роже. Тот и отрубился сразу же — плюхнулся лбом о стол, аж стук раздался. А я плюнул на него

и вышел. Предатель! Быдло сраное!

А не фиг тут балаган разводить! Пусть знает, как мы со всякими несогласными поступаем! Не хрена, понимаешь, Владимир Сказочный не сделал?! Прямо, как вспомнил я об этом в телеге, кровь закипела и захотелось ещё раз врезать. А Волшебный Остров кто вернул на родину? Чёрт лысый, что ли?! Ничего не сделал... Да если бы не Владимир Сказочный, фиг бы я устроился на работу в милицию! Только из-за того, что штат увеличили, я и смог устроиться. А вспомнить все эти банды в старые времена! Владимир Сказочный пришёл, и банды пропали. Совпадение, что ли? Да и чё жаловаться-то?! Сейчас я и одеваюсь лучше — вон, какие на мне кроссовки крутые — «Veegock», я о таких даже и не мечтал раньше. И ем я сейчас хорошо, и доход нормальный имею! И гордость за страну испытываю! Мы же вообще с колен встали! И вообще, пусть, гнида, вспомнит, каково жилось в 90-е и посмотрит, как живётся сейчас — небо и земля. Князь Владимир — это стабильность! А без него — конец света!

Аркаша тоже злился, пока мы ехали. И чё, говорит, этого либерального мудака взяли с собой?! А я согласен с Аркашей — этот скорее будет думать и болтать, вместо того, чтобы вязать... Ну да хрен с ним! Шеф решил, ему видней.

Пока ехали, отвернулся от этого хрена и на небо смотрел. Оно такое большое, такое просторное. Там такая свобода! Там не надо никого защищать, не надо ни с кем спорить... Там хорошо! Никаких тебе Нюхов, никакой делёжки с Тугарином! Свобода, одним словом!

Доехали до речного порта, выгрузились и пошли к кораблям. Нюх за время поездки ни слова не проронил, а как выгрузились, так ускорил шаг и оторвался от меня. Ну и пошёл он!..

А в порту просто таки толпы наших собрались — со всех участков, по ходу, свезли. Как Аркаша их назвал: «свет общества».

Градоначальник приехал, что-то там вещал про то, что судьба отечества в наших руках, нельзя пропустить заморскую чуму и так далее. Да я и без него всё знаю, поэтому и не слушал. Так только — вид делал. Ну, а потом погрузили по кораблям и отчалили. Я должен был в каюте с Нюхом ехать, но тот, по ходу с кем-то поменялся и ехал с какими-то лохами. Зато я ехал спокойно, без него. И слава богу! Все нормальные менты бухали на корабле и в карты играли, а эти, понимаешь, сидели, чай пили и гундосили там о своих каких-то делишках. Уже тогда у меня эта компания доверия не вызвала... Мы даже с Аркашей пошли с ними разбираться и на палубе по душам поговорили. Но как оно там закончилось уже не помню.

На утро, когда мы уже к Царьграду подплывали, конечно, паршиво было. Тугарин обход совершал и, увидев меня головой закачал и выдал:

– Вечно с тобой проблемы, Волков!

Как будто я один такой!.. Нашёл себе козла отпущения! Но я рассол надыбал в камбузе, пока мы причаливали и опохмелился. Я свой организм хорошо знаю — часам к 2 всё уже будет в норме.

Потом случайно на палубе опять с Тугарином встретился. Он уже, вроде как, подобрел.

– Волков, тебе есть персональное поручение, - доверительно так говорит. - Тебя мы как самого смелого поставим в первую линию. Ты один из немногих, кому можно доверять.

Приятно мне стало, что всё-таки начальство ценит...

- Так вот, - продолжает, - если агрессия начнёт нарастать, я лично разрешаю тебе пустить дубинку в ход. У остальных кишка тонка — зассут. А ты со стальными яйцами и всё правильно сделаешь.
- Понял, - говорю. - Можете на меня положиться, Полкан Григорич.
- Табельное оружие захватил? - спрашивает.
- Конечно, говорю!
- Вот и отлично! Если что, разрешаю использовать.
- Спасибо за доверие, - говорю.
- Давай, - и похлопал по плечу.

В общем, приятно мне стало! Такая честь! Аркаша даже заметил:

- Ну, ты, Серый, крутой! Вот теперь оторвёмся по полной.

Я ничего не ответил, а только улыбнулся.

Прибыли в Царьград в 11, там нас уже следующие телеги ждали. Погрузились и напрямик к княжескому дворцу. Дубинки и щиты на перевес, у меня пистолет на поясе. Ну, расставили нас там всех, провели ещё один инструктаж. Как будто до того мало трепались! Меня, как Тугарин и говорил, поставили в первый ряд. Сыкотно, конечно, но такая уж работа.

Помёрзли слегка в таком вот строении, а уже через полчаса, как раз часа в два с чем-то, стали подтягиваться эти крысы. Ну, прям, точно крысы — Аркаша так их и окрестил: из всех щелей повыползали с какими-то дурацкими плакатами... «Даёшь честные выборы!», «Чуркин, побрейся!», «Владимир, будь мужиком! Уходи!» и прочая ересь. Не перестаю офигевать: как только люди так легко ведутся на заморские байки, и чем только думают? Быдло, что тут сказать?! Стадо баранов!

Ну, началось, короче. Стоят напротив нас скандируют, призывают к свержению власти. Бесят жутко! Аркаша подсказывает, что надо бы им всыпать по первое число — успокоятся сразу. С этими, мол, всё просто: пара переломанных конечностей, и все разошлись по домам. Я с ним согласен, да только наши ничего не предпринимают — лишь в машины-кричалки кричат: «Расходитесь! Митинг не санкционирован!». Ну, что за хрень?! Ну, какие мы на фиг менты, если не можем порядок навести?! Так это бесить начало!.. Аж к горлу подступило.

Переглянулся с парнями слева и справа. Прям на лицах читаю одно и то же — и их это всё задолбало. Ну, подмигнул там, не говоря ни слова, договорились и дёрнули с криками усмирять толпу. Эти бараны же ничего не соображают, а агрессия растёт: ещё чуть-чуть и хлынут на нас — хрен чё потом сделаешь!

Мне под дубинку пара мудаков попалась, на землю быстро уложил, по почкам проехался и дальше пошёл: прям сплеча одного за другим, чтобы поняли, кто здесь главный. Крики раздались: «наших бьют». И понеслась. Наши на толпу, эти, как и положено баранам, врассыпную. Давка, паника. Наши давай вязать всех без разбору, а я как ударная сила одного за другим отключаю и вперёд. Пусть учатся, суки, родину любить! А то выдумали себе тут белоленточную чуму!

Жаль, не долго так продолжалось. Какая-то тварь умудрилась засадить мне нож

подмышку. До сих пор понять не могу, как такое случилось... Ну, а потом и ещё одна сука воспользовалась положением, повалила на землю и попыталась ногами добить. Слава богу, наши, не долго думая, их уложили и связали. А я падая, перед тем, как потерять сознание, успел пистолет вытащить и пальнуть пару раз в толпу. Дальше — ещё больше криков, шум, стрельба... Но там я уже совсем отключился...

Очнулся уже в медицинской палате. Залатали меня и в чувства привели...

Пока в больнице лежал, по волшебному зеркалу видел, что из-за этих заморских уродов в царстве ввели чрезвычайное положение — какие-то группы экстремистов прям войну на улицах устроили: с коктейлями горыныча, с оружием... Страшно смотреть. И страшно в это время лежать в повязках на больничной койке — хочется на улицу, родину защищать.

Потом, правда, их всех замочили, а Князь Владимир объявил, что это был террористический акт, и всё, что произошло на Царской площади — это происки заморских наймитов. Они специально подрывают стабильность нашего царства и организовали вооружённое восстание, которое провалилось только благодаря бдительности внутренних органов.

Тугарин заходил. Говорил, что общество против меня настроено, но мы своих не сдаём, поэтому меня отмажут. Да, и не делал я ничего такого страшного — просто свой долг выполнял.

– Надо, - говорит, - Волков, тебе только рапорт подать, в котором написано, кто и при каких обстоятельствах на тебя напал. Ну не мог же ты сам без приказа начать драку!

Удивил он меня этой фразой. Сам же на корабле говорил: даю тебе волю, - а теперь переворачивает всё...

– И с пистолетом, конечно плохо получилось..., - говорит. - И чего ты с собой его взял?! Но это нестрашно. Надо просто отдельную бумажку написать о том, что ствол был тобою утерян пару дней назад — так мы тебя можем отмазать от выстрелов. А вообще положение твоё, конечно, тяжёлое, зря ты так озверел на митинге. Надо спокойней быть...

В общем, отнекивается и отрешивается всячески от своего указания. Сука, конечно. Предатель! Ну да хрен с ним! Я и так выберусь — я и не из такого дерьма вылезал...

Как выписали, через недели две, и я вернулся в участок, так и написал бумажку. Мол, 5 марта, в 14.00 на княжеской площади стоял в кордоне с другими ментами, в то время как толпа бесновалась, выкрикивала экстремистские лозунги и призывала к свержению режима. В руке одного из митинговавших я увидел нож и кинулся для того, чтобы изъять холодное оружие. Мой выпад был расценен неверно, и толпа начала кричать о том, что их бьют, и набросилась на полицейских, а человек с ножом атаковал меня и нанёс ножевые ранения в шею и подмышку.

В общем, писать я особо никогда не умел, поэтому над листочком тупил долго, пока не выжал из себя вот это вот. Противно, конечно — врать и чё-то придумывать просто, чтобы отстали, для формальности. Но так уж у нас повелось — менталитет такой, так надо.

Взял листок, отнёс Тугарину. Тот перечитал, побегал глазами, наморщив лоб, покивал — всё как полагается.

– Ладно, сойдёт.

Я уже собрался уходить, когда он остановил меня озабоченным взглядом.

- Волков, - говорит, - в Царьграде не спокойно. В княжестве неспокойно. Заморские наймиты мутят воду. Сейчас наложили заклинание недовольства на княжество. А ещё... тут на адрес нашего отделения пришло письмо... тебе.

Он достал из стола листок бумаги и протянул мне.

«Сергей Волков, общество вынесло тебе приговор!» - было написано на ней.

- Что это значит? - не понимаю я.
- Угрожают... Будь осторожен. Мы постараемся выяснить, кто автор, но пока точно не знаем, так что просто будь осторожен.
- Я сам разберусь, - уверенно изрекаю я и удаляюсь из комнаты.
- Это всё Гарик, - говорит Аркаша. - Сто пудово он. Попугать решил, сука. Давай к нему — разберёмся.

Неприятно, конечно, это всё. Батрачишь, защищаешь это быдло, можно сказать жизни спасаешь, и тут получаешь подобное говно. Один раз такое со мной было — какой-то козёл пошутить решил, и написал, что я умру «сегодня в 13.35». После разговора с ним, тот больше никогда так не шутил. И ходить перестал. Хороший урок для других был. А тут на тебе! Ещё какая-то сволочь появилась. Какая, пока было неясно, но надо было всё равно возвращаться к делам, обойти участок и разузнать, чё как... Так что я решил для начала, как и подсказал Аркаша, заглянуть к Гарику.

Пришёл. Тот как всегда дёргается и нервничает.

- Привет, браток, - кидает он, и протягивает руку.

Я гляжу на него оценивающе, руки не протягиваю. Из-за этого тот начинает истерически хихикать и елозить.

- Чего ты на меня так уставился, Серый, поцеловать хочешь?
- Ну, давай, признавайся, гнида, твоих рук дело? - спрашиваю и тыкаю ему в лицо бумажку.

Тот удивлённо с испугом в глазах пробегает её глазами, после чего начинает лепетать:

- Слышь, Серый, ты чего! Да чтобы я такую чушь писал! Ты же меня знаешь - приколоться я могу, но угрожать?! Я любовник, а не боец...
- Знаю я тебя, - не отпускаю я взгляда и хватаю его за шею левой рукой. Тот пытается силой воли переместиться мне за спину (он, падла, такие штуки умеет вытворять), но мне Аркаша помогает — вовремя подсказывает, и я выставляю правую руку и сжимаю кулак. Нога Гарика, пытающегося переместиться оказывается у меня в зажиме. Тот кричит и падает. Висит вниз головой — я его держу в воздухе за ногу.
- Серый, да не я это, честное гоблинское! Ты ж знаешь, мне бы своими грибочками торговать, а большего и не надо!
- Тогда кто? - я сжимаю его ногу покрепче. Ещё чуть-чуть и кости захрустят.

Тому больно, извивается и визжит как собака.

- Я не знаю, Серый! Да тебя же весь район кроме меня терпеть не может, ты не

знаешь, что ли? Это кто угодно может быть. Хоть Андрей, хоть Зигфрид, хоть Васька...

- Лжёт, сука, - злиться Аркаша. - Давай его мочконём, а то страха не знают уже! Думают, что постарел ты и хватку потерял, вот и пишу тебе...
- А ты знаешь, Гарик, Аркаша дело говорит: потеряли вы страх, вот и маетесь хернёй! На митинге баранам показали, кто в доме хозяин, сразу все присмирели. Вы только силу и понимаете, - рассказываю я Гарику. А тот только глазками хлопает да мычит:
- Какой Аркаша?! Да я тебя никогда не слушаюсь, ты же мой спаситель! Я тебе по гроб жизни должен! Если бы не ты, меня бы банда Соловья разбойника до сих пор доила бы!..

Но я уже его не слушал. Достал дубинку — тот ещё больше заверещал и уже в слёзы бросился. Замахнулся. А прямо перед самым ударом эта гадина поменялась в лице — глаза загорелись, злость в них появилась, остервенелость какая-то. Он только и успел сказать:

- Значит и твоё свечение потухнет.

А я одним сильным ловким ударом размазжил его черепную коробку — брызги зелёной крови в стороны. Испачкал меня, гад, и сник.

Кончился Гарик. Но как-то совершенно не полегчало. Вернее, может, Аркашу отпустило, а мне почему-то так мерзко стало. А ещё эти его глаза в воображении встали и эта странная фраза: «свечение потухнет». Обдолбыш чёртов, не мог уйти спокойно!

Я посмотрел в небо. Залолбало всё! Как же там легко и свободно! Эта мысль меня ни раз посещала за последний месяц и уже даже начала беспокоить. Аркаша на это время просто замолчал, и ничего, кроме этого голубого неба с лёгкими фиолетовыми тучками для меня не существовало. Сказочно!

Вздыхнул, протёр дубинку о куртку Гарика, обшмонал его, достал бумажник, выпотрошил, деньги забрал себе, остальное выкинул. Потом случайно натолкнулся на пакет с белым порошком. Фыркнул и выбросил куда подальше. Из левого кармана куртки вытащил маленькую бумажку желтоватого цвета с жирной точкой посередине и надписью на печатной машинке: «Серый, тебя не существует». Сразу же всё стало понятно. Гарик, небось, пытался меня запугать, поэтому вначале написал ту записку, потом планировал эту мне отправить, потом бы ещё что-нибудь устроил. Всё-таки правильно, что прибил эту мелкую гниду! Всё сразу понятно стало...

Сплюнул на землю и пошёл в супермаркет к Дрону — жутко захотелось достать водки и нажраться. Аркаша меня по дороге успокаивал и говорил, что я всё правильно сделал. Пока шли, он говорил, что Гарик действительно пытался меня поймать, и я с ним соглашался, но всё-равно внутри что-то подтачивало.

Пришёл к супермаркету. Зашёл внутрь.

- Дрон тут?
- Андрея Степановича нет, - говорит та расфуфыренная деваха. - Что ему передать? Показываю пальцем на бутылку с брагой.
- Лучше мне передать.

Она глядит на бутылку, краснеет и явно возмущается, но пока помалкивает. Из-под прилавка достаёт такую же и ставит передо мной.

- Совести у вас нет, - еле слышно, наконец, говорит она. - Люди работают, а вы крадёте.
- Заткнись, сука, - рычу я, и дубинкой по прилавку: херакс! Я не хотел особенно, но Аркаша сказал, что пора бы всем этим напомнить, кто в доме хозяин...

Эта дура испугалась, конечно же, спряталась за прилавком, а я беру бутылку, откупориваю и выхожу из магазина. По пути из магазина ещё засаживаю дубинкой по холодильнику с пивом: осколки, бутылки повывлетали, о кафель разбились... Похрен! Выхожу на улицу.

Крадёте! Ишь чего удумала! А сама не крадёт у своего босса, когда возможность появляется?! Все крадут, когда получается. Страна такая! Не крадут только дебилы и импотенты. Такой у нас менталитет! Да, и нельзя тут по-другому — иначе не выживешь.

Приложился к бутылке, прямо из горла пару глотков сделал. Занюхал рукавом, поморщился. Хорошо. Аж причмокнул от удовольствия. Совсем скоро полегчает.

Неожиданно слышу сзади оклик.

- Сергей Волков!

Поворачиваюсь. Дрон, Зигфрид, Васька и ещё пара каких-то уродов. У каждого в руках по арматуре. Подходят ко мне. Ну, ничего, пусть только попробуют — научу их уму-разуму. Раз уж, совсем страх потеряли, надо научить уважать и бояться!.. Я как Владимир Сказочный всех их, предателей, к общему знаменателю приведу.

- Чё надо? - спрашиваю, немного отступаю, а сам тянусь к кобуре с пистолетом.
- Общество вынесло тебе приговор, - вальяжно говорит Дрон.

Я хватаюсь за пистолет, а его-то там и нету — кобура пустая, я же от своего избавился, а новый мне ещё не выдали.

И эти бросаются на меня. Дрон бьёт арматурой сверху, я подставляю правую руку. Перелом, рука отказывает. Получаю по рёбрам дубинкой справа от Васька. Затем по ногам от ещё одного. И ещё от Дрона сверху битой по голове... Накинулись, я даже не успел ничего сделать. Уложили на землю и бьют ногами и дубинками. Боль быстро появляется и угасает. Сознание куда-то уезжает. Слышу только, как Аркаша где-то вдалеке кричит в панике и беснуется:

- Нет! Серый! Нет! Держись! Пожалуйста, не умирай! Куда же я без тебя?! Как я без тебя?
- Что ж поделывать, Аркаша, - шепчу я в своей голове. - На этом наша с тобой дружба заканчивается. Прости.

А где-то там надо мной то самое небо, в котором летают ковры-самолёты! Там хорошо... Просторно... Нет всей этой грязи и этой гнили... Нет никаких Гариков, Дронов, баранов, телевизоров и князей... Там порядок и спокойствие! Это здесь приходится изворачиваться и всё время шишку держать, а там ты никому ничего не должен. Там все строем ходят, и можно не выживать, а жить. Но всё кончено! Я сюда больше ни ногой!.. Отслужил своё. Хватит. Я — на небо!

Вся комната Алексея Алексеича, напоминая скорее небольшую каморку, нежели кабинет начальника, была увешана различными плакатами агитационного характера, календарями и открытками с изображением попсовых стандартных туристических объектов, такими как Эйфелева башня, Биг Бэн, Пирамида Хеопса и так далее. Все эти картинки закрывали собой неровные стены с бугорками, выкрашенные в тёмно-зелёный цвет, такой же, в какой были выкрашены стены в приёмной. Слева от входа стоял старый покосившийся шкаф со стеклянными дверьми, завешанный изнутри пожелтевшими от старости светло-зелёными занавесками в синий цветочек. Под потолком висел дешёвый розоватый тюлевый абажур в металлическом каркасе.

Алексей Алексеич сидел, оперев взгляд в бумажки, и напряжённо что-то вычитывал, морща лоб. Лысоват. Нос с небольшой горбинкой, глаза глубоко посажены, тонкие губы, большой подбородок. Когда я вошёл в комнату, он быстро из-под бровей бросил на меня взгляд, кивнул и продолжил свои дела, лишь ответив:

– Кам ин. Подождите пару секунд, мне надо тут кое-что доделать.

Голос его был резковато-деловым, английские слова он произносил с классическим русским акцентом.

Я бросил в ответ вальяжное «окей», в его же стиле, и, чтобы занять себя чем-нибудь, начал рассматривать все эти многочисленные календарики и плакаты.

Среди плакатов советских времён, призывающих работать, учиться, трудиться, не разговаривать во время еды и тому подобное, висели современные цветные плакаты на глянцева бумаге, сделанные явно непрофессиональными дизайнерами, на каждом из которых была одинаковая эмблема с надписью «Программа Удож». Что это значит, я понял только после того, как разглядел расшифровку внизу одного из плакатов, написанную мелким шрифтом: «программа по утилизации домашних животных». Таких плакатов было штук семь — восемь, каждый из них вызывал смесь недоумения, недовольства и смеха. На одном из них, например, была фотография худого африканского мальчика с выпирающими скулами и со слезами на впалых глазах на фоне какого-то разрушенного строения, с подписью внизу страницы: «Голодающие дети Африки не понимают твоей халатности! Утилизируй домашних животных! Не выбрасывай белки на ветер!». Все остальные плакаты «Удож» были оформлены в том же стиле, и посыл на них был идентичным: «не топите котят, дети Сербии недоедают», «пенсионеры голодают, ваша старая такса поможет им свести концы с концами», «зачем кормить бездомных животных, когда в мире столько голодных людей»...

Я настолько увлёкся изучением этих странных плакатов, что даже не заметил, как Алексей Алексеич подошёл ко мне сзади и, заглядывая через плечо, с удовольствием наблюдал за тем, что именно я изучаю.

– Это один из моих проектов, на который государство должно было выделить деньги, - неожиданно прокомментировал он.

Я повернулся к нему и посмотрел с явным недоумением. Он же продолжил с доверием в форме монолога, склонив голову в мою сторону:

– Была уже достигнута устная договорённость, нам оставалось только презентацию проекта сделать, а Коварин должен был выбить деньги из бюджета, и проект уже можно было бы запустить. Но потом он повёл себя очень мерзко, деньги вывел, а

меня объявили персоной нон грато... Теперь я из-за него вынужден скрываться, а этого мудака все считают защитником отечества.

Алексей Алексеич стал закипать, и даже уже стискивал зубы. Однако, глядя на него, мне было очевидно, что он злится на этого Коварина скорее не потому что тот его использовал, а потому что самого Алексея Алексеича кинули на бабки...

Я ухмыльнулся этой очевидно мысли и, решив не комментировать историю, только покачал головой.

- И подумать только, - продолжал он, не обращая на мою реакцию, - сейчас, ведь, с этим мудаком работает ваш друг... Вот э шэйм!

Он покачал головой и поджал губы, изображая обиду.

- Кто работает? - не понял я.
- Кто, кто... Конь в пальто. Игорь Анатольевич, конечно же! А вы думаете, как они узнали о вашем местоположении?

Я пристально посмотрел на Алексея Алексеича, пытаюсь оценить, говорит ли тот правду. Но за его деловой хваткой было видно лишь то, что он ни на мгновение не сомневается в правдивости того, о чём говорит, однако так ли это на самом деле, возможно, и не знает. Очевидно было то, что ему просто удобней думать, что всё именно так. Я же ни за что на свете не поверил бы в то, что Игорь мог заложить меня. Это было просто невозможное событие...

- Я знаю Игоря как самого себя, он бы никогда так не поступил, - уверенно заявил я.

Алексей Алексеич сделал кислую мину, прошёл к своему креслу, плюхнулся в него, предложил мне сесть на деревянный старый скрипучий стул напротив его стола и изрёк:

- И как же хорошо вы знаете себя? Говорят же, что для того, чтобы обрести просветление, надо всего лишь познать себя...
- Первый раз такое слышу! - возмутился я этой безобразно вольной интерпретации и сел на стул, испытующе глядя на него, скрестив руки на груди. - Кто это говорит?
- Ну не помню, - вальяжно отбросил от себя фразу Алексей Алексеич. - В какой-то книжке по буддизму вычитал.

«Наверно, в книжке-раскраске «Буддизм в картинках» - подумал я, а в слух заметил:

- Просветление достигается не из-за познания себя, а после освобождения от привязанностей и длительной работы над собственной осознанностью. Да и познать себя невозможно, так как нет ни познаваемого, ни познающего...
- Окей, окей. Вотэва, - закрыл дискуссию Алексей Алексеич. - Я вижу, что вы вполне способны вести философские диспуты. Этим, а также ясностью мышления, Роман Юрьевич, вы мне как раз и нравитесь.
- Так-так, - наострился я, глядя на него. - Может быть, раз я вам так нравлюсь, вы мне заодно и расскажите, что я здесь делаю?
- Ну, это же очевидно, изнт ит? - как нечто само собой разумеющееся отметил он. - Мы получили информацию о том, что вас собираются загрести, и решили действовать. В конце концов, мы же не можем допустить, чтобы ваша светлая голова с её прекрасными идеями, всколыхнувшими наше сосаити, была использована рыбинской системой. Нельзя, чтобы ваши идеи были уничтожены

или уж, тем более, неправильно трактованы и использованы против вас...

- Вы уже их неправильно трактовали и использовали против меня, - жёстко заметил я.
- Ну-ну, будет вам! - Морщась, открестился Алексей Алексеич, игнорируя моё возражение. - Мы всего лишь прочитали то, что вы написали. А написали вы как раз то, чего так жаждало наше сосаити последние годы — вы написали о свободе...
- Да бросьте, - возразил я. - Идеи о внутренней свободе не новы. Идеи о том, что каждый человек рождён свободным уже пересказывались тысячу раз. Я же абсолютно ничего нового не сказал! Я просто обозначил проблему, и даже пока никакого явного её решения не дал...
- Индид, - неожиданно согласился он. - Только ваша статья оказалась в нужное время в нужном месте и с нужным содержанием в нужной форме. Можно сказать, что это просто счастливое стечение обстоятельств. Опубликуй вы свою работу годом раньше, никто бы на неё и внимание не обратил, ю си? Но сейчас наше сосаити (отчасти благодаря работе нашей организации) уже перестало быть столь пэссив. Время требует перемен, людям нужна новая идеология... Никто уже не верит в доброго царя и плохих бояр. Мало уже кто верит современному лживому режиму...
- Получается, что я оказался вам полезен, и вы использовали мою статью, дали ей свою трактовку и пропиарили? - перебил я.
- Ну-ну! Не утрируйте, - примирительно поморщился Алексей Алексеич и откинулся на спинку кресла. - Просто вам надо понимать, что плоды вашего прекрасного мозга вам не принадлежат. Вы пишете, но люди читают, ю си? Вы создаёте, но только благодаря читателям ваши идеи живы.
- А у меня почему-то ощущение, что хоть люди и читают, думает за них всё равно кто-то другой...

Я испытующе посмотрел на него, а Аринков в ответ расплылся в лучезарной улыбке.

- У свободы может быть лишь одна истинная трактовка. Как вы писали в своей статье: любой человек рождён свободным, надо только суметь развить в себе эту свободу...
- Это, конечно, так, - согласился я. - Но я же никогда не призывал к революции. Я в своей статье говорил только о том, что быть свободным или нет — выбор каждого человека. Мир вокруг любого человека формируется лишь согласно его жизненной позиции...
- Ну, да, ну, да. Помним-помним, - согласился Аринков. - «Если хочешь быть свободным, то будь им. Если же ты осёл, то наслаждайся вкусом травы». Хорошо сказано!
- Вы же, - продолжал я с небольшим раздражением, не обращая внимание на его ремарку, - из меня делаете идейного лидера и революционера, призывающего народ лезть на баррикады и убивать за свою свободу!
- А вай нот, Роман Юрьевич? - неожиданно для меня спокойно ответил Алексей Алексеич, склонился ко мне, облокотившись о стол и сложив пальцы домиком. - Вы же сами ни раз упоминали о заболоченном политическом режиме. Кому как ни

вам понимать, что стране нужны перемены? Эни вэй, не мы вас объявили экстремистом, не мы устроили за вами погоню... не мы, а система, с которой мы боремся. Почему бы нам не объединить усилия? Вам нужна защита, нам нужен идеолог...

Я, готовый скорее к спору с пеной у рта, нежели к такому резкому мирному повороту событий, задумался, потупив взгляд. Однако сидел я в таком положении совсем недолго, так как неожиданно для себя, наконец, увидел ту самую неосознанную цель, с которой я и решил в своё время писать статьи. Меня осенило: то, о чём говорил Кирилл, когда мы сидели с ним в кафе с кальянами, то, о чём я говорил ему, неожиданно приняло вполне реальные очертания. Я могу влиять на чужие жизни. Я могу сделать мир лучше. Я должен расшевелить людей — перетяну как можно больше из них на данную линию, и изменю мир... Вполне себе достойная цель.

Я поднял взгляд на Алексея Алексеевича.

Только с ним, конечно, придётся немного повоевать. У этого своё мнение, с которым тот расставаться не захочет ни при каких обстоятельствах. Впрочем, он представляет собой хоть какую-то защиту. Жить в постоянном страхе не хотелось, но вполне светило бы, если бы я отказался. Да и куда я сейчас подамся, если откажусь? В общем, лучше остаться здесь и попробовать гнуть свою линию.

Хитро улыбаясь, я, наконец, ответил:

- Гуд. Давайте попробуем поработать вместе.

Карлсон

Игорь

- Что же, теперь мы работаем с тобой вдвоём, - проговорил самодовольно Союзник, когда я пришёл в себя.

Я сидел в своей машине и, кажется, не особенно осознавая того, добрался до своего дома и припарковался. Тело ломило, мышцы ныли. Было такое ощущение, будто я весь день таскал мешки с песком, причём не только руками, но и спиной, головой, губами и даже пальцами ног, и ни разу не присел... Впервые в жизни уставшими у меня были, наверно, абсолютно все мышцы в организме. Но это ещё ладно, а вот моя правая рука. Она жутко болела и распухла. Я попробовал пошевелить пальцами, но жуткая боль пронзила её, и ничего не получилось. Кажется, это перелом.

- Что это было? - невозможная боль, спросил я Союзника.
- Игра в смерть. Кое-кто тебя толкнул, и ты чуть было не рассыпался. Если бы не я, тебя бы уже не существовало.
- Я должен тебя опять благодарить? - хмуро спросил я.
- Можно, но у меня нет привязанности к благодарностям.

Я осторожно вылез из машины, захлопнул дверь и осторожно заковылял домой.

- Ну, и что теперь?
- Теперь, когда ты убедился в том, что я был прав, кому ты доверишь?
- Никому, - буркнул я.
- Это правильно, - подтвердил Союзник. - Но помимо этого, кажется, я показал, что

мне тоже можно доверять.

Мне показалось, что где-то там, на другом конце провода, он даже улыбнулся.

- Посмотрим, - не желая соглашаться с этой мыслью, но понимая, что других вариантов у меня, и нет, проговорил я.
- Хорошо, - согласился Союзник. - Я понимаю, что тебе ещё нужно свыкнуться с мыслью о том, что голос в твоей голове может стать твоим наставником...
- Да, - только и ответил устало я, аккуратно скидывая с себя вещи и залезая в кровать, стараясь не беспокоить свою руку. - Но всё это завтра. Я мертвецки устал.

Усталость была такой сильной, что я даже не подумал сделать что-либо со своей рукой. Просто лёг на спину, а руку положил так, чтобы особенно её не беспокоить, и уже через пару секунд выключился и свалился в глубокий сон.

Мне снились обрывки из каких-то знакомых сцен, идентифицировать которые, правда, мне не удавалось.

Я был в психиатрической больнице. Мой лечащий врач улыбался и сиял.

- Вот видишь, тебе удалось прийти в себя. Ты понимаешь, что это значит? - говорил он в каком-то тумане.
- Что я псих?
- Нет, конечно, - помотал головой врач. - Мой метод работает. А раз так, то это просто-таки революция в области психотерапии. Результаты пока очень не стабильны, но то, что они есть — уже прекрасно!
- Гениально! - насупившись отреагировал я. - Если вы не против, я бы предпочёл отправиться спать и провалиться в чёрную бездну, а то после всех этих событий с туманом и розовыми глазами, у меня не осталось энергии.

Доктор быстро помутнел. Всю радость с него как рукой сняло.

- Да, конечно, - печально ответил он. - Я понимаю, что эффект пока лишь временный. Но мы будем работать дальше. И мы обязательно добьёмся результатов, Мэтью. Не волнуйтесь, я это просто так не оставлю.

Я устал, но с улыбкой посмотрел на доктора и рассмеялся.

- Мэтью?! Какой ещё Мэтью?! Я Игорь вообще-то! Вы меня с кем-то перепутали, доктор!

После этого сновидение рассеялось и обратилось в чёрную бездну, как я того и жаждал.

Проснулся я часов в десять, когда мой будильник уже просто умер от звона. Усталость в мышцах сменила боль во всём теле из-за молочной кислоты. Правая рука распухла и побурела. Двигать конечностями не хотелось, было лишь желание лечь в какую-нибудь горячую ванную и остаться в ней на веки вечные. Я нашёл в себе силы для того, чтобы пересилить мышечную боль, чтобы добраться до ванной и осуществить своё желание, осторожно придерживая правую руку. Наверно, с ней стоило что-то сделать, но по какой-то причине она меня в тот момент не так сильно занимала.

- Как водичка? - поинтересовался Союзник, пока я валялся в ванной.
- Шикарно, - подумал я ему в ответ.

Вода помогла мне расслабиться, из-за чего и мышцы не так болели, и рука, казалось, сама по себе начала приходить в норму.

- Если хочешь, чтобы это всё прошло поскорее, настраивайся на то, что у тебя ничего не болит, всё цело и в порядке, а не на то, что ты самый больной в мире Карлсон.
- Такие советы очень просто давать, - буркнул я, погружённый в приятную горячую воду. - А вот следовать им... Побывал бы ты в моей ситуации, я бы на тебя посмотрел...
- А я был в такой ситуации, - возразил Союзник. - Именно так я и пришёл к истинной свободе.
- Что значит «истинная свобода»? Разве быть конструктором — это не истинная свобода?
- Конструктором?! - воскликнул ехидно Союзник. - Конструктор — это свобода?! Слушать, что тебе говорит голос свыше, стоять на лестнице и ждать продвижения?! Ты что, с ума сошёл?! Разве может быть существо свободно, находясь на лестничной клетке? О какой свободе может идти речь?

Союзник тараторил. Моя безобидная фраза его явно зацепила.

- А слушать, что тебе говорит голос в голове — чем-то лучше? - поймал я его.
- Ну! - растянул он в ответ. - Это совсем другое дело. Я тебя только веду к свободе, и как только мы дойдём до неё, ты уже дальше пойдёшь без меня. Но это точно не будет положение, когда над тобой всё время кто-то стоит и что-то нашёптывает...
- Кажется, я задел за больное? - устало заметил я.
- Нет, что ты! - спокойно ответил Союзник. - Просто меня искренне удивляет ход твоих мыслей.
- Ну, а что же ты хочешь от меня?! Я ведь, совсем ничего не знаю об этих ваших «свободах», - я повернул голову на бок и закрыл глаза.
- Ты-то как раз знаешь много. Возможно, даже больше, чем нужно. Только, пока ты сам же и не допускаешь до себя это знание, - возразил он.
- Возможно. Так что же такое «истинная свобода» в твоей интерпретации? - нехотя спросил я.
- Истинная свобода — это не быть частью системы, - философски, но очень кратко ответил Союзник.
- Ну, и как это? - устало спросил я. И так было тяжело, так этот хмырь ещё заставлял из себя вытягивать информацию.
- Ты поймёшь со временем, - в духе Кирилла ответил Союзник. - Пока же приходи в себя, возвращайся к «.» и перестань строить из себя Карлсона!

Бесцельная жизнь

Дима, Дагни

Мы завели с Дагни привычку выбираться хотя бы один раз в неделю на какие-нибудь выставки либо концерты, либо спектакли. Так мы посмотрели «Дядю Ваню» в БДТ, послушали девятую симфонию Малера в исполнении Клаудио Аббадо, побывали на импрессионистах и передвижниках. Казалось, что Дагни всерьёз занялась моим воспитанием. Обычно, каждый раз как мы приходили на подобные мероприятия, она мне рассказывала, что стоит за тем или иным произведением, почему автор именно так его написал, и что он в него вкладывал. Иногда она делилась какими-то удивительными историями из личной жизни авторов, как будто была непосредственным их участником.

Параллельно с этим на работе я пытался, тайком от остальных, решить проблема Адама и Элли. Коля написал несколько версий кода и проводил испытания. Я непосредственно участвовал в процессе. Элла успешно справлялась с отражением атак на виртуальный сайт, Адам ей помогал. Но пока они были слишком узко специализированными и не самостоятельными. Научить их общаться и учиться было сложно, но ещё сложнее было убедиться в том, чтобы их цели не противоречили здравому смыслу и нормам поведения людей ни в каком виде. Приходилось вводить очень много ограничений на их поведение. Например, однажды у Элли родилась идея назначить награду за убийство людей, атакующих наш сайт. Слава богу, всё это происходило в симуляции, поэтому мы смогли достаточно быстро починить этот баг. Работа шла медленно и мучительно. Я чувствовал, что делаю что-то не так, что мне нужен какой-то прорыв. Но в голову пока ничего конкретного не приходило.

В одну из суббот Дагни повела меня на открывшуюся международную выставку каллиграфии в Академии Художеств. Хотя каллиграфией я никогда не интересовался, выставка оказалась достаточно любопытной. Там было много всего: что-то из славянского письма, какие-то японские экспонаты, книги времён семьи Романовых... Но всё это не так интересовало Дагни. Она, казалось, меня привела сюда специально, чтобы обратить моё внимание на один особенный экспонат. Мы подошли к рукописному варианту конституции России, когда Дагни оживилась и задала вопрос:

– Как ты думаешь, почему этот экспонат особенный?

Я дёргаю плечами.

– Потому что книга написана вручную?

– Потому что эта книга — это набор рекомендаций и ограничений. Посмотри на неё. Сколько сил на неё было потрачено.

Дагни присела, изучая толщину книги.

– Она, вроде бы, не очень большая, - замечаю я.

– Нет, конечно. Но за каждой строчкой, за каждой страницей стоит какой-то конкретный человек с конкретной идеей, почему нужно написать так, а не иначе.

– Разве это важно? - ухмыляюсь я. - Ты же сама говорила, что читатель важнее писателя.

– Конечно, читатель важнее! И, к слову, в России живёт много бездарных читателей... Но в данном конкретном случае я хочу обратить твоё внимание на тех серых кардиналов, которые стоят за этими страницами.

– И что же в них особенного? - не понимаю я.

– Представь, через что эти люди проходили.

Дагни смотрит на меня, не отводя взгляда и ожидая моей реакции. Я не понимаю, чего она от меня хочет. Я мотаю головой и смотрю на неё вопросительно.

- Я не говорю сейчас о тех столкновениях между президентом и верховным советом. Я говорю о людях, которые писали этот документ. Им нужно было придумать свод правил и ограничений, по которым жила бы вся страна. Задача чем-то похожа на то, что ты делаешь сейчас с Адамом и Эллой.

Я улыбаюсь. Как она так всё вывела интересно?!

- Хочешь сказать, что мне стоит взять с них пример и сделать что-то типа конституции?

Дагни качает головой и вздыхает:

- Да нет же! Ну, написали они её, и что стало? Этот свод правил сам по себе не имеет никакого смысла. Это просто набор бумаги, которым можно особенно не задумываясь подтереться! Так некоторые люди и делают, и ещё сделают в ближайшее время и ни раз.
- Я тебя не понимаю, - кажется, я теряю нить повествования. - Что ты хочешь этим всем сказать?
- Я хочу сказать, что ты можешь потратить уйму времени на написание свода законов и правил, но какова будет цена этому твоему труду, если в итоге ни Адам, ни Элла не будут их выполнять?
- Да как это они не будут выполнять?! - удивляюсь я. - Это же не то же самое. В их случае это правила жизни, их ограничители и направляющие. Ты просто не понимаешь...

Но Дагни не даёт мне договорить:

- Просто сама жизнь показывает постоянно, что никакие ограничители ей не помеха. Если твоя Элла достигнет, как ты это называешь, «супер интеллекта», то думаешь её что-то будет останавливать на пути достижения её целей?

Я задумываюсь.

- В этом есть опасность, да. Но без ограничителей она начнёт творить беспредел ещё до достижения уровня супер интеллекта.
- Почему? - только и спрашивает Дагни, как будто ожидая от меня конкретного ответа.
- Потому что её цель — защищать сайт, - практически не задумываясь отвечаю я.

Дагни довольно улыбается и целует меня в щёку. А потом, ни говоря ни слова, идёт к следующему экспонату, с любопытством изучая его так, как будто тема наша закрыта.

- Я не понимаю! - не понимаю я и подхожу к Дагни. - Что ты этим хочешь сказать?

Она, кажется на меня не реагирует, с интересом разглядывая иероглиф на стене.

- Ты хочешь сказать, что мне нужно убрать цель у Эллы?
- Кажется, этот иероглиф означает «прут». А вместе с этим иероглифом они, должно быть, формируют слово «фокус».
- Но зачем мне тогда вообще заниматься Эллой, если у неё не будет цели? - не

понимаю я, не обращая внимание на её размышления вслух.

Дагни молчит, разглядывая иероглифы.

– Да и как это возможно вообще — жить без цели?

Она неожиданно оживляется, поворачивается ко мне и улыбаясь спрашивает:

– А как же тогда ты живёшь?

– Но я-то — это совсем другое, - теряюсь в объяснениях я. - Я же не компьютерная программа, я же не спроектирован никем...

– Это очень смелое заявление, - замечает Дагни. - Откуда знаешь?

Я стою опешив и гляжу на неё.

– В каком смысле?

– Откуда ты знаешь, что ты — не часть созданного кем-то эксперимента?

– Я, конечно, не знаю, - нехотя отвечаю я, - но... Мне всегда казалось, что я сам по себе. Меня никто не создавал... А если кто-то меня и создал, то он явно это делал без каких-то конкретных на меня видов.

– Тогда почему же, создавая свою Эллу, ты пытаешься заставить её плясать под твою дудку?

Дагни довольно улыбается, видя что поставила меня в ступор, а сама продолжает прогуливаться по выставке.

Всю оставшуюся выставку я прошагал за Дагни как робот, пытаюсь решить дилемму, положенную в мою голову извне. Можно ли создать искусственный интеллект без какой бы то ни было цели и надеяться на то, что он из моральных соображений будет помогать проекту? Звучит абсурдно и брезово... Но, может, сработает?

Привычный уклад

Игорь

Лёжа в ванной и приходя в себя, я разговаривал с Союзником. Мне значительно полегчало и боль в мышцах как будто прошла сама собой. Рука пришла в норму и вообще перестала доставлять каких-либо неудобств. Наверно, не было никакого перелома — просто показалось. Теперь я просто отдыхал.

– Тебе нужно раскатать себя, - убеждал Союзник. - Нужно из луча света, охватывающего пространство лишь впереди себя, превратиться в светящуюся точку.

– Как это и зачем это? - не понимал его я, потирая ноги жёсткой мочалкой.

– Ты слишком завязан на себе, на этой линии, а значит и слишком уязвим для атак Кирилла.

– Я не понимаю, почему он этого ещё не сделал, да и зачем это ему? - смутился я.

– Пока что ему не удалось этого сделать, потому что я защищал тебя. Но теперь он будет действовать более решительно, так как время поджимает...

– Но зачем ему убивать меня?! - не понимал я.

- Ты своим существованием представляешь опасность для их прекрасной карьерной лестницы, - загадкой ответил он.
- Что за бред?! - вспыхнул я. - Кому я могу вообще угрожать своим существованием?! Я не настолько важная птица!
- Ты пока просто этого сам не понимаешь... Но скоро всё поймёшь. На самом деле, сейчас идёт серьёзная борьба за новое существо. Разные силы пытаются его перетянуть к себе. И ты стоишь на пути у некоторых из них.
- Чёрт с тобой! - решил я больше не препираться — настолько мне надоели все эти непонятные фразы. - Чего ты от меня хочешь?
- Займись осознанными сновидениями. Чтобы дело пошло в гору, научись осознавать себя непрерывно в течение дня. А для этого надо начать ломать свои привычки и действовать спонтанно. Ты слишком предсказуем. Каждый день, просыпаешься утром, на завтрак ешь хлопья и выпиваешь чашку кофе, садишься в машину, сидишь в пробке, приезжаешь в свой офис к десяти... Весь твой день можно легко расписать. А раз так, то и твои действия легко спрогнозировать. Начни действовать спонтанно и непредсказуемо, наперекор своим привычкам. Сейчас у тебя как раз есть возможность для этого.
- Сейчас у меня такой возможности как раз и нет, - буркнул я. - Я должен заниматься «.».
- Выбирай сам, чем заниматься: своей жизнью или «.».

Из-за своего упрямства я тогда не принял совет Союзника, и несколько дней продолжал жить как и раньше. Возможно, я бы так ничего и не стал менять в своей уже устаканившейся жизни, если бы не пара эпизодов, произошедший со мной уже два дня спустя после той беседы.

Проснувшись как всегда, я направился по привычке в душ. Полусонный стоял под потоком горячей воды и приходил в себя. Намылил голову и собирался уже смывать пену, когда неожиданно заприметил какое-то движение за шторой, сопровождаемое тихим сопением. Я замер и начал прислушиваться. Что-то было в ванной. Я чувствовал его волосами на своём теле, но совершенно не видел. Я потянулся к шторе, готовясь к тому, чтобы отдернуть её в сторону и выскочить из ванной, но неожиданно невидимая сила набросилась на меня, срывая шторы и прижав к стене.

Я повис в воздухе, дёргая ногами зажатый невидимой силой, душившей меня шторой, обвившейся вокруг моей шеи. Единственное, что у меня получилось сделать — это издать сдавленный крик. Я попытался руками освободиться от шторы, но сделать этого не удавалось. Я попытался нащупать своего противника, но того нигде не было. Казалось, это просто сама штора решила задушить меня.

В один момент я уже решил, что всё потеряно, что я проиграл, но неожиданно откуда-то из подсознания всплыло умение, наработанное давным давно на тренировках по рукопашному бою. Через силу я включил боевое дыхание и метнул правую руку в сторону невидимой сущности, зажавшей меня. Неожиданно рука прошла как будто через более плотный воздух, из-за чего сущность вздохнула мне в лицо и отпустила хватку.

Я съехал в ванную, поскорее сорвал с себя шторы и кинул её на пол. После чего постарался как можно скорее прийти в себя.

- Что это было? - обратился я к Союзнику.
- Это твои привычки тебя подвели, как я и предупреждал. Молодец, в этот раз ты смог переломить ситуацию... Но не факт, что получится в следующий.
- Отвянь, - упрямо обрезал я, не желая признавать свою слабость, встал на ноги, домыл голову, после чего пошёл завтракать.

Но на этом эпизоды не закончились. Во время поездки на работу со мной случилась ещё одна чертовщина. Когда я, наконец, выбрался из первой пробки и помчался по набережной, привычно превышая скорость на 400 рублей и слушая Deep Purple «Speed King», в машине послышались вздохи, похожие на те, что были в ванной. «Послышались» они, правда, не моими ушами, которые в тот момент были загружены музыкой, а моей кожей — я ощутил присутствие в салоне той же силы, что и несколькими часами ранее. Чьё-то дыхание коснулось моих волос. После чего эта неизвестная сила вцепилась в руль и резко дёрнула его направо. Во мне что-то непроизвольно щёлкнуло, и я как будто мгновенно перескочил на другую линию своей судьбы, на ту, на которой машина в нарушение законов физики сама выпрямилась, не послушалась тёмной силы и стала затормаживать. Машина остановилась, но сила была рядом — я чувствовал, что она проследовала за мной.

- Что делать? - обратился я к Союзнику.
- Срочно вылезай из машины.

Я беспрекословно послушал его, отрыл дверь, сделал левой ногой шаг наружу и даже не успел ещё полностью выйти, как в мою машину сзади на полной скорости влетел Камаз. Машину отбросило вперёд, она врезалась в ограждение и, сделав кувырок, упала в реку. Я чудом остался цел и никак не пострадал.

- Что за хрень?!
- Я же тебе говорил... - занудно начал Союзник.
- Да, да - перебил я его. - Что делать?
- Бросай свои привычки и начинай менять свою жизнь. Не стой на месте, двигайся! И осознай себя уже наконец!

Как только он произнёс последнюю фразу, я оглянулся и неожиданно для себя, осознал всей своей сущностью себя и мир вокруг. Все проблемы и все мысли сразу же отступили на второй план, а я ощутил в себе какую-то новую силу. Я сделал внутреннее движение в сторону и, как мне показалось, сумел изолировать себя от невидимой силы. Линия, на которой я теперь стоял как-то изменилась, но я не мог определить как именно, да и не хотел определять. Сверху медленно спускались крупные снежинки таявшие, едва коснувшись асфальта. Я стоял у фонаря на краю тротуара, а передо мной спокойно ехали машины. Кажется, на часах было одиннадцать, а я только что вышел из дома. Сегодня я решил приехать в офис попозже.

Особенно не думая, я вытянул руку и затормозил такси.

- Куда, шеф? - спросил водитель.
- В офис. - ответил я, садясь в салон.

Так я начал ломать свой привычный жизненный уклад...

Мне выделили комнату на третьем этаже с видом на лес из окна, скованного старыми проржавевшими решётками (такие обычно устанавливают в квартирах на первых этажах). Наверно, это они сделали для того, чтобы, во-первых, я не видел ничего лишнего, а, во-вторых, не удрал... Впрочем, пока у меня самого не было желания покинуть своё убежище — здесь я хотя бы знал, что меня охраняют, пусть сама охрана пока и носила скорее тюремный оттенок...

Комната, в которой я обитал, была не очень уютная: опять крашенные стены вместо обоев (это по-видимому был корпоративный стиль: даешь свободу стенам от оков обоев!), только в этот раз они были светло-зелёного цвета, опять старый коричневый линолеум в ромбик на полу и опять галогенные лампы под потолком. Явное ухудшение жилищных условий по сравнению с квартирой Миши.

Однако при всей своей совковости, комната была чистая и добротна оборудована: одноместная кровать с пружинами и с мягким матрасом, офисный стул, простенький стол из Икеа, толстенький цветной телевизор, подвешенный к стене и какой-то старенький компьютер, которого, впрочем, хватало для работы с документами и выхода в интернет. На последнем, то ли из-за идеологических соображений, то ли из-за элементарных соображений безопасности, была установлена непривычная для меня операционная система Linux Kali, что в первое время вызвало некоторые сложности во время работ. Однако освоился я с ней на удивление быстро. Алексей Алексеевич на мой вопрос о таком нестандартном выборе операционной системы ответил идеологически верно: «.» признаёт только свободное программное обеспечение. Впрочем, другого ответа от него я, пожалуй, и не ждал...

Из моих предметов со мной была мои умывальные принадлежности, одежда, и тетрадь с ручкой. Однако, «.» выделила мне ещё бритву со сменными лезвиями, крем для бритья, и набор простой одежды. Так что теперь я мог привести себя в порядок. У них так же было всё продумано в плане стирки, стрижки и уборки, так что, хоть жилплощадь моя и уменьшилась, но комфорта фактически прибавилось. Мне даже теперь не надо было готовить — в организации была столовая, нужно было только вовремя приходить на завтрак, обед, полдник и ужин. В общем, с жизнью в организации я освоился достаточно быстро, и новые условия стали очень естественными, вытеснив мою жизнь в своей собственной квартире из моих воспоминаний. Казалось, что это было так давно, годы... А прошло-то месяца три, не больше.

Что удивило меня самого в процессе переезда, так это то, с какой лёгкостью я принял новые условия жизни. Я уже не скучал по своим шмоткам, я стал меньше париться по поводу чистоты в комнате и значительно расслабился по поводу того, как и в каких условиях мне жить. Казалось, моя одержимость чистотой и прибранностью осталась в предыдущей квартире. А я теперь мог двигаться дальше.

После того нашего разговора с Алексеем Алексеичем, мы договорились, что я напишу продолжение своего цикла статей, только в этот раз акцентирую своё внимание на политическую, а не философскую сторону жизни. Я должен был писать, а меня за это кормили, охраняли и позволяли свободно передвигаться в замкнутом пространстве штаба. В целом такие условия меня не сильно напрягали, времени свободного было море, поставленная задача нравилась, но каждый раз, как я садился за компьютер и пытался что-нибудь из себя выдавить, то впадал в ступор, и не знал, о чём писать.

Имея в своём распоряжении много свободного времени, я стал ещё больше заниматься собственным развитием — в основном осуществлял перепросмотр и уже дошёл в нём до себя в трёхлетнем возрасте. Метод работал, и по мере вспоминания, из головы вытаскивалось всё больше и больше деталей и тараканов. Это было как снежный ком, катящийся с горы, остановить который уже просто не представлялось возможным. Кроме того, я смог достать у Наташи пару дисков с музыкой Enigma и записывал на них свои эмоции и чувства. Но к сожалению всё это никак не помогало в написании статьи, и я чувствовал, что скоро Алексей Алексеевич спросит, а мне нечего будет ему ответить...

В этих условиях и со страхом перед своим неопределённым будущим, я прожил около двух недель. Пару раз я встречался с Алексеем Алексеичем, и когда тот спрашивал: «соу, как оно движется?» - я коротко отвечал: «притти гуд» - и делал голливудскую улыбку, стараясь не показывать своей растерянности и страха.

То ли из-за этой мысленной загруженности, то ли из-за ленивого образа жизни, за всё это время мне и в голову не пришла мысль встретиться с Кириллом или попытаться установить связь с кем-нибудь из своих друзей и родственников. И однажды неожиданно для себя я осознал, что стал абсолютно самодостаточным и самостоятельным, и мне, в принципе, для движения вперёд больше никто и ничто уже и ненужны.

Пару раз в коридоре я случайно сталкивался с Мишей. У него горели глаза, по всему было видно, что он много впитывает, занимается чем-то интересным, и ему это нравится. Я, конечно не был уверен в правильности того, что вкладывали ему в голову — из него фактически делали солдата, — но выглядел он абсолютно счастливым, и мне не хотелось при нём поднимать вопросы истинности той или иной позиции. В конце концов, жизнь настолько многогранна и многообразна, что вполне допускает истинность разных взглядов на себя. Только однажды я попытался обсудить с ним его новый дом и образ жизни, но после этого случая зарёкся так поступать.

- Ну, и как ты? - спросил я Мишу при встрече. - Нашёл свою «.»?
- Всё круто! Босс говорит, что я очень перспективен. Правда, некоторые упражнения меня добивают.

Миша показал свои руки. Ладони и пальцы были все в мозолях.

- Это мы стирали чёрные носки, - пояснил он. - Босс сказал стирать до тех пор, пока те не станут белоснежными. Я старался, но только стёр их до дыр.

Я покачал головой.

- Бред! Ты хотя бы понимаешь, зачем вы это делали?

Тот в ответ помотал головой.

- Ну, спроси у своего Босса...
- Я не должен задавать вопросов, - с готовностью ответил Миша.

Я удивлённо посмотрел на него. На то, чтобы он стал говорить как космическая обезьяна из «Бойцовского клуба» ушло не более двух недель...

- Как так: «не задавать вопросов»? Ты что, безмолвная марионетка? А как же своя позиция, своя точка зрения?
- Если мы хотим изменить мир к лучшему, у нас должна быть единая точка зрения, - протараторил выученную фразу Миша, и мне стало жутко одиноко — я неожиданно почувствовал, что во всём этом огромном здании с шестью этажами и

подвалом был только один человек со своей личной точкой зрения — Алексей Алексеич. Все остальные были просто множеством его копий.

Мучить Мишу я тогда не стал и, обменявшись с ним парой фраз ни о чём, отпустил на свободу.

Проводя время в роли наблюдателя, шатаюсь по зданию, я не мог ни отметить серьёзность намерений подпольщиков и то, с какой тщательностью они к чему-то готовились. Однако из общения с Алексеем Алексеичем, я понял, что они по сути сами не понимают, к чему — только ждут, что скоро рванёт, и они, конечно же, как и большевики окажутся в нужном месте, в нужное время, возглавят революцию и устроят разгул демократии... Им пока явно не хватало нормальной программы, вся полемика сводилась к тому, что счастье будет, когда Алексей Алексеич придёт ко власти, но для кого наступит это счастье, было непонятно.

Видя всё это и желая направить усилия подпольщиков в конструктивное русло, я понял, какова моя цель пребывания в их среде — нужно начать создавать программу движения. Причём сделать её нужно для начала в виде серии статей, в каждой из которых должны рассматриваться элементы, которые потом войдут в программу, а пока будут просто задавать общее направление их движения.

И вот, наконец, я собрался с силами, сел за компьютер и задумался, с чего же начать. Примерно за полчаса я исписал страницы три электронного документа с общими мыслями и идеями о программе, отчего получил немалое удовольствие, однако решить, о чём же именно из всего этого многообразия писать в первую очередь, так и не сумел. Я опять попал в тупик. Примерно в течение часа я бесцельно болтался по комнате, томясь от раздумий о том, с чего начать. И только, когда я плюхнулся от бессилия на свою кровать, неожиданно почувствовал, что решение моей проблемы лежит где-то рядом... только на другой линии.

Я закрыл глаза, стал медленно ровно дышать и расслабился. Казалось, даже кровь стала медленней течь по моим жилам. Надо перейти на другую линию. Надо сконцентрироваться только на ней, отключиться от всего остального, отключиться от этого мира, уйти от всего...

Я почувствовал, что в пространстве вариантов есть одна выпуклая линия. Я сконцентрировался на ней и ощутил её цвет, её пульсацию, а потом на каком-то внутреннем уровне ощутил свою проекцию на той линии. Проекция отличалась от всех других, в которых я уже успел побывать, каким-то странным восприятием. Однако, меня это нисколько не смутило, а скорее даже заинтриговало.

Движение вперёд, осознание, и вот он я, на другой линии, в чужом сознании...

В чужом сознании

Рома

Благодаря интенсивному развитию науки в России и усердной работе по развитию нанотехнологий, начавшейся ещё в 2008 году с модернизации экономики страны, госкорпорация «Роснотех» в 2024 году анонсировала модель компьютера, в прямом и переносном смысле перевернувшую сознание людей. «СВР» — Система Всеобщего Развития — представлял собой таблетку, которую нужно было лишь проглотить, после чего по организму, следуя заложенному алгоритму, распространялись нанороботы, отвечающие за разные функции, начиная от поддержки жизненных сил и оперативного лечения любых появляющихся ран, заканчивая мониторингом мозговой активности и

предотвращением депрессий. Но все эти функции меркли по сравнению с главным элементом, коронующим СВР — компьютером, проецирующим в мозг любую информацию, и считывающим команды пользователя на основе встроенного анализатора мозговой активности, благодаря чему человек мог взаимодействовать с компьютером непосредственно, без лишних интерфейсов и не прилагая никаких физических усилий. Для обеспечения СВР питанием человеку требовалось лишь самому соблюдать режим питания — тот получал энергию напрямую из человеческого организма.

Устройство оказалось поистине революционным и изменило образ жизни людей во всех сферах.

Теперь любой человек, находясь в любой точке мира, благодаря постоянному подключению к интернету, мог в любой момент устроить встречи с любыми людьми, будь то друзьями или виртуальными коллегами, причём отличить их от реальных стало практически невозможно: они так же говорили, так же выглядели, даже так же пахли, как и в реальности, но при этом могли находиться на другом конце земли, за несколько тысяч километров.

Теперь не нужно было таскать с собой еженедельники, документы и даже деньги — все данные о пользователе, его счетах, его контактах, его расписание и прочее были защищены в компьютер.

Теперь даже не нужно было тратить свои деньги и драгоценное время на подбор подходящей одежды и приведения своего внешнего вида в порядок — достаточно было купить в интернет-магазине соответствующую оболочку из категории «одежда» для того, чтобы система идентификации начала транслировать всем людям вокруг ваше изображение в желаемом для вас виде. Да и в различных салонах красоты надобность отпала — достаточно было купить оболочку из категории «парикмахер» или «пластика лица» для того, чтобы получить ту причёску и те черты лица, которые тебе нравятся — всё остальное за человека делала система идентификации СВР.

А какая разница, читали ли вы, например, «Горе от ума» или нет, если вы в любой момент можете обратиться к огромной онлайн библиотеке, найти первоисточник и процитировать любую фразу? И зачем мучить детей в течение нескольких лет и вбивать им в головы знания, которые никогда в жизни не пригодятся, если компьютер сам может проанализировать, в чём человек лучше всего может преуспеть и дать ему ровно то и ровно в том объёме, в каком нужно в конкретный момент времени?

СВР не только перевернула жизнь людей, но и размыла различия между ними. Наконец, обещанное Сергеем Сергеевичем Рыбиным и Единой Россией истинное равенство между людьми оказалось осуществимым, а народное счастье, о котором говорил президент ещё в 2002 году, оказалось реально достижимым.

В течение нескольких лет с момента выхода СВР проходил тестирование и распространялся только на коммерческих условиях по приватной подписке. Однако, несмотря на высокую стоимость устройства, ажиотаж, вызванный его продажами, был невероятный. Люди пытались достать устройство, используя любые способы и любые деньги. Массовое производство СВР началось в 2030 году, а уже начиная с 2036 года, правительство России по инициативе Рыбина Сергея Сергеевича приняло решение установить СВР бесплатно всем желающим. А уже два года спустя компьютеры стали бесплатно устанавливаться всем новорождённым. К 2042 году в стране не осталось людей, у которых не был бы установлен СВР, а функционирование вне данной системы представить себе уже было невозможно. Так начался триумф России на мировой арене...

Всё это я прочитал в справочной системе своего сознания (что, наверно, звучит как некое сумасшествие), когда ощутил, что моё тело как-то необычно воспринимает окружающий мир, и попытался разобраться в том, почему это так происходит. Я лежал на кровати и видел всё вокруг себя как будто двухслойным.

Первый слой представлял собой угрюмую, тёмную, грязноватую, потёртую комнату небольшого размера, без окон, лишь с дырой вентиляционной шахты и одной единственной серой дешёвой лёгкой дверью из ДСП, без замка, ведущей куда-то наружу. Комнату было тяжело различить, так как в ней даже не было ни одной лампочки, а из мебели были лишь металлическая кровать со старыми пружинами и слежавшимся матрасом, жёсткий пластмассовый стул, пластмассовый стол на трёх ножках с углублениями для еды и воды внутри, а также странные трубы над столом, из которых, по-видимому, и должны были подаваться еда и вода. Конструкция чем-то напоминала кормушку для хомячка... Рядом со столом были расположены пластиковая раковина, душевая кабина и простой керамический унитаз.

Поверх всей этой квартиры, как будто во втором слое, в моём восприятии была шикарная просторная комната с огромными окнами с видом на парк, освещённый приветливо улыбающимся солнцем, голубыми обоями с золотыми завитушками, массивными деревянными дверьми с золочёными ручками, шикарной мягкой двухспальной кроватью, дубовым тёмно-коричневым столом и десятком стульев, расставленных вокруг него. В квартире помимо описанной обширной комнаты, были ещё туалет и ванная. Я прошёлся к ним и заглянул внутрь. Ванная с шампунями, солями, маслами, одеколонами и ароматизированными свечами, керамическая раковина с медным краном. Туалет с идеально белыми унитазом и биде... Где-то подспудно я чувствовал жёсткую связь между раковиной в первом и во втором слоях и унитазами в обоих слоях. Как будто перемещение к ним во втором слое автоматически означало перемещение к соответствующим предметам в первом. Возможно моё тело проделывало это сотни раз на автомате.

Обращаю внимание на свою одежду. В слоях она различается разительно. В первом — на мне серый льняной комбинезон, надетый на голое тело, и чёрные потрёпанные жёсткие кеды из тонкой материи на ногах. Во втором же слое я одет в потёртые синие джинсы с эмблемой «Wrangler», приятную мягкую обтягивающую футболочку бежевого цвета с надписью «13», а поверх неё — рубашку в крупную сине-бежевую полоску. На ногах — несколько истоптанные белые кроссовки «Nike»... Ощущения в разных слоях и вид одежды смешиваются и вызывают дискомфорт. Плохо понимаю происходящее. Сознание, не привыкшее к таким фокусам, пытается разъединить слои, концентрируется то на одном, то на другом, вызывая своими действиями головокружение и головную боль.

Я прогуливаюсь по комнате, дотрагиваясь до разных предметов, принохиваюсь, прислушиваюсь, сравниваю получаемые ощущения, стараясь как-нибудь успокоить взбунтовавшийся организм. Прикасаясь к стулу с пластмассовой спинкой в первом слое, сразу же чувствую мягкую ткань обивки во втором. Вдыхая запах ванили во втором слое, дышу совершенно пресным и безвкусным воздухом в первом. Слыша гул разболтавшегося вентилятора в шахте в первом, лишь подмечаю приглушённое щебетание птиц во втором...

Неожиданно замечаю, что во втором слое помимо всего прочего есть ещё и какое-то постоянное тонкое течение неиссякаемого потока информации: как будто через меня проускают ленту новостей. Как только я обращаю на него внимание, лента выступает на

передний план, и я уже могу чётко различить, что она в себе содержит. Сейчас это своеобразный документальный фильм. В данный момент передо мной стоит полноватый усталый человек с синяками под глазами, крючковатым носом, большими губами и идеально ровными зубами. Взгляд у него потухший и виноватый. Он удручённым голосом, срывающимся на плач, признаётся:

«...и совершил диверсию осознанно, будучи американским агентом ЦРУ. Раскаиваюсь в совершённом преступлении и готов понести высшую меру наказания, не заслуживая прощения...»

Я просто знаю, что человека зовут Виктор Стрельцов, и что его фигуру преобразовали так, чтобы она вызывала неприязнь. Возможно, такие небольшие детали, как: подведённые чёрным карандашом контуры глаз, тщательно выбеленные зубы, сформированная кем-то сгорбленность — были незаметны рядовому гражданину, но, по-видимому, я отличаюсь от рядовых, так как сразу же распознаю этот подлог.

Как только Виктор заканчивает своё признание, диктор где-то у меня за спиной начинает говорить о том, насколько тяжко совершённое преступление, о том, что партия любит и партия прощает, но Виктору нужно отвечать не перед ней, а перед нашим суверенно-демократическим обществом. Сразу же после этого перед моими глазами всплывает вопрос: «Простить Виктора?» — и два варианта ответа: «Да» и «Нет». Какие-то животные инстинкты внутри толкают меня, и я, практически не раздумывая, выбираю «нет». Вопрос исчезает и вместо него появляются две полосы с указанием процентов. Полосы двигаются, словно пляшут канкан: рост одной сопровождается снижением другой, чередуются... — и вот уже спустя секунд десять они успокаиваются, останавливаются и на большей из них появляется: «Нет — 83%», а на меньшей — «Да — 17%». Сразу же после этого диктор объявляет, что голосование закончено, в нём приняло участие пятьсот тридцать девять миллионов человек, решение принято. Приговор приводится в исполнение. «Боже, прости и прими грешную душу раба твоего Виктора. Аминь» Глаза Виктора закатываются, сам он падает замертво словно его организм неожиданно перестал работать, и я понимаю, что перед моим взглядом лежит уже мёртвый человек. За кадром раздаются бурные аплодисменты зрителей, и передача меняется на сводки с Русско-американского фронта.

Следить за потоком больше нет никакого желания, я его рефлексивно заглушаю, хотя полностью отключить его не удаётся. Пытаюсь отрешиться от всего этого и вспомнить, как я здесь очутился, и кто я такой, когда замечаю, что в этот раз помню, что нахожусь всего лишь в теле своей проекции, обладающей чуть большей энергией, чем многие другие, а родной для меня является проекция на какой-то другой линии, со значительно большим уровнем энергии. К сожалению подробностей как об этой, так и о предыдущей линии, я совершенно не помню. Помню лишь, что здесь с самого рождения в меня внедрили СВР, и практически всю свою сознательную жизнь я действовал лишь во втором слое, воспринимая его как нечто само собой разумеющееся. Ещё в детстве первый слой был полностью закрыт для меня, и это вот расслоение восприятия ненормально, скорее всего, какая-то аномалия, связанная либо как-то с прошлым этой проекции, либо с моим переходом на эту линию. Возможно, если бы я помнил свою предыдущую линию, многое стало бы понятней. Однако оттуда я могу вспомнить лишь обрывки обучения и какого-то наставника, черты лица и имя которого затерялись где-то в углах моей памяти. Ощущение при этом такое, что без его имени мне никак себя не вытащить и не вернуться назад...

Раздаётся стук в дверь, я вскакиваю с кровати, вздрагиваю и гляжу на неё.

– Войдите, - отвечаю на полуавтомате и отмечаю, как непривычно звучит мой голос:

мало того, что он различается в слоях: в первом он хриплый и ленивый, говорящий костляво и неровно, во втором — вальяжный и бархатистый, звучащий баритонально приятно. Кроме того, кажется, он ещё и радикально отличается от голоса моей формы с оригинальной линией...

Во втором слое дверь открывается и в комнату входит молодой подтянутый парень приятной внешности с золотыми кудрями и голубыми глазами. С таких обычно в фильмах рисуют супер-героев. В первом же слое абсолютно ничего не происходит. И стук, как я понимаю уже пост фактум, был только во втором.

– Привет, Рофенар! - говорит вошедший приятным баритоном, похожим на мой.

Над ним появляется табличка с именем и краткой информацией: «Вертивлас Подгорский. 25 лет. Коллега по работе, старший аналитик. Богатые родители. Холост. Флегматик. Частые депрессии. Пьёт пиво. Любит «Витязь». Гетеросексуален. РСС: 2». Некоторые из появившихся фраз выделены голубым цветом и подчёркнуты и по-видимому позволяют узнать подробности по обозначенным темам. Но, вот, самая загадочная — РСС — никак не расшифрована... Впрочем, я всё равно пока на это время терять не собираюсь — мне хотя бы для начала привыкнуть к этому интерфейсу и к самому себе.

– Привет, Вертивлас! - отвечаю я, стараясь не показывать своего смущения, из-за того, что на самом деле не знаю, кто он.

– Как жизнь? Что-то ты бледновато выглядишь, не заболел ли? Ты проводил утреннее сканирование? - бойко забрасывает он меня вопросами.

– Я? - растерянно переспрашиваю, после чего отвечаю как можно более нейтрально, стараясь скрыть то, что не имею ни малейшего представления о том, что такое «утреннее сканирование»: - Я в порядке. И сканирование в порядке.

Вертивлас смотрит на меня с недоверием, а я про себя отмечаю, насколько же он реален во втором слое. Он дышит, он моргает, он улыбается, от него пахнет приятным парфюмом и у него черты лица абсолютно реального человека...

– Чем думаешь сегодня заняться? - хитро поглядывая на меня, спрашивает он. - Опять со своей таинственной незнакомкой вечер проводишь?

Что за незнакомка?! Чем обычно здесь занимаются? Как мне себя вести с этим товарищем, если я совсем не знаю, кто я? Краснею, хотя чувствую, что это происходит только в первом слое.

– Возможно. Посмотрим. Я пока не решил...

– Пока не решил? - не скрывая своего удивления, спрашивает Вертивлас. - Что-то это на тебя совсем не похоже. Утреннее сканирование точно дало положительный результат? А то, может, твои боты вирус подцепили? Ты обновлял антивирус?

– Да всё в порядке, - с небольшим раздражением отвечаю я. - Я просто туго соображаю...

– Окей, - неожиданно отступает он и оценивающе глядит на меня, - тогда приходи в себя. Только имей в виду, что мы сегодня собираемся на арену сходить. Трестон говорит, что у него есть стопроцентная информация о сегодняшнем победителе — можем на этом деле подняться.

Я киваю, Вертивлас разворачивается и быстро уходит, закрыв за собой дверь. Сразу же

после этого раздаётся стук в дверь, на который я молниеносно и резко отвечаю:

– Я занят. Зайдите потом.

С другой стороны раздаётся мужской голос:

– Привет, Рофик! Ты в порядке? Вертик говорит, ты странный какой-то сегодня...

Перед дверью появляется табличка с фотографией молодого человека модельной внешности (чем-то напоминающего Вертивласа, только с другой причёской) в изящных очках и подписью: «Трестон Татаров. 27 лет. Школьный друг. Бухгалтер. Женат. Сангвиник. Увлечение: арена. Не пьёт. Бисексуален. РСС: 3».

– Привет, Трестон! - отвечаю я, сознательно не впуская его в квартиру. - Я в порядке. Просто занят сейчас.

– А-а-а, - с явной улыбкой отвечает он. - Понял, понял. Ок. Не буду тогда мешать. Просто оставлю в твоём календаре напоминку о сегодняшней арене.

Сразу же после этого перед моими глазами на пару секунд вылезает полупрозрачная табличка с расписанием на день, и в ней появляется запись на 18.00 «Трестон: Арена с друзьями».

Трестон исчезает, и я остаюсь один на один с собой. В голову приходит мысль о том, что неплохо было бы узнать, сколько сейчас времени, и сразу же изнутри меня выплывает знание: «10:31». Прекрасно. Начало дня, есть время во всём разобраться...

Начинаю ходить по комнате в поисках каких-нибудь указаний на своё прошлое. Решаю как следует осмотреться. Голова всё так же побаливает, но в целом организм уже, кажется, привыкает к раздвоенному восприятию и разделяет слои с менее болезненными ощущениями. Прогуливаюсь по комнате во втором слое, приподнимая скатерть, осматривая кровать, заглядывая в ванную комнату, но абсолютно ничего не нахожу — всё идеально чисто, никаких лишних бумажек, никакого мусора. Неожиданно всплывает мысль, я соглашаюсь с ней и вызываю записную книжку в своём мозгу. Перед моими глазами, как будто в полуметре от меня, появляется листок со списком имён и фотографиями. Практически все фотографии похожи друг на друга: девушки миловидны, подтянуты и подкрашены, парни подкачены и приятны на вид — этаким музеем восковых фигур, составленный из моделей «мистеров и миссис вселенная». Бегло просматриваю картотеку в поисках чего-нибудь особенного, но ничего интересного не нахожу.

Вспоминая какие-то моторные функции, обращаюсь к своему дневнику. Перед глазами появляется лист с текстом, которому не видно начала и конца. Некоторые абзацы сопровождаются видео вставками. Громадный дневник, вёлся упорно, наверно, в течение лет десяти. Перелистываю в начало, решаю прочитать, но, оказывается я вёл его настолько подробно, что тот стал нечитабельным — меня хватает минут на пять чтения записей типа: «сегодня я проснулся как всегда по будильнику, в девять утра. На завтрак была каша овсяная со вкусом абрикосов. Что-то она мне поднадоела, надо бы купить добавку «клубника». Сходил в туалет и почистил зубы. Десны с новой пастой кровоточат меньше, Трестон был прав, «Лесной бальзам» очень хорош. На работе Вертик хвастался тем, что купил себе ещё одну комнату в квартире, собирается устроить в ней кальянную. Пижон...»

Подробности моей старой жизни в таких деталях меня не особенно интересуют, поэтому я дневник быстренько перелистываю к последним событиям. Но к своему разочарованию обнаруживаю, что эти записи отличаются от первых незначительно: всё то же занудство, во всё тех же мелких бесполезных деталях.

Исследуя свои файлы во втором слое дальше, сажусь в обоих слоях на край кровати. Открываю еженедельник. Тот расписан на месяцы вперёд. Неделя семидневная, но работы нет только в субботу. Сегодня суббота, какое везение! Однако каждую субботу в 11 часов значится «субботник», который длится до 17.00. Какой кошмар! Здесь вообще отдыхают?! Замечаю, что некоторые записи, такие как: «купить Фруттис», «встреча с Вертиком», «встреча с лириком» — сделаны мной, а некоторые, такие как: «работа», «субботник», «обновить антивирус», «кружок рукопашного боя», «кружок психологов» — явно кем-то извне. По-видимому, эти события добавляются автоматически при каких-то условиях. Изучая своё расписание, понимаю, что я очень занятой человек, и времени свободного у меня практически нет: либо работаю, либо хожу по кружкам, либо хожу на встречи, а практически всё остальное время сплю.

Часы. Копаясь во всём этом своём мусоре, я умудрился потратить более двадцати минут. 10.49. Понимая, что в мире, в котором все дни столь подробно расписаны, событие под названием «субботник» лучше не пропускать, иду по ссылке в событии и читаю:

«Товарищи! В эту святую субботу мы почтим память наших солдат, павших на юго-западном фронте в войне с американскими захватчиками и займёмся выжиганием их имён на памятных дощечках. Товарищ Рофенар Антонов, на вас возложена ответственная задача — прийти к 11.00 на площадь героя России Угона Камазова и выжечь на дощечках следующие имена...» Далее следуют ссылки на список с именами и руководство с тем, как именно их нужно выжигать и как правильно писать буквы на дощечках.

Буквы на дощечках?! Эта деятельность явно не требует интеллектуальных усилий и скорее нужна для того, чтобы просто людей занять чем-нибудь. Однако узнать, что может последовать в случае непосещения этого мероприятия, мне почему-то не хочется.

Я вскакиваю во втором слое, а в первом неожиданно для себя, следуя какому-то внутреннему инстинкту, хватаюсь за края кровати и нащупываю что-то под своей правой рукой. Поспешно покидая комнату во втором, достаю в первом кипу листов, скреплённых куском ржавой пружины от кровати. Одновременно с этим левая рука как будто сама нащупывает и вытягивает за длинный шнурок из-под матраса маленький старый фонарик, который я, покрутив в руках пару секунд, включаю.

Свет фонарика, хоть и очень тусклый, умудряется на несколько секунд ослепить меня. Я тру глаза, трясую головой и, привыкнув к нему, придя в норму, принимаюсь изучать листы. Они исписаны простым карандашом, почерк кривой, как будто детский: букочки неровные, в некоторых местах слишком сильно надавлены, рука явно не слушалась автора. Читаю: «Это моя первая запись. Никогда не думал, что в свои сорок один мне придётся учиться писать, держа карандаш в руке...» - и сразу же по прочтении в голове всплывает картина из прошлого. Ощущения такие, как будто кто-то вытащил игральную карту из колоды, положил на стол рубашкой вниз, и мне теперь видны её номинал и масть...

Я сижу в тёмной комнате с зашторенными окнами, через которые еле-еле пробивается свет, из-за чего толком не могу разобрать черты фигуры, сидящей на покосившейся табуретке напротив меня. Фигура присутствует только в первом слое, во втором слое полнейшая пустота. Фигура продолжает:

- Значит тебе придётся научиться писать руками. А как же иначе ты сумеешь зафиксировать самые важные мысли и идеи?
- Я всё равно не понимаю, как я смогу не держать в голове события, подобные этой

нашей встрече, забывать их и вести журнал только на бумаге? - искренне удивляюсь я. - Как я смогу не выдать себя системе?

- А ты уже это делаешь... Тебе только надо вспомнить... Ну, не думаешь же ты, что это наша первая встреча?! - незнакомец улыбается и быстро исчезает вместе с воспоминанием.

От этой сцены мурашки пробегают у меня по коже, но во втором слое я, слава богу, себя никак не выдаю. Да и вообще, чувствую, что СВР никак не отреагировал на появление в моей голове этих воспоминаний, что почему-то кажется странным и неправильным.

Имя этого незнакомца из тёмной комнаты я вспомнить не могу, хотя оно где-то совсем близко, крутится на кончике языка, но, по-видимому, из-за своей вредности никак не хочет вспоминаться...

Пока я перелистываю свои записки в первом слое, моё тело во втором успело выйти из дома, прошло по кирпичной дорожке, усаженной с двух сторон растительной изгородью, и теперь уже быстро идёт к площади Угона Камазова по мощённому тротуару, усаженному с разных сторон пальмами и ёлками, мимо разнообразных домов и коттеджей. Весь этот антураж навеивает воспоминания об игре «The Sims» из какого-то не местного моего прошлого. Мимо меня проезжают разноцветные машины, мотоциклы, велосипеды, из которых мне машут какие-то мои знакомые со всплывающими карточками над головами. Я, не останавливаясь, машу им в ответ, киваю и приветливо улыбаюсь, стараясь не выдать себя. И всё это происходит с включённой где-то на фоне информационной лентой, избавиться от которой просто не представляется возможным.

Пока я вспоминал фигуру в тёмной комнате, в ленте рассказывалось о банде американских рецидивистов, раскрытой полицией. Суд над ними состоится сегодня вечером. Участие в нём сможет принять любой гражданин. Сейчас же в ленте следует предостережение, читаемое взволнованным, но уверенным приятным мужским голосом:

«Граждане, будьте бдительны! У полиции есть достоверная информация о существовании как минимум ещё одной банды рецидивистов, занимающейся разработкой вируса, уничтожающего СВР. Группа будет нейтрализована в ближайшее время, на данный момент вычисляются её последние участники, однако просим вас быть бдительными и сообщать о любых нарушениях правопорядка. Помните: враг не дремлет!»

Возвращаясь в первый слой, пытаюсь восстановить свои воспоминания, перелистываю найденную кипу бумаг, но не могу ничего разобрать: как будто сумасшедший записывал свои хаотичные мысли. Слова читаемые, но в единую логичную линию не складываются. Только текст на первой странице имеет смысл, однако сам по себе он ничего не раскрывает. Перечитываю его полностью:

«Это моя первая запись. Никогда не думал, что в свои сорок один мне придётся учиться писать, держа карандаш в руке. Мне всегда казалось, что по жизни может скорее пригодиться умение сходу называть и считать простые числа в обратной последовательности или же умение быстро читать и находить в тексте правильные слова и отбрасывать лишние... Конечно, как показало время, это всё очень важно, но, оказывается, нужнее всего на свете — уметь напрягать мышцы и писать руками. Как же мне тяжело даётся каждое слово!»

Запись странна различными неточностями и непонятными намёками. Мне не сорок

один, а двадцать девять, я это знаю точно, по медицинским показаниям СВР. А фраза про простые числа и последовательности слишком туманна и неясна. Возможно, это какая-то шифровка, но пока я не в состоянии разобраться с тем, что же это на самом деле такое...

Складываю листы, расстёгиваю комбинезон и засовываю их влево, поближе к сердцу, решая, что разберусь с ними чуть позже, когда неожиданно с обратной стороны ткани нащупываю какую-то выпуклость. Заглядываю внутрь комбинезона, свечу фонариком, попутно разглядывая свою не волосатую грудь, и замечаю очень маленький, прикреплённый скотчем, потрёпанный листочек бумаги, на котором карандашом выведены цифры: 9877351246062730451 — и сразу же в голове всплывает другой эпизод из прошлого.

Я с девушкой. У неё светлые растрёпанные волосы, родинка на правой щеке и зелёные глаза. Она мне улыбается и целует в губы, прикрывая глаза. Её левая рука проникает в мой комбинезон и прилепляет бумажку.

- Не забудь!
- Ты же знаешь..., - с небольшой печалью отвечаю я.

Она кивает и добавляет:

- Тогда вспомни, - очень светло улыбается и целует ещё раз.

Воспоминание очень короткое, но живое, я даже, как будто ощутил её своей кожей и почувствовал её запах. И я уже знаю, что делать с этими цифрами. Я вспомнил. Число делю на 41, получаю дату, месяц, час, минуты, координаты. 24 сентября. Сегодня. 11.00. Через пять минут. Я должен быть в месте с координатами 60.015, 30.011.

Срываюсь с места и мчусь, не понимая, где это и как туда попасть, действуя в большей степени на уровне ощущений. Выбегаю из комнаты и оказываюсь в длинном неосвещённом сером коридоре с бетонными некрашеными стенами, в котором царит полнейшая тишина и стоит затхлый запах. Если в здании и есть люди, они явно заняты. Поворачиваю направо и несусь к лестнице. Каждый шаг отдаётся громким эхом. Ох, как же будет плохо, если меня услышат! Слетаю по лестнице, минуя этажей семнадцать, выскакиваю на улицу, распахивая двери, и замираю на несколько секунд в оцепенении.

Слякоть и грязь. Пасмурно. Полнейшее запустение. Весь пейзаж составлен из серых громадных многоэтажных зданий без окон, утыканных повсюду. Улочки между ними очень узкие, рассчитанные лишь на то, что по ним может пройти в ряд не более четырёх человек. Ни одного дерева, ни одной травинки, ни одного фонаря. Небо хмурое и затянуто свинцовыми тучами...

Прихожу в себя, срываюсь с места и бегу направо. Не знаю, почему. Просто следую какому-то внутреннему компасу.

В это время во втором слое я уже подхожу к площади Угона Камазова. Она битком набита людьми. Все шумят, у всех праздничное настроение. Вокруг много знакомых, они приветливо улыбаются мне, я с ними здороваюсь. Протискиваясь сквозь толпу, подхожу к своему рабочему месту, сажусь за стол и оказываюсь между уже знакомым Вертивласом и каким-то Борисом Ильценом, РСС 8. Табличка над его головой говорит о том, что он менеджер по персоналу в нашей компании, увлекается охотой, женат, двое детей.

- Привет, Рофенар! - говорит Вертивлас.
- Здравствуй, Рофенар, - проникновенным голосом, сверля меня взглядом, приветствует Борис.
- Привет. Здравствуйте, - отвечаю я соответственно.

Неожиданно где-то внутри меня появляется сообщение тревоги, и я даже уже знаю, откуда оно и почему — это роботы отреагировали на мой забег и смену температуры воздуха. Я явно делаю что-то, что противоречит заложенной программе. Удивительно, что реакция на мои действия последовала с таким опозданием — наверно, это как-то связано с моей уникальной личностью... Однако, я не останавливаюсь, а продолжаю свой забег, поворачивая по абсолютно одинаковым улицам без вывесок и каких бы то ни было указателей в первом слое и спокойно глядя на Бориса во втором.

Борис смотрит на меня оценивающе и спрашивает:

- Как у тебя дела на работе, Рофенар?
- Всё в порядке, спасибо, - спокойно отвечаю я и хвастаюсь информацией, которая мне только что пришла в голову - Вчера очередной отчёт по проекту «МСТ» сдали. План перевыполняем, всё закончим раньше положенного срока.
- Хорошо, молодец, - проникновенно говорит Борис, и мне хочется ему верить и всё рассказать — настолько у него добрые глаза, настолько у него мягкий голос. - А сама работа тебе нравится? Нет каких-нибудь пожеланий?

После этого вопроса, заданного таким добрым и проникновенным голосом, с мягкими интонациями, мне жутко хочется излить ему всю свою душу по поводу происходящего со мной, по поводу моей растерянности и потерянности. Мне кажется, что он поймёт и поможет... Мне кажется, что ему можно доверять... Мне кажется... однако по площади проносится звонок, и я не успеваю ответить Борису. Все вокруг берут в руки таблички, аппараты и начинают выжигать.

Я прихожу в себя. Не спать!

- Всё нравится, спасибо! - поддерживаю беседу, а сам беру первую табличку, беру выжигательный аппарат и обращаюсь к своему списку с фамилиями. Первым значится «Роман Дьяков». По прочтении этой фамилии, сердце холодеет, а в голове сразу же всплывает ещё одно воспоминание...

Тёмная подворотня, зябко, мелкий дождик. Я стою у стены, напротив меня — пять человек: четыре парня, одна девушка, они внимательно слушают. Я твёрдым голосом, со взглядом, излучающим уверенность, говорю.

- Итак. Имеем следующее. Рома сейчас как раз заканчивает проектировку первой версии, и Ваня фактически уже может приступить к непосредственному написанию. После чего Федя обкатывает её на своём СВРе, в эмуляторе. Затем нам нужно будет опробовать версию на нескольких изолированных «хомячках», которых к тому моменту нам достанет Юра. Как только версия будет тщательно протестирована и отлажена, Маша её запускает через ленту новостей.

Команда вокруг меня кивает в подтверждение плана.

- Что ж, у нас есть только один шанс. Если мы где-то облажаемся, всё будет потеряно, а всех нас ждёт полиция мыслей...

Как только воспоминание заканчивается, я обращаюсь к своему списку для табличек, и понимаю, что большая часть из предоставленных фамилий и имён мне уже знакома. Самих людей, правда, совершенно не помню. Сердце замирает. Что бы это могло значить?

- А в личной жизни как у тебя? - вежливо продолжает беседу Борис, не отвлекаясь от своей таблички. - Не встретил ещё свою единственную и неповторимую?
- Встретил-встретил, - ехидно отвечает за меня Вертивлас. - Мы его даже не всегда из-за этого вечерами можем вытащить на арену.
- И как же её зовут? - спокойным голосом спрашивает у меня Борис.

Я в растерянности. Нужно срочно придумать какое-нибудь имя, нужно срочно придумать какую-нибудь историю, нужно войти в образ и не выдать себя.

- Мария, - говорю я первое пришедшее в голову имя.
- Мария? - переспрашивает Борис, а хитрые глаза его успокаиваются и как будто уже сделали для себя какие-то выводы. - Это которая из отдела снабжения?

Сердце холодеет. Я никого не знаю! Я ничего не понимаю! Я совсем один в этом мире! А этот маленький перекрёстный допрос на фоне дощечной вакханалии меня просто раздражает на части. Хочется упасть, заплакать и свернуться калачиком. Но надо держаться и надо бежать. Ещё один поворот, ещё пару метров, и я буду на месте.

- Нет, это другая, - обрубая я.
- Какая же? - деланно удивляется Борис. - Я у нас других Марий не знаю...
- Я с ней в кружке познакомился, - отбрыкиваюсь я, заканчивая выжигать «Романа», и приступив к «Фёдору».
- М, - тянет Борис в ответ.
- А он у нас такой, - сам того не понимая, приходит ко мне на помощь Вертивлас. - Он всё скрывает её от нас, а сам ни слова о ней... Но скоро мы до него допытаемся, не так ли, Рофа? - весело подмигивает.

Я в ответ улыбаюсь, стараясь выглядеть как можно более естественным и искренним, скрывая свою подавленность, и забегаю в какую-то тёмную подворотню. Пусто. Никого. Наверно, ошибся. Наверно не там. Опоздал на пятнадцать минут. Наверно, поздно. Осматриваюсь.

- И давно он у вас стал таким скрытным? - продолжает в полушутку копать Борис, обращаясь к Вертивласу, выжигая на табличке имена из своего списка.
- А он всегда таким был, - вальяжно отвечает тот, - не так ли, Рофа? С самого своего рождения был как мешок с кошками.

Борис улыбается, я усмехаюсь фразе Вертивласа и показательно погружаюсь в своё занятие.

- Наверно, хочет, чтобы мы от него отстали, - ехидно замечает Борис. - Ну, давайте оставим. Он ведь так увлечённо выжигает имена павших солдат...
- Привет, Рофа! - неожиданно говорит мне появившаяся в первом слое фигура в таком же комбинезоне, как и у меня. Голос у неё такой же хриплый и слабый, как и у меня, разглядеть черты лица из-за темноты сразу не получается, но, кажется, я

знаю, кто это...

- Юра? - неожиданно вылезает из меня. - А где остальные?
- Беда случилась, и нам надо срочно залечь на дно, - понуро отвечает он. - наших раскрыли и ликвидировали. Они, скорее всего, и за нами с тобой придут, но надо сделать всё, чтобы не нашли и не пришли.
- Но, как же...
- Вот, - протягивает он какие-то диски, не давая мне вставить ни слова, - тут все наши наработки. Рома говорил, что они уже обкатали первую версию и можно уже запускать. Я собирался уже испытывать его на «хомячках», но это вот всё случилось... В общем, тебе ещё, может, пригодится, а я выбываю из игры. Ты, конечно, можешь попытаться запустить его, но я бы не стал рисковать...
- Так, господа, - неожиданно говорит Борис во втором слое, - с вами было приятно поболтать, но мне пора — срочные дела, - и кладёт свою дощечку на стол именем вниз.
- До свидания, - с энтузиазмом прощается Вертивлас.
- До свидания, - отзываюсь я.

Борис в течение секунды смотрит на меня напоследок с небольшим прищуром, после чего уверенно кивает:

- До встречи, - и уходит.

Я беру диски из рук Юры, верчу их в руках и кладу за пазуху.

- Лучше бы я в это всё и не ввязывался, - с грустью в голосе замечает он. - Жил бы себе во втором слое, никогда не знал бы первого. Сейчас бы спокойно выжигал себе имена на дощечках, ни о чём не подозревая, и не парился о том, как себя не выдать...
- Но как же правда, как же истина? - растерянно спрашиваю я.
- Да кому нужна твоя правда?! - с досадой бросает Юра. - Кому она что дала? Может, ты считаешь, что этот мир, в первом слое, лучше того?
- Он не лучше, но в нём есть свобода выбора, свобода воли, свобода сознания...
- И зачем все эти свободы? - проницательно смотрит на меня Юра. - Свобода — это серьёзная самостоятельная работа, это нечто, требующее огромных затрат. Никому ненужна твоя свобода, потому что в этой жизни значительно проще и комфортней купить новую шкурку к СВРу и ни о чём не думать...

Юра печально смотрит на меня, после чего разворачивается, собираясь уходить.

- Постой, Юра! Есть вопрос... Вернее много вопросов... - бросаю ему в след. Он останавливается и поворачивает голову в мою сторону.
- Это естественно, - отвечает с ухмылкой.
- Я ничего не помню. Точнее, практически ничего не помню, - впопыхах тараторю я.
- У тебя есть дневник, - обрезает он.
- Но я не знаю, как его читать.

- Спроси у своей девушки — она знает.
- Но я не помню её, я не знаю, кто она, и где она...
- Печаль. Дело в том, что этого никто кроме тебя и не знает... - таинственно отвечает он, кивает и уходит.

Я остаюсь в подворотне совсем один. Полемика Юры о свободе выбила меня из колеи, я озадаченный прогуливаюсь и прислоняюсь спиной к холодной стене дома. Не уж то всё потеряно? Я даже толком не знаю и не понимаю, кто я и что делаю, но уже чувствую, что из-за своей нерасторопности потерял что-то важное и из-за неё же уже проиграл.

- Вертик, - обращаюсь я к нему во втором слое, - а ты когда-нибудь думал о том мире, в котором мы живём?..

Тот удивлённо смотрит на меня и спрашивает:

- В смысле? Чего думал? Зачем?
- Ну, мы же все прекрасно понимаем, что живём в смоделированном мире, но где-то, за его гранью находится мир реальный...
- Ну, и что? - не понимает он.
- Ну, что это за реальный мир? Может, он лучше нашего?.. Нам же никогда не даётся право узнать его и сравнить...
- Нет, - уверенным голосом обрывает он меня и начинает словесную тираду. - Не думал. И не думаю. Наш мир идеален, мы свободны делать в нём всё, что хотим... я могу драться на арене, рисковать своей жизнью, даже умирать, возрождаясь снова и снова, и моей жизни ничто не угрожает. В реальности я бы такого сделать не смог. Здесь я могу спокойно делать то, что мне хочется, не тратя своё время и силы на непонятные бессмысленные действия, как это делали люди в прошлом: мне не надо напрягать мышцы, мне не надо искать крышу над головой, не надо разыскивать еду. У меня всё это есть...
- Но оно же всё нереально...
- А думаешь, жизнь в твоей так называемой реальности реальной этой?.. К тому же, я не думаю, что Сергей Сергеевич стал бы создавать виртуальный мир, если бы тот хотя бы на йоту был хуже реального...

Я гляжу на него с некоторым недоумением. Он абсолютно не пробиваем. Свобода ему действительно просто ненужна. Она бы, пожалуй, ему даже мешала жить...

- Да, ты не думай... я так... - оправдываюсь я.
- Меня пугают твои мысли, Рофа, честное слово, - доверительно говорит Вертивлас. - Я уже давно заметил за тобой какие-то нездоровые отклонения. Я бы на твоём месте обратился в тех поддержку, чтобы они проверили твой СВР на вирусы. Ты же слышал об этой группе рецидивистов...
- Да, да... Обязательно обращусь, - деланным благодарным голосом соглашаюсь я.

Вертивлас удовлетворённо кивает и возвращается к своей работе.

А в первом слое у меня наворачиваются слёзы на глазах. Всё бесполезно. Всё бессмысленно. Я абсолютно одинок, и у меня нет никакого решения. И даже назад, на свою линию я не могу вернуться... если бы тут был мой наставник... если бы я смог

вспомнить, как его зовут и чему он меня учил...

Сажусь на землю и, морозя попу и держа колени в руках, сижу несколько минут, размышляя о произошедшем, пытаюсь собрать воедино кусочки пазла в своей памяти, параллельно выжигая имена на табличках...

Достаю материалы, которые мне передал Юра и кручу их в руках, подумывая о том, как же мы планировали их читать. Наверно, нужно какое-то специальное устройство для их считывания, но где его взять?..

Неожиданно во втором слое раздаётся звонок. Перерыв на полдник. Неужто уже так много времени прошло? На столах перед каждым участником субботника появляются разнообразные напитки, бутерброды, сэндвичи или бургеры с различными начинками, и все люди вокруг меня начинают есть и пить с нескрываемым аппетитом. Ощущение, будто сама площадь оживает и начинает двигаться и поглощать саму себя. Чувствую себя свиньёй в хлебе. Справа от меня Вертивлас жадно уплетает чизбургер, запивая его колой. Глаза его аж светятся. Сразу ясно, для чего он живёт...

- Я недавно купил добавку «хамон» к бургеру, - поясняет он, - и «апельсин» к коле. Попробуй как-нибудь, очень советую.

Я улыбаюсь и киваю. Передо мной, справа от табличек лежит сэндвич с колбасой и банка апельсинового сока. Я гляжу на них с некоторым недоумением, но пока, в отличие от всех остальных, ещё не приступил к еде. Наверно, это подозрительно. Беру в руки сэндвич. Мои зубы впиваются в него, и во втором слое во рту появляется аромат свежего листа салата, сухой булочки и солонатовой колбасы. Язык проталкивает пищу далее. Очень вкусно, очень аппетитно. Запиваю свежавыжатым кисловатым апельсиновым соком... Но в первом слое я только непроизвольно глотаю воздух и скреплю зубами, а в животе тем временем начинает урчать. Я не ем, а только симулирую процесс еды, сидя на земле с дисками в руках, не зная, что с ними делать...

Пока все едят во втором слое, я в первом, продолжая совершать бессмысленные жевательные движения, разглядываю диски. Глядя на обложку второго, на котором выведено непонятное число: «13117532» - я неожиданно вспоминаю ещё один эпизод, который тянет за собой вереницу воспоминаний...

- Рофа, - говорит Роман, - я пойду за тобой, я спроектирую этот вирус, я даже найду человека, который сможет его написать, но я должен быть на сто процентов уверен, что ты не остановишься на середине и дойдёшь до конца.

Он смотрит проникновенно на меня, и я понимаю, что мы вдвоём всё сможем сделать...

- Даже, если я не дойду до конца, - продолжает он. - Пообещай мне, что доведёшь дело и не бросишь.
- Обещаю, - с полной уверенностью отвечаю я.

Многое сразу же проясняется. Мы всё-таки писали вирус, который должен был отключить СВРы. По крайней мере, мне кажется, что именно этим мы и занимались, и именно о нас и говорили в сегодняшней сводке новостей. Какая честь! Помимо этого, я понимаю, что где-то в городе, в одном небольшом заброшенном здании, расположен терминал, подключенный к сети. Всё, что мне нужно сделать — это скопировать программу в свой СВР, используя терминал, после чего установить контакт с кем-нибудь

из второго слоя. Далее — цепная реакция и через «третье рукопожатие» заражёнными оказываются все. Затем — моя ключевая фраза для активации вируса, и все свободны!

В голове неожиданно появляется какая-то боевая уверенность, даже самоуверенность. «Всё возможно! Ещё ничего не решено! Ещё ничего не потеряно!» И число уже выглядит очень знакомым, я уже близок к какой-то важной разгадке. Не хватает только какого-то одного, небольшого элемента... Впрочем, сейчас не до элемента. Сейчас или никогда! Надо действовать.

Запихиваю диски за пазуху, вскакиваю на ноги и мчусь через узкие улицы, опять следуя своему внутреннему компасу, куда-то на юг, к зданию с терминалом. Оно на другом конце города. В том темпе, в котором я бегу, дыхание из-за непривычки собьётся быстро, а путь неблизкий. Сбавляю шаг и к цели иду уже не быстро, но уверенно и целенаправленно. На улице прохладно, но я не замерзаю — по-видимому, СВР делает свою работу и согревает меня изнутри.

Во втором слое полдник закончился, и все вернулись к своим занятиям с выжиганием. Вертивлас сидит и сосредоточенно выводит буквы по шаблону. По-видимому, в одиночку, без одобрения со стороны старших, он не очень склонен болтать.

Пока я иду к штабу, в голове мелькает ещё несколько эпизодов из прошлого. Кажется, память ко мне начинает потихоньку возвращаться, и прошлое как снежный ком всё увеличивается и увеличивается в своих размерах.

Я вспоминаю девушку. Вспоминаю кучу мелких приятных эпизодов с её участием. Нет, имени её я так и не могу вспомнить, где она — тоже не знаю, но постепенно передо мной начинают всплывать эпизоды из наших с ней отношений. Вспоминаю, что отношения были очень нежными, любовными и, что крайне приятно, абсолютно взаимными.

Мы сидим с ней на покосившемся бревне и наблюдаем за солнцем, купающемся в Финском заливе. Я нежно обнимаю её за талию, она опустила голову на моё плечо.

- Любимый, ты действительно думаешь, что наша жизнь изменится к лучшему, что мы будем счастливы, и нам ненужно будет больше скрываться? - задумчивым тихим голосом спрашивает она.
- Конечно, малыш! Я всё сделаю для того, чтобы так оно и случилось.
- Может, давай я всё-таки тебе помогу? - спрашивает она и нежно глядит мне в глаза снизу вверх.
- Нет, что ты! Я не хочу тебя вмешивать в это дело. Уже достаточно того, что ты знаешь, как прочитать мой дневник, и где его найти... Я итак тебя жуткой опасности подвергаю.

Она заговорщически улыбается и целует меня в губы.

- А, если ты однажды не сможешь вспомнить, про свою команду и заговор, как же тогда?
- Тогда я приду к тебе и спрошу про дневник.

Она вздыхает и кладёт голову назад, ко мне на плечо.

- Больше всего на свете я боюсь, что работая со своей памятью, ты когда-нибудь просто не сможешь вспомнить меня...

Иду по улицам, а на глазах слёзы наворачиваются. Тёплое ощущение любви от воспоминаний и щемящее в груди от грусти и разлуки переплетаются и вылезают наружу в виде скупых слёз.

Вдруг, что-то происходит в первом слое, и тишина, которую нарушали только мои спокойные шаги, неожиданно заполняется гулом. Я останавливаюсь, гляжу по сторонам и прислушиваюсь. Похоже на то, что город неожиданно пришёл в движение, и дома ожили. Двери распахиваются и из них как зомби нестройными рядами выходят люди в серых льняных комбинезонах. У них отсутствующие взгляды, двигаются они вразнобой, но все идут в одном направлении, куда-то на север, из города.

Я вжимаюсь в стену, стараясь уйти с пути толпы, и мимо меня проходят попеременно мужчины и женщины, парни и девушки, мальчики и девочки... Нет только стариков. Самый старый человек, которого я отмечаю взглядом, выглядит лет на пятьдесят, не больше. Буквально за несколько секунд улица, которая была абсолютно пустынно, ожила и теперь как гусеница, как единый организм, движется в одном ей известном направлении. Зрелище пугает, я стараюсь не двигаться и не дышать, надеюсь, что меня не заметят, чувствуя холодную ровную стену своей спиной.

Мимо меня проходит мужчина лет сорока а, я, засмотревшись на других людей и расслабившись, случайно задеваю его коленкой. Сердце замирает: вдруг, остановится, вдруг раскроет, что же тогда будет?! Но тот не обращает на произошедшее ни малейшего внимания и растворяется в людской реке...

Всё это длится в течение минут пяти, после чего улицы быстро пустеют, и вот я уже снова совсем один, как будто ничего и не произошло.

Во втором слое за это время ничего не изменилось: люди как сидели себе, так и продолжают спокойно сидеть и выжигать.

Прихожу в себя, набираюсь храбрости, и продолжаю свой путь на юг города.

Ближе к центру город становится менее штампованным и одинаковым: пропадают безликие здания и узкие улицы, появляются старые и обветшалые, заброшенные трёх- и четырёхэтажные дома с обсыпавшейся штукатуркой и лепниной. Жизни в городе нет так же, как и на окраине, хотя в некоторых окнах горит свет и видно, что кто-то там всё-таки существует и что-то делает. Этих окон я боюсь и опасуюсь, стараюсь проходить мимо них тихо, чтобы не заметили.

Спустя часа полтора я, наконец, дохожу до места. Жутко голодный и усталый. Причём голоден настолько, что живот уже хочет съесть сам себя. Всё из-за СВРа, по-видимому — роботам нужна энергия, которой в организме из-за несоблюдённого режима питания, просто нет. А во втором слое таблички как раз подходят к концу, и я дожигаю последние имена из списка.

Здание передо мной — это какой-то старый большой и длинный заброшенный завод из красного кирпича, расположенный рядом с высохшим каналом. Я подхожу к чёрным воротам, открываю их и прохожу внутрь. Далее, как на автомате, пробираюсь в здание через вход во дворе, оттуда — на третий этаж по полуразрушенной лестнице. Да, такого во втором слое не показывают... Налево, по коридору, до упора. Последняя комната. Закрыта на кодовый электронный замок. Ввожу код с диска, но дверь лишь пикает в ответ, не открывается. Решаю ввести код в обратной последовательности и дверь сразу же распахивается передо мной. Всё-таки что-то в этих числах есть... Но с этим потом

разберёмся...

Комнатка маленькая и тёмная, окна зашторены, но я понимаю, что это та самая комната из моего воспоминания с фигурой и писанием руками. Только тут уже с тех пор был установлен какой-то допотопный компьютер с большим, толстым монитором. Комната вызывает ещё одно воспоминание...

- Вся история России — сплошное враньё, - говорю я Фёдору, сидящему передо мной.

Тот смотрит на меня большими глазами и явно ещё не может привыкнуть к новому восприятию мира.

- Ты думаешь это благодаря Рыбину и «Единой России» СВРы были распространены и всем установлены? На самом деле это американская разработка, которая поставляется в страну по договорённости: наша страна им ресурсы и рабов, они нам — СВРы.

Федя качает головой, как будто не веря в то, что слышит.

- А как же война? - спрашивает он.
- Нет никакой войны. Война фикция. Люди «уходящие на войну», на самом деле либо просто уничтожаются системой, либо продаются за рубеж.

По всему видно, что Феде тяжело всё это уместить в голове.

- А ты знаешь, как «СВР» расшифровывается на самом деле? - добиваю его я.
- «Система всеобщего развития»? - неуверенно произносит он.
- Нет, - жёстко отсекаю я. - «Слава Великому Рыбину»... Как видишь, они даже в названии устройства соврали. Вся наша страна построена на вранье и лицемерии. Ложь — это основа идеологии России...

Я снова в комнате. Достая материалы, включаю компьютер, плюхаюсь в кресло, жду несколько секунд. Голова кружится от голода и усталости. Организм на грани потери сознания, СВР — на грани выключения. Но я должен собраться и всё сделать.

На экране монитора появляется сообщение: «вставьте диск». Открываю коробку с диском с кодом. Вставляю.

«Подключитесь к системе».

Оглядываюсь по сторонам, справа от монитора нахожу шлем с проводами, идущими к компьютеру. По-видимому, это оно и есть. Долго не колеблясь, надеваю на голову.

«Загрузка программы. Ждите».

Тем временем во втором слое работа подходит к концу. Вертивлас откладывает последнюю табличку, тяжело вздыхает и довольный тем, что уже закончил и так хорошо справился с задачей, глядит на меня. Я всё ещё пишу. Мне некуда торопиться. Вертивлас, которому теперь делать нечего, из любопытства лезет к столу Бориса. Я его игнорирую.

- Смотри-ка, - с удивлением замечает он, держа в правой руке табличку, над которой работал Борис. - Тут почему-то выведено твоё имя...

Он поворачивает её надписью ко мне, и я читаю: «Рофенар Антонов». Сердце замирает, руки опускаются, в первом и во втором слоях наступает паника. Я вскакиваю со стула и там, и тут.

Что это значит?!

Неожиданно окно комнаты в первом слое разбивается, дверь вылетает из петель и в комнату врываются люди в чёрных комбинезонах.

Выстрел, что-то впивается в шею, и всё тело сковывает жуткой болью и параличом, СВР выключается, я падаю на пол, бьюсь в конвульсиях, быстро теряя сознание... Последнее, что я вижу в первом слое — Бориса в чёрном костюме с иголки, с бабочкой, заходящего в комнату. Он останавливается прямо надо мной. Он смотрит на меня сверху вниз. Он улыбается довольный собой. Он отдаёт приказ:

– На охоту.

...и выходит.

Мне снился сон. Я сидел на том же самом покосившемся бревне у кромки залива с той самой девушкой и глядел на последние кусочки солнца. Волны ненавязчиво что-то шептали, а ветер лениво прогуливался по берегу. Я нежно обнимал её, и мне было грустно.

Она взглянула в мои глаза.

– Ты чего грустишь?

– Потому что всё это скоро закончится...

Пауза.

– Конца не существует, - философски заметила она. - Жизнь непрерывна. «Концы», какими бы они ни были (грустными или счастливыми) — это всего лишь человеческая выдумка. Даже смерть — это всего лишь переход в другое состояние...

Я улыбнулся её идее и крепче прижал к сердцу.

– К тому же эта тирания не может продолжаться вечно. Режим себя изжил и скоро рухнет, а мы с тобой будем жить вместе долго и счастливо в новом, лучшем мире. Тогда уж точно не будет никаких концов...

Улыбка.

Поцелуй.

Просыпаюсь с головной болью и жутким звоном в ушах от того, что меня кто-то окатил ледяной водой. Глаза как будто слиплись и еле открываются. В горле и носу странные ощущения: нос как будто забит слизью, а в горле как будто застряли маленькие комочки. Во всём теле жуткая слабость, берёт озноб — такого со мной ещё ни разу в этой жизни не было. Живот скручивает...

Лежу на холодной влажной земле с серой, выцветшей от осени, мокрой травой. Свежо и мир только начинает просыпаться. Рядом со мной стоит фигура в чёрном костюме, рубашке с накрахмаленным воротником и с помпезной чёрной бабочкой.

- Просыпайся, Рофенар, - холодно говорит фигура. - Давай, поднимайся.
- Что происходит? - поправляя голову, я еле-еле поднимаюсь на ноги.

Фигура в костюме — Борис Ильцен. Он держит за узду чёрного как смоль сильного коня. За ним стоит группа из десяти человек в чёрных комбинезонах с автоматами и отсутствующими взглядами — они явно витают где-то во втором слое. За ними — человек семь в деловых костюмах, сидящие на лошадях, с ружьями на перевес, ведущие светскую беседу, косо поглядывающие на меня и отпускающие шуточки.

За моей спиной шумит сосновый лес, слева и справа — просека.

Второй слой! - доходит до меня. Он же отключен, я присутствую только здесь... наверно, и роботы отключены, и поэтому у меня такое самочувствие — ослабленный организм без искусственного иммунитета своими силами бороться с какой бы то ни было заразой не в состоянии...

- Обычно тех, у кого Рейтинг Свободы Сознания выше 5, либо уничтожают при рождении, либо оставляют подрасти, чтобы потом отправить на охоту... - неожиданно начинает рассказывать Борис. - Однако рейтинг — вещь не постоянная, и какие бы усилия мы ни прилагали, при некотором стечении обстоятельств рейтинг любого человека может измениться, и тот начинает задаваться ненужными вопросами. Таких людей, конечно, немного, но выявить их бывает крайне непросто, а обществу их существование вредит. Поэтому иногда требуются люди, обладающие исключительными способностями, умеющие анализировать, ясно мыслить и выводить этих ренегатов на чистую воду. К таким людям отношусь я, - тут он делает театральную паузу, и далее подчёркивает. - К таким людям относишься и ты. И, если бы не твоя упёртость, дурацкая изощренность и неприемлемые эксперименты с памятью, ты мог бы стать одним из нас... Но ты слишком радикален в своих взглядах и принципиален. Поэтому, сейчас, после того, как ты помог нам выявить все нежелательные для общества элементы и ликвидировать их, ты перестал нам быть нужен. Теперь тебя ждёт царская охота.

Борис расплывается в улыбке.

- Не поздновато ли? - со скрываемой надеждой в голосе спрашиваю я. - Мы успели разработать вирус...
- Который мы удачно ликвидировали сразу же после твоей поимки, - перебивает Борис, - о чём уже успели сообщить в новостях. А сейчас, кстати, как раз идёт суд над тобой и вольный народ России решает, что с тобой делать...
- Сплошной цинизм и обман, - с досадой цежу я сквозь зубы. - Какой может быть суд, если меня нет во втором слое?! Даже ваши телевизионные казни не существуют...

Борис смотрит на меня с пренебрежением.

- Зато народ получает хлеба и зрелищ, что ещё нужно для счастья?!
- Свобода, - с вызовом произношу я, чем вызываю у него улыбку.
- Что ж, свобода у тебя теперь есть. Ты волен бежать в любую сторону, и мы даже даём тебе фору в 60 секунд, после чего спускаем собак и начинаем охоту.

Он смотрит на золотые часы на своей правой руке.

– Господа, давайте начнём? - зовёт он остальных.

Люди за его спиной оживляются и подъезжают на лошадях поближе, жадно измеряя меня взглядами.

– Я думаю, этого хватит минут на 15, не больше, - говорит один из них другому.

– Ставлю своего коня на то, что умертвлю его без порчи кожи, - надменно изрекает молодой парень в седле чуть сзади них.

– Господа, - призывает всех Борис, - Охота начнётся через несколько секунд. Все готовы?

Смотрит хитро на меня, разворачивается, запрыгивает в седло своей лошади. Глядит на часы ещё раз и начинает громко вслух считать:

– 60.

– 59.

– 58.

До меня быстро доходит: надо бежать, спастись. Прикидываю, куда деваться, и решаю, что единственный вариант — это бежать в лес...

– 57.

...рву с места и, сломя голову, преодолевая усталость и болезнь, несусь...

– 56, - раздаётся мне в след такой же спокойный громкий голос Борис. Он явно считает для своих товарищей, а не для меня.

– 55, - постепенно затихает голос за моей спиной.

54, 53, 52, 51..., - считаю уже я про себя, не сбавляя темпа.

И вот уже 41, и до леса уже рукой подать. Я в панике продираюсь сквозь мелкий кустарник и забегаю в чащу.

37.

Минута ещё явно не прошла, когда за моей спиной раздаётся боевой призыв трубы. Опять обман. Обман во всём. Они просто не могут существовать вне обмана...

Охота началась. Лай собак где-то далеко, за спиной. А я не останавливаюсь и стараюсь бежать, не сбавляя скорость.

Добежать бы до какой-нибудь речки — может, удастся сбить след... Впрочем, наверно, они определяют моё местоположение по каким-нибудь остаткам СВР в организме. Но должно же быть хоть какое-то спасение, какое-нибудь решение?

Чуть сбавляю шаг, всё-таки силы не те, никогда не приходилось много бегать, поэтому уже ноги устали и трясутся в коленках, да и дыхание сбитое и неровное, воздуха не хватает. Сердце суетится в грудной клетке.

Пока я бежал, даже и не заметил, как весь исцарапался, продираясь через заросли кустарника. Кроме того, я умудрился порвать штанину комбинезона, причём основательно: через дырку видны кровь и неглубокий порез. Впервые в жизни испытываю такие болезненные ощущения.

Остановился и упёрся локтём в дерево, чуть наклонившись. Часто тяжело дышу. Кашляю и изо рта появляется кровь. Секундная паника... Организму явно осталось совсем

чуть-чуть.

Неожиданно в голову приходит спасительная мысль: может быть, в моём дневнике есть какая-нибудь подсказка на этот случай? Я чувствую, что дневник всё ещё в моём комбинезоне — эти его не отобрали, решив, наверно, что угрозы он им никакой не несёт. Укрыться бы где-нибудь и попытаться прочитать его снова. Впрочем, как мне его прочитать, если я не знаю шифра? Да и единственный человек, знающий шифр, наверно уже мёртв...

Задумываюсь и пытаюсь что-нибудь вспомнить.

В голове опять всплывает образ той самой девушки, и приходит осознание того, что её нет, что я никогда больше не смогу её обнять. Сердце стонет, а на глазах опять появляются слёзы. Я потерял единственного близкого человека, которого не могу сейчас вспомнить... Человека, которого, как мне кажется, я никогда и не знал... Но я её любил! Я чувствую! Я её не помню, но я её действительно любил. А теперь её нет...

И неожиданно это прекрасное чувство любви и чувство потери за собой, как за ниточку, вытаскивают из тайника припрятанную драгоценность, абсолютно не связанный с ними эпизод, как будто тот ждал в моей голове ключевого слова или эмоции, чтобы выйти на передний план.

- Теперь. Тебе нужно зашифровать самую ценную информацию, - говорит мне тёмная фигура, сидящая в кресле. - Придумай, например, какую-нибудь числовую последовательность и расставь среди слов и цифр правильные слова и цифры так, чтобы последовательность их открывала. Этого уже будет достаточно для того, чтобы доступ к твоему дневнику был осложнён...
- Но какую последовательность? - не понимаю я.
- Ну, - хитро смотрит на меня фигура, - например последовательность простых чисел от 2 до 41...

Меня осеняет, и улыбка сквозь слёзы разливается по лицу. 41 37 31 29 23 19 17 13 11 7 5 3 2. Все слова с 2 по 41 вытащить и операцию повторить...

Выхватываю из-за пазухи дрожащими грязными руками смятые и немного влажные от пота листки со слегка поплывшим текстом, и читаю нужные слова:

«Приветствую тебя, Рофа! Ты сумел подобрать ключ и теперь можешь прочитать данное послание. Ты, наверно, до сих пор не можешь понять, кто ты, и что происходит. Так надо. Если бы ты это помнил, то об этом же знала и полиция мыслей. А мы не хотим, чтобы они знали...»

Неожиданно становится понятно всё, память быстро возвращается ко мне.

«...ты научился управлять своей памятью и привязывать нужные идеи к определённым образам, мыслям и ощущениям. Ты вспоминаешь только то, что нужно и только тогда, когда нужно...»

За спиной раздаётся лай собак, но я на них уже не обращаю внимание — ощущение такое, будто я сейчас открою для себя что-то, что принесёт мне спасение, и нужно быстро прочитать как можно больше, пока не поздно...

«Многое о себе и этом мире ты и сам уже понял и осознал. Остались вещи, до

которых ты доходил не сразу и информацию о которых узнавал годами. Именно о них и написано в этом послании. Храни его и пополняй, так как это твоя единственная связь с реальным миром...»

- И-ха! - раздаётся залихватский крик за моей спиной. Затем — выстрел, и я падаю как подкошенный — попали в ногу разрывным, из-за чего кость раздробило. Но боли я не чувствую. Даже паники нет никакой. Лежу и уже просто вспоминаю:

«...Кирилл научил тебя воспринимать мир в первом слое и открыл глаза на истинность этого мира. Кто такой Кирилл, и откуда он взялся, я не знаю. Впрочем, это и неважно — он уже давно умер, но дело его должно жить. Важно то, что вся твоя жизнь и жизнь всех твоих друзей и знакомых — сплошное враньё и выдумки...»

Ко мне подбегают собаки и впиваются зубами в мои руки и ноги, но я этого уже практически не чувствую, я как будто осознал себя в совершенно другом месте и в другом времени. Раздаются крики и звуки труб, но они уже где-то далеко...

Всё! Больше мне ничего не нужно. Кирилл — вот, что было важно всё это время! Это имя было своеобразным ключом к моей свободе. Кирилл меня действительно обучил. Но я не Рофенар, а Рома! И я лежу не на холодной земле с простреленной ногой, растерзываемый собаками, а абсолютно целый и невредимый на кровати с пружинами в своей комнате в подполье.

Моргнул.

Вижу над собой побелённый потолок, под собой чувствую мягкую кровать. Воздух тёплый, никаких болезненных ощущений в организме.

Сел в кровати. Опустил ноги на пол. Огляделся по сторонам. Протёр глаза. Привычное восприятие, привычная обстановка.

Я даже и не заметил, как оказался в своей комнате.

Как же всё-таки хорошо быть в своём родном сознании!

Проблема Сергея

Дима, Сергей

На документацию для нового этапа у меня ушло несколько дней. Получилось неплохо. Мне даже удалось описать механизм автономной работы сайта. Реализовав второй этап, мы получили очень большую независимость, хотя, наверно, оригинальная задумка была прямо противоположная. Проект теперь состоял из модулей и был децентрализованным. Так что отключение главного сайта нам ничем серьёзным не грозило — пользователи в большей степени работали в своих сегментах, а главный сайт просто агрегировал с них новости. Код должен был теперь стать открытым при нажатии на «красную кнопку», так что при попытке закрытия главного сайта, кто угодно мог сделать такой же на своём домене. Каждый сегмент при этом регулировался самими пользователями, и только они могли решить, что размещать, а что убирать. Конечно, всегда существовала вероятность того, что контроль над сегментами может захватить армия ботов, поэтому я решил встретиться с Серёгой и обсудить с ним, как решить эту проблему.

Мы сидим за его компьютером. В руках — пластиковые стаканчики с кофе. Серёга немного грустный и усталый, с синяками под глазами, но работает с охотой.

- Универсального рецепта не существует, - говорит он. - Чтобы мы ни придумали,

будут те, кто придумает вариант обхода нашей защиты. Мы можем только усложнить жизнь потенциальным хакерам.

- Как именно? - с интересом спрашиваю я, потягивая сладко-горький кофе.
- Например, регистрация исключительно по приглашениям и многоступенчатая аутентификация. Это усложнит работу сегментов и сделает их менее динамичными.

Я качаю головой.

- Регистрация по приглашениям — это слишком! Мы не можем так ограничивать своих пользователей. У нас всё-таки проект близкий к социальной сети. А регистрация по приглашениям асоциальна.

Серёга соглашается.

- Ну, мы можем разные группы пользователей ограничить по-разному. Пусть, например, будут простые пользователи, которые будут постить фоточки и общаться друг с другом, и одновременно с этим будут члены редакционной коллегии или какие-нибудь продвинутые пользователи. В них мы будем поначалу добавлять людей вручную, а потом они уже сами будут добавлять пользователей в группу.

Мы обсуждали разные технические нюансы с Серёгой ещё достаточно долго. В итоге примерно час спустя мы нашли хорошее решение, в котором и жизнь пользователей не ухудшалась, и работа сайта становилась достаточно автономной. Я был очень доволен. От Серёги же я почему-то не видел такого же удовлетворение, что было для него необычно. Затем мы обсудили с ним внедрение Адама и Эллы. Я рассказал ему об идеи сделать их без цели защиты сайта, но он этой идеи не понял. Впрочем, энтузиазм из него не пёр, поэтому он просто грустно заключил, что внедрит то, что я ему скажу внедрить.

- Что-то стряслось? - спрашиваю я.
- Да так, - неопределённо отвечает он.

Затем глядит по сторонам, как будто смотрит, не следит ли кто за ним, и в конце концов продолжает полушёпотом:

- Помнишь Стеллу?

От одного её имени у меня мурашки пробегают по коже.

- Что там с ней? - насупившись спрашиваю я.
- Вечером того дня, когда мы с ней познакомились, мы клёво провели время. Вкусный ужин, вино там всякое. А после ужина поехали к ней, ну, и шпили-вили, все дела. Ну, ты понимаешь. Она кричала так, как со мной ни одна девушка ещё не кричала! И так всю ночь! Только кончил, как она ещё просит. Я уже и сам стал удивляться, откуда у меня такие силы на всё это. А на утро — еле живой. Уже отбиваться от неё пришлось. Еле успокоил, нимфоманку чёртову!
- Но у вас же свидание было уже несколько недель назад! - не понимаю я.
- Да, всё так. А потом, на следующий день, она ко мне пришла. Даже и не знаю, откуда мой адрес у неё был. И всё то же самое до утра. А потом и на следующий день, и на день после него. Везде, где ни попадя! В кино, в туалете ресторана, в раздевалке магазина...

Серёга насторожено ещё раз смотрит по сторонам и говорит:

- По началу я был в восторге от того, как оно у нас складывается. Мне нравилось, что она решительная и сама знает, что хочет и где. Но потом я стал уставать...

Он делает небольшую паузу, собираясь с мыслями, а я не перебивая слушаю.

- Ты пойми, я не против секса! - продолжает Серёга. - Секс — это круто! Но, блин, не столько же! Я скоро просто сдохну!
- Так и чего ты тогда с ней не расстанешься? - не понимаю я.
- Да это хрень какая-то! - пылит он. - Каждый раз, как хочу отказать ей, как будто язык немеет. А потом она меня умудряется возбудить в любом месте, в любое время, и я как будто сам не свой становлюсь. Я уже не знаю, что делать, и как от неё отбиться!

По началу я ко всему этому отнёсся с улыбкой — Серёга всегда был в отношении секса простым и прямолинейным, и ему давно его не хватало. Но затем я понял, что тут дело непростое. Я гляжу серьёзно на него и пытаюсь придумать, как бы помочь. Но в голову особо ничего конкретного не приходит, поэтому я решаюсь симпровизировать:

- Ну, я не знаю, как тебе конкретно помочь, но попробуй в следующий раз, когда решишь с ней заговорить, вспомнить меня. Вспомни наш этот разговор с тобой и скажи ей, что надо расстаться.

Серёга оживляется и смотрит на меня внимательно.

- Думаешь, поможет?
- Ну, не знаю, - повожу я плечами. - Просто, если ты будешь меня вспоминать, то, возможно, будешь более сфокусирован на чём-то ещё, кроме секса.

Серёга улыбается. Смотрится это страшновато, так как синяки под глазами и общая усталость никуда не девались, а к ним теперь добавилась кривая улыбочка и нездоровый блеск в глазах.

- Только сильно там со своими фантазиями не увлекайся! - в полушутку обрываю я его мысленный процесс.
- Не-не-не! - мотает он головой в ответ. - Я не такой, ты же знаешь!

Я ухмыляюсь в ответ.

- Ладно, - заключаю я. - Пойду дописывать документацию.
- Спасибо, Димыч, - довольно говорит Серёга и возвращается к своей работе.

С того дня больше я от него о Стелле ничего не слышал.

Новая команда

Игорь

Конечно же, Дима таки дописал ту несчастную документацию. Более того, он сумел впихнуть туда механизм автономной работы сайта, о котором я его даже не просил. Как он утверждал, он разработал с каким-то своим другом искусственный интеллект, который они назвали «Элла», который должен был бы контролировать центральную часть «.». Мы договорились, что Элла по умолчанию будет выключена, но я смогу её включить, нажав на «красную кнопку», когда наступит нужный момент... если он когда-нибудь наступит.

Мне не очень нравилась идея того, что какая-то машина получит полный контроль над сайтом, в обход меня.

Конечно же, мы выиграли тендер. На это ушло на удивление немного времени. По крайней мере, по моим ощущениям прошло дня два, не больше, хотя и звучало это странно. Затем мы переехали в другой офис, в центре города, под крышей одного из старинных торговых домов с прекрасным видом на Казанский собор. Естественно, я начал набирать новых людей и расширять нашу компанию, потому что того требовал выход на новый уровень. Перво на перво я решил нанять секретаршу. Софья теперь полностью занималась юридическим отделом и не могла больше мне помогать в других направлениях. А дел скапливалось всё больше и больше. Нужен был человек, который бы их разгребал и помогал мне отбиваться от назойливых клиентов. Мы дали объявление на нашем сайте и уже на следующий день я провёл первые собеседования.

Пропустив через себя несколько милых хохотушек и веселушек, я встретился с Танечкой. В то время она была ещё студенткой, но старалась изо всех сил выглядеть серьёзно и не по своим годам...

- Татьяна, а почему вы хотите работать секретарём в «.»? - спросил я, делая глоток из чашки со своим чёрным кофе. Это Софья приготовила нам перед началом собеседования.
- Мне интересно быть частью молодой и перспективной команды, - бойко и уверенно отбарабанила она, чем вызвала улыбку умиления.
- А вы представляете, чем вам нужно будет заниматься?
- Выполнять ваши поручения, сканировать и распечатывать документы... - уверенно выпалила она.

Я опять улыбнулся.

- Да, действительно. А ещё помимо этого — готовить кофе, быть моей записной книжкой и бросаться грудью на амбразуру для защиты моего кабинета от нежелательных посетителей...

Взгляд у неё сделался на долю секунды растерянным, но она быстро собралась и вернула самообладание.

- Я ко всему этому готова!
- А какой у вас опыт работы в этой сфере? - продолжал я задавать вопросы, сидя с непроницаемым взглядом.

Она покраснелась и начала с серьёзным видом плести:

- Официального опыта, в смысле с трудовой книгой и прочими штуками, у меня нет, но был очень большой неофициальный опыт. Летом я подрабатывала в компании своего отчима, и там...

Мне не был важен опыт её работы, более того, по ней сразу было видно, что никакого опыта у неё нет, но, мне хотелось узнать, как она ведёт себя в стрессовых ситуациях, и как умеет выкручиваться, когда прижимают к стене...

Не говоря ни слова и не отводя взгляда, я взял свою фарфоровую чашку с улуном, сделал глоток и, поставив её на блюдце, спросил:

- Значит, вы даже помогали в расчёте финансовых показателей? - акцентировал своё

внимание я на том, что она вскользь обронила, стараясь скорее проглотить, нежели проговорить.

– Да, - смутилась она.

Явно пыталась произвести впечатление, не имея представления о том, на чём именно пыталась впечатление произвести.

– И каких же?

– Ну.., - окончательно покраснелась Танечка, стараясь вытащить шею из затягивающейся петли, - показатель эффективности...

– Так, так, - наслаждался я действием, постукивая пальцем по столу.

– Показатель продаж... Там... Показатель производства.

Пока она рассказывала, я сверлил её взглядом, копал внутрь и наслаждался. За различными попытками что-то сходу придумать и наврать мне в глаза, я нащупал целеустремлённость и напор. Танечка была готова сделать всё, что угодно для достижения своих целей. Такой человек мне бы пригодился — надо было только свои цели поставить перед ней, а дальше просто ждать.

– Прекрасно, - лучезарно улыбаясь, наконец, перебил я. - А давайте теперь представим себе такую ситуацию. Вы висите над пропастью, держась зубами за ветку дерева. Вы связаны по рукам и ногам, так что дотянуться ни до чего не можете. И тут к вам подходит мужчина в чёрном костюме, в лакированных ботинках, с тонким чёрным галстуком, с непроницаемыми солнцезащитными очками. Он показывает вам красные корочки фсбэшника и спрашивает: «Зачем Игорь Анатольевич пришёл из Банка в Интернет?». Что вы будете делать?

Танечка на несколько секунд выпала в осадок, не понимая, что происходит и удивлённо моргая. Затем, наконец, нашлась, пришла в себя и забегала взглядом по комнате, ища ответ на вопрос, пытаясь хоть что-нибудь в панике придумать.

– Ну, у вас и вопросыки... - только и проговорила она за первую минуту.

Я смотрел на неё, никак не реагируя, скрестив пальцы и облокотившись о стол.

– Если я что-нибудь отвечу, я же упаду и разобьюсь, так?

Я молчал.

– А если промолчу, то, наверно, подставлю вас, - продолжала она размышлять вслух.

Я ничего не отвечал, продолжая сверлить её взглядом.

– А если попытаться проговорить что-то с закрытым ртом? - не уверенно предложила она.

Я в ответ печально покачал головой.

– Нет, да? Я так и думала... - как бы извиняясь ответил она и погрузилась в тяжёлые раздумья, явно считая, что уже провалила собеседование.

– Отстань ты уже от неё, видно же, что Танечка — это то, что тебе нужно, - вмешался Союзник.

– Ладно, - смиловился я над ней. - Татьяна, вы мне подходите, я вас беру на работу. Но только при одном условии: вы не будете врать мне ни при каком

стечении обстоятельств.

Она оживилась, стыдливо закивала, потупив взгляд как школьница.

- Можете врать другим, только потренируйтесь заранее, чтобы выглядело правдоподобно. А мне врать нельзя!
- Простите, пожалуйста, - понурым голосом проговорила она — явно поняла, о чём я.
- Всё в порядке, - благосклонно кивнул я, после чего, осушив свой стакан с холодным чёрным чаем, сменил тон на деловой. - Софья поможет вам с оформлением бумажек.

Она встала и собиралась уже идти, но я остановил:

- И пока вы здесь, запишите, пожалуйста: надо объявить на сайте об открытии вакансий по следующим позициям...

Она записала моё первое поручение и уже собиралась уйти из кабинета, когда, вдруг, остановилась, как будто её осенило, повернулась ко мне, заулыбалась, расцвела и довольно ответила:

- Я знаю ответ.
- Какой ещё ответ? - не понял я.
- На ту загадку с фсбэшником...
- Так-так, - заинтересовался я.

Но Татьяна вместо того, чтобы что-то рассказать, в ответ только промолчала и посмотрела на меня с некоторой надменностью и самоуверенностью. После чего она кивнула, я довольно кивнул в ответ, и она пошла выполнять мои поручения.

Она прочитала «.»...

Так у меня появилась моя личная секретарша.

А ещё через пару недель я сформировал команду, и мы начали своё движение к «мировому господству».

Ворох мыслей

Рома

Следующая статья по возвращению на линию пошла как по маслу. Будучи в чужом сознании, в мире новых технологий, в мире будущего, я понял то, что в голову до того не приходило: прогресс может привести общество к деградации — всё зависит лишь от того, кто управляет прогрессом, и какие формы тот принимает, кто вместе с ним растёт. Конечно, эта идея была абсолютно не нова (ну, а что вообще ново в нашем мире?), но мне она показалась крайне важной и своевременной.

Писал я с упоением и практически без пауз, слова как будто лились из меня и сами складывались в стройные фразы. Писал я категорично и самоуверенно, даже жёстко...

Наше правительство допускает грубейшую ошибку во внутренней политике, то ли сознательно, то ли по собственной глупости. Скорее, конечно, первое, но пока оно не доказано, верными можно полагать оба варианта. Правительство считает, что

управлять можно и нужно лишь тупым безликим народом, именно поэтому и надо прикладывать максимум усилий к созданию одинаковых, слабо развитых личностей...

Зачем обществу слышать альтернативное мнение о происходящем в мире? Лучше пусть все воспринимают мир одинаково и шаблонно: сегодня Рыбин встретился с Каддафи и пожал ему руку, а Волков встретился с детьми из детского сада номер 13 и улыбнулся им. К чему народу ещё какая бы то ни было информация?! Зачем людишкам видеть то, что не прилизано и неприятно, то, что происходит на самом деле? Пусть видят только то, что выгодно власти.

Зачем обществу мыслящие, независимые люди и развитые личности? Давайте лучше создадим армию клонов, ничему не наученных в школах из-за снижающегося уровня знаний и недофинансирования сферы образования. Давайте лучше создадим систему, в которой количество вузов по всей стране будет небольшим (монополия — это же так хорошо!), и выпускаться из них будут бестолочи и бездари, не способные не только к деятельности, которой их должны были бы обучить за время учёбы, но и даже элементарным логическим рассуждениям. Реформа образования на фоне нищенских зарплат учителей и преподавателей уже привела к тому, что учить детей идут либо фанатики, готовые работать практически бесплатно, либо бездари, не способные нигде больше зарабатывать. На выходе получается стадо послушных одинаковых людей без особых устремлений и без каких бы то ни было знаний.

Снижение уровня образования на фоне телевизионной пропаганды, происходящее скорее всё-таки по задумке, нежели по глупости, уже даёт свои плоды: народ пассивен, ему ничего не нужно, и свобода сознания у людей стремится к нулю. Такое ощущение, что если бы наша правящая элита смогла, она бы вживила каждому человеку по чипу в голову и контролировала бы его мысли и сознание, чтобы тот был абсолютно таким же, как и все. Это выгодно и удобно тем, кто управляет страной, потому что стадом баранов всегда управлять легче. Но на самом деле это ничего хорошего в себе не несёт.

Дело в том, что развитие государства, улучшения в экономике, укрепление мощи страны и прочие обозначаемые номенклатурой направления развития, невозможны без свободы сознания. В попытке создать одинаково мыслящих, удобных для управления, усреднённых людей, государство теряет неизмеримую ценность — мнение личности, без которого развитие возможно лишь на бумаге.

Невозможно увидеть бревно в своём глазу, если тебе на него не ткнёт пальцем альтернативный взгляд на твоё лицо. Невозможно бороться с коррупцией, если о ней открыто не говорят в обществе. Невозможно создать какой-либо технологически сложный проект в условиях, когда цель любого проекта — освоение денег. Прогресс возможен лишь там, где общество мыслит и развивается, где общество действует свободно и открыто, и инициативы личности поддерживаются, а не наказываются. Прогресс возможен лишь там, где люди протягивают друг другу руки и помогают друг другу подняться на уровень выше в интеллектуальном развитии, а не там, где одни наступают на головы другим в желании урвать кусок побольше...

Впрочем, эта проблема имеет более серьёзные последствия, нежели просто создание и поддержание неэффективного функционирующего государства — последствия, о которых номенклатура даже и не задумывается. Дело в том, что, если наметившиеся тенденции к отупению и обезличиванию людей не остановить, через несколько лет будет получена страна рабов, из которой выкачиваются ресурсы и с которой абсолютно никто на мировой арене не считается. Впрочем, кажется, так оно уже и происходит. Не секрет, что основные статьи дохода бюджета страны — экспорт нефти и газа, а

экономика никак не развивается и даже наоборот только деградирует. У нас развиты только две сферы: добывающая и сфера услуг. Страна ничего сама не производит, ничего не создаёт. Даже перерабатывающая отрасль практически вымерла как вид. И на фоне этого мы видим, как строится внешняя политика России: страна успела поругаться со всеми своими бывшими странами-друзьями и теперь грозит всем своим бывшим соратникам большой дубиной. Но её мнение, по большому счёту, уже не интересует никого. Другие страны уже стараются просто дистанцироваться и не связываться с неадекватным бузотёром. Пусть сидит себе в углу и играет сам с собой со своей дубинкой. Главное — чтобы не прилетело в их сторону, а всё остальное — неинтересно и неважно.

Однако же главный диссонанс в современной России заключается в том, что свобода сознания внутри страны возможна лишь в том случае, когда само же правительство решит поддерживать и развивать его. Получается замкнутый круг: в стране создаётся толпа клонов, которым ничего не нужно, и это выгодно номенклатуре, но при этом только сама же номенклатура и может создать условия для появления свободных, разумных личностей.

Люди с радикальными взглядами обычно заявляют, что единственный адекватный выход из этой тупиковой ситуации — это геноцид номенклатуры и полное устранение (физическое либо юридическое) существующей власти. Только, к сожалению, такое популистское решение ничего не изменит, так как на смену Ивановым придут Петровы, точно такие же, с точно такими же интересами и стремлениями, как и их предшественники, только с другими лицами.

Каким же может быть решение в этой сложной ситуации? А решение только одно: формировать сознание людей вокруг себя, прилагать все усилия для того, чтобы все знакомые и друзья начали мыслить и задумываться. Причём, неважно, о чём думает человек — главное, чтобы он думал, мыслил критически и занимал активную гражданскую позицию, а не выступал ретранслятором телевизионных идей. Главное, чтобы каждый человек стремился развиваться и расти. Много мнений — это хорошо, хотя и официальные каналы пытаются нас всё время убедить в обратном. Дискуссия — это хорошо. Споры — это хорошо. Болото и застой — это плохо. Толпа одинаковых людей — это плохо. Мы сами же должны создать свободу сознания, потому что только в условиях свободы сознания возможно появление людей, отличных от Рыбиных, Волковых и прочих, и только в этих условиях действия отдельной личности или класса не будет иметь такого пагубного влияния на общество, какое оно имеет сейчас.

Я поставил точку и перечитал написанное. Пока читал, исправил несколько неточностей, чуть расширил пару мыслей, переписал несколько фраз... но никаких кардинальных изменений уже не вносил — мне показалось, что статья смотрелась гармонично, а читалась достаточно легко.

Стоило мне только откинуться на спинку пластмассового офисного кресла и облегчённо вздохнуть, как в комнату без стука вошёл Алексей Алексеич — как будто стоял за дверью и ждал, когда я закончу писать, — и сразу же с порога спросил:

- Соу. Как наши дела?
- Мы всё ещё живы, - с улыбкой ответил я.
- Это гуд, вери гуд, - закивал Алексей Алексеич, показывая всем своим видом, что эта информация его совершенно не интересует. - Как статья?

- Вот как раз дописал, - кивнул я в сторону экрана.
- Дай почитать, - скорее приказал, нежели попросил он.
- Пожалуйста, - пустил я его за компьютер.

Тот плюхнулся в кресло и, немного сгорбившись, начал напряжённо бегать глазами по экрану, а я, пока он читал, стоял за его спиной и не менее напряжённо следил за его реакцией.

- Угу. Это хорошо. Да, с этим согласен, - комментировал он читаемый про себя текст, выделяя его в разных местах мышкой. - А вот тут надо бы порезче...

На всё про всё у него ушло не более трёх минут — явно читал по диагонали, так как у него никогда ни на что не было времени... Я же стоял как вкопанный, сложив руки крестом на груди, ожидая приговора.

Наконец, он повернулся ко мне и серьёзным задумчивым голосом изрёк:

- Для начала неплохо, ес. Только надо бы по поводу Рыбинского режима написать поострее. То есть оно итак написано остро, но не стоит бояться говорить правду прямо в лицо. Например, что это за обезличенное «класс номенклатуры». Напишите прямо, не выворачиваясь: «коррупцированный Рыбинский режим»...
- Дело в том, что я не считаю, что эту систему создал Рыбин, - начал объяснять я. - Вы наделяете его прямо какими-то демоническими свойствами. Но Рыбин такой, какой он есть: добрый или злой — он существует только до тех пор, пока вы в него верите...
- Это всё гуд, Роман Юрьевич, - с нетерпением перебил меня Алексей Алексеич, - но всё равно надо написать «Рыбинский режим». А эту риторику про существование президента оставьте при себе... Это вам не «Generation П». Это «.»... Здесь такие вещи не приветствуются. Мы за реальный мир. Да и вы сами должны понимать, что на борьбу с обезличенным правящим классом мало кто пойдёт, а на борьбу с Рыбинским режимом поднимутся многие...

Я только грустно посмотрел на него в ответ.

- Как скажите... Вы мой цензор...
- Я ваш редактор, - мягко исправил меня Алексей Алексеич. - Подправите, выпустим в интернет на политические сайты, - он встал. - И, кстати, когда следующая статья? Вы уже тему придумали?

Я несколько опешил от такого напора, но вовремя опомнился и спохватился.

- Кстати, о теме, Алексей Алексеич. У меня по этому поводу созрела мысль. Раз уж я ваш идейный вдохновитель, может быть я попробую написать программу для вашей организации? А то как-то несерьёзно: пытаться захватить мир, не имея программы действий...
- Бриллиант айдиа, - глаза его загорелись, и он даже показал большой палец в жесте «класс». - Пишите. Я сам давно хотел этим заняться, но всё времени нет... Только настраивайтесь сразу на то, что программа маст би революционной энд маст будоражить умы людей.
- Что вы под этим подразумеваете? - не понял я.
- Ну, - подыскивал он слова, активно жестикулируя, но так, видимо, ничего не нашёл

подходящего и бросил эту затею, - что-нибудь насущное для сосаити. Не надо всех этих соплей о сознательности граждан и иллюзорности Рыбина — это очень красиво и может подойти для пары статей, но на практике не работает совершенно и для программы не подходит. Нужно показать, только показать чётко и непротиворечиво, что именно мы приведём общество к неминуемому благоденствию и счастью. Например, показать, что только с нами появится справедливость и вечно декларируемые свобода, равенство и братство... Бат! - тут он поднял указательный палец левой руки, привлекая моё внимание, и с важным видом проникновенно заключил: - Нужно, чтобы было видно, как этого добиться.

Алексей Алексеич поглядел на меня, ожидая реакции. Я неуверенно кивнул, после чего он изрёк:

– В общем, пишите, через неделю покажете, что получается, там и поговорим...

Он окинул комнату взглядом, поглядел на телевизор и, не давая мне опомниться, изрёк:

– Надо бы вам телевизор побольше... Я распоряджусь.

И после короткой паузы добавил:

– Ладно, статью подправьте, распечатайте и отдайте Наташе. И пишите, пишите, пишите...

Затем улыбнулся, подмигнул, кинул: «си ю» и ушёл.

Как ураган неожиданно ворвался, быстро пронёсся, всё разметал и также неожиданно исчез, оставив после себя ворох разбросанных, неструктурированных мыслей...

Я снова сел за компьютер и, тяжело вздохнув, тупо уставился в экран, опустив голову на кулаки и глубоко задумавшись.

Хомячки

Рома, Кирилл

Ничего хорошего из меня не выходило в течение нескольких дней, поэтому я занялся бродяжничеством — слонялся по зданию «.» из стороны в сторону и наблюдал за происходящим в надежде на то, что кто-нибудь подаст идею — другую. Когда я заходил в какую-нибудь комнату, люди дружелюбно мне улыбались и здоровались со мной, но потом полностью игнорировали. Я заводил разные разговоры со встреченными мною людьми, но обычно всё обсуждение упиралось в точку зрения Алексея Алексеича, а личной информацией делиться со мной местные не спешили. Поэтому я просто стал наблюдать и выяснять опытным путём, чем же занимается организация. Доступ к любой комнате мне был предоставлен, так что я мог с лёгкостью присутствовать на любом событии.

В организации было четыре типа людей: обучающий персонал, солдаты, администрация и «хомячки». «Хомячками» я прозвал новобранцев, из которых первый тип людей делал второй. Занятия у них бывали двух типов: лекции и практика. Первые бывали очень нечасто, содержали обычно либо философию, либо политическую пропаганду. Вторые были каждый день, и цель их была явно убить все посторонние мысли и сделать из хомячков машины для выполнения заданий.

Дисциплина была, конечно, на высшем уровне, отсеб происходил очень жёстко. Никто никогда не опаздывал на занятия, никто никогда не болтал и не отвлекался. Однажды, правда, я видел, как один из хомячков заснул на лекции. Преподаватель разбудил его и

вывел из аудитории. Больше я этого хомячка никогда не видел в «.».

- Раз, два, раз, два! Шевели своими булками, ничтожество, - кричал высокий мужчина с пышными усами в спортивном зале, а хомячки как по команде преодолевали искусственную полосу препятствий, составленную из трамплина, козла, верёвки, лестницы и досок.
- Быстрее, быстрее я сказал, червяк! - кричал он же, когда хомячки используя гимнастические ролики возили друг друга как тачанки (один держался за ролик, другой держал его ноги и толкал вперёд).
- Я сказал не пятьдесят, а сорок девять! Ещё раз! Сорок девять! - орал всё тот же инструктор на хомячков, отжимающихся от горла друг друга.
- Открывай свои розовые жабры сильнее — я тебя не слышу! - выводил он из себя ничего не понимающих хомячков, подвешенных верёвками за шеи у гимнастической стенки.

Физическая подготовка впечатляла. И что они только ни вытворяли, к чему только их ни готовили: они стояли по среди комнаты вверх ногами, на кулаках, балансируя и стараясь не упасть, они отжимались на костяшках кулаков, на пальцах, на рёбрах ладоней... Они делали и более банальные вещи, такие как выход силой или подтягивания. И, конечно же, они отработывали удары и спаринговались. Частенько спаринги доходили до крови. Высокий человек с пышными усами только и говорил на это:

- Если тебе больно, то это твоя проблема! Разберись с ней и не допускай впредь таких глупых ошибок!

На лекциях им говорили о коварстве режима, показывали передачи с первого и второго каналов, объясняли, где им врут, как именно и зачем. Такие лекции вёл молодой коротко стриженный парень с большими серыми глазами. Картина мира у хомячков в результате этого получалась однозначной: власть захватили бандиты, которые уничтожают страну, разворовывают её по частям, но при этом не связывают своё будущее с Россией. Единственный выход — готовить сопротивление, чтобы устроить революцию и избавиться от «хунты».

С некоторыми из этих идей я был согласен, но не в той форме, в которой они им подавались. И что я уж точно не мог принять, так это идею революции. Я, в отличие от хомячков, хорошо понимал, что это однозначно приведёт к морю крови, большому количеству жертв, с возможным приходом ко власти каких-нибудь других Рыбиных. Революция с неизвестным исходом не является достаточной причиной для смерти.

Иногда лекции вела русскоязычная кореянка. На русском она говорила как на родном и читала им философию. Она рассказывала о японских самураях и Хагакурэ, об идеи смертности и истреблении чувства собственной важности. Мне её лекции казались самыми интересными и полезными из всего, что я лицезрел в организации. Хомячки тоже слушали её, затаив дыхание и всегда принимали очень хорошо. Не знаю, понимали ли они её до конца, да и разрешалось ли им это делать, но говорила она иногда провокационные вещи, которые явно в этом здании говорить нельзя. Например, она рассказывала о даосизме и говорила о том, что нет ничего более постоянного, чем перемены. Она говорила, что смена режима — это естественный процесс, который произойдёт в любом случае просто исходя из законов природы, даже если не будет никакой «.» . А на смену этому придёт другой режим, который тоже испортится, и чьё место займёт что-то ещё. Она говорила о тщетности любой попытки противостоять изменениям, но одновременно с этим подразумевала, что так же тщетны попытки и удержать что-либо в состоянии

стабильности. Единственное — она не делала одного важного маленького шага за хомячков — она не говорила, что и «.» не вечна, что на смену ей придёт что-то другое... хомячки должны были бы додуматься до этого сами... но, если бы они до этого додумались, у неё, наверно, начались бы проблемы.

В конце концов она однажды высказала крамольную мысль, на которую почему-то никто не обратил внимание:

- Будда говорил о стуле, как о не-стуле. Именно это мы и называем стулом.

После этого её, конечно же, можно было увольнять. Но, слава богу, никто не обратил внимание на то, как она просто, изящно и однозначно сказала о том, что мир вокруг нас определяется нашим сознанием, и в том, в каком мире мы живём, виноваты сами же люди, а не какой-нибудь эфемерный Рыбин. Это люди придумывают законы, это люди наказывают других людей, это люди же считают, что всё равно ничего не изменить... Это люди навешивают ярлыки и воспринимают мир через эти ярлыки.

Эта фраза значительно заняла меня, и я несколько дней обдумывал, как бы её так преподать, чтобы и Алексей Алексеич принял, и другие поняли однозначно и непротиворечиво. На эту тему стоило подумать. Я вернулся в комнату, закрыл дверь, сел на кровать и начал медитировать, глядя в одну точку на стенке напротив.

Просидел я так минут тридцать — сорок, стараясь не пускать никакие лишние мысли в голову, когда почувствовал, что что-то не так.

Я встал с кровати и подошёл к стенке напротив. У меня было странное ощущение, что она ненастоящая. Я протянул руку и поковырял её ногтём. Неожиданно ноготь зацепил кусочек бумаги. Я потянул за него и начал отдиравать большой лист. Было такое ощущение, будто я отдираю обои, да только за обоями не было совсем ничего: стена облезала, а за ней было только сплошное белое пространство. Резким движением я отодрал весь пласт и понял, что нахожусь в белой комнате без стен, потолка и окон и держу в руках рулон бумаги.

- Будда говорил о комнате, как о не-комнате, - прошептал я.
- Именно это ты и называешь комнатой, - раздался сзади голос Кирилла.

Я повернулся и улыбнулся.

- Давно тебя не видел! - радостно кинул я ему. Тот в ответ улыбнулся. - Что ты тут делаешь?
- Я? - Кирилл в своём излюбленном стиле сделал вид, что был жутко удивлён вопросу. - Я здесь живу. Это ты что здесь делаешь?
- Мне стало скучно, - повёл я плечом и сел на появившийся специально для этого стул, запрокинув ногу на ногу.

Кирилл тоже сел и достал из воздуха трубку с табаком.

- Ты куришь? - удивился я.
- Ты нет? - удивился он в ответ.
- Я боюсь дыма.
- Но дым бывает и без огня, - улыбаясь заметил Кирилл.
- Как у тебя дела вообще? - поинтересовался я, сидя сложа руки.

- Конструктивно, - кивнул он в ответ. - Я близок к разгадке одной важной задачи. Как твоё заточение?
- Неплохо. Только какое это заточение? Клуб по интересам... Думаю, я могу без проблем в любой момент выбраться отсюда.
- Ты несколько недооцениваешь «.». Но это неважно, - Кирилл склонил взгляд в трубку, пытаясь высосать из неё дым. - Так зачем ты меня позвал?

Я опешил.

- Да я тебя не звал. Я сидел в комнате и просто медитировал, когда вот это вот всё...
- Бла-бла-бла, - перебил Кирилл. - Я вижу, что ты стал самостоятельным, ты молодец. Тебе даже таки удалось отстраниться от своих шмоток, расслабиться, ты научился жить так как есть, не привязываясь почти ни к чему. Переезд тебе пошёл на пользу. Но у тебя есть что-то для меня, я знаю.

Прищурясь правым глазом, Кирилл смотрел на меня, выискивая ответ на свой вопрос. Я же растеряно смотрел по сторонам, пытаясь зацепиться глазами хоть за что-нибудь в этом абсолютно белом пространстве, что могло бы помочь мне.

- Не думаю, что у меня что-то для тебя есть, - извиняющимся голосом произнёс я.
- Странно, - почёсывая затылок ответил Кирилл. - Я думал, что ты уже всё понял. У тебя даже во взгляде читается, что ты всё уже понял, но ты почему-то не хочешь этого признавать. Но, наверно, у создателей другие планы... Это будет очень интересная игра.
- Какие создатели?! Что за игра?! - не понимал я, начиная сыпать вопросами, чем вызвал улыбку у Кирилла.

Тот, судя по всему, не собирался мне ничего рассказывать, а просто встал и начал удаляться.

- Это будет очень хорошая игра. Просто помни своё место и помни, кто ты есть на самом деле, - говорил он уменьшаясь в размерах прямо у меня на глазах. - Помни, что ты — конструктор! - сказал он напоследок и вовсе исчез.

Я моргнул и понял, что сижу в кровати всё той же комнаты и всё так же смотрю на стену.

Осторожно и медленно я подошёл к стенке и поковырял её ногтём, но ничего особенного не произошло. Крашенная стенка... подумаешь?

Красный огонь

Дима, Дагни, Кирилл

Сегодня была суббота, и Дагни была как никогда грустна. Весь день она ходила хмурой и задумчивой, на вопросы отвечала односложно. Когда я пытался её обнять и разбудить, вытащить из этого её состояния, она даже не оказала никакого сопротивления. Как будто просто превратилась в вялый овощ.

- Да что же такое с тобой происходит? - спрашиваю я, начиная уже переживать. - Ты мне хотя бы слово скажи. Хоть намёк сделай какой-нибудь! У тебя кто-то умер? Или ты меня разлюбила? Что это всё значит?
- Да нет, - вяло отвечает Дагни, поглядывая растеряно из стороны в сторону... -

Просто так.

Эмоции начинают меня захлёстывать, но я пока им не поддаюсь. Передо мной дилемма: либо пустить всё на самотёк и не обращать внимание, либо начать скандалить. Есть ещё, кажется, третий путь. На самом деле, достаточно часто есть третий путь, просто наше бинарное мышление его обычно не замечает.

Следуя за родившейся из ниоткуда идеей, я сажусь на пол в позу лотоса, прямо перед ней и кладу руки на колени ладонями вверх.

Дагни хмыкает:

- Ну, чего ты тут расселся? - и сама присаживается на корточки. - Прости меня, пожалуйста. Я сегодня сама не своя, - и смотрит мне прямо в глаза.

А я расслаблен, я ровно дышу, гляжу на неё, изучаю её. Эти черты лица я могу воспроизвести в любой момент времени в любом состоянии. Я её уже знаю наизусть. Даже вон тот маленький огонёк в глазах знаю. Он всегда красный. Но сейчас, почему-то, он фиолетовый. И чем больше я гляжу на него, тем сильнее убеждаюсь в том, что он сегодня непривычного цвета. Не может быть! Почему это?

Я всё сильнее и сильнее погружаюсь в её взгляд и на этот раз, впервые за всё время, она не сопротивляется и не отталкивает меня. Впервые за всё общение с ней мне удаётся взглянуть в её душу, глубоко-глубоко.

Я вижу в тёмном лесу деревянный дом из крупных брёвен какого-то экзотического красного дерева. Да и лес сам, как мне кажется, очень непривычный. Он очень тёмный и страшноватый, угрюмый, но при этом мудрый и старый. Листья необычной формы — что-то среднее между ромбиками и гексаграммами. А, может, они просто постоянно меняют свою форму?

Я подплываю по воздуху поближе к дому и вижу на входе, стоящую на деревянном крыльце девочку с длинной русой косой, одетую в длинное льняное платье. Лица её не видно. Она выглядывает в даль, кого-то высматривает. Я поворачиваю в ту же сторону и вижу, как из леса выходит мужчина. Он идёт налегке — у него нет рюкзака, на нём форма цвета хаки. У него большая почти прямоугольная борода и длинные волосы. На носу нацеплены солнцезащитные очки. Руки очень большие и грубые. Но сам мужчина очень спокоен и умиротворён.

Он медленно идёт к девочке, а она глядит на него с удивлением и непониманием. Подойдя к ней поближе, он приседает, чтобы поравняться с ней, улыбается, снимает очки и говорит:

- Привет! Как тебя зовут?

Девочка мнётся какое-то мгновение, явно раздумывая вступать в диалог или нет, но в конце концов изрекает:

- Мне мама запрещает говорить с незнакомцами.
- Но ты же со мной уже разговариваешь! - улыбается мужчина. - Ну, давай я вначале представлюсь. Меня зовут Кирилл.

Девочка удовлетворённо кивает.

- Дагни.

- Дагни? - не скрывает своего удивления мужчина. - Какое необычное имя! Это тебя так родители назвали?

Девочка стесняясь тупит взгляд в пол.

- Нет вообще-то, - тихим голосом отвечает она. - Это я сама себя так назвала. На самом деле меня зовут...

Тут она поднимает взгляд и смотрит Кириллу прямо в глаза, очень смело, очень сильно и по-детски наивно. У меня из-за этого в горле само собой поднимается слово, и я его шепчу вместе с ней:

- Алина.

Неожиданно Кирилл вскакивает на ноги и бросает взгляд по сторонам, после чего останавливает его на мне. Он меня видит. Мне несдобровать!

- Ты! Ты опять хочешь всё испортить?!

Опешив, я пытаюсь найти слова, но выдаю только нечленораздельное:

- Я... да как же?! Это же просто видение...

Дагни смотрит с испугом в мою сторону. Естественно, она ещё маленькая, она меня ещё не знает... Поэтому она меня не узнаёт, а моё неожиданное появление вселяет в неё страх. Да я и сам не ожидал, что появлюсь. Это же всё просто сон!

Дагни в испуге визжит. Кирилл с досадой бросает взгляд на неё, потом на меня, после чего бросается в мою сторону. Но я успеваю отскочить и сломя голову лечу в сторону угрюмого леса. За спиной слышно, как из дома выбежала мама Дагни, и запричитала:

- Что, моя родненькая? Что случилось?
- Это был Кирилл, - грустно отвечает она.
- Опять эти видения?! Что же за напасть такая?! - дрожащим голосом говорит мама, прижимая дочь к груди.

А Кирилл несётся за мной, ступая очень тяжёлыми шагами и зло сопя. Я прыгаю между ветками деревьев, маневрирую так, как никогда в реальной жизни не смог бы, огибая стволы и просачиваясь между ветками. На мгновение мне кажется, что я уже даже и не я, а какое-то животное. Наверно, заяц. И в это же самое мгновение я ясно понимаю, что за мной несётся большой бурый медведь. И только ловкость моя и скорость позволяют мне оторваться от него.

Медведь рычит во всю глотку:

- Я же предупреждал, чтобы ты не совался не в свои дела!

Ещё чуть-чуть, и он меня догонит, так как скорость у него фантастическая, а сквозь лес он летит, ломая всё на своём ходу. Даже большие деревья его не останавливают — только щепки летят. И я уже даже дыхание его чувствую на своём хвосту, и ощущаю, как пасть его открывается. Ещё чуть-чуть, и он схватит меня за позвоночник.

Любой другой заяц на моём месте продолжил бы бежать дальше до победного конца, но я, вдруг, решаю резко затормозить и сгруппироваться. Сжимаясь в маленький комочек, я оказываюсь прямо между ног косолапого Кирилла, который по инерции летит ещё несколько метров вперёд, после чего разворачивается и бросает в мою сторону злой взгляд.

- Егор! Это не твоё поле, не твоя команда и не твоё дело! Не суйся сюда!
- Но я не Егор, - пытаюсь оправдаться я. - Я Дима.
- Мне неважно, кто ты сейчас! Если хочешь жить, исчезни!

После этого Кирилл громко ревет, демонстрируя свои громадные жёлтые клыки, а я теряю рассудок. И только на заднем фоне слышу остатки фразы, брошенной Кириллом:

- Она моя! И это я буду решать, что с ней делать и кому с ней быть!

Я открываю глаза.

Передо мной сидит грустная Дагни. Она поджимает губы с сожалением и заключает:

- Теперь ты всё знаешь. У меня нет никаких вариантов. Я не властна над собой.

От пережитого мне тяжело прийти в себя. Я медленно встаю, потирая затёкшие ноги, и бреду к дивану. Плюхаюсь. Тяжело дышу.

Я, вроде бы, что-то понял, но осталось столько вопросов. Столько непонятного. Как это всё возможно?! И, кажется, глубоко внутри себя я ощущаю ответы на все вопросы, но легче от этого мне не становится.

Дагни садится рядом со мной на диван и обнимает меня.

- Но можно же что-то сделать?! - только и говорю я неопределённо.

Она молчит в ответ. У неё нет ответа на этот вопрос. Да и у меня нет ответа. Я даже до конца не понимаю, в чём вопрос.

- Просто помни, что я тебя люблю, чтобы ни случилось, - шепчет она и целует меня в щёку.

Весь тот день мы провели с Дагни в объятиях и почти не разговаривали. Я был шокирован и погружён в себя, но при этом ощущал, как в уголке моих глаз разгорается красный огонь.

Нули и единицы

Рома

Уже через пару дней Интернет опять забурлил — на нескольких сайтах появилась моя статья с броским заголовком «Подавление личности режимом» (данным ей Алексеем Алексеичем), с подписью: «Иовлев Роман. Пора поставить «•» в творящемся произволе». В этот раз статью обсуждали не так бурно, как первую, но она явно вызвала ещё больше негатива со стороны номенклатуры, чем предыдущая. Несколько сайтов упали от DDOS-атак уже спустя пару часов после публикации. Один сайт снял статью вечером того же дня без объяснения причин. Перечитав статью, я обнаружил, что в неё были внесены дополнительные правки. Теперь акцент был на том, что во всём виноват Рыбинский режим и, сменив его, будет получена долгожданная свобода. Мои мысли и идеи были искажены... Это было неприятно, но пока я не был готов делать что-либо с этим.

Я несколько раз пытался засесть за программу «.», однако сделать этого мне никак не удавалось. В большей степени для себя и для очистки совести спустя пару дней я решил записать ещё пару своих мыслей на бумагу и, как водится, они сами приняли нужную им форму. Получилась следующая статья, которую я сходу назвал «Нули и единицы».

«В предыдущих статьях и обзорах мы уже как-то подбирались к мысли о том, что существующий мир во многом таков лишь потому, что люди в него верят и сами выбирают то, каким он должен быть. Эта идея кажется в некоторой степени утопической и оторванной от реальности — как категория «Бог», который вроде бы есть во всём и над всем, но присутствие которого реально ощутить и доказать невозможно. Однако упомянутая нами идея с линиями жизни и выбором своего представления о мире значительно более реальна, чем может показаться.»

Простой пример — вечный президент нашей страны, Рыбин Сергей Сергеевич. Это человек, который у одних вызывает гордость, уважение и нескрываемые симпатии, а у других — чувства страха, гнева и злости. Одни считают, что «Рыбин очень хороший», в то время как другие точно уверены в том, что «Рыбин очень плохой». В одних источниках информации он предстаёт рыцарем на белом коне, а в других — «доктором Зло». По телевизору его показывают в обличье карающего ока, спасителя отечества и помазанника божьего, в то время как в оппозиционной прессе его представляют в самых чёрных красках. Но дело не в том, хороший ли Рыбин на самом деле или плохой, а в том, что никакого Рыбина по сути не существует. Каким бы он ни был на самом деле, силу имеет скорее не сам Рыбин, а представление о нём в головах людей. Он существует в той или иной роли только до тех пор, пока люди верят в него, пока есть это коллективное бессознательное, которое окрашивает серую личность человека либо в яркие красные, либо в белые, голубые или в ещё какие бы то ни было цвета. Посмотрите на того же самого человека в начале его карьеры, вспомните, как он добрался до власти, кто его туда поставил, взгляните на его действия за всё прошедшее время, и вы поймёте какого он цвета на самом деле. Да, по прошествии лет этот человек мог научиться говорить жёстко и категорично, ставя своих оппонентов на места, грубя или же профессионально уходя от ответов на неудобные вопросы. Он из ничего стал символом чего-то. Однако, сам ли он достиг этого? Задумавшись на эту тему, вы возможно заметите, что ответ на этот вопрос отрицательный. Может оказаться, что человека сделали из нуля. Ему нарисовали такую картину — добавили перед ним единичку, и теперь каждый день дорисовывают по телевизору нолики сзади. Не будет телевизора, не станет и человека, так как откроется его истинная сущность — «нуль».

Всё это прекрасно понимает окружение нашего эль президентэ, поэтому одним из самых страшных и наказуемых в обязательном порядке преступлением в нашей стране является марание чести и достоинства святого лика ССР, вне зависимости от обоснованности действий в его сторону. Даже несчастное, абсолютно бессмысленное, хулиганское и пошлое «Богородица, Рыбина прогони» расценивается тягчайшим уголовным преступлением. Конечно, кара хулиганов настигает не конкретно за эту фразу, а под соусом оскорбления чувств верующих, но все же всё прекрасно понимают...

Однако на одном Рыбине весь мир клином не сошёлся. Он — всего лишь один из самых простых и наглядных примеров манипуляции сознанием. На самом деле всей Россией управляют такие нули. Их ставят нули побольше для того, чтобы не лишиться власти, остаться у руля и выглядеть со стороны крупными числами, продолжая осваивать ресурсы. Это ректоры вузов, которых назначили текущие «президенты» вузов, это главы корпораций, которых продвинули по службе после покупки себе места под солнцем за вполне реальные деньги, это министры, получившие свои должности из-за старых связей... Таких людей очень много, и всех их объединяет полнейшая некомпетентность в областях, которыми они занимаются. Зачем, например, ректору вуза знания об учебном процессе, иметь навыки научной работы или хотя бы опыт менеджера? Ведь управлять

вузом так просто! Зачем человеку знать что-либо о военном деле и уметь руководить войсками?! Ведь быть министром обороны так просто! Зачем председателю правления нефтяной компании знания в области экономики, менеджмента или хотя бы в самой области нефте-газовой промышленности?! И кухарка смогла бы руководить такой компанией!

Все такие люди просто нули, абсолютно не компетентные, разваливающие страну. Многие из них являются нулями не только в профессиональной сфере, но и лично, сами по себе. Однако, как только они добиваются до власти, сразу же начинают себя увешивать медальками, орденами, грамотами, научными публикациями, к которым не имеют никакого отношения, и всячески пытаются прикрыть ими свою сущностную наготу. А народ, видя, что непонятный, никакой человек, о котором практически ничего неизвестно, пришёл ко власти, начинает придумывать объяснение таким странным назначениям и взлётам. Наверно, ректор — полковник КГБ, вот его и поставил во главу вуза САМ... Наверно, директор комбината связан со сверхъестественными силами, поэтому его и назначили... И постепенно люди сами же в своём воображении к этим нулям приписывают эфемерные единицы. Всё это происходит настолько слепо и неосознанно, что зачастую даже не обращается внимание на то, что у нуля на самом деле голос дрожит при общении с трудовым коллективом, речи несвязные, что скорее свидетельствуют о скудности ума, нежели о мудрости и развитом интеллекте. Да и отвечает он на все вопросы совершенно общими фразами о «модернизации», «инновациях» и «пути к успеху».

Спрашивается: кто же виноват во всех этих таинственных метаморфозах?

Конечно же, сами люди, которые так легко ведутся на любую профанацию, или даже с удовольствием готовы хоть в какое-нибудь объяснение поверить. Многие легко принимают на веру любой сюжет из любимого источника информации (будь то телевизор, газета, радио, интернет или же «одна бабка сказала»). Скажет так один очень влиятельный человек с уверенностью, что ему достоверно известно, что директор предприятия прилетел с планеты Проксима Центавра b, и вот уже слух по всему предприятию разносится и народ крестится, но верит. А как не поверить, если все вокруг об этом говорят? Да и не мог же, в самом деле, ноль добраться до власти?! Значит действительно Проксима Центавра b.

Есть ли спасение из этой ситуации? Есть, конечно, но здесь мы опять приходим к уже появлявшейся у нас мысли о том, какую жизненную позицию нужно занимать человеку... В нескольких словах рецепт спасения звучит так: «надо пользоваться своим мозгом». Современная действительность характеризуется либо наличием информации лишь из одного источника (какое-нибудь официальное СМИ), либо бескрайним морем информации. В обоих случаях она носит крайне сомнительный характер. При восприятии информации надо помнить, что «все врут» и пропускать через себя все возникающие новости сухо и отстранённо. Докопаться до истины вообще крайне сложно и хлопотно, а иногда и невозможно вовсе, это сложная, серьёзная работа. Однако, если, получая ту или иную информацию, не утопать в ней с головой, не поддаваться эмоциям, а стараться быть безучастным к источнику, осознавать, что ты получаешь нечто, сформированное в интересах этого источника, то и попасть под манипуляцию будет сложнее.

Человеку говорят: «Мне стало достоверно известно, что Рыбин ест детей», - но человек смотрит на говорящего и осознаёт происходящее. Доводы и мотивы собеседника становятся очевидными, и уже в ответ возникает только улыбка, а погружение в пучину информации не происходит.

Ну, и, конечно же, для того, чтобы человек случайно не превратился из нуля в нечто большее под влиянием внешних факторов, нужно удерживать в голове то, кем он был до прихода на новое место. Если он был никем, значит и спустя год, два, пять, десять, скорее всего, будет лишь нулём. Смотришь на такого и думаешь иногда: «ого-го! Да он же 10», - аи нет... Задумаешься, вспомнишь и понимаешь: «всего лишь 0 с подрисованной каким-то хулиганом единичкой».

После корректировки и редактирования статьи я пошёл ва-банк для того, чтобы избежать искажения информации: подписал её так же, как и предыдущую, и послал её на прямую редакторам сайтов, на которых уже были опубликованы мои статьи, со специально зарегистрированного для этого почтового ящика. Но уже через полчаса ко мне в комнату ворвался взбудораженный Алексей Алексеевич.

- Ты чего творишь?! Ты с ума сошёл, что ли?! - напирал он на меня.
- В чём проблема? - играл я дурачка. - Потолок обвалился?
- Не играй со мной, Рома! Мать твою! Мы тебе дали доступ в интернет, потому что доверяем тебе, а ты прямо со своего ящика, с этого компьютера отправляешь письма во внешний мир! Да ты сдурел?! Ладно ещё у нас система безопасности всё отлавливает и ходу таким вещам просто так не даёт, но, если бы письмо прошло, его бы гэбэшники выловили и на нас бы вышли! Ты это понимаешь?!
- Нет, не понимаю. С чего такая паника-то?!
- Да с того! Каждое письмо содержит ip-адрес отправителя. Выследить по нему географическое положение человека не представляет никаких сложностей. Отправив письмо, ты поставил нас под угрозу!
- Ну, я же не знал, - отмазывался я, всё ещё не чувствуя за собой вины.

Алексей Алексеевич сделал глубокий вдох, потёр лоб правой рукой, немного успокоился и стал приходить в норму.

- Ромка, ты пойми меня. Ай траст ю полностью и не считаю, что мы маст тебя как-то ограничивать. Бат такие действия просто демонстрируют, что нам надо за тобой следить. Мне бы этого очень не хотелось.
- Ю вуднт виш зет? - спросил я его с кристально чистыми глазами и явным русским акцентом.

Он хмыкнул и покачал головой, тяжело вздыхая.

- Не делай так больше, плиз. К тому же эта твоя статья того не стоит. Мы смогли выловить её ин тайм, зашифровать, и я всё-таки выслал её издателям, бекоз я уважаю твоё мнение. Но не делай так больше сам.
- Окей. Не буду, - кисло согласился я.
- Сенкс, - выдал совершенно уже спокойный и собранный Алексей Алексеевич.

Не зная, что ещё сказать и сделать, он окинул по привычке мою комнату взглядом, увидел телевизор бросил своё:

- Надо бы тебе телевизор побольше... Я распоряжусь.

И ушёл.

Это был первый раз, когда я почувствовал, что я не просто нахожусь под присмотром в «.», но вообще-то в настоящем заключении...

Начало пунктирной линии

Игорь

Прошло пару недель, хотя казалось, будто прошло всего лишь несколько дней. По крайней мере время так быстро пролетело, что я даже и не заметил. Мы набрали команду и уже начали работу по развитию и продвижению «.». Владимир Алексеевич отпилел свой кусок, отдал часть мне и даже начал отчитываться перед вышестоящим руководством о достигнутых успехах. А наш проект собирал аудиторию и двигался семимильными шагами к охвату, а то и захвату всей России. В налаживании контактов нам в основном помогал всё тот же Владимир Алексеевич, который проникся ко мне очень тёплыми чувствами по понятным только мне причинам. Но одним им всё не ограничивалось, так как в какой-то момент у нас так же появилась потребность в том, чтобы в произвольный момент времени взять билет на самолёт и улететь в какой-нибудь Иркутск для того, чтобы зайти в государственный университет и попытаться наладить контакты с потенциальными ведущими сегментов. Летали в основном я и Светлана — наш новый главный пиарщик. «.» росла и расширялась. Охват аудитории уже был очень серьёзным. Нас посещало несколько сотен тысяч человек из Петербурга, примерно столько же из Москвы и ещё столько же из ряда городов России. До миллиона посетителей в день мы пока не дошли, но должны были вот-вот пробить и эту отметку.

Дима сделал эту свою дурацкую Эллу и показал мне, как включить её в случае необходимости. Они с Сергеем разработали специальную страницу, которую они назвали «Красной кнопкой», посетив которую, я мог запустить Эллу. Мне казалось, что это дурацкая и бесполезная идея — пока сайт в моих руках, Элла ненужна, а в моих руках сайт будет до тех пор, пока мне не надоест. Но сделали, так сделали, что уж тут? Я их за это не похвалил, но, судя по всему, они этого и не ожидали.

Я теперь стал большим человеком в компании, но этого особенно не показывал. Более того, я был не стандартным большим человеком. По крайней мере мне так казалось. День свой я старался разбивать на мелкие случайные куски, а вёл себя достаточно импульсивно, чем явно раздражал некоторых подчинённых и сводил с ума Танечку (но чего только не стерпишь за такие деньги?). Теперь я мог заявиться в офис в 10 утра, а мог и во второй половине дня, а иногда — и вовсе не появиться или же наоборот — переночевать. Танечка не успевала за мной уследить, приходилось ей, конечно, не сладко, но она знала, на что подписывалась. Ей даже дозвониться до меня не всегда удавалось — мой телефон мог быть отключен в любой момент, и она должна была посетителей успокаивать и поить чаем и кофе в надежде на то, что я неожиданно появлюсь. Но я мог и не прийти. Из-за этого мы чуть не потеряли нескольких партнёров в лице таких компаний, как Henkel, GFK и Pepsi со. Однако моё неожиданное появление в офисе, в котором, казалось, произошёл коллапс, всегда позволяло исправить ситуацию и вернуть всё на свои места.

- Игорь Анатольевич, - просила меня Танечка с трясущимися руками, готовая уже расплакаться, - пожалуйста, не исчезайте так неожиданно. Весь офис вас ищет, звонят администраторы из новых сегментов. Владимир Алексеевич нашёл людей, которые помогут установить сегменты в Мурманске и Магадане, пришли представители Coca-Cola, а вас и след простыл...
- Ну, и что? - отвечал я с абсолютным равнодушием в голосе. - Не уж то с

сегментами не разобрались Дима со Светой?! Им же за это платят... И неужели не нашлось никого, кто мог бы переговорить с Coca-Cola? К тому же, я больше люблю Pepsi.

- Но это же всё было запланировано, были договорённости... - дрожащим голосом поясняла Танечка. Она сделала пауза, после чего, немного поколебавшись, добавила:
- А Дмитрий Валерьевич в последнее время не очень активно работает и сам не всегда в офисе появляется. Мне кажется, ему тут стало скучно...

Фразу про Диму я пропустил мимо ушей — его интерес к работе меня не интересовал до тех пор, пока он выполнял свои функции. Но при этом, вслушавшись в голос Танечки, я понял, что, чтобы не потерять её, мне надо её срочно пожалеть.

- Ладно. Не переживай. Ты всё хорошо сделала. К тому же, я предупреждал, что будет нелегко...
- Но не так же, - еле выдавила из себя Танечка.
- Хорошо. Я всё понял, ты сегодня очень хорошо поработала. Но я зашёл на вахту, и со всем справлюсь сам, поэтому ты можешь идти домой.
- Правда? - почти детским наивным голосом переспросила Танечка.
- Конечно, - по-отечески ответил я. - Отдохни. А я поработаю.

Время было уже послеобеденное, а я только начинал работать...

За короткий срок ломки своих привычек и осознания себя я, кажется обрёл какую-то силу. Или по крайней мере начал её обретать. Я научился подстраиваться под людей. Получалось это далеко не всегда, но явный прогресс наблюдался. Связывал это я с тем, что начал работать над собой по совету Союзника. Осознанные сновидения приносили мне энергию и позволяли манипулировать людьми, когда мне это нужно было. Осознавать себя в течение всего дня мне пока не удавалось, и когда я терял концентрацию, со мной неминуемо происходили какие-нибудь неприятности: то кирпич с крыши падал в метре от меня, то машину царапал, то компьютер сбоил. Я понял, что осознание для меня критично, если я хочу выжить в битве с Кириллом, но пока всё равно не мог удерживать концентрацию постоянно...

- Ты осознаёшь себя избирательно, - прокомментировал однажды всё это Союзник. - Первый раз с таким сталкиваюсь.
- С каким? - спросил я.
- Ты прекрасно осознаёшь себя в каждый текущий момент времени, но совершенно не контролируешь своё прошлое, - пояснил он. - Из-за этого ты не контролируешь мир вокруг себя и легко перепрыгиваешь с одной линии на другую. Я даже не могу до конца понять, как это у тебя получается, как это возможно... Ты идеальная точка!
- Как будто это так важно!.. - надменно возразил я.
- Возможно, в этом твоя сила, но однажды это может тебе выйти боком...

Я его не слушал. Однако приобретённым умением начал потихоньку пользоваться.

Вечером одного из рабочих дней, когда в офисе остались только я и Света, которая по какой-то причине задержалась, я заглянул к ней в кабинет. Огляделся по сторонам в

поисках темы для разговора и, ничего не найдя, спросил:

- Ну, как дела?
- Ничего, Игорь Анатольевич. Если бы Вы ещё так подолгу не исчезали, вообще прекрасно всё было бы, - вздохнула она в ответ.
- Ну, в этом и вся прелесть, - парировал я. - Никогда не знаешь, что произойдёт дальше. Жить по расписанию так скучно!..
- Это Вам жить по расписанию скучно, - буркнула она. - А для нас это единственный приемлемый метод существования, - и надула свои пухлые губки.

Надо заметить, что Светлана была внешне привлекательна (впрочем, как и многие другие сотрудницы нашей маленькой корпорации, которых выбирал я лично): большие карие глаза, маленький носик, прямые, чёрные, слегка подвивающиеся на концах волосы до плеч, упругая грудь, изящные пальчики... Всю картину немного портили большие бёдра, которые не очень гармонировали с остальными её вполне приятными чертами, но с этим ничего не поделаешь — рождение детей на многих оставляет свой отпечаток.

- Каждый человек сам определяет, как ему существовать, - вальяжно бросил я, и уселся на край её стола.

Я пытался почувствовать её и её настроение, найти её желания, чтобы подстроиться под неё. Кажется, мне непроизвольно удалось это сделать, и она убрала свои колючки.

- Может, выпьем? - предложил я, протягивая ей бокал Шампанского, а сам взял свой бокал.
- Давайте, - с огоньком в глазах ответила она. - За что?
- За то, чтобы люди легко могли находить точки соприкосновения, - ответил я с мягкой соблазняющей улыбкой...

Света была замужем, но в тот вечер это не спасло её от моих чар. Я сделал своё грязное дело прямо на её рабочем столе. Впрочем, учитывая её всхлипы и покрикивания, можно сказать, что все остались довольны.

Домой я вернулся уже за полночь. Прошёл на кухню, достал бутылку Blair Athol, бокал, налил себе, присел на диван и задумался, потягивая виски.

Неожиданно раздался звонок в дверь. В таком-то часу! Кого ещё несёт?! Я отставил бокал в сторону и пошёл открывать.

- Кто? - спросил я, вглядываясь в глазок.

За дверью никого не было. Только пустая, хорошо освещённая лестничная площадка. Я уже хотел было плюнуть и пойти назад к своему бокалу с хересом, но буквально за мгновение до того, чтобы оторваться от глазка, я услышал ещё один звонок.

Снаружи опять было пусто.

«Может, кто-то балуется или звонок сломался?» - неуверенно подумал я и раздражённо открыл дверь.

Оглянулся по сторонам, но всё так же никого не нашёл. Зато на полу валялась какая-то сложенная записка. Я нагнулся и поднял её. Закрыв дверь и пошёл назад в зал, разворачивая записку, читая её содержимое.

Кажется, я успел добраться до дивана, прежде чем потерять сознание...

Прошло ещё пара недель. Я, наконец, засел за написание программы. Цели, задачи, миссия организации — всё, как полагается, всё, как учили в университете на третьем курсе в курсе управления организациями, которого, впрочем, я уже практически не помнил. Продвигалось это дело вполне приличными темпами, но я стал жутко уставать от окружающей обстановки. Я понял, что засиделся, и мне жутко хочется встретиться с друзьями. Точнее говоря, меня заела тоска и отсутствие нормального общения: всё-таки с клонами Алексея Алексеича говорить было не о чем, а сам он был слишком занятой, да и не такой интересный и развитый собеседник, как, например Игорь, Дима... или тем более Кирилл. Кроме того, что-то внутри меня подсказывало, что назревают какие-то неприятности, и пообщаться с ними не помешало бы.

На мои просьбы связаться и встретиться с друзьями Алексей Алексеич отвечал категоричным отказом.

- Ноу вэй! Встречаться с ними небезопасно... А эта контра Игорь так вообще нас всех выдаст, - в своём стиле обрезал он. - Энивэй, покидать «.» тебе категорически запрещено. Да, это у тебя и не получится сделать, даже если ты очень сильно постараться.., - заявил он, не вдаваясь в пояснения.

Никакие доводы на него не действовали, и я понял, что его не переломить в этом вопросе. Однако, я не успокоился и решил, что надо выбраться наружу, чего бы это мне ни стоило. В течение недели я изучал, кто может покидать «.», и как можно теоретически выбраться из здания. Я сдружился с охранниками, разговаривал с Мишей, с Наташенькой и Ирочкой, пытаюсь вытянуть хоть какую-нибудь информацию, и выяснил, что кроме Босса, Ирочки и нескольких человек из отдела безопасности (с которыми я не был знаком), никто здание не покидает. Впрочем, судя по рассказам, сделать это было не очень сложно — хотя территорию окружал высокий забор, в одном месте, совсем рядом с ним, росло дерево, с которого при должной сноровке можно было перебраться на ту сторону. Единственная проблема заключалась в том, чтобы выбраться из здания, а это можно было осуществить только через главный вход, за которым бдительно, денно и ночью следили охранники.

Собрав информацию, я решил бежать. Я выяснил, в какие дни в ночную смену работает пожилой охранник Сергей Михалыч, и решил действовать. Возможно, Сергей Михалыч днём лёг бы спать, чтобы набраться сил и выйти свежим на ночное дежурство, но в тот день ему не повезло — я не дал сомкнуть ему глаз ни на минуту — всё время с самого утра и до одиннадцати вечера я терроризировал его своими вопросами и рассказами, выдавая шуточки и истории из своей жизни на этой и других линиях. Разговор настолько увлёк Сергея Михалыча, что он даже забыл о том, что ему надо бы поспать. Поэтому уже к концу дня он потихоньку начал засыпать.

Ночью, когда весь комплекс вместе с Сергеем Михалычем погрузился в мирный, размеренный сон, я встал с кровати, тихо оделся, стараясь не шуметь, открыл дверь своей комнаты и вышел в коридор.

Темно и абсолютно пусто, ни души. Из окон в конце коридора на унылый паркет и выкрашенные монотонные стены (которые при таком освещении кажутся серыми) льётся белый лунный свет. Мир как будто представлен в градациях серого. Выход из комнаты у меня всегда был свободный, поэтому такое зрелище было не в новинку — я несколько раз

прогуливался по спящему корпусу и наблюдал, как каждую такую ночь мир теряет свои цвета.

Особенно не тратя время, но и не спеша, я выдвигаюсь по направлению к лестнице, а уже по ней — вниз. Один пролёт, другой пролёт., и вот я уже внизу, около входа, рядом с проходной. Слева от меня — будка в которой под работающий телевизор, показывающий реслинг по 2x2, запрокинув голову, похрапывает Сергей Михалыч. Дверь, как и ожидалось, заперта на массивную металлическую задвижку. Подкравшись к ней, тихо, чуть надавливая, тяну в сторону. Идёт со скрежетом, но охранник как спал себе, так даже частоту храпа не меняет. Открываю, и меня с распростёртыми объятиями встречает свежий ночной хвойный воздух.

Темно, ни одного фонаря на улице — только свет половинки луны робко указывает дорогу. Выхожу, осматриваюсь, ищу своё дерево. На улице на удивление пусто, даже никаких часовых нет. Может быть, это для конспирации?

Прохожу по направлению к забору, ступая по влажной траве в поисках дерева. Подхожу к забору. Забор бетонный, высокий, с выпуклыми квадратиками — советский стиль. Сверху — колючая проволока. Оглядываюсь по сторонам и вижу то самое дерево. Подхожу к нему. Это тополь с маленькими веточками по бокам — все крупные, наверно, специально обрубали, чтоб не лазили. Но вскарабкаться можно — надо только делать это осторожно и осознанно.

Цепляясь за хрупкие ветки, прижимаясь к стволу, несколько раз чуть не срываясь вниз, забираюсь. Осторожно перебираюсь на верхушку забора, перешагиваю через проволоку. Но таки нечаянно цепляюсь, рву штанину и царапаюсь. Тем не менее перелезаю и спрыгиваю, ухватившись за край забора. По дороге к земле ставлю синяк на коленке. Но оно того стоило!

Здравствуй свобода!

Не ускоряя шага, не срываясь на бег, но с беспокойным сердцем пробираюсь сквозь заросли в поисках дороги и какой-нибудь цивилизации. Потратив на путешествие по тёмному и несколько пугающему лесу около десяти минут (кажется, я даже видел то ли дикую собаку, то ли волка), я наконец добираюсь до просёлочной дороги и, сообразив, куда мне дальше идти, иду по ней в сторону города.

Эйфория! Свобода! Никаких больше стен и решёток на окнах! Прекрасное чувство!

Не прошло и пяти минут, как мне на встречу выехал микроавтобус Volkswagen. Я бросился его тормозить, размахивая руками, особенно не соображая что происходит и чем мне может грозить его остановка, просто радуясь тому, что я нашёл хоть какие-то признаки цивилизации. Я был рад, что выбрался из своей темницы и почему-то думал, что мне ничего больше не угрожает.

Микроавтобус остановился, двери открылись и в мою сторону выскочили люди в чёрных масках с калашниковыми.

– Кругом, руки за спину, - заорал один из них, стоящий ближе всех ко мне, тыкая в меня стволом.

Шок!

Вот тебе и свобода!

Понимая, что сопротивление бесполезно, нехотя, в абсолютном упадке сил, я

повернулся к нему спиной, и практически сразу же мне на голову нацепили чёрный грубый мешок, пропахший рыбой (из-за чего меня по началу подташнивало), а кисти рук жёстко сковали наручниками за спиной, да так, что метал как будто впился в кости. После этого меня грубо затолкали в машину, треснув пару раз под рёбра чем-то твёрдым, и усадили на жёсткую скамейку. Раздался рёв мотора, машина тронулась и меня начало дёргать в разные стороны из-за кочек на неровной дороге.

– Попался, голубчик, - довольно проговорил какой-то мужчина, сидящий напротив меня. - Всех на уши поставил, гад! Но теперь ты от нас не убежишь.

А я сидел и уже мечтал о том, чтобы оказаться в «.», в своей комнате, чтобы всё это просто оказалось неприятным сном. Мысль о том, чтобы перескочить на другую линию, пришла мне в голову, но осуществить её не получалось — я никак не мог сконцентрироваться из-за давящих наручников, мешка на голове и тряски. Я даже не был в состоянии взглянуть на свои руки, чтобы лучше себя осознать.

– Не спать, - сунул мне кто-то кулак в живот.

Я в ответ согнулся пополам от боли.

– Не спит, - явно улыбаясь, самодовольно заметил тот же человек.

Какая-то апатия и полное равнодушие напали на меня. Стало пусто и при этом совершенно всё равно. Почему-то тот факт, что меня похитили, побили и везут чёрт знает куда, меня перестал заботить. В какой-то миг показалось, что всё это несерьёзно и совершенно несущественно. Показалось, что, чтобы со мной ни произошло, я всё равно останусь в живых... Не знаю, как, но останусь...

И вот мы, наконец, куда-то приехали — машину пару раз тряхнуло, после чего она остановилась.

– Вставай, - грубовато приказал тот же голос и поднял меня за локоть. - Шагай, - и повёл из машины.

В машине я успел отогреться, и теперь на улице мне было холодновато. Под ногами чувствовалась твёрдая земля, посыпанная мелкими камушками, хрустящими при каждом шаге. Из-за мешка с рыбьим запахом на голове никаких запахов вокруг себя я не чувствовал. Разглядеть, куда мы приехали, тоже не было никакой возможности — слишком плотная ткань и ни дырочки, да и слишком темно вокруг.

– Вперёд, - приказал мне всё тот же голос.

Идти в таком состоянии было крайне непривычно, неудобно, да и страшно — руки закованы за спиной, глаза ничего не видят. Ориентироваться в пространстве приходилось на слух и на ощупь. Меня издевательски протолкали в нужном направлении дулом автомата в спину, пока я не натолкнулся на металлическую дверь. После этого меня взяли за руки за спиной, и чуть их подняв, что заставило меня согнуться почти пополам, направили внутрь. Дальше мы прошли в тёплое помещение и, повернув налево, прошли по коридору, а там — куда-то вниз, по ступеням, по которым я чуть ли ни слетал, спотыкаясь, удерживаемый лишь своим поводырём за руки.

Наконец меня усадили на жёсткий пластиковый стул и сняли мешок с головы. Прямо в глаза светила лампа, и человека, сидящего за ней видно не было. Я стал щуриться и отводить взгляд в сторону. Успел разглядеть, что сзади меня, у двери стоят двое «масок» с калашами.

– Что ж, Роман Юрьевич, вот мы и встретились, - проговорил подслащённый голос

за лампой с явно деланной улыбкой.

- Кто вы?
- Меня зовут Евгений Александрович. Но вы меня можете называть так, как и многие другие, знающие меня — «Муравей».
- Муравей? Что за странное прозвище? - Я уже потихоньку начал различать контуры человека за лампой, но пока не мог его идентифицировать.

Он резко убрал лампу, а сам отвалился в мягкое кресло за столом. Комната стала постепенно проявляться: сквозь засвеченные пятна на глазах проступал корпоративный стиль «.» — крашенные зелёным стены, паркетный пол, подвальное помещение. Только именно в этом я ещё не был. Впрочем этот стиль «.» был взят ещё от государственных учреждений советских времён, так что я вполне мог находиться, в каком угодно другом бывшем совковом здании. Можно было бы допустить, что нахожусь в «.», если бы не та агрессия, с которой ко мне относились и не та угроза, которая повисла в воздухе комнаты.

Мой собеседник достал толстую тёмную сигару, лёгким движением руки обрезал кончик ручной гильотинкой, затем — взял длинные толстые спички, зажгёт, немного подождет, когда разгорится, и поджёт сигару, быстро затягиваясь и выпуская густые клубы дыма вбок.

Черты моего собеседника теперь были хорошо различимы. Он был полноват, с крючковатым носом и тонкими губами, абсолютно лысый, с неровным черепом. Он много улыбался словно чеширский кот.

- Был один случай с человеком, не хотевшим подчиняться моим приказам и последовавшим за этим муравейником... Кажется, с тех пор меня стали называть муравьём... Я не возражаю. И, кстати, могу продемонстрировать, как получил это прозвище, - он подмигнул.

Я осторожно сглотнул слюну, представляя себе во всех красках сцену с муравейником... И мне жутко захотелось в этот момент оказаться в своей комнате, в «.». Я попытался зажмуриться и представить себя в кровати под одеялом, но ничего не произошло.

Муравей рассмеялся.

- Роман Юрьевич, что вы делаете? Пытаетесь меня уничтожить силой мысли?! Но зачем же?! Я пока ничего вам не сделал. А будете себя хорошо вести, мы с вами даже встречаться больше не будем...

Я открыл глаза и поглядел на него с некоторым непониманием.

- Что вы от меня хотите?
- Всё очень просто, - заулыбался неискренней улыбкой Муравей. - Нам нужно знать, где находятся заговорщики...
- Какие? - изобразил я удивление.
- Нас интересует организация, называющая себя «.».
- Я не знаю такой организации, - категорично заявил я.
- Какая досада, - изобразив неправдоподобную грусть на своём лице, ответил Муравей. - А я думал, мы с вами обойдёмся без применения вот этого курительного набора... - он показал на гильотинку и спички, лежащие на столе.

Я закивал.

- Вот и славно.

Пауза.

- И придумайте на всякий случай какую-нибудь более правдоподобную и связную легенду о том, где вы были эти 3 месяца... Впрочем, это, конечно, неважно — она вам всё равно не поможет...

Ещё пауза.

- А теперь можете идти.

Я встал со стула и неуверенными шагами, на трясущихся ногах, направился к выходу из комнаты мимо «масок», которые явно смотрели на меня со злорадством.

Чувства были смешанные: с одной стороны я был рад, что всё это оказалось просто показательной поркой, а с другой — мне было жутко досадно от всего произошедшего, было ощущение, будто меня только что изнасиловали. Но, что характерно, где-то внутри меня пуще прежнего проснулся бунтарский дух, и я уже знал, что точно выберусь наружу и встречу с кем-нибудь из своих... Только нужно время и больше смекалки...

Виски со льдом

Игорь

Я прошёл на кухню, достал бокал для виски и бутылку Talisker. Налил, добавил кубик льда и уселся на диван.

Что за чертовщина происходила? Как мы схлестнулись с Ромой на крыше! Вся эта перепалка, накал страстей... А потом яркая вспышка. Я так и не понял, кто же победил. Я помню, что с Димой что-то случилось... Он упал с крыши? Или это его Рома сбросил? Да, наверно, это Рома сбросил Диму с крыши! Как ему не стыдно? Как он мог предать своих друзей?! Внутри меня всё кипело от злости. Был бы он рядом, я бы ему высказал всё, что о нём думаю.

За окном было темно, часы показывали 9, только не было понятно, вечера или утра. Надо было бы добраться до мобильного в своей комнате и посмотреть на нормальное время, но встать с дивана не хотелось.

Я нажал на кнопку сброса звонка на своём сотовом, и увидел, что сейчас только 9 утра.

- Виски - прекрасное начало любого дня, - изрёк я вслух и сделал глоток.

Надо было подробней разобраться с произошедшим со мной этой ночью...

- Хей, - позвал я Союзника. - Ты спишь?
- Нет, я не сплю, а вот ты, по-видимому, спишь, причём очень крепко.
- В каком смысле? - помотал я головой не понимая.
- Я задам тебе один вопрос, а ты попробуй мне на него ответить. Как у тебя появился мобильник в руке?
- Он не появлялся, он там всегда был, - возразил я.
- Прекрасно, - самодовольно ответил Союзник. По его интонации не было понятно, рад он моему ответу или же просто издевается. - Ты теперь неосознанно перескакиваешь с линии на линию. До этого ты итак не особенно стабилен был, а

теперь так и вовсе стал самым хаосом.

- Это плохо?
- В твоём случае — может, и нет. Спонтанность — это как раз то, чего тебе не хватало. Понимаешь ты этого или нет, но это твоя главная защита на данный момент.
- От чего?
- От всего.

Я дёрнул плечами и сделал глоток из бокала. Лёд уже подтаял и напиток стал менее крепким, что оттенило лишнюю кислинку. Сюда бы ещё подлить виски, температуру чуть увеличить, а воду оставить.

- Вот, например, - продолжал Союзник, - сейчас ты только что себе исправил виски.
- Чего я сделал? - не понимал я.
- Ну, сделай глоток из бокала.

Я вначале настороженно понюхал содержимое, потом осторожно пригубил.

- И что не так? - не понимал я.
- Опиши свои ощущения от напитка.
- Зачем? хочешь, чтобы я тебе тоже налил?
- Да нет же! Каков напиток на вкус, каков по температуре?
- Да всё прекрасно. Крепкий, но мягкий виски с дымком, с небольшим количеством воды, нужной температуры, из-за чего хорошо раскрываются изящные нотки апельсина и груши...
- А лёд? - перебил меня Союзник.
- Какой лёд?
- Лёд не мешает?
- У меня виски безо льда, - проговорил я с небольшой злостью. - Со льдом виски пьют только мудаки! И хватит валять дурака!
- А ты понимаешь, что так было не всегда? - не унимался Союзник. - В смысле, ты только что собрал линию с таким виски... До этого ты сидел на другой линии, где у тебя был виски со льдом.
- Я не пью виски со льдом, - уверенно и жёстко проговорил я.
- Это хорошо, - улыбаясь проговорил Союзник. - Это значит, что ты сделал очень большой шаг к своей свободе, хотя сам этого и не понимаешь вовсе.
- Да мне наплевать на твою свободу, - изрёк я и растянулся на диване, а бокал поставил на пол.
- Это как раз абсолютно неважно... Однако у меня есть для тебя одна новость.
- Какая?
- Возьми трубку, - сразу же после этой фразы зазвонил телефон.

Это был Димка.

- Да, алё, - ответил я.
- Игорь, - взволнованным голосом произнёс он. - У нас беда.
- Какая ещё беда? Что-то полетело? - поморщился я.
- Нет. Серёга умер.

Я не сразу понял эту фразу и поморщился, пытаюсь понять, что она вообще значит и к чему может привести.

- Я у него дома сейчас, уже вызвал скорую, - проговорил Дима. - Он лежит в своей кровати, из носа кровь...
- Так, подожди, - остановил я его. - Он хотя бы логи по проекту вёл?
- Ну, да, - не понимая ответил Димка. - А при чём здесь это?
- Ну, тогда ничего страшного, его работу легко Костя сможет продолжить. Они же в последнее время практически в паре работали...
- Ты сдурел, что ли?! - заорал на том конце Димка. - Человек умер, а ты беспокоишься только о «.»?!

Я сел на диване.

- Дима, успокойся, всё в порядке, всё наладится, - я попытался включить своё внушение, но оно почему-то не работало. Я как будто натолкнулся на непробиваемую стену. Казалось, я потерял связь с миром...
- Иди ты в жопу, Игорь!

Он бросил трубку.

Это явно было неспроста. Это всё из-за Ромы. Он сбросил Диму с крыши в том сне, и теперь у Димы какое-то раздражение.

Я с досадой посмотрел на мобильник и поморщился.

- Ну, как новости? - спросил Союзник.
- Действительно, плохо. Всё-таки пока Костя возьмёт на себя отдел программистов, пока народ в себя придёт, времени уйдёт много... А нам надо мощности наращивать, - задумчиво рассуждал я вслух.
- А что по поводу Димы думаешь?
- А чего тут думать? Ну, вспылит — с кем не бывает?
- Только в последнее время он частенько ведёт себя не адекватно, тебе не кажется? - заметил Союзник.
- Ну, да, есть немного.
- Это, наверно, всё из-за его девушки — такое ощущение, что она настраивает его против тебя.
- Да, что-то в этом есть, - согласился я. - После её появления, он стал дистанцироваться и вести себя менее адекватно. Опять же, вспомнить, как он делал документацию для второго этапа... И эта его дурацкая Элла...

- И Рома...
- Что Рома? - не понял я.
- И Рома тоже неадекватно себя ведёт в последнее время. Мало того, что эта его дурацкая статья, так он решил опубликовать ещё...
- Ага! Как будто специально меня подставить хочет, - добавил я.
- Какие-то у тебя друзья не очень, - заметил Союзник. - Я бы на них не положился.
- Есть немного, - грустно подтвердил я. - Ну, да ничего, прорвёмся. Шаг за шагом. Сейчас надо бы решить проблемы, появившиеся из-за Сергея. Потом разберёмся с остальными.

Я сделал последний глоток капучино, осушив чашку до дна, поставил её на стол и пошёл переодеваться к работе. Мне предстоял непростой день.

Вагоны Пемолюкса

Дима, Игорь, Сергей

Несмотря на то, что на небе были лишь перьевые облака, шёл дождь. Это, наверно, всё из-за того, что мне с утра очень хотелось, чтобы шёл дождь, и вот кто-то свыше, наконец, получил мой заказ и решил его выполнить. Люди в чёрных плащах и куртках стояли рядом с пустой могилой и смотрели на пластиковую оболочку, лежащую в гробу, отдалённо напоминающую Сергея.

Я сижу поодаль от всех, за их спинами, на скамейке. Мне не хочется подходить к гробу и смотреть на каменную маску, которую Сергею нацепила смерть. К тому же я знаю, что это не он там лежит. Он сидит рядом со мной и не понимает, что происходит. Впрочем, кажется, это всё творится лишь в моей голове. Это в голове я ему говорю:

- Ну что, Серёга, как ты?

А он мне в ответ:

- Лучше, чем когда бы то ни было. Я теперь совершенно свободен!

А потом добавляет в своём стиле:

- А вон ту вот блондиночку видишь? - и показывает мне кивком в сторону девушки, стоящей справа от всех, жующей жвачку.
- И что с ней?
- Моя девушка. Помнишь, я говорил, что после Стеллы начал встречаться с одной, и у нас всё серьёзно?.. Обещал показать...
- Понимаю, - киваю я, и на душе становится грустно.

Двое ловких рабочих кладбища накрывают гроб крышкой, продевают под него измученную другими гробами верёвку, поднимают и начинают погружать в землю.

Какая-то женщина заплакала навзрыд. Кажется, это Серёгина мама — отсюда не видно. Я не хочу смотреть.

Медленно опустили и вытащили верёвку. Люди по очереди подходят и бросают горсти земли. Я не хочу подходить и бросать. И с недавних пор я не делаю того, чего не хочу — это всё влияние Дагни...

Последний человек бросает горсть земли, мужики берут лопаты и быстренько умело сталкивают песок и засыпают гроб. Всего каких-то минуты две-три, и всё кончено. Только свежий песок выдаёт то, что какие-то мгновения назад земля ещё была вскрыта.

– Ладно. Пойдём, насиделись тут, - еле слышно говорю я Серёге.

Мы встаём и идём внутрь автобуса. Я сажусь примерно в середине и гляжу отстранённо в окно.

Остальные гости подходят и тоже занимают свои места. Рядом со мной плюхается Игорь.

– Что же ты со своим другом не попрощался? - тихо спрашивает он. - И за одной партией сидели, и работали вместе, а даже «прощай» ему у гроба не сказал...

Кажется, Игорь решил застыдить меня... Кто бы говорил, чёртов циник?!

Автобус трогается, выруливая по узким улочкам города мёртвых. Где-то слева, в квартале могил с мраморными надгробиями, лежит тело моего научного руководителя. Где-то впереди и справа — моего дедушки... Все они на самом деле остались со мной, а тут лежат лишь их оболочки.

– А мне с ним не надо прощаться. Он со мной, - спокойно отвечаю ему.

Игорь неодобрительно качает головой. Строит из себя человека-совесть.

– Да и кто бы вообще говорил, - вспоминаю я. - Человек, который при первых вестях о смерти начал думать, кем теперь заменить работника...

– Я был в состоянии аффекта, - оправдывается шёпотом Игорь. - Ничего не соображал и поверить не мог...

– Другим рассказывай. Я тебя знаю как себя самого, - отрезаю ему в ответ. - И, если раньше у меня были какие-то иллюзии на твой счёт, то теперь их не осталось вовсе!

– Димка, ты же действительно знаешь меня — я не жестокий человек, - продолжает он, напрягаясь, как будто пытается внушить.

– Знаю, - обрываю я. - Ты эгоист. Ты человек, готовый ради своей цели на всё. А в последнее время ты вообще слетел с катушек и потерял связь с реальностью.

– Да о чём ты говоришь?! Я же просто работаю, я пытаюсь сделать мир лучше...

– Лучше? Как?! Что ты сделал такого для мира, а не для себя? Назови хоть одну вещь! - вспыхиваю я и поворачиваюсь к нему корпусом.

Он подбирает слова, стараясь в голове поскорее что-нибудь найти. Игорь явно не ожидал, что я буду так на него нападать.

– «.» - наконец выдаёт он после секундных раздумий.

– Каким образом твоя маленькая бизнес-корпорация делает мир лучше?! Ты зарабатываешь бабло, да ещё и связался с чинушами. Не обманывай себя! - возмущаюсь я.

– Мальчики, пожалуйста, потише, - шикает на нас женщина, сидящая сзади и протягивает руку, касаясь плеча Игоря. - Ведите себя прилично!

– Нет! - уверенно и жёстко отвечает Игорь, сбрасывая руку женщины со своего

плеча. - Это не просто зарубание бабла. У «.» есть важная просветительская функция — мы воспитываем новое, мыслящее поколение. Наши посетители не просто чатятся и фоточками обмениваются, они делятся материалами и информацией, они её обсуждают и создают. Мы возвращаем не просто тупых потребителей, как этого хотелось бы всяким Фурсенко и Ливановым. Мы создаём человека-личность! У нас благородная миссия.

- Не переоценивай процесс наживы коммерческой организации на своих потребителях, - жёстко отвечаю я. - И не прикрывайся прекрасными словами! Твоё истинное отношение к людям всё равно не скрывать... По крайней мере от меня.

Мы подъезжаем к выезду с кладбища, автобус останавливается, Игорь встаёт. Снаружи стоит его машина. Тем, кто добрался сюда своим ходом, надо выходить.

- Поговорим об этом потом. Я уверен, что смогу тебя убедить в том, что мотивы мои чисты...
- Очень сомневаюсь. Тебе придётся закупать вагоны Пемолукса для того, чтобы их очистить, - заключаю я.

Игорь качает головой и уходит.

Внутри всё кипит и переливается. Я переживаю снова и снова эпизоды с Игорем, критикуя и распиная его, когда на мобильник приходит смска. Это Дагни. Она прислала только одну фразу:

«Прекрати сейчас же!»

После прочтения на душе становится значительно спокойней и светлее. Всё только что произошедшее отступает на второй план и теперь уже кажется таким неважным.

- Так-то лучше, - кивает Серёга, сидящий рядом со мной, и улыбается. - Он того не стоит! Не парься!

Я грустно улыбнулся ему в ответ.

Удар по самолюбию

Игорь

На поминки я, естественно, не поехал — не настолько мне был близок Сергей, чтобы ехать, сидеть за общим столом с людьми, которых я не знаю, и тратить своё драгоценное время на пустые воспоминания о нём. То есть он совсем мне не был близок. Но дома, несмотря на своё отношение, я всё-таки решил выпить за него. Впрочем, это правило с выпиванием явно было придумано не для таких, как я, а для близких людей — чтобы они не слишком заикливались на произошедшем и могли уйти от проблем, расслабиться. Это правило не для посторонних, которым нет дела до умершего. Возможно, выпить я решил из-за того разговора с Димой, который теперь мне не давал покоя. А, может, из-за не остывающей злости на Рому, из-за которого всё это явно началось. Проблема с Димой даже скорее заключалась не в том, что он там себе обо мне напридумывал, а в том, что мне не удавалось никак на него повлиять, не удавалось манипулировать им. Он стал слишком своевольным и неуправляемым. На тот момент я уже умел с лёгкостью нащупывать нужные струны у любых людей и дёргать за них, решая вопросы в свою пользу. Исключений не было. Даже к Диме я уже нашёл подход, но всё разрушилось в одночасье после того лабиринта! В этот раз, на кладбище, я попытался нащупать хоть что-нибудь, но моя рука как будто провалилась в пустоту, так и не найдя опоры. Меня это

сильно раздражало. Такого удара по самолюбию я давно не получал.

Я взял ломтик лимона, обсыпал его перцем и солью. Достал из барного шкафчика бутылку текилы Don Julio Anejo и рюмку. Налил, подержал в руке, задумчиво глядя на светло-жёлтую жидкость, затем выдохнул, выпил и закусил лимоном. Поставил рюмку на стол.

Это всё не просто так. Это не может быть само по себе. Это всё из-за Ромы! Или, может, из-за Димкиной подруги. А может, и из-за них двоих! Вообще, как только она появилась в его жизни, Дима перестал быть тем добрым и послушным другом. Она явно что-то с ним сделала, перевернула его. Поэтому его надо. Надо Диму от неё спасти! Раз я не могу на него повлиять на прямую, то попытаюсь повлиять через сновидения. И никакой Рома, никакая Дагни не смогут мне помешать!

- Не стоит. Во-первых, у тебя ничего не получится, а во-вторых, это ни к чему хорошему не приведёт, - монотонным голосом проговорил Союзник.
- И почему же? - спросил я.
- По причинам, о которых тебе пока знать не положено.
- Опять двадцать пять! - ругнулся вслух я и опрокинул ещё одну стопку водки, закусив солёным огурцом, и стукнув рюмкой по столу. - Сколько можно этого мрака и тайн?! Либо говори до конца, либо молчи. А если не можешь ничем помочь, то и не вмешивайся!
- Помочь-то я могу, только это не поможет., - философски заметил он в ответ.

Я сел на край постели, а затем и вовсе лёг. Закрыл глаза.

- Помогай. Мне нужно попасть в сон Димы.
- Ну, здесь ты сам знаешь, что делать, - шепнул Союзник в правое ухо.

Какое-то время назад он научил меня входить в осознанные сновидения непосредственно во время засыпания. Техника была непростая, но мне удалось освоить её достаточно быстро.

Я начал рисовать в своём воображении цифры на асфальте.

1. 2. 3.

Тело стало тяжелеть и сильнее проваливаться в кровать. Сознание уходило в сон, но я старательно оставшимся в моём распоряжении кусочком сознания продолжал рисовать.

40. 41. 42.

По телу прошла мелкая дрожь, перед глазами стали появляться неясные образы, я чувствовал, что уже почти уплыл в сновидение.

70. 71. 72.

В последнее время такие вещи стали даваться мне легко или даже спонтанно...

97. 98. 99.

Я стою посреди своей спальни комнаты. Бродю по ней и ищу аномалии. Красные обои в громкий жёлтый цветочек. Компьютерный стол в виде большой металлической трубы. Коричневое поролоновое кресло. Стекло, переливающееся разными цветами... В общем, ничего необычного — всё выглядит вполне нормально и привычно. Совсем не похоже на сон.

Дверь открывает и в комнату стеснительно заходит на задних лапах розовый декоративный кролик. Я вопросительно гляжу на него, он чешет за ухом передней лапой, гладит уши, после чего смотрит на меня и подмигивает. Я киваю ему, давая разрешение задать вопрос.

- Чего стоишь?! - резко спрашивает кролик. - Как будто в первый раз. Отдельной команды ждёшь?!
- Иди ты в жопу, - ворчливо отвечаю я Союзнику, ложусь прямо на пол, закрываю глаза и засыпаю.

Сделать мне это удаётся очень быстро: ещё какое-то мгновение назад я был в своей комнате, и вот уже открыл глаза и очутился в тёмном мире. Вокруг меня всё так же, как всегда, летают пузырьки энергии. На передний план выплывает Союзник — его можно узнать по цвету.

- Мне бы стоило тебя отговорить от этой затеи, но мне самому интересно посмотреть, к чему это приведёт, - с ухмылкой выдаёт он.

Я жадно начинаю поглощать энергетические кусочки, не обращая внимание на Союзника.

С тех пор, как я начал активной практиковать сновидения, чувство омерзения к пузырям сознания плавно сменилось на чувство безразличия. В этот же раз я и вовсе испытывал какой-то нездоровый азарт.

- Игорь, надо знать меру, - останавливает меня серьёзным голосом Союзник. - Чрезмерное потребление чужого сознания вредит твоему собственному!

От потреблённого сознания я уже раздулся и теперь лениво самодовольно плыву в пространстве. В конце концов, это всего лишь сон, а значит жри я чужое сознание или не жри — не играет никакой роли. Всё равно мне это только снится.

От чужих мыслей и ощущений я уже умею абстрагироваться. Точнее, игнорировать их. Да, в голове всплывает периодически какая-то лабуда про Олега, который зарубил лопатой Олю, там же болтается воспоминание о застреленном мною президенте, а также есть что-то о последних минутах Ра, глядящего на сиреневые облака, уплывающие вверх — там много всего, но оно теперь просто плавает на заднем фоне, не мешая мне и не вводя меня в депрессию, как это бывало по первой.

- Ну, я пошёл? - спрашиваю я у Союзника.
- Ну, иди, коли не шутишь, - отвечает он и как будто улыбается.

И мир сразу же меняется. Из чёрного он превращается в живой, естественный мир, мир сновидения Димы.

Дима стоит на выходе из своего подъезда и трёт руки, пытаясь согреться. То ли очень рано, то ли очень поздно. Небо тёмное, воздух прохладный. У него за спиной старый рюкзак песочного цвета, а в руках — удочка в чёрном чехле. Он зеваёт. Кого-то явно ждёт. Мимо проходит полночная воркующая парочка, я собираюсь с мыслями и подхожу к Диме. Он смотрит на часы.

- Привет, - говорю я ему.

Он смотрит на меня с непониманием и удивлением.

- Игорь? А где машина?
- Я сегодня пешком, - только и отвечаю я.
- Но мы же на рыбалку собрались...
- Мы поедem, - киваю я. - Только вначале надо поговорить.
- Да что за новости?! И что вообще с тобой случилось?! - не даёт он мне перехватить инициативу.

Я подхожу к нему практически в упор и гляжу прямо в глаза, стараясь достать до дна, нащупать струну.

- Дима, ты же знаешь, что мы друзья и ты мне очень дорог? - начинаю я.
- Игорь, ты чего, пьяный что ли? - отвечает он без какого бы то ни было намёка на испуг.

Я гляжу на него и пытаюсь хоть что-нибудь нащупать, но ничего совершенно не получается — всё как о стену горох.

- Понимаешь, Дима, - пытаюсь я зайти с другого фланга. - Я переживаю за тебя. Эта твоя Дагни что-то с тобой делает... Она нас стравливает, я это чувствую!
- Какая Дагни? - искренне не понимает он. - Это как у Гамсуна что ли?

И тут я замечаю, что Дима-то выглядит моложе, чем сейчас. И образ, и ситуация эта мне что-то напоминают. Удивительно, но пока я пытался нащупать струну, я растерял всю свою энергию. У меня даже уже нет сил стоять. Я сажусь на асфальт, краем глаза замечая приближающуюся машину, которую веду я сам...

Назад в чёрный мир.

- Что, Данила, не выходит каменный цветок? - ехидничает Союзник, надменно висящий в воздухе.
- Ничего-ничего, всё выйдет! - самоуверенно говорю я и начинаю пожирать ещё куски энергии.
- Может, остановишься, пока не поздно? - мешает он мне.

Но я не обращаю на него внимание. Передо мной всплывает образ девушки, прыгающей с отвесной скалы. За ним — образ космонавта в горящем шаттле. Потом — мальчика, наступившего на мину...

Наверно, хватит. В этот раз я его достану, - решаю я и опять перемещаюсь в его сновидение.

В этот раз мы едем в моей старой машине. За рулём я, но я также сижу сзади. Тот я, который за рулём — это ещё молодой и зелёный, я узнал его. Он до сих пор работает в банке и не достиг тех высот, которые достиг я. Но ничего, достигнет...

- Дима, - шепчу я ему с заднего сиденья.

Дима испуганно оборачивается назад, глядит на меня, потом на меня сидящего за рулём, туда сюда, туда сюда.

- Игорь, ты это видишь? - спрашивает у меня.
- Что именно? - спрашиваю я, сидящий за рулём.
- У тебя кто-то в машине, на заднем сиденье, - не сводя с меня взгляда говорит Дима. Я, сидящий за рулём, бросает взгляд назад, но меня не замечает.
- Димка, харе прикалываться! - отвечает он. - Мне за дорогой следить надо.
- Ты его реально не видишь? - откровенно удивляется Дима и протирает глаза.
- Чего ты там увидел? - с раздражением спрашиваю я, сидящий за рулём.
- Блин, Димка, харе пугаться, - грозно говорю ему я, сидящий сзади. - Я тебя не трону. Мне просто поговорить.
- Он говорит, что хочет поговорить, - с тем же страхом в глазах суфлирует Димка.
- Кто говорит-то?
- Ты говоришь, - осторожно произносит он, не спуская с меня взгляда.
- Дима, я здесь, чтобы тебе помочь, - начинаю я, сидящий сзади, но я, сидящий спереди не даю договорить:
- Дима, ты меня пугаешь. Ты в порядке? Если хочешь, я остановлю машину.
- Я твой друг, - говорю я, сидящий сзади. - Я здесь, чтобы спасти тебя. Дагни пытается тебя настроить против меня!
- Кто такая Дагни?! - шепчет в страхе Дима. - Что за чушь?! Как это вообще возможно?! Оставь меня в покое!
- Дима, спокойней, - говорю я, сидящий спереди и начинаю сбавлять скорость. - Давая я остановлю машину и мы немного подышим воздухом.

Эти препирательства с Димкой ни к чему не ведут. В прошлый раз он никак не хотел понять, сейчас — он в испуге... А я опять теряю драгоценную энергию.

- Ёкарный бабай! - ругаюсь я сзади, отчего Дима и вовсе теряет сознание и опрокидывается на дверь машины.

А я опять возвращаюсь в чёрный мир.

- Игорь, ты бы всё-таки остановился, пока не поздно, - заявляет Союзник поделовому летящий в пустоте.
- Ещё чуть-чуть, - настойчиво отвечаю я и начинаю пожирать чужие куски сознания. - Если бы не Игорь, я бы до него добрался... Мне бы хоть минут пять нормального разговора...
- Ты не чувствуешь, что что-то тут не так? - спрашивает Союзник.
- Либо помогай, либо молчи, - резко отвечаю я.

Происходит взрыв и Сергея выбрасывает из кабины самолёта. Розовая длинная палочка неожиданно впивается в кружочек, ползущий по стенке аквариума. Выстрел, и Денис падает замертво в невинный белый снег.

- Ну, ещё раз! - Заключаю я и опять направляюсь в сон Димы.

В этот раз он сидит на берегу с удочкой в руках и смотрит на восход. Я тихо подхожу к нему и сажусь рядом.

- Дима, я хочу с тобой серьёзно поговорить.
- Говори, Игорь, - как ни в чём ни бывало отвечает он, не обращая на меня внимание.
- Дима, ты в опасности! Я тебя один раз уже спасал из лап этой гарпии, но я чувствую что она опять пытается с тобой разделаться.

Дима поворачивает голову в мою сторону и улыбаясь глядит на меня.

- Какая ещё гарпия? Ты о ком, Игорь? О моей маме что ли?
- Да нет же! - раздражённо отвечаю я. - Я об этой твоей девушке, о Дагни.
- Дагни, - задумчиво произносит он. - Где-то я это имя уже слышал...
- Дима! - хватаю я его за левую руку и сильно сжимаю - Не уплывай в свои мечты!

Он морщится и глядит на меня с непониманием.

- Игорь, ты ошалел?! Мне же больно!

Я сжимаю руку ещё сильнее, а второй хватаюсь за его правое плечо. Мы встаём на ноги, я гляжу ему в глаза и пытаюсь залезть поглубже.

- Дима, Дагни — это зло! Пойми это!
- Да какая к чёрту Дагни?! - возмущается он. - Чего тебе от меня надо?! Отстань на фиг!
- Только я могу тебя спасти, понимаешь? - я начинаю его трясти. - Понимаешь?
- Нет не понимаю, и если ты меня сейчас не отпустишь, я тебе тресну ногой по яйцам! - кричит он в ответ, отшвыривая меня в сторону своей энергией как щенка.

Я падаю и разбиваюсь на тысячи осколков. Он же спокойно садится на место и опять уходит мыслями в восход.

И опять в чёрном мире.

- Чёрт подери! Да что же это такое?! Как это возможно! Я бывал в снах стольких людей! Я даже в голове Рыбина был! А этот выскочка!

Я мечусь в ярости по чёрному миру, пожирая всё на своём пути. Я уже даже не фиксирую, что именно я ем.

- Но ничего! Сейчас я ему покажу! В этот раз он меня поймёт! Я его заставлю понять!

Нажравшись вдоволь, я чувствую, что нужно ещё и гляжу по сторонам в поисках самого большого куска сознания. Передо мной висит меланхоличный Союзник. Если его сожру, то точно всё получится!

- Даже и не думай об этом! - резко говорит он и наливается красным цветом.
- Но ты же должен мне хоть как-нибудь помочь, - хитро отвечаю я и медленно плыву в его сторону.

- Игорь, ты и сам по-видимому не понимаешь, во что ввязываешься! Остановись! - грозит он мне.

Я бросаюсь в его сторону, но он уворачивается.

- Последнее китайское предупреждение, Игорь! - Союзник становится горячим.

Ну, да ничего, пусть... Я подплываю ближе, собираюсь, готовлюсь к прыжку... Прыгаю, открыв рот. От такого ты точно не увернёшься!

Но неожиданно Союзник разлетается на мелкие части и растворяется в черноте.

- Дебил! - отвечает он со всех сторон. - Иди в жопу!

Сразу же после этой фразы я вскочил в своей кровати и оглянулся по сторонам.

Это всё было всего лишь дурацким сном! Но с Димой так ничего и не получилось.

- Вашу мать! - реву я на всю комнату и бью кулаком по стене. Стена стонет и вверх по ней, подальше от меня, бежит трещина.

Этого ещё не хватало! Что за дебилский день! И всё из-за этого предателя Ромы! И придурка Димы! Немошь бледная! Ничтожество! Чтобы ты пропал со своей Дагни! Чтобы я ещё что-нибудь для кого-то из вас сделал!

Я бью в ярости руль своего автомобиля, но пробка от этого не двигается.

- И вызови мне Диму сейчас же, - рывкаю я Тане по громкой связи своего офисного телефона.

Она же лишь растеряно, испуганным голосом произносит:

- Игорь Анатольевич, Дмитрий Валерьевич сегодня не пришёл на работу. И на мобильный телефон не отвечает.
- Ещё раз такое, и уволю к чертям собачьим! - реву я, стучая кулаком по дубовому столу, из-за чего тот вздрагивает и охает от боли.

И только где-то на заднем фоне тихий голос Союзника шепчет:

«Правильно, Игорь! Покажи им, кто тут главный! А то совсем распоясались...»

Стазис

Рома, Кирилл

Несколько дней после того происшествия с моими побегом и поимкой я приходил в себя. Пару раз виделся с Алексеем Алексеичем. Тот лишь с ухмылкой посматривал на меня как на нашкодившего котёнка, но ничего о происшествии не говорил.

Жуткая апатия навалилась на меня — только теперь я ощутил, что оказался в западне, из которой мне просто так не выбраться. Всё, чем можно было заниматься — это сидеть, писать, есть и спать... Только слепая и ничем не поддерживаемая надежда на то, что кто-нибудь придёт и спасёт меня, грела душу. Но кто меня вызволит из этой темницы? Дима? Игорь? Они не знали, где я, и не смогли бы мне помочь... Кирилл? Кирилл действительно мог бы помочь, но, наверно, даже если бы знал, где я, скорее бы заключил, что надо перестать себя жалеть, пора действовать — мол, судьба человека зависит лишь от его действий... Впрочем, даже возможность услышать эту фразу из его уст для меня была бы своеобразным спасением. Но такой возможности не было.

Размышляя о Кирилле и своей судьбе, я немного успокоился. Возможно, Кирилл оказывал на меня влияние даже просто находясь в моей голове в виде образа... Он мне помог найти решение, даже не предлагая его. Я решил, что раз меня не хотят выпускать физически, то я попробую выбраться, используя своё умение собирать линии... По крайней мере, если я могу оказаться на любой другой линии, в любое время, то что же мне мешает переместиться в другое место на этой же линии? Этот фокус легко уложился в моей голове, хотя я до конца не понимал, как именно его осуществить.

В один из вечеров, после дня с этой мыслью, когда всё в «.» поутихло, и все улеглись спать, а я убедился в том, что никто меня беспокоить не будет, я закрылся в своей комнате, включил для фона какой-то альбом группы «Аукцион», погасил свет, лёг в кровать, закрыл глаза, расслабился и начал себе представлять место, в котором хотел бы оказаться.

В воображении почему-то всплыл какой-то знакомый бар — не знаю, почему именно он пришёл мне в голову, и видел ли я его в реальной жизни, но картинка представилась мне очень живой. Стены обшиты сосновыми досками, люди в баре сидят за массивными квадратными дубовыми столами. На стенах — плакаты советских времён, на столах — алюминиевые бидоны и пятилитровые баллоны с пивом, а так же закуска в виде сушек, копчёной скумбрии и сухариков.

Картинка представилась настолько яркой, что я непроизвольно сел в кровати и потянулся за гранёным стаканом с пивом, стоящим передо мной. Каково же было моё удивление, когда я почувствовал его в своей руке.

Я открыл глаза и понял, что уже нахожусь в баре. Напротив меня в хлопковой тельняшке сидел Кирилл, допивающий своё пиво из полулитровой кружки. Допив, он вытер рукавом тельняшки губы, раздавил левой рукой сушку, закинул в рот один из осколков и заговорил:

– Ну, чего? Как жизнь?

Я опешил. Вроде бы, я только что был в своей комнате, а тут такое... Может, я просто сплю? Но всё такое правдоподобное!

– Чего ты дёргаешься? - бросил он, скрывая улыбку. - Сколько можно при каждом переходе сомневаться, о том сновидение это или нет?! Вроде бы не маленький уже! Уже даже сам мочиться ходишь...

Это был Кирилл, я узнал его по дурацким шуточкам и хитрой интонации... И любая мысль о сновидении ту же была отброшена — сны не бывают такими реальными. Даже осознанные...

– Я просто не ожидал.., - улыбаясь, начал оправдываться я, но вовремя собрался и осёкся. - Я рад тебя видеть.

– Что, Аринков уже достал?

– Не то чтобы, - даже не удивляясь тому, что Кирилл знает Алексея Алексеича, ответил я, - просто нужно было сменить обстановку...

– А в чужом сознании тебе не понравилось разве? Зачем ещё менять обстановку? - он хитро поглядел на меня.

Я заулыбался, покачивая головой.

– Я знал, что ты и там меня достанешь...

- Ну, не могу же я тебя отпустить одного совершать глупости! Ты итак чуть себя не угробил... Без моей помощи, так и погиб бы вовсе... Впрочем, может, это было бы кому-то и на руку...
- Кому?
- Всему своё время, - не придавая значения словам бросил он и, не давая мне опомниться, продолжил. - Вообще же ты молодец: так легко нашёл выход из своей ситуации с заточением. Я от тебя этого не ожидал. Плохо, конечно, что ты пока не в состоянии быстро собирать нужные линии, но хорошо, что ты можешь чётко себя осознавать... И с каждым разом ты всё меньше и меньше теряешь себя — а это уже признак зрелости.

Кирилл хитро улыбнулся и закинул следующий осколок сушки в рот.

Первый раз за всё время нашего знакомства Кирилл меня похвалил. Обычно, как я теперь понимаю, он тычками и шуточками подталкивал меня в нужном направлении, помогая мне развиваться, но в этот раз он просто похвалил меня, что до невозможности мне польстило.

- Кирилл, это всё прекрасно, но я до сих пор чётко себе не представляю, куда двигаюсь.
- А это и нормально, - по-простецки сказал тот в ответ и сделал пару глотков из наполнившейся до краёв чудодейственным образом кружки с пивом. - Конструктор никогда не знает о том, куда движется — он полагается исключительно на собственные ощущения. В этом как раз и вся красота — ощутить, куда тебя тянет и двигаться в этом направлении.
- Как-то это странно, - не понял я его идею. - Ты мне говоришь, что конструктор должен себя осознавать и принимать решения не на автомате, сам же призывал к тому, чтобы я понимал, зачем совершаю действия, и тут ты мне утверждаешь, что на самом деле конструктор должен просто двигаться по течению? Противоречие...
- Никакого противоречия, - помотал головой Кирилл. - Конструктор движется не безвольно, а в соответствии со своими желаниями. Конструктор — это единственное полностью свободное существо на свете. Даже создатели не свободны так, как конструкторы.
- Создатели? Что за создатели? - Не понимал его я.
- Ну, это такие надутые тюфяки, - игриво объяснял Кирилл. - Мы их в шутку называем «Создателями», так как те считают себя творцами этого мира...
- Это как? Есть люди, считающие себя богами?

Кирилл ухмыльнулся.

- Практически любой человек считает себя богом: бессмертным, всесильным и уникальным. Особенно в минуты душевного подъёма. Но роль конкретно этих существ мне до конца непонятна. Они не боги, они ничего не решают, ничего не делают, но мои встречи с ними продемонстрировали, что они обладают очень большой силой... Они ей, однако, не пользуются, но при этом частенько надуваются от собственной важности.

Кирилл задумался на пару секунд.

- Я общался с одним из таких, - продолжил после паузы он. - Его звали Ра, он

действительно был сильным. Он мог мир перевернуть наизнанку, мог так залезть в твою голову, что ты начинал сомневаться в своём существовании... Легко мог по мне прочесть всё, что я помню, всё, что знаю, всё что чувствую, всё что буду помнить, знать и чувствовать, причём во все мгновения, на всех линиях.

- Он был богом? - Спросил я.
- Да нет же, не богом, - немного раздражился Кирилл. - Просто очень сильным, занятым и несвободным существом.
- Почему несвободным?
- Потому что он должен был следить за своим миром и не допускать дисбаланса... Он постоянно кому-то что-то должен. А как может быть существо свободным, если оно кому-то что-то должно?!
- То есть этот человек был настолько могущественным, что правил мирами, но ты всё равно не считаешь его богом?
- Не считаю, - спокойно покачал головой Кирилл. - Бога нет. Даже группы богов не существует. Мир значительно сложнее и многообразнее, чем ты его пытаешься себе представить. Это типичная человеческая ошибка — упрощать и воспринимать упрощённо, теряя суть... Например, когда я рассказал про Ра, ты сразу же упростил и создал в своём восприятии модель Ра...

Я посмотрел на Кирилла с непониманием.

- Ну, же, опиши, каким ты его себе представляешь, - попросил он.

Я повёл плечами...

- Не знаю. Ну, пусть будет что-нибудь типа... Высокий человек, коротко стриженный, с педантичными чертами лица. С прямым носом и тонкими губами. Я тут всё, что угодно могу придумать...
- В том-то и дело, что ты уже придумал и сейчас просто озвучиваешь то, что у тебя сформировалось в голове. При этом ты очень сильно ошибся и все свои последующие рассуждения строишь исходя из этой своей ошибки, исходя из этого упрощения.
- И что же это за упрощение? Он не педантичный?

Кирилл покачал головой.

- Ра — это не человек. Ра — это планета...
- Как это «планета»?
- Вот так это. Это планета, на которую я как-то попал во время своих странствий. Такая же, как и Земля, Марс, Венера, Солярис... Просто значительно более развитая, с очень высоким уровнем осознания.

Я опешил и замолчал, пытаюсь втиснуть в свою голову эту идею.

- В том-то и дело, что люди очень поверхностны, но слишком заносчивы — они делают поспешные выводы на основе недолгого изучения объекта, после чего с надутыми щеками строят неверные модели и скучно рассуждают о том, чего никогда не было и не будет.
- Это камень в мой огород?

- А ты не человек?
- Человек.
- Значит, и в твой тоже...
- Но и ты тоже же человек, - решил я подловить Кирилла. - Значит тоже делаешь поспешные выводы...
- Это всего лишь твой поспешный вывод относительно меня на основе неправильных посылок, - хитро поглядывая на меня, ответил Кирилл.
- Хочешь сказать, что ты не человек? - с издёвкой спросил я.

Кирилл не отвечал, глядя на меня в упор. Из-за его взгляда я начал немного нервничать.

- Ты не человек?

Кирилл молчал.

- Тогда кто же ты?

Кирилл немного выставил вперёд подбородок и с шиком произнёс:

- Конструктор.

И после паузы добавил:

- Конструкторы не делают выводов вообще. Они не пытаются познать мир интеллектом — это принципиально невозможно сделать. Конструкторы воспринимают мир как есть и действуют так, как чувствуют.

Я задумался.

Я понял, что за время прибывания в «», мне уже стало не хватать подобных шизоидных дискуссий, по результатам которых мои мозги вылезали наружу и неожиданно для меня оказывались вместо серого очень важного, самонадеянного, разумного вещества бесполезной кашицей.

- Ты начинающий конструктор, ты сделал несколько шагов к этому состоянию. Не раздувайся слишком сильно, ты сделал приличные шаги, но пока ещё недостаточное их количество. Твой мозг всё ещё играет с тобой в нехорошие игры. Да, ты научился собирать линии, но с точностью конструирования у тебя пока плохо. Ты всё ещё веришь в сконструированные миры...
- Я научился, но не знаю, как это у меня получается. А ты мне тут ещё и про точность что-то говоришь... Как я смогу её повысить, если не знаю, что делать?
- Просто надо меньше думать и меньше пытаться объяснить, интерпретировать то, о чём думаешь... Например, ты собрал этот бар, но из-за излишнего скрежета твоих извилин, не ощутил, где находится этот бар, что находится за ним... Как ты считаешь, что находится за этой дверью? - Кирилл кивнул в сторону большой дубовой двери, над которой висела светящаяся зелёная табличка с надписью "Выход".
- И что же?

Кирилл с напором надавил:

- Ты опять начинаешь! Отключи сейчас же свою тыковку! Не пытайся представить,

не воображай, не додумывай! Не надо никаких тупых допущений и предположений! Воспринимай мир как есть!

- Я не знаю, - сразу же сдался я.
- Слабак, - бросил Кирилл в мою сторону и откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди.

В воздухе повисла пауза, Кирилл выжидающе молчал, глядя на меня с вызовом. Я вздохнул, поняв, что не отвертеться, закрыл глаза и попытался ощутить.

Вдох, выдох, почувствовал как воздух циркулирует по лёгким. Вдох, выдох, прислушался к шуму вокруг себя. Вдох, выдох, почувствовал пивной запах в воздухе. Вдох, выдох, почувствовал стены бара. Вдох, выдох, почувствовал пространство за баром... И неожиданно осознал — даже мурашки по коже побежали.

Я удивлённо открыл глаза. Кирилл сидел напротив меня и хитро улыбался своей фирменной улыбочкой.

- Ничего? - спросил я.

Он покачал головой и подтвердил:

- Абсолютно.
- Но разве это возможно? Как может существовать мир из одной комнаты?
- Очень просто. Мы с тобой сейчас находимся в «стазисе». Фактически это мир на задворках алмазного круга. Здесь ничего не существует. Но конструктор, используя своё намерение, может из этого ничего как из глины слепить тот мир, который ему больше понравится. В стазисе конструктор приобретает жёсткость и обычно не может действовать так же молниеносно и спонтанно, как вне его, но в нём же он обретает собственную безопасность.
- Но как можно создать стазис? И кто его тогда создал?
- Как — дурацкий вопрос, на который вообще никогда правильного ответа не существует. Никто не знает и никогда не узнает, как на самом деле что-либо происходит в мире. А конкретно этот мир создал ты сам.
- Но я же ничего не делал, - удивился я в ответ.
- Ты представил и осознал. А с твоим уровнем этого уже достаточно...
- Но я выполнял всё те же действия, что и при сборе других линий...
- Наверно, эти действия чем-то отличались...

Я встал, прошёлся по комнате, принялся, ощутив запах пива в воздухе, пощупал деревянные столбы и вообще убедился в абсолютной реальности пространства вокруг себя. Я подошёл к двери и решительно открыл её. Но за ней не было абсолютно ничего. Просто бесконечное пустое белое пространство. Я закрыл дверь и вернулся к Кириллу.

- А люди? - всё не унимался я. - А люди, сидящие вокруг? Они настоящие?
- Смотря что понимать под «настоящими». Вот ты, например, ты настоящий?
- Конечно, я же себя ощущаю, осознаю! - уверенно изрёк я.
- Значит они тоже настоящие, так как они тоже себя ощущают и осознают.

- Но откуда они, кто они?
- А ты сам не видишь? Они же твои проекции — кусочки твоей энергии. Да ты присмотришься: они похожи на тех людей, которых ты знаешь с других линий... Вон Саймон, вон Рофенар...

Я с недоверием посмотрел на сидящих за столом людей. Они действительно напоминали мне мои проекции на других линиях.

- Но почему они?
- Наверно, они оставили в тебе какие-то следы, вот ты их и вытащил.
- А что они тут делают? - не унимался я.
- Сидят, пьют, что же ещё?
- А они знают, что они в стазисе?
- Нет, конечно. Они просто сидят в баре, и будут тут сидеть до окончания стазиса, - серьёзно ответил Кирилл. - Ты целиком и полностью контролируешь его, а когда захочешь, закроешь его, вместе со всеми этими проекциями.
- И они умрут? - испугался я.
- Нет, они просто вернут тебе твою энергию.

Я ещё раз окинул взглядом сидящих за столом, и он упал на человека, чьё лицо мне показалось до ужаса знакомым, но которого мне не удалось идентифицировать. Он был лет пятидесяти, абсолютно лысый, с неровным черепом, лицо длинное, нос прямой, глаза глубоко посажены, губы тонкие, в очках...

- Можешь поговорить, ничего страшного не произойдёт, - подбодрил меня Кирилл. - Это всего лишь твои проекции...

Я кивнул и осторожно, с недоверием, направился к этому человеку. Подошёл к его столу.

- Здравствуйте, - сказал я ему.
- Здравствуйте, - металлическим сипловатым голосом ответил незнакомец и сделал глоток из фарфоровой чашки с ароматным кофе.
- У вас свободно?
- У нас свободно, - кивнул он.
- Давно тут сидите? - присаживаясь напротив него, спросил я, несколько не комфортно себя чувствуя.
- Кажется, целую вечность.
- Рома, - представился я.
- Кукольник, - ответил он.
- Какое странное имя, - удивился я, пытаюсь быстро прикинуть, мог ли я быть знаком с каким-нибудь Кукольником.

Он дёрнул плечами в ответ.

- Если не нравится, можете звать меня Николас. Впрочем, что одно, что другое —

это мои прозвища. Я своего настоящего имени никогда не знал.

- Как такое возможно? - поразился я. - У всех же есть имена.
- Имена есть только у тех, за кем надо следить. У меня только прозвище, потому что я сам слежу за другими.
- В каком смысле?

Кукольник сделал очередной глоток из своей чашки, глядя на меня пустыми глазами, и начал рассказывать.

- Ещё в детстве я обнаружил в себе способность управлять мыслями людей...

Я внимательно следил за ним, разглядывая, как движется его рот, и насколько же бездвижны его глаза. Я прислушивался к его голосу, пытаюсь ощутить, откуда же он такой взялся. И пока он говорил, я постепенно начал ощущать, откуда его знаю, и кто он такой... Я ощутил его своей кожей, своим организмом, и это ощущение оказалось неожиданным — у меня закружилась голова, а мир пошёл петлёй. В глазах потемнело и, если бы я не сидел, то, наверно, упал бы навзничь.

Открыл глаза. Я (или что-то похожее по ощущениям на меня) был на улице. Было лето, я сидел на скамейке и следил за людьми. По небу лениво прогуливались фиолетовые тучки... От стазиса и Кирилла не осталось и следа...

Кукольник

Рома

Я сидел в парке и лениво глядел на людей, изучая нужно ли моё вмешательство или нет. Мой заказчик никогда не говорит мне, что именно делать, я его понимаю и так, просто глядя на происходящее вокруг. В принципе, я никогда и не знал заказчика, не был с ним лично знаком. Только косвенные признаки указывали мне на то, что мои услуги нужны, и что они высоко ценятся где-то наверху. Что такое «наверху», я тоже никогда точно себе не представлял.

Работа у меня не пыльная и не сложная. Просто в определённый момент, когда заказчик указывает, мне нужно вмешаться в ход событий. Вот, например, идёт молодой человек и о чём-то яростно разговаривает с мобильным телефоном. В нём я чувствую свою следующую работу. Состояние его таково, что он даже не замечает, что происходит вокруг и подходит к пешеходному переходу, не обращая внимание на красный свет. Машин пока нет, но я уже знаю, что через пару секунд вылетит Форд Мустанг и сойдёт этого зеваку. Я понятия не имею, зачем он заказчику, и почему его нужно оставить в живых, но, если я сейчас не вмешаюсь, то заказ будет сорван. Поэтому я кидаю ему в голову мысль о том, что он оставил свой кошелек в кафе пять минут назад. Тот останавливается, убирает мобильник в сторону, ощупывает свои карманы и приходит в себя. Машина проскакивает перед ним, молодой человек остаётся невредим. Никто не заметил, что что-то случилось, но моя работа выполнена.

Так я провожу день за днём. Не подумайте ничего такого, я не супер-герой. У меня есть нестандартная способность, но я работаю на заказ. Мне нет никакого дела до того, будет ли жить тот человек, на которого я воздействую или нет. Я ни раз выполнял заказы по убийству людей, и я не имею ни малейшего представления о том, кто они и какую роль в истории могли сыграть. Мне совершенно всё равно. Мне точно так же нет дела до того, как каким именно последствиям приводит то вмешательство, которое я совершаю. Я живу здесь и сейчас, и живу для того, чтобы выполнять заказы.

Я поднял газету и принялся читать, не обращая внимание на людей.

Я не знаю, сколько существует таких людей как я. Они себя никак не проявляют, да если бы и могли как-то проявить я, наверно, не обратил бы на них никакого внимания. Мне сейчас пятьдесят три, все вопросы на тему «одинок ли я в этом мире» и «где моя вторая половинка» отпали уже лет двадцать — тридцать тому назад. «Да» и «нигде» были ответы, которые я для себя нашёл.

В газете пишут, что самолёт потерпел крушение при посадке. Несколько человек ранено, погибших нет. Я не знаю, имею ли я к этому какое бы то ни было отношение. Возможно, я вылил чашку кофе на пиджак механика, из-за чего у него весь день пошёл насмарку, настроение было ни к чёрту, а это в свою очередь привело к невнимательности и игнорированию неисправности в шасси. Жизнь сложна и многообразна. Последствия любых действий не предсказуемы, но заказчику нужно моё вмешательство. Не всегда, но нужно...

Я сложил газету, сунул её подмышку, взял трость, встал со скамейки и пошёл на выход из парка, к тому самому светофору. Мой дневной ритуал предписывал, чтобы ровно в 16.15 я пришёл в кофейню «У Жанны» на углу 15-й авеню и проспекта Ленина, заказал капучино, и просидел там пятнадцать минут, попивая кофе и таращась на проходящих мимо окна людей.

Зелёный свет. Расслабленные прохожие двинулись по направлению друг к другу. Я иду вместе с ними.

Этому парню надо сунуть мысль о том, что у него чешется нога. А вот той девушке нужно в голове поднять образ пениса её молодого человека. Она покраснела. Заказы не всегда элегантны. Бытовуха, но что поделать? Работа...

Я всегда вижу, что моё вмешательство работает. Это даже проявляется не в том, что люди действуют, как мне нужно, а в том, как меняются их взгляды, как тело еле видно подрагивает или волосы на голове еле заметно шевелятся. Факторов таких много, простой человек на них не обратит никакого внимания, но я их считываю с лёгкостью.

Я перешёл улицу и подхожу ко входу в кафе.

Иногда заказы бывают сложные. Например, один раз мне нужно было соткать целый диалог между двумя менеджерами, сидящими в неформальной обстановке в ресторане. Такая работа выматывает, потому что нужно придумывать реплики и то, как на них отвечать. Причём выглядеть должно это всё совершенно натурально. Обычно люди не замечают, что что-то произошло, и кто-то вмешался в их жизнь, но иногда, в редких случаях, после неумелого вмешательства они могут начать считать, что они совсем не то имели в виду и в них «как будто бес вселился». Интересно, представляют ли они себе беса высоким лысым мужчиной с продолговатым лицом, в очках в тонкой оправе?..

Я подхожу к тучной, взрослой баристе.

- Жаночка, здравствуй, - говорю я.
- О, привет, Ник! - отвечает она. - Как дела?
- Ничего, ничего.
- Всё работаешь, да крутишься?
- Да, работаю. Но сегодня, как видишь, погода хорошая. Так что и работа в радость.
- Хотела бы я с тобой согласиться, - вздыхает Жанна. - Да вот только на погоду у

меня совершенно нет времени. Тебе как всегда?

– Да, спасибо.

Я направляюсь к своему месту, но там сидит девушка, болтающая по мобильнику со своей подругой.

Я мог бы с лёгкостью и с удовольствием выпроводить её из кафе и направить на работу в свой магазин, или где она там работает?.. Но способности свои я просто так не расходуя — они мне даны не для решения личных проблем, а для выполнения заказов. А заказа на неё, к сожалению, нет. Иногда я пользуюсь своим даром в личных целях, но стараюсь делать это как можно реже, потому что чувствую, что заказчику это не нравится, но обычно он на это просто закрывает глаза.

Сажусь за такой же высокий столик у окна, только с другого конца.

Тому мужчине за окном нужно напомнить о том, чтобы он купил хлеб. Он останавливается, бьёт себя ладонью по лбу и разворачивается. Ребёнка на скейтборде нужно испугать. Поднимем в его воображении самое страшное — образ директора школы идущего по другой стороне дороги. Мальчик пугается, пытается неумело затормозить, из-за чего падает на асфальт. Поцарапался и с синяками теперь. Ничего. В молодости у всех нас есть супер способность — быстро регенерировать. С возрастом она проходит, но на смену ей приходит другая — повышенная выносливость. Но и это проходит, сменяясь мудростью. Впрочем, не для всех.

– Вот твой кофе, Ник, - ставит передо мной чашку Жанна.

– Спасибо.

– Да на здоровье! - кидает она в своём стиле и уплывает к себе за стойку.

Деньги обычно приходят мне на карточку в банке под видом дивидендов от владения пакетом акций нескольких промышленных компаний. Я особенно не интересуюсь своими доходами, мне важнее сам факт доходов.

Вон той девушке, переходящей дорогу, нужно вложить в голову мысль о том, чтобы она остановилась, повернулась ко мне и улыбнулась.

Я делаю глоток и совершаю усилие.

Мимо!

Ничего не происходит!

То есть совершенно!

Девушка как шла, так и идёт вперёд, не обращая внимание на моё мысленное движение. Такое со мной впервые. Теряю хватку?

Я ставлю чашку кофе на столик, встаю со стула и направляюсь быстрым шагом за ней, на улицу.

– До встречи, Ник, - бросает мне вслед Жанна. Я лишь ошарашено машу ей рукой в ответ.

Девушка перешла уже улицу и направилась вдоль проспекта Ленина в сторону центра. Я следую за ней.

Это провал? Что происходит?

Момент заказа потерян, такого со мной никогда не случалось! Но надо выяснить, что

пошло не так и почему. Может, ещё не поздно всё исправить?

Надо её остановить и повернуть ко мне лицом.

Не выходит!

Она идёт, игнорируя любые мои мысленные команды!

Пусть хотя бы проверит, с собой ли у неё мобильный телефон.

Но и тут не получается!

Что за безумие!?

Я взволнован и чувствую, что весь побледнел. Ноги меня от волнения еле слушаются, но нужно себя пересилить, догнать её и поговорить.

– Девушка, подождите! - кричу ей вслед.

Но она даже так на меня не обращает внимание, уверенной походкой поворачивает в секс-шоп «Розовый слонёнок» и скрывается за дверьми.

Я стою перед входом как вкопанный и ничего не могу понять. Почему? Это как-то с работой её, может, связано? Или это я старею?

Собравшись с силами, чуть придя в себя, я открываю дверь и прохожу внутрь.

Только сейчас я понимаю, что забыл трость и газету в кафе. Ну, да чёрт с ними! Жанна подберёт, если что — завтра отдаст.

Вокруг всякий непотреб, вгоняющий меня в краску. Резиновый, пластиковый, силиконовый... На любой вкус для девушек и молодых людей. Есть и плётки, и платья, и куклы... Всё, что угодно, всё, что можно представить...

Поправляю пиджак, сжимаю губы в небольшом раздражении. Никогда не был в таких местах и никогда не собирался бывать. Я вообще против вот этого всего...

Хожу по залу, освещённому красным светом, ища глазами девушку. А она уже у кассы. Она таки здесь работает! Выглядит очень опрятно и мило. Глаза голубые, волосы — светлые, вьющиеся, нос — аккуратной кнопочкой, губы — небольшие. Пару десятков назад она бы меня очаровала. Сейчас мне просто нравится смотреть на неё, но чары её на меня не действуют. Я бы ей дал лет двадцать, не больше.

– Вам чем-нибудь помочь? - спрашивает она мягким, приятным голосом.

Я криво улыбаюсь в ответ, пытаюсь заложить ей какую-нибудь мысль в голову. Ну, пусть хотя бы постучит пальцами по стеклу витрины.

Не работает!

– Я... - пытаюсь что-нибудь быстро придумать, а сам засовываю руки в карманы.

В кармане нащупываю случайно найденный мною недавно по дороге носовой платок. И кто только ими пользуется в наше время?!

– Мне показалось, что вы обронили этот носовой платок, - протягиваю ей.

Она улыбается краешком губ, как будто не верит мне совсем.

– Это не мой платок, - качает она головой с тенью сочувствия. - Но, раз уж вы здесь, то, может быть, хотите на что-нибудь посмотреть?

Я жутко бледнею. Прямо, чувствую это своими щеками и шейей. Но из горла моего

вырывается как будто само собой:

- Да, хочу, - я рассеяно гляжу по сторонам.
- Вам для себя или для своей партнёрши? - ненавязчиво спрашивает она.
- Для партнёрши, - отвечаю как малолетний испугавшийся мальчишка, которому кто-то шепнул на ухо, что говорить.
- Для девушек у нас есть вибраторы, фалоимитаторы, вибромассажёры, клиторальные стимуляторы... - тут она останавливается и понимает, что вводит меня в краску всеми этими перечислениями. - Ой, простите, меня иногда заносит. Так что вас интересует?
- А что вы посоветуете? - глотая слюну, спрашиваю я.

Девушка хмыкает, показывая, что вопрос этот не оригинален и тыкает пальцем в стекло витрины.

- Есть вакуумные стимуляторы клитора. Я не знаю ни одной женщины, которая осталась бы недовольной таким приобретением.

Я гляжу на это странное гладкое устройство с насадкой и ничего не понимаю. Кажется, я сам себя поставил в неудобное положение, из которого мне теперь нужно срочно выбраться.

- Дороговато, - сжато говорю я и гляжу на неё.
- Ну, тогда можно что-то более простое. Вот, например, этот вибратор, - она опять показывает пальцем на витрину, но я уже не смотрю на то, куда она указывает.
- Хорошо. Я беру, - еле выговариваю я, как будто получив команду свыше, не отводя от неё своего ледяного взгляда.
- Вам упаковать как подарок? - спрашивает она.
- Нет, спасибо.

Пауза, пока она оформляет покупку и пробивает цену в кассе.

- Девушка, а как вас зовут? - интересуюсь я, набравшись смелости.

Девушка улыбается в ответ и глядит на меня исподлобья.

- А зачем вам?
- Просто... Интересуюсь, - я оправился и чуть более смело продолжил. - Меня зовут Николас.
- Сара, - ненавязчиво бросает она, кладёт покупку в пакет и передаёт мне. - Приятного досуга вашей партнёрше, - улыбается.
- Спасибо, - выговариваю я, трусливо разворачиваюсь и направляюсь на выход.

Выйдя из магазина, я перехожу дорогу, положив всем водителям в головы мысль затормозить. Но только что-то сломалось — они больше не слушают меня: тормозят резко, библикая и ругаясь. Из-под одной машины мне вообще пришлось чуть ли ни выпрыгивать.

Добравшись до другой стороны улицы на пути к пустой скамейке, я бросаю покупку в урну. Добираюсь до скамейки и устало сажусь. Отсюда хорошо виден магазин, так что я,

возможно, смогу поговорить с Сарой в менее стрессовой обстановке.

Пока жду её, пытаюсь продолжать свою рутинную работу, вкладывая людям мысли в головы, но они не реагируют совсем, как будто что-то сломалось.

В мою сторону идёт девушка с коктейлем в правой руке, уткнувшись в мобильный телефон. Я ей внушаю, что она должна почесать голову левой рукой. Обычно это всё работает сразу же и без проблем, но тут совершенно никакого отклика! Более того, из-за этой отвлечённости, она неожиданно для себя упирается в скамейку и опрокидывает свой дурацкий коктейль прямо на меня! Как будто специально!

- Вы что?! С ума сошли? - вскакиваю я, приподняв руки. Пиджак теперь грязный и, когда высохнет, будет липким.
- Ой, простите, пожалуйста, - причитает она. - Я не хотела... Давайте я вытру, - она убирает мобильник в сумочку и достаёт платок.
- Не надо, - раздражённо отвечаю я и стряхиваю то, что можно стряхнуть, платком из кармана, - я и без вас справлюсь.
- Извините меня, я такая неловкая...
- И невнимательная, - бурчу я, а сам направляюсь вдоль дороги в сторону своего дома.

Поход домой для меня в этот раз — почти пытка. У меня не получается ничего, люди меня не слушаются. Пару раз чуть не попал под машину и несколько раз столкнулся с прохожими. Уже ближе к самому дому на меня с лаем набросилась соседская собака. А прямо у входа в дом, в паре сантиметров от меня сверху упал камень. Кажется, с крыши. Я смотрю вверх — на крыше кто-то есть, но отсюда невидно. Чертыхаясь захожу домой.

Кажется, меня наказывают за невыполненное задание. Нужно поскорее переодеться и вернуться назад — только поговорив с Сарой, я смогу понять, что пошло не так и почему. Может быть, хотя бы после этого заказчик меня простит и позволит вернуться на своё рабочее место.

Войдя в дом, долго не раздумывая, я снимаю ботинки, сбрасываю пиджак, снимаю рубашку, штаны, не задумываясь всё кидаю в стиральную машину и иду искать в шкафу свежую одежду.

Вообще я одиночка, но одиноким себя не считаю. У меня были разные отношения с разными женщинами. Чаще всего мне становилось с ними скучно, так как я мог легко вложить в их головы любую мысль, какую мне хотелось. Делал я это нечасто, но когда делал, они становились послушными и неинтересными. Отношения из-за этого длились недолго, не более месяца — двух. Поэтому за свои пятьдесят с лишним лет я уже привык к тому, чтобы всё делать самостоятельно...

Я достаю брюки, новую рубашку и свитер. Всё мятое. Нужно ещё погладить...

Только с одной женщиной у меня всё затянулось надолго. Кажется, года на три. Её, кстати, тоже звали Сарой. Мы даже поженились, и у нас родилась дочь, которую мы назвали Алиса. Но потом они мне обе надоели, и я ушёл от них. Сара даже не плакала, так как я вложил ей мысль о том, что это к лучшему. Алису я уже толком не помню. В моей голове от неё остался только нечёткий образ с маленькой родинкой около пупка. Что сейчас с ней, и где она неизвестно. Ей, должно быть примерно столько же, сколько и этой вот Саре, работающей в магазине. Только живёт она, наверно, всё так же, с мамой в Петербурге.

Глажка одежды у меня занимает немало времени — минут десять, наверно. Конечно же, в этот раз я обжёгся и вынужден был обработать рану. Ни разу в жизни до того не получал ожогов от утюга! Далее мне нужно немного прибраться — терпеть не могу беспорядок и мусор дома. Подождать это не могло, так как грязь в доме при любых обстоятельствах — это просто неприемлемо и невыносимо!

Наконец, напялив на себя одежду, сменив ботинки на более свободные, я выхожу из дома и направляюсь назад к магазину.

Не проходит и пяти минут, как на пути к магазину, на встречу ко мне подходит парень в спортивном костюме и в кепке:

– Папаша, закурить есть?

Конечно же, раньше я бы с таким справился в полсекунды. Но то было раньше, до Сары. Сейчас у меня уже ничего не получается совершенно!

– Не курю, - бросаю сухо я и иду прочь.

– Может, тогда на сигаретки денежек подкинешь? - не отстаёт тот, следуя за мной.

– Нет денег, - только и обрезаю я, ускоряя шаг.

Впрочем, это не особенно помогает, потому что он тоже начинает ускорять шаг. Как на зло на улице в этот момент нет ни души. А, может, это заказчик так задумал? Он хочет от меня избавиться? Я начинаю бежать, но слышно, что он бежит за мной.

– Стоять! - орёт парень сзади меня, и я почему-то встаю как вкопанный. - Куда побежал? Выворачивай карманы!

Я никогда в жизни не попадал в такие ситуации. Они всегда до этого решались сами собой благодаря моему дару. Что делать сейчас, как себя вести?

Я поворачиваюсь к нему лицом и послушно достаю кошелек из кармана пиджака.

– Так-то лучше, - надменно улыбается он, выхватывая его из моих рук. - А это за то, что заставил побегать за тобой, - добавляет он и как-то совершенно неожиданно и быстро ударяет меня левой ногой в нижнюю челюсть. Всё мгновенно темнеет...

Мне привиделась моя бывшая жена. Один из эпизодов нашей жизни всплыл передо мной и закрутился как киноплёнка в проекторе. Мы стоим на кухне и спорим. Алиса лежит укутанная в своей кровати в соседней комнате, ничего не понимая, глядя на мир своими большими удивлёнными детскими глазами.

– Сколько тебе повторять?! Не бывает так! - качает головой Сара, эмоционально объясняя мне, что я неправ. - Невозможно управлять другими людьми, вкладывая им мысли в головы! Вообще невозможно кому бы то ни было вложить что бы то ни было каким бы то ни было образом!

– А как же ты тогда объяснишь мою работу?

– Какую работу?! - эмоционально всплещивает она руками. - Ты целыми днями слоняешься по городу, сидишь в парке и читаешь газеты. Ты ничего не делаешь!

– Но я же получаю за это деньги! Как же ты объяснишь то, что мне на счёт периодически перечисляется кругленькая сумма? - возражаю я.

– Ой, не носи чушь! - на повышенных тонах бросает она. - То, что у тебя есть

дивиденды с акций, не говорит о том, что кто-то тебе платит за безделье!

- Если бы это были просто дивиденды, они бы не менялись в зависимости от объёма проделанной мною работы.
- Так они и не меняются из-за твоей так называемой работы, очнись, Ник! - раздражённо возражает Сара. - Они меняются в зависимости от успешности работы компаний...
- Ты не права, - уверенно возражаю я. - Я всегда могу связать то, насколько хорошо отработал с тем, какие деньги получил.
- О, боже мой! - хватается она за голову и направляется к выходу из комнаты, - я так больше не могу!

Сара никогда не понимала того, чем я занимаюсь и не верила в мои способности. И убедить её в своих способностях у меня тоже никак не получалось. Даже, если для демонстрации я заставлял стороннего человека говорить то, что мне хотелось, она говорила, что это либо случайность, либо не то, что я говорил, что вложу. Она была непробиваемая.

Казалось, я был в нокауте не больше минуты, но в голове столько всего промелькнуло, причём непонятно, почему. Наверно, имя этой девочки запустило во мне какой-то старый пыльный механизм воспоминаний.

Я сажусь на поребрик, потирая челюсть и пытаюсь собрать по частям своё зрение.

- С вами всё в порядке? - раздаётся женский голос рядом со мной.

Я поднимаю взгляд. Это та самая девушка, Сара, сидит напротив меня на корточках и держит меня за плечо. Кажется, заказчик мне даёт второй шанс.

- Да, я в порядке, спасибо, - растерянно говорю я и пытаюсь встать. Она мне помогает, поддерживая за локоть.
- Я видела, как он убежал, но, к сожалению, уже ничего сделать не могла. Он почему-то не останавливался... В смысле, я крикнула ему в след, но он даже ухом не повёл.

Я гляжу на неё с небольшим подозрением, но ничего не говорю.

- Спасибо, Сара.
- Вы запомнили моё имя, - улыбается она.
- Конечно, как такое имя забудешь?
- Вообще-то это не совсем моё настоящее имя, но это и неважно, - как бы невзначай бросает она. Но мне сейчас не до этого.
- А вы не могли бы меня проводить до дома? - спрашиваю я как можно более вежливо. - А то мало ли споткнусь или ещё что-нибудь случится... Сегодня у меня всё из рук валится.
- Да-да, конечно, - отвечает она. - Идёмте. А вам куда?
- Тут недалеко, минут пять ходьбы, - я показываю рукой направление.

Мы идём по улице, которая в одночасье каким-то образом наполнилась людьми. Я по старой привычке пытаюсь вложить прохожим мысли в головы, ни на что, правда, уже не

рассчитывая. Но каково же моё удивление, когда они неожиданно для меня слушаются. От удивления я даже останавливаюсь на месте.

Девушке сказать, чтобы поковыряла в носу. Работает!

Молодому человеку сказать, чтобы пнул правой ногой камень, лежащий на асфальте. Опять получилось!

- Вы в порядке? - спрашивает Сара.
- Да, мне значительно лучше, - растеряно отвечаю я. - Впрочем, идёмте, идёмте. Скажите, пожалуйста, Сара, а вы откуда родом?

А сам думаю о том, какая же она хорошая девушка, и как же с ней приятно идти вместе. Мне хочется с ней побыть побольше. Практически неосознанно вкладываю ей мысль о том, что нравлюсь ей... Она еле заметно улыбается в ответ.

- Я сама из Атланты, родилась там и прожила почти всю свою жизнь, - неожиданно откровенно отвечает она. - Переехала в Бостон полтора года назад, после смерти мамы.
- Как печально.
- Ну, да, но что поделать? Такова жизнь. Пыталась с тех пор найти хоть какую-нибудь приличную работу, но, к сожалению, в наше время выбор невелик.
- Да уж! - я невольно округляю глаза и поджимаю губы. - Не уж то не было другой работы?
- Совсем. Вы не подумайте, пожалуйста, что мне нравится работать в секс-шопе. По началу мне вообще в той комнате находиться было стыдно. И с покупателями толком заговорить не могла. Но у меня есть дар убеждения. Мама говорила, что это от отца, поэтому с продажами я справляюсь хорошо.
- Да, это у вас ловко получается, - соглашаюсь я, кивая головой.
- Кстати, а где ваш... подарок? - она смотрит на меня с еле заметной задорной ноткой во взгляде.
- А я... - мнусь я в ответ, пытаюсь в панике придумать оправдание, но ничего не найдя, просто сдаюсь и говорю, как есть. - Я его выкинул, честно говоря.
- Я так и думала, - очаровательно улыбается Сара. - По вам сразу было видно, что вы не за этим заходили. А зачем вы заходили, если не секрет?

Я даже и не заметил, как мы подошли к моему дому. Мы встали перед входом, я гляжу на неё.

- У меня есть ощущение, что вы не поверите, если я вам расскажу...
- А вы попробуйте, - предлагает она.
- Но это долгая история...

По неизвестной мне причине говорить с ней очень легко и приятно. Она, конечно, совсем ещё молоденькая, но очень привлекательна. Кажется, я к ней присмотрелся и теперь совсем оторваться от неё не могу. При взгляде на неё во мне пробуждаются какие-то давно позабытые чувства, как будто из прошлой жизни. И как будто кто-то вытаскивает из меня следующую фразу:

– Может, вы хотите зайти? У меня есть отличный кофе с Бали.

Сара смотрит на меня, прищуриль глаза, глядит по сторонам, после чего кивает.

Ко мне вернулись мои способности?

Я вижу камень перед дверью и отшвыриваю его ногой в сторону. Теперь мне это всё не страшно!

Я достаю ключи из кармана и открываю дверь.

– Прошу вас, Сара, проходите.

Мы проходим внутрь, я закрываю дверь.

– Милая квартира! - говорит она. - И очень чистая! Просто-таки удивительно, как у вас тут всё разложено по полочкам!

– Спасибо, - отвечаю я. - Проходите, - я показываю в сторону зала. - Я не могу жить в бардаке. У меня такой характер — всё должно быть чётко и чисто.

Сам я прохожу на кухню.

– Вам кофе с молоком?

– Нет, спасибо, - отвечает она из комнаты.

– Хороший выбор! - с улыбкой отмечаю я.

– А чем вы занимаетесь дома? У вас даже нет телевизора!

– Я читаю книги и газеты, - отвечаю я из кухни.

Сара появляется в дверном проёме.

– В смысле? Как же вы так без телевизора? А новости хотя бы смотреть?

Не отрываясь от процесса приготовления кофе, засыпая его в турку, добавляя воду, я отвечаю:

– Я просто не смотрю телевизор. Мне вообще идея телевидения не нравится.

– Как не нравится? - с удивлением спрашивает она и проходит на кухню. - Как это так?

– Просто телевидение даёт не нормальную пищу для размышлений, а закуску, что-то что ты можешь съесть на ходу и побежать дальше. Новости по какому-нибудь CNN — это как чипсы или шоколадный батончик. Сытым ими не будешь, если ты нормальный человек, следящий за своим здоровьем. Этот тип «еды» только заполняет желудок и вредит организму, тем более, если потреблять его постоянно.

– Очень интересная аллегория, - говорит Сара, стоя на кухне, облокотившись о стену.

А я продолжаю:

– Мы же даже обычно не знаем, из чего они приготовлены и кем. Во время просмотра телевизионных передач нет никакого времени для того, чтобы разобраться в этих важных вопросах. Поэтому можно только надеяться, что в твоих чипсах действительно есть картофель. А съев их, ты даже до конца и не понимаешь, как оно отложилось в твоём организме, и как оно на тебя влияет.

- Ну, а газеты — это, конечно же, совсем другое дело? - со скепсисом в голосе возражает Сара.
- Да, другое... - уверенно и немного назидательно отвечаю я. - Вообще любые источники информации, в которых нужно приложить усилие для того, чтобы информацию пережевать, поглотить и переварить — это совсем другое дело. Это уже сродни нормальному обеду. Тут-то можно быть более-менее уверенным в том, что именно перед тобой, можно проанализировать из каких компонентов это было приготовлено и кем. Можно даже иногда отследить, какое именно влияние это окажет на твоё тело и прибавишь ли ты калорий, если проглотишь всё это...

Я бросаю взгляд на Сару и улыбаюсь. Она стоит, скрестив руки на груди и качает головой, как будто не веря своим ушам.

- Поэтому к чёрту телевидение! - с призывом весело изрекаю я. - Удел телевидения — отвлекать зрителя от действительности. Получать из телевизора информацию — глупейшая затея.

Кофе подходит к точке. Отточенным движением я снимаю его до того, как оно решает убежать. Достаяю из шкафчика две маленькие фарфоровые кофейные чашки с блюдцами, разливаю, протягиваю одну Саре. Она благодарно кивает:

- Спасибо.

Делает глоток.

- Какой приятный и ароматный кофе! - отмечает она. - Только горчит немного.
- Позвольте, Сара, - отрицаю я, - но хороший кофе должен немного горчить. Не слишком сильно, но чуть-чуть. Это приятная горчинка, не противная.
- Возможно, - нехотя соглашается она.
- Пройдёмте, - предлагаю я ей пройти в зал, и мы идём.

Мы садимся на диван: я с левой стороны, она — с правой.

- Так чем же вы занимаетесь? - спрашивает Сара.
- У меня очень странная работа, - отвечаю я. И сам не знаю, почему, но мне хочется ей выложить всё, как есть. Ни с одним человеком у меня не было такого желания раскрыться. - Я уже сказал, что вы не поверите мне...
- Но вы всё-таки попробуйте.
- Хорошо, - соглашаюсь я. Беру небольшую паузу, делаю глоток кофе. - Я работаю по заказу. Но работа у меня очень специфичная. Я должен внушать людям, что делать.

Смотрю на её реакцию.

Сара мне нравится почему-то всё больше и больше. И мне всё сильнее хочется оказаться к ней поближе. И я вкладываю ей в голову мысль о том, что ей тоже хочется быть ближе ко мне. Я уже совсем забыл о разнице в возрасте, - это всё какие-то несущественные мелочи. Самое главное — это она, здесь и сейчас.

- Вы гипнотизёр? - спрашивает Сара.
- Ну, что-то типа того. Иногда у меня бывают элементарные заказы, иногда — чуть интересней. Например, на прошлой неделе мне нужно было внушить

инвестиционному банкиру, что проект умной газонокосилки, предложенный ему молодым человеком, действительно имеет смысл. Пришлось долго выстраивать конструкции и доносить их ему...

- И сколько платят за такую работу?
- Достаточно, - улыбаюсь я в ответ.
- Да, - задумчиво кивает Сара, - это вам не членами резиновыми торговать...

И игриво смотрит на меня.

У меня появляется непреодолимое желание обнять её и прижать к себе покрепче. Я вкладываю ей в голову мысль о том, чтобы прильнуть ко мне. Кажется, мысль легла. Я беру её руку в свою, поглаживаю и смотрю ей в глаза.

- Ты очаровательна! - изрекаю я.
- Я знаю, - отвечает она и улыбается.

Небольшое напряжение в воздухе, как будто два магнита пытаются соединить южными полюсами..., но один из магнитов переворачивается, она преодолевает сопротивление, приближается ко мне и целует в губы. Я обхватываю её талию и прижимаю к себе. Талия у Сары тонкая, и сама она вся лёгкая, нежная и хрупкая. Волосы её шелковистые и приятные на ощупь. Губы сладкие и манящие.

Страсть быстро накапает, я стягиваю с неё кофточку, расстёгиваю лифчик. Грудь у неё ещё небольшая, юная, упругая и сочная. Рядом с пупком родинка. Она снимает с меня свитер, рубашку, стягивает брюки. Я снимаю с неё штаны и трусики.

Всё это происходит молча, но быстро. Мы полностью отданы друг другу и моменту. Всё горит и неймётся! Как у меня, так и у неё, я уверен.

Она садится сверху на меня и начинает двигаться. Я как в бреду, как в каком-то другом измерении. Я, кажется, теряю себя.

Ещё! Вперёд!

Я беру её в охапку и опрокидываю на диван. Она только издаёт «ой» и хихикает. Теперь я сверху.

Животная страсть захлёстывает всё и смывает все границы. Она стирает рассудок и любые мысли. Заказчик? Какой ещё к чёрту заказчик?! А, может, это и есть заказ? Может, всё именно так и задумывалось, так и должно было быть, нужно было действовать?

Я действую!

Сара обхватывает меня руками, прижимая к себе, постанывая, и целует мои плечи, мои щёки. Я не останавливаюсь.

Быстрее!

Наши губы сливаются и крепко прижимаются друг к другу, как будто для того, чтобы сохранить хоть какое-то равновесие.

Страстно!

Я беру её ноги и кладу их себе на правое плечо. Сара сжимает свои груди, закатив глаза.

Жёстко.

Она стонет подо мной, захлёбываясь от вожделения.

Ещё чуть-чуть.

Вот так!

Да!..

Рассудок после этого возвращается ко мне не сразу. Ещё какое-то время мы просто лежим голые на диване. Она часто, неровно дышит, лёжа у меня на правом плече, я обнимаю её и устало целую в губы.

Молчание.

Что это было? Как это вообще получилось? Ничего не понимаю! Это я ей заложил в голову мысль о том, чтобы переспать со мной?! Это неправильно! Я никогда своим даром не пользовался для таких целей! Заказчику это явно не понравится!

Я явно погрузился, но и она тоже теперь выглядит почему-то грустной и задумчивой.

- Ты в порядке? - спрашиваю я у Сары.
- А? - как будто возвращается из глубины своего сознания она. - Да, да. В порядке. Задумалась просто.
- О чём?
- Странно это всё как-то получилось... Со мной такое впервые. Как будто бес в меня вселился...

Ну, точно моя вина! Теперь мне несдобровать...

- Но, кажется, - продолжает она, - я сама этого захотела.

Пауза.

- Знаешь, - поднимает она голову. - Мне кажется, что я тебя просто соблазнила и заставила переспать со мной...
- Нонсенс, - усмехаюсь я. - Меня невозможно заставить... Я сам кого хочешь заставлю!
- Хочешь сказать, что это ты мной воспользовался? - Сара приподнимается на вытянутой левой руке и смотрит на меня с подозрением.

Глаза меня выдают. Я почему-то не могу ей врать. Она меня своим взглядом заставляет говорить правду:

- Мне кажется, что я тебе внушил, что я тебе нравлюсь... и одно потянулось за другим...

Сара садится, подбирает трусики с пола и, задумчиво надевая их, продолжает:

- Возможно, каждый из нас внушил друг другу... Получилось как снежный ком...

Я сажусь на диване рядом с ней. Мне хочется, чтобы она ушла. Мне многое надо обдумать. В первую очередь — что мне делать дальше.

- Я, пожалуй, пойду, - говорит она, надевает штаны, лифчик, кофточку... Я сижу и гляжу на неё.

Она ещё такая молодая. Она мне в дочери годится! Да и, глядя на неё сейчас, после секса, я не могу понять, что же именно меня в ней привлекло. Она молода, она свежа, но в ней нет ничего особенного, что я мог бы выделить... Где то очарование, которое меня соблазнило? Что же меня в ней привлекло? Может, меня тоже бес попутал?..

Я надеваю трусы и брюки, встаю с дивана и иду вместе с ней в прихожую, провожать.

Мы стоим молча. Она глядит растеряно в пол, я смотрю немного в сторону от неё. Взглядам пересекаться больно. Как может такая страсть сменяться в одночасье такой неловкостью?!

- Значит, говоришь, что ты из Атланты? - спрашиваю я для того, чтобы поддержать хоть как-то разговор.
- Нет, - мотает она головой, не глядя на меня. - Я соврала. Даже и не знаю, зачем. По привычке, наверно?
- А откуда? - неловко спрашиваю я.
- Из Петербурга, - отвечает она, а потом после короткой фразы добавляет. - Ладно, Ник, я пойду. Позвони мне, если что.

Она тянется ко мне и целует в щёку, затем открывает дверь и упархивает на улицу.

Что же всё это значит, и как же мне теперь быть? Как себя поведёт заказчик?

Я выхожу на улицу. Стою на лестнице у входа и смотрю, как она быстрым шагом уходит прочь.

В голове крутятся разные мысли: и про невыполненные заказ, и про Сару в том магазине, и про другую Сару, и про то, как мы шли с этой Сарой ко мне домой... Неожиданно всё произошедшее со мной за эти пару часов складывается как кусочки мозаики в единую картину. Меня пробрало холодом до костного мозга. Паника пронзила всё моё тело.

И как же я раньше этого не заметил?!

Невозможно!

Я стою как вкопанный от пронзившей меня жуткой мысли и боюсь пошевелиться...

Но неожиданно я чувствую сильный удар по голове, теряю равновесие и падаю с лестницы навзничь. Только краем глаза я вижу осколки черепицы, из последних сил протягиваю руку к голове для того, чтобы почувствовать что-то тёплое и мокрое...

На крыше, значит, кто-то всё-таки был...

А заказчик остался недовольным...

Разбитое сердце

Дима, Дагни

Дагни обычно ничего не готовила. Она, конечно, в принципе умела готовить, но говорила мне, что этот процесс её утомляет и удовольствия не приносит. Поэтому обычно в нашей паре либо готовил я, либо мы ужинали в ресторане, либо заказывали что-нибудь на дом. Но в этот день, когда я вернулся после работы, дома меня ждал сюрприз. Дагни приготовила фаршированные баклажаны, помидорный салат, достала откуда-то бутылку красного вина, накрыла на стол, зажгла свечи. В общем, вся эта красота ждала моего прихода.

- Это всё мне? - шучу я.
- Да, это тебе. В последнее время ты слишком грустный со всеми этими проблемами...

Я только поджимаю губы в ответ. После смерти Серёги я явился на работу только один раз — сегодня. И то еле отсидел там. Прямо подкатывало и подташнивало от атмосферы. Игоря я не видел, но оно и к лучшему — смотреть ему в глаза у меня не было ни малейшего желания.

- Впрочем, можно сказать, что это для нас, - поправляет Дагни. - Чтобы было что вспомнить, - и осторожно смотрит на меня. Впрочем, я не понимаю значение её взгляда.
- Спасибо тебе, любимая! - я целую её в щёчку.

Мы садимся за стол, я разливаю вино, мы начинаем ужинать в романтической обстановке, обсуждая всякие мелочи. Дагни удаётся меня отвлечь и немного приободрить. Я уже даже забыл о Серёге и конфликте с Игорем. Жизнь кажется приятной и лёгкой. То ли из-за вина, то ли из-за усталости я немного плыву.

Закончив ужин, мы с Дагни переходим на диван. Я обнимаю и целую её. Мы занимаемся сексом, весь процесс проходит как в дымке, но сладостно и ярко. Дагни со мной открыта так, как никогда, так страстна как никогда, так любима как никогда.

Кажется, я даже и не запомнил, чем всё это закончилось и как именно мы оказались у меня в кровати. Лёжа у меня на груди она только и шепчет:

- Помни меня, Дима!
- Конечно же, я тебя помню, как иначе?
- Но, вдруг, если я исчезну, ты меня забудешь? - грустно шепчет она.
- Я тебя никогда не забуду. А если ты исчезнешь, то найду тебя хоть на краю земли, - я крепко обнимаю её и целую. Кажется, она улыбается, но точно я сказать не могу — я засыпаю.

Я вижу сон. Очень беспокойный сон после такого прекрасного вечера. Мы с Дагни на природе, приехали к какому-то обрыву. Дует сильный ветер, на горизонте — садящееся в холодное море жёлтое солнце. Под ногами выцветшая трава. Прохладно.

Я гляжу на Дагни. Она как наяву — совсем настоящая, как будто это и не сон вовсе.

- Что мы тут делаем? - спрашиваю я.
- Мы в последний раз вместе провожаем солнце, - стальным голосом отвечает она.
- В каком смысле «в последний раз»? - не понимаю я.

Она не отвечает, а просто глядит вперёд и берёт меня за руку.

- Это очень важно, Дима, - тихо говорит она. - Мне нужно, чтобы ты себя не потерял. Чтобы ни случилось, ты должен помнить себя, помнить меня и наши отношения. Это единственный вариант для твоего спасения.
- О чём ты? Что ты мне пытаешься сказать? - не понимаю я.
- Просто помни, кто ты на самом деле. Всё остальное — это только отвлечение. Всё

остальное нереально.

Я обнимаю её за талию и притягиваю к себе, игриво улыбаясь.

- Ты знаешь, что это самый странный сон из всех, что у меня были? - спрашиваю я.
- Я знаю, что это не самый странный, - качает она головой. - Но это самый важный.

Солнце опускается всё ниже и с очередным сильным порывом ветра Дагни одёргивается, глядит по сторонам, затем — на свои часы, и заключает:

- Время пришло.

Она тянется ко мне и крепко целует в губы, сжимая в своих объятиях.

- Мне пора.
- Куда? - не понимаю я, не выпуская её из своих рук.

Но тут как будто из ниоткуда появляется вертолёт. Он быстро приземляется, метрах в пяти от нас, в обычной жизни вертолётчики так быстро этого не делают. Потоки воздуха пытаются сбить меня с ног, но у них это не выходит сделать.

Из вертолёта выходит Кирилл. Он направляется к нам и протягивает руку Дагни. Она смотрит на него, смотрит вопросительно и немного обречённо на меня. Я крепко держу её.

- Я тебя не отпущу, - тихо говорю ей.

Она только улыбается в ответ.

- Алина! - кричит Кирилл. - Время вышло. Поиграли и хватит. Мы с самого начала знали, что Дима — слабое звено...
- Это твоё время вышло, - громко в ответ рычу я. - Кто ты такой, чтобы решать за неё?!

Но он не обращает на меня никакого внимания, а продолжает разговаривать с Дагни:

- Ты сделала, что могла, но он был обречён с самого начала. Ты же понимаешь, что у него нет шансов в противостоянии со своими проекциями.

Дагни грустно кивает, тянется ко мне, целует в губы, закрыв глаза. По щеке её скатывается слеза, она осторожно но легко освобождается из моих объятий и идёт к Кириллу.

- Нет! Дагни! Подожди! Не делай этого! - кричу я ей в след, но она не слушает.

Она подходит к Кириллу и даёт ему свою руку.

Я бросаюсь вперёд на Кирилла. Сейчас я ему врежу, и всё встанет на свои места.

Но он лёгким движением руки отбрасывает меня в сторону, я падаю на спину.

- Твоё время ещё не пришло. Подожди немного, - самоуверенно изрекает он.

Они садятся в вертолёт и в полной тишине, без единого ветерка, быстро взлетают куда-то высоко и исчезают в облаках.

Последние кусочки солнца утопают в море, начинает холодать.

Я проснулся в кровати и не нашёл Дагни. Такое ощущение, что она просто испарилась. Даже никакого следа не оставила после себя в квартире — ни одежды, никаких вещей.

Подстава

Игорь

Я проснулся в своей кровати, кажется, на следующий день, часов в 12. Юля ещё спала. Наверно, так на неё подействовал наш безудержный ночной секс. Или же секс мне только снился? Я не мог точно вспомнить, впрочем, это и неважно.

Я встал с кровати и начал одеваться.

- Ты уже встал, милый? - пробормотала она сквозь сон.
- Угу, - промычал я в ответ, застёгивая на себе чистую выглаженную рубашку.
- А сколько времени?
- Сама посмотри, - ответил я в своей манере. - Я-то откуда знаю? Я что, ходячие часы?

Она приподнялась в кровати и, потирая глаза, взглянула на часы на своём мобильнике.

- Ого! Хорош мы спать! Уже половина двенадцатого.

Я прошёл в столовую, налил себе апельсинового сока, взял поджаренные тосты, масло, колбасу и джем. Нет, конечно, всё вместе я есть не собирался, но одно за другим уничтожить мне ещё предстояло. Налил себе горячий эспрессо и со всей едой и питьём уселся завтракать за стол.

Юля вошла в гостиную.

- Ой, а когда это ты всё успел сделать? - удивилась она, подошла к тостам, взяла парочку, налила себе кофе и села напротив меня.

Я в ответ только дёрнул плечом. Что за дурацкий вопрос?! Я то откуда знаю?! Я вообще ничего не готовлю в последнее время. С недавних пор еда сама стала появляться на столе, когда я этого захочу. Но это совершенно естественно, и в этом нет ничего необычного...

- Что тебе снилось, милый? - ласково проговорила Юля, как будто хотела меня уже с самого утра задолбать своими идиотскими вопросами.
- Мне снилось, - с мрачным выражением лица ответил я. - Что я — гигантский синий ёжик, пожирающий людей. Мне снилось, что я откусываю им головы, и кровяца хлещет во все стороны...

Юля задумчиво замолчала.

- Интересно, к чему этот сон? - спросила она, не поняв намёка. Тупая блондинка!
- Наверно, к смерти человека, задающего слишком много глупых вопросов с утра, - я посмотрел на неё тяжёлым взглядом, из-за чего она съёжилась, быстро, в один присест допила кофе, а тост доедать не стала.
- Ладно. Мне пора, - растерянно протараторила она, делая вид, что ничего не случилось, вскочила из-за стола и побежала одеваться.

Я хмуро дожеввал свой бутерброд с икрой.

- Да ты просто милашка по утрам, - вмешался Союзник.
- Когда меня не трогают по утрам, я вполне себе ничего.

- С кем ты разговариваешь? - раздалось из спальни.
- Не твоё собачье дело! - нейтральной интонацией, как будто просто отвечаю на её вопрос, прокричал я в ответ.
- Тебе не кажется, что к людям надо быть добрее? - вежливо спросил Союзник.
- Зачем? - хмуро буркнул я, пережёвывая тост с колбасой. - Кто был добр ко мне? Например, помог я Ромке скрыться, и чем же он мне отплатил?! Мало того, что какого-то лешего связался с этими придурками, так ещё и начал писать всякий бред и меня в очередной раз подставил...

Вчера у меня была встреча с Владимиром Алексеевичем. Очень неприятная. Хотя я и имел влияние на него и мог корректировать его поведение, но в этом случае я оказался бессилён. В течение двух с половиной часов я слушал тираду на тему того, что мои связи с террористами, хоть и бывшие связи, чести мне не делают, а даже скорее наоборот — порочат моё имя. И ладно бы мой так называемый дружбан опубликовал свою идиотскую статейку где-нибудь, так он умудрился опубликовать её прямым текстом на нашем сайте, на главной странице, хотя я и давал отдельный наказ его писанину больше никогда не публиковать. И провисела она целых сорок две минуты, получив громадное число одобрительных комментариев и репостов. И кто же виноват в том, что на сайте, подконтрольном департаменту развития интернет-проектов появился экстремистский материал? Конечно же либо я, либо кто-то из моих сотрудников... Но я недоглядел, а раз я недоглядел, то значит и Коварин недосмотрел, а стало быть и руководство Коварина проглядело. И вот оно как раз и получило по шапке от самого Волкова. А руководство очень не любит попадать впросак. Так и перевода на другую должность можно дожидаться... В любом случае виновный должен быть показательно наказан, и это не просто слова, а указание к действию, направленное свыше.

Понятно, что Владимир Алексеевич ретранслировал чужие слова, но засели в него они очень крепко, так что никакими клещами не удалось вытащить. То, что можно было бы решить минут за пять, растянулось на два с половиной часа. Под конец он уже просто устал, свалился в своё кресло и махнул мне рукой:

- Уйди, Игорь! Оставь меня в покое!

Такого он никогда себе не позволял по отношению ко мне. Дело выходило из под моего контроля, а я никогда ещё не терял контроль!

В комнату вошла Юля, уже надевшая своё вечернее платье, в котором мы с ней вчера приехали ко мне «выпить шампанского», пытающаяся теперь произвести на меня впечатление.

- Всё. Я ушла, Игорь. Не звони мне больше, - развернулась и направилась в сторону коридора.
- Не забудь хлопнуть дверью напоследок! - бросил я ей в след, чем, наверно, не мало взбесил. Но какая мне до неё разница?! Как снял в клубе на вечер, так и расстался утром...
- Ещё одной девушкой меньше? - поинтересовался Союзник.
- Скатертью дорога! Не до этих "муси-пуси" сейчас... Надо как-то выбираться из этого говна...
- А ты не напрягайся — оно всё само и разгребётся, - философски проговорил Союзник.

- Тебе-то легко сказать, - фыркнул я и сделал большой глоток из своей чашки с капучино.
- Вот увидишь, всё само собой решится. Скоро ты все это и вовсе не вспомнишь...
- Как? - я встал из-за стола и направился к себе в комнату переодеваться. - Ладно, я уволю того олигофрена, допустившего публикацию. Но контроль от этого не вернётся...

Я снял пижаму и начал одеваться в свой тёмно-синий деловой костюм.

- Просто ты пережал. Всё после того случая с Димой.
- Ой, блин! Не напоминай! - разозлился я, экспрессивно завязывая галстук.
- Да уж! Ох уж эти твои принципы да зажимы. Как же можно быть свободным с такими оковами?!
- Знаешь, что?! - вспыхнул я. - Мне твоя свобода сейчас... ехала и болела...
- Свобода — это единственное, что имеет смысл, - попытался вставить Союзник, но мне на него в этот момент было наплевать.
- Свобода переоценена!

Я застегнул пуговицы на своём деловом сером пиджаке, захватил мобильник, кошелёк, ключи от машины и вышел из квартиры.

- А ещё, - продолжал я, спускаясь по лестнице, - я не понимаю, почему могу влиять на любого, сколь угодно незнакомого мне человека, но не в состоянии ничего донести до своего старого друга.
- А это просто объясняется, но я тебе не скажу как. Это тебе нужно самому выяснить.
- Да иди ты в жопу, - выругался я в сердцах и выключил Союзника.

На работе меня встретила Танечка с тем же самым ответом на вопрос по поводу Димы, что и несколько предыдущих дней до того:

- К сожалению, Дмитрия Валерьевича нет сегодня.
- Он что-нибудь говорил по этому поводу?
- Нет, ничего. Просто, что не может прийти сегодня.
- А предыдущие пропуски как-нибудь объяснил?

Таня помотала головой. Я кивнул и направился в свой офис.

Звонить Диме я не собирался — вот ещё после всего того, что произошло!.. А решать проблему в компании как-то надо было. Пасьянс сошёлся. Сам виноват, если что. Надо серьёзней относиться к делам... и помнить, кто на самом деле твой друг.

Я взял лист бумаги, ручку и начал писать...

В погоне за Дагни

Дима

С тех пор, как мне в первый раз приснился тот сон с вертолётom, Дагни как будто и след простыл. В квартире не осталось даже её запаха, и ничто не указывало на то, что она когда бы то ни было существовала, за исключением того портрета, который я написал. Даже номера её мобильного телефона у меня не осталось в адресной книге — как будто кто-то удалил его и стёр всю историю звонков. Я попытался по памяти восстановить номер, но куда бы я ни звонил, оператор механическим голосом повторял мне, что номер набран неправильно. Было такое ощущение, что я запомнил какой-то несуществующий номер.

Всё это время у меня было ощущение, что она где-то рядом, и что у меня ещё есть шанс её догнать и вернуть. Но надо торопиться, иначе всё пропало. В погоне за её образом, я зашёл в «Розу мира». На кассе сидела девушка с пирсингом в носу и африканскими косичками, лет двадцати пяти.

- Девушка, скажите, пожалуйста, а Дагни здесь? - спрашиваю я.
- Какая ещё Дагни? - не понимает она.
- Ну, может, не Дагни, а Алина.
- У нас таких нет, - качает она головой. - Но у нас есть Буддийские Сутры, если это вам поможет... - улыбается. Пошутила. А мне не до шуток.
- Нет, мне Сутры ненужны. Я ищу подругу, которая пропала.

Девушка с сожалением пожимает плечами.

- У нас никогда не работали ни Дагни, ни Алина.

Я хмыкаю и замечаю:

- Ну, вы, наверно, недавно тут работаете, поэтому не знаете?..
- Нет, я тут давно работаю, - уверенно возражает девушка. - Я тут уже пять лет работаю. И у нас никогда не работали ни Дагни, ни Алина.
- Ну, может быть, она под другим именем тут работала... Её уволили примерно четыре месяца назад, - вспоминаю я.
- Нет, - качает головой девушка, - у нас никого не увольняли за последний год. Вас, наверно, обманули, молодой человек.

Вглядываюсь в глаза девушки и читаю, что она говорит правду. Она действительно ничего не знает о Дагни, и не обманывает по поводу увольнений.

Ошарашенный и задумчивый я выхожу из магазина, когда раздаётся звонок на мобильный телефон. Не глядя на то, кто звонит снимаю трубку и спрашиваю:

- Дагни, это ты?
- Нет, Дмитрий Валерьевич, это Софья.
- А... Здравствуйте! - с меньшим энтузиазмом отвечаю ей. - Что стряслось?
- Вам нужно прийти в «.» и забрать свою трудовую книжку. Игорь Анатольевич подписал приказ о вашем увольнении в связи с нарушениями дисциплины.
- Да, хорошо, - только и отвечаю я. - Потом зайду.

Кладу трубку.

В любое другое время меня бы эта новость расстроила, но не в этот раз. В этот раз мне плевать, так как есть проблемы посерьёзней, чем потеря работы...

Прокручивая эпизоды из своих отношений с Дагни, я решил посетить места, в которых мы бывали. Одним из таких был Дом Кино. Для того, чтобы попасть в зал пришлось купить билет на какой-то арт-хаусный фильм за двести пятьдесят рублей.

Прохожу внутрь, нахожу места, на которых мы тогда вместе сидели, сажусь, жду, оглядываясь по сторонам.

Ничто не говорит о том, что Дагни тут была. Зрителей в зале немного, но никого знакомого среди них нет.

Когда начинается кинопоказ, я вспоминаю первый поцелуй. Вспоминаю её запах, её глаза и губы. Вспоминаю её дыхание и то, как между нами пробежал электрический разряд. Всё это кажется таким реалистичным, что на долю секунды Дагни предстаёт передо мной как есть, как тогда... И я уже бросаюсь на неё с объятиями, но она исчезает в дымке, оставляя меня один на один с собой.

Я встаю и выхожу из кинотеатра, поглядывая на людей, остающихся в зале, не ведающих моих проблем.

Через несколько часов я уже на спектакле в БДТ. Мы как-то с ней ходили на один. Купил самый дешёвый билет на «Дядю Ваню», на балконе. Самого спектакля оттуда почти невидно, но зато всех зрителей можно разглядеть легко. Сижу с театральным биноклем и изучаю. Может быть, так смогу найти Дагни?

Прямо за мгновение до того, как свет гаснет, замечаю девушку, похожую на Неё. Отсюда плохо видно, даже с биноклем, поэтому надо до неё добраться. Она сидит в партере, в раз, два три... десятом ряду, по середине с каким-то незнакомым мужчиной.

Встаю и торопливым шагом выхожу, а спектакль начинается. Спускаюсь по лестнице и подхожу к двери. У двери стоит консьержка.

- Спектакль уже начался, - недовольно говорит она мне. - Какой у вас билет?
- Мне надо просто спросить, - не знаю, что ей ответить, поэтому говорю как есть.
- Ваш билетик! - воинственно шикает она мне.
- Вот, - протягиваю свой билет, и пока она его изучает, проскакиваю ей за спину, открываю дверь и врываюсь.
- Молодой человек, ваше место на балконе! - шикает она, следуя за мной, но я не останавливаюсь.

Я иду целенаправленно к десятому ряду, подхожу с боку зала. А спектакль уже во всю идёт.

- Если вы сейчас же не покинете зал, я вызову охрану, - со злостью говорит мне консьержка, дёргая меня за рукав.
- Дайте мне минуту, - отмахиваюсь я от неё, а сам вглядываюсь в сидящую девушку.

Отсюда до конца всё равно не видно, но очень похожа.

- Дагни! - зову её со своего места, но она не реагирует. - Дагни, это я!
- Ну, всё, молодой человек, - злится консьержка и хватается за меня за руку.

Я выкручиваюсь и начинаю пробиваться через зрителей к девушке.

- Это возмутительно! Что вы себе позволяете?! - причитает женщина, через которую я перешагиваю.
- Простите, я только спросить...
- Парень, куда ты лезешь? - шикает мужчина.
- Да что же это такое?!
- Держите его, - сдавленным голосом призывает консьержка.

А мне остаётся совсем ничего. Ещё пара зрителей, и я там. За чёлкой девушки не видно её лицо, но и пряди волос так же спадают, и осанка та же. Не уж то я её нашёл?

- Дагни! - всё громче и громче зову я. - Дагни, это я!

И в момент, когда до неё остаётся только двое зрителей, кто-то хватается меня за штаны. Я не вижу, кто это, да и не хочу видеть. Вырываюсь и падаю на колени зрителей.

- Это возмутительно! - причитает бабушка, на колени которой я плюхнулся.

А руки сзади уже хватают меня за щиколотку правой ноги. Я тянусь к Дагни, а она, как будто не обращает на меня внимание.

- Алина! - громко во весь голос кричу я, и тяну к ней руку.

Только теперь она повернулась, и стало ясно, что это не Она. Я смущён, а руки сзади меня подхватывают и утаскивают вначале из ряда, а потом из зала. Я не сопротивляюсь.

- Что за бузотёр такой?! - восклицает консьержка.

Она стоит напротив меня, а держит меня за руки за спиной полноватый, но крепкий охранник. Мы стоим в прихожей.

- Русский язык не понимаешь, что ли? Правила приличия для тебя не писаны?!

А я только молчу, и даже ничего не говорю. На глазах наворачиваются слёзы. Консьержка ещё несколько минут меня отчитывает, грозит милицией, но в итоге смягчается.

- Ладно, Коля. Отпускай его. Я думаю, он уже осознал свою вину. Пусть уходит.

Коля меня отпускает, и я, потирая руки, направляюсь к выходу из театра.

- Попробуй мне только чего-нибудь ещё такого выкинуть! - грозит консьержка.

Я только киваю ей в ответ, открываю дверь и выхожу из театра.

В течение нескольких дней я всё ещё пытался найти Дагни, посещая все места, в которых мы были и проверяя все адреса, которые могли прийти в голову, пытаюсь только на ходу. Вот кафе, в котором мы встретились в первый раз... только тут уже даже меню сменилось. Вот выставочный зал, в который мы ходили... только выставка уже другая. Вот музеи, вот рестораны... Всё тщетно и всё другое. По вечерам я возвращался усталый домой и без сил засыпал, но каждый раз мне снился один и тот же дурацкий сон с закатом, Дагни и Кириллом на вертолёте. И каждый раз я оказывался совершенно беспомощным и совершенно один.

С каждым днём Дагни всё сильнее и сильнее отдалялась от меня. Я чувствовал, что не смог её догнать и впал в отчаяние, продолжая искать её на автомате. И ничто в этом городе не указывало на её существование. Только её портрет, висящий в моей комнате, подсказывал мне о том, что она есть или хотя бы когда-то существовала. Он говорил мне о

том, что я должен её помнить, чтобы ни случилось. Почему-то это очень важно. Я должен её помнить, иначе просто потеряю себя...

Дар Кукольника

Рома, Кирилл

Я открыл глаза и понял, что уже снова нахожусь в стазисе, что от той жути, пережитой мною несколько мгновений назад, не осталось и следа. Удивительно, как в какие-то, наверно, секунд 5 — 10 умудрилась поместиться целая жизнь человека!

– Поучительно, - только и смог выжать я из себя после всего пережитого.

Я сидел напротив Кукольника и опять ощущал себя самостоятельной личностью. А буквально мгновение назад я был им, я жил им, я осознавал его, но никак не мог влиять на его действия. Было такое ощущение, будто я спал, краем сознания понимал, что сплю, но никак не мог сделать последний шаг к собственному полному пробуждению.

Кукольник посмотрел на меня, потягивая свой кофе.

– Ну, и что вы на это скажите?!

– Да уж, - стал я приходить в себя. - Тяжело это всё сразу понять.

Он пожал в ответ плечами, а я спросил:

– А вы уверены, что вы действительно вкладывали людям мысли, а не читали их ближайшее будущее? Может быть, ваш дар был совсем в другом, а вы его воспринимали не так?

Кукольник покачал головой.

– У меня были на тот момент неопровержимые доказательства.

Я встал из-за стола:

– Как бы то ни было, но доказать вы свой дар никому никогда не сможете. Поэтому и всю эту историю можно поставить под сомнение.

– Можно, - совершенно спокойно ответил он. - Но даже сейчас я работаю. Я, например, вложил вам в голову мысль встать из-за стола и направиться к своему другу. Уверен, именно это вы сейчас и сделаете.

Я улыбнулся, но решил ничего не отвечать. Оглянулся по сторонам, вернулся за стол к Кириллу. Сел напротив него и задумался.

– Ну, как поболтал? - с улыбкой спросил он.

– Очень странно, - откуда-то из прострации ответил я. - Мне кажется, я его пережил. Причём, я был не режиссёром, а скорее зрителем очень странного кино.

Кирилл дёрнул правым плечом, как бы говоря: не всё ли равно, такое частенько бывает в нашей жизни...

– Так оно и было. Ты прочитал одну из своих проекций, одну из тех, которой больше физически нет.

– Как-то это всё странно и неприятно...

– Что именно? Его дар, его характер или его действия? - спросил он.

- Всё вместе. Просто как-то в голове не укладывается. Я бы так не смог жить... Это же совершенно на меня не похоже!
- Так же, как и условия, в которых ты родился и жил, - подхватил Кирилл. - Поведение личности определяется напрямую тем, где и как именно она живёт. Это семья и общество учат человека жить. И, возможно, левитировать ты не умеешь, только потому что тебя общество научило не левитировать.
- Опять эта тема? - ухмыльнулся я.
- Ну, представь себе, вот неожиданно начнёшь ты левитировать, что скажут люди?! «Нет, ну вы посмотрите на него, он левитирует!» - отшутился Кирилл. - «И не стыдно ему?! Уже взрослый вроде бы человек...»
- Да, может быть, - согласился я.
- Ну, вот, - Кирилл засиял улыбкой. - А ты тут говоришь мне про «не похоже на меня», «я бы так не смог жить»... Да ни одна проекция на тебя не похожа, и ни одна из них не смогла бы так жить, как ты!
- Скажи, Кирилл, - перебил его я, - а его дар..?
- Да, у него был какой-то дар. Я не знаю, какой именно, но по лицу видно, что он не простой смертный, а стоящий на ступеньку выше.

Неожиданно мне в голову пришла странная мысль, которая до того сидела, наверно, где-то глубоко в моём сознании. Я серьёзно взглянул на Кирилла и спросил его:

- Слушай, а почему, если я могу выбрать любую линию и влезть в шкуру любой проекции, я всё время возвращаюсь назад? Почему я не могу выбрать, например, линию с коттеджем на берегу моря, и жить спокойно, ни о чём не беспокоясь?

Кирилл задумался. Или точнее замолчал — по его лицу было видно, что он знает ответ, но не может понять, как лучше мне его преподать и стоит ли.

- Знаешь, - наконец заговорил он, - если, ты найдёшь ответ на этот вопрос, твоё обучение можно будет считать законченным.

Он посмотрел на меня добрыми глазами, словно на малыша, желающего знать всё и сразу, в то время как жизнь позволяет лишь — некоторые вещи и иногда. Мы посидели какое-то время в молчании, после чего Кирилл изрёк:

- Ладно, у меня ещё есть дела, а ты, кажется, хотел с Игорем повидаться...
- Да, хотел, - немного расстроившись, что наша встреча подходит к концу, проговорил я. - Но не знаю, как это сделать.
- А ты просто не выдумывай и не фантазируй. Из стазиса это будет сделать очень легко — просто вернись на свою линию к Игорю. Только будь осторожен и внимателен — многое с момента вашей последней встречи изменилось...

Я кивнул.

- Ладно, пока, - с ноткой грусти проговорил я.
- Иди, - интонацией Лёлика из «Брильянтовой руки» жалобно проговорил Кирилл. - А то я сейчас расплачусь, - и начал кривляться, делая вид, что еле сдерживает слёзы.

Я усмехнулся. Закрыв глаза и представил себе Игоря. Тот всплыл в моём сознании

почему-то в непривычной форме, каким-то другим, нежели я его помнил. Лицо было, вроде бы, таким же, но глаза светились слабым янтарным светом. Фигура, вроде бы, была такая же, но осанка была более самоуверенная и боевая. Меня затрясло и начало мутить. Голова пошла кругом. Я понял, что, если сейчас же не открою глаза, то меня стошнит.

Я открыл глаза...

Несвоевременный звонок

Игорь

Прошло несколько дней. Не знаю, что там себе Дима думал, но он даже не пришёл забрать свои вещи из офиса. Пришлось их просто выкинуть. Владимир Алексеевич был доволен тем, что я решил проблему в компании и предложил нанять на место Димы одного «талантливого» юношу, по совместительству его племянника. Я хотел было возразить, но по тону Владимира Алексеевича было понятно, что возражения не принимаются. Юношу звали Артём, у него был опыт создания сайтов в HTML, но не более того. Работать с ним было тяжело, но выхода другого не было. Конечно же, я врал Владимиру Алексеевичу, что Артём работает нормально...

– Отлично, - сказал он мне в ответ. - И, кстати, Игорь, есть ещё кое-что, что я должен с тобой обсудить.

Я вопросительно взглянул в глаза Владимира Алексеевича, подняв левую бровь, и сделал глоток из чашки кофе. Была пятница, мы сидели в его офисе в кожаных коричневых креслах за кофейным столиком, рядом друг с другом и вели доверительную беседу.

– Я тут разговаривал с самим, - на этом месте он показал глазами куда-то вверх.

– Богом? - цинично спросил я, решив не сдерживать шутки.

– Бери выше, - с улыбкой ответил Владимир Алексеевич. - Ну, ты понял, - тут он сделал паузу и серьёзно посмотрел на меня.

– Ну, и?

– Ну, и... Тебе просили передать, что на тебя зла не таят, но, если на связь выйдут Рома или Миша, то ты должен сообщить.

– Какой ещё Миша? - не понял я.

– Ну, тот молодой человек, у которого Рома прятался. Вы ещё с ним в одной группе играли...

Я не понял его шутку. Какая к чёрту группа?! Какой ещё Миша? Он явно на что-то намекал, но я не мог понять, на что.

– Ты не помнишь Мишу? - спросил удивлённо Владимир Алексеевич.

– Нет, - категорично ответил я, мотнул головой и затянулся из кальяна, выпуская как ни в чём ни бывало кольца дыма в потолок.

Владимир Алексеевич заёрзал, устраиваясь поудобней в бамбуковом кресле.

– Ну, да ладно. Миша не так важен. Важней, конечно, Рома. Если он выйдет на связь, ты должен нам сразу же сообщить.

Я дёрнул правым плечом.

- Я понимаю, что вы были друзьями, - продолжал Владимир Алексеевич, - но это надо сделать для твоего же блага. Так уж получилось, что вы оказались по разные стороны баррикады. Он сделал свой выбор...

После того, как Рома поступил с Димой в том сне, после того, что он натворил со статьями, я перестал испытывать к нему какие-либо тёплые чувства.

- Мне всё равно, - ответил я.
- Вот и славно, - заключил Владимир Алексеевич и самодовольно откинулся на спинку своего кресла.

Я встал со стула и посмотрел ему в глаза.

- Что-то ещё?
- Нет, это всё, спасибо. Не забывай, о чём мы договорились, - проговорил Владимир Алексеевич.
- Не забуду. До связи.
- Пока.

Я положил трубку и прошёл в зал своей квартиры. Там на диване меня ждала Маша.

- Ну, как, поговорил? - спросила она.
- Да, поговорил. Теперь вечер свободен, - я улыбнулся ей и сел рядом, приобняв её за плечи. Затем сделал движение вперёд и поцеловал её в губы. Она ответила, её рука погладила меня по небритой щеке.
- Неужели ты действительно не помнишь Мишу? - неожиданно вмешался Союзник.
- Не сейчас, - попытался отделаться я от него, произнеся про себя.

Маша тем временем начала расстёгивать пуговицы на моей рубашке, не переставая целовать. Её руки нырнули внутрь, вытаскивая рубашку и направившись вниз, к брюкам.

- Хочешь, сделаем это на столе? - спросила Маша.
- Очень интересно, - продолжал Союзник. - Ты движешься в правильном направлении, но очень резко. Потерять своё прошлое — это первый шаг к настоящей свободе.
- Мне по фигу, - кажется, я это проговорил это вслух.

Маша спустила свою юбку и сняла трусики, я стащил с неё блузку. Она подвела меня к столу и упёрлась в него своей голой попой. Затем она подтянула меня к себе и окончательно стащила с меня штаны.

- Ого, что у нас тут! - игриво произнесла она.
- Тебе бы ещё себя лучше контролировать и энергию правильно распределять... Тогда ты был бы ещё на шаг ближе...
- Это сюрприз, - ответил я Маше, игнорируя Союзника.
- Очень интересно. Надо попробовать, - улыбнулась она и встала на колени.

Но в самый ответственный и интересный момент раздался звонок в дверь. Маша посмотрел удивлённо на меня снизу вверх.

- Ты кого-то ждёшь? - спросила она.
- Тебя ждёт шикарный сюрприз, - радостно проговорил Союзник.
- Сейчас выясним, - ответил я обоим, быстро натягивая штаны и застёгивая рубашку.

Я вышел в коридор, подошёл к двери и, даже особенно не задумываясь о том, как выгляжу, не глядя в замочную скважину, открыл дверь.

Потерянный портрет

Дима

Однажды я проснулся и не нашёл портрета Дагни в своей комнате.

В панике я вскакиваю с кровати и начинаю бегать по комнате. Я открываю ящики шкафов, я заглядываю под кровать, я обыскиваю всю комнату, а потом и другие комнаты квартиры. Я даже заглядываю на кухню и вытряхиваю один за другим ящики с кухонной утварью, как будто картина могла спрятаться в них. Но её нет нигде! Мольберт есть, краски есть, чистые листы картона есть, но картины нет.

Я выбегаю на лестничную площадку, ишу там. Нет. Спускаюсь вниз, открываю дверь в комнату с мусорным контейнером, переворачиваю всё вверх дном. Даже ни секунды не раздумывая, забираюсь в контейнер и рыскаю в нём, переворачивая чужой мусор. В объёмках, пластиковых бутылках и пачках из под сока её нет...

Дверь открывается и в комнату заходит уборщик.

- Какого хрена?! - кричит он. - Ты совсем сдурел в мусоре копать! А ну, брысь отседова!
- Вы не видели картину? - с явно ненормальным взглядом спрашиваю я.
- Какая на хер картина?! - орёт он на меня. - Вали отсюда, бомжара!
- Да нет, же, я не... - пытаюсь оправдаться я.

Но он и слушать не хочет, только орёт и начинает махать метлой.

Я вынужден ретироваться, получив несколько раз метёлкой по голове. Ну, и ладно! Всё равно тут её явно нет.

Но, может, её как-нибудь из окна выбросило? Хотя окно и было закрыто ночью, и я не помню, чтобы оно как бы то ни было открывалось... Но мало ли?

Я выбегаю во двор и высматриваю своё окно. Нашёл. Если как-то картина и вылетела, то должна быть где-то здесь, внизу.

Хожу, ищу, высматриваю.

Может, она под пожухлыми листьями? Переворачиваю их руками в поисках, но ничего найти не могу.

Женщина, выгуливающая шпица, с испугом косится на меня, притягивая свою маленькую собачку к себе поближе.

- Зуся, не подходи к этому наркоману, - тихо говорит она ей.

Но мне не до неё и не до её шавки Зуси. Мне нужен мой портрет Дагни!

Потратив на поиски во дворе около получаса, обыскав каждый уголок, перевернув каждый листок, я так картину и не нахожу. Сажусь прямо так на холодную землю и

устало смотрю в пустоту перед собой.

Куда он мог деться? Как я мог его потерять? Как он мог исчезнуть?!

А, может, и не было никогда никакого портрета?

От Дагни вообще по какой-то неизвестной мне причине, ничего не осталось. Она как будто растворилась со всеми своими вещами, а теперь ещё и портрет прихватила с собой. Единственное, что осталось — это воспоминания о ней. Впрочем, я чувствую, как с течением времени и они растворяются в окружающей действительности. Я даже потихоньку начинаю сомневаться в самом существовании Дагни.

Может, она мне приснилась? Может, я её просто выдумал? Может, я просто сошёл с ума?

Я оглянулся по сторонам и почувствовал, что нахожусь в каком-то другом месте, не во дворе. Это комната с монотонными белыми стенами и деревянным дубовым полом. В комнате нет ни дверей, ни окон. Я сижу на полу и безразлично гляжу по сторонам.

Впрочем, что за бред?! Какая на фиг комната без окон и дверей.

Я смахиваю со своих волос это наваждение и встаю. Отряхиваюсь и направляюсь назад в свою квартиру.

Я стою на входе в квартиру и вижу, как же сильно моя квартира разгромлена. Ни один час теперь надо потратить на то, чтобы убраться. Но мне жутко: если я начну убираться, я могу потерять ту единственную ниточку, которая связывала меня с Дагни. Я боюсь, что совсем забуду её, если отпущу её образ из своего воображения.

Прохожу внутрь, закрываю дверь и направляюсь в свою комнату. В комнате поднимаю мольберт и достаю краски. Буду рисовать сразу на холсте, без наброска — так я смогу зафиксировать, что помню.

Рисую её, какой помню при первой нашей встрече: вначале её глаза, потом — носик, губки... Всё всплывает как будто само по себе. Я отдаюсь этому ощущению, даже не задумываясь над тем, что я делаю. Линии и краски как будто сами ложатся на холст.

На первую картину я трачу, наверно, около двух часов. Это просто Дагни, её прекрасное личико улыбается с холста как живое, она кутается в шерстяной шарф.

Но я не собираюсь на этом останавливаться. Я убираю холст в сторону, а сам начинаю писать следующую картину, стоящую у меня перед глазами. Там я встречаю Дагни в магазине. Она смотрит на меня с укором и ноткой возмущения, что посмел её найти.

Затем пишу ещё одну картину — мы сидим в кинотеатре, Дагни положила мне голову на плечо и смотрит на меня с удивлением из подлобья.

Потом ещё... И ещё...

Заканчиваю я картиной фонтана жизни. Не знаю, почему именно она всплыла у меня в памяти, но именно на ней мои силы заканчиваются, и я, уже ничего не соображая, выпускаю кисточку из рук и уставший падаю на кровать. За окном, кажется уже снова утро, причём уже не первого дня. Но мне совершенно не до всех этих мелочей. Сейчас мне нужно перезарядиться, чтобы, проснувшись, продолжить писать дальше.

Не знаю, сколько часов я проспал, но когда я проснулся, в голове у меня уже не осталось ни одного образа и писать я больше уже не мог. Голодный и грязный, я решил, что надо вначале искупаться и что-нибудь перекусить. Возможно, это дало бы мне сил для того, чтобы продолжить писать...

Диалог на крыше

Рома, Игорь

Был вечер, уже часов 9, наверно. Я стоял перед дверью в квартиру Игоря и всё не решался позвонить. Всё-таки я пропал на несколько месяцев и не подавал никаких признаков жизни, а теперь неожиданно появлялся непонятно зачем — просто потому что мне стало скучно и не с кем было поговорить. Да ещё и брошенный Алексеем Алексеичем в огород Игоря камень о том, что тот теперь часть номенклатуры, меня подтачивал. Я не знал, как он отнесётся к моему появлению и что сделает...

В общем, многие сомнения лезли в голову, тем не менее, я набрался храбрости, сделал глубокий вдох, выдох и позвонил.

Открыли не сразу — явно за дверью были чем-то заняты. Что именно там происходило слышно не было, но я кожей чувствовал, что дома кто-то есть и не один. Спустя, наверно, минуту дверь отворилась и передо мной предстал взъерошенный Игорь в расстёгнутой рубашке и деловых брюках, застёгнутых на одну верхнюю пуговицу. Из ширинки торчал уголок рубашки — явно одевался наспех. Увидев меня, Игорь немного испугался и засуетился, начав быстро заправляться.

- Игорёша, кто там? - спросил незнакомый женский голос из квартиры.
- Не твоё дело. Иди посуду помой! - Грубо кинул он внутрь, захлопнул за собой дверь, взял меня за локоть, и попутно приводя себя в порядок, ничего не говоря, направился в сторону лифта.
- Привет, - смущённо попытался было я начать диалог, но Игорь шикнул на меня и приложил палец к губам: тихо, мол.

Мы зашли в лифт, Игорь нажал на кнопку 17 этажа и мы молча поехали наверх. Пока мы ехали, я смотрел на Игоря, пытаюсь оценить ситуацию. По его лицу было заметно, как внутри у него гуляют явно нехорошие мысли, стоял он, сложа руки на груди и притоптывая ногой, не издавая ни звука.

Доехали. Двери лифта открылись. Мы вышли.

- Чё пришёл? - с небольшой злобой бросил он в мою сторону.

А сам вышел на лестничную площадку, поднялся по лестнице на верхний пролёт, подошёл к лестнице на крышу, вскарабкался и прикоснулся ладонью к простому амбарному замку, висящему на двери. Раздался хруст, и замок отвалился. Как он это сделал, мне было непонятно, но Игорь не давал мне перевести дыхание — сразу же полез на крышу, крикнув мне: «лезь давай». Я направился за ним.

На крыше гулял пронизывающий ветер, из-за чего было жутко холодно. Ладно я — на мне хотя бы зимняя куртка, но на нём-то — всего лишь хлипкая рубашонка, да галстук, который теперь сносило влево. Он стоял с руками в карманах брюк, глядя на меня с вызовом и укором.

Крыша была почему-то посыпана гравием, ближе к её краю стояло два металлических стула, причём настолько близко, что сидящий на стуле фактически вынужден был болтать ногами над самой пропастью...

- Ну, чего пришёл? - с напором повторил Игорь и посмотрел на меня исподлобья, скрестив руки на груди.
- Поговорить, - ошарашенно проговорил я, сбитый столку таким приёмом.

- О чём?
- Да так... - неопределённо повёл я правым плечом. - Узнать, как у тебя дела, чем живёшь...
- Как дела? - ухмыльнулся Игорь. - Рома, до твоего появления дела уже снова шли отлично. А из-за тебя у меня опять могут быть проблемы...
- Что это значит? Почему проблемы? Я же ничего не делал...
- Ничего не делал? Ничего не писал, наверно? И к так называемой «.» отношения не имеешь, надо полагать? - начал Игорь с напором сыпать на меня. - Мало того, что они вне закона, и ты, наш новорождённый оппозиционер, находишься у них, так ещё и название они взяли от названия моего сайта! Никто не верит в то, что это просто совпадение. Знаешь, какие у меня из-за этого проблемы тут были?! Ещё эти статьи твои дурацкие про «тоталитарный рыбинский режим». Чем ты вообще думаешь?!
- Я же просто... - попытался я найти слова, но у меня не получилось, да и Игорь не дал договорить.
- Сколько от тебя проблем в последнее время... И эта «.», и Дима! Как тебе удаётся всё разрушать?! - перекрикивал он ветер.

Я опешил и не знал, что говорить в свою защиту, только и мямлил о том, что так сложились обстоятельства... что «.» выручила меня как раз в тот момент, когда меня должны были арестовать...

- Арестовать? Кто? Кто тебе сказал такую чушь?! - возмутился Игорь. - Я тебя прикрывал и отмазывал, ты был в полной безопасности... Тебе нужно было всего-то месяцок пересидеть, а дальше всё бы успокоилось. Но нет! Тебе просто так не сиделось! И после твоего сумасбродного шага, Коварин начал меня плющить, в результате чего сайт сейчас фактически находится под его контролем...
- Коварин? - вспомнил я и уже сам наострился и начал быстро соображать. - Ты в номенклатурщики заделался, что ли? Коварин же разводила! Он тебя кинет и глазом не моргнёт, ты разве не понимаешь? - заговорил во мне Алексей Алексеич.
- Никуда он меня не кинет, - чуть успокоившись надменно проговорил Игорь и прошёл к шезлонгу, стоящему у края крыши. Разлёгся. Я последовал за ним и сел в шезлонг рядом. Ветер поутих, стало немного теплее.
- Он уже кидал, и тебя поимеет и кинет... - продолжил я, но Игорь лишь самодовольно покачал головой, снял рубашку, нацепил солнцезащитные очки и начал загорать.

Солнце сегодня палило безжалостно. Я стянул с себя зимнюю куртку и начал снимать свитер, чтобы тоже позагорать. И чего я так тепло разоделся?!

- Коварин на самом деле со мной ничего сделать не сможет - я сильнее его и физически, и психически, и ментально... - надменно ответил Игорь.

Он повернулся ко мне и расплылся в самодовольной улыбке.

- Я прихожу к нему по ночам в разных образах в сновидениях и внушаю, что делать и как ко мне относиться, а утром он такой ласковый и такой послушный... Образ, на который он лучше всего реагирует — это образ его умершей тёти — жутко

боится старую каргу, становится до того послушным, что даже дрожит от страха... а потом днём себе места не находит и делает всё, что ему скажешь. Это только кажется, что он мной управляет. Всё совсем наоборот.

К столику подошла загорелая брюнетка в бикини и подала Игорю красно-жёлто-зелёный коктейль с зонтиком, а мне — Мохито, после чего удалилась. Звуки волн моря действовали успокаивающе, и Игорь, казалось уже совсем растаял. Перемена в нём была видна невооружённым взглядом — так быстро произошла смена настроения.

- Тогда в чём же весь сырбор? Почему у тебя проблемы из-за меня?
- Да потому что, - начал опять вскипать Игорь и поднявшись с шезлонга, повернулся корпусом ко мне, и вторя ему ветерок с моря стал усиливаться. - Коварина я могу контролировать, но всю систему такими методами контролировать невозможно! Тут нужно тоньше действовать и не так резко... Тут нужно больше силы...

Он задумался на секунду и взглянул на меня с хитринкой.

- Мне нужно больше силы.

Затем опять лёг и, закрыв глаза, остался нежиться на солнышке. На несколько секунд воцарилось молчание. Только ветерок игрался китайскими колокольчиками где-то на заднем плане.

- А ты знаешь, кого неукоснительно слушает Рыбин? - Игорь приподнял очки и с вызовом взглянул на меня. - Свою собачку Чопу, которая давно уже в мире ином...

Игорь звонко расхохотался.

- Почему? - не понимал я, улыбаясь тому, как Игорь смеётся.
- Не знаю, - бросил он. - Наверно, Рыбин любит собак...

Игорь взял свой бокал с белым вином и осушил его за один присест. Я отложил Мохито в сторону — для него было слишком холодно.

Вообще же своим поведением Игорь начал мне напоминать Кирилла. Причём, возможно, в большей степени своего Кирилла, а не моего, что, наверно, было вполне естественно.

- А ещё, Рома, - добавил он, вставая со стула, - я вообще-то должен сообщить Коварину о том, что виделся с тобой. - И начал одеваться. Солнце уже село, и на крыше становилось зябко. Я тоже стал одеваться. - Ты сделал несколько совершенно идиотских шагов, из-за которых мы теперь по разные стороны баррикады.

Он ловко спрыгнул со стула на крышу и направился к выходу. Я, побаиваясь гигантской высоты под своими ногами, пересел и осторожно слез, затем пошёл за ним, не зная, что сказать — всё это было настолько неожиданно, настолько быстро, что слов у меня просто не находилось...

- Отстань, - неожиданно проговорил он вслух непонятно, кому.

Пытаясь за что-нибудь зацепиться и хоть как-нибудь его остановить, я бросил ему в спину вопрос:

- Ладно, фиг с ним! Расскажи лучше, как парни?

Игорь остановился ещё раз и опустил в пол взгляд. На крыше стал моросить мелкий

дождик.

- Ты не знаешь?..

Пауза.

- Серёга умер.

Ещё одна пауза, в которой слова Игоря воспринимались как странная шутка.

- Его нашли в своей квартире. Кажется, выпил какую-то дрянь, отравился и просто умер во сне.
- Какой кошмар! - ужаснулся я.
- А Димка... - тут Игорь тяжело вздохнул и покачал головой, затем посмотрел на меня с укором и продолжил, - После того, как ты его тогда скинул, у него всё пошло наперекосяк. Просто вразнос ушёл! Наверно, с тех пор очень сильно пьёт — я пытался ему помочь, но всё тщетно. Да и не могу я за вами всеми уследить... В общем, мне пришлось его уволить из «.».

Я стоял ошарашенный этими новостями и не мог поверить своим ушам.

- Диму я тебе не прощу никогда! - показал он угрожающе пальцем в мою сторону.
- Игорь, ты чего?! Какое, к чёрту, «скинул»? Когда такое было? - пытался я найти, что сказать на эти обвинения.

Но Игорь только покачал головой в ответ.

- Ладно, - неожиданно прервал он мои мысли, и луна вылезла из-за туч посмотреть, о чём это мы там разговариваем. - Пора. Разбегаемся.

Я промолчал, медленно надевая на себя куртку, и в этот момент мне неожиданно в голову пришла мысль, незаметно маячившая на заднем фоне всё это время, которая теперь, вдруг, встала передо мной в полный рост.

- Игорь, - окликнул я его, когда тот уже взялся за лестницу и начал спускаться, - а что это такое сейчас было с шезлонгами, девушками, коктейлями и солнцем?
- Чего? - поморщился он и с раздражением спросил: - Какие ещё шезлонги? Ты обкурился?!
- Ну, только что что-то происходило: шезлонги появились, девушка с коктейлями...

Игорь глядел на меня, не понимая, о чём я, и не скрывая своего раздражения.

- Солнце, море... - добавил я, пытаясь хоть как-то донести до него свою мысль. Но он всё равно не понимал.
- Рома, - заключил он, - иди в жопу со своими шуточками!

И полез вниз по лестнице, так ничего и не заметив...

Точечный отстрел

Рома

Как вернуться в «.» мне даже думать не пришлось — уже на выходе из подъезда дома Игоря меня ждал Узик с 3-мя одетыми в чёрные комбинезоны копиями Алексея Алексеича. Внешне, они, конечно, отличались, но внутренне были хорошо обработаны

напильником пропаганды.

- Роман Юрьевич, - сухим голосом заговорил Первый, сидящий сзади, рядом со мной, когда я сел к ним, - зачем же вы убежали? Алексей Алексеич волнуется, а это общение с номенклатурщиками вам чести не делает.
- Да, совсем не делает, - точно таким же тоном, лишь голосом с другим тембром поддержал его Второй, сидящий рядом с водителем. - А Игорь вас уже заложил, вы знаете? Мы прослушиваем полицейские частоты, кто-то минуту назад вызвал наряд...
- А мне по фигу, - обрезал я и уставился в окно.
- Это-то понятно, что вам по фигу, - сказал Третий, который в этой машине по совместительству был ещё и водителем, - но подумайте о других!

Меньше всего после разговора с Игорем мне хотелось думать о других. Больше всего хотелось думать о себе и той ситуации, в которой я оказался.

- Нет, конечно, проще всего сказать: мне по фигу, - продолжил Второй, - но это же банальный уход от ответственности. Так только слабаки поступают. А Вы сами же говорили, что человек должен контролировать свою судьбу, должен принимать ответственность за свои действия...
- Ага, - поддержал его Первый. - Как же это так получается, что Ваши слова расходятся с Вашими действиями? - Он попытался проникновенно посмотреть мне в глаза и пристыдить. Но не подействовало. Хоть внутри я весь кипел, снаружи я оставался жёстким и непоколебимым.
- Отвалите, не до вас сейчас, - жёстко обрезал я в непривычной для себя манере, как будто другой, более злой и обиженный человек заговорил внутри меня.

Давно я не испытывал таких эмоций и такого прилива агрессии. За последние месяцы я изменился настолько, что уже просто отвык от гнева и теперь явственно почувствовал, насколько он изматывает. Но вовремя сообразив, что именно происходит, мне удалось отстраниться от всей этой сцены и посмотреть на неё со стороны. Всё встало на свои места и пришло в норму. Оказалось, что вся эта ситуация крайне забавна и нелепа. Три безмозглых клона сидели рядом и произносили чужие слова, некоторые из которых принадлежали в своё время мне, а я на них злился просто потому что они мешали мне спокойно утопать в жалости к себе.

Я громко и заливисто расхохотался, чем вызвал недоумение на лицах клонов и жутко смутил их. Они явно не ожидали такой реакции.

- Бедняжки, - заговорил уже во мне Кирилл. - Вас не научили действовать в ситуациях, когда ваши действия вызывают гомерический хохот?!

Первый раскраснелся. Глядя на него, я вспомнил себя пару лет назад, когда я только начинал своё общение с Кириллом. Оказывается, любые эмоции очень легко читаются по лицам и позам других людей. Что-то подкатило ко мне, какой-то задор появился, захотелось их раздражить посильнее и вывести из себя.

- Что, помидорки, Алексей Алексеич не обучил рот открывать в нестандартных ситуациях?

Эти молчали и дулись.

- Не дуйтесь, парни, - примирительно заключил я, - а то лопнете! - и расхохотался

пуще прежнего.

Наверно, если бы я увидел себя со стороны, то подумал бы, что обкурился, но это меня беспокоило в тот момент меньше всего.

- А мы, ведь, действительно можем лопнуть, Роман Юрьевич, - заговорил сквозь зубы Второй. - Как лопнем... вот крови то будет.
- Как?! - удивился я. - Без разрешения Алексея Алексеича, да лопнете? А как же выдержка? Как же цель?.. Как же носки?

Второй проглотил и уставился в окно. Я взглянул на Первого, тот тоже пялился в окно, отвернувшись от меня.

Всю оставшуюся дорогу до «.» мы ехали молча. Мне теперь было весело, этим — грустно, зато они меня оставили в покое. Обижены клоны были жутко. Всего-то пара слов, а какой результат: уже я хозяин положения, а они — униженные и оскорблённые.

В «.» я приехал в весёлом настроении: я снова стал наблюдателем, снова смотрел на мир со стороны, снова был режиссёром своей жизни. То ощущение, которое несколько притупилось за время пребывания в организации постепенно возвращалось ко мне.

Однако диалог с Игорем помимо всего прочего вдохновил меня на новую статью, которую я с энтузиазмом принялся писать. Настроение было хорошее, поэтому и писалась она легко и ненавязчиво, хотя тема была тяжёлая. Меня подтачивало то, что Игорь во всех своих проблемах обвинял всех подряд, но сам на себя не хотел взять ответственность. Если бы я только мог как-то скорректировать его поведение и донести до него...

Мы уже много говорили о том, что же у нас в стране происходит на самом деле, но о том, что же с этим делать пока говорили немного. Конечно, осознать своё рабство, затем осознать себя, работать над собой, пытаться влиять на окружающих людей и включать им мозги — это святое дело, которому должен следовать любой разумный мыслящий человек. Однако это, к сожалению, не решает главных проблем в стране — бездарное управление, воровство, ложь, обман, преступность со стороны власти имущих и прочее. Все предложенные меры пока только призваны научить более трезво оценивать окружающую действительность, но не направлены на решение проблем. А для того чтобы решить проблему, надо понять, в чём заключается её первопричина и воздействовать на неё так, чтобы избавиться от неё.

А первопричина очень проста и очевидна. Я не открою никакой Америки, назвав её: безответственность. Само общество с самого детства учит нас безответственности. Если Вася разбил окно, он, вроде бы, должен понести за это наказание. Но лучше наказание не нести и скрыться за коллективной безответственностью, в которой все друг друга покрывают. Мы же с детства знаем, что запреты взрослых и вся эта общественная дребедень под названием «правила и законы» - это мура, которая к жизни не имеет никакого отношения. Хочешь выжить, смешивайся с толпой и будь таким же, как все. А уже будучи взрослыми мы прекрасно понимаем, что, например, законы в России пишутся для того, чтобы одна организованная преступная группировка могла замочить другую и перераспределить ресурсы в свою пользу. Поэтому очевидно, что для выживания в такой недружественной среде надо кооперироваться и покрывать друг друга, рассеивая ответственность.

- Кто разбил окно? Иванов, ты? Петров, ты?! Пупкин?

– Никто, Марь Иванна. Оно само разбилось.

И попробуй какая-нибудь тварь сказать, что на самом деле это был тот самый Володя Пупкин, избьют в коридоре и изнасилуют. Да и сам Володя Пупкин никогда не сознается. Лучше пусть весь класс остаётся без компота, чем набраться смелости и признать свою вину.

Очевидно, что такая, казалось бы вполне нормальная система круговой поруки, порождает армию трусов — люди боятся сознаться, взять на себя ответственность и заявить:

– Да, Марь Иванна, это я. Мне очень жаль. Так получилось, я не специально.

Корни этой трусости лежат в излишней любви к самому себе и громадном чувстве собственной важности каждого индивида по отдельности. Каждый считает себя важным местом, хотя жизнь его на самом деле и гроша ломанного не стоит. Этот вопрос мы уже как-то поднимали в одной из предыдущих статей.

Но как результат из-за этого укрывательства, этой трусости и рассеивания ответственности вырастает и общественная безответственность. Ладно ещё всякие мелкие проделки, типа стащеных вилок из ресторана. Другое дело — украденные миллионы из бюджета. За это-то, слава богу, не посадят — надо только поделиться с нужными людьми и по возможности рассеять ответственность. Например, национальные проекты поручены тов. Волкову, но никто ответственности за них не несёт, так как есть куча замов, есть армия чиновников, занимающихся разными направлениями и дележом денег. Ну, не виноват же сам Волков в том, что проекты провалились, честное слово?! Это же мелкие чиновники всё разворовали. Царь хороший, бояре плохие. Страна такая. Все виноваты. Менталитет такой. Судьба такая. Бог так придумал...

Очевидно, что в условиях, когда такая система взращивалась годами и ещё будет передаваться из поколения в поколение, люди никогда не начнут брать на себя ответственность за совершаемые ими поступки — слишком страшно, что, не дай бог, придётся отвечать. А без ответственности нет никаких тормозов, есть лишь неконтролируемый беспредел. В связи с тем, что на государство в решение этого вопроса полагаться нельзя, надо чтобы общество начало призывать к ответу. Конечно, это сложно скоординировать и реализовать, да и вообще тяжело себе представить, как можно высококого чиновника заставить отвечать за «потерянные» миллиарды рублей и приобретённую дачу под Ниццей. Ведь, даже если и получится спросить у него: «до коле?!», - тот лишь разведёт руками и ответит: «И чо?!». И, вроде бы, ничего не попишешь, ничего больше и не спросишь.

Однако выход есть и из этой ситуации. Он заключается в том, чтобы начать призывать к ответственности насильно, не слушая тупых отговорок из разряда: «не могу знать, где деньги. Наверно, просочились сквозь дырки в мешке». Остаётся лишь один вопрос: какие инструменты надо использовать для такого принудительного ответа. Понятно же, что формальные институты (такие как суды, СМИ) в нашей стране не работают, а неформальные нацелены на рассеивание ответственности. Но в этом как раз и лежит решение проблемы: надо создавать новые неформальные институты, надо привить обществу неприятие к воровству и расхищению общественного богатства. Здесь поле для действий просто огромно — всё ограничивается только фантазией людей.

Можно, например, начать с банального: «пусть каждый, кто увидит ворюшку,

стащившего кучу денег, плюнет ему в лицо». Если тебе в жизни в лицо плюёт хотя бы каждый третий встречный, жизнь превращается в маленький ад, и уже начинаешь насильно нести ответственность и думать, как бы избежать её и себя оправдать. Да и другие, глядя на это, уже начинают задумываться о том, а стоит ли воровать, если последствия будут такими неприятными...

Сам вид неформального воздействия на жуликов и воров должен выбираться обществом, по договорённости между людьми. Причём, надо, чтобы плевать в лицо были готовы, если не все, то большая часть. Если делать это будет лишь один — два человека или люди, сидящие в интернете, никакого эффекта это не возымеет, так как такие люди будут маргиналами. А надо, чтобы они были нормой.

Пока же наше общество всячески трусливо пассивно поддерживает и покрывает взяточников и воров, никакого изменения к лучшему в нём не произойдёт. Надо заставить людей нести ответственность за поступки и помимо этого каждому лично научиться быть сильным для того, чтобы самому брать ответственность за те или иные совершённые поступки, какими бы мелкими и незначительными они не казались.

- Ну, и вай ты убежал? - спросил заглянувший ко мне в комнату Алексей Алексеич, когда я был в процессе написания. - Я не спрашиваю «хау», потому что это не важно. Что важно, так это — «вай»? Ты разве не понимаешь, что общение с номенклатурщиками тебе чести не делает?!

Где-то эти слова я уже слышал...

- Ты знаешь, что уже минутой афте твоего ухода, Игорь вызвал копов? - продолжал он, стоя в проёме двери, скрестив руки на груди.
- Настоящих или таких же робокопов, как у тебя? - отшутился я.

Алексей Алексеич вздохнул и покачал головой.

- Такое ощущение, что ты не понимаешь всей серьёзности положения...

Я взглянул на него с умилением. Мне жутко хотелось дико заржать над его словами, потому что в этот момент я видел серьёзность лишь в настрое Алексея Алексеича, но никак не в сложившемся положении. Он так и пыжился, стараясь придать вес своим словам, а меня они ни сколько не касались, и лишь лопались пузырьками, вылетающими из его рта.

Видно, почувствовав мой настрой, Алексей Алексеич не рискнул развивать тему серьёзности и стал быстро сворачивать диалог:

- Ок. Приходи в себя и возвращайся к работе... Для твоей же безопасности на первое время мы прикрепим к тебе человека.
- А я уже вернулся, - с улыбкой ответил я, никак даже не отреагировав на то, что мне теперь установят надзирателя.

Алексей Алексеич наострил.

- Энд хау? На чём остановился?

Ощувив его рвение, я решил дёрнуть за ниточку, чтобы потом посмеяться над ним...

- Ответственность, - с очень серьёзным видом заговорщически проговорил я и уставил взгляд на Алексея Алексеича.

Первые секунды он ждал продолжения, но затем, не дождавшись, не выдержал:

- Что «ответственность»?
- Люди должны нести ответственность за свои поступки, - важно заключил я.

А затем выждал ровно столько, чтобы успеть перебить его, и продолжил, не давая ему сказать ни слова:

- Перед собой и в первую очередь перед обществом.

Он сделал кислую мину.

- Энд вот? Ну, должны, это даже ослу понятно...
- Э-э-энд, - потянул я, передразнивая его, - если человек не несёт ответственность, надо его заставить.

Алексей Алексеич оценивающе смотрел на меня серьёзным задумчивым взглядом, обрабатывая сказанное. Для него это была какая-то свежая мысль, а для меня это всё была лишь игра, не мало меня забавлявшая.

- Как заставить человека нести ответственность? - наконец, задал он вопрос.
- Не знаю, - дёрнул я плечом и вальяжно откинулся на спинку кресла. - Не я должен определять меру наказания, а общество. Наверно, соразмерно совершённом преступлению? Скажем, изнасиловал мент девушку, значит общество должно в отместку изнасиловать мента.

Глаза Алексея Алексеича неожиданно загорелись, как будто кубики, с которыми он всё это время играл в песочнице своей головы, наконец, сложились в ровную стену, которая по волшебному стечению обстоятельств не исчезла. В этом нелепом диалоге он нашёл что-то важное для себя, и его, неожиданно для меня, понесло:

- Точно! Сосаити выносит приговор, а наша организация приводит его в действие.

Он заходил по комнате как лев в клетке в ожидании еды и заговорил взахлёб:

- Чиновник «освоил» бабло, эврибади об этом знает, но никакого наказания тот не понёс, так как его дружок работает в администрации президента. Тогда сосаити выносит приговор, энд приводит его в исполнение: на следующий день чиновника находят мёртвым в номере отеля, в котором тот всю ночь напролёт трахал кокаиновую проститутку, с запиской на груди: «Общество вынесло тебе приговор за то, что ты присвоил себе общественные деньги, козёл!..»

Алексей Алексеич посмеялся, только теперь мне уже было не до шуток. Я сильно испугался тому, что натворил. Кто бы мог подумать, что мой тонкий стёб может быть воспринят столь серьёзно?!

- Это можно назвать «точечный отстрел» - уничтожаем тех, кто согрешил в глазах сосаити...
- Ты с ума сошёл?! Кто ты такой, чтобы распоряжаться жизнями людей?! - возмутился я. Опять моя мысль подверглась произвольной трактовке.
- Я просто санитар леса. Надо же, чтобы хоть кто-то вылечил наше больное общество.
- Что за бред?! Ты не имеешь права решать, кому жить, а кому умереть! - вскрикнул я, не заметив, как Алексей Алексеич умудрился вытащить меня из моего состояния

зрителя на сцену, прямо под софиты.

- Это не бред, а гениальная айдиа, ты молодчина!
- К тому же, если ты будешь осуществлять свой «точечный отстрел», то ты тоже должен будешь нести ответственность за это! Тебя и твоих людей будут преследовать и уничтожать! - возмутился я. - Начнётся охота на ведьм...
- Иф даже и начнётся, эти, - он кивнул головой вверх, - всё равно почувствуют, что они не неприкасаемые. А то живут в своём мире, ничего не видят и ни за что не отвечают...
- Ну, не перестреляешь же ты всех?!
- Нет, оф коз, - улыбнулся он моей наивности. - Да и зачем? Стоит отстрелить парочку для того, чтобы остальные задумались и почувствовали ответственность.
- Но как же ты не понимаешь?! Убийство никогда не решает проблем, оно только порождает новые! Ты хочешь гражданской войны? «Точечный отстрел» - это не выход, а только новый виток агрессии и злости - всё ещё пытался я отговорить его от своей идеи.
- В нашей стране это единственный выход, - обрубил Алексей Алексеич. - И вообще, ты чего трясёшься? Твоя же идея!
- Поэтому и трясусь. Ты мою идею в очередной раз взял и изнасиловал. Не смей её извращать!
- Ну-ну, - примирительно проговорил он. - Ничего я не сделал, я её просто правильно трактовал.
- Нельзя никого убивать! У тебя нет на это право!
- Окей, окей, - с огоньком в глазах заключил Алексей Алексеевич. - Ты это записал в каком-нибудь виде?

Я немного растерялся и попытался взвесить в голове: стоит ли ему отдавать мои наброски или нет. Если не отдам, то перестреляет всех и скажет, что идея моя, так как я идеолог. Если отдам, то у меня хотя бы будет некое доказательство того, что моя идея не об убийствах... Я смогу снять с себя хоть какую-то часть ответственности за то, что будет творить Алексей Алексеич.

- Да, записал. Надо подредактировать ещё и дополнить...
- Отлично! Как допишешь, отнеси Наташеньке, после чего мы эту идею обсудим плотнее.

Алексей Алексеич посмотрел на часы, присвистнул...

- Вау! Пора бежать. Ты пиши и не волнуйся — все нюансы мы потом с тобой обговорим.

Затем окинул комнату взглядом, поглядел на телевизор, кинул свою любимую фразу:

- Надо бы тебе телевизор побольше... Я распоряжусь.

И выбежал из комнаты.

Полное опустошение.

Не дай бог он решит воплотить в жизнь эту дурацкую идею с «точечным отстрелом»!

Мало того, что это морально неправильно и в принципе неприемлемо, так ещё и всей его компашке будет несдобровать после этого!.. Да и я в таком случае подвергаю себя ещё большей опасности, чем раньше.

Я сел снова работать, но уже в жутко поникшем настроении. И как это у меня получается на каждом шагу ухудшать свою позицию?

Я проработал статью, стараясь сформулировать её как можно дальше от идеи насильственного решения проблемы, после чего отнёс её Наташеньке. Та улыбаясь спросила:

- Роман Юрьевич, а что это у вас такое настроение плохое?
- Ваш Босс всю мою кровь выпил, - буркнул я и направился назад к себе в комнату.

Как же так получается, что мои мирные идеи и безобидные шутки всё время воспринимаются людьми произвольно — так, как им заблагорассудится — и свободно переиначиваются?! Почему любое моё действие приносит вред?!

Вернувшись к себе, я попытался что-нибудь ещё написать или хотя бы почитать в интернете, но почувствовал лишь полнейшую апатию и бессилие. Последние произошедшие события явно выбили меня из сил и жутко измотали, но почувствовал я это только сейчас, когда вернулся в свою каморку к одинаковым будням... Казалось, я опять вернулся в лабиринт без выхода и начинаю бродить по нему бесцельно из стороны в сторону.

Я устало лёг в кровать и закрыл глаза.

Качели

Дима, Сергей

С моим сумасшедшим режимом, с постоянной работой над картинами, я исхудал и ослаб. Связи с внешним миром у меня не было практически никакой. Я только иногда заказывал доставку еды на дом и пару раз встречал Клавдию Ивановну на лестничной клетке. Она вздыхала по поводу того, как я исхудал и перестал следить за собой, я же на это внимание не обращал. В душ ходил только, когда уже не было мочи терпеть. Бриться перестал, зубы чистить — тоже. Вся эта рутина теперь вызывала у меня раздражение, и мне не хотелось отвлекаться на подобные мелочи — я чувствовал, что каждая минута дорога, надо работать.

При всём этом я стал видеть странные, очень живые сны, которые, впрочем, я достаточно быстро забывал. Засыпал я тогда, когда уже больше не мог работать, а проснуться мог в любой момент, и как только просыпался, снова брался за краски, не обращая внимание ни на освещённость комнаты, ни на собственный голод.

Однажды мне приснился сон, который очень хорошо запомнился. Мне снилось, что я стою посреди двора какого-то дома. Над головой виноградник, сдерживающий лучи палящего солнца, под ногами — маленькая кирпичная дорога. Жарко.

Я иду по двору и думаю о том, что, если бы Серёга был со мной, ему бы тут понравилось — он всегда любил тепло. Сразу же после этого появляется Серёга. Он как живой, как настоящий: стоит передо мной и озирается по сторонам.

- Где это я? - спрашивает.

- Ты со мной во дворе, - отвечаю я.
- А, - реагирует он.
- Присядем? - предлагаю я, показывая на край крыши под ногами.
- Ну, давай, - соглашается Серёга.

Сидим с ним на крыше и болтаем ногами. Впереди плещется море, а солнце садится за горизонт. В небе летают чайки. На пляже ни души, тишина, только шум волн и ветра.

Серёга настолько реален! Это же так просто и очевидно! Он же вот, он никуда никогда не девался! Я гляжу на него, и на душе от его присутствия мне становится тепло.

- Ну, как ты там? - спрашиваю по-дружески я.
- Да кайфово всё. И тёлочки тебе бесплатные, и реки бухла...
- Ты в рай попал? - улыбаясь, спрашиваю я.

А он в ответ хмыкает:

- Димка, ты же знаешь, что рая не существует.

Я делаю глоток из бутылки с хересом, прямо из горла, и передаю ему. Он прикладывается и за пару глотков осушает всю бутылку.

- А что тогда есть?
- А ничего нет! - уверенно говорит он, вытирая рот тыльной части правой руки. - Пустота сплошная. Рассеивание.

От этой фразы мне становится грустно. Столько лет жизни потрачено, столько работы проделано, столько картин написано, столько сил приложено, и на что?! На пустоту, которая ждёт меня в конце.

- Так а откуда же тогда тёлочки и бухло? - не понимаю я.
- Так каждый в пустоте получает то, чего хотел всю свою жизнь, сечёшь? - Серёга игриво подмигивает мне и жадно прикладывается к бутылке портвейна.

Я задумываюсь, болтая ногами в фонтане на площади какого-то средневекового города. Мы с Серёгой в коротких футболках, нежимся на солнышке, не обращая внимания на толпы прохожих. Вода брызгает и освежает. Впереди парень жонглирует ножами, привлекая внимание туристов. Рядом с ним — мим пытается выбраться из невидимой комнаты. Он кричит и испуганно смотрит на людей, но никто на него не обращает внимание.

- Фонтан желаний? - спрашиваю я.

Серёга кивает:

- И всё-то ты уже знаешь! Интересно, откуда?

Я задумываюсь, пытаюсь вспомнить, откуда я это знаю. Перед глазами всплывает мутный образ девушки... Детали её лица не видны, могу только вспомнить общие очертания, ощущения и запах. Кажется, Алина... Или Дагни? Как можно путаться в таких двух разных именах?!

- То ли Дагни, то ли Алина...
- Дагни — это хорошо, - заключает Серёга и хлопает меня по плечу. - Не отпускай

её. Она тебя ещё выручит, вот увидишь!

– Откуда ты-то это знаешь? - удивляюсь я и вопросительно гляжу на него.

Я даже и не заметил, как мы переместились на детскую площадку. Теперь я раскачиваюсь на качелях, делая резкие движения ногами и подаваясь всем телом то вперёд, то назад. Серёга делает тоже самое, рядом со мной, только на других, более хлипких, качелях с ржавой цепочкой.

– Там, откуда я пришёл, всё очень просто и понятно, - легко бросает он, взмывая ввысь.

– Может, мне тоже туда надо дёрнуть? - кричу я, несясь за ним.

– Нет, Димка, - важно качает он головой, возвращаясь назад. - Тебе пока рано. У тебя ещё краски не закончились.

Я резко открываю глаза. Я проснулся.

Протираю глаза. За окном прорезается рассвет.

Этот сон! Он такой живой! Такой настоящий! Надо срочно его зафиксировать. Что там было? Сергей? Дагни? Качели? Что-то было про краски...

Вскакиваю с кровати, хватаюсь за карандаш и блокнот. Делаю наброски нескольких эпизодов: сад, крыша, море, фонтан, качели... Кажется, там был образ той девушки. Той, которую я обязательно должен найти, но которую уже почти не помню. Если только я смогу её вспомнить, то, возможно, я обрету свободу от всего этого...

Но, к сожалению, сон быстро рассеивается и теряется вместе с образом девушки.

Разочаровано откладываю карандаш. Сижусь несколько секунд, пытаюсь вытащить из себя ещё хоть что-нибудь. Но ничего не получается.

Вздыхаю.

Пять утра. Сходить на кухню, выпить чаю, съесть пару кусков вчерашней пиццы и за работу!

Разговор с «самим»

Игорь

Не прошло и десяти минут с момента прощания с Ромой, как в дверь раздался звонок. Отставив в сторону бокал с виски, я устало прошёл к двери и взглянул в глазок. К моему удивлению, там стоял Владимир Алексеевич и несколько человек в форме. Я открыл дверь.

– Ну, что, допрыгался? - резко спросил он меня с порога и зашёл, не дожидаясь приглашения.

– В каком смысле? - не понял я.

Те двое прошли в квартиру и начали проверять другие комнаты.

– Я же тебе говорил, твой друг нам нужен — слишком много крови попортил. А ты тут с ним встречаешься, а мне даже ничего об этом не говоришь!

Из соседней комнаты раздался женский визг и крики мужиков.

- Ты не один? - спросил Владимир Алексеевич.
- Вроде бы, один, - неуверенно ответил я.
- А что тогда там кричит?
- Я-то откуда знаю?! - возмутился я.
- Ну, ты-то должен как раз знать, - покачал головой Владимир Алексеевич и пошёл в другую комнату выяснять. Я направился за ним.

В комнате двое в форме уже заломили руки и уткнули лицом в пол, незнакомую мне девушку, одетую только в белые кружевные трусики.

- Ты её знаешь? - спросил Владимир Алексеевич, показывая на неё пальцем.
- Нет, не знаю. - честно ответил я.
- Как не знаешь?! - закричала изо всех сил придавленная девушка. Игорь, это же я, Маша!
- Какая на хрен Маша?! - рявкнул я. - Ты что делаешь в моей квартире?!

Владимир Алексеевич покачал головой и жестом отдал приказ, чтобы её увели.

- Игорь, помоги мне! - пыталась она воззвать ко мне, но мне было совершенно не до неё.

Двое уволокли её достаточно быстро, даже не дав ей накинуть на себя какую-либо одежду. Как она появилась в моей квартире, я не мог взять в толк, но в тот момент этот вопрос меня интересовал меньше всего.

- Короче, - проговорил Владимир Алексеевич, строго взглянув на меня. - Проблему Ромы нужно срочно решать. Причём настолько срочно, что с тобой хочет поговорить «сам», - при последнем слове Владимир Алексеевич задрал брови и повёл глазами вверх.
- Ах, так вот, почему ты приехал ко мне лично, - заметил я.
- Я-то хотел, на самом деле, с тобой просто поговорить, в гости заглянуть, но когда мне до тебя оставалось минут пятнадцать, выяснилось, что у тебя другие гости. Планы пришлось неожиданно менять. Ну, да мне не жалко. Пойдём.

Владимир Алексеевич взял меня под локоть и повёл на выход. Мне это не очень понравилось, поэтому я повёл плечом, чтобы он от меня отцепился, но тот от меня не отставал.

- Не надо меня держать, я не убегу, - сказал я ему, но тот, как будто не слышал.

Я попытался переползти на линию, на которой Владимир Алексеевич не брал бы меня за руку, но ничего не получилось — было такое ощущение, что он меня насильно удерживает на этой линии. Это было очень странно, так как я за ним никогда таких способностей не замечал. Мне стало дурно.

- Игорь, ты в порядке? - неожиданно остановился он прямо на пороге и посмотрел мне в глаза.
- Я... Мне... Моя... - пытался высказать я мысль, которую не мог нащупать.

В глазах потемнело. Кажется, я упал в обморок.

Когда я открыл глаза, я уже сидел в квадратном кожаном кресле. Напротив меня сидел Геннадий Аркадьевич Сучков, глава администрации президента России. Он что-то говорил, как будто наш разговор уже длился давно, а тот даже и не заметил, что меня всё это время не было.

Выглядел он неказистым и щуплым, меньше, чем по телевизору, но при этом излишне самоуверенным и надменным для своего роста.

- ...Давайте я объясню, почему Роман Юрьевич — действительно агент госдепартамента США, - настойчиво произнёс он. - Очевидно, что американцы хотят раскачать нашу лодку и подорвать авторитет России на мировой арене. Но как же это сделать, когда в наших руках ядерный щит? Конечно же, нужно устроить заварушку изнутри, как они это сделали в арабских странах.
- В смысле? - не понимал его я.
- Ну, не думаете же вы, что люди вышли на улицы сами? Нам чтобы собрать митинг в поддержку национального лидера приходится тратить немалые деньги и использовать административный ресурс. Люди не выходят на улицы сами в принципе. У них должна быть какая-то мотивация.
- Смена власти не может быть мотивацией?
- Недостаточной. Нужна организация, которая бы всё координировала и поддерживала. Даже, если и есть фанатики, то ими нужно правильно управлять. Иначе ничего не получится. Вот «наши партнёры» и устраивают один за другим перевороты в разных частях Земли, прямо по книжкам, известным нам ещё с советских времён. А теперь пришла очередь России.
- Я всё-таки не понимаю, как это всё связано с Ромой и со мной, - недоумевал я.
- Всё очень просто. Романа Юрьевича использует экстремистская организация «.», спонсируемая госдепом США. Впрочем, он, кажется, и не особенно против.

Я промолчал. Я знал, что Рома с ними сотрудничает, и иллюзий по его поводу уже никаких не испытывал. А с кем именно эти вот связаны, не так уж и важно. Госдеп? Ну, пусть будет Госдеп. Предательство оно и есть предательство, как его не назови.

- Ну, да не суть. В любом случае, нам нужно эту организацию прикрыть, так как нам важна целостность нашей страны. И вот в этом месте на сцену выходите вы, Игорь Анатольевич.

Я посмотрел на него с недоумением, ожидая, что же тот скажет дальше.

- Проблема в том, что «.» действует очень скрытно, и мы не можем никак выйти на неё. Вы — единственное связующее звено. Мы следили за вами всё это время, но мы не можем взять в толк, как Роману Юрьевичу удалось добраться до вас и переговорить. Я, честно говоря, думал, что вы с ним заодно, и, если бы не гарантии со стороны Владимира Алексеевича, вы бы сейчас разговаривали не со мной, а со следователем в СИЗО... - на этом месте он сделал паузу и посмотрел на меня проникновенно, пытаясь произвести впечатление. Не получилось, и, чтобы сгладить неловкость, он продолжил. - Если Роман Юрьевич сумел добраться до вас, то, я уверен, и вы сможете найти его. У вас две недели моего доверия на то, чтобы выйти на Романа Юрьевича и выяснить, где находится «.».

Он замолчал, глядя на меня с вызовом, ожидая какой-нибудь реакции.

- Я с ним не общаюсь, - изрёк я. - И не очень хотел бы, честно говоря, после того, как он со мной обошёлся...
- Я ничего не знаю о ваших личных проблем с ним, но уверен, что из всех людей, которые остались у Романа Юрьевича, вы — его единственный друг. Поэтому вам нужно что-нибудь придумать.

После пятисекундной паузы, нужной скорее для театральности, нежели для размышлений, я согласился:

- Я попробую.
- Вот и славно. Вы свободны. Вас ждёт Владимир Алексеевич, который отвезёт вас домой.

Я встал. Ноги ватные, голова мутная. Геннадий Аркадьевич только кивнул, но руки мне не протянул.

- До свидания, - проговорил я.
- До новых встреч, - ответил он и криво улыбнулся.

Я вышел из кабинета. В приёмной, явно немного нервничая, меня ждал Владимир Алексеевич. Он встал со стула, как только я вышел.

- Ну, что? - спросил он.

Я только неопределённо повёл плечом в ответ.

- Если бы не я, - начал он.
- ...то я бы сейчас не с ним разговаривал, знаю, - оборвал я. - Поехали домой.

Владимир Алексеевич что-то себе ворчал под нос, но я его не слышал и не слушал — мне не терпелось дома упасть на диван и глотнуть виски.

Я даже и не заметил, как мы добрались до моего дома и не обратил внимание на то, куда делся Владимир Алексеевич. Я плюхнулся на диван на кухне и сделал глоток из бокала.

- Ну, и как же мне найти Рому? - спросил я вслух Союзника. - Мобильник у него отключен, находится он чёрт знает где, ни с кем связь не поддерживает...

Союзник сразу же ответил:

- А тебе и не надо его искать, он итак с тобой. Тебе только надо только остановиться и оглядеться по сторонам.

Я закатил глаза и взялся правой рукой за лоб:

- Вот этой твоей философской херни мне сейчас как будто бы не хватает! У меня весь мир уходит из-под ног, всё вверх дном, я теряю контроль над ситуацией, а ты мне вот так вот «помогаешь»?! Если не можешь нормально помочь, то я сам как-нибудь справлюсь. Найду его с помощью сновидений.
- Как знаешь, - изрёк Союзник и замолчал.

Я лёг на спину, погрузив голову в свою любимую перьевую подушку, накрылся одеялом и закрыл глаза.

Невидимые нити

Рома

Заснуть мне не удавалось, хотя чувствовал я себя достаточно усталыми: все эти разговоры и обсуждения, все препирательства с Алексеем Алексеевичем вытягивали из меня силы. Особенно удручало то, что все мои идеи извращались и выворачивались наизнанку. Он, ведь, может творить, что угодно, а потом винить будут меня, как идейного вдохновителя. Будут говорить, что это всё на самом деле моих рук дело. Когда я согласился сотрудничать с «.», я понятия не имел, что всё будет происходить именно так. Всё это какое-то сумасшествие...

Я открыл глаза и уставился в потолок.

Неожиданно я осознал, что все эти события слишком сильно меня затягивают, я опять начинаю копать в себе, проводить самоанализ и теряю текущий момент. Кирилл как-то говорил, что я слишком сильно привязываюсь к своим мыслям и своим вещам. Я должен быть легче, подвижней.

Я сел в кровати, облокотившись о стену, и закрыл глаза.

Подумаешь, кто и как использует мои идеи. Я не ответственен за мысли других людей. Если не хочешь, чтобы твои слова интерпретировали не так, как тебе угодно, то молчи. Но на это я пока не готов пойти. Надо писать для тех людей, которые поймут. Всегда будут те, которые не поняли, равняться и ориентироваться на них нельзя. В конце концов, те, кто не понял сразу, могут понять потом. Просто до разных людей доходит по-разному, но так-то все люди одинаковы, у них у всех единый источник...

Я открыл глаза от изумления перед этой простой и прекрасной, но в некотором смысле сумасшедшей мыслью. Встал с кровати, подошёл к компьютеру, включил его, сел и начал писать.

Есть одна очень банальная фраза: «все люди равны». Те, кто произносит её, обычно не до конца понимают, насколько эта фраза проста и насколько она верна. Все люди не просто равны, но даже тождественны. Это только кажется, что какой-нибудь Володя отличается от какого-нибудь Алексея. Да, у них могут быть разные мысли, разная внешность, разное положение и повадки. Да, они могут жить далеко друг от друга, в разных условиях и даже не знать о существовании друг друга. Но суть в том, что они все — проекции друг друга.

Я встал, почёсывая голову и нервно заходил по комнате. Я что-то нащупал... Мысль, которая мне пришла в голову, вызывала дискомфорт и прилив нервозности. Я не мог её корректно и полноценно сформулировать, но мне казалось, что я вышел на что-то очень важное и существенное. Не очень понимая причину дискомфорта, я подошёл к ночному столику и сделал несколько глотков из бутылки с газировкой. Это, кажется, немного помогло успокоиться и собраться, я устремился назад к компьютеру и продолжил писать:

Мне сложно до конца объяснить эту идею, так как она не хочет укладываться в моей голове, но у меня есть ощущение, что она верна. В мире существует что-то такое, какие-то невидимые нити, которые связывают всех людей друг с другом. Из-за того, что людей много, нитей от одного к другому так же много. В итоге получается сложный

клубок переплетений и непростых взаимодействий. Мы не видим эти нити и частенько даже не ощущаем их, поэтому нам кажется, что мы все такие разные, независимые. Нам кажется, что есть те, кто прав и те, кто виноват, что есть добро и зло, альтруизм и эгоизм. Но на самом деле в каждом человеке есть маленькая, еле заметная точка, к которой крепится эта нить.

Я посмотрел себе на грудь, пытаясь ощутить эту точку. Мне почему-то показалось, что она должна быть где-то на уровне солнечного сплетения, и что у меня она должна быть обязательно синего цвета.

Нити переплетаются друг с другом и иногда кажется, что их невозможно распутать. А из-за этого создаётся впечатление, что каждый человек существует сам по себе. Ну, как могут быть связаны Саддам Хусейн и Виктор Пелевин? Видимо, никак. Но на самом деле связь есть, просто она скрыта в клубке мировых ниток. Чтобы распутать этот клубок и выбраться из этого лабиринта неопределённости, нужно ощутить точку в себе. Именно эта точка, являясь источником связи между людьми, позволяет ощутить всем телом, всей душой, что такое человек. Найдите её, нащупайте её, и тогда...

Раздался стук в дверь, который меня вырвал назад в реальный мир. Кажется, я совершенно потерял мысль, которая только что маячила передо мной. Там было что-то про Игоря, Кирилла и Диму. Но мысль пропала. Я её больше нигде не видел.

Краем глаза я заметил, что в комнату вошёл мужчина в комбинезоне охранника «.», но взгляд от монитора я боялся отводить, надеясь, что смогу ещё найти потерянную мысль. Охранник положил мне на стол маленькую квадратную бежевую бумажку:

– Это вам, Роман Юрьевич. Просили передать.

Не отводя взгляда от монитора, пытаюсь поймать потерянное, я спросил в ответ:

– Кто просил передать?

Никто не ответил. Я посмотрел в сторону двери, но там уже никого не было, огляделся по сторонам — пусто. Ещё раз посмотрел в монитор и перечитал последние предложения в надежде, что они смогут меня вернуть на верный путь. Но мысль, к сожалению, пропала так же бесследно, как и охранник.

Чертыхнувшись вслух, я раздражённо взял в руки бумажку и посмотрел, что там. На лицевой её стороне было выведено чёрными чернилами от руки косым почерком:

«.» *собирается*

И больше ничего.

От этой надписи меня стало подташнивать. Голова закружилась, а руки задрожали. Я встал со стула, выронил записку и, плохо соображая, покачиваясь, добрался до кровати. Не помня себя, практически сразу, как только закрыл глаза, я отключился.

Проблема с красками

Дима

Я взял новый холст, взял кисточку и поставил большую голубую точку прямо по середине. На этом у меня закончились краски.

Я несколько недель подряд, написал штук десять картин, ведя абсолютно затворнический образ жизни. Последние картины писал тем, что осталось, из-за этого цвета в них получились неестественными и странными. Но это вполне соответствовало их настроению: человек в комнате с мягкими стенами, длинные металлические коридоры, синяя смерть и белая жизнь... Но теперь я не мог ничего писать — все краски закончились.

Я бреду по квартире, убеждаясь в том, что их действительно больше нигде нет, машинально поднимая книги, переворачивая стулья и подушки на диване. Я даже заглянул в холодильник. То, что еда давно закончилась вместе с наличностью, которой я обычно расплачивался за доставку, и я питаюсь последние дни сухими хлебцами, сухарями и остатками подсохшей колбасы, меня совершенно не смущает и не заботит. А вот то, что краски закончились — это проблема. Я не могу удовлетворить свою жажду фиксирования, не могу теперь рассказать свою историю неизвестному наблюдателю, не могу до конца восстановить всю картину и найти Её.

Деньги должны быть на карточке, просто всё это время было не до походов за покупками.

Я достаю кошелёк, и не переодеваясь, иду прямо в тапках, пижаме и халате на улицу, накинув на себя только шарф — зима всё-таки. Ближайший магазин с красками, к сожалению, находится у другой станции метро. Иду до метро. Люди озираются на меня с недоумением, как будто видят сумасшедшего. Нет, я в порядке. Просто у меня другие жизненные приоритеты.

По дороге к метро замечаю однотипные объявления на столбах. Там написано «Помни меня. 23571113» и подпись: «Д.». Это, наверно, какой-то новый вид секс-услуг — весь Питер обклеен похожими объявлениями, только с чуть большей информацией о девушках, которых надо помнить. Обычно это какая-нибудь Жанна скучает или хочет весело провести время. Тут объявления достаточно бестолковые — не имени, никакой информации. Если бы я его оформлял, я бы его составил по-другому, другим шрифтом, отформатировал бы иначе, и, конечно же, добавил бы имя девушки. Например, Дагни или что-нибудь ещё романтическое и загадочное.

Неожиданно в толпе, движущейся ко входу в метро, замечаю знакомый силуэт. Кажется, я знаю эту девушку. Не уж то Она?! Не уж то та самая?! Девушка из моих снов...

Потеряв всякий контроль над собой, бегу за ней, расталкивая ни в чём неповинных людей, даже не думая извиняться. Тянусь к ней, хватаю за левое плечо.

– Девушка! - кричу ей вслед.

Первый раз за длительное время слышу свой голос. Он охрипший и севший. Кажется, моё затворничество с жёстким режимом на пользу не пошло. Впрочем, какая разница?!

Девушка поворачивается ко мне с нескрываемым испугом и удивлением.

– Вы что себе позволяете?! - возмущается она.

Не она.

– Простите, - сипло, потухшим голосом выговариваю я.

Не обращая внимание на крики и кудахтанье девушки, иду ко входу в метро.

У турникета использую свою карточку и захожу на эскалатор. Еду вниз, глядя на унылые лица людей вокруг, которые преобразуются в удивлённые при моём виде. И чего они тут увидели необычного?!

Неожиданно замечаю знакомое лицо девушки, поднимающейся на встречу на параллельном эскалаторе. Она!

Встрепенулся и теперь высматриваю её внимательней, держась за поручень двумя руками.

Она подъезжает поближе, и становится понятно, что это не Она.

Уже внизу, сажусь в вагон и смотрю по сторонам. Слева раздаётся звонкий, до боли знакомый смех. Её смех!

Гляжу в её сторону, но не вижу. Прохожу по вагону, заглядывая в лица людей, иду на звук. Но нигде нет.

Наверно, слышалось.

Встаю напротив дверей.

Какой-то кретин наклеил дурацкие бумажки на стекло дверей. Тоже совершенно не информативно. Ерунда какая-то! «Будь со мной. 23571113. Д.». Бред какой!

Срываю бумажку с двери как раз в тот момент, когда поезд подходит к нужной мне станции.

Выхожу и иду к эскалатору.

На полу нарисованные объявления. Эти всё испоганят, дай только им волю! Что на этот раз?

«Помни меня, поймай меня, пойми меня». Тот же телефон, тот же инициал в конце.

Какая-то назойливая реклама.

Поднимаюсь по эскалатору. На каждом фонаре наклеена какая-нибудь дурацкая бежевая бумажка с подобной рекламой: «Дыши», «Будь здесь и сейчас», «Я рядом», «Найди меня» и даже «Проснись». Срываю их одну за другой, чтобы не портили общественное пространство. Складываю в карман халата.

До магазина красок рукой подать — от метро минут пять ходьбы.

Выхожу из метро и машинально беру рекламную листовку, которую мне настойчиво суёт незнакомый парень. Листовку кладу в карман с бумажками и бреду до магазина, лавируя в толпе людей, одетых по-зимнему. Хоть на улице и холодно, и снег уже лежит, но я на холод внимание не обращаю.

Захожу в магазин.

– Здравствуйте!

Киваю в ответ.

– Мне вон те краски, - показываю пальцем на акварель «Белые ночи». - Сколько есть?

Продавец в растерянности смотрит на меня и не сразу понимает, о чём я говорю. Затем заглядывает за прилавок, копается там какое-то время и, возвращаясь назад, отвечает:

– Двадцать две, если не считать ту, что на витрине.

- Дайте тогда все, двадцать три штуки, пожалуйста.

Продавец удивляется, но кивает и достаёт из под прилавка коробки. Одна, вторая, третья... Отсчитывает двадцать две, добавляет ту, что на витрине. Пробивает.

- С вас шестьдесят семь тысяч девятьсот сорок два рубля, - показывает он мне калькулятор.

Я достаю кошелёк, карточку и протягиваю ему.

Пока он возится с карточкой и пробивает товар, я машинально достаю рекламную листовку, которую мне дали у метро. Смотрю на неё.

Это, оказывается, не просто листовка. Это бежевый кусочек бумаги с надписью от руки в центре.

Читаю надпись и мне становится не по себе. Меня качает, я хватаюсь за стойку, но уже не могу удержаться, падаю, цепляясь на пути к полу за шкаф с кисточками и холстами, из-за чего всё летит вниз, вместе со мной.

Я на полу, укрытый повалившимися на меня товарами, я улываю в темноту.

Лабиринт

Дима, Рома, Игорь

Кажется, я спал. Впрочем я не был уверен, в том, что это сон... Впервые в жизни я был в таком состоянии, в котором прекрасно понимал, что происходит вокруг меня, осознавал себя, даже лучше, чем когда бы то ни было, но не мог понять, сон это или не сон. Даже скорее я сказал бы, что не сплю... но был крайне в этом не уверен.

Очнулся я в комнате с ровными серыми стенами, бетонным серым полом и ровным серым потолком, с одинокой тускло горящей лампочкой, ввёрнутой прямо в цоколь, висающий под потолком. В комнате не было ни окон, ни дверей. Помимо меня по углам лежало ещё три человека, лица которых из-за слабого освещения я разглядеть не мог. Одежда на них была такая же, как и на мне — серый монотонный комбинезон и чёрные кеды с белыми полосками. Никогда в жизни так не одевался — кто-то меня явно переделал, пока я спал.

Практически одновременно люди в комнате начинают приходить в себя и, потирая головы и глаза поднимаются.

- Ромка, ты? Игорь? Серёга? - удивляюсь я.

Это же мои друзья! Некоторых из них я не видел уже несколько месяцев. Все немного помятые, но целые и невредимые.

- Где я? - выговаривает Игорь, поглядывая по сторонам.
- Где мы? - поправляет его Ромка, и осмотрев комнату, добавляет: - и что интересней, как мы сюда попали?
- Ёкарный бабай! Как же башка трещит, - только и выдаёт Серёга.
- Что это? Ловушка какая-то? - продолжает вслух Рома, оглядываясь и анализируя ситуацию.
- Наверно, проделки Кирилла, - хмуро произносит Игорь.
- Возможно, только какого? - спрашивает Ромка, глянув на Игоря.

– Кирилла? - удивляюсь я.

Имя знакомое. Конечно, это может быть простое совпадение или игра моего воображения, но память подсказывает, что у меня уже был как-то контакт с каким-то Кириллом. Кажется, то был старый друг Дагни... и после него, кажется, у меня было то очень странное сновидение...

Дагни... Сейчас я отчётливо помню, что она существовала, даже припоминаю её образ, но в деталях вспомнить не могу.

– Это тот Кирилл, о котором я думаю? - спрашивает Серёга.

– Да, Серёга, - со злостью отвечает Игорь. - мы все умеем читать твои бестолковые мысли, и это тот самый Кирилл, о котором ты думаешь!

– Вы что, хотите сказать, что мы все были прямо или косвенно связаны с каким-то Кириллом, которого мы все знаем, и теперь он нас заманил в какую-то ловушку, и всё это время никто ничего не говорил по этому поводу? - возмущаюсь я.

– Ну, мы с Игорем наших Кириллов знаем... Это разные люди, - отвечает мимоходом Ромка, разглядывая стены. - Если их можно назвать людьми... Но мне интересно другое: как выбраться из этой ловушки? Мой Кирилл, каким бы шутником и заразой ни был, никогда не давал мне испытаний не по моим силам...

– Зато мой, та ещё сука, вечно мне устраивал какое-нибудь западло, - жалуется Игорь. - А в последнее время он вообще меня пытался несколько раз убить...

– Описание Игоря больше подходит под моего Кирилла, - замечаю я.

– И моего, - поддакивает Сергей.

Ромка стучит кулаком по стене. Никакого гула, никаких звуков. Такое ощущение, будто стена просто поглотила все звуки и удары.

– Странно. Но, может, мы зря вообще о Кириллах вспоминаем, - замечает Ромка. - Важнее вспомнить, как мы здесь оказались, для того, чтобы понять, что делать, а не кто виноват...

Он поворачивается к нам и, глядя вокруг, что-то просчитывает в голове.

– А чего тут думать? И так понятно, чьих рук дело..., - кидает Игорь.

– Вот я, например, - не обращая на него внимание, перебивает Ромка. - Помню, что сидел в своей комнате, в «.», и работал. Кажется, кто-то заходил, что-то оставил на столе, потом вышел... Кажется, была какая-то записка, - Ромка напрягается в задумчивости и стекает по стене, усаживаясь прямо на старый советский паркетный пол.

– У меня тоже была записка, - удивляется Игорь и включается в обсуждение. - Я у себя дома был, мне позвонили и под дверь подбросили записку... Взял её, - он с закрытыми глазами повторяет свои действия, - прошёл в зал, читая записку, и еле добрался до дивана...

Игорь садится на мягкий серый диван. Тут уже эстафету перехватывает Серёга:

– И у меня записка. Только какая-то страшная была, - проговаривает он. - Я тоже был дома... Только хотел бухнуть, вискарь открыл, а в коробке из-под виски записка валяется...

Серёга в задумчивости прислоняется к стене с обоями в голубой цветочек.

После этого уже я вспоминаю свою ситуацию и затягиваю потуже халат и перебрасываю шарф, чтобы хоть как-то спастись от холода...

Мы переглядываемся. Мы уже знаем, что было в записках, и знаем, что содержание у всех одинаковое...

– «.» собирается, так ведь? - спрашиваю я, глядя на остальных.

Ромка с Игорем кивают. Серёга с отваленной челюстью смотрит на нас.

– Ни фиги себе! - только и вырывается из него.

– Стоп! - вскакивая на ноги, кричит Ромка, и делает жест руками, чтобы никто не шевелился. - Поправьте меня, если я не прав, но, когда я пришёл в себя, в комнате были серые стены, бетонный пол и потолок. Сейчас у нас паркет из моей «.», обои из Серёгиной квартиры, диван из комнаты Игоря и вообще значительно похолодало... Тут что-то не так.

Я задумываюсь. Действительно что-то происходит. Комната как будто живёт и реализовывает наши мысли. Только я почему-то этих изменений до этого не заметил и всё воспринял как должное, само собой разумеющееся. Если бы не Ромка, я бы и не обратил на это внимание.

Игорь ухмыляется после чего комната шатается и неожиданно разбухает, превратившись в большую светлую комнату с мягким удобным диваном, с барным шкафчиком, набитым разными экзотическими алкогольными напитками. В комнате тепло и комфортно.

– Раз уж такая пьянка, - проговаривает Игорь, идёт к шкафчику, вытаскивает оттуда бутылку арманьяка «Duregon» 1971 года, 4 бокала и порезанное ломтиками яблоко.

– По-моему, это не лучшая идея, - замечает Ромка, и весь алкоголь исчезает.

– А я бы сейчас бухнул, - сетует Серёга, явно не контролирующий происходящее, в руках которого сразу же появляется стакан с водкой и солёный огурец.

– Чтоб ты подавился, - зло выбрасывает Игорь.

Сергей выпивает, закусывает огурцом и начинает громко откашливаться. Он подавился, начал задыхаться и кашлять. Я бросаюсь к нему на помощь и пытаюсь привести в чувства, обхватив сзади и дёргая на себя. Но это не помогает — ему становится только хуже. Серёга весь раскраснелся и слабеет.

– Хватит! - обрывает Ромка, и Серёга сразу же начинает дышать. - В этой комнате нужно быть серьёзней! Любое движение мысли сразу же становится реальностью...

– Прямо как во сне, - замечает Игорь и хитро смотрит на нас. - А, может, мы во сне?

Ромка смотрит на свои руки, щипает себя за локоть, покусывает фаланги пальцев. Я подпрыгиваю на месте, Серёга смотрит на нас как на ненормальных и лишь ворчит, что мы сошли с ума. А Игорь ничего не делает — он только стоит и наблюдает за нами, и как будто что-то там себе в голове записывает.

– Это не сон, - уверенно заключает Ромка. - По крайней мере, я не сплю.

- Конечно же это не сон, блин! - возмущается Серёга. - Сны не бывают такими вот реальными... Это даже блондинке ясно!

Неожиданно в комнате появляется длинноногая блондинка с большой грудью, в маленьком облегающем красном платьице, в красных туфельках на высоких тонких каблуках, и, виляя бёдрами, направляется к Серёге. Тот несколько смущён и испуган, а она подходит вплотную к нему, нежно целуют в щёку, опускается на колени, расстёгивает Серёгины брюки и спускает их до колен...

- А ты не боишься, что она тебе там что-нибудь откусит, а потом и вовсе тебя съест? - вальяжно бросает со злой ухмылкой Игорь.

Сразу же после его фразы блондинка начинает шипеть, у неё загораются красным глаза, выступают клыки, и она бросается в промежность Серёги. Тот ругаясь и крича, пытается отскочить от неё, упираясь руками в её голову, но она валит его на пол, после чего неожиданно меняет направление, лезет вверх и молниеносно впивается клыками ему в шею.

«Этого всего не существует, это всего лишь игра воображения. На самом деле я на светлой солнечной поляне», - пытаюсь я успокоить себя, плохо контролируя происходящее.

У Ромки в руках появляется самурайский меч, и тот, подскочив к блондинке, ловким движением рассекает её пополам.

Кровь во все стороны.

Это помогает, блондинка валится замертво на Серёгу. Тот в приступе паники, пытается её стряхнуть с себя, но ничего не получается — она прижала его к земле, причём чем сильнее Серёга пытается от неё избавиться, тем сильнее она его прижимает. Ромка на это только хмыкает и, поддев половину блондинки ногой, лёгким движением отбрасывает в сторону, как будто та ничего и не весит.

- Вот блин! - ругается приходящий в себя Серёга. - Вот сука!

Он трогает свою шею правой рукой и видит кровь.

- Просто нужно контролировать своё воображение, - выговаривает ему Игорь, качающийся на качелях, зацепленных на мощной ветке большого дуба.
- Воображение?! - возмущается Серёга. - Хочешь сказать, что это вот нереально? - он показывает кровь на своей ладони.
- Нет, не реально. Оно реально только пока ты в это веришь, болван! - со злостью замечает Игорь, продолжая раскачиваться.

Ситуация с блондинкой только закончилась, а Игорь с Ромкой уже преобразились и выглядят совершенно иначе. Они уже не заляпаны кровью. Ромка — в голубых джинсах и белой обтягивающей майке с изображением красной клетки с синей птицей в ней и надписью ниже: «Свободу сознанию!». Игорь — в чёрном деловом костюме, белоснежной рубашке, с чёрным тонким галстуком. Когда он качается на качелях, пола его пиджака задирается, и под ним виднеется кобура с пистолетом.

Серёга отползает к дереву и прислоняется к стволу. Он закрывает глаза и отдыхает, придерживая шею рукой — кровь никак не останавливается. Очевидно, что если ничего не предпринять, он просто умрёт от потери крови... если, конечно, в этом месте можно умереть...

- Не останавливается. Я так весь вытеку и сдохну..., - мрачно замечает он с закрытыми глазами.
- Серый, расскажи анекдот, - неожиданно просит Ромка, что-то до того взвешивавший в голове.

Тот открывает глаза и хмурясь смотрит на Ромку.

- С чего это вдруг?
- Ну, захотелось так, - поясняет Ромка.
- Хорошо, - Серёга задумывается.

Игорь замирает на своих качелях, внимательно слушая.

Серёга выдаёт:

«Блондинка рассуждает о своей жизни».

И пока он рассказывает прямо перед нами, на полянке, появляются нечёткие образы — как будто включена голограмма по сюжету анекдота.

«Блондинка говорит:

- Люди меня не ценят, люди видят только мои пухленькие губки, мою большую грудь, шикарную фигуру и красивое личико. А у меня глубокий внутренний мир, у меня тонкое устройство души!..

Её перебивает мужской голос:

- Однако же ты не на сцене, и мой член не микрофон. Работай, детка, не отвлекайся!»

Всё это предстало перед нами, скорее, в том виде, в каком себе это представлял Сергей, хотя и какие-то элементы нашей фантазии, наверно, примешались к сцене, но уже мгновение спустя после окончания анекдота голограмма пропадает.

Никто не смеётся. Игорь, замерший на время анекдота, вздыхает, бросив только: «Вот дебил!» - и опять начинает раскачиваться. Я отворачиваюсь и ставлю свой взгляд куда-то вдаль, стараясь отвлечься от всей этой ситуации с блондинками, которых для меня уже многовато. К Серёгиным пошлостям и анекдотикам я уже привык, поэтому отношусь к этому нейтрально. А Ромка расплывается в улыбке.

- Вот видишь, кровь остановилась, стоило тебе только о ней забыть, - изрёк он.

Серёга трогает шею и смущённо соглашается:

- Даже царапины не осталось...
- Тут как во сне. Что пожелаешь, то и получишь, - пытается объяснить Ромка. - Поэтому будь осторожней в своих желаниях.
- Ты меня удивляешь, - фыркает Игорь. - Как можно ограничить в желаниях существо с интеллектом хомячка.

Сразу же после этой фразы Сергей превращается в метрового Джунгарского хомяка с громадными зубами и щеками, набитыми каким-то добром.

- Вот видишь, - хмыкает Игорь, показывая рукой. - Стоит только сказать о чём-то, он это сразу же реализует.

- Можно подумать вы такие крутые, что ни о чём не думаете, - угрюмо замечаю я через плечо и думаю о том, что на таком пекле не помешало бы фисташковое мороженое, которое сразу же к моему удовольствию появляется в моих руках.
- Мы хотя бы работаем над собой, - замечает Игорь. - Мы к чему-то стремимся, мы развиваемся...
- Жарко, - бурчит Серёга сквозь щёки с орехами, и неожиданно начинает печь ещё сильнее.
- Ну, ты посмотри на него! - восклицает Игорь, всплёскивая руками и вставая с качели. - Ну, что за дятел!

Серёга ожидаемо превращается в гигантского дятла с красным хохолком, но печь от этого не перестаёт.

- Слышишь, ты, - подходит Игорь к Серёге и, глядя ему в глаза, со злостью внушает, - завязывай с этим, гоблин ушастый! Не уж то так сложно контролировать свою одну извилину?!

К Серёге так же подходит Рома.

- Серёжа, погода хорошая сегодня, да? - пытается он его отвлечь.

Тот кивает.

- Мозг включай, полудурок, - сыплет оскорбления Игорь в левое ухо Сергея.
- А ты какую погоду любишь? - продолжает добрым тоном Рома в правое ухо.
- Люблю, когда тепло, но не жарко. Люблю на солнышке погреться, - смущённо отвечает Сергей, косясь в испуге на Игоря.
- Здорово! Как удачно, что сегодня именно такой день, да? - спрашивает Ромка.
- Включай кондиционер, маразматик! - с напором говорит Игорь.

Серёга совсем растерялся, он уже потерял своё обличье дятла и стал обычным бесформенным и безвольным человеком. То ли от давления Игоря, то ли от настояний Ромы, то ли от совместного воздействия, погода пришла в порядок. Однако всё это уже не важно, так как у меня в голове начинается хаос. Все эти речи про гоблинов, полудурков и тому подобное выбили меня из колеи. Мысли начали хаотично бродить, реализуясь в форме ромашек с зубами, деревьев с бензопилами в руках, поросят в небесах и, в добавок ко всему этому, в виде чёрной кромки на горизонте.

- Что это? - наострился Ромка.
- Это наш Димочка шалит, - с укором в голосе говорит Игорь, поворачиваясь ко мне.
- Солнце было такое... Погода. А тут вы ещё со своей тирадой, - оправдываюсь я. - В общем, кажется, я представил себе орду орков... Как во «Властелине колец»...
- Зачем? - спрашивает Ромка.
- Думаешь, я специально?! Так получилось... - неопределённо отвечаю я.
- О боже, нас всех убьют! - снова не контролируя себя начинает истерить Серёга.
- Заткнись, - властно говорит Игорь, и Серёга оказывается связанным по рукам и ногам с кляпом во рту и завязанными чёрной тканью глазами. - Работай давай, и даже не пытайся подумать о чём-либо!

- Дима, их же не существует, ты знаешь? - подходя ко мне, спрашивает Ромка.
- Наверно, - не уверенно отвечаю я. - Вроде бы знаю, но как-то неглубоко.

А толпа в это время всё приближается и приближается. Уже доспехи орков различимы, уже их выкрики и гогот слышны. Они кричат о том, что я не сдал документацию по проекту, и должен за это заплатить. Ещё пара минут, и они будут здесь и растерзают нас...

- Дима, это важно! Их не существует! - внушает Ромка.

Я в ответ только смущённо улыбаюсь.

Я действительно не уверен. Выглядят они вполне реально, звуки издают совершенно реальные, так что обмануть себя и не поверить в них очень сложно. Нужно уметь очень сильно отстраняться абсолютно от всего для того, чтобы взять вот так, и просто не поверить. Я так не умею. Тем более, когда они всё ближе и ближе. И вот уже видны их уродливые рожи с клыками и сгнившими зубами, уже даже чувствуется запах гнили и грязи, а эти кричат на ломаном русском языке, что вытащат мои кишки и наматывают их на дерево, после чего все вместе с саблями на голо бросаются в нашу сторону.

- Бесполезно, - зло бросает Игорь, поворачивается к толпе, поднимает руки в сторону неба и театрально заявляет:
- Ахалай-махалай, пылесос подключай.

Раздаётся щелчок, и одного за другим орков засасывает куда-то вверх какой-то невидимый пылесос. Те пытаются сопротивляться, хватаются за деревья, кричат: «нет, только не это» и «что, опять?». Однако сносит их всех подчистую. Через минуту от орков не остаётся и следа. Игорь сидит на пеньке и с важным видом курит сигару.

- Один вред от вас!

Серёга отрывается от компьютера и смотрит в нашу сторону.

- Чего у вас? Опять проблема с сегментами?
- Это всё замечательно, - проходит Ромка до мягкого кресла с мелкими поролоновыми шариками внутри, плюхается в него и продолжает, - однако не даёт нам никакого представления о том, как отсюда выбраться.
- Надо просто проснуться, - с видом знатока заявляет Игорь.
- Это не сон, что ты! - возражает Ромка.
- Это не сон! Вы чего?! - с удивлением выбрасывает Серёга. - Людмила Николаевна, скажите им!
- Солнце моё, - изрекает возникшая в нашей комнате полная женщина с надменным взглядом, - если бы это был сон, то это означало бы, что я не существую. Но не хочешь же ты сказать, что меня нет?!
- Нет, что вы! Вы есть. Только не ставьте мне 3-ку в полугодии по русскому, а то меня родители убьют, - продолжает Серёга.
- Кое-кому надо точно проснуться, - покачивая головой замечает Ромка.

Мы уже на автобусной остановке. Только Игорь всё ещё сидит на пеньке, а Ромка — в своём мягком кресле. По-видимому мысли Сергея продолжают хаотично бродить сами по себе, а мы вынуждены следовать за ними. Положение заложников не контролирующего себя человека раздражает.

- Он меня начинает бесить, - злится Игорь.

Остановка неожиданно трансформируется и оказывается по середине разделительной полосы какого-то оживлённого шоссе. Сергей продолжает оправдываться перед своей училкой за то, что не сделал уроки, а та наседает на него со всё большей силой. Машины шумно проезжают мимо нас, громко библикая.

- Надо его вытащить, - говорит Ромка.
- Зачем? - замечает Игорь. - Сейчас — училка, несколько минут назад — хомяк с дятлом, до них — блондинка... Он вообще не осознаёт, что происходит. Он опасен и неконтролируем. Надо от него избавиться, а то он нас погубит.
- Что значит «избавиться»? - возмущается Ромка. - Ты хочешь его убить?
- Брось дуришь! - с напором начинает объяснять Игорь. - Ты же сам говоришь, что это всё очень похоже на сон. Так оно и есть по всем признакам. Единственное отличие — ваши техники по определению сновидения не проходят. И, если вы все действительно существуете, а не просто спрайты моего сна, то ваша смерть здесь по законам жанра приведёт к тому, что вы просто проснётесь в своих тёплых кроватях. Если же вы всё-таки ненастоящие, то вам ничего и не будет!
- Настоящие! Все настоящие, понимаешь! - почти крича убеждает Ромка. - Даже эта училка настоящая. Это всё проекции, это части чего-то живого. Все мы проекции чего-то или кого-то большего...
- Только не я. Я сам по себе! - Уверенно заявляет Игорь и смотрит на Ромку испытывающим взглядом. - Я сам себе хозяин, я свободен! А ты говоришь как спрайт.

И сразу же после этого Игорь делает выпад в сторону Серёги и выталкивает его под мчащуюся машину. Тот даже сообразить не успевает, что произошло — никто из нас не успевает — а Серёга уже повалился на спину, и мгновение спустя его переезжает грузовик. Кости хрустят под колёсами, грузовик слегка подпрыгивает, и водитель бьёт по тормозом. Уже секунду спустя мы с Ромкой и с водителем стоим у того места, куда только что упал Серёга, но не находим его там.

- Ничего не понимаю, - говорит водитель, потирая голову. - Вроде бы, был кто-то...
- Что за чёрт? - шепчу я.
- Ну, вот. Я же говорил! Спрайт! - надменно изрекает Игорь.

Рома смотрит на него со злобой.

- Не думал, что ты ради своих целей можешь убить человека!
- Да кто его убивал?! - с усмешкой возражает тот в ответ. - Где труп? Никто не умер, кто-то просто проснулся в своей кровати в холодном поту...
- Или не проснулся, - грустно замечаю я.
- Кстати говоря, да, - подмечает Ромка. - Ты уже не помнишь, как говорил мне, что Серёгу нашли мёртвым в кровати..?
- Мёртвым? Ты чего? Перебрал, что ли?! - со смехом в голосе переспрашивает Игорь. - Он цел и невредим! Я его на работе каждый день вижу. Да и когда я тебе об этом мог сказать-то? Мы с тобой последний раз виделись несколько месяцев

назад, когда я тебя у себя на ночь оставил после той передраги...

- Мы виделись совсем недавно на крыше твоего дома... - заявляет Ромка.
- Однако же Ромка прав, Серёга действительно умер, и его действительно нашли мёртвым в кровати... - грустно вспоминаю я.

Игорь опешил и стоит как окаченный ведром холодной воды, ничего не понимая. Однако быстро собирается и приходит в себя.

- Не хочешь же ты сказать, что я его только что убил?! Что за абсурд! Я сделал только благо — убрал проблему, которая нам сильно мешала.

Ветер свистит. Мы теперь уже стоим на какой-то знакомой крыше многоэтажного дома. Темно, только фонари, стоящие зачем-то по углам крыши, разливают слабый жёлтый свет по поверхности. На краю крыши — два стула. На Ромке теперь зимняя куртка и джинсы.

- Ничего не напоминает? - спрашивает он у Игоря.
- Нет, ничего. Я даже этого места не знаю, - категорично отвечает Игорь.
- Тем не менее, обстоятельства смерти Сергея так и остались неизвестными, - вставляю я не в тему свою реплику, перекивая ветер. - Вскрытие ничего так и не показало...
- Да просто бухать надо меньше, - отвлекается на меня Игорь. - Тебя это, кстати, тоже касается!
- В каком смысле? - Не понимаю я.
- Да просто вместо того, чтобы проектом заниматься, ты страдаешь хернёй с какими-то своими Эллами. Я знаю, это всё из-за этой твоей девчонки! Она на тебя плохо влияет и настраивает против меня!

Я вспоминаю о Дагни и значительно грустнее. Нет, кажется, я её никогда не забывал. По крайней мере, я всегда помнил, что она где-то есть. Но в последнее время мне было очень тяжело вспомнить её образ. Кажется, все эти испытания отвлекли меня от неё, и как будто перезарядили. Потому что теперь я стал всё чётче и чётче вспоминать её.

Я подхожу к краю крыши и сажусь на стул.

- Вот об этом я и говорю, - жёстко говорит Игорь. - Поплачь мне тут ещё!

Но я уже его не хочу слышать, уже не обращаю внимание. Я сижу и вспоминаю Дагни и наши с ней отношения. Всё, что в последние дни было как в каком-то тумане, теперь начало возвращаться ко мне. Воспоминания одно за другим набросились на меня, вместе с более чётким образом Дагни. Мне становится ужасно грустно, так как я понимаю, что её больше нет со мной. И депрессия охватывает меня. Зачем мне что-либо делать? Зачем мне возвращаться назад в реальный мир? Чего искать? Чего ждать?

А Игорь продолжает меня подкалывать и пытается задеть. Краем уха я слышу, как в какой-то момент Ромка вмешивается и входит с ним в словесную перепалку, пытаюсь возвать к его совести. Я уже спиной чувствую, что обстановка там накаляется до предела, и скоро эти двое начнут рвать и метать... А кто из них в таком случае победит, совершенно непонятно... Впрочем, это совершенно неважно. Всё это не имеет никакого смысла! Всё это пусто.

И тут где-то внизу, в этой бесконечной черноте под моими ногами, всплывает знакомое

прекрасное личико. Её личико. Точно Её! В этот раз я уверен на сто процентов, что это Дагни. Я вспомнил её, я вспомнил её черты: её глубокие светло-голубые глаза, её волосы до плеч, немножко отдёрнутый носик, складочки в уголке улыбающихся губ...

- Дима, - шепчет она и подмигивает. - Ты всегда мог меня найти, когда нужно было, всегда добирался до меня из любого места. Да ты и сам мне всегда говорил, что найдёшь меня хоть на краю света... Помни меня, поймай меня, пойми меня! Иди ко мне... Будь со мной! Проснись!...

Я улыбаюсь, потому что неожиданное появление её личика открывает передо мной какую-то скрытую до того, но очевидную дверь, на которую она всё это время указывала. Я знаю, как выбраться из этого лабиринта, более того, я даже знаю и чувствую, кто я есть на самом деле... И Ромка с Игорем теперь мне кажутся невесомыми и несерьёзными. И Серёга мне абсолютно понятен и прост. Всё это, происходящее вокруг меня и внутри меня так просто и так элементарно, но при этом так изящно. Какая многоходовка! Какая изящная игра!

И в этот же момент я отчётливо понимаю, что меня ждёт, если не предпринять никаких действий. Теперь я знаю, как нужно поступить, чтобы сохранить себя, и кем мне надо стать. Так я их всех переиграю... Всего один ход!

Я спрыгиваю со стула в объятия Дагни.

Встреча на кухне

Ромка

Проснулся я с жуткой головной болью. Причём такой, что даже не сразу смог понять, что проснулся. Во рту жуткий привкус горечи и кислоты. В носу ядовитый серный запах. Только, когда я оказался на общей кухне и осушил пачку молока, стоя в семейных трусах перед открытым холодильником, я понял, что я наконец проснулся, и что я действительно всё ещё жив.

Кажется, мне снилось что-то важное и увлекательное, что-то про моих старых друзей, но, что именно, вспомнить никак не удавалось. Более того любая мысль о прошедшем мне вызывала новую волну головной боли. Казалось, что-то блокировало мои воспоминания. Я даже то, как добрался до кухни, уже совершенно не помнил.

- Роман Анатольевич, вы очень эротично выглядите в этих тапках в форме кроликов и семейниках, - с явной улыбкой проговорила девушка, сидящая за столом.

Кажется, я никого не заметил, когда вошёл в комнату.

Я повернулся к ней и поморщился:

- Роман Юрьевич, вообще-то, а не Роман Анатольевич, - поправил я. - Я вас знаю?

Девушка была мне незнакома. У неё были чёрные прямые длинные волосы и чёрные глаза, изящный небольшой нос и тонкие губы, покрашенные яркой красной помадой. Она сидела, заложив ногу на ногу и пила чёрный кофе из грязной кружки. На столе рядом с ней стояла кофейная банка с изображением белых черепа и костей на чёрном фоне.

- Конечно знаете, - с хитрой улыбкой нежно проговорила она. - Стелла. Меня зовут Стелла.

Внешность девушки и имя неожиданно вызвали в голове всплеск воспоминаний. Я испугался и отпрянул к холодильнику.

- Что вы, Роман Анатольевич! Не пугайтесь, - не шелохнувшись шёлковым голосом проговорила она. - Ничего личного. Мне просто нужно было вас проверить. Но в этот раз я не буду вас душить и давать вам подзатыльники. Вы уже многому научились с тех пор... И даже, как я понимаю, недавно вернулись из лабиринта... Значит Кирилл считает, что ваше обучение подходит к концу, и скоро вас можно будет собрать и выпустить... ещё пара занятий...

Я не понимал, о чём она. Точнее, как это уже со мной ни раз бывало, я понимал отдельные фразы и слова, но общую канву из них выстроить не мог. Я отпрянул от холодильника и закрыл дверцу.

- Откуда вы всё это знаете? - поразился я. - Я думал, что в «.» нет разумных людей...
- «.» - это создание Кирилла. В ней есть только то, что он захочет. Меня он больше не хочет, и я действительно не отсюда. Я как кошка — брожу сама по себе, - проговорила она это всё так, что появилось ощущение, будто она действительно кошка.
- Тогда зачем вы здесь? - настороженно спросил я.

Я не мог ей доверять и глубоко в своей душе банально боялся.

- Я хочу дать вам небольшое предостережение, - спокойно сказала Стелла. - Такое, которого вы никогда не услышите от Кирилла.

Тут она театрально чуть-чуть наклонилась ко мне, немного оголив вырез в блузке и проговорила исподлобья:

- Вы думаете, что идёте по одной дороге, но их на самом деле бесконечное количество. Пока есть время, вам надо определить и выбрать ту, которая вам ближе всего. Та, дорога, которую вам навязывают другие — не обязательно лучшая для вас. Может выйти так, что ища свободу, вы заберётесь в красную клетку и за вами захлопнут дверь. А возможно, она уже захлопывается. Успейте из неё выскочить!

На кухне повисла пауза — я переваривал всё сказанное, не спуская взгляда со Стеллы и боясь моргнуть, а она в это время сделала глоток из чашки и добавила:

- Да, и ещё. Сорок первый просил передать, что выбор за вами, но истинную свободу на лестничной клетке обрести невозможно.
- Какой ещё..? - начал было я, но неожиданно на кухню зашёл Миша, чем перебил мой вопрос.
- О! Ромка! Привет! Чем занят? - дружелюбно поприветствовал он.

Я взглянул на Мишу, и тотчас у меня жутко закружилась голова. Причём так, что я чуть не упал. Только за край стола успел ухватиться.

- Ты в порядке? - спросил бросившийся ко мне Миша.
- В норме, - пробурчал я и взглянул на Стеллу.

Но взгляд мой упал лишь на место, где она была пару мгновений назад — сейчас там уже никого не было. Только банка кофе и чашка с краями в красной губной помаде свидетельствовали о том, что кто-то здесь всё-таки был.

- А где..? - спросил было я, но быстро сообразил, что Миша мне тут не помощник, и осёкся.

- Что?
- Не важно, - махнул я рукой.

Я улыбнулся с ноткой сожаления и продолжил разговор:

- Как жизнь, чем занят?
- Всё круто!.. Только мне нельзя говорить о том, чем я занят.
- С чего бы это? - удивился я.
- Указание сверху.
- Что, решили переворот устроить? - пошутил я и осёкся. Шутить в «.» не стоило, вспоминая, чем обратилась последняя шутка с Алексеем Алексеевичем.
- Не то чтобы... - Миша неопределённо повёл плечами.
- Точечный отстрел? - с некоторым страхом в голосе неуверенно проговорил я.

Миша не ответил.

- Вы серьёзно?! - ужаснулся я.

Миша молчал.

- Да вы сума сошли! Вы же себе таким образом смертный приговор подписали!
- Это не обсуждается, - обрезал маленький Алексей Алексеевич в голове Миши.
- И кто же?

Миша заколебался.

- Кто? - с энергией спросил я.

Миша отвёл взгляд в сторону и только буркнул:

- Новости смотри, - после чего быстро ретировался с кухни.

Позабыв о головной боли, я скакнул в свою комнату. То есть я хотел туда пройти быстрым шагом, но неожиданно просто в ней оказался, минуя все коридоры и стены. Ощущение было странное и непривычное. Как я это сделал, понять пока не получилось, но явно с момента моего возвращения из лабиринта со мной что-то стало происходить. Только теперь я отметил, что мир вокруг меня воспринимается несколько иначе — такое ощущение, будто воздух наполнился какой-то информацией. Я как будто вдыхал чужие разрозненные слова и образы, но пока различить их не мог. Я это скинул на своё состояние здоровья после странного сна и даже объяснил себе своё мгновенное перемещение в комнату — я прошёл в неё, как обычно, просто настолько увлёкся своими мыслями, что даже и не заметил, как это сделал.

Я сел за компьютер и включил его.

А мысли вернулись к Мише. Удивительно, как человек смог за столь короткий срок так радикально измениться! Впрочем, это не он изменился, а его изменили... С другой стороны, возможно ли сделать что бы то ни было с человеком насильно, если он сам этого не желает? Конечно, скрутить, побить, физически воздействовать на человека можно, но заставить его измениться невозможно. Можно лишь задать ему нужное направление и ждать, когда тот начнёт шагать...

Linux Kali загрузился, а новости долго искать не пришлось. Уже на первых страницах

поисковиков была новость о том, что вчера дома была найдена мёртвой судья Боровкина. На её груди была найдена записка: «За вершение бесчинств, за отправление в тюрьмы невинных людей, за вынесение заведомо ложных приговор и игнорирование всех доказательств, за взятки и враньё, за унижение людей — за всё это и многое другое общество вынесло тебе приговор». Убита она, по-видимому, была металлическим прутом, найденным на месте преступления. Начато расследование.

Интернет бушевал и праздновал, потому что многим эта женщина набила оскомину. Скандалы с её участием до того случались достаточно часто. Приговоры она выносила скандальные и заведомо неправильные. Например, сажала невинных людей, не прикладывая видео-ролики с доказательством их невинности к делу, заявляя, что таким образом обвиняемый пытается уйти от ответственности. Всем вокруг было очевидно, что приговоры она выносит абсолютно некорректные, по заказу властей, но никто с ней ничего поделать не мог. Поэтому в основном новость о её убийстве вызвала положительные комментарии из разряда: «так ей и надо, есть всё-таки бог на свете», «довела таки кого-то до белого коленья, сука», «вот оно настоящее народное правосудие», «так будет с каждым, кто совершает поступки в угоду рыбинскому режиму» и так далее.

Однако, на этом сегодняшние новости не заканчивались. Где-то просочилась информация, что вчера вечером был зарезан вице-президент компании Лукойл, Анатолий Баринов. Никакой официальной информации на эту тему пока не было, но уже ходили слухи о том, что его труп нашли в туалете ресторана «Круаж», а на теле была найдена записка, похожая на записку Боровкиной. Этот товарищ в свою очередь прославился на весь Интернет за езду по встречной полосе с мигалкой, что привело к смерти двух девушек. Его Mercedes S500 выскочил на встречную полосу и практически протаранила маленький Citroën C3... Самым мерзким во всём этом было то, что следствие отмазало Баринова и его водителя, а вину за ДТП повесило на погибших девушек, ехавших мирно по своей полосе.

Комментарии по поводу убийства Баринова так же были в основном положительные, хотя такого единодушия, как с Боровкиной и не было. Некоторые отзывались о том, что убийство — это не выход, что есть другие формы воздействия на людей. Другие им возражали, что в нашем обществе нет никакого другого метода воздействия на зарвавшихся чиновников и госслужащих. Ещё одни заявляли о том, что всё это правильно, надо чиновникам показать, что они всего лишь смертные люди, и они тоже могут неожиданно умереть, если будут совершать противоправные поступки. Кто-то даже сделал демотиватор с фотографией улыбающегося Баринова и прифотошопленным у него в животе ножом. Подпись внизу гласила: «Убей чиновника, спаси Россию!»

И никто из комментировавших даже не обратил внимание, что фамилии убитых начинались на одну букву... Я-то сразу смекнул, что кое-кто составил список и пошёл по нему. Возможно, эфэсбэшники тоже уже обратили на это внимание...

«Ну, понеслась» - вздохнул я про себя и взялся за голову. Сегодня же будет заявление Рыбина о том, что он этого так не оставит и поручит дело специалистам. И начнутся разборки, и начнутся поиски, и начнётся охота. Это тебе не лодка какая-нибудь затонувшая или школа взорванная с детьми — это значительно серьёзней: преднамеренное политическое убийство своих! Здесь камня на камне не оставят для того, чтобы найти и наказать истинных виновных.

Прочитав новости, я ощутил, что меня начинает засасывать в какой-то круговорот событий, на который я не способен повлиять. Я знал, что я был инициатором этого круговорота, хотя и не по своей воли, а по своей глупости. Впрочем, опять же, эта же

самая идея с «Точечным отстрелом» сама бы рано или поздно нашла Алексея Алексеича — я всего лишь случайно показал направление. Проблема была в том, что я уже никак не мог изменить происходящего и понимал, что мне не скрыться от номенклатурной машины, которая теперь от меня просто должна будет физически избавиться. Поэтому я решил, что нужно выбираться из этой ситуации, однако смена географического положения не поможет — эти доберутся в любой точке мира и достанут ото всюду, либо отравив полонием, либо убив ледорубом или ещё чем-нибудь. От них не скрыться. Если я останусь на этой линии, то выжить у меня нет ни малейшего шанса — нужно менять мир, нужно менять линию, на которой я базируюсь. Однажды я это уже сделал, так что и теперь надо попытаться повторить. Только в этот раз нужно всё сделать основательно, продуманно и окончательно, а не временно, как это происходило у меня до того с простыми сборами других линий.

Я сел на край кровати в задумчивости.

В каком мире я хочу очутиться? Кем я хочу там быть? Хочу быть богатым, знаменитым, сильным и умным. Хочу обладать сверхъестественными способностями, такими, чтобы никто не мог мне навредить...

Конечно, я не знал, как мне собрать такую линию. Более того, я не знал, кто мог бы помочь мне в этом сборе. Если попросить о помощи Кирилла, то тот, конечно же, ответит мне на такую просьбу фразой из разряда: «ты уже взрослый мальчик. Коли вляпался сам, так и выбирайся сам». А кроме Кирилла у меня не было друзей, способных помочь в таком тонком и экзотическом вопросе. Была эта подозрительная Стелла, но я ничего о ней не знал. Я даже не знал, где она. Был мистический 41й, о котором я узнал от всё той же Стеллы, но о нём я знал ещё меньше. Был Игорь, который мне никогда бы в жизни теперь не помог... Был Дима, которого, кажется, Игорь убил. По крайней мере у меня было такое явное ощущение после сновидения. Он что-то с ним сделал. Кажется, Игорь столкнул его с крыши. Теперь я вспомнил это, и теперь я был уверен в том, что Димы больше с нами нет... Как и Сергея, с которым Игорь так же цинично расправился.

В любом случае всё сводилось к тому, что я должен всё сделать своими руками.

Не зная до конца, что творю, я лёг на кровать и начал концентрироваться. Не прошло и пары секунд, как я почувствовал движение воздуха по своему лицу, как будто в комнате кто-то был. Я открыл глаза и посмотрел по сторонам. Пусто. Наверно, показалось. Или кто-то меня хочет остановить от перехода...

Я закрыл глаза и решительно отключил внутренний диалог, абстрагировавшись от всего вокруг. Ощутил воздух в лёгких, почувствовал остатки вкусовых ощущений от молока на своём языке, поглотившем былую горечь, прислушался к тишине в коридоре и погрузился в темноту, представляя себе безграничную силу и огромную энергию в теле...

Я даже не почувствовал, как собрал другую линию...

Муха

Игорь

Я плыл по уже привычному чёрному миру и пожирал всё на своём пути. Мне нужно было набраться энергии, чтобы проникнуть в сновидение Ромы. Повторения фиаско с Димой мне не хотелось, поэтому я решил запастись как можно большим количеством энергии.

— Смотри, не лопни, - сказал возникший рядом со мной Союзник.

- Не лопну, - не останавливаясь продолжал жрать я.

Процесс насыщения теперь не вызывал во мне ни капли отвращения, все чувства и эмоции я просто задвигал на задний план, я теперь просто действовал.

- Ты знаешь, тебе стоило бы освободиться от всего этого и наоборот себя распылить и распределить. А ты вместо этого пытаешься всё подмять под себя. Зачем тебе так сильно собираться?
- Может, мне как раз это и нужно для того, чтобы получить критическую массу и взорваться сверхновой? - съязвил в ответ я.
- Это вариант, конечно, - согласился Союзник. - Только это опасно. Ты можешь в таком случае стать излишне уязвимым, а в этом мире, как ты знаешь, есть существа, которые обязательно этим воспользуются.
- Мне нужно добраться до Румы. Это жизненно необходимо, причём я чувствую, что не только для моей компании, но и для меня лично.
- Не хотелось бы тебя расстраивать, но добравшись до Румы, ты как раз и будешь рисковать своей жизнью больше всего.

Я огляделся по сторонам. Больших пузырьков энергии больше не было. Мелочь давала слишком мало.

- Как думаешь, столько хватит? - спросил я Союзника.
- Столько точно хватит для того, чтобы добраться до Румы, но это тебе не поможет. Надо действовать по-другому.
- Бла-бла-бла, - перебил я его. - Ты только постоянно критикуешь, но ничего не предлагаешь. А я действую, как могу для того, чтобы выжить в сложившихся условиях.
- Действуй, конечно, как можешь, но не забывай, что я твой Союзник, - заключил он.

Я посмотрел на него и хмыкнул.

Теперь надо было представить Рому. Из одного из своих старых сновидений я помнил, что он обитает в каком-то здании со старым советским полом. Должно быть это здание старого НИИ или какого-нибудь госучреждения. Что он может там делать? Слоняться без дела, писать свои idiotские статьи, есть да спать. Ну, и, конечно же, замышлять какую-нибудь гадость. После того, что он сделал с Димой, от него можно ожидать чего угодно.

Я напрягся и задрожал, висая в воздухе. Достаточно быстро я оказался в комнате с крашеными светло-зелёными стенами, совковым линолеумом, решётками на окнах, кроватью и рабочим столом с компьютером. Я всё ещё висел в воздухе в форме пузыря и теперь глядел по сторонам. На кровати лежал Рома. Руки по швам, глаза закрыты. Кажется, спит. Я подлетел к нему поближе и дунул в лицо, из-за чего тот резко открыл глаза, испугав меня. Я улетел в угол комнаты. Рома смотрел по сторонам, но явно не видел меня. Затем он опять закрыл глаза и продолжил спать. А я выпорхнул из комнаты через замочную скважину и стал искать выход. Мне нужно понять, что это за здание, и где оно находится — тогда я смогу до него добраться.

И вот я уже в коридоре и лечу к двери. Там бродят незнакомые мне люди. Они все такие большие — наверно, из-за того, что я такой маленький.

- Ты не аккуратен. Ты слишком сильно и быстро теряешь энергию, - выдал Союзник

в моей голове.

- Зато я эффективен! - возразил я.
- Нет, ты как раз крайне неэффективен. Ты в таком темпе даже до лестничной площадки добраться не сможешь, - категорично заявил он.
- А вот и посмотрим!

Я бросился со всех сил, которые только были во мне, по коридору. Лестничная площадка была в нескольких метрах от меня. Вот она, совсем рядом!

Но к своему удивлению я начал терять высоту и, спотыкаясь, полетел на пол. Я сильно ударился, но собрался и встал на задние лапы, потирая передние.

- Я вообще не понимаю, почему ты не мог вылететь через окно, - проговорил Союзник.
- Вот ты сволочь! - ответил я. - Не мог раньше об этом сказать?!
- Я пытался сказать, да только ты меня слушать не хочешь.

Я даже и не заметил, как сзади подкрался человек и надо мной нависла громадная тень. Пара мгновений и меня придавило ботинком. Кажется, на меня кто-то наступил.

А меня выкинуло назад, в чёрный мир.

- Я был близок! - ругаюсь я. - Мне оставалось совсем ничего! Я его видел, я был там! Но ты мне никак не помог!

Союзник не вмешивался, давая мне закончить тираду, которая окрашивала меня в красные и чёрные тона.

- На кой чёрт ты мне нужен, если я на тебя положиться не могу?! - продолжал я. - Либо уже помогай, либо иди к чёрту!
- Я бы, конечно, с удовольствием выбрал второе, - ответил Союзник. - Да только такого выбора передо мной нет.
- Тогда сделай уже что-нибудь! - взревел я.

Союзник, казалось кивнул (если такое можно сказать по поводу мыльного пузыря висящего в воздухе) и, наконец, проговорил:

- Единственный выход для тебя здесь — это понять, что тебя связывает с Ромой, ощутить нить между вами. Только найдя её, ты сможешь за неё потянуть и добраться до него. Всё остальное бессмысленно.

Я громко и недовольно вздохнул:

- И как же мне её нащупать?!
- Выйди в большой круг. Я тебе в этот раз помогу, хотя боюсь, что хорошо это всё не закончится.
- Давай! - сразу же согласился я, не раздумывая. - Веди меня!
- Как скажешь, - согласился он.

После этого Союзник неожиданно раздулся в размерах, как будто поглотил энергию

просто из воздуха, и стал в разы больше меня. Мне стало немного не по себе: а, вдруг он что-нибудь выкинет и сожрёт меня?! Но долго бояться мне не пришлось — союзник раскрыл свой пузыриный рот и молниеносно всосал меня. Я даже не успел пикнуть, как он проглотил меня. Стало очень темно и холодно. Почему-то запахло молоком...

Улей

Игорь

Иван подошёл к холодильнику и дёрнул за ручку. Тот легко поддался и разлил свет по комнате. Он вдохнул полной грудью, решая, что достать, но затем еле заметно вздрогнул, после чего уставился в пространство перед собой и погрузился куда-то глубоко в себя.

Один.

Он медленно выдохнул, развернулся, оставив открытой дверь холодильника и уверенным шагом направился в спальню. Открыл дверь и вошёл.

– Это ты, Зая? - спросила Аня, потягиваясь в постели и продирая глаза. - Сколько времени?

Она потянулась к мобильнику, а Иван уверенной походкой и с лицом, не выражающим никаких эмоций, подошёл к ней и сел на край кровати.

– Ого! Уже десять! А ты меня не будешь! Как не стыдно!

Лена села в кровати и, протерев глаза руками, взглянула на Ивана.

– Ваня, с тобой всё в порядке?

Иван, не говоря ни слова, подвинулся к ней поближе и дыхнул ей в лицо.

Аня отпрянула, задрожала и издала еле слышный писк. Лицо её искривилось, но затем достаточно быстро пришло в норму. Глаза её успокоились и теперь смотрели в какую-то далёкую точку перед собой.

Два.

Они оба встали с кровати. Аня подошла к шкафу, быстро скинула ночнушку, надела джинсы, бюстгальтер и майку. Иван в это время тоже оделся. Не сговариваясь и не произнося ни слова, они вышли в прихожую, надели обувь и вышли из своего двухэтажного домика во двор.

Погода сегодня была непривычно превосходной — светило яркое солнце, на небе ни тучки, а воздух необычно спокоен, как будто что-то выжидает.

Они подошли к двери соседей, Иван позвонил.

За дверью вначале было тихо, но они не собирались уходить, так как знали, что соседи дома. Спустя тринадцать секунд за дверью раздались шаги. Дверь отворилась. На пороге в пижаме, лениво потягиваясь, стоял заспанный Саймон.

– Доброе утро, соседи, - улыбчиво отозвался он. - Как дела?

Иван, не говоря ни слова и не растягивая времени, сделал шаг в сторону Саймона и дыхнул ему в лицо. Саймон рефлекторно попытался уклониться, но у него не получилось — всё произошло слишком быстро. Дрожь прошла по его телу, он задержал дыхание и покраснел. Но затем он расслабился и выдохнул. Взгляд его стал совершенно безразличным.

Три.

Саймон повернулся спиной к гостям и пошёл внутрь дома, вверх по лестнице к своей жене, а Иван и Аня развернулись и направились к другими соседям. Сверху раздался сдавленный крик жены Саймона, а потом и их двенадцатилетнего сына Патрика.

Четыре, пять

Аня пошла направо, Иван — налево. Саймон, Эми и Патрик вышли из своего дома и пошли к соседям, только тем, что жили через дорогу. Каждый из них звонил в дверь, дожидался, когда дверь откроют, а затем делал шаг вперёд и дышал в лицо открывшему дверь. Картина повторялась из раза в раз, с незначительными изменениями: кто-то тяжело вздыхал, кто-то издавал еле слышный визг, кто-то корчился от боли, а кто-то вообще практически не менялся в лице, сдаваясь без какого-либо сопротивления. Люди были разные, с разным уровнем осознанности, поэтому и реагировали по-разному.

Шесть, семь, восемь...

Каждый новый человек присоединялся к группе и шёл заниматься следующим соседом. Многие уже даже не переодевались, а направлялись к соседям в чём были: пижамах, халатах, в трусах, в тапочках на ногах или даже босиком. Уже через полчаса вся улица Люна примкнула к улею. Казалось, никто это уже не остановит. И хотя первые шаги казались очень неуверенными и рискованными, теперь в моих руках была целая армия.

Толпа рассредоточилась, часть пошла на улицу Виктории, примыкающую к улице Люна, а другая — на улицу Кинг, на противоположном конце Люны. Когда толпа добралась до поворота на улицу Кинг, они неожиданно столкнулись с почтальоном Оливером. Тот привычно вёз красную тачанку с почтой, собираясь совершить свой привычный утренний обход. Он остановился и удивлённо спросил:

– Что это у нас тут? Собрание жильцов?

Иван улыбнулся, не сбавляя шага, вальяжно приближаясь к почтальону.

– Оливер, мы тут хотели обсудить кое-что по поводу улицы, - проговорил Саймон, приближаясь к нему.

Но Оливер начал пятиться.

– Что-то тут не чисто! Вы чего это всей толпой?!

– Да не бойся, тут ничего такого, - попытался успокоить Саймон, вальяжно двигаясь в его сторону. - Мы думаем устроить карнавал, и хотели с тобой посоветоваться...

– Да, конечно! Карнавал! Так я вам и поверил! Идите на хер!

Оливер бросил тачанку и побежал в сторону от толпы. Толпа в ответ дружно дёрнулась за ним. Оливер закричал, чувствуя, что его нагоняют. Самыми быстрыми были Саймон, Иван и Руслан. Прошло не больше тридцати секунд погони, как первый из них схватил Оливера за плечо и дёрнул на себя. Тот повалился спиной на землю. Трое обошли его со всех сторон. На его глазах выступили слёзы отчаяния.

– Не надо, пожалуйста! Я не хочу умирать, - запричитал Оливер.

Иван, переведя дыхание, с нескрываемой улыбкой сел на корточки и дунул в лицо Оливеру. Тот замер, уставившись куда-то в небо и быстро сдался. Он встал в полный рост. Теперь он был совершенно спокоен.

Тем временем к улице Кинг подтянулась вторая часть толпы — Оливер привлёк к себе

слишком много внимания, надо было как можно быстрее переконвертировать всю улицу. Не смотря на то, что его крики привлекли внимание некоторых людей, толпа действовала быстро и эффективно. Без нескольких визгов не обошлось, но хотя бы удалось предотвратить большую беду и вернуть контроль над ситуацией.

И вот Иван постучал в очередную дверь, и практически сразу перед ним появилась стройная девушка с длинными русыми волосами, голубыми глазами, тонкими губами и немного отдернутым носом. Никто не был с ней знаком. Взгляд у неё был серьёзный и жёсткий. Иван хотел было сделать шаг вперёд, но девушка грозно предупредила:

– Даже и не думай, Игорь! Проглотить ты меня не сможешь — подавишься!

Иван встал как вкопанный от оцепенения. К нему стали подтягиваться Аня, Саймон, Эми, Роберт, Анжелика... - в общем, вся толпа. Некоторые перелезли через забор для того, чтобы перекрыть выходы с другой стороны и не дать странной девушке сбежать.

– Я не понимаю, о чём ты, - мягким баритоном проговорил Иван.

В это время Николас и Дэн разбили стеклянную дверь в задней части дома и вошли внутрь. Николас на всякий случай взял стоящую рядом с ним хрустальную вазу, Дэн уже был вооружён найденной во дворе палкой.

– Для тебя это всё игры, - продолжила девушка, - забавы. А меж тем ты ставишь под угрозу не только себя, но и всех своих друзей. Ты совершенно стал неконтролируемым и неразумным.

Девушка достала откуда-то из-под пояса два пистолета и направила один в сторону толпы за дверью, а другой в сторону заднего входа, прижавшись спиной к лестнице, ведущей на второй этаж. Таким образом Николас и Дэн были по её левую руку, а все остальные — по правую.

– Ты слишком далеко зашёл! - воскликнула она и неожиданно для всех выстрелила в голову Ивану. Тот упал как мешок с картошкой, куда-то за дверь, заляпав стоящих за ним людей кровью.

– Что ты делаешь?! - закричала Аня. - Ты с ума сошла?

И вся толпа кинулась к девушке. Та, впрочем, не осталась на месте, а молниеносно кинулась вверх по лестнице.

В это время снаружи Роберт посадил Саймона на козырёк дома. Тот заглянул в окно. Девушка забежала на второй этаж и повернулась к лестнице лицом, выставив пистолеты в сторону приближающейся толпы.

Появилась Аня, раздался выстрел. Переступая через неё вбежала Эми. Ещё выстрел. Девушка била профессионально и точно, прямо в головы. Одна пуля, один труп. Саймон, стараясь не издавать лишнего шума, открыл окно и начал залезать на второй этаж дома.

– Игорь, угомонись! Всё кончено! - прокричала она. - Пуль у меня хватит для того, чтобы успокоить всех твоих пчёл.

Люди притаились внизу, ожидая оказии.

– Но я же только начал, - раздался снизу звонкий голос Марты. - И вообще, что я тебе такого сделал, что ты хочешь меня убить?!

– И кто ты, чёрт подери? - добавил Патрик.

– Это не твой мир и это не твоя жизнь, - только и ответила она. - Не суйся туда, куда

не надо! Вали назад!

- Ты же знаешь, что я не могу это сделать. Мне нужна энергия! Без неё мне не найти Рому! - прокричала Марта.

Девушка покачала головой, как будто сказанное Игорем задело её за живое.

- Какая к чёрту энергия?! О чём ты?! Это всё пагубное влияние твоего так называемого «Союзника». А правильнее было бы сказать, влияние сорок первого! Ты потеряешь себя из-за него! Остановись!

Как раз в этот момент Саймон уже вплотную подобрался к девушке и, сделав резкое движение, обхватил её сзади, прижав её руки к туловищу. Девушка вскрикнула и попыталась высвободиться, брыкаясь и пустив в ход свои зубы. Но на помощь к Саймону, перешагивая через трупы уже бежали Марта, Николас, Дэн, Патрик, Алина, Анжелика и Флориан. Девушка нажала пару раз на курок, выпустив пули в потолок, никого не задев. Всего несколько секунд и вот она уже окружена и обезоружена.

Марта, вращая пистолеты в своих руках и улыбаясь, спросила:

- Какое-нибудь последнее слово есть?

Девушка лишь самоуверенно ответила:

- Мы ещё посмотрим, чьё слово будет последним, - и вызывающе взглянула на Марту.

Марта покачала головой, подошла поближе к девушке и дыхнула ей в лицо.

Тело девушки начало биться в судорогах, а изо рта раздался пронзительный крик, который оглушил всех вокруг. После этого глаза её загорелись странным голубоватым свечением, но затем она пала навзничь без сознания.

Толпа расплылась и сконфузилась. Люди потирали головы, как будто пытались вернуться ото сна. Они плохо понимали, что происходит, где они и кто они. Первой в себя пришла Марта. Она взглянула на Саймона и, быстро сообразив, что к чему, направила на него пистолет и выстрелила в живот. Саймон схватился за живот и с легко читаемой болью в глазах повалился на пол. Марта сделала контрольный выстрел в голову, но тут же на неё накинута сзади Николас. Он ударил её по голове вазой, Марта упала навзничь. Из её головы потекла кровь. Дэн, не долго думая, ударил Николаса палкой по шее.

- Не уйдёшь, сволочь! - прокричал он. - Кто ты такая? Чего тебе от меня нужно?!

Дэн наносил удары по лежащему Николасу. К нему присоединились Анжелика, Флориан и Патрик. Они били Николаса руками, ногами, чем придётся.

- Ты так ничего и не понял, - проговорила Моника, стоящая поодаль от всех. Она украдкой стащила один пистолет и теперь направила его в сторону людей. - У тебя был шанс, но, слава богу, ты его провалил, освободив дорогу другим.

Она произвела несколько выстрелов, убив таким образом Анжелику и Флориана. Патрик успел увернуться и скрылся в спальном комнате. Но на смену павшим прибежали другие люди. Они теперь лезли из всех щелей — некоторые поднимались по лестнице, получая свои пули, некоторые пытались забраться в окна, так же не оставаясь обделёнными горячим металлом. В какой-то момент Моника метнулась в ванную комнату и закрыла за собой дверь. Толпа подступила поближе к двери.

Вперёд выступил Руслан. Он постучал грозно кулаком по двери.

- Всё кончено! - прокричал Руслан. - Сдавайся! У тебя кончились патроны, я знаю, я считал!

Но в ответ на это из ванной раздался звон разбивающегося стекла. Толпа, расплзшаяся по дому, в приступе злости совершенно не посчитала нужным оставить кого-нибудь на улице. Руслан подбежал к ближайшему окну и выглянул. Выстрел, пуля в голову. Толпа крича и беснуясь бросилась наружу, где их ждала уверенная в себе, злая и исцарапанная Моника с пистолетом в руке. Наверно, она достала новые обоймы в туалете. Точными движениями она стреляла, убивая одного за другим... Затем, когда закончились пули в первой обойме, она ловко перезарядила пистолет и продолжила избавляться от движущейся к ней толпы. Так она, возможно, и перебила бы всех, если бы у неё опять не закончились патроны. Она отбросила пистолет в сторону, и встала в боевую стойку, готовая отражать в рукопашную наступающую толпу, которая теперь значительно поредела и составляла только десять человек.

- Бесплезно, Игорь! - прокричала она. - Ну, убьешь ты Монику, что от этого изменится? Ты всё равно слабак, и не сможешь меня одолеть!
- Это мы ещё посмотрим, - проговорил стоящий рядом Ричард, пожилой человек, лет семидесяти.

Люди обступили Монику со всех сторон, и теперь кольцо вокруг неё сжималось. Она бросилась в сторону Ричарда и ударила его кулаком прямо под нос. Удар оказался настолько сильным, что у того что-то треснуло и пошла кровь. Он обмяк и упал. Но тут же на Монику навалились оставшиеся люди. Кто-то ударил её по затылку, она упала. Алина с силой и злостью вонзила ей каблук в голову. Но сразу же после этого в толпе завязалась драка. Казалось, что-то перепрыгивало от одного человека к другому и заставляло людей драться друг с другом. Продлилось всё не более трёх минут и закончилось тем, что Алина задушила Егора ремнём снятого с чьих-то брюк. Теперь она осталась одна.

Она перевела дыхание, стёрла со лба пот и посмотрела по сторонам. Улица теперь была совершенно безжизненной, на выходе из дома было месиво, асфальт промок и покраснел от крови.

Кто-то на соседних улицах должен был уже услышать звуки выстрелов и крики, и вызвать полицию. Всё может закончиться слишком быстро, медлить нельзя.

Алина встала и уверенным шагом пошла назад в дом. Там она поднялась на второй этаж, подняла с пола пистолет и зашла в спальную комнату. За кроватью прятался Патрик. Алина подняла руку и направила пистолет в его сторону.

- Не делай этого, - раздался справа от неё мужской голос.

Алина посмотрела в сторону голоса и увидела длинного худощавого молодого человека с короткой стрижкой и карими глазами. На его носу сидели очки в тонкой оправе.

- Не надо, Алина. Дай ему шанс.

Голос молодого человека был похож на голос Союзника. Я присмотрелся к нему, пытаюсь узнать. Кого-то он мне напоминал, кого-то давнего, как будто из моей прошлой жизни. Я не мог точно вспомнить, кто это и какую роль он играл, но мне казалось, что он ударник...

- Ты посмотри, что твой ученик натворил! - вскрикнула Алина и направила пистолет на молодого человека. - К чему всё это вот?! Зачем столько смертей? Просто, чтобы накопить какую-то эфемерную энергию?!

- Алина, ты же знаешь, что у каждого свой путь, - философски изрёк он, не меняя позиции и не предпринимая никаких действий.

На улице где-то вдалеке раздались звуки сирен. Это, наверно, ехала полиция.

- Ему давали шанс, давали возможность проявить себя, но он решил, что не пойдёт по пути как все! - воскликнула она. - Ему нужно больше силы, ему нужно больше энергии, всё больше и больше. Разве ты не видишь, что он несёт только разрушение?!
- Но, может, в этом как раз и заключается игра? - спросил молодой человек. - Может быть так надо? Кто ты такая для того, чтобы решать, что можно делать, а что нет?!
- Я... я... - Алина явно опешила, сбитаая неожиданным вопросом.

Она попыталась что-то найти в ответ, но быстро сдалась. Она посмотрела в глаза молодому человеку и грустно улыбнулась:

- Да, я, пожалуй, не имею права решать, тем более после всего, что было. Но и ты тоже не имеешь права. Ты-то точно лишён этого права. Не зря же тебя изгнали...
- Меня никто не изгонял, - уверенно проговорил он. - Я сам так решил, я обрёл свободу.
- И теперь ты решил, что можешь «освободить» Игоря? - Алина изобразила кавычки в воздухе. - Ты же его просто уничтожаешь. А с ним ты уничтожишь и остальных. Ты тянешь одеяло на себя.

Молодой человек добро улыбнулся, не отводя взгляда от Алины и добавил:

- Всё понятно. Ты хочешь спасти Диму! И как же я сразу этого не понял?! Это же так очевидно.

После этого молодой человек рассмеялся и стал хлопать себя правой рукой по коленке:

- О, Боже! Алина! Да ты совсем не меняешься!

Алина покраснела и смущённо покачала головой.

- Только не говори, пожалуйста, Кириллу.
- Ну, если Кирилл ещё не знает, то это его проблема.

Молодой человек успокоился и теперь выпрямился в полный рост и смотрел на Алину по-дружески.

- Это же получается увлекательнейшая игра! - изрёк он. - Не порть, пожалуйста, нам всем удовольствие наблюдать за ней.

Алина нехотя кивнула, сказав только:

- Чёрт с тобой! Чисто по старой дружбе, - и убрала пистолет за пояс.

На улице раздался визг шин. Это таки приехали полицейские, они повыскакивали из своих машин и теперь брали дом в оцепление.

- Только верни этого назад, - кивнула Алина в мою сторону. - Он своей энергии итак уже набрался, а хаос тут устроил знатный.

Молодой человек кивнул и посмотрел в сторону Патрика.

- Пора, - сказал он

И я почувствовал как поднимаюсь куда-то вверх, под потолок, а потом сквозь него, всё выше и выше. В глазах стало темнеть и мир стал терять свои очертания. Последнее, что я заметил — это то, что молодой человек растворился в воздухе, а Алина и Патрик упали в обморок.

Темнота. Тусклый огонёк вдалеке. И я. Кажется, я снова стал обретать себя.

Секрет бессмертия

Рома

– Норман, уйди с линии огня! - орал командир где-то у меня за спиной.

Я оглянулся по сторонам, увидел узкие, пыльные жёлтые улочки, вдохнул полной грудью смесь жары, пыли и пороха, почувствовал металл автомата в своих руках и сжал его покрепче, боясь свалиться в никуда. Всё было настолько реальным, настолько настоящим, что во всё это хотелось поверить. Однако я прекрасно понимал, что это всё не моё. Я знал, что на самом деле моя фамилия не Норман, а Иовлев, я живу в совершенно другом мире, а всё это — чужое и не может быть правдой. Всё это — лишь одна из линий, на которой пребывает одна из многочисленных моих проекций.

Мне стало тепло и спокойно на душе. Я повернулся и увидел раскрасневшуюся рожу командира, прячущего свою игрушечную жизнь в окопе. Это зрелище — вид человека, трясущегося за свою жизнь — мне показалось очень нелепым и забавным. Я улыбнулся, понимая, что всё это не имеет ни малейшего смысла, так как всё это совершенно нереально.

– Он спятил, командир, - проговорил в испуге сержант.

– Уйди на хрен с линии огня! - продолжал тот. - Пристрелят!

И тут что-то странное впилось мне в спину. Мне не было больно — было просто как-то непривычно. Я повернулся в сторону, из которой оно пришло и почувствовал ещё несколько таких же. Удивительно, но это были пули!

Командир замолчал.

– Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное? - спросил изумлённый сержант.

По мне стреляли, пули попадали, но никакого вреда и никакой боли мне не причиняли. Они скорее вызвали недоумение. Да и как они могли бы мне навредить, если я в них просто не верил?! Они сами выскакивали из моего тела и безвольно падали на землю.

Командир покачал головой. Я не видел, как он это сделал — я просто чувствовал, что он это сделал.

Весь мир вокруг меня оказался как на ладони, как открытая книга... такая удивительная и такая непознаваемая. Я чувствовал весь этот мир своим нутром, своей кожей... Я чувствовал все движения вокруг себя. Чувствовал, как рота солдат противника совершает марш-бросок в квартале на север отсюда, собираясь зайти в тыл к нашим. Наверно, стоило предупредить командира, но какое это имело значение?! Я чувствовал, как движется пыль под влиянием ветра, я ощущал, как спускаются лучи солнца на землю, ощущал смутные вибрации по всему телу. Я чувствовал движение мыслей в головах солдат и даже движение ощущений в колючках одиноких кустов, стоящих вдоль дороги. Все они боялись и переживали. Все они были затянuty в эту игру и искренне верили в неё. Всё было настолько удивительно и непривычно, так необычно, так нереально... Я знал, кто я на самом деле, но не знал совершенно, кто я здесь, какую роль должен играть и

во что должен верить. Впрочем, какая разница?!

Я охватил взглядом ополоумевших людей с обеих сторон. Где-то там, впереди, за зданиями прятались забавные люди в военной одежде, бьющиеся непонятно за что, старающиеся перебить людей в другой военной одежде, расположенных за моей спиной. Нашли, чем заниматься — убивать друг друга. И это вместо того, чтобы увидеть красоту и гармонию мира, вместо того, чтобы стать частью его... Всё время пытаются изменить эту гармонию под себя. Как же это мелочно и глупо!

Я отбросил в сторону искорёженный, практически свёрнутый в рогалик, автомат. Он был безжизненный и неинтересный.

А вот попробовал бы кто-нибудь из них сделать так...

Я присел и, сильно оттолкнувшись от земли, взмыл в воздух.

– Ни черта себе! - выругался где-то там внизу командир. Похожие мысли проскочили в головах практически всех, кто видел мой взлёт.

Но их, ведь, научили разговаривать, читать, писать, считать и считать, что левитировать нельзя... А меня этому тут не учили. А даже, если и учили, я этого теперь не помнил.

Я летел стремительно в сторону облаков, позабыв о земле и плюнув на все эти человеческие глупости, оставленные позади.

Наверно, я сейчас похож на супермена. Наверно, супермен — это просто проекция сильного конструктора, осознающего себя на другой линии. Впрочем, если так, то какое ему может быть дело до мира?! Зачем ему спасать людей от всех напастей, если он знает, что этот мир — всего лишь одна из линий? Конечно же, и уничтожать мир он тоже не стал бы. Зачем вообще выбирать что бы то ни было?! Не проще ли и интересней наслаждаться этим состоянием полной свободы?!

Я раскинул руки и вынырнул из туч, двигаясь чуть над ними, сменив направление движения. Я заложил руки за голову и загорал в полёте.

Удивительно, но мысли о супермене не выбили меня из колеи — летел себе спокойно, осознавая нереальность всего происходящего и то, что на самом деле я нахожусь сейчас в другом месте и другом времени. Обычно, во время включения мыслительных процессов люди перестают себя осознавать — так пишут в эзотерической литературе. Но, наверно, я даже в это не верил, поэтому осознание не терял.

Я летал так, наверно, минут пятнадцать, просто наслаждаясь моментом. Налетавшись вдоволь, я нырнул вниз в облака и направился к земле. Уже через пару мгновений я стоял посреди пустыни и снова наслаждался неявными движениями в мире. В воздухе был еле уловимый запах, который скорее ощущался кожей или подсознанием. В этом запахе содержалась информация о том, что эти военные дятлы решили, что происходящее со мной — результат одного из их военных экспериментов. Мне даже не надо было находиться рядом с ними, чтобы уловить эту информацию — она читалась по тому, как лежал песок на дюнах, по тому, как двигался ветер и светило солнце — она даже сочилась через воздух. По одной песчинке я мог сказать обо всём, что творилось во вселенной, в рамках этой линии, конечно. То ли действие плутония, то ли биодобавки в пищу, то ли психофизические занятия сделали меня таким — обсуждалось где-то вдалеке. Болваны не могли даже допустить мысли о том, что причина моего поведения лежит вне рамок их реальности. Им обязательно нужны толкование, причины, факторы, влияющие и повлиявшие, последствия и эффективность... чтобы потом повторить эксперимент, чтобы

заработать деньги, получить медаль, сделать шаг в карьерной лестнице — всё это в рамках клетки, о которой они даже и не подозревают.

Я фыркнул и посмотрел на песок. Он плыл и сиял. Никогда не видел такого сияния, такого восторга. Вот оно истинное сокровище! Вот он смысл жизни! Зачем что-то ещё? Оторваться от песка было трудно, но в этом мире было столько всего интересного и яркого, так хотелось столько всего попробовать, что выбирать объектом созерцания один лишь песок не было смысла.

В небе пронёсся военный самолёт. Меня уже искали. Оно и понятно: эксперимент привёл к таким поразительным результатам, теперь надо меня отловить и посадить в клетку для дальнейших опытов. Ну, что за глупости?! И как они не понимают, что это на самом деле они находятся в клетке со мной?!

Я посмотрел на самолёт и тот резко застрял в воздухе. Двигатели заглохли. Пилот внутри вопил в панике. Мне это лишь казалось забавным, не более того. Силой мысли я перетащил ещё один самолёт с пилотом, с отдалённой базы, в шестидесяти семи километрах на юго-восток от меня. Уселся на песок и запустил этих двоих, держа их на ниточках мыслей, любуясь тем, как они кружат надо мной и догоняют друг друга. Оба пилота уже несколько раз пытались катапультироваться, но у них почему-то (удивительно, почему?) система не срабатывала. Это так забавно выглядело со стороны... Потом я представил себе, что они учудили войнушку друг с другом. И вот уже один гнался за другим и поливал его из пулемёта. Второй какое-то время уклонялся и уворачивался — пилот пытался уйти из-под обстрела, но в конце концов первый подбил второго. Пилот пытался совладать с управлением, но не смог выравнять самолёт и с огромной скоростью вонзился в песчаную дюну. Взрыв был впечатляющий. Я выбросил оставшийся самолёт в сторону, потому что мне наскучила эта игра, и решил податься в какой-нибудь город.

Движение мысли, и вот я уже стою посреди дороги в Нью-Йорке. Конечно же, в этот самый момент в меня влетает автобус. Если бы я в него поверил, то, наверно, уже был бы мёртв. А так он только пролетел сквозь меня, сигналив и стирая тормозные колодки. Экстренное торможение автобуса привело к тому, что его вынесло на встречную полосу движения. А, может, это просто мне так захотелось... В любом случае, из-за вылета на встречу, автобус врезался в легковую машину, смяв её переднюю часть.

Супермен на моём месте сразу же бросился бы спасать людей — вынимать из машин, разгребать завалы и так далее. Но зачем? Какой смысл в этой мышинной возне?! Ну, не станет ещё одной песчинки, что изменится? Что станет с миром, если его покинет один из муравьёв? Будь тот муравей хоть трижды президентом страны, крутым дзюдоистом, великим писателем и музыкантом, планета всё равно будет вращаться, дождь будет идти, когда должен, а солнце всё так же будет светить и одиноко плыть, медленно угасая в полной темноте. Жалко, что сами муравьи об этом всё время забывают...

Я пошёл прямо по дороге на встречу едущим машинам. Они экстренно тормозили и пытались меня объехать, что приводило к столкновениям. Никто, конечно, не погиб, но куча покорёженного хлама была. Народ сходил с ума по этому поводу, кто-то даже проповедил, что у него нет страховки, но всё это были те ещё глупости! К чему париться из-за кучи повреждённого, бездушного хлама?! Может быть муравьёв это и занимало, но меня несколько не трогало и не интересовало.

Ко мне подбежал полицейский.

– Сэр, уйдите с проезжей части, - нервным голосом попросил он.

Я удивлённо посмотрел на него.

- Зачем?
- Вы нарушаете правила дорожного движения! Вы...
- Я превышаю скорость? - спросил я, глядя на мысли копа. Его черепная коробка была для меня как открытая книга. Более того, я легко мог в эту книгу вписать всё, что мне заблагорассудится. Я и вписал чисто из любопытства.
- Да, - уверенно проговорил полицейский. - Вы передвигались со скоростью 100 миль в час, когда положенная скорость в городе — 30. Я вынужден выписать вам штраф.
- Хорошо, - проговорил я. - Выписывайте.

Коп, облокотившись о капот остановившейся повреждённой машины, начал выписывать мне штраф. Со словами: «впредь не нарушайте» — он протянул мне листик в клеточку, выданный из блокнотика, на котором было написано по-русски:

«Сим подтверждаю, что великий князь всея Нью-Йорка Роман Анатольевич, регистрационный номер «K041KX» превысил вторую космическую и передвигался по городу со скоростью 11,3 километра в секунду. Благодарю его за сие деяние и бью челом. Старший инспектор, раб божий, Джон Смит».

Забавно.

Я сложил бумажку вчетверо и засунул её в карман брюк. На память.

Шагать по шоссе надоело, поэтому я зашёл в кафе «Starbucks» и заказал двойной капучино. Денег у меня не было, поэтому мне его сделали бесплатно и ещё поблагодарили за то, что без сдачи. Пить не хотелось, впрочем, так же, как и выполнять какие-бы то ни было действия связанные с физиологическими нуждами — мне было просто интересно узнать, каков кофе на вкус для супермена. Оказалось, что на вкус он как капучино из Старбакса. Впрочем, в таком состоянии я, возможно, не особенно и обратил бы внимание на разницу между капучино из Старбакса и латэ из Косты.

Интерес к кофе я потерял достаточно быстро, оставил чашку прямо на стойке и направился на выход из кафе, когда неожиданно зазвучал вой сирен, и со всех сторон нагрянули копы. Они перекрыли улицы, повысовывались из машин, понатыкали в мою сторону своими пистолетиками и дробовиками. Какой-то самый важный из них прокричал в мегафон:

- Ни с места! Вы окружены. Лягте на землю лицом вниз.
- А-ха-ха! - Громко на всю улицу рассмеялся я, да так, что стёкла в зданиях задрожали. - И что же вы мне сделаете? Запуляете меня из своих водных пистолетиков?!

На улице воцарилось молчание — коп быстро взвесил в голове, стоит ли отдавать приказ, испугался возможным последствиям, если не отдать, и заорал:

- Огонь!

Со всех сторон раздались щелчки и из множества стволов, направленных в мою сторону полилась вода. Копы рьяно нажимали на курки водных пластиковых пистолетов и ружей, пытаясь попасть в меня, не понимая, что струи воды слишком слабы для такого расстояния, да и даже не осознавая, что в руках у них игрушечное оружие.

В какой-то момент мне показалось, что я могу разорвать вселенную на куски движением мысли, стоит мне только захотеть. Но я решил не пробовать.

Я мог бы сделать ещё кучу действий, мог много всего попробовать в этом мире, в этом состоянии. Однако желания уже не было.

Мир стал потихоньку надоедать с этой его скучной вознёй. Эксперимент, кажется, не удался, и стало интересно, как бы вернуться назад на свою линию. Чтобы никто не доставал, я переместился на крышу какой-то многоэтажки. Побродил по ней, поглядел в облака, присел на край крыши, свесив ноги, и стал представлять, что вернулся на свою линию. Я ощутил комнату вокруг себя, услышал звуки в коридоре... кажется, мне удалось осознать, что я на самом деле лежу на кровати в «». Однако это ни к чему не привело. Я открыл глаза, под моими ногами всё ещё была та самая бездна, которая была там до того, как я их закрывал. Не удалось.

Кажется, обычно у меня получалось переместиться, находясь на грани смерти...

Я спрыгнул с крыши и полетел вниз, представляя, что перемещаюсь. Однако это не помогло. Я с огромной скоростью врезался ногами в асфальт, расколов его на крупные куски и оставив в нём отпечаток подошв. Люди вокруг сбежались и стали удивлённо глазеть. Я настолько перестал верить в реальность этого мира, что даже возможность разбиться не давала мне переместиться в свой старый мир. Кажется, я просто перестал верить в смерть.

Я отряхнулся и направился, куда глаза глядят, не обращая внимание на людей, которые с удивлением обсуждали одну и ту же тему: «смотри-ка! И ни царапинки не осталось!».

Я был бессмертен, я мог делать всё, что мне заблагорассудится, но не мог единственного, чего мне теперь захотелось сделать больше всего — вернуться в себя. Я открыл секрет бессмертия, но как его теперь закрыть, не знал.

Секрет смертности

Рома

Кирилл как-то говорил, что если погибнет моя проекция, то и я погибну, если в тот момент буду в ней находиться. Поэтому, конечно, эти выкрутасы с прыжками с крыши опасны для моей жизни. Хорошо, что я так и не смог поверить в то, что действительно могу разбиться... Наверно, и предыдущую линию я собрать не могу из-за того, что до конца не верю в возможность этого... Как же заставить себя поверить хоть во что-нибудь, чтобы вернуться назад?

Решение этой проблемы, казалось, пришло ко мне в голову само собой. Надо узнать побольше о той проекции, в которой я сейчас нахожусь. Возможно, узнав о ней, я поверю в неё, а значит и смогу вернуться назад.

Я попытался в голове перебрать образы, которые хоть что-нибудь вызывали бы во мне, но смог только найти образ орущего командира, отпечатавшийся в памяти. Я почувствовал командира, ощутил, где он находится. Хлопок в ладоши (в большей степени для эффективности, нежели для эффективности), и вот я уже оказался в кабинете, обшитом деревянными щитами. Это был кабинет какого-то высокого чина. Как раз в момент моего появления он отчитывал командира за то, что тот не уследил за мной. Я появился на фразе: «и где же мы его теперь найдём, по вашему?!»

- Мать вашу! - выругался опешивший командир.
- Рядовой Норман, - громко проговорил генерал, решивший, что может меня

контролировать, несмотря на то, что буквально секунду назад я просто появился перед ним из воздуха, - потрудитесь-ка объяснить, кто разрешил вам уходить в самоволку?!

- Заткнись, - кинул я ему, из-за чего тот лишился дара речи, а я обратился к командиру. - Дэвид, мне нужно знать всё, что ты знаешь обо мне.

Мысли у него были, хоть и прямые, но сбивчивые и неразборчивые — как будто кто-то написал очень простой текст очень простыми словами, но мелкими корявыми буквами от руки. Чёрт его разберёт!

- Я... Я ничего не знаю, - испуганно проговорил тот.
- Меня не интересует, какими травками вы меня кормили и какими методиками тренировали психику. Меня интересуют подробности моей жизни. Кто я такой?

Генерал, пока я разговаривал с командиром, пытался предпринять меры по моему задержанию — он хотел позвать охрану, но голос его не слушался. Тогда он решил выскочить в коридор и поднять шум, он побежал в сторону двери. Мне пришлось махнуть рукой (чтобы командир видел, что это сделал я) и усыпить его, из-за чего тот рухнул на пол, прямо во время движения, и, немного проехав на животе по ковру, остановился и начал мило посапывать.

- Что с ним? - спросил испуганный командир.
- Он спит, - отрезал я. - А мне нужны ответы на вопросы.
- Я... я, - неуверенно начал он, переводя взгляд с генерала на меня. - Я очень мало знаю. Ты пришёл в армию из-за денег, которые тебе очень были нужны то ли для свадьбы, то ли для покупки дома. Твоя девушка лучше знает...
- Что за девушка?
- Неужели ты совсем ничего не помнишь? - удивился он.
- Совсем.
- Наверно, это побочное действие препарата... - проговорил себе под нос командир.
- Наверно, - нейтрально ответил я. - Так что за девушка?
- Кажется, её зовут Лиана Аддингс, но я практически ничего о ней не знаю — ты совсем ничего не рассказывал.
- Где я её могу найти?
- Ты же супермен, не уж то ты не можешь найти её сам?! - удивился командир.

Я вздохнул.

- В мире семь миллиардов восемьсот пятнадцать миллионов сто сорок восемь тысяч пятнадцать человек, квадриллион с мелочью растений, триллион с лишним животных и какое-то сумасшедшее количество грибов... Я всех их чувствую и ощущаю каждую секунду. Я могу на одних обращать внимание, других же пустить задним фоном. Ты думаешь, легко среди всего этого многообразия найти какую-то Лиану Аддингс, которую я даже не помню?..

Командир ошарашенно покачал головой.

- Мне нужна более точная информация, - заключил я.

- Можно посмотреть твои вещи... там есть её фотография.
- Отлично! - подытожил я. - Отдай мне мои вещи, я с ними разберусь.
- Но они в лаборатории. Их сразу же после твоих фокусов изолировали и сейчас изучают.

Конечно же, как только ты находишь какое-то решение, путь к нему усложняется в несколько раз...

- Где находится лаборатория? - спросил я.

В голове командира промелькнула мысль о том, где лаборатория, и я эту мысль легким движением выцепил.

- Она... Я не знаю как объяснить.
- Спасибо, я понял.

Командир посмотрел на меня с недоумением.

- У меня есть друзья? - продолжал я допрос.
- Саймон Фокс, - отвечал на вопросы опешивший командир. - Вы с ним вместе пошли служить и по стечению обстоятельств попали в один взвод. Он сейчас в казарме, но я...
- Не знаешь, как объяснить, как добраться до неё. Не надо. Я уже знаю.
- Откуда?
- Прочитал в твоих мозгах.
- Ты ещё и мысли читать умеешь?! Кто же ты такой? - ужаснулся командир.
- Наверно, я бог, - ответил я без ложной скромности и подумал, что боги навряд ли страдают амнезией. - Впрочем это абсолютно неважно. Это всё, что я хотел.
- Постой, - обратился ко мне командир и немного замешкавшись, таки решился: - Если ты такой могущественный, ты можешь сказать, что меня ждёт в будущем?

Я посмотрел на него с удивлением и понял, почему в некоторых сказках джины во время загадывания желаний начинают вредничать...

- Ты неминуемо умрёшь.

Командир перепугался. Дурак подумал, что я сейчас его прихлопну.

- Однако тебе самому предстоит выбрать, как именно умереть.
- А моя жена? - робко спросил командир.
- Что твоя жена? Она тоже умрёт...
- Нет... Она вернётся ко мне? - уточнил командир.

Я посмотрел на него с благодушием. Забавно, когда человека интересуют такие мелочи, и он уходит в будущее или прошлое вместо того, чтобы остаться в настоящем и сделать его таким, каким хочется...

- Пока ты на этой линии — нет.

Разговор затянулся и наскучил мне (по крайней мере, мне хотелось, чтобы он

наскучил), поэтому, не говоря больше ни слова, я покинул комнату и понёсся в лабораторию — решил для разнообразия пробежаться. Когда я выбегал из комнаты, генерал стал приходить в себя, ворча сквозь сон о том, что надо позвать охрану...

Нёсся я со скоростью, близкой к скорости звука. Листы бумаги со столов во все стороны, люди разлетающиеся от меня сбитые с ног воздушной волной... и огромная скорость, на которой я только и успевал открывать прямо перед собой силой мысли двери, да маневрировать, уворачиваясь вначале от стен здания, потом — от фонарей. Конечно, я мог пронестись по прямой, снеся всё на своём пути, но мне хотелось поманеврировать, подвигаться, испытать эти ощущения свободы и эту скорость, хотелось потратить энергию.

Я сделал пару кружков по периметру базы, наслаждаясь ощущениями, после чего направился в лабораторию. Я пронёсся как вихрь по ней в поисках своих вещей, скидывая на пол склянки и книги. Не найдя их, я кинулся к человеку, который, как я почувствовал, может знать.

– Я Мэт Норман. Где мои вещи? - спросил я у оторопевшего лаборанта, вперившего в меня свой испуганный взгляд.

Тот, казалось, потерял дар речи и готов был уже описаться. Впрочем, он уже подумал о том, где они, а значит я уже знал...

Я направился к свинцовому сейфу с каким-то навороченным кодовым замком и лёгким движением руки открыл дверцу, ломая все засовы и запоры. Достал пластиковый пакет с вещами, к которым, судя по всему, ещё никто притронуться даже не успел. Открыл пакет и нетерпеливо высыпал содержимое на стол.

Первое, что бросилось в глаза — это фотография девушки с короткими каштановыми волосами, с лучезарной белоснежной улыбкой и карими глазами на фоне пальмы, голубой воды и жёлтого песка. На задней стороне фотографии красовалась подпись, выведенная, наверно, моей рукой синей ручкой: «Лиана» — а рядом с ней — цифра 1, написанная маркером. В комплекте так же была маленькая оранжевая зажигалка с чёрной надписью «Chesterfield» и нацарапанным ножом числом 37 на задней крышке. Кроме того, среди моих вещей был кошелек с кредитными карточками Visa и Dinner's Club в специальных кармашках. На первой неосторожно маркером написан пин-код 3129, на второй — 2319. В отделе для наличности были лишь визитные карточки различных заведений, на каждой из которых было написано карандашом: 17, 13, 11 и так далее. Всего карточек было 4 штуки, числа на них формировали уже знакомую последовательность простых чисел. Наверно, эта проекция ощущала существование линии с СВРами... Но зачем было именно так нумеровать предметы? Не был ли я, случайно, на этой линии сумасшедшим?... Впрочем, навряд ли меня бы тогда взяли в армию...

Визитные карточки были пронумерованы следующим образом:

17 — Книжный магазин «Роза мира».

13 — Музей современного искусства Нью-Йорка.

11 — Стрелковый клуб Сан-Франциско.

7 — «.us», фирма по созданию и продвижению интернет-сайтов.

Порывшись ещё в кошельке, в дополнительном, застёгивающемся на молнию отделе, я нашёл фотографию себя с каким-то человеком. Мы стояли в полный рост плечом к плечу, заложив руки крестом на груди и лучезарно улыбались. На нас были фланелевые рубашки в одинаковую красно-синюю клетку и солнцезащитные очки. На обратной стороне

фотокарточки было написано: «Я и Саймон». А так же фломастером выведено число «2».

В том же отделе с Саймоном я нашёл квадратный жёлтый листок бумаги с изображениями лис по краям и жирной точкой в середине. На обратной стороне было написано: «.» собирается» и число «3». Это насторожило больше всего. Не уж то эта проекция так много знала обо мне, так хорошо меня чувствовала? Как такое возможно? Я остальные так не осознаю, как она меня... Жаль, что я не могу с ней встретиться и поговорить или хотя бы вспомнить её.

Среди вещей был ещё один предмет, на который по началу я не обратил внимание. Это был невзрачный гладкий серый камушек с берега какого-то моря. При виде него у меня появилось ощущение, что моя проекция его периодически клала себе в рот и сосала. Это было первое косвенное воспоминание о моей проекции. Не уж то я был сумасшедшим? Нормальный человек так себя не ведёт... Пока что ответа на этот вопрос не было, но подозрения в душу уже прокрались.

Проанализировав все свои находки, я заключил, что здесь не хватает предметов с пятым и сорок первым номерами. И хотя мне это ничего не давало, было ощущение, что они могут помочь мне что-то вспомнить и освободиться от этой линии.

Пока я изучал предметы, успели набежать со всех сторон солдаты и оцепить выход из бункера. Хомячки пока так и не понимали, что сопротивление бесполезно.

Я ощутил, где находится чуть не описавшийся лаборант и попытался на расстоянии у него вытащить информацию о содержимом моих вещей. Однако достичь его мысленно получилось почему-то не сразу, как будто что-то стало мне мешать после появления моих вещей... Приложив усилие, как будто через небольшой барьер, мне всё-таки удалось добраться до лаборанта. Я схватил его за горло и телепортировался высоко над военной базой.

- Кто-нибудь рылся в моих вещах?
- Нет, - сдавленным голосом ответил лаборант, болтая ногами в воздухе и держась своими руками за мою руку.
- В вещах не хватает некоторых предметов... где они?
- Тут всё, что было. Я не знаю. Наверно, что-то выбросили во время службы или дома оставили...

Лопух говорил правду. Всё его существо говорило о том, что он просто панически боится не рассказать всё, что знает.

Я отпустил его, а сам попытался понять, что же мне делать дальше. Лаборант с криками устремился к земле, а мне в голову пришла мысль — найти Саймона и поговорить с ним. Я не знал, где он может быть, не мог почувствовать, поэтому ринулся назад на военную базу и пронёсся по ней выискивая его.

На базе творился хаос. Никто не знал, что делать: я то появлялся, то исчезал в совершенно разных местах. Пока командиры отдавали приказ оцепить один район, я уже оказывался в другом. Они понимали своё бессилие, но по своей службе обязаны были предпринимать хоть какие-нибудь действия.

Наконец я нашёл Саймона. Он был во всеоружии и бегал вместе с одним из взводов, пытавшихся меня оцепить... Я схватил его за плечи и унёс подальше от базы — в пустыню. Там я приземлился прямо в горячий песок и отпустил его.

- Ты чё творишь, баклан?! - закричал на меня Саймон, расстегнув шлем и кинув его в приступе ярости о землю. - Ты вообще с катушек слетел?!
- Саймон, мне нужна помощь.
- Ах, тебе нужна теперь помощь?! Убил нескольких солдат, вломился к генералу, перевернул лабораторию вверх дном, а теперь тебе нужна чья-то помощь?!
- Мне нужна конкретно твоя помощь, - попытался я внушить ему, но по какой-то причине сделать это было не легко — опять что-то мешало. - Всё, что происходит — это только результат того, что я не могу вспомнить, кто я такой...
- Значит, убивая своих, ты пытаешься вспомнить себя?! Что за бред! - воскликнул он. - Мэт, мы с тобой пошли служить, чтобы защищать нашу страну от террористов. Мы своим любимым обещали, что не замараем свою честь плохими поступками. Не уж то ты всё это забыл?!
- Саймон, я ничего не помню! - настойчиво попытался донести до него я. - Абсолютно. Ни обещаний, ни тебя, ни себя. Я думаю, что моя сила объясняется именно тем, что я ничего не помню, ни к чему не привязан...
- Так используй её во благо! Уничтожь наших врагов! - рьяно призвал он.
- Во-первых, я не помню, что такое «благо», во-вторых, я не знаю, что такое «враг» и почему какие-то люди враги, а какие-то — друзья. А в-третьих, я не понимаю, почему убийство людей — это благо, - возразил я.
- И тем не менее ты убиваешь!
- Я не убиваю. У меня нет такой цели. Ну, получается так иногда... Я ни при чём. Если бы я мог вспомнить, этого бы не случилось.

Саймон глубоко вздохнул. Кажется, мне таки удалось его убедить.

- Ну, чего ты от меня хочешь? - всё ещё зло спросил он.
- Кто я? - спросил я, не зная, с чего начать. Теперь, когда Саймон покорился, мысли его стали более читабельными.
- Ты Мэтью Норман. Мы с тобой друзья с детства...

Саймон начал рассказывать, но он мог бы и не проговаривать всё вслух — я итак это видел в его мозгу, и что-то начало ко мне возвращаться — какие-то воспоминания о себе.

Вот мы с Саймоном ловим форель в течении бурной реки. Вот он полез на камни в воде, споткнулся и его понесло течением. А я бросился за ним и вытащил из воды.

Вот мы с Саймоном убегаем от сторожа, охранявшего территорию кирпичного завода, на которую мы пробрались, сиганув через забор. Перелезая назад впопыхах, я разодрал колючей проволокой себе штаны и сильно расцарапал левую ногу. Шрамы остались до сих пор. Я посмотрел на ногу и потрогал их рукой.

Воспоминания всплывали по одному, пока Саймон рассказывал. И вот уже благодаря ему восстановлено очень много эпизодов.

- Я тут нашёл вещи, - перебил его я, доставая набор, стащенный из лаборатории. - Может ты знаешь, что это за вещи, и почему они так пронумерованы?

Саймон практически не обратил внимание на карточки скидок. Он немного поглазел на фотки. Нашу с ним прокомментировал:

«А это мы тогда, на рыбалке, когда у тебя сорвалась громадная форелина и утащила за собой твою счастливую блесну»

Как только Саймон увидел камень, он его схватил двумя пальцами и демонстративно показал мне его со злобой.

- Это тот самый дурацкий камень!
- Что за камень? - не понимал я.
- Как-то мы ещё в детстве на море ездили, ты его достал из воды и как будто свихнулся. Ходил всё время, посасывал его, периодически доставал изо рта и, любуясь им, говорил: «Я пятый». Бесил меня страшно!

Как только Саймон рассказал о камне, ещё какая-то часть меня вернулась, мне стало тяжело и немного не по себе.

- Саймон, я что, был сумасшедшим?
- Да ты и сейчас сумасшедший, - серьёзным голосом ответил он.

Больше я не мог читать его мысли, да и Саймон мне больше не был нужен. Я почувствовал, что огромная часть моей божественной сущности ушла с появлением всей этой информации. Мой слух перестал быть таким острым как раньше, зрение потеряло свою чёткость, а ощущения притупились. Я больше не мог читать информацию по миру и по людям. Кажется, из-за того, что я начал вспоминать, как же себя надо вести в мире, какие законы здесь действуют, я стал терять свою силу.

- Ладно, спасибо, - поблагодарил я Саймона и собрался двигаться дальше.
- Эй, а как же я?! - крикнул Саймон.
- Прости, мне придётся тебя здесь оставить.
- Ты сдурел?! Одного посреди пустыни?
- Прости, но у меня силы заканчиваются. Я просто физически тебя не смогу перенести.
- И куда же делась твоя сила?! Настал час расплаты? - с презрением в голосе спросил он.

Я сжал губы в улыбке с сожалением и растворился в воздухе.

Секрет простых чисел

Рома

Материализовался я в ванной комнате, как раз в тот момент, когда кто-то принимал горячий душ. По-видимому, это была Лиана. По крайней мере, перемещался я к ней, и мне хотелось, чтобы это была именно она. Я подошёл к шторе и отодвинул её, чтобы посмотреть, кто находится за ней. За ней действительно оказалась девушка, но явно не Лиана. Она стояла под душем и смывала пену с чёрных длинных волос, закрыв глаза. Вода бежала по её смугловатой коже, придавая той блеск и сглаживая контуры тела. Грудь у девушки была упругая, аккуратная и небольшая, бёдра покатые и хорошо выделенные на фоне изящной талии, животик маленький и нежный, между ног было гладко выбрито и только несколько недлинных вьющихся волосков, по которым стекала вода, топорщились, придавая дополнительный шарм.

Я до того засмотрелся, что даже позабыл, зачем я здесь. А когда пришёл в себя, девушка открыла глаза и истерично завопила: «Помогите! Насилуют!» - и попыталась прикрыться шторой, отталкивая меня.

- Подождите, вы не так поняли! - попытался я её успокоить, - Я к Лиане пришёл... Я не хотел ничего такого. Мне нужно с ней поговорить...

Я попытался даже воздействовать на девушку ментально, но она была настолько возбуждена, что сделать ничего не удавалось.

Буквально несколько секунд спустя со сковородкой наперевес в ванную комнату ворвалась Лиана и попыталась меня огреть, но я сумел её скрутить и обезоружить.

- Мэтью? - удивлённо спросила она, быстро идентифицировав меня. - Ты что здесь делаешь?
- Мэтью? - раздражённо спросила девушка из душа и продолжила с издёвкой: - Очень приятное знакомство, надо заметить.
- Я пришёл поговорить, - сказал я Лиане, не обращая внимание на девушку из душа.
- Но как ты сюда попал?
- Долгая история. Давай потом. Вначале я задам ряд вопросов...
- Только давай дадим Джесике нормально искупаться? - предложила Лиана, выталкивая меня из ванной и забирая назад свою сковородку.
- Хорошо. А Джесика — это кто?
- Моя коллега по работе, - краснея неуверенно ответила она, а я для себя отметил панику в её мыслях. - Мы вчера засиделись у меня, она на ночь осталась...
- Мне всё равно, что у вас было с Джесикой этой ночью и в предыдущие ночи, - спокойно ответил я. - Я здесь не за этим.

Лиана покраснелась ещё сильнее и огрызнулась:

- С ней я хотя бы не имитирую оргазм...

Мы прошли на кухню и Лиана занялась приготовлением кофе. Я сел за стол.

- Да мне всё равно, - ещё раз безразлично ответил я, оглядывая комнату, пытаюсь найти что-нибудь знакомое. - Я даже не помню, что там было между нами.
- Хочешь сказать, что наши отношения не оставили в тебе и следа? - начала она злиться, закидывая молотый кофе в машинку.
- Почти, - нейтрально ответил я. - У меня потеря памяти из-за которой я стал бессмертным и теперь не могу вернуться в себя.

Лиана посмотрела на меня вначале с удивлением, а потом с недоверием и покачала головой:

- Служба в армии тебе окончательно мозги вывернула.
- Да нет же, я серьёзно. Смотри.

Я вытянул правую руку вперёд и медленно притянул к себе по воздуху яблоко из корзины с фруктами, стоящей около окна. Лиана от удивления чуть ни вскрикнула и прижалась спиной к холодильнику.

- Как ты это сделал? - изумлённо спросила она.
- Я тебе уже объяснил, - ответил я. - У меня супер способности из-за того, что я не помню себя и правил этой линии. Мне нужна помощь, мне нужно выбраться из этой ловушки и вернуться назад.

От агрессии Лианы не осталось и следа. Теперь я вызывал у неё нескрываемый интерес и плохо скрываемый слабый страх.

- А что ты ещё умеешь? - спросила она, придвигаясь ко мне, забыв о кофе.
- Да всё я умею, - ответил я. - Лучше расскажи о нас.

Лиана замолчала и опустила взгляд на пол. Эмоции в ней молниеносно сменяли одна другую. Теперь она погрузилась.

- Ты совсем не помнишь нас?
- Я не помню нас, - подтвердил я. - Я ничего не помню. Только Саймон мне немного освежил память.
- Кто такой Саймон? - невзначай спросила она с наворачивающимися слезами на глазах.
- Мой друг, - немного неуверенно ответил я.
- М, - безразлично промычала она и вздохнула. - Ты хотя бы помнишь, как мы познакомились?
- Да нет же! Я ничего не помню, - с раздражением ответил я и заметил, что начинаю всё сильнее погружаться в эту линию.
- Я сидела в кафе и читала Кнута Гамсуна, - с умилением рассказывала Лиана. - Ты вошёл, заказал кофе, бесцеремонно уселся рядом со мной и нагло заявил, что Гамсун лучший писатель-фантаст. Когда я спросила, с чего ты решил, что он фантаст, ты ответил, что в реальной жизни такого не бывает...

В голове Лианы начали складываться образы, которые я сумел прочесть, и память снова начала ко мне возвращаться. Мне от этого стало плохо и грустно, почему-то немного заныла спина в районе пояснице. Я понял, что со всем этим грузом воспоминаний я становлюсь смертным на этой линии. А Лиана по мере рассказа всё более и более грустнела, на глазах у неё начали наворачиваться слёзы.

- Неужто ты ничего этого не помнишь? - в какой-то момент остановилась она.
- Когда ты мне об этом рассказываешь, я вспоминаю, что что-то такое действительно происходило со мной. Однако из моих собственных воспоминаний есть только это.

Я достал из кармана фотографию с Лианой. Она взяла фото и побледнела.

- Что стряслось? - спросил я, будучи уже не в состоянии прочитать по ней.

Удивительно, с какой скоростью я утратил свою силу. Казалось, что у меня осталась лишь крохотная часть запала.

- С этого всё и началось...
- Что началось? - не понимал я.

И по мере того, как Лиана рассказывала, комната начала темнеть. Лишь образ самой Лианы продолжал слабо светиться.

- Мы были на побережье — поехали в отпуск, сняли номер в отеле. Много купались, ели фрукты, ходили на дискотеки... В общем, отдыхали по полной. Но однажды вечером мы поругались по какому-то мелкому поводу, и ты демонстративно ушёл в бар, в котором познакомился с каким-то странным человеком. Кажется, он был русским. То ли Кэррол, то ли Кирилл. Не знаю, о чём вы говорили — ты мне никогда об этом не рассказывал, но уже день спустя ты бродил по комнате, что-то бормоча о числах и их магии. Ты пронумеровал все вещи в нашем номере, большую часть назвал несущественной — мол их просто можно выкинуть, оставил только 13 каких-то безделушек, среди которых был камень, найденный на пляже и плюшевый мишка, которого ты мне подарил на день Святого Валентина.
- Мишка был обозначен «41»? - спросил я из какого-то плотного тумана, обволокшего меня с головы до ног. Я не мог двинуться с места, уже ничего не видел и не чувствовал и говорил как будто удалённо. Однако всё это меня не пугало, так как я ощущал, что совсем скоро уже смогу вернуться в себя...
- Нет, - сказала Лиана. - Он был разорван на 41 часть...

Сразу же после этого у меня закружилась голова, и я почувствовал, что нахожусь в каком-то совершенно другом месте. При этом, я всё ещё отдавал себе отчёт в том, что я на той же линии, что и до того, но уже начал терять свою старую линию. Что-то изменилось на ней, моё восприятие как-то поменялось, однако пока я ничего не понимал.

- Мэтью, - ласково тихим голосом с нотками сожаления проговорила где-то рядом со мной Лиана. - Я не знаю, слышишь ли ты меня, понимаешь ли ты меня, но я хочу, чтобы ты знал, что я люблю тебя.
- Я слышу, - еле поворачивающимся языком ответил я, чем вызвал всплеск эмоций и крик со стороны Лианы:
- Мэтью?! Доктор! Он мне ответил! - закричала она, куда-то убегая. - Он слышит! Он возвращается...

А я наоборот утёк куда-то в беспмятство и отключился.

Доктор Меньшов

Рома

- Понимаешь ли, Мэтью, - говорил сидящий напротив меня человек в больничном белом халате и в светло-бежевых солнцезащитных очках в изящной металлической оправе на носу, - у тебя шизофрения в тяжёлой стадии на фоне расщепления личности. В твоей голове помешается сразу несколько параллельных жизней (или «линий» — как ты их называешь). Периодически, на небольшие промежутки времени, ты возвращаешься в реальный мир, но достаточно быстро убегаешь назад, в уголки своего сознания с суперспособностями, заговорщиками, чипами в головах, драконами, интернет-сайтом, точечным отстрелом и прочими несуществующими образами. То, что ты сейчас с нами, понимаешь меня и воспринимаешь вот уже на протяжении двух часов — огромное достижение, к которому наш медицинский корпус шёл на протяжении нескольких лет.

Я сидел, слушал доктора и не мог понять, что же происходит на самом деле. Воспоминания о моём бессмертии и том, как я резвился буквально пару часов назад, были настолько реальными, что не верить в них просто не получалось. Кроме того, я до сих пор ощущал ту линию, на которой я лежал в кровати в «.», хотя теперь и значительно слабее,

чем до того. Поэтому пока что заявления другого человека о том, что всё, происходившее со мной всё это время, нереально, совершенно не воспринимались всерьёз.

- Доктор Меньшов, - заговорил я. - На самом деле этого вот всего, - я обвёл комнату взглядом, - не существует. На самом деле это всё лишь одна из линий, которую я воспринимаю, лежа в кровати в «.».

Я уверенно, с некоторым вызовом, взглянул на доктора.

- Вот об этом я и говорю, - печально подтвердил он в ответ. - Встреча с неким Кириллом, напоившим тебя галлюциногенными смесями, несколько лет назад, пробудила дремавшую до того в тебе шизофрению и сильно повредила психику. Честно говоря, таких уникальных случаев, как у тебя, у нас ещё не было, но все симптомы шизофрении на лицо: дезорганизация мышления, слуховые и визуальные галлюцинации, апатия, кататония. Кроме того, ты проецируешь образы из реального мира в свой мир иллюзий. Там у тебя есть Кирилл... даже двое: один списан с меня, другой — с того незнакомца на отдыхе. Там у тебя есть девушка, имя которой сложено из тех же букв, что и имя твоей Лианы. Там у тебя есть некий руководитель, имя которого заимствовано у главного врача нашей больницы. Там у тебя «точечный отстрел», который ты перенёс с какой-то визитной карточки, там у тебя точки, лисы, друзья, погони и ещё тысяча и один элемент, привнесённые извне, из реальной жизни. Однако они ни коим образом тот мир не делают более реальным. И пока ты этого не осознаешь, никакого прогресса у нас не будет.

Доктор Кирилл Меньшов говорил настолько убедительно, что я уже начал сомневаться в реальности себя на старой линии. А, вдруг, я действительно сумасшедший и всего лишь брежу?.. Да и сам доктор был подозрительно похож на моего Кирилла: такой же долговязый, с таким же прямым носом и голубыми глазами, тонкими губами... только постарше моего лет на двадцать. Не сказал бы, что они выглядели идентично, но сходство определённо было. Я панически начал вспоминать эпизоды из той своей оставленной жизни, пытаюсь убедить себя в их реальности... В голову почему-то в первую очередь пришёл эпизод на кухне со Стеллой, которая говорила, что «.» — это создание Кирилла...

- Но как же всё это обучение?! Как же мои умения и мои встречи?.. - не сдавался я.
- Ничего этого не существует, - категорично, чуть наклонившись ко мне, проговорил доктор. - Вся твоя жизнь — наша психиатрическая больница. Игорь Максимов — это наш хроник, с которым ты как-то познакомился на процедурах во время одного из своих пробуждений. Образ твоего тамошнего Димы позаимствован у всемирно известного музыканта-виолончелиста Дмитрия Янов-Яновского, видеозапись игры которого запала тебе в душу. А твой Кирилл — всего лишь мой образ, внедрённый мною же: чтобы вернуть тебя к реальности, я лично занимался с тобой по новейшим методикам. Как видим, они всё-таки дали положительный результат.

После этих слов я окончательно потерял себя, лежащего на кровати в «.» и поник здесь, в психиатрической больнице. Не уж то я переместился? Но стоило ли тогда перемещаться в психушку? Или же я действительно на самом деле шизофреник? Ну, как можно на такое реагировать. Вот скажет вам кто-нибудь в белом халате в лицо: «ты шизофреник» — поверите ли? А, вдруг, вы действительно шизофреник? Или вы тоже часть моей шизофрении? Почему я, пересматривая сейчас свою жизнь, обращаюсь к кому-то с вопросами? Кирилл же учил, что реперосмотр должен быть изолированным, без внутренних монологов...

- А как же «.»? - спросил я.

- Какая из них? - осведомился доктор Меньшов и, не давая мне уточнить, продолжил. - И сайт, и организация, и музыкальная группа твоего друга, и многое другое — всё это твоя подсознательная попытка свести воедино хаос внутри себя. Символ появился у тебя в арсенале после просмотра экранизации романа Курта Воннегута «Сирены Титана», которую ты видел в один из моментов своего пробуждения. Мы считаем, что, когда все эти точки будут уничтожены, ты сможешь выздороветь и вернуться к нам. Но до тех пор ты будешь мучаться в своём шизофреническом бреде, периодически выбираясь к нам наружу.
- Но как же так? - попытался схватиться я хоть за какую-нибудь мысль как за спасательный круг. - Я же прожил там целую жизнь... Я ходил в детский сад, ходил в школу, университет... потом стал преподавателем...
- Какую жизнь? - категорично и резко перебил доктор. - Если ты как следует задумаешься, то поймёшь, что твоя жизнь там нарисована лишь грубыми мазками, основную часть её составляют незаполненные ничем дыры. Например, как звали твоего классного руководителя в школе?

Я замолчал, так как понял, что то ли не знаю, то ли просто не могу вспомнить.

- А с кем ты дружил в детстве?

Было такое ощущение, что ни с кем. Я был настолько растерян, что не мог найти никаких ответов на вопросы. Я поник.

- Как звали твоих преподавателей в вузе? Назови город, в котором ты родился, - продолжал забрасывать меня вопросами доктор, выбивая последние надежды о реальности того мира... - Фамилия твоей матери в девичестве...

Всё это было для меня как многочисленные удары кирпичом по голове. Я сидел молча, скованный смиренной рубашкой, совершенно потерянный и безоружный.

- Эти примеры просто указывают на нереальность того мира и на то, что реально только одно — твоя жизнь здесь. Но мы тебе поможем вновь обрести рассудок...

Человек в белом халате, сидящий напротив меня, в котором я всё больше и больше узнавал своего Кирилла, говорил настолько убедительно и уверенно, сыпал такими аргументами и доказательствами, что ему просто таки нельзя было не поверить.

И я поверил...

Выход в астрал

Рома

Несколько дней я приходил в себя, и вот уже стал лучше чувствовать и адекватней вести. Воспоминания о прошлых жизнях в моём сумасшествии как будто канули в пустоту, зато воспоминания о реальном мире начали возвращаться ко мне. Только где-то на подсознании появилось и теперь никуда не девалось непонятное ощущение пребывания у моря... Но об этом я никому не говорил, да и сам старался не думать об этом.

Доктор Меньшов, видя улучшения, не мог никак нарадоваться на то, что я пошёл на поправку. Каждый раз, как встречал меня, расплывался в самодовольной улыбке. Он конечно, пока всё ещё опасался, что я уплыву назад, в глубину своего мира иллюзий, но надеялся на лучшее, объясняя моё текущее состояние тем, что я внутри себя смог побороть «.» и вернуть себе веру в этот мир. Возможно, конечно, это временно, но это уже

большой успех.

Лиана навещала меня чуть ли не каждый день — доктор считал, что она оказывает на меня положительное влияние, поэтому позволял быть со мной по несколько часов в день. Я начал вспоминать как страстно любил её, начал вспоминать, как наши отношения с ней зарождались и развивались, какие планы у нас были. Я стал вспоминать практически всё из своей прежней жизни, и это мне давалось с легкостью. Только тот эпизод с Кириллом, о котором мне рассказывали, я пока никак не мог поднять в воспоминаниях. Всё, что было мне доступно — это наша ссора с Лианой. Доктор говорил, что раз пока оно само не идёт, ворошить и не стоит — я, дескать, ещё и не готов к этому воспоминанию...

Лиана сияла, ухаживая за мной и видя, что я всё больше вспоминаю и в целом достаточно быстро иду на поправку. Нас снова захлестнула волна любви и страсти. Пару раз нам даже удалось уединиться в палате и заняться сексом. Я уже даже забыл, каково это...

- О, Мэтью, как же здорово, что ты снова со мной, - вздыхала Лиана, лёжа обнажённой у меня на плече под одним со мной покрывалом в постели. - Я так скучала...
- Я тоже... скучал, - отвечал я, целуя её в лобик. - Я тебя люблю, моё солнышко!
- Я тебя тоже люблю, - отвечала она, после чего мы, конечно же, продолжали валяться и целоваться, пока не подходило время окончания свидания...

Всё это стало напоминать маленький игрушечный рай: никаких тебе проблем, никаких ссор и стрессов. Только есть, спать, заниматься сексом и общаться с теми, с кем хочется. Жизнь налаживалась, воспоминания о прежних линиях стирались, оставалась только эта линия благополучия и счастья, и... ощущение моря на подсознании. Однако доктор Меньшов предупреждал меня о том, что праздновать ещё рано:

- Мэтью, мы бы давно тебя уже выпустили, но пока у нас нет оснований утверждать, что шизофрения прошла окончательно.
- Но я уже здесь. Я с вами. Я помню себя, а от тех галлюцинаций не осталось и следа! - восторженно заявлял я.
- Это замечательно, - подтверждал доктор. - Действительно, все симптомы выздоровления на лицо. Но мы не избавились от причины болезни. Тебе нужно вспомнить, что её вызвало и уничтожить сами корни. Иначе в один из дней у тебя опять может случиться приступ, и тебя опять засосёт в миры фантазий. Но прежде чем избавиться от этих корней, тебе нужно убрать множественные зацепки из своего прошлого.
- И как же мне это сделать?
- Есть одна техника... Во время твоего бессознательного состояния я в образе Кирилла даже сумел тебя ею немного обучить. Тебе надо пересмотреть тот эпизод с Кириллом и пережить его ещё раз. Только сделать это надо как можно более отстранённо, аккуратно и, конечно же, под моим присмотром. Но прежде, чем перейти к этому эпизоду, мы с тобой должны поупражняться на других...

После этого доктор начал заниматься со мной лично по своей технике каждый день. Он готовил меня психологически, помогая выкопать из прошлого самые болезненные эпизоды и научиться глядеть на них со стороны зрителя, а не участника. Он хотел, чтобы я при столкновении с проблемой не погружался в неё с головой, а мог бы объективно на неё

взглянуть. Если бы я этому научился, то даже вернувшись в свой мир фантазий, смог бы осознать его нереальность, и всплыть на поверхность, вернуться назад — утверждал доктор Меньшов.

Прогресс у меня был на лицо. Возможно, это происходило благодаря тем упражнениям, которыми я занимался с подачи доктора в своей «.» — наверно благодаря им у меня на подкорке отложилось ощущение нереальности всего происходящего. Возможно, у меня был просто врождённый талант к умению отстраняться. А возможно, дело было в моём желании выздороветь, стать нормальным членом общества и жить с Лианой в мире и спокойствии...

- Да, я помню, - рассказывал я доктору. - Был один такой эпизод. Мне было десять лет. Моя мать была чем-то жутко расстроена и озабочена. Я пытался понять, что не так — не я ли её обидел. А тут ещё под ногами этот её дурацкий невоспитанный пёс, долматинец Брайан крутился — стонал и лаял, выклянчивая еду, как будто его месяц не кормили. Ну, и я его немного отпихнул в сторону ногой. Не больно, не агрессивно — просто подвинул в сторону, чтобы не мешал. Тот огрызнулся, а мать вспылила, крикнула: «не трогай мою собачку» — и дала мне затрещину по голове.

В душе защемило, стало жалко себя за произошедшее. Образы всплыли самостоятельно и бесконтрольно, и пробудили дремавшую обиду.

Доктор внимательно выслушал и, когда я закончил, заключил:

- Ты сейчас понимаешь, что это было сделано ею под влиянием эмоций?
- Да, но я-то в чём виноват? В том, что отодвинул её назойливую собаку?
- Нет, в том, что ты в тот момент был рядом и дал повод. Поставь себя на её место. Взгляни на всю эту ситуацию с её стороны. Закрой глаза. Сделай глубокий вдох и выдох. Переместись в тот эпизод. Ощути, что стояло за поступком твоей матери.

Спокойный голос доктора помогал отстраниться от всего и взглянуть на ситуацию объективней.

Мамой управляли эмоции. Она, конечно же, не хотела мне зла — ни одна мать, наверно, не хочет зла своему ребёнку. Но и другого выхода у неё не было. Проблемы с работой, проблемы с деньгами, депрессия. Конечно же, тяжело оставаться камнем в этой ситуации. А ещё я тут, не помогал, а только усугублял ситуацию своими действиями. Я понял её и простил. И через это понимание и прощение, я изменился сам. Надо было поступить иначе. Надо было обнять её и успокоить. А я был раздражён её псом, думая только о себе, и из собственной злости пнул его...

Шаг за шагом доктор помогал мне пересмотреть зацепки из своей жизни и освободиться от них. Пересматривали мы меня по несколько часов в день в течение двух месяцев. В результате этих упражнений я стал чувствовать себя значительно свободней и полным энергии. Казалось, я сбросил с себя громадный тяжеленный груз. Лиана говорила, что у меня разгладились морщины, и я помолодел. Само моё отношение к жизни так же изменилось. Теперь я наслаждался каждой секундой, глядя на происходящие события более отстранёно. Я восхищался миром вокруг себя и каждый день открывал для себя что-то новое — только в детстве у меня были похожие ощущения.

Лиана стоически терпела всё это моё лечение и, будучи верной девушкой, готова была идти до конца, хотя по ней уже было видно, что такая жизнь ей надоела, она хотела вернуться к норме, но пока мне об этом не говорила, боясь ухудшения моего здоровья. Для того, чтобы помочь ей и пойти на встречу, я стал просить доктора Меньшова

поскорее перейти к эпизоду с Кириллом. Он отказывался наотрез, аргументируя это тем, что я пока не готов.

Прошёл ещё один месяц упорной работы, каждую неделю которого я просил перейти к эпизоду, но доктор Меньшов не соглашался ни в какую. Во мне стала нарастать злоба и раздражение. Мне казалось, что он специально это делает — чувствовал себя я уже отлично, и не было ни одной причины, по которой мне нужно было бы оставаться в больнице.

Однажды, Лиана навестила меня как всегда после пяти часов. В этот раз она была в солнцезащитных очках. Я не очень понимал, какое сейчас время года, но очки в отделении казались совершенно ненужным элементом.

- Что случилось? - спросил я у неё.
- Ничего, - попыталась она мне соврать, стараясь отвечать оптимистичным голосом. Но меня обмануть было невозможно — я знал, что что-то тут не чисто.
- Зачем очки?
- Просто.
- Сними, пожалуйста, хочу взглянуть в твои прекрасные глаза.

Лиана покачала головой.

- Не хочу.
- Лиана, я начинаю переживать. Что случилось? - стал волноваться я.

И тут она не выдержала и на повышенных тонах начала мне высказывать:

- Ничего не случилось. Жизнь случилась. Это ты тут живёшь в своей консервной банке, тебе не надо ничего делать и никуда ходить. А я живу в жестоком грубом мире, полном зависти и злости.
- Ты же знаешь, что я не выбирал этот путь... - попытался оправдаться я.
- Но и не очень торопишься сойти с него, судя по всему! Ты в норме уже три месяца! Уже три месяца каждый день я прихожу прямо с работы к тебе и провожу с тобой несколько часов, а потом домой, где шаром покати! Ты знаешь, что единственное, что у меня сейчас лежит в холодильнике — это проросшая морковка? Я устала, Мэтью! Я очень устала.

Я обнял её и решил больше ничего не говорить.

Наше свидание в тот вечер закончилось раньше положенного, очки она так и не сняла, и не объяснила мне, что же случилось. Но это было и неважно — я планировал потом всё разузнать подробней. Но это потом. В тот вечер я решил, что сам всё исправлю.

Я уже был в состоянии сам постоять за себя и вполне мог справиться без доктора Меньшова.

Когда всё отделение легло спать, я, лёжа на своей кровати, закрыл глаза, задышал ровно и стал расслабляться.

Чтобы продвинуться туда, вглубь своей памяти, мне надо обратиться к эпизоду, который я уже пытался пересматривать вместе с доктором Меньшовым. Это та самая мелкая ссора с Лианой во время отпуска на Гавайских островах.

Я вспомнил наш номер в отеле, в мелких деталях: цвет стен, ковёр, кровать, картины, мебель... Я ощутил теплоту воздуха и услышал звук вентилятора. Затем почувствовал привкус во рту. Мы так это делали с доктором Меньшовым.

Передо мной стояла Лиана. Взгляд у неё был злой и полон ревности.

- Знаешь, что?! - воскликнул я в сердцах и удивился тому, как отстранёно звучит мой голос — как будто это вовсе и не я говорил, а персонаж компьютерной игры, которую я только что включил. - Это уже переходит всякие границы! Я никогда и мысли не допускал о том, чтобы тебе изменить, а ты мне всё время устраиваешь эти сцены! Сколько можно?!
- Да потому что ты мне всё время повод даёшь, - зло бросила в ответ она. А я про себя отметил, какими странными стали мне казаться ссоры.
- Всё. Мне надоело, - решительно проговорил я, схватил кошелёк, засунул его в карман брюк и, не говоря больше ни слова, пошёл из номера.
- Правильно! Иди к своим девкам! А меня брось! - прокричала в след Лиана, но я не обратил на неё внимание.

Я хлопнул дверью.

Внутри меня в прошлом всё кипело. Как она может так ко мне относиться?! С чего это она решила, что я её вещь, которой можно распоряжаться?! Что я такого ей сделал? За что она так со мной?! Все эти мысли и вопросы сменяли друг друга, пока я спускался по лестнице и шёл к бару на террасе. Я подошёл к бармену и плюхнулся на стул прямо у стойки.

- Мескаль. Шот, - заказал я, вытащил кошелёк и положил его рядом с собой.

Пока бармен наливал, я обратил внимание на сложенный лист бумаги, выданный из блокнота, который я случайно вытащил вместе со своим кошельком из кармана. Он меня смутил, так как я его совсем не помнил. Я развернул его и посмотрел на то, что там было написано. Но прочитать текст мне не удалось — это был какой-то незнакомый язык. Точнее он мне почему-то напоминал русский, хотя я его вообще-то и не знал. Прочитать я смог только цифры «041».

Бармен налил мне и протянул стопку. Я хмурясь взял её и осушил одним движением.

- Что, опять достаёт? - спросил меня незнакомый молодой человек, сидящий за стойкой слева от меня. Я по началу даже и не заметил его.
- Ага, - на автомате кинул я, отложил листок в сторону и неожиданно для себя бросился в пояснения — настолько меня опять захлестнули эмоции. - Надоело уже! Вечно эта дурацкая ревность со скандалами. Я, понимаешь ли, слишком вежливо ответил продавщице! Якобы заигрывал с ней и строил глазки! Да что за чушь?! Если я просто улыбнулся незнакомой женщине, то это уже «строю глазки»?!
- Понимаю тебя, - ответил с лёгким иностранным акцентом парень. - У меня так же. То я мало внимания уделяю и слишком в работе погряз, как будто забыв о ней, то слишком много пристаю, не даю передохнуть... И всегда в этих случаях она же «не железная».

Только теперь я уделил побольше внимания своему собеседнику, и отметил на уровне пересмотра, насколько он похож на одного из Кириллов из моих фантазий. Он был коротко стриженным блондином с карими глазами, с маленькими губами, невзрачным

носом и острым подбородком. Конечно, этого Кирилла я знал хуже, чем своего, Меньшова — в моём сумасшествии с этим Кириллом лучше был знаком мой воображаемый друг Игорь, но сходства были очевидны. Однако всё это было ясно мне сейчас, а не мне тогда.

- Такое ощущение, что мы говорим об одной и той же женщине, - ухмыльнулся я.
- Они все такие, - хмыкнул он в ответ. - И ничто их не меняет...
- Мэтью, - протянул я ему руку.
- Кирилл, - ответил он рукопожатием.
- Русский, что ли? - поморщился я.
- Да, русский. С этим какие-то проблемы? - огрызнулся он.
- Нет. Просто... где же твоя шапка-ушанка и балалайка? - отшутился я.

Кирилл процедил в ответ сквозь зубы:

- Забыл в номере отеля вместе с медведем...

Я посмеялся из вежливости его шутке, думая какой бы вопрос ему задать, и даже не заметил, как стал утопать в это воспоминание с головой...

- Слушай, - спросил неожиданно я. - А ты не знаешь, что написано в этой записке? - я протянул ему найденную бумажку.
- Знаю, - грозно ответил он, держа бумажку в руках. - И, возможно, тебе это не понравится.
- И что же там? - не воспринимая его слова всерьёз спросил я.
- Здесь написано следующее, - Кирилл откашлялся, после чего с серьёзным видом прочитал вслух и перевёл:

«Сим подтверждаю, что великий князь всея Нью-Йорка Роман Анатольевич, регистрационный номер «K041KX» превысил вторую космическую и передвигался по городу со скоростью 11,3 километра в секунду. Благодарю его за сие деяние и бью челом. Старший инспектор, раб божий, Джон Смит».

- Бред какой! - улыбнулся я. - И откуда она у меня взялась?!

А на подсознании стало холодно. Таковую записку я уже где-то видел... Вот, ведь, совпадения! Или же мой мозг пошалил? Но как он смог всё это выстроить?.. И где-то в глубине, на подсознании, я услышал мудрый и добрый голос доктора, который привел меня немного в чувства: «Не забывай, где ты на самом деле».

- Для кого бред, а для кого — реальный мир, - хитро посмотрел на меня Кирилл, продолжая беседу.
- Сам-то чем занимаешься? - спросил я, поддерживая разговор, засовывая на автомате бумажку в карман штанов...
- Пью, - он сделал паузу и лениво взглянул на меня. - Собственно говоря, давай выпьем.

Я кивнул, и бармен налил мне ещё шот. Кирилл произнёс:

- Предлагаю тост за этих бессердечных бестий, без которых наша жизнь была бы

невообразимо скучна.

Он чокнулся со мной, осушил свою стопку с водкой и откусил кусок от солёного огурца, лежащего перед ним на блюдечке. Я удивлённо посмотрел на него и выпил свой мескаль.

- Чего ты удивляешься? - кинул он мне с претензией. - На родине медведей и водки солёный огурец — это не роскошь, а необходимость.
- Просто не знаком с вашими обычаями.
- Давай тогда познакомлю.

Настроение у меня стабилизировалось, я уже расслабился и отвлекся от проблем с Лианой, хотя мескаль пока в голову вдарил не сильно, и должного эффекта не дал, поэтому я и согласился:

- Давай.

«Будь осторожен» - звучал где-то на подсознании виртуальный голос доктора. Конечно же, я осторожен, что за глупости?!

- Я тебя тогда угощу, - предложил Кирилл. - И не какой-нибудь дрянью типа вашей текиллы, а настоящим напитком. В России это называется «выход в астрал».
- А я после этого не сдохну? - пошутил я.
- Всё будет зависеть только от тебя, - загадочно ответил Кирилл и улыбнулся.
- Ну, давай.
- Серж, - обратился он к бармену, - сделай «астрал», как я тебя учил.

Тот в ответ улыбнулся, кивнул и начал шаманить.

- А что входит в этот коктейль? - поинтересовался я, пока Серж смешивал какие-то жидкости и добавлял соусы.
- Только экологически чистые продукты, - важно произнёс Кирилл и начал загибать пальцы. - Водка, конечно. Я же русский, значит без водки никак, - тут он ухмыльнулся, показывая, что это шутка. - Потом «Советское шампанское», немного клюквенного сиропа, огуречного рассола, соуса Табаско, кофе...

Пока он перечислял, бармен успел сделать коктейль и налил его в два шота: мне и Кириллу — и подвинул к нам.

- В общем, адское пойло, - заключил Кирилл. - Есть там ещё один секретный ингредиент, но, давай, ты попробуешь его идентифицировать сам.

Я взял шот и собирался уже выпить, но Кирилл остановил меня волевым движением руки.

- Тост! - воскликнул он. - Если ты ещё не понял, у нас в России принято вначале говорить тост, потом чокаться и только потом выпивать.
- Окей. Тост? - спросил я.
- За то, чтобы посещение астрала помогло нам разобраться в том, кто мы есть на самом деле! - произнёс он.
- Вы, русские, всегда такие витиеватые и странные тосты произносите?

Кирилл пропустил мою реплику, чокнулся со мной, выдохнул и выпил залпом. Я последовал его примеру.

Жидкость, которую я выпил, была адская: горькая, острая, дико солёная и кислая. У неё был привкус чего-то протухшего и тошнотворный запах. После неё жутко захотелось схватить ковш с водой и прополоскать язык и глотку. Я взглянул непонимающе на Кирилла, а тот уставился на меня с выпученными глазами.

- Адское пойло! - еле прошипел я осипшим голосом, стараясь сдерживать тошнотные позывы, и почувствовал, что уже настолько вошёл в эпизод, что не могу отличить его от реальности... Кирилл был такой сильной и притягательной личностью, что даже в воспоминаниях было тяжело освободиться от его влияния.
- Не порть момент, не болтай. - раздался в моей голове голос Кирилла. - Потом поговоришь. Лучше думай.

Удивительно, но это пойло подействовало достаточно быстро и при этом как-то совсем нестандартно. Взгляд у меня расфокусировался, руки и ноги ослабли, а органы чувств как будто взбунтовались. Вначале я вообще не мог ничего воспринимать и боялся сфокусироваться на чём-либо, из-за чего, стараясь не шелохнуться, глядел вперёд расфокусированным взглядом, не моргая. Однако спустя несколько минут я случайно дёрнул глазами влево, из-за чего картина передо мной радикально изменилась, и я ощутил, что могу теперь сконцентрироваться и воспринять только что-то одно: либо то, что видел, либо какой-нибудь звук, который слышал, либо обонять какой-нибудь запах... - в общем, чувствовать что-то одно. Мир как-будто разложило на составляющие, которые нельзя было воспринять совместно.

- Мэтью, - раздался голос в моей голове, - ты знаешь, что ты пятый?

Неизвестно откуда я действительно знал, что я пятый.

- Тогда ты должен знать, что значат все остальные и зачем они. Что это? Почему это? Кто это?

Зачем задавать такие глупые вопросы? Конечно же, я не знал. В детстве мне просто как-то пришло в голову, что я пятый, и я следовал с этим по жизни, но смысл этого мне никогда не был ясен.

- Тогда мне нужна твоя помощь. Без тебя я не справлюсь со своим заданием.

Какое ещё к чёрту задание? Зачем?! Мне хочется отключить голову и взглянуть на свои руки.

- Мэтью, не надо! - Кирилл явно не давал мне отвлекаться. - Мэтью, мне нужно, чтобы ты собрал себя и помог мне решить эту головоломку.

И как я могу себя собрать?! Особенно после этой дряни...

- Я тебе помогу. Представь сейчас себя в нескольких образах. Что первое тебе приходит в голову?

Патриарх-рокер, трусливый препод, пёс президента, рыцарь в семейных трусах, сорви-голова гонщик, усталый чиновник, неудачливый наёмный убийца, ребёнок-бог, детектив-шизофреник, блудливая школьница, сумасшедший учёный, гигантский летающий мозг...

- Достаточно. Теперь я смогу с этим поработать, а когда всё соберу, то мы с тобой выйдем на 41.

Что значит «41»? Откуда это взялось? Почему именно «41»? Это простое число? А почему не «43»?

– Это мне и нужно выяснить.

Серая пелена перед глазами, установленная «астралом» начала потихоньку рассеиваться, но пока я не мог ничего увидеть, да и собственный контроль над своими воспоминаниями восстановить у меня пока тоже не получалось.

– Теперь важный момент, - голосом наставника говорил Кирилл, - Если ты когда-нибудь ещё раз попадёшь на эту линию, я хочу, чтобы ты просмотрел эпизод нашей встречи и вернулся в настоящего себя. Нечего тебе терять время на этой бестолковой линии с любовной историей в сумасшедшем доме. Обязательно всё пересмотри и вспомни! В особенности вспомни вот это!

Неожиданно лицо Кирилла выплыло передо мной из серой пелены, и я получил откуда-то сзади сильную затрещину. Удар пришёлся, вроде бы, на уровне головы, но почувствовал я его всем своим телом. У меня спёрло дыхание и искры посыпались из глаз. Я попытался схватить воздух ртом, но тому просто некуда было проходить. В панике я начал метаться в разные стороны, не понимая, куда именно мне направиться, словно фонарик в густом тумане, который не знает, в какую сторону светить. Впрочем, зачем светить внутри тумана, если можно просто подняться над ним? Кажется, подобная мысль мне уже приходила в голову, но раньше я её не мог реализовать. Теперь же мои текущие знания и умения вполне позволяли мне это сделать...

Новогодний корпоратив

Игорь

Проснулся я с тяжёлой головой. Не стоило вчера так много пить. Кажется, последний шот самбуки был лишним. Или, может, самбука сама по себе была лишней? Да, не стоит обращаться к этому адскому пойлу!

Я сел в кровати и стал оглядываться по сторонам. Я был в незнакомой опрятной комнате в сине-голубых тонах: с белыми обоями в голубой цветочек и тёмно-синим ковром. Рядом со мной спала незнакомая молодая девушка. Я взглянул на неё. На вид ей было лет семнадцать. По крайней мере, я надеялся, что она не младше. Она мирно посапывала и, казалось, даже не собиралась просыпаться.

Совершенно не помню ничего из того, что было вчера. Я был на новогоднем корпоративе? Кажется, познакомился с этой вот. Я ещё раз посмотрел на неё. Она была милая. Как будто почувствовав, что я на неё смотрю, она заулыбалась и, потягиваясь стала просыпаться. А я встал и начал одеваться — спал я совершенно голым.

Кажется, мне что-то снилось. То ли игра какая-то про зомби, то ли ужастик. Кажется, я летал вокруг и разглядывал людей. Как-то это всё было странно, но подробностей, к сожалению, я не мог припомнить.

Я взял чашку с кофе и сделал глоток. Сон сразу же как рукой сняло, а в теле появилась бодрость и сила. Я даже решил, что такой энергией не грех воспользоваться и побежал вперёд по улице, обгоняя медленно идущих прохожих. Подумают, что придурок какой-нибудь, да и пусть!

Немного запыхавшись я перешёл на шаг, глубоко вздохнул и открыл дверь в свой офис.

– Здравствуйте, Игорь Анатольевич! - поприветствовала Танечка.

- Привет! Меня никто не хотел сегодня? - то ли от кофе, то ли от пробежки, то ли ещё от чего-то настроение у меня было хорошее.
- Владимир Алексеевич звонил и просил передать, что они ждут вашего отчёта о каком-то там поиске. Говорит, что надо ускориться из-за новых обстоятельств.
- Угу, - кивнул я, и собирался уже направиться в свой кабинет, когда Танечка добавила:
- А ещё звонили родители Дмитрия Валерьевича. Они нашли в его квартире какие-то картины и собираются устроить выставку, чтобы почтить его память. Хотели узнать, не могли бы вы им помочь с этим.
- Кто? - поморщился я. - Что за нонсенс! Мне не до этого! Скажите, чтобы не беспокоили.

Я насупившись прошёл в свой кабинет. Сел в кресло и задумался.

Вот умеют же люди портить настроение. Включил компьютер и открыл наш сайт, новостной раздел. Первое же, что бросалось в глаза — это новость об убийстве судьи Блинова. Писали, что за этим стояла организация «.». Одно дело писать пасквилы и хулиганить по мелочам, и совсем другое вот это... это уже было чересчур! Тем более это совпадение имён организаций, которое чести нашему ресурсу не делало.

- Чёрт подери! - выругался я вслух, - Рома совсем слетел с катушек! Как мне, блин, его найти?!
- Рома — это совершенно неважно, - перебил меня Союзник. - Важно вспомнить, что с тобой было вчера...
- Да чего там вспоминать? Вечеринка какая-то, много выпивки. Зачем мне вообще эта информация?
- Я одобряю твоё стремление отказаться от прошлого и жить только в настоящем, - ответил на это Союзник, - но это не совсем то, что с тобой произошло. А события прошлого дня содержат один важный элемент о тебе и о Роме. Если ты сможешь вспомнить о нём, то это решит практически все твои проблемы.

Я попытался было напрячь свою память, но это только вызвало у меня неприятные ощущения.

- Да ну на фиг! - разозлился я. - Мне надо Рому искать, а не копать в себе!

Я нажал кнопку на телефоне и заговорил в него:

- Татьяна, позовите, пожалуйста, руководителя отдела аналитики, как бы там его не звали.
- Хорошо, Игорь Анатольевич. Я попрошу Юрия Сергеевича пройти к вам.

Дверь открылась и вошёл кудрявый молодой парень с синяками под глазами. Он улыбнулся мне и спросил с порога:

- Ну, как голова после вчерашнего? Я сегодня весь день сам не свой.

Я не мог вспомнить, знаком ли я с этим парнем, и если да, то насколько мы знаем друг друга. Впрочем, это было и неважно. Я с серьёзным видом сразу перешёл к делу:

- Мне нужно найти расположение одного человека. Его зовут Иовлев Роман Юрьевич. Известен по одной из статей, опубликованных на нашем сайте в начале

этого года. Кажется, она была про рабство и современное общество. Сможешь найти?

Мой тон сразу же приструнил Юру, и он с готовностью ответил:

- Да, конечно. Я попробую.
- Отлично. Это приоритетная задача для тебя до конца дня. В пять часов доложишь о выполнении.

Юра кивнул и вышел. Я взглянул на часы. На них было два часа с лишним. Не уж то я так поздно сегодня пришёл на работу?!

- И тем не менее, попробуй вспомнить, что же было вчера, - вернулся Союзник.
- Опять ты! Да что ты всё ко мне пристаёшь со всякой фигнёй?!
- Давай я тебе помогу... - не унимался он.
- Ну, если это заставит тебя заткнуться, то давай, - нехотя согласился я.
- Ты медленно выдохнул, оставил открытой дверь холодильника и направился в спальню. Там лежала Аня. Она только просыпалась...
- Подожди, подожди! - перебил я, махая руками. - Ничего такого не было! Какая к чёрту Аня?! Какой ещё холодильник?! Вчера была жутка корпоративная попойка в честь нового года.

Я откинулся на скамейке и закрыл глаза. Голова немного ходила кругом от всего выпитого вчера. В Летнем Саду приятно пригревало солнышко, пахло приятно по осеннему.

- Но на самом деле ты не был на той пьянке. Это твоя проекция там была. Ты вместо этого был в небольшом городке на северо-западе Англии. Причём, не в этой вселенной...

Краем своего мозга я чувствовал, что он прав, но до конца вспомнить произошедшее не мог.

- Поэтому ты не можешь быть сейчас пьян. Ты не пил вчера, ты был занят более важным делом...
- И каким же? - не понимал я. Я выпрямился и стал глядеть перед собой, расфокусировав взгляд.
- Ты собирал улей.
- Улей? - медленно произнёс я и стал по мелким кусочкам вспоминать свой сон.
- Нет, это не сон, - вмешался союзник. - Твой мозг пытается тебя убедить в том, что это всё неправда. Но это не так. Всё правда.
- Как так? И Патрик — тоже правда? И эта... как её? Алина? - начал вспоминать я.
- И Патрик, и Алина...

Одно воспоминание потянуло за другое и вот уже цепь выехала откуда-то из подсознания.

- И ты там был! - я повернул голову в сторону Союзника, который теперь сидел справа от меня на скамейке. Он был одет в чёрный плащ, в солнцезащитных очках

и в фетровой шляпой на голове. Он смотрел куда-то вперёд.

- И я там был, - кивнул Союзник, не отводя взгляда.
- Ты спас мне жизнь!
- Есть немного. Но это совершенно неважно. Важно другое...
- Рома?! - озарило меня.
- Да, - подтвердил Союзник, - он.

Я самодовольно откинулся на спинку своего кресла. Дверь в мой офис отворилась и вошёл тот самый парень из отдела аналитики.

- Игорь Анатольевич, к сожалению, я не смог найти местоположение Романа Юрьевича, так как он давно не заходил в интернет...
- Это неважно. Я его уже нашёл. Можешь идти, - только и ответил я.

Он кивнул и вышел. А я расплылся в улыбке.

Это было так очевидно! Всё сошлось в этакую единую точку. Теперь всё встало на свои места. И теперь я точно знал, как найти Рому.

Я встал с кресла и вышел из комнаты. На часах уже было шесть, Таня ушла, в офисе было пусто. Но мне не терпелось похвастаться своей находкой перед Владимиром Алексеевичем.

Двойная ловушка

Рома

Я лежал в кровати в светлой комнате и слышал звон в ушах. Что-то внутри меня сломалось, что-то изменилось после всех событий. Я оглянулся по сторонам и понял, что лежу в какой-то палате, но уже хотя бы не в сумасшедшем доме. Цвет стен и плакаты на них подсказывали, что я снова в «.». От этого меня охватила паника. Я опять в этом сумасшествии! Я опять в ловушке! Ведь, если доктора Меньшова на самом деле не существовало, значит я опять вернулся на линию с точечным отстрелом, и моё физическое уничтожение на этой линии неминуемо. Если же, доктор существовал, значит он был прав, и я опять нахожусь в ловушке, только на этот раз — своих галлюцинаций и иллюзий. Оба варианта вызывали панику и навевали депрессивные мысли.

Я в отчаянии схватился за голову, уселся на кровати и заплакал. Слезы лились очень неохотно и скупно — разучился я плакать за годы своей жизни. Впрочем, чего ещё ожидать, если с самого детства мне все окружающие говорили, что мужчины не плачут... Вот я и поверил в это... Впрочем, если этот мир — всего лишь плод моего воображения, то здесь меня ничему не учили, а значит и плакать я могу навзрыд, наплевав на все нормы приличия.

Я заплакал навзрыд...

Кто же я на самом деле, и что же со мной происходит?! В какой момент я потерял уверенность в истинности себя? Почему я не могу жить нормально и спокойно как все: найти девушку, жениться, влезть в ипотеку и выплачивать её всю свою оставшуюся жизнь или до смерти президента страны, работая при этом преподавателем в вузе, получая свои официальные гроши и неофициальные деньги за оценки блатным? И действительно: почему бы мне, когда первый раз предложили, не взять деньги за то, чтобы поставить

зачёт «внучатому племяннику троюродной сестры друга декана общеэкономического факультета»? Зачем эта принципиальность, этот свой путь, а потом — эта статья, эта организация, эта «.»?! И что я за человек-то такой?! И человек ли вообще? Может быть, ничего этого не существует? Может быть, даже сумасшедший дом не существует, а я — всего лишь капля пота на лбу розовой коровы, участвующей в межгалактических паралимпийских играх. И пока я стекаю со лба и веду своё движение к полу, я существую, я живу, я мыслю и трансформируюсь в нечто другое, неизвестное... Но стоит мне, наконец, достичь пола, как и существование моё прекратится. Тоже неплохая перспектива...

Мысли путались в голове и перескакивали с места на место, напоминая бред сумасшедшего. Явно со мной что-то было не так.

Неожиданно дверь открылась и вошёл Алексей Алексеич. Он окинул палату взглядом и посмотрел на меня, хнычущего маленького мальчика, сидящего на кровати, обняв свои колени, и утирающего слёзы. Он подошёл ко мне, сел на край кровати и похлопал по плечу.

— Эа-эа. Всё закончилось. Твой кошмар из овер, и ты эген с нами. Ты эген под нашей опекой.

Я посмотрел на него с непониманием и слёзы остановились сами собой.

— Ты был в транс кондишн, на грани с комой, в течение недели. Очень сильно бредил, говорил эбаут какой-то Кирилл и доктор Меньшов... Мы беспокоились о тебе.

Как же, беспокоились! Скорее беспокоились об идеологии «.»...

— Вы за это время ещё кого-то убили? - грустным голосом спросил я.

Алексей Алексеич смутился.

— Мы не убивали. Сосаити вынесло ряд приговоров, и мы привели их в исполнение...

— И кого же в этот раз? - печально спросил я, взвешивая в своей голове, сколько мне осталось ещё сидеть в этой клетке. Я опустил ноги на пол.

— Мы дошли до буквы «К»...

Я покачал головой.

— Бат ты зря переживаешь, - воодушевлённо продолжал Алексей Алексеич. - Рыбинская систем в очередной раз продемонстрировала своё бессилие: все номенклатурщики боятся лезть в это дело. Как их начали мочить, так присмирели, а теперь, когда мы грохнули главу ФСБ, вообще не высовываются и шёлковыми стали. Никто никаких конкретных действий не предпринимает. Наоборот всё встало, и все боятся какое бы то ни было решение принимать против пипл. Все Рыбинские инициативы буксуют... Даже после обращения Рыбина к нации об угрозе терроризма и введения в стране чрезвычайного положения, ничего не изменилось. Наоборот, это пипл озлобило ещё больше, поэтому сейчас происходят многочисленные независимые точечные отстрелы по всей стране, к которым мы уже не имеем никакого отношения.

— Вы не пипл, - перебил и передразнил я. - Вы даже его не представляете. То, что твоя террористическая организация разрослась и теперь несёт хаос из разных уголков страны, ещё не говорит о том, что ты представляешь интересы народа...

Алексей Алексеич разочаровано вздохнул, покачал головой и в качестве последнего довода заключил:

- Энивэй остановить это уже невозможно... Если даже нас прикроют, процесс уже запущен. Люди видят, что «точечный отстрел» работает, а чиновники стали задумываться о том, стоит ли воровать и нужно ли лишний раз нестись по встрече...
- Что работает-то? - посмотрел с умилением на него я. - Ты же сам говоришь, что ничего не происходит в стране, и никаких решений не принимается. Всё встало из-за террористической угрозы. Пока есть «.», есть угроза, есть ваш «точечный отстрел»...
- Твой вообще-то, - перебил Алексей Алексеич.
- Нет, не мой. Ваш! - с напором отметил я. - Вы реализовали идею, вы прочли мои слова так, как вам этого захотелось, как это было выгодно. И теперь есть все основания для того, чтобы физически уничтожить «.», и даже мировое сообщество не будет против этого.
- Да плевал я на мировое сообщество, - вспыхнул Алексей Алексеич и вскочил с места, начав наворачивать круги по комнате. - Эта «суверенная управляемая ручная демократия» достала уже всех, причём не только в пределах нашей страны. Выходки Рыбина внутри страны и за её пределами уже никем не воспринимаются хорошо. Россия на мировой арене стала страной клоунов, возглавляемой немолодым, маразматичным хамом и грубияном! Но им то что?! Им нет до нас дела, и нам нет никакого дела до них. Главное — это то, что люди поддерживают нас! Людей не уничтожить!
- Зато «.» вполне можно показательно уничтожить, - проговорил печально я вслух и задумался.

Неожиданно в голову пришла очевидная мысль: если это всё на самом деле лишь моё безумие, то надо следовать совету доктора Меньшова. Он же говорил, что я смогу вернуться к нормальной жизни, когда все «.» будут уничтожены... Мысль настолько была простой и очевидной, что разом сняла с меня все проблемы. На лице моём разлилось спокойствие и умиротворённость. В душе стало тепло и даже весело. Я рассмеялся во весь голос.

Алексея Алексеича это разозлило ещё больше, но он явно сдерживался от неприличных высказываний в мой адрес. Чтобы не вскипеть он прикрыл глаза, глубоко вздохнул и с деланным спокойствием заключил:

- Ладно. Зис демагогия ни к чему не приводит. Энивэй мы с тобой на одной стороне. И ты сам прекрасно понимаешь, что другого выхода нет...

Он помолчал, глядя на меня, ожидая хоть какой-нибудь реакции, но я только хихикал и смотрел на него с самодовольной улыбкой. Я проникся абсолютным безразличием к «.» и своей жизни на этой линии и уже переключился на позицию наблюдателя, как учили Кирилл и Меньшов. Я неожиданно стал всё меньше и меньше верить в себя здесь. Я начал ощущать себя в каком-то другом месте, совершенно ином, не связанном ни с этой линией, ни с какой бы то ни было предыдущей... почему-то в том месте было море...

- Ах, да, - вспомнил Алексей Алексеич, вроде бы уже собиравшийся уходить, - бай зе вэй о «.». Сайт твоего дружка прикрыли как экстремистский в соответствии с законом о «СМИ». Всю редакцию арестовали, компьютеры и документы изъяли, а

самого Игоря выпустили при условии, зет он будет кооперэйт со следствием. Так что будь осторожен и не вздумай выходить с ним на связь!

- Откуда у тебя такая информация? - я не хотел верить ему и воспринял всё это как глупую шутку.
- Мы разрослись настолько, зет уши у нас есть теперь везде.

Я задумался и неосторожно обронил вслух:

- Значит и у него тупик. Тогда мне абсолютно точно надо с ним встретиться.
- Ты с ума сошёл? Он же всех уничтожит! - снова был готов сдетонировать Алексей Алексеич. - Игорь работает на номенклатуру, а значит с удовольствием заложит кого угодно за деньги.
- Он мог измениться за это время, но это всё ещё мой друг и, возможно, единственный человек, способный меня понять, - спокойно заключил я тоном, не подразумевающим обсуждений.

Алексей Алексеич глубоко вздохнул.

- Ты же понимаешь, зет я не могу допустить, чтобы ты натворил глупостей и подставил нас?

Я криво улыбнулся, уже понимая, к чему он ведёт. Он помолчал пару секунд, кивнул головой как бы в подтверждение своих мыслей и позвал:

- Охрана, - и встал с кровати.

В комнату вошли Миша и какой-то неизвестный мне парень — оба одинаково бритые, накаченные и одетые в одинаковую униформу.

- Свяжите его и проследите, чтобы он не покидал эту комнату. Кормить три раза в день, по просьбе приносить чай и включать телевизор.

Оба одновременно выдали: «будет сделано» — и направились ко мне. Я не сопротивлялся а только улыбался их недалёкости и глупой наивности. В конце концов у меня есть свои методы выхода на свободу. Только сказал Мишке, глядя с деланной досадой на него:

- И ты, Миша? - и печально улыбнулся.

Он лишь в ответ с сожалением еле заметно поджал губы.

Привязали они меня к кровати крепко — так, что даже толком шелохнуться нельзя было — всё проверили, посмотрели на Алексея Алексеича. Тот только дал им знак, и они вышли.

- Я очень сори, что так получается...
- А я всё равно отсюда выберусь, - улыбаясь проговорил я.

Он покачал головой, тяжело вздохнул, осмотрел комнату. Взгляд его остановился на старом электронно-лучевом телевизоре, подвешенном на ноге к стенке, бросил по привычке: «Надо бы тебе телевизор побольше...» — потом осёкся, добавил: «А, впрочем, какая разница?» - махнул рукой и вышел.

Но сразу же после этого на меня напала апатия — делать ничего не хотелось (да и не было особых физических возможностей), только мысли о том, что «.» закрывается, не

покидали меня. Сайт Игоря закрыли, мою организацию очевидно вот-вот прихлопнут. Значит совсем скоро я стану свободным. Но до этого мне надо встретиться с Игорем, чтобы посмотреть на него и от него самого услышать о сайте. Но как бы так встретиться с ним на нейтральной территории и переговорить?.. Нужно попытаться повторить свои трюки с перемещениями...

А эти мои воспоминания с линии Мэтью?.. Кто такой тот Кирилл? Почему он так свободно со мной говорил и был столь самоуверен? И к чему он допытывался о 41? И что это вообще такое «41»? С чего я должен что-то знать об этом? Впрочем, можно ли доверять сумасшедшему фанатику?!

Я даже и не заметил, как в этих мыслях погрузился в сон...

Организация, запрещённая на территории РФ

Игорь

- Я знаю, что ты хочешь сейчас же броситься к Роме, - заговорил Союзник. - Очевидно, что ты хочешь все решить как можно скорее и стать свободным. Но одному тебе делать этого нельзя. Рома силён и у него сильные союзники. Поэтому тебе нужно вывести его из своей зоны комфорта — тогда он будет уязвим. А для этого тебе нужно скооперироваться с властями.

Я кивнул. Союзник говорил дело. Мне нужен был Владимир Алексеевич.

Я открыл дверь и вошёл в приёмную.

- Официальный представитель Федеральной Службы Безопасности России выступил сегодня с заявлением, - со стеклянными глазами зачитывала ведущая по телевизору. - После спецоперации, проведённой в Бибирево, в Москве, были устранены террористы Сергей Бирюков и Александр Песков, руководители московской ячейки террористической организации «.», запрещённой на территории России. Как утверждается, в квартире террористов было найдено оружие, фальшивые документы и адреса их подельников, которые помогут вывести сотрудников к Иовлеву Роману Юрьевичу, главе и идейному вдохновителю организации.

Врут! Даже, если эти двое действительно имеют отношение к «.», на Рому они не выйдут. Явно пытаются укрепить ассоциации с террористами в сознании зрителей. Но не тут-то было! Хоть они и действительно являются террористами, но народ очень хорошо отнёсся к убийствам чиновников. Так хорошо, что посещаемость сайта выросла на порядок. Модерация сайта уже помогала плохо, так как новости писали независимые посетители из разных точек страны...

Я взглянул на секретаршу Владимира Алексеевича.

- Здравствуйте, Игорь Анатольевич, - с кислой миной поприветствовала она меня. - Присядьте, Владимир Алексеевич скоро освободится.

Я кивнул и сел. Кофе она мне в этот раз предлагать не спешила. Кажется, я впал в немилость.

- На Украине сегодня принят закон о растлении малолетних, - продолжала ведущая по телеку. - В соответствии с законом любой украинский гражданин может теперь безнаказанно насиловать российских детей. Со специальным репортажем из Киева наш корреспондент Олег Придумов.

Телевизор как всегда жил в своём собственном мире, не пересекающемся с моим. Из-за того, что этого устройства у меня дома не было в принципе, все передачи сейчас просто не воспринимались в серьёз. Для того, чтобы быть с ним на одной волне, надо его смотреть постоянно. Стоит отойти от устройства на полгода — год, и всё — контакт потерян.

Дверь открылась и из кабинета Владимира Алексеевича вышло трое в одинаковых деловых костюмах. Они по очереди бросили на меня косые взгляды и пошли на выход. За ними вышел Владимир Алексеевич, весь в поту и жутко переживающий.

– Честное слово, мы всё исправим в ближайшие же часы. Не переживайте, - говорил он им в след, но они не обратили на него никакого внимания.

Я сидел, не шелохнувшись и наблюдал. Спустя несколько секунд Владимир Алексеевич повернулся в мою сторону и со злобой проговорил:

– Ты! Надеюсь, ты с хорошими новостями! В мой кабинет!

Он прошёл, я — за ним. Он плюхнулся в своё кресло, глубоко вздохнул и схватился за голову.

– Это просто какой-то пипец! - начал он. - Вначале этот твой дружок с экстремистскими идеями, теперь его организация перешла к террору... А тут ещё на сайт вылезли все эти ненормальные, проплаченные госдепом... Ты почему не следишь за тем, что публикуется у тебя на сайте?

Он встал и стал нервно ходить по комнате, теребя полы своего пиджака. Я мог бы рассказать ему о том, что сайт у нас самостоятельно регулируется, и у него нет централизованного контроля, что он изначально так проектировался но, думаю, что Владимиру Алексеевичу это сейчас было не интересно. Ему над было выговориться.

– Ты видел, что люди пишут у тебя под носом? - тыкая пальцем в мою сторону продолжал он. - Все эти «так и надо Кириенко, давно его надо было замочить» и «недавно в Москве замочили Володина, молодцы ребята, так держать!»... Это же какое-то безумие! Пишут у тебя на сайте, а я за это должен отвечать?!

Всё это было интересно, но не мне. Сайт выберет то, что ему интересно, и такие как этот на него повлиять не могут. А он, кажется, этого до сих пор так и не понял. У меня было важное дело, по сравнению с которым кресло, горящее под жопой Владимира Алексеевича, казалось третьесортной скучной мелочью.

– Ты понимаешь, что Роскомнадзор собирается блокировать твой сайт? - не останавливался он. - Я сегодня в течение часа уговаривал дать нам ещё хотя бы день на то, чтобы избавиться от всего этого мусора. Мне еле-еле удалось их уговорить. И если сейчас же сайт не очистить, то это всё, конец! Полетят головы, причём одной из первых будет твоя!

Почему-то угрозы с его стороны на меня совершенно не произвели никакого впечатления. Я едва верил в реальность существования Владимира Алексеевича, а уж поверить в то, что мне кто-то что-то может сделать, я не мог тем более.

– А этот твой дружок! - он перешёл на крик. - Этот юный террорист! И как ему в голову только пришло хулиганскую организацию переделать в полноценную террористическую ячейку?! Я знал, что от него надо было избавляться, когда была возможность! Но нет, тебе нужно было сделать всё для того, чтобы он сбежал!

Владимир Алексеевич подошёл поближе ко мне и посмотрел в упор.

- Надеюсь, ты понимаешь, что ты повинен в смерти людей? Ты пособник террористов! Если бы ты тогда не укрыл этого подонка, а сразу же нам сообщил, сейчас всё бы сложилось совсем по другому!

Он мне надоел. Я встал с кресла, так, что Владимир Алексеевич в страхе сделал шаг назад и замер в ожидании. Я окинул его взглядом с головы до ног, затем посмотрел в глаза, чем вызвал в нём прилив ужаса. Я улыбнулся и спросил его:

- Хочешь, покажу, где Рома?

Сон перед концом света

Рома, Игорь

Мне снилось море.

Где-то высоко надо мной висело солнце, а я плыл в маленькой парусной лодке, по направлению зова сердца и вдыхал солоноватый воздух. На небе ни облачка, даже ни одного намёка на него. Вода гладкая и спокойная, но лодка уверенно шла вперёд под парусом, раздутым неощутимым ветром.

Я расслабленно плыл по водной глади, когда услышал слева по борту, где-то вдалеке крик. Голос я узнал сразу же. Это была Лиана. Она истошно в диком отчаянии кричала «помогите», как будто что-то страшное случилось. Я сразу же повернул руль влево, вдавил педаль газа и направился в сторону криков.

Я отметил, что уже управляю не парусной лодкой, а Запорожцем с нормальными рулём, педалями и коробкой передач, но при всём этом спокойно идущим по воде, а не по земле. По мере движения в том направлении цвет воды менялся и на поверхности даже появилась рябь. Однако никого пока на горизонте не было видно...

Удивительно, как окружающий мир быстро и неконтролируемо менялся! Ещё секунду назад я плыл в бесконечном море, и вот теперь я уже плыву в беспокойном озере, окружённым берёзовым лесом. Ещё мгновение, и я уже не в Запорожце, а в байдарке с двухлопастным веслом в руках. Такое ощущение, будто мир сам меняется под меня, пытается подстроиться, найти, что же мне нравится больше и угодить.

Попытавшись сконцентрироваться на крике, я пригляделся и увидел в воде на куске дерева двух человек. Лиана держалась из последних сил, но ещё шевелилась и издавала звуки. Рядом с ней лежал бездыханный Игорь.

- Лиана? - удивился я и начал поддаваться своим эмоциям. - Что это значит? Что происходит? Что ты тут делаешь?

Я подплыл поближе на своей вёсельной лодке и попытался как-нибудь дотянуться до них.

- Ты исчез, я бросилась на твои поиски, - рыдающим голосом сбивчиво объясняла она, протягивая руку в мою сторону. - Потом этот корабль, крушение...
- А что с Игорем? - спросил я, подгребая поближе к ним.
- Он в порядке. Только всё повторял, что ты его бросил, а потом потерял сознание...
- Нет, нет! Я его не бросал! - возразил я. - Я тут.
- Рома, ты тут? - устало заплетающимся языком проговорил Игорь.
- Да, я здесь, я сейчас помогу, - отозвался я. - Держись. Только Лиану вытащу.

– Нет, - возразила она. - Вытащи вначале его. Ему хуже, он важней...

Задумавшись на секунду о том, насколько же странно всё происходящее, я стряхнул с себя плохие мысли, протянул руку Игорю. Он взял её, а я подтянул его к борту своей шлюпки. Море забушевало и стало вздымать волны. Игорь поднял лицо и посмотрел с благодарностью на меня.

– Ты можешь на меня всегда рассчитывать, - проговорил я, глядя на него.

Игорь улыбнулся и сжал мою руку покрепче. Я заметил, что в улыбке его была нотка самодовольства.

– Как хорошо, что я нашёл тебя, друг, - проговорил он.

Сразу же после этого раздался грохот и сон рассыпался на части...

Я проснулся в своей комнате, по всему зданию носились звуки сирены. Ремней на мне уже не было, зато была белая просторная пижама в тёмно-синюю вертикальную полоску. Я спокойно встал с кровати и вышел в коридор. Там творился хаос: люди бегали из стороны в сторону, в одни комнаты вбегали прямо в пижамах, а из них уже выбегали в чёрных комбинезонах, из других комнат выбегали с винтовками на перевес и поспешно бежали занимать свои позиции. Поглядев на них, я понял, что хаос был только кажущимся. На самом деле все здесь выполняли заложенные в них соответствующим обучением инструкции.

Неожиданно из всей этой суматохи нарисовался Алексей Алексеич.

– Кто тебя выпустил? Где охрана? - строго рявкнул он.

– Я сам вышел, ты же знаешь, меня никто не удержит, - мимоходом ответил я.

– Возможно, только тюремная камера с твоим дружком в роли надсмотрщика тебя удержит, - бросил с издёвкой он. - Как он узнал, что мы здесь?

– Я-то откуда знаю? - дёрнул я плечами и посмотрел испытующе на Алексея Алексеича. - Я вообще-то был к кровати привязан всё это время, ты забыл?!

– Вечно у тебя всё не как у людей, - взволнованно произнёс он. - Не знаю, что ты сделал и как, но если ты попытаешься ещё какие-нибудь глупости сотворить, я тебя просто убью. Физически. Слишком велик риск... - жёстко и настойчиво заверил он.

И в этот момент я почувствовал какое-то движение в воздухе, чьё-то намерение, чью-то энергию, какую-то информацию в пространстве. Я ощутил присутствие Игоря где-то снаружи, за толпами спецназовцев... На слова Алексея Алексеича мне неожиданно стало абсолютно наплевать, мне во что бы то ни стало надо было встретиться с моим другом.

– Я ухожу, - категорично заявил я и направился к выходу.

– Ты сдурел?! - закричал в гневе он. - Я второй раз предупреждать не буду. Вернись в комнату!

Но я уже не обращал внимание на вопли Алексея Алексеича и направился в одной пижаме прямо на выход из терпящей крушение «.». По собственным ощущениям я отметил, что восприятие мира в тот момент у меня было похоже на восприятие с линии «супермена», хотя не было той потери памяти. Я ощущал, что настоящий я нахожусь где-то в другом месте, где-то, рядом с морем. А эта линия — всего лишь иллюзия.

- Охрана! - закричал Алексей Алексеич, и прямо передо мной из толпы всплыло два человека. - Обезвредить Романа Юрьевича!

И охранники набросились на меня, пытаясь скрутить. Однако у них даже не получилось схватить меня за руки — я просто повернул корпус тела и убрал руки в тот момент, когда они потянулись ко мне и готовы уже были сжать свои цепкие пальцы. Я продолжил движение, а охранники бросились за мной, но схватить меня у них всё никак не получалось: играючи и посмеиваясь я убирал то руку, то ногу, то край пижамы, за которые те пытались ухватиться, и, не останавливаясь, продолжал движение вперёд к выходу из «.». Происходило всё это для меня настолько естественно, что казалось удивительным, что я не умел так делать раньше. Один из охранников разозлился, достал шоковый пистолет, направил на меня и выстрелил в спину. Однако этот выстрел был настолько читаемый и понятный, что я с лёгкостью увернулся от снаряда и тот попал в одного из боевых хомячков «.», выходявшего из комнаты. Хомячка ударило током, и тот повалился на пол, дёргаясь в конвульсиях.

До выхода оставались считанные метры, когда неожиданно мне на встречу выбежал Миша с автоматом Калашникова на перевес.

- Уничтожить предателя, не дать ему уйти! - заорал с пеной у рта сзади Алексей Алексеич.

Миша встал как вкопанный, вскинув автомат. Взгляд у него был решительный и смелый, но видно было, что он сожалеет о том, что надо сделать.

- Миша, не делай этого, - по отечески проговорил я.
- Прости, Рома, - еле слышно ответил он и уже начал нажимать на курок, когда меня осенило, что надо сделать...

Я бросился вперёд на Мишу. Когда пуля покинула ствол автомата и приблизилась ко мне, я просто сделал шаг в сторону и лёгким ударом кулака сверху вниз перенаправил её в пол, затем сделал ещё пару шагов и выбил автомат ногой из рук Миши в сторону. Всё это происходило очень быстро, но для меня время на этот эпизод растянулось: я из блуждающего в тумане фонарика превратился в точку... Далее я сжался как пружина и прыгнул куда-то далеко из «.», сквозь стены, в сторону маячка-Игоря на горизонте. Подобные перемещения я совершал будучи «суперменом», и теперь этот трюк с одной стороны показался мне совершенно естественным и привычным, а с другой стороны — необычным и настораживающим. Если я такое проделываю здесь, не значит ли это, что я действительно сумасшедший и живу в выдуманном мире?

Я оказался в лесу. Стоял босиком прямо на земле, укрытой свежим снегом. Посмотрел по сторонам. Миша, по-видимому, в последний момент умудрился уцепиться за правую штанину моей пижамы, и теперь переместился вместе со мной. Только я стоял на поверхности, а он оказался закопанным в землю по пояс, но, несмотря ни на что, упорно держал меня и не отпускал.

- Что за чёрт?! - ни на шутку перепугался он. - Что я тут делаю?! Как мы сюда попали? Что ты натворил, Рома?
- Тебе же лучше, что ты здесь оказался. Дольше проживёшь, - заключил я и дёрнул ногой, порвав штанину и оставив кусок ткани в его руке.
- Эй! Так нельзя! А как же «.»?! А как же спасение России?!
- «.» не существует, - заключил я и направился прочь от Миши, вглубь леса, туда,

куда подсказывали внутренние ощущения.

Где-то там, за холмами, был Игорь, и я уже знал, что он идёт ко мне навстречу...

- Постой! Ромка! Помоги мне! - кричал мне вслед Миша. - Не бросай меня! А как же я выберусь отсюда?

Но я не обращал на него внимание. В конце концов, какая разница? Он же всё равно не существует... Всё это теперь явно представлялось мне мелочным и ненужным.

Недалеко от места моего расположения, где-то справа раздались громкие хлопки, затем выстрелы. Я уже знал, что это отряд «Вымпел» начал наступление, завязалась перестрелка. Вовремя я оттуда смылся. Правильно сделал, что сбежал — не попаду под ненужные взгляды и не вызову лишних вопросов.

А Игорь где-то рядом. Он тоже меня чувствует и идёт ко мне...

Я поднимаюсь на холм, и вижу вдалеке фигуру в чёрном костюме. Она идёт по лесу, и тот преобразается по мере её передвижения то в пустыню, то в тропики, то в весенний лес. Удивительно, как быстро Игорю удаётся это делать... Только, по-видимому, он сам не особенно отдаёт этому отчёт.

Я машу ему рукой, но он не отвечает на это, однако я чувствую, что что-то с его стороны сковывает меня и вытягивает. По мере нашего сближения я слабею. С каждым шагом мне становится не по себе, и я чувствую, что теряю себя. Я гляжу на свои руки, и вижу как они становятся полупрозрачными. Я слабею и падаю на колени на землю...

«Игорь, что же это происходит?! Что же ты со мной делаешь?!»

Игорь подходит ко мне, смотрит сверху вниз и приветствует:

- Ну, здравствуй, Рома. А ты совсем не изменился...

Мир кружится в хороводе вокруг меня, а я проваливаюсь в чёрную бездну...

Чай с жасмином

Рома, Кирилл

Я открыл глаза и вдохнул полной грудью. Я сидел за столом на балконе на даче у своих родителей. Напротив меня сидел задумчивый Кирилл. В воздухе звенели мухи и перекрикивались чайки, висел солоноватый запах. С балкона открывался вид на море. Светило яркое солнце и было жарко. Перед нами стоял чайник и две палы.

- Поздравляю! - заявил Кирилл. - То, что ты перенёс своё сознание в стазис — это очень сильное везение. Теперь ты временно в безопасности.
- Я сделал что? - переспросил я.
- Когда ты начал терять энергию, ты перенёсся в безопасное место. Ты уже здесь был, так что произошло это совершенно рефлекторно. Это в тебе сработал своеобразный механизм самосохранения.

Я не знал, что сказать на это, поэтому просто промолчал. Кирилл улыбнулся.

- Должен тебе сказать, что это наша с тобой последняя встреча, - проговорил он, наливая мне чай в чашку.
- Почему?
- Потому что я выполнил своё задание. Ты мне помог с ним разобраться...

- Это про 41? - спросил я.
- Да, но это тебя не касается, - обрезал Кирилл тоном, не подразумевающим никаких споров.
- Я тебе помог, но меня это не касается? - удивился я.
- Да. Это пока не твоё дело.

Он вздохнул и резко сменил тему:

- Ты повзрослел, теперь тебе нужно для себя самого решить, кем быть и что делать дальше.

Я почувствовал в словах Кирилла грусть и подколот его, воспользовавшись моментом:

- Ну, не плачь! Может, мы ещё встретимся?..

Кирилл усмехнулся.

- Это уже от меня не зависит — всё в твоих руках.
- Ты как всегда говоришь загадками, - отметил я.
- А по-другому и нельзя, - возразил он. - Человеку можно только показать, что дорога существует, выбрать путь, встать на него и пройти по нему он должен сам...
- Кирилл, - перебил его я, перескакивая на другую тему, - скажи мне, я сумасшедший?

Тот улыбнулся в ответ.

- Как же ты до сих пор не понимаешь? Любой человек может быть тем, кем он хочет. В этом и есть прелесть жизни! Если ты согласишься, что ты в психушке, то и будешь в ней. Если захочешь жить в тоталитарной стране и быть бедным и несчастным, так им и будешь. Захочешь быть бомжом, будешь им. Если же захочешь, то сможешь стать чем-то большим, чем просто обывателем, лидером или психом. Каждый человек получает от жизни ровно то, что он заказал. Только не все понимают, что заказы у них жизнь принимает постоянно, поэтому надо быть осторожными в своих желаниях.
- Значит то, что говорил доктор Меньшов — неправда? - засомневался я.
- Это правда только до тех пор, пока ты в неё веришь, - отрезал Кирилл. - У тебя же сейчас на самом деле есть уникальная возможность стать абсолютно свободным, ни от кого не зависимым конструктором. Потому что только конструктор истинно свободен и может действовать в мирах так, как ему подсказывает сердце...
- И что же я должен для этого сделать? - спросил я, сделав глоток из чашки. У меня был зелёный чай с жасмином, себе же Кирилл налил из того же чайника Пуэрх.
- Прежде всего — собрать себя воедино, не забывая, кто ты есть на самом деле. Видишь ли, у тебя есть уникальная способность — при угрозе жизни, ты бессознательно переносишь себя на другую линию, в другую проекцию. Я такого не встречал ни разу, и по началу не знал, что с этим делать. Но потом смекнул, и начал помогать тебе собраться...
- Как? - задал я вопрос, и ответ пришёл ко мне сам собой откуда-то изнутри, поразив до глубины души...

...Я иду по тёмной улице с неработающими фонарями, кутаясь в шарф и задирая воротник пальто, прохожу мимо подворотни, из которой выскакивает мужчина и резко всаживает мне нож в живот...

...Я иду по пустыни к городу Кирасу. Моя лошадь уже умерла несколько километров назад, а вся вода по непонятному стечению обстоятельств закончилась два дня назад. Кто-то продырявил одну из фляг... Перед глазами всё плывёт, и сил больше нет...

...Я вальяжно перехожу улицу на красный свет и болтаю по мобильнику. У меня розовая женская сумочка через правое плечо, ногти, крашенные розовым лаком..., да и вообще я блондинка. Неожиданно на переход вылетает спортивная чёрная машина и сбивает меня...

Всплывших сцен было значительно больше, я даже не все из них смог воспринять... Шоковое состояние, однако, прошло достаточно быстро.

- Ты убивал мои проекции? - возмутился я.
- Не совсем. Для многих из твоих проекций вообще ничего делать не надо было: они и так считали себя несчастными и были на грани, не осознавая этого. Максимум, что я делал — это взмах крылышком бабочки.

Я покачал головой, даже не пытаясь вместить в себя эту информацию.

- Осознания у них было немного, но тормозили тебя они сильно.
- Ты дьявол во плоти! - обдумывая всё это на полном серьёзе проговорил я.
- Нет, - улыбнулся Кирилл. - Я всего лишь конструктор. Я собираю.

На некоторое время воцарилось молчание, нарушаемое лишь щебетанием птиц. Наконец Кирилл продолжил.

- Так вот. У тебя есть эта уникальная способность прыгать... Но эта же способность есть и у твоего друга, Игоря... И в этом заключается главная проблема.
- Почему же это проблема? - не понимал я. - Разве это не здорово!

Кирилл со скепсисом посмотрел на меня.

- Для того, чтобы ты понял, я тебе открою одну тайну, которую до того я не мог тебе раскрыть. И чтобы понять её до конца, тебе нужно эту тайну пережить...
- И что же мне нужно делать? - спросил я.
- Ты соберёшь мир, в котором ты был всегда в другой роли. Более того, ты всегда осознавал это, но никогда не мог до конца принять. Я тебе в этом помогу.
- И что же это за мир? Что в нём такого особенного?
- Ты всё поймёшь в своё время.

Кирилл достал из-под стола и протянул мне трубку, набитую каким-то сладко-пахнущим табаком.

- Обычно я против таких вещей, но сейчас тебе это поможет — нужно ослабить хватку и понаблюдать за происходящим безучастно, со стороны, не влияя на происходящие события, чтобы ненароком их не изменить.

Солнце светило всё ярче, забираясь выше и выше на небо. Тучки носились по одиночке, играя в пятнашки. Птицы обсуждали какие-то свои насущные проблемы. Мир

был спокоен и уравновешен.

Я набрался смелости, поднёс трубку ко рту и затянулся.

Кирилл засмеялся во всю грудь, хватаясь за живот и в конце концов просто свалился на землю и стал кататься, корчась от смеха...

– Дурик, - наконец успокоился он и заговорил. - Ты её хотя бы зажги для начала, что ли... Видел бы ты себя... Вот умора! С таким серьёзным выражением лица...

Я засмеялся сам, представив себе как это должно было выглядеть со стороны. Тогда Кирилл окончательно успокоился и улыбнулся, как будто говоря «молодец, в этот раз ты готов». Он протянул мне спички:

– Вот. Попробуй с этим.

Я поджёг табак в трубке и затянулся. Дым был сладким до тошноты, от него просто таки выворачивало наизнанку, но я держался, силясь побороть позывы.

– Ну, давай, давай, - заговорил Кирилл, похлопывая меня по спине, - Не сопротивляйся.

Я воспринял это как указание к действия и постарался расслабиться, после чего меня незамедлительно стошнило, от чего Кирилл вскочил на ноги и отпрыгнул от меня.

– Вот балда, я же имел в виду твой мозг, а не твой желудок! Фу, какая мерзость! Что это ты ел на завтрак? Овёс что ли? Чувствовал, что скакать придётся долго, а?

Кажется всё происходящее, как всегда, в большей степени веселило Кирилла, нежели раздражало. А, может быть, это был его метод отключения моего сознания. От этого его нескончаемого трёпа хотелось просто отстраниться, что я и сделал незамедлительно. Кирилл какое-то время ещё что-то там бубнил себе под нос и посмеивался, а потом неожиданно появился прямо перед моим лицом, взял меня за плечи и встряхнул.

– Игорь! Ты тут? - говорил он.

– Какой к чёрту Игорь, - подумал я. - Меня зовут Рома.

Но Кирилл не переставал называть меня Игорем, из-за чего спустя какое-то время мне уже было всё равно, кто я на самом деле. Игорь, Рома... Да, хоть папа римский — какая разница?

Кромка моря поплыла и стала сливаться в серые стены. Кирилл исчез из поля зрения. Зато передо мной стала вырисовываться совершенно другая картина...

Комната в японском стиле. Я сижу на татами, в джинсах и свитере, которых у меня отродясь не было. В руке — незнакомый мобильник, я сижу на каком-то сайте и читаю про банки, ничего особенно не понимая в этом.

– Что-нибудь заказывать будете, - спрашивает подошедшая официантка-казашка в японском кимоно.

– Да, будьте добры пока просто зелёный чай с жасмином — ко мне с минуты на минуту должны подойти друзья.

Я заметил, что уже давно у меня не было такого низкого уровня осознания. Уже более года, с тех пор как моя жизнь кардинально изменилась, я осознавал себя достаточно хорошо. Но сейчас я почему-то не мог особенно ни на чём сконцентрироваться. Более

того, создавалось такое впечатление, будто я особенно собой и не управляю — всё происходило на автомате, на каком-то очень глубоком уровне.

Девушка поклонилась и вышла. Я углубился в чтение текста, который понимал очень плохо. Там было что-то про мировой финансовый кризис, мировой заговор, какую-то «Амеро» и цены на недвижимость. На середине очередного предложения открылась дверь и вошёл Дима. Я встал и пожал ему руку. Он был занят какими-то своими мыслями, но был очень рад меня видеть (не припомню что-то, чтобы он был когда бы то ни было до такой степени рад нашей встрече). Только тогда я обратил внимание на свои руки. Они были совсем другими. На пальцах рук я почувствовал мозоли, как будто я на турнике часто висел или в руках держал какие-то палки. Сами руки были больше обычного и более волосатыми.

- А где все остальные? - спросил я не своим голосом.
- Сейчас подтянутся. Они вдвоём идут — Серёга вынужден был задержаться на работе, - ответил Дима.

В тот момент я заметил, что Серёга почему-то вызывает у меня раздражение и неприязнь. Странно. Я всегда к нему относился, если не положительно, то хотя бы нейтрально. Это были непривычные и несколько неприятные чувства. Я вообще уже давно отказался от подобных чувств и эмоций, а тут они во мне просто-таки росли и переливались.

Тем временем Дима уселся и, буркнув «мне тут надо кое с кем поговорить», углубился в чтение смсок. Я так же демонстративно уткнулся в мобильник.

Прошло буквально минуты две-три, когда дверь опять отворилась. Я вначале сделал вид, что не обратил внимание на произошедшее и только, когда в помещение зашёл человек, вскочил на ноги и стал с нескрываемой радостью встречать вошедших. Однако радость моя отошла на второй план и шок охватил моё осознание, хотя тело при этом, оставаясь независимым от меня, никак не реагировало, а продолжало действовать. Разум же готов был паниковать: в комнату вошли Сергей и я. К такому раскладу я совершенно не был готов.

- Ромка, привет! - кинулся я к себе с распростёртыми объятиями. - Чё вы так долго-то? Привет, Серёга!
- Да, привет, - кинули они в меня в ответ.

Только тогда всё встало на свои места. Я — Игорь! Это сразу же объяснило и волосатые руки, и мозоли, и эти статьи в мобильнике... Однако это совершенно не объясняло то, как же это так получилось.

- Ты в порядке? - спросил Рома.
- Да... всё фигня, - криво улыбнулся я в ответ.
- Дима, а ты чего там? Оторвись, поздоровайся! - поприветствовал Рома.

Дима взглянул на пришедших из-под мобильника и, бросив: «Привет. Я сейчас», - вернулся к своему занятию.

Все уселись поудобней, перекинувшись несколькими фразами о «делах» и прочем. Димка наконец-то оторвался от своей пассивности и присоединился к группе. Я начал вести. Я рассказывал о нашей идее создать децентрализованное СМИ с саморегуляцией. Мы немного обсудили саму идею, после чего в зале воцарила секундная тишина, во время

которой в комнату как раз вошла девушка, расставила чашки и, разлив по ним чай, спросила, будем ли мы что-нибудь ещё заказывать.

- Ну, что? Суши? Роллы? - спросил несколько оживившийся Дима.
- Давай, - ответил Рома. - Только ты выбирай.
- Игорь? Сергей? - обратился к нам Дима.
- Ты нас сюда позвал, ты и выбирай, - вырвалось из меня против моей воли.

Дима проговорил девушке какие-то непонятные слова, она кивнула и удалилась. Я взял свою чашку в руки и стал греть о неё свои подмёрзшие пальцы. Разговор зашёл о том, почему нужно делать акцент на студентах, почему нужно начинать с вузов, а не школ. Серёга несмешно пошутил в своём стиле, на что я жёстко отреагировал.

А на подсознании я внимательно следил за всем происходящим, и никак не мог поверить своим глазам и ушам. Только в тот момент я стал понимать, что все эти события уже произошли, причём достаточно давно. Всё это мы уже обсуждали в японском ресторане. Это был день основания интернет-проекта «.», тот самый день, когда Игорь нашёл себе настоящую работу.

- Больше всего съедают работа программистов и поддержание сервера, который нам потребуется для стабильной работы системы, - сказал Дима, после чего углубился в объяснение деталей.

А я сделал глоток из чашки, после чего неожиданно для себя заметил, как резко стал падать и без того небольшой уровень моего осознания. Я повалился на бок, схватился за голову и услышал, как ребята стали спрашивать всё ли у меня в порядке.

- Ромка! - с грустью в голосе проговорил я, после чего комната стала чернеть и исчезать.

Я потерял сознание.

Очнулся я спустя какое-то мгновение — меня тряс Кирилл. Моё лицо было мокрым от воды, которой тот меня, по-видимому, окатил несколько секунд назад.

- Ну, что, Ромка? Как ты?
- Я всё ещё Ромка, - еле-еле, неуверенно произнёс я.

Кирилл усмехнулся.

Точки над «і»

Игорь

По радио говорил воодушевлённый голос диктора. Он рассказывал о том, что brave бойцы спецназа накрыли по наводке из ФСБ логово террористической организации «.» и что её главарь, Иовлев Роман Юрьевич, был уничтожен. Радио с некоторых пор врало не меньше телевизора — невозможно в отдельно взятых источниках поддерживать картину мира, отличную от той, которая превалирует в головах большинства населения страны. Рома был всё ещё жив. Он смог скрыться от меня, и мне совершенно не было понятно, как это произошло.

- Из других новостей. Выставка современного художника, Дмитрия Лисина, в музее

современного искусства «Эрарта» вызвала ажиотаж среди жителей города. Люди выстраиваются в очереди для того, чтобы посмотреть на магические акварельные картины. Напомним, Дмитрий Лисин, бывший сотрудник веб-сайта «.», погиб при невыясненных обстоятельствах несколько недель назад. Выставку организовали его родители при поддержке его друзей. Открыл нам гений Дмитрия Лисина искусствовед Дмитрий Викторович Соколов...

Хоть что-то осталось от Димы. Этого Рома уже забрать не сможет...

Я выключил двигатель и вышел из машины. Передо мной стоял Владимир Алексеевич. Мы прошли внутрь здания не говоря ни слова. Пропуск на вахте, пару шагов по мраморной лестнице и вот мы уже в кабинете какой-то шишки, «сидящей сверху» Владимира Алексеевича.

- Несмотря на то, что вы помогли нам определить местоположение «.», главный террорист, ваш друг, Роман Юрьевич, скрылся. У нас есть основания полагать, что это произошло не просто так, - он укоризненно посмотрел на меня.
- Я к этому непричастен, - попытался отбиться я, но меня не хотели слушать.
- Помимо этого вы продемонстрировали полное неумение контролировать вверенный вам интернет-ресурс.
- Вообще-то он мой, а не вверенный мне, - опять попытался возразить я, но снова не получил никакого ответа.
- Надеюсь, Игорь Анатольевич, вы понимаете, что это просто так оставить нельзя. У нас есть все основания полагать, что вы всё это время вели подрывную деятельность и помогали террористам... За это в нашей стране положено очень суровое наказание.

Меня явно никто не собирался слушать сегодня. Меня сюда привели для того, чтобы распять. Но мне распинаться не хотелось...

- Однако, учитывая хорошее расположение к вам Владимира Алексеевича, мы решили, что для вас можно сделать небольшое исключение. Для того, чтобы против вас не возбуждали никаких уголовных дел, нам нужно, чтобы вы продали свою долю в сайте нашему хорошему другу, Алишеру Бурхановичу. После этого, у нас к вам не будет никаких претензий.

Я глубоко вздохнул и кивнул головой, понимая, что от меня ждут только одного ответа.

Эти двое пропали, теперь я был в своём кабинете.

Так бездарно профукать свой проект! И всё из-за Ромы — своей же собственной проекции.

- Это неважно, - заговорил Союзник. - Сайт тебе больше не нужен. Он выполнил свою функцию. Ты благодаря ему вырос и развился.
- Но я не хочу, чтобы мой проект попадал в руки упырей! - вспыхнул я.
- Тогда нажми на красную кнопку. Помнишь, Дима тебе рассказывал о ней?
- Кнопка? Какая ещё кнопка?
- Ну, Элла, о которой он тебе рассказывал.
- Какая ещё Элла?! Ничего такого не помню! - поморщившись заявил я.

- Дима подготовил механизм, который по команде отправит сайт в свободное плавание, - напомнил Союзник. - Какая-то там экспериментальная технология с искусственным интеллектом.
- Ах, это! Но её же никто даже проверить и отладить не успел...
- Ну, кто знает... Может, повезёт и она сработает?

Я сел за компьютер и открыл браузер. В адресной строке набрал название сайта, а после него — ключевые слова, о которых мне рассказал Дима. Хотя я сейчас особенно уже и не помнил Диму, но этот эпизод всплыл перед глазами как живой, возможно благодаря напоминанию Союзника.

Открылась страница, на которой было написано о том, что Адам и Элла готовы к работе. Меня спрашивали, хочу ли я выпустить их на свободу. Для этого мне надо было написать фразу «Элла, работай!» в специальном окне.

- Красная кнопка — это хорошо, - продолжал Союзник, - но не забывай о Роме! Тебе нужно встретиться с ним лицом к лицу и одолеть. Это будет непросто.
- Я не понимаю, как мне его одолеть и что делать. Но ты же мне поможешь? - спросил я и сделал глоток из бокала с Кальвадосом.
- Я не смогу тебе помочь во время конфронтации, - неожиданно ответил Союзник. - Есть некоторые договорённости, которые я не могу нарушать. Тебе предстоит не только самостоятельно победить, но и после этого выбрать, кем быть. Если ты хочешь быть истинно свободным, то для тебя есть только один путь.

Я откинулся на спинку кресла и задумчиво спросил:

- И что же это за путь?
- После того, как ты себя соберёшь, тебе нужно себя разнести по мирам. Истинная свобода заключается в том, чтобы не стоять на ступеньке в лестнице, а быть вне лестницы.
- Я ни черта не понимаю из того, что ты мне сейчас втираешь! Ты опять загадками говоришь, - стал злиться я.
- Когда придёт время, ты всё поймёшь. В конце концов у тебя будет энергия и знания всех твоих проекций.
- Чёрт с тобой! - проговорил я и опять склонился к компьютеру.
- Единственное, о чём тебе надо помнить, - заключил Союзник, - это тебе нельзя ни в коем случае выходить с Ромой в его стазис. Для тебя это будет означать окончание пути.
- Почему? - не понимал я.
- Просто конструктор использует стазис для упорядочивания, укрепления и защиты себя. Это мир, который он создал сам и в котором всё действует по его правилам и полностью подчиняется его воли. И не забывай: твоя сила заключается в хаосе, а не в порядке.
- Ладно. Не пойду, - заключил я и набрал «Элла, работай!» в окошке. - Ты мне лучше скажи, как мне найти Рому! Как мне до него добраться?
- Очень просто, - проговорил Союзник. - Вот так.

И в голове у меня закрутились маленьким торнадо мысли, вдуваемые откуда-то извне. Неожиданно всё стало вставать на свои места, и стало очевидно, что Рому искать-то и ненужно — он сам меня найдёт. Совсем скоро. И тогда-то мы расставим все точки над «і».

Последняя задача

Рома, Кирилл

- Я плохо понимаю, - рассказывал я Кириллу, который теперь отпаивал меня зелёным чаем с базиликом, - как Игорь может быть моей проекцией? Мы же на одной линии, мы же лучшие друзья... по крайней мере были...
- Так получилось, такова жизнь, - неопределённо ответил Кирилл. - Никогда не знаешь, что получишь и в каком виде.
- И часто так бывает?
- Я такое первый раз вижу... На самом деле, это твоя вторая особенность, которая, судя по всему, и даёт тебе силы. Несколько твоих проекций находились очень близко друг к другу и в какой-то момент оказались на одной линии, а потом ещё и встретились. С тех пор каждая из них росла и набиралась сил.

Кирилл мог не продолжать, я уже итак понял сам, о чём он.

- Я, Игорь, Дима и Сергей?
- Да.

Мы оба замолчали, а я пытался переварить полученную информацию.

Получается, что какая-то часть меня была не только Игорем, но и Димой, и Сергеем. Причём последние две части убила первая часть меня в лабиринте. Игорь убил, но чувствовалось так, будто это сделал я сам. И, возможно, сделал он это вполне осознанно, и, если бы я не сумел тогда выбраться оттуда, то сейчас и меня не было бы.

- Как это странно! - проговорил задумчиво я. - Потерять своё «я», уступив его кому-то другому, уступив своему другу... пусть и бывшему.
- Ладно, не зацикливайся на этом, а то ещё заклинит, потом не вытацишь, - перебил мои мысли Кирилл, - давай лучше пройдемся и поговорим.

Он встал из-за стола и с лёгкостью прыгнул с балкона на землю. Я прыгнул за ним. Мы поравнялись и пошли в сторону от моря, к берёзовому лесу в ста метрах от дома.

- И не расстраивайся по поводу Димы и Сергея — они были слабыми и не представляли собой ничего особенного, - цинично объяснял Кирилл. - Я понимаю, что ты к ним уже привязался, но поэтому я тебя и научил отвязываться.
- Пока мне это сложно сделать, - смущённо произнёс я. - Они же по сути были частью меня.
- Они были твоими проекциями, теперь их нет, как, например, нет Сергея Ивановича, Саймона, Рофенара и многих других. Так что смирись! - жёстко и настойчиво произнёс Кирилл.
- Я, наверно, должен обладать их воспоминаниями...

Кирилл покачал головой и с напором проговорил:

- Брось эту идею! Оно так не работает. Конструктор не должен цепляться за

воспоминания своих проекций, иначе ему не перетащить на плечах этот тяжкий груз! Единственное, что можно сделать толкового с лишними воспоминаниями — это избавиться от них.

Мы вошли в лес и теперь шли по тропинке. Лес на удивление был ярким и светлым — все берёзы были молодыми и чистыми, как на подбор, пол был устлан жёлтыми и красными листьями, хотя на самих деревьях уже висели молодые ярко-зелёные листочки — как будто весна сменила осень, не дав лесу прийти в себя. Где-то вдали щебетали птицы, а у ног, в траве, кипела жизнь насекомых.

- Всё это не должно тебя заботить, - продолжил наставлять Кирилл. - Тебя должен заботить Игорь, так как он, в отличие от двух твоих других друзей, всё это время аккумулировал энергию не меньше твоего. Ты рос и развивался, он делал тоже самое. Каждый раз, как ты освобождался от какой-нибудь своей проекции, Игорь получал от неё столько же энергии, сколько и ты...
- Ты хочешь сказать, что Игорь — тоже конструктор?
- Нет, - покачал головой Кирилл, - он нечто похуже и посерьёзней. Я таких как он называю словом «деструктор». Если цель конструктора — собрать себя с разных линий и стать свободным, то его цель — собрать себя, а потом разнести себя по линиям.
- То есть у нас с ним диаметрально противоположные цели? - спросил я.
- Финальная цель — да. Промежуточная — собрать себя — у всех одинаковая. А это означает, что ты сейчас стоишь у него на пути, ему нужно поглотить тебя — только тогда он сможет раскидать себя по разным уголкам многомерной вселенной.
- Я не понимаю. Какой в этом смысл? - с нескрываемым удивлением спросил я.
- Деструкторы считают, что свобода заключается именно в этом. Я их не понимаю, и, честно говоря, не очень стремлюсь понимать.

Кирилл остановился и с сожалением произнёс:

- Я должен был решить проблему с Игорем раньше, и я пытался это сделать... Но в начале я его недооценил, а потом в игру вмешался один мой старый знакомый-деструктор, сделавший ставку на Игоря.
- У тебя есть знакомый, который себя разнёс по линиям? - удивлённо хмыкнул я.

Кирилл еле заметно погрустнел и продолжил движение.

- Нас с ним связывало многое одно время... Но потом пути разошлись, и я перестал его совсем понимать. И только сейчас мне стало ясно, что же с ним произошло на самом деле...

Кирилл взглянул на меня с улыбкой.

- Не знаю, осознаёшь ты это или нет, но ты помог мне с решением одной проблемы...
- Как? - не понял я.
- Ты помог мне разгадать загадку сорок первого.
- Кто такой сорок первый? - спросил я.
- Это мой друг, балбес! - рассмеялся Кирилл. - Чего тут непонятного?!

– Ничего непонятно, - покачал я задумчиво головой.

Мы продолжили движение. Тропинка петляла между деревьями, но где-то вдалеке уже проглядывался отблеск озера. Я вернул тему беседы в старое русло:

– И что же мне делать? Игорь хочет убить меня, а мне надо хотеть убить его?

Кирилл хмыкнул.

– Не всё так просто. Ты не сможешь его убить. Даже мне не удалось этого сделать. Впрочем, может быть, создатели были против этого?

Я вопросительно взглянул на Кирилла. Он в ответ только утвердительно покачал головой.

– У них там какие-то свои игры... Впрочем, это неважно, ты же видел его сам, видел во что он превратился? Игорь — это существо, прыгающее с линии на линию, существо с очень короткой памятью. Даже, если ты его физически убьёшь, он об этом позабудет в следующее мгновение. Его просто так не взять...

– И как же мне тогда быть?

Мы подошли к озеру. Оно раскинулось перед нами на несколько километров. Поверхность была настолько гладкой, что казалось, что это не жидкость, а отполированный металл.

– Я бы тебе с удовольствием всё рассказал, - с сожалением произнёс Кирилл. - Но я чувствую, что мне этого делать нельзя. Как я уже сказал, у создателей какая-то своя игра. Тебе придётся симпровизировать.

Я с нескрываемым удивлением посмотрел на Кирилла.

– Ты мне всё время втираешь, что быть конструктором — это быть свободным, но на самом деле ты не свободен, а слушаешься указаний каких-то там создателей.

– Всё не так, - спокойно возразил Кирилл. - У нас с ними есть договорённости, и мы слушаем друг друга. Они не властны надо мной, но из уважения к ним, мы иногда идём им навстречу...

Я хмыкнул. Всё это звучало как слабая отмаза — как будто Кирилл придумал для себя объяснение того, почему именно он слушается вышестоящее руководство.

– Верь, во что хочешь, - только и ответил он мне на это.

Он окинул взглядом озеро и посоветовал:

– Что бы ни случилось, помни про стазис.

Кирилл по-отечески посмотрел на меня и заключил:

– А теперь тебе надо найти Игоря и поставить точку во всей этой странной истории.

Я улыбнулся.

Последняя «.»

Рома, Игорь

Гроза поднялась не на шутку. Суходольское озеро, которое до того было спокойным и неподвижным, теперь бушевало и вздымалось. Даже деревья, окаймлявшие его со всех сторон, не могли ничего с этим поделать — создавалось такое ощущение, будто что-то

мутит воду из самого озера.

Рома стоял с одной стороны озера, Игорь — с другой. Между ними было расстояние в несколько километров. Если бы один закричал, то другой ничего бы не услышал — так, по крайней мере подсказывали законы физики. Но несмотря на это Игорь кричит:

- Ромка, не уж-то ты? В этот раз не убежишь?
- В этот раз я хотя бы понимаю, что происходит, - спокойно отвечает Рома.

Игорь делает шаг вперёд и вода под его ногами и вокруг него замерзает — как поднялась, так и замёрзла в странные неровные фигуры.

- А я-то думал, что это с тобой такое случилось? - продолжает Рома, а сам стоит не шелохнувшись, - а оказывается ты просто решил убить всех своих друзей.
- Я решил убить?! - в возмущении восклицает Игорь и ускоряет шаг. - Ты мне сейчас решил врать в лицо? Это после всего того, что я сделал для тебя и для Димы? И это ты мне будешь говорить о том, что я убил, хотя прекрасно помнишь, кто спихнул Диму с обрыва!

Шаги Игоря противоречат законам физики — хотя расстояние между его ног не изменилось, расстояние под ногами как будто сжимается.

- Я прекрасно помню, кто его толкнул, да, - отвечает Рома. - Тот же, кто убил Сергея.
- Кого? - с презрением спрашивает Игорь. - Я не помню никакого Сергея!
- Это очень показательно, - замечает спокойно Рома, не двигаясь с места. - Удивительно, что ты всё ещё помнишь меня и Диму!
- Я помню только то, что нужно и тех, кого нужно. Но скоро я тебя позабуду!

Ещё один шаг, и Игорь оказывается рядом с Ромой. Он сходу делает удар рукой, но Рома делает шаг назад, и Игорь промахивается. Рома контратакует, бросаясь всем телом, вытянув вперёд две руки, но Игорь поворачивает корпус и отскакивает в сторону. Его сандалии упираются в посыпанную песком плиту.

- Ты посмотри, что делаешь! - замечает Рома. - Ты же себя не контролируешь.
- Не заговаривай мне зубы, - отвечает Игорь.

Они вдвоём стоят по середине арены. Трибуны пусты, палит яркое солнце, в воздухе висит трупный запах.

Игорь хватается копьём, воткнутое в землю рядом с ним, и молниеносно кидает в сторону Ромы. Но копьё не долетает, распадаясь на щепки по пути. Рома в ответ делает жест рукой и сбивает Игоря с ног. Тот переворачивает всё с ног на голову, и вот уже Рома лежит на земле, а Игорь стоит на ногах.

С криком, полным ненависти, Игорь мчится к Роме, меняя пространство вокруг себя. Арена сменяется крышей небоскрёба. Прыжок, и Игорь подлетает к Роме с мечом в руках. Но Рома делает ловкое движение ногами, и выбрасывает Игоря через край крыши мощным толчком в грудь.

Тишина. Только ветер гуляет по небу, дёргая Рому за волосы.

Рома подходит к краю, но нигде Игоря не видит. Он стоит, и чувствует, как крыша начинает засасывать его ноги.

- Ты слишком заиклен на одной линии! Ты слишком привязан к себе! - произносит крыша голосом Игоря. - Тебе не победить.
- Зато я знаю, что ничего из этого не существует, - возражает Рома и взмывает ввысь.

Игорь мчится за ним. Каждый из них движется с ускорением. Один — для того, чтобы убежать, другой — для того, чтобы догнать. Они быстро покидают орбиту земли, затем — силой мысли, скачкообразно перемещаются за пределами солнечной системы, галактики млечного пути, вселенной... Рома петляет и бросается в сторону альтернативной вселенной.

- Мне надоело играть с тобой в догонялки! - яростно кричит Игорь. - Пора закончить!

То, что Роме даётся с трудом, Игорь делает с лёгкостью — он перебрасывает себя и Рому в другой мир. Над ними зелёное небо, а вокруг них странные красные деревья на яркой жёлтой почве. Оба стоят в метрах трёх друг от друга, не шелохнувшись. На обоих кобуры с пистолетами, стоят и ждут.

- Мы так можем долго продолжать, - замечает Игорь. - Но тебе меня просто так не одолеть.
- Тебе тоже со мной просто так не справиться, - отвечает Рома.
- Один раз практически справился, не хватило совсем чуть-чуть.
- У тебя был плохой учитель, раз ты не смог воспользоваться своим шансом, - с улыбкой бросает Рома.
- У меня нет учителя! - выкрикивает Игорь и резким движением достаёт револьвер и стреляет.

Пуля пролетает сквозь Рому, не оставляя ни единой царапины.

- Как же ты ещё не понял, что меня так просто не убить?! Разве Кирилл тебе не рассказал, как себя вести?
- Ещё один предатель! - выкрикивает Игорь. - Тот пытался меня несколько раз убить, и у него ни черта не получилось! И у тебя не получится, предатель!

Игорь делает взмах руками и разделяет себя на пять частей. Пять совершенно одинаковых Игоря теперь стоят вокруг Ромы.

- Это что-то новенькое, - замечает он. - Но ты, конечно же, понимаешь, что теперь каждый из вас имеет лишь одну пятую общей силы?

Кольцо из Игорей медленно сжимается.

- В этом твоя проблема! - продолжает Рома. - Ты умеешь только разрушать! Сейчас ты себя разорвал на пять частей, потом разорвёшь ещё на большее число, тем самым ты окончательно потеряешь себя!

Рома прыгает и опять устремляется в небеса. Но все Игори бросаются за ним. Каждый из них разделяется ещё на пять частей, а каждая из тех частей — ещё на столько же. Рома пытается улизнуть, но Игори формируют сферу вокруг него, хватая друг друга за плечи и ноги, и быстро начинают сжимать. Рома пытается вырваться, но не удаётся.

Игорь хватается Рому многочисленными руками по всему телу, крепко держит его ноги, руки, туловище, голову и держит руки на его шее, сдавливая всё сильнее, и смотрит в его

глаза, пытаюсь вытянуть его через зрачки.

– Теперь не уйдёшь, - сквозь зубы шипя произносит он.

Рома поддаётся и пускает Игоря внутрь себя, в темноту. Там, в темноте Игорь мечется в привычной форме пузырька в поисках своего противника.

– Где ты?! Хватит прятаться! - орёт он.

Рома сидит, притаившись в тёмном углу, свернувшись калачиком. Если Игорь его найдёт, то это конец. А он найдёт. Ещё несколько мгновений в своей форме, и всё. Каково это будет перестать существовать?

Как быть Роме? Как бы ему собрать другой мир и перенестись туда в таком состоянии, будучи скованным Игорем?

Яростный красный пузырь мечется в темноте и кричит, пытаюсь найти Рому. На поиски у него уходит около минуты, и вот, он выплывает из ниоткуда, прямо перед Ромой и довольно изрекает:

– Нашёл! Теперь-то ты от меня никуда не денешься.

Игорь открывает рот и резким, быстрым движением засасывает Рому.

Кажется, Кирилл говорил о том, чтобы Рома не забывал о стазисе, - приходит последняя мысль в его голову. Стазис сейчас — это его единственное спасение.

Растворяясь в красном пузыре, Рома делает последнее усилие и рефлекторно направляется к своему спасению, в стазис. Только в этот раз он прихватит с собой Игоря...

Многоточие

Я сижу на краю обрыва свесив ноги. Всё произошедшее со мной кажется каким-то невероятным сном. В голове не вмещается всё то количество жизней, которое я пережил за это время. Всё то, что я натворил, все те ошибки, что я совершил, все чувства, которые я испытал, все те знания и умения, что я получил... Как одно существо может вместить в себя столько всего? Невероятно!

Я делаю глубокий вдох и такой же глубокий выдох.

Кажется, на этом всё. Я всё перепросмотрел. Всё самое важное. Мне никто об этом не говорил, но я понял, что так надо — как будто сила внутри меня мне подсказала. Мне больше не нужны подсказки Кирилла или советы Союзника. Я могу идти по пути сам.

Я больше не сомневаюсь в том, сумасшедший я или нет, было ли это всё на самом деле или только привиделось, выдумал ли я эту историю сам или же кто-то ещё. Это всё не имеет сейчас ни малейшего значения.

Всё!

Я закрываю глаза и совершаю прыжок с обрыва.

Полёт длится несколько секунд, после чего чувство падения сменяется чувством невесомости, а затем чувством покоя. Я знаю, что я в алмазном кругу.

Я открываю глаза.

Я в большой просторной комнате, которой не видно ни начала, ни конца. Пол и потолок белоснежные, по пространству хаотично разбросаны кресла, стулья, кровати и

диваны. В комнате сидят разные существа: люди, животные, человекообразные роботы — всё, что только можно представить и придумать. Они неспешно переговариваются, некоторые создают какие-то неразборчивые голограммы в своих руках. Ко мне подходит белобрысый мальчик, на вид лет десяти.

- Как хорошо, что ты всё-таки к нам присоединился, - говорит он. - Мы тут делали ставки на то, кто же из вас победит... Это была интереснейшая игра!

Существа смотрят на меня с одобрением, некоторые из них щёлкают с удовлетворением. Они неожиданно встают и начинают хлопать.

- Молодец! - кричат они. - Здорово ты всех обставил! Отличная игра! Bravo!

Я смущённо благодарю и кланяюсь. Мы присаживаемся в два чёрных кожаных кресла с идеальными квадратными сторонами, а аплодисменты затихают. Кажется, все опять возвращаются к своим делам.

- Боюсь, нас не представили, - отвечаю я.
- Я создатель, - отвечает мальчик. - И ты теперь тоже. Не знаю, о чём тебе рассказывали твои друзья, но ты сделал правильный выбор. Потому что быть создателем означает быть истинно свободным.
- Вы все так говорите, - полушутя возражаю я, окидывая комнату взглядом.

У мальчика появляется в руках бокал с прохладным австрийским Рислингом, а у меня — бокал с любимым виски.

- Ну, ты сам посмотришь и решишь, так оно или нет, - улыбается он.
- И что же вы тут делаете?
- Мы создаём миры в многомерной вселенной и поддерживаем их. Конструкторы помогают нам модерировать их и выполняют наши задания. В твоём мире, кстати, были очень большие проблемы, и без твоей «.» мы бы не справились, - он произнёс слово «.» так естественно, что я даже и не понял, как и чем он это сделал.
- А что там было не так? - не понимаю я.
- Я не могу тебе всё рассказать, так как тебе не положено вмешиваться в работу своего родного мира. Но достаточно сказать, что Игорь помог решить проблему с истинно свободным средством массовой информации, Рома — открыл глаза людям на природу вещей, а Дима — обратил внимание людей на то, как же прекрасна жизнь.

Я улыбаюсь, так как теперь всё встаёт на свои места.

- Это всё чудно! Но что же мне делать теперь? - спрашиваю я.
- Создатели вольны делать всё, что захотят, - небрежно отвечает мальчик. - Но обычно мы играем в игры. Мы создаём миры, наделяем их энергией, в них зарождается жизнь, а дальше мы наблюдаем за тем, как она развивается и куда движется.
- Не очень увлекательно звучит, - замечаю я.
- Это так кажется на первый взгляд, - с энтузиазмом произносит мальчик. - Ты попробуй, тебя потом будет не оторвать!

Я только улыбаюсь в ответ, делаю глоток из бокала и смотрю вокруг.

- Кстати, - неожиданно вспоминаю я. - Если создатели создали вселенную, то кто же создал создателей?

Мальчик заливается детским хохотом и хватается за живот. Остальные создатели вокруг так же начинают смеяться. Вся комната не может успокоиться в течение нескольких секунд. Я рефлексивно посмеиваюсь, глядя на него и создателей вокруг с улыбкой, хотя ничего не понимаю. В конце концов он успокаивается и поясняет:

- Кирилл — конструктор с очень тонким чувством юмора. Он тебе, небось, сказал, что это важнейшая информация, которую ты должен обязательно передать?
- Что-то типа того, - соглашаюсь я.
- Так вот, Кирилл уверен, что он — единственное свободное существо в мире, и что все остальные просто выполняют чужие указания. Поэтому он постоянно терроризирует нас подобными вопросами, намекая на то, что мы узники своих миров.
- И он не прав?
- Он не прав, потому что это он выполняет наши поручения, а мы — делаем то, что захотим. Создатель — это единственное свободное существо в мире.

Я понимающе киваю и делаю глоток из бокала с виски, предварительно подогрев его силой мысли до двадцати трёх градусов, чтобы раскрылся аромат. Я принимаю к своему напитку, чувствую неожиданный яркий аромат сандаловых палочек, и в голову почему-то приходит совершенно не связанная с виски мысль, из-за чего я немного грустнею.

Мальчик задумчиво смотрит на меня. Он качает головой и вздыхает.

- Как же я не заметил ранее? Ты же пока не можешь с нами остаться, - изрекает он.
- Почему это? - удивляюсь я.
- Потому что у тебя есть какое-то неоконченное дело, - пронизательно и с упором отвечает он. - Я не знаю, какое именно, но оно явно выступает. Ты не сможешь двигаться дальше, пока не закончишь его.
- Да, ты прав. Есть одно, - соглашаюсь я, поражаясь его прозорливости.
- Ну, тогда вначале закрой его, а потом возвращайся к нам. Хорошо?
- А так можно? - удивляюсь я.
- Так нужно. Тебя ничто не должно связывать с твоей прошлой жизнью.
- Хорошо, - соглашаюсь я.

Я встаю с кресла, ставлю бокал виски на ручку кресла и иду к выходу из комнаты. Но в тот самый момент, когда я открываю дверь, мальчик окликает меня и спрашивает:

- А что у тебя за дело?

Я расплываюсь в улыбке, и не поворачиваясь к нему, глядя вперёд на мир за дверью, отвечаю:

- Мне надо найти Дагни.